Б. А. Рыбаков

Ремесло Древней Руси

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

К56
В библиотеку Института археологии АН СССР от автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б. А. Рыбаков

РЕМЕСЛО ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1948

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик Б. Д. ГРЕКОВ

Отделение
ИИМК СССР
при Институте археологии
4158 √20

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задачей предлагаемой работы является изучение важнейшей части того хозяйственного фундамента, на котором строилась блестящая культура Киевской Руси, а впоследствии создавалось русское национальное государство — изучение промышленности, ее техники, организации и ее удельного веса в общей системе русского исторического процесса.

Количество разнообразных источников по истории русской средневековой промышленности в настоящее время значительно возросло по сравнению с тем их объемом, которым располагал в 60-х годах Н. Аристов, создавая свою работу «Промышленность древней Руси».

Обилие новых, в большинстве своем неопубликованных, материалов потребовало новой сводки фактических данных и новой их исторической интерпретации в соответствии с современным уровнем научной мысли, обогащенной марксистско-ленинским мировоззрением.

Основные фазы развития русской докапиталистической промышленности определены В. И. Лениным так:

«Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя... Будучи необходимой составной частью городского быта, ремесло распространено в значительной степени и в деревнях, служа дополнением крестьянского хозяйства...»[1]

Далее В. И. Ленин намечает постепенный переход отдельных мелких товаропроизводителей к производству на рынок:

[1] В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. III, стр. 254, 255; по 4 изд. стр. 285, 286.

«Постепенность перехода усиливается еще тем, что рынок для сбыта изделий бывает первоначально крайне узким, так что расстояние между производителем и потребителем увеличивается весьма незначительно... Дальнейшее развитие товарного хозяйства выражается расширением торговли, появлением специалистов торговцев-скупщиков; рынком для сбыта изделий служит не мелкий сельский базар или ярмарка, а целая область, затем вся страна, а иногда даже и другие страны».[2]

Господствовавшей формой русской средневековой промышленности было ремесло. Только некоторые отдельные производства переросли уровень ремесленной промышленности и достигли более высоких ступеней развития, вплоть до сбыта товаров на широкий рынок (в том числе и внешний) при посредстве скупщиков (см. разделы «Производство стекла» и «Овручские камнерезы»). Ремесло как основная форма феодальной промышленности определило название данной работы.

Хронологические рамки требуют некоторых обоснований. Работа распадается на две части:

1) с древнейших времен до середины XIII в.

2) с середины XIII в. до второй половины XV в.

Внутри этих крупных отрезков времени необходима дополнительная более детальная периодизация. Так, прежде всего, необходимо в первой части подробно остановиться на происхождении русского ремесла, на эпохе, предшествующей созданию Киевского государства.

Необходимость эта вызвана прочно укоренившимися в буржуазной исторической литературе норманнистическими воззрениями, принижавшими древнюю славянскую и, в частности, русскую культуру. Нигде не было такого произвола норманнистических фальсификаций, как в области славянских древностей IV—IX вв.

Вся культура восточных славян приписывалась творческой роли готов или варягов, весь яркий археологический материал объявлялся готским, а славянам отводилась роль пассивных дикарей — «вынужденных амфибий», по выражению Я. Пейскера, заставляющего вспомнить известную оценку М. В. Ломоносова, данную им русской грамматике А. Шлецера, в которой последний всяческими фальсификациями пытался приписать всю русскую культуру влиянию германцев: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина».[3]

[2] В. И. Ленин, Соч., 2-е изд., т. III, стр. 257; по 4 изд. стр 288

В еще большей мере эта прямая и беспощадная оценка приложима к фашистским «теоретикам», пытавшимся объявить славянские народы неполноценными в культурном отношении.

Произведенный пересмотр готской проблемы показал, что весь материал, привлекавшийся подобными «теоретиками» для ее решения в пользу «великой германской расы», на самом деле является очень ценным источником для воссоздания истории славянских племен Среднего Приднепровья в венедский (IV—V вв.) и антский (VI—VIII вв.) периоды, связывающим историю Киевщины и Поросья в один непрерывный исторический процесс ст первых веков нашей эры до расцвета Киевской Руси.

В качестве хронологического рубежа между первой и второй частью взят наиболее определенный исторический момент — нашествие монголов 1237—1241 гг., приведшее к разгрому и расхищению русских культурных ценностей и задержавшее развитие русской культуры на целых полтора столетия.

Значительно труднее определить границы второй части. Эпоха Ивана III, эпоха создания обширного национального государства, сама по себе является хронологическим рубежом, отделяющим раздробленную удельную Русь от нового государства, причем и по характеру источников и по отраженным в них новым отношениям время Ивана III (1462—1505) в большей мере связано с последующим периодом, чем с пройденным. Все это заставило довести исчерпывающее изложение, примерно, до 1462 г., а материалы конца XV в. использовать лишь в той мере, в какой они были необходимы для получения исторической перспективы, для определения результатов предшествующего развития. Считая, что изучение русского ремесла конца XV в. должно быть произведено в связи с историей ремесла XVI в., я пользовался материалами этой переходной эпохи для ретроспективного освещения более раннего времени, источники по которому несравненно скуднее.

Внутри каждой части материал сгруппирован следующим образом: во-первых, везде проведено разделение на городское и деревенское ремесло, а, во-вторых, анализ техники и обзор сохранившейся продукции выделены в особые разделы, а социальная

[3] М. В. Ломоносов. О издающеюся в печать Шлецеровой грамматике российской. — Полное собр. соч. русских авторов. Соч. Ломоносова, т. I, СПб., изд. Александра Смирдина, 1847, стр. 763.

организация ремесла и положение ремесленников — в другие разделы.

Большое внимание уделено технике каждого производства, так как зачастую только внимательный анализ техники позволял определять дату, устанавливать направление развития ремесла, а в некоторых случаях восстановление технологического процесса позволяло определять организацию ремесла.

Для эпохи XI—XIII вв. состояние источников позволило посвятить особую главу формам сбыта и определению районов сбыта ремесленной продукции. В связи с тем, что ленинская периодизация истории промышленности основана на формах сбыта и связей производителя с потребителем, данная глава представлялась совершенно необходимой, хотя речь в ней идет не столько о ремесле, сколько о торговле.

Во второй части особая глава отведена проблеме ремесленных корпораций в крупных русских городах XIV—XV вв. Таким образом, вся работа подразделяется на следующие главы:

Часть первая

Глава I. История вопроса, источники и методы работы
II. Происхождение русского ремесла (IV—VIII вв.)
III. Деревенское ремесло IX—XIII вв.
IV. Городское ремесло IX—XIII вв.
V. Сбыт продукции в IX—XIII вв.
VI. Ремесленники: а) деревенские, б) вотчинные, в) городские.

Часть вторая

Глава VII. Влияние татаро-монгольского нашествия на развитие русского ремесла
VIII. Деревенское и вотчинное ремесло XIII—XV вв.
IX. Городское ремесло XIII—XV вв.
X. Городские ремесленники XIII—XV вв.
XI. Организация городских ремесленников XIV—XV вв.
XII. Заключение

Автор лучше, чем кто-либо из читателей, сознает недостатки своей работы. Многие из разделов книги требуют дальнейшего тщательного доследования и могут быть расширены до пределов самостоятельных монографий. Это — дело будущего.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВОПРОСА, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ РАБОТЫ

Три важнейших раздела средневекового хозяйства — земледелие, ремесло и торговля — очень неравномерно представлены в русской историографии. Больше всего внимания было уделено древнерусской торговле; многочисленные исследования историков, экономистов и юристов позволили создать разработанную историю внешних торговых связей. При создании той или иной исторической концепции обычно принимались во внимание вопросы внешней торговли, интересами которой часто объясняли многие явления политической жизни древней Руси.

Одностороннее изучение торговли нередко приводило к переоценке ее исторической роли и к искаженному изображению всей средневековой экономики. Почти во всех работах русских историков торговля заслоняла собой ремесло, импорт подменял местное производство. История русского ремесла оставалась в тени; специальных исследований написано было мало, а написанное очень незначительно влияло на общеисторические работы. В слабой изученности русского ремесла в значительной мере повинны наши письменные источники XI—XV вв., скупые в отношении фактов производственной жизни.

Впервые ремесла упомнаются в связи с мифами о языческих богах и героях. Древнейшее упоминание мифов, связанных с происхождением ремесел, мы находим в переведенной еще в XI в. хронике Георгия Амартола: «Зевесь бо, глаголють, созданию козни обретатель бысть... Нифест [Гефест] же коузньцю... Афина же ткание, Ира [Гера] же одежею, Димитр же ролью...»[1]

[1] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнеславянском переводе, т. I, СПб., 1920, стр. 62. — Миф о Гефесте («Феосте») был известен и по хронике Иоанна Малалы, переведенной также в раннее время русской книжности.

Ипатьевская летопись передает по случайному поводу интересный миф о языческом боге-кузнеце Свароге. Этот бог в представлении киевлянина XII в. смешивался с греческим Гефестом, но место его деятельности перенесено в Египет, очевидно, в связи с тем, что Египет считался колыбелью человеческой культуры. До Сварога люди не платили дани царям, не знали моногамной семьи и вместо оружия «палицами и каменіем бьяхуся».

При Свароге-Гефесте «спадоша клещѣ с небесѣ, нача ковати оружье», затем он установил единобрачие, а при сыне Даждьбоге Солнце «начаша человѣци дань давати царям».[2]

К сожалению, эту любопытную страницу русской языческой космогонии мы узнали лишь случайно, благодаря тому, что автор летописи, побывавший в Старой Ладоге, решил рассказать о стеклянных бусах, вымываемых Волховом, и для убедительности сообщил несколько других легенд, в том числе и легенду о падении клещей с неба.

Хронистов и историков XVI—XVII вв. история ремесла не интересовала. Даже специальные работы по экономике русского государства в XVII в. (Г. Котошихин, Ю. Крижанич) не содержат никаких исторических ссылок.

В. Н. Татищев был первым русским историком, обратившим внимание на важность и историческую роль ремесла. В этом сказался и характер всей его эпохи и деятельность самого Татищева в области русской промышленности.

Разбирая причины возникновения государства, Татищев пишет, что, помимо необходимости совместной защиты, объединение вызывалось разделением труда и возникавшим из него обменом: «для того разных промыслов и ремесл люди совокупились, дабы всяк свободно потребное себе в близости достать... и все обще о пользе и защите всего сообщества обязались, чрез что гражданство начало возъимело».[3]

Если Татищев совершенно правильно связывал происхождение городов с развитием ремесла («ремесла — причина градом»),[4] то Н. М. Карамзин считал ремесла производными от города, говоря, что «... торговля, роскошь, мало-помалу образовали людей особенно искусных в некоторых художествах...»[5]

Ремеслу в карамзинской истории отведено очень скромное место; обычно он ограничивается беглыми упоминаниями.[6]

Специальное изучение русского ремесла началось, естественно, с того исторического периода, от которого дошло наибольшее число разнородных источников, т. е. с XVI—XVII вв.[7] Предшествующий период из-за скудности материалов долго не привлекал исследователей.

В 1837 г. вышла в свет первая история русской промышленности, в которой несмотря на краткость изложения и отсутствие аргументации содержится ряд полезных сведений.

Являясь безымянным дополнением к переводной истории промышленности, эта русская статья оказалась значительно серьезней и научней своей французской основы.

Вся история русской промышленности разбита автором на 5 периодов: 1) с древнейших времен до начала XIII в., 2) с начала XIII в. до половины XVI в., 3) с половины XVI в. до начала XVIII в., 4) XVIII в., 5) 1800—1837 гг.[8]

Этому делению нельзя отказать в известной органичности. Понимая под промышленностью все хозяйство вообще, автор отмечает важную роль земледелия в экономике древних славян и подробно останавливается на выделке оружия и разных хозяйственных предметов русскими ремесленниками. Правильно подмечены положительное влияние Византии на развитие русского ремесла и отрицательная роль монголов.[9]

---

[2] Ипатьевская летопись 1114 г.

[3] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, ч. 1, М., 1768, стр. 531. — Интерес к ремесленникам виден у Татищева и в самом изложении русской истории. См., напр., описание событий 1113 г.

[4] Там же, стр. 531.

[5] Н. М. Карамзин. История государства Российского, СПб., 1830, стр. 294.

[6] Глава «Художества» в III т. «Истории государства Российского», построенная на очень отрывочном материале, содержит неверный фактически вывод, что до 1194 г. не было русских зодчих и художников.

[7] А. Корнилович. Известие об успехах промышленности в России, в особенности при царе Алексее Михайловиче. — «Северный архив», 1823, ч. 5, № 1. — Любопытно, что первое исследование промышленности принадлежит перу видного декабриста; С. М. Соловьев. Русская промышленность и торговля в XVI в. — «Современник», 1857, т. LXI, № 1 и 2. — Этими работами была открыта целая серия исследований по экономике русского государства XVI—XVII вв. Наиболее свежей обобщающей работой по русскому ремеслу является статья Б. Н. Тихомирова. «Ремесло в московском государстве XVI в.» — ИАН ООН, 1933, № 2.

[8] «Краткое начертание всеобщей истории промышленности», ч. 2 — История промышленности России, СПб., 1837.

[9] Там же, стр. 3—7.

Возрождение ремесла связывается с усилением политического значения Москвы. Не оставлена в тени и социальная сторона.[10] Все это делает данную работу интересной и четкой по своим выводам.

В первой половине XIX в. начал накапливаться археологический материал, познакомивший ученых с подлинными произведениями древнерусских мастеров.

Находка так называемой «черниговской гривны» в 1821 г. и знаменитого старорязанского клада вещей с перегородчатой эмалью в 1822 г. вызвала к жизни обширную литературу и впервые пробудила интерес к русским древностям.[11]

В 1824 г. в Киеве был найден второй клад вещей с эмалью, вскоре бесследно исчезнувший.[12]

Интересно отметить, что клад, попавший в руки к антикварам, вызвал целый ряд подражаний. Поддельные вещи, изготовленные ювелиром XIX в., своею грубостью подчеркивают тонкость и изящество подлинных произведений древнерусского искусства.[13]

В 1822 г. появляется первая сводка известных тогда древнерусских вещей.[14]

В сороковые годы XIX в. была предпринята широкая публикация произведений древнерусского ремесла, преимущественно ювелирного. И. Снегирев издает свои «Памятники Московской древности», в которые включены и вещи домонгольской эпохи,[15] и вслед за ними — роскошно иллюстрированные «Древности Российского государства», снабжая оба издания разысканиями о технике изготовления, стиле и датировке издаваемых предметов.[16] Изредка в это время появлялись статьи о технике древнего ремесла[17] и публикации отдельных музейных собраний.[18] Собственно археологический материал, добытый путем раскопок, еще очень мало вошел тогда в обиход науки. Раскопки среднерусских курганов, начавшиеся в 1838 г.,[19] прошли незамеченными для историков.

Первые работы по специальному исследованию древнерусского ремесла принадлежат И. Е. Забелину.[20]

Забелиным использованы все виды исторических источников, известных в его время. Он одинаково включает в свое исследование и выписки из летописи, житий и грамот, и рецепты XVII в., и подлинные древние вещи, анализируя технику их изготовления. К сожалению, древнейшая эпоха истории русского ремесла с X по XV век освещена в обеих статьях крайне сжато.

В середине XIX в. у историков появляется интерес к социальной истории древнерусского города и, в частности, к истории ремесла и положения ремесленников.[21] Из числа этих работ особо следует выделить статью В. Н. Лешкова, положившую начало дискуссии о русском цеховом строе.[22] Противниками Лешкова в этом споре были

---

[10] «Богатство было уделом некоторых бояр и больших торговых городов... Народ бедствовал в крайней нищете». — Там же, стр. 15.

[11] В. Анастасевич. Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове. — «Отечественные записки», 1821, ч. VIII, № 20; К[а ч е н о в с к]ий. Разыскания по поводу старинной золотой медали, недавно открытой. — «Вестник Европы», 1822, № 4, 5, 6, 10, 15; [С. Е. Латаков]. Записка о найденных в земле 6 июня 1822 г. золотых вещах в Рязанской губернии. — «Труды Вольного Общества Любителей Российской Словесности», 1822, ч. XIX, № IX [А. Н. Оленин]. Рязанские русские древности или известия о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 г. близ села Старая Рязань, СПб., 1831. — На основании ошибок в надписании греческих имен на больших колтах с эмалью (Варовара, Орина) Оленин делает вывод о русском производстве этих эмалей, но датирует их очень расплывчато — от 1210 г. до 1568 г. (стр. 35 и 51).

[12] Н. П. Кондаков. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода, т. I, СПб., 1896.

[13] Д. В. Айналов. Заметка о киевском кладе 1824 г. — ЗОРСА, П., 1915, т. XI. — Подделки из собрания П. Коробанова. Несколько подделок с фальшивыми паспортами («Киев 1824») хранятся в ГИМ, в Москве.

[14] П. Кеппен. Список русским памятникам, М., 1822.

[15] И. Снегирев. Памятники московской древности, М., 1842—1845 (с большим количеством литографированных таблиц).

[16] «Древности Российского государства», М., 1849, отд. I. — Окончено это издание в 1854 г.

[17] Напр., статья «О происхождении искусства золочения в России и следах древнего употребления сего искусства в отечестве нашем». — «Владимирские губернские ведомости», 1846, № 17.

[18] Напр.: Г. Д. Филимонов. Описание памятников древности церковного и гражданского быта Русского музея П. Коробанова, М., 1849. — Издаются также описания отдельных церковных и монастырских ризниц.

[19] А. Д. Чертков. О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н. А. Толстова. — «Русский исторический сборник», М., 1838, т. III.

[20] И. Е. Забелин. О металлическом производстве в России до конца XVII в. — ЗРАО, СПб., 1853, т. V; его же. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. — ЗРАО, СПб., 1855, т. VI.

[21] М. М. Михайлов. История состояния городских обывателей в России с самых древних времен до настоящего времени, М., 1849; Л. О. Плошинский. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейшего времени, СПб., 1852.

[22] В. Н. Лешков. Очерк древних русских законов о ремесленной и заводской промышленности. — «Москвитянин», 1852, декабрь, кн. I. — Свои

П. Рычков, Н. Степанов и И. Дитятин, возражавшие против сопоставления русского средневековья с западноевропейским.[23] Взгляды В. Лешкова были поддержаны спустя 30 лет М. Кулишером.[24]

Дискуссия о характере русского ремесла была в известной мере бесплодной, так как ни одна из сторон не располагала достаточными данными ни о степени развития ремесла, ни о его техническом уровне и основывалась преимущественно на спорных положениях. Изучение социальной истории ремесла велось оторванно от истории производства, и оба направления исследования ремесла существовали изолированно друг от друга.

Крупнейшим событием в историографии древнерусского хозяйства был выход в свет книги Н. Аристова — «Промышленность древней Руси» (СПб., 1866).

Понимая под промышленностью всю вообще хозяйственную деятельность человека, Аристов дал в своей работе первую сводку письменных источников X—XV вв. о земледелии, ремесле и торговле. Аристовым использованы летописи, грамоты, жития святых, сведения иностранцев, переводная литература и даже былины. Большую помощь в собирании этих материалов ему оказал словарь древнерусского языка И. И. Срезневского, использованный Аристовым в рукописи.

Письменные источники разработаны Аристовым для своего времени почти исчерпывающе, и в качестве сводки материалов его книга, не устаревшая до сих пор, послужила справочником не одному поколению историков.[25]

выводы Лешков повторил в более известной работе: «Русский народ и государство», М., 1858. — Подробный разбор взглядов Лешкова и его оппонентов см. ниже в последней главе.

[23] Н. Рычков. О цехах в России. — «Русский вестник», 1863, т. XLVII; Н. Степанов. Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западноевропейских государствах, Киев, 1864; И. И. Дитятин. Устройство и управление городов России, т. I, СПб., 1875.

[24] М. Кулишер. Цехи у нас и в Европе. — «Русская мысль», 1887, ноябрь — декабрь.

[25] Использование письменных источников не всегда сопровождалось надлежащим анализом их. Так, напр., Аристов пишет, что «оружие в древнюю пору бывало медное; это можно заключить из того, что в древних памятниках упоминаются секира медяна, рожанци медяны» (стр. 117, прим. 367), и забывает о том, что эти термины взяты из перевода библии, в терминологии оригинала которой действительно отложился древний слой VIII—VII вв. до н. э., когда медное (точнее — бронзовое) оружие бытовало на Ближнем Востоке.

К сожалению, Аристов обошел молчанием современный ему спор о цеховом строе и положении ремесленников и в очень малой мере использовал подлинные древние вещи, имевшие уже тогда свою литературу.[26]

В извинение Аристова можно заметить, что тогдашняя археологическая наука была еще очень бедна исследованиями. Выводы Аристова далеко не всегда могут нас теперь удовлетворить. Так, говоря о металлическом производстве, он приходит к неправильному заключению о том, что «Русские до XV века пользовались иностранными железными изделиями или вещами, выделываемыми кузнецами-иностранцами на Руси...»[27]

Скудность источников была принята Аристовым за скудность самого ремесла, и в заключительных главах он пытается объяснить низкий (по его мнению) уровень развития русской промышленности и оправдать русский народ ссылками на неблагоприятные природные условия. «Нельзя было ожидать движения и усовершенствования промыслов и ремесл в древней Руси, в обширной малонаселенной стране... Однообразие природы, обширность, пустота, суровые зимы, постоянная борьба с другими народами, плохие дороги приучили русского человека к стойкости и терпению, не возбуждая в нем новых потребностей и улучшения своего быта».[28]

Второй причиной замедленности развития промышленности, кроме суровой природы, Аристов считает состояние непрерывной подвижности русского народа: «Русский народ, рассыпанный на громадном пространстве, постоянно переходил с места на место, искал себе плодородной почвы, рыбных рек, бортных ухожаев и других богатых экономических условий природы. Это кочеванье, это искание льготной

Слишком много внимания уделено былинной терминологии, которая не может отражать определенную историческую эпоху. Необходимо, однако, отметить, что обычно Аристов осторожно относится к источникам, и приведенные примеры не характерны.

[26] Так, напр., говоря о золотых изделиях с финифтью (стр. 164) и приводя все летописные свидетельства, Аристов совершенно не упоминает ни клада 1822 г., ни других вещей, о которых писали Оленин, Забелин (см. выше) и Г. Д. Филимонов («Археологические исследования по памятникам. Оклад Мстиславова евангелия. Разбор древнейших финифтей в России», М., 1860). Вещи из курганов упомянуты им только однажды в связи с работой древних котельников (стр. 117). Не упомянут им даже список древнерусских мастеров, составленный Забелиным.

[27] Н. Аристов, Ук. соч., стр. 117. — Впрочем, это утверждение противоречит другому (стр. 166).

[28] Там же, стр. 257.

жизни не могло содействовать развитию ремесленности...» (Разрядка наша.—*Б. Р.*).[29]

Все эти положения нашли отражение и в тезисах, приложенных к книге.[30]

Одним из крупных недостатков работы Аристова является суммарное, нерасчлененное рассмотрение длительной эпохи с X по XV в. Попытки выделить особенности отдельных периодов не было сделано.

Вся система экономических взглядов Аристова могла возникнуть только при условии совершенной неразработанности вопросов древнерусского хозяйства. Но как бы то ни было «Промышленность древней Руси» долгое время оставалась единственной работой по истории русского хозяйства, и взгляды ее автора надолго определили отношение историков к ремесленному производству и его роли в истории Руси.

На следующий год после выхода в свет книги Аристова был организован русский отдел на Всемирной выставке в Париже,[31] в связи с чем Г. Д. Филимоновым были предприняты розыски старинных русских вещей в музеях и недоступных для ученых исследователей ризницах монастырей и соборов. Впервые произведения древнерусских ювелиров были выставлены рядом с византийскими и западноевропейскими вещами.[32]

Интерес к древнерусскому художественному ремеслу повысился. Одновременно с изучением истории ювелирного дела началось накопление рядового археологического материала благодаря широким курганным раскопкам. Массовое исследование курганов было начато работами А. С. Уварова в 1851 г. Всего им раскопано 7729 курганов в Суздальской Руси. А. А. Спицын совершенно справедливо называл эти раскопки варварскими и сожалел, что подавляющее большинство

---

[29] Н. Аристов, Ук. соч., стр. 244.

[30] Напр., тезис 1-й: «Истрачивая свой труд почти исключительно на добывание тех произведений, какие давала природа страны, наши предки не имели ни времени, ни уменья на их обработку и в сыром виде пускали их в оборот» (стр. 259). (Разрядка наша. — *Б. Р.*). Остальные тезисы являются развитием этого.

[31] De Linas. Histoire du travaille à l'Exposition Universelle de 1867 a., Paris, 1868.

[32] Краткие сведения об организации этого отдела и о впечатлении, произведенном им на иностранных ученых, см. в заметках Г. Д. Филимонова («Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее», 1875, № 6—10).

материалов погибло для науки,[33] но изданная Уваровым работа,[34] основанная на обобщении археологического материала, имела для своего времени большое значение, т. к. вводила в оборот науки новый и свежий вид исторических источников. Можно только пожалеть, что эта первая историческая работа, основанная на археологическом материале, оказалась столь слабой в отношении метода исследования своего основного источника — курганов.

Раскопки русских курганов в разных местах России производились В. В. Антоновичем, Н. Е. Бранденбургом, Н. И. Булычовым, В. З. Завитневичем, Л. К. Ивановским, Д. Я. Самоквасовым, В. И. Сизовым и рядом других археологов.

В музеях накапливался обильный материал; на частых археологических съездах, устраивавшихся поочередно в крупных русских городах, читались доклады о древнерусских курганах; но археологический материал все же очень редко и мало использовался в качестве исторического источника.

В работах перечисленных ученых почти всегда имеется небольшой раздел, посвященный характеристике ремесла, но только в работе В. И. Сизова о смоленских курганах был произведен подробный анализ техники изготовления курганных вещей.[35]

Обычно же вывод о ремесле получался таким образом: все предметы из курганов делились археологом на две неравные доли; в первую группу относились все привозные вещи, а во вторую — предметы местного изготовления, на основании которых делались стереотипные заключения о том, что население, хоронившее своих покойников в курганах, было знакомо с ковкой металла, прядением нитей, лепкой горшков, с обработкой дерева.

Разделение вещей на привозные и местные, т. е. другими словами решение вопроса о значении торговли и ремесла, было всегда крайне субъективным. И всегда, как только археолог пытался перейти к этому вопросу, над ним довлела готовая историческая схема, выдвигавшая на первое место торговлю и совершенно не знавшая местного производства.

---

[33] А. А. Спицын. Владимирские курганы.— ИАК, СПб., 1905, вып. 15.— До сих пор в хранилищах ГИМ печальным апофеозом этих торопливых раскопок высятся груды перепутанных Уваровым вещей из многих тысяч курганов.

[34] А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — «Труды I Археол. съезда», М., 1871, т. II. — Русскому ремеслу X—XIII вв. посвящено несколько замечаний на стр. 747—750.

[35] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. — МАР, СПб., 1902, № 28.

В. З. Завитневич в специальной статье пытается доказать, что «...самые захолустные уголки славяно-русских поселений, путем, конечно, торговли, имели возможность пользоваться плодами византийской образованности...»[36]

К таким «плодам» Завитневич относит почти весь курганный инвентарь, включая даже дешевые мелкие поделки из медной проволоки. Даже крупнейший русский археолог А. А. Спицын, много сделавший для приведения в систему русских древностей, говоря о торговле Киевской Руси, отнес в раздел торговли почти все железные и медные вещи из курганов.[37] Выводы Спицына были повторены впоследствии Д. Н. Анучиным: — «Привозными следует считать и находимые в курганах [IX—XI вв. — *Б. Р.*] бусы янтарные, стеклянные, сердоликовые, серебряные, бронзовые браслеты, гривны, серьги, височные кольца, пряжки, фибулы, перстни, булавки, прорезные бляшки, иногда крестики, а в мужских могилах железные ножи, топоры, наконечники копий, редко мечи, длинные, обоюдоострые, норманского типа».[38] За вычетом данного списка из курганных вещей дреговичей и радимичей на долю русского ремесла останутся только глиняные горшки. При такой постановке вопроса оказалось, что древнерусские смерды, не имея ничего своего, должны были весь свой нехитрый инвентарь (топоры, ножи, украшения) закупать у каких-то иноземных торговцев. Археологический материал, привлеченный к истории русского хозяйства в таком виде, мог содействовать лишь дальнейшему запутыванию вопроса.

К настоящему времени наука располагает примерно 20 000 раскопанных курганов IX—XIV вв., представляющими ценнейший источник по истории русской деревни, пригодный для статистической обработки. В этом отношении курганы можно сравнивать с позднейшими писцовыми книгами.

Параллельно с накоплением курганного (в основном деревенского) материала происходило обогащение музеев предметами высокого ювелирного мастерства древнерусских городов. Городские вещи в большинстве своем обнаруживались случайно при земляных работах

[36] В. Завитневич. К вопросу о культурном влиянии Византии на быт русских славян курганного периода. — «Труды XII Археол. съезда в Харькове 1902 г.», М., 1905, т. I, стр. 109.

[37] А. А. Спицын. Торговые пути Киевской Руси. — Сб. «Платонову (Сергею Федоровичу) ученики, друзья и почитатели», СПб., 1911.

[38] Д. Н. Анучин. К вопросу о белорусской территории. Курс белоруссоведения, М., 1918—1920, стр. 94, 95.

в виде кладов. К концу XIX в. материала накопилось столько, что он мог быть обобщен; обобщением его занялся хороший знаток Византии Н. П. Кондаков. Вначале его внимание было обращено только на предметы с перегородчатой эмалью,[39] а в дальнейшем было распространено и на все городское ювелирное искусство в целом.[40]

Совместно с И. И. Толстым Кондаков написал шеститомную историю русских древностей; три последних тома посвящены интересующей нас эпохе.[41]

Продолжая работы Забелина и Филимонова на новом, более широком материале, Кондаков очень внимательно изучил эмальерное и ювелирное дело, его технику, датировку отдельных вещей, применив к этому свое знание византийского искусства. Кондаков защищал русскую культуру от нападок со стороны норманнистов и доказывал существование высокоразвитого русского ремесла, но при этом нередко впадал в излишнее увлечение византийским влиянием. Для Кондакова не только Царьград, но даже провинциальный Херсонес являлся постоянным источником благотворного влияния на Русь, без которого он не мыслил развития русской культуры.

Оставляя в тени народное искусство X—XIII вв., сосредоточив все внимание на самых высоких образцах городского ремесла и подчинив его целиком Византии, Кондаков не мог существенно изменить взглядов историков на ремесло древней Руси, хотя его работы и пользовались уважением.

Крупнейшим недостатком русской археологической науки было отсутствие раскопок поселений. Ни маленькие городища, ни крупные древнерусские города не привлекали внимания исследователей. Сложная, запутанная стратиграфия культурного слоя, обыденность бытовых предметов и отсутствие ярких, богатых находок — все это отпугивало археологов от раскопок городищ. Не случайно, что длительным раскопкам подвергся раньше других именно такой город, как

[39] Н. П. Кондаков. История и памятники византийской эмали, СПб., 1892 (Введение к изданию коллекции византийских эмалей А. В. Звенигородского).

[40] Н. П. Кондаков. Русские клады..., т. I, СПб., 1896. — Второй том был частично подготовлен к печати, но своевременно в свет не вышел.

[41] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV, СПб., 1891; вып. V, СПб., 1897; вып. VI, СПб., 1899. — Эти выпуски содержат обзор наиболее интересных изделий художественного ремесла, но не являются обзором всех древностей данной эпохи. Курганный материал привлечен в малой степени. В отличие от «Русских кладов» это издание не носит исследовательского характера.

Отделение
ВНИИСИ АК СС
при Институте архео

Княжья Гора близ устья Роси, где кладоискателями были найдены многие клады.[42]

Кроме Княжьей Горы (которую можно отождествлять с летописной Родней), был раскопан древний Белгород близ Киева и произведены раскопки древней части Киева.[43]

В 1914 г. В. Е. Козловской была сделана попытка подвести итоги археологическому изучению городищ и курганов,[44] но оказалось, что подводить итоги нечему: есть несколько ярких фактов из истории трех-четырех городов, но свести их в целостную картину Козловской не удалось.

Археологический материал, накопленный к началу XX в., был, во-первых, неоднороден по своему составу (преобладание курганных комплексов), а во-вторых, совершенно не изучен археологом с точки зрения его датировки, происхождения и т. д. Естественно, что использование его в качестве источника по истории хозяйства было затруднено.

М. В. Довнар-Запольский в своей истории русского хозяйства попытался привлечь этот заманчивый по своему богатству вид источников.[45] Но и здесь археологические данные, полученные из вторых рук, являлись, по сути дела, лишь иллюстрацией готовых идей автора. Идеи эти не новы — постоянная перекочевка населения, слабость земледелия, отсутствие ремесла и огромное значение внешней торговли — таков ассортимент основных положений Довнар-Запольского. Являясь учеником Ключевского, Довнар-Запольский развил и украсил археологической и нумизматической литературой его торговую теорию. Ремесло в общей системе народного хозяйства заняло в книге очень скромное место.

[42] Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжьей горе, Киев, 1902. Раскопки носили хищнический характер.

[43] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, Киев, 1913. — Особый интерес представляют сведения о раскопанных Хвойко мастерских в Киеве и Белграде; Н. Д. Полонская. Раскопки в Белгородке, М., 1915. — О раскопках Д. В. Милеева в Киеве см. ОАК за 1908—1910 гг. Небольшие раскопки производились в Старой Ладоге, Вщиже, Старой Рязани и некоторых других городах.

[44] В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища как исторический источник. — «Minerva», Киев, 1914.

[45] М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, М., 1911. — Я пропускаю в своем изложении предшествующую этой книге работу В. Лабунского («Промыслы и торговля в древней Руси», М., 1905), так как она представляет собой популяризацию очень старых взглядов на русское хозяйство и поэтому о ремесле почти ничего не говорит.

В общих работах по русской истории Ключевского, Рожкова, Пресняков, Покровского, Лященко, Грушевского ремесло скупо обрисовано на основании материалов, собранных Аристовым. Из указанных авторов наиболее подробно и детально освещено ремесло Киевской Руси у М. С. Грушевского.[46]

М. Н. Покровский в разделе, посвященном городам, вскользь коснулся вопросов ремесла,[47] а в «Очерке истории русской культуры» он изложил несколько общеизвестных фактов по истории ремесла и дал поразительную по своей запутанности формулировку: «ремесленники были п е р в ы м общественным классом в истории».[48]

Покровский прямо противопоставлял русские города, вроде Новгорода, р е м е с л е н н ы м городам Запада, считая первые только торговыми, а не промышленными центрами.[49]

В 1922 г. М. И. Кулишер издал книгу, которая, судя по названию, должна была заменить устаревшую работу Аристова.[50] Значительно уступая Аристову в полноте сообщаемых фактов, работа Кулишера продолжает повторять его выводы о слабости местного производства и о значительной роли иностранцев. Основной вывод Кулишера в отношении русского ремесла до XV в. сводится к противопоставлению Руси и Запада.[51] По сравнению с книгой Довнар-Запольского, работа Кулишера является шагом назад.

В 1923—1925 гг. вопросы истории русского ремесла получили новую разработку на страницах «Архива истории труда в России». В этом издании появился ряд статей Гессена, Рожкова, Введенского, Пажитнова и др.

Прямо к нашей теме относится статья В. Ю. Гессена о ремесленном труде в древней Руси в X—XV вв.[52] Основываясь на старых материалах, собранных Забелиным, Аристовым и Хмыровым, Гессен пытается дать социологический анализ истории ремесла, но при этом обнаруживает странную неосведомленность в русских терминах. Так, например,

[46] М. Грушевський. Історія України-Руси, т. III. До року 1340. Накладом автора; вид. друге, розширене, Львів, 1905.

[47] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, М., Соцэкгиз, 1933.

[48] Его же. Очерк истории русской культуры, ч. I, изд. 4, доп., М. — Л., ГИЗ, 1925, стр. 56.

[49] Его же. Русская история с древнейших времен, т. I, цит. изд., стр. 110.

[50] М. И. Кулишер. Очерк истории русской промышленности, П., 1922.

[51] Там же, стр. 21.

[52] В. Ю. Гессен. К истории ремесленного труда в древней Руси (10—15 вв.). — «Архив истории труда в России», П., 1922—1923, кн. 4, 5, 8.

слово «уклад» в договоре Олега с греками 911 г., переводимое обычно как «контрибуция», он переводит как «сталь» и делает вывод о снабжении русских греческим оружием.[53]

При просмотре грамот XV в. внимание Гессена привлекла одна фраза, повторявшаяся довольно часто. По мнению исследователя, речь там шла о вновь открываемой кузнице («новоженая кузница»), налог с которой шел в пользу князя. На этом основании он делает вывод о размахе промышленности, о росте числа кузниц и т. д. На самом же деле в грамотах говорилось об обычной свадебной пошлине — «новоженой кунице».[54]

Естественно, что социологические выводы, основанные на таком фундаменте, не имеют цены. Работа Гессена ничего нового в изучение истории русского ремесла не внесла.

После книги Аристова второй солидной работой по древнерусскому ремеслу является специальный раздел в многотомном труде известного чешского слависта Л. Г. Нидерле.[55] Хронологически работа Нидерле охватывает только домонгольский период, а территориально — все славянские земли. Но нужно сказать, что русский материал составляет примерно $^4/_5$ всего изложения.

Прекрасный знаток русской археологической литературы, Нидерле построил свою работу на комплексном изучении письменных и вещественных источников. Глава, посвященная ремеслам у славян, распадается на следующие части:

1. Добыча металлов.
2. Обработка металлов (железо, медь, серебро, олово).
3. Ювелирное дело (скань, зернь, работы по золоту).
4. Техника инкрустации из стекла и камня.
5. Эмаль.
6. Керамика.
7. Обработка дерева.
8. Прядение и ткачество.

Каждый раздел начинается с разбора лингвистического материала по данному виду производства на основании работ Миклошича, Срезневского, Будиловича и Бернекера. Широко привлечены письменные источники: для Руси — по сводке Аристова, а для западных славян — по самым различным материалам. Значительно слабее освещено ремесло южных славян. Русский археологический материал привлечен Нидерле лишь в меру его публикации в литературе. В этом отношении «Славянские древности» представляют чрезвычайно ценную сводку материалов, существенно дополняющих работу Аристова. Все русские археологические издания до 1914 г. нашли отражение на страницах этого замечательного труда. Музейные коллекции русских музеев, к сожалению, остались совершенно не использованными Нидерле.

Согласно принятому Нидерле плану, славянские древности рассматриваются суммарно, без выделения отдельных областей и без хронологических подразделений внутри широкого периода VII—XIII вв. Иногда это обстоятельство затрудняет историческое понимание развития ремесла. Отсутствует также различие городского и деревенского ремесла. Важной положительной стороной работы Нидерле являются широта построения, привлечение обширного сравнительного материала из истории римской и средневековой техники и комплексное изучение всех видов источников.

Можно только пожалеть, что раздел «Ремесла» в книге Нидерле, появившейся в свет в 1921 г., прошел совершенно не замеченным русской исторической литературой и не оказал на нее никакого воздействия, не отразился на общеисторических построениях.

Археологические исследования 1923—1940 гг. внесли очень много нового в дело изучения русских древностей и, в частности, в дело изучения ремесла. Раскопки курганов продолжались в меньших масштабах, но велись с большей тщательностью. В эти годы впервые было обращено внимание на места поселений — селища, городища. Начались раскопки важнейших центров древней Руси — Киева, Чернигова, Вышгорода, Галича, Старой Рязани, Новгорода, Пскова, Старой Ладоги, Смоленска, Москвы, Дмитрова и ряда других городов. Одновременно велись раскопки небольших безымянных городищ.

Большую работу по обследованию и изучению городищ проделали Украинская и Белорусская Академии Наук.[56]

В результате всех этих работ были открыты десятки ремесленных мастерских, множество орудий производства ремесленников, полуфабрикаты, заготовки, сырье, готовая продукция местных мастеров. Доводы сторонников преобладания торговли были, таким образом, поколеблены обилием свежих фактов о ремесле. Первой работой, обоб-

[53] Там же, кн. 5, стр. 89.

[54] Там же, кн. 5, стр. 93.

[55] Lubor Niederle. Slovanské Starožitnosti. Život slovanů, т. III, вып. I, Oddil «Zaměstnáni řemèslná» (ремесленные занятия), Praha, 1921, стр. 204—342.

[56] Подробнее см. об этом в главе «Городское ремесло IX—XIII вв.» настоящей работы.

щившей в известной мере новый материал по русскому ремеслу IX—XII вв., является статья А. В. Арциховского,[57] в которой, наряду с очень решительными возражениями Рожкову и Довнар-Запольскому, указывались конкретные пути отделения ремесла от земледелия и его дальнейшего развития в пределах Владимиро-Суздальской и Смоленской земли.

В 1936 г., через 40 лет после напечатания I тома «Русских кладов» Н. П. Кондакова, вышли в свет подготовленные им для II тома цветные таблицы, всспроизводящие ряд древнерусских ювелирных изделий. Текст к ним был написан А. С. Гущиным.[58]

Зависимость от напечатанных ранее таблиц ограничила привлечение материала. Многие неизданные клады и отдельные памятники художественного ремесла не были включены в издание Гущина. Теоретическая часть работы Гущина носит слишком искусствоведческий характер; он занят почти исключительно стилем вещей, совершенно игнорирует технику их изготовления.[59] Отсюда происходят грубые ошибки в датировке, приводящие автора к неверному изображению эволюции ремесла. Но многие из утверждений Гущина (напр., о социальном положении ремесленников, о высоком развитии русского ремесла) верны и интересны.

Некоторые интересные мысли о древнерусской технике имеются и в книге Т. И. Райнова.[60]

Заканчивая обзор историографии русского ремесла X—XV вв., можно наметить несколько этапов в развитии взглядов на этот важнейший раздел древнего хозяйства.

1 э т а п — первичное накопление более или менее случайных материалов. Данный этап заканчивается выходом в свет книги Аристова, использовавшего почти весь письменный материал X—XV вв.

2 э т а п — постепенное накопление вещественных источников (курганы и клады) и разработка отдельных тем (напр., ювелирное дело); изучалось преимущественно ремесло домонгольской Руси. Итоги этого этапа подведены в работе Нидерле.

3 э т а п — усиление внимания к археологическому изучению русских городов и попытки построения истории на основе комплекса

[57] А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. — ПИДО, 1934, № 11—12.

[58] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв., Л., 1936.

[59] Технике ремесла во всей книге уделено только 8 страниц (стр. 19—27).

[60] Т. Райнов. Наука в России в XI—XVII вв., М.—Л., 1940.

разнородных источников. Этот этап приходится целиком на советскую эпоху.

К сожалению, для двух первых этапов характерно сохранение первоначальных утверждений о мизерности и ничтожности русского ремесла, утверждений, сложившихся еще в период споров славянофилов с западниками, когда предвзятым идеям был противопоставлен крайне скудный в то время фактический материал. На примере Ключевского, Рожкова, Покровского и Кулишера мы видели, что отрицание русского ремесла, противопоставление Руси Западу являлось почти обязательным для историков всех эпох и различных направлений.[61] Все попытки защиты достоинства русских мастеров исходили или от историков декоративного искусства или от археологов, т. е. от лиц, соприкасавшихся с вещественными источниками.

Моя работа по истории русского ремесла основана на посильном изучении всех категорий источников, взаимно дополняющих друг друга. Использованы как письменные памятники (количество которых несколько возросло с 1866 г.), так и вещественные. Археологический материал изучался как по изданиям, так и непосредственно в музеях ряда городов.[62] Кроме того, по некоторым вопросам был использован архив археологических исследований ИИМК Академии Наук СССР. Помимо исторических и археологических источников, оказалось совершенно необходимым привлечение этнографического материала по домашнему производству и кустарной промышленности XIX—XX вв.

Необходимо отметить, что все взятые вместе источники составляют все же очень пеструю картину, весьма неравномерно отражающую историю ремесла как в хронологическом, так и в географическом и социальном отношениях.

Не стремясь к полной характеристике источников, остановимся на том, какие разделы истории ремесла освещены каждым их видом.

[61] Показательно, напр., последнее издание работы П. Л я щ е н к о («История народного хозяйства СССР», М., 1939), где на стр. 98 автор убеждает читателей в малом развитии городского ремесла в Киевской Руси, на стр. 101 в очень категорической форме повторяет этот постулат (добавляя, что «гораздо большее значение имела торговля»), а на стр. 137 говорит о еще более низком уровне ремесла в городах XIV в.

[62] Использованы коллекции ГИМ Государственного Эрмитажа, Русского музея в Ленинграде, музеев Рязани, Курска, Владимира, Смоленска, Новгорода, Истры, Загорска, Волоколамска, Коломны, Орла, Брянска, музеев Украины и Белоруссии (Киева, Чернигова, Новгород-Северска, Минска, Гомеля и др.).

Для характеристики ремесла древнейшего периода (IX—X вв.) летописи не дают почти ничего. Для периода XI—XV вв. в летописях встречаются интересующие нас упоминания, но они носят случайный характер; наиболее интересны сведения о городах Киеве, Галиче, Владимире, Новгороде XII—XIII вв. Новгородская летопись в течение XIII в. сообщает имена ремесленников-воинов, погибших в боях. Интересны данные Псковских летописей XV в. о строительном деле. Краткая Русская Правда XI в. содержит одну статью о ремесленниках в составе феодального двора; Псковская судная грамота XIV—XV вв. говорит о вольнонаемных ремесленниках.

Грамоты князей и митрополитов освещают или XII в. (грамоты Святослава Ольговича и Ростислава Мстиславича) или конец XIV—XV вв. За исключением отдельных сведений о единицах обложения (црен, кожевнический чан, кузница) и некоторых видов ремесла, эти грамоты дают мало материала. Духовные грамоты XIV—XV вв. при перечислении передаваемого имущества упоминают изредка мастеров-ювелиров. Интересные списки вотчинных ремесленников содержат духовные грамоты конца XV в. (напр., грамота князя И. Ю. Патрикеева). В договорных грамотах этого же времени встречаются перечни ремесленников, но они очень неполны.

Жития святых XI—XIII вв. очень редко упоминают о ремесленниках, наиболее интересны данные Печерского Патерика. Позднейшие жития XIV—XV вв. содержат мало сведений о ремесле.

Памятники художественной литературы, употреблявшие производственную терминологию в качестве метафор, могут быть использованы лишь в некоторых случаях (напр., Слово Даниила Заточника, XII в.) Особый интерес представляет переводная литература XI—XIII вв., содержащая производственные термины в большем количестве, чем русская. Специфика ранних славянских переводов с греческого иногда лишает нас возможности отделить русское от болгарского в терминологии, но самый круг технических терминов, обращавшихся на Руси в XI—XIII вв., дает нам многое.

Свидетельства иностранцев важны только для раннего периода истории русского ремесла. Византийские сведения VI—VII вв. обходят стороной производственные вопросы. Содержательнее в этом отношении сочинения арабов IX—XI вв., но и в их коммерческих справочниках (явившихся, кстати сказать, основным фундаментом, на котором строили свою аргументацию сторонники торговой теории) все рассматривается сквозь призму торговли. Крайне существенным источником для истории русского ремесла XI в. является «Schedula diversarum

artium» пресвитера Теофила. Этот источник, известный еще И. Снегиреву, был впоследствии незаслуженно забыт русскими историками и преднамеренно искажался немецкими националистически настроенными издателями.

Для XIII в. из иностранных свидетельств значительный интерес представляют сообщения Плано Карпини. Позднейшая эпоха XIV—XV вв. иностранцами почти не освещена. Особым разделом письменных источников нужно считать те, которые выходят за хронологические рамки моей темы и могут быть использованы только ретроспективно. К ним в первую очередь нужно отнести писцовые книги конца XV в., дающие исключительно ценный материал по ремеслу Новгородской земли. Эти писцовые книги привлечены постольку, поскольку в них упомянут «старый доход». Лавочные книги Новгорода XVI в. привлечены опять-таки лишь в той мере, в какой они отражают жизнь этого города до падения его самостоятельности.

Ретроспективный метод позволяет привлекать и источники XVII—XVIII вв. (например, техническая рецептура иконников и ювелиров).

Только на основании археологических данных можно построить доисторию русского ремесла, но источники здесь очень неравномерно освещают как отдельные области, так и разные разделы ремесла. В Приднепровье поля погребальных урн доходят до IV—VI вв., но сопутствующие им поселения почти не исследованы.

Для Средней России, наоборот, первые века нашей эры представлены Позднедьяковскими городищами, но особенности погребального обряда (кремация и хранение праха в маленьких домовинах среди поселка) лишают нас могильных комплексов. Очень мало вещей содержат сопки и длинные курганы VI — IX вв. в земле словен и кривичей.

Для эпохи VI—IX вв. наиболее полно представлено ювелирное дело, памятники которого сохранены в кладах, разбросанных в лесостепи и, отчасти, в лесной полосе. Поселений и могильных комплексов для этой эпохи очень мало.

Значительно полнее освещена археологическими источниками эпоха IX—XIII вв. Переход от кремации к простейшему захоронению в курганах позволил сохранить до нашего времени сотни тысяч вещей, изготовленных ремесленниками Киевской Руси. Курганы IX—X вв., расположенные близ крупных городов, дают нам материал по княжескому и дружинному быту (более поздние, христианские, могилы князей единичны). Основная масса курганов, раскопанных на территории русских княжеств IX—XIII вв., относится к сельскому населе-

нию и содержит богатый материал по деревенскому ремеслу. Местами курганный обряд погребения сохранился до XIV в. (Московское княжество и прилегающие к нему княжества, возникшие на древней земле вятичей). Постепенное отмирание обычая класть вещи в могилу вместе с покойником привело к тому, что к XV в. могилы почти утратили свое значение важного исторического источника (на смену курганам в XV в. приходят писцовые книги).

Раскопки мест поселений, произведенные в значительно меньшем количестве, чем раскопки курганов, освещают в основном ту же эпоху IX—XIII вв. Большинство исследований относится к крупным древнерусским городам, но лишь некоторые — к городищам сельского типа (прекращающим свое существование в XII—XIII вв.) и к замкам. Некоторые города изучены в отношении слоев XIII—XV вв. (напр., Новгород Великий, Переяславль Рязанский); деревенских селищ раскопано мало. Отсутствие княжеских и боярских курганов XI—XIII вв. частично компенсируется кладами драгоценностей, находимыми главным образом в южной половине Руси. Вещи в кладах относятся к X—половине XIII вв. Из отдельных предметов, сохранившихся в различных собраниях, к эпохе XI—XII вв. относится несколько вещей Новгородской Софийской ризницы. Массовым этот вид материалов становится только с середины XIV в. Нумизматические данные относятся к XI—XII вв., и затем, после перерыва, — к концу XIV—XV вв.

Архитектурные памятники дошли до нас от конца X в. (фундамент Десятинной церкви) до начала XIII в., и затем — с начала XIV в. до конца изучаемой эпохи.

Иллюстративный материал, который необходимо причислить также к вещественным источникам, различен по имеющимся в нем бытовым чертам. Иконопись XI—XV вв. (включая сюда и фрески) дает их очень мало; книжная миниатюра значительно богаче по содержанию, но сохранившиеся экземпляры относятся к XIV и XV вв. Только анализ их прототипов позволяет использовать их для начала XIII в. (миниатюры жития Бориса и Глеба и часть миниатюр Радзивилловской летописи). Стоящие на грани между письменными и вещественными источниками эпиграфические материалы (обычно игнорируемые историками) дают нередко ценнейшие страницы истории ремесла; к сожалению, они немногочисленны. По столетиям они распределяются более или менее равномерно с XI по XV в., но связаны исключительно с городским ремеслом.

Работа над древнерусским ремеслом X—XV вв. неоднократно требовала обращения к этнографическим данным XIX—XX вв. Техника

кустарных мастерских помогла расшифровать те или иные археологические детали, объяснить назначение находимых при раскопках инструментов и даже позволила поставить определенные задачи в процессе раскопок древних ремесленных мастерских. В некоторых случаях оказалось необходимым привлечение материалов о социальной организации кустарной промышленности (напр., для сябринного владения гончарным горном). Существенным разделом этнографических материалов является словарный запас русского, украинского, белорусского и других славянских языков, восполняющий и комментирующий древнерусскую терминологию. Иногда для полноты обрисовки идеологии древних ремесленников приходилось привлекать поверья и легенды, связанные с тем или иным производством (напр., легенды о кузнецах-богатырях). В этом же плане именно как этнографический материал привлечены и былины.

Приведенный перечень разнообразных источников свидетельствует о неравномерности в распределении их по векам и по областям. Письменные источники возрастают по мере приближения к современности, а вещественные, наоборот, постепенно иссякают. Домонгольская Русь и именно домонгольский город находятся в наиболее благоприятном положении в смысле количества основных материалов. Арсенал письменных источников потребовал критического пересмотра специальной терминологии и частных вопросов. Обильный же археологический материал, служивший зачастую основным фондом сведений о ремесле, требовал особого источниковедческого разбора и специально разработанной методики использования материала.

Одним из важнейших вопросов археологического источниковедения является датировка вещей и целых комплексов. Датировка отдельных древних вещей может быть точна только в исключительных случаях (наличие надписи, записи в летописи). Таких «счастливых» вещей очень немного, и все они принадлежат верхам городских мастеров-ювелиров; массовые материалы точной даты не имеют. Для установления относительной (взаимной) хронологии вещей удобнее всего погребальные комплексы. Иногда они сопровождаются монетами, но сближать время захоронения с датой, вычеканенной на монете, необходимо с большой осторожностью:[63] длительность хождения монет Средней Азии или Западной Европы, бытование монеты в качестве

[63] Укажу два примера асинхронности курганных вещей и найденных в этих же курганах монет. В одном из гнездовских курганов вместе с вещами IX—X вв. найдены две византийские монеты (с ушками для привешивания к ожерелью) VI в. н. э. (В. И. Сизов. Ук. соч.). При раскопках Глазова в

украшения, наконец, вероятность вторичного ее использования (напр. находчиком клада) — все это значительно увеличивает расстояние между выходом монеты и погребением ее в кургане. Находки монет тем не менее облегчают переход относительной хронологии вещей к абсолютной. Предварительным условием датировки археологических комплексов является типологическая классификация вещей, позволяющая перейти к установлению совместной встречаемости отдельных типов. Метод статистико-типологической обработки могильных комплексов был впервые применен П. П. Ефименко, назвавшим его «методом культурной стратиграфии».[61]

А. В. Арциховский в работе над курганными комплексами Средней России сочетал строгий типологический метод с корреляционным, применяемым в естественных науках. Это позволило ему разбить все вещи на 3 стадии, приблизительно соответствующие XII, XIII и XIV вв.[65]

Несравненно труднее поддается датировке материал городищ. Перепутанность слоев, позднейшие перекопы, легкость проникновения вещей в нижний слой — все это в сочетании с плохой фиксацией раскопок создает нередко большие трудности при хронологизации вещей из культурного слоя. Этим объясняется суммарная датировка большинства русских городищ, напр., XI—XIII вв.

При изучении изделий художественного ремесла принимался также во внимание стиль предмета, и дата устанавливалась по аналогии

Псковской земле с вещами XV в. оказалась монета XI в. (А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, СПб., 1903, № 29). Такое резкое различие в 300—400 лет едва ли можно объяснить сохранностью монет в семье у нескольких поколений и естественнее связывать с находкой в XV в. клада более ранних монет, получивших, таким образом, второе хождение. К счастью, подобные случаи редки. Иногда встречаются анахронизмы другого порядка: характерные античные вещи оказываются во вторичном употреблении спустя тысячу лет. Известны случаи использования античных камей и гемм в XVI в. в качестве печати.

[64] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. — «Материалы по этнографии», Л., 1926, т. III, вып. 1; Его же. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. — «Сов. археол.», М. — Л., 1937, № 2. К сожалению, автором не опубликованы результаты проработки этим методом нескольких тысяч курганов Новгородской земли, долженствующие внести коррективы в недостаточно обоснованные датировки А. А. Спицына. Типологический метод В. А. Городцова может быть применен только в качестве подготовительной, черновой работы (В. А. Городцов. Типологический метод в археологии, Рязань, 1927).

[65] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, М., 1930.

с произведениями живописи или скульптуры.[66] Мною разработан новый метод определения синхронности вещей, одинаково пригодный для курганных и для городищенских материалов соответствующей техники изготовления (литье, штампование и т. п.). Сущность его сводится к следующему: среди многих вещей одного типа, близких по размерам, рисунку, силуэту, возможно отыскать вещи, отлитые в о д н о й литейной форме или выбитые о д н и м и тем же штампом. Для установления этого необходимо совпадение решительно всех деталей сопоставляемых вещей. Путеводную нить может дать какой-нибудь дефект литейной формы, малейшее дрожание резца мастера, резавшего форму (изложницу), так как этот дефект неизбежно будет повторен на всех отливках, вышедших из данной формы.

Предварительная работа по отысканию тождественных вещей производилась с лупой и циркулем, а для окончательного доказательства делались пластелиновые и гипсовые слепки и микрофотографии.[67]

Этот метод достаточно трудоемок, так как требует сопоставления каждой вещи данного типа с каждой другой. Если мы обозначили через a количество вещей определенного типа, то количество необходимых сопоставлений (x) может быть определено по формуле:[68]

$$x = \frac{(a-1)^2 + (a-1)}{2}.$$

[66] Для А. С. Гущина стилистический анализ был важнейшим критерием в определении даты. Так, напр., эмалевое оплечье из Каменного Брода он относил к началу XI в., так как считал его выразителем «варварского стиля», присущего дружине ранней стадии феодального общества (А. С. Гущин. Памятники...). При этом были упущены данные эпиграфики, указывающие на XIII в., и сюжет изображений (Борис и Глеб), которые не могли возникнуть ранее конца XI в. Увлечение социологическими схемами привело к попыткам отказа от абсолютной датировки и переходу к «синстадиальным» определениям, лишающим археологический материал одного из его важнейших качеств — конкретности.

[67] Впервые этот метод применен мною при обработке радимичского курганного инвентаря (Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. — «Працы Археолёгичнай камісіі БАН», Менск, 1932, т. III, стр. 114—115). Основанная на этом методе статья «Районы сбыта продукции древнерусских ремесленников XI—XIII вв.» была сдана в издательство ГИМ в 1932 г. Подробнее о результатах применения метода см. ниже в разделе «Литейное дело» настоящей работы.

[68] Приведу пример: для изучения семилопастных височных колец вятичского типа пришлось сделать для 483 экземпляров 116 403 сопоставления.

Применение метода тождественности к датировке позволило уточнить не только спицынские даты русских вещей, но даже стройную систему Арциховского.[69]

Вещи, отлитые в одной литейной форме, следовательно вышедшие из рук одного мастера (или в крайнем случае из одной мастерской), совершенно одновременны. При сравнительной недолговечности известняковых и глиняных литейных форм первая и последняя отливки из одной и той же же формы могут отстоять друг от друга не более, чем на 1—2 года. Курганные комплексы, в которых встречены тождественные вещи, могут считаться одновременными, так как их хронологическая амплитуда не выходит за пределы одного поколения.

В области датировки вещей, кроме описанного метода тождества, мне приходилось прибегать и к другим способам. Так например, для датировки и атрибутации ювелирного инструмента, хранящегося в Гос. историческом музее, были привлечены княжеские знаки Рюриковичей на монетах и печатях. Оказалось, что инструмент (штамп для тиснения серебра) принадлежал придворному ювелиру черниговского и киевского князя Всеволода Ярославича (1054—1093 гг.). Таким образом и штамп и близкие к нему по рисунку колты получили довольно точную дату — вторая половина XI в., вместо неопределенного отнесения их к домонгольскому времени.[70]

Вторым важным вопросом в истории русского ремесла, кроме датировки, является определение местного или иноземного происхождения вещей. Мы уже видели, как упрощенно решался этот вопрос Спицыным, Довнар-Запольским, Завитневичем и Анучиным: все сложное, все красивое, все выходящее хоть сколько-нибудь за пределы отведенного древним славянам примитива объявлялось иноземным, привозным.

Раскопки ремесленных мастерских в русских городах, начатые в 1890-е годы Хвойко и Беляшевским, находки отдельных инструментов и вещей с русскими надписями или с русскими ошибками в греческом тексте — все это уменьшало запас аргументов у историков, отрицавших наличие русского ремесла, но помимо этих данных оставался еще значительный фонд безымянных материалов, вещей «без роду без племени», которые могли истолковываться в зависимости от желания исследователя.

Для расшифровки их мною широко применялось картографирование археологических данных. Картограммы производственного сырья (железо, красный шифер, янтарь), в сочетании с готовой продукцией из этого сырья, обрисовали как узкие районы возможного изготовления широко распространенных вещей (пряслица из шифера), так и повсеместное наличие железной руды для древних домниц. Отсутствие залежей меди, олова, серебра и золота на территории Киевского государства было одним из доказательств отсутствия местной обработки этих металлов.

Между тем, картографирование различных типов вещей дает очень интересные результаты. Многие типы вещей имеют замкнутые области распространения. Таковы, например, височные кольца, определенные типы бус и ряд других предметов.[71]

Естественно предположить, что вещи данного типа изготовлялись где-то в пределах области их распространения. В таком случае и без раскопок мастерских удается доказать местное происхождение вещей. Мною было нанесено на карту несколько серий находок вещей, литых в одной литейной форме, и оказалось, что каждая серия заняла на карте свой маленький обособленный район.[72] Район в 15—20 километров соответствовал сфере деятельности одного мелкого мастера. На той территории, которую исследователи считали почему-то монолитной, таких районов должно разместиться около 200.

В других случаях картографический метод помогал уяснить взаимоотношения между городом и деревней и определить экспорт русских ремесленных изделий в соседние страны.

Последним важным разделом специфической методики исследования археологических материалов является технология изготовления вещей. При недостаточности прямых указаний на технику древнерусского ремесла зачастую приходилось определять ее, исходя из сохранившихся следов обработки на самих вещах. В ряде случаев анализ техники ремесленных изделий позволял восходить от вещи к мастеру, ее изготовившему. Так, например, изучение кузнечной про-

[69] Так, напр., Арциховским датированы: курган № 1 в Чертанове XII в., курган № 3 в Филях — XIII в., курган № 3а в Филях — XIV в. (А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 193—194). Между тем, во всех трех курганах височные кольца сделаны в одной литейной форме.

[70] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. — «Сов. археол.», 1940, № 6. — Датировка по знакам собственности позволила уточнить дату двух дружинных курганов в Суздальской земле и в Приладожье, отнеся их (по знаку на поясе) к годам княжения Ярослава Мудрого в Ростове и Новгороде, т. е. к рубежу X и XI вв.

[71] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1899, август; А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. — ТСА РАНИОН, 1926, т. I.

[72] См. ниже в главе «Сбыт ремесленных изделий».

дукции привело меня к выводу, что в кузнице работали два мастера — кузнец и его подручный. Установление даты появления каменных литейных форм определило время перехода городских ремесленников к работе на широкий рынок. Для раннего времени техника литейного дела позволила выделить славянские изделия VI—VII вв., приписывавшиеся ранее готам. Именно в этом разделе наиболее существенно сочетание археологических данных с этнографическими.

По целому ряду вопросов, связанных с техникой ювелирного и литейного дела, мне приходилось пользоваться консультацией знатока русских древностей и практика-ювелира проф. Ф. Я. Мишукова, которому пользуюсь случаем принести свою благодарность.

Часть первая

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XIII в.

Глава первая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО РЕМЕСЛА (IV — VIII вв.)

1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ДО VI в.

Приобретение технических навыков и обособление ремесла от общехозяйственных задач происходили на обширной русской территории крайне неравномерно, и эта неравномерность была обусловлена совокупностью разнообразных исторических фактов, различно влиявших на темп развития.

Если за исходную территорию при изучении корней русского ремесла принять круг земель, очерченный «Повестью временных лет» для восточных славян, то на этой территории, связанной в эпоху летописца единством языка, культуры, а порой и единством государственных границ, мы, по мере отхода вглубь от эпохи X—XII вв., будем все сильнее ощущать различие исторических судеб каждой отдельной области. Само единство Руси, будучи категорией исторической, возникло лишь в преодолении этих областных различий. Нанесем на карту Восточной Европы общие контуры русских летописных племен и проследим основные этапы хозяйственного развития этого значительного пространства с учетом особенностей каждой отдельной его части. Исключив из нашего обзора палеолитическую эпоху, обратим внимание на неолит, когда смена сурового климатического режима более теплым открыла человеку возможность широкого расселения на только что освободившейся из-под ледяного покрова равнине. Равная техническая вооруженность человека в примерно равных общих условиях юга и севера привела к тому, что в переходный период население Причерноморья и далеких берегов изменчивых морей Севера первоначально оказалось удивительно сходным во всех областях своей культуры.

Но очень скоро появившееся различие условий привело к разной скорости исторического развития. В зависимости от благоприятных условий неолитическая стадия изживалась быстрее или задерживалась местами до XVIII в., как, например, на Камчатке.

Раньше всего на интересующей нас территории типичное неолитическое хозяйство начало изменяться в районе Трипольской культуры на Среднем Днепре и Днестре.[1] Эта земледельческая культура, сочетавшая земледелие со скотоводством, находилась в тесной связи с южными высокими культурами средиземноморского круга.

Важным этапом в расслоении единой неолитической культуры Восточной Европы явились развитие скотоводства и появление металла. Правда, открытие меди и бронзы не привело здесь к столь бурному и быстрому расцвету культуры, какой наблюдается в областях древнейшей цивилизации, но в эпоху бронзы происходит обособление отдельных хозяйственных районов. Особое значение приобретает наличие или отсутствие металла, а также и различие условий обмена.

Месторождения меди, использовавшиеся в древности, почти все лежат за пределами земель, связанных в историческое время со славянами.[2] Искусство обработки меди, хотя и не связано полностью с местами залегания руды, но тоже локализуется в районах этих залеганий или в районах благоприятного обмена.

Важную роль в эпоху бронзы начинает играть деление на лесные и степные области. Различие между ними не только в том, что в степи облегчено развитие скотоводства, но и в том, что скотоводы-конники имели возможность передвигаться на большие расстояния. От Венгерской долины до Забайкалья и Орхона простиралось огромное степное море, на южном «берегу» которого были расположены древнейшие мировые цивилизации Месопотамии, Средней Азии, Индии и Китая, а на северном—многочисленные и разнородные племена лесных охотников и рыболовов. Восприняв искусство обработки металла у южных соседей, степняки-скотоводы, обладавшие богатыми залежами медных и оловянных руд (степи Донца, Южный Урал, Казахстан, Алтай), легко осуществляли обмен в пределах этого «степного моря». Судя по бронзовой индустрии, Енисей был связан со Средней Волгой, а Поволжье, в свою очередь, с Днестром и Дунаем.

Легкость обмена и культурных связей восточных и западных степей привела к тому, что уже в предскифскую эпоху сложилось известное культурное единство, усилившееся в скифское время. Северные лесные земли (в том числе и будущие области восточных славян), отдаленные от древнейших культурных центров, находились в менее благоприятных условиях для развития собственной металлургии: своего металлургического сырья у них не было, а древние пути обмена почти не выходили за пределы «степного моря», скользя вдоль северных его берегов. Поэтому археологические культуры лесной полосы эпохи бронзы по сути дела являются культурами неолитического типа, так как количество бронзового инвентаря у них ничтожно. Значительная часть этих охотничье-рыболовческих племен объединена таким характерным признаком, как керамика: бо́льшая часть Восточной Европы покрыта в это время поселениями с так называемой «ямочно-гребенчатой» керамикой.

К концу бронзовой эпохи часть археологических культур Прикамья, Поволжья и степей оказалась густо насыщенной уральской, кавказской и сибирской бронзой (культуры абашевская, сейминская, хвалынская, северокавказская, киммерийская). В степях не только широко расходились готовые изделия, но почти повсеместно существовала обработка бронзы путем литья в жестких литейных формах и в пластичных формах по восковой модели.

Интересующие нас области остались в стороне от этого массового овладения технологией бронзы. В более благоприятном положении оказалась лишь южная окраина нашей территории, обращенная к степям. Именно здесь, на пограничье двух миров, могла создаться более высокая культура. К такому пограничью относились Волынь, Среднее Приднепровье с Посемьем, Верхняя Ока и островок «опольщины» на Клязьме. Крупные исторические сдвиги могли произойти только с появлением нового господствующего металла — железа.

---

[1] Т. С. Пассек. Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет. — «Вестник древней истории», 1938, № 1, карта; Е. Ю. Кричевский. Мезолит и неолит Европы. — КС ИИМК, Л., 1940, вып. IV.

[2] Э. И. Эйхвальдт. О чудских копях. — ЗРАО, СПб., 1856, т. IX, вып. 1; А. А. Иессен. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М. — Л., 1939, карта на стр. 93; А. П. Круглов и Ю. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы, М. — Л., 1935, стр. 156; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ. в 1903 г.— «Труды XIII Археол. съезда», М., 1906, т. I, стр. 245; Н. Н. Гурина. Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера. — КС ИИМК, Л., 1940, вып. VII; А. С. Федоровский. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне. — «Воронежский историко-археологический вестник», 1921, № 2.

Скифская эпоха отмечена, во-первых, установлением современного климатического режима (т. е. наступлением леса на степь и превращением части степного пространства в лесостепь) и, во-вторых, массовым переходом к обработке железа. Правда, в районах, богатых медью (Приуралье, Верхний Енисей и др.), переход к железу произошел на несколько столетий позднее, но для населения среднерусских областей открытие нового металла было единственной возможностью окончательно перейти в век металла и догнать своих более счастливых соседей.

Население впервые появляющихся в эту эпоху укрепленных поселков (городища дьяковской и сходных с ней культур) знакомо уже с примитивной обработкой железа в домашних очагах. Чрезвычайно важным является вопрос о металлургическом сырье. Как видно было выше, многие историки хозяйства отрицали возможность выработки железных изделий даже для X—XII вв. н. э., считая, что все железные вещи покупались русскими у иностранных купцов. Одним из аргументов являлась ссылка на удаленность месторождений железа от русских областей. Естественно, что подход к древнему производству с мерками современной нам крупной промышленности не может дать точных результатов. Первые металлурги, варившие железо в очагах и сыродутных горнах, вполне удовлетворялись теми незначительными, но повсеместными запасами сырья, которыми современная промышленность пренебрегает, а карты полезных ископаемых просто не отмечают.

Мною специально для опровержения взглядов сторонников торговой теории составлена карта распространения болотных, озерных и дерновых железных руд в Восточной Европе (рис. 1). Оказалось, что русская равнина располагала огромными по тем временам запасами доступной и удобной для обработки железной руды. Интересно отметить, что главная масса болотных железных руд залегает именно там, где отсутствует медная руда. Роли областей как бы переменились — область наиболее интенсивного залегания железных руд совпала с лесной полосой; степь в этом отношении оказалась обездоленной. Такая перемена ролей должна была еще решительней выдвинуть на первое место пограничные лесостепные районы, располагавшие собственной железной рудой и возможностью получения привозной меди и олова.

К выгодам лесостепного пограничья нужно причислить также наличие пригодного для земледелия чернозема лесных островков, крывавших земледельцев от степных кочевников, и близость скотовод-

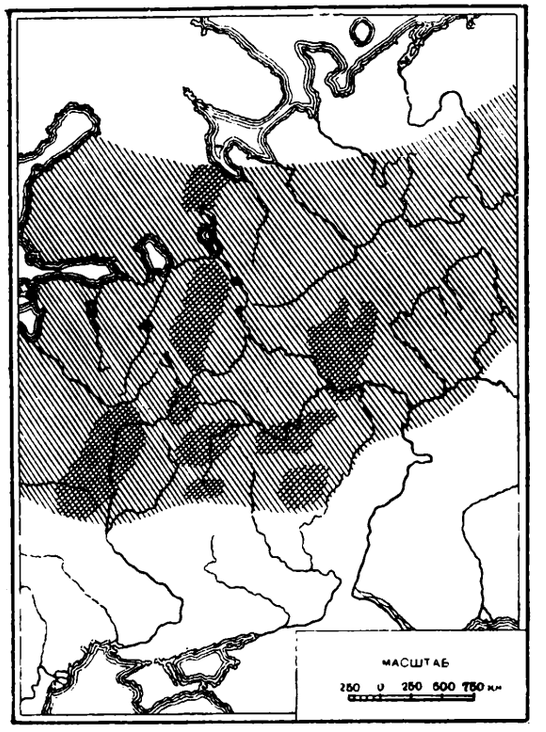


Рис. 1. Распространение железных руд (болотных, озерных и дерновых) в Восточной Европе. Наиболее насыщенные рудой области заштрихованы гуще

ческих областей, позволивших перейти здесь к вспашке земли при помощи коня или вола. На рубеже двух миров охотники переходили к скотоводству и земледелию, а кочевники оседали на земле и тоже занимались ее обработкой. Встреча степняков с земледельцами нередко кончалась завоевательным опустошением, но дважды в истории симбиоз этих двух культур дал яркие положительные результаты: в первый раз — в скифскую эпоху, а во второй раз — накануне сложения Киевского государства в VIII—IX вв.

Контуры расселения славянских племен IX в., наложенные на карту Восточной Европы скифского времени, охватят две совершенно различных области: обширную северную, лесную, с примитивным хозяйством дьяковских городищ, и небольшую южную, лесостепную, с

высокой культурой богатых скифских курганов и огромных городищ типа Бельского.[3]

Курганы скифов-пахарей располагаются двумя обширными областями по берегам Среднего Днепра. Правобережная область курганов VI—IV вв. до н. э. идет от Киева на запад до водораздела с Бугом и на юг за Рось — к Чигирину и Умани. Левобережная область соприкасается с Днепром только в одном узком районе устья Сулы, а основной ее массив лежит в стороне от Днепра на Сейме, Суле, Среднем Псле и Средней Ворскле. Если сопоставлять эти скифские области с позднейшими славянскими, то правобережная совпадает с размещением полян и уличей (до переселения их на юго-запад), а левобережная (кроме южной части) — племени северян.[4]

Более тысячи лет отделяют скифские курганы от славянских; устанавливать поэтому непосредственную связь между ними трудно, но необходимо отметить, что тип скифских срубных гробниц Киевщины и Полтавщины воскресает позднее именно в этих же географических пределах.

Расцвет Среднего Приднепровья в скифскую эпоху привел к значительному росту производственных навыков. Сыродутные горны обеспечили скифским кузнецам возможность изготовления оружия, серпов и различного бытового инвентаря. Скифские литейщики хорошо владели искусством литья бронзы преимущественно по восковой модели. В жестких литейных формах отливались лишь наиболее массовые предметы, как, например, стрелы.[5]

---

[3] См. карту в статье А. А. Спицына: «Курганы скифов-пахарей». — ИАК, СПб., 1918, вып. 65, стр. 87.

[4] Во избежание могущей произойти неясности, считаю необходимым оговориться, что сравнение различных эпох с эпохой существования славянских племен отнюдь не означает полного отождествления населения Восточной Европы всех времен с позднейшими славянами.

Полагаю, что формирование славянских племен представляет автохтонный процесс без существенных переселений и колонизаций (кроме степной полосы). В биологическом смысле славяне VIII—IX вв., может быть, и являются потомками скифов и населения дьяковских городищ (этим объясняется преемственность некоторых элементов культуры). Установлению единства славянской культуры предшествовало много различных внутренних сдвигов в развитии восточноевропейских племен, которые и привели в конце концов к появлению славянской стадии сначала в Приднепровье (III—IV вв.), а затем и в северо-восточных областях (VI—VIII вв.).

[5] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. — «Техника обработки камня и металла», М., 1930.

Керамическое производство у скифов едва ли выделилось в особое ремесло и оставалось, по всей вероятности, на стадии домашнего производства. Скифская знать пользовалась прекрасной греческой посудой, что избавляло от необходимости развивать собственное производство.

Особой отраслью скифского ремесла было ювелирное дело и именно тиснение и чеканка золота. Естественно, что наибольшего развития достигло ремесло в эллино-скифских городах Причерноморья, где нам известен ряд имен местных негреческих мастеров.

В Приднепровье греческие привозные вещи почти не оказывали влияния ни на форму, ни на технику местных изделий.

В III—II вв. до н. э., когда под ударами сарматских племен приходят в упадок все греческие города (сначала восточный Тандас, затем Пантикапей и Херсонес и, наконец, в I в., западная Ольвия), исчезает курганный обряд в Приднепровье и наблюдается некоторый упадок культуры и у скифов-пахарей.

Переходя в 1-е тысячелетие н. э., можно выделить два периода, которые должны нас особо интересовать, — это римско-сарматский и антско-хазарский. В оба периода продолжало еще существовать глубокое различие между племенами севера и юга, различие, не сгладившееся вполне и в Киевской Руси. В оба периода наиболее интенсивное развитие культуры (в частности, ремесла) наблюдаем на юге, точнее — на обоих берегах Днепра, от устья Десны до порогов. Расцвет Приднепровья был вполне закономерно подготовлен предшествующим развитием, которое хотя иногда и прерывалось, но все же оставило у приднепровского населения определенные технические навыки и традиции, позволявшие возрождаться после периодов упадка.

Изменение естественно-географических условий в Восточной Европе в скифское время не уничтожило различия между лесным севером и лесостепным югом; открытие нового металла с широкой зоной распространения, несомненно, подняло абсолютный уровень культуры северных племен и кое в чем уравняло их с южными, но старое различие не исчезло. Климатические условия изменились в скифское время не в пользу севера, что, может быть, несколько парализовало эффект открытия железа.[6]

---

[6] Скифская эпоха совпадает с окончанием ксеротермического периода (теплый, сухой климат) и установлением современного климатического режима (похолодание и некоторое увлажнение), в результате которого степные пространства уменьшаются, а северные леса продвигаются на юг, занимая области, ранее бывшие степными.

В римское время различие лесных и лесостепных районов усугубилось новым фактором,— влиянием римской культуры. В отличие от греческой культуры, которая сказалась на скифском обществе периферии довольно поверхностно, культура Римской империи воздействовала на соседние народы на огромном пространстве, и значение ее выражалось не только в торговле отдельными предметами роскоши. На всем протяжении римских границ — от Ютландии до Венгрии, Дакии и Приазовья, пересекая Европу наискось с северо-запада на юго-восток,— шла линия римских городов, крепостей, укреплений, факторий. К этому лимесу прилегала широкая полоса кельтских, германских и вендских, фракийских и сарматских племен, испытывавших длительное воздействие цивилизации Рима. Можно установить несколько зон воздействия римской культуры. Внешняя зона будет характеризоваться наличием отдельных вещей, попавших в нее в результате торговли. Отдельные монеты поздних римских императоров проникают далеко на север, на Волгу и Каму, вместе с ними проникают бусы, керамика, оружие. Голубые амулеты из римского Египта попадают не только на Северный Кавказ, но и на Урал, и в Сибирь. Применительно к Восточной Европе эта зона охватит все степи и значительную долю лесной полосы, но другая, внутренняя зона, которую можно назвать зоной действенного влияния, была значительно меньше. Предшествующий скифо-греческий период подготовил некоторые области к более глубокому восприятию римской культуры, сказавшемуся не только в оживленных торговых отношениях, вещественными остатками которых являются клады римских монет, но и в усвоении техники (гончарный круг, эмаль), восприятии бытовых элементов (одежда, фибулы), в типе укреплений, подражающих по форме римским лагерям, и в словарном запасе языка.

В отношении русской равнины эта зона воздействия римских городов совпадает с областью скифов-пахарей, т. е. опять-таки со Средним Приднепровьем. Именно здесь найдено наибольшее количество римских монет II—IV вв.[7]

Обилие римских монет в земледельческом районе должно свидетельствовать о прочности и устойчивости торговых связей потомков скифов-пахарей. Доказательством того, что именно земледелие являлось связующим звеном между Римом и Приднепровьем, служит

[7] В. Г. Лясоронский. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья (с картой). — «Труды XI Археол. съезда в Киеве», М., 1901, т. I, стр. 458—464. В. Е. Данилевич. Карта монетных кладов Харьковской губ. — «Труды XII Археол. съезда», М., 1905, т. I, стр. 374—410.

русская система мер. Русские меры сыпучих тел, из которых основной является четверик, оказывается, восходят к римской эпохе. Приведу цифровые данные (в литрах):

Римские меры		Русские меры	
Амфореус (квадрантал)	26.26	Четверик	26.26
Медимн	52.52	Полосмина	52.52

И в русской и в римской системах амфореус и четверик были основными единицами измерения. Удивительное совпадение их никак нельзя объяснить случайностью.[8]

Посредником между римским и русским миром было население Приднепровья, остававшееся на старых местах со скифской эпохи до образования Киевской Руси.[9]

Непосредственным носителем культуры римской эпохи было население, оставившее своеобразные погребальные памятники — поля погребений, давно уже связываемые с протославянами. Можно пожалеть, что до сих пор культура полей погребальных урн, представляющая интереснейшую страницу в истории Средней и Восточной Европы, надлежащим образом не изучена.[10]

Совершенно неудовлетворительно состояние датировки полей погребений; в силу этого разновременные погребения нередко рассматриваются суммарно. К эпохе I—VI вв. относится несколько групп полей погребений. Наиболее ранними являются поля типа Зарубинцев (I—II вв. н. э.), затем следуют поля типа Ромашек и Черняхова на Киевщине. К наиболее поздним, смыкающимся с курганами, содержащими урны, относятся поля погребений у М. Буд близ Ромен.[11] Многие кладбища существовали несколько столетий, связывая тем самым скифский период с римско-сарматским.

[8] Н. Т. Беляев. О древних русских мерах — «Seminarium Kondakovianum», Praha, 1927, т. I.

[9] В XI—XII вв. слово «амфора» переводилось русским термином «корчага» (см. ниже в разделе «Гончарное дело»). Возможно, что метрологическое изучение киевских амфор-корчаг даст недостающее среднее звено между римской амфорой и русским четвериком.

[10] Огромные кладбища с двумя обрядами (сожжение и ингумация), насчитывающие до 500—600 могил, могли принадлежать только крупным земледельческим поселкам. В пользу этого говорит и наличие костей свиней и кур в «стравницах».

[11] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. — ИАК, СПб., 1907, вып. 22, стр. 50.

Район распространения полей погребений II—V вв. н. э. таков: главная масса их расположена по обоим берегам Днепра — от устья Припяти до устья Ворсклы и далее узким языком до низовьев Днепра; затем значительная группа их находится на Волыни, в Галиции и на Зап. Буге. Далее они идут на запад, в среднеевропейские славянские земли. В низовьях Днепра поля погребений киевского типа встречаются в непосредственной связи с прямоугольными городищами римского времени, в которых можно видеть борисфенские города, упоминаемые Птолемеем.[12]

Совпадение основного, среднеднепровского района полей погребальных урн с районом массового распространения кладов одновременных им позднеримских монет особенно показательно в связи с наличием большого количества римских элементов в культуре полей погребений.

У нас нет полных и исчерпывающих сведений о местном ремесле культуры полей погребений, так как поселения или неизвестны или не исследованы, а погребальный инвентарь нередко попорчен огнем. Интереснейшим материалом по ремеслу является керамика, обильно представленная в каждом погребении. Интерес керамики заключается в том, что она разбивается на следующие группы: 1) привозная, обычных римских типов; 2) местная лепная и 3) местная, сделанная на гончарном кругу. Существование гончарной посуды свидетельствует о выделении специалистов-гончаров (рис. 2).[13]

Но, с другой стороны, одновременное бытование гончарной, формованной на круге керамики с лепной от руки говорит о том, что гончарное ремесло в IV—V вв. было здесь еще молодым, новым, не вытеснившим окончательно старое домашнее производство глиняной посуды. Гончарный круг проник в Приднепровье из римских городов Причерноморья. Формы сосудов очень разнообразны; есть кувшины с одной ручкой (облагороженная сарматская форма), широкие котлы с тремя ручками, широкие мисы, кубки, жбаны (рис. 2).[14]

В техническом отношении интересно подражание формам металлической посуды (острые ребра, ложночеканные валики и выпук-

[12] В. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. — НАК, СПб., 1913, вып. 47, рис. 35—56.

[13] А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. — ПИДО, 1934, № 11. — Связь гончарного круга с выделением ремесла прослежена автором на материале более поздних культур.

[14] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1902, табл. XX.

Рис. 2. Формы приднепровской керамики эпохи полей погребальных урн

лины, тонкие плоские ручки) и хорошее качество обжига. Поверхность посуды томленая, черная, лощеная; орнамент состоит из блестящей лощеной решетки на фоне матовой темносерой глины. Иногда сосуды орнаментировали специальным нарезным штампом, представлявшим деревянный цилиндрик около 1 см в диаметре, основание которого надрезано крестообразно через центр и зубчиками по краю. Такой штамп создавал очень изящный рельефный узор из розеток на гладкой поверхности сосуда. Вообще вся гончарная посуда полей погребальных урн поражает высоким качеством глиняного теста, формовки и отделки. Она завершает длительный период предшествующего развития, но не находит продолжения в последующем, так как керамика VI—IX вв. несравненно грубее и примитивнее. Кроме того, III—V вв. являются единственным и притом кратким периодом бытования в Приднепровье гончарного круга; вновь он появляется только в IX—X вв. Особенно интересно отметить наличие гончарных горнов этой эпохи на территории Украины, что подтверждает местное изготовление лучших сортов черной лощеной керамики.

Гончарное ремесло, как покажет последующее изложение, никогда не являлось ведущим и всегда оформлялось позднее, например, кузнечного. Это дает нам косвенное доказательство высокого уровня приднепровского ремесла вообще для этой эпохи; фрагментарный материал погребений подтверждает это. Красивые костяные гребни особого типа (с выпуклой спинкой), пряжки, ножи, некоторые типы бус — все это можно считать изделием местных мастеров.

Особенно важны наблюдения над переработкой местными ремесленниками импортных римских форм ювелирных изделий. Римские провинциальные фибулы, попадая массами в Приднепровье, начина-

ли здесь жить второй жизнью; не довольствуясь постоянным притоком готовых изделий, население по-своему перерабатывало и видоизменяло завозные образцы. Эволюция римских форм была подчинена здесь местным законам и вкусам.

2. РАННИЕ СЛАВЯНЕ И КРИТИКА «ГОТСКОЙ ТЕОРИИ»

Для понимания уровня развития ремесла в Среднем Приднепровье в эпоху полей погребальных урн чрезвычайную важность приобретает вопрос о производстве выемчатых эмалей (emailles champlévés). Но здесь я вступаю в область настолько спорную и наполненную таким количеством противоречивых теорий, что потребуется специальный разбор основных мнений по данному вопросу. Интерес к выемчатым эмалям появился после находки Н. И. Булычовым в 1888 г. великолепного клада на Мощинском городце близ Мосальска.[15]

Бронзовые фибулы, пряжки, браслеты с красной, зеленой и белой эмалью в литых гнездах получили название эмалей «мощинского» типа. Вскоре после находки клад был опубликован бароном де Бай во Франции.[16]

В своей исторической интерпретации де Бай сразу решил связать эти блестящие находки с готами и их пребыванием в славянских землях.[17] Этой статьей открылась серия работ о так называемом «готском» стиле в русских древностях, работ, послуживших основанием для немецкой националистической школы к искусственному возвеличению готов, их исторической роли в судьбах Восточной Европы.

Термины «готское искусство», «готский стиль» начали распространять чуть ли не на все южнорусские древности — от римского времени до эпохи Киевской Руси. Несмотря на то, что работами Ростовцева и Кондакова было установлено сарматское, причерноморское происхождение того стиля, который связывали с готами[18] (на Западе ему

[15] Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899.

[16] De Baye. Les bronzes émaillés de Mostchina, Paris, 1892.

[17] De Baye. La bijouterie des Goths en Russie. — «Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France», Paris 1898.

[18] P. Volkoff. Les trouvailles d'objets Goths en Ukraine.— «Bulletin de Société d'Anthropologie», Paris, 1898.

соответствовал меровингский), термин «готский» надолго упрочился за самыми разнообразными предметами IV—VIII вв.

Кроме выемчатых эмалей в разряд готских вещей попали и вещи с инкрустацией и многочисленный раздел так называемых «лучевых» (или «пальчатых») фибул, за которыми прочно закрепилось наименование «готских фибул».[19]

Пользуясь материалом, искусственно и ошибочно названным «готским», исследователи до крайности расширяли понятие готской культуры. Только потому, что на Пастерском городище были найдены лучевые фибулы, Т. Арне отнес его к готским городам. Наличие старых скифских элементов в псевдоготском искусстве тот же Арне объяснял тем, что готы, оказавшись в Причерноморье, занялись раскопками скифских курганов и таким путем восприняли некоторые элементы скифского стиля.[20]

Новый материал, говорящий на первый взгляд в пользу готской теории, дали раскопки Н. И. Репникова и Н. Е. Макаренко в Южном Крыму.[21]

В могилах VI—VII вв., принадлежавших исторически известным крымским готам, были найдены в числе прочих своеобразных вещей и лучевые фибулы, близкие к приднепровским и западноевропейским. Казалось, готское происхождение украшений этого типа не подлежало сомнению. К признанию их готскими склонялся и Л. Нидерле.[22]

Опираясь на богатство и сложную технику изготовления предметов «готской» индустрии, М. И. Ростовцев в своем синтетическом историко-археологическом обзоре Среднего Приднепровья отвел очень важное место готам, считая их приход на юг таким же

[19] Salin. Die altgermanische Thierornamentik, Stockholm, 1904. — Салин включает в типологию древнегерманских изделий множество чуждых предметов звериного стиля, считая последний спецификой германского национального духа. Лучевые фибулы он рассматривает суммарно, не анализируя отдельные варианты. И в Причерноморье, и в Западной Европе он одинаково считает их готскими.

[20] T. Arne. Det stora Svitjod, Stockholm, 1917. Приведено по книге: Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе, М. — Л., 1934, стр. 114.

[21] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. — ИАК, СПб., 1906, вып. 19. — Широкую историческую картину по данным раскопок Репникова нарисовал де Бай, сопоставивший инвентарь из Суук-Су с западноевропейским (De Baye. Les tombeaux de Goths en Crimée.—«Mémoires de la Société National des Antiquaires de France», vol. LXVII, Paris, 1907.

[22] L. Niederle. Slovanské Starožitnosti,т. I, вып. 4, Praha, 1924, рис.XI.

крупным культурным событием, каким норманнисты считают варяжское завоевание Руси, и связывая с готами расцвет Приднепровья в IV—V вв.[23]

Как видим, вопрос о происхождении русского ремесла упирается в готскую проблему, без разрешения которой невозможно проследить корни ремесла Киевской Руси глубже VIII—IX вв. Все более ранние вещи давно уже объявлены готскими, и их изучение велось в связи с меровингским, а не русским мастерством.

Против пангерманских воззрений выступил В. И. Равдоникас в статье о готской проблеме.[24] К сожалению автор, увлеченный широким социологическом полотном, нарисованным им не без отваги, совершенно не коснулся конкретного археологического материала, который при явной недоброкачественности письменных источников, вроде Иордана, должен быть основным.

Хотя рассмотрение готской проблемы и не должно бы, казалось, входить в круг вопросов, связанных с историей русского ремесла, но мне придется остановиться на целом ряде предметов, ошибочно связываемых с готами, без изучения которых предистория приднепровского ремесла не может быть понятна. А это обязывает к рассмотрению готской легенды.

Как лучевые фибулы, так, в особенности, эмали мощинского типа до сих пор не получили еще четкого хронологического определения. Учитывая всю трудность датировки вещей «эпохи переселения народов», мы не можем не поражаться разнообразию определений времени названных украшений. Так, например, И. И. Толстой и Н. П. Кондаков относят эмали мощинского типа к III—IV вв. н. э.[25] Л. Нидерле датирует их VI—VII вв.[26] А. А. Спицын в специальном исследовании относит их к VI—VIII вв., причем более склоняется к последнему позднему пределу этой даты.[27] Гакман растягивает дату выемчатых эмалей до IX в.[28]

[23] M. Rostovtzeff. Iranian and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, стр. 210—222.

[24] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. Готский сборник, Л., 1932.

[25] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890, стр. 102.

[26] L. Niederle. Op. cit. Oddil kulturny, т. I, вып. 2, Praha, стр. 541.

[27] А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. — ЗОРСА, СПб., 1903, т. V, вып. 1, стр. 192.

[28] L. Niederle. Op. cit., стр. 540.

Для внесения ясности в запутанный вопрос об эмалях и лучевых фибулах необходима строгая типология каждой категории вещей, картографирование каждого типа, построение эволюционных рядов и датировка их. Предваряя доказательства, отмечу некоторые выводы: сопоставление карты распространения определенного типа вещей с эмалью с картой распространения определенного типа лучевых фибул позволяет уже сделать вывод, что основная масса и тех и других предметов встречена на одной и той же территории — в Среднем Приднепровье (рис. 3 и 4).

Попытки установить корреляцию лучевых фибул и прорезных фибул с выемчатой эмалью в различных комплексах (клады, погребения, могильники) дали отрицательные результаты, вещи с эмалью ни разу не найдены вместе с лучевыми фибулами. Поскольку обе категории вещей являются массовыми и были распространены в одном районе, отсутствие совместной встречаемости их можно объяснить только хронологическим различием. Как я попытаюсь доказать ниже, лучевые фибулы сменяют более ранние фибулы с эмалью. Непонятная для единой «готской» культуры двойственность вещей одного назначения (фибулы), выражающаяся в различии стиля, различии техники и материала, получает хронологическое объяснение.

Вещи с выемчатой эмалью встречаются в Европе (кроме Галлии, где они очень древни) на очень широкой территории, приблизительно совпадающей с областью полей погребальных урн и тянущейся вдоль римской границы от Рейна и Южной Прибалтики в Приднепровье и на Северный Кавказ. Вся эта широкая полоса объединена единством происхождения техники эмалевой инкрустации. Прав был А. А. Спицын, когда указывал, что прототипом позднейших выемчатых эмалей нельзя считать вещи со стеклянными и гранатовыми вставками, а что исходной точкой явились позднеримские провинциальные эмали.[29] В Причерноморье вещи с римской эмалью встречены с монетами III в.

Единство происхождения эмальерной техники в Европе еще не определяет единства типов. Каждая область — и Прибалтика, и Кавказ, и Приднепровье — развила самостоятельное и своеобразное искусство выемчатых эмалей.

Предметы с эмалью встречены почти на всем пространстве восточнославянских земель, но в северной половине (за исключением мощинского клада) попадаются отдельные, разрозненные вещи, и то изредка,

[29] А. А. Спицын. Предметы..., стр. 192.

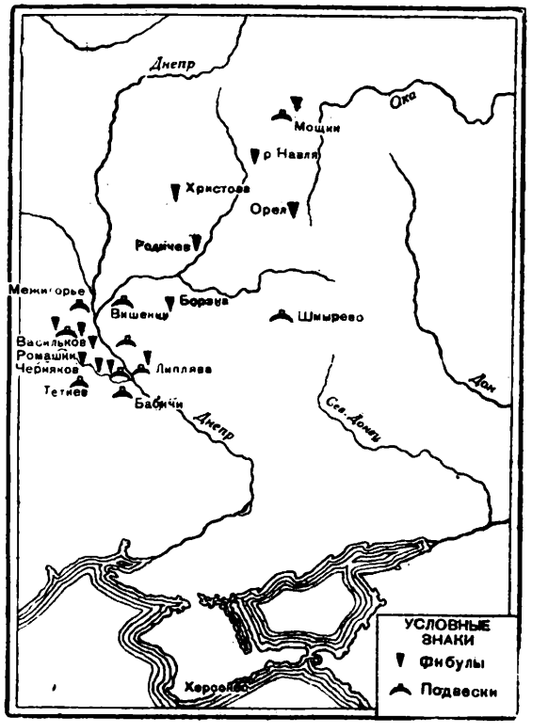


Рис. 3. Распространение предметов с выемчатой эмалью днепровского типа

тогда как на юге, в Приднепровье и Подесенье это одна из частых находок.[30]

Ассортимент вещей с эмалью довольно разнообразен — самыми многочисленными являются плоские прорезные фибулы и небольшие лунницы. Эти предметы почти не встречаются далеко на Севере. К таким же южным вещам относятся небольшие бронзовые шпоры, узкие прямоугольные застежки и пирамидальные колокольчики от сбруи. Очень частой находкой являются подковообразные застежки, распространяющиеся скорее на северо-запад, чем на юг.

В мощинском кладе найдены массивные браслеты с острыми выступами на тулове. Все вещи сделаны из золотистой бронзы, отлиты с восковой модели (?); гнезда для эмали подправлены резцами; цвета эмали — красный, зеленый, белый, реже — желтый. Эмаль наложена обычно толстым слоем; держится она в гнездах благодаря подрезанным вглубь краинам. Только желтая эмаль (обычно не сопровождаемая другими цветами) наливалась в ячейки тонким слоем.

[30] А. А. Спицын. Предметы..., см. карту; Н. И. Булычов. Ук. соч.; Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. IV; Н. Е. Макаренко. Борзенскі емалі та старі емалі України взагалі («Чернигів та Північне Лівобережжя, Київ, 1927); A. M. Tallgren. Enamelled Ornaments in the valley of the Desna. — ESA, т. XI, Helsinki, 1937; А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смаленщчыне. — «Працы Археол. камісіі БАН», Менск, 1932, т. III, стр. 18, табл. VI, рис. 8; К. Сосновский. Атлас Го-

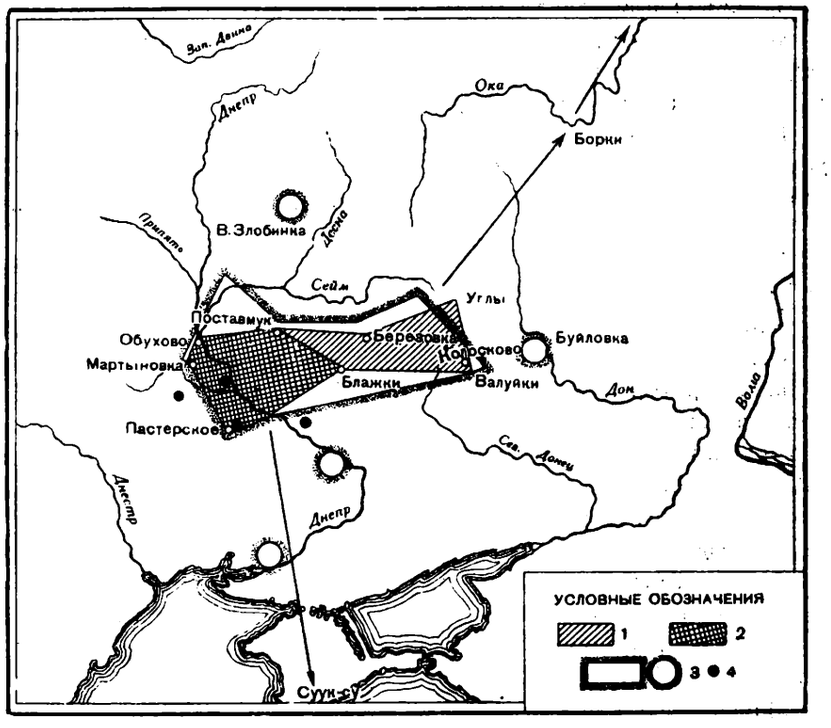


Рис. 4. Распространение лучевых (пальчатых) фибул днепровского типа

1 — ареал лучевых фибул VI—VII вв.; *2* — ареал антропоморфных фибул VII—VIII вв.; *3* — ареал вещей антского типа VI—VII вв.; *4* — городища

Преобладание в приднепровских и других европейских эмалях красного цвета объясняется тем, что стекло для эмалевой массы плавилось с медными окислами в присутствии легко доступных восстановителей вроде олова, угля или железной окалины. Зеленый цвет получался при плавке с медными окислами при свободном доступе воздуха. Стекловидная масса желаемого оттенка дробилась в порошок, смешивалась с водой, и это тесто накладывалось в ячейки. После этого вся вещь обжигалась в горне или на жаровне, и эмаль расплавлялась, заполняя гнездо.

чевских древностей, М., 1915; Е. А. Калитина. Разведки на р. Навле. — «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», Л., 1941; Н. Щакацихін. Нарысы гісторыі беларусскага мастацтва, Менск, 1928. — Кроме перечисленной литературы, были использованы материалы музеев.

Техника изготовления выемчатых эмалей обнаруживает блестящее мастерство их создателей. Изящество, тонкий вкус, тщательность отделки и уменье разнообразить основной тип декоративными деталями — все это делает честь древним эмальерам.

По вопросу о месте изготовления выемчатых эмалей существует два мнения: А. А. Спицын, датируя их VI—VIII вв., считал, что «производство их удобнее всего приписать днепровским или донским аланам».[31]

Нидерле, соглашаясь с датой Спицына, полагал, что центр их выработки лежал где-то за пределами славянских земель в Прибалтике, в летто-латышских местах.[32]

Основанием для такого суждения Нидерле были балтийские могильники, датируемые монетами IV—V вв., т. е. на одно-два столетия раньше, чем предполагаемая им дата приднепровских эмалей. Исходя из предпосылки, что днепровская эмаль позднее балтийской, и Спицын готов был признать прибалтийское происхождение, если не всех эмалей, то их прототипов.[33]

Наблюдения над массовыми находками в Среднем Приднепровье показывают, что многие формы переживали определенную эволюцию, выражавшуюся в усилении декоративности и ажурности.

Особенно ясно такую эволюцию можно проследить на фибулах и лунницах Киевщины:

1) первоначально конец лунницы украшен одним эмалевым кружком и тремя маленькими отростками;

2) средний кружок сокращается, отростки превращаются в петли;

3) каждый отросток увеличивается в размерах, украшен в середине эмалевым кружком и, в свою очередь, имеет три отростка;

4) все отростки превращаются в петли, соприкасающиеся друг с другом, и сложным бронзовым кружевом обрамляют эмалевую вставку.

Интересно то, что все звенья эволюционного ряда найдены в ограниченном районе близ Киева. Такая полнота звеньев возможна только поблизости от центра изготовления. К сожалению, этот эволюционный ряд не дает ничего для датировки.

Вопрос о месте производства эмалей может быть решен путем картографирования находок. Исключив немногочисленные находки в северных областях, аналогии которым имеются и на юге и на

[31] А. А. Спицын. Предметы..., стр. 192.
[32] L. Niederle. Op. cit., стр. 541—542.
[33] А. А. Спицын. Предметы..., стр. 160.

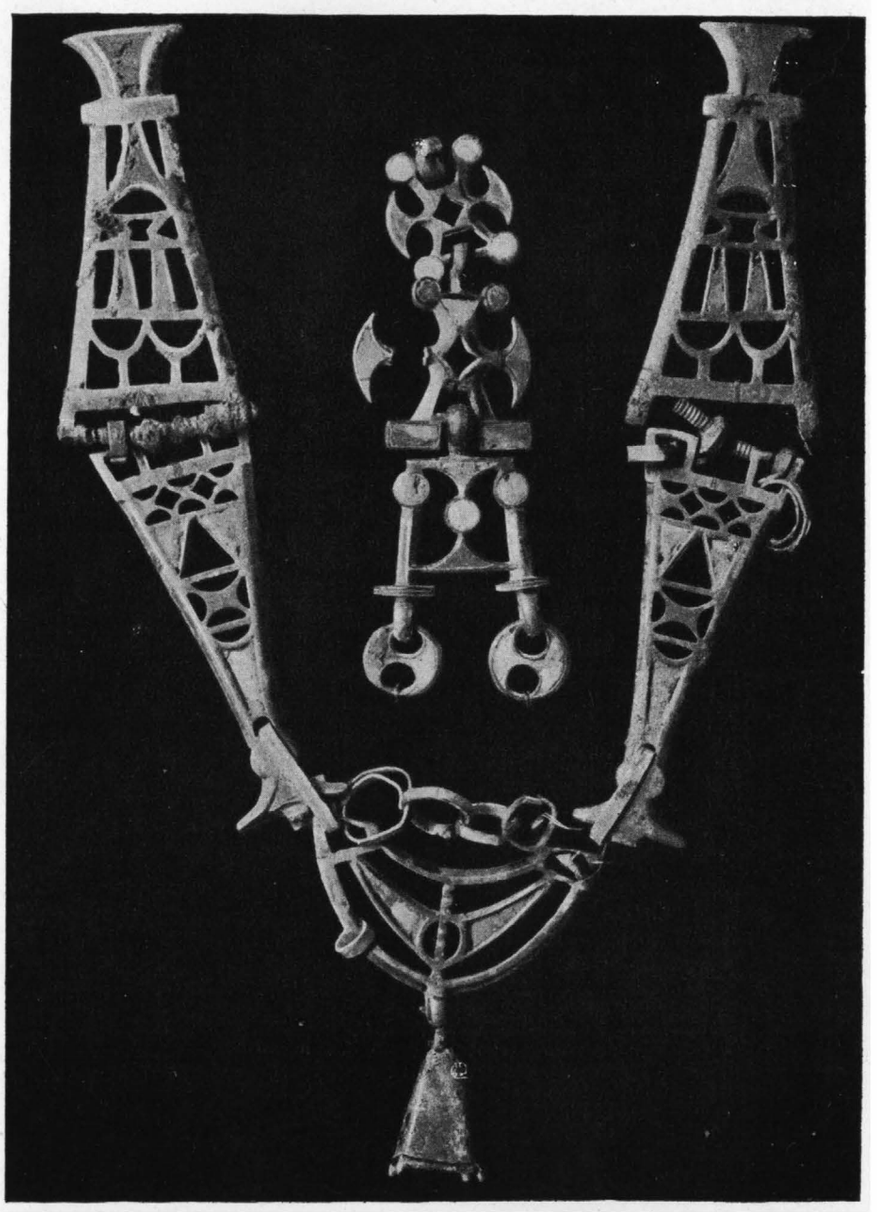


Рис. 5. Мощинский клад. Часть предметов с выемчатой эмалью

западе, обратим внимание на массовые вещи, типичные для южных областей. Из них наибольший интерес представляют прорезные треугольные фибулы и лунницы (рис. 5). Основная масса находок располагается вокруг Киева по обоим берегам Днепра. Вне этого сравнительно небольшого района есть две находки в литовских областях (Грунейкен и Сдоррен). Третья находка треугольной фибулы является подражанием, так как эмаль на ней отсутствует (Гертруденгоф).[34] Случайность этих находок очевидна.

Второй, более мощный поток эмалевых фибул и лунниц шел на северо-восток, вдоль лесостепной границы, на Верхнюю Десну и Верхнюю Оку. Прекрасным представителем этой группы является мощинский клад, в котором найдено много эмалей киевского типа. Этот наиболее северный клад эмалей «мощинского» типа помогает выяснению ошибочности этого первоначального термина. В самом деле, достаточно присмотреться к употреблению вещей владельцем мощинского клада, чтобы убедиться в том, что он не знал их настоящего назначения. В кладе имеется длинная цепь (ее ошибочно считали уздой), состоящая из восьми фибул, у которых отломаны иглы. Фибулы скреплены наглухо медной проволокой. Очевидно, житель берегов Оки, которому посчастливилось купить или взять в качестве добычи вещи с эмалью, не умел использовать их; из фибул, служивших для скрепления легкого плаща (по две на человека), он сделал пышное, но бессмысленное ожерелье. Следовательно, на Оке вещи с эмалью были новинкой, и называть этот тип мощинским можно лишь условно.

Остальные находки в северо-восточном направлении единичны и случайны; они редеют по мере удаления от Днепра.

Местом производства эмалей определенного типа нужно считать Среднее Приднепровье, район киевских и переяславских полей погребальных урн. На связь эмалей с полями погребений указывают, во-первых, находки эмалевых фибул в Черняхове и Ромашках (впрочем, эти находки не вполне достоверны), а во-вторых, постоянная корреляция между эмалями и черной лощеной керамикой полей. И фибулы с эмалью и черная посуда имели основной областью распространения Среднее Причерноморье; находки вне этой области случайны, но всегда черной керамике и вдалеке от Днепра сопутствует эмаль киевского (мощинского) типа. К сожалению, датировка выемчатых эмалей, как уже отмечалось выше, совершенно не удовлетворительна; амплитуда хронологических колебаний — III—IX вв.

---

[31] А. А. Спицын. Предметы..., стр. 173.

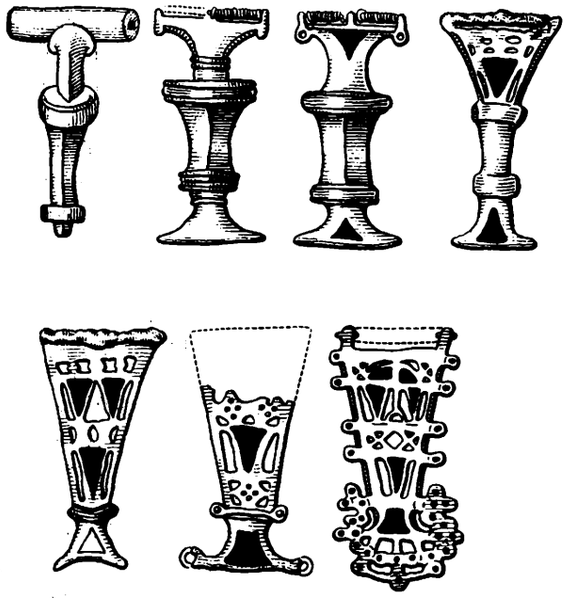


Рис. 6. Эволюция фибул днепровского типа с выемчатой эмалью

Для определения даты основного предмета днепровских эмалей — прорезной фибулы — я предлагаю эволюционный ряд, позволяющий наметить хотя бы нижний предел датировки (рис. 6).

За исходную точку нужно взять фибулу из Ромашек (Спицын, рис. 215) в сопоставлении с одной мощинской (Спицын, рис. 271). Ромашевская фибула относится к типу перекладчатых, развившемуся из одного варианта позднеримских фибул. Мощинская фибула, сохраняя перекладины, получила уже ажурную прорезь, сближающую ее с классической формой среднеднепровских фибул с выемчатой эмалью. Несомненно, она является дальнейшим развитием ромашковской.

Эволюционный ряд предстает в следующем виде:

1. Римская провинциальная фибула, разновидность арбалетных. Корпус ее согнут под углом и в месте сгиба наложена для прочности перекладина, имеющая конструктивное значение; дата — III в. н. э.[35] С данным типом связана фибула так называемого «вендского» типа.[36] Она еще сохраняет изогнутость корпуса, но от предыдущего типа ее отличает бо́льшая вычурность и сложность профилировки перекладины. Перекладина находится, как и в первом случае, посредине. Этот тип римских фибул широко распространен в Центральной Европе, преимущественно в славянских землях, чем объясняется его название. Данный экземпляр происходит с берегов Днестра; дата — III—IV вв. н. э.[37]

2. Вариант «вендского» типа перекладчатых фибул. Корпус изогнут. Перекладина сильно выступает. Внизу яснее оформляется вторая (декоративная) перекладина. Ясно обозначена двускатность продольных частей корпуса.

Этот тип является последним представителем широко распространенных фибул римского изготовления. Позднее возникают локальные особенности, и данный тип в разных местах по-разному эволюционирует.[38] Он обнаружен в разных местах далекой римской периферии. Отдельные находки есть на Оке (городища Дуна и Федяшевское). Данный экземпляр найден в кургане (?) близ Новгород-Северска вместе с пластинкой с выемочной эмалью. На самой фибуле эмали еще нет.[39] Дата этого типа точно не установлена; предположительно его можно отнести к IV в. н. э.

3. Фибула совершенно сходная с предыдущей, но на плоскостях появляются две небольшие треугольные вставки красной эмали.[40] Место находки — известное своим полем погребальных урн с. Ромашки на Киевщине. Связь с погребением не подтверждена. Данный тип является первым вариантом фибул с выемчатой эмалью и по общему облику тесно связан с предшествующим типом гладкой фибулы без эмали.

Примерно на этом же этапе развития вендского типа фибул в Прибалтике на них начинает встречаться эмаль. Заимствование техники римской эмали и перенесение ее на местные типы украшений могло произойти только в эпоху полнокровного существования Римской империи. Если бы была доказана связь данной фибулы с полем погребальных урн, то датировать ее нужно было бы IV—V вв. Возможно, что данный тип действительно относится к IV в.

4. Корпус фибулы отлит в одной плоскости без изгиба. Перекладины сдвинуты вниз. Существенным отличием от предыдущего типа является увеличение верхней треугольной плоскости, на которой (вокруг

---

[35] В. Г о ш к е в и ч. Древние городища по берегам низового Днепра. — ИАК, СПб., 1913, вып. 47. Поле погребений у Бизюкова монастыря.

[36] Alois R i e g l. Die spätrömische Kunstindustrie, Bd. 2, Wien, 1923; Oskar A l m g r e n. Studien über Nordeuropäische Fibelformen, Bd. I—II, Stockholm, 1897.

[37] H a d a c z e k. Cmentarzysko ciałopalne koło Przeworska, Lwów, 1909.

[38] Напр., на Северном Кавказе. — А. А. С п и ц ы н. Предметы...

[39] Материалы Новгород-Северского музея. Курган у с. Родичева. Раскопки В. Сахового. Найдены две парные фибулы и две пластинки, украшенные выемчатой эмалью с антропоморфными изображениями.

[40] А. А. С п и ц ы н. Предметы..., рис. 215.

такой же небольшой эмалевой вставки) располагается прорезной узор. Хвостовая часть совершенно тождественна предшествующему типу.[41]

В этой фибуле чувствуется отход от римских образцов (может быть, в это время прекратился приток их ?) и самостоятельное решение мастером новых художественных задач. Мастер-эмальер, беря в основу рисунка старую вещь, создает нечто совершенно новое, применяя иные технические и стилистические приемы. Дальнейшая эволюция идет, очевидно, быстро.

5. Плоская прорезная фибула треугольных очертаний. Внешне всякая связь с предшествующими типами исчезла, но при внимательном рассмотрении ее можно установить, что прежним перекладинам соответствуют горизонтальные пояски, не покрытые эмалью. Увеличивается количество эмалевых треугольников и прорезей между ними; вся фибула приобретает красочность, легкость и изящество. Этот тип является основным и наиболее встречающимся.

6. Прорезное бронзовое кружево заполняет все свободное от эмали пространство и даже несколько оттесняет эмаль на задний план, превращаясь в самостоятельный декоративный элемент[42] (рис. 6).

7. Выродившийся экземпляр фибулы с геометрическими сухими прорезями и б е з э м а л и. Датировке не поддается.[43]

Прослеженная эволюция приднепровских фибул позволяет сделать ряд хронологических выводов.

Во-первых, удалось установить генетическую связь с позднеримской индустрией III—IV вв.; во-вторых, определилось время появления эмалей на фибулах вендского типа — около IV в. н. э.; в третьих, время расцвета выемчатых эмалей приходится на IV — V вв., т. е. совпадает с наибольшим расцветом и полей погребальных урн.

Остается невыясненным конец эпохи эмалей, верхний предел их датировки, так как здесь нет никаких прямых хронологических указаний. Поскольку в этом же Среднеднепровском районе фибулы с эмалью были заменены новым типом лучевых фибул, выяснение датировки последних должно помочь уточнению даты эмалей. Дата появления лучевых фибул в Среднем Приднепровье будет вместе с тем и датой исчезновения здесь эмальерного мастерства. Нужно оговориться, что между обеими категориями фибул мог быть и некоторый прорыв.

Последний вопрос, связанный с выемчатыми эмалями, это — вопрос об их отношении к готам. Там, где мы знаем бесспорные готские погребения, как, например, в Крыму, нет никаких следов выемчатых эмалей среднеднепровского типа. Единственная фибула найдена в Херсонесе; в готских же районах Южного Крыма нет ни одного экземпляра. В позднейших готских погребениях не содержится никаких намеков на пережитки эмали. Наконец, по пути следования готов в Западной Европе, где улавливаются археологические следы их передвижений, есть фибулы керченских типов, но совершенно нет фибул с выемчатой эмалью днепровского типа.

На Днепре расцвет производства эмалей падает как раз на послеготское время, когда готы, в результате событий 375 г., ушли на запад. Следовательно, связывать с готами предметы с выемчатой эмалью нет никаких оснований.

Перехожу ко второму элементу так называемой «готской культуры» — пальчатым фибулам. Для их обозначения употребляются два термина — «пальчатые» и «лучевые» фибулы. Поскольку количество отростков у них колеблется от 5 до 7 и носились они отростками вниз, лучше принять второй термин — «лучевые», по аналогии с лучевыми височными кольцами.

К этим фибулам прочнее, чем к каким-либо другим вещам, прикрепился эпитет «готские». На основании именно этих фибул делались наиболее широкие исторические обобщения о роли готов в судьбах Восточной Европы. Все это заставляет пристальнее вглядеться в лучевые фибулы и детально анализировать все варианты их.

Рассмотрение сложной истории лучевых фибул удобнее всего начать с типологии и эволюции типов, затем перейти к их географическому распространению и только после этого приступить к хронологическим определениям и на основе всех данных — к определениям этническим.

Ниже предлагается эволюционный ряд, учитывающий не только формально-типологические признаки, но и хронологию. Впервые эволюционный ряд фибул предложил А. А. Спицын в 1899 г.,[44] но мне придется весь приведенный им ряд перевернуть и начать эволюцию с того, чем закончил ее А. А. Спицын, так как его схема не подтвердилась позднейшими материалами. В 1928 г. вышла сводная работа А. П. Калитинского,[45] дающего более правильную схему развития фибул, но слишком общую, не учитывающую многих деталей.

---

[41] А. А С п и ц ы н. Предметы..., рис. 271.

[42] Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Ук. соч., вып. IV, табл. VII, рис. 195.

[43] М. И. А р т а м о н о в. Средневековые поселения на Нижнем Дону, Л., 1935, рис. 5, № 31.

[44] А. А. С п и ц ы н. К вопросу о происхождении так называемых готских фибул. — ЗРАО, СПб., 1899, т. XI, вып. 1—2, стр. 385—387.

[45] А. П. К а л и т и н с к и й. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России. — «Seminarium Kondokovianum», т. II.

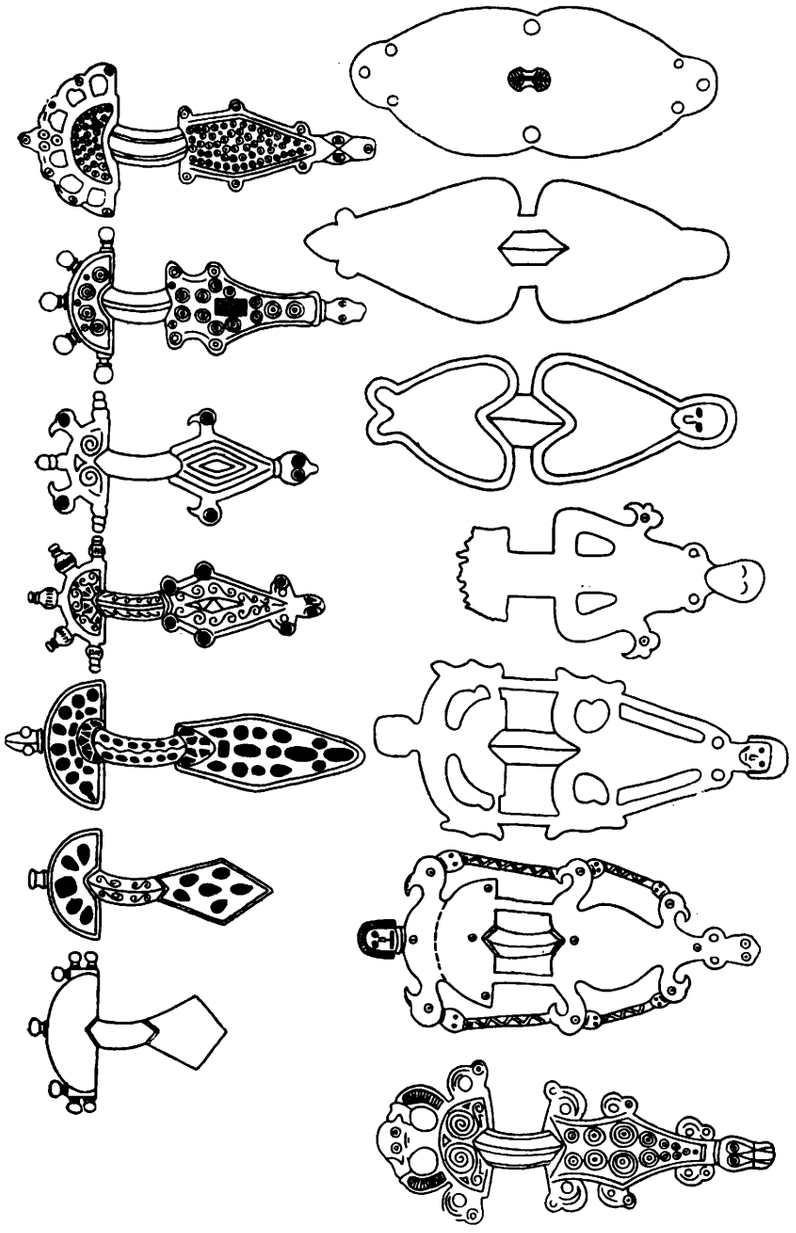


Рис. 7. Эволюция лучевых (пальчатых) фибул

Последнее слово осталось за Д. Н. Эдингом, который вернулся к спицынской схеме и отнес многие интересующие нас фибулы к первым векам до нашей эры.[46] Ввиду спорности вопроса приходится начинать с типологии и генетической увязки типов между собой.

На составленной мною таблице (рис. 7) представлено 14 разновидностей фибул, бытовавших по преимуществу в Приднепровье и охватывающих время от III в. н. э. до VIII в. н. э. Рассмотрим их по порядку:

1. Серебряная фибула, найденная в могильнике эпохи полей погребений у с. Черняхова.[47] Фибула состоит из двух щитков (одного полукруглого, другого — ромбического), соединенных изогнутой дужкой. Концы пружины под полукруглым щитком выступают из-под него и прикрыты семью шариками. Дата — III век н. э. Подобные фибулы есть и в Крыму.

2. Серебряная позолоченная фибула, богато украшенная филигранью и камнями. На полукруглом щитке один шип.[48] Иногда встречаются фибулы с подобной орнаментацией, но по устройству пружины и прикрывающих ее шипов аналогичные первому типу.[49] Оба варианта встречены в Керчи и датируются IV в.

3. Золотая фибула с камнями и инкрустацией. Найдена при земляных работах в Орловской области. Публикуется впервые по фотографии Орловского музея. Очень близка к золотым фибулам IV в., известным на юге и в Венгрии. Включена в нашу схему как бытовавшая на территории славянских племен. Интересно оформление шипа в виде головки зверя.

4. Серебряная позолоченая фибула из Керчи,[50] датируется V в. Фибулы данного типа изготовлены путем литья по восковой модели с

---

[46] Д. Н. Эдинг. Антропоморфные и зооморфные фибулы Восточной Европы. — «Труды Института национальных и этнических культур Востока», т. II, М., 1931. — Мои краткие возражения Д. Н. Эдингу см. в статье: «Ранняя культура восточных славян».—«Исторический журнал», 1943, вып. 11—12,стр.77.

[47] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, табл. XVIII, рис. 352А.

[48] А. С. [А. А. Спицын]. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб. — ИАК, СПб., 1905, вып. 17, рис. 32.

[49] J. de Baye. La bijouterie des Goths en Russie, Paris, 1892, табл. III, рис. 2.

[50] Л. А. Мацулевич. К вопросу о стадиальности в готских надстроечных явлениях. Из истории докапиталистических формаций. — Сб. статей к сорокапятилетию научной деятельности Н. Я. Марра. М.—Л., 1933, табл. II, рис. 1, *в*.

тщательной отделкой орнамента, подражающего филигранным завиткам. По краям ромбовидного щитка и на трех из пяти лучей часто бывают вставлены камни. Этот тип имеет много вариантов и широко распространен в древностях Крыма и Северного Причерноморья. Он явился родоначальником как восточноевропейских (приднепровских) типов, так и западноевропейских.

5. Серебряная фибула с камнями.[51] Очень близка к четвертому типу и типологически и хронологически. Интересны птичьи головы, украшающие оба щитка. Ареал этого типа также ограничен южными областями; лишь единичные экземпляры попадают на Днепр и Оку.

6. Медная фибула VI в., представительница многочисленных днепровских фибул[52] антского типа. Явное подражание керченским серебряным фибулам, но подражание огрубленное: спирали (имитирующие филигрань) заменены концентрическими кружками, камни исчезли и заменены тоже кружками. Вместо позолоченного серебра употреблена золотистая бронза. Именно этот тип (и близкий к нему седьмой тип) будут предметом дальнейшего рассмотрения.

7. Медная фибула VI в., очень близкая к предшествующему типу.[53] Отличие состоит лишь в том, что полукруглый щиток украшен не лучами, а соколиными головами, обращенными к центральной неясной по содержанию фигуре.

8. Бронзовая фибула; найдена в числе многих других на известном Пастерском городище на Киевщине.[54] Интерес ее заключается в том, что над щитком появляется целая композиция с человеческой головой в центре. Головы птиц покрывают весь узкий щиток. Эта фибула является связующим звеном между пальчатыми и антропоморфными фибулами Приднепровья.

9. Бронзовая фибула; найдена на хуторе Блажки, Полтавской обл. Здесь мы видим дальнейшее развитие композиции с человеком в центре. Контуры старой пальчатой фибулы (см. пунктир на рисунке) ощущаются ясно несмотря на запутанность всей композиции из птиц, человека и змей. Датировать можно VII в. Подобные фибулы распро-

[51] Там же, рис. 1.

[52] Коллекция ГИМ. — Фибула найдена в б. Черкасском у., Киевской губ. Очень близка к данной фибуле фибула из мартыновского клада с византийскими вещами VI в. и случайная находка из Курской области, известная мне по фотографии В. И. Самсонова.

[53] Пастерское городище Киевской области. Коллекции ГИМ.

[54] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, табл. V, рис. 161.

странены в Среднем Приднепровье на менее широкой территории, чем их пальчатые прототипы. Отдельные экземпляры попадают на Оку.

10. Бронзовая фибула, очень близкая к девятому типу.[55] Отличие заключается лишь в том, что человеческая фигура, центрирующая всю звериную композицию, повторена дважды: и на полукруглом и на узком щитке, но основное изображение перенесено на узкую часть. В дальнейшем развивается именно этот способ размещения — голова человека на узком щитке. На полукруглом щитке часто изображают две ноги.

11. Часть фибулы,[56] представляющая схематизацию предыдущего типа. Устраняется ажурность, предмет становится более компактным.

12. Бронзовая плоская фибула.[57] Упрощение дошло до того, что оба щитка стали почти симметричными. Только один попрежнему увенчан головой, а другой заканчивается ногами.

13. Подобная плоская фибула,[58] но еще более схематизирована. Черты лица уже не обозначены.

14. Бронзовая фибула из с. Ивахникова близ Лохвицы на Полтавщине.[59] Схематизм доведен до предела; все признаки антропоморфных фибул исчезли бесследно и только ряд посредствующих звеньев связывает эту фибулу с более ранними. Дата данной фибулы, судя по найденным вместе с нею трем гривнам, перстню и трапециевидной подвеске,—VIII — IX вв.

Закончив формально-типологический обзор лучевых фибул и их дериватов, необходимо перейти к их географическому распространению (рис. 4).

На карту нанесены собственно лучевые фибулы, обычно называемые «готскими», и их антропоморфные потомки; не включены сюда находки в Западной Европе.

Области распространения лучевых фибул две.

Первая область охватывает Боспор и прилегающие к нему районы Южного Крыма, Зихии и Прикубанья. Далее на север в степи — пустое пространство, в котором совершенно нет лучевых фибул.

Вторая область начинается по другую сторону степного пространства. На Среднем Днепре лучевые фибулы встречаются несколько

[55] Пастерское городище. Коллекции ГИМ.

[56] ИАК, СПб., 1910, вып. 35, рис. 34.

[57] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. V, рис. 151. — Фибула найдена на Пастерском городище.

[58] А. А. Спицын. К вопросу..., рис. 53.

[59] Коллекции ГИМ.

южнее Киева. Их много в низовьях р. Роси (Пекари, Княжья гора, Мартыновка). Далее они идут сравнительно узкой полосой вниз по правому берегу Днепра к Черкасам и Чигирину (Пастерское городище и др.) Не ограничиваясь этой узкой полосой Правобережья, лучевые фибулы переходят и на левый берег Днепра, встречаясь в Северной Полтавщине (напр., Поставмук, Лебеховка, Бельское городище), и далее на восток до верховьев Псла, Северского Донца и Оскола, до пределов Салтово-Маяцких городищ, не заходя в область салтовской культуры, а лишь соприкасаясь на юго-востоке.[60]

Фибулы, употреблявшиеся попарно в качестве застежек легкого женского плаща, встречены и в погребениях и в кладах (в горшке или даже в шлеме).[61]

К сожалению, большинство фибул относится к печальному разряду случайных находок без указания обстоятельств их нахождения. Внутри второй, днепровской, области распространения лучевых фибул можно отметить, что простые и сложные типы встречаются в одних и тех же местах, за исключением крайнего восточного района, где отсутствуют пышные антропоморфные формы.[62]

Это различие не хронологическое, так как на востоке встречаются и самые поздние, деградировавшие фибулы. Вероятнее всего интенсивное развитие сложных композиционных форм фибул шло в райо-

[60] Карта находок лучевых фибул не полна. Для ее пополнения необходимы материалы Киевского государственного музея, где хранится большое количество неопубликованных фибул из Среднего Приднепровья, специальное исследование которых предполагал произвести С. В. Коршенко. Неполные географические данные о фибулах есть в указанной выше работе А. П. Калитинского.

[61] Н. Макаренко. Колосковский клад.— ИАК, СПб., 1906, вып. 19.

[62] Необходимо оговориться, что типологически-эволюционные ряды не дают нам безусловного права считать простейшую форму всегда предшествующей по времени более сложной. Простейшая форма предшествует в генетическом, а не в хронологическом смысле, так как появление новой усложненной формы той или иной вещи не означает полного исчезновения старой, простейшей формы. И новая сложная форма и старая простая могут сосуществовать довольно долго. Интересна в этом отношении эволюция семилопастных височных колец, прослеженная А. В. Арциховским («Курганы вятичей», М., 1930) по материалам XII—XIV вв. Оказалось, что простейшая форма XII в. продолжала существовать до XIV в. включительно, хотя к этому времени из той же простейшей формы височного кольца развилась пышная форма трехлопастного, украшенного фигурками коней и прорезным кружевом. Обе формы в XIV в. существовали одновременно на одной территории. Возможно, что различная быстрота эволюции и сохранность архаических форм обусловлены различной социальной средой.

нах, прилегающих к Днепру, а на окраинах продолжали бытовать более простые типы фибул.

К географическим и историческим особенностям днепровской области распространения фибул придется еще вернуться в дальнейшем, а сейчас для выяснения происхождения лучевых фибул необходимо рассмотреть отношение их к готам.

В пользу готской теории приводят два факта: во-первых, наличие лучевых фибул в готских могилах Южного Крыма и, во-вторых, появление их в Западной Европе одновременно с походами готов.[63]

Нужно заметить, что оба аргумента основаны на обобщенном понимании лучевых фибул как категории вещей, связанных только с одним определенным народом. Оттенки типологической эволюции не учитывались, равно как недостаточно были учтены хронологические данные.

Если считать лучевые фибулы характерным признаком готской культуры, то естественнее всего искать все (а особенно ранние) элементы эволюционного ряда в подлинно-готских погребениях. Классическим некрополем крымских готов считается могильник Суук-Су близ Ялты.[64]

Большое значение могильника Суук-Су для датировки многих причерноморских памятников явствует из наличия в нем погребений, датированных византийскими монетами:

Монеты	Дата	№ погребения
Боспорские	279—308	131 и 166
Имп. Аркадий	395—408	199
» Феодосий II	408—450	154
» Юстина	518—527	56
» Юстиниана	527—565	56
» Маврикий	597—602	77
» Льва VI	886—912	—

[63] De Baye. Les tombeaux de Goths en Crimée. «Mémoires de la Société National des Antiquaires de France, vol. LXVII, Paris, 1907; Nils Åberg. Gothen und Langobarden in Italien, Uppsala, 1923.

[64] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. — ИАК, СПб., 1906, вып. 19. См. также: «Записки Одесского общества истории и древностей», Одесса, 1907, т. XXVII; Н. И. Репников. Разведки и раскопки в Крыму в 1907 г. — ИАК, СПб., 1908, вып. 30. — Сплошная нумерация погребений, таблиц и рисунков во всех трех изданиях очень удобна для ссылок и избавляет от необходимости указывать каждый раз издание. Римские цифры обозначают таблицу, арабские — номер рисунка.

Длительность существования кладбища — с III по X столетие — и наличие четких погребальных комплексов увеличивает значение могильника. Если попытаться расположить основные категории вещей в эволюционно-типологические ряды, то окажется, что эти ряды полностью совпадают и с хронологическими данными монет.

Иногда инвентарь разных погребений настолько совпадает даже в мелочах, что позволяет, например, говорить о полной синхронности погребений № 46 и 56. Так как погребение № 56 датировано монетами, то и его современник получает точную дату.

Лучевые фибулы в могильнике Суук-Су встречены двух типов — керченского и приднепровского. Первые найдены в погребениях № 155 и 162 и связаны с вещами V в. Все фибулы из этих погребений серебряные, с позолотой и камнями; они образуют два гарнитура.

Лучевые фибулы днепровского типа найдены в погребениях № 28, 55, 86, 87, 154. Все они — бронзовые, без камней, разрозненные, часть из них поломана. Чувствуется, что для этого могильника они — чуждый, заносный тип украшений.

Самым ранним следует считать погребение № 154 с монетами Феодосия II (408—450). Захоронение нельзя отнести к середине V в., так как оно содержит вещи явно более поздние (напр., пряжку с соколиной головой), встреченные даже с монетами имп. Маврикия. Вероятнее всего это погребение относится к началу VI в.

Следующим в хронологическом порядке идет погребение № 86. С него и нужно начать более точное хронологическое определение. Помимо фибул, там найдены браслет с расширенными концами, медные (а не золотые, как обычно) височные кольца и большая серебряная пряжка (табл. IX, рис. 8). Совершенно аналогичная пряжка найдена в погребении № 61, которое, в свою очередь, по некоторым признакам (золотые городчатые подвески) можно сближать с погребением № 56, датированным монетой императора Юстиниана 527—565 гг. Следовательно, более или менее одновременными можно считать погребения № 56, 61 и 86; их можно отнести к середине или ко второй половине VI в. Погребение № 86 следует признать наиболее поздним, судя по вырождающейся форме височного кольца и по большой изношенности основного датирующего предмета — пряжки.

Следующим в типологическом ряду стоит погребение № 28. В этом погребении есть такой же хороший датирующий признак — пряжка (типа табл. VIII, рис. 4), тождественная пряжке из погребения № 77 с монетой Маврикия 597—602 гг. Получаются две пары одинаковых

пряжек: № 86 и 61, с одной стороны, и № 28 и 77 — с другой. Сличение обеих пар (табл. VIII, рис. 4 и IX, рис. 8) убеждает в том, что все четыре пряжки крайне близки по рисунку серебряного литья и различаются лишь формой центрального камня (№ 86 и 61 — овальной формы, № 28 и 77 — прямоугольные). Все это позволяет сблизить даты всех четырех погребений, относя их к рубежу VI и VII вв. Лучевые фибулы из погребения № 86 нужно относить ко второй половине (или к концу) VI в., а фибулы из погребения № 28—к началу VII в.

Погребение № 87 не имеет характерных вещей, которые уточняли бы датировку, и ввиду типологической близости фибул с одной из фибул 28 погребения, его следует также отнести к началу VII в.

Погребение № 55 содержит фибулы поздних типов. Одна из них относится уже к концу эволюционно-типологического ряда. Сопровождающие вещи также поздние: медные спиральки и медная серьга с характерной гирькой каплевидной формы и с боковым отростком на кольце. Аналогичные серьги есть в неопубликованном железницком кладе близ Зарайска,[65] который можно датировать VIII—IX вв. Такая же серьга найдена на Пастерском городище вместе с такими же поздними фибулами,[66] что доказывает неслучайность этого сочетания. Датировать погребение № 55 нужно VII—VIII вв. В итоге получается, что готский могильник, насчитывающий несколько сотен могил, в которых хоронили в продолжение 600 лет, обладает всего лишь несколькими погребениями с «готскими» лучевыми фибулами. В трех из этих погребений (кроме № 87) фибулы непарные, разрозненные, а в погребении № 87 одна их них даже починена бронзовыми заклепками (табл. VII, рис. 1). Четыре комплекта фибул во времени распределяются между концом VI в. и концом VIII в., т. е. на 150–200 лет.

Ранние могилы Суук-Су совершенно не знают лучевых фибул. Господствующим типом здесь является двупластинчатая фибула с тремя лучами, прикрепленными к шестиугольному щитку и с длинным двускатным другим щитком. Этот тип лучше других сохранил форму своего римского прототипа. Встречается он почти во всех женских погребениях вплоть до самых поздних (для нижнего слоя), которые можно датировать VIII в. Многочисленность и устойчивость этого типа позволяют считать его характерной чертой готских погребений наряду

[65] Коллекции ГИМ в Москве.

[66] А. А. Бобринский. Ук. соч., рис. 37.

с другими вещами, вроде золотых височных колец, упомянутых выше пряжек и др. При сравнении фибул с остальным инвентарем Суук-Су, невольно создается впечатление чужеродности их; особая техника литья, необычный рисунок, а самое главное — крайняя малочисленность их, разрозненность и некомплектность, — все это очень убедительно свидетельствует против признания лучевых (пальчатых) фибул спецификой готов.

В готской среде лучевые фибулы были случайными гостями, появившимися очень поздно (не ранее середины VI в.) и на протяжении двух последующих столетий нарушавшими единство готской культуры всего лишь несколько раз. Если сопоставить все характерные вещи готских могильников (Суук-Су, Узень-Баш, Эски-Кермен, Артек, Гурзуф и др.) с вещами, находимыми на Среднем Днепре и его притоках, то окажется, что готский мир Южного Крыма не имел никакого соответствия в антских краях. Насколько близки друг к другу аланские погребения Северного Кавказа и удаленных верховьев Донца, настолько далеки готские и днепровские археологические памятники, отделенные друг от друга теми же степями. В III—IV вв., когда отдельные готские отряды были в причерноморских степях и воевали с антами, на Днепре существовала своя устойчивая и яркая культура полей погребальных урн и выемчатых эмалей, которую можно связывать с вендами-антами. На юг, в степь, эта культура не подвигалась, оставаясь в пределах черноземной лесостепи. Днепровских вещей IV в. нет в тех районах, в которых нам исторически известны готы. В 375 г. готы, разбитые гуннами, ушли на Запад; они взяли с собой много различных вещей, преимущественно боспорского производства, и растеряли их на своем пути в Западной Европе, но среди этих вещей не было ни одной, происходившей с берегов Среднего Днепра. На Днепре же расцвет сложного мастерства выемчатых эмалей падает именно на послеготское время.

Почему же многие археологи так упорно говорят о готской культуре на Днепре? Причина ошибки — опять те же лучевые фибулы, которые казались убедительным аргументом и в пользу расширения готской культуры Суук-Су до Киева и Полтавы.

Находки лучевых фибул в Западной Европе, совершенно правильно связываемые с готами (точнее с готским союзом, в который входили и аланы и др. народы),[67] получили слишком расширительное понятие; исследователи, желавшие тенденциозно увеличить могущество готов

[67] N. Åberg. Op. cit.

путем привлечения археологического материала (как Иордан увеличивал его за счет заведомых легенд), исходили из предпосылки: там, где лучевые фибулы, — там готы. В результате получилась такая же картина, как и в вопросе с выемчатыми эмалями: вещи рассматривались суммарно, без анализа отдельных типов, без внимательного изучения мелких деталей, позволяющих иной раз подразделить обширную область распространения сходных вещей на отдельные районы, связываемые с различными центрами производства или с различными этническими группами.

В вопросе о лучевых фибулах недостаточно показать, что у крымских готов они появляются извне в VI в. и остаются в дальнейшем нехарактерными для них. Необходимо решить еще два вопроса: 1) время появления лучевых фибул на Днепре и 2) время бытования и разнообразие вариантов лучевых фибул в Боспоре.

Несмотря на то, что римский прототип лучевых фибул бытовал в IV в. на Днепре, мы не видим там всех промежуточных звеньев которые соединяли бы его с обычным для этих мест типом лучевых фибул, известных из множества находок. Материалы Суук-Су позволяют датировать самые ранние днепровские фибулы, обнаруживающие чрезвычайную близость к фибулам из погребений № 86 и 28. Самая ранняя дата, которую можно допустить для простейших лучевых фибул,— это первая половина VI в.

Промежуточные звенья обнаруживаются только на Боспоре в погребениях керченских катакомб. Типы 3 и 4, отсутствующие на Днепре, богато представлены здесь экземплярами IV и главным образом V вв. Они-то и являются прототипом как днепровских фибул, так и тех пальчатых фибул, которые попали в Западную Европу.

Керченские лучевые фибулы сделаны из серебра, украшены вставками красных камней, рельефными литыми узорами из завитков. На некоторых экземплярах лучи уже превращаются в птичьи головы. Дата их — V в.[68]

Очень важно для понимания истории днепровских фибул отметить, что в Керчи и ее окрестностях, где фибулы боспорского изготовления обычны для V в.,[69] лучевые фибулы совершенно исчезают в VI в., т. е. именно тогда, когда они появляются на Днепре. Это обстоя-

[68] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе, М., 1934, рис. 22, 23 и 24.

[69] М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. — «Сов. археол.», М. — Л. 1936, № 1, рис. 3 (лучевая фибула керченского типа на Кубани); ОАК за 1902 г., стр. 135.

тельство заставляет особенно пристально приглядеться к керченским лучевым фибулам и сравнить их с днепровскими.

Общая форма днепровских фибул очень близка к керченским. Чувствуется, что несколько более поздние днепровские фибулы, копируя предшествующие им по времени керченские, старательно воспроизводят как общий контур, так и спиральный орнамент и отдельные детали. Но, несмотря на значительное сходство, существуют как явные, так и малоприметные, но важные отличия:

1) В днепровских лучевых фибулах отсутствуют красные камни и позолота; вместо камней есть соответствующие выступы, но отлитые вместе со всем корпусом фибулы.

2) Все керченские фибулы отлиты из серебра, все днепровские — из бронзы.

3) Обе группы фибул изготовлены техникой литья по восковой модели (поэтому даже фибулы из одного комплекта не тождественны), но существенно отличаются техникой изготовления самой модели.

Боспорские мастера работали по твердому воску и р е з а л и рисунок резцом, вследствие чего у рельефного рисунка получались острые грани. Рельеф получался благодаря углублению фона, вынутого резцом и шпателем. Этой же техникой выполнены пряжки из Суук-Су. Мастера днепровских фибул обрабатывали восковую модель менее кропотливым, упрощенным способом: весь орнамент наносился на фибулу острием, которым в ы д а в л и в а л и, а не резали углубления. Для упрощения процесса орнаментации применялись дву- и трезубые циркульки. В результате вместо спирального и эсовидного орнамента получался менее изысканный орнамент из концентрических кругов, на первый взгляд очень похожий на керченский.

4) Последнее отличие касается способа ношения: южные фибулы носились лучами вниз, а днепровские, судя по эволюции антропоморфных типов, носились лучами вверх.

Все эти отличия позволяют утверждать, что мастера днепровских фибул копировали керченские образцы, но не располагали при этом всеми техническими приемами боспорских мастеров. Копирование керченских фибул на Днепре началось в VI в.; в это же время лучевые фибулы исчезли в Керчи.

Все сказанное выше о различных типах фибул можно свести в таблицу (см. стр. 69).

Первый вывод из приведенной таблицы, это — полное отсутствие связи готской культуры как с выемчатыми эмалями, так и с лучевыми (пальчатыми) фибулами приднепровских

Век	Район		Готы
	Приднепровье	Боспор	
IV	Бытуют римские двупластинчатые и арбалетные («вендского» типа) фибулы. Последние получают широкое распространение в связи с новой техникой выемчатой эмали	Римские образцы подвергаются «сарматизации» (вещи с инкрустацией). Появляются фибулы	Алано-готские отряды в Западной Европе; из боспорской индустрии взяли с собой фибулы с инкрустацией и лучевые
V	Расцвет фибул с выемчатой эмалью и к концу века исчезновение их во всей Европе	Расцвет серебряных лучевых фибул с красными камнями (существуют два типа: с простыми лучами и с птичьими головами)	У крымских готов продолжает эволюционировать прежний римский образец двупластинчатой фибулы из тонкого серебряного листа с тремя выступами; ни выемчатых эмалей, ни пальчатых фибул у готов нет
VI	Исчезают фибулы с выемчатой эмалью. Появляются бронзовые лучевые (пальчатые) фибулы, подражающие боспорским образцам. (Одновременно появляются оба типа с простыми лучами и с птичьими головами). Отдельные экземпляры фибул днепровского типа проникают на Оку.	Исчезают лучевые фибулы	Около середины столетия появляются отдельные экземпляры лучевых фибул приднепровского типа (погребение № 86 Суук-су)
VII — VIII	Появившиеся ранее лучевые фибулы начинают развиваться в сложные композиции из антропоморфных фигур, птиц, зверей и змей и утрачивают сходство с прототипом. Одновременно с этим на окраинах днепровской области распространения фибул продолжают бытовать простые типы лучевых фибул		Продолжают проникать отдельные разрозненные экземпляры днепровских типов (VII в. — погребение № 28, VIII в. — погребение № 55)

типов. Судя по области распространения и отсутствию вне ее центров производства, фибулы с выемчатой эмалью и медные лучевые фибулы нужно считать местными, среднеднепровским изготовлением.

Смена двух совершенно различных видов фибул (треугольных с эмалью и лучевых) произошла в конце V или в начале VI вв. Этим временем и нужно датировать конец бытования выемчатых эмалей киевского типа. Любопытно совпадение во времени прекращения производства эмалей и угасания культуры полей погребальных урн с ее высокой техникой ювелирного и гончарного дела. Выше уже приводились доводы в пользу отождествления выемчатых эмалей среднеднепровского типа с днепровским вариантом полей погребальных урн. Одновременное угасание обеих категорий памятников еще больше укрепляет в мысли об их тождестве. В V в. выемчатая эмаль сразу исчезает во всем варварском мире. Возможно, что это связано с прекращением производства римского стекла, необходимого для изготовления эмали.[70] Исторически для IV—V вв. мы имеем право называть население Киевщины, Полтавщины и Черниговщины или общим этническим наименованием всех славян — венедами, или более поздним именем обособившихся восточных славян — антами. Я склоняюсь к первому названию, так как, во-первых, термин анты появляется только в VI в., а, во-вторых, культура полей погребальных урн в эти века в своих основных чертах более или менее едина на всем пространстве от левобережья Днепра и далеко на Запад до Одера и Эльбы. Именно эту единую культуру, лежавшую широкой полосой вдоль римской границы и воспринявшую за несколько веков этого соседства ряд элементов римской культуры, и нужно считать культурой венедов, известных римским авторам [71]

[70] В. Селезнев. Очерк происхождения и развития эмалевого мастерства в связи со стеклоделием и керамикой. — «Труды Гос. исслед. керамического института», Л., 1925, вып. 3, стр. 9.

[71] Далекой периферией земли днепровских венедов являлось междуречье Десны и Оки в их верхних течениях. С берегов Днепра сюда, вдоль окраины лесостепной полосы, проникали выемчатые эмали (Мощинский клад) и черная лощеная керамика (Серенск, курганы в Почепке и Шанькове) вместе с фибулами «вендского» типа (городище Дуна, Федяшевское, курганы в Шанькове и др.). Не случайно, что в бассейне верхней Оки группируются древнейшие курганы с сожжением и именно в этом же районе (между Окой и Брынским лесом) расположены города вятичей, упоминаемые летописью. Давно уже высказывалась мысль, что летописное название «вятичи» является лишь видоизменением латинской формы «venedi» (А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. — «Изв. Акад. Наук», СПб., 1907, VI, серия № 16).

Может быть, давние связи Верхней Оки со Средним Приднепровьем, восходящие к эпохе полей погребальных урн, объяснят в будущем связь вятичей-вентичей с венедами на Днепре.

Термин «анты», по всей вероятности, производный той же формы «veneti» — вятичи (арабский вариант — вантит), возник на юге в Причерноморье едва ли ранее VI в., когда северные варвары обрушились на Восточную Римскую империю. Применительно к событиям IV в. он употреблялся авторами VI в. (Иордан) лишь ретроспективно. Впрочем, некоторое обособление приднепровских венедов ощущалось уже и в V в. (см. карту выемчатых эмалей).

[72] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. — ВДИ, 1939, № 1, карта на стр. 320.

События VI столетия привели в движение огромные массы варварских племен Восточной Европы. Начавшееся при Юстиниане завоевание Византии славянами произвело чрезвычайно серьезные сдвиги в Среднем Приднепровье и других прилегающих областях. Можно думать, что завоевательные походы антов не ограничивались только одним юго-западным направлением (в низовьях Дуная и далее до Фракии), но происходили и против более близких и более доступных городов Приазовья и Причерноморья. Не с этими ли походами нужно сближать загадочное исчезновение лучевых фибул в Боспоре и появление их на Днепре именно в эпоху Юстиниана, в эпоху ожесточенных славянских нашествий, из которых возвращались с богатой добычей и тысячами пленных?

Показателем богатой добычи, вывезенной восточнославянскими дружинами из балканских владений Византии, являются клады византийских вещей V — начала VI вв. в Приднепровье.[72]

Показателем отношений с Боспором являются лучевые фибулы, центр изготовления которых переместился в VI в. из Боспора на Днепр.

3. ГОНЧАРНОЕ ДЕЛО И ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА В VI—IX вв.

В VI в. анты Среднего Приднепровья вступают в новую эпоху, отличную от эпохи полей погребальных урн, культура антов сильно изменилась в результате ряда бурных событий: нашествия гуннов и аваров, походов на Византию, возможного появления на Днепре более северных дружин с Верхнего Днепра и Оки. В это время кончается тот период, который условно можно было назвать римско-сарматским; начинается период антско-хазарский. Попрежнему

наиболее интересным и содержательным является старый район скифов-пахарей — Среднее Приднепровье, бассейн Роси, Десны, Сулы, Сейма и Ворсклы. Именно в этом районе распространяются римские монеты, гончарный круг, выемчатая эмаль и ряд других элементов римско-вендской культуры.

К величайшему сожалению, отсутствие погребальных комплексов и почти полная неизученность мест поселений антского времени лишают возможности дать сколько-нибудь полный очерк ремесла у антов. Самое важное из производств — кузнечное — совершенно лишено источников. Можно указать лишь несколько категорий изделий, находимых в антской земле, но обосновать их местное изготовление нельзя. Так например, часто упоминаемые выше бронзовые фибулы имеют стальную пружину и иглу на оборотной стороне. Можно думать, что изготовлением этих необходимых частей занимался тот же мастер, который отливал из бронзы весь корпус фибулы. Сложен вопрос о месте изготовления мечей, находимых с вещами VII—VIII вв. Возможно, что некоторые из них готовились местными мастерами. К концу рассматриваемого периода, к VIII веку, у антских дружинников появляются железные кольчуги и железные шлемы той характерной формы, которая известна по множеству русских образцов X—XVII вв.[73] Особенно интересна находка доспеха в дружинном кургане в верховьях р. Оскола.[74]

Помимо узорных серебряных и золотых бляшек, в погребении были найдены кольчуга и хорошей сохранности железный шлем, клепаный из четырех пластин с наносником и кольчужной бармицей. Заклепки были покрыты медью. Доспех датирован золотыми монетами Артемия Анастасия (713—716) и Льва (775—780). В это же время появляются кольчуги и в погребениях салтовской культуры.[75]

Вероятнее всего, что в VIII в. кольчуги и шлемы, так внезапно появившиеся в этих местах после большого перерыва, являлись импортными, а не местными изделиями, но уже для IX—X вв. можно говорить о работе русских мастеров по этим восточным образцам.

[73] В шлеме найден клад лучевых фибул VII—VIII вв. близ с. Колоскова. — Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в 1905 г. — ИАК, СПб., 1906, вып. 19, стр. 151. — Шлем, по словам нашедших клад, был настолько крепок, что его не могли разбить.

[74] ОАК за 1869 г., стр. XXI; Э. Э. Ленц. Вооружение из Демьяновки. — ИАК, СПб., 1902, вып. 2, рис. 11.

[75] ИАК, СПб., 1906, вып. 19, стр. 125.

Немного лучше, чем кузнечное, известно и гончарное дело. Общее положение керамического производства таково: в V в. исчезает появившийся ненадолго гончарный круг, и до VIII в. включительно бытует только лепная посуда ручной, неремесленной работы. Отсутствие раскопок приднепровских городищ лишает возможности ответить на важный вопрос — когда здесь появляется вновь гончарный круг, а тем самым и гончарное ремесло? Древнейшие датированные курганы IX—X вв., вроде Гульбища и Черной могилы в Чернигове, содержат прекрасную гончарную керамику, формованную на кругу, с резко очерченным профилем и четким орнаментом.[76] Но эти курганы, содержащие ремесленную посуду, не решают еще вопроса о времени выделения гончарного ремесла, устанавливая условную дату, — не позднее IX—X вв., оставляя открытым вопрос о ранней дате. Впредь до массовых раскопок на городищах Среднего Днепра решить этот вопрос для наиболее важного района Киевщины и Поросья нельзя.[77]

Несколько лучше изучена керамика левобережья Днепра, области городищ Роменского типа, занимающих верхнее течение Ворсклы, Сулы и Псла, Сейм, часть Десны и Верхнюю Оку. Элементы этой культуры есть и на среднем Дону.[78]

По сравнению с берегами Днепра роменская культура является провинцией, в которой развитие шло медленнее, чем в центре. Это необходимо учитывать при хронологических сопоставлениях. В качестве примера возьму Гочевское городище («Крутой курган»). Древнейшая керамика нижнего слоя связана с кругом сарматских культур и датируется IV—V вв. н. э. Лепные горшки с отогнутыми венчиками украшены на шейке рельефными выпуклинами.[79] Тесто хоро-

[76] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины, М., 1917.

[77] Сільвестр Магура. Допитання про стару слов'янську кераміку часів родоплеменного ладу. — «Науков. зап. Інст. істор. мат. культури ВУАН», кн. 1, Київ, 1930.

[78] Наиболее полно раскопаны городища:

а) «Монастырище» близ г. Ромен (Н. Е. Макаренко. Городище Монастиріще. — «Науков. збірн. Істор. секції УАН за 1924 рік»);

б) Боршевское (П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. — Сообщения ГАИМК, 1931, № 2, стр. 5—9);

в) Гочевское в верховьях р. Псла (мои раскопки 1937—1939 гг.; материал не опубликован; см. Д. Н. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. Краткое изложение части раскопок. — ВДИ, 1937, № 1, стр. 138—145).

[79] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь., ук. изд., Сравнительно-эволюционная таблица керамики на стр. 325, рис. 2.

шего приготовления, стенки тонкие, обжиг удовлетворительный, примесей мало. Керамика этого типа является подстилающим слоем очень многих городищ роменской культуры.[80]

Примерно с VI—VII вв. появляется новый тип посуды. Общая форма горшка близка к последующей курганной. Поражают необычайная грубость и толстостенность посуды. Толщина доньев и стенок (в их нижних частях) доходит до 2 см при общей высоте горшка в 20—25 см. В глиняном тесте сильная примесь дресвы, стенки вытерты по сырой глине тряпкой, обжиг очень плохой. Орнамент отсутствует совершенно. Кроме горшков, изготавливались небольшие сковороды.

Очень важным для понимании истории гончарного производства является то, что уже на этой стадии появляется зародыш гончарного круга. По поводу появления гончарного круга, с которым А. В. Арциховский правильно связывает выделение специалистов-гончаров, М. И. Артамонов пишет: «Гончарный круг не изобретался в каждом из этих мест самостоятельно, а заимствовался со стороны вместе с теми формами керамики, какие господствовали при данном уровне развития гончарного производства».[81]

С этим положением нельзя согласиться, так как в ряде мест гончарный круг возник без непосредственного воздействия соседей. В частности, в этом убеждает керамика Гочевского городища.

Обращает на себя внимание донная часть толстостенных грубых горшков. Часть их имеет плоские днища с совершенно горизонтальной поверхностью, а некоторые горшки имеют на дне отпечаток небольшой круглой подставки, аналогичной тому малому кружку, который обычно надевается на гончарный круг легкого типа.

В последующее время именно на этих кружках вырезывались гончарные клейма. Здесь клейм еще нет. Весь облик горшка с отпечатком подставки на дне таков, что не позволяет говорить о гончарном круге — грубые лепные стенки, отсутствие параллельных горизонтальных борозд и неполная симметрия корпуса — все это свидетельствует о том, что горшок обработан без равномерного вращения круга или подставки. Очевидно, круглая подставка, которая по размерам

[80] Материалы Курского музея: Липинское городище, Дроголево городище и ряд др. Те же результаты дали исследования С. А. Гатцука на Десне (Архив ИИМК) и Ю. Виноградского близ Сосницы. Далеко на юг эта керамика не идет, и область ее распространения совпадает в основном с распространением роменских городищ, что позволяет их связывать генетически.

[81] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, [Л.], 1935, стр. 63.

соответствовала дну горшка, не была центрирована, не была посажена на вертикальную ось. В таком случае подставка облегчала лепку горшка, устраняла прилипание к доске, на которой производилась лепка, и позволяла поворачивать горшок. Отсюда оставался только один шаг к тому, чтобы надеть деревянную подставку на ось и вращать ее вместе с горшком. Но этот шаг был сделан нескоро. Сама подставка была в то время еще новостью, так как встречена только на четырех горшках из нескольких десятков. Значение круглой подставки заключалось в том, что изобретение ее было, по сути дела, изобретением гончарного круга в его простейшей, примитивной форме. Хотя качество горшков и скорость их изготовления почти не изменялись после применения нецентрированной подставки, важно то, что был открыт принцип круга; в известных условиях он развился в настоящий гончарный круг, в котором подставка сохранилась в виде дополнительного элемента (см. ниже эволюцию гончарного круга). Наличие подставки и постепенное совершенствование ее делают почти неуловимым в керамике Гочевского городища переход к настоящему гончарному кругу.

Дальнейшие изменения в керамике состоят в замене дресвы шамотом (толчеными черепками), в постепенном утончении стенок и появлении орнамента. Это падает на VIII—IX вв. К концу этого периода уже окончательно оформляется настоящий гончарный круг, но клейма еще отсутствуют. Устанавливаются два типа горшков: один из них непосредственно продолжает описанный выше тип толстостенных горшков с отогнутым краем, другой отличается прямым цилиндрическим горлом.[82] В то же время появляются два способа орнаментации посуды: 1) линейно-волнистый орнамент широкими размашистыми волнами[83] и 2) штампованный ложно-гребенчатый орнамент, нанесенный (как показали гипсовые слепки) палочкой, обмотанной перекрученным шнуром.[84]

[82] Появление двух типов горшков характерно не только для Гочева или роменской культуры в целом, но и для более широкой области. Горшки с цилиндрическим горлом встречены и на Волыни, и в Польше, и в Гнездове, везде сосуществуя с первым типом. См. L. Niederle. Op. cit., т. I, вып. 2, рис. 96.

[83] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии. — ИАК, 1907, вып. 22, стр. 56, рис. 27 — Горшок из городища «Монастырище».

[84] Микола Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. — «Niederlüv Sbornik», Praha, 1925, табл. I и II. — Макаренко датирует орнамент VI—VIII вв.

Иногда устанавливается и некоторая связь формы сосуда и характера орнамента: линейно-волнистый орнамент чаще встречается на горшках второго типа, т. е. с цилиндрическим горлом, тогда как ложно-гребенчатый — на горшках с отогнутым краем. Хотя обычно линейно-волнистый орнамент связывают с появлением гончарного круга (с этого момента он становится преобладающим у славян), но в данном примере им покрыты более асимметричные горшки, а горшки, сделанные на кругу, нередко имеют до X в. ложно-гребенчатый орнамент. Особый вид орнамента представляет костяной штамп, образующий арочки на тулове сосуда. Гончарная и лепная керамика некоторое время сосуществуют и даже встречены совместно в одной печи (землянка *В* на городище Монастырище [85] и Гочевское городище).

Значительно улучшается обжиг посуды, доводящий иногда цвет горшков до кирпично-красного. У лиц, производивших обжиг, имелись домашние печи, сложенные из конических кирпичей (Гочево).

Предварительная подсушка производилась в зольных ямах близ печей. Мною в Гочевском городище обнаружена вылепленная глиняная сковорода, не обожженная, сушившаяся, очевидно, в зольной яме жилища. Никаких признаков гончарной специализации этого жилища не встречено. По всей вероятности гончары обособлялись очень медленно. К сожалению, совершенно неуловим момент перехода гончарного дела из рук женщин в руки мужчин, или, другими словами, перерастание его из домашнего производства в ремесло. Если начало ремесленного производства совпадает с введением нового технического оборудования (гончарного круга), повышающего производительность труда и улучшающего качество изделий, то неясен вопрос — кому принадлежит честь изобретения гончарного круга — женщинам, издавна знакомым с лепкой сосудов, или мужчинам? Все это очень просто решается, если появление гончарного круга объяснять заимствованием со стороны, но наличие в верхних слоях роменской культуры (VII—IX вв.) всех постепенных стадий открытия и совершенствования гончарного круга не дает нам права решать этот вопрос так определенно; впредь до детального исследования керамики роменского типа и соседних областей ответить на него затруднительно.[86]

[85] Микола Макаренко. Ук. соч., стр. 338.

[86] Значительный интерес представляет установление единства керамических форм на большой территории. Так, напр., ложно-гребенчатый орнамент роменского типа встречается и за пределами роменских городищ, на Оке, на Соже и Днепре и частично на Дону. Еще большее единство на огромной территории дает линейно-волнистый орнамент, который с 60-х годов XIX в., после

Появление элементов гончарного круга можно датировать VIII в., а окончательное вытеснение лепной, домашней керамики новыми гончарными формами произошло на территории роменских городищ не ранее IX в., а скорее всего в X в.

Перехожу к такому виду производства, по которому сохранилось наибольшее количество памятников, — к ювелирно-литейному делу, обнаруживающему высокую и сложную технику и открывающему перед нами малоизвестный уголок русской жизни и русского искусства VI—VIII вв.

Начинать опять приходится с лучевых фибул, о которых после произведенных разысканий можно говорить как о местных днепровских изделиях, не имеющих никакого отношения к готам. Появление в эпоху Юстиниана на Днепре лучевых (пальчатых) фибул, явно подражающих более ранним керченским образцам, нужно ставить в связь с походами на Боспор и вывозом оттуда образцов лучевых фибул. Говорить о пленении боспорских мастеров нельзя, так как техника днепровских фибул существенно отличается от техники керченских.

Определить точно место производства фибул невозможно, но районом вероятного нахождения следует считать Поросье, где не только найдено наибольшее количество их, но и полнее всего представлены все звенья эволюционного ряда. Область, в которой распространялись лучевые фибулы, представляет особый исторический интерес. Если мы попробуем наложить карту лучевых фибул на карту природных зон, то получим поразительное совпадение с зоной лесостепи. Нигде лучевые фибулы не выходят за пределы лесостепи ни в лес, ни в степь. Вдоль правого берега Днепра на юг от Киева до Чигирина тянется узкая лесостепная полоса (на запад — леса); здесь же найдено много лучевых фибул. Далее на восток фибулы идут по лесостепи почти до Дона. Везде лучевые фибулы совпадают территориально с позднейши-

работ Вирхова, считается спецификой славянских племен. Керамика славянского облика проникает в алано-хазарскую среду (Маяцкое городище, Зливкинский могильник, Цымлянское городище, Кобяково городище, Золотая Коса близ Таганрога и др.).

Материал, опубликованный Артамоновым, обращается против него и дополняет исторические сведения о продвижении славян в VIII—X вв. на нижний Дон, Приазовье, Кубань и Тмутаракань (М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, Л., 1935). Начавшиеся, по всей вероятности в VI в., в эпоху Юстиниана, связи Приднепровья с азовско-боспорским миром продолжались и далее, подготовив историческую общность Чернигова и Тмутаракани (См. В. В. Мавродин. Очерки истории левобережной Украины, Л., 1940).

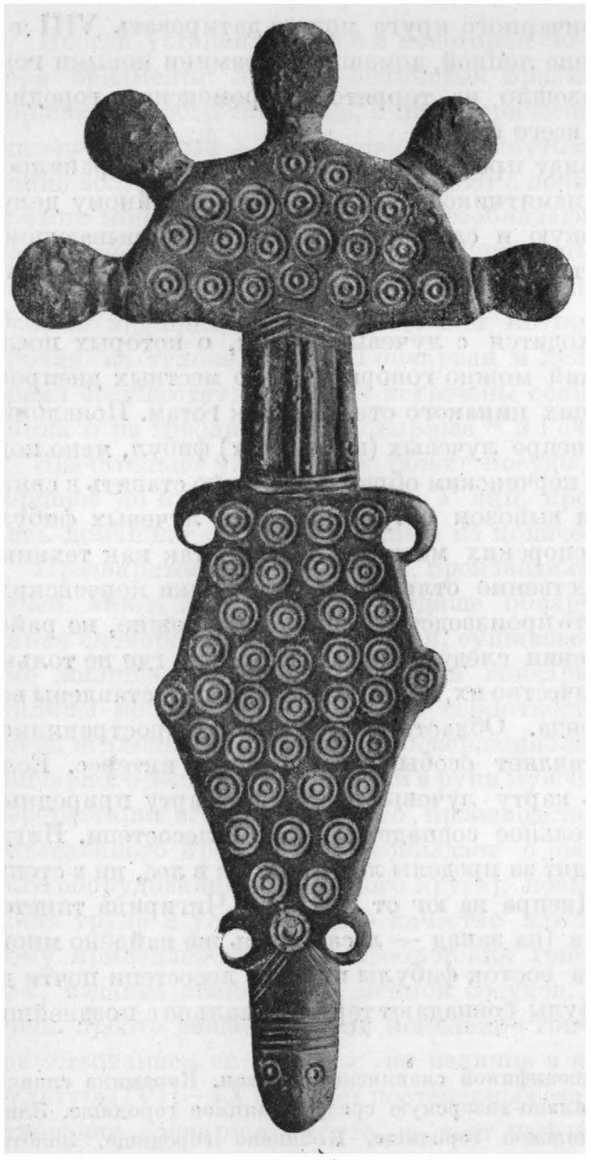


Рис. 8. Антская фибула VI в.

ми русскими курганами и упоминаемыми летописью городами, т. е. не выходят за пределы русских поселений.

Не менее интересны и два исключения из области массового распространения приднепровских фибул: отдельные экземпляры их проникали в Крым и на Оку. Исходя из случайности этого проникновения и несвязанности лучевых фибул с местным инвентарем, их следует считать экспортом из Приднепровья.

То, что эта область не случайна, а возникла в результате какой-то исторической общности, доказывается совпадением ее с областью распространения других мелких предметов личного обихода VI—VIII вв. Заслуга выявления этих предметов (подвески, трапеции, лунницы, колокольчики, гладкие и прорезные бляшки, спирали, браслеты и др.) принадлежит А. А. Спицыну, который впервые связал их с исторически известными антами.[87] Область кладов с этими антскими

[87] А. А. Спицын. Древности антов. Сб. в честь А. А. Соболевского, Л., 1928. — Из перечисленных Спицыным антских вещей не все могут считаться

вещами совпадает с областью фибул лишь с небольшими исключениями. Шестовицы под Черниговом, Новоселы близ Остра на Десне, Верхняя Злобинка близ Мглина (в земле радимичей) и Русская Буйловка на Дону. Перечисленные пункты расширяют область антов вверх по Десне и несколько на восток до Дона, где нам известны городища роменского типа (Боршево). Кроме того, несколько кладов найдено на нижнем Днепре близ летописного Олешья.

Итак, широкую лесостепную полосу от правого берега Днепра до Дона, объединенную не только однородностью природных условий, но и общностью материальной культуры в VI — VIII вв., можно считать областью тех восточнославянских племен, которых византийские авторы VI—VII вв. называли антами. «Бес-

Рис. 9. Антская фибула VI в.

характерными только для них. Так, напр., наконечники поясов и бляшки с прорезью в виде схематизированного человеческого лица встречены в качестве массового материала в самых различных могильниках VI—VII вв. на Кавказском побережье (Борисовский могильник, Агойский аул), в Крыму — Суук-Су. — ИАК, 1906, вып. 19); есть и далеко на севере — Хотимль близ Шуи (Б. Н. Г р а к о в. Краткий отчет об археологических исследованиях. Третий год деятель-

численные племена антов» действительно были расположены на север от Меотиды (Прокопий Кесарийский).[88]

Именно в этой области было зарыто наибольшее количество кладов византийских и сассанидских изделий из золота и серебра IV—VII вв., что соответствует сведениям о грабительских походах антов со времен Юстиниана.[89]

Естественным центром области антов было Среднее Приднепровье, еще более узко — бассейн Роси, где сделано наибольшее количество находок вещей VI—VIII вв. (не говоря уже о массовых находках IV—V вв.).[90]

Более поздние типы фибул, происходящие от лучевого прототипа (антропоморфные и зооморфные), фибулы VII—VIII вв., встречаются не по всей лесостепи, а только в этом средоточии антской культуры, ближе к берегам Днепра (см. карту).

В это же время, около VIII в., появляется еще ряд характерных вещей (серьги, височные кольца), ареал которых совпадает с ареалом антропоморфных фибул. Думаю, что в данном случае мы имеем право говорить о единой культуре племени полян, самого передового и важного среди всех приднепровских племен.

Памятники приднепровского художественного ремесла VI—VII вв. довольно многочисленны и интересны. В техническом отношении все они выполнены старой техникой литья по восковой модели. На лучевых фибулах очень хорошо видны следы обработки мягкой воско-

ности Иваново-Вознесенского губ. общ. краеведения, Иваново, 1927) и в Прикамье — Усть-Кишерть (Л. А. Мацулевич. Византийский антик в Прикамье, Л., 1940) и даже на Алтае. К таким же широко распространенным материалам относятся характерные застежки с геральдическим щитком и гантелевидной перекладиной, применявшиеся для портупей меча (см. ИАК, 1914, вып. 56, рис. 3 и 9). Часть их могла делаться и в Приднепровье, но считать их спецификой антов едва ли возможно.

[88] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. — ВДИ, 1939, № 1.

[89] Материальная культура юго-западной части антских племен (Волынь и Поднестровье) известна нам хуже, но, судя по отсутствию там характерных приднепровских вещей, она отличалась от культуры днепровско-донецких племен. Не лишне заметить, что и в последующее время материальная культура Галицкой Руси отличалась от Киевской и Черниговской. Может быть, это следует поставить в связь с мощным племенным союзом юго-западных племен, называемым арабами «Валинана»?

[90] Народ Рос или Рус, упомянутый в VI в. псевдо-Захарией, нужно локализовать именно здесь, на Среднем Днепре, на реке Роси, в самой гуще кладов и погребений антской эпохи. — А. П. Дьяконов. Известия псевдо-Захарии о древних славянах. — ВДИ, 1940, № 2.

вой модели различными остриями и циркулями с 2—3 ножками (рис. 8—9). Иногда мастер, покрыв все поле вдавленными точками, смело перекрещивал всю модель несколькими резкими линиями. Такая легкость в обращении с материалом возможна только при работе над воском. Получение рельефа путем осторожного и кропотливого удаления фона было неизвестно днепровским мастерам: они предпочитали смелую и более легкую орнаментацию вдавливанием. Глиняная форма, по всей вероятности, служила очень недолго. Для каждой вещи мастер должен был специально изготовить восковую модель и по ней отливать изделия.[91] Материалом для изделий служила преимущественно медь в ее сплавах и изредка серебро; иногда применялась позолота. Время появления позолоты трудно установить, но, судя по большинству находок, этот сложный технический прием был освоен не ранее VII в. Позолота производилась не накладкой золотой фольги, а химически, путем «жженого злата»— золотой амальгамы, приготовленной на ртути.[92] В художественном отношении очень интересны различные литые изделия с человеческими изображениями.

Примерно в VI в. боспорская схема лучевой фибулы с птичьими головами осложняется мотивом человека со змеями по бокам (рис. 7). Голова человека сделана очень схематично; намечены циркулем глаза, острием проведен рот. Змеи покрыты поперечными насечками, пасти у них сделаны реалистически. К VI—VII вв. нужно отнести клад из Мартыновки на Роси (на юг от Киева), хранящийся в Киевском государственном музее и частично в Британском музее в Лондоне.[93]

Клад, найденный вместе с византийскими вещами середины VI в., состоит из 4 человеческих и 4 лошадиных фигур с отверстиями для нашивания или набивания на что-либо. Все фигуры отлиты из сере-

[91] Эти выводы могут быть опровергнуты по мере накопления материала, которого сейчас недостаточно для прочного утверждения. В пользу однократного использования формы говорят керченские фибулы (см. Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе, М., 1934, стр. 108, рис. 22), где две парные фибулы из одного погребения, очень сходные по рисунку, отлиты все же в разных формах, по разным моделям.

[92] См. ниже о технике золочения. Знакомство славян со ртутью А. Будилович по лингвистическим соображениям относит к римскому времени, связывая с названием серебра — argentum (А. Будилович. Первобытные славяне в их быте и языке по данным лексикальным, Варшава, 1875).

[93] Nándor Fettich. Der Schildbuckel von Herpály. — «Acta Archaeologica», т. I, вып. 3, 1930, стр. 256, рис. 20. — Феттихом изданы две фигуры коней.

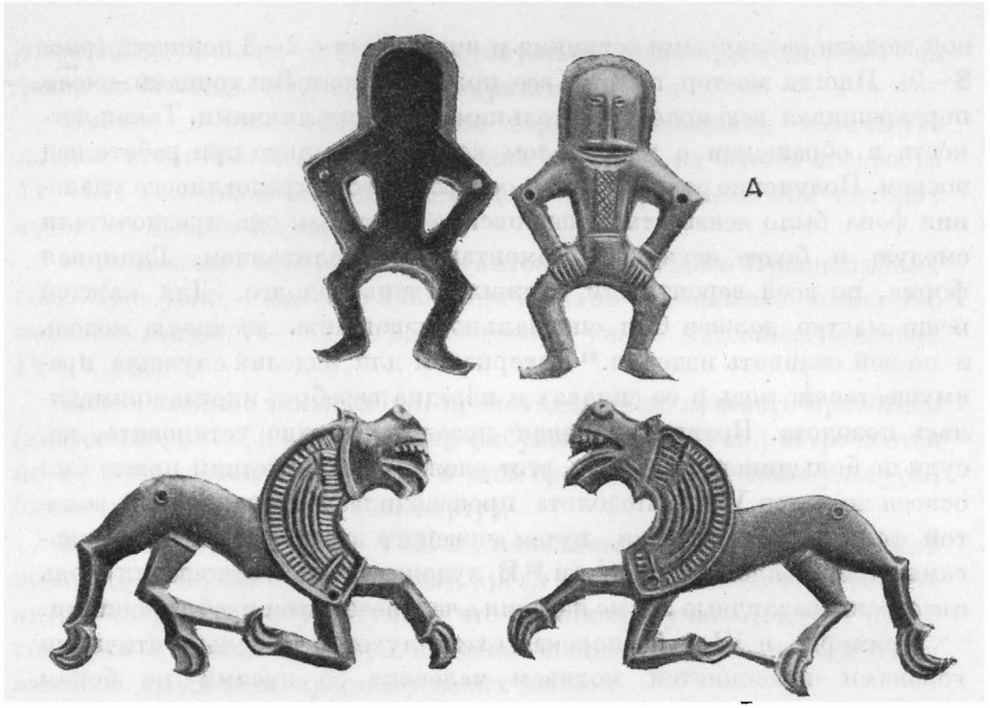


Рис. 10. Мартыновский клад VI в. (Киевщина)

бра по восковым моделям и частично позолочены (грива у коней, волосы). Внешняя сторона фигур рельефная, оборотная — вогнутая. Несомненно, что вещи не имели самостоятельного значения, их, очевидно, накрепляли на какой-то связывающий их фон (рис. 10). Кони сильно стилизованы, чувствуется некоторая связь с сарматским искусством, только головы переданы с натуралистическими подробностями (зубы и нижняя губа). Гривы превращены в геометрический орнамент и позолочены. Особенно интересны человеческие фигуры. Изображен усатый, безбородый мужчина с длинными волосами; руки положены на бедра, ноги расставлены; высота фигуры около 10 см. Мужчина одет в рубаху с длинными рукавами и длинные штаны до щиколоток. На груди — широкая вышитая вставка, обозначенная решетчатой штриховкой. Вышивка доходит до пояса. Волосы, вышивка на груди и рукавах подчеркнуты позолотой. Радиальная штриховка волос напоминает антропоморфную фибулу VIII в. с хутора Блажки. Подобный тип изображения не одинок: в б. Чигиринском уезде близ Днепра найдена подвеска, где внутри круга заключена

совершенно такая же фигура мужчины с длинными волосами и широкой вышитой вставкой на груди.[94] Рубаха с широкой вышитой вставкой является характерной для населения Приднепровья на протяжении нескольких столетий. Для эпохи Киевской Руси мы располагаем изображениями на серебряных браслетах XII в.; на одном из них, найденном в Киеве, изображен гусляр в колпаке и рубахе с широкой вышитой вставкой.[95] На браслете из тверского клада киевского изготовления изображен бегущий мужчина в рубахе с такой же вставкой.[96] В этнографическом материале такие рубахи с широкими вышивками во всю грудь до пояса обычны на Украине, в южной Белоруссии и на Десне.[97] Фигуры мужчин с конями (обычные в позднейших русских народных вышивках) из Мартыновского клада следует считать выдающимся произведением художественного ремесла полян VI—VII вв. В эту эпоху изображения человеческого лица все чаще встречаются на приднепровских изделиях. Любопытны две фибулы с небольшими головками бородатых мужчин с волосами, стриженными под скобку. Одна из них из Пастерского городища, другая — из с. Степанцы близ Канева.[98] Обе фибулы очень сходны между собой. У мужских голов совершенно русский, крестьянский тип лица. Лица сделаны более тонко и умело, чем на фигурах Мартыновского клада (рис. 11).

В ряд с перечисленными памятниками можно поставить великолепную литую пряжку VI—VII вв. с крупной мужской головой.[99] Волосы подстрижены так же, как на изображениях на фибулах, широкий нос хорошо моделирован, умело сделаны глаза, губы. Лицо окаймлено небольшой курчавой бородкой, усы свисают вниз. Мастер, лепивший восковую модель, несомненно, обладал хорошим художественным чутьем и уменьем.

---

[94] А. А. Бобринский. Отчет об исследованиях курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. — ИАК, СПб., 1911, вып. 40, рис. 19 на стр. 55. — Фигурка отлита из бронзы, размер около 6 см.

[95] Н. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V, Киев, 1915.

[96] Тверской клад 1906 г. — ЗОРСА, П., 1915, т. XI, табл. I.

[97] D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin, 1927, стр. 227, рис. 159.

[98] Фибулы хранятся в Киевском гос. историческом музее. Фотографии их любезно присланы мне С. В. Коршенко; пользуюсь случаем принести ему глубокую благодарность как за эти фотографии, так и за фото Мартыновского клада.

[99] Киевский гос. исторический музей.

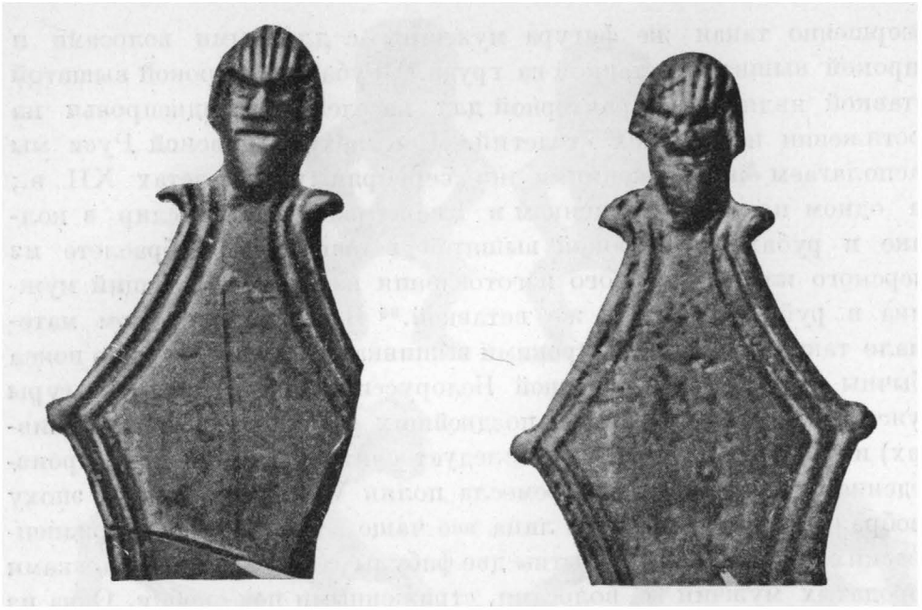


Рис. 11. Фибулы с изображением человеческих голов из окрестностей Киева

Особенно полно художественные вкусы полянских мастеров проявились в поздних типах фибул VII—VIII вв. Центральное место и здесь занимает антропоморфная фигура с лицом человека и птичьими или звериными головами вместо рук. Лица сделаны довольно реалистично; гравировкой обозначены волосы, борода. Звери, птицы и змеи сильно стилизованы. Очень изящны изображения уток на фибуле с хутора Блажки близ Бельского городища на Полтавщине.[100] Хорошо переданы округлые головы и мягкие, волнистые очертания спин. Любопытны силуэты петухов на фибуле из Пастерского городища.[101]

Сюжеты сложных композиций на фибулах, отражающие мифологические представления древних славян, восходят, как это доказал Д. Н. Эдинг, к скифским изображениям.[102]

[100] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губ. — «Труды XIV Археол. съезда», М., 1911, т. III, табл. III, рис. 3.

[101] ИАК, СПб., 1910, вып. 35, рис. 34.

[102] Д. Н. Эдинг. Антропо- и зооморфные фибулы Восточной Европы. — «Ученые записки Института национальных и этнических культур Востока», т. II, М., 1930. — Автор считает эти фибулы готскими и время их изготовления относит значительно вглубь, к первым векам н. э.

Сложность изготовления перечисленных выше изделий требовала от мастеров серьезных навыков, опыта и знаний. Мастер-ювелир должен был уметь приготовить восковую модель, изготовить по ней глиняную форму, составить сплав металлов в определенной пропорции, отлить его в форму, приготовить золотую амальгаму для позолоты (с примесью ртути) и наложить ее на готовое изделие. Кроме литья, широко применялись ковка проволоки и расплющивание серебра в тонкие листы. Все это требовало довольно сложного технического оборудования и отнимало очень много времени, так как средств для серийного производства (каменных литейных форм, штампов, эталонов) в распоряжении приднепровских мастеров не было; каждая вещь изготовлялась индивидуально, а спрос на изделия был велик, как об этом можно судить по большому количеству находок.

Рынком сбыта днепровских фибул были не только прилегающие районы между Днепром и Доном, но и Крым (отдельные погребения Суук-Су и рязанский участок Оки, где, по расчетам П. П. Ефименко, «готские» фибулы появляются на стадии Д I, соответствующей VI в.[103] Отдельные экземпляры попадали на Оку и позднее, в VII—VIII вв.[104]

В каких-то неизвестных нам отдельных пунктах Среднего Приднепровья уже в VI—VII вв. произошло выделение специалистов-ремесленников, занимавшихся художественным литьем из бронзы и серебра. Ввиду того, что мною пропущено, за неимением данных, кузнечное дело, нельзя судить о том, отделилось ли от него ювелирное дело, но едва ли вызовет возражение вывод о существовании в Среднем Приднепровье в VI—VIII вв. специалистов-ремесленников, занимавшихся обработкой металла. Существовали ли отдельно кузнецы и отдельно литейщики — сказать трудно, но если такое разделение имело место, то можно не сомневаться, что у ювелиров-литейщиков было достаточно работы, чтобы заниматься исключительно своим делом.

[103] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. — «Материалы по этнографии», 1926, т. III, вып. 2; Его же. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. — «Сов. археол.», 1937, № 2, стр. 39—64; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Муромском уезде. Подболотьевский могильник.— «Древности». Труды Московского археол. общ., т. XXIV, М., 1914.

[104] «Древности рек Оки и Камы» в обработке А. А. Спицына, вып. 1, СПб., 1901.

В VIII в. юго-восточные русские племена — поляне, уличи, северяне, радимичи и вятичи — испытали столько новых внешних воздействий, связанных с вовлечением в сферу хазарского каганата и началом арабско-иранской торговли, и столько внутренних изменений, подготовивших создание Киевского государства, что рассмотрение этого периода необходимо вести лишь после ознакомления с северными племенами.

Это тем более необходимо, что в VII—VIII вв. резкое различие между южными и северными племенами начинает понемногу смягчаться, происходит «славянизация» далеких лесных областей, осуществлявшаяся главным образом при посредстве северных дружинников, постепенно втягивавшихся в бурную военную жизнь своих полустепных соседей — полян и северян.

В римско-венедский период те области, на которых впоследствии сформировались племена кривичей, словен и вятичей, продолжали находиться еще на стадии дьяковской культуры. К этому уровню близка и так называемая культура штриховой керамики Белоруссии (дреговичи, часть кривичей и древлян) на западе и городецкая культура (мокша, эрзя, мурома, мещера) — на востоке. Технический и социальный уровень всех этих лесных культур был несравненно ниже одновременной им культуры полей погребальных урн на Среднем Днепре.

Отдельные вещи проникали с юга (Приднепровье) и с запада (Прибалтика) в область этих лесных племен, но они не производили здесь серьезных изменений в общем облике быта.

Наиболее интересна история верхне- и средне-окских племен, у которых раньше всего происходит выделение дружин, появляется оружие, сложные украшения.[105]

Выделение именно этих племен объясняется тем, что они лежали на самой южной окраине лесной полосы и через лесостепь имели связь с бесспорно-сарматским миром Подонья (рязанско-касимовское течение Оки) и римско-венедским миром Приднепровья (орловско-калужское течение Оки).

События начала VI в., оказавшие столь сильное влияние на культуру днепровских венедов, в очень малой степени отразились на хозяйстве северных лесных племен, хотя мы вправе предполагать их непосредственное участие в этих событиях.[106]

[105] А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Ростовской и Смоленской землях. — ПИДО, 1934, № 11—12; П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим данным. — «Сов. археол.», 1937, № 2, стр. 39—64.

Изменения в хозяйстве лесной полосы вызывались не столько внешними, сколько внутренними причинами, из которых важнейшая — рост земледелия, уравнивавший экономику севера с экономикой юга и тем самым облегчавший формирование этнического единства славян.

Важнейшее место в хозяйстве северных племен IV—VIII вв. занимало изготовление железа и железных орудий. К сожалению, сама техника выплавки металла из руды известна нам для этого времени плохо, так как почти нет исследованных сыродутных горнов. Некоторый свет на причины отсутствия горнов проливают интереснейшие раскопки на городище Березняки, датируемом III—V вв.[107] На городище найдено всего около 50 криц, сосредоточенных в трех пунктах поселка: у кузницы-навеса в середине городища, у одного из домов и около ворот. Следов выплавки железа в самом поселке нет; очевидно,

[106] Вещи V в. керченских и киевских типов оказываются далеко на севере, появляясь здесь внезапно, напр.: а) два браслета и позолоченная бляшка с птичьей головой; найдены близ Пропойска на Соже (А. Н. Лявданскі. Розные знаходкі. — «Працы Археол. камісіі БАН», Менск, 1932, т. III, стр. 244). Подобные вещи есть близ Чернигова, с. Вишенки (ГИМ); б) лучевая фибула керченского типа близ Мосальска — гор. Спас-Перекша (А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. — ЗОРСА, СПб., 1903, т. V, вып. 1, стр. 111—142, рис. 97); в) Мощинский клад.

Вполне возможно, что эти вещи отражают не столько торговые связи, необычные для этой бурной эпохи завоеваний, сколько долю в добыче, полученную в первых двух случаях в походе на Боспор, а в последнем — в походе на Средний Днепр.

Вполне допустимое совместное участие южных и северных племен в грабительских походах VI в. едва ли можно толковать как массовое переселение северных народов на юг, на опустевшие будто бы места южных племен, как это делает М. И. Артамонов («Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси». — КС ИИМК, 1940, вып. VI).

Ранние походы юстиниановской эпохи были скорее набегами, из которых торопились возвратиться домой с добычей. Следами этой добычи и являются клады лесостепной полосы.

Можно допустить, что такая циркуляция дружин повторялась и у северных племен: часть их могла вместе с южными антами совершать далекие походы, а часть могла пользоваться временной беззащитностью Среднего Приднепровья. Следом такого похода на Днепр мог быть Мощинский клад, новый владелец не знал употребления фибул с эмалью и сделал из них пышное, но бессмысленное ожерелье.

[107] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. — Материалы и исследования по археологии СССР, М. — Л., 1941, № 5.

горны ставились где-то поблизости к залежам болотной руды. Такая картина наблюдалась и в некоторых городищах Белоруссии, где горны располагались вне поселка.[108] Размеры криц (10—15 см в поперечнике при толщине 3—4 см) позволяли в это время выковывать не только небольшие ножи для выделки кости, как это было в ранне-дьяковскую эпоху, но и большие, тяжелые топоры-кельты, втульчатые копья, серпы и т. д.

Техника кузнечного дела опять-таки известна плохо. Раскопанная в Березняках кузница не сохранила своего кузнечного инвентаря, да и самые кузнечные сооружения сохранились плохо. Интересно, что крицы и железные шлаки встречены, помимо кузницы, в одном из жилых домов. Не является ли этот дом жилищем общинного кузнеца? Можно допустить, что варка и ковка железа уже тогда производились не каждым общинником, а особым специалистом. П. Н. Третьяков предполагает даже, что железо на Березняковском городище готовилось для обмена с обитателями соседних поселков, где не найдено следов кузниц. Этот вывод чрезвычайно важен для истории ремесла, так как повсеместно металлурги и кузнецы являются первыми ремесленниками.

Но если вопрос о кузнецах решается сравнительно просто, то значительно сложнее вопрос о литейщиках-ювелирах.

Литье меди, бронзы и других металлов не имело в это время серьезного хозяйственного значения и применялось почти исключительно для изготовления украшений, но следы литья находят почти на каждом городище в виде тиглей для плавки, льячек для разливания горячего металла и литейных форм.

Северо-восток Европы изобиловал медными украшениями, сырьем для которых являлась, очевидно, уральская медь, поступавшая через Прикамье и Среднее Поволжье далее на Запад. В этом отношении глухие углы [лесного Заволжья, расположенные] ближе к источнику металла, находились в лучшем положении, чем, например, Верхний Днепр.

В дьяковскую эпоху ассортимент украшений был не особенно велик. В конце дьяковской эпохи, когда на северо-восток начинают проникать отдельные южные и западные вещи, эти завозные изделия становятся образцами для подражания и переживают иногда устойчивые формы, удерживавшиеся здесь несколько столетий. Так, например, в рязанских могильниках и на Верхней Волге появляются характерные фибулы V в. с крестовиной и трапецевидной плоскостью, изготовленные сложной техникой. Местом изготовления таких фибул является, возможно, Прибалтика.[109]

На Синьковском городище (р. Яхрома) найдена литейная форма для отливки фибулы, подражающей привозному экземпляру. Местная копия меньше размером, грубее по своим деталям и выполнена в совершенно иной технике: если оригинал имел полые фигурные шарики на концах крестовины, прикрепленные стерженьками, то копия вся целиком отлита из одного куска металла.[110]

Дальнейшее бытование фибул этого типа привело к обрастанию их такими дополнительными элементами, которые вполне отвечали местным вкусам, но совершенно не вязались с исходной формой: у фибулы появляются ушки и петли с нанизанными на них шумящими подвесками.[111]

Вторым примером подражания завозным вещам являются пирамидальные подвески. Прототипом их нужно, по всей вероятности, считать костяные пирамидальные подвески, обычные для инвентаря полей погребений.[112]

Там же на юге эти костяные подвески были заменены бронзовыми со сторонами, залитыми белой эмалью.[113] Часть этих южных вещей попадала на север (напр., Мощинский клад) и там вызывала местные подражания. К последним относится подвеска Кафтинского городища, датируемая III—V вв.,[114] отличающаяся от подвески мощинского типа отсутствием эмали. Наконец, пирамидальная подвеска VII—VIII вв. из Сарского могильника, сохраняя общую форму, осложняется чисто туземной деталью — петлей из ложновитого бронзового шнура.[115]

---

[108] А. М. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Да гісторыі железнай прамысловасці Беларусі, Менск, 1932.

[109] А. А. Спицын. Городище Дьякова типа. — ЗОРСА, СПб., 1903, т. V, вып. 1, рис. — Дуденевское городище; П. П. Ефименко. Рязанские могильники. — Материалы по этнографии, 1926, т. III, вып. 2, рис. 3, № 19. Фибулы относятся к стадии *С* и датируются V в.

[110] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа.— ЗОРСА, СПб., 1905, т. VII, вып. 1.

[111] А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. — ЗОРСА, СПб., 1903, т. V, вып. 1.

[112] В. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра.— ИАК, СПб., 1913, вып. 47.

[113] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1902, табл. VII, рис. 206.

[114] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 81, рис. 46.

[115] Там же, стр. 94, рис. 52, фиг. 2.

Техника литья на северо-востоке представляет интерес своеобразием изготовления модели. Как правило, здесь применяется почти исключительно литье по восковой модели. Жесткие литейные формы редки. Внешний вид большинства украшений создает иллюзию плетеной бронзовой проволоки, но анализ техники приводит к выводу, что здесь применен оригинальный метод создания восковой модели. П. Н. Третьяков по поводу способа изготовления писал: «...техника эта, являющаяся очень древней, в настоящее время еще недостаточно выяснена».[116] Мне она представляется так: модель приготавливалась из провощеных шнуров, из которых выплетался сложный узор, напоминающий вязанье кружев. Восковое вязанье в сочетании с подвешенными на цепочках гусиными лапками и колокольчиками создало тот характерный стиль шумящих подвесок, которым изобилуют могильники славяно-чудского пограничья (водь, весь, чудь, меря, вяда, мурома). Географическое распространение техники воскового вязанья совпадает в IX—XI вв. с неславянскими областями северо-востока. В более раннее время эта техника встречается на более широкой территории. В этих же северо-восточных областях довольно часто встречаются каменные литейные формы (рис. 12). Почти все они представляют собой небольшие куски белого камня с пучком прочерченных лучевидных бороздок и широким литком.[117] Загадочным является то, что среди многочисленных северо-восточных древностей, хорошо известных по могильникам с хорошей сохранностью инвентаря, совершенно отсутствуют вещи, отлитые в этих литейных формах. Единственная известная мне находка происходит из Старой Рязани (она относится к поселку догородского типа VII—VIII вв.). Это — слиток олова со следами лучей и шариков, рельефно выступающих на пластинке. (См. коллекции ГИМ). Появляются подобные литейные формы довольно поздно: погребение № 5 Максимовского могильника датировано арабским диргемом 754 г., остальные формы датируются IX—XI вв.

[116] П. Н. Третьяков. Костромские курганы, Л., 1931, стр. 27.

[117] Д. Н. Эдинг. Сарское городище, Ростов, 1928, табл. VI, рис. 4; Каталог собрания древностей А. С. Уварова, отд. IV—V, М., 1907, стр. 23, рис. 26.— Максимовский могильник; А. А. Спицын. Городище Дьякова типа. — ЗОРСА, СПб., 1903, т. V, вып. 1; В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях Мурома. — «Древности», т. XXIV, М., 1914. Подболотьевский могильник, погребения 2 и 69; Михайловский могильник близ Ярославля; Д. Н. Эдинг. Ук. соч., стр. 55.

Сосуществование каменных литейных форм стандартного образца с виртуозной техникой воскового литья и отсутствие готовых отливок с этих форм заставляют предположить, не являлись ли они необходимым звеном в сложном литейном процессе? Возможно, что каменные формочки существовали для п р о б н ы х отливок. При господстве литья по восковой модели, когда мастеру особенно важно было знать качество литья (так как глиняная форма, полученная с восковой модели, уничтожалась при извлечении из нее отливки), он мог произвести пробную отливку в разъемную простую каменную форму и почти немедленно определить степень проникаемости металла в тонкие лучи формы. Получив удовлетворяющее его качество расплавленной массы, он мог уверенно наливать металл в сложную глиняную форму для настоящего изделия. Экспериментальные отливки в каменной пробной формочке по миновании надобности переплавлялись снова в тигле. Пробные каменные формочки найдены только в районах литья по восковой модели. Металл плавится в маленьких глиняных тиглях. Для разлива горячего металла служили глиняные льячки, насаживавшиеся на деревянную рукоять. Льячки являются одной из самых частых находок литейных инструментов на городищах, а позднее — в могильниках.

Обзор погребений с литейными инструментами приводит к очень интересному выводу. Оказывается, что во всех случаях (когда удается определить пол погребенных) литейные инструменты сопровождают ж е н с к и е погребения.[118] Особенно показательны данные Березняковского городища. Там наряду с жилыми домами существовали особые мужские и женские дома. В Березняковском «гинекейоне» найдено большое количество веретенных пряслиц, игл и точилок для них, свидетельствующих о посиделках с прядением и шитьем. Там же найдена единственная литейная форма и две льячки для металла (из общего числа трех).[119]

[118] Подболотьевский могильник, погребение № 69; Максимовский могильник, погребение № 5 (Коллекции ГИМ).

В мордовских могильниках принадлежности литейного дела сопровождают женские могилы и в более позднее время. Может быть, того же порядка явление имело место в позднем можайском кургане XIII в. близ с. Митяева, где литейные формы (редкость для курганных инвентарей) найдены в погребении девочки. — А. В. Арциховский. Митяевские литейные формы. — «Техника обработки камня и металла», М., 1930, стр. 121—125, табл. IX.

[119] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 57. — Третья льячка найдена в кузнице.

Эти данные доказывают, во-первых, что литьем занимались женщины, а, во-вторых, то, что у самих женщин не было специального литейного горна, а пользовались они горном кузницы. Женщины сами готовили себе украшения, так же как сами вышивали узоры на одежде. Кстати, не удастся ли со временем наметить связь между техникой воскового вязанья из провощенных нитей (для литейных моделей) и техникой женских вышивок и плетений? Географическое совпадение района литья по плетеным моделям с районом литейных инструментов в женских погребениях несомненно.

До тех пор, пока речь шла о выделке не имевших хозяйственного значения украшений из меди, литейное дело оставалось на положении женского рукоделия. Появление в VIII в. специальных погребений женщин-литейщиц ставит нас перед началом интереснейшего процесса — выделения женского ремесла, — который продолжался около двух столетий, но ощутительных результатов не дал. Отсутствие особых плавильных печей у женщин принуждало их или пользоваться несовершенными домашними печами (около которых и позднее встречались тигельки и льячки), или прибегать к горну в кузнице.

Дальнейшее течение этого процесса не имело будущего. Или женщины должны были уступить первенство мужчинам, кузнецам, или из числа всех женщин поселка в наиболее привилегированном положении должны были оказаться женщины из семейства кузнеца; оба пути вели к слиянию (или к содружеству) литейного дела с кузнечным.

В этом отношении интересна серия предметов, появляющихся около X века в этих же славяно-чудских районах и представляющих сочетание кузнечного и литейного дела. К ним относятся, например, стальные (?) кресала с наглухо приклепанными узорными бронзовыми рукоятями с изображениями животных. Рукоять огнива обычно представляет собой сложную композицию. Мы встречаем здесь козлов, коней, змей, двух борющихся медведей, огромных хищных птиц, клюющих человека в голову, и другие сюжеты.[120]

[120] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. — МАР, СПб., 1895, № 18; В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. — МАР, СПб., 18, № 28, табл. VII, рис. 15; А. А. Спицын. Археологический альбом. — ЗОРСА, т. XI, стр. 237, рис. 23 и 24. — Спицын датирует их X в.; Г. П. Грозділов. Раскопки в с. Челмужи. — «Археологические исследования РСФСР в 1934—1936 гг.», М. — Л., 1941, т. III, рис. 11. — Кресало датировано монетами второй половины X в.; Н. Ф. Беляшевский. Курган-могикан на территории Киева. — «Археологическая летопись Южной России», Киев, 1903, № 6, табл. II. — Кресало чердынского типа найдено с русскими другими вещами в X в. Это самая южная находка подобного рода. Несколько кресал такого же рисунка, происходящих из Чердыни, хранится в ГИМ.

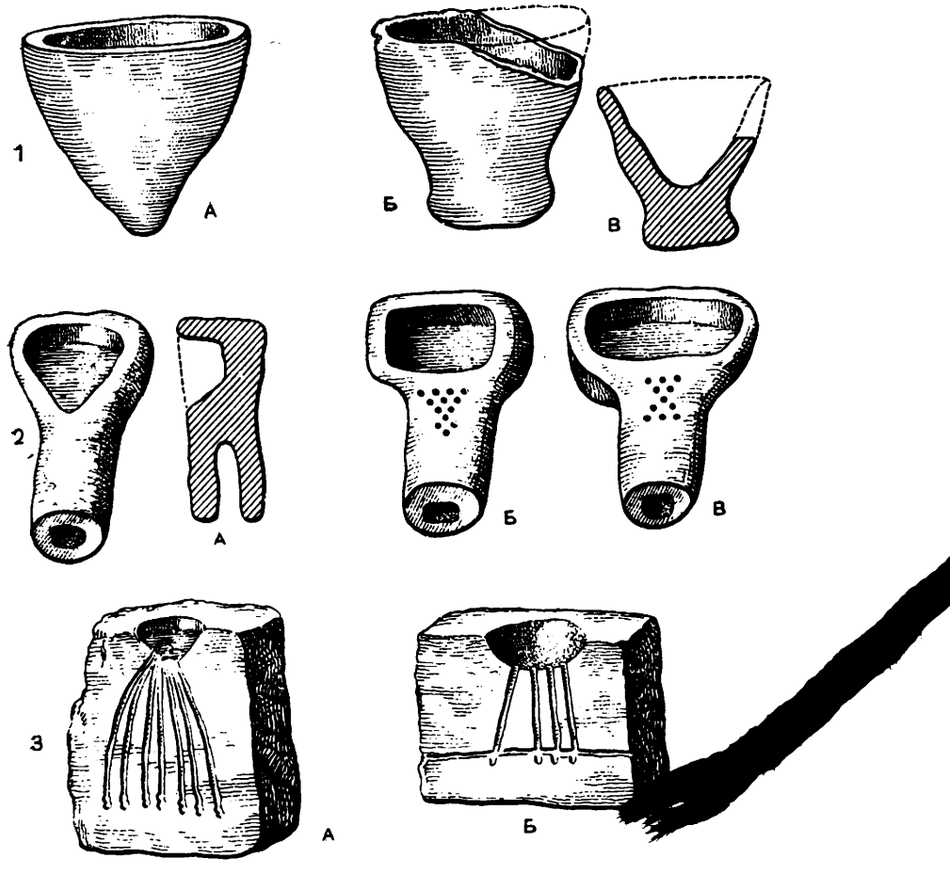


Рис. 12. Литейные инструменты

1 — тигельки для плавки меди: А — Сарское городище, Б — селище Красный Холм;
2 — льячки: А — Красный Холм, Б — Березняки, В — Сарское городище;
3 — пробные литейные формы: А — Сарское городище, Б — Дьяково городище

Вторым примером может служить прекрасной работы декоративный топорик из Старой Ладоги. Небольшое железное (стальное) лезвие топора оправлено в фигурный бронзовый обух, литой по сложной восковой модели. На боковинах — стилизованные изображения львов или барсов, на тыльной стороне — драконы.[121]

[121] W. Rawdonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930, рис. 5. Дата топорика — X в.

Техника воскового плетения никогда не встречается в таких биметаллических изделиях. Все эти вещи, сделанные из двух металлов, требующих совершенно различной техники обработки — кузнечной ковки (и, может быть, даже закалки), с одной стороны, и литья по восковой модели — с другой, объединены единством замысла и выполнения. Такое производственное единство возможно лишь тогда, когда и ковка железа и литье бронзы сосредоточены в руках одного мастера или, по крайней мере, в пределах одной мастерской. Этой мастерской могла быть только кузница. Таким образом, кованолитые железно-бронзовые вещи, появляющиеся в IX—X вв., свидетельствуют о прекращении «матриархальной» монополии на литье.

Очень вероятное слияние функций кузнеца и литейщика в одном лице на первый взгляд кажется историческим парадоксом: прогрессом является не специализация отдельных производственных действий, а, наоборот, совмещение их. Но парадоксальность здесь только кажущаяся, так как переход литейного дела из гинекейона в кузницу означал в то же время превращение женского домашнего рукоделия, стоявшего на одном уровне с вышиванием и вязаньем, в настоящее ремесло, пусть на первых порах и дополнительное к основному — кузнечному.

Может быть, в свете приведенных соображений и следует рассмотреть замечательное в истории раннего ремесла погребение № 2 Подболотьевского могильника, относящегося к X в. (рис. 13).

В одной могиле здесь найден прекрасный набор кузнечных инструментов: наковальня пирамидальной формы, молот, молоток-секач клещи большие, зубила. Кроме того, найдены предметы кузнечной продукции: копье, топор, нож. В могиле обнаружены и литейные инструменты: льячка с носиком для слива и пробная литейная форма из камня, а также богато представлена литейная продукция: шумящие подвески, височные кольца, браслеты, пряжки. Как бы ни толковать наличие женских вещей в могиле мужчины-кузнеца, но тесная связь кузнечного и литейного дела в этом муромском погребении X в. несомненна.

---

[122] В. А. Городцов, Ук. соч.

[123] Наличие женских вещей в мужских могилах В. А. Городцов объясняет посмертным даром вдовы умершего. Такой обычай прослежен им по этнографическим данным. Было бы интересно установить, что погребение № 2 Подболотьевского могильника представляет собой сочетание вещей кузнеца и его жены. Наличие женских украшений в могиле кузнеца может быть объяснено и тем, что они положены туда как образцы его литейно-ювелирной деятельности.

Рис. 13. Вещи из погребения кузнеца X в.

Кроме литейной техники, при изготовлении украшений применялись ковка и расплющивание тонких металлических листов. Ближе к Балтийскому морю для этих целей применялась медь, а на Оке преимущественно серебро. Кованая проволока (волочение проволоки не было еще известно) разных диаметров применялась для гри-

вен, браслетов, височных колец. Из тонких металлических листов нарезались трапециевидные пластинки-подвески, широко распространенные с V по XI в. Особой сложности требовало изготовление круглых пластинчатых фибул окского типа.

Для всех перечисленных поделок требовались специальное техническое оборудование, опыт и уменье. По сравнению с ковкой и плющением металла, литье представляется легким и простым. Стандартность и устойчивость типов изделий, находимых в окских могильниках, привели П. П. Ефименко к выводу о выделении специалистов-ремесленников в рязанском течении Оки еще до VI в.[124]

В Верхнем Поволжье и Верхнем Приднепровье этот процесс проходил несколько позднее.

Вся производственная деятельность родовых поселков лесного севера, за исключением обработки металлов, выражалась в форме домашней промышленности. Ткачество, обработка дерева и лепка глиняных горшков, все это в северных районах долго не выделялось в ремесло. Из перечисленных производств ранее других превращается в ремесло гончарное дело.

Классификация дьяковской керамики, произведенная П. Н. Третьяковым, дает такую картину:

1) ранняя керамика (первого тысячелетия до н. э.) груба, толстостенна, форма сосудов — баночная. Первоначально почти сплошь была орнаментирована, но со временем орнамент исчезает. Внешние стенки горшков зачастую покрыты отпечатками ткани. Происхождение этих отпечатков спорно;[125]

2) в I—IV вв. н. э. глиняные изделия неуклонно грубеют, орнамент исчезает, к тесту примешивается дресва;

3) в IV—VI вв. керамика становится особенно толстостенной и грубой. Форма сосудов — баночная, с расширенным днищем. В некоторых городищах встречается черная лощеная керамика южных типов.[126]

Керамика полей погребальных урн, сопок, длинных курганов и городищ VI—IX вв. вся лепная (ленточным способом) из грубого теста с примесями, плохого обжига и асимметричной формы. Постепенного перехода от ручной лепки к гончарному кругу, какой наблюдался

[124] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. — «Сов. археол.», 1937, № 2, стр. 45.

[125] М. В. Воеводский. О гончарной технике первобытно-коммунистического общества. — «Сов. археол.», 1936, № 1, стр. 73.

[126] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 54.

на материалах Гочевского городища, здесь уловить нельзя. Грубая лепная керамика даже в городском быту доживает до IX—X вв., сосуществуя в это время с гончарной.[127] Гончарные клейма появляются только около середины X в.[128]

Выделение гончарного ремесла падает на эпоху зарождения и развития городов — IX—X вв. и, возможно, связано именно с городским хозяйством. В деревне гончарный круг появляется несколько позднее (X—XI вв.) и, очевидно, под влиянием города. Гончарный круг на севере появляется внезапно, без промежуточных стадий. Только на юге, в области роменской культуры, между ручной лепкой и формовкой на круге существует промежуточная стадия в виде круглой нецентрированной подставки, которая еще не является признаком выделения гончаров-специалистов. Может быть, это объясняется территориальной близостью роменской культуры к районам старого бытования гончарного круга, а может быть недостаточной исследованностью северной керамики VII—IX вв.

Крупнейшим явлением, оказавшим влияние на развитие раннего русского ремесла, было возникновение г о р о д а как новой социально-экономической категории. Пути создания русских городов были различны. К сожалению, ранняя история их совершенно не исследована,[129] да и самый основной источник — городище — надлежащим образом не изучен. Часть городов возникла путем разрастания укрепленных поселков, развития на них различных производств. Выделение ремесла в таком случае было решающим фактором превраще-

[127] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. См. раздел «Гончарные изделия Гнездовских курганов»; А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. — ПИДО, 1934, № 1; В. И. Равдоникас. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы, Л., 1934, стр. 120 (о лепной керамике в Старой Ладоге); Н. Н. Чернягин. Раскопки во Пскове. — «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М. — Л., 1941, стр. 31; А. Н. Лявданскі. Археолёгічны досьледы ў Полацкай акрузе. — «Працы Археол. камісіі БАН», Менск, 1930, т. II, стр. 195; Его же. Археолёгічныя досьледы ў вадазборі Дняпра, Сожа і Касплі. — Там же, стр. 307, табл. X; М. К. Каргер. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. — КС ИИМК, 1940, вып. VI.

[128] В. И. Сизов. Ук. соч., табл. III.

[129] Д. Я. Самоквасов. Древние города России, СПб., 1873; А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, Смоленск, 1926; С. В. Киселев. Поселение. — ТСА РАНИОН, М., 1925, т. II, стр. 35—68; Н. С. Державин. Из истории древнеславянского города. — ВДИ, 1940, № 3—4.

ния большого поселка в город.[130] В качестве примера можно привести городище Сарское у с. Деболь, являвшееся, по всей вероятности, предшественником Ростова.[131]

Древние валы ограждают большую площадь (около 10 000 кв. м). Рядом с городом возник могильник VII—VIII вв., одновременный основному слою городища. В могильнике есть погребения ремесленников. На городище найдено много предметов, относящихся к различным производствам VII—VIII вв.: 1) к прядению (пряслица), 2) к обработке дерева (скобели, топоры), 3) к обработке кожи (пестик для втирания краски), 4) к литью меди и серебра (медные шлаки, тигли, льячки, литейные формы, слитки серебра и бронзы), 5) к кузнечному делу (железные шлаки, крицы, кузнечные клещи), 6) к гончарному делу.[132]

Сарское городище и по своим размерам и по разнообразию представленных на нем производств существенно отличается от более ранних маленьких укрепленных поселков этих мест.[133]

Другим путем возникновения города был путь через боярскую или княжескую усадьбу, когда крепость (иногда поставленная даже в стороне от более древнего поселка), быстро превращалась в сложный хозяйственный комплекс, в котором очень видную роль занимали многочисленные ремесленники. В очень красочный форме основание такого княжеского города, в который стекаются со всех сторон ремесленники, описывает в известной фразе Ипатьевская летопись под 1259 г., говоря о построении Холма. Когда прибыли различные мастера, тогда в городе «бе жизнь».

Время возникновения владельческих поселений не всегда улавливается, так как для такого определения социальной сущности каждого городища необходимы очень широкие раскопки его. Для южных лесостепных городищ М. И. Артамонов считает возможным говорить о VIII в.[134]

---

[130] Значительно позднее таким путем возникали эмбрионы городов—«рядки» XVI—XVII вв.

[131] Д. Н. Эдинг. Сарское городище, Ростов, 1928.— В 1216 г. упомянуто в летописи уже как городище, т. е. бывший город (Воскресенская летопись, 1216 г.).

[132] Д. Н. Эдинг. Ук. соч., стр. 50—55.— Несколько позднее на Сарском городище появилось сложное ремесло гребенщиков, изготовлявших костяные гребни (стр. 88, рис. 9).

[133] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 93.

[134] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии. — «Сов. археол.», 1940, № 6, стр. 164.

Для среднего Приднепровья возникновение городов как укрепленных поселков с сильной прослойкой ремесленного населения, по всей вероятности, нужно относить к значительно более раннему времени, но твердых оснований для этого нет. Приведу некоторые косвенные соображения. В отличие от лесного севера, где долгое время преобладали небольшие поселки в 5—15 дворов, на юге рано возникают огромные поселения, кладбища которых насчитывают по 1000 и более курганов. В распоряжении полян находились как скифские системы укреплений («Змиевы валы»), так и большие скифские городища. Некоторые из них были заселены и в VI—VIII вв. (напр., Пастерское городище и др.). Переход южного земледельческого населения к городскому быту был облегчен наличием готовых земляных укреплений, расположенных среди черноземной лесостепи на берегах Днепра, Роси, Ворсклы и их притоков. В Киевском Полесье характерной чертой возникновения известных нам по летописи городов является слияние воедино нескольких (от 3 до 7) небольших родовых поселков, расположенных гнездом бок о бок друг с другом (Искоростень, Киев и др.).

К сожалению, археологические работы по детальному изучению ранних поселений Среднего Днепра только начаты и не дали пока никаких ощутительных результатов.[135]

4. ЮЖНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ СВЯЗИ СЛАВЯН VI—IX вв.

Постепенное складывание культуры Киевской Руси знает периоды соприкосновения с высокоразвитыми культурами крупных мировых держав (Рима, Халифата, Византии). Один из таких периодов падает на VIII в., когда в ремесленной продукции Приднепровья ощущается идущая с юго-востока струя художественного и общекультурного влияния после сассанидского Ирана, завоеванного в это время арабами.

К сожалению, небогатая историография этого интересного вопроса стоит на норманнистической позиции, считая, что появление восточных вещей в русских областях относится к IX в. и связано исключительно с походами скандинавских викингов.[136]

---

[135] Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. — КС ИИМК, 1941, вып. X.

[136] T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Etudes archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings, Upsal, 1914.

В сочетании с расширенным пониманием готской культуры, к которой причисляли выемчатые эмали (датировавшиеся VI—VIII вв.) и лучевые фибулы(VI—VII вв.), у норманнистов получалась непрерывная цепь культурных воздействий скандинавов на русские области. Согласно этой теории, в IX в. готов сменяют варяги, которых сторонники норманнистов считают создателями культуры Киевской Руси и проводниками ирано-арабского и византийского влияния в Восточной Европе.

Обратимся вновь к анализу археологических фактов. Ранние связи с Византией, установившиеся в VI в., не дали никаких следов влияния византийской культуры на приднепровских славян. Несколько более тесные взаимодействия установились тогда же в юго-восточном направлении на нижний Дон и Боспор.

В Восточную Европу попадали отдельные византийские вещи: в VI в. в качестве добычи, а в VII в., возможно, и торговым путем через возродившийся к этому времени Херсонес. Эпохой расцвета торговли Византии с Приднепровьем и даже с отдаленным Прикамьем нужно считать VII в., точнее — время императора Ираклия (610—641).[137] Движение болгар во второй половине VII в. в пределы Византии временно закрыло от Восточной Европы этот источник дорогих художественных изделий, а последовавшая затем эпоха внутренних смут и внешней слабости империи надолго прекратила ее связь с Приднепровьем. Сами византийские императоры во время междоусобиц ищут убежища на севере, у хазар (Юстиниан II в 695 г.), и роднятся с хазарскими каганами. Возникновение хазарского каганата должно было неизбежно сказаться на усилении юго-восточных связей Приднепровья. Очень показателен в этом отношении состав известного Перещепинского клада 1912 г.[138]

Наряду со старыми сассанидскими и византийскими вещами IV—начала VI вв. (блюда Шапура II—309—379 гг. и епископа Патерна из Томи—520-е гг.), отражающими эпоху первых антских походов на

[137] M a c u l e v i č. Argenterie byzantine en Russie. «Orient et Byzance», т. V, Paris, 1929; Л. А. Мацулевич. Византийский антик в Прикамье, вып. I, М. — Л. 1941. Клады в Малой Перещепине и Новых Санджарах на Полтавщине, Нескрибовке близ Днепропетровска и Келегейских хуторах на Нижнем Днепре. Кроме вещей константинопольских мастерских, в эпоху Ираклия в большом количестве проникали на север византийские монеты, возможно, чеканившиеся в Херсонесе (См. N. B a u e r. Zur byzantinischen Münzkunde des VII Jahrhunderts. — «Frankfurter Münzzeitung», 1931).

[138] А. А. Б о б р и н с к и й. Перещепинский клад. — МАР, II., 1914, № 34.

Византию и, в частности на город Томи, в кладе много византийских вещей конца царствования Ираклия (629—641). Таков, например, умывальный прибор из нескольких предметов. Византийские монеты с отверстиями доходят до 641—668 гг., что позволяет относить время зарытия клада к концу VII в., ко времени прекращения связи с Византией.

Кроме чуждых иранских и греческих изделий, в клад попало множество вещей местного изготовления. К ним относятся оружие (меч и топор), псевдопряжки, рельефные украшения сбруи, покрытые листовым золотом и украшенные вставками из цветных камней,[139] и застежки. Среди них есть портупейные застежки с гантелевидными перекладинами, которые А. А. Спицын считал характерными для древностей антов. Правда, они встречены на более широкой территории, но часты и на Днепре. Впервые они появляются с монетами Аркадия (395—408);[140] щиток у ранних застежек прямоугольный с двумя отверстиями для гвоздей. С монетами Юстиниана (527—565) встречается другой тип — с округлым щитком и узорной прорезью.[141] Позднее, в VII в., вырабатывается тип застежки со щитком характерной геральдической формы.[142]

Перещепинские застежки (от портупеи меча) замыкают этот эволюционный ряд, представляя собой разновидность геральдического щитка, осложненного крупными декоративными шариками, позолотой и каменной вставкой вместо прорезов. Несмотря на пышность отделки, перещепинские застежки тесно связаны с местным днепровско-черноморским типом, эволюционировавшим здесь с V по VII в. Различие простых медных застежек, находимых в погребениях простых дружинников VII в., и однотипных, но роскошных вариантов в княжеской сокровищнице, не говорит ли о существовании мастеров, состоявших при неизвестном нам, но, несомненно, богатом князе, зарывшем близ Полтавы сундук с вещами, накопленными несколькими поколениями.

[139] Л. А. М а ц у л е в и ч. Псевдопряжки Перещепинского клада. — «Seminarium kondakovianum», т. I, 1928.

[140] ИАК, 1908, вып. 30, стр. 108, табл. V, рис. 10. — Вместе с застежками появляются наконечники пояса с личинами. — Т а м ж е, рис. 11.

[141] ИАК, 1906, вып. 19.

[142] ИАК, 1907, вып. 23.—В. В. С а х а н е в. Раскопки на Сев. Кавказе в 1911—1912 гг.. рис. 3 и 9; застежки найдены на прямом длинном мече. В этом же погребении — удила и стремена, дата — VII в.; ИАК, 1914, вып. 56.— Вместе с застежками встречаются пряжки с таким же геральдическим щитком и наконечники поясов с прорезными личинами.

Наличие местных мастеров в составе княжеского двора конца VII в. подтверждается местными типами посуды. В кладе имеется 11 золотых кубков более грубой работы, чем цареградские или иранские изделия. В пользу их местного, а не иранского производства говорит то, что эти дорогие сосуды из золота значительно примитивнее, чем иранские изделия из серебра. У мастера перещепинских кубков не чувствуется умелой уверенной руки: он как бы вновь работал на дорогом материале, не вполне осознавая его цену. Как в общей форме их, так и в орнаментике чувствуется подражание восточному серебру сассанидской, а, главным, образом, послесассанидской эпохи VII—IX вв., образцы которого как раз в это время начинают проникать как в Хазарию, так и в Приднепровье.[143] Форма кубков очень близка к форме иранского кубка с изображением козлов;[144] различие только в поддоне. Расчеканка лепестками нижней округлой части тулова кубков неоднократно встречена в восточном серебре.[145] Орнамент в виде розеток (кубок № 13) очень част на сассанидских изделиях;[146] плетенка имеет аналогии в ряде сосудов.[147] Полнее представлены иранские аналогии перещепинским кубкам со стилизованным растительным орнаментом.[148]

Приведенные аналогии из иранской торевтики VI—VIII вв. убеждают в том, что мастеру были известны иранские вещи. Начало проникновения иранского серебра в Приднепровье относится ко времени, весьма отдаленному от времени появления варягов в составе приднепровских дружин.

---

[143] А. А. Бобринский. Перещепинский клад. — Кроме блюда Шапура, есть более поздняя ваза с чеканными изображениями; Я. И. Смирнов. Восточное серебро, СПб., 1909, № 76 — красивая серебряная ваза, узкая с фестонами, украшенными чеканным орнаментом; найдена на Волыни (в восточной части, ближе к Киевщине); № 77 — аналогичная ваза, найдена близ Вислы; № 80 — высокий кувшин с изображениями жриц в легких одеждах, найден в верховьях Северного Донца; № 83 — кувшин с изображением иранского Сенмурва (русского Симаргла), найден также в верховьях Донца. В результате получается узкая полоса кладов иранского серебра VII—IX вв., идущая вдоль лесостепи.

[144] Я. И. Смирнов. Ук. соч., № 109.

[145] Там же, № 20, 42, 46.

[146] Розетки, близкие к перещепинским, есть и на донецком кувшине и на волынской чаше.

[147] Я. И. Смирнов. Ук. соч., № 154 и др.

[148] Кубки № 23 и 25. Аналогичные изображения см.: Я. И. Смирнов. Ук. соч., № 117, 109, 89, 85 и др.; И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сассанидский металл, М. — Л., 1935, табл. 53, 56.

Вслед за отдельными дорогими вещами княжеского обихода в Приднепровье, Подонье и далее на север начинают проникать бронзовые и серебряные поясные бляшки и пряжки. Округлые и сердцевидные бляшки окаймлены характерными ободками из чередующихся продолговатых и круглых бусинок. Поле внутри такой бисерной каймы занято сочным и мясистым изображением дерева, цветка или листьев. Близость растительного орнамента бляшек к орнаменту серебряных сосудов указана Я. И. Смирновым.[149]

В верховьях р. Оскола раскопан курган дружинника, похороненного в кольчуге, шлеме и с поясом, украшенным серебряными и золотыми бляшками, с орнаментом в виде плодов, листочков, бисерных нитей и переплета.[150] Погребение датировано византийскими монетами VIII в. (Анастасия — 713—716 гг. и Льва—775—780 гг.).

Близ Богучара найдены пряжка и бляхи с кольцами этого постсассанидского стиля.[151] Очень близка к этой пряжке одна из пряжек Перещепинского клада (641—668).[152] Пышно декорированные бляшки найдены в б. Елисаветградском уезде, б. Херсонской губ.[153]

Богатый набор бляшек восточного стиля найден на Полтавщине. Образцом восточной индустрии является наконечник пояса из Железницкого клада близ Зарайска;[154] литая серебряная пластинка обведена по краю бисерным ободком. На позолоченном поле рельефным рисунком выступает интересная трехчленная композиция: слева — дерево с сочными листьями и мощными раскинутыми корнями; в центре — лань, поедающая листья с дерева; справа — лев, готовящийся прыгнуть на лань. Характер ободка и рисунок дерева включают эту замечательную вещь в число

---

[149] Я. И. Смирнов. Ук. соч., предисловие, стр. 8, см. табл. XCII и CXVI.

[150] ОАК за 1869 г., стр. XXI; ЗОРСА, СПб., 1895, т. I, стр. 135—136 (Бирючинский уезд, Воронежской губ., Старо-Ивановская волость).

[151] Альбом рисунков к отчетам Археол. комиссии, СПб., 1906, стр. 16, рис. 83 и 87; ОАК за 1895 г., стр. 54.

[152] А. А. Бобринский. Ук. соч., рис. 57. — Пряжка является одним из ранних представителей этого стиля.

[153] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. XIX, рис. 682, 739—777.

[154] Коллекции ГИМ в Москве. —Наконечник пояса опубликован А. А. Спицыным («Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Рязанская губ.» — ЗРАО, СПб., 1899, т. XI).

[155] К другим, более важным для истории русского художественного ремесла вещам этого клада я вернусь ниже.

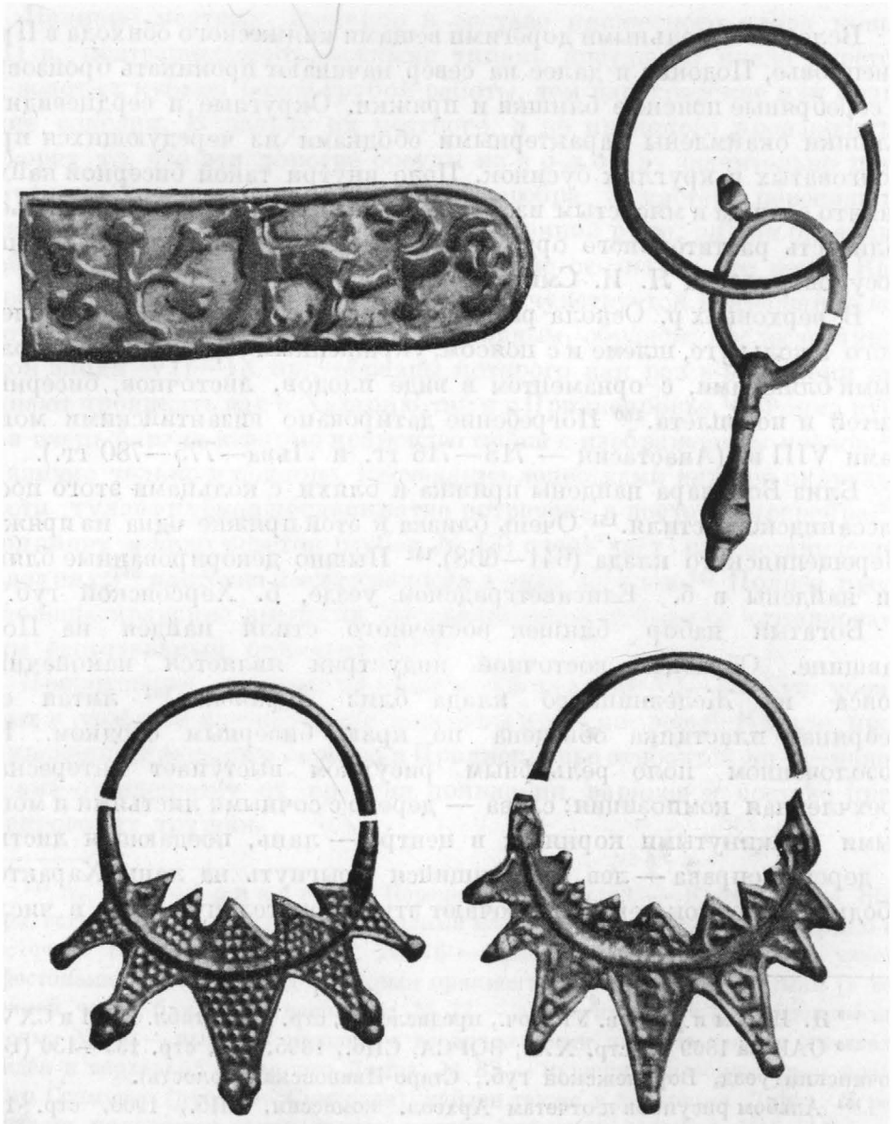


Рис. 14. Зарайский клад VIII—IX вв.

лучших находок восточного стиля. Датировать наконечник можно, как и большинство подобных изделий, VIII—IX вв. (рис. 14).[155]

Все перечисленные выше изделия или по месту их нахождения или по сопровождающим вещам связаны с южным степным миром. Большинство их найдено южнее славянских поселений; тем интереснее их продвижение в VIII в. на север. Два случая на-

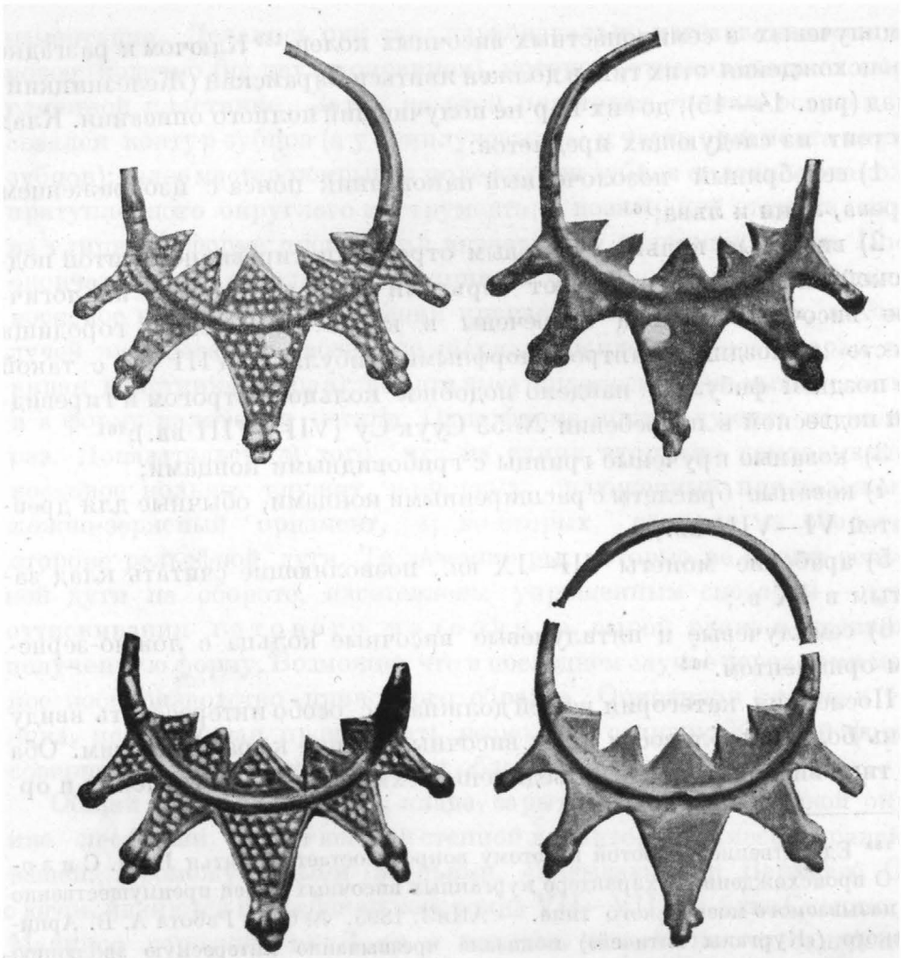


Рис. 15. Зарайский клад VIII—IX вв.

ходки постсассанидских бляшек известны в Гнездове в кладе 1868 г.[156] и в кургане.[157] Последняя бляшка носит следы утраты характерных черт стиля. Единичные экземпляры были встречены в уваровских раскопках в Суздальской земле.[158] В непосредственной связи с предшествующим стоит вопрос о происхождении типичных племенных украшений радимичей и вятичей —

[156] А. С. Г у щ и н. Памятники древнерусского художественного ремесла. Л., 1936, табл. III, рис. 3.

[157] В. И. С и з о в. Курганы Смоленской губ., табл. II, рис. 11.

[158] А. А. С п и ц ы н. Владимирские курганы, стр. 132, рис. 47.

семилучевых и семилопастных височных колец.[159] Ключом к разгадке происхождения этих типов должен явиться Зарайский (Железницкий) клад (рис. 14—15), до сих пор не получивший полного описания. Клад состоит из следующих предметов:

1) серебряный позолоченный наконечник пояса с изображением дерева, лани и льва;[160]

2) височные кольца с боковым отрогом и гиревидной литой подвеской; их иногда называют серьгами аланского типа; аналогичные височные кольца встречены в кладе Пастерского городища вместе с поздними антропоморфными фибулами VIII в.; с такой же поздней фибулой найдено подобное кольцо с отрогом и гиревидной подвеской в погребении № 55 Суук-Су (VII—VIII вв.);[161]

3) кованые крученые гривны с грибовидными концами;

4) кованые браслеты с расширенными концами, обычные для древностей VI—VIII вв.;

5) арабские монеты VII—IX вв., позволяющие считать клад зарытым в IX в.;

6) семилучевые и пятилучевые височные кольца с ложно-зерненым орнаментом.[162]

Последняя категория вещей должна нас особо интересовать ввиду очень большой близости этих височных колец к радимичским. Оба эти типа височных колец объединены техникой их изготовления и ор-

[159] Единственной работой по этому вопросу остается статья В. И. Сизова. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа. — АИиЗ, 1895, № 6. — Работа А. В. Арциховского («Курганы вятичей») показала чрезвычайно интересную эволюцию височных колец на протяжении XII—XIV вв., но в вопросе происхождения Арциховский опирается только на Сизова. Моя работа о радимичах, кроме установления генетической связи радимичской формы (как более ранней) с вятичской (более поздней), ничего нового не внесла («Радзімічы», стр. 90).

[160] См. выше. Мотив льва впервые появляется в Восточной Европе после большого перерыва в VII—VIII вв. и с этого времени становится излюбленным в феодальном, а позднее и в народном искусстве. Проводниками восточных сюжетов были иранские и византийские шелковые ткани, в огромном количестве вывозимые на Русь и далее в Западную Европу (где они назывались «русскими»). См. рисунок послесассанидской ткани VIII в. с русской вышивкой на ней XII в. в статье Л. И. Якуниной «Древняя иранская ткань». — ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 104—107. Изображения львов появляются в Перещепинском и Нескрибовском кладах.

[161] ИАК, 1911, вып. 40; ИАК, 1906, вып. 19, рис. 33 .

[162] J. K. Aspelin. Antiquité du nord fiano-ougrien, Helsingfors, 1877, fig. 924.

наментации. Делались они так: первоначально изготавливалось восковое колечко (из двух половинок), которое оттискивалось на сырой глиняной пластинке. Затем на этой пластинке тонким острием рисовался контур зубцов (а у семилучевых — и часть орнамента внутри зубцов); далее мастер покрывал поле внутри зубцов сплошным наколом притупленного округлого инструмента; в позитивной отливке накол на глиняной форме производил впечатление сплошной зерни. После окончательной отделки на глиняную форму вновь накладывалось восковое кольцо для получения круглой в сечении дужки, в концы лучей вкладывались восковые шарики, накладывалась вторая глиняная пластинка (сырая); все это высушивалось, воск вытапливался, и в форму наливался металл. Одна форма могла служить несколько раз. Доказательством того, что на глину вторично накладывалось восковое кольцо, служит, во-первых, сплющенный при наложении ложно-зерненый орнамент, а, во-вторых, наличие на оборотной стороне рельефной дуги. Те экземпляры, которые не имеют рельефной дуги на обороте, изготовлены упрощенным способом — путем оттискивания готового изделия на сырой глине и отливки в полученную форму. Возможно, что в последнем случае перед нами местное воспроизводство привозного образца. Описанная сложная техника, позволявшая производить несколько отливок в одной форме, совершенно не известна русским областям в VI—VIII вв.

Общий облик Зарайского клада, зарытого в самой северной окраине лесостепи, носит южный степной характер с примесью иранских вещей. Промежуточными звеньями, связывающими Верхнюю Оку с югом, являются погребения кочевника VII—VIII вв. близ Скопина,[163] Маяцкое городище на Дону и находки вещей постсассанидского стиля на Дону. Очевидно, этим донским путем и попали южные вещи на Остер.

Определить место производства височных колец Зарайского клада нельзя. Вместе с Сизовым можно предполагать их завозное арабско-иранское происхождение, так как никаких предшествующих местных типов украшений, к которым восходили бы височные кольца, указать нельзя. Они быстро покоряют вкусы русских мастеров и русских женщин, для которых они на несколько столетий стали излюбленным видом украшений.

В X—XII вв. семилучевые височные кольца являются широко распространенным украшением в земле радимичей на Соже, Ипути и

[163] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья..., стр. 46.

Беседи,[164] изготовлявшимся в различных местах радимичской земли. Отсутствие вятичских курганов раннего времени лишает нас возможности определить распространение височных колец в X—XI вв., но в XII в. они встречаются на очень широкой территории и являются стойким и надежным этнографическим признаком.[165]

Можно ли допустить, что иноземные образцы, будучи завезены на Русь, так строго ограничились в своем распространении только двумя племенами? Изучение самых ранних образцов семилучевых височных колец и главным образом тех, которые отклоняются от стандартной радимичской формы, убеждает в том, что ограничение бытования колец одним-двумя племенами — дело более позднее, а первоначально они могли встречаться независимо от племенных границ у кривичей, северян, радимичей и, вероятно, вятичей.

Целый ряд семилучевых височных колец найден в Смоленской земле. Близ Ельни было найдено семилучевое кольцо с ложной зернью и литой лунницей на конце среднего луча.[166] Это кольцо следует причислить к привозным образцам, а не к местному изготовлению. Два семилучевых кольца найдены в самом Смоленске.[167]

На Смоленщине в раскопках Спицына и Эйбоженко встречено семилучевое кольцо, изготовленное по восковой модели (как позднейшие вятичские) и щедро орнаментированное.[168]

Близ города Бельска, в с. Горбачеве, в кургане найдены кольца, являющиеся промежуточными между радимичскими и вятичскими (рис. 16). Верхние зубцы у них сходны с зарайскими и радимичскими. Лучи утратили тройные зерна на концах и начинают превращаться в лопасти. Техника — литье по глиняной форме (т. е. близка к зарайской). Это — местное воспроизводство какого-то образца, сходного с зарайским. Любопытно, что местных смоленских ювелиров затрудняла отливка зерни на концах лучей: на левом рисунке металл заполнил всю форму, и зерно получилось на кольце; на правом височном кольце видно, что достаточно было мастеру не догреть металл, чтобы концы лучей получились не тройственными, а округлыми. Возможно, что так, путем упрощения, и возникли округлые лопасти вятичских височных колец, вместо трех крупных зерен их предполагаемого прототипа. Аналогичные горбачевским височные кольца

[164] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Карта на стр. 98.

[165] А. В. Арциховский. Ук. соч.

[166] В. И. Сизов. Ук. соч., рис. 6.

[167] Материалы Смоленского музея.

[168] Коллекции ГИМ.

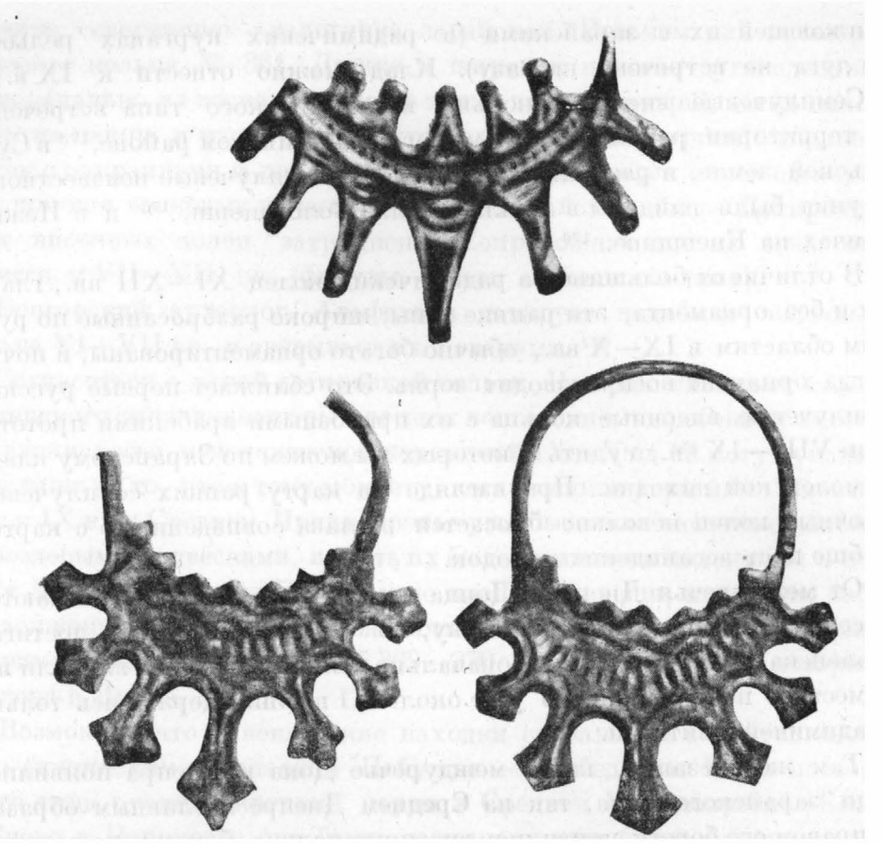


Рис. 16. Височные кольца X – XI вв. Бассейн Десны и Днепра

часто встречаются на Десне от Трубчевска[169] до Вщижа,[170] т. е. на пограничье между вятичами и радимичами.[171]

Ранние экземпляры семилучевых височных колец есть и у северян. В Полтаве найден клад, в состав которого входят браслеты зарайского типа, спиральные височные кольца, своеобразная гривна и два семилучевых височных кольца, очень похожих на классические радимичские, но с архаичным признаком — рельефной дугой на щитке,

[169] Материалы Орловского музея.

[170] Раскопки близ с. Пеклина в 1901 г.

[171] И вятичские и радимичские височные кольца эволюционировали, очевидно, в одном направлении. Поздние радимичские кольца из Гочевского, могильника (где они развивались в особых условиях смешанного по составу населения пограничного городка), относящиеся к XII в., совершенно сходны с височными кольцами вятичей XII в. — Б. А. Рыбакоў, Радзімічы, рис. 11 и 15.

сближающей их с зарайскими (в радимичских курганах рельефная дуга не встречена ни разу). Клад можно отнести к IX в.[172]

Семилучевые височные кольца нерадимичского типа встречены вне территории радимичей, кроме того в Истринском районе,[173] в Суздальской земле, в раскопках Уварова. [174] Семилучевые неизвестного рисунка были найдены в Липляве, близ Золотоноши, [175] и в Нежиловичах на Киевщине. [176]

В отличие от большинства радимичских колец XI—XII вв., гладких и без орнамента, эти ранние типы, широко разбросанные по русским областям в IX—X вв., обычно богато орнаментированы, и почти всегда орнамент воспроизводит зернь. Это сближает первые русские семилучевые височные кольца с их привозными арабскими прототипами VIII—IX вв., судить о которых мы можем по Зарайскому кладу и смоленской находке. При взгляде на карту ранних семилучевых височных колец невольно бросается в глаза совпадение ее с картой вообще постсассанидских находок.

От междуречья Днепра и Донца семилучевые кольца поднимаются на север тремя потоками: по Сожу, по Десне и по Оке, достигая Смоленска и Суздаля. Первоначально изящные изделия вызвали повсеместное подражание, но уже около XI в. они удержались только у радимичей и вятичей.

Так же внезапно, как в междуречье Дона и Днепра появились вещи зарайского типа, так на Среднем Днепре и главным образом на правом его берегу появились височные кольца, близкие по технике и общему облику к зарайским, но отличные от них по рисунку. Речь идет о вещах типа клада Пастерского городища. [177]

В состав клада входят лучевые и антропоморфные фибулы, но особенно интересны круглые височные кольца (иногда с расширенной нижней половиной), к которым снизу прикреплен круглый выпуклый щиток с гроздьями ложной зерни. Иногда щиток имеет прорези.

[172] Н. Е. Макаренко. Материалы по археологии Полтавской губ.— «Труды Полтавской Ученой архивной комиссии, вып. V, Полтава, 1908».

[173] Раскопки К. Я. Виноградова.

[174] А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 126.

[175] Вадим Щербаківський. Ліплявський могильник.— «Niederlûv Sbornik», Praha, 1925.

[176] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 146.

[177] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. IV, табл. XIII, рис. 361—373; А. А. Бобринский. Исследования в Чигиринском у. — ИАК, вып. 35, рис. 36.

Техника совершенно аналогична зарайской. Возьмем для примера височные кольца № 361. Дужка и широкая нижняя дуга сделаны первоначально из воска (орнамент тонко врезан внутрь), затем наложены на глину, и уже в глине путем вдавливания острием выполнен щиток с закраинами и ложной зернью. Гроздья зерен опять сделаны при помощи восковых шариков, как и в зарайском кладе. Датировка этих височных колец затруднена. Сопровождающие их вещи относятся к VII—VIII вв. (фибулы, серьги «аланского» типа).

Венгерский археолог Альфельди датирует подобные височные кольца VI—VII вв. и связывает их с аварами. [178]

Согласиться с такой датировкой нельзя. Находки височных колец пастерского типа в некоторых ранних венгерских погребениях вместе со славянской и кочевнической керамикой IX—X вв.[179] могут указывать лишь на то, что к тому моменту, когда «идоша угры мимо Киева», т. е. к IX в., в Среднем Приднепровье уже бытовали височные кольца с гроздевыми подвесками, и часть их была принесена мадьярами в долину Дуная. В составе Пастерского клада есть вещи, нашедшие себе продолжение в ювелирных изделиях Волыни и Побужья. Таковы, например, височные кольца № 369—370, полная аналогия которым найдена в Луцке. [180]

Возможно, что и венгерские находки связаны не с Киевщиной, а со славянским населением Побужья — «Лебедией». Вещи пастерского типа пустили крепкие корни в Среднем Приднепровье. Если в Киеве и Чернигове они были вытеснены еще более изысканными образцами трехбусенных височных колец, то в радимичском Полесье они прочно удержались до XI в. в виде подвесок к ожерелью, в которых нижняя часть осталась без изменения, а большое кольцо было заменено петлей. [181]

Почти одновременно с вещами Пастерского клада в Киев и другие русские города проникают хрупкие золотые филигранной работы височные кольца с тремя бусинками на круглой дужке. Позднее за ними закрепляется наименование трехбусенных височных колец киевского типа, хотя ранние их экземпляры также встречены на очень широкой территории (Суздаль, Ростов, Переяславль Русский, Болгары). Совершенно аналогичное некоторым киевским и суздаль-

[178] Alföldi. Die avarischen Funde. — ESA, t. IX.

[179] Nádor Fettich. Archeologia Hungarica.

[180] Е. Н. Мельник. Раскопки в земле Лучан. — «Труды XI Археол. съезда», 1901, т. I, табл. VI, рис. 10.

[181] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, рис. 4.

ским находкам золотое трехбусенное височное кольцо найдено в Египте. Дата — около VII в. [182]

Техника филиграни и зерни очень быстро была усвоена киевскими мастерами, и египетско-сирийский прототип подвергся на русской почве дальнейшим изменениям, превратившим массивные шарики в изящные и воздушные сетки из филигранных нитей.

«Дары Востока», которые в массовом количестве появляются в VII—VIII вв. в русских областях, не ограничиваются только украшениями. Как было уже указано выше, именно в VIII в. появляются кольчуги и шлемы характерной иранской формы, восходящие еще к ассирийским прототипам. [183]

Эти иранские шлемы и послужили образцами для русских оружейников, изготовлявших такие шлемы вплоть до XVII в.

Вместе с восточными вещами появляются и монеты. П. Г. Любомиров, внимательно проанализировавший этап за этапом топографию кладов восточных монет, пришел к выводу, что древнейшим путем, по которому арабские диргемы попадали на Русь, был путь по Северскому Донцу. [184]

С этим вполне согласуются находки в верховьях Донца сассанидского серебра и «постсассанидских» бляшек и общее направление вещей зарайско-пастерского типа.

Сильному восточному влиянию в VII в., а главным образом в VIII в. подверглись области по Донцу, Сейму, Десне, Днестру, Оке и Дону.

Очень интересен путь проникновения восточных вещей в Смоленск. В самом Гнездове, кладбище древнего Смоленска, и вокруг Смоленска встречаются постсассанидские бляшки и семилучевые височные кольца ранних типов, идущие сюда с юго-востока. В этих же пределах встречается изредка и особый тип керамической орнаментации — ложно-гребенчатый чекан, [185] характерный для поздней стадии Ро-

[182] М. Э. Матье и К. С. Ляпунова. Греко-римский и византийский Египет. — Сб. «История техники древнего Востока», Л., 1939, стр. 18.

[183] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, М., 1908; Э. Ленц. Вооружение из Демьяновки. — ИАК, 1902, вып. 2, рис. 11.

[184] П. Г. Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. — «Ученые записки Саратовского университета», Саратов, 1923, т. I, вып. 3, стр. 5—38.

[185] М. Гнездово. — В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., стр. 104, рис. 76; Катынь на Днепре ниже Смоленска. — «Працы Археол. камісіі БАН», Менск, 1930, т. II, табл. XII, рис. 5, стр. 318; Путятинка на юго-восток от Смоленска. — Там же, стр. 278, табл. I, рис. 13; Близ Чичерска на

менской культуры, где он встречен на каждом городище. Единичность находок на Смоленщине и совпадение с распространением здесь восточных ювелирных изделий наводят на мысль, что магистральная дорога, шедшая из степей вверх по Северному Донцу, продолжалась далее на Смоленск через земли северян и радимичей. Тогда станет понятно, как новый тип орнаментики, выработанный в северянской земле, понемногу просачивался в оба конца этой большой дороги: с одной стороны, в Смоленск, а с другой — в степь, к хазарам и аланам.[186]

Если все изложенные археологические факты, свидетельствующие о резком изменении культуры восточных славян в VIII в., поставить в рамки конкретных исторических событий, то основное внимание нужно обратить на Хазарский каганат, складывающийся в VII в. и достигающий наивысшего расцвета в VIII в. В первой половине VII в. Приднепровье ведет оживленную торговлю с Византией (монеты, вещи). В это время упоминаются морские набеги славян на средиземноморские города и Константинополь. В 679 г. болгары отрезают приднепровских славян от Дуная и Византии. Торгово-военные связи антов в этих условиях принимают юго-восточное направление, в составе кладов усиливается сассанидский элемент. Местные мастера (состоящие при князе) подражают восточным изделиям. В это же время на другом конце юго-восточного мира происходит быстрое продвижение арабов на север и их первые столкновения с хазарами.

В составе хазарских дружин в Закавказье имеются дружинники-славяне, что вполне объясняет восточные мотивы в утвари славянских князей в Приднепровье.

В VIII в. Византия приходит в упадок, ее императоры ищут поддержки у хазарских каганов. От империи отпадают ее причерноморские владения. В то же время на юго-востоке налаживаются хазаро-арабские торговые связи, хотя до самого конца столетия продолжаются и битвы за Кавказ.

Соже.— Там же, табл. XII, рис. 1. — Кроме того, отдельные сосуды с такой орнаментацией есть на Верхней Оке.

[186] Маяцкое городище, Цымлянские городища. — См. М. И. Артамонов. Средневековые поселения. — Возможно, что в связи с этим стоит и внедрение славянских типов керамики в Зливкинском аланском могильнике. — См. В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегу р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губ. — «Труды XII Археол. съезда», 1905, т. I.

Русские области приобретают восточные изделия (ткани, женские украшения, поясные бляшки, кольчуги и шлемы).

Вполне возможно, что усиление восточного влияния, приобретающего массовый характер, связано с вхождением в состав Хазарского каганата юго-восточных русских племен — северян, вятичей, радимичей и воинственных полян, плативших, согласно легенде, дань хазарам мечами.

Точная дата установления политической зависимости приднепровских князей от хазар в источниках не указана, но, исходя из совокупности всех исторических и археологических данных, это событие можно относить именно к VIII в.[187]

Вполне вероятно, что участие славянских дружин в юго-восточных хазарских походах проложило для славян пути и в Тмутаракань и в Закавказье через Дербент и, может быть, даже в Среднюю Азию.

В юго-восточные походы втягивались, кроме перечисленных четырех племенных союзов, и более северные племена, в частности, смоленские кривичи, а к концу VIII в. (или в начале IX в.) и новгородские славяне («пріиде рать велика роусскаа из Новграда князь Бравлин силен зѣло, плѣни от Корсоуня и до Корча»). [188]

Так постепенно, через Киев и Северскую землю (VII в.) к Смоленску (VIII в.), от Смоленска к Новгороду (VIII—IX вв.), а от Новгорода и далее на северо-запад в варяжское Заморье (середина IX в.) докатились легенды о сказочных богатствах Востока, и в общем потоке отважных дружинников-завоевателей, поплывших на юг и юго-восток за шелковыми паволоками и золотым узорочьем слились дружины Киева, Чернигова, Переяславля, Смоленска, Ростова, Новгорода, Готланда и Бирки. Местом сбора и политическим центром этих дружин мог стать только какой-либо из городов старого полянского Приднепровья, издавна связанного с Византией, Боспором и сассанидским юго-востоком. Таким центром стал Киев близ устья Десны.

Предшествующее положение подводит нас к выводу, что среди всех славянских земель именно Среднее Приднепровье было наиболее подготовлено ходом исторического развития к первенствующей и главенствующей роли. Не норманы, появившиеся здесь лишь в IX в., были создателями культуры Киевской Руси, а, наоборот, расцвет

[187] К этому времени утрачивается замкнутость днепровской и салтовской культур. На севере, рядом с русскими поселениями Верхнего Дона, появляются хазарские земли (Маяцкое и Ольшанское городища).

[188] В. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. 2. Жития св. Георгия Амастрадского и Стефана Сурожского, СПб., 1893, стр. 100.

Приднепровья в VII—VIII вв., его связи с Византией, Ираном и арабами, его собственная высокая культура определили центр притяжения варяжских походов со второй половины IX в.

Никакого перелома в развитии культуры (и, в частности, ремесла) в связи с появлением варяжских отрядов в Приднепровье не произошло. Глубокое различие в полноте источников (появление в IX в. курганов, дающих богатый археологический материал, и письменности — в X в.) создает кажущееся отличие киевского периода от докиевского. И это отличие нередко приписывалось благотворному влиянию «скандинавской закваски».

Появление курганов ни в какой мере не связано с норманнами, так как курганный обряд появляется почти одновременно у всех славянских племен, в том числе и у таких, которые норманнов никогда не видали (напр., чехи, мороване и др.). Отсутствие культурного влияния варягов в области письменности также несомненно. Помимо того, что образцом послужил греческий маюскул, а не руны, любопытно сопоставление количества рунических надписей в Скандинавии и у нас. В Швеции было зарегистрировано около 2000 рунических надписей IX—XI вв., на территории СССР найдена только одна руническая надпись на острове Березани.[189] Столь же ничтожно было количество собственно варяжских погребений. [190]

Выше я старался показать на отрывочном и фрагментарном материале VI—VIII вв., что ремесло этого периода стояло в некоторых областях (Среднее Приднепровье) на довольно высоком техническом уровне и могло служить основой для складывавшегося в это время государственного образования.

Дальнейшее развитие ремесла, разрастание старых и появление новых городов, установление связей между южной и северной половиной славянства, восприятие византийской культуры и целый ряд других явлений, сопровождавших возникновение Киевского государства, существенным образом изменили облик древнерусского хозяйства X—XII вв. по сравнению с предшествующим периодом. Дальнейшее изложение ввиду обилия материала удобнее будет вести по отдельным видам производства, относя общеисторические выводы в заключение.

Прежде чем приступить к обзору русского ремесла X — начала

[189] Ф. Браун. Шведская руническая надпись на о. Березани. — ИАК, 1906, вып. 23.

[190] А. В. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. — «Историк-марксист», 1939, № 1, стр. 193, 194.

XIII вв., необходимо подвести итоги предшествующему изложению, слишком громоздкому для вводной части по причине связанности доистории русского ремесла со многими спорными вопросами общего порядка.

Последней из числа таких общих проблем будет проблема генетической связи Киевской Руси с культурой антско-хазарского периода, во-первых, и более глубокие скифо-сарматские корни ее, во-вторых.

Территориальное совпадение области скифов-пахарей, днепровского района полей погребений, кладов местных и привозных изделий антского времени и важнейших русских княжеств — Киевского, Черниговского и Переяславского — особенно примечательно потому, что каждая упомянутая область приднепровских земледельцев в свое время была наиболее культурной по сравнению со своими северными, западными и восточными соседями. Скифское языковое наследство в восточнославянских наречиях и в современной топонимике прослежено А. И. Соболевским. [191]

В. А. Городцовым в интереснейшей статье прослежена связь сюжетов русской народной вышивки с ритуальными изображениями скифо-сарматского мира. [192]

Анализ стилистических особенностей антропоморфных и зооморфных фибул VII—VIII вв. привел Д. Н. Эдинга к выводу о близости их к скифскому искусству. [193]

Т. Арне, считая эти фибулы готскими, для объяснения совпадений со скифскими изображениями прибегнул к сложной системе натяжек, допуская, что готы, оказавшись в южной России, занялись раскапыванием скифских курганов и благодаря таким раскопкам восприняли элементы скифского стиля. Если принять мою гипотезу о местном, славянском происхождении фибул, то отпадает надобность в таком натянутом объяснении, и антропоморфные фибулы могут стать промежуточным звеном между скифским искусством, с одной стороны, и русской вышивкой, с другой.

Е. Н. Басова, а вслед за ней и Л. А. Динцес продолжили работу В. А. Городцова на материале глиняных игрушек. Оказалось, что

[191] А. И. Соболевский. Славяно-скифские этюды. — ИОРЯС, 1928, т. I, кн. 2, стр. 376—390; 1929, т. II, кн. 1, стр. 160—173.

[192] В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. — «Труды ГИМ», М., 1926.

[193] Д. Н. Эдинг. Антропо- и зооморфные фибулы Восточной Европы. — «Ученые записки Института национальных и этнических культур Востока». М., 1930, т. II.

древние скифские терракоты ритуального значения были почти целиком перенесены в современную глиняную игрушку. Промежуточным звеном оказались глиняные фигурки языческих богинь (?) XI—XII вв. из Киева.[194] Добавлю, что киевские фигурки связаны с греко-скифским миром даже по технике. Несмотря на примитивность и упрощенность типа лица и всей фигуры богини, киевские мастера при изготовлении своих скульптур пользовались тем же техническим приемом, что и античные коропласты — голова глиняной статуэтки отливалась в специальной форме, типосе. [195]

Нити, связывающие Приднепровье эпохи полей погребальных урн (эпохи оживленной торговли с Римом) с позднейшей русской культурой, прослеживаются по мерам сыпучих тел. Погребальные обряды Среднего Приднепровья в IX—X вв. воскрешают старый скифский обряд захоронения в обширном срубе под курганом.

В керамике Приднепровья очень интересна одна особенность: горшки обычного общеславянского типа имеют сбоку маленькое рудиментарное ушко, не оправданное практическими соображениями. Такие горшки с ушками встречаются только в городах и только в районе старой скифской культуры. Если проследить эволюцию керамики в Среднем Приднепровье, то в эпоху полей погребальных урн мы обнаружим здесь все промежуточные звенья эволюционной цепи от типичного скифского глиняного ковша с большой ручкой до сосуда киевского типа с маленьким ушком, лишь отдаленно напоминающими о своем древнем образце. [196]

Дальнейшие работы, несомненно, увеличат количество точек соприкосновения Киевской Руси со скифским миром, но и приведенных фактов достаточно для того, чтобы показать, что историю русских приднепровских областей следует начинать с глубокой древности.

[194] Е. Н. Басова. От бога Мена к пану Твардовскому. — Сб. Городцова, М., 1928; Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка, Л., 1935.

[195] В Киевском историческом музее хранится формочка XI—XII вв. для отливки или оттискивания в ней головы глиняных статуэток. Рисунок лица примитивный. Античные аналогии многочисленны. См., напр.: Л. Моисеев. «Типос» из Ольвии. — ИАК, 1911, вып. 40, рис. 1—2. — Для киевских мастеров применение типоса не диктовалось практическими соображениями, так как лицо в том виде, в каком оно получалось в форме, легко могло быть вылеплено от руки. Очевидно, важно было сохранение традиции лепки священных изображений.

[196] В сарматской и позднейшей салтовской керамике тот же прототип получил иное развитие: расширялась нижняя часть, суживалось горло, и весь сосуд превращался в кувшин.

Связи русского ремесла VII—VIII вв. с эпохой Киевской Руси устанавливаются на большом количестве примеров. Преемственная связь между хазарской и киевской эпохой несомненна.

Материал, изложенный в этой главе, приводит к следующим выводам:

1. Отсутствие месторождений меди и олова на территории позднейших славянских племен обусловило различие в темпах развития лесной и степной полосы в бронзовый период. В наиболее выгодных условиях находилось Среднее Приднепровье и Подонье; в лесной полосе долго сохраняются культуры неолитического типа.

2. В скифское время земледельческое население Среднего Приднепровья существенно отличается по уровню своего производства от более северных племен. Широко применяются добыча железа и ковка его, литье меди, тиснение золота; создаются устойчивые типы керамики (лепной). Открытие железа уравнивает производственные возможности южных (скифских) и северных (лесных) племен, но различие между ними долго поддерживается большой близостью юга (Среднее Приднепровье, Полесье) к мировым культурным центрам.

3. Римский период (до V в. н. э.) характеризуется воздействием южных городов на подготовленное к восприятию римской культуры славянское население Среднего Приднепровья и частичным проникновением отдельных ее элементов далее на север и северо-восток.

Культура полей погребальных урн (которую можно связывать с венедами), распространенная на обоих берегах Среднего Днепра, знает ряд сложных производств. Помимо обработки железа и меди, появляется искусство выемчатой эмали (особый днепровский вариант общеварварских эмалей), появляется гончарный круг и производство черной лощеной посуды, обжигаемой в специальных горнах римского типа, совершенствуется обработка кости (пропиленные гребни и др. изделия). Все эти производства связаны с выделением специалистов-ремесленников, которое произошло в IV—V вв. н. э.

Северные племена находятся на более примитивном уровне позднe-дьяковской культуры, но и там выделяются кузнецы, готовящие для обмена железо. Литьем меди на севере занимаются женщины. Гончарного круга нет. Исключением является среднее течение Оки, где, по П. П. Ефименко, в это время выделилось, кроме кузнечного, и ювелирное ремесло.

4. Антский период VI—VII вв. начинается с завоевательных походов на Византию. К этому времени исчезает римская провинциальная культура приднепровских областей, исчезает (как и повсеместно в Европе в V в.) производство выемчатых эмалей, исчезает гончарный круг. Этот временный упадок может быть связан с нашествием гуннов.

Ремесленный характер сохранило лишь ювелирное производство (о кузнечном нет данных, но его можно, безусловно, предполагать).

По боспорским образцам на Днепре создается производство медных лучевых (пальчатых) фибул. Часть этих фибул попадает в Крым и на Оку.

В конце VII в. златокузнецы приднепровских князьков изготовляют вещи тех же типов, что и массовые изделия, но более роскошные по материалу и отделке. В производстве золотой посуды чувствуется подражание привозным сассанидским образцам.

5. «Хазарский» период VII—VIII и, отчасти, IX вв.

Возрастающая роль земледелия на севере несколько уравнивает хозяйственный облик юга и севера. Важнейшим явлением в истории ремесла оказывается возникновение ремесленных поселков со многими производствами (кузнечное, литейное, гончарное, костерезное, ювелирное). Такие поселки превращаются в города. Гончарного круга в VIII в. еще нет, но на юге в области Роменской культуры происходит постепенное внедрение круглой подставки, приводящее в IX в. к введению гончарного круга.

Юго-восточные племена, втянутые в орбиту ирано-арабского культурного мира, воспроизводят привозные образцы оружия и украшений. На северо-востоке выделяются женщины-ремесленницы (литейщицы), но этот процесс в дальнейшем прекращается, и литейное дело переходит к кузнецам. В IX в. и на юге и на севере уже выделилось в ремесло кузнечное дело, литейно-ювелирное дело, гончарное дело, костерезное дело. Дальнейшее развитие ремесла идет двумя путями: с одной стороны деревенское ремесло и с другой — быстро обгоняющее его ремесло городское.

Глава вторая

ДЕРЕВЕНСКОЕ РЕМЕСЛО IX—XIII вв.

История русской деревни представляет собой труднейшие страницы исторического исследования, ввиду того что большинство письменных источников не касается деревни. Деревня почти не нашла себе места в летописи, так как, по словам Кирилла Туровского, «историци и витиа рекше летописци и песнотворци, прикланяють свои слухы в бывшия м е ж и ц е с а р и р а т и». Русская Правда представляет себе деревню или как продолжение вотчины или как силу, противостоящую вотчинному порядку, который надлежит ограждать от ее возможного вторжения. Другие категории письменных источников почти не замечают деревни, может быть, только за исключением христианских проповедников, бичующих поклонение Сварожичу под овином.

Значительно больше дают археология и этнография. Если историю русского города можно, хотя и с пробелами, написать без привлечения вещественных источников, то история русской деревни будет написана впоследствии на основе археологических материалов. Впрочем, трудности есть и здесь. Обильный материал курганов не уравновешен раскопками селищ и городищ. В нашем распоряжении нет ни одного сельского поселения, раскопанного целиком, поселения, в котором можно было бы проследить планировку жилищ, определить количество ремесленников и их производственный инвентарь, установить наличие специальных мастерских и т. п. В отношении поселений пока приходится довольствоваться отрывочными материалами по преимуществу рекогносцировочных раскопок. Кроме того, большую трудность представляет разграничение городских и сельских поселений. В каждую историческую эпоху между настоящим городом и деревней существует ряд промежуточных звеньев, которые затруднительно отнести в ту или иную группу, но для древней Руси, где многие сельские поселения имели свой «град» с земляными валами, это разграничение особенно трудно.

В нашей работе из общего числа древнерусских городищ в разряд сельских условно отнесены маленькие земляные крепостцы в 60—150 метров в поперечнике, с культурным слоем X—XII вв. и зачастую с большим древним подстилающим слоем. Эти городища по целому ряду материалов бывают связаны с окружающими их курганами, что позволяет, во-первых, рассматривать их как две формы проявления одного и того же быта, а, во-вторых, позволяет точнее датировать городищенские находки.

Только при наличии некоторых вполне определенных признаков городища малых размеров исключались из списка городищ сельского типа. Таким признаком является, например, наличие амфор для вина, типичных для городской культуры, соседство курганов с явными дружинными погребениями или явная диспропорция между жилой площадью и мощностью укреплений. Все это позволяет отнести такие городища к числу боярских усадеб.

В отношении курганов важны два вопроса: во-первых, их датировка, а, во-вторых, разграничение городских и деревенских курганов.

Для датировки курганных комплексов мы располагаем несколькими десятками погребений с монетами X—XI вв., позволяющими построить хронологическую шкалу. Для XII—XIII вв., для этой безмонетной эпохи в истории Руси, хронологическими ориентирами начинают служить предметы искусства определенного стиля, определенные виды орнамента, даты которых устанавливаются по датированным городским предметам, зданиям, иконам.

Кроме того, для целей датировки служат эволюционно-типологические ряды, первые звенья которых основаны на комплексах, датированных монетами.

Отделение городских курганов от чисто деревенских затрудняется наличием в деревнях представителей «молодшей» княжеской и боярской дружины, жившей «по селам», откуда на случай похода их долго собирали с помощью бирючей. В погребениях этих дружинников, связанных как с деревней, так и с городом, встречаются, наряду с изделиями деревенских мастеров, и городские вещи.

При всех трудностях работы с археологическими источниками

и при их некоторой неполноте, они дают все же исключительно ценный материал по истории экономического развития русской деревни X—XIII вв.

20 000 деревенских курганов домонгольского времени заменяют для этой эпохи отсутствующие писцовые книги, открывая возможность широких сопоставлений и статистических подсчетов. Несмотря на различие погребальных обрядов, массовый курганный материал различных русских княжеств дает нам продукцию деревенских ремесленников в таком количестве, что позволяет построить очерк истории специально деревенского ремесла.

Будущие раскопки городищ и селищ восполнят те пробелы, которые неизбежны при современном состоянии накопления источников. Расчленение ремесла на городское и деревенское должно способствовать более четкому историческому анализу древнерусского хозяйства.

1. КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО

Среди членов родового коллектива раньше всех других специалистов обособились металлурги, ведавшие сложным, опасным и несколько таинственным делом обработки руды в горнах и ковки раскаленного металла.[1]

Совершенно естественно, что с ростом общественного разделения труда именно кузнецы стали первыми ремесленниками-специалистами, что именно их, творцов металла, народ окружил множеством различных легенд и поверий: кузнец-колдун, «хитрец», находится под покровительством русского Гефеста — бога Сварога; он может не только выковать плуг или меч, но и врачевать болезни, устраивать свадьбы, ворожить, отгонять нечистую силу от деревни. В эпических

[1] Из работ, посвященных обработке железа, см.: А. Котляревский. Металлы и их обработка в доисторическую эпоху у племен индо-европейских. — «Древности», М., 1865, т. I, вып. I, стр. 42—70; Хмыров. Металлы в древней Руси, СПб., 1875; И. Е. Забелин. О металлическом производстве в России до конца XVII в. — ЗРАО, СПб., 1853, т. V; В. Ю. Гессен. К истории ремесленного труда в древней Руси (10—15 вв.). — «Архив истории труда в России», кн. 4, 5, 8, П., 1922—1923; Ю. М. Покровский. Очерки по истории металлургии, ч. I, М. — Л., 1936. стр. 35.

сказаниях именно кузнец является победителем дракона — Змея Горыныча, которого он приковывает за язык.[2]

Очерк древнерусской металлургии, естественно, распадается на две части: 1) выплавка железа из руды и 2) кузнечная обработка железа. Оба процесса были связаны между собой, но, по всей вероятности, давно уже произошло разделение на домников и кузнецов.

Вопрос о наличии местного сырья для получения железа почему-то всегда решался историками русского хозяйства отрицательно.[3]

Исходя из современных сырьевых баз металлургической промышленности, в большинстве своем ставших известными в недавнее время, отрицалось наличие железных руд в распоряжении древних металлургов, и все железные изделия объявлялись привозными. При этом упускалось из виду, что древние домники работали на особом виде сырья — болотной руде, которая вплоть до XVIII в. сохраняла промышленное значение.[4]

Болотная (озерная, дерновая, луговая) руда — бурый железняк органического происхождения (железистые отложения на корневищах болотных растений) — содержит от 18 до 40% железа. Формула ее $2Fe_2O_3 \cdot 3H_2O$.[5] По своим технологическим качествам болотная руда была наиболее подходящим сырьем для примитивной металлургии, так как она принадлежит к наиболее легко восстановимым породам. Восстановление железа из руды начинается при температуре всего в 400°, а при 700—800° получается уже тесто-

[2] Культ кузнецов встречен у всех народов. — См. Р. В. Шмидт. Металлическое производство в мифах древней Греции, Л., 1932; Б. Е. Дегеи-Ковалевский. Из истории древней металлургии Кавказа, Л., 1935; Г. Ф. Чурсин. Культ железа у кавказских народов, изд. Кавказ. истор.-археол. ин-та, т. VI, Тифлис, 1928; Василь Гіпліус. Коваль Кузьма-Демьян в українському фольклорі.—«Етнографічний вістник», Київ, 1927, т. VIII. — Подробнее об этом ниже.

[3] См. выше мнение Довнар-Запольского и др.

[4] «А руда железная от монастыря [Макарьевского. — *Б. Р.*] верст с семь, а емлют руду в болоте; а руды много в болотах, лежит де в оборник на верху местами...» (Разрядка наша. — *Б. Р.*). — Из письма Б. И. Морозова приказчику 17 апреля 1651 г. (Ив. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. — «Вестник Европы», 1871, кн. 2, февраль, стр. 486).

[5] О генезисе железных руд этого типа см.: И. Н. Антипов-Каратаев. К вопросу о миграции железа в виде органических его соединений. — «Труды конференции по генезису руд железа, марганца и алюминия», М. — Л., 1937.

образное железо. Чрезвычайно важным для правильного решения вопроса о древней сырьевой базе является географическое распространение болотных руд (рис. 1).

При составлении карты месторождения болотных и близких к ней руд встретился ряд трудностей: современных геологов эти руды почти совсем не интересуют, и поэтому на современных картах рудных месторождений их бесполезно искать.[6]

Пришлось пользоваться отрывочными сведениями XVII—XIX вв., когда данные месторождения болотных руд представляли еще промышленное значение и как-то регистрировались.

В главе о происхождении русского ремесла была уже приведена карта распространения болотной руды и сходных с нею руд в Восточной Европе.[7] Мы видим, что болотная руда распространена в Восточной Европе чрезвычайно широко и везде сопутствует лесу. Южная граница распространения болотной железной руды совпадает с южной границей лесостепи. За этой линией в степях железной руды данных типов почти нет.[8]

[6] Так, напр., автор наиболее полной сводной работы о железных рудах России пишет, что цифры рудных запасов исчислены им, «пренебрегая... такими группами месторождений, как озерная и болотная руды...» (К. И. Богданович. Железо в России, Пгр., 1920, стр. 3. Указания на болотную руду отсутствуют в таких изданиях, как «Главнейшие железорудные месторождения СССР», т. I, 1934; И. М. Буяновский. Железные руды СССР и их использование, М., 1939 (21 карта).

[7] Материалами для составления карты послужили следующие работы: Земятчинский. Железные руды Центральной России. — «Труды Петербургского общества естествоиспытателей», т. XX, СПб., 1889; К. И. Богданович. Железные руды России, СПб., 1911; Нечаев. Полезные ископаемые России, 1891; Акад. Севергин. О железоплавильных промыслах в Новгородской губернии. — «Технологический журнал», 1812, т. IX, ч. IV, стр. 7—16. — Области более интенсивного залегания железных руд показаны на карте условно, так как точных сравнительных данных по всей русской равнине нет. Но некоторые районы слишком резко выделяются. Так, напр., в б. Повенецком уезде в XIX в. было известно 165 озер с рудой, в б. Боровическом уезде выработкой железа из болотной руды было занято 200 селений с 27 000 населения (Севергин).

[8] Южнее границы лесостепи болотная руда встречается редко в пойменных долинах, но это не значит, что кузнецы степных районов совершенно не располагали сырьем. Хоперское месторождение, напр., перерезано многими балками, и руда видна в обнажениях (И. М. Буяновский. Указ. соч., стр. 41). Б. Н. Граков располагает данными об использовании в скифское время криворожской руды. Пользуюсь случаем принести ему благодарность за указанное сообщение. Несомненно, что русским еще в древности известны были рудные месторождения Керченского полуострова. Об этом свидетельствует древне-

Таким образом, все восточнославянские племена, все позднейшие русские княжества лежали в зоне рудных месторождений; русские кузнецы почти повсеместно были обеспечены сырьем. Найти железную руду было не труднее, чем залежи гончарной глины.[9] Болотная руда сохранила свое значение для металлургической промышленности местами до XVIII в. (напр., в Белоруссии), когда на ней работали небольшие заводики с полумеханизированным процессом дутья (мельничный привод). По внешнему виду болотная руда представляет собой плотные тяжелые землистые комья красно-рыжего оттенка. В древнерусском языке слово «руда» означало одновременно и руду и кровь, а прилагательное «рудый» было синонимом красного, рыжего. Болотная руда залегает иногда в земле слоями около 30 см толщиной, иной раз ее приходится выкапывать из земли; случается и так, что она выходит в разрез берега реки или озера, и ее можно выбирать сбоку.[10] Чаще всего руда залегает на дне болот и озер, и ее разведывают там острым шестом, железным щупом-«рожном», а добывают на плотах или лодках черпаками с длинной рукоятью. Добыча и плавка железной руды обычно производились осенью и зимой. По данным Севергина, руду копали в августе и месяца два сушили. В октябре ее обжигали на кострах и уже по санному пути доставляли к месту выплавки.[11] То же самое засвидетельствовано для озерных областей.[12]

русское название Боспора «Кърчев», известное по тмутараканскому камню (1068) и по житию Иоанна Готского. Слова «кърчи», «кръчи», «корчий» означают «кузнец» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка). Следовательно, название города Боспора осознавалось русским населением Приазовья как город Кузнецк — Кърчев. Отсюда — позднейшее «Керчь».

[9] Показателем широкой распространенности железных руд являются и данные топонимики. В Западной Руси существует множество речек с названием «Рудня», «Рудница», «Рудова», «Рудица» и селений «Рудня», «Рудники». См. списки населенных мест по губерниям.

[10] По поводу Белоозера и Устюжны Железнопольской Севергин писал в 1803 г., что руды там, «... лежа на самой почти поверхности земли... с давних времен тамошними жителями открыты, и с довольною пользою употребляются... Руда сия есть железная земля красноватого цвета, довольно тяжелая, смешанная с черноземом... тамошние жители [руду]... отыскиваемую под березником и осинником почитают лучшею, потому что из оной железо бывает мягче...», а под ельником — «жестче и кропче» (Ук. соч., стр. 89).

[11] Акад. Севергин. Ук. соч., стр. 9. — О способах добычи руды в XVII в. см.: А. Крылов. Железная промышленность в Замосковном крае. — «Вестник Европы», 1877, кн. 2, стр. 774.

[12] В Карелии в XIX в. железную руду добывали зимой из озер и болот. — Г. К. Гейкель. Из финляндской археологической литературы. — ИАК,

Полученная тем или иным способом руда промывалась и подвергалась предварительной обработке, заключавшейся в дроблении ее и легком обжиге, способствующем процессу восстановления окислов железа.

Позднейшие способы предварительной обработки руды, как, например, многолетнее выветривание руды, в изучаемое время, очевидно, не применялись, так как на городищах никогда не находят следов таких складов руды.

Самым сложным и ответственным делом являлась выплавка железа из руды, осуществлявшаяся при помощи так называемого сыродутного процесса. Название «сыродутный» очень позднее и чисто кабинетное — оно возникло лишь в XIX в., когда в доменные печи стали нагнетать подогретый воздух. Старый способ плавки с нагнетанием «сырого», неподогретого воздуха начали называть в отличие от нового «сыродутным».

Сущность сыродутного процесса заключается в том, что железная руда, засыпанная в печь поверх горящего угля, подвергается химическим изменениям: окислы железа (руда) теряют свой кислород и превращаются в железо, которое густой тестовидной массой стекает в нижнюю часть печи. Это и называется восстановлением железа. Необходимым условием для восстановления железа является постоянный приток воздуха.

СПб., 1911, вып. 38, стр. 152. — В «Калевале» есть также указание на зимнюю добычу руды:

Брат-кузнец мой Ильмаринен,
Вековечный ты кователь.
. . . . . .
Летом ты куешь подковы,
А зимой для них — железо...
. . . . . .

Легенда о происхождении болотной руды рассказана в IX руне:

И в болоте, под водою,
Распростерлося железо,
. . . . . .
. . . . . .
Между пнями двух деревьев,
Между трех корней березы.

(Разрядка наша.— *Б. Р.*). (Ср. выше свидетельство акад. Севергина).— «Калевала», Петрозаводск, 1940, стр. 119 и 49.

Ильмаринен, поставивший свое горнило у болота, узнал железо
по следам... волчьим,
по следам медвежьей лапы... (Там же, стр. 50).

Восстановительный процесс не является плавкой металла в собственном смысле слова, так как железо еще не превращается в жидкое состояние; для этого нужна температура в 1500—1600° (такая температура была недоступна древним металлургам), тогда как для восстановительного процесса достаточно 700—800°.[13] Применяемые иногда термины «плавка руды», «выплавка железа» и т. п. употреблены условно. Точнее всего будет неупотребительный ныне древнерусский термин «варка железа». Недостатком этого способа является низкий процент выплавки металла из руды. Часть металла остается в руде; чем меньше жара в печи, тем больше этот остаток, тем тяжелее будет шлак. Примитивный сыродутный процесс изучался на этнографических примерах. Знаменитые разработки железа в Устюжне Железнопольской описываются исследователями середины XIX в. так:[14] «С незапамятных времен, на расстоянии 60 верст от самой Устюжны, к востоку и до железной Дубровки разрабатывалась здесь железная руда. Каждое почти селение имело свои так называемые домницы, или плавильни, где производилась эта тяжкая, убийственная работа... Тысячи рук, истинно в поте лица, трудились над этою беловатою землицей, превращавшейся после пережжения в краснобагровую и, наконец, в ступках горна в крепкий темносиний металл» (кричное железо). Тяжесть этой работы хорошо известна и древнерусским литературным памятникам: Даниил Заточник восклицает: «Лучше бы ми железо варити, нежели со злою женою быти». Очевидно, варка железа считалась труднейшей из работ, известных этому образованному автору. Варка железа производилась в так называемом сыродутном горне.

Только в последнее время, благодаря массовому обследованию городищ, предпринятому Белорусской Академией Наук, мы получили реальное представление о древнерусском сыродутном горне.[15]

Прообразом сыродутного горна был обычно очаг в жилище. В. А. Городцовым в Галичской стоянке (относящейся к скифскому вре-

---

[13] Реакция восстановления железа начинается еще при 400°, а при 700—800° получается уже губчатая ноздреватая крица. — Ю. Покровский. Ук. соч., стр. 17.

[14] А. Поливин. Устюжна. — Архив исторических и практических сведений Н. Калачева, кн. VI, СПб., 1861, стр. 16, 17.

[15] А. М. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Да гісторыі железнага промыслу на Палесьсі. — «Працы Палесскай экспедыцыі», Менск, 1933, вып. 2; А. М. Ляўданскі. Отчет о разведках Полесской экспедиции с картой сыродутных горнов Белоруссии. — «Савецка Краіна», 1932, № 2.

мени) обнаружены остатки очага, расположенного в центре крупного жилища (шалаша), внутри которого было найдено около 50 кусков железного шлака. Шлак лежал и в стороне от очага.[16]

Едва ли этот очаг имел какие-либо специальные приспособления для плавки металла. С ростом потребности в железе и умения «варить» его появляются специальные горны, находящиеся еще на городище, но отнесенные уже подальше от жилых изб к краю городища, к валу. Так расположены печи на белорусских городищах I—VII вв. н. э., например, в Оздятичах в Свидне. К сожалению, датировка большинства сыродутных горнов затруднена. На городище Березняки (см. выше) IV—V вв. выплавка железа не производилась, и крицы приносились в готовом виде и складывались у ворот поселка.

В эпоху Киевской Руси место выплавки обычно переносится ближе к источнику сырья, так как перенос больших количеств руды на городище затруднен, но бывают и исключения.

Одна из наиболее ранних печей (городище Кимия) представляет собой круглую яму около метра в диаметре, вырытую в земле и густо обмазанную глиной. Глина найдена в сильно обожженном состоянии. Вокруг печи — большое количество шлаков; верх печи открыт. Никаких следов приспособления для дутья не обнаружено. Печь, углубленная в землю, едва ли давала какие-нибудь преимущества по сравнению с обычным очагом.[17] Такие ямные горны носят народное название «волчьи ямы». Может быть, в связи с этим в некоторых европейских языках крица носила звериное имя: по-немецки — Luppe (волк), по-французски — renard (лис) и т. п.[18]

Целое поле таких «волчьих ям» удалось найти в земле вятичей инженеру Романовскому в середине XIX в. Приведу текст его сообщения:

«Близ села Подмоклого находится огромнейшая площадь, вся изрытая ямами, уже заросшими травою и деревьями... При разрытии ям на некоторой глубине встречались иногда: древесный уголь, куски ошлакованной руды и красная, как бы обожженная железная охра... Нахождение упомянутых ям и отвалов руды показывают следы бывших разработок; присутствие же в этих ямах древесного угля и шлаков ясно свидетельствует о старинном способе добычи железа из руд, которые, за неимением печей, вероятно,

[16] В. А. Городцов. Галичские клад и стоянка. — ТСА РАНИОН, М., 1928, т. III, стр. 28—29, рис. 35.

[17] А. М. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Ук. соч.

[18] Ю. М. Покровский. Ук. соч., стр. 21.

расплавлялись в простых ямах, причем получались куски ковкого железа и шлаки».[19]

Особенно важно то, что в одной из ям был найден диргем халифа Ибрагима, брата Гарун-ал-Рашида 189 гиджры (805 г. н. э.). Наличие в IX в. «волчьих ям» в стороне от поселений объясняет нам отсутствие горнов на городищах.

Необходимое для процесса восстановления железа дутье в горнах примитивного устройства осуществлялось путем естественного притока воздуха. Для этого горны и ямы располагались на подветренных местах. Шлаки, остающиеся после варки железа в «волчьих ямах», очень тяжелы, что свидетельствует о незначительном проценте выплавленного железа.[20]

Гораздо больший технический прогресс представляют наземные печи, переход к которым совершился, примерно, около X в. Конструкция наиболее сохранившейся печи Лабенского городища (близ древнего Изяславля, Белоруссия) такова: печь сделана из глины прямо на грунту и имеет в разрезе сводчатую форму, в плане округлую, высота свода внутри — 35 см, ширина печи внутри — 60 см, толщина глиняных стенок — 5—10 см.

Верх печи имеет широкое отверстие, через которое засыпали уголь и руду. В стенке печи внизу имеется горизонтальное отверстие почти на уровне земли.[21]

Перед началом плавки печь засыпалась древесным углем (частично — горящим), поверх которого насыпалась размельченная и, может быть, предварительно обожженная руда. Сверху иногда тоже насыпали уголь.

Руды засыпали в печь около 30 кг. Затем в нижние отверстия (они обычно бывали парные) печи вставляли сопла (от «сопеть» — дуть, отсюда же «сопели» — дудки, свирели) мехов, нагнетающих воздух.

Кузнечный мех имеет повсеместно очень устойчивую форму: две вытянутые сердцевидные планки, объединенные кожей, собранной в складки, чем достигается возможность раздвигать планки.

[19] Романовский. Исследование нижнего яруса южной части подмосковного каменноугольного образования. — «Горный журнал», 1854, кн. 3, стр. 337—338.

[20] В Англии, напр., с XVI в. усиленно разрабатывались залежи шлаков римского времени. Шлак, содержавший большое количество железа, использовался как руда. — В. Ферберн. Железо, СПб., 1861, стр. 8.

[21] А. М. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Ук. соч.

Узкий конец планок оканчивается трубкой — соплом. В планках делаются отверстия с клапанами для вбирания воздуха внутрь меха. Судя по позднейшим миниатюрам, древнерусские меха были такими же.

Дутье (или «дмонка») являлось основной работой при «варке» железа. Меха раздувались вручную. Эта непрерывная работа и делала процесс варки столь тяжелым. Важность дутья для выплавки железа из руды хорошо осознавалась уже давно; недаром Даниил Заточник, называвший себя «смысленным и крепким в замыслех», пишет, что «не огнь творит разжение железу, но надмение мешное».[22]

В результате нагнетания воздуха в домницу там и происходит процесс восстановления железа. Восстановленное железо сползает по углам вниз, собираясь на дне домницы в виде ноздреватой, мягкой и вязкой массы, так называемой «крицы», «кричного железа».[23]

Отходы сыродутного процесса называются шлаками («сок», «жужелица», «жужло»). Чем тяжелее шлак, тем меньше переплавлено из него железа. Наличие шлаков на городищах всегда является признаком местной выработки металла. По окончании «варки» железа, для того чтобы получить крицу, необходимо было разломать домницу и удалить все посторонние примеси. Крицу из печи извлекали ломом или пешней. Горячая крица захватывалась клещами и тщательно проковывалась. Без проковки крица не могла итти в дело, так как полученный металл был слишком порист. Проковка

[22] Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам, Л., 1932, стр. 31, 44, 69.— «Надмение» — дутье (отсюда «надменный» — надутый). От этого же корня происходит и глагол «дмать» (очевидно, в форме «дмати») и название горна — «домна» (дъмна), «домница». Последний термин очень част в писцовых книгах XV—XVII вв., особенно новгородских. Но к этому времени термин «домница» уже утратил свой первоначальный смысл и обозначал уже не плавильную печь с применением дутья, а целое предприятие, в котором могло быть две или несколько печей. Но для самой плавильной печи мы должны восстановить старое название «домница» вместо искусственного и сложного наименования «сыродутный горн». Горн — это печь вообще или, более узко, — печь для обжига горшков. В кузнечном деле горн — передняя часть печи, в которой разогревается железо. В домницах XV—XVII вв. плавильные сооружения называются не горнами, а печами С появлением дутья, «надмения мешного», печь или горн превратились в «домницу», а с разрастанием производства термин «домница» охватил все печи с применением мехов.

[23] Этого же корня слово «кръч» — кузнец, ковач железа и «кърка» (корка)— слиток серебра. — См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка.

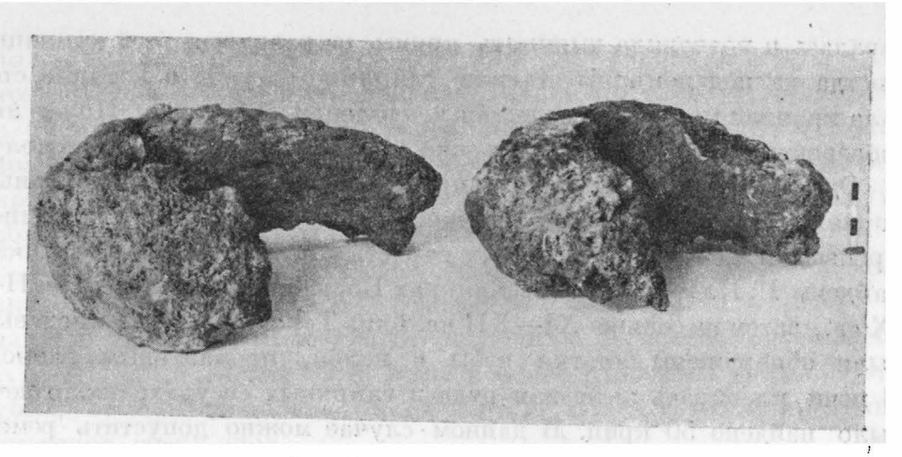


Рис. 17. Крица из Вышгорода

удаляла с поверхности крицы частицы шлака и устраняла пористость. После проковки крицу снова нагревали и снова клали под молот. Эта операция повторялась несколько раз. Крицу иногда дробили на куски, и каждый кусок проковывался отдельно или же проковывали всю массу железа. В первом случае получались небольшие продолговатые болванки весом около 200 г (Банцеровское городище близ Минска VIII—IX вв.), а во втором — массивные куски железа весом в несколько килограммов. Так, например, найденная в Райковецком городище прокованная крица весила 5 кг. В Вышгороде под Киевом при моих раскопках в 1935 г. были найдены 2 крицы, имевшие форму приплюснутого шара, разрубленного еще в горячем состоянии по радиусу от середины к краю (рис. 17). Рубили, очевидно, для того, чтобы посмотреть качество проковки.[24]

Для новой плавки необходимо было опять достраивать верхнюю часть домницы, а иногда создавать заново все сооружение, так как при извлечении крицы печь ломали. На городищах находят по нескольку разобранных печей. Дальнейшая эволюция домницы шла по пути вытягивания печей вверх для улучшения тяги, увеличения количества сопел и нахождения наиболее выгодного профиля внутренней части печи. Кроме того, впоследствии была изобретена такая конструкция, у которой передняя часть домницы — ее чело — раз-

[24] Аналогичной формы крицы в количестве 13 штук были найдены на Сев. Кавказе. Содержание железа —88% (Кызбурунский клад), средний вес — 2600 г. Все крицы имели секторовидный разруб. Дата их — около XI—XII вв. («Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, табл. XXXVII, рис. 3).

биралась и позволяла вынимать крицы, не разрушая всей домницы. Иногда на под домницы ставили глиняные сосуды, в которые стекала кричная масса, или делались углубления около печи. Но все эти усовершенствования относятся уже к городскому доменному делу.

Одновременно с ремесленным производством железа в специальных горнах с довольно сложным оборудованием существовало и домашнее производство железа в обычных варистых печах. Крицы в горшках найдены П. П. Ефименко в землянках Боршевского городища VIII—IX вв., затем на селище XI—XII вв. близ Торопца Н. П. Милоновым были обнаружены остатки избы с полом, промазанным глиной. В печи плавилась железная руда в глиняных сосудах; около печи было найдено 50 криц. В данном случае можно допустить ремесленное производство, рассчитанное не только на домашнее потребление. На такую мысль наводит обилие криц, но причины, побудившие обходиться без сыродутного горна,— неясны.

Академиком С. Г. Струмилиным высказано предположение, что такой тигельный способ выплавки железа является простейшим и древнейшим;[25] он основывался при этом на находках горшков-тиглей в так называемых «чудских копях».

Большой интерес для истории ремесла представляет вопрос о соотношении количества поселков и мест выработки железа. На каждом ли городище выплавлялось железо? Массовое обследование городищ Белоруссии именно в этом направлении доказало, что, несмотря на широкое распространение сырья, выплавка железа производилась далеко не на каждом городище.[26] Очевидно, определенные роды, а потом отдельные семьи специализировались на этом сложном деле и обслуживали не только своих ближайших соседей по городищу, но и обитателей других городищ. Для очень ранней эпохи IV—V вв. это доказано раскопками городища Березняки.[27]

Громоздкое оборудование домницы, необходимость большого производственного опыта при «варке» железа, длительность этого процесса — все это убеждает в том, что металлургия очень рано потребовала выделения металлургов из среды общины, постепенного отрыва их от земледелия и превращения их в ремесленников.

Труднее решить вопрос о разделении домников и кузнецов. Судя

[25] Акад. С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, М. — Л., 1935, стр. 113.

[26] «Савецка Краіна», 1932, № 2. Карта домниц.

[27] П. Н. Третьяков. Ук. соч.

по сезонному (зимнему) характеру доменной работы, можно думать, что доменное и кузнечное дело находились в древнерусской деревне в руках одних и тех же мастеров. Для завершения плавки домник должен был иметь наковальню, молот, клещи, горн (для нагрева крицы), а следовательно, у него был весь ассортимент орудий, необходимых для последующих ковочных работ.

Техника ручной ковки очень мало изменилась со времени Киевской Руси до XIX в. Поэтому сведения о деревенских кузнецах недавнего прошлого можно почти полностью переносить на кузнецов XI—XII вв., а может быть, даже и более раннего периода. В этом убеждает сравнение как инструментов, так и готовой продукции кузнецов обеих эпох.

Подлинных древних кузниц археологической науке известно еще меньше, чем домниц. В тех случаях, когда их обнаруживали, они оказывались или на краю городища у самого вала или даже выносились за пределы вала (в последнем случае — ближе к воротам городка).[28]

Интересна кузница, обнаруженная на городище Гать под Орлом. Городище лишено культурного слоя и, очевидно, являлось убежищем. На всей площади имеется только одна изба (в углу городища), датированная стеклянными браслетами XI—XIII вв. Изба представляет собой большое сооружение из двух срубов, разделенных сенями. В большом срубе находилось жилище кузнеца с обычной печью в углу, а в меньшем — кузница с каменным полом и кузнечным горном.[29]

Известно несколько погребений кузнецов с их инструментами (клещи, молот, наковальня, литейные принадлежности).[30] Кроме того, целый ряд вещей происходит из различных городищ и кур-

[28] См., напр., кузницу в Проскуринском городище. — Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 105.

[29] Материалы Орловского областного музея.

[30] а) Подболотьевский могильник (В. А. Городцов. Ук. соч.);

б) Житомирский могильник (С. С. Гамченко. Житомирский могильник, Житомир, 1888);

в) курган близ Пересопницы (Е. Мельник. Раскопки в земле Лучан. — «Труды XI Археол. съезда», М., 1901, т. I, стр. 479—576);

г) курган у с. Б. Брембола близ Переяславля Залесского (А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам);

д) курган в Шестовицах под Черниговом (T. Arne. Die Holzkamergräber. Aus der Wikingerzeit in der Ukraine. — «Acta Archaeologica», Bd. II, вып. 3, Kopengagen, 1931, стр. 285—302.

ганов. Все эти материалы помогают определить как оборудование кузниц, так, отчасти, и технику. Для более полного воссоздания кузнечной техники необходимо обратиться к многочисленным кованым железным вещам, сохраненным для нас городищами и курганами, и изучить способы их изготовления. Древнерусская терминология дает обширный список терминов, связанных с кузнечным делом.[31]

К у з н е ц. В этой форме обозначение кузнеца встречено неоднократно в древнейших памятниках. Но ряд соображений заставляет воздержаться от присвоения этому термину современного нам значения ковача железа. Слово «кузнь», т. е. изделия кузнеца, обычно понималось в древности как совокупность металлических изделий вообще или же тонких ювелирных изделий из золота и серебра.[32]

Иногда даже встречается выражение «стеклянная кузнь». В этом случае слово «кузнь» употреблено в смысле изделия.

В связи с таким расширительным пониманием функций кузнеца становится понятным постепенное добавление в более поздних памятниках узкого определения специальности: «кузнец железу», «кузнец меди», «кузнец серебру».[33]

Очевидно, слово «кузнец» в его древнейшем смысле означало мастера по металлу вообще, а не только «кузнеца железу».

Синонимами слова «кузнец» являются слова: хытрец, кърчъ, вътрь, железоковецъ, ковачь.[34]

Слово «хытрец» (Изборник 1073 г.) также восходит к древнейшим представлениям о первом мастере как о кузнеце. Позднее оно обозначало преимущественно художника, искусника, но его раннее упоминание связано именно с обработкой металла. Слова «к ъ р ч ъ», «к о р ч и» по своему смыслу ближе к нашему пониманию слова «кузнец». Они связаны с терминами: «крица», «кричное железо», «мѣхъ корчин» (кузнечный мех), «корчиница» — кузница, и с названиями городов, известных обработкой именно железа (Корчев — Керчь). Термин «к о р ч и й» всегда связан с ковкой железа. Остальные синонимы малоупотребительны.

[31] Все нижеприведенные примеры взяты из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.

[32] См. примеры, приведенные Срезневским: «Злато и серебро, еже есть в ней кузнь...»; «женская кузнь» в смысле украшений; «безценная кузнь».

[33] Ипатьевская летопись 1259 г. — Встречается также «кузнец златой».

[34] И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка (под соответственными словами).

Г о р н (гърнъ, грънъ, грънило) являлся необходимой принадлежностью каждой кузницы, так как в нем производилось накаливание железа перед ковкой.

Конструкция древнерусского горна по археологическим данным, к сожалению, точно не выяснена, но современный кузнечный горн значительно проще сыродутного и представляет собой простую жаровню.

Следует отметить, что слово «г ъ р н ъ» имеет в древнерусском языке несколько значений: 1) печь, 2) котел или — точнее — тигель. В несомненной связи с ним стоит слово «гърньць» в значении горшка, причем последнее является уменьшительным от первого. Не свидетельствует ли это о последовательном переходе от плавки железа в горшке к работе в горне?[35]

Необходимым дополнением к кузнечному горну являются кочерга, пешня и железная лопата. Пешни копьевидной формы часто встречаются при раскопках городищ. Из железных лопат под это определение могут подойти лопаты типа приладожских.[36] Железная лопата имеет тонкую ручку длиной до 80 см. Копать землю такой лопатой совершенно невозможно. Вероятно, она служила для перемешивания и пригребания углей в кузнечном горне; по форме вполне аналогична современной кузнечной лопате.[37]

М е х. Так же как в доменном процессе, меха служили для усиления горения угля в горне. Иногда мех назывался «дъмьчи», что связывалось с его функцией дутья. Форма кузнечных мехов была, по всей вероятности, такая же, как и в позднейшее время, — сердцевидная.[38]

Находимые при раскопках глиняные сопла могут быть одинаково отнесены как к домнице, так и к кузнечному горну.

К л е щ и. Синонимом было слово «изымало» (от глагола «изымать»); иногда употреблялось слово «щипец». Клещи служили как

[35] Смысловая связь горнца с горном может быть объяснена и иначе: печь (горн) и ее необходимое хозяйственное дополнение (горнец).

[36] R a w d o n i k a s. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930.

[37] В. П. В о л к о в и ц к и й. Кузнечное дело (ручная ковка), Харьков, 1927, стр. 48, рис. 11.

[38] На византийской костяной пластинке X—XI вв. изображена кузница, в которой женщина раздувает мех к о н и ч е с к о й формы (D a l t o n. Byzantin Art and Archeology, Oxford, 1911). Применялась ли эта система на Руси — неизвестно. В чешской лицевой рукописи XIII в. изображены меха обычной сердцевидной формы.

для извлечения раскаленного железа из горна, так и для работы с ним на наковальне. Клещи делались из двух половинок, скрепленных осью. Форма клещей различна: одни из них приспособлены для вытаскивания и держания небольших предметов, другие же имеют специальные крючки на концах для держания широких массивных вещей.[39]

Наковальня. Наковальня являлась необходимейшей принадлежностью кузницы. Все дошедшие до нас наковальни X—XII вв. имеют стандартную форму и существенно отличаются от современных: они не имеют ни конического выступа сбоку, облегчающего сгибание полос и выкружку изделий, ни гнезд для вставки фигурных подкладок. Древние наковальни представляют собой массивную железную четырехгранную усеченную пирамиду, вбивавшуюся узкой частью в пень. Площадь рабочей поверхности наковален невелика: от 50 — 150 кв. см, но вполне достаточна для изготовления тех вещей, которые так часты на городищах и в курганах.

Молот (млат, омлат). Разновидности названия — «кый», «ковадло», «кладиво». Первое название сохранилось до сих пор в значении деревянного столярного молотка — «киянки». «Ковадло» (от «ковать») впоследствии видоизменилось в «кувалду». Установить какие-либо функциональные различия, скрывающиеся за этими разными терминами, довольно трудно. Предположительно можно допустить, что «ковадло» означало тяжелый молот молотобойца, а «кладиво» могло означать небольшой молот-ручник, при помощи которого сам мастер-кузнец руководит ударами своего подручного. «Кый» является, очевидно, синонимом молота вообще.

В археологическом материале встречаются молотки различного назначения. Большой, тяжелый молот найден в кургане близ Житомира.[40] Один конец у него массивный с широкой ударной плоскостью, а другой — узкий для специальной ковки. Отверстие для рукоятки круглое. В кургане у с. Б. Брембола близ Переяславля Залесского[41] найден легкий молот-ручник того типа, который употребляется современными кузнецами вместо зубила для перерубания

[39] Образцом простых клещей могут служить клещи из Подболотьевского могильника. Большинство известных нам кузнечных клещей происходит не из деревенских, а из городских кузниц (Старая Рязань, Княжья Гора, Девичь-Гора, Новгород, Вышгород, Шестовицы и др.), но особого различия между теми и другими незаметно.

[40] С. С. Гамченко. Ук. соч.

[41] ГИМ. Коллекции из раскопок А. С. Уварова.

железа. Длина его 15 см, отверстие для рукояти треугольное.

В уваровских же раскопках найден небольшой молоток с железной рукоятью.[42] Остальные молотки относятся уже к городским кузнецам.

Техника ковки и основные технические приемы древнерусских кузнецов нам совершенно не известны из письменных источников и могут быть определены только посредством анализа готовой кузнечной продукции, в огромном количестве сохраненной в тысячах деревенских курганов.[43]

К вещам наиболее простым для изготовления нужно отнести ножи, обручи и дужки для ушатов, гвозди, серпы, косы, чересла, долота, шилья, кочедыги, медорезки, лопаты и сковороды. Все эти плоские предметы не требовали специальных приемов и могли быть, в случае особой необходимости, изготовлены и без подручного кузнеца.

Во вторую группу мы должны отнести вещи, требующие сварки, как, например: цепи, дверные пробои, железные кольца от поясов и от сбруи, удила, светцы, остроги. Следы сварки почти всегда удается проследить, так как, несмотря на легкую свариваемость железа в состоянии белого и даже красного каления, швы не всегда хорошо проковывались. Таким образом, удается установить, что трезубая острога выкована не из одного куска, а из трех стержней, нижние концы которых сварены ковкой.

Сварка железа возможна при температуре накала железа до 1500°, достижение которой определяется кузнецом по искроиспусканию раскаленного добела металла. При сварке очень важно тщательно подготовить обе свариваемые поверхности и предотвратить образование на них окалины, препятствующей сварке. Для этой цели применяются различные флюсы, образующие значительную корку на металле в период его накаливания в горне. К простейшим флюсам относятся глинистый песок, соль и поташ.

Сварка железа являлась труднейшим делом кузнецов и требовала большого опыта и умения.[44] Сварочные работы зачастую требовали участия не только кузнеца, но и его подручного.

[42] ГИМ. Коллекции из раскопок А. С. Уварова.

[43] Основным материалом для анализа послужили вещи коллекций Ивановского и Бранденбурга в Новгородской земле, тщательно очищенные от ржавчины Реставрационной мастерской ГИМ. Только при условии такой очистки возможно определение процесса изготовления: применение зубила, вкладыша, наваривание стального лезвия и т. д.

[44] В. Ф. Скуратов. Деревенская кузница, Л., 1927, стр. 16.

Следующим техническим приемом было применение зубила или молота для разрубания железа. Этот прием мог быть применен только при совместной работе обоих кузнецов, так как нужно было, во-первых, держать клещами раскаленный кусок железа, что при небольших размерах тогдашних наковален было нелегко, во-вторых, держать и направлять зубило, а, в-третьих, бить по зубилу молотом. Зубило участвовало в выработке следующих предметов: ушек для ушатов, лемехов для сох, тесел, мотыг, жиковин дверей. При помощи пробойника, пробивающего отверстия (принцип работы тот же, что и с зубилом), пробивались ножницы (осевые), клещи, ключи, лодочные заклепки, отверстия на копьях (для скрепления с древком), на оковках лопат.

Наиболее сложно было изготовление топоров, копий, молотков, замков.

Топор выковывали из длинной уплощенной полосы, которую сгибали посредине, затем в сгиб просовывали железный вкладыш с таким поперечным сечением, какое было желательно для топорища, а соприкасающиеся концы полос сваривали вместе и получали лезвие топора. Обушную часть топора нередко разделывали зубилом для получения острых шипов, содействующих укреплению топора на рукояти. Так же делали проушные тесла, отличавшиеся от топора только поворотом лезвия. Существовал и второй способ ковки топоров, применявшийся только для изготовления боевых топоров,— изготавливались две полосы равных размеров, между которыми вставлялся вкладыш (перпендикулярно к длине полос), а затем полосы по обе стороны вкладыша сваривались ковкой. С одной стороны получалось лезвие топора, а с другой — или молот, или клевец, или же просто массивный оттянутый обух.

Копья ковали из большого треугольного куска железа. Основание треугольника закручивали в трубку, вставляли в нее конический железный вкладыш и после этого сваривали втулку копья и выковывали рожон.

Одной из самых сложных работ русских деревенских кузнецов было изготовление железных клепаных котлов. Для котлов делали несколько больших пластин, края которых пробивались «бородками» небольшого диаметра и затем склепывались железными заклепками.[45]

[45] Н. Е. Брандербург. Курганы южного Приладожья. — МАР, СПб., 1895, № 18, табл. X.

Древние русские кузнецы изготавливали иногда и винты (напр., дверные кольца для замков), но делали их не нарезкой, а путем перекручивания четырехгранного стержня. Получавшиеся винты значительно крепче сидели в дереве, чем обычные гвозди.

Работы с зубилом, с вкладышем, кручение железа и сварка его — все это требовало обязательного участия двух кузнецов. Отсюда мы можем сделать вывод, что в деревенских кузницах XI — XIII вв., по всей вероятности, работали по два кузнеца: один — в качестве основного мастера, а другой — подручным.

Эти общинные ремесленники обслуживали все нужды ближайших поселков. Приведенный выше ассортимент кузнечных изделий исчерпывает весь крестьянский инвентарь, необходимый для стройки дома, сельского хозяйства, охоты и даже для обороны.

Металлографический анализ ряда древнерусских курганных кузнечных изделий, произведенный в недавнее время инженером Я. С. Голицыным, позволяет и для деревенских ремесленников поставить вопрос о знакомстве их с выделкой и обработкой стали. Но рассмотрение техники получения и закалки стали удобнее перенести в раздел городского кузнечного дела, где материалов для него значительно больше.

Древнерусские кузнецы X—XIII вв. вполне овладели всеми основными техническими приемами обработки железа и на целые столетия определили технический уровень деревенских кузниц. Накапливая опыт, идя эмпирическим путем в поисках наиболее выгодных и разумных форм орудий труда, древнерусские кузнецы выработали такие формы, которые также просуществовали многие сотни лет. В этом отношении интересна история развития формы серпа, косы-горбуши и топора.

Русские серпы X—XIII вв., часто встречающиеся в курганах, в основном сводятся к трем типам, имеющим каждый свою довольно обширную область распространения.[46]

Сопоставление с позднейшими этнографическими материалами и с современными заводскими серпами, контуры которых изыскивались лабораторным путем, убеждает нас в том, что основная форма орудия была найдена еще в X—XI вв. То же самое можно сказать и о горбушах. Отличие их от современных кос объясняется изменениями в характере уборки сена, а не плохой моделью косы, вы-

[46] А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. ТСА РАНИОН, вып. IV, М., 1928.

работанной в домонгольское время: там, где горбуша (коса с короткой рукоятью) сохранялась до наших дней, она воспроизводит именно домонгольскую форму.

Особенно интересна история топора, вехи для которой намечены исследованиями В. П. Горячкина и В. А. Желиговского.[47]

Реконструируя отсутствующие рукояти и вычисляя коэффициент полезного действия, В. А. Желиговский установил, что малопроизводительная форма втульчатого позднедьяковского топора и коротколезвийного топора VIII в. (верхневолжского типа) к X в. сменяется рациональной и устойчивой формой топора с опущенной бородкой. Этот тип топора становится основным для всей домонгольской эпохи на очень широкой территории. Все рабочие топоры, находимые в русских деревенских курганах, представляют варианты этого типа. Коэффициент полезного действия у коротколезвийного топора VIII в.[48] равен 0.76. У русских топоров с опущенной бородкой он колеблется в пределах от 0.8 до 0.973, приближаясь к единице, т. е. к максимальному использованию всей силы удара. При этом форма топора менялась в следующих направлениях: лезвие удлинялось за счет оттягивания вниз бородки, перемычка между обухом и лезвием становилась все уже (устранялся излишний запас прочности), нижняя часть принимала форму правильной широкой дуги, промежуток между концом этой дуги и нижним краем лезвия становился все меньше (опять по тем же соображениям уменьшения излишков прочности). В результате кузнецы X—XIII вв. выработали легкий и изящный тип топора, который дожил до современного в белорусском Полесье.[49]

Интересно отметить, что тип русского топора постепенно проникает к соседям и вытесняет там более примитивную форму. Топоры курганного типа есть в Прикамье,[50] встречаются и в Финляндии.[51]

[47] В. А. Желиговский. Эволюция топора и находки на Метрострое. («По трассе первой очереди Московского метрополитена») Л., 1936.

[48] Датировка топоров, исследованных по методу Желиговского, произведена В. П. Левашовой.

[49] Н. И. Лебедева. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1928. — «Сякіры», совершенно аналогичные курганным типам, мне удалось видеть на базаре в Минске в 1932 г. Курганные топоры близки также по форме к известным топорам канадских лесорубов, профиль которых определялся при помощи научных данных.

[50] «Древности рек Оки и Камы» в обработке А. А. Спицына, вып. 1, СПб., 1901.

[51] Г. К. Гейкель. Из финляндской археологической литературы. —

В итоге обзора доменного и кузнечного дела в русской деревне X—XIII вв. можно сказать, что смерды были вполне обеспечены всем несбходимым железным инвентарем работы местных кузнецов, которым были известны все важнейшие технические приемы: сварка, пробивание отверстий, кручение, клепка пластин, наваривание стальных лезвий и закалка стали. В каждой кузнице работало не менее двух кузнецов (мастер и подручный); не исключена возможность того, что для нагнетания мехов привлекалась еще дополнительная рабочая сила.[52]

В X в., когда кузнецы северо-восточных областей занялись и литьем меди, к их функциям прибавилось сложное дело, требовавшее дополнительного оборудования и знаний. Позднее, в XI—XIII вв., таких комбинированных вещей из меди и железа мы уже не встречаем. Возможно, что к этому времени литейное дело частично обособилось от кузнечного; подробнее этот вопрос будет рассмотрен в связи с ювелирным делом в деревне.

2. ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО

Ювелирное дело в русской деревне X—XIII вв. представлено огромным количеством материалов. Каждый женский курган содержит в себе различное «узорочье» и «утварь гривную» в количестве, зависящем от достатка и зажиточности его владелицы.[53]

ИАК, СПб., 1911, вып. 38, стр. 152. — Два топора из Кексгольма являются прекрасными образцами русской кузнечной работы. Возможно, что эта находка связана с русской колонизацией древнего города Корела.

[52] В «Калевале» кузнец Вейнемейнен, разжигая горн, всегда приказывал многочисленным рабам дуть мехами.

[53] По данным современной этнографии, подтверждаемым двумя свидетельствами летописи, можно установить, что в древней Руси был обычай хоронить в подвенечном наряде. Так, напр., Владимир, собираясь убить Рогнеду, предлагает ей одеться «как в день посяга» (свадьбы). В 1261 г. жители Судомира, осажденного татарами, готовясь к смерти, «изодешася в брачные порты» (Ипатьевская летопись). Это обстоятельство как бы приводит все курганные инвентари X—XIII вв. к одному знаменателю и позволяет сравнить их между собой без особенной опасности впасть в заблуждение из-за случайности подбора — в каждом погребении положены лучшие вещи, входившие в состав брачного наряда.

Но было бы ошибочно все украшения, носившиеся древнерусскими крестьянками, рассматривать как изделия местных сельских мастеров.

В составе вещей из деревенских курганов (как я буду доказывать это ниже в главе о сбыте ремесленных изделий) есть, несомненно, известная доля городской продукции, попадавшая в деревню путем внутренней торговли. Грань между городскими и деревенскими вещами может быть проведена, но нужно заранее оговориться, что в некоторых случаях она проводится условно.

Из курганных вещей необходимо исключить многие виды бус (особенно стеклянных), изделия из волоченой проволоки (?), изделия с настоящей зернью, вещи с позолотой, крестики с выемчатой эмалью, некоторые виды языческих амулетов и др.

За вычетом перечисленных категорий, производство которых в деревне не доказано, остается все же чрезвычайно обильный материал о мастерских, выделывавших украшения.

В главе о происхождении русского ремесла пришлось уже вскользь коснуться сведений о ювелирном деле. Формы вещей со временем сильно изменились, но в курганах X—XI вв. сохранились пережитки значительно более ранних форм, уводящих нас к временам VII—VIII вв. Традиции антской эпохи чувствуются иногда и в городских и в деревенских вещах, но, естественно, что в большей степени чувствуются они в глухих, удаленных от крупных городов местах, например, в лесах радимичей и вятичей.

Большинство технических приемов древнерусских «кузнецов меди и серебру» уходят корнями в первые века н. э. Курганная эпоха, особенно богатая находками ювелирных изделий, дает лишь бо́льшую тщательность выделки, большее разнообразие форм. Материалом для украшений служили медь, серебро и различные сплавы. Золота в деревенских курганах нет. В более или менее чистом виде применялось серебро, но в деревенских курганах серебро без лигатуры встречается крайне редко. Медь большей частью встречается в сплавах с оловом или серебром. Изредка встречаются оловянные вещи. Для большинства вещей характер сплава не оказывал влияния на технику изготовления. По внешнему виду древнерусские украшения из сплавов делились на две группы: одна — это украшения, подражающие по цвету золоту (с преобладанием меди в сплаве), и вторая — украшения, имитирующие серебро (бронза с большим процентом содержания олова или сплава меди с серебром — «биллон», или серебро с оловом). Впредь до массовых химических

анализов уловить какую-нибудь закономерность в сплавах довольно трудно. [54]

В отношении приобретения цветных металлов русские златокузнецы находились в очень неблагоприятном положении. Ни золота, ни серебра, ни меди в пределах тогдашних русских земель не было. Все эти металлы ввозились из соседних стран. Относительно серебра долгое время в исторической литературе господствовало представление о существовании «Закамского серебра», которым уже давно интересовались новгородцы. Но едва ли в соответствующих текстах летописи идет речь о металле, скорее всего, словом «серебро» названа дань вообще.

В X в. князя Святослава привлекало к Дунаю то, что на Дунай, в числе прочих благ, идет чешское серебро. Это один источник получения серебра. Вторым источником (до начала XI столетия) могли быть арабские монеты, шедшие в изобилии из среднеазиатских городов. [55]

Ближайшим к Руси месторождением меди было Бахмутское, эксплоатировавшееся в глубокой древности, и Повенецкое, относительно которого никаких древних сведений нет; третьим источником снабжения медью могла быть Волжская Болгария, где медь разрабатывалась во многих местах. Поволжские, окские и камские могильники изобилуют медными и бронзовыми изделиями. Торговые связи с Волжской Болгарией, облегчавшиеся прекрасной магистралью — Волгой, были сильно развиты; возможно, что одним из товаров, шедших из Прикамья на Русь, была медь.

Среди различных технических приемов древнерусских ювелиров на первое место нужно поставить литье. Это наиболее старый прием, известный населению Восточной Европы еще со времени бронзового века. Металл расплавляли в глиняных тиглях (рис. 18—20) при участии мехов, повышавших температуру горна. Затем расплавленный металл (или сплав металлов) черпали из тиглей глиняной ложкой, носившей специальное наименование «льячка» (от глагола «лить») (рис. 21). Льячки обыкновенно делались с носиком для слива и глиняной втулкой, в которую вставлялась деревянная рукоять.

---

[54] Химические анализы курганных предметов производились случайно и количество их настолько незначительно, что включать результаты этих анализов в исследование русских древностей пока бесполезно.

[55] А. А. Марков. Топография кладов восточных монет (сассанидских и куфических) СПб., 1910; А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков, П., Гос. изд., 1921.

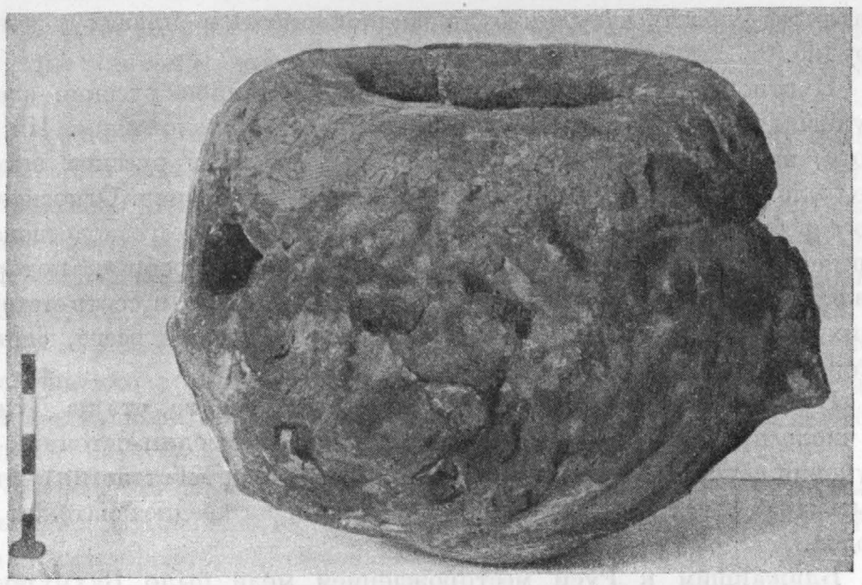


Рис. 18. Тигель для плавки металла

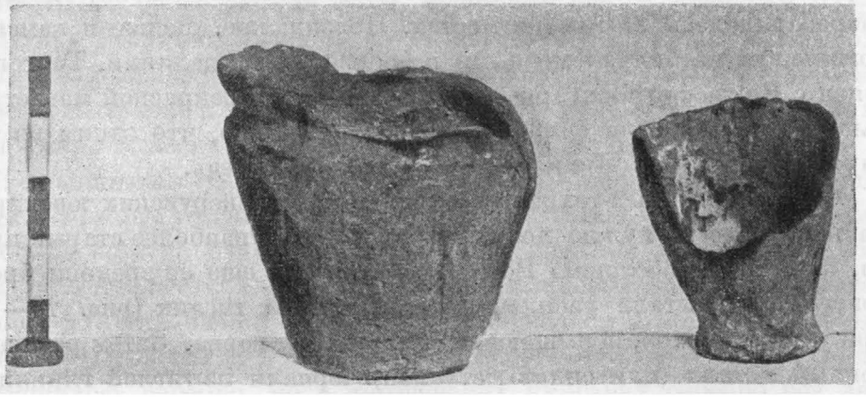


Рис. 19. Маленькие тигельки для плавки серебра

Льячку с металлом подогревали в пламени, и затем жидкий металл наливали в литейную форму, все углубления которой должны были быть заполнены металлом. Когда залитая форма остывала, из нее извлекали металлическое изделие, в точности повторяющее форму.

Качество изделия на девять десятых зависело от качества формы. К сожалению, исследователи ювелирного дела изучали очень многие

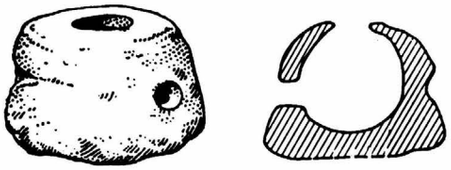


Рис. 20. Тигель и разрез его

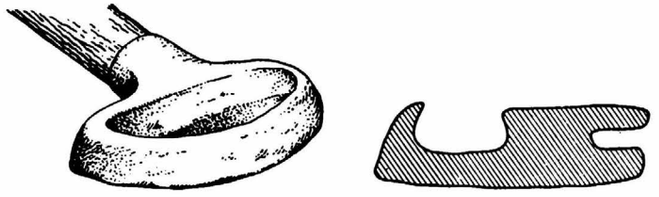


Рис. 21. Глиняная льячка для расплавленного металла

технические приемы, но совершенно не касались распространеннейщего из них — литья.

При крайне незначительном количестве литейных инструментов, технику древнего литья цветных металлов приходится восстанавливать главным образом путем анализа готовой продукции и на ней отыскивать следы применения того или иного технического приема.

Можно наметить следующие виды литья: 1) литье в жестких формах (преимущественно в каменных); 2) в пластичных формах (глина, песок, формовочная земля); 3) по восковой модели с сохранением формы, 4) по восковой модели с потерей литейной формы.

Все эти приемы были известны с глубокой древности, и выбор определенного приема средневековым мастером не всегда даже понятен нам. Так, например, однородные височные кольца у радимичей всегда отливались в пластичных формах, а у вятичей — по восковой модели. Несколько яснее становится картина, когда мы разбираем городское ремесло,— там способом восковой модели отливали художественные сложные вещи, требовавшие индивидуальной обработки, а для массовых изделий применялись тщательно вырезанные каменные формы. У деревенских мастеров такого разделения нет, и они ухитрялись при литье по восковой модели получать несколько отливок.

Каменных литейных форм для изготовления курганных вещей в нашем распоряжении немного. В одном из вятичских курганов

Рис. 22 Митяевские литейные формы

1, 2, 3, 7, 8 — лицевые стороны форм: *4* — оборот формы 1; *5* — оборот формы 2; *6* —оборот формы 3

в Митяеве А. В. Арциховским найдено 5 литейных форм из известняка. [56] Среди них имеются формы для крестов, для медалевидной подвески, для трехбусенного височного кольца (последняя—двусторонняя, но для одной половинки); всего имеется 10 форм на пяти плитках. Датируются они XIII в. (рис. 22).

Почти все формы—односторонние, т. е. такие, которые прикрывались сверху гладкой плиткой известняка. Благодаря этому лицевая сторона предмета была рельефной, а оборотная (прикасавшаяся к каменной плитке) — гладкая.

Литье могло производиться в односторонних формах и без гладкой крышки, а прямо в открытых формах. Определяющим моментом здесь является наличие или отсутствие так называемого литка, маленького канальца, через который металл наливался в форму. Если литка на форме нет (что бывает крайне редко), то металл наливался прямо в горизонтально лежащую форму, и оборотная сторона была неровная и ноздреватая. Тонкие вещи лить так нельзя. Если литок на форме есть, то литье производилось следующим образом: литейную форму связывали с гладкой крышкой, ставили так, чтобы литок был расположен вертикально, своим воронкообразным отверстием вверх; в эту воронку и лили металл.

Если обе половинки неплотно прилегали одна к другой, то металл просачивался в щели и образовывал так называемые литейные швы, которые мастер обычно удалял с готового изделия.

При односторонней литейной форме эти швы располагаются ближе к задней плоской стороне изделия. Для того, чтобы сделать какую-нибудь ажурную подвеску с прорезями посредине, нужно было в форме при изготовлении ее оставить нетронутыми те места, где должны быть пустоты. Тогда эти непрорезанные на форме места будут плотно соприкасаться с накладной крышкой формы, и металл туда не проникнет.

Если же нужно было сделать отверстие не в плоскости самой вещи, а, например, ушко для подвешивания к ожерелью, то для этого в форме делался каналец, перпендикулярный к литку, и в этот каналец вставлялся железный стержень. Металл, вливаясь через литок, должен был обтекать вставленный стержень, и, когда стержень убирали, получалось отверстие. Орнамент, вырезанный в

[56] А. В. Арциховский. Митяевские литейные формы. — «Техника обработки камня и металла», М., 1930, табл. IX. — Литейные формы найдены в обычном деревенском кургане XIII в. близ Вереи у с. Митяева, на берегу Протвы. Формы были положены в погребение девочки.

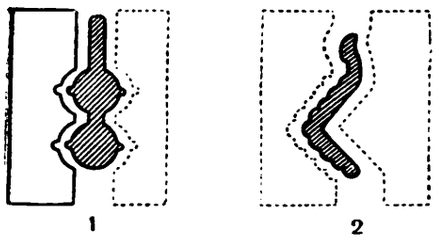


Рис. 23. Двусторонние каменные литейные формы

1 — симметричная литейная форма; *2* — асимметричная литейная форма для подвески с имитацией зерни

форме в глубь нее, на готовой вещи, естественно, получался выпуклым.

Кроме односторонних форм с гладкой крышкой, применялись и двусторонние, т. е. такие, у которых вторая их половина была не гладкой, а также фигурной. Так, например, для того, чтобы отлить подвеску, имеющую вид полого конуса, нужно было на одной стороне формы врезать этот конус вглубь, а на другой стороне, наоборот, сделать его выпуклым (рис. 23). Иногда обе половинки формы делались совершенно одинаковыми, и вещь получалась симметричной, а литейный шов шел посредине.

Для двусторонних форм очень важно взаимное положение обеих половинок, чтобы рисунок одной точно совпадал с рисунком другой. В поздних каменных формах XII—XIII вв. городские мастера нередко делали специальные штифты из свинца, при помощи которых половинки скреплялись совершенно точно. Для односторонних форм такие предосторожности не были нужны. Литейные формы делались обычно из мягких пород камня — известняка, песчаника, шифера.

Обычно, когда речь идет о способах литья курганных вещей, всегда подразумевается один из описанных выше способов литья в ф о р м а х. Необходимо указать на ошибочность этого взгляда, проистекающего от недостаточного внимания к технике.

Внешний вид очень многих литых вещей из древнерусских курганов X—XIII вв. таков, что мы не можем объяснить их отливку при помощи перечисленных выше приемов. Многие вещи производят впечатление изготовленных штампом или непосредственной обработкой металла резцом.

Возьмем для примера семилопастное височное кольцо, так называемого вятичского типа (рис. 24). Корпус его, несомненно, литой, но орнамент на щитке нанесен таким образом, что образует ряд тонких углубленных линий, как бы врезанных в металл острым резцом. Напомним, что изготовление формы — это изготовление негатива (вроде геммы для печати), а отливка в форме — это получение позитивного отпечатка.

Если бы орнамент наносился на литейную форму, то линии, проведенные резцом по камню, были бы тонки и углублены внутрь формы, т. е. на позитивном отпечатке дали бы такие же тонкие, но в ы п у к л ы е линии. Получить же при помощи каменной формы такой врезанный вглубь (на готовом височном кольце) рисунок почти невозможно, тем более, что указанный орнамент обычно наносился небрежно, бегло.

Если бы в нашем распоряжении были лишь единичные экземпляры таких вещей, то невольно напрашивался бы вывод, что орнамент нанесен резцом не на форму, а непосредственно на данную вещь. Но подобных изделий можно найти по нескольку экземпляров, совершенно тождественных друг другу.

Каждая деталь орнамента, каждое дрожание резца, каждая неточность или ошибка резчика — все это полностью повторялось на всех экземплярах. В дальнейшем я еще возвращусь к этой особенности литых вещей, позволяющей сделать ряд интересных выводов о сбыте продукции одного мастера, сейчас же отмечу только, что предположение об обработке каждой готовой вещи резцом оказалось неправильным.

Разгадка этого литья заключается в том, что здесь применялась глиняная мягкая форма, точнейшим образом передававшая все детали обработки оригинала модели, с которой делали форму. Глиняные формы известны и в городах — в Киеве, в Херсонесе, но в городах никогда они не применялись так широко, как в деревне. В городе требование массовости продукции заставляло ремесленника искать более долговечных материалов, чем глина; в деревне же глиняные формы безусловно господствовали, как это показывает анализ литейной продукции деревенских ювелиров.

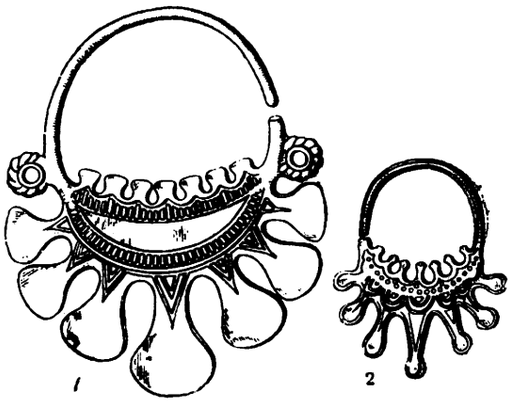


Рис. 24. Орнамент на височном кольце

1 — височное кольцо, изготовленное по способу восковой модели (Верхняя Ока); *2*— височное кольцо, отлитое в жесткой литейной форме (басейн р. Сож)

Указание на глиняную форму не разрешает, однако, всех вопросов, связанных с литьем. Ведь

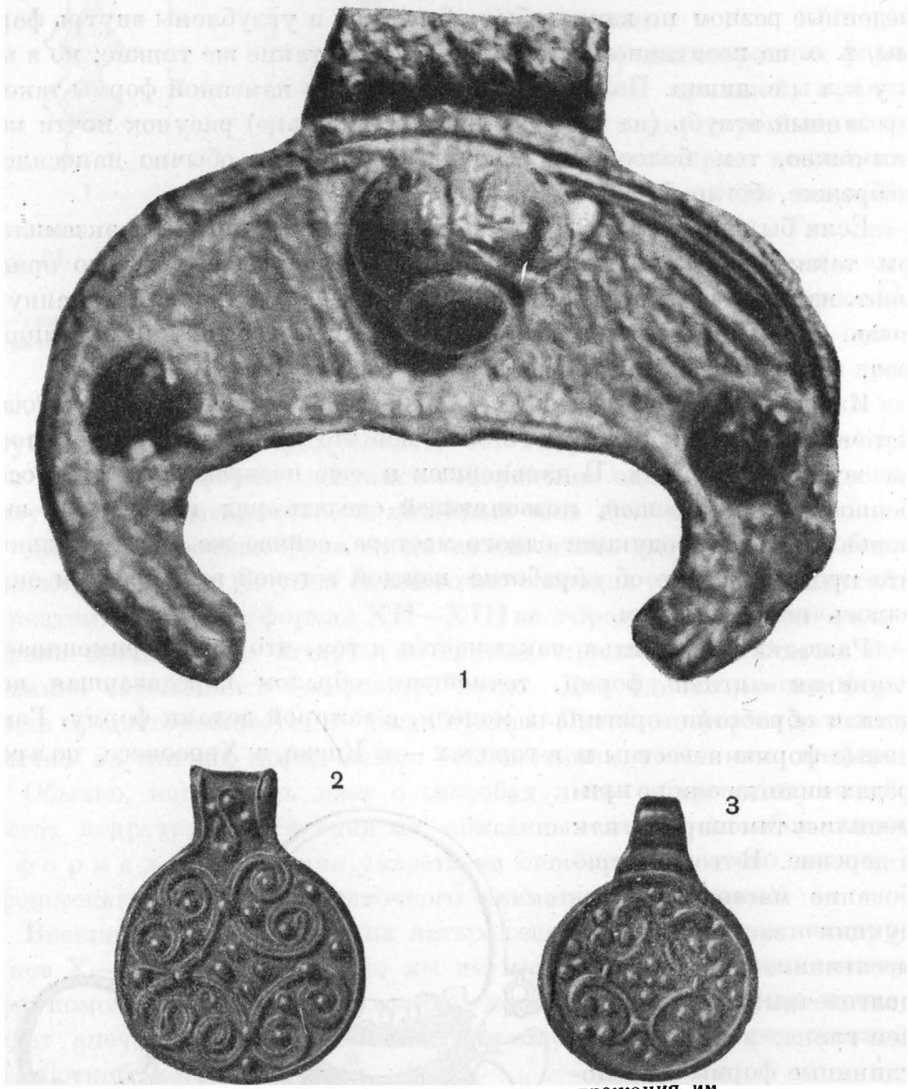


Рис. 25. Зерненые вещи и литые подражания им
1 — литая лунница, подражающая зерни; *2* — подвеска с филигранью и зернью (городская); *3* — подвеска, отлитая по оттиску в глине

для того, чтобы отпечатать на глине оттиск, нужно было уже иметь готовую вещь. На целом ряде примеров мы видим, что на глине оттискивали уже готовые изделия. Особенно часто поступали так с вещами, изготовленными городской техникой, недоступной деревенским мастерам. Городские подвески с зернью и сканью (с напаянными зернами

Рис. 26. Литое подражание зерни. Оборот лунницы, изображенной на рис. 25

или нитями металла) имитировались в деревне очень просто: попавшую в руки мастеру зерненую вещь он отпечатывал на глине, а в полученные углубления наливал металл. В результате получалась вещь очень похожая на оригинал, но исполненная иной техникой.

В качестве примера такого механического воспроизведения сложных городских вещей при помощи оттиска в глине можно привести подвески из раскопок А. С. Уварова (25).* На левом снимке — подвеска с филигранью и зернью, н а п а я н н о й на пластинку; работа городская. На правом снимке литая подвеска, на которой и псевдозернь и псевдофилигрань о т л и т ы заодно с самой пластинкой. Штампом для получения оттисков в глине послужила городская вещь, аналогичная изображенной слева.

* Рисунки в изданиях Уварова и Спицына для целей сравнения непригодны, так как не позволяют определить технику. Прилагаю фотографию вещей, хранящихся в ГИМ.

Рис. 27. Вещи, изготовленные по восковой модели

Вторым примером механического воспроизведения тонких ювелирных изделий является большая бронзовая лунница из раскопок Н. Е. Бранденбурга в Приладожье.[57] Здесь деревенский мастер воспользовался дорогой арабской лунницей с тончайшей зернью и получил в глине грубоватый оттиск ее. Зернь оказалась настолько мелка, что глина не смогла передать весь рисунок, и оттиск получился смазанный и нечеткий. Штампом послужила лунница, аналогичная гнездовской.[58]

Таким образом получали и так называемые «ложновитые» браслеты и перстни: на глине отпечатывали готовый проволочный браслет и оттискивали в этой глиняной форме браслет, имитирующий проволоку.[59]

Впрочем, надо оговориться, что далеко не все отпечатки на глине делались готовыми вещами: очень часто древним мастерам приходилось изготавливать специальную модель, с которой уже получали глиняную форму. Как показали изыскания над упомянутыми уже височными кольцами и рядом других украшений, такая модель изготавливалась, очевидно, из воска. В этом убеждают мягкие и глубокие линии узоров, проведенные по модели легко, без усилий. В этом убеждают и выпуклые узоры, сделанные из тонко раскатанных палочек или шариков воска и приделанных затем к плоскости модели. На некоторых металлических вещах очень хорошо видно, как мастер выглаживал пластичный материал модели, видны бороздки от его инструментов и следы работы по мягкой массе (рис. 27).

[57] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья.

[58] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ.

[59] Н. И. Булычов. Раскопки на Угре. Серенское городище. Коллекции ГИМ.

Среди уваровских материалов в Государственном историческом музее имеется небольшой костяной стилос, у которого один конец заточен лопаточкой, а другой — острый. Вероятнее всего, что именно такой инструмент применялся для тонких работ по изготовлению восковых моделей.

Весь процесс отливки при помощи восковой модели можно реконструировать так (рис. 28): на гладкую каменную или глиняную плитку, аналогичную крышке для литейной формы, намазывается слой воска той толщины, какой должно быть изделие. Затем, выровняв поверхность воска, мастер наносит контур вещи, обрезывает лишний воск по краям и лепит узор. Для этого он раскатывает воск в тонкие стерженьки, шарики, свивает стерженьки вдвое, чтобы получить подобие скани. Приготовленные детали орнамента он

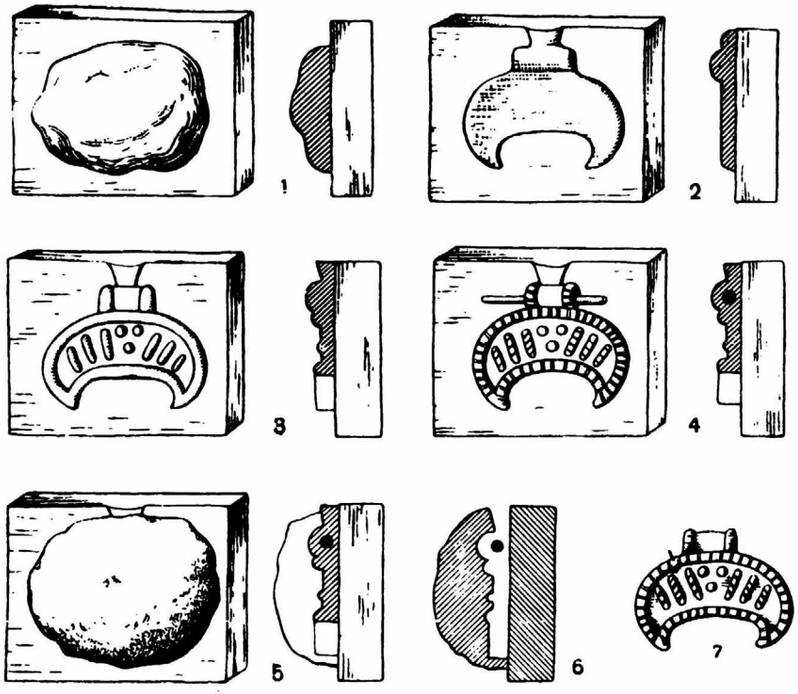


Рис. 28. Процесс изготовления украшений по восковой модели

1 — на огнеупорную поверхность накладывается слой воска; *2* — воск обрезан по форме будущей лунницы; *3* — на плоскости восковой модели наложены валики из воска; *4* — острием на воск нанесен орнамент, в ушко продет стержень, восковая модель готова; *5* — восковая модель залита жидкой глиной; *6* — воск вытоплен, на его место налит металл; *7* — готовая лунница

укладывает на восковую пластинку, изгибает их, прижимает их, обравнивает края, покрывает рельефный узор рядом косых насечек и т. д.

Если вещь должна иметь выпуклый орнамент, то работа мастера упрощается — он после оконтуривания наносит узор острым резцом на воск. Из воска делался стержень, доходивший до края подставки. Впоследствии через этот каналец лили металл.

Отделав модель и охладив ее, чтобы придать прочность воску, кузнец заливал воск глиняным тестом. Когда тесто высыхало, полученную форму слегка обжигали, после чего воск вытапливался и выливался через литок (образованный упомянутым восковым стержнем). После этого форма была готова и на место воска можно было лить металл. Только этот способ и может объяснить наличие на готовых металлических изделиях следов позитивной обработки. На самом деле это — следы обработки восковой модели, полностью перенесенные, благодаря глиняной форме, на металл. Совершенно естественно, что подобная глиняная форма не могла быть особенно долговечной: она могла выдержать два-три десятка отливок. Правда, в случае поломки формы (напр., при извлечении из нее отливки) у мастера оставалась готовая металлическая вещь, и он мог пользоваться ею как штампом для печатания на глине новых литейных форм для тождественных вещей. Точное воспроизведение вещи путем получения оттиска готового изделия в глине не всегда было возможно. Как показал приведенный выше пример с зерненой лунницей, глиняный негатив получился слишком грубым и не передал всего филигранного рисунка. То же самое нужно сказать и о семилопастных височных кольцах. Общие контуры кольца можно было легко получить путем оттиска в глине, но тонкий орнамент при таком способе на негативе не получился бы. Этим и объясняется полное отсутствие семилопастных височных колец, размноженных путем простого оттиска на глине. Все известные нам экземпляры прошли сложную процедуру литья по восковой модели.

Некоторые радимичские семилучевые височные кольца носят следы следующей техники: общие контуры кольца оттискивались в сырой глине, а затем острием по этой глине наносился узор. Эта техника хорошо прослеживается на изделиях VIII в. (рис. 13).

Глиняная формочка с оттиснутой в ней монетовидной привеской найдена мною при раскопках Гочевского городища.

Последним разделом литья является литье по плетеной модели. На первый взгляд изготовленные этим приемом вещи кажутся сплетенными из медных проволок, но при внимательном рассмотрении выясняется, что они — литые. Восковая модель для таких изделий сплеталась из провощенных льняных или шерстяных шнуров, которые легко слипались друг с другом и позволяли выплетать сложные узоры, глухие цепочки со сплошными кольцами, шумящие подвески, ажурные, как бы проволочные каркасы стилизованных фигурок коньков и уточек. В качестве орнаментального приема, порожденного шнуровой техникой, очень часто употреблялись плетеная косичка, спираль и восковая ложная зернь.

Полученная восковая модель обливалась жидким раствором глины, обволакивавшей все тончайшие углубления формы. По загустении глины модель обливалась еще несколько раз до получения твердой глиняной формы. Дальнейшая задача заключалась в вытапливании воска и выжигании остатков шнуров.

Судя по гладкой поверхности готовых изделий, форма тщательно очищалась от всяких остатков. Возможно, что после выжигания форма подвергалась прополаскиванию внутренней полости, предназначенной для наливания металла. Качество нагрева расплавленного металла определялось экспериментальным путем — путем наливания небольшой дозы в каменную разъемную пробную форму. Если металл проникал во все лучи и изгибы пробной формы, мастер приступал к наполнению основной формы. Налив металл и дав ему остынуть, литейщик, чтобы извлечь готовую отливку, должен был разломать глиняную форму.

Сложные вещи, вроде цепочек, шумящих подвесок и объемных фигурок, всегда отливались в такой «утрачиваемой форме». Изготовление цепочек с глухими сплошными звеньями было особенно сложным. Весь процесс распадался на следующие стадии: 1) шнуры промазываются жидким воском; 2) из отрезков шнуров сплетаются звенья; каждое новое звено вдето в предыдущее; 3) каждое звено о т д е л ь н о обмазывается глиной, образуя самостоятельную литейную форму, с о с о б ы м литком (для получения литка могли, напр., вставлять короткую соломинку); 4) каждое звено порознь заполняется расплавленным металлом; 5) застывший металл освобождается от глиняной оболочки, и цепь готова; при этом звенья получаются сплошные без каких бы то ни было следов спайки.

Эта техника литья по плетеной восковой модели была широко распространена на северо-востоке в широкой полуславянской, получудской полосе, тянувшейся от Водской пятины к низовьям Клязьмы и Оки.

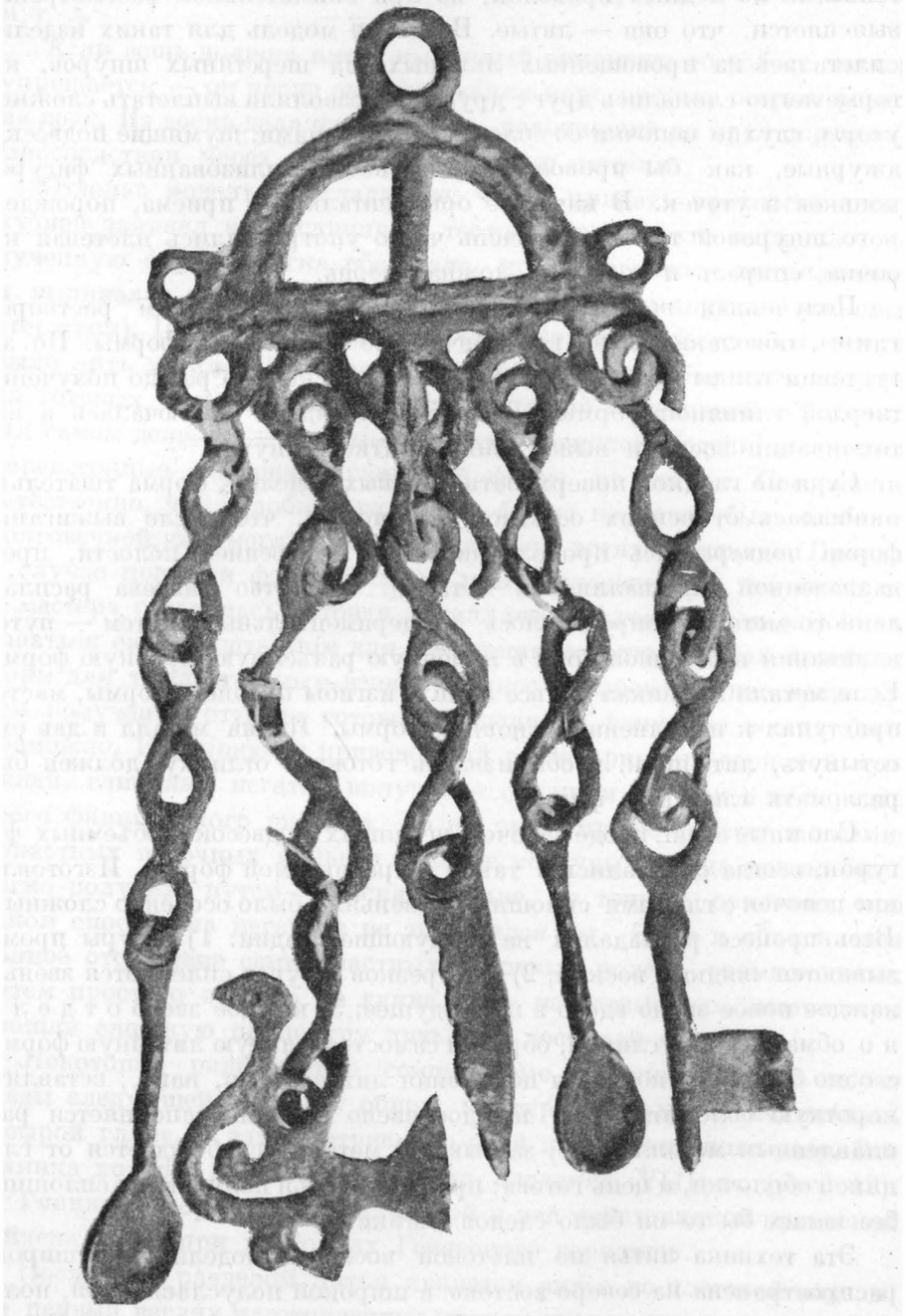


Рис. 29. Литье по восковой модели

В собственно русских областях эта кропотливая техника, сближавшая литье с вязаньем кружев, не пользовалась особенным успехом. В качестве примера можно указать на два комплекта подвесок-амулетов из Смоленской области (рис. 29).[60]

Подвески висят на общей дужке, прикрепленные литыми цепочками. Состав амулетов: две ложечки, ключ, пила (?), стилизованная фигурка голубя или тетерева (?). Все амулеты и дужка в обоих комплектах отлиты в одной литейной форме, но цепочка сделана проще, чем в чудских подвесках: звенья ее не глухие, а с прорезом. Преобладает форма восьмерки, у которой одна петля глухая, а другая свободно отгибающаяся, благодаря чему ее можно зацепить за глухую петлю соседней восьмерки и снова загнуть. Такая система отливки позволила изготавливать звенья-восьмерки в одной жесткой литейной форме без трудоемкой формовки восковой модели и глиняной формы для к а ж д о г о звена.

В митяевских каменных литейных формах есть четыре формы именно для отливки звеньев-восьмерок.[61] Этим приемом русские литейщики упрощали сложную систему чудских литейщиц.

Перечисляю различные признаки, имеющиеся на готовых литых изделиях и позволяющие определить технику литья.

1. Ж е с т к и е л и т е й н ы е ф о р м ы:

а) следы литейных швов (посредине предмета, если отливка производилась в двусторонней форме, и ближе к тыльной стороне, если вторая половина формы является только плоской крышкой);

б) преобладают плоские предметы, легко извлекаемые из формы;

в) тонкий орнамент и надписи на изделии почти всегда представлены в ы п у к л ы м и линиями;

г) все выступающие рельефные части в поперечном сечении шире в основании и у́же к концу, так как в противном случае изделие невозможно было бы вынуть из формы. Вообще при анализе литейной техники поперечное сечение литой вещи является очень важным, а иногда и определяющим.

2. Г л и н я н ы й о т т и с к:

а) если вещь, оттиснутая в глине, была отлита в жесткой форме и имеет резкие грубые контуры, то отличить отливку в глиняном

[60] С. Коханы, Ельнинского уезда. Раскопки Н. И. Булычова. Коллекция ГИМ. Найдены в двух разных курганах.

[61] А. В. А р ц и х о в с к и й. Ук. соч., табл. IX, рис. 3, 5, 6, 7.

оттиске от оригинала очень трудно. Помочь может только точное микрометрическое определение размеров (отливка-копия должна быть чуть меньше оригинала). Тонкий орнамент в глине передан быть не может;

б) глиняная форма может быть получена путем непосредственного выполнения рисунка острием прямо на глине. В этом случае на изделии будут плавные выпуклые линии и бугорки. Очень частое расположение бугорков и их правильная коническая или полусферическая форма помогают отличить этот способ от литья по восковой модели;

в) при больших выпуклостях на орнаменте оттиск может на оборотной стороне дать некоторые западины.

3. Восковая модель:

а) допускает отливку очень сложных объемных вещей любого рисунка. Сложность изделия свидетельствует о разломе формы при извлечении изделия;

б) тонкий орнамент на изделии кажется вырезанным резцом в глубь металла;

в) рельефный орнамент может иметь вид филиграни и зерни, так как происходит от налепа восковых нитей или шариков;

г) поперечное сечение восковой ложной зерни (и филиграни) может быть равным или меньше 180° (такая форма могла служить многократно) и больше 180° (при этом металл заклинивался в форме и вынуть изделие можно было, только разломав форму);

д) на некоторых литых изделиях имеются отпечатки пальцев мастера, лепившего восковую модель;

е) наличие как бы проволочного плетения, косичек, спиралей и ажурных решеток свидетельствует о литье по модели из проволочных шнуров.

Последний вопрос, который необходимо рассмотреть в связи с литейным делом, это — вопрос о терминологии. В археологической литературе всегда применяется термин «литейная форма». Современная техническая литература знает два названия: «изложница» (жесткая форма) и «опока» (сложная земляная форма для фасонного литья). Термин «опока», несомненно, происходит от первоначального материала для жестких литейных форм — белого известняка, который в древней Руси носил название опоки. [62]

[62] Ср. церковь Ивана на Опоках в Новгороде (1127), стоящую на выходах известняка на берегу Волхова.

В качестве областного термина «опока» в значении известняка до сих пор бытует в северорусских областях (Новгород, Псков, Калинин).

Почти все древнерусские литейные формы сделаны из известняка, что и объясняет перенесение названия материала на самую литейную форму. Древность терминов «изложница» и «опока» не подтверждена письменными источниками. Более ранним следует считать общеславянский термин, известный и у западных и у восточных славян: польский — kadłuba, чешский — kadluba, русский — калыбь (колыпь, калыпь).[63] В русском языке этот термин сохранился в быту кустарей-ювелиров, [64] употребляющих его в значении литейной формы вообще, независимо от ее устройства и материала.

Наличие этого термина в разных славянских языках свидетельствует о значительной древности его. В более позднее время, когда распространились опоковые калыби, термин «опока» вытеснил в большинстве русских областей термин «калыбь».

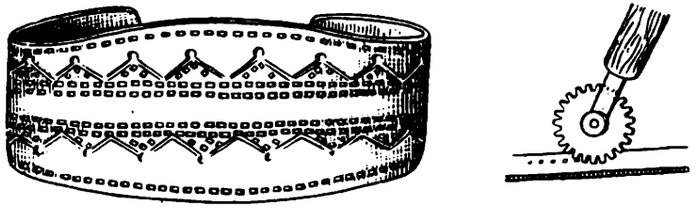
При помощи различных видов литья древнерусские ювелиры изготавливали чрезвычайно много различных предметов украшения (височные кольца, браслеты, перстни, пряжки, лунницы, подвески к ожерелью, амулеты и др.). Бытовых хозяйственных вещей почти не делали этим способом. Исключение составляла только «блесна», блестящий бронзовый крючок для ловли рыбы.

После литья нужно поставить ковку и чеканку цветных металлов. Принципиальное отличие ковки цветных металлов от ковки железа заключается в том, что серебро, медь и их сплавы куются значительно легче, требуют меньше температуры нагрева и легко поддаются даже холодной ковке. Поэтому в курганах мы видим и тонкую кованую серебряную проволоку и тонкие листы серебра. Расплющенное в листы серебро (или медь) шло на различные поделки: очелья (венчики), пластинчатые браслеты, браслеты с диргемом, оковку шкатулок, ушки для прикрепления подвесок и т. д.

Ковкой изготовлялись некоторые виды шейных гривен, браслеты, наголовники, ромбощитковые височные кольца и др. Чеканка тонких металлических листов применялась крайне редко. Это было в основном городским приемом В деревне чеканка применялась в очень простых формах точечного узора, идущего по краю подвески или в виде нескольких вдавленных линий. Чаще применялась че-

[63] Чешско-русский словарь; В. Даль. Словарь живого великорусского языка.

[64] Напр., в Рыбной слободе на Волге.



1 2

Рис. 30. Чеканка зубчатым колесиком

1 — пластинчатый браслет, орнаментированный при помощи зубчатого колесика; *2* — стальное колесико о 24 зубцах для нанесения орнамента на медь (реконструкция)

канка специальными пуансонами. Простейшим из них является пуансон, дающий отпечаток в виде маленького кружочка. Таким чеканом бывают часто украшены новгородские изделия, но встречается он повсюду.

Второй тип пуансона, широко применявшийся ювелирами, давал отпечаток в виде вдавленного миниатюрного треугольника со стороной в 2—3 мм и с тремя полушарными выпуклостями внутри. Обычно эти треугольнички располагали рядами в виде узора, называемого «волчьим зубом».[65]

Чеканка такими пуансонами имитировала треугольники зерни. Встречается такая техника уже в курганах X—XI вв. Преимущественное распространение — северная половина русских земель (кривичи, словене, радимичи).

Помимо двух упомянутых видов пуансонов, употреблялся узор в виде углубленных пунктирных линий. Его обычно тоже называют чеканным, но внимательное рассмотрение позволяет точнее определить инструмент, которым он наносился. Черточки пунктира имеют прямоугольную вытянутую (реже квадратную) форму. Прямоугольники не одинаковы по величине и даже ширине. Каждый тип прямоугольника периодически повторяется через 24 черточки. Орнамент, несомненно, наносился зубчатым железным колесиком, нарезанным на 24 зуба, окружность колеса — 10 см.

Проследить эту технику удалось на пластинчатом браслете из раскопок Ивановского в Водской Пятине (рис. 30). [66]

[65] См., напр., Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 91; А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 195, 284, 287, 302, 309, 313, 332, 348, 350, 351.

[66] С. Арбонье, б. Петергофского уезда. Коллекции ГИМ.

Помимо браслетов, способ орнаментации стальным зубчатым колесом широко применялся на ромбощитковых височных кольцах XII—XIII вв. Иногда орнамент наносился резцом, имеющим форму маленького долотца, поворачивая который с одного угла на другой, ювелир получал на поверхности металла зигзагообразную линию. Иногда же резцом гравировался и вырезывался произвольный рисунок. Особенно богаты различными видами орнамента широкие браслеты из новгородских курганов, на которых мы видим и кружки, и линии, проведенные зубчатым колесом и зигзагами, и простую резьбу, и глубокий чистый орнамент.

Третьим важным разделом после литья и ковки в истории ювелирной техники было производство проволоки. В древнерусских курганах имеется много разнообразнейших поделок из медной или серебряной проволоки. В небольших количествах проволока употреблялась не только для украшений, но и в быту. Проволокой обматывались черенки ножей, делали из нее кольца и т. д. Из проволоки делали браслеты, перстни, височные кольца и ряд других украшений.

Существенным моментом является определение способа изготовления проволоки. Она может быть кованой или тянутой (литая проволока слишком хрупка). Кованая проволока никогда не может быть совершенно ровной; она имеет разный диаметр в разных частях, поперечное сечение ее дает неправильную фигуру, но не круг; на самой проволоке видны следы молотка.

Кованая проволока ограничена в своей длине. Сделать длинную проволоку трудно. Из кованой проволоки делались иногда височные кольца, но вообще она применялась мало. Изделия из кованой проволоки доходят до XI в., но едва ли переходят в следующее столетие, когда появляется новая техника изготовления проволоки — волочение, и в курганах XII—XIV вв. все возрастает количество проволочных украшений.

Для изготовления медной или серебряной тянутой проволоки необходим был так называемый «калибр» или «волочило» — железная доска с рядом просверленных отверстий. Отверстия (глазки) делались коническими; каждое соседнее отверстие имело меньший диаметр, чем предыдущее. Для волочения проволоки предварительно выковывали серебряный или медный стержень, заостряли его, всовывали в самое крупное отверстие волочила и, захватив клещами прошедший в отверстие заостренный конец, проволакивали стержень через глазок волочила. Затем проволакивали его через

меньший глазок и так до тех пор, пока не получали проволоки требуемого диаметра.

Волочило, вероятно, укреплялось на скамье (как это делали кустари-ювелиры в XIX в.) вертикально, в специальной стойке, что бы можно было работать сидя. Тянутая проволока ровна, на всем протяжении имеет круглое сечение. Отличительной чертой тянутой проволоки являются еле заметные продольные бороздки, происходящие от неровностей глаза волочила. Железной проволоки волоченьем не делали, так как сопротивление железа значительно выше, чем меди или серебра. Медную проволоку диаметром до 2 мм удавалось получить длиной до 80 см. Делалась ли более длинная проволока, сказать трудно, так как в изделиях употреблялись, очевидно, куски. Указанная длина определяется по проволочным браслетам, витым из проволоки, сложенной в 3 и 4 раза.

Проволочные браслеты являются хорошим датирующим материалом, как это выяснено работами А. А. Спицына и А. В. Арциховского. [67]

Браслеты XIII в. делались из проволоки длиной в 60—80 см. Возможно, что это отражало известный прогресс в волочильном деле.

Единственная находка, которую можно предположительно связывать с волочением проволоки, сделана Н. И. Булычовым в Спасском Городце. [68] Железная (стальная?) пластинка, напоминающая по внешнему виду кресало, имеет ряд небольших отверстий в середине. Возможно, что пластинка служила калибром.

Трудно решить вопрос, насколько связана с деревней техника зерни. В целом ряде областей правобережья Днепра имеются бусы, сделанные из тонкого проволочного каркаса, поверх которого прикреплены крупные зерна металла. Бусы эти носят условное название «минских». Они очень часто встречаются в деревенских курганах дреговичей, древлян, волынян.

Подводя итог техническому мастерству древнерусских ювелиров, надо отметить большое разнообразие технических приемов, знакомство мастеров со сложными способами изготовления вещей.

На протяжении X—XIII вв. техника деревенского ювелирного дела существенно менялась. Около XII в. появляется волочение проволоки, орнаментация зубчатым колесом и некоторые другие

[67] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 138.

[68] Н. И. Булычов. Раскопки 1899 г., табл. XIX, рис. 20.

технические приемы. Но более точные хронологические рамки эволюции литейной техники указать нельзя.

Вопрос о географических различиях в технике и распространении отдельных типов вещей должен быть рассмотрен ниже в связи со сбытом ремесленных изделий.

3. ГОНЧАРНОЕ ДЕЛО

Керамика является самым распространенным массовым видом археологических находок. Устойчивость обожженного глиняного теста по отношению к разрушающим силам почвенных вод и ветра обусловила сохранность почти всего керамического материала древности. Повсеместное распространение глин, простота изготовления изделий и затрудненность перевозки примитивных типов глиняной посуды — все это делает древнюю керамику одним из наиболее доброкачественных источников, позволяющих без особых погрешностей сравнивать между собой как различные области, так и различные эпохи.

В изучении славянской керамики первоначально внимание исследователей было привлечено гончарными клеймами. [69]

В. И. Сизов одним из первых занялся более пристальным изучением русских глиняных изделий IX—XI вв., рассмотрев технику, форму сосудов, характер орнамента и сопоставив русскую керамику с западнославянской. [70]

Следующим шагом вперед в изучении древнерусской керамики было привлечение для сравнения этнографических материалов, позволивших определить этапы развития гончарной техники. [70]

[69] К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси, М., 1865; Его же. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина. — «Древности», М., 1867, т. I, стр. 116; А. Котляревский. Заметки к статье К. П. Тышкевича. — Там же, стр. 247; А. С. Уваров. Клейма на сосудах. — Сб. мелких трудов, М., 1910, т. I, стр. 107; Е. Н. Клетнова. Символика народных украс Смоленского края, Смоленск, 1924, стр. 117; Валерія Козловська. Таврований посуд слов'янської доби. — «Науковий збірник Інст. історії ВУАН» за 1926, Київ.

[70] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., 1902. Раздел — Гончарные изделия гнездовских курганов.

[71] Н. Смирнов. Живая старина (о сохранности гончарных клейм у

Обобщение всех письменных сведений о древнерусской посуде с привлечением некоторых археологических данных было предпринято В. Ф. Ржигой. [72]

Более полно многочисленный археологический материал по древнерусской керамике, к сожалению, не собран и не изучен. Основными вопросами в истории русского гончарного дела являются следующие: время появления гончарного круга и его эволюция, появление специальных обжигательных горнов, установление областных различий в керамическом производстве, рассмотрение вопроса о гончарных клеймах.

Гончарные глины, пригодные для изготовления посуды, имеются в Восточной Европе повсеместно. Глина высокого качества чаще встречается на Украине. [73] Разработка глинищ не представляла никакой трудности, так как почти везде можно было найти поверхностные выходы глины. Подготовка глины к формовке заключалась в смачивании ее и тщательном промешивании. Судя по этнографическим данным, промешивание глины иногда происходило в избе гончара на полу; месили глину ногами. Тщательно промятая глина в зависимости от степени ее тучности насыщалась примесями, так как жиры глины при высыхании дают очень неравномерную усадку, коробятся, трескаются. Из примесей известны: песок, тальк, толченые раковины, дресва (зерна гранита или кварцита) и шамот (толченая старая керамика), кострика или рубленая солома. Отощающие примеси делали глиняное тесто более грубым (особенно примесь дресвы), но позволяли изделиям сохранять свою форму при обжиге.

дмитровских гончаров). — ЗОРСА, СПб., 1905, т. VIII, вып. 1, стр. 94—95; Б. А. Куфтин. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии.—«Московский краевед», 1928, вып. 5; М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. — «Этнография», 1930, № 4.

[72] В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси, М., 1929.

[73] Для наименования глины в древней Руси применялось то же самое слово, что и теперь. Кроме того, в русских письменных памятниках встречаются также такие названия глины: «скудель» (отсюда «сосуд скудельный» — глиняный; «скудельник» — гончар, «скудельница» — глиняный кувшин; «скудель» — черепица) и «зьдъ» или «здѣнь» (отсюда «здание» — постройка из глины, «водчий» в форме «зьдъчий» — мастер, строящий из глины, «ваодарь» — гончар). И. И. Срезневский. Материалы. — Оба синонима глины — «скудель» и «зьдъ»—по смыслу производных от них слов, очевидно, южного происхождения и возникли там, где жилища строились из глины, а в качестве кровельного материала употреблялась черепица.

Важнейшими процессами гончарного дела являются формовка сосудов и их обжиг.

Выше было указано, что гончарный круг, издавна известный в причерноморских городах, в римское время продвинулся вверх по Днепру и Днестру в область полей погребальных урн, но с падением римской культуры был забыт там. Для северных областей за тысячу, а для южных за пятьсот лет до Киевской Руси началось необъясненное до сих пор, постепенное огрубение керамических изделий. Утолщались стенки, увеличивалось количество примесей, ухудшался обжиг. И только в IX в. происходит сравнительно быстрый переход к гончарному кругу, производящему заметное улучшение качества глиняной посуды. Указанная в главе о происхождении русского ремесла подготовительная стадия выработки принципа круга (круглая подставка) прослежена пока на единичных примерах и не может поэтому объяснить «инкубационный период» гончарного круга на всей территории восточного славянства. Можно думать, что первоначально гончарный круг возник в южной половине русских земель, а уже оттуда проник и на север. В этом убеждают более быстрое развитие и совершенствование керамических форм на юге и примитивность их на севере, в лесной полосе.

Введение гончарного круга означало переход к ремесленному производству, переход изготовления горшков из рук женщин в руки мужчин-специалистов. В гончарном деле в IX—X вв. происходило то же самое, что в это время происходило на северо-востоке в меднолитейном деле — замена женского домашнего производства мужским ремесленным.

Важнейшим фактором этой замены было появление крупных ремесленно-торговых поселков и княжеско-боярских дворов с их вотчинным ремеслом, где возникали различные технические новшества.

Форма древнейшего гончарного круга нам неизвестна, так как все части его (может быть за исключением оси) были деревянные и ни разу не были встречены в раскопках.

Этнографические материалы сохранили до нашего времени почти все звенья эволюции техники гончарного дела. Если мы предпримем обзор деревенской гончарной техники Восточной Европы XIX — XX вв. в направлении с северо-востока на юго-запад, то тем самым мы совершим своеобразную историческую экскурсию в прошлое гончарного дела.

В лесáх зырянского Заволжья горшки лепятся женщинами без применения гончарного круга.[74]

В Средней России, в Белоруссии и у мордвы существует р у ч н о й гончарный круг (иногда крайне примитивного вида), сочетаемый нередко с обжигом посуды в обычных печах.[75]

Названия гончарного круга: «коло», «кружалко».

Большой интерес представляют отчеты членов Комиссии по изучению кустарных промыслов России, обследовавших в конце XIX в. ряд губерний. Многие из них были поражены примитивностью гончарной техники в губерниях Нижегородской, Костромской, Московской, Калужской.[76] Попытки внедрения новейших систем гончарного круга не всегда увенчивались успехом; нередко побеждала традиция ручного круга, восходящая в этих местах к X—XI вв.

Пересекая широкую полосу северных областей, где сохранился ручной гончарный круг, мы попадаем в южные области, где деревенскими кустарями широко применяется наиболее совершенный ножной круг и обжиг посуды производится в специальных горнах (Киевщина, Полтавщина, Черниговщина).[77]

Простейшая конструкция гончарного круга такова: основой круга является низкая небольшая скамья из толстой доски, стоящая

[74] М. В. В о е в о д с к и й. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. — «Сов. археол.», 1936, № 1, стр. 55.

[75] Н. Р о з о в. Народная техника гончарного производства Тверской губернии. — «Тверской край», 1926, № 5; А. В е р ш и н с к и й. Промыслы Примоложья. — «Верхневолжская экспедиция», т. I, Тверь, 1927. — Автор отмечает, что обжиг горшков в домашних печах способствовал сохранению тонки по черному — курных печей (стр. 93). На Мологе в изготовлении посуды принимают участие и женщины, что не наблюдается в других местах. Форма посуды примитивна. Область Моложского Полесья является как бы переходной от ручной лепки к гончарному производству.

[76] Ф. Н. К о р о л е в. Гончарные промыслы в разных губерниях. — Отчеты и исследования по кустарной промышленности, СПб., 1895, т. III; Г. Г. О л е й н и к о в. Гончарное производство в Нижегородской губ. — Т а м ж е. СПб., 1900, т. VI; Е г о ж е. Гончарное производство в Смоленской губ. (Т а м ж е, СПб., 1898, т. V). Кустарные промыслы России. М., 1898.

[77] Н. А. З а р е ц к и й. Гончарный промысел в Полтавской губ., Полтава, 1894; Ф. Н. К о р о л е в. Кустарное гончарство в Полтавской, Харьковской и Черниговской губ. — «Отчеты и исследования по кустарной промышленности», СПб., 1892, т. I; М. Р у с о в. Гончарное дело. — Матеріяли до української етнольогії, 1905, вип. VI; Ю. С а м а р и н. Подольские гончары, М., 1929. Гончарный кустарный промысел в Киевской губ. — «Изв. Гл. упр. землеустройства и земледелия», 1908, № 4.

Рис. 31. Ручной гончарный круг

на двух плахах. В доске скамьи прорезано отверстие для оси. На деревянную ось наглухо падает большой деревянный круг, толщиной 2—3 см и диаметром 15—20 см. Иногда между кругами и доской для получения необходимого просвета на ось надевается массивная деревянная шайба. Поверх круга прикрепляется тонкий кружок меньшего диаметра, на котором иногда вырезывается вглубь клеймо. Для того, чтобы глина легче отделялась от круга, последний посыпают золой и песком. При работе на таком станке гончар сидит верхом на скамье и вращает круг левой рукой, а правой формует глину (рис. 31).

Недостатки конструкции круга: 1) малая инерционная сила, вследствие чего движение круга прерывисто и неравномерно; нельзя вытягивать сосуд из комка глины, а приходится специально подготавливать заготовку; 2) гончар владеет только одной рукой для формовки сосуда; 3) ось должна свободно ходить в своем гнезде, но по этой причине весь круг неизбежно колышется, что сказывается на правильности формовки.

Северо-великорусская система круга для уменьшения поверхности трения обладает неподвижной осью и гнездом в круге, который для этой цели состоит из двух параллельных плоскостей (гнездо только в нижней).[78] Однако уменьшение трения повлекло за собой усиление колыхания круга.

[78] D. Z e l e n i n. Ostslavische Volkskunde, Berlin, 1927, рис. 59.

Обе системы ручного круга подвергались дальнейшей переработке. Круг первого типа был усовершенствован добавлением деревянного подпятника («порплицы»), который принимал на себя давление круга, уменьшая трение, и придавал устойчивость всей системе, центрируя ось («веретено»).[79]

Эволюция северного типа шла несколько иначе. Две плоскости круга, надетые на ось и соединенные спицами (или «цевками»), постепенно отдалялись друг от друга, чем также создавалась большая устойчивость. Основной точкой опоры становилась порплица на нижней стороне верхнего круга. Ось удлинялась, и верхний круг надевался на нее сверху. Спицы и нижняя плоскость не несли никакой тяжести и служили только для устойчивости, не позволяя кругу колыхаться. Ось представляла собой кол, вертикально врытый в землю. Гончар при работе на таком кругу сидит на особой скамейке, более высокой, чем скамейка архаичного круга.[80] Такая конструкция круга позволяла гончару изредка действовать ногами для ускорения движения или остановки. Отсюда оставался только один шаг к переходу на круг ножного типа.

Посредствующим звеном между ручным и ножным кругом был ручной круг тяжелого типа, диаметр которого доходил до 40—50 см. Для увеличения инерционной силы круг иногда оковывали железной шиной. Верхний накладной кружок с клеймом и подсыпкой песка исчезает. Поиски средств увеличения инерции свидетельствуют о стремлении гончаров получить непрерывное вращение круга, которое при малом весе круга недостижимо.

Введение в дело ног гончара, вращающих нижнюю плоскость круга, сразу разрешило проблему непрерывного вращения и освободило обе руки мастера. Гончарный круг при этом претерпел следующие изменения: верхний круг стал меньше, веретено длиннее, нижний круг значительно возрастает в размере и весе, становясь маховиком всей системы. Веретено для устойчивости перехвачено в верхней части, а нижний конец вращается на порплице, врытой в землю или вбитой в пол.

Еще больше изменений претерпевает способ формовки посуды. При изготовлении на ручном кругу гончар обязательно должен провести большую подготовительную работу по формовке основы

[79] D. Zelenin. Op. cit., рис. 58 — южно-великорусский тип ручного круга.

[80] П. Розов. Ук. соч.

сосуда. Для этой цели в Восточной Европе и Западной Сибири, как это выяснено М. В. Воеводским, применялась так называемая «ленточная» техника предварительной лепки сосуда. Глина раскатывалась на длинные валики, которые слегка сплющивались с боков и укладывались по спирали, образуя тело будущего горшка. При ручной лепке все ограничивалось сглаживанием пазов и приданием сосуду необходимых выпуклостей и венчика. При работе на ручном кругу легкого типа эту заготовку из глиняной спирали ставили на круг (предварительно посыпав круг песком для устранения прилипания), и гончар, подталкивая круг левой рукой, правой рукой формовал сосуд, сглаживал неровности, заравнивал пазы между глиняными лентами.

Ручная лепка при работе на простейшем гончарном кругу отнимала у гончара значительную часть времени, но без нее мастер был бессилен сформовать сосуд на медленно вращавшемся кругу, который двигался неровными толчками.

Ножной гончарный круг совершенно устранил предварительную, черновую ручную лепку: на быстро вращающийся круг мастер бросал кусок глины («омятево», на Украине — «балабух») и вытягивал из него сосуд любой формы, пользуясь пластичностью глины. Подсыпка песка была уже ненужна, так как гончар был заинтересован в том, чтобы глиняный ком возможно плотнее сидел на круге. Готовый сосуд срезался ниткой, оставлявшей на дне дугообразные следы.

Какой же тип гончарного круга бытовал в Киевской Руси? Продукция, полученная на каждом типе круга, отличается целым рядом особых признаков:

1. Ручной круг легкого типа:
   а) следы ленточной техники,
   б) углубление на дне от маленького кружка,
   в) клеймо,
   г) подсыпка песка,
   д) допустима незначительная асимметричность (от колебаний оси и круга), особенно в тонких верхних частях, а также дрожание и непараллельность орнаментальных линий.
2. Ручной круг тяжелого типа:
   а) следы ленточной техники,
   б) гладкое дно, срезанное ниткой,
   в) клейма быть не может,

г) подсыпка отсутствует,

д) полная симметрия и чистота орнаментальных линий.

3. Ножной круг:

а) нет следов ленточной техники.

Все остальные признаки совпадают с ручным кругом тяжелого типа.

Обзор археологической керамики из рядовых деревенских городищ и курганов дает нам следующие технические данные о производстве глиняной посуды. [81] Глиняное тесто — среднего качества с добавлением отощающих примесей: песок, слюда, дресва. Наиболее совершенной из этих примесей был шамот, т. е. толченые черепки старой посуды. Подвергаясь вторичному обжигу, мелкие зерна шамота резко отличаются по цвету от остального теста. Многие русские горшки X—XIII вв. обнаруживают ленточную структуру. В местах соединения лент (при лепке заготовки) стенки горшка обычно тоньше и легче поддаются излому. И деревенские и городские горшки имеют такие характерные изломы под некоторым углом к плоскости дна. Ярким примером является горшок из Вщижского городища, датируемый началом XIII в. Весь корпус горшка из хорошего глиняного теста, формованного на кругу и хорошо обожженного, расчленяется на несколько косых полос по 2—3 см шириной. Ближе к донной части эти ленты явственнее, около венчика незаметны совсем. В центре ленты стенка горшка на 1—2 мм толще, чем в месте скрепления двух лент. Спайка лент носит явные отпечатки пальцев гончара и более шероховата, чем остальная поверхность (рис. 32).

Если следы ленточной техники так явны на городском изделии сравнительно позднего времени, то массовые деревенские горшки и подавно все изготовлены ленточной техникой. Она не всегда заметна на поверхности, так как явственность ее зависит от небрежности гончара, но при тщательном анализе толщины стенок, линии дактилоскопических отпечатков и излома удается обнаружить ее следы. Один из признаков ручного круга налицо.

Обратим внимание на донную часть горшков. Как правило, на дне отпечатывался малый кружок, вырезавшийся из вытесанной доски. Края горшка нередко заплывают за край кружка и образуют характерный бортик на дне. В этом можно видеть признак ручного круга и именно легкого типа (рис. 33).

[81] Технологическое изучение древнерусской керамики было начато П. П. Петровым, изучившим всего 15 горшков. Тип гончарного круга им не был определен. См. П. П. Петров. Исследование курганных горшков Московской губернии. — «Изв. Общ. люб. ест., антроп. и этногр.», М., 1879, т. XXI.

Рис. 32. Горшок со следами спирали

Обязательное наличие песчаной подсыпки на каждом днище является третьим признаком ручного легкого гончарного круга.

Наличие клейм и некоторое нарушение симметрии венчиков у данных сосудов X—XI вв. довершают признаки легкого ручного гончарного круга. В тех случаях, когда обнаруживаются помятые венчики, это могло произойти как при снятии горшка с круга или при сушке его, так и непосредственно на кругу в результате его колыханий. Возможно, что детальное картографирование таких случаев выявит какую-либо географическую закономерность; тогда это будет означать область распространения северо-великорусского круга с наименее устойчивым равновесием.

Дополнительными инструментами гончара были деревянный ножичек или простая щепка, мокрая тряпка или кусок овчины.

В начале внедрения гончарного круга, когда вращение было еще слишком слабым, применялось выглаживание стенок пучком травы.

Линейный и волнистый орнамент — порождение быстро вращающегося круга — вытеснил в X в. более кропотливый прием орнаментации палочкой, обмотанной шнуром. Новый орнамент не требовал никаких инструментов, кроме простой лучинки.

Обжиг сосудов определяется по излому и по цвету стенок. Наиболее примитивный способ обжига — костровой применялся в догончарную эпоху (которую в археологической литературе нередко называют «дославянской»). При обжиге на костре стенки сосудов прокаливаются очень неравномерно: с одной стороны может прокалиться вся толщина стенки докрасна, а противоположная стенка может остаться черной или покрасневшей лишь с внешней стороны. При печном обжиге обычно прокаливается вся поверхность горшка как с внешней, так и с внутренней стороны, но в изломе нередко обнаруживается, что середина черепка сохранила непрокаленный черный или серый цвет.

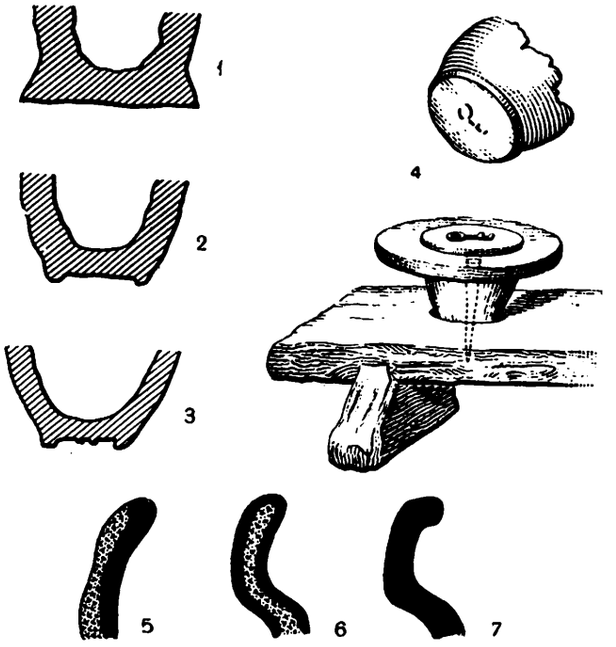


Рис. 33. Разрез дна горшка (ручной круг)

1 — дно лепного горшка; 2 — дно лепного горшка, но со следами подставки; 3 — дно горшка, формованного на круге; 4 — ручной гончарный круг; поверх круга положена меньшая подставка с вырезанным клеймом; 5—7 определение обжига по излому

Только обжиг в специальном гончарном горне, позволяющем достигать высокой температуры, дает полную прокаленность всего глиняного теста. Сосуды горнового обжига легче по весу, чем обожженные в печи, звенят при постукивании и имеют в изломе сплошной цвет хорошо прокаленной глины (от беловатого до кирпично-красного).

Подавляющее большинство курганных сосудов имеет трехслойный излом (красный цвет в поверхностных слоях и черный в глубине черепка), характерный для п е ч н о г о обжига. Наличие больших русских печей в избах X—XIII вв. позволяло использовать их для обжига горшков. Для большей прочности и меньшей водопроницаемости сосудов, их, по извлечении из печи, иногда подвергали обварке в растворе муки или в кислых щах — раскаленный сосуд погружали в холодный раствор.

Ассортимент изделий деревенских гончаров очень невелик; самым распространенным видом «скудельных сосудов» был обычный печной горшок — «Гърньць», хорошо известный по тысячам курганных и городищенских находок (рис. 34). [82] Тулово горшка конической формы с выпуклыми плечиками и широким горлом; венчик отогнут. Рисунок венчика нередко позволяет датировать горшки: у более ранних венчик отогнут мало и профиль его прост, со временем отгиб становится круче (это свидетельствует о более быстром вращении круга), и профиль становится сложнее по своему рисунку, появляются бороздки, углубления, бортики и даже складки. В городской керамике (напр., горшок из Черной Могилы) эта эволюция венчика произошла уже в X в.

Второй тип посуды — «плоскы» (плошка, миска) встречается значительно реже, но также хорошо известен по курганным материалам, напоминает горшок с иными пропорциями — низкий, широкий. Глиняные сковороды в X в. выходят из употребления, очевидно, вытесненные железными.

Большие сосуды типа макотры иногда встречаются при раскопках, но редко. Древнее название их неизвестно. Кувшины и кринки в деревенской керамике встречаются лишь в виде исключений и вообще более характерны для города.

Областные различия древнерусской керамики были невелики. На юге существовали два типа горшков, выработанные еще в VIII—X вв.: один — низкий, широкий, с прямым горлом, другой — более стройный, высокий, с отогнутым венчиком. Иногда встречаются горшки с несколькими отверстиями на дне, предназначенные для откидывания творога. Керамическая посуда смоленских кривичей знает преимущественно высокие сосуды обычного типа, но иногда встречаются своеобразные горшки с горлом раструбом. [83]

У полоцких кривичей встречаются горшки с сильно выпуклыми плечиками. Горшки вятичской земли обычно невысоки; здесь чаще чем в других областях встречается плошкообразная, широкая форма горшков. По мере продвижения на север, разнообразие форм убывает, и сосуды становятся менее глубокими (мелкий сосуд легче

[82] Лучшие фототипические публикации среднерусской курганной керамики принадлежат Н. И. Булычову. См. его работы: «Журнал раскопок 1899 г.», табл. XX и табл. XXIII; «Раскопки по части водораздела 1903 г.», табл. VI, VII, X, XII; «Раскопки на Угре», табл. IX.

[83] Н. С а в і н. Раскопкі курганоў у Дарагабускім і Ельнінскім паветах.— «Працы Археол. камісіі БАН», Менск, 1930, т. II, табл. VI, рис. 1 и 2.

Рис. 34. Русские горшки

формовать, чем глубокий), утрачивая сходство с общеславянским типом. Таковы, например, горшки из костромских курганов, напоминающие некоторые вятичские. [84]

На пограничье с чудским миром, в Приладожье и Верхнем Поволжье дольше бытуют лепные сосуды баночной формы и круглодонные, [85] но наряду с ними встречаются и характерные горшки славянского типа, хорошей выработки.

Русская керамика постепенно внедряется в чудскую среду, продвигаясь на север и северо-восток. Продвижение техники гончарного круга на северо-восток способствовало созданию промежуточных форм между славянской и местной керамикой.

Любопытным результатом общения варягов с русскими явилось восприятие шведами типичных славянских форм глиняных сосудов. Так, в одном из крупнейших шведских городов Бирке неоднократно встречались горшки совершенно тождественные русским. В качестве примера укажу погребение № 51 (трупосожжение) из Хемлянда близ Бирки. Горшок имеет отогнутый венчик и характерный линейно-волнистый орнамент. Весь облик его полностью совпадает с русскими горшками IX—XI вв. [86] Предполагать экспорт русских горшков в Швецию трудно; скорее всего здесь — результат влияния русских керамических форм на шведские, с чем соглашается даже Арне. [87]

[84] П. Н. Третьяков. Костромские курганы, табл. IV, рис. 1 и 3, стр. 28.

[85] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья.— МАР, СПб., 1895, № 18, табл. X, рис. 3; Равдоникас. Памятники..., т. XII, рис. 1, 2; т. VI, рис. 7.

[86] G. Hallfström. Birka, Stockholm, 1913, табл. VI, рис. 7.

[87] T. Arne. La Suède et l'Orient...

Гончарные клейма

В грубоватых деревенских горшках, однообразие которых утомляет глаз, исследователей ранее всего заинтересовали загадочные знаки на днищах. Круги, кресты, ключи, звезды, решетки и другие изображения казались археологам прошлого столетия какими-то языческими символами, долженствующими оберегать горшок от злых сил.

Впервые в пользу символического, религиозного значения рисунков на дне высказался К. П. Тышкевич. [88] Он сопоставлял их с дрогичинскими пломбами, которым приписывал ятвяжское происхождение.

С детальным разбором статьи Тышкевича выступил в том же году А. Котляревский, который предложил более рационалистическое объяснение. Возникновение клейм на сосудах он считал возможным связывать с развитием института частной собственности: «при бедном состоянии хозяйства и простые горшки могли быть предметом спора, и они составляли собственность, требовавшую юридической пометы». [89] Развивая далее эту мысль, Котляревский замечает, что «если горшки эти выделаны на гончарном круге, то знаки на них изображенные — нет сомнения — принадлежат уже к фабричным клеймам». [90] Как мы знаем теперь, клейма могут быть только на горшках, формованных на кругу.

В специальной статье А. С. Уваров поддержал точку зрения на гончарные клейма как на знаки мастеров. [91] В. И. Сизов выступил в 1902 г. с защитой религиозно-символического значения гнездовских гончарных клейм. [92] Основным аргументом Сизова является сравнительно редкая встречаемость клейм (по его наблюдениям над гнездовской керамикой клейма имеют только 15% сосудов). Хотя процентное соотношение клейменых и неклейменых сосудов и не всегда таково (нередко клейменые преобладают), но самый факт отсутствия клейм на некоторых сосудах до сих пор не может быть удовлетворительно объяснен.

[88] К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси, М., 1865, стр. 166.— Литература о клеймах приведена выше.

[89] А. Котляревский. Ук. соч., стр. 247.

[90] Там же, стр. 246; на табл. 9 приведены клейма из кривичских курганов близ Логойска.

[91] А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 107.

[92] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ.

Вскоре после выхода в свет работы В. И. Сизова гончарные клейма были неожиданно открыты в живом быту дмитровских гончаров под Москвой. «Мастера, изготовляющие горшки с клеймами на дне, отысканы близ с. Куликова Дмитровского уезда в деревнях Глазачево и Клюшниково.

Горшки лепятся на гончарных кругах самого примитивного устройства... по середине почти каждого из них имеется углубленное клеймо, которое и оттискивается на дне... Одни из мастеров признают клейма знаком мастера, другие придают им значение простого баловства». [93] Автор добавляет, что настоящее значение клейм начинает забываться, и клейма получают в глазах гончаров уже только орнаментальный смысл («баловства»).

Первичным значением мы должны считать именно клейма мастеров. Два рисунка клейм, приводимые Н. Смирновым, совершенно аналогичны курганным: крест, вписанный в круг, встречен сотни раз среди клейм X—XIII вв. в самых различных областях, а круг с решетчатым узором в середине известен, например, из раскопок Н. И. Савина близ Дорогобужа. [94]

После открытия Смирновым гончаров, изготавливавших в XX в. горшки такие же, как в XI в., в Дмитровский уезд началось паломничество этнографов, собравших там ценный материал по примитивным формам гончарства. [95]

В современной археологической науке окончательно утвердился взгляд на гончарные клейма, как на знаки мастеров. Новейшая работа, специально посвященная гончарным клеймам, принадлежит В. Е. Козловской; автор убедительно возражает Сизову и доказывает на основании обильного материала Киевского Исторического музея, что клейма имели значение, как знаки мастеров. [96]

Тесная производственная связь клейм с гончарным кругом и полное отсутствие каких бы то ни было предшественников их на лепной

[93] Н. Смирнов. Живая старина.— ЗОРСА, СПб., 1905, т. VII, вып. 1, стр. 94—95; на рис. 46 изображен ручной гончарный круг.

[94] Н. Савін. Раскопки курганоў у Дарагобускім и Ельнінскім паветах. — «Працы...», т. II, табл. VI, рис. 8.

[95] Б. А. Куфтин и А. М. Россова. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов. — «Московский краевед», 1928, вып. 5; М. В. Воеводский. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества. — «Сов. археол.», 1936, № 1, стр. 240.

[96] Валерія Козловська. Ук. соч.. стр. 10.

керамике языческого времени не позволяют видеть в них языческие символы и утверждают в мысли, что это знаки гончаров-ремесленников.

Гончарные клейма появляются не тотчас по изготовлении гончарного круга, а лишь после того, как круг прочно вошел в быт гончаров.

Древнейшие гончарные сосуды с отпечатками круга на дне еще не имеют клейм. Самым ранним известным случаем применения клейма является курган д. Митино близ Смоленска, датированный монетами 918, 962, 976—980 гг. [97]

Судя по тому, что в этом погребении найдены сердоликовые бусы двух хронологически различных типов (призматические X в. и бипирамидальные XI—XIII вв.), погребение следует отнести к началу XI в. Несколько позже с монетами середины XI в. появляются клейма на посуде в Чехии [98] и Польше. [99]

Рисунки русских и других славянских гончарных клейм довольно однородны. Везде преобладает круг со вписанным в него крестом, но, кроме того, встречаются десятки других изображений (рис. 29), некоторые из них повторяются в разных местах. Рисунки носят геометрический характер; лишь изредка (и преимущественно в городах) встречаются отклонения вроде изображения цветка (Смоленщина) или всадника (Гочево).

Повторяемость рисунков клейм могла, казалось бы, свидетельствовать в пользу символического, ритуального их значения, но если мы сопоставим гончарные клейма с различными видами знаков собственности (бортные знамена, полевые меты и др.), то увидим, что там точно так же существует несколько десятков основных форм широко распространенных в разных местах и повторяющихся. Более или менее обильный материал мы получаем уже от XVI—XVII вв. [100]

Писцовые книги Брянского уезда дают несколько десятков рисунков бортных знамен и их названий: соха, колесо, тень, грань,

[97] А. М. Ляўданскі. Археолёгічны досьледы у вадазборі Дняпра, Сожа і Касплі. — «Працы...», т. II, стр. 288, табл. V, рис. 13.

[98] I. L. Pič. Čechyza doby knižeci, Praha, 1909, стр. 128, 327—328. — В Левом Градце клеймо найдено с монетами Братислава I.

[99] I. Kostrzewski. Znaki na dnach naczyń wczesnohistorycznych Wielkopolski. — «Niederlův sbornik», Praha, 1925. — В Польше они встречаются с XI в.

[100] П. И. Иванов. О знаках, заменявших подписи в Древней Руси. ИАО, 1861, т. II, вып. 2, стр. 103—110.

рубеж, перевора, курья лапка, вилы, лук со стрелой, борода, кобица, крюк.

Многие из указанных знаков встречаются в качестве гончарных клейм; наиболее полная сводка русских знаков собственности составлена Е. Г. Соловьевым. [101]

Полевые меты дожили в Средней России до 1930-х гг.; рисунки их близки и к гончарным клеймам и к бортным знакам, с которыми совпадают даже названия (куриная лапа, вилы, борона, луна, дуга и др.). [102]

Набор знаков во всех случаях не очень велик; — это одни и те же рубежи, курьи лапы, колеса, переворы, вилы и сохи, но тем не менее этого набора вполне достаточно для того, чтобы распознать свое имущество и доказать свое право на бортный урожай или расчищенную ниву. Мастерам-гончарам точно так же не нужно было прибегать к особому разнообразию рисунков клейм, чтобы пометить горшки своим клеймом.

Изучение знаков собственности русской деревни XVI—XX вв. привело исследователей к выводу об усложнении основного рисунка знака при переходе имущества по наследству или при разделе семьи.

П. Е. Ефименко, изучивший знаки собственности крестьян русского Севера, утверждает, что сын, отделяясь от отца (даже, если раздел состоял только в отделении лугов), принимает клеймо отца, осложняя его новым «рубежом», новой чертой. Существует даже специальный термин для таких разделов — «отпятнаться», «отклеймиться». [103] Подобное усложнение клейм повсеместно.

Обращаясь к клеймам гончаров, необходимо отметить, что в большинстве случаев клейма одной курганной группы имеют общий стержневой рисунок, общую основную схему, варьируя в деталях и дополнениях (рис. 35).

Возьму наиболее яркий пример — клейма курганного могильника близ д. Митяевичи, Старобинского района (р. Случь, раскопки А. Н. Лявданского). Посуда этого могильника дает один и тот же

[101] Е. Г. Соловьев. Знаки собственности в России. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. Казань, 1885.

[102] П. М. Смирнов. Полевые меты Рузского района. — «Московский краевед», 1927, № 1. — Полевые меты на единоличных полях мне удалось зарисовать в Волоколамском районе в 1934 г.

[103] П. Е. Ефименко. Юридические знаки (Опыт исследования по сравнительному обычному праву). — ЖМНП, 1874, октябрь.

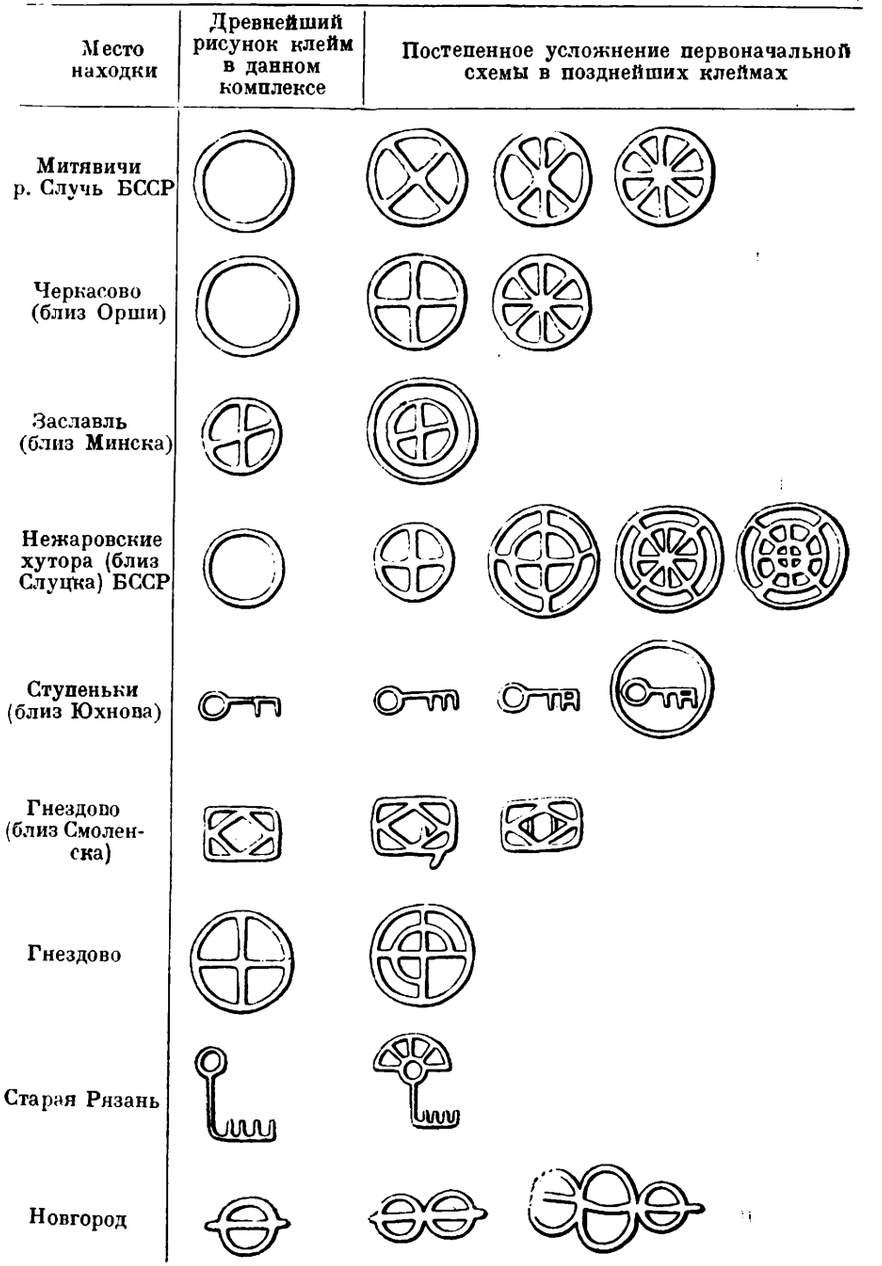


Рис. 35. Усложнение гончарных клейм при переходе по наследству

постепенно усложняющийся рисунок, основа которого — круг; затем к кругу добавлено перекрестие, потом один «рубеж» и, наконец, последнее начертание осложняется еще одним «рубежом». Появление этих дополнительных рубежей, или «отпятнышей», можно наблюдать достаточно хорошо и на гнездовских и на старо-рязанских клеймах. Некоторые курганные группы (напр., Нежаровские хутора) дают более сложную систему развития первоначального клейма. Начало этого развития одинаково с Митяевичами (круг усложняется вписанием в него креста — мотив наиболее распространенный в Восточной Европе), но затем круг с крестом окружается различными добавлениями, не дающими непрерывной линии эволюции.

При комментировании всех этих «отпятнышей» решающее слово должно быть за хронологией, так как без учета последовательности этих клейм вся работа над ними сведется к голому типологизированию.

В разобранном примере митяевского могильника мы имеем следующее. Курган № 17 (простое клеймо в форме кольца) — удлиненный, с мощным кострищем. Курган № 10 (клеймо — круг с перекрестием) — тоже с остатками большого костра и двумя разновременными захоронениями; горшок относится к первому, основному погребению (вводное погребение датируется XI—XII вв.). Курганы № 1 и 8 (с наиболее сложным рисунком клейма) — значительно проще по конструкции, и пережитки трупосожжения там значительно слабее, что позволяет отнести их к более позднему времени, приблизительно ко времени вводного погребения кургана № 10. Хронологическая амплитуда всех четырех курганов —100—150 лет.

Совершенно аналогично располагаются в хронологический ряд и курганы близ Черкасова (Оршанский район). Горшок с простым клеймом найден при погребении со значительными остатками трупосожжений (курган № 2); горшок со сложным клеймом был в свое время поставлен на вершину этого кургана, очевидно, спустя некоторое время после захоронения. И, наконец, наиболее сложное клеймо найдено в кургане без кострища (№ 1). В Заславье — простое клеймо в кургане с кострищем и пятью угольными прослойками в насыпи (курган № 13); клеймо, осложненное вторым кругом (курган № 8), найдено в кургане, где о трупосожжении напоминали только два пепельных пятна.

Отсутствие точной фиксации обряда погребения в отчетах Булычова не позволяет установить относительной хронологии погребения; воспользуюсь косвенными указаниями: простейшие клейма

найдены на горшках с более архаичным профилем (малая отогнутость края), а клейма сложные — на горшках с сильно отогнутым краем и, кроме того, во вводном погребении, что также указывает на известный промежуток времени, лежащий между этими сосудами.

Таким образом, считая окончательное решение вопроса возможным только после ряда дополнительных исследований, я решаюсь в качестве рабочей гипотезы выставить положение о переходе гончарного дела в древнерусской деревне по наследству. Изучение современных знаков собственности, подтвержденное хронологией приводимых мною клейм, позволяет делать такой вывод, а сведения о современном гончарном ремесле этому не противоречат.

Наследственность гончарного дела подтверждается и более поздними данными XIII—XIV вв. (см. во 2-й части). Составленный мною каталог русских гончарных клейм X—XIV вв., включающий несколько сот экземпляров (изученных как по литературе, так и de visu) позволяет сделать еще один вывод, помимо установления наследственности ремесла: несмотря на большое количество клейм одинакового рисунка, ни разу в деревенском керамическом материале не удалось встретить совершенно тождественного клейма. Во-первых, в пределах одной курганной группы (в которой мы можем предполагать кладбище одного поселка) не встречаются клейма одинакового рисунка; это является еще одним аргументом в пользу наследственности, но в еще большей степени это свидетельствует о незначительности продукции каждого отдельного гончара. Во-вторых, если в соседних или территориально близких курганных группах встречаются клейма одинаковых начертаний (напр., крест в круге, ключ и т. п.), то при изучении этих клейм одинакового рисунка неизменно оказывалось, что отпечатки клейма на сырой глине горшка были сделаны разными штампами, на разных кругах. Следовательно, совпадение рисунка клейм не может служить признаком изготовления горшков одним мастером. Кроме того, еще раз подтверждается положение о малочисленности продукции гончаров.[104]

[104] Единственный раз в литературе были опубликованы три тождественные клейма из одной курганной группы; см. Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению реки Угры. — «Записки Московского Археол. ин-та», т. XXXI, М., 1913, рис. 27, 29, 30—курганная группа «Ступенки». Все клейменые горшки были найдены в одной курганной группе и, судя по опубликованным ри-

Ряд других вопросов, связанных с гончарными клеймами, будет рассмотрен в разделе городского гончарного дела.

4. РАЗНЫЕ РЕМЕСЛА

Ознакомившись с кузнечным, литейным и гончарным делом в древнерусской деревне, мы, пожалуй, очертили весь круг тех производств, которые в X—XIII вв. выделились в самостоятельные ремесла с работой на заказ. Далее идет ряд неопределенных трудовых процессов по изготовлению жилища, сельскохозяйственного инвентаря, одежды, обуви, домашней утвари. Некоторые из этих процессов впоследствии выделяются в особые ремесла. Так, по данным XV в. можно говорить о деревенских плотниках, сапожниках, кожевниках, овчинниках, портных, швецах, бочарах и т. п. В городе и в вотчине обособление этих ремесел шло несравненно быстрее и уже в домонгольскую эпоху привело к появлению соответствующих мастеров-специалистов. Но для деревни с ее натуральным хозяйством, с ее универсальным домашним производством трудно предполагать повсеместное выделение всех перечисленных ремесленников. Вплоть до XIX в. почти каждая крестьянская семья своими силами рубила избу, ладила соху, борону, ставила ткацкий стан, дубила овчины, пряла и ткала лен, изготавливала деревянную мебель и утварь. Совокупность наших источников (и письменных и археологических) по этим производствам настолько скудна, что не позволяет решить вопрос о выделении того или иного из них в ремесло. Поэтому в данном разделе речь будет итти не о ремеслах в настоящем смысле этого слова, а о домашнем производстве, интересующем нас с точки зрения техники и необходимом для сравнения с городом.

В основном изложение коснется обработки дерева, обработки кож и меха и ткачества.

сункам, были совершенно тождественны (изображение ключа). Однако изучение самих горшков из раскопок Булычова по коллекциям ГИМ привело к неожиданным результатам — все клейма оказались различны: курган № 17 — клеймо в виде ключа с двумя бородками, курган № 10 — ключ с тремя бородками, курган № 13 — ключ с тремя бородками и перегородкой, курган № 13 (2-е погреб.)—взят предшествующий рисунок с добавлением круга. Издатель для трех клейм употребил одно и то же клише, чем мог ввести в заблуждение при изучении клейм.

Обработка дерева может быть прослежена по незначительным остаткам бревен обычно плохой сохранности. Деревянная утварь в русских городищах и курганах — редкость. Значительно полнее представлены инструменты для обработки дерева. Среди них мы имеем: топор, тесло, ложкарь, струг, долото (?).

Плотничные работы производились топором, являвшимся универсальным орудием, которым русский человек, по замечанию Льва Толстого, мог и дом построить и ложку вырезать. Благодаря развитию кузнечного дела древнерусские топоры обладали большим коэффициентом полезного действия и являлись как лесорубным, так и плотничьим инструментом. В источниках рабочий топор всегда называется «секирой». «Топор» — это название оружия. Пила в деревенском зодчестве не употреблялась. Все курганные «голубцы» и «домовины» (дома мертвых), равно как и остатки жилищ, сделаны или из бревен или из колотых вдоль плах с обрубленными концами. Следов работы пилой нет. Широкое применение в обработке дерева находило тесло, нечто вроде железной мотыги. При помощи тесла можно выравнивать поверхность доски. Следы же тесла — небольшие овальные выбоины, идущие вдоль волокон дерева. Тесло сохранило свое значение вплоть до XVII в., когда ему на смену пришла продольная пила. С названием тесла (от «тесать») связано и наименование столяра — тесль, тесляр.

Работа теслом находила широкое применение в быту. Так, например, для заготовки приднепровскими славянами лодок-однодревок, о которых говорит еще Константин Багрянородный, необходимы были тесла. [105]

Форма ложкарных инструментов была выработана еще в дьяковскую эпоху [106] и без изменения сохранилась до XIX в. Это — длинный железный стержень с копьевидным концом, согнутым по дуге. Та-

[105] В археологическом материале тесло хорошо известно по находкам как в городищах, так и в курганах. Прекрасным образцом столярного тесла является, напр., тесло с закраинами и с остро заточенным лезвием из раскопок в Седневе. (Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины, М., 1917). Непонятно, почему А. И. Некрасов в работе «Русское народное искусство» (М., 1925) писал, что тесло — инструмент, относительно формы которого едва ли когда-нибудь можно будет ответить окончательно. И в археологической и в этнографической литературе тесло известно хорошо, и форма его очень устойчива от древнего тесла X в. до современного железнодорожного, употребляемого при затесывании шпал.

[106] П. Н. Третьяков. Материалы для истории народов Верхнего Поволжья, Л., 1940.

кой инструмент позволял вырезать и выскребать внутренность деревянных сосудов.[107]

Для плотничных работ широко применялись железные гвозди. Гвозди всегда четырехгранные с отогнутым верхом (современные костыли). Гвозди находят почти в каждом погребении с гробом.

Слово плотник первоначально, очевидно, означало «сплавщик леса», «плывущий на плотах» и может говорить об общности функций заготовки леса и постройки из него у древних «древоделей». Предполагать наличие специалистов — плотников в деревне мы не можем. Плотники в древней Руси были, выходили они, очевидно, из деревни, но работали, надо полагать, только для города. По всей вероятности каждый смерд сам строил для себя избу и все нехитрые хозяйственные пристройки. Учитывая сильные пережитки родовых связей, можно думать, что для крупных работ вроде постройки избы, кладки печи и т. п. приглашались родичи-соседи, организовывавшие общественную помощь — «толоку».[108]

Таким же домашним производством была, по всей вероятности, и обработка кожи и меха. Мягкая кожаная обувь типа украинских «постолей» известна по ряду курганов. Встречаются и сапоги и полусапожки с мягкой подошвой и ременные лапти,[109] кожа бывает дубленая, иногда окрашена железным купоросом.[110]

На городищах находят струги для соскабливания мездры со шкуры. Химическая сторона обработки кожи и меха была известна еще со времен неолита. Для решения вопроса о существовании деревенских кожевников и сапожников в нашем распоряжении нет данных.

В таком же спорном и неясном положении находится еще одно производство — бондарное. В курганах древлян, радимичей, дреговичей, кривичей и словен находят деревянные ведра.[111]

Наличие в общеславянской терминологии таких слов, как «бъчька» («бъчьвь», «вчелка»), «дельва», «ведро», «кадь», «оков», «дежа», свидетельствует о распространенности деревянной бондарной посуды.[112] Ведра, точнее ушаты, сделаны из 12—14 прямых клепок. Книзу ушат расширяется: клепки стянуты обручами, обычно железными, но иногда и лозовыми; обручи равномерно распределяются по тулову ушата; к ведру прикреплялись железные ушки и дужка. Изготовление дубовых клепок из хорошо выстроганных досок, точная пригонка скошенных краев, выкружка донных досок, врезка их в пазы клепок — все это требовало как специального инструмента, так и большого навыка.

Возможно, что бондарное дело в некоторых местностях было таким же ремеслом, как гончарное, т. е. дополнительным к земледелию занятием мастера.

Важнейшим разделом деревенского (а отчасти и городского) домашнего производства было изготовление льняных и шерстяных тканей. За счет деревенского производства в значительной мере удовлетворялись потребности и вотчинного хозяйства, куда в большом количестве шли в качестве дани и оброка деревенские столешники и убрусцы.[113]

Сырьем для ткацкого дела в X—XIII вв., как и в позднейшей русской деревне, служили лен, конопля и овечья шерсть. Все эти виды волокнистых веществ были известны в Восточной Европе задолго до Киевской Руси и широко распространены во всех русских землях.

Обработка льна, известная нам по древним обрядовым песням, ничем не отличалась от позднейшей. Лен дергали, мочили, сушили, трепали и готовили из него кудель.

Шерсть (северное—«шерсть», южное — «волна») стригли специальными овечьими ножницами, хорошо известными по многочисленным находкам. Как и современные, они имеют пружину, разводящую ножи врозь.

---

[107] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ.; Н. Е. Бранденбург. Приладожье; Н. П. Булычов. Журнал раскопок.., 1899, т. XXV, рис. 5.

[108] Н. И. Лебедева. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР, Москва, 1929. — «Белорусс — природный великолепный плотник. Все описанные нами постройки возведены самими хозяевами ... при наличии единственного инструмента — топора-секиры...» (Разрядка наша.—*Б. Р.*). Употребление пилы замечается лишь в постройках, возведенных за последние 50 лет, стр. 75—76. — Добавлю от себя, что приводимый Н. И. Лебедевой рисунок белорусской секиры чрезвычайно близок к очертаниям курганных топоров X—XIII вв.

[109] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 103.

[110] П. П. Петров. Исследования над тканями и кожами, добываемыми при раскопках курганов Московской губернии. — ИОЛЕА и Э., М., 1881, т. XXXVII.

[111] Н. Е. Бранденбург. Приладожье, т. IX, рис. 7; В. З. Завитневич. Раскопки в Бобруйском уезде — ЗРАО, 1915, т. X, стр. 33; В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян, стр. 14; Е. Н. Мельник. Раскопки в земле лучан, т. I; А. Н. Лявданскі. Курганны могільнік каля Черкасова. — «Працы...», т. II, стр. 69, табл. VII, рис. 9.

[112] В. Ф. Ржига. Очерки быта, стр. 25—27.

[113] Грамота Ростислава Мстиславича смоленскому епископу 1151 г.

Прядение пряжи происходило на прялках с ручным веретеном. Веретена иногда обнаруживались при раскопках, но ни одно из них не сохранилось в музеях. Для усиления вращения веретена на него надевали маленький кружок-маховичок, утяжелявший веретено, пряслице, делавшееся из глины или камня.

С процессом обработки льна и прядением связано много различных обрядов и поверий. Прядение производилось женщинами; в эпоху родового строя для этих женских работ в поселке был отведен специальный дом. Позднее совместное прядение осталось в форме «бесед» и «посиделок». Покровительницей прядения и ткачества была сумрачная полуславянская, получудская богиня Мокошь, введенная Владимиром Святославичем в свой пантеон языческих богов. Наиболее интересным историко-техническим вопросом в области древнего ткачества является вопрос о конструкции ткацкого станка. Существуют два последовательно сменяющихся типа ткацких станов: вертикальный и горизонтальный.

Л. Нидерле на основе терминологии («стан», «став» — от ставить, стоять торчком) считает, что древнейшей формой славянского ткацкого стана был вертикальный, более примитивный. «Когда появился горизонтальный — мы не знаем».[114]

Современная русская этнография уже нигде не знает вертикального стана за исключением примитивных приспособлений для вспомогательного плетения поясов, тесемок и т. д., сосуществующих с горизонтальным ткацким станом.[115]

В эпоху дьяковских городищ, когда ткани (судя по отпечаткам на глине) были хорошо известны, применялся, по всей вероятности, вертикальный стан с грузилами вместо навоя, оттягивавшими нити основы вниз.

Загадочные «грузики дьякова типа», отверстия которых протерты нитками, естественнее всего считать именно ткацкими грузиками, заменявшими навой позднейших станов.

Некоторые авторы на основании изображений на миниатюрах склонны растягивать время бытования вертикальной системы в Италии вплоть до XIII в.[116] Полагаю, что здесь некоторое заблуждение, основанное на бесперспективном (египетском) фронтальном способе

[114] L. Niederle. Op. cit., p. 339.

[115] П. Воронов. Ткачество Вологодской губернии. — «Труды Вольного эконом. общ.», 1861, т. II.

[116] Е. Ч. Скржинская. Техника эпохи западноевропейского средневековья, М. — Л., 1936, стр. 309.

изображения горизонтального стана. Для выяснения системы древнерусского ткацкого стана X—XIII вв. в нашем распоряжении есть две группы материалов: во-первых, общеславянская терминология, а, во-вторых, — остатки подлинных тканей.

Приведу сравнительную таблицу терминов по Нидерле:[117]

Русский	Чешский	Польский	Болгарский	Сербский
стан	stav	—	станъ	стан
кросна	krosna	krosna	кросно	кросна
бердо	brdo	bardo	бърдо	брдо
навой	navijak	wiadło	—	навијало
вратило	vratidlo	worotyło	—	вратило
основа	osnova	osnowa	основа	основа
утóк	útek	utok	втъкъ	уткати

В приведенной таблице особенно важно обратить внимание на название таких частей ткацкого стана, которые возможны только при более совершенной горизонтальной системе, таковы — «навой» и особенно «бердо». Наличие термина «бердо» во всех трех славянских группах может свидетельствовать о значительной древности изобретения горизонтального ткацкого стана.

Обрывки древних тканей, находимые в курганах, до сих пор еще полностью не изучены.[118] В большинстве случаев уцелели от разрушения парчевые воротники и тесьма, для деревенского ремесла не характерные. Сохранившиеся фрагменты дают разнообразное строение ткани. Наряду с простой холстиной и домотканным сукном, встречается тканье «в елочку» и узорное тканье в несколько «витов», напоминающее современное тканье деревенских скатертей.

[117] L. Niederle. Op. cit., стр. 336.

[118] П. П. Петров. Исследования над тканями и кожами, добываемыми при раскопках курганов Московской губернии. — ИОЛЕА и Э., М., 1881 т. XXXVII; В. К. Клейн. Опыты лабораторного исследования древних тканей. — Сб. I. Моск. Секции ГАИМК, М., 1928; Л. И. Якунина. О трех курганных тканях. — «Труды ГИМ», М., 1940, вып. XI (статья посвящена преимущественно орнаментике); Ф. Морозов. Антиминс 1149 (6657) г. — ЗОРСА, П., 1915, вып. XI; ОАК за 1905 г. Ткань из радимичских курганов; Н. Н. Савін. Дорогобужские курганы.—«Працы...», Менск, 1930, т. II, табл. IV, рис. 20—26; Н. И. Булычов. Журнал раскопок..., табл. XXX, рис. 8; табл. XXXII, рис. 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21.

Особенно интересна узорчатая шерстяная материя, вытканная из цветных нитей (из кургана близ Ярцева на Смоленщине).[119]

Производство таких тканей возможно только на ткацком стане горизонтального типа, аналогичном станам русской деревни XIX в.[120] Из археологических находок, возможно связанных с ткачеством, нужно упомянуть большой и узкий костяной гребень о пяти зубцах на каждой стороне,[121] а также загадочные костяные кольца с несколькими треугольными отверстиями. Можно допустить, что эти кольца служили для ссучивания нитей. В этнографических материалах аналогии им нет.

Несмотря на сравнительно высокий уровень развития ткацкого дела в деревне (цветные узорные ткани, вышивки), у нас нет данных предполагать превращения его в ремесло.

Итак, для большинства древнерусских деревень мы можем наметить следующий список ремесленников: домники (?), кузнецы, литейщики-ювелиры, гончары, бондари (?), сапожники-кожевники (?).

Кроме того, в отдельных районах существовали особые кустарные промыслы, связанные с широким рынком, которые выходят за пределы обычного деревенского ремесла. На первое место среди таких кустарей нужно поставить овручских камнерезов, изделия которых продавались во всей Восточной и Центральной Европе.

Овручские камнерезы (производство шиферных пряслиц)

На каждом русском городище и во многих курганах XI—XIII вв. встречаются небольшие, изящно выточенные пряслица из красного шифера. На огромной территории от Одера и Варты до Средней Волги, от Ладоги до Роси и Ворсклы шиферные пряслица — обычная и частая находка. Предназначенные для прядения пряжи веретеном, эти маленькие каменные кружки, сопутствовавшие русской женщине на беседах и посиделках, любовно упрятывались в минуту опасности вместе с драгоценным узорочьем из золота и эмали.[122] И ни один из известных нам древнерусских бытовых предметов не

[119] Коллекция ГИМ. Раскопки В. И. Сизова.

[120] См., напр., D. Zelenin. Ostslavische Volkskunde, Berlin, 1927, стр. 164, рис. 110 — ткацкий станок дан в разрезе.

[121] А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 382.

[122] Н. П. Кондаков. Русские клады.., т. I, СПб., 1896. Киевский клад 1885 г.; Черниговский клад 1887 г.

удостаивался такого внимания от своих владелиц, как эти розовые пряслица, которые они старательно метили своими знаками или надписывали своими именами.

Научное значение шиферных пряслиц (помимо эпиграфического интереса надписей на них) заключается в редкой для русского ремесла возможности точного установления ограниченного района производства и широкого района сбыта.

Древнейшие веретенные пряслица изготовлены из глины. Форма их различна: иногда она приближается к шару; довольно часто встречается усеченно-коническая форма. Постепенно вырабатывалась наиболее рациональная форма — два усеченных конуса, соединенных основаниями. Упрощенным вариантом этой формы является бочковидная. Глиняные пряслица часто орнаментировались точеным узором.

Пряслица из красного шифера повторяют наиболее позднюю форму глиняных — биконическую, но встречается много различных вариантов этой основной формы. Одни из них более плоски и широки, другие — выше, но уже. Внешний диаметр шиферных пряслиц колеблется от 10 до 25 мм, а диаметр отверстия для веретена — от 6 до 10 мм. Если отверстие для веретена оказывалось слишком просторно и пряслице скользило, то его обматывали ниткой, и в таком случае на мягком камне оставались бороздки, протертые нитью. Высота бывает также различна: от 4 до 12 мм. Средний вес пряслиц — 16 гр. Бока пряслиц бывают округлые (при бочковидной форме) и остроребериые. В последнем случае иногда можно заметить следы выкружки резцом.

Розовый и красный шифер, из которого изготавливались пряслица, относится к напластованиям девонского периода и во всей Восточной Европе встречен только на Волыни. Геолога Г. О. Оссовского заинтересовал вопрос о происхождении шиферных плит в конструкции древних киевских зданий. Изучая геологию Волыни,[123] он точно определил район выхода красного шифера.[124] Пласты девонской формации (шифер и кварцит) перерезают б. Овручский уезд с запада на восток и кончаются в 15 км от города Овруча близ с. Каменка. Месторождения шифера прорезываются реками Убортью,

[123] Г. О. Оссовский. Геолого-геогностический очерк Волынской губернии, Киев, 1876.

[124] Г. С. Оссовский. Откуда привозился красный шифер, встречаемый как в древних храмах, так и в других памятниках Киева. — «Труды III Археол. съезда», М., 1878, т. I.

Ужем и Жеревом. В оврагах по берегам этих рек вешними водами вымывает глыбы шифера. Отдельные глыбы встречаются близ Радомысля.

Таким образом, залегания красного шифера ограничены очень небольшим районом ближайших окрестностей волынского города Овруча на Уборти. Это дает нам в руки важнейшее свидетельство местного, овручского производства шиферных пряслиц, широко известных во всей Восточной Европе.

Овруч, летописный «Въручий», упоминается уже в 977 г. С Киевом он был связан водным путем. Этим путем и попадали шиферные плиты в Киев и в другие города для целей строительства.

В качестве строительного материала красный (розовый) шифер применялся в самом Овруче, в Киеве (Софийский собор, церковь Ирины, Золотые Ворота), в Вышгороде и в Чернигове (Спасо-Преображенский собор). Большие шиферные плиты употреблялись в качестве пят под кирпичными арками, для вымостки пола (Чернигов) и для оформления хоровой галлереи. Из шифера делали саркофаги. Благодаря слоистости и мягкости этот материал был особенно пригоден для изготовления барельефов.[125] В Киеве шифер применялся почти исключительно для архитектурных целей. Иногда для ювелирного производства изготавливались шиферные литейные формы. Но ни одной мастерской по изготовлению пряслиц в Киеве не найдено. Ни разу при раскопках в разных местах Киева (в том числе и в ремесленных районах) не были встречены характерные остатки шиферных плиток с высверленными из них пряслицами, которые могли бы говорить о местном производстве шиферных пряслиц. Следовательно, несмотря на наличие в Киеве привозного шифера, киевские ремесленники производством пряслиц не занимались. Розыски же в окрестностях Овруча дали богатый материал по местному производству пряслиц. В. Б. Антоновичем, обследовавшим землю древлян в археологическом отношении, были обнаружены четыре пункта выделки шиферных пряслиц.[126] Все они расположены вдоль течения Уборти по обе стороны от Овруча. Камнерезные мастер-

[125] Помимо орнаментированных плит Софийского собора известны еще две группы парных плит с изображениями из Дмитровского монастыря и лаврской типографии. — М. Макаренко. Скульптура и різбарство Киевської Руси перед монгольских часів. — «Київський збірник історії й археології, побуту та мистецтва», зб. I, Київ, 1930. — Рельефы датируются XI в.

[126] Р. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. — МАР, СПб. 1893, № 11, стр. 20.

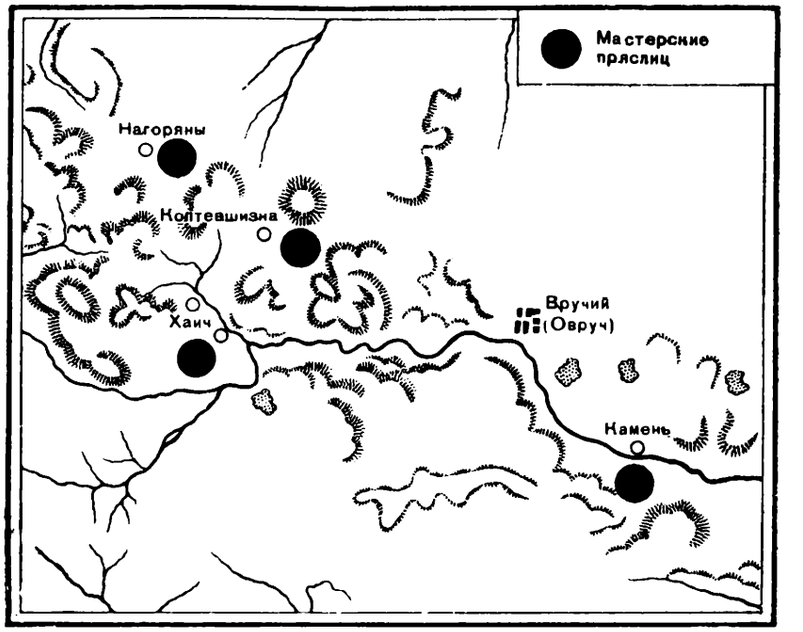


Рис. 36. Места изготовления пряслиц из розового шифера

ские обнаружены Антоновичем в следующих пунктах: Нагоряны, Коптевщизна, Хайч, Камень. К этому списку можно добавить с. Збранку (или Здранку ?),[127] откуда происходит целый ряд заготовок и отбросов прясличного производства. Обильные выходы шифера близ Збранки (Норинская каменоломня) были описаны еще Оссовским,[128] но мастерская пряслиц ему не попалась.

Помимо этих точно определенных мастерских, в коллекциях ГИМ имеются материалы из различных мастерских с суммарным музейным паспортом: «из Волынской губернии». Овручские мастерские тянутся, примерно, на 20 км, располагаясь у оврагов, богатых выходами розового шифера (об этом говорят даже названия селений — Нагоряны, Камень, рис. 36). Обильный материал мастерских позволяет полностью восстановить весь процесс производства шиферных пряслиц (рис. 37). Он распадался на следующие стадии:

[127] Коллекция Гос. Эрмитажа.

[128] Г. О. Оссовский. Геолого-геогностический очерк.., ук. изд.

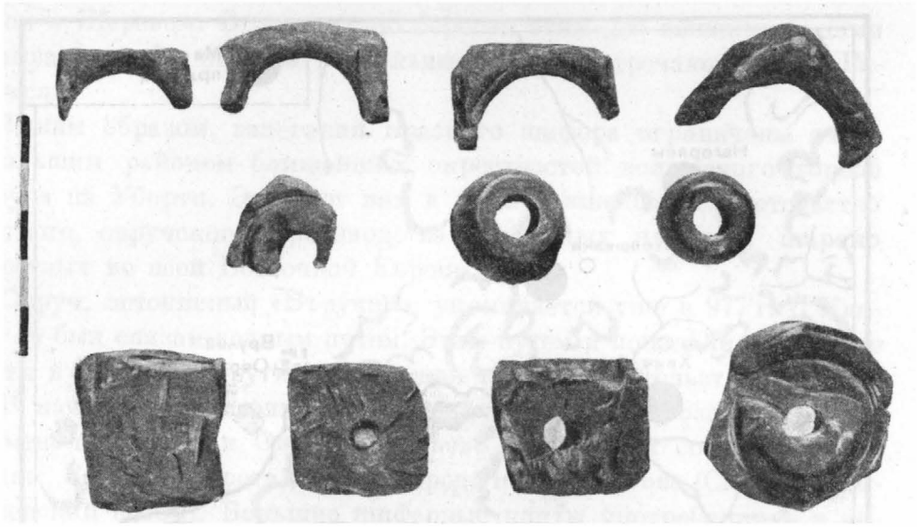


Рис. 37. Стадии изготовления шиферных пряслиц

1. Шифер распиливался на небольшие плоские плитки, равные по толщине будущему пряслицу. Форма плиток квадратная, с довольно ровными сторонами.

2. Шиферная плитка (очевидно, зажатая в какие-нибудь тиски) просверливалась в середине сплошным, нетрубочным сверлом с округлым рабочим концом.

3. Лишь после того, как центральное отверстие для веретена было высверлено, начиналось выкружение самого корпуса пряслица из плитки.

Последовательность сверления вполне понятна: веретенный канал просверливался вначале для того, чтобы в дальнейшем можно было точно центрировать сверление корпуса, которое велось сначала только с одной стороны до половины толщины плитки.

Сверление велось на конус. Техника сверления предполагает наличие некоторого подобия токарного станка. Возможно, что при этом вращалась зажатая шиферная плитка, а резец, выкружающий пряслице, мог быть неподвижным. Подобные токарные станки с вертикальной осью вращения и лучковым приводом применялись в XIII в. в Западной Европе для обработки кости. Они известны по испанскому руководству шахматной игры, где изображены различные стадии изготовления костяных шахматных фигур. [129]

[129] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Шатранг. Книга о шахматах, Л., 1936.

Предполагать вращающийся резец нельзя, так как при этом не могло получаться коническое сверление. Для образования конуса вращаться должна была обрабатываемая вещь, а это и приводит к предположению о наличии токарного станка.

4. Дойдя до половины толщины плитки, начинали сверлить с обратной стороны.

5. Высверленный кружок шлифовали, очевидно, на циркульном точиле типа кузнечного. При шлифовке острая грань нередко стачивалась совершенно. Возможно, что к такому обтачиванию прибегали тогда, когда в процессе сверления получались неравно зазубренные края, что могло произойти при неправильной установке резца во время вторичного сверления с обратной стороны. При несовпадении двух окружностей сверления пряслица приходилось выламывать из плитки, а неровности заглаживать шлифовкой на точиле.

Таким образом, остроребериые и бочковидные пряслица при всем внешнем различии не являются разными типами, а свидетельствуют только о различном качестве работы мастера-камнереза. После шлифовки пряслице было готово.

Овручские мастерские ставят нас перед интереснейшим явлением древнерусского ремесла: несколько деревень одного района, вполне обеспеченного производственным сырьем, заняты изготовлением однотипных предметов.

Производство до известной степени механизировано и предполагает наличие таких инструментов, как: пила, тиски или зажимы, сверло, резец, токарный станок, лучковый привод.

Совершенно естественно, что организованное таким образом производство было рассчитано на очень широкий рынок. Только при таком условии и мог развиться камнерезный промысел, охвативший ряд поселков Овручского княжества.

Забегая несколько вперед (так как подробнее об этом буду говорить ниже в главе о сбыте ремесленных изделий), отмечу, что овручские пряслица действительно имели широкий рынок сбыта. Они вывозились не только во все русские княжества, но и в Польшу и в Волжскую Болгарию, причем этот вывоз носил неслучайный характер.

Другими словами, производство шиферных пряслиц можно считать древнерусским кустарным промыслом, связанным с широким рынком. Ввиду исключительности положения овручского камнерезного промысла среди остальных деревенских ремесел, особое значение приобретает вопрос о времени его возникновения.

Для датировки появления шиферных пряслиц на смену глиняным мы располагаем как курганными комплексами, датированными монетами, так и эпиграфическими данными. Глиняные пряслица встречаются в русских курганах вместе с лепной керамикой и вещами не позднее VIII—X вв.[130]

Особенно важна для датировки находка в Черной Могиле. В женском погребении там найдено глиняное пряслице. Черную Могилу можно датировать эпохой Святослава или более расширенно — второй половиной X в.; с монетами XI в. глиняные пряслица не обнаружены ни разу. В одном из больших гнездовских курганов при богатом женском погребении найдены два пряслица — одно из серого, а другое из розового шифера.[131] Обряд погребения — сожжение. Датирующим предметом является черепаховая фибула X—XI вв.[132]

Керамика этого кургана представлена тремя горшками; из них один с клеймом, а другой — четкого профиля с очень ровным и аккуратным линейно-волнистым орнаментом.[133] Датировать их можно тоже X—XI вв. Таким образом, дата погребения падает на рубеж X—XI вв. Интересно, что в этом кургане найдены пряслица из двух различных пород шифера. Это как бы указывает на переходную эпоху; серый шифер распространен значительно шире и поэтому мог раньше выступить как замена глины.

Возможно, что первоначально красный шифер употреблялся безразлично наравне с другими сортами камня. Гнездовский курган № 65 относится к такому времени, когда от глины переходили к камню вообще, но разработка именно красного шифера еще не получила монопольного значения. Позднее, в XI в., серый шифер не встречается совершенно.

Несколько более точную раннюю дату шиферных пряслиц дает курган № 220 у Павлова Погоста близ Гдова.[134]

Наряду с различными вещами, в женском погребении имеется

[130] См., напр., глиняные пряслица из курганов с трупосожжениями в Рудне близ Полоцка. — А. М. Л я ў д а н с к і. Археалогічны досьледы у Полацкай окрузе — «Працы...», Менск, 1930, т. II, табл. VI, рис. 8 и 9.

[131] А. А. С п и ц ы н. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— ИАК, 1905, вып. 15, стр. 44—45, рис. 28.

[132] В. И. С и з о в. Курганы Смоленской губ., т. I, рис. 2.

[133] ИАК, 1905, вып. 15, рис. 138 и 139.

[134] А. А. С п и ц ы н. Гдовские курганы, стр. 90—91.

пряслице розового шифера и 9 монет, из которых четыре поддаются определению:

Иоанна Цимисхия	969— 976 (Византия)
Этельреда II	979—1012 (Англия)
Диргем-Бег-ед-Дауле . .	998—1012 (Халифат)
Еп. Пилигрима	1022—1036 (Германия, Андернах)

Наличие монет, совершенно различных по своему происхождению, но более или менее одновременных, может свидетельствовать о том, что время погребения недалеко отстоит от времени попадания этих монет на Русь. В таком случае дата кургана может быть близка к 20-м или 30-м годам XI в. Шиферное пряслице с монетой второй четверти XI в. найдено в кургане у с. Воздвиженье близ устья Мологи.[135]

Монета фризская Бруно III (1038—1057), без ушка для подвешивания, найдена в калите с ножом и костяным гребнем; эти признаки могут свидетельствовать в пользу сравнительно недолгого ее хождения. Вещи из курганов в Павловом погосте и Воздвиженье являются типичными для русских курганов этого времени и нередко попадаются в сочетании с пряслицами (но без монет).

Итак, датированные курганы дают нам следующее: в эпоху Святослава даже в княжеской среде бытуют еще глиняные пряслица. Примерно, в эпоху Владимира появляются каменные из серого и красного шифера.[136] В княжение Ярослава пряслица из красного шифера становятся массовыми, проникая и на Верхнюю Волгу и на берега Чудского озера.

Думаю, что возникновение овручского камнерезного промысла в начале XI в. нужно связывать с широким строительством, развернувшимся в это время в Киеве и в Чернигове при Ярославе и Мстиславе Владимировичах: закладывалось и строилось много церквей, создавались мощные укрепления. Во всех этих постройках начала и первой половины XI столетия широко применяется красный овручский шифер, для чего вокруг Овруча должны были начаться разработки камня, которые в конце концов и привели к созданию здесь на месте камнерезного промысла.

Промысел продолжал существовать два столетия, так как пряс-

[135] «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М. — Л., 1941. М. Воздвиженье, курган № 2.

[136] Впоследствии серый шифер широко применялся для изготовления точильных брусков-мусатов.

лица из шифера встречены в курганах всего домонгольского периода и на городищах в разных слоях XI — начала XIII в. Шиферные пряслица найдены во всех домах Старой Рязани, разоренной Батыем, и в Райковецком городище, погибшем в середине XIII в. [137]

В послемонгольскую эпоху выделка шиферных пряслиц и торговля ими совершенно прекратились, и русские женщины снова вернулись к глиняным пряслицам.

Во время татарского нашествия пряслица нередко заботливо включались в состав лучшего личного имущества и зарывались в землю наряду с колтами, ожерельями и браслетами. Вообще заботливое и бережное отношение к шиферному пряслицу явствует из тех меток и надписей, которые покрывают эти маленькие красноватые кольца.

Уже на глиняных пряслицах дьяковской эпохи встречаются точечные узоры, черты и нарезки, может быть, тамгообразного характера. На шиферных пряслицах часто встречаются различные метки в виде креста, решетки, круга с крестом, змеи и т. д. (рис. 38). Такие простые значки, полностью повторяющие начертания гончарных клейм, встречены преимущественно в деревне. Они, по всей вероятности, являлись знаками собственности. Иногда встречаются отдельные буквы (напр. *П*, *а*). [138] На одном шиферном пряслице из Липлявы (на левом берегу Днепра, против устья Роси) написаны две буквы: *у Н* — на верхней плоскости и одна буква — *И* — на боковой. Боковая поверхность покрыта своеобразным орнаментом из заштрихованных прямоугольников. [139]

Особую группу составляют пряслица с изображениями. Н. Е. Макаренко на Полтавщине найдено пряслице, на боковой грани которого изображены три быка (или два быка и козел?). [140] На пряслице из Старой Рязани оказалось миниатюрное изображение лошади, ласкающей жеребенка, и рядом какая-то непонятная вязь из пере-

[137] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища (По материалам археол. раскопок в Старой Рязани). — «Исторические записки», 1941, вып. 12, стр. 84: «Нет ни одного жилища, где бы не было найдено пряслиц».

[138] Старая Рязань. Коллекции ГИМ.

[139] С. Липлява близ Золотоноши. Сборы Лисака. Коллекции Гос. Эрмитажа.

[140] Часть этого своеобразного фриза опубликована Н. Е. Макаренко. Археологические исследования. — ИАК, 1907, вып. 22. Полный рисунок дан мною по материалам Эрмитажа.

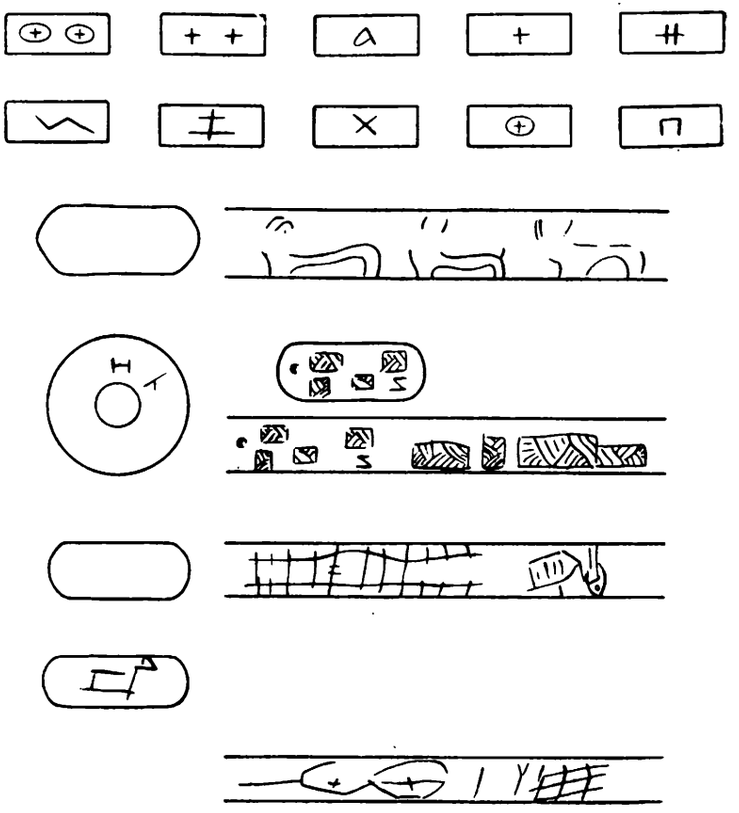


Рис. 38. Знаки и рисунки на пряслицах

плетающихся линий. [141] В Вышгороде в 1935 г. найдено пряслице с какими-то неясными изображениями лошадей (?). Но бесспорно самую интересную группу меченых пряслиц составляют пряслица с надписями. Эту серию открывает шиферное пряслице из клада золотых и серебряных вещей, найденных в 1885 г. в Киеве близ Десятинной церкви в усадьбе Есикорского (рис. 39). [142] Надпись была начата на одной из плоскостей пряслица, но так как она не

[141] Коллекции ГИМ.

[142] Н. П. Кондаков. Русские клады..., стр. 127; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности..., вып. V, стр. 120.

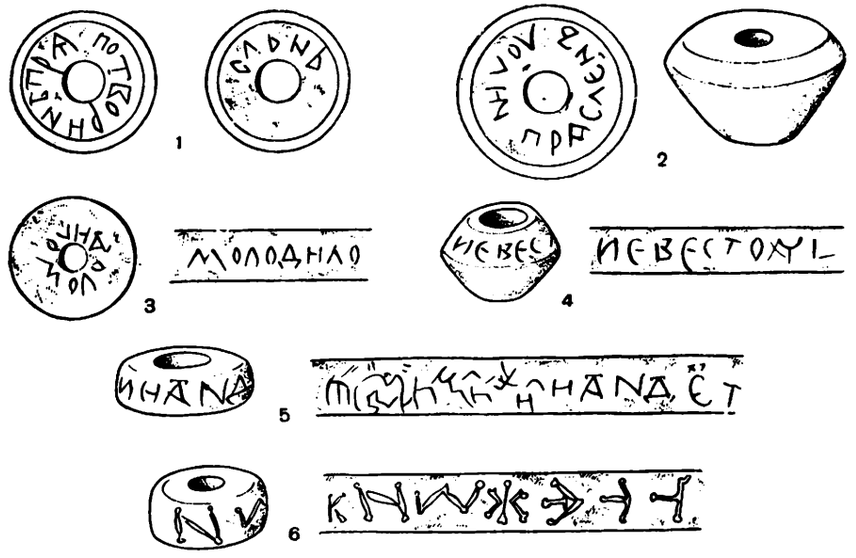


Рис. 39. Надписи на пряслицах

уместилась, ее пришлось перенести на противоположную плоскость. Кондаков читал надпись: ТВОРИ НѢ ПРЯМО [А ПО] СЛЬНЬ,[143] и толковал ее так, что владелице пряслица давался совет крутить веретено не «посолонь», а как-то иначе. Такое чтение возбуждает целый ряд недоумений. Во-первых, — как понимать выражение «не прямо»? Ведь веретено при прядении должно находиться именно прямо. Удивляет и ѣ в отрицании *нѣ* и недописанное начало слова «посолонь» при наличии свободного места на той плоскости, где оно помещено. Кроме того, слово «посолонь» никогда не писалось через *ерь*. Осмотр пряслица в особой кладовой Эрмитажа убедил меня в том, что Кондаков неправильно читал букву *М*. Вместо нее нужно читать *П*. Тогда вся фраза в интерпретации Кондакова окончательно теряет смысл.

По аналогии с преславской находкой (см. ниже) предлагаю следующее чтение: ПОТВОРИН ПРЯСЛЬНЬ, т. е. п р я с л е н ь (пряслице), п р и н а д л е ж а щ и й П о т в о р е. При этом чтение начинается там, где есть интервал между буквами, а не с середины строки, все буквы читаются и не нужно добавлять якобы ненаписанные. Но самое главное, что при таком чтении надпись получает вполне определенный смысл, отвечающий сущности надписанного предмета: здесь налицо женское имя в притяжательной форме и название вещи — пряслень.[144]

[143] Славянские тексты здесь и в последующем даны в упрощенной транскрипции (без юсов, иотированных гласных и пр.).

Название пряслица в большинстве славянских языков ближе к той форме, которая в XII в. была нацарапана на шиферном кружке, чем к современному археологическому термину:

чешский — přeslen
лужицкий — přaslen
болгарский — прешлен
сербский — пршлен[145]

В русском языке существуют названия — «пряслень», «пряслешок»,[146] а слово «пряслице» обозначает прялку. Утвердившийся в археологической литературе термин лучше было бы сменить на древнерусский. Славянское имя Потвора неизвестно нам по другим источникам,[147] но вообще именослов древнерусских женских имен настолько беден (всего 11 имен), что важно пополнение его хотя бы одним новым именем.

К киевской надписи очень близка надпись на глиняном пряслице из Преслава в Болгарии: ЛОЛИН ПРЯСЛЕН. Пряслице конической формы; надпись круговая, нанесенная по сырой глине до обжига (рис. 33б).[148]

По стратиграфическим соображениям пряслице датируется серединой X в. Эпиграфически надпись увязывается с древнейшими памятниками болгарского письма (надпись Самуила, хиландрские листки, ханские надписи).

Лола — народное болгарское женское имя. Следовательно, со-

[144] Б. А. Р ы б а к о в. К библиографии русских надписей.— «Исторические записки», 1938, вып. 4.—В тексте стоит ошибочно «Мотворин» вместо «Потворин».

[145] L. N i e d e r l e. Slovanské Starožitnosti, т. III, вып. 1, стр. 336.

[146] D. Z e l e n i n. Ostslavische Volkskunde, Berlin, 1927, стр. 157.

[147] Н. М. Т у п и к о в ъ. Словарь древнерусских личных собственных имен. — ЗОРСА, СПб., 1903, т. VI.

[148] К. М и я т е в ъ. Эпиграфические материалы из Преслава. — «Byzantinoslavica», т. III, вып. 2, Прага, 1931; см. также М. Н. С п е р а н с к и й. Из славянской эпиграфики. — ДАН, 1930, стр. 56, рис. 3. — Прорись надписи у Сперанского не точна.

впадение с киевской надписью полное: притяжательная форма языческого женского имени и название пряслень.[149]

В Старой Рязани В. А. Городцовым найдено пряслице из розового шифера с круговой надписью: МОЛОДИЛО. По всей вероятности, это — имя и, судя по окончанию, — мужское (рис. 33в).[150]

В Новгороде Великом, на Рюриковом городище, найдено пряслице, фотография которого издана Порфиридовым;[151] он приводит и транскрипцию надписи церковно-славянским типографским шрифтом: МАРТЫНЪ. Отсутствие развернутой прописи и неясность фотографии лишают нас возможности проверить это чтение, хотя оно и вызывает некоторые сомнения. Во-первых, при транскрибировании надписи выпал ъ после *Р* (ясно различимый на фото), во-вторых, мало вероятна такая форма личного местоимения, как *Я*. Может быть, и здесь чтение нужно начинать с имени и учесть притяжательную форму.

Два подписанных шиферных пряслица найдены в Вышгороде под Киевом: одно при моих раскопках 1935 г., а другое — в 1937 г.

Пряслице 1935 г. маленькое, остроребероное, очень изящное (рис. 33г). Надпись вырезана мелко: НЕВЕСТОЧ. В этом слове естественнее всего видеть прилагательное от слова «невеста»— невесточь, невестин пряслень. Если это так, то писавший надпись сделал три ошибки:

1) первая буква написана в обратную сторону;

2) четвертым знаком должно быть ѣ, а не *е*;

3) последний знак не дописан; должно быть ь.

В исправленном виде надпись выглядела бы так: НЕВѢСТОЧЬ.

Указанные ошибки характерны для писца-непрофессионала; очевидно, пряслице было надписано грамотным, но не слишком опытным в письме человеком. По содержанию надпись любопытна. Можно

[149] К. Миятевъ сопоставляет обе находки и на основании точной даты преславской находки датирует киевский пряслень также X в. Такая датировка лишена оснований. Во-первых, против этой даты говорит материал (красный шифер). Современный преславскому пряслен из Черной Могилы еще глиняный и отодвигать дату появления шиферных к середине X в. мы не имеем права. Эпиграфические данные указывают скорее на XII в. Клад Потворы датирован монетами конца XII в. Едва ли был большой хронологический разрыв между датой этой монеты и пряслеия.

[150] Коллекции ГИМ.

[151] Н. Г. Порфиридов. Надписное пряслице из Рюрикова Городища. Новгородский гос. музей. — «Материалы и исследования», Новгород, 1930, вып. I, стр. 30.

думать, что маленькое пряслице было преподнесено в качестве подарка девушке-невесте.

Второе вышгородское пряслице не поддается расшифровке. Часть боковой поверхности занимает сложное нагромождение неясных (иногда буквоподобных) знаков. Вторую половину занимают буквы, выходящие из сложной вязи и постепенно превращающиеся в надпись. Начальные и конечные знаки надписи недостоверны (рис. 33д). С известной натяжкой можно предположить такое чтение первых семи знаков: ИУЛИАНА, но настаивать на нем невозможно.

Столь же неясная надпись есть еще на одном пряслице из Старой Рязани. Н. Г. Порфиридов привел его в своем списке с расшифровкой: «КНЯЖО ЕСТЬ».[152]

Полученная мною из Рязанского областного музея фотография и прорись надписи убеждают в ошибочности такого чтения (рис. 33е).

При раскопках польских археологов Иодковского и Дурчевского в Гродне в слоях XII—XIII вв. найдено пряслице из розового шифера с надписью: ГИ ПОМОЗИ РАБЕ СВОЕЙ И ДАИ ... Далее надпись не разобрана. Своим благочестивым тоном и безымянностью это пряслице выпадает из общего ряда.[153]

Все пряслица с надписями происходят из крупных древнерусских городов, как Киев, Новгород, Рязань, Вышгород, Городно. По сравнению с деревенскими, мы ясно ощущаем различие в способах пометы: крестьянки метили свои пряслица знаками, тамгами, изредка рисунками, а горожанки — рисунками, инициалами и надписыванием имен.

Стремление древнерусской женщины точно обозначить принадлежность шиферного пряслица именно ей не может быть объяснено редкостью или дороговизной их, так как надписи появились еще на глиняных экземплярах. Разгадку такого стремления следует, вероятно, искать в условиях, в которых производилось прядение. Шумные посиделки, «беседы утолочены», с их песнями, сказками, «бесовскими игрищами и плясаниями», против которых так ополчились христианские проповедники, — вот та среда, в которой пряслась пряжа и в деревнях и в городах. Корни таких «бесед»-посиделок восходят к далекой языческой эпохе, когда все женщины родового поселка имели свой общий дом, где и производилось всякое

[152] Н. Г. Порфиридов. Ук. соч.

[153] Сведения об этой надписи получены мною от К. М. Поликарповича, которому приношу свою благодарность.

женское рукоделие, прерываемое играми и плясками. Вот для того-то, чтобы на этих беседах не перепутать своих веретен, на пряслицах и ставились меты или имена.

Камнерезный промысел овручских древлян оказался несколько неожиданным. Исходя из других деревенских ремесел было трудно предполагать наличие промысла, связанного с широким рынком, но поскольку фактический материал неоспоримо свидетельствует о таком именно типе промысла, то мы получаем основание для пересмотра некоторых других видов производства.

Из них в первую очередь нужно сказать о выделке жерновов и бус. Вполне возможно, что производство каменных жерновов, связанное с обработкой значительных и тяжелых масс камня, производилось мастерами-жерносеками близ «жерновищ», т. е. специальных каменоломен. Если это так, то естественно предполагать и здесь промысел, аналогичный прясличному, бытовавшему в деревнях близ залежей сырья. [154]

---

[154] Подробнее о выделке жерновов и бус см. в главе «Обработка камня».

Глава третья

ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО IX—XIII вв.

История изучения русских городов и, в частности, городского ремесла не может считаться разработанной областью нашей исторической науки.

Долгое время основное внимание историков было обращено на историко-географическое определение списка городов, упоминаемых летописью. Если не считать попыток Ходаковского, то первой работой, посвященной истории древнерусских городов, нужно считать книгу Д. Я. Самоквасова, построенную на обобщении исторического и археологического материала.[1]

Находившиеся в распоряжении Самоквасова археологические данные были крайне скудны и относились преимущественно к внешнему виду древних городищ; поэтому верная идея синтеза разнородных источников не дала особых результатов в работе Самоквасова. Данные письменных источников о городском ремесле были почти исчерпывающе собраны Н. Аристовым. Новым материалом могли быть только археологические находки. Первоначально внимание было обращено на княжеские клады XIII в., обнаруженные в городах при случайных земляных работах.[2] Лишь в конце XIX — начале XX в. были начаты раскопки древнерусских городов, сразу обогатившие науку огромным количеством материалов по ремеслу.

Большое значение имели раскопки городских некрополей Чернигова, Смоленска, Киева и других городов, дополнявшие данные раскопок жилых кварталов.

---

[1] Д. Я. Самоквасов. Древние города России, СПб., 1873.

[2] Подробнее о кладах см. в разделе «Обработка меди, серебра и золота».

Из общего числа древнерусских городов только небольшая часть подвергалась планомерным раскопкам. По отношению же ко всей территории города, площадь раскопок бывает обычно настолько ничтожна, что не позволяет получить общую картину планировки, размещения разных категорий населения, постепенный рост города и т. д. Ни один из наших городов не стал еще русскими Помпеями. Более или менее значительная площадь вскрыта в таких городах:

Киев — раскопки производили В. В. Хвойко, И. Хойновский, Д. В. Милеев, В. Е. Козловская, Ф. Н. Молчановский, М. К. Каргер, И. В. Бондарь, Л. А. Голубева.[3]

Белгород — В. В. Хвойко, Н. Д. Полонская.[4]

Вышгород — Ф. Н. Молчановский и Б. А. Рыбаков.[5]

Райковецкое городище — Ф. Н. Молчановский.

Девичь-Гора — В. Гезе (Отчет не опубликован).

Княжья Гора — Н. Ф. Беляшевский, В. Тарновский.[6]

Донец — В. А. Городцов, А. Федоровский.

Новгород Великий — А. В. Арциховский, А. А. Строков, В. Богусевич, Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер, Г. П. Гроздилов.[7]

Псков — Чернягин.[8]

Старая Ладога — Н. Е. Бранденбург, Н. И. Репников, В. И. Равдоникас.[9]

Торопец — Н. П. Милонов (Отчет не опубликован).

Владимир-на-Клязьме — Н. Н. Воронин.

Боголюбов — Н. Н. Воронин.[10]

[3] И. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, Киев, 1898; В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена; ОАК за 1908—1911 гг.; М. К. Каргер. Раскопки древнего Киева. — «Наука и жизнь», 1940, № 2.

[4] В. В. Хвойко. Ук. соч.

[5] Отчет о раскопках не опубликован. Из более ранней литературы см: В. Г. Лясковронский. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время, СПб., 1913.

[6] АЛЮР, 1901.

[7] А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне.— «Сов. археол.», 1938, № 3; «Новгородский исторический сборник», 1939, № 6; 1940, № 7.

[8] «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», Л., 1941.

[9] Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога, СПб., 1896. — Отчет Равдоникаса не опубликован.

[10] Н. Н. Воронин. О дворце Андрея в Боголюбове.—КС ИИМК, 1939, вып. II.

Суздаль — А. Ф. Дубынин.[11]

Старая Рязань — А. Черепнин, В. А. Городцов.[12]

Пронск — Н. П. Милонов.[13]

Дмитров — Н. П. Милонов.[14]

Вщиж — И. Евсеев, Б. А. Рыбаков.[15]

Белая Вежа-Саркел — В. И. Сизов, М. И. Артамонов.[16]

Смоленск— Е. Клетнова, А. Н. Ляўданский.

Галич — Я. И. Пастернак.[17]

Большая часть материалов на этих раскопках не опубликована. Кроме того, произведены незначительные, преимущественно рекогносцировочные раскопки в следующих городах: Чернигов, Переяславль, Сахновское городище, Гочевское городище, Сарское городище, Коломна, Тверь, Ярославль, Гродно, Изборск, Остерский Городец, Изяславль, Буров, Тмутаракань, Мценск и др.

Во всех этих раскопках городов характерно то, что почти каждый городской дом является жилищем (или одновременно и мастерской) ремесленника.

1. КУЗНЕЧНО-СЛЕСАРНОЕ И ОРУЖЕЙНОЕ ДЕЛО

Городские кузнецы уже в самый ранний период существования молодого Киевского государства обнаружили высокое мастерство и умение виртуозно ковать из железа и стали самые различные предметы — от тяжелого лемеха и шлема с узорчатым железным круже-

[11] «Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг.», Л., 1940.

[12] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища (По материалам археол. раскопок в Старой Рязани). — «Исторические записки», 1941, вып. 12.

[13] Н. П. Милонов. Славянские жилища по раскопкам в Пронске, Рязань, 1926.

[14] Его же. Дмитровское городище. Кремль города Дмитрова. — «Сов. археол.», 1937, № 4.

[15] «Санкт-Петербургские ведомости», 1842; И. Евсеев. Городища по Оке и Зуше. — «Труды Предварительного комитета XV Археол. съезда», М., 1911, т. II.

[16] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. «Сов. археол.», 1940, № 6.

[17] Я. И. Пастернак. Старый Галич, Краков, 1944.

вом до тонких игл или стрел и клепаных миниатюрными заклепками кольчужных колец. Оружие и бытовой инвентарь из курганов IX—X вв. («Черная Могила», «Гульбище», Гнездово, Приладожье, Суздаль и др.) свидетельствуют о разнообразных и сложных технических приемах древнерусских кузнецов.

Изложению обработки железа должно опять предшествовать рассмотрение способов его добывания.[18]

В городах техника варки железа сделала значительные успехи сравнительно с примитивными сыродутными горнами деревни. Особенно интересен в этом отношении горн Райковецкого городища близ Бердичева. Ввиду того, что чертежи горна не опубликованы, а положения автора раскопок спорны, приведу полностью выдержку из предварительного сообщения:

«Обработка железа в Райковецком городище базировалась на местном сырье — болотной железной руде, которую можно было добывать в непосредственной близости от городища, по берегам рр. Гнилопяти и Тетерева. Из этой местной руды железо изготовлялось в городище. Во время археологических раскопок 1930 г. были обнаружены остатки литейного [? — *Б. Р.*] горна, железа-полуфабриката в виде круглых «чушек» до 5 кило весом и масса отходов железодобычи. Горн находился на глиняном возвышении в восточной части «детинца», весьма возможно — на поверхности глиняного наката над землянками. Было найдено и конусовидное «сопло» для горна и ряд канальцев и «гнезд» для растопленного железа. Конструкцию данного горна можно сравнивать с конструкцией древних «горо-благодатских» и частично «силезских» горнов, приспособленных к природной тяге воздуха [? — *Б. Р.*]. Весьма возвышенное месторасположение городища вполне удовлетворяет такому принципу подачи воздуха. Глиняный холм занимал в своем основании площадь 3×3.5 м. Обожженные канальцы сохранились на длину до 60 см, имели ширину до 6—7 см, глубину 4—6 см. В руслах канальцев было много окиси железа. Вокруг горна по основанию холма

[18] В этой главе необходимо объединить рассмотрение кузнечного дела со слесарным, а также с производством оружия. Все эти ремесла имеют общее в способах обработки железа и стали, и в большинстве случаев ремесленники, занимавшиеся одним из этих ремесел, сочетали его с другими. Некоторые виды слесарных работ применялись ювелирами; мастера-оружейники нередко также сочетали работы по стали и железу с работами по золоту, серебру и бронзе. В силу этого выделение слесарей и оружейников в одну группу с кузнецами носит условный характер. С другой стороны, несомненно, что как кузнечное дело, так и оружейное, могло разветвиться на множество специальностей.

было обнаружено 8 гнезд с железными круглыми «чушками» в них. На вершине холма было обнаружено в выжженной глине овальное углубление диаметром около 18 см при глубине до 10 см, заполненное окисями железа, шлаком и углем».[19]

Несмотря на некоторую сбивчивость изложения (например, предположение естественной тяги при наличии сопла для мехов), это описание позволяет восстановить общий облик домницы. Попытаюсь вначале установить внешний диаметр печи. Судя по тому, что сохранилась, очевидно, часть канальцев, прилегающих к гнездам криц, мы получаем сокращение общей площади «холма» на 60 см с каждой стороны. Следовательно, внешний диаметр равен 180 см. О внутреннем диаметре судить труднее, так как сохранилось только самое дно домницы, которое выше должно было переходить в вертикальные стенки, толщина которых неизвестна. Неизвестна также высота домницы. Можно сравнивать райковецкую домницу с позднейшими устюженскими XVIII в., описание которых сохранено Норбергом: «Печь имеет площадь 22×22 дюйма (55×55 см) и высоту в 9 футов [270 см]...Колошник сужен в виде конуса диаметром в 12 дюймов [30 см]; при забивке печи она заполняется до верху углем, поверх которого помещается колоша из болотной руды. Два меха простого действия длиной 4 фута [120 см] снабжены рукоятками, приводятся в попеременное движение самим рабочим, ведущим плавку. Когда в горне скопится крица до одного пуда весом, меха убираются, грудь печи выламывается и крица вытаскивается на плоский камень, на котором околачивается деревянной колотушкой, а затем разрубается топором». [20]

Очень важным техническим достижением, ставящим райковецкую домницу не только выше современных ей деревенских, но и выше устюженских домниц XVIII—XIX вв., является наличие 8 каналов для стекания разжиженного шлака в специальные гнезда. В Устюжне Железнопольской, по мере накопления тестообразной массы на дне печи, приходилось выламывать часть стенки и крючьями извлекать крицу со дна. В небольшом русском провинциальном городке XIII в. домница была сконструирована так, что шлак непрерывно и авто-

[19] Ф. Н. Молчановский. Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища. — ПИДО, 1934, № 5, стр. 84—85.

[20] В. Кнаббе. Чугунолитейное дело, т. I, СПб., 1902, стр. 181. — Норберг был в России при Екатерине II.

матически заполнял особые приемники. [21] Подобное усовершенствование доменного процесса было возможно только при условии вытягивания печи ввысь и при условии усиленного «надмения мешного», нагнетания воздуха мехами. Предположение Ф. Н. Молчановского о естественной тяге должно быть совершенно отвергнуто. Находка в печи глиняного сопла от мехов окончательно убеждает в этом.

Домницу Райковецкого городища можно сравнивать с высокими печами типа Stuckofen западного средневековья.

Вторым примером доменного дела в городах может служить Гочевское городище на юго-восточной границе Курского княжества. [22]

Сильная распаханность культурного слоя не позволила поставить раскопки сыродутных горнов, но широкое обследование поверхности городища обнаружило в юго-восточной части его обширное пространство, сплошь занятое остатками домниц, шлаками и крицами железа. Этот металлургический квартал, вытянутый вдоль края городища на 120 м, занимал площадь около 10 000 кв. м. Способ выплавки здесь был более примитивный, чем в Райковецком городище; размеры домниц (судя по толщине стенок) были меньше, но качество отдельной домницы здесь компенсировалось их количеством. Во всяком случае, многочисленный гарнизон крепости «Гочевок» был вполне обеспечен собственным металлургическим сырьем.

И Райковецкое и Гочевское городища являются примерами средних городков, даже не упомянутых летописью (площадь Райковецкого городища — всего 3 гектара), и все же даже в этих небольших городах мы наблюдаем значительные технические достижения в области варки железа.

К сожалению, доменное дело в больших городах Киевской Руси нам совершенно неизвестно. Мы не знаем ни конструкции домниц

[21] Б. А. Колчин в личной беседе высказал предположение, что данный тип горна рассчитан на выплавку стали.

[22] В XI—XIII вв. Гочевское городище являлось пограничным стратегическим городом с разноплеменным населением (северяне, радимичи, мордва), очевидно, привлеченным сюда в качестве гарнизона. См. «Повесть временных лет» 988 г. Кладбище этого своеобразного города-крепости насчитывало около 3000 курганов X — начала XIII вв. В середине XI в. мысы высокого берега, частично заселенного местными жителями (с IV в. н. э.), были превращены в мощные бастионы с валами высотой до 8 м, а вся площадь городка «Гочевок» была окаймлена с запада двумя валами протяжением в 2 км.

Городище было частично исследовано мною в 1937—1939 гг.

(хотя можем догадываться о ней по аналогии с райковецкой), ни протяженности кварталов металлургов. При моих раскопках в Вышгороде близ Киева было найдено в районе предполагаемых городских ворот множество железных шлаков и обломков криц, но горн не был обнаружен.

В ремесленной части города (у Днепра) найдены были две крицы весом около 5 кг каждая, прокованные и разрубленные для определения качества проковки. Крицы по размерам очень близки к райковецким.

Н. П. Милоновым в кремле города Дмитрова обнаружены остатки сооружения, которые он считает сыродутным горном. За отсутствием чертежей вынужден опять привести полный текст описания:

«В раскопе № 3 обнаружены остатки мастерской, служившей местом выплавки железной руды и медного литья... мастерская представляла собою небольшой прямоугольник, ширина которого равнялась 2, а длина — 4 м. Стенки были сделаны из тонких бревен, обмазанных с обеих сторон глиной. Основание фундамента под всеми четырьмя стенками углублено в почву на $^1/_2$ м и забутовано обожженной и сильно утрамбованной глиной... Повидимому, внутри здания помещался небольшой [? — *Б. Р.*] горн, основание которого стояло на четырех сложенных из камней столбах. По расположению каменных столбов можно предполагать, что горн занимал почти все пространство внутри сруба, т. е. площадь в 7—8 м. Другие детали в устройстве горна нельзя было установить». [23]

Вышгородские и дмитровские раскопки почти ничего не прибавляют к нашим сведениям о городском доменном деле, но вес вышгородских криц и большие размеры дмитровского горна (8 кв. м) позволяют распространить и на эти города ту высокую и сложную технику варки железа, которая стала нам известна по данным Райковецкого городища.

Следует отметить, что если в деревнях сыродутные горны часто устанавливали ближе к месту добычи руды, а не в самом поселке, то в городах они всегда находятся внутри городских стен, обычно около вала или у ворот (в целях пожарной безопасности).

Городское доменное дело по материалам XII—XIII вв. рисуется нам высокоразвитым и технически совершенным. Более ранняя

[23] Н. П. Милонов. Дмитровское городище (кремль города Дмитрова).— «Сов. археол.», 1937, № 4, стр. 157. — Из описания неясно, почему автор считает это сооружение сыродутным горном; не приведены также датирующие вещи.

стадия пока не представлена археологическими находками. Обзор городской металлургии был бы неполон, если бы я не упомянул об одном загадочном и неясном явлении. При широких раскопках В. А. Городцова в Старой Рязани в 1926 г. выяснилось, что почти в каждом городском доме производилась домашняя выплавка железа архаичным способом — в горшке в обычной печи. Из 19 жилищ в 16 встречены следы подобной выплавки. Маленькие губчатые крицы, получавшиеся при этом, имели сегментовидную форму, отвечавшую форме данной части горшка. [24] Микроскопические масштабы домашней железодобычи никак не позволяют делать вывод о том, что «хозяйств, занятых металлургией, было больше, чем занятых гончарством». [25]

Выплавка железа в горшке не может быть отнесена к ремесленной деятельности. Удивляют причины, побудившие население такого крупного ремесленного центра, каким была столица Рязанского княжества в XIII в., пользоваться столь примитивным способом получения железа.[26]

Городские кузницы, так же как и домницы, обычно располагаются на окраине города, у стены или у городских ворот. В Переяславле Русском «Кузнечные ворота» упоминаются уже в XI в.

Если вынесение кузниц на окраину жилых кварталов диктовалось соображениями пожарного характера, то размещение кузниц у ворот, вероятно, было связано с подковкой лошадей. Древнейшие русские подковы относятся к X в. (Шестовицкие курганы близ Чернигова).

Оборудование городских кузниц отличалось от деревенского большей сложностью.

Наковальни. Из раскопок Н. Ф. Беляшевского на Княжьей Горе известна наковальня с массивным отростком, раздвоенным на конце. Размеры ее несколько больше, чем обычной пирамидальной наковальни: высота 15 см, длина рабочей поверхности около 16 см (вместо 8—10 у обычных наковален этого времени). Такая

[24] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища (По материалам археологических раскопок в Старой Рязани). — «Исторические записки», 1941, вып. 12, стр. 85.

[25] Там же, стр. 88, 89.

[26] Одним из объяснений может быть то, что все исследованные дома относятся к последнему периоду жизни города и накануне своей окончательной гибели находились на положении осажденных. Может быть, только ввиду осады города Батыем, когда нельзя было пользоваться горнами близ вала, пришлось в качестве крайней меры варить железо по домам?

наковальня позволяла, во-первых, отковывать вещи, имеющие пустоту внутри, например, шлемы, втулки копий, кольца, а самое главное — она допускала применение ассортимента фигурных подкладок для поковок сложного профиля. Такие подкладки широко применяются в современном кузнечном деле, облегчая работу кузнеца при выковке кривых поверхностей. Дополнительные накладки известны из культурных слоев более позднего времени — в Тверском кремле найдена вставка в наковальню с длинным стержнем внизу. [27] Ряд изделий, начиная с IX—X вв., носит следы обработки при помощи таких подкладок. В тех случаях, когда требовалась двусторонняя обработка, очевидно, применялись и подкладка и зубило-штамп одинакового профиля, чтобы поковка получалась симметричной. Образцом такой фигурной ковки могут служить, например, кузнечные изделия из Гнездова.[28] Таковы железные обоймы на кольце (часть ременной плети). [29] И кольцо и все три обоймицы обрамлены по краям изящным узором, подражающим прерывистым бисерным ободкам «постсассанидских» бляшек. Симметричность узора свидетельствует о том, что в орнаментации предмета должны были обязательно участвовать два инструмента: один внизу (фигурная подкладка), а другой — наверху (фигурный штамп или молоточек). В противном случае при нанесении узора на одну сторону раскаленного добела предмета, противоположная сторона сплющилась бы, не сохранив рисунка.

Вторым примером применения подкладок и штампов являются бсевые топоры. Возьмем легкий боевой топор с широким лезвием, клювовидным обухом и орнаментированными путем ковки щеками. [30] В середине лезвия пробито ровное сквозное отверстие. Для этого

[27] Н. П. Милонов. Археологические разведки в Тверском кремле.— ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 145—155.

[28] В распоряжении древних смоленских кузнецов находились мощные залежи болотной железной руды по речке Ольше, протекающей через гнездовские курганные кладбища. Одно из гнездовских городищ расположено у устья Ольши. Ольшанские рудники эксплоатировались вплоть до конца XVII в., когда князь Хованский — «Тараруй» вел оживленную переписку с Москвой по поводу расширения эксплоатации этих руд (См. «Историк-марксист», 1935, № 1). — Очевидно, особый состав смоленских грунтовых вод обеспечил хорошую сохранность большинства железных вещей в отличие от Киева, Чернигова и Приладожья, где железные изделия сильно окислились и разрушились.

[29] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., рис. 10.

[30] А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 116 (с. Городище). — Рисунок топора такого типа выцарапан кем-то в X в. на одном из гнездовских сосудов.

требовался пуансон небольшого диаметра. Щеки топора профилированы путем проковки с подкладками; благодаря этому удалось получить одинаковые рубчики с обеих сторон и одинаковые вогнутые чашевидные углубления.

Ассортимент молотков у городских кузнецов был разнообразнее, чем у их деревенских собратьев. Кузнечные молотки найдены в Старой Рязани, Новгороде, Вышгороде, Киеве, Княжьей Горе, Девичь-Горе, Пересопнице, Шестовицах, Житомире, Райковецком городище и др. Мы встречаем среди них и тяжелые кувалды типа житомирского могильника [31] и массивные клинья, пригодные для разрубания крицы, и толстые полосы железа, [32] у которых обух расплющен от ударов кувалды. Наряду с этим встречаются молотки с заостренным краем для перерубания железа. [33]

Некоторые молотки последнего типа имеют прочную железную рукоять, так как им приходилось входить в глубь раскаленного металла, и деревянные рукояти быстро выгорали. [34]

Сложный набор молоточков с профилированными бойками был обнаружен при раскопках в Вышгороде в мастерской чеканщика (см. ниже в разделе ювелирного ремесла).

Кузнечные клещи представлены также рядом различных вариантов. Есть обычные клещи средних размеров универсального назначения, сходные с деревенскими. Есть огромные клещи (свыше 80 см), предназначенные для крупных поковок (Новгород). [35]

В Ковшарском городище под Смоленском были найдены клещи с широким размахом губ и со специальными острыми крючьями на концах, также предназначенные для захвата широких массивных поковок, удержать которые обычными клещами было трудно. [36]

Для более деликатных поделок, близких к слесарной или ювелирной работе, применялись клещи небольших размеров, которые легко держать одной рукой. [37]

[31] С. С. Гамченко. Житомирский могильник.

[32] Городище Девичь-Гора на Роси. Раскопки Гезе 1901 г. Фотоархив ИИМК.

[33] Старая Рязань. Раскопки В. А. Городцова. Коллекции ГИМ. Райковецкое городище. — Ф. Н. Молчановский. Ук. соч., стр. 89 и др.

[34] Новгород. Раскопки А. В. Арциховского. ГИМ. Суздальская земля, раскопки А. С. Уварова. — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V.

[35] Относятся к несколько более позднему времени.

[36] А. П. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, Смоленск, 1926. — По ряду соображений я считаю Ковшарское городище княжеским или боярским двором, а не обычным городищем деревенского типа. Поэтому я включаю вещи из него в раздел городского ремесла.

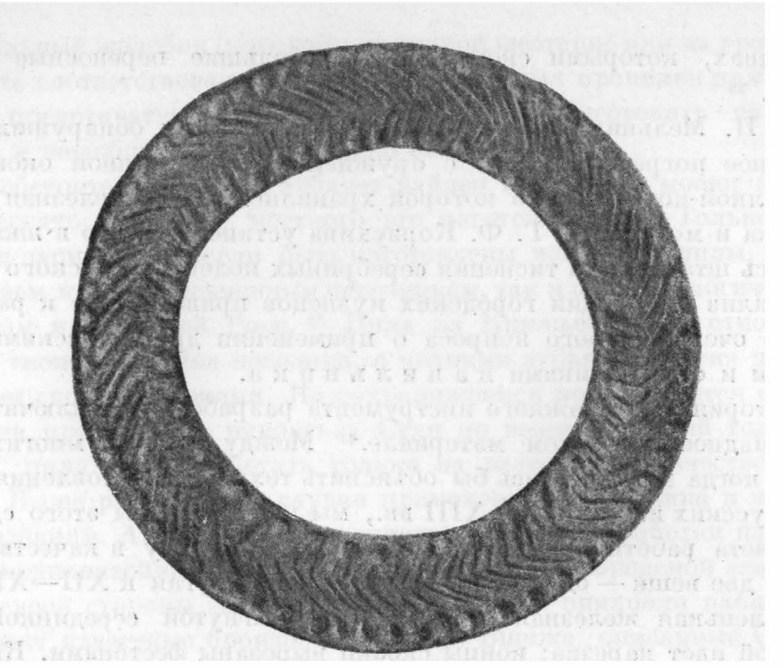


Рис. 40. Следы работы зубилом (Гнездово)

Зубила городскими кузнецами употреблялись двух видов: одни из них были насажены на рукоять и мало чем отличались от молотка; другие же, предназначенные для тонких работ, являлись слесарными зубилами без рукоятей, похожими на долото, но с более тупым концом. Такое зубило мастер держит левой рукой, а правой бьет по нему молотком. Следы работы таким легким зубилом очень хорошо видны на многих вещах (рис. 40). [38]

Наиболее трудной работой, требовавшей применения маленьких зубил (с протяжением режущего края в 2—3 мм), было изготовление железных оковок для шкатулок. При помощи зубильца мастер вырезал простой, но изящный ажурный рисунок на железных

[37] Старая Рязань. Коллекции ГИМ. Короткие клещи 20 см длиной. Клещи-кусачки из Гнездилова (раскопки Уварова). — А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 385, стр. 125.

[38] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., табл. XI, рис. 22. — Плоское железное кольцо орнаментировано ударами одного круглого и другого длинного зубильца.

пластинах, которыми сковывались небольшие переносные шкатулки. [39]

Е. Н. Мельник в кургане близ Пересопницы обнаружила любопытное погребение X в. с оружием и с деревянной окованной шкатулкой-ковчежцем, в которой хранились весы, железная наковаленка и молоток. [40] Г. Ф. Корзухина установила, что в шкатулке имелись штампы для тиснения серебряных колец «волынского типа».

Анализ продукции городских кузнецов приводит нас к рассмотрению очень важного вопроса о применении древнерусскими кузнецами и оружейниками напильника.

История этого важного инструмента разработана исключительно на западноевропейском материале.[41] Между тем, во многих случаях, когда мы пытались бы объяснить технику изготовления многих русских изделий X—XIII вв., мы не смогли бы этого сделать без учета работы стальным напильником. Возьму в качестве примеров две вещи — одна относится к X в., а другая к XII—XIII вв.

Маленькая железная скобочка [42] с выгнутой серединкой, по которой идет нарезка; концы скобки вырезаны фестонами. Каждый фестон как бы заточен и края срезаны на-нет. Выполнить такую работу зубилом можно только начерно, но тщательность отделки, гладкость срезов и правильность всех углов выреза свидетельствуют о работе напильником или, по крайней мере, о зачистке напильником грубых прорезов зубилом.

При моих раскопках 1940 г. во Вщиже на окраине города была обнаружена кузница, частично рухнувшая в Десну. Сохранилась часть горна и ряд железных вещей — ключи, замки, части шлема и небольшое зубчатое колесо, служившее шестерней арбалета «à cranaiquine». [43] Шестерня толщиной в 6 мм, диаметром в 10 см имеет квадратную прорезь в центре и два ряда пирамидальных небольших зубцов, разделенных продольным желобком, идущим по всей внешней окружности шестерни. Высота зубцов колеблется между 3 и 4 мм.

[39] Там же, табл. V, рис. 6 и табл. XII, рис. 4.

[40] Е. Н. Мельник. Раскопки в земле Лучан, табл. VIII. Шкатулка на рис. 4в; она имеет ручку и накидку для висячего замочка.

[41] Э. Кореневский. История напильника. — «История техники», 1934, вып. II. — Данная статья является конспектом работы Дика. В Западной Европе напильник применялся в XI—XII вв.

[42] В. И. Сизов. Ук. соч., табл. II, рис. 4.

[43] См. А. Левкович. Арбалет, Киев, 1935, стр. 16. — Дата Вщижского городища — 1142 — 1238 (?) гг.

Центральный желобок (которому на второй шестерне или на гребенке арбалета соответствовал рельефный выступ) был пропилен для того, чтобы предотвратить смещение шестеренок. Изготовить нарезку зубцов и желобок возможно только напильником.

То обстоятельство, что арбалет найден в кузнице, может свидетельствовать в пользу местного его изготовления. [44] Только при помощи напильника могли быть изготовлены железные пилы, известные нам как по письменным источникам, так и по археологическим находкам в Княжьей Горе. [45] Пила из Княжьей Горы относится к типу «ножовок». Она невелика, с мелкими зубьями, слегка наклоненными своими остриями. На сохранившемся конце имеется отверстие для крепления с рукоятью. Судя по незначительной толщине лезвия, пила могла работать только на растяжке в качестве лучковой. Выше рассмотрены случаи применения напильника к железным изделиям. А. А. Спицыным отмечены случаи обработки напильником меднолитейных изделий из курганов Новгородской земли. [46]

Со своей стороны замечу, что явные следы опиловки напильником носят известные бронзовые арки из Вщижа, описанные Снегиревым и Уваровым. [47]

Итак, начиная с IX—X вв. и далее русские мастера применяли напильники для самых различных работ как по цветным металлам, так и по железу.

Работа с напильником в большинстве случаев бывает сопряжена с наличием специальных тисков. Никаких данных о слесарных тисках у нас нет. Мало того, в многочисленном железном инвентаре русских городищ X—XIII вв. совершенно не встречаются винты. Есть перекрученные четырехгранные острия, напоминающие винты, но настоящая винтовая нарезка, очевидно, не была известна в то время. Поэтому трудно предполагать наличие в эпоху Киевской Руси тисков современного типа с винтовым зажимом. Но, с другой стороны, многие виды слесарных работ, бесспорно производившихся

[44] И в Западную, и в Восточную Европу арбалет проник в XII в. из арабских областей. Черниговские князья, к семье которых относится и владелец Вщижа, были тесно связаны с половцами, являвшимися посредниками между Русью и Востоком. Арбалеты у половцев упоминаются в 1184 г.

[45] Коллекции Киевского Исторического музея.

[46] А. А. Спицын. Петербургские курганы, табл. V, рис. 25; табл. VIII, рис. 16; А. А. Спицын. Гдовские курганы, табл. XXIV, рис. 12 и 20.

[47] См. ниже, в разделе «Литейное дело». Арки с изображениями птиц и драконов могут быть и владимиро-суздальского происхождения. Дата их — XII век.

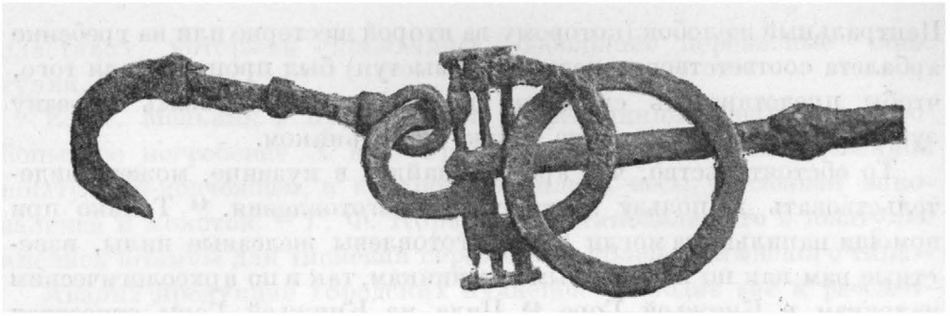


Рис. 41. Безмен; образец тонкой кузнечной работы. Старая Рязань

русскими мастерами, трудно себе представить без зажимания обрабатываемого предмета (рис. 41).

Возможно, что существовали более примитивные тиски с завязыванием или заклиниванием (напр., при помощи кольца), обходившиеся без винта.

Последним видом кузнечно-слесарных операций, который предстоит рассмотреть в связи с оборудованием кузниц, являются ш л и ф о в к а и з а т о ч к а изделий. Многочисленные оселки-мусаты, во множестве находимые и в погребениях и в культурном слое, не могут быть приняты во внимание, так как с их помощью можно заточить затупившийся нож или инструмент, но нельзя отшлифовать изделие. Особенно важны заточка и шлифовка выкованных изделий в оружейном деле, а также при производстве кос, серпов и ножей.

В Западной Европе при производстве стальных мечей применялась шлифовка на циркульном точиле, вращаемом вручную. [48]

Судя по изображениям XII в., такое точило очень похоже на ручной жернов, столь обычный для древней Руси. В связи с этим следует пересмотреть все находки русских жерновов и может быть среди них удастся выделить точила. Так, например, в Гочевском городище, в слое X — нач. XI в. найден в яме о д и н «жернов» и около него — сабля. [49] В Дмитрове, в кузнице XII—XIII вв., найден был в яме также о д и н «жернов» и непосредственно на нем —

[48] См., напр., миниатюру XII в., изображающую процесс изготовления мечей. Точило укреплено в деревянной колоде, наполненной водой. Один работник крутит ручку точила, а другой шлифует клинок. — F. F e l d h a u s. Die Technick der Antike und Mittelalters, s. l., 1931, табл. VIII.

[49] Раскопки 1939 г.

две косы-горбуши и зубило.[50] «Жернов» был достаточно высоким и тяжелым, что также необходимо для точильного круга.

В Старой Рязани трижды найдены жернова не полным комплектом, а по одному. В одном случае «жернов» сопровождали два серпа, одна коса, 7 ножей, 2 долота, 2 шила; в другом случае — 17 ножей и другие вещи; в третьем случае — 20 ножей. [51]

Очень вероятно, что в большинстве приведенных примеров, мы имеем дело не с жерновами, а с вращающимися в вертикальной плоскости круглыми точильными камнями. В пользу этого говорит и одиночность, некомплектность «жерновов» и расположение их близ ямы (для воды) и сопряженность с предметами, требующими заточки, — косы, серпы, сабли, ножи, долота.

В итоге, из оборудования древнерусских кузниц, слесарных и оружейных мастерских удалось установить наличие в X—XIII вв. следующих предметов: горна, мехов, простых наковален, наковален с отрогом и вырезом, вставок в наковальню (различного профиля), молотов-кувалд, молотов-ручников, молотов-секачей (для перерубания) или зубил, молотов-пробойников (бородкой), ручных зубил, ручных пуансонов, клещей простых, клещей с крючьями, клещей малых, тисков (примитивного типа), напильников, точил циркульных.

При помощи этого разнообразного инструментария, не отличающегося от оборудования современных средних кузниц, русские мастера готовили множество различных вещей как для города, так и для деревни, полное перечисление которых заняло бы слишком много места. Назову основные группы предметов:

1) с е л ь с к о х о з я й с т в е н н ы е о р у д и я (массивные плужные лемехи и сошники, плужные ножи — «чересла», косы, серпы, топоры, медорезки);

2) и н с т р у м е н т ы д л я р е м е с л е н н и к о в (ножи, тесла, долота, пилы, скобели, ложкари, пуансоны и фигурные молоточки чеканщиков, раскроечные ножи, железки к рубанкам, кронциркули для орнаментации кости, ножницы и др.);

3) б ы т о в ы е п р е д м е т ы (гвозди, ножи, окованные ковчежцы, дверные пробои, скобы, кольца, пряжки, иглы, безмены,

[50] Н. П. М и л о н о в. Дмитровское городище. — «Сов. археол.», 1937, № 4, стр. 156, рис. 8. — Автор напрасно считает, что жернов мог служить для натягивания ободьев.

[51] А. А. М а н с у р о в. Древнерусские жилища. — «Исторические записки», 1941, вып. 12, стр. 80—81.

гирьки, котлы, очажные цепи, замки и ключи, корабельные заклепки, кресала, дужки и обручи ведер и др.);

4) Оружие, доспехи и сбруя (мечи, щиты, стрелы, сабли, копья, боевые топоры, сулицы, шлемы, кольчуги, удила, шпоры, стремена, плети, подковы, арбалеты).

Большинство перечисленных изделий известно нам с IX—X вв. по находкам в Киеве (под фундаментами Десятинной церкви 998 г.), Чернигове, Шестовицах, Приладожье и Гнездове.

Применение самых сложных инструментов можно проследить на этих же древнейших городских вещах.

Из приведенного ассортимента кузнечных изделий считаю нужным особо остановиться на производстве замков и оружия. Замки, бытовавшие в древней Руси, можно разделить на следующие типы:

1. Деревянный дверной внутренний замок с фигурной гребенкой, отпираемый снаружи коленчатым железным ключом. [52] На долю кузнеца при изготовлении подобных замков падала только подгонка ключа.

2. Внутренний замок ковчежца-скрыни. Обычно облицован фигурной медной пластинкой. Ключи сложного рисунка часто делались из бронзы. Все известные замки этого типа носят индивидуальный характер, существенно отличаясь по рисунку и отделке. [53]

3. Висячие замки, разделяющиеся по способу отпирания на два варианта:

а) с ключом, имеющим бородку (замок современного типа, отпирается при поворачивании ключа);

б) с ключом, загнутым на конце (цилиндрический замок, отпирается при вдвигании ключа без поворота).

Последний тип особенно част. В Киевском историческом музее хранятся сотни совершенно одинаковых по конструкции и внешнему облику замков, часть которых происходит из мастерской, раскопанной на территории древнего Киева. В южнорусских городищах массовые находки подобных замков — обычное явление (рис. 42). [54]

[52] А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 96.

[53] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V; И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора в Киеве, Киев, 1908, рис. 66; В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ.

[54] Например, в городище Девичья Гора найдено около 50 замков этого типа. Несколько десятков их известно из Княжьей Горы и из Райковецкого городища (Коллекция Киевского, Черниговского и Московского исторических музеев). Во всех описях и печатных изданиях эти замки названы железными. В 1943 г. в Звенигороде мною найден горн, в который положено для переплавки

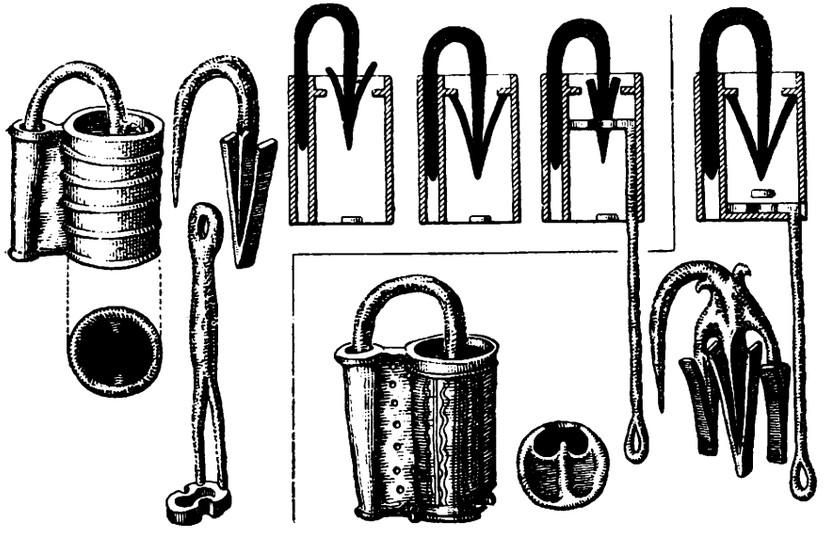


Рис. 42. Схема механизма замка

Замок представляет собой два медных цилиндра длиной в 6—8 см, расположенных параллельно и скрепленных общей обоймой. Цилиндры неравны: один из них имеет диаметр 2—3 см, а другой 0.5—1 см, общая ширина замка 4—5 см. Запирающий механизм, состоящий из зацепов, заключен внутри большого цилиндра. Железная дужка замка также состоит из двух частей: малому цилиндру соответствует гладкая, сходящая на-нет часть дужки, которая свободно входит в цилиндр и выходит из него. Задача малого цилиндра заключается только в том, чтобы скрыть эту половину дужки. Вторая половина дужки, предназначенная для вхождения в большой цилиндр, значительно сложнее: на ней расположены основные элементы запирающего механизма. Во всю длину внутренней части цилиндра на дужку наварены стальные пластинчатые пружины (от 2 до 4), расположенные вдоль оси дужки и цилиндра, но под различными углами друг к другу. Поперечное сечение этих пружин и их расположение различно в каждом замке. Приварены они к нижнему концу дужки, а в верхней части они свободны. Цилиндр в нижней части имеет дно

19 замков без дужек. Расчистка их в химической лаборатории ГИМ ученым реставратором А. Д. Чиварзиным показала, что корпуса замков отлиты из меди. Железистые окислы происходят от стальных пружин и дужек.

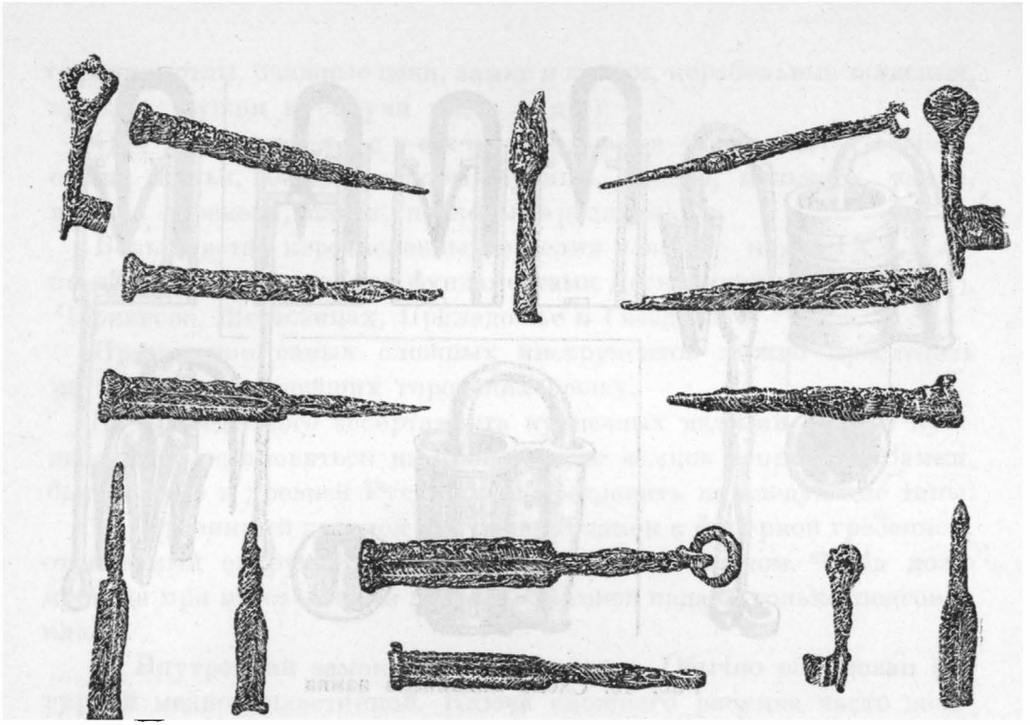


Рис. 43. Ключи

с фигурной прорезью, соответствующей нижней части дужки с присоединенными к ней в этом месте пластинчатыми пружинами. Верхняя крышка надета на дужку недалеко от верхнего (свободного) конца пружины. В отпертом состоянии корпус замка представляет два цилиндра, открытых сверху и имеющих днища внизу (у малого — глухое дно, у большого — с прорезью).

Для запирания дужка вдвигается одновременно в оба цилиндра. При этом тонкий конец ее входит свободно в малый цилиндр, а конец, снабженный пружинами, вдвигается в большой цилиндр, причем пружины скользят по внутренним зацепам и слегка прижимаются к самой дужке. Запирание замка происходит автоматически без ключа, когда дужка по самую крышку вдвинута в цилиндр и пружины прошли уже зону зацепов и распрямились внутри цилиндра, упираясь своими концами в зацепы; при этом нижние концы пружины приходятся против фигурных отверстий данной части замка. Вынуть дужку, т. е. отпереть замок, при таком положении возможно только прижав вновь пружины к телу дужки. Поэтому ключи для подобных замков конструировались так: вырезам в днище замка негативно соответствовало тело отпирающей части ключа, которая

обязательно должна была охватывать кольцом пружины на дужке. Плоскость отпирающей части ключа была параллельна вырезу дна замка. Под прямым углом от нее шла рукоять ключа, оканчивающаяся кольцом для привешивания к поясу. Рукоять для равномерности упора и предотвращения поломов в точке соединения с вырезным кругом отпирающей части иногда расщеплялась надвое и присоединялась к кругу в двух точках (рис. 43).

При отпирании замка вырезной круг ключа вдвигался по оси цилиндра вверх, проходя через вырезное дно замка и охватывая дужку с ее пружиной. При продвижении ключа вверх, кольцо ключа, скользя вдоль доски, все более прижимало пластинчатые пружины к дужке и заставляло концы пружин расцепиться с зацепами цилиндра. При этом дужка освобождалась от сцепления с корпусом замка и могла быть выдвинута вверх и извлечена из замка.

Для предотвращения открывания замка отмычкой или другим ключом мастера устраивали в донной части ложные вырезы, усложнявшие рисунок ключа и затруднявшие злоупотребления.

Очень важным изобретением, сделанным еще в домонгольскую эпоху (более точная датировка, к сожалению, невозможна), было устройство в донной части замка маскировочного экрана, который совершенно скрывал от взоров рисунок вырезного дна и расположение пружин, при этом для ключа прорезывался узкий паз, не позволявший разглядеть внутренность замка.

Применение маскировочного экрана (второго, внешнего, дна) совершенно исключало возможность отпирания замка отмычкой и делало невозможным воспроизведение рисунка ключа по рисунку вырезного дна замка.

Подавляющее большинство южнорусских городских замков XII—XIII вв. имеет подобное остроумное приспособление, делающее замок надежным и прочным.

Трубчатые замки по области их массового распространения можно назвать замками киевского типа. Этот тип, представленный сотнями экземпляров стандартных, одинаковых замков, выработался не сразу. В русских древностях IX—XI вв. встречаются замки, основанные на том же пружинном принципе (без поворота ключа), но совершенно иной формы. Корпус замка — кубический или трапецевидный, размеры сильно варьируют. [55] Встречаются и трубча-

[55] Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, стр. 67, рис. 19; Д. Н. Эдинг. Сарское городище, табл. XI, рис. 1, 2, 4, 5, 7.

тые замки, но они сильно отличаются от того, что я условно назвал киевским типом. [56] Арне считает прототипом таких замков восточные образцы IX—X вв. [57]

Отсутствие стандарта в форме замков раннего периода, когда существовали особенно оживленные связи с арабско-иранским Востоком, особенно характерно. Очевидно, стандарт появился позднее, может быть, в XI—XII вв. (?), и должен быть отнесен за счет местного русского изготовления трубчатых замков. Большинство городищ, в которых найдено много трубчатых замков, датируется XII—XIII вв. Производство замков требовало значительного опыта, умения и сложных инструментов.

Корпус замка отливался по восковой модели со шнуровым орнаментом на внешней стороне. Внутренние зацепы требовали точной пригонки к пружинам дужки. Наварка стальных упругих пружин усложнялась тем обстоятельством, что в каждом замке их нужно было располагать по-иному. Стандартным был только корпус замка, а внутренность каждого замка отличалась особым расположением пружин и вырезов. Наиболее сложным делом было изготовление вырезного дна и точная пригонка ключа. Все эти операции могли быть осуществлены только при наличии специально подобранных инструментов, в число которых должно было входить несколько напильников различного сечения.

Во всех соседящих с Русью областях производство замков было стандартным, но в каждой из них был свой особый тип замков. Медным зооморфным замочкам Херсонеса посвящена специальная статья Третески. [58] Замков этого типа в русских городах нет, нет также и близких к ним бронзовых замков булгарского изготовления. А. П. Смирнов установил два центра производства последних — города Болгар и Биляр; [59] по поводу же железных (?), кубических

[56] Д. Н. Эдинг. Сарское городище, рис. 3.

[57] T. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 200.

[58] Они встречены с монетами 867—959 гг. — ОАК за 1891, 1894 и 1897 гг.

[59] А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. — Труды ГИМ, вып. XI, М., 1940, стр. 103, табл. VI, рис. 1. — Один из замочков имел надпись мастера: «Работа Абу-Бекра, сына Ахмеда. Постоянная слава и мирный успех и счастье всеобнимающее и величие и благосостояние владетелю сего». Дата замка 1147 г. (С. Малов. Замок из Билярска с арабской надписью. — «Записки Коллегии востоковедов», т. II, Л., 1926, стр. 155). Стандартность и устойчивость формы замков навели А. П. Смирнова на мысль о цеховой регламентации их производства (см. ниже во 2-й части).

и трубчатых замков он отметил, что «в них нет ничего специфически булгарского, и центры производства их указать трудно». [60]

Большой интерес для нас представляет то, что в Чехии вплоть до XIV в. какой-то определенный и притом широкораспространенный тип замков назывался в просторечии «русскими замками». [61] Не от киевских ли трубчатых замков XI—XIII вв., так хорошо известных по южнорусским городищам, происходит это название? [62]

Сказанное выше о замках можно свести к следующему: в IX—XI вв. в русских городах бытуют замки различных систем и разнообразной формы. Часть их является импортом из стран Востока. Около XI—XII вв. в Среднем Приднепровье (может быть в Киеве?) налаживается массовое изготовление трубчатых медных замков определенной формы, которая становится стандартной. Конструкция замка совершенствуется добавлением приспособлений, устраняющих возможность отпирания его без ключа.

Основная масса трубчатых замков найдена в Киеве, Княжьей Горе, Райках и других городищах Киевщины, но значительное количество их имеется и в других областях. Замки иных конструкций известны плохо (возможно, что они были вытеснены массовым типом трубчатых). [63]

Оружейное дело требует особого рассмотрения потому, что в этой области больше, чем где-либо, господствовала норманнистическая тенденция принижения русской культуры. Все русское оружие из княжеских и дружинных курганов нередко рассматривалось как импорт из Скандинавии на Восток. Мечи считались признаком варяжской торговли, а шлемы и кольчуги, которые отсутствуют у скандинавов, объявлялись только кочевническими.

Особенно характерны в этом отношении работы В. В. Арендта, которому охотно предоставляли свои страницы немецкие националистические журналы типа «Mannus». [64]

[60] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 104.

[61] А. Ясинский. Чешское свидетельство о русском металлическом производстве. — «Сб. Учено-литературного общества при Юрьевском университете», т. I, Юрьев, 1898, стр. 54—55.

[62] Подробнее о торговых связях и о влиянии Киева на Чехию с X—XI вв. см. ниже.

[63] Иногда в городищенском материале встречаются на одном кольце целые связки ключей от трубчатых замков, говорящие об обширном хозяйстве и напоминающие слова Русской Правды о тиунстве по ключу.

[64] W. Arendt. Die Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa. —

Мечи каролингского типа, которые долго считались бесспорным признаком норманнов, в настоящее время определяются как общеевропейское оружие, широко бытовавшее во всех европейских странах. Местом их изготовления были рейнские и верхнедунайские мастерские, откуда они расходились в различных направлениях.[65] Считать их специфически варяжскими нет решительно никаких оснований, они — международны. Клинки с клеймами Ingelred и Ulfberht, находимые на Руси, являются частью этого франкского экспорта но, наряду с клейменными клинками, встречаются и гладкие, без клейм или с клеймами геометрического характера.

Не исключена возможность того, что среди клинков X—XII вв. при дальнейших исследованиях удастся обнаружить изделия местной работы.

В нашем распоряжении есть бесспорные доказательства того, что, по крайней мере, рукояти мечей изготавливались в русских городах. По поводу своеобразных рукоятей мечей из Черной Могилы (вторая половина X в.) даже такой ярый норманист, как Т. Арне, писал, что «они не скандинавского изготовления, а только сделаны по скандинавским моделям».[66]

Должен заметить, что изменения, внесенные черниговским мастером в западноевропейскую модель, были очень существенны и являлись не подражанием, а серьезной ее переработкой. У западных мечей IX—XI вв. рукоять ограничена с двух сторон п а р а л л е л ь н ы м и линиями навершия и перекрестия, что несколько стесняет маневрирование тяжелым мечом, так как кисть руки зажата между двумя плоскостями. Особенно это сказывалось при рубке с коня. Произведенные мною опыты по использованию мечей IX—XI вв. показали, что рубить ими с применением приемов

«Zeitschrift für Historische Waffen und Kostümkunde», 1935); W. A r e n d t, Das Schwert der Waringerzeit in Russland. — «Mannus», Bd. 25, H. 2, Lpz., 1933. — В обеих работах Арендт стремится принизить русскую культуру и доказать иноземное происхождение всех более или менее выдающихся образцов древних вещей, обосновывая это «низким уровнем социального и экономического развития славянских народов» (Das Schwert..., стр. 171). Не довольствуясь тенденциозной интерпретацией археологического материала, В. Арендт привлекает и лингвистический. Так, напр., имя русского бога-кузнеца Сварога он производит от древнегерманского Swert — меч, несмотря на то, что давно доказана связь Сварога с санскритским swarga — солнце.

[65] В. И. Р а в д о н и к а с. Надписи и знаки на мечах из Днепростроя. Сб. «Из истории докапиталистических формаций», Л., 1934, стр. 606.

[66] Т. А р н е. La Suède..., стр. 56.

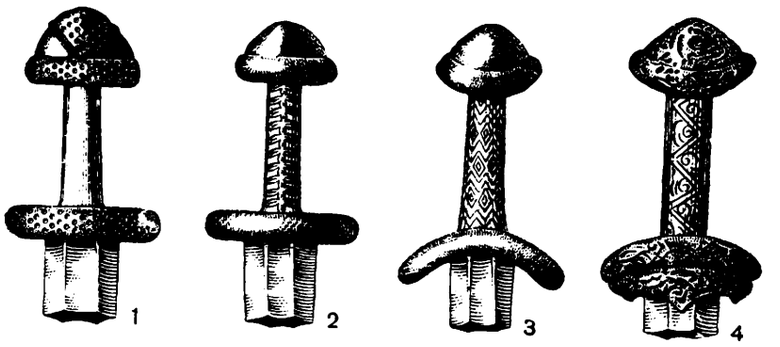


Рис. 44. Рукояти русских мечей
1 — Михайловские курганы, IX в.; *2* — Киев, X—XI вв.; *3* — «Черная Могила» в Чернигове; *4* — Киев, X в.

рубки современной кавалерийской шашкой невозможно. Позднее, в эпоху крестовых походов (может быть, под влиянием соприкосновения с сарацинской конницей ?), происходят следующие изменения в конструкции рукояти: нижние концы навершия поднимаются вверх, а перекрестие опускается вниз. Тем самым создается значительный запас свободного пространства для поворотов кисти руки при рубке, так как линии перекрестия и навершия уже не параллельны, а представляют две дуги (рис. 44, 3).

Если в Западной Европе эта эволюция совершилась в XII—XIII вв., то особенно интересно то, что в русских городах она началась на два столетия раньше. Вполне возможно, что здесь сказалось более раннее соприкосновение южнорусской конной дружины с конницей степных кочевников, которое потребовало развития рубящих возможностей меча. Своеобразная рукоять меча из Черной Могилы (украшенная серебряной накладкой с рисунком восточного характера) не одинока в русских древностях.[67]

Меч с дугообразным перекрестием и срезанными углами навершия был найден в новгородских курганах[68] и в Киеве.

В 1900 г. в Киеве близ Золотых Ворот было обнаружено любопытное погребение конного дружинника с мечом, боевым топором и кинжалом с рукоятью, украшенной резными цветами (рис. 45). На воине был надет великолепный панцырь с серебряными бляхами. Кроме того,

[67] W. A r e n d t. Das Schwert..., рис. 11.

[68] МАР, СПб., 1896, № 18, табл. XIX, рис. 11.

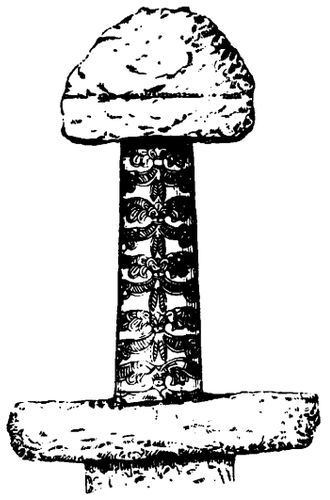


Рис. 45. Рукоять меча, обложенного серебряной пластинкой, украшенной гравировкой и позолотой. Киев

найдены стеклянные игральные шашки и кость. Весь облик погребения близок к другим княжеско-дружинным курганам Киева и Чернигова; [69] датировать погребение можно началом XI в. Особый интерес представляет меч, сохранившийся полностью за исключением острия. Рукоять меча обложена чеканной серебряной полосой, склепанной серебряными гвоздиками. Чеканный и гравированный узор представляет переплетение пышных и сочных стилизованных растений, перехваченных узлами. Совершенно аналогичный узор имеется на втором турьем роге из Черной Могилы. [70] Совпадает не только характер узора на обоих изделиях, но и техника выполнения: рисунок обводился двойным контуром, а внутреннее пространство заштриховывалось и покрывалось позолотой. В обоих случаях перед нами творчество южнорусских мастеров, работавших по восточным мотивам. Меч отличается от западноевропейских и по орнаментации полусферического навершия и перекрытия. На Западе для наверший применялось только серебро, здесь же имеется инкрустация золотой проволокой: общий облик рукояти меча прочно связан с кругом русских ювелирных изделий X—XI вв.

Характерно то, что этот меч, противоречащий утверждению об исключительно западном происхождении всех русских мечей, В. В. Арендт не включил в свой обзор мечей IX—XIII вв., найденных в России, не упомянув о нем совершенно.

[69] В. Г е з е. Заметки о некоторых киевских древностях. I. Меч, найденный в Киеве близ Золотых Ворот. — ЗОРСА, СПб., 1905, т. VII, вып. 1, рис. 94, 98, 99; Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XX. — Хорошая сохранность вещей и глубина их залегания свидетельствуют о погребении в срубной гробнице шестовицкого типа. Terminus ante quem устанавливается временем постройки Ярославова города, т. е. вторая четверть XI в., так как после этого времени насыпка кургана в черте города была мало вероятна.

[70] Д. Я. С а м о к в а с о в. Могильные древности Северянской Черниговщины, М., 1917, рис. 14.

Точно так же оказались вне его внимания русские мечи, отличные от общеевропейских форм. [71]

В одном из курганов близ Гочевского городища найден длинный и узкий однолезвийный меч с небольшим навершием и бронзовым литым перекрытием с шариками на концах и с рельефным орнаментом из цветов и плетений. Меч имеет кольцо для темляка, что свидетельствует о применении его для конной рубки. Длина меча значительная — 105 см. Дата — XI в. [72]

При раскопках в Княжьей Горе (устье Роси) было найдено бронзовое перекрестие, не только аналогичное гочевскому, но о т л и т о е в о д н о й л и т е й н о й ф о р м е с н и м, т. е. сделанное в одной мастерской. [73]

В нашем распоряжении нет безусловных доказательств русского происхождения мечей, но то обстоятельство, что в двух приднепровских русских городах найдены мечи работы одного мастера все же может говорить в пользу местного, приднепровского изготовления их. Клинки мечей гочевского типа совершенно отличны от франкских: они однолезвийны, уже и длиннее. Форма их была выработана в иной военной среде, более связанной с легкой конницей. Очень вероятно, что появление в русской среде таких мечей было лишь другой стороной того же процесса, который заставлял русских оружейников изменять конструкцию франкской рукояти, приспосабливая ее к условиям степного конного боя, требовавшего особых форм оружия.

Говоря о мечах нефранкского типа, нельзя не упомянуть о великолепном мече (точнее — палаше), найденном И. Хойновским в Старом Киеве близ дворца Владимира Святославича. [74] Меч представляет узкий прямой однолезвийный клинок 87 см длины, с рукоятью, оттянутой вперед. Главное отличие его от других подобных клинков состоит в том, что, начиная от рукояти, на две трети длины клинка в него врезана медная полоса с гравированным орнаментом и позолотой. Характер орнамента близок отчасти к мечу из могилы

[71] Б. А. Р ы б а к о в. Анты и Киевская Русь. — ВДИ, 1939, № 1, рис. 5. — Здесь сопоставлены мечи из Гочева и из Княжьей Горы.

[72] В. П. С о с н о в с к и й. Атлас гочевских древностей, М., 1917, табл. IX; Д. Я. С а м о к в а с о в. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского у., Курской губ., М., 1909, стр. 9, рис. 3 (курган № 1 — большой).

[73] Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Ук. соч., вып. V, табл. VI, рис. 212. — Клинок меча не сохранился.

[74] И. А. Х о й н о в с к и й. Ук. соч. — Рисунок меча очень неточен. Меч этот также не упомянут Арендтом в его обзоре.

у Золотых Ворот (гроздья сочных круглых завитков, наклоненных в одну сторону, и заштриховка внутри контуров), но различные условия пространственного размещения узора (квадратная пластинка в одном случае и узкая полоса — в другом) повлияли на различие в композиции. Значительно полнее аналогия с орнаментом на деревянном ковше XI в. из кургана близ Стародуба [75] и на костяных поделках из Гульбища, [76] где орнаментации подвергались такие же узкие полосы. Связь орнаментики меча с орнаментикой русских деревянных и костяных изделий X—XI вв. может свидетельствовать в пользу русского происхождения и этого меча, но, ввиду единичности находки и крайне плохой изученности русского оружия этого времени, такой вывод можно делать только предположительно. По своим боевым качествам меч Хойновского близок к гочевскому; отличие состоит лишь в рукояти, которая в первом случае близка к сабельной (т. е. расположена под некоторым углом к клинку).

Бытование на Руси в IX—X вв. однолезвийных мечей типа киевского меча Хойновского косвенно подтверждается изображением точно такого же меча-палаша на одной из четырех сторон знаменитого языческого идола Святовита. [77]

Из общего числа сабель, находимых в русских курганах с IX века, без специального металлографического анализа едва ли будет возможно выделить печенежско-половецкие и русские экземпляры, но считать в с е сабли кочевническими нет никаких оснований, так как сабля постепенно вытесняет меч в русском оружии и становится впоследствии характерным видом русского клинка. [78] При современном состоянии знаний определить время, когда начали производиться сабли на Руси, не представляется возможным.

Сказанное о мечах можно свести к следующему: в IX—X вв. на Руси преобладали франкские клинки, в торговле которыми Русь, судя по сообщению Ибн-Хордадбе, была посредницей между Западной Европой и Востоком. [79]

[75] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины, М., 1917. Курганы близ Левинки.

[76] А. С. Гущин. Памятники..., рис. 11 и 12.

[77] См. A. Zakharov. The Statue of Zbrucz E.S.A, т. IX. — Здесь дано лучшее воспроизведение меча, но с выводами автора, считающего меч саблей, а самого идола — кочевническим, согласиться нельзя.

[78] См. А. В. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. — «Историк-марксист», 1939, № 1, стр. 193—194.

[79] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах. СПб., 1870, стр. 27.

Уже в эпоху Святослава начинается переработка русскими оружейниками западных рукоятей и усовершенствование их конструкций (Черная Могила). Можно допустить, что с Запада не всегда вывозились готовые мечи, а могли вывозиться только клинки, которые монтировались где-то в Среднем Приднепровье. Примером таких мечей является меч, найденный у Золотых Ворот Киева.

Одновременно с франкскими мечами в дружинной среде бытуют сабли, происхождение которых неизвестно.

К X—XI вв. в Киеве появляется меч нового типа — однолезвийный, узкий, с узорной накладкой (русская работа ?). В XI в. в южнорусских городах бытуют однолезвийные узкие мечи, смонтированные в одной мастерской (Гочево и Княжья Гора). Возможно, что появление этих мечей стоит в связи с временным упадком торговли Киева с Северной Европой в середине XI в., поставившим русских оружейников в необходимость перейти к самостоятельной выработке мечей, причем за образец были взяты не франкские клинки, а более приспособленные для легкой конницы восточные однолезвийные мечи.

Наличие ремесленников-оружейников в составе русских горожан IX—X вв. подтверждается археологическим материалом.

В одном из шестовицких курганов X в. раскопками И. Смоличева было обнаружено погребение мастера-оружейника. Инвентарь погребения состоял из следующих предметов: наковальни пирамидальной формы (высота 8 см), клещей малых размеров, молотка малого, точильного бруска, коленчатого железного стержня, тесла и деревянного ведра. [80]

Кузнечные инструменты очень небольших размеров и пригодны только для тонких и деликатных работ. Назначение коленчатого железного стержня неизвестно. Наличие тесла говорит о том, что мастеру-кузнецу приходилось иметь дело с обработкой дерева (для рукоятей?).

Для изучения социального положения ремесленников представляет интерес захоронение мастера на дружинном кладбище на равных правах с воинами.

Просмотр материалов Гнездовского могильника позволил выделить еще одно погребение мастера-оружейника, вкрапленное в группу дружинных курганов.

[80] Коллекции Черниговского музея.

Курган № 50 (39) был раскопан С. И. Сергеевым в 1899 году.[81] Курган средних размеров содержал остатки трупосожжения. На огнище, помимо бытовых предметов (два горшка, топорик с массивным обухом, пряжка, гирька медная и два шипа с обоймой), находились еще вещи, которые свидетельствуют о ремесленной деятельности их владельца: зубильце малое квадратного сечения (длина рабочего края — 8 мм); зубильце малое пирамидальной формы с сильно расплющенной верхней плоскостью; два точильных бруска, три куска кремня для кресала, железная обойма неизвестного назначения, железное шило четырехгранное, выкованное из одного куска с прочной железной рукоятью; связка маленьких железных колец.[82]

На первый взгляд это погребение не отличается от средних городских погребений Смоленска. Наличие боевого топора и медной весовой гирьки может даже говорить о дружинном характере его. Оба зубила очень миниатюрны и могли применяться только для какой-то мелкой работы. Одно из них было предназначено для отсекания, а другое — для пробивания очень мелких отверстий. Железное шило необычно из-за своей железной рукояти; для обычной работы по прокалыванию отверстий в коже применялись шилья с деревянными рукоятями. Возможно, что данное шило как-то связано с маленьким зубилом и предназначалось для прочистки пробиваемых им отверстий. Расшифровать назначение этого своеобразного набора инструментов помогает связка кованых железных колечек, продетых одно в другое, но не закрепленных и свободно вынимающихся. По своему размеру они близки к кольцам железных кольчуг, столь частых в русских дружинных курганах с IX в.

Средняя часть колец имеет округлое поперечное сечение, а концы их откованы на четыре грани. Каждое кольцо несколько разогнуто в сторону таким образом, что плоскость одного конца находится под прямым углом к другому. В случае надобности такой разворот допускал обработку каждого конца колечка. Думаю, что мастер, погребенный в кургане № 50, занимался изготовлением кольчуг. Обряд трупосожжения оставил нам, вероятно, не весь инструментарий.

[81] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — ИАК, СПб., 1905, вып. 15, стр. 40, рис. 27, 60, 69, 71, 83, 92, 98.

[82] Подобные запасы кольчужных колец (но без соответственных инструментов) были встречены еще в двух гнездовских курганах: № 53 и 74 (А. А. Спицын. Гнездовские курганы, стр. 21 и 47). Возможно, что в этих случаях они имели значение запаса для ремонта кольчуг в походах.

Так, недостает наковаленки, молотка и пинцета, но они могли быть и не положены в могилу. Техника изготовления кольчуг такова (рис. 46): выковывалась железная проволока, от которой отсекались куски около 3 см длины. Половина заготовленного количества наглухо сваривалась в сплошные кольца. Вторая половина колец подвергалась дальнейшей обработке: концы отрезков несколько расплющивались и в каждом из них пробивалось маленькое отверстие; затем заготавливались миниатюрные заклепки (около 2 мм). После этого начиналось сцепление колец. Каждое разомкнутое кольцо продевалось в четыре сплошных, концы его сводились, в отверстие вставлялась заклепочка и вхолодную расклепывалась молотком, соединяя пять колец. Иногда, для большей плотности кольчуги, кольца несколько изгибались, благодаря чему они теснее соприкасались друг с другом. Изготовление кольчуг было очень медленным и трудоемкими делом, надолго отрывавшим мастера. Кольчужные бармицы шлемов оторачивались по краю медными кольцами, склепывание которых было более простым делом, чем склепывание железных колец.

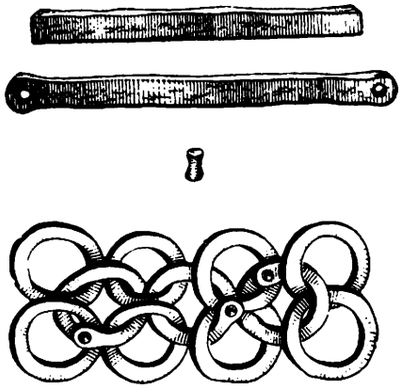


Рис. 46. Схема изготовления кольчуг

Клиновидное зубильце гнездовского кургана могло служить для отрубания кусочков проволоки, а гвоздеобразное зубильце с острым концом — для пробивания отверстий в концах колечек. Железное шило служило, очевидно, для прочистки и выравнивания отверстий. Связка заготовленных колец была одинаково готова и к сварке и к склепыванию. Погребение гнездовского кольчужного мастера X в. проливает некоторый свет на вопрос о происхождении кольчуг. Западная Европа не знала кольчуг вплоть до крестовых походов, когда арабы показали рыцарям преимущества легкого и эластичного доспеха. Варяжские отряды применяли кожаные доспехи с нашивками на них и также не были знакомы с кольчугами, так что в этом вопросе норманисты не могли приписать ознакомление славян с кольчугами варягам. Известные в южнорусских степях еще в сарматское время кольчуги были надолго забыты и появляются

вновь лишь в VII—VIII вв. вместе с иранской формой шлема, иранскими стременами и «постсассанидским» стилем в прикладном искусстве.

Древнейшей датированной кольчугой этого периода, найденной с монетами VIII в., является кольчуга из погребения на р. Осколе. [83]

В русских курганах IX—X вв. кольчуги встречаются в Киеве, Чернигове, Смоленске, Приладожье и ряде других мест. Кольчуга становится обязательной принадлежностью русского доспеха, оказывая влияние на тактику войска, позволяя выделять отряды легкой конницы, обязательные при столкновениях с подвижной кавалерией печенегов и половцев. В этом отношении древняя Русь на два столетия обогнала Западную Европу. Древнее название кольчуги — броня — часто встречается на страницах летописи.

По вопросу о происхождении русских кольчуг всегда высказывалось мнение о получении их или от кочевников или из стран Востока. Между тем, арабские авторы, говоря о славянах, отмечают у них наличие кольчуг, но не упоминают о ввозе их извне, что они не преминули бы сделать, если бы кольчуги ввозились из Халифата.

Одиноко стоял летописный рассказ о примирении воеводы Претича с печенежским ханом. «И въдаст печенежский князь Претичу конь, саблю, стрелы, он же дасть ему б р о н е, щит, меч». Здесь броня-кольчуга фигурирует в качестве р у с с к о г о д а р а степняку, а не наоборот, как следовало бы ожидать, если допустить, что Русь получала кольчуги от своих кочевых соседей. Смоленский бронник из раскопок Сергеева очень хорошо объясняет нам, почему именно русский воевода дарил кольчугу печенежину. Обилие же кольчуг в дружинных курганах свидетельствует о том, что этот бронник был не одинок и что в других русских городах усиленно работали кольчужные мастера.

Судьбу кольчуг в археологической литературе разделяли и шлемы, также объявленные кочевническими (варяжские шлемы слишком резко отличались своей конической формой). [84]

Подмеченное еще Д. Я. Самоквасовым сходство шлемов из Черной Могилы и Гульбища с иранскими и ассирийскими получило в дальнейшем неправильное толкование. Наличие у степных кочевников таких же по форме шлемов считалось вполне достаточным аргументом в пользу признания всех шлемов из русских курганов

[83] ИАК, СПб., 1902, вып. 2, стр. 89. Находка 1869 г.

[84] Э. Э. Л е н ц. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки. — ИАК, СПб., 1902, вып. 2, рис. 11, на стр. 89.

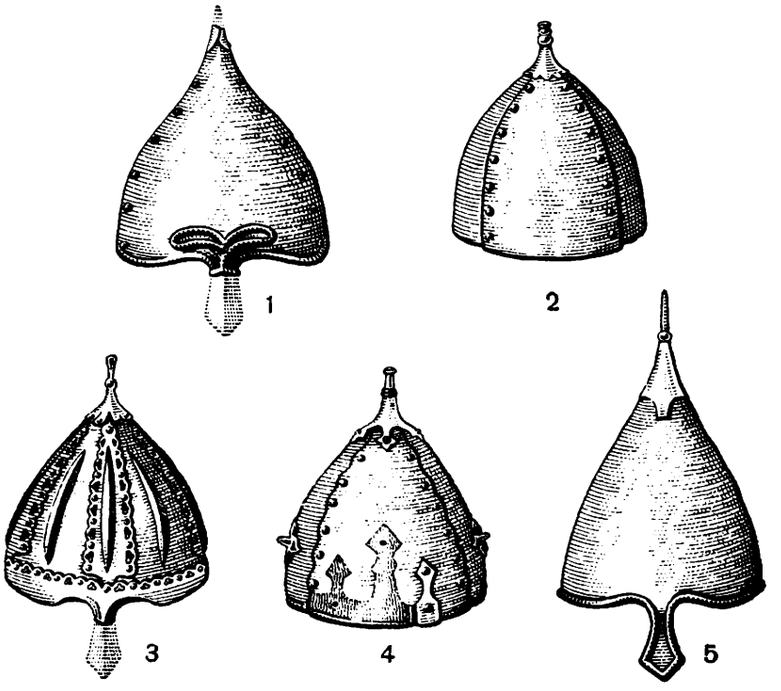


Рис. 47. Русские шлемы

1 — Восточный шлем VIII в. р. Оскол; *2* — Чернигов, курган «Гульбище» (IX в.); *3* — Смоленск, курган «Гнездово» (IX—X вв.); *4* — Чернигов, курган «Черная Могила» (сер. X в.); *5* — д. Таганча на р. Роси (курган XII в.)

кочевническими. Не вдаваясь в анализ материала, с равным правом можно было бы объявить все шлемы степняков русскими изделиями. На самом же деле все три группы шлемов — иранская, половецкая и русская имеют свои отличия (рис. 47).

Примером ранних привозных шлемов может служить неоднократно упоминавшийся шлем с р. Оскола, изданный Э. Э. Ленцем. [85] Шлем имеет характерную полусферическую форму с плавно оттянутым вверх концом. Тулья склепана из четырех пластин медными заклепками. Спереди имеется стрелка для защиты носа и выкружки над глазами. Кольчужная бармица, закрывающая шею воина, прикреплялась посредством сложной системы прямоугольных петель и проде-

[85] Рисунки (реконструкции) шлемов см. в ук. соч. В. В. Арендта № 7 и 9. Шлем из Черной Могилы на табл. V.

ваемого в них особого прута. В ранних русских шлемах (Гульбище — конец IX в., в Гнездове — Большой курган — конец IX в.) мы наблюдаем полную преемственность о б щ е й ф о р м ы шлема, но и отличия в деталях. Шлем из Гульбища склепан железными заклепками, не имеет выкружек для глаз и стрелки для защиты носа. Отсутствует сложное приспособление для прикрепления бармицы, которая была наглухо прикреплена к шлему. Все это говорит о некотором упрощении иранского образца, которое, очевидно, произошло на русской почве. Гнездовский шлем также не имеет прута для бармицы. Особый характер накладных железных полос с кружевным узором, пробитым круглыми пуансонами, делает этот красивый шлем единственным в своем роде и не позволяет сравнивать его с восточными образцами, где подобная орнаментация неизвестна. Высокое развитие кузнечного дела в Смоленске, известное нам по ряду других изделий, могло обеспечить изготовление таких шлемов, где требования прочности сочетались с изяществом. В техническом отношении изготовление шлемов не могло затруднить русских кузнецов, так как умение склепывать пластины они обнаружили хотя бы на очажных котлах.

Шлем из Черной Могилы имеет также свои особенности, не позволяющие зачислять его в разряд кочевнических или иранских: по бокам у него есть два конических отрога, укрепленные на ромбических пластинках. Навершие шлема имеет втулку для прикрепления султана из перьев. Черниговский шлем является первым известным нам русским «золотым шлемом», воспетым впоследствии в поэтических строках «Слова о полку Игореве», летописи и былин: по железной тулье шлема набит медный лист, покрытый позолотой. [86]

Прямым продолжением традиций IX—X вв. и прекрасным образцом русского оружейного и ювелирного дела XIII в. является известный шлем Ярослава (Федора) Всеволодича, брошенный им на поле Липецкой битвы 1216 г. (рис. 48).

Традиция сказалась в общей форме шлема, но в техническом отношении он сильно отличается от упомянутых выше шлемов IX—X вв. Весь корпус его выкован из одного куска, а не склепан из отдельных пластин. Это делало шлем значительно более легким, не уменьшая в то же время его прочности. Но от мастера-оружейника требовалось значительно больше умения.

[86] Аналогичный шлем XII—XIII вв. с такой же позолоченной медной обивкой найден в Райковецком городище.

Рис. 48. Шлем кн. Ярослава Всеволодича

Рис. 49. Топорик Андрея Боголюбского

Шлем был весь набит тонким серебряным листом, поверх которого были наложены чеканные серебряные накладки, описание которых найдет место в разделе ювелирного ремесла.

Образцами сочетания оружейной и ювелирной техники XII—XIII вв. являются стальные декоративные топорики, местом производства которых может быть следует считать Суздальскую Русь. [87]

Из них особенно интересен легкий стальной топорик со звонком внутри полого обуха. На щеках обуха и на одной стороне лезвия изображена буква *А*, что и дало основание предполагать, что князь Андрей Боголюбский имел к нему какое-то отношение (рис. 49). Поверхность металла была покрыта насечками и на эти насечки (в горячем состоянии) было набито листовое серебро, поверх которого был нанесен орнамент гравировкой, позолотой и чернью. Детали орнамента находят себе аналогии в русских вещах XII в. Так, например, сюжет двух птиц, сидящих у дерева, хорошо известен по ряду изделий. Своеобразный меандр (на теле змея в инициале на лезвии) имеется на колтах из Тереховского клада, а городчатый орнамент лезвия известен по эмалям XII в. [88]

Последний вопрос, который необходимо разобрать в связи с техникой кузнечного и оружейного дела, это вопрос о применении стали и о закалке стальных изделий.

Сталь является вариантом железа, содержащим известный процент углерода. Наивыгоднейшим оказывается наличие в стали 7—8% углерода. Особенности стали, ее твердость, гибкость, легкая свариваемость и способность воспринимать закалку были хорошо известны еще римлянам. Возможно, что от латинского «acuale» происходит и славянское название стали — «оцѣль», «оцѣлъ». [89] Даже среди деревенских курганных топоров XI—XIII вв. удается обнаружить наваренное стальное лезвие. Наварка стали считается труднейшим делом во всей кузнечной работе. [90]

Железо и сталь имеют различную сварочную температуру; поэтому кузнец, подготовив изделие к сварке, внимательно следит за

---

[87] В. И. Сизов. Древний топорик. — АИ и З, 1897, стр. 145—162. Цветное воспроизведение; А. А. Спицын. Декоративные топорики. — ЗОРСА, П., 1915, т. IX, рис. 2—5; В. А. Городцов. Симбирский древний топорик. — «Труды ГИМ», 1926, т. I.

[88] А. С. Гущин. Памятники.., табл. XIV, рис. 1.

[89] В древних памятниках сталь называется стойкой: «трьпѣнный оцѣл» (Срезневский).

[90] В. Ф. Скуратов. Деревенская кузница, Л., 1927, стр. 16.

нагревом обоих кусков металла. Сталь должна находиться несколько дальше от жара, чем железо. Готовность железа к сварке определяется белым цветом и белыми искрами (1500—1600° С). Иногда «наставливанье» топора производится так: откованные части топора в месте соприкосновения покрываются рядом зазубрин, затем железо доводится до сварочного жара и вгоняется молотком в пазы стальной обоймы. Далее следует нагрев полусваренного предмета (сталь в менее жарком месте) и вторичная проковка.

Последняя операция, с которой ввиду неясности сущности ее связано множество суеверий, это — закалка стали, т. е. более или менее быстрое охлаждение раскаленного предмета в воде или иным способом. [91]

Русская поэзия XI—XIII вв. и переводная литература знают много различных сравнений, взятых из металлургической техники, в частности, связанных с закалкой стали: «Пещь искушает оцѣл во калении». «Донъжде сильна любы — възьми възлюбленое, донъжде же горить желѣзо — студеном до ся калить» (XI в.).[92]

«Каленые сабли», «каленые стрелы» являются постоянными эпитетами оружия. Особенно интересен эпитет «харалужный». Харалужные мечи, копья, цепи, а однажды в качестве метафоры и харалужные сердца витязей, упоминаются в «Слове о полку Игореве». Последнее исследование о значении этого термина [93] вскрывает его связь с процессом закалки стали. «Харалужный» — пламенный, раскаленный.

Существует своеобразный способ закалки оружия: раскаленный выкованный клинок, поставленный вертикально лезвием вперед, вручается всаднику, который гонит коня с возможной быстротой. При этом пламенный, харалужный клинок закаляется в воздушной струе, причем лезвие, охлаждаясь больше, было тверже, а обух сохранял большую вязкость, что в целом давало идеальные качества клинка.[94]

В связи с этим фраза автора «Слова»: «Игорю и Всеволоде...Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена» приобретает особый смысл и свидетельствует как о технических знаниях автора, так и о приемах закалки пламенной стали, практиковавшихся древнерусскими оружейниками. «Буесть» здесь нужно понимать именно как струю буйного ветра. [95]

Обзор техники городского кузнечного дела приводит нас к общему выводу о разнообразии технических приемов, сложности оборудования и множественности отдельных специальностей, связанных с этим производством.

Перечень конкретных специальностей, применявших кузнечное дело в своей работе (может быть наряду с обработкой дерева, кости или серебра), будет дан в главе о ремесленниках, так как для многих специальностей ковочные работы являлись только вспомогательными.

2. ОБРАБОТКА МЕДИ, СЕРЕБРА И ЗОЛОТА

Мастерство древнерусских «кузнецов злату, серебру и меди», широко известное за пределами Киевской Руси и восхищавшее современников художественным качеством изготовлявшихся ими «узорочий», известно нам значительно лучше и полнее, чем любой иной раздел русского городского ремесла.

Состояние источников таково: для языческого периода мы располагаем материалами из дружинных и княжеских курганов, уцелевшими от огня погребальных костров. Курганы Киева, Чернигова, Смоленска, Приладожья дают исключительно ценные данные о ювелирном ремесле.

Важность курганных комплексов увеличивается возможностью их более или менее точной датировки.

С принятием христианства пышные языческие похороны исчезли, и мы тем самым лишились датированных комплексов для горожан. Население крупных городов перестало хоронить в курганах уже

[91] В древности закаливали сталь то «в теле мускулистого раба», считая, что сила его мышц перейдет на клинок, в то моче рыжего мальчика или в моче черного козла. Здесь рациональный принцип азотирования металла сочетался с суеверием.

[92] И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, стр. 353.

[93] В. В. Арендт. К вопросу о «мечах харалужных» «Слова о полку Игореве». — Сб. в честь акад. А. С. Орлова, М., 1934.

[94] Описание этого способа записано Е. И. Крупновым в Горной Ингушетии.

[95] К сожалению, технологическое изучение русских металлических изделий начато только недавно (Я. С. Голицыным) и пока еще не представляется возможным на основе точных анализов построить историю овладения сталью. Очень интересна проблема наварки стальных лезвий, наклепа железа, искусственной цементации (науглероживания) лезвий и закалка. Все эти важные вопросы требуют специальных анализов, результаты которых, судя по предварительным сообщениям о сделанном, обещают быть крайне интересными.

в начале XI в. От XI—XIII вв. до нас дошло несколько княжеских и боярских могил, где покойник попрежнему сопровождается вещами, но такие погребения единичны.

На смену курганам приходят клады драгоценностей, зарытые во время опасности в землю. Сохранность вещей и их комплексность в кладах значительно лучше, чем в курганах, но клады как исторический источник обладают и рядом особенностей. Прежде всего нужно отметить большую географическую неравномерность в распределении кладов. Несмотря на то, что находка клада есть результат случайности, мы должны учитывать,что согласно теории вероятностей сами случайности подвержены определенной закономерности. Поэтому отсутствие кладов в одних областях и обилие в других требуют исторического объяснения.

Наиболее важные для истории ювелирного ремесла клады XI—XIII вв. сосредоточены в следующих пунктах: [96]

1. Среднее Приднепровье
   Киев
   Чернигов
   Княжья Гора
   Бассейн р. Роси (Сахновка, Мироновка, Мартыновка и др.)
   Переяславль Русский
   Любеч
   Романово-на-Днепре
   Старые Буды (близ Звенигорода Южного)
2. Волынь
   Каменный Брод (близ Радомысля)
   Борщевка (близ Дубно)
   Молотово (?)
3. Ока — Верхняя Волга
   Терихово близ Болхова
   Старая Рязань

[96] Н. П. Кондаков. Русские клады...; А. С. Гущин. Памятники...; Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов во время XIV Съезда; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V; А. С. Тверской клад. — ЗОРСА, П., 1915, т. XI; ОАК за 1903 г.; ОАК за 1906 г.; ЗОРСА, П., 1905, т. VIII, вып. 1; Коллекции: ГИМ, ГРМ, Коллекции Киевского и Черниговского исторических музеев. Большую работу по русским кладам провела Г. Ф. Корзухина, но ее исследование, к сожалению, еще не опубликовано.

Владимир
Суздаль
Белогостицы (близ Ростова)
Калинин (Тверской клад 1906 г.)

4. Разные места
   Стариково Курской обл.
   Сельцо близ Старой Руссы
   Шалахово близ Невеля

Как видим, большинство кладов сосредоточено на юге. Бросается в глаза отсутствие в этом списке таких городов, как Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск (близ Смоленска есть только более ранние клады IX—X вв.). Давно уже все эти клады связывали с нашествием татар, [97] несмотря на то, что такое объяснение вызывало возражения, [98] географическое размещение кладов убедительно свидетельствует в его пользу. Клады как бы отмечают путь Батыя через Рязань, Владимир, Суздаль, Тверь, Чернигов, Переяславль, Киев-Города, не затронутые татарским погромом (Смоленск, Новгород, Псков), не имеют и зарытых в землю сокровищ.

Дата большинства кладов, как я буду доказывать ниже на конкретных примерах, очень близка к концу XII — началу XIII вв., что лишний раз сближает время их зарытия с эпохой татарского нашествия.

Состав кладов пестрый; в них встречаются вещи разных эпох, но преобладают все же вещи более близкие ко времени жизни последних владельцев клада.Этим в значительной степени объясняются однотипность и однородность находимых в кладах предметов. Некоторые категории вещей, совершенно аналогичных по рисунку, технике, стилю изображения, встречаются почти во всех кладах, подчеркивая своим единством одновременность зарытия всех кладов. К таким вещам относятся некоторые типы трехбусенных височных колец, бляшки с процветшим крестом и широкие серебряные браслеты с черневым тератологическим орнаментом. Все эти предметы встречаются одинаково и в Киеве, и в Рязани, и во Владимире, и в Твери, и в Болгарах.

Выдвигалось еще одно возражение против увязки кладов с татарским нашествием — указывали, что русские города неоднократно

[97] Н. П. Кондаков. Русские клады; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, М., 1930, стр. 119.

[98] А. С. Гущин. Памятники..., стр. 43.

подвергались нападениям половцев и русских же князей. Это бесспорно, но нельзя забывать, что по отношению к княжеско-боярской среде ни один из этих походов XI—XII вв. не имел такого тотального значения, как батыев погром. Естественно, что перед лицом опасности все драгоценное пряталось в землю, но после ухода врагов владельцы кладов возвращались (из соседнего города, в худшем случае — из плена), и клад выкапывали из земли. Как показывают история и археологическая стратиграфия городов, жизнь в них не прекращалась и не прерывалась вплоть до татар. Только татарское нашествие окончательно разрушило русские города и многих русских князей и бояр заставило навсегда расстаться с зарытым в землю «нарочитым узорочьем».

Если клады золотых и серебряных вещей были результатом обычных междукняжеских усобиц, то непонятно отсутствие их в Новгороде, Смоленске, Полоцке, Пскове, Турове, Минске, в городах, которые неоднократно были объектом нападения соседей. Если же мы сопоставим карту кладов с картой походов Батыя, то получим почти полное совпадение. Исключение составят лишь два провинциальных клада: один — у деревни Сельцы близ Старой Руссы, другой — у д. Шалахово близ Невеля. Оба они состоят из одних лишь серебряных вещей и по своему богатству значительно уступают многочисленным кладам Киева, Чернигова и Рязани. [99]

Предмонгольские клады, как это явствует из карты, знакомят нас только с частью древнерусских городов. Ювелирная продукция городов, уцелевших от погромов, нам почти неизвестна. Это обстоятельство необходимо учитывать при сопоставлении различных областей между собой.

Поименованные выше клады по своей социальной принадлежности относятся лишь к княжеско-боярской среде. Украшения рядовых граждан нам почти совершенно неизвестны вследствие христианского обряда погребения.

Не менее важными, чем клады украшений, являются раскопки ремесленных мастерских. Начатые работами В. В. Хвойко, раскопки мастерских были возобновлены лишь в 1930-е годы. В настоящее время известны ювелирные мастерские в нескольких местах Киева, в Вышгороде, в Райковецком городище, в Старой Рязани, во Владимире, в Донце, в Княжьей Горе и в некоторых других местах. [100]

Изучение древнерусского художественного ремесла началось еще в 20-е годы XIX столетия (см. 1-ю главу). Работами Оленина, Снегирева, Филимонова был пробужден интерес к русским древностям, а постепенное накопление новых материалов делало памятники ювелирного ремесла все более и более ценными историческими источниками.

Работы Н.П. Кондакова [101] были основаны уже на обширном и разнообразном материале. К сожалению, чрезмерное увлечение византийской культурой заслонило от автора местное производство, и он, по сути дела, дал обзор не столько русских древностей, сколько предполагаемого им влияния Византии на Русь. [102]

К произведениям древнерусского ювелирного дела обычно обращались искусствоведы (Айналов, Никольский, Сычов, Шмидт, Некрасов), но они никогда не рассматривали вещи во всей совокупности их признаков, не анализировали технику, не обращали внимания на географическое распределение различных типов и очень вольно обращались с датировками. Не выясняя корней и истоков русского художественного ремесла, очень часто его расчленяли на отдельные слагаемые иноземных влияний. Техническая, производственная и вместе с ней и социальная сторона ремесла этими работами не была затронута.

[99] Отмечаемая мною закономерность в распределении кладов распространяется только на клады предметов личного обихода, но не на клады монет, которые прятали в землю не от татар, а от своих же соседей, и потому они встречаются повсеместно. Законы их размещения иные.

[100] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, Киев, 1913; В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища как исторический источник. — «Minerva», Киев, 1914; В. Е. Данилевич. Донецкие городища и город Донец. — АЛЮР, 1904; В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья. — «Труды XII Археол. съезда», 1905, т. I; Н. Беляшевский. Раскопки на Княжьей Горе в 1891 г., Киев, 1892; И. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева; Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. V, Киев, 1902; А. А. Мансуров. Древнерусские жилища. — «Сов. археол.», 1940, № 12; Ф. Н. Молчановский. Обработка металла на Украине в XI—XIII вв. по материалам Райковецкого городища. — ПИДО, 1934, № 5, стр. 83—92; М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. — КС ИИМК, 1941, вып. X.

[101] Н. П. Кондаков. Русские клады..., СПб., 1896; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV—VI, СПб., 1891—1899; Н. П. Кондаков. Византийские эмали собрания Звенигородского.

[102] Подробный, но иногда впадающий в другую крайность, разбор византинистической концепции Кондакова дан А. С. Гущиным в его работе: «Памятники художественного ремесла древней Руси», Л., Соцэкгиз, 1936, стр. 10.

В 1928 г. появилась работа Л. В. Кафки под интересным названием «Искусство обработки металла»,[104] которая, казалось бы, должна была восполнить существующий пробел. Но, к сожалению, автор этого небольшого очерка ограничился общеизвестными фактами, обойдя в своей работе вопросы техники ремесла.

Последней по времени работой по ювелирному делу X—XIII вв. является книга А. С. Гущина. [105] Автор детально останавливается на разборе различных теорий о постоянном «ученичестве России» и энергично возражает против них.

Подбор материала Гущина далеко не полон. В книжку не включены интереснейшие клады: Святоозерский, Тверской, Молотовский, Сахновский, клады Михайловского монастыря в Киеве[106] и ряд неопубликованных кладов. [107] Попытка географической систематизации памятников художественного ремесла не может быть признана удачной, так как автор исходил только из материалов своей книги.

Ярким примером неточности ареалов, указываемых Гущиным, может служить характеристика серебряных колтов, которые он считает характерными для Владимиро-Суздальской Руси. Между тем, при нанесении на карту (см. ниже в разделе «Тиснение») как распространения самих колтов, так и мастерских по их изготовлению, выяснилось, что колты распространены в пределах Киевского и Черниговского княжеств. Единственная находка вне этих земель сделана в Рязани, относительно которой есть литературное указание о том, что сюда бежали черниговские сродники рязанских бояр и были застигнуты здесь татарским нашествием. [108]

Вторым примером неточной географической систематизации является объединение в одну южную группу двух совершенно различных областей — с одной стороны, Киевской, а с другой, — Волыни и Галича.[109]

Все свое внимание А. С. Гущин сосредоточил на анализе орнамента на ювелирных изделиях и пренебрег техникой. Но и в области искусствоведческого изучения орнамента он ограничился только одним из его вариантов — тератологическим стилем, близким к орнаментике рукописей. Нужно сказать, что к этой теме А. С. Гущин подходил с определенной предвзятой точкой зрения, сформулированной им за десять лет до этого в особой статье.[110] Предвзятость заключается в том, что автору желательно доказать, что тератологический орнамент на серебряных изделиях возникает значительно раньше, чем в рукописях. Для этой цели он сдвигает все даты вещей из кладов далеко вглубь. Возражая Кондакову, считавшему тератологический орнамент на ювелирных изделиях XII—XIII вв. лишь подготовкой к рукописной тератологии XIV в., Гущин пишет: «Я же имею в с е о с н о в а н и я утверждать, что время появления этого стиля у славян надо относить к середине XI в. Все эти вещи могут быть с о в е р ш е н н о т о ч н о датированы временем н е п о з д н е е первой половины XII века. Расцвет массового производства серебряных изделий может быть отнесен т о л ь к о к XI в е к у» (в последнем случае разрядка *А. С. Гущина*).[111] Основанием для таких категорических утверждений является ссылка на то, что Киев в 1169 г. был разграблен Андреем Боголюбским и «окончательно захирел».

В нашем распоряжении нет других данных для определения последствий похода 1169 г. для киевского ремесла, кроме являющихся предметом спора ювелирных изделий, но, судя по литературной жизни и архитектурному строительству эпохи Святослава Всеволодича и Рюрика Ростиславича, Киев сохранял свое значение крупнейшего и культурнейшего русского города на протяжении всей второй половины XII в.

Ввиду важности вопроса о датах, остановлюсь на принципах

---

[104] Л. В. К а ф к а. Искусство обработки металла, М., 1928. — Из публикаций интересен в этой брошюре золотой перстень XII—XIII вв. с миниатюрной коробочкой в щитке. Коробочка имеет открывающуюся крышку.

[105] А. С. Г у щ и н. Памятники... Текст приурочен к цветным таблицам, подготовленным Кондаковым для издания второго тома «Русских кладов».

[106] Публикации см. выше.

[107] Напр., клад у деревни Гущино под Черниговом (Коллекция Черниговского обл. музея). Клад у хутора Терещенко близ Путивля (Коллекции ГИМ); клад у с. Старые Буды на Киевщине (Архив ИИМК).

[108] Сказание о приходе Батыя на Рязань. Старо-Рязанские колты — не единственная вещь, говорящая о днепровско-рязанских связях. В Рязани есть тисненые бляшки с позолотой, тождественные бляшкам из Княжьей Горы.

[109] Попытку широкой географической систематизации русских и центральноевропейских ювелирных изделий предпринял польский археолог Р. Якимович. Но его карта грешит еще бóльшим количеством ошибок. Roman J a k i m o w i c z. O p o c h o d z e n i u ozdób srebrnych, znajdowanych w skarbach wczesnohistorycznych. — «Wiadomości Archeologyczny», t. XII, Warszawa, 1933.

[110] А. С. Г у щ и н. К вопросу о славянском земледельческом искусстве. — Сб. «Изобразительное искусство», Л., 1927.

[111] А. С. Г у щ и н. Памятники..., стр. 74—75.

датировки, примененных А. С. Гущиным. Один из основных принципов — социологический. Автор исходит из предпосылки, что «дружинник раннего периода стремился иметь по возможности все свои сокровища... всегда при себе...». [112] На этом основании массивность и материальную ценность предмета Гущин принимает за обязательный признак древности и приближает дату его к IX—X вв. Укажу в качестве примера на гривну с перегородчатой эмалью из Каменнобродского клада, которую он относит к началу XI в. К этому времени он относит и все вещи этого клада.

Важнейшим аргументом является: во-первых, «близость к варварским украшениям», во-вторых, «учет всего сказанного о характере развития киевского художественного ремесла и о периоде его наибольшего расцвета». [113] Другими словами, основанием для такой датировки опять оказывается разграбление Киева Андреем Боголюбским. Такой дедуктивный метод датировки не может быть принят. В выбранном мною примере есть некоторые датирующие признаки:

1. Дата зарытия клада определяется шестиугольными гривнами киевского типа, появляющимися не ранее середины XII в.

2. Гривна с эмалью (по летописи под 1289 г. «цята с финиптом») не может относиться к началу XI в. уже потому, что в состав деисусного чина введены князья Борис и Глеб, которые в начале этого столетия были еще живы и не были канонизированы. Древнейшее житие Бориса и Глеба, по разысканиям А. А. Шахматова, написано только в 1081—1088 гг. [114] Изображения Бориса и Глеба на печатях появляются не ранее середины XII в. [115]

3. Эпиграфические данные (форма букв *Л* и *А*) указывают скорее на XII—XIII вв.

По совокупности всех признаков гривну правильнее было бы датировать второй половиной XII в., а может быть даже и началом XIII в., но уж никак не началом XI в.

К вопросу о датировке и периодизации русского ювелирного ремесла я вернусь в дальнейшем, после рассмотрения каждого технического приема в отдельности. Отмечу лишь, что самой трудной, но в то же время и важной задачей является установление внутренней

[112] Там же, стр. 34.

[113] А. С. Гущин. Памятники..., стр. 34.

[114] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, М., 1916, стр. LXXVII.

[115] Н. П. Лихачев. Материалы по русской и византийской сфрагистике, вып. 1, Л., 1928.

периодизации обширной эпохи XI—XIII вв., установление особенностей для каждого из этих столетий, а не суммарное описание «домонгольских древностей».

Деление данной главы на разделы по техническому принципу вызывает некоторые неудобства, так как узкая специализация на одном каком-либо виде обработки благородных металлов не всегда была присуща ювелирному ремеслу. Многие златокузнецы и медники одновременно владели инструментами для выполнения различных работ. Иногда в процессе изготовления одной и той же вещи применялось и литье, и чеканка, и зернь, и скань, и инкрустация камнем.

Разделение по приемам обработки вызвано соображениями о важности детального рассмотрения техники и ее эволюции для построения истории ювелирного ремесла. Внутри каждого технологического раздела изложение ведется в строгой хронологической последовательности.

3. ЛИТЕЙНОЕ ДЕЛО

Одним из важнейших способов обработки меди, серебра и их сплавов являлось литье. К золоту, ввиду его высокой стоимости, эта техника, требовавшая массивности предметов, почти не применялась за исключением маленьких поделок. Принципиальных отличий литье меди, бронзы, латуни, серебра, биллона и других сплавов не представляет; поэтому в данной главе объединено рассмотрение литья всех металлов, известных древнерусским ювелирам, медникам и котельникам. Как мы видели выше, в главе о деревенском ремесле, литье было основным приемом обработки металла деревенскими «кузнецами меди и серебру».

В раннюю эпоху развития русского города многие приемы литья были одинаковы у городских и деревенских ремесленников. Так, например, на протяжении IX—X вв. городскими литейщиками преимущественно применялось литье по восковой модели и лишь позднее появляются жесткие литейные формы.

Литье по восковой модели применялось в двух вариантах: 1) по плоской модели с сохранением глиняной формы и 2) по объемной модели с потерей формы. Оба эти приема употреблялись одновременно.

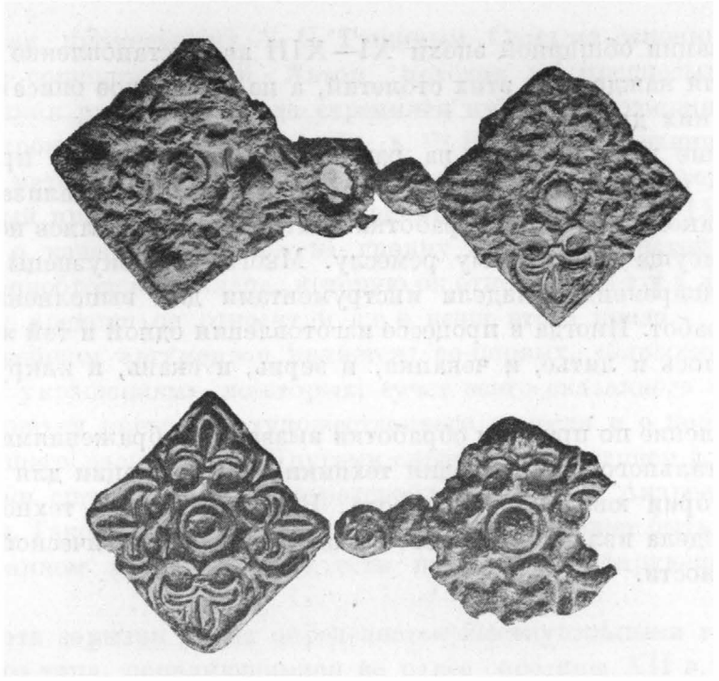


Рис. 50. Застежки из кургана «Гульбище»

Литье по плоской восковой модели (которая затем заливалась глиной) позволяло получать глиняную литейную форму, пригодную для многократных отливок.

Легкость выполнения сложных узоров на воске всегда привлекала внимание мастеров к этому виду литья. Единственным препятствием была хрупкость получаемой литейной формы, которая, хотя и выдерживала несколько отливок, но легко выкрашивалась и ломалась.[116]

В IX—X вв. этой техникой изготавливались подвески к ожерельям, поясные бляшки, застежки к кафтанам (Гульбище) (рис. 50) и головки для шейных гривен.

По сравнению с деревенской техникой обработки восковой модели мы замечаем следующее отличие: городские литейщики вырезывают модель специальными резцами, не довольствуясь только выдавливанием узора, применявшимся сельскими мастерами. Резьба по воску давала яркую игру света и тени и позволяла

[116] Глиняная форма, снятая с восковой модели и обожженная, известна из Херсонеса.

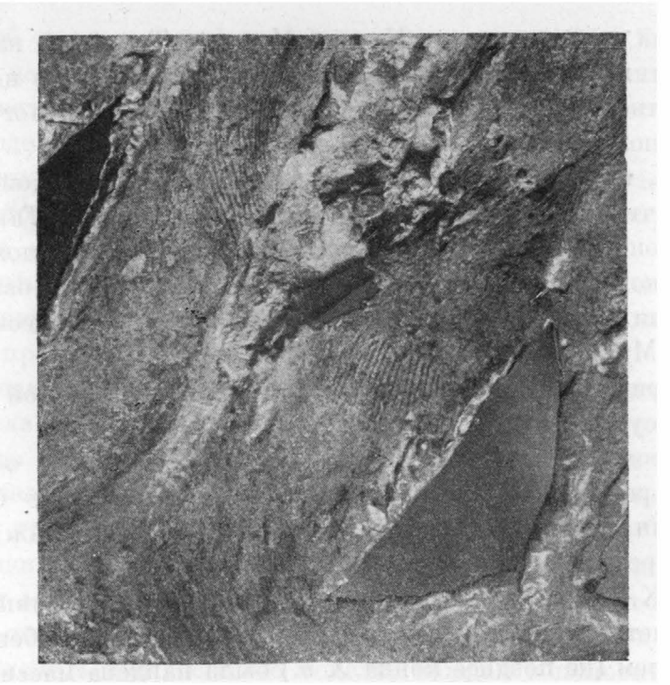


Рис. 51. Отпечатки пальцев на бронзовом подсвечнике (литье по восковой модели)

значительно увеличить художественную выразительность литого изделия.

Резьба зачастую сочеталась со скульптурной лепкой модели.[117] Но наиболее полно, разумеется, скульптурная обработка применялась при литье с потерей литейной формы. В таком случае мастер не был связан с условиями плоской модели, ему не нужно было заботиться о срезании на конце всех выступающих частей, и он свободно лепил из воска объемную модель с причудливым ажурным орнаментом.

В качестве примера можно указать на наконечники ножен мечей. Найденный в Киеве бронзовый наконечник X в.[118] украшен завитками, прорезью и изображением птицы, напоминающим изоб-

[117] См., напр., бляшки с изображениями драконов и чудовищ из Гнездовского клада. — А. С. Г у щ и н. Памятники..., табл. III, рис. 2 и 4, 1 и 5, 8, 10 и 11. — Эти бляшки отлиты в трех литейных формах. Бляшки и застежки из Гульбища. — Т а м ж е, табл. XVI, рис. 13, 15 и 16.

[118] Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. V, табл. IV, рис. 206.

ражения на турьем роге из Черной Могилы. Такой же наконечник ножен с птицей и орнаментом из завитков был найден в погребении князя Ростислава Мстиславича, умершего в 1093 г. и погребенного в Десятинной церкви.

В XI в. вырабатывается особый прием резьбы плоской восковой модели почти без применения скульптурной лепки. Таковы, например, поясные бляшки с княжескими знаками. На поясах двух дружинников (одного из Ростовской, другого из Новгородской земли) были квадратные бляшки с изображением княжеского знака Ярослава Мудрого.[119]

Обе серии бляшек отлиты в одной и той же плоской литейной форме. Рисунок резан резцом вглубь.

Примером такого же литья по восковой модели с обработкой ее путем резьбы могут служить упоминавшиеся уже бронзовые перекрестия двух русских мечей XI в. из Гочева и из Княжьей Горы. Оба перекрестия отлиты в одной литейной форме.[120]

Уже в X—XI вв. в Киеве практиковалось литье массивных объемных предметов из меди и ее сплавов. В одном из погребений с трупосожжением (не позднее конца X в.) была найдена массивная медная жаровня на трех ножках со втульчатой рукоятью. Местное производство таких предметов доказывается наличием литейного брака в виде неудавшейся жаровни, когда металла оказалось слишком мало и он не заполнил части литейной формы.[121] Отливка жаровни требовала восковой модели и потери формы. С потерей формы отливались в X в. также бронзовые идолы вроде найденного в Черной Могиле.

В XI—XII вв. массивное литье с потерей формы применялось для изготовления колоколов.[122] Колокол изготовлен по восковой модели, которая сделана от руки без применения специального обтачивающего кружала, применявшегося позднее в XIV—XV вв. Поэтому на корпусе колокола отсутствует орнамент из рядов рельефных колец, столь характерный для колоколов позднего времени.

[119] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности. «Сов. археол.», 1940, № 6, рис. 89.

[120] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. VI, рис. 212; П. Сосновский. Атлас Гочевских древностей. М., 1909

[121] Коллекции ГИМ. — Такие массивные жаровни могли применяться в ювелирном деле для подогревания небольшого количества металла в льячке, для паяния или нагрева эмалевой массы на золоте.

[122] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. VI.

Способ потерянной формы применялся и в XI—XIII вв. для отливки наиболее сложных предметов. Образцами таких вещей могут служить бронзовые подсвечники, лампады и, может быть, некоторые водолеи-акваманилы.[123]

На одном из подсвечников, найденном во Вщиже, удалось на исподней стороне обнаружить отпечатки пальцев мастера, лепившего восковую модель (рис. 51).

Важным усовершенствованием литейного дела было открытие способа двустороннего литья по двум восковым моделям, который широко применялся в XII в.

Плоская восковая модель ранней стадии городского литейного дела имела только одну орнаментированную сторону, а другая сторона была плоской и гладкой. Потребность в более сложных изделиях удовлетворялась путем литья с потерей формы, но все возраставшие требования массовости изделий заставляли литейщиков искать иного решения. Оно было найдено в сочетании двух плоских восковых моделей. Так, например, для того чтобы изготовить массивную медную боевую гирю к кистеню, мастеру нужно было:

1) вылепить две восковые модели, каждая в половину толщины предмета (нижняя поверхность у каждой модели — плоская);

2) каждую модель отдельно залить жидкой глиной;

3) после просушки и обжига глиняных форм тщательно притереть их друг к другу и обвязать снаружи, после чего они готовы к наливанию металла;

4) после литья металла развязать формы, и отливка готова.

На месте соединения двух глиняных форм был заметен литейный шов, удаляемый или напильником или на круглом вращающемся точиле. На наружных частях этот шов обычно заглажен, а внутри ушка часто остается хорошо заметным. Форма могла служить для последующих отливок. Подобные боевые гири известны из Киева, Княжьей Горы,[124] Новгорода Великого[125] и других мест (рис. 52).

Для датировки этих гирь очень важна гиря из Киева, помещенная в атласе Ханенко под № 203. На ней острым резцом (по воску) вырезан геральдический знак в форме буквы *Н* с крестом над ней.

Совершенно аналогичный знак обнаружен мною на печати с име-

[123] Там же, вып. V, табл. IX.

[124] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. VI, рис. 202, 203, 204. — Гиря, изображенная на рис. 201, возможно, отлита с потерей литейной формы.

[125] Раскопки А. В. Арциховского на Славенском холме.

Рис. 52. Боевая гиря (Киев)

нем Кирилла при раскопках в Вышгороде и, кроме того, на некоторых дрогичинских пломбах.

Ввиду того, что замена старой родовой основы знака Рюриковичей (двузубец) знаками другого рисунка началась только во второй половине XII в., а также, принимая во внимание, что дрогичинские пломбы не восходят глубже конца XI в. (большинство их относится к XII в.), полагаю, что гирю, помеченную знаком, нужно датировать временем около середины XII в.

Самым многочисленным разделом литья по восковой модели в двусторонних глиняных формах нужно считать амулеты-змеевики. Круглые нагрудные медальоны, иногда очень массивные змеевики представляли христианизированную форму античных языческих оберегов от различных болезней. На них изображалась голова Медузы с змеями, христианские святые (обычно воины) и писались сложные заклинательные формулы.[126]

Древнейшие змеевики на Руси — византийского происхождения с греческими надписями, но уже в XI в. налаживается русское производство их. Первоначально некоторые из них могли получаться просто путем оттиска в глине привозного экземпляра. Это избавляло мастера от кропотливой работы по изготовлению модели. В XII—XIII вв. широко изготавливались русские змеевики; одна из характерных надписей на них ДЪНА, переводимая как «нутро», «утроба», встречаются и именные змеевики.

Плоскостной рельеф, простота очертаний самого предмета способствовали хорошей сохранности глиняных литейных форм для змеевиков. Этим и объясняется полное отсутствие каменных форм для них при значительной массовости их изготовления. Возможно также, что мастер имел у себя постоянно один экземпляр готовой отливки и в случае порчи глиняной формы оттискивал в глине вторичную форму, пользуясь своим эталоном.

[126] Литература о змеевиках очень обширна. Из важнейших публикаций отмечу: А. С. Орлов. Амулеты-змеевики Исторического музея. Отчет Гос. Исторического музея за 1916—1925 гг., М., 1926; И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками.— ИРАО, СПб., 1888, т. III; В. Лесючевский. Некоторые змеевики Русского музея (материалы по русскому искусству), Л., 1928.

Особый интерес представляет известная «черниговская золотая гривна» 1821 г., с которой началось изучение русских древностей домонгольского времени.[127]

Великолепный золотой змеевик (название «гривна» ошибочно) отлили по тщательно сделанной восковой модели. По кругу идет надпись: «Господи помози рабу своему Василию»; благодаря этой надписи дорогой, массивный амулет, довольно убедительно связывают с Владимиром Мономахом, носившим христианское имя Василия.[128] Казалось бы, при изготовлении единичного заказного экземпляра мастер мог отливать его способом потерянной формы, но данный змеевик оказался не единственным: кроме золотого экземпляра, оказалось еще два медных, найденных также в Среднем Приднепровье.[129]

Наличие медных копий, отлитых в одной форме с золотым княжеским змеевиком, свидетельствует о практическом расчете мастера-литейщика, очевидно, связанного с рынком. Изготовив изящную модель и отлив по ней золотой змеевик для своего знатного заказчика, мастер сохранил глиняные формы и отливал в них медные змеевики, сбываемые им в пределах того же Черниговского княжества.

Такое двойственное использование одной и той же формы — работы на заказ и работы на рынок — свидетельствует о новой фазе в развитии ремесла. Подробнее и убедительнее об этом говорит материал жестких литейных форм.

По всей вероятности, парные двусторонние глиняные формы по восковой модели возникли под влиянием каменных литейных форм, получивших распространение именно в XII в. Шедеврами русского художественного литья нужно признать огромные паникадила-хоросы со сложными кружевными узорами и птицами (Киев),

[127] В. Г. Анастасевич. Известие о золотой гривне, найденной близ Чернигова в 1821 г., СПб., 1821; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, т. I, СПб., 1928.

[128] Змеевик найден на р. Белоусе, упоминаемой в летописи под названием Боловос, в 17 верстах от Чернигова. По своей природе лесистые берега Боловоса должны относиться именно к тем окрестностям Чернигова, где Владимир «деял ловы».

[129] Валентин Шугаєвський. Мідяний зміевик Чернігівського музею, Чернигів та Північне лівобережжя, Київ, 1928. — Я не принимаю здесь во внимание многочисленных подделок середины XIX в., вызванных тем научным интересом, который возбудила находка 1821 г. Змеевик, описанный В. А. Шугаевским, был найден при обстоятельствах, исключающих подлог, и притом тогда, когда антикварная лихорадка давно уже улеглась.

а также две бронзовых арки из Вщижа с таким же кружевным узором и птицами.

Остановлюсь первоначально на вщижских арках ввиду того, что с их помощью решаются некоторые вопросы датировки, происхождения стиля и техники, имеющие особое значение.[130] К сожалению, историки русского искусства прошли мимо этих замечательных вещей. А. И. Некрасов мимоходом упомянул о вщижских вещах, заметив, что они «явно западного, романского происхождения».[131]

Сложное «ременное плетение», притаившееся в завитках узора химеры, и стилизованные звериные морды рукоятей — все это, действительно, на первый взгляд производит впечатление развитого романского искусства. Но, с другой стороны, фигуры птиц с характерными пальметкообразными хвостами и крыльями, расчлененными по русско-византийской схеме, и столь обычное для русских древностей геральдическое расположение птиц у цветка — все это указывает на какой-то особый русский вариант романского стиля.

Но самым бесспорным доказательством русского происхождения обеих арок является наличие на них (с оборотной стороны) русских надписей. Для выяснения вопроса о времени нанесения надписей, кажущихся вырезанными на бронзе, мною было предпринято специальное макрофотографическое исследование отдельных букв (рис. 53). Оказалось, что надпись нанесена острием на м я г к о м п л а с т и ч н о м материале, который отражал каждый нажим острия, образуя утолщения на краях линий. Когда писавший вел свое острие с нажимом вниз, то на конце линии накапливался рельефный комочек этого мягкого материала. Все это бесспорно показывает, что здесь перед нами литье по восковой модели и надпись нанесена по воску в п р о ц е с с е п р о и з в о д с т в а.

Тем самым устанавливается русское происхождение этих прекрасных образцов литейного искусства. Вщижские находки представляют собой две совершенно одинаковые арки с боковыми выступами внизу и с втульчатыми рукоятями, поддерживающими арки снизу (рис. 54 и 55).

[130] Арки были найдены в 1840 г. при раскопках кирпичной церкви Вщижского городища. См. «Санкт-Петербургские губернские ведомости», 1842, № 5. Впервые были изданы Снегиревым в прориси («Московские древности...»), а затем А. С. У в а р о в ы м в статье: «Древний храм Вщижского городища». — Сб. мелких трудов, т. I, М., 1915. — Арки находятся в ГИМ.

[131] А. И. Н е к р а с о в. Древнерусское изобразительное искусство, [М], 1937, стр. 102.

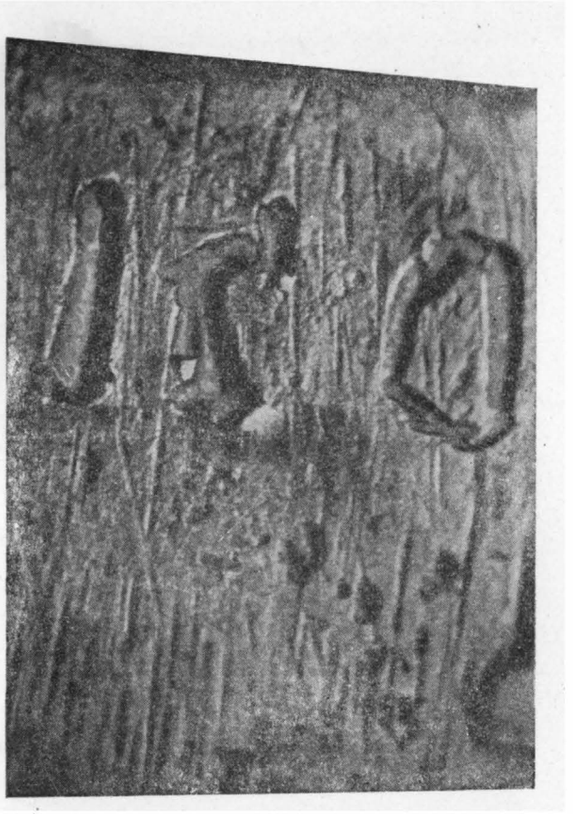


Рис. 53. Надпись на оборотной стороне вщижской арки (макросъемка)

Каждый предмет состоит из пластин: одной полукруглой (с плетением и тремя круглыми медальонами, внутри которых птицы), двух квадратных (только с плетением) и двух прямоугольных (с изображением на каждой двух птиц, клюющих цветок). Отдельные пластины склепаны и к ним присоединены втульчатые рукояти, надевавшиеся на какие-то древки.

Назначение арок не выяснено даже таким знатоком христианской символики, как А. С. Уваров. Несомненно только, что они найдены внутри церкви, рухнувшей во время катастрофы, постигшей весь город.

Надписи имеются на обеих арках. Они были выполнены, как уже сказано, по воску, и некоторые буквы еще до отливки оказались затертыми. Стиль надписей — хороший устав с претензией на декоративность. Надпись на первом экземпляре[132] сохранила следующие буквы: ГИ ПОМОЗИ — А — — — С — — — М КОСТ — — — У — — — — — —.

Начало надписи, судя по сохранившимся буквам и интервалам между ними, можно восстановить так: Г[ОСПОД]И ПОМОЗИ [Р]А[БОУ] С[ВОЕ]М[ОУ] КОСТ[АНТИН]У.

Далее надпись не читается. Если производимая расшифровка верна, то мы получаем имя мастера, изготовившего эти арки — Константин. Вторая надпись сохранилась еще хуже: ГИ ПОМОЗИ...Ы.

[132] Я нумерую их по порядку их изготовления мастером.

Рис. 54. Вщижская арка (лицевая сторона 1-й арки).

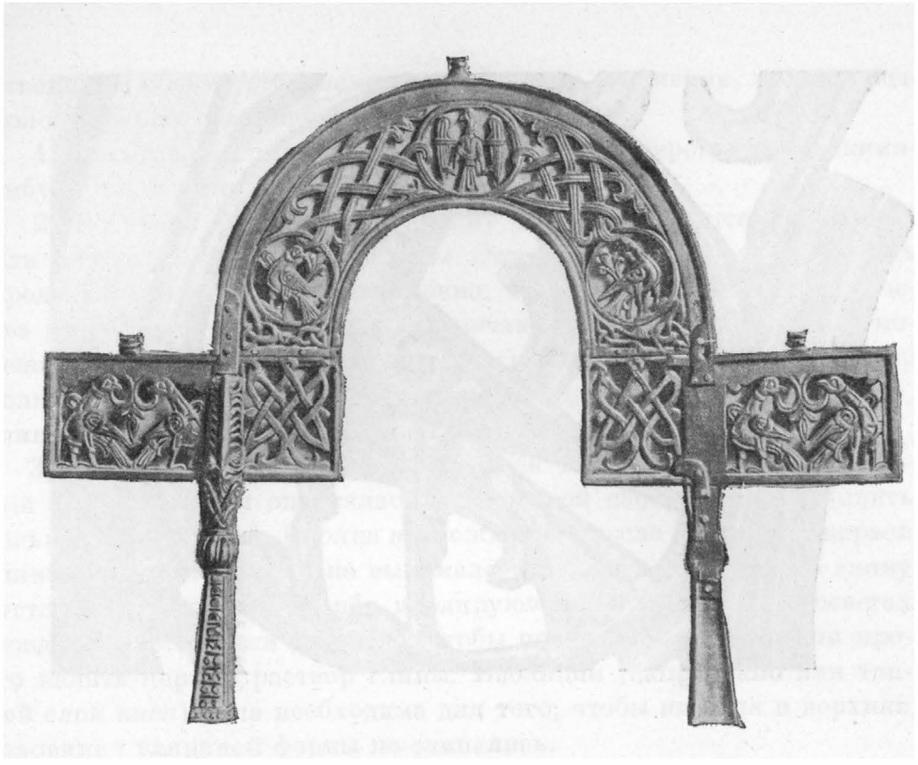


Рис. 55. Вщижская арка (оборотная сторона 2-й арки)

Почерк обеих надписей совершенно одинаков. Эпиграфически эти надписи можно датировать XII в.[133]

Эта дата вполне увязывается со стилем изображений и плетеным орнаментом. Кроме того, при датировке вщижских арок необходимо принять во внимание как дату основания самого города (1142), так и дату постройки церкви, для которой они были отлиты. Церковь по своему плану и размерам чрезвычайно близка к построенной Андреем Боголюбским церкви Покрова на Нерли (1164) и к малой смядынской церкви в Смоленске (середина XII в.). Все это позволяет относить время постройки кирпичной церкви во Вщиже к середине XII в., а дату бронзовых арок едва ли следует особенно отдалять от даты постройки церкви. В пользу того, что арки были отлиты задолго до гибели церкви (1238), говорят следы древних починок.

Особый интерес представляет техника изготовления арок (рис. 56). Детальное изучение обоих экземпляров привело к следующим выводам:

1) лицевые стороны обеих арок совершенно тождественны, за исключением некоторой сглаженности рельефа на втором экземпляре;

2) оборотные стороны тождественны во всем, за исключением надписей;

3) оригиналом для воспроизведения могла быть только восковая модель; в процессе изготовления восковая модель подвергалась вытиранию тряпкой или овчиной; может быть, от этого пострадали надписи (?);

4) срезы краев имеют двустороннюю скошенность, что свидетельствует об отливке в двух глиняных формах.

Весь сложный процесс изготовления двух литых арок с тожде-

[133] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 378—379. Апокалипсис XII в. (инициалы с плетеным орнаментом). Некоторые элементы тех начертаний, которые дает вщижская надпись, имеются уже в Минее 1096 г. (стр. 377).

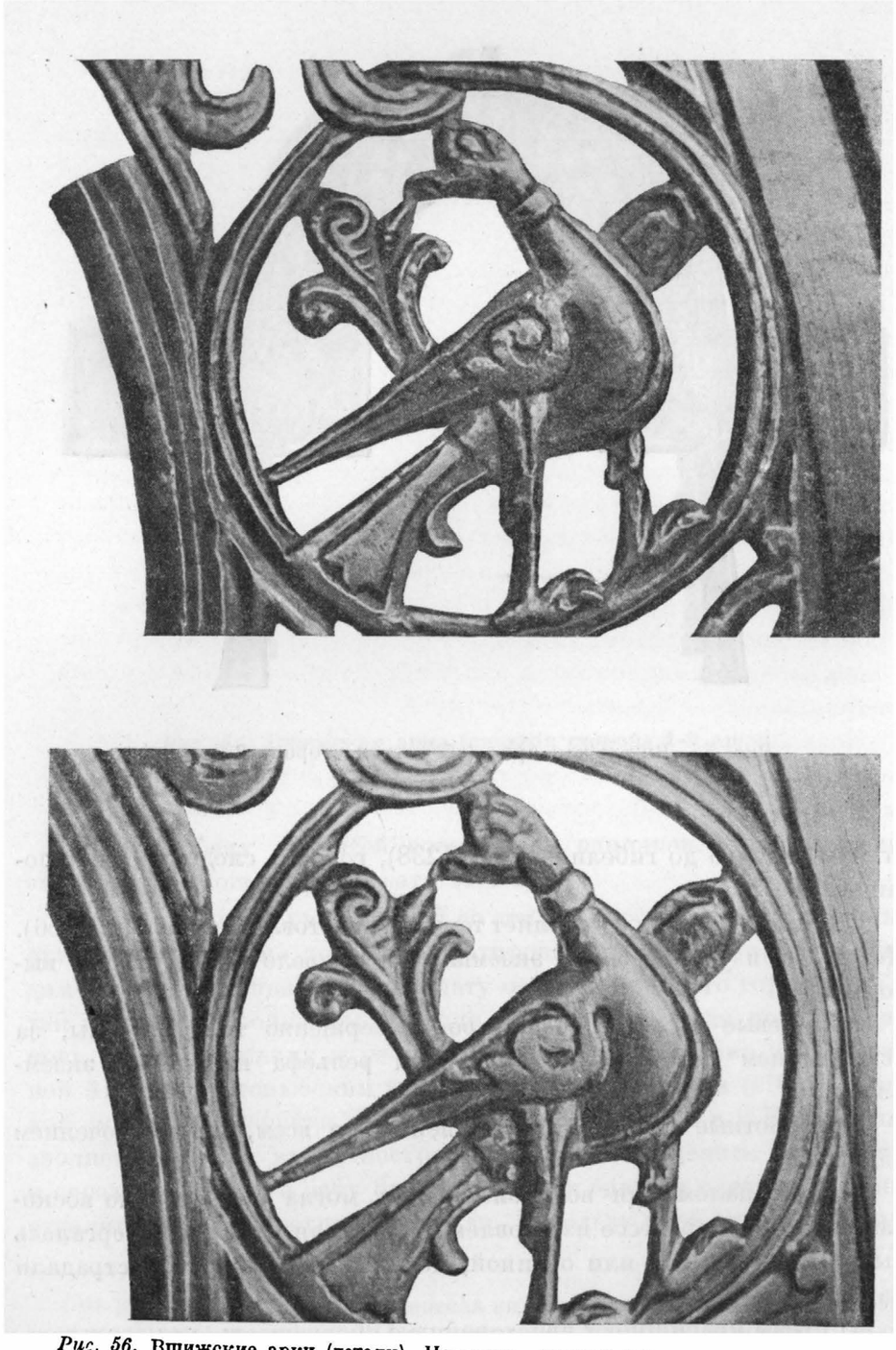


Рис. 56. Вщижские арки (детали). Наверху — первая отливка; внизу — вторая

ственными обеими сторонами, но с разными надписями, можно предположительно восстановить так:

1) Изготовлена модель из плотного воска (вероятно, с какими-нибудь вяжущими примесями).

2) Восковая модель на половину толщины опущена в жидкий или тестообразный раствор глины. Эта операция должна была быть проделана очень аккуратно и точно, чтобы раствор не перешел через ребристую грань прорезей, отмечающую середину толщины модели. Если жидкая глина поднималась выше этой грани, то мастер должен был удалить ее. Это было важно для того, чтобы, засохнув, глиняная форма легко отделилась от модели.

3) Модель извлекалась из высохшей глиняной формы и в новый раствор глины опускалась уже второй своей стороной (опять только до половины). Вполне возможно, что после получения первой глиняной формы модель не вынималась из нее, а высохшую глину густо смазывали каким-либо изолирующим веществом в просветах между воском модели для того, чтобы поверх формы и модели просто налить первый раствор глины. Изоляция (напр., сало или тонкий слой клея) была необходима для того, чтобы нижняя и верхняя половинки глиняной формы не слипались.

4) Получив тем или иным способом две створки глиняной литейной формы, мастер извлекал из них восковую модель и отливал в форме вторую восковую модель. При извлечении второй модели глиняная форма могла пострадать, но это не отражалось на ходе производства.

5) Получив две восковых модели, мастер мог уже оставить кропотливое изготовление плоских глиняных форм и перейти к более простому способу литья с потерей формы.

6) Приступая к настоящему литью металла мастер написал на каждой восковой модели заклинательную формулу «Господи помози», залил каждую модель глиной и дальше производил отливку по способу потерянной формы. Очевидно, в процессе последних приготовлений к литью мастеру приходилось прикасаться к моделям чем-то горячим, отчего часть букв на воске бесследно исчезла.

Как видим, мастер Константин должен был проявить много изобретательности, умения и знания для того, чтобы отлить свои изящные бронзовые арки. Восковые модели в сочетании с плоскими глиняными формами широко применялись для изготовления хоросов-паникадил (рис. 57).[134] Большое паникадило монтировалось из 63

[134] Х а н е н к о. Древности, вып. V, табл. VII; вып. VI, табл. XVI.

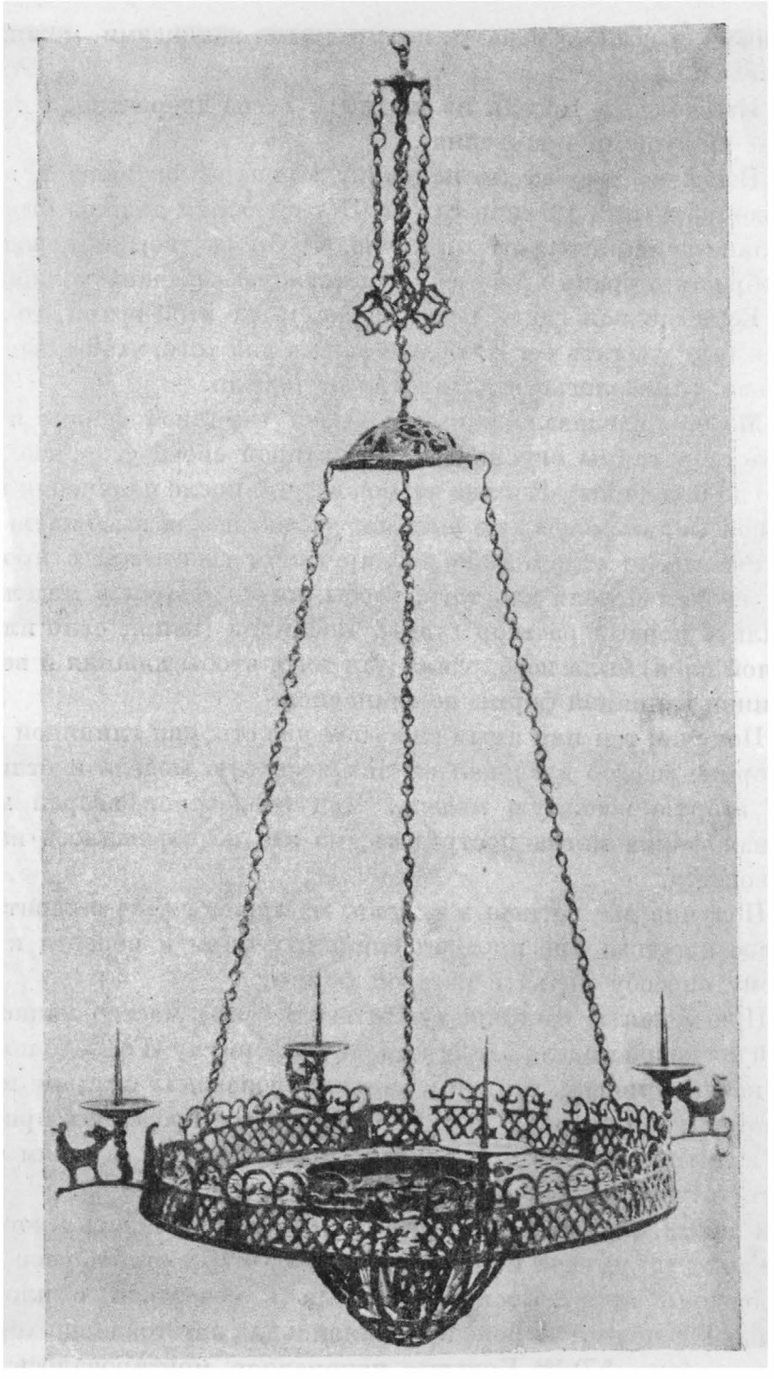


Рис. 57. Паникадило XII в.

отдельных частей, которые отливались в нескольких формах. Перечислю литейные формы, необходимые для изготовления паникадила:

Пластины верхней чашки	— 4	экз. одного рисунка
Пластины верхней чашки	— 4	» другого рисунка
Крючки для цепей	— 6	»
Звенья цепей	— 6	»
Пластины цилиндрической части круга	— 12	»
Подсвечники с чудищами	— 6	»
Кружки для подсвечников	— 6	»
Треугольные пластины для донной части и для поддона	— 18	»
Массивный поддон		

Края прорези всех пластин имеют не двугранный, а ровный скошенный срез, что свидетельствует о литье в плоской односторонней форме без применения тех сложных процедур, которые применялись при литье вщижских арок. Здесь изготавливалась глиняная форма, давшая несколько отливок. В производстве паникадила чувствуется уже некоторая механизация. Позднее, в XIV—XV вв., в Новгороде существовала специальная мастерская бронзовых паникадил, в которой отливались различные части и из них монтировались паникадила. Для одной и той же части существовало несколько разных форм, отличавшихся по рисунку, и нередко эти части перемешивались при монтировке (например, нижние пластины, соответствующие одному стилю паникадила, приделывались к другому). [135]

По общей композиции новгородские хоросы XIV—XV вв. очень напоминают киевские и являются дальнейшим развитием домонгольских образцов.

Ввиду единичности киевских находок проследить массовость изготовления, подобную новгородской, не удается, но, принимая во внимание единство киевской и новгородской техники (литье в одной форме до 18 однородных пластин), можно утверждать, что киевские литейщики находились уже на пути к подобной массовости, а может быть, и осуществляли ее.

Последний вопрос в связи с литьем хоросов относится к их датировке.

---

[135] Подробнее см. об этом во 2-й части настоящей работы.

Решетчатое плетение хоросов очень напоминает плетение вщижских арок, орнамент многих серебряных колтов и браслетов. В архитектурной орнаментике аналогию этому плетению представляет известная капитель колонны из Чернигова второй половины XII в.

После татарского нашествия техника изготовления таких хоросов из бронзового кружева сохраняется в Новгороде, а это дает нам право предполагать наличие ее там и в домонгольское время, хотя прямых указаний на это нет.

Вторым существенным разделом литейного мастерства является литье в жестких формах. Среди раскопок и случайных находок в различных русских городах имеется большое количество каменных литейных форм для самых разнообразных предметов. Найдены формы, в которых отливались: височные кольца, перстни, браслеты-запястья, браслеты ложно-витые, колты для черневого орнамента, колты с ложной зернью и сканью, бусы с ложной сканью, диргемы (подражания), подвески к ожерелью, пуговицы, кресты-энколпионы и др. [136]

Материалом для изготовления литейных форм служили различные породы сланца (в том числе и розовый шифер), изредка известняк, а в конце домонгольского времени — преимущественно литографский камень, допускавший особо тщательную отделку. Очень редко, и только для оловянного литья, применялись бронзовые литейные формы. [137]

Большинство каменных литейных форм — двусторонние с очень тщательно притертыми друг к другу плоскостями для устранения литейных швов (рис. 58).

Для правильности совмещения обеих половинок, в литейных формах просверливались гнезда, из которых одно заполнялось свинцовым штифтом, подогнанным так, что он плотно входил в свободный паз второй половинки. Наличие двух таких шипов обеспечивало неподвижность обеих форм. Для отливки объемных вещей

[136] Киевские литейные формы опубликованы в следующих изданиях: Н. П. Кондаков. Русские клады; В. Е. Козловская. Славянские курганы; Д. И. Багалей. Русская история до Ивана III, М., 1914, рис. 167—173; А. С. Гущин. Памятники... — Кроме того, коллекции ГИМ, Эрмитажа, ГРМ и Киевский исторический музей.

[137] Бронзовая литейная формочка для отливки оловянных пуговиц была найдена в Саркеле. Ее особенный интерес заключается в княжеском знаке нанесенном на нерабочую сторону формы. — Б. А. Рыбаков. Знаки собственности, рис. 88.

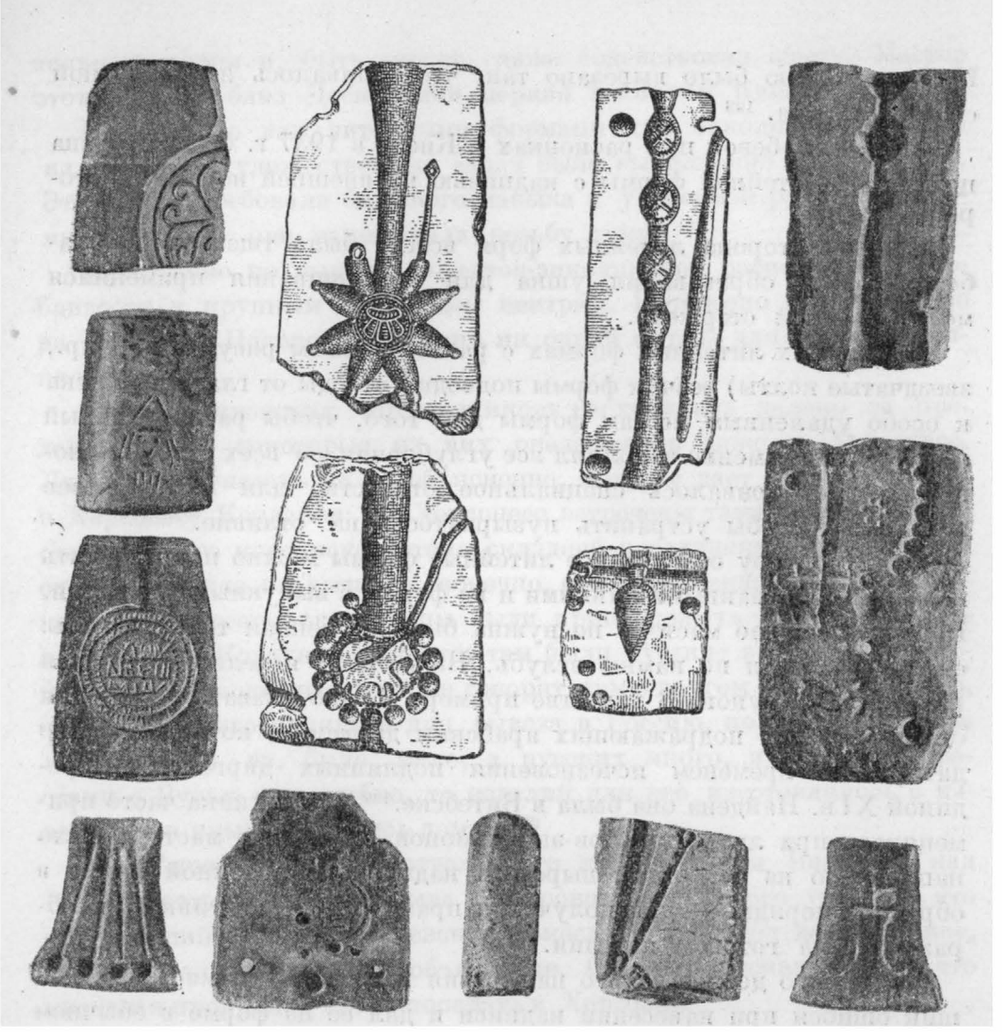


Рис. 58. Литейные формы

со сложной рельефной орнаментацией (как, например, трехбусенные височные кольца) киевскими ювелирами были изобретены трехсоставные формы, каждая из которых формована не 180°, а 120° круглой поверхности. Благодаря этому остроумному приему удавалось отливать очень сложные вещи и безболезненно извлекать их из формы.

При изготовлении форм резчики иногда допускали «пробы резца». Так на одной шиферной форме из Киева резчик набросал сбоку рисунок бородатого мужчины в шлеме или конической шапке.

На одной из форм креста-энколпиона было вырезано имя мастера

Никодима. Оно было вырезано так, что отливалось на оборотной стороне креста. [138]

Л. А. Голубевой при раскопках в Киеве в 1937 г. была найдена половинка литейной формы с надписью на внешней нерабочей стороне.

Рабочая сторона литейных форм всегда была тщательно обработана. Для образования ушка для привешивания применялся металлический стержень.

В сложных литейных формах с разветвленным рисунком (напр., звездчатые колты) резчик формы подводил отводы от главного литка к особо удаленным местам формы для того, чтобы расплавленный металл одновременно заполнял все углубления со всех сторон. Иногда предусматривалось специальное отверстие для выхода газов и воздуха, чтобы устранить пузырчатость на отливке.

По характеру отделки все литейные формы можно подразделить на формы с врезанными линиями и на формы с выпуклыми линиями. В первом случае мастеру не нужна была особенная тщательность: он просто резал по камню вглубь. На готовом изделии получался рельефный рисунок. В качестве примера можно указать форму для отливки монет, подражающих арабским диргемам, которую можно датировать временем исчезновения подлинных диргемов — серединой XI в. Найдена она была в Витебске.[139] Эта техника часто применялась при литье крестов-энколпионов. Внимание мастера было направлено на то, чтобы вырезать надпись на литейной форме в обратном порядке — для получения правильного позитивного изображения на готовом изделии.

Незадолго до татарского нашествия в Киеве один мастер-литейщик ошибся при нанесении надписи и дал ее на форме в обычном прямом написании. Энколпионы, литые в этой форме, все оказались с обратными надписями, читаемыми только при помощи зеркала. Но можно думать, что данная ошибка не повредила мастеру, так как кресты его работы с обратной надписью (СТАЯ БООБВЦЕ ПОМАГАИ и др.) очень часты как в самом Киеве, так и в других городах Среднего Приднепровья. Возможно, что «зеркальный» характер надписи воспринимался, как особый магический заклина-

[138] Крест находится в коллекциях ГИМ. По всей вероятности, Никодим — монашеское имя. Вполне естественно, что мастерская по выделке крестов находилась в монастыре и мастерами там были монахи. Энколпион датируется XII в.

[139] Коллекции ГИМ.

тельный прием и, быть может, даже содействовал сбыту. Мастер этот работал близ Десятинной церкви в Старом Киеве. [140]

При работе над литейными формами для энколпионов одной из сложных художественных задач было выполнение фигур и лиц. Эта работа требовала большого навыка и уверенной руки. По своему характеру она напоминала резьбу гемм. [141]

Мастерские по выделке крестов-энколпионов располагались поблизости к крупным церковным центрам. Интересно отметить, что на Киевском Подоле не найдено ни одной формы для литья энколпионов.

Изделия киевских «крестечников» расходились далеко за пределы Киева; некоторые из них оказывались даже в Херсонесе. Любопытно указать на то объяснение, которое дает русским вещам в Херсонесе Кондаков: «В Херсонесе встречены также тельные кресты обычного корсунского типа складней с надписями славяно-русскими: находка их вызвала, конечно, обычное анекдотическое объяснение, что кресты эти должны были принадлежать русским, поселившимся в Корсуни. Конечно, там были русские в составе населения, однако, подобные находки говорят нам о другом факте, а именно, что кресты изготовлялись для вывоза в Россию, но так как греков в XII—XIII вв. было мало, а русских много, и торговля крестами с Русью шла шибко, то изделий для нее изготовлялось с излишком, и иные оставались дома». [142]

Идея постоянного и безусловного превосходства Византии над Русью настолько сильна была в мировоззрении этого ученого, что он, знавший о местном киевском ремесле, предпочел давать такое, поистине анекдотическое, объяснение. Он не допускал мысли, что киевская продукция могла попадать в Херсонес.

Нам теперь легко доказать местное киевское изготовление этих крестов, так как при раскопках найдены остатки мастерских с ли-

[140] В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища как исторический источник. — «Minerva», Киев, 1914, табл. I, рис. 4 и 6. — Формы найдены в усадьбе Петровского. Список крестов изготовления упомянутого мастера см. в главе «Сбыт».

[141] Большое количество литых бронзовых энколпионов XI—XIII вв. с русскими надписями издано в атласе Б. Ханенко. Древности Приднепровья. Кресты и образки, вып. I и II; Н. Петров. Альбом достопримечательностей Церковно-археол. музея Киевской духовной академии, Киев, 1915.

[142] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V. Курганные древности и клады домонгольского периода, СПб., 1897, стр. 32.

тейными формами для крестов. Но даже без находок литейных форм можно было установить русское происхождение крестов.

Особый раздел литья в таких формах составляет литье бронзовых зеркал. Среди большой коллекции литых зеркал из белой бронзы, найденных в Княжьей Горе,[143] мне удалось обнаружить известное количество литейного брака, который никак не мог служить предметом торговли. По всей вероятности, на Княжьей Горе существовала специальная мастерская по выделке бронзовых зеркал. Любопытно, что в русских курганах и городищах зеркала очень большая редкость, а встречаются они часто у кочевников. Очевидно, каневские литейщики готовили зеркала для осевших поблизости — «своих поганых» — торков и берендеев, а, может быть, и для половцев.

Вторая группа литейных форм с выпуклыми линиями, которые на отливке дают как бы врезанные вглубь линии, появляется позднее первой, так как требуется очень тонкая и кропотливая работа по ее изготовлению из камня. Достаточно сказать, что при выработке формы для одной створки широкого браслета,[144] мастеру нужно было уместить на пространстве 4×4 см сложный узор из двух сплетенных ременных плетением сиринов. Все линии двойного контура рельефны. Толщина каждой рельефной линии всего 0.2 мм. Если весь узор вытянуть в одну линию, то длина ее будет 180 см.

Обработка такой формы требовала хорошего материала и инструментов и опытного мастера-резчика. Значительная затрата труда на изготовление формы могла быть оправдана только при условии массового производства и сбыта, так как тогда наличие такой формы лишь ускоряло производство. Если бы мастеру нужно было сделать всего 2—3 браслета, ему проще было бы нанести этот рисунок прямо на готовое серебро или прибегнуть к литью по восковой модели. Но, очевидно, мастер находил более выгодным изготовить сложнейшую (но прочную) форму, не считаясь с большими трудовыми затратами.[145]

[143] Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского, Киев, 1898. — Вещи хранятся в Черниговском музее.

[144] А. С. Г у щ и н. Памятники..., стр. 25, рис. 1.

[145] Форма издана В. Е. Козловской (Ук. соч., табл. I, рис. 8) и А.С. Гущиным (Памятники.., стр. 25, рис. 1). — Гущин сопоставляет плетеный орнамент данного браслета с заставкой нотного кондакаря XII в. и с другими орнаментами рукописей XII в. Вторую половину этой формы нашла в 1937 г. Л. А. Голубева.

Подобные литейные формы применялись для отливок браслетов под чернь. Фон покрывался шраффировкой для лучшего сцепления с черненой массой, а рисунки оставались или чисто серебряными или золотились. Широкие браслеты-запястья принадлежат к лучшим и важнейшим художественным произведениям древней Руси. Всего известно около двух десятков браслетов и одна литейная форма. Происходят они из следующих мест:

Киев — несколько браслетов из разных находок и литейная форма
Чернигов — 1 браслет
Владимир — 4 браслета
Тверь — 2 браслета (от одного гарнитура)
Терихово на Верхней Оке
Романово на Днепре близ Могилева
Викторово близ места древнего Галича
Демидово близ Николаева
Старые Буды близ Звенигорода Киевского[146]
Чернигов (фрагменты)

Широкая поверхность браслета, предназначенного для охвата узкого рукава длинной женской одежды, предоставляла мастеру-художнику большое пространство для нанесения узора. И мастера успешно справились со своей задачей — все поле браслета сплошь покрыто плетениями, цветами, завитками и разнообразными изображениями. Сочетание бархатистого черненого фона с серебром и золотом должно было еще усиливать декоративность этих запястий (рис. 59).

С известной долей условности широкие браслеты можно разделить на три географических группы: Владимирскую, Киевскую и Галицкую.

[146] Н. П е т р о в. Альбом достопримечательностей... Киев, 1915, вып. IV—V, табл. X, рис. 1. — Другой браслет сомнительного происхождения. А. В. Орешков издал его в книге: «Слово о полку Игореве», М., 1934, как находку в Михайловском монастыре в Киеве. См. А. С. Г у щ и н. Памятники.., стр. 21. Место находки не указано; Н. П. К о н д а к о в. Русские клады.., т. I, СПб., 1896, табл. XI; А. С. Г у щ и н. Памятники.., табл. XVII, стр. XX, рис. 1, 3, 4, 5; Тверской клад 1906 г. — ЗОРСА, 1915, т. XI, табл. II, рис. 1 и 2; А. С. Г у щ и н. Памятники.., табл. XV, рис. 10, 13; И. И. Т о л с т о й и Н. П. К о н д а к о в. Русские древности.., вып. V; М. С. Г р у ш е в с ь к и й. Молотовське срібло. — ЗНТ, т. XXV; Фотоархив ИИМК, № 13171, клад 1908 (Старые Буды); И. Х о й н о в с к и й. Раскопки великокняжеского двора древнего города Киева, произведенные весной 1892 г., Киев, 1893, табл. IV, рис. 16 (рисунок ошибочно резан на литографском камне). — В коллекциях ГИМ есть браслет из собрания А. С. Уварова; место находки неизвестно.

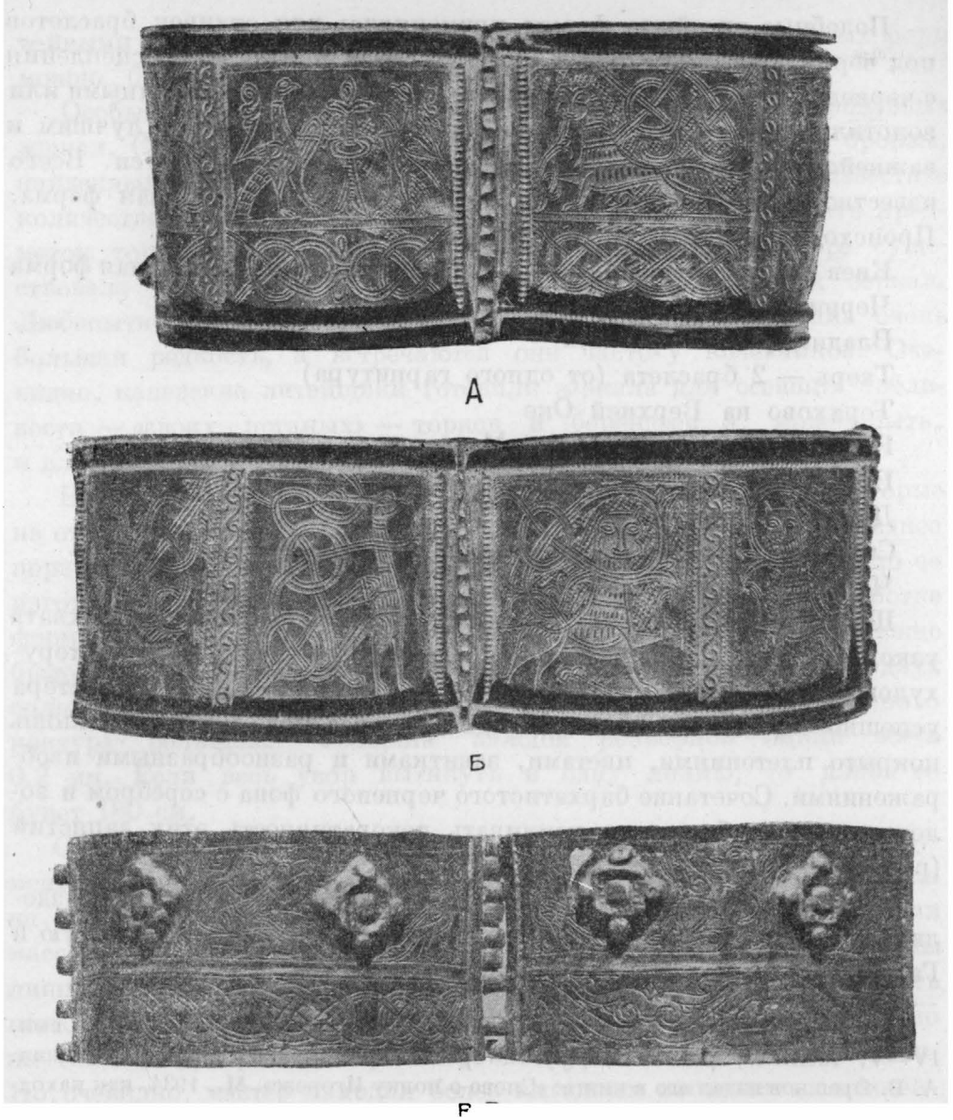


Рис. 59. Широкие серебряные браслеты (Киев)

Для владимирских браслетов характерно членение поля на две горизонтальных полосы без резких вертикальных делений. В орнаментике преобладают плетеные узлы и изображения птиц и львов, находящие полные аналогии в белокаменных рельефах Дмитриевского собора во Владимире (1193—1197) и Георгиевского в Юрьеве (1234). К группе владимирских браслетов можно условно причислить

большой браслет териховского клада — там те же арки, трилистники и птицы. Плетеный узел владимирского браслета [147] совершенно аналогичен узлу на одном из серебряных колтов териховского клада.[148]

Очень интересен браслет владимирского клада 1896 г.[149] Здесь мастер отказался от принципа дробных орнаментальных клейм и дал на каждой створке запястья общую композицию, напоминающую книжные заставки. Симметрия, пропорциональность, сочность и округлость рисунка могут указывать на XIII в. Близки к владимирским по наличию позолоты два браслета из коллекции ГИМ.

Браслеты Гос. Исторического музея совершенно тождественны и имеют по четыре арки на каждой створке (рис. 60). Под арками — плетенка и орнамент из крупных завитков; на левой створке на всех четырех арках изображение птицы или зверя; на правой створке изображены плясуньи и домрачеи. Особенностью этих браслетов являются позолота фигур и отсутствие черни. Единственный случай, когда в нашем распоряжении имеются два тождественных экземпляра, позволяет точнее восстановить технику изготовления браслетов. Они оказались не литыми, а гравированными.

Киевская группа представлена тремя браслетами и литейной формой; кроме того, к ней можно отнести второй браслет тверского клада. По сюжетам изображений эта группа занимает особое место в истории русского ювелирного дела. Поле браслета делится вертикально несколькими рельефными арками; внутри арок — рисунки людей, кентавров, деревьев, зверей и плетеный орнамент. [150]

Браслет бывш. музея Киевской духовной академии расчленен на 6 арок, в которых есть изображения плясуньи с распущенными рукавами, воина и гусляра (рис. 61).

К киевской группе нужно отнести и браслет черниговского клада 1887 г. с рельефными арками. К сожалению, внутри арок серебро настолько разрушено, что разглядеть рисунок невозможно. Инте-

---

[147] А. С. Г у щ и н. Памятники.., табл. XX, рис. 3, 4.

[148] Единичного совпадения недостаточно, чтобы делать какие-либо обобщения. Терихово находилось на территории Черниговского княжества и по всем остальным находкам, действительно, связано с Черниговом, но браслеты близки к владимирским. Отмечу, что меандровый орнамент на одном из колтов Терихова повторяет меандр на топорике Андрея Боголюбского. Нигде в других местах подобный орнамент не встречен.

[149] А. С. Г у щ и н. Памятники.., табл. XX, рис. 3,4.

[150] Размещение фигур в аркадах мы видим на чашах восточного происхождения, но бытовавших в XII в. на Руси. См. А. С п и ц ы н. Две серебряных чаши. — ЗОРСА, 1906, т. VIII, вып. 1, табл. X, XI.

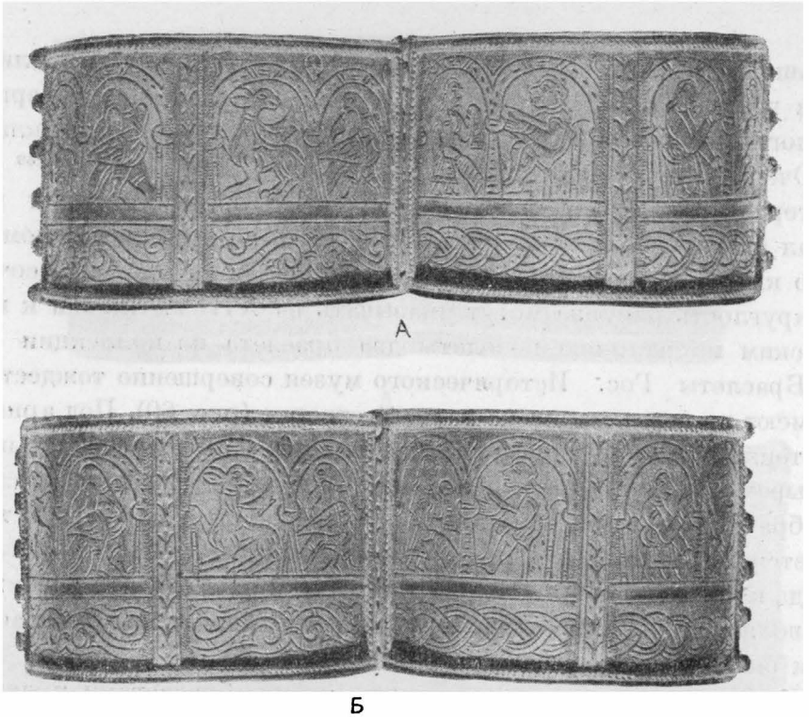


Рис. 60. Широкие серебряные браслеты (коллекции ГИМ)

ресен браслет из Киева, найденный в усадьбе Раковского. На нем изображены сирины и плодоносящее дерево.

Браслеты тверского клада 1906 г., несмотря на то, что они, повидимому, составляли один гарнитур, оказываются различными как по технике, так и по стилю и качеству изображений. Один из них в орнаментике явно подражает другому, но выполнен хуже, чем оригинал, линии неровны, рисунок не везде понятен. Арки более раннего браслета заменены на новом широкими квадратами с изображениями львов с хвостом, образующим плетенку, и фронтально поставленной мордой двух зверей, стоящих на задних лапах; хвосты у них срослись и образуют пальметку (как на турьем роге из Черной Могилы) и двух птиц около древообразной плетенки. Характер изображений на этом браслете напоминает изображения на колтах с чернью.

Старший браслет, послуживший образцом для подражания, значительно ближе к киевским экземплярам. Рельефные арки делят створки на три части; внизу в арках — плетеные узоры; в арках левой створки — изображения женщин с кубками и мужчины, ука-

Рис. 61. Широкие серебряные браслеты (Киев)

зывающего пальцем на небо. На правой створке изображено дерево и кентавр в одежде, с воротом и рукавами, разговаривающий со зверем.

К киевским находкам относятся два браслета из клада Михайловского монастыря 1903 года с изображениями барсов и птиц, а также браслет с позолотой из раскопок И. Хойновского в Старом Киеве (рис. 59).

Галицкие браслеты отличаются от киевских и владимирских большей сухостью изображений и особым стилем орнаментики. Браслет из окрестностей Галича дает в трех подражающих аркам клеймах изображения птиц и плетенку. Демидовский браслет интересен изображением мужчины в широкой шляпе с копьем в правой руке и птицей в левой. [151]

Точная дата этих литых браслетов с чернью определяется с трудом. Если можно сказать, что они появляются в XII в., то указать точное время каждого браслета не представляется возможным. Некоторые из них (напр., тверские) могут относиться и к началу XIII в. Совпадение с архитектурным орнаментом Владимирской Руси заставляет датировать большинство браслетов второй половиной XII в.— началом XIII в.

При производстве браслетов основная трудность заключается не в отливке и не в последующей обработке резцом или в нанесении черни — все эти операции были хорошо известны и доступны каждому ювелиру. Самым сложным было изготовление литейной формы с тончайшими каменными перегородками (рис. 62).

К сожалению, у нас нет данных, чтобы решить вопрос о том, сами ли литейщики готовили эти формы или это высокое искусство

---

[151] Браслеты из Старобудского клада являются грубой ремесленной работой, лишь отдаленно напоминающей киевские образцы. Вероятнее всего (судя по стилю всех украшений клада), что это изделие не русских мастеров, а берендеев, которым принадлежал этот район в XII—XIII вв.

Рис. 62. Литейная форма для отливки широких браслетов

требовало особых камнерезов со специальными инструментами и навыками. Допустить существование особых резчиков возможно.

Второй категорией сложных и тонких литейных форм являются формы имитационного назначения. Имитационные формы были предназначены для того, чтобы путем простого литья воспроизводить тончайшие ювелирные приемы вроде тиснения, зерни и филиграни, требовавшие длительной и кропотливой работы над каждым экземпляром.

Известны литейные формы, при помощи которых могли быть воспроизведены путем литья (рис. 58) колты с тисненными (штампованными) щитками и припаянными шариками, колты, обсыпанные мельчайшей зернью, колты с филигранными ребрами, колты с орнаментом, нанесенным резцом; бусы зерненые, филигранные; трехбусенные височные кольца с филигранью; браслеты проволочные перевитые, широкие пластинчатые браслеты с гравированным рисунком.

Во всех этих литейных формах чувствуется желание мастера сразу, за одну отливку, получить готовыми все детали сложного предмета.

Вместо того, чтобы напаивать на поверхность серебряного звездчатого колта 5000 (!) мельчайших зерен серебра, посаженных каждое на микроскопическое колечко, или припаивать к небольшой бусине миниатюрные жгуты крученой проволоки, мастер-литейщик одной ложкой расплавленного металла добивается почти таких же результатов, как его собрат-ювелир длительной работой пинцетом, паяльником и жаровней. Конечно, литая вещь была значительно грубее, тяжелее по весу, чем тонкое тисненное серебро с зернью и сканью, но получалась полная иллюзия внешнего сходства.

Литье в имитационной форме освобождало мастера от припаивания деталей — полые серебряные шарики, которые обычно штамповались по половинкам и посредством полого же цилиндрика припаивались к колту, здесь заранее вырезывались на форме и отливались заодно с корпусом. Напаивание зерни заменялось высверливанием

в форме мельчайших углублений, которые на отливке производили впечатление зерен. Филигрань воспроизводилась путем тщательной нарезки желобков с косой винтовой насечкой, дающей иллюзию крученой проволоки. Резьба и гравировка воспроизводились так же, как на формах для широких браслетов,— оставлением тонких рельефных полос на поверхности литейной формы. Изготовление литейной формы требовало специальных и тонких инструментов, в том числе и дрелей разных диаметров для сверления углублений под ложную зернь.

Обработка каменных форм поражает своей тщательностью. Каждая литейная форма сама по себе является произведением высокого ювелирного искусства.

Трудно сомневаться в том, что подобная тщательность в изготовлении форм свидетельствует о потребности мастера в м а с с о в о м выпуске своей продукции. Только наличие широкого и гарантированного круга заказчиков или наличие рынка могли способствовать появлению таких дорогих и трудоемких приспособлений, как эти литейные формы.

Появление имитационных литейных форм знаменует интересный перелом в истории ремесла — одновременное существование двух технических систем. Одна из них рассчитана на исполнение вещей всем арсеналом технических приемов; она требует очень большого количества времени для индивидуального приготовления каждого предмета и, по всей вероятности, связана с работой на заказ. Вторая система дает несколько худшие по качеству вещи, но зато изготовление каждого отдельного предмета занимает минимум времени. Центр тяжести переносится на изготовление оборудования мастерской, на производство средств производства.

Преодолев затруднения по изготовлению имитационных литейных форм, мастер-литейщик мог в течение долгого времени наводнять рынок своими изделиями. Дата этого перелома должна быть особенно интересна для истории ремесла.

Большинство вещей, являвшихся образцом для воспроизведения, относится к вещам, т и п и ч н ы м д л я в с е х к л а д о в. Таковы звездчатые колты, трехбусенные височные кольца, витые браслеты. Как уже указывалось выше, подобная однородность вещей из разных мест может свидетельствовать об их одновременности. Другими словами, большинство вещей нужно относить к эпохе, непосредственно примыкающей к татарскому нашествию, к концу XII— началу XIII в. Следует оговориться, что эта дата есть дата с а м и х в е-

щей, но не времени появления типа. То обстоятельство, что большинство известных нам предметов датируется концом XII и началом XIII в., нисколько не противоречит тому, что возникновение типа этих вещей нужно относить к более раннему времени.

Наиболее архаично на литейных формах выглядят колты, подражающие тисненным. Звери там еще без ременного плетения, столь характерного для второй половины XII в. По всей композиции и простоте рисунка они приближаются к матрице для тиснения колтов, помеченной знаком князя Всеволода Ярославича (1054—1093).[152]

В середине XII в. появляются колты с плетением вокруг центральной фигуры барса.

Подражание колтам XI в. без плетения, с простым рисунком, могло возникнуть уже в первой половине XII в. Первое появление имитационных форм не нужно смешивать с временем бытования известных нам экземпляров (некоторые из них дожили до 1240 г.).

Парадоксально и загадочно то, что, с одной стороны, имитационные формы являются показателем массового производства, а с другой — нам почти неизвестна литая продукция, полученная при посредстве этих форм.

Единственная известная мне находка массивного медного колта, отлитого в имитационной форме сразу со всеми деталями (шарики на ребре, дужка), была сделана на южной окраине Киевского княжества, в Поросье близ м. Корсунь.[153]

На колте отлита обычная композиция из двух птиц, сидящих спиной друг к другу, но повернувших головы и вместе клюющих свисающую сверху лилию. Рисунок совпадает с изображением птиц на колте Териховского клада и на колтах с Поросья из коллекции Ханенко.[154]

Корсунский литой колт удостоверяет, что продукция имитационных литейных форм действительно существовала в XII—XIII вв., но единичность и случайность этой находки свидетельствуют о том, что в основных категориях дошедших до нас археологических памятников (главным образом, городские клады) эта дешевая продукция не находила места.

Во всех крупных кладах, имеющих звездчатые колты и трехбусенные височные кольца, эти предметы выполнены в настоящей основной технике, а не в подражательной. Зернь на лучах звездчатых колтов во всех случаях настоящая; явственно видны следы припоя. Сканные нити также кручены из настоящей проволоки, браслеты сделаны из толстых проволочных жгутов подлинной золоченой проволоки. Ни в одном из городских кладов мы не найдем вещей, отлитых в имитационных формах. Обычно археологический материал обильно представляет продукцию мастеров и крайне скупо — орудия производства. Здесь же наоборот: налицо инструменты литейщика, а сделанные при помощи этих литейных форм колты и браслеты не найдены.

Разгадку такого странного явления следует искать в топографическом размещении находок форм внутри города, другими словами,— в социальной топографии русского города XII—XIII вв.

Часть имитационных форм найдена в ремесленном посаде Киева, на Фроловской горе, в 1893 г. Есть они в Чернигове и в Княжьей [illegible]е на Роси. Эти формы предназначены для самых сложных вещей — [illegible]ездчатых колтов, колтов с шариками и браслетов.

Самой интересной находкой литейных форм, бесспорно, является находка М. К. Каргера, обнаружившего в 1939 г. белокаменный подземный ход из Десятинной церкви.[155] Раскопки выяснили следующую картину: около входных дверей в Десятинную церковь был начат вертикальный подземный ход квадратного сечения около двух метров в каждой стороне. На дне подземного хода найдены заступы и ведра с веревками для вытаскивания земли. От вертикальной шахты был начат боковой ход к обрыву берега, но дорыть его не успели. На дне колодца оказались скелеты старухи в богатых одеждах и юноши. Выше колодец был заполнен строительным мусором, перемешанным с костями, бытовыми предметами и оружием. На половине глубины колодца были найдены скелеты трех человек, упавших сюда сверху, и целый набор из 19 имитационных литейных форм.

---

[152] Н. П. Кондаков. Русские клады.., т. I, СПб., 1896, рис. на стр. 143—144; М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. — КС ИИМК, М. — Л., 1941, вып. X, рис. 24; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. — «Сов. археол.», 1940, № 6, рис. 82.

[153] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I, СПб., 1887, стр. 147, табл. VI, рис. 8. — Может быть, к числу таких литых медных колтов следует присоединить и колт (серьгу?), изданный Б. И. Ханенко («Древности Приднепровья», вып. V, табл. XXVIII, рис. 349).

[154] А. С. Гущин. Памятники.., табл. XIV, рис. 3; Б. И. Ханенко, Древности Приднепровья, вып. V, табл. XXIX, рис. 969—970.

[155] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве.— КС ИИМК, М. — Л., 1941, вып. X.

Вся обстановка завала тайника воскрешает в памяти печальный день захвата Киева Батыем, когда после взятия укреплений Ярославова города «... гражданѣ же создаша пакы другий градъ, около святое Богодицѣ [т. е. у Десятинной церкви. — *Б. Р.*]. Наутрѣя же прідоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика; людем же у з б ѣ г ш и м ъ на ц е р к о в ь и на к о м а р ы ц е р к о в н ы я, и с т о в а р ы с в о и м и, отъ т я г о с т и п о в а л и ш а с я с н и м и с т ѣ н ы ц е р к о в н ы я [разрядка наша. — *Б. Р.*], и приятъ бысть градъ сице воими». [156]

В числе людей, искавших последнего прибежища на хорах Десятинной церкви, был и мастер-ювелир, захвативший с собой свое ценнейшее имущество — сланцевые литейные формы тончайшей резьбы. Формы были разбиты на 36 осколков, из которых удалось склеить 19 форм для отливки колтов с изображением зверя, звездчатых колтов с ложной зернью, ложно-витых браслетов и трехбусенных колец (рис. 63). [157]

Ряд имитационных форм, но несколько иного характера, был обнаружен в домах ремесленников вокруг Десятинной церкви. В большинстве своем это формы для отливки небольших колтов со скромным ложно-гравированным узором. В киевских богатых кладах подобные колты так же не встречаются, как не встречаются в них и ложно-зерненые и ложно-тисненные колты. [158]

Отсутствие в районе Десятинной церкви литейных форм типа находок на Фроловской горе позволяет высказать предположение, что мастер-литейщик, взбежавший «на комары церковныя», пришел сюда не из ближайших мастерских этой древнейшей части города, а из более удаленного ремесленного посада, может быть, с той же Фроловой Горы. То обстоятельство, что Десятинная церковь была последней защитой для в с е г о города делает это предположение вероятным.

Итак, для Киева намечаются два различных района находок имитационных форм:

1) старый город, где близ княжеского дворца и Десятинной церкви были дома ювелиров;

2) посад на Фроловой Горе, вдалеке от аристократической части города.

[156] Ипатьевская летопись 1240 г.

[157] М. К. К а р г е р. Ук. соч., рис. 24.

[158] Публикацию литейных форм см.: Д. И. Б а г а л е й. Русская история до Ивана III, М., 1914, табл. I, рис. 167 и 173.

Если мы объединим все материалы по каждому району, отбросив сомнительные, в смысле районирования, данные тайника Десятинной церкви, то получим следующую картину: в первом, центральном районе (близ Десятинной церкви) встречаются литейные формы для широких браслетов, энколпионов, а однажды, при раскопках В. В. Хвойко, была найдена форма для перстня с княжеским знаком на щитке. [159]

Одним словом, мастера Старого Города отливали те вещи, которые попадали в боярско-княжеские клады XIII в.[160] Колты и височные кольца в исследуемом ремесленном районе готовились не путем грубого литья, а со всеми ухищрениями, какие обычно применялись придворными златокузнецами: штамповались серебряные листы, сучились филигранные нити, напаивалась настоящая зернь. И эти изделия настоящей, высокой техники попадали в богатые клады.

Иную картину дает нам ремесленный посад на Фроловской Горе, мастерские на Киселовке и в других окраинных частях Киева. Только там мы встречаем имитационные формы для воспроизведения простым литьем сложной техники зерни и скани, применявшиеся ювелирами Старого Города.

Учет топографии находок форм объясняет нам и отсутствие литых подражаний в кладах. Ведь все дошедшие до нас клады, как это нетрудно установить по их высокой материальной ценности и по месту находки их в пределах аристократических кварталов города или в пригородных боярских дворах, связаны с княжеско-боярской средой. Златокузнецы, сбслуживавшие ее, были не подражателями, а законодателями мод.

На другом социальном полюсе города — в обширном ремесленном посаде, на Подоле и в иных местах, работали ювелиры, не располагавшие ни сложным оборудованием для волочения скани и паяния зерни, ни временем для трудоемкой и кропотливой отделки индивидуальных заказов, их рынок был шире, и для них вопрос массового выпуска стоял, очевидно, острее, чем для придворных мастеров. Это и толкало их на путь выполнения украшений посредством литья в каменных формах. Заказчиками или покупателями были киевские горожане, и они, по всей вероятности, предъявляли определенные требования к форме украшений. Для жительниц Подола важно было носить колты и височные кольца, сходные с теми, ко-

[159] Б. А. Р ы б а к о в. Знаки собственности..., стр. 238, рис. 89.

[160] В этом же районе существовал целый ряд других производств, связанных с обслуживанием именно придворных кругов — эмаль, стекло и т. д.

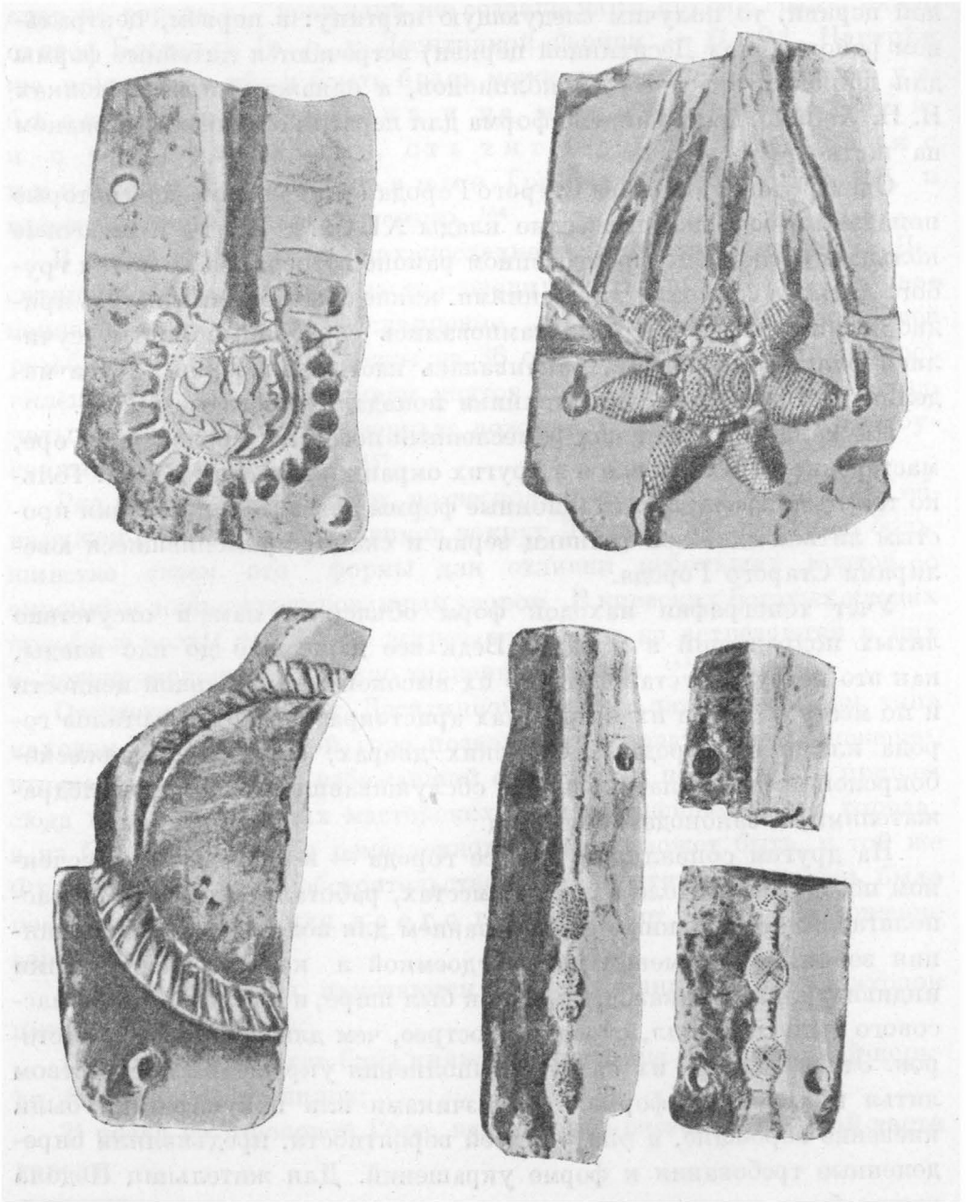


Рис. 63. Литейные формы из тайника Десятинной церкви в Киеве

торые носили боярыни и княгини аристократической «Горы», и местные мастера нашли удачный способ разрешения проблемы массовости продукции, создав имитационные литейные формы. Спруд и биллон заменяли серебро, бронза и латунь — золото.

Подобную имитацию мы наблюдаем и в эмальерном деле: в богатых кладах перегородчатой эмалью украшены исключительно золотые вещи, а в единичной случайной находке эмаль оказалась на медном литом колте. [161]

Для изготовления медной основы такого колта требовалась также имитационная литейная форма. К сожалению, бытовые памятники рядовых горожан нам совершенно неизвестны ни по кладам, ни по погребениям, ни по иллюстрациям. Этим и объясняется такое необычайное преобладание литейных форм над готовыми изделиями. Лишь на окраинах Руси мы найдем колты, близкие по стилю к имитационным формам Киева. Основной рисунок этих форм — широкие завитки, изредка плетение. Тулово колта отливалось или с гладкими краями (тогда на ребро напаивались шарики) или же с ложно-сканным бордюром по ребру.[162] Впечатление отлитых в таких формах производят колты из Поросья,[163] из далекого полуберендейского Звенигорода (Старые Буды) [164] и из южной окраины Курского княжества (Стариково близ Корочи). [165] Для всех этих колтов характерны сложная техника паяния и примитивность и небрежность выполнения основного рисунка.

Не было ли у мастеров аристократической части Киева (близ Десятинной церкви) побочного занятия в виде производства дешевых украшений, в котором некоторые процессы были сведены к имитационному литью, облегчавшему выпуск массовой продукции?

Подведем итоги обзору литейного искусства в IX—XIII вв.:

1. Начиная с IX—X вв. для отливки сложных объемных предметов широко применялся способ литья по восковой модели с потерей формы.

2. В IX—XI вв. для мелких поделок преимущественно употреб-

---

[161] С. Г. Матвеев. Медный колт Гос. Исторического музея. — ТСА РАНИОН, М., 1928, т. II, табл. VII.

[162] Д. И. Багалей. Ук. соч., рис. 173. — Подобная же формочка найдена в Вышгороде (Коллекции ГИМ. Раскопки Л. А. Голубевой).

[163] Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XXVIII, рис. 963, 973а; Каталог украинских древностей и коллекций В. В. Тарновского, Киев, 1898, № 322.

[164] Фотоархив ИИМК.

[165] А. С. Гущин. Памятники.., табл. XIII, рис. 5, 7.

лялся способ литья плоской восковой модели в сохранившейся односторонней глиняной форме. В первой половине XI в. существовали особые приемы резьбы восковой модели.

3. Не ранее XI в., а вероятнее всего в XII в., появляется литье в плоских двусторонних литейных формах (по восковой модели). В XII—XIII вв. этот способ является одним из средств массового выпуска продукции, преимущественно медного литья.

4. В XI в. появились каменные литейные формы, способствовавшие увеличению массовости продукции.

5. В XII в. возникают имитационные литейные формы из плотных пород камня с чрезвычайно тщательной отделкой, при помощи которых ремесленники городского посада имитируют в литье сложную технику придворных ювелиров (зернь, филигрань и др.).

6. Работы по литью серебра и его сплавов почти всегда сочетались с другими техническими приемами, дополнявшими литье (чеканка, чернь, филигрань, зернь и др.). Литье меди существовало без такой дополнительной обработки. Возможно, что литейщики меди, «котельники», «льятели», составляли особую группу городских ремесленников.

В Липецкой битве 1216 г. был убит новгородский воин «Онтон Котельник», что может свидетельствовать о самостоятельном существовании литейного ремесла.[166]

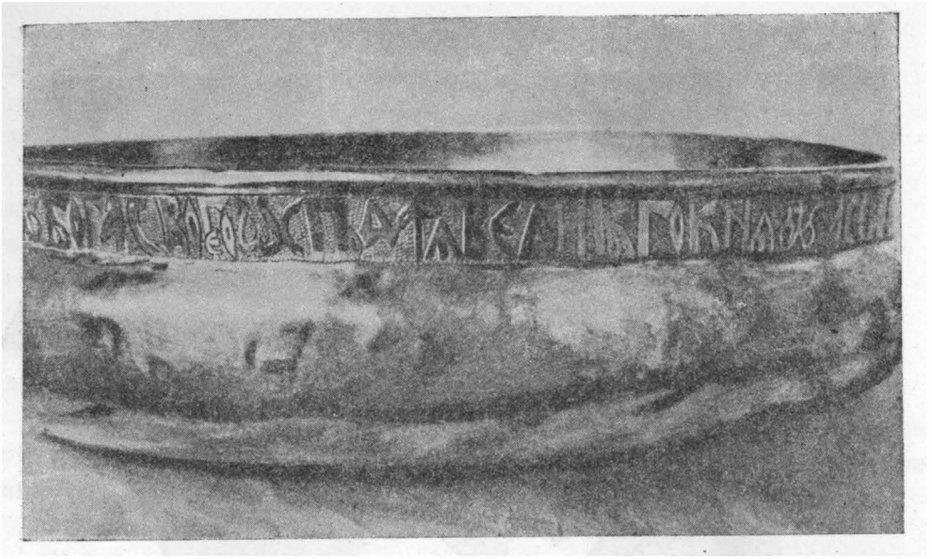
4. КОВКА И ЧЕКАНКА

У городских мастеров наряду с литьем металла широкое применение (в отличие от деревни) находили ковка и чеканка.

Существенный недостаток литейной техники заключается в том, что этот способ изготовления вещей требует большого количества дорогого металла и сильно утяжеляет изделие, так как отлить тонкую вещь чрезвычайно трудно. Кроме того, тонкая литая вещь отличается большой хрупкостью, тогда как ковка уплотняет металл, делает его прочнее и позволяет изготавливать большие, но тонкие и легкие вещи.

В большинстве случаев из меди и серебра выковывалась различная посуда — кубки, вазы, миски, братины, чары, блюда и т. д.

[166] Новгородская I летопись 1216 г.



Златокузнец отливал из серебра (или меди) плоскую лепешку, а затем начинал ковать ее на наковальне от середины к краям. Благодаря этому приему вещь постепенно принимала полусферическую форму. Усиливая удары в определенных зонах и оставляя некоторые места менее прокованными, мастер достигал желаемого контура вещи. Иногда к чашам приковывался поддон (закруглялись края), а на венчик и тулово наносился чеканный орнамент. Вся эта работа могла потребовать от ювелира, помимо обычной наковальни, дополнительных болванок (деревянных) и особых молотков с закругленными концами. Один такой молоток найден в Старой Рязани.

Образцом кованой серебряной посуды может служить серебряная вызолоченная чара черниговского князя Владимира Давыдовича, найденная в татарской столице Сарае (рис. 64). [167]

Ковочные работы в ювелирной технике имели широчайшее применение для самых разнообразных целей. Особо нужно отметить выковку тонких листов серебра и золота для различных поделок. Наибольшей виртуозности достигали златокузнецы при изготов-

[167] Диаметр чары больше 30 см. По краю идет надпись: «А се чара кня Володимирова Давъідовча...» В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси, М., 1939, стр. 53, табл. I и II с приложением. Фон надписи прочеканен мелким пуансоном.

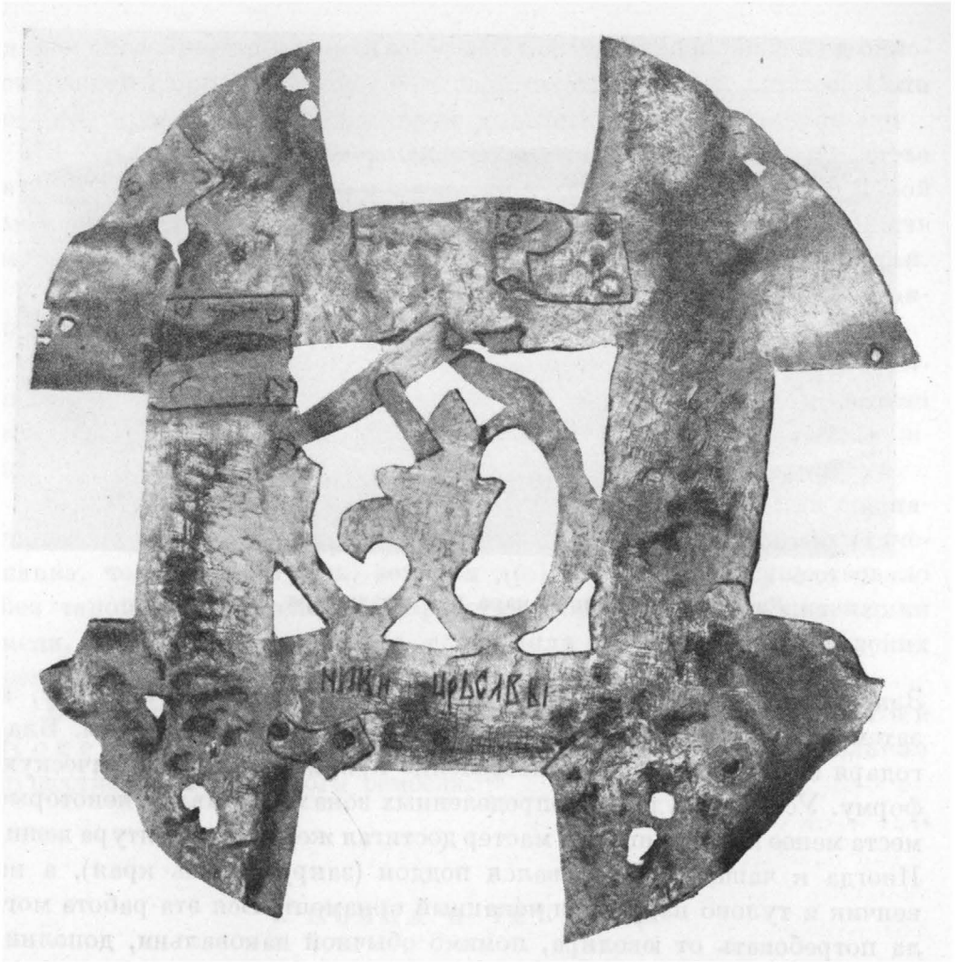


Рис. 65. Кованые медные листы с кровли Успенского собора во Владимире

лении золотых пластинок для перегородчатой эмали. Толщина золотого листа измеряется в таких пластинках не только десятыми, но даже сотыми долями миллиметра. Для архитектурных целей применялась выковка широких медных пластин для покрытия крыш. Медные листы нередко золотились, благодаря чему в русскую поэзию прочно вошел термин «златоверхий терем». [168]

Особенно обильно представлены медные кованые листы во Владимирской Руси. Из Успенского ссбора во Владимире происходят

[168] Золоченой медью обивались маковицы церковных куполов. Отсюда — Михайлов Златоверхий монастырь в Киеве. Во время пожаров медные кровли иногда расплавлялись. «Медь яко смола ползущ».

листы с буквенной нумерацией XII в. (рис. 65). [169] Выковывались медные пластины и для дверей. [170]

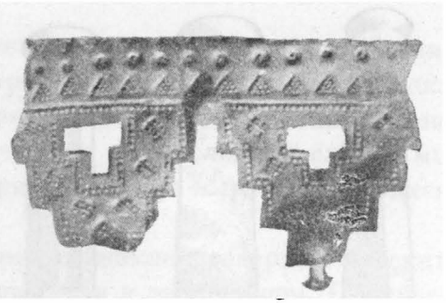


Рис. 66. Чеканные узоры на серебре (Гнездово)

В техническом отношении ковка медных, серебряных и золотых листов интересна тем, что предполагает наличие специальных инструментов, например, плоской наковальни, плоских широких молотов.

С ковкой серебра и меди почти неразрывно связана чеканка этих металлов. Технику чеканки можно подразделить на три вида:

1) мелко-пуансонная орнаментальная чеканка,
2) плоская чеканка,
3) рельефная чеканка.

Для некоторых работ применялись все виды чеканки, но каждый из этих видов имеет свои технические особенности и свою историю. Простейший вид чеканки заключается в том, что рисунок наносился на внешнюю поверхность вещи различными пуансонами. Орнаментируемую пластинку клали на жесткую подкладку и наносили узор, уплотняя металл в месте узора, но не делая выпуклостей на обороте. Узор наносили пуансонами различной формы: одни имели вид маленького долотца, другие давали отпечаток в виде кольца, круга, треугольника и т. д. Наиболее полно чеканка миниатюрными пуансонами прослеживается по смоленским и черниговским материалам IX—X вв.

В курганах Гнездова часто встречаются тонкие серебряные пластинки, орнаментированные при помощи пуансонов (рис. 66). Пуансоны чеканщика были нескольких форм, но все они имели маленькую плоскость на конце, на которой тончайшим сверлом или зубилом делались небольшие углубления. При ударе по такому пуансону на серебряном листе появляется круглый, прямоугольный или чаще треугольный след с выступающими зернами металла на том месте, где в пуансоне были углубления. Такой способ чеканки применялся

[169] Н. П. Лихачев. Владимирская эпиграфическая запись XIV в. — ИОРЯС, СПб., 1901, т. VI, кн. 3, табл. I.

[170] Коллекции ГИМ.

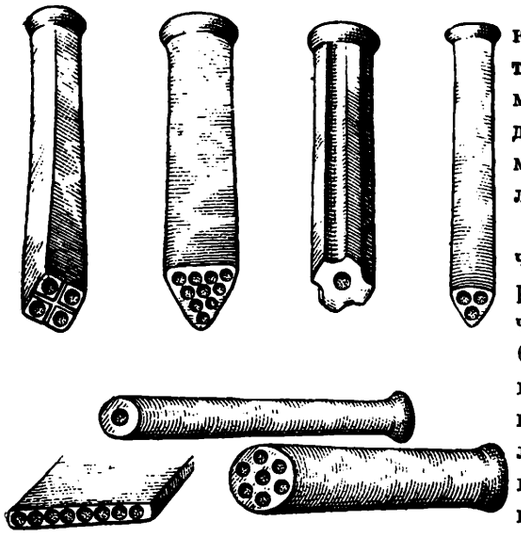


Рис. 67. Инструменты чеканщика. Пуансоны (реконструкция)

как для тонких листов,[171] так и для массивных предметов.[172] Иногда пуансоны для чеканки были очень миниатюрны и применялись для канфарения поля.

Форма инструментов чеканщиков может быть реконструирована по отпечаткам их на металле (рис. 67). Приведенные рисунки пуансонов восстановлены по гнездовским материалам и данным Черной Могилы X в. Пуансоны были, по всей вероятности, стальные с закаленным рабочим концом. Различные комбинации чеканных узоров встречаются в X в. на городских вещах, а в XI—XII вв. на очень многих деревенских.[173] Область их распространения — Верхнее Приднепровье, Верхнее Поволжье. Возможно, что изделия с ложнозерненым чеканным орнаментом исходят из смоленских мастерских.

В новгородских древностях часто встречается кольцевой чекан и особый вид чеканки при помощи стального зубчатого колесика о 24 зубцах (широкие браслеты, ромбощитковые кольца и др.). Насколько характерен этот способ чеканки именно для города сказать нельзя, так как подавляющее большинство материалов относится к деревне. Область распространения зубчатого колесовидного орнамента охватывает Псковскую, Новгородскую, Смоленскую и Суздальскую земли, почти совпадая с областью кольцевых пуансонов. Дальнейшие исследования, направленные на изучение тождественности

[171] Напр., оковка турьего рога. — В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., вып. 1, Гнездовский могильник близ Смоленска. — МАР, СПб., 1902, № 28, табл. IV, рис. 5.

[172] См., напр., гривну из гнездовского клада 1868 г. — А. С. Гущин. Памятники.., табл. I, рис. 3.

[173] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы.., стр. 91, табл. 5; стр. 96, табл. 8.— Гривны и перстни с городчатыми ложно-зерненными узорами очень часты как у радимичей, так и у их соседей.

отпечатков из разных мест (возможное методом макрофотографии) позволяют ответить на важный вопрос — является ли такая чеканка одним из технических приемов деревенских ювелиров или же она свойственна только городским мастерам. В последнем случае мы получим еще одну категорию ювелирных изделий, вырабатывавшихся городом для деревни.

Техника мелко-пуансонной чеканки возникла в северных русских городах в IX—X вв. и существовала там и в дальнейшем. Прекрасный образец такой чеканки дает гривна Невельского клада, которую можно датировать по аналогии с вятичскими гривнами XIII в.[174] На накладных бляшках и на корпусе самой гривны тончайшим пуансоном нанесены углубления, покрывающие весь фон между литыми элементами узора. Мастеру-чеканщику нужно было около 6000 раз ударить молотком по зубильцу, чтобы орнаментировать всю гривну.

Географическое размещение накладных бляшек невельского типа на северо-запад и на восток от Смоленска наводит на мысль, что и в XIII в. техника мелкой чеканки исходила из Смоленска.[175]

Второй вид чеканных работ — плоская чеканка — характеризуется созданием любых композиций путем утопления фона вокруг намеченных фигур. Работа ведется теми же миниатюрными пуансонами, но только самого простого рисунка — сплошной круг, кольцо, черточка. Такой способ чеканки всегда сочетается с работой резцом. Чеканка производилась следующим образом: выкованный тонкий лист серебра прибивался к гладкой деревянной доске, на него легким нажимом резца наносился контур рисунка и затем многократными ударами молотком по пуансону фон вокруг оконтуренного рисунка утапливался вниз, в результате чего рисунок становился рельефным. Обычно высота рельефа при этом способе была невелика — 0.5—1.5 мм, и рельеф был плоским.

К великолепным образчикам плоской чеканки относится знаменитая серебряная оковка турьего рога из Черной Могилы. Являясь

[174] А. С. Гущин. Памятники..., табл. VIII, рис. 1. — Накладные литые бляхи квадратной формы с розеткой в центре, аналогичные бляхам невельской гривны, найдены в курганах вятичской земли и близ Пскова (Тушино близ Москвы; Троицкое близ Москвы, Коржево близ Новоржева в Псковском районе). Коллекции ГИМ. Близка к невельской гривна из Гнездовского клада 1868 г. — А. С. Гущин. Памятники..., табл. I.

[175] Бляшки из вятичских курганов чеканки не имеют, но литая основа их очень близка к невельской и псковской. Датируются они XIII—XIV вв.

Рис. 68. Турий рог из «Черной Могилы» в Чернигове (развернутая оправа)

уникальным памятником русского ювелирного искусства X в., оковка этого рога требует особого рассмотрения (рис. 68).

Мастером первоначально был выкован широкий серебряный цилиндр, равный диаметру рога. Цилиндр был сплошным, без шва. В силу этого чеканку нужно было производить на специальной круглой деревянной болванке.

Разделка фона была выполнена маленьким пуансоном, давшим круглый отпечаток около 0.5 мм в диаметре. Всего на поверхность оковки мастер нанес посредством пуансона несколько тысяч ударов. Оставшиеся рельефные части рисунка были смело и тщательно обработаны резцом. По верхнему краю шел ряд клейм восточного рисунка с фоном, заполненным чернью. Внизу были вырезаны причудливые фестоны (полностью не сохранились), также с применением черни. Центральная композиция расположена на золотом фоне, над которым возвышались плоско-рельефные фигуры птиц, людей и чудовищ, очерченные резцом и по следам резца проложенные чернью. Сочетание опущенного вниз фона из мельчайших точек, покрытых позолотой, серебряных рельефных фигур и густочерных контуров рисунка создавало яркую и своеобразную игру красок и светотеней.

Наибольший интерес, однако, представляет не сложная и богатая техника, а исключительный по своим художественным достоинствам рисунок, в течение последних шестидесяти лет привлекающий к себе внимание историков искусств.

В настоящее время, помимо общих ссылок на восточный стиль растительной орнаментики, можно прямо указать некоторые вещи, изученные мастером в процессе создания своего узора.

Рис. 69. Орнамент на турьем роге из «Черной Могилы» (деталь)

Тератологическая композиция построена мастером таким образом, что на тыльной стороне рога расположен сложный, но симметричный узел из двух крылатых чудовищ, связанных между собой стеблем широкого листа-пальметки, вырастающего из их крыльев. Эта пальметка является своеобразным деклинационным знаком всей композиции, от которого фигуры идут влево и вправо. Влево расположен еще один орнаментальный узел из двух вертикально стоящих драконов, кусающих друг друга. Хвосты их срослись и образуют пальметку такого же постсассанидского стиля, как и пальметка первых двух чудищ (рис. 69).

Мотив двух стоящих зверей, кусающих друг друга, хорошо известен сассанидскому искусству, но он известен также и русским курганным древностям X—XI вв. В кургане у с. Белогорья близ Суджи (на южной окраине Северской земли) найдена подвеска к ожерелью с изображением двух переплетенных драконов,[176] чрезвычайно близ-

[176] Коллекции ГИМ. Собрание Г. Д. Филимонова.

ких к группе на турьем роге. Аналогичная подвеска есть в Гнездове.[177]

Наиболее поздней вещью с изображением таких драконов и пальметки является браслет Тверского клада XII—XIII вв. Характер пальметки не имеет ничего общего со скандинавским орнаментом и указывает на юго-восток, на иранские области.

По сторонам драконов симметрично расположены два орла, а под ногами у правого орла затерялись в завитках орнамента две маленькие собаки, стоящие особняком и не вплетенные в общее тератологическое кружево. Вправо от разделительной пальметки двух первых чудовищ помещены волк и петух.

Позднее изображение, не имеющее себе аналогий ни в иранских, ни в других восточных древностях, отражает какие-то местные русские орнаментальные мотивы. Известно, какое место занимает петух в русском народном творчестве, фольклоре и мифологии. То же самое можно сказать и о волке. Центральное место в орнаментике оправы отведено композиции из двух человеческих фигур и орла.[178] Эта композиция приходится как раз на противоположном от разделительной пальметки конце оправы; она обращена к лицу пьющего из кубка и таким образом является центральной и основной.

Внимание исследователей давно привлекали две маленькие фигурки людей, затерявшиеся среди огромных чудовищ, цветов и трав, покрывающих поле серебряной оправы; их считали то охотниками, то детьми, заблудившимися в лесу. Самоквасов называет левую фигуру мальчиком, а правую девочкой. Обе фигуры обращены вправо, в сторону орла, склонившего голову.

Левая фигура изображает человека в какой-то малопонятной одежде, вроде длинной рубахи, босого, без шапки. Его левая рука протянута вперед и как бы что-то ловит; в правой руке — большой лук сложной системы и с ясно обозначенным способом прикрепления тетивы. Около охотника, за его спиной, в воздухе две целых стрелы и одна разломленная пополам. Одна стрела ромбовидная, другая — двурогий «срезень», предназначенный для стрельбы по птицам; оба типа стрел хорошо известны по русским древностям X в. и найдены в той же Черной Могиле.

[177] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., вып. I, Гнездовские могильники близ Смоленска. — МАР, СПб., № 28, 1902, табл. 4.

[178] Во всех многочисленных изданиях турьего рога совершенно не обращалось внимания на закономерность расположения и симметричность фигур. Поэтому некоторые композиционно-единые группы оказывались разрезанными по живому при развертывании рисунка на плоскости.

Правая фигура — в длинных штанах, с колчаном у пояса, держит лук в левой руке; правая рука у него согнута таким образом, как будто охотник только что спустил тетиву. Эта фигура отличается разделкой волос и длинными косами, спускающимися от правого виска к бедру. Можно даже разглядеть нечто вроде двух височных колец в том месте, где прическа переходит в косу.

Орел изображен непропорционально большим; голова его склонена вправо, крылья распростерты. Держит ли он что-либо в когтях — сказать трудно, так как нижняя часть изображения обломана. При общем взгляде на всю композиционную группу из двух охотников и орла создается следующее впечатление: охотники стреляют в хищную птицу, но ни в птице, ни около нее стрел нет; стрелы как бы возвращаются обратно к охотникам и изображены за их спинами летящими в беспорядке оперением вперед и частично поломанными. Протянутая рука левого охотника может быть ловит эти возвращающиеся стрелы. Все это напоминает сюжет русской сказки о царевне-лебеди, о юноше, убивающем хищную птицу и освобождающем девушку от чар. Мотив возвращающихся стрел, отскакивающих от колдуна-орла, также хорошо известен русскому фольклору. Очень близкой фольклорной параллелью является былина об Иване Годиновиче, где действуют мужчина, женщина, птица и заколдованные стрелы. Место действия — Чернигов.

Разобрав содержание композиции, обращаюсь к тем восточным вещам, которые натолкнули черниговского мастера на подобное изображение. В 1937 г. К. В. Тревер было опубликовано найденное в Приуралье блюдо постсассанидского стиля, датируемое IX в.[179] В центре вычеканено крупное изображение орла с распростертыми крыльями. В когтях орел держит женщину, подносящую ему вазу с фруктами.

Ниже изображены две маленькие фигурки полуголых босых людей без шапок: левый изображен стреляющим в орла из лука, правый — с топором на плече. В отличие от турьего рога с его постепенно повествовательной композицией, вызванной цилиндрической формой оправы, здесь вся композиция подчинена круговой форме блюда. С поправкой на различие в форме, мы должны признать чрезвычайно большую близость между двумя группами изображений. И там и здесь видную роль играет большой орел с распростертыми

[179] К. В. Тревер. Новые сассанидские блюда Эрмитажа, М.—Л., 1937, табл. III.

крыльями и с головой, склоненной на бок, и там и здесь две маленьких фигурки охотников с луком, стреляющих в орла. В черниговской группе отсутствует женщина, но детали ее убранства перенесены русским мастером на одну из стреляющих фигурок: коса, убранная наверху двумя височными кольцами, полностью соответствует прическе женщины на иранском блюде. Голова женщины повернута вправо и на виске у нее видны круглые височные кольца, ниже которых спускается коса.

Сходство обеих групп увеличивается наличием на иранском блюде двух маленьких собак, затерянных среди растительных орнаментальных завитков на внешнем круге блюда. Среди большого количества клейм с цветами и птицами там имеются только два клейма с собаками, обращенными мордами в разные стороны. Такие же две собачки, оторванные от центральной композиции и так же поставленные мордами врозь, имеются и среди орнаментальных завитков черниговского рога.

Из сказанного вытекает один вывод: черниговский ювелир X в., несомненно, держал в руках и внимательно разглядывал иранское блюдо, до мелочей сходное с экземпляром IX в., найденным в Приуралье близ Чердыни в 1936 г. Но русский златокузнец не копировал привозное изделие и не подражал ему — он черпал из него отдельные образы и из них сплетал с в о й узор, со с в о и м, совершенно новым смыслом.

Если, по толкованию К. В. Тревер, на блюде изображен сюжет из ирано-индийской мифологии (близнецы Ашвины или стрелок Кришани, стреляющий в орла и Иштарь), то на черниговском роге мы видим совершенно самостоятельный сюжет, лишь навеянный рисунком (но не содержанием) композиции на иранском блюде.

Русский мастер изъял женщину из когтей орла и перенес ее атрибуты на второго близнеца, благодаря чему получилась совершенно иная пара фигур с другим значением. Не два близнеца, а юноша и девушка оказались у черниговского чеканщика противниками орла; сохранена была только внешняя двойственность фигур. Орел получил у него магическую силу — стрелы, направленные в него, возвращались обратно. Если итти по пути сближения с русскими сказочными сюжетами, то следует отметить момент переодевания: мужская фигура в длинной женской рубахе, а фигура с косой и кольцами — в штанах. Следует вспомнить, что встреча юноши с лебедью и хищной птицей часто бывает сопряжена с купаньем героя в озере или реке. Изображения на турьем роге очень близки по

сюжету к былине об Иване Годиновиче, действие которой связано с Черниговом.

Итак, перед глазами черниговского ювелира эпохи Игоря или Святослава было серебряное блюдо иранской работы, направившее его мысль на изображение какой-то сказки, в которой есть и орел, и переодетый юноша, и девушка с височными кольцами (известными нам по курганам), и возвращающиеся стрелы. Возможно, что волк и петух, эти обязательные персонажи русских сказок, тоже как-то связаны с основным сюжетом, помещенным мастером на самой видной лицевой стороне турьего рога, предназначенного для княжеских пиров.

Для истории русского художественного ремесла эта чеканная работа имеет очень большое значение, так как, во-первых, она указывает на творческую переработку восточных художественных течений, а во-вторых, свидетельствует о раннем и оригинальном развитии русского варианта общеевропейского тератологического стиля. Фундаментом этой русской тератологии были зооморфные плетения на фибулах Среднего Приднепровья VII—VIII вв., обогащенные разнообразными узорами сассанидского Ирана, принесенными в русские земли как на ювелирных изделиях, так и на многочисленных тканях.

В дальнейшем этот тератологический стиль завоевывает важное место в истории русского орнаментального искусства, проникая и на страницы богослужебных книг и на белокаменные стены церквей.

Второй турий рог из Черной Могилы, обработанный чеканкой и гравировкой, совершенно иного характера (рис. 70). Его серебряная оковка сплошь покрыта растительным орнаментом из массивных гирлянд сочных веток и листьев.

Как уже указывалась выше (см. Оружейное дело) орнамент второго рога полностью совпадает с орнаментом рукояти меча, найденного близ Золотых Ворот Киева.

Этот орнамент находит себе аналогии в орнаментике ювелирных изделий из могил X в. в Чехии и Моравии.[181] Чешские ученые усматривают в этом влияние Киевской Руси на Богемию.

Плоско-рельефная чеканка, ранним представителем которой является разобранный выше турий рог из Черной Могилы, господ-

[181] Č e r v i n k a. Slované na Moravě, Brno, 1930; I. S c h r a n i l, Několik příspěvku k poznani kulturnich proud v zemich českich v X—XI st.— «Niederluv Sbornik», Praha, 1925.

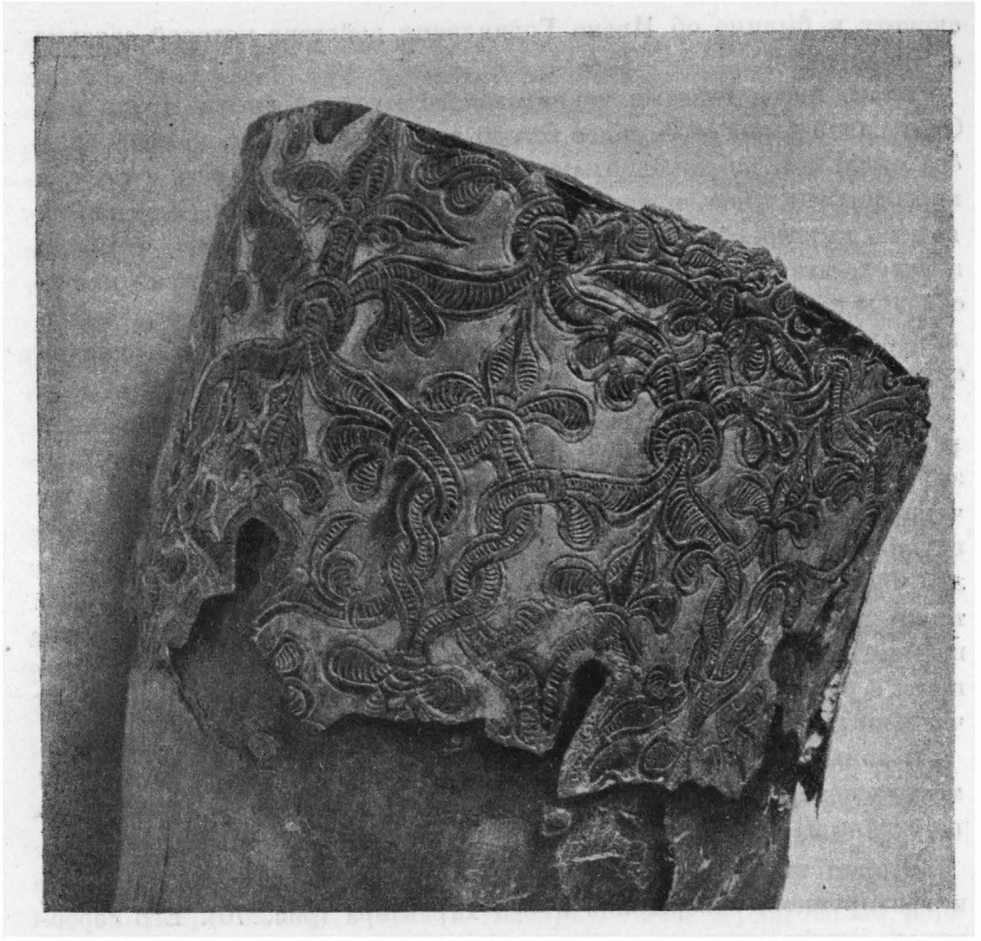


Рис. 70. Серебряная оправа турьего рога, украшенная гравировкой и позолотой («Черная Могила»)

ствовала среди орнаментальных приемов X — первой половины XI в. Около середины XI в. она отчасти вытесняется новой, усовершенствованной техникой штампования или тиснения серебра на специальных матрицах, развившейся позднее в излюбленный технический прием — «басменное тиснение» (многократное применение одного штампа в одном и том же орнаменте). Чеканка сохраняется лишь при выделке уникальных заказных вещей, вроде чары Владимира Давыдовича Черниговского. Но при этом мастера-чеканщики не удовлетворяются пуансонной или плоской чеканкой, а работают третьим способом — способом рельефной, выпуклой чеканки, носившим в древней Руси название «обронного дела».

Мастерская чеканщика с инструментами для обронной работы найдена при раскопках в Вышгороде в 1935 г. В состав инструментов входили: маленькие молоточки, круглые пуансоны, острые зубильца, тупое зубильце, зубильце со скошенным лезвием, тупой чекан с профилированным рабочим концом. Здесь же были найдены листы тонкой меди. Перечисленные инструменты были рассчитаны как на пуансонную чеканку, так и на выпуклую (профилированный чекан).

Сущность выпуклой чеканки заключается в том, что сначала орнаментируемую серебряную пластинку чеканят с обратной стороны, выдавливая рисунок резким выпуклым рельефом наружу. Лишь после того как такой чеканкой получен на лицевой стороне выпуклый рисунок, лицевая сторона подвергается более детальной обработке: разделывается одежда, лицо, волосы, подправляется общий рельеф. Для того, чтобы не порвать тонкий металл при такой глубокой, выпуклой чеканке, работу производят на специальной упругой подушке из вара, воска или смолы. Точно так же и при обработке лицевой стороны приходилось обратную сторону заливать подобной же упругой смесью, чтобы ударом пуансона не нарушить полученный рельеф. Эта техника была значительно сложнее, чем простая чеканка по лицевой стороне.

Обронная чеканка появляется, примерно, в XII в.

Пропуская описание менее значительных чеканных изделий, остановлюсь на известном шлеме князя Ярослава Всеволодича (в крещении Федора), найденном в 1808 г. на месте Липецкой битвы 1216 г., с которой князь Ярослав бежал, разбитый новгородцами (рис. 71).[182]

Принадлежность шлема Ярославу Всеволодичу доказывается как обстоятельством находки, так и надписью на челе: ВЬЛИКЪИ АРХИСТРАТИЖЕ ГИ МИХАИЛЕ ПОМОЗИ РАБУ СВОЕМУ ФЕОДОРУ.

Дата шлема устанавливается по точным историческим данным. Князь Ярослав родился в 1190 г., следовательно, ранее 1206—1207 гг. шлем не мог быть выполнен, так как из всего доспеха шлем должен быть сделан особенно точно по мерке головы; сделанный на подростка он не годился бы взрослому. Следовательно, дата шлема — 1206—1216 гг.

---

[182] «Древности Российского Государства», отд. III, М., 1853, № 4; М. И. Михайлов. Памятники русской вещевой палеографии, СПб., 1913, рис. 12; «Слово о полку Игореве», М., Academia, 1934, рис. 12 и 13.

Шлем украшен высоким чеканным серебряным челом с изображением архангела Михаила, четырьмя чеканными лепестками у еловца и орнаментальной чеканной полосой по тулье. Мастер первоначально чеканил общие контуры рельефа с обратной стороны. Это бесспорно явствует из изображения Христа: пальцы его должны были быть сложены для благословения, но их положение таково, что каноническая форма получалась только в зеркальном обратном изображении. Такая ошибка могла произойти лишь при условии предварительной чеканки с обратной стороны. Получив общий рельеф, мастер с лицевой стороны тщательно разделал его прямой чеканкой и гравировкой. Интересна близость стиля изображений на шлеме к рельефам Георгиевского собора в Юрьеве Польском. Трактовка лица, тщательная разделка волос, манера изображения глаз — все позволяет сближать чеканную отделку шлема с белокаменной резьбой.

Прекрасным образцом орнамента является чеканная полоса, идущая по краю тульи шлема. В сердцевидных клеймах здесь размещены грифоны, птицы и барсы, разделенные лилиями и листьями. Художнику в полной мере свойственны чувство композиции, симметрии и умение использовать всю представленную площадь не перегружая в то же время изделие орнаментальными деталями. В некоторых случаях рельеф предварительно подготавливался посредством литья, а уже потом подвергался чеканной разделке. Такую технику мы наблюдаем на новгородских вещах XII в.

В ризнице Новгородского Софийского собора хранится «иерусалим» или «сион», нижняя часть которого относится к домонгольскому времени, а верхняя, по-моему, переделана в середине XIV в. [183] Низ его представляет модель шестиколонной архитектурной ротонды с шестью двустворчатыми дверцами между колонн. Дверцы прекрасной чеканной работы (может быть, с предварительной подготовкой литьем) дают изображения апостолов и русские надписи около них. Фигуры изящные, легкие, стройные, они чужды приземистости и головастости, свойственных романской эпохе в истории пластики.

А. И. Некрасов сравнивает чеканную работу новгородских мастеров с византийской резьбой по слоновой кости и отмечает, что «здесь обнаруживается, что византийская столичная художественная традиция является не исключительной в древнерусском искус-

[183] Н. В. Покровский. Иерусалимы или Сионы Софийской ризницы в Новгороде. — «Вестник археологии и истории», вып. XXI, СПб., 1911.

Рис. 71. Шлем кн. Ярослава Всеволодича (детали)

ство».[184] Датировка сиона вызывает разногласия. Первоначально его относили к XV в. [185] Н. В. Покровский, посвятивший этому сиону специальное исследование, датирует его XII—XIII вв. [186] А. И. Некрасов на основании летописных сведений о том, что Всеслав Брячиславич Полоцкий в 1067 г., взяв Новгород, «поимал сосуды церковные», считает, что дошедший до нас сион сделан вскоре после 1067 г. [187] В пользу XI в. могут говорить и надписи, пытающиеся воспроизвести греческие. В некоторых надписях это удалось полностью, в других же проскользнули русские буквы, изобличавшие руку русского мастера, например, буквы *П, В, Л.* Для XII в. такая подражательность менее характерна. Изящные плетеные решетки в арках, может быть, следует отнести за счет дополнений и доделок XII—XIII вв., а самую верхнюю часть, со включением в деисусный чин Василия, следует датировать эпохой новгородского архиепископа Василия Калики (1331—1352) как по стилю изображений, так и по необычному расширению деисусного чина за счет святого Василия.

Художественные достоинства чеканной работы ставят этот сион в ряд первоклассных произведений русского средневекового ювелирного искусства.

Обзор чеканного мастерства закончу рассмотрением двух новгородских же серебряных сосудов, представляющих для истории ремесла исключительный интерес как по тонкости выполнения, так и по наличию подписей двух разных мастеров (рис. 72). [188]

Оба сосуда почти тождественны по своей форме, изображениям, характеру отделки. Они представляют собой высокие (до 21.5 см)

---

[184] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, М., 1937, стр. 59.

[185] Макарий (Миролюбов), архиеп. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. II, М., 1860, стр. 205—206.

[186] Н. В. Покровский. Ук. соч., стр. 56.

[187] Спустя столетие в 1178 г., Мстислав собирался на полоцкого князя со специальной целью вернуть похищенные сосуды. Уцелевший сион можно также считать и возвращенным из Полоцка. Тогда дата должна быть отнесена к середине XI в.

[188] Н. В. Покровский. Древняя Софийская ризница в Новгороде. «Труды XV Археол. съезда», М., 1914, т. I, табл. III—V; В. Мясоедов. Кратиры Софийского собора в Новгороде. — ЗОРСА, П., 1915, т. X, табл. I—V. — Н. М. Каринский читал специальный доклад об эпиграфической датировке надписей в Академии художественных наук в 1926 г. Он датирует надписи XII в. См. В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта..., стр. 46 — К сожалению, доклад не был опубликован.

Рис. 72. Кратиры Новгородской Софийской ризницы работы Косты и Братилы

кубки с двумя изящными ручками в виде латинского *S*. Тулово кубков граненое, дающее в сечении квадрифолий. В нижней части — невысокий поддон, переход к которому осуществлен посредством пояса из сердцевидных выпуклостей. Округлые части тулова украшены изображениями святых в рост, а острые грани — стилизованной виноградной лозой. Светская форма кубка не вяжется с церковной евхаристической надписью по венчику. Среди церковных археологов долго велся спор о назначении этих сосудов, в результате которого, кроме нескольких непрочных гипотез, не было высказано ничего определенного. В. Мясоедов считал их сосудами для вина.[189] В отношении датировок софийские сосуды испытали ту же судьбу, что и софийский сион. Первоначально их относили к XV в., затем углубили датировку до XIV и XIII вв. и лишь после исследования Н. М. Каринского твердо остановились на XII в.[190]

В чеканных фигурах, в стилизованных виноградных лозах чувствуется большая близость обоих сосудов к упомянутому сиону. Возможно, что его превосходная чеканка была образцом для мастеров обоих сосудов. Оба сосуда по размеру, форме, подбору большинства изображений и характеру надписей совершенно сходны между собой. На этом основании и дата их обычно определялась сразу для обоих, так как предполагалось, что они сделаны одновременно.

Позволю себе произвести более подробный сравнительный обзор с тем, чтобы установить время работы каждого мастера.

На дне сосудов имеется подпись мастера.

Сосуд Братилы имеет на поддоне владельческую надпись: «СЬ СЪСУДЪ ПЕТРИЛОВЪ И ЖЕНЫ ЕГО ВАРВАРЫ» (рис. 73).

На сосуде Косты состав владельцев иной: «СЬ СЪСУД ПЕТРОВЪ И ЖЕНЫ ЕГО МАРЬѢ» (рис. 74).

На сосуде Братилы вычеканены четыре изображения в рост: Иисуса, богоматери, апостола Петра и Варвары. Два последних, несомненно, связаны с именами заказчика Петрилы и его жены Варвары.

На втором сосуде, ввиду совпадения мужского имени (Петрило или Петр), изображение апостола Петра оставлено, а вместо Варвары художнику нужно было кого-то изобразить, так как Мария уже была (только у Братилы Мария не связана с заказчицей, а у Косты связана). Выбор мастера почему-то пал на Анастасию, которую он и вычеканил на том месте, где у Братилы была Варвара. Даже в том случае, если принимать Петрилу и Петра за одно лицо (хотя на это

[189] В. Мясоедов. Ук. соч., стр. 8.

[190] Там же, стр. 9—12. — Автор склоняется к рубежу XI—XII вв.

Рис. 73. Надпись мастера Братилы

у нас нет никаких оснований), наличие разных жен говорит о неодновременности изготовления сосудов.

Кто кому подражал? Братило Константину или наоборот? Логическая связь изображений и надписи на сосуде Братилы и нарушение ее у Косты как будто бы говорят в пользу того, что Братило был первым мастером, а Коста в своей работе был связан подражанием ему.

В. Мясоедов на основании стилистического анализа приходит к выводу, что «если в смысле эпохи сосуды, несомненно, однородны, то в исполнении их нельзя не подметить существенного различия... сосуд Косты, выполненный в широкой манере, без увлечения мелочной отделкой, нужно признать произведением высокого мастерства. Второй сосуд (Братилы) с его тщательным выделыванием деталей... является подражанием первому».[191]

Утверждение Мясоедова основано на одной спорной предпосылке,— что русское искусство постепенно деградировало, постепенно утрачивало творческие и художественные силы, воспринятые в XI в. от первого общения с Византией. Если же отрешиться от этой предвзятой мысли о равномерном вырождении русского искусства и поставить стилистический анализ в связь с индивидуальным талан-

[191] В. Мясоедов. Ук. соч., стр. 11—12.

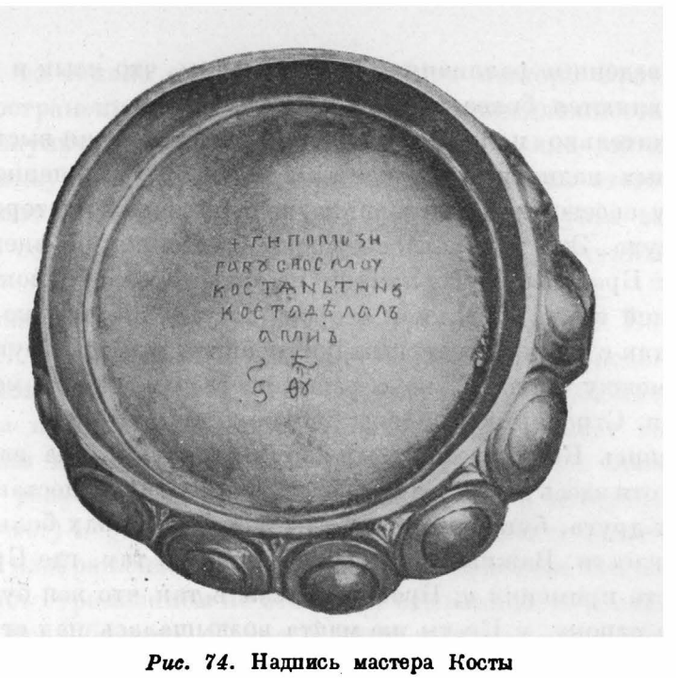


Рис. 74. Надпись мастера Косты

том и манерой каждого мастера, то результат может получиться совершенно иной.

Для решения спорного вопроса о взаимной датировке сосудов обращусь к наиболее надежному критерию — эпиграфическим данным.

В надписях по венчику и на поддоне, сделанных строгим литургическим уставом, несмотря на единство текста и несомненное подражание одного мастера другому, существуют различия:

Братило	Коста
1. Чаще употребляет иотированное *е* и *а*	1. Заменяет иотированное *а* на *юс*
2. Пишет раздельно ъі	2. Соединяет оба знака в начертание ы
	3. Ошибается в начертании буквы *н*
	4. Применяет лигатуры
5. Начертания букв более строгие, четкие; углы острые	5. Буквы более приземисты, написаны вольнее; у некоторых букв появляются округлости и горизонтальные перекладины
6. В именах святых подражает греческой форме	6. Руссифицирует имена—*Петръ*

Приведенные различия убеждают в том, что язык и почерк Братилы являются более архаичными.

Значительно полнее хронологические различия выступают не на наружных надписях, где один мастер мог умышленно подражать почерку своего предшественника, а в подписях мастеров внизу на дне сосуда. Эти надписи совершенно различны по внешнему виду. Почерк Братилы в его личной подписи очень близок к надписи, сделанной им на наружной стороне сосуда; это тот же торжественный устав с прямым и тесным построением крупных букв без интервалов между словами, но с разделительным знаком между обеими фразами. Строчки поставлены близко друг к другу.

Надпись Косты резко отличается от надписи на наружной стороне (хотя здесь он также путает N и И). Строки поставлены далеко друг от друга, буквы стоят не так тесно, в буквах больше мягкости и округлости. Важны следующие различия: там, где Братило писал *оу*, Коста применял *у*; Братило писал ѣ так, что вся буква не выходила за строку, у Косты же мачта возвышалась над строкой.

Перечисленного вполне достаточно для того, чтобы признать, что хотя оба почерка, может быть, и не выходят за пределы XII в., но почерк Братилы тянет скорее к XI в., тогда как почерк Косты близок к почеркам конца XII и начала XIII вв. Обе подписи мастеров обнаруживают такие различия и в построении строк, и в начертаниях, и в расположении букв, и в передаче одних и тех же звуков, что считать их одновременными невозможно.

Для сосуда Братилы считаю возможным принять дату Н. М. Каринского и В. Мясоедова — конец XI — начало XII вв., а для сосуда Константина можно говорить о времени не ранее конца XII—начала XIII вв. [192]

Тем самым решается вопрос о подражании: мастер Константин имел перед глазами сосуд работы мастера Флора-Братилы и копировал его.

Новгородские сосуды давно уже связывают с именем новгородского посадника Петрилы Микульчича, который занимал степень с 1130 по 1134 г., а в 1135 г. был убит в битве.

По моему мнению, с Петрилой Микульчичем, если и можно сопоставлять, то только один сосуд — работы мастера Братилы, но при распространенности имени доказать принадлежность сосуда Петриле Микульчичу невозможно. В каких условиях впоследствии могла возникнуть потребность в изготовлении копии этого сосуда? Что заставило мастера Косту штрих за штрихом, буква за буквой копировать сосуд Братилы и даже подпись свою подчинить той же формуле?

В объяснение можно привести ряд соображений. Во-первых, в конце XII — начале XIII вв. какой-нибудь новгородский боярин Петр мог заказать сосуд «на братилино дело», соблазнившись совпадением имен. Однако такое толкование не решает вопроса о скрупулезном повторении всех мелочей. Ведь Коста повторил не только вес, размеры и общую форму сосуда, но и начертания букв (насколько мог) и все мельчайшие детали орнамента вплоть до миниатюрных изображений птиц на ручках. Фантазия его постоянно сдерживалась стремлением не отойти от оригинала и воспроизвести его во всех подробностях. Такое рабское копирование необычно для русских художников, которые почти всегда вносили что-либо новое даже при подражании.

Обращает на себя внимание и стандартность подписей, строго выдержанных в одной формуле: просьба к богу о помощи и собственно подпись, удостоверяющая, что данную вещь сделал такой-то мастер.

Полагаю, что столь исключительное совпадение всех деталей не может быть объяснено одним желанием заказчика.

Исходя из общей оценки русского ремесла, его высокого технического уровня и дифференциации, и, принимая во внимание политическую структуру Новгорода в XII—XIII вв., я предлагаю в качестве рабочей гипотезы следующее объяснение загадочной стандартности изделий двух новгородских мастеров-ювелиров XII в.: не являлись ли оба сосуда (или, по крайней мере, более поздний — сосуд Косты) «урочным изделием», изготовленным на получение звания мастера, аналогичным западноевропейским «chef d'oeuvre» или «Meisterstück»?

Может быть, сосуд Братилы был сделан не с этой целью, и Косте он был указан как образец хорошей мастерской работы для экзаменационного задания, с которым Коста блестяще справился. Если принять это предположение, то станет вполне понятно и тождество веса, и повторение мельчайших деталей, и обязательная подпись мастера по определенной формуле.

[192] Возможно, что и сами имена ювелиров указывают на хронологическую разницу: ранний мастер имеет христианское имя Флора, но подписывается языческим именем Братилы. Более поздний мастер и в обращении к богу и в подписи дает только одно христианское имя Константина. Языческого имени у него нет, есть только народная форма — Коста.

Шедевры появляются в связи с оформлением ремесленных корпораций. Ремесленники, связанные с художественной промышленностью и искусством, ранее других переходят к корпоративному строю. В Новгороде купеческая гильдия Ивана на Опоках была оформлена юридически как раз в то время, к которому относится изготовление сосуда Братилы. Нет ничего невероятного в том, что корпорация златокузнецов могла возникнуть на протяжении XII столетия, ознаменованного для Новгорода бурным ростом политического самосознания и усилением роли черных людей. Одним из пунктов уставной грамоты ювелирного братства должно было быть требование шедевра, «изделия» от ремесленников, желавших получить звание полноправного мастера. Если это так (а настаивать на таком толковании я не решаюсь), то в сосудах Софийской ризницы, представляющих замечательные образцы тонкой обронной работы, мы можем видеть интереснейшие черты новгородского ремесленного быта, восполняющие досадное отсутствие более убедительных юридических документов.

Сказанное выше о ковке и чеканке цветных металлов можно свести к следующему:

1. Ковка меди, серебра и золота (как горячая, так и холодная) широко применялась для самых различных целей. Особого искусства требовала выковка посуды из тонких листов металла.

2. Чеканка первоначально производилась путем нанесения узора стальными пуансонами (IX—X вв.). Для изделий, предназначенных преимущественно для деревни, эта техника применялась и в XI—XIII вв. Особым видом чеканки было нанесение орнамента стальным зубчатым колесом.

3. В X в. появляется плоско-рельефная чеканка с получением рисунка, возвышающегося над прочеканенным фоном. Фон покрывался или позолотой или чернью. Лучшим представителем тончайшей чеканки является серебряная оправа турьего рога из Черной Могилы вблизи Чернигова (X в.).

4. С XI в. развивается искусство выпуклой чеканки (обронное дело), известное преимущественно по новгородским образцам, где, очевидно, существовала особая художественная школа мастеров-чеканщиков.

5. Работа некоторых новгородских мастеров XII в. по указанным им новгородским образцам позволяет высказать предположение о существовании в Новгороде института «шедевров», изготавливавшихся чеканщиками на звание мастера.

5. ТИСНЕНИЕ И ШТАМПОВКА СЕРЕБРА И ЗОЛОТА

Усовершенствованием и механизацией процесса плоско-рельефной чеканки явилось применение специальных штампов или матриц, при помощи которых на тонких листах серебра или золота оттискивался рельефный рисунок.

Древнейшими русскими тисненными предметами нужно считать, как доказала Г. Ф. Корзухина, височные кольца «волынского» типа. Их тулово оттиснуто на круглых матрицах и усыпано зернью; дата их — вторая половина X в.

Техника тиснения серебра получила особое значение ввиду широкой распространенности искусства черни, для которой требовался выступающий рельефный рисунок и утопленный вниз фон.

По вполне понятным художественным мотивам под чернь шло преимущественно серебро, так как оно давало четкий и яркий рисунок на фоне бархатистой черни. Для того чтобы осуществить эту игру серебра и черни, древнерусские мастера обычно поступали так: на серебряную пластинку легким контуром наносился рисунок, затем фон вокруг этого рисунка, предназначенный для чернения, утоплялся таким образом, чтобы самый рисунок был выше фона, так как на плоскость фона должен быть положен слой черневой массы.

Тиснение производилось на тонких листах золота, серебра, реже — меди, путем накладывания их на металлические (медные, стальные) матрицы, имеющие выпуклый рисунок. Поверх листа, на котором должен быть оттиснут рисунок матрицы, обычно клали свинцовую пластинку и по этой мягкой прокладке ударяли деревянным молотком, заставляя свинец (а за ним и серебряный лист) заполнять все углубления матрицы.

Пластичность свинца способствует точному повторению форм матрицы на обрабатываемом серебряном листе. Л. А. Голубевой в Вышгороде обнаружена круглая свинцовая подушка около 6 см в диаметре, обтянутая прочным железным кольцом. На одной стороне подушки видны следы ударов молотком, а на другой — углубление, отвечающее средним размерам матрицы для колтов. Железная обойма, стягивающая свинцовую подушку, не позволяла свинцу расплющиваться под ударами молотка.

В современных ювелирных мастерских тиснение производится и при помощи винтового пресса, между плоскостями которого зажимаются матрицы, пластинка, подвергающаяся обработке, и свинцовая прокладка.

По окончании тиснения получается пластинка с двойным рисунком: на лицевой стороне повторен рисунок матрицы, на обороте — тот же рисунок, но в негативной форме. Между рельефом матрицы и рельефом готовой продукции неизбежно некоторое расхождение, обусловленное толщиной металлического листа. Чем толще лист, тем сглаженнее, уплощеннее будет рельеф на лицевой стороне.

К орнаментируемой вещи предъявляются следующие требования: пластинка должна быть хорошо, равномерно прокована, должна быть пластичной и не слишком толстой, так как иначе рисунок будет мало рельефным, невыразительным.

В свою очередь, матрица должна иметь спокойный неглубокий рельеф без резких контуров и без выступов, чтобы не портить накладываемый на нее лист. Рабочая, орнаментированная ее сторона должна быть выпуклой; нижняя сторона, соприкасающаяся с рабочим столом ювелира,— плоской.

В качестве иллюстрации техники тиснения приведу пример из истории ремесла волжских болгар, так как там мне посчастливилось найти и матрицу и сделанный с нее медный оттиск.

В коллекциях, относящихся к Болгарскому ханству, имеются матрицы для тиснения тонких (серебряных и медных) поясных блях большого размера.

По любезному сообщению А. П. Смирнова, большое количество подобных блях имеется в Казанском музее. Их относят обычно к XIII—XIV вв.

В собрании Гос. Исторического музея в Москве имеется одна матрица для таких блях (коллекция Щукина, № 8239). Это — квадратная массивная литая бронзовая пластинка, толщиной около 6 мм с неглубоким мягким рельефом на лицевой (рабочей) стороне и с гладкой поверхностью на обороте (рис. 75). К сожалению, эта вещь без паспорта, и место ее находки неизвестно. Но зато там же имеется медная бляха за инв. № 34707 из б. Чистопольского уезда, полностью повторяющая рисунок матрицы. Бляха разломана на две части, имеется отверстие для нашивания.

При наложении бляхи на матрицу удалось установить полное тождество их: все выпуклости оборотной стороны бляхи заполняли собой все углубления матрицы.

В этом счастливом случае мы располагаем не только инструментом ремесленника (матрицей), но и готовой продукцией, сделанной при помощи этого инструмента (бляхой) (рис. 76).

Сравнивая матрицу и бляху, мы замечаем, что рисунок на ее лицевой стороне получился менее глубоким и менее четким, чем на оригинале. Здесь сказалась толщина медного листа и сравнительно небольшая пластичность меди, так как рисунок на обороте бляхи очень точно соответствовал рисунку матрицы.

Преимущество тиснения перед чеканом состоит, прежде всего, в несравненно большей продуктивности тиснения, в убыстрении процесса производства, так как мастеру не нужно т ы с я ч и раз ударять по орнаментируемому листу пуансоном, причем надо отметить, что качество работы от этого не страдает. Внимание ювелира обращено на изготовление матрицы: ее рисунок вырабатывается с тщательностью, которая не всегда возможна при индивидуальной расчеканке каждого отдельного предмета.

По массовости продукции с тиснением успешно состязается только литье металла в литейных формах. По отношению к литью тиснение металла имеет ряд равных данных: массовость продукции, тщательность обработки первичного экземпляра (литейной формы или матрицы), но имеет также и значительное преимущество, заключающееся в экономии драгоценного металла. Литье в формах, даже самое совершенное, требовало несравненно большего количества материала; малейший недолив металла приводил уже к браку. Для тиснения же на матрицах вполне пригодны листы, толщина которых доходит до десятых долей миллиметра. Кроме того, оборудование процесса тиснения исключало такие громоздкие элементы как плавильная печь, формы, тигли, льячки и т. д. Производство нашивных бляшек накладок на налучья и колчаны, производство дутых украшений из двух тисненных листов (спаянных загнутыми концами) — все это требовало применения матриц. Почти весь наличный материал по тиснению относится за небольшим исключением к колтам.

Получив при помощи медной матрицы рельеф на серебряной пластинке и покрыв ее чернью, мастер проходил по выпуклому рисунку тонким резцом, обводя контуры фигуры и разделывая различные детали внутри светлого поля. Резцом же густо расчерчивались углубленные части пластинки для того, чтобы черневая масса крепче держалась за царапины на серебре. Изредка мастера выпускали свою продукцию без обработки резцом, ограничиваясь получением рель-

Рис. 75. Матрица для тиснения блях (Болгары)

ефа и заполнением углублений чернью, но такие вещи, отличавшиеся грубостью и производившие впечатление незаконченных, составляют исключение.[193] Резцом, имевшим вид миниатюрного долотца, делались или прямые нарезки или зигзагообразные линии. Эта работа требовала точного глаза и твердой руки. Не удивительно, что щитки колтов, сделанных на одной и той же матрице, имеющие, следовательно, одинаковый выпуклый рисунок, отличаются все же друг от друга деталями гравированного резцом рисунка. Колты носились по одному на каждом виске; таким образом, комплект колтов состоял из двух колтов, для которых требовалось четыре серебряных щитка. Как правило, все четыре щитка делались на одной матрице. Дальнейшая работа над колтом состояла в припаивании друг к другу обоих щитков, напаивании на ребро полых или литых шариков или обруча и в прикреплении дужки (рис. 77).

Особый интерес приобретает время появления нового технического приема, заменившего собой кропотливую чеканную работу.

Как показали исследования Г. Ф. Корзухиной, временем появления техники тиснения является эпоха Ольги и Святослава — се-

[193] См., напр., Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XXIX, № 969—970.

Рис. 76. Изделие, оттиснутое на матрице рис. 75

редина X в. Вероятнее всего, что появление нового технического приема в работе русских городских ювелиров связано в известной степени с влиянием византийской культуры и явилось одним из положительных результатов сближения с Византией.

В средневековом Херсонесе, получившем богатое техническое наследство от античных мастеров золотых и серебряных дел, наблюдается широкое применение тисненного металла.

Опираясь в своих примерах на собрания Гос. Исторического музея в Москве, укажу на два больших креста IX—X вв., происходящих из Херсонеса. Кресты сделаны из тонких серебряных листов, наложенных на какую-то мастику. Они имеют ряд клейм, сделанных не чеканом, а при помощи матриц. При изготовлении крестов применялась не одна общая матрица для всей орнаментируемой площади, а несколько мелких, для каждого клейма отдельная. Несколько подобных матриц имеется в коллекциях ГИМ. Это — литые из бронзы массивные пластинки обычной крупной формы с различными культовыми изображениями (рис. 78).

На территории древней Руси матрицы для тиснения серебра найдены в Райковецком городище, Княжьей Горе, в Сахновке и в Суздальской земле при раскопках А. С. Уварова.[194]

[194] Ф. Н. Молчановский. Обработка металла на Украине в XII—

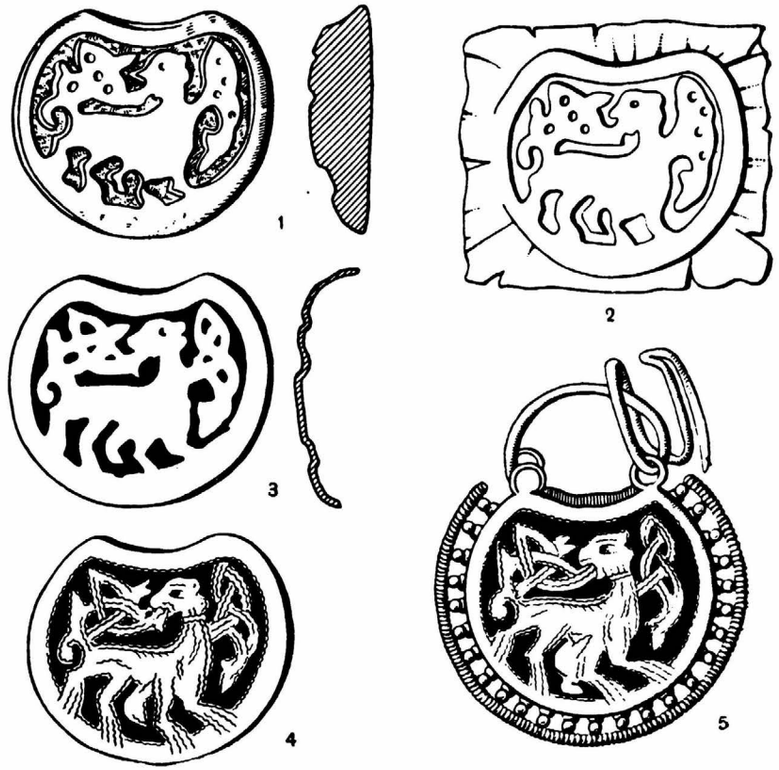


Рис. 77. Стадии изготовления тисненых колтов

1 — медная матрица для штампования серебряных листов (место находки неизвестно); *2* — тиснение серебряного листа на матрице; *3* — заливка углублений чернью и обжиг черни; *4* — зачистка черни и разделка контуров резцом; *5* — два щитка спаяны вместе, по ребру напаяны шарики и проволока, приделаны петли и дужки (Святозерский клад близ Чернигова)

Наибольший интерес представляют 4 матрицы из коллекции ГИМ, переданные из б. Румянцевского музея, к сожалению, без паспорта.[195]

XIII вв. по материалам Райковецкого городища. — ПИДО, 1934, № 5, рисунки на стр. 91. Материалы Черниговского областного музея. — Коллекция Тарновского, инв. № 1566, матрица из Княжьей Горы; Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, № 358 (матрица для кринов из Сахновки). Коллекция ГИМ: 1) матрица для полуцилиндриков из Сахновки, 2) матрица для поясных бляшек из коллекции А. С. Уварова.

[195] Опубликованы мною в статье «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси». — «Сов. археол.», 1940, № 6, рис. 78, 80, 81 и 82.

Рис. 78. Византийские бронзовые матрицы для тиснения серебра

Каталог Румянцевского музея описывает их так: № 1639— «Четыре массивных бронзовых бляшки: 3 круглые и одна в виде лилии, с плоским рельефом» (стр. 74).

Дополню описание:

1. Предмет из желтой меди, имеющий форму шарового сегмента с лунообразным вырезом одного края. Размеры: поперечник — 40 миллиметров, толщина в центре — 8 мм, к краям —2 мм. Плоская сторона гладкая, на выпуклую нанесен рисунок, изображающий животное, идущее влево; во рту — крестообразная ветка, хвост также превращен в ветку. Рисунок выполнен мягко, плоским рель-

ефом, с очень небольшим превышением над фоном (0.2—0.3 мм). Выступающие части гладки, фон, углубленный внутрь, сделан небрежно и покрыт неравномерными царапинами и зигзагами резца. Вся композиция окружена рамкой. На плоской оборотной стороне зигзагообразной линией, тем же резцом, которым углублялся фон на лицевой стороне, нанесен княжеский знак. На лицевой стороне заметны 6 радиальных трещин поверхностного слоя металла, расположенных ближе к краям. Трещины образованы, по всей вероятности, от ударов сверху.

2. Форма предмета подобна предыдущему. Размеры: поперечник — 45 мм, толщина —11 мм в центре и 4 мм по краям. Различие состоит, помимо размеров, в большом изгибе выреза и в большой выпуклости центральной части. Углубление фона производилось без зигзагообразных линий, выскабливанием металла. Контуры рисунка проведены резцом, и они глубже, чем весь остальной фон. Превышение рисунка над фоном 0—0.3 мм. Изображен идущий вправо фантастический зверь с процветшим хвостом и веткой во рту, сплетшейся с хвостом в ременном плетении. Голова зверя повернута влево. Его левое крыло сделано также ременным плетением. В нижней части туловища, между задней и передней парами лап, виден как бы висящий в воздухе лапообразный отросток, по толщине почти равный остальным четырем лапам.

Возможно, что перед нами результат ошибочного расчета мастера, резавшего рисунок и наградившего зверя, помимо одного крыла и плетеного хвоста, пятой лапой. Очевидно, резчик, копируя какой-нибудь образец, не понял рисунка и передал здесь деталь, которая на оригинале была яснее.

Не является ли этот отросток рудиментом правого крыла, для более пышной формы которого не осталось места? Оборотная сторона гладкая с легкими бессистемными царапинами. Трещин нет.

3. Предмет вполне подобный двум предыдущим, но меньше и грубее: поперечник — 34 мм, толщина в центре —7 мм, у краев — 2 мм. Металл — красная медь. Изображена птица, идущая вправо, хвост расчленен на три части. Фон углублен резцом крайне грубо. Контуры рисунка нечетки и примитивны. На оборотной стороне небольшое углубление, образовавшееся при отливке в односторонней литейной форме болванки для этого предмета.

4. Четвертая «бляшка» совершенно отлична по форме от трех предыдущих и правильно охарактеризована в румянцевской описи как имеющая форму лилии.

Контуры этого предмета весьма напоминают геральдические лилии (напр., на французском королевском гербе). В древней Руси эта форма носила название «крина». Размеры: длина — 41 мм, ширина перемычки — 11 мм, расстояние между отрогами — 27 мм, толщина в центре — 6 мм, к краям сходит на-нет. Металл — красная медь. Среднюю часть предмета занимает рубчатый орнамент, расположенный в виде буквы *X*. Орнамент литой, а не вырезанный, как на предыдущих вещах. Оборотная сторона гладкая.

К величайшему сожалению, происхождение и место находки этих предметов не были выяснены собирателями коллекций Румянцевского музея, и они попали в тот досадный раздел музейного имущества, который именуется «вещами неопределенного назначения и неизвестного местонахождения». Назначение «бляшек» определяется совокупностью всех перечисленных в описании признаков: значительный вес и отсутствие каких бы то ни было приспособлений для привешивания или скрепления исключают всякую возможность использования такой «бляшки» в качестве самостоятельного украшения. Плоская оборотная сторона, мягкий, неглубокий рельеф без резких выступов говорят за то, что перед нами матрицы для производства украшений.

Райгородские матрицы найдены непосредственно в мастерской и вместе с ними найдены заготовленные листы гладкого серебра и оттиснутые на матрицах щитки, подготовленные к паянию.

Восемь матриц Райковецкого городища существенно различаются между собой. Пять из них имеют не выпуклый рисунок, а врезанный вглубь тонкой линией. Колты, которые получались с таких матриц, не могли иметь сплошного черневого фона, а имели лишь контурный рисунок чернью на светлом фоне. Эта техника существенно отличается от распространенной техники черневых колтов Киевской и Черниговской земли и приближается к контурным колтам и браслетам Галицкого княжества в XIII в. По своим результатам работа на таких матрицах давала то же самое, что и литье в формах с тонким рельефным рисунком, т. е. маленькие канальцы, на лицевой стороне для заполнения чернью. Только три райковецких матрицы имеют рельефный рисунок, аналогичный румянцевским. Одна из них даже похожа по характеру плетения на матрицу, описанную выше в п. 2. Различие между обеими группами райковецких матриц состоит еще и в том, что матрицы с контурным углубленным рисунком имеют геометрический или растительный узор, а не тератологический (из них только одна имеет изображение птицы).

Сравнительное изучение перечисленных одиннадцати матриц и сопоставление с готовыми колтами позволят сделать некоторые датировочные выводы. Прежде всего можно наметить эволюцию самих изображений на колтах.

Наиболее ранним следует считать изображение барса с поднятой лапой, цветком во рту и процветшим хвостом (румянцевская матрица, № 1). Колты этого типа известны из христианской могилы в Чернигове XI в.[196] и из хутора Терещенко близ летописного города Выря около Путивля.[197] Отделка колтов довольно небрежная. Контуры рельефного рисунка пройдены резцом-флаштихелем. Чернь в углублениях сохранилась плохо. Полые серебряные шарики, припаянные к ребру колта, скреплены в обоих случаях проволокой; очевидно, мастер не надеялся на припой, который, действительно, плохо держал припаянные части. [198]

Румянцевская матрица № 2 и аналогичная ей райковецкая дают нам дальнейшее видоизменение звериного облика на колтах. Зверь сохраняет свои признаки льва или барса, но у него появляются крылья, которые вместе с процветшими хвостами образуют сложный ременный переплет. Колты с ременным плетением широко известны в русских древностях Киева и Чернигова. [199] Чернь держится на этих колтах прочнее, рисунок, наведенный резцом, значительно четче и уверенней.

К этой же группе колтов следует причислить и многочисленные колты с изображением птиц, которые также нередко сопровождаются ременным плетением.

---

[196] Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей, Варшава, 1892, стр. 82—83. Коллекция ГИМ.

[197] Коллекция ГИМ. — Вместе с колтами найдены криновидные подвески к ожерелью, перстень, гривна и подвеска из зеленоватого камня, оправленная в серебро.

[198] Форму этих колтов Н. П. Кондаков считал византийской, но в ассортименте собственно византийской ювелирной продукции мы не найдем близких аналогий (L. Niederle. Příspěvky k vyvoji byzantskych sperku za IV—X st., Praha, 1930), тогда как на Руси эта форма распространена широко и бытует здесь очень долго. Специальное исследование M. Ruxerówu. O póznohellenistycznych i wczesno-sredniow kólczikach połksiezycowych. — «Przeglad Archeologiczny», t. III показало, что истоки этой формы следует искать на Ближнем Востоке в странах арабского владычества. В русских древностях до XI в. колты пока нигде не обнаружены.

[199] Клады: Мартыновский, Териховский, Светозерский, Льговский, находки в Каневе и др.

Сличение румянцевской матрицы с готовыми колтами в натуре привело меня в конце концов к благоприятным результатам — удалось найти колты, оттиснутые именно на этой матрице.[200]

В составе клада, найденного в 1908 г. близ Чернигова в урочище Святое Озеро, имеется среди прочих вещей пара серебряных колтов с черневым рисунком. Все четыре щитка оттиснуты на одной матрице и дают один и тот же рельефный рисунок и слегка варьирующий в деталях рисунок, прочерченный резцом.

Сличая матрицу с колтами, можно убедиться в том, что щитки колтов сделаны именно на этой матрице. Здесь тот же фантастический зверь с ременным плетением хвоста и левого крыла, тот же рудимент правого крыла, создающий впечатление пятой ноги. Внешнее отличие только в том, что на колтах, после получения рельефа на матрице, мастер резцом обработал детали. Резец не всегда строго следовал рельефу, поэтому мы должны сравнивать рельеф колтов с рельефом матрицы. Все впадины, залитые чернью, полностью соответствуют впадинам на матрице.

Специальная фотосъемка, произведенная фотолабораторией ГИМ, полностью подтвердила тождество матрицы и святоозерских колтов (рис. 79 и 80). [201]

Третий этап эволюции колтов характеризуется сохранением и развитием плетеного орнамента и почти полным исчезновением зверей и птиц. Существенно меняется и техника. Вместо выпуклого серебряного орнамента на черном фоне теперь появляется более тщательное прочерчивание контура и покрытие чернью не фона, а наоборот — только гравированного рисунка. Большинство райковецких матриц именно таково — они предназначены для создания на серебряной пластинке ложно-гравированного узора. Образцами контурно-черневой техники могут служить колты Стариковского и Старобудского кладов.[202] Характер орнамента (сердцевидные медальоны с кринами) сближает их как между собой, так и с браслетом тверского клада, с браслетом клада 1896 г. и со шлемом Ярослава Всеволодича. [203]

---

[200] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. — «Сов. археол.», 1940, № 6, стр. 251—253.

[201] Вторая пара колтов, тождественных святоозерским, найдена в самом Чернигове близ Спасского собора 1036 г. — М. Макаренко. Чернігівський Спас, Київ, 1929, табл. XIX, рис. 52; табл. XX, рис. 53.

[202] А. С. Гущин. Памятники..., табл. XIII; Архив ИИМК. — Они, возможно, не тисненные, а литые.

[203] Установление даты контурно-черневой техники облегчает и датировку

Рис. 79. Матрица для колтов (увел.)

Наиболее полно и закончено контурно-черневая техника выражена в колтах из с. Залесцы близ Каменец-Подольска.[204] На щитке колта изображен сирин. Фон покрыт легкой орнаментальной насечкой, а контуры рисунка густо и сочно покрыты чернью.

Остальные предметы клада указывают на XIII в. Залесский клад хорошо отражает особенности галицкого ювелирного искусства, известные нам также по однотипным с этими колтами браслетам из Викторова и Демидова.

Наиболее ранними представителями этой техники являются большие колты Териховского клада.[205] Рисунок тщательно и глубоко

того разряда имитационных литейных форм, которые путем литья воспроизводили гравированный узор на пластинке.

[204] А. А. Спицын. Археологический альбом. — ЗОРСА, 1915, т. XI, стр. 245, рис. 45, 46.

[205] А. С. Гущин. Памятники.... табл. XIV, рис. 1 и 3.

Рис. 80. Готовый колт, щитки которого оттиснуты на матрице рис. 79. (Чернигов и Святое Озеро)

врезан резцом, но фон не углублен, а только покрыт насечкой. Чернь образует лишь окаймляющую рамку. Зато контуры рисунка тщательно натерты чернью. Характерно, что по типу изображений эти колты относятся к переходной эпохе — на одном щитке даны птицы, а на другом — только орнаментальное плетение, аналогичное плетению на широком браслете из владимирского клада 1896 г.[206] Меандр на териховских колтах, как я уже упоминал, имеет аналогии только в орнаменте топорика Андрея Боголюбского.

Райковецкие матрицы относятся, примерно, к 1240 г. Кроме того, нужно указать, что техника контурного чернения встречается на всех круглых медальонах типа суздальского оплечья, которые имеются во многих кладах батыевского времени. Таким образом, по-

[206] Там же, табл. XX, рис. 1.

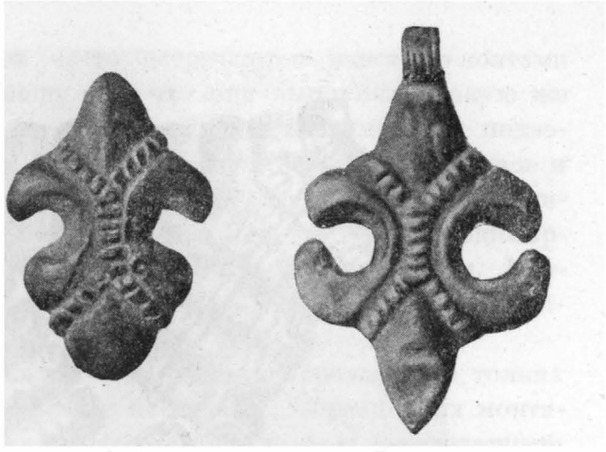
явление новой техники следует отнести на вторую половину XII в., а расцвет ее на XIII в. (Подробнее см. в разделе «Чернь»).

Необходимо точнее датировать начальный этап изготовления колтов. В этом отношении нам помогает румянцевская матрица с княжеским знаком и с изображением зверя без ременного плетения. Знак представляет собой двузубец с крестом внизу и с двумя отрогами у каждого зубца. Он нанесен на медь таким же резцом — флаштихелем, каким обычно обрабатывались щитки колтов после тиснения. Знак этот во всех деталях совпадает со знаком на княжеской печати XI в. с изображением святого и надписью. Данная печать, как это убедительно доказано Н. П. Лихачевым и А. В. Орешниковым, принадлежит князю Всеволоду (Андрею) Ярославичу, умершему в 1093 г.[207] Можно думать, что матрица принадлежала златокузнецу, находившемуся при дворе Всеволода Ярославича. Где был этот двор и к какому периоду жизни князя Всеволода относится наша матрица — гадать бесполезно. Всеволод Ярославич был последовательно связан со всеми тремя приднепровскими княжествами — Переяславским, Черниговским и в последние годы с Киевским. Известные нам колты, близкие по рисунку к матрице, происходят из самого города Чернигова и из Черниговского княжества (г. Вырь). Эти, наиболее ранние из колтов, получают теперь, благодаря княжескому знаку на матрице, точную дату —XI в.

Тем самым для колтов с ременным плетением, занимающих промежуточное место между колтами XI в. и контурно-черневыми колтами конца XII в.— начала XIII в., дата определяется методом исключения —XII в. Доживают они (как показывает райковецкая ювелирная мастерская) до второй четверти XIII в.

В последние годы перед Батыем в Киеве возникло производство нового вида колтов с чернью. Основой для них служит литой или сканный каркас, представляющий два концентрических круга, соединенных радиально расположенными маленькими арочками, опирающимися на большой внешний круг. Арки ажурные. В центре сплошное отверстие, в которое вставлялся чечевицеобразный кусок мастики, а сверху мастика наглухо закрывалась с обеих сторон двумя круглыми серебряными щитками с чернью; изображен на щитке грифон. Серебряные щитки оттискивались на матрицах и после чернения щедро, но не особенно тщательно украшались гравировкой резцом.

[207] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности..., стр. 253.



А Б

Рис. 81. Матрица для криновидных подвесок и самые подвески

Известно около 12 экземпляров колтов этого типа; 10 из них найдены в Киеве, 2— в Переяславле Русском.[208]

Самым интересным является то, что все эти колты, как показало их детальное изучение в натуре, сделаны на одной матрице, т. е. вышли из рук одного и того же мастера.

Судя по нахождению их в самых поздних предмонгольских кладах (Михайловский монастырь 1903 г., Переяславль), датировать их нужно второй четвертью XIII в. Обилие вещей, изготовленных в одной мастерской, также может указывать на дату, близкую к 1240 г., так как катастрофа способствовала одновременной гибели многих однотипных вещей.[209]

До сих пор я касался в своем изложении только колтов, которые были преобладающей, но не единственной тисненной продукцией.

Помимо колтов посредством тиснения готовились и другие изделия. Криновидные (лилиевидные) подвески к ожерелью делались из двух серебряных пластинок, из которых нижняя была гладкой, а верхняя — тисненная на матрице, подобной румянцевской № 4. Объединялись они путем припаивания (рис. 81). Крины несколько раз встречены в составе богатых кладов: Княжья Гора, Сахновка, Киев (Михайловский монастырь, клад 1903 г.), Киев (у с. Лескова близ Десятинной церкви), хутор Терещенко близ Путивля.[210] Но,

[208] Коллекции ГИМ. Клад Михайловского монастыря 1903 г., Киев (ближе неизвестно), инв. № 36231; Коллекции Киевского Исторического музея, Киев (раскопки 1937 г.); Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XXVIII, рис. 973; клад в Переяславле. — Н. П. Кондаков. Русские клады..., табл. XIII.

[209] Определение вещей, тисненных на одной матрице, может быть сделано как для других видов колтов, так и для резных тисненных изделий. Подробнее см. в разделе «Сбыт».

[210] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. XXIX; ОАК за 1903, табл. V; Н. П. Кондаков. Русские клады..., табл. XV.

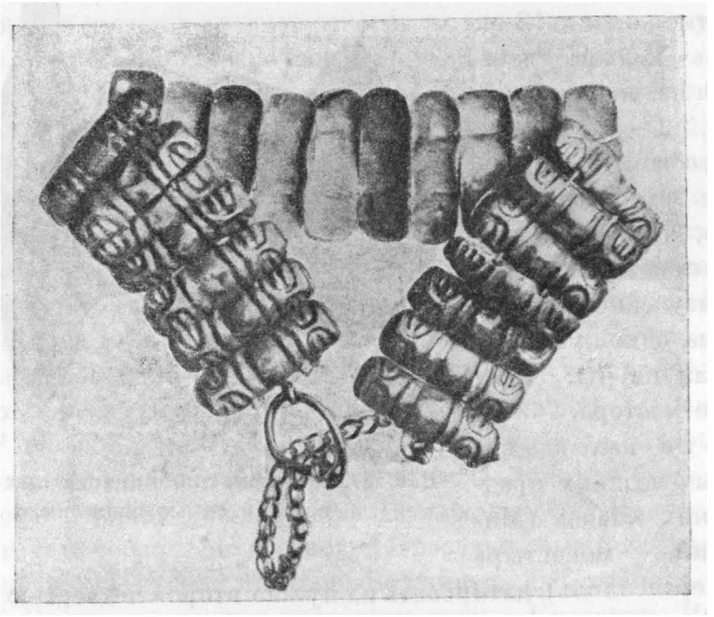


Рис. 82. Тисненные колодочки

кроме того, в отличие от колтов, криновидные подвески есть и в курганах и на городищах: Смоленская область (?), с. Городище близ Юхнова, с. Коханы близ Ельни, Серенск (Городище). [211]

Географически все эти пункты связаны со Смоленском. [212]

Кроме колтов и кринов тиснением готовились маленькие серебряные столбики («колодочки») полуцилиндрической формы, во множестве встречаемые в южных кладах. Столбики бывают украшены 3—5 перехватами или двумя схематическими личинами по концам. Делались как из серебра, так и из золота. Назначение их не выяснено. А. С. Гущин вслед за Кондаковым считает их ожерельем.[213] Согласиться с этим нельзя, так как все столбики имеют три ряда отверстий для плотного примыкания друг к другу при нанизывании. Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что цепочки из таких столбиков часто встречаются вместе с колтами (рис. 82). Это дает основание думать, что они выполняли такую же роль, как позднейшие «рясны», т. е. служили лентами для подвешивания колтов к головному венчику. Иногда они нашивались и на очелье (в Новгороде). Встречены они в кладах Киева, Чернигова, Поросья, на верхней Оке и в Старой Рязани. [214] Во Владимирской, Новгородской и Смоленской землях они неизвестны. Матрица для изготовления рельефной стороны таких столбиков была найдена в Сахновке. [215]

Особым разделом тиснения нужно считать производство тонких рельефных бляшек, нашивавшихся на одежду. Образцом их монтировки может служить саккос митрополита Алексея, переделанный, как я доказываю это ниже, из одежды XIII в.[216] Их очень много (с остатками ткани) из клада 1906 г. в Михайловском монастыре и в Старой Рязани (1887),[217] где они нашиты на ткань.

Бляшки имеют или вдавленный рельеф или прорезь в середине; припаянной нижней крышки у них нет, так как они нашивались на ткань.

Производство их мало отличалось от обычного тиснения; некоторую сложность представляла лишь прорезь. Бляшки всегда покрывались позолотой. Дата их — XII—XIII вв. Преимущества тиснения перед чеканкой привели к тому, что постепенно техника тиснения заменила чеканку почти во всех областях, кроме исключительных случаев. Обращает на себя внимание наличие массивных медных матриц для тиснения икон и изображений евангелистов. В Русском музее в Ленинграде находится массивная медная пластина с литым изображением евангелиста Луки.[218] Аналогичная пластина есть и в коллекции ГИМ (с изображением Христа).[219] Хотя в музейных описях они и названы иконами, но считать их таковыми нет осно-

---

[211] Коллекции ГИМ. Н. П. Булычов. Раскопки на Угре, табл. XXX.

[212] В связи с отсутствием собственно смоленских кладов мы не знаем набора «гривной утвари» смоленских боярынь. Тем самым нахождение кринов в курганах близ Смоленска может косвенно свидетельствовать о бытовании таких привесок и в самом Смоленске; в новгородских и владимирских древностях их нет.

[213] А. С. Гущин. Памятники..., стр. 36—37; Н. П. Кондаков. Русские клады..., стр. 209.

[214] А. С. Гущин. Памятники..., стр. 37; Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XXIX; Опись Оружейной палаты, ч. VII, М., 1893, стр. 25; Альбом, табл. 78. Колты тисненные, звездчатые и столбики (с. Кресты близ Ефремова).

[215] Коллекции ГИМ.

[216] В. К. Никольский. Древнерусское декоративное искусство, П., 1923, рис. 1, описание см. стр. 91.

[217] А. С. Гущин. Памятники..., табл. XXIX.

[218] В. Лесючевский. Некоторые змеевики в собрании художественного отдела Гос. Русского музея. — В кн.: «Материалы по русскому искусству», т. I, Л., 1928, стр. 14, рис. 4.

[219] Коллекции ГИМ.

ваний. Значительная толщина, отсутствие ушка для подвешивания, неровность боковых граней,— все это не позволяет рассматривать эти пластины как нечто самостоятельное и законченное. С другой стороны, обе пластины вполне удовлетворяют требованиям, предъявляемым к матрицам: спокойный, мягкий, неглубокий рельеф, отсутствие резких линий — все это было важно для тиснения. По всей вероятности, пластина с изображением евангелиста предназначалась для чеканной оправы книжного переплета (именно — оклада евангелия). Изображения четырех евангелистов по четырем углам переплета обычны. Зачастую они выполняются литьем и чеканкой. В данном случае мастер решил приготовить для них медную матрицу, с которой можно было получать оттиск, по внешнему виду не отличимый от чеканной работы. При таком способе, даже если мастеру нужен был только один экземпляр, он экономил свое время, так как основная работа сводилась к изготовлению восковой модели, с которой отливалась пластина — матрица, а это было проще, чем чеканка. Вполне возможно, что внедрение матриц в чеканно-переплетное дело отражает общую тенденцию ремесла к повышению массовости продукции.

Датирующими признаками пластины Русского музея являются тщательная отделка одежды многочисленными складками, спиральный орнамент на нимбе Луки и на ряде других предметов; все это указывает на XIII в.[220]

Пластина Исторического музея датируется более расплывчато: XII—XIII вв. Она, если и предназначалась для переплета, то лишь в качестве средника.

Эти матрицы для ложно-чеканных переплетов подводят нас вплотную к вопросу о басменном тиснении, сущность которого заключается в том, что большие листы серебра или меди многократно штампуются одной или несколькими матрицами, образующими сплошной ложно-чеканный узор на широкой площади.

Для домонгольского времени можно указать два предмета, выполненных техникой басменного тиснения. Оба они относятся к Новгороду Великому, где еще в XI в. была высоко развита чеканка. Естественно, что и механизация чеканки при посредстве матриц должна была здесь получить наибольшее развитие.

Первым случаем применения басменного тиснения (может быть,

[220] Аргументы В. Лесючевского, стремящегося отодвинуть дату к XI в. мне не представляются убедительными (Ук. соч., стр. 15).

в сочетании с последующей частичной подчеканкой) нужно считать огромный оклад «Корсунской» иконы Петра и Павла из Софийского собора в Новгороде.[221] Икона и ее оклад датируются XII в. Одежда Петра и Павла, а также 15 фигур святых в боковых арках чеканной работы. При выполнении орнаментальных розеток одна и та же матрица употреблялась несколько раз. Орнамент в виде виноградной лозы близок к чеканному орнаменту на новгородских изделиях XI—XII вв.

Второй пример сочетания чеканки с басменным тиснением нам дает крест новгородского архиепископа Антония, сделанный после 1211 г. и варварски уничтоженный ревнителями церковного благолепия в 1848 г.[222] Деревянный крест был украшен самоцветами и обложен серебряными пластинками с растительным орнаментом, тисненным на специальных матрицах. Здесь мастер заранее заготавливал орнаментированные листы и из них компановал нужные ему части. По серебру вычеканена надпись, говорящая о том, что крест был вкладом архиепископа Антония (Добрыни Ядрейковича) и может быть датирован 1211—1238 гг.

Сохранившись от монгольского разорения в Новгороде, искусство басменного тиснения стало излюбленным орнаментальным приемом русских мастеров XIV—XVII вв.

Подведу некоторые итоги обзору техники тиснения:

1. В X в. появляется тиснение серебра для изделий с зернью. Тиснение серебра под чернь на специальных медных штампах-матрицах явилось заменой более кропотливой плоско-чеканной работы и возникло на Руси в XI в. Применялось преимущественно для колтов и других видов личных украшений.

2. В XII в. усложняется рисунок матриц для тиснения колтов (появляется элемент плетения). К концу столетия посредством тиснения имитируется уже не чеканка, а гравировка. Появляется тиснение сложных композиций (для книжных окладов), заменяющее рельефную чеканку. Возникает басменное тиснение больших листов посредством нескольких многократно применяемых матриц.

3. В XIII в. подражание плоской чеканке (распространенное в

[221] М. П. Михайлов. Памятники русской вещевой палеографии, СПб. 1913, рис. 8; Н. В. Покровский. Древняя Софийская ризница в Новгороде. — «Труды XV Археол. съезда», М., 1914, т. I, табл. XI.

[222] «Древности Российского Государства», отд. I, М., 1849, № 25 и 26; Н. В. Покровский. Древняя Софийская ризница..., табл. VI; Л. Погожев. Село Микулино Городище и его древний собор. — «Светильник», 1914, № 4.

Черниговском княжестве) окончательно вытесняется подражанием рельефной чеканке (Новгород) и гравировке (Чернигов и Киев). В это время налаживается производство тисненных прорезных бляшек для нашивания на ткань.

4. Тиснение на матрицах, являясь производством массовым, позволяет определить вещи, сделанные одним мастером. В этом отношении тиснение сходно с литьем металла в формах.

6. ЧЕРНЬ, ПОЗОЛОТА И ИНКРУСТАЦИЯ

Древнейшими русскими орнаментальными приемами следует считать искусство чернения и золочения ювелирных изделий, оружия, кровельных листов, седел и др. вещей.

Уже в X в. мы встречаемся с серебряными изделиями, украшенными черневым узором. В. И. Сизовым среди гнездовских материалов были выделены бляшки русской работы, с фоном, заполненным чернью.[223] Прекрасный черневой орнамент украшает турий рог из Черной Могилы.

В XI в. любовь к черневому узору и контрасту серебряных фигур на фоне черни породила, как мы видели выше, особую отрасль ювелирной техники — тиснение серебряных листов для получения рельефа.

В состав черневой массы входят: серебро, свинец, красная медь, сера, поташ, бура, соль. Обычно эта смесь хранится в порошке. Серебряная пластинка под чернь должна быть подготовлена или чеканкой, или же тиснением, или литьем таким образом, чтобы фон был углублен по сравнению с рисунком. Фон еще дополнительно процарапывался резцом для лучшего сцепления черни с серебром. После этого порошок разводили водой, и полученную кашицу размазывали по углублениям пластинки. Затем пластинку ставили на жаровню, и чернь плотно соединялась с серебром. Получив черневой фон, мастер подправлял края его резцом и дорабатывал резцом же выступающие части узора.

До конца XII в. в черневом искусстве господствовал черный фон

[223] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., вып. I. Гнездовские могильники близ Смоленска. МАР, СПб., 1902, № 28, табл. III.

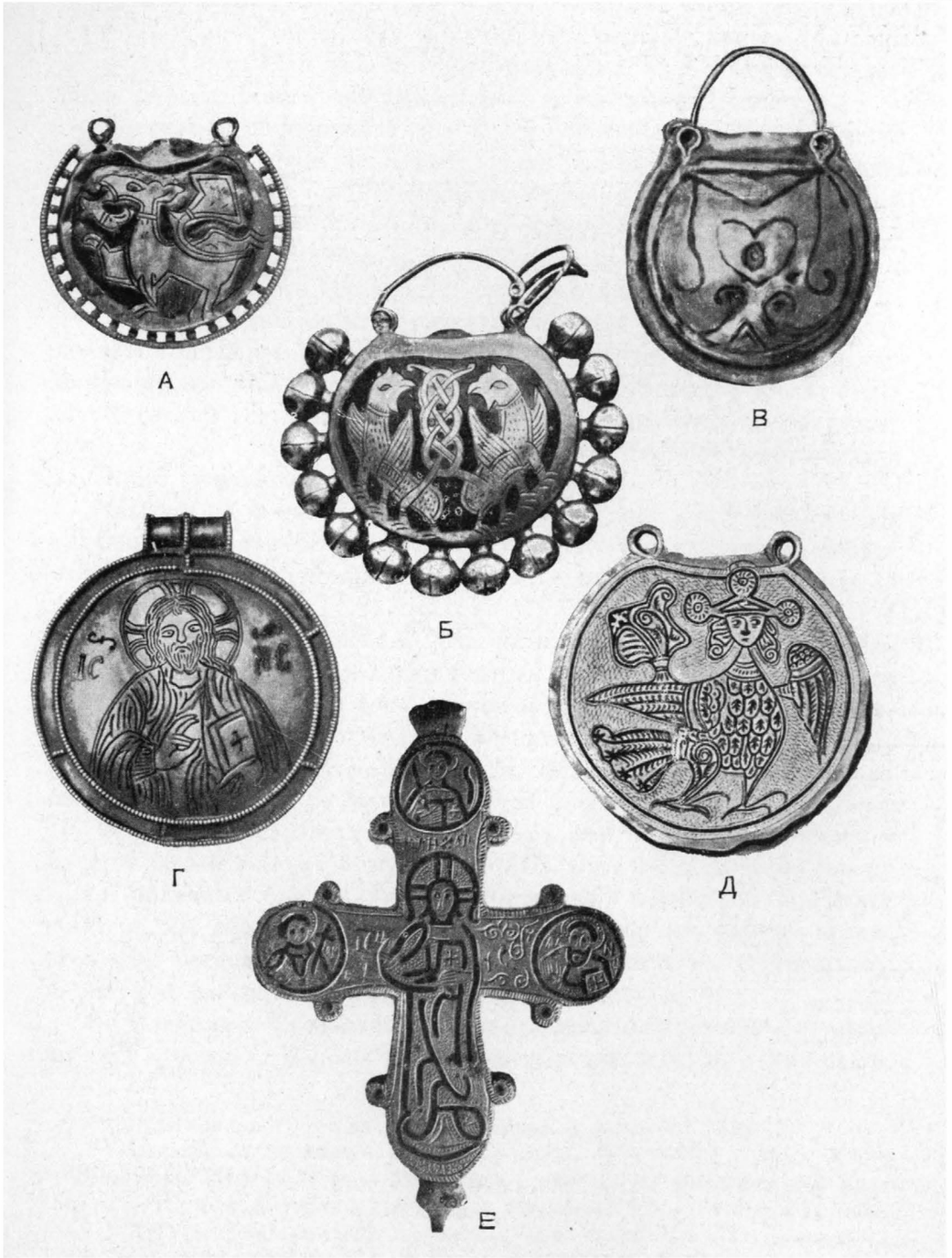


Рис. 83. Образцы черни XI—XIII вв.

и светлые рельефные фигуры на нем. Образцы такой черни дают многочисленные колты, широкие браслеты, перстни, поясные бляшки и другие вещи. При этом контуры рельефных изображений очерчивали резцом; резцом же разделывали и внутренний контур.

Постепенно появляются все более и более глубокие контурные линии. Тонкий лист тисненного серебра не позволял слишком углублять контур; с появлением же более массивных литых вещей это стало возможно, причем мастера для этой цели выскребывали в металле узкие канальцы. С углублением контура появляется возможность заполнить его чернью наряду с фоном (рис. 83).

На примере колтов из Териховского клада мы видим, как между чернью и серебром наступает некоторое равновесие: исчезает прежний контраст между густочерным фоном и яркосеребряным рельефом; рельеф становится более плоским, чернь освобождает часть фона, но зато вторгается внутрь светлых серебряных изображений, заполняя углубления контуров.

Насечки на фоновой площади, которые ранее имели техническое значение, усиливая сцепление черневой массы с предметом, теперь приобретают орнаментальный характер и остаются непокрытыми чернью.

Реформаторами черневого дела были, возможно, мастера Владимирской Руси. Даже на широких литых браслетах они отказываются от сплошного черневого фона, может быть, находя его слишком грубым. Возможно, что тонкий вкус, воспитанный в духе продуманного и утонченного искусства Владимира, Боголюбова и Юрьева, подсказывал им замену резких контрастов более мягкими переходами. На некоторых браслетах из Владимира фон оставался светлым, а фигуры зверей в арках позолочены.[224] На ряде очень сходных между собой оплечных блях и других предметов, находимых в кладах XIII в., мы видим совершенно новый принцип применения черни: весь фон остается гладким, блестящим (или слегка насеченным), а рисунок наводится жирным черневым контуром.[225]

Во Владимиро-Суздальской Руси эта техника встречается и в вещах из курганов. Таковы, например, перстни XIII в. с изображе-

---

[224] Н. П. Кондаков. Русские клады..., табл. XX, рис. 5.

[225] Суздальское оплечье. — А. С. Гущин, Памятники..., табл. XXV; Владимирский клад 1837 г. — Там же, табл. XVI; Владимирский клад 1865 г. — Там же, табл. XVII; Старая Рязань 1868 г. — Там же, табл. XXVI, XXVII; Болгары 1888 г. — Там же, табл. XXXII; Стольцы. — Там же, табл. XXXIV; Старые Буды. — Фотоархив ИИМК.

Рис. 84. Контурная чернь. Перстень (увел.)

ниями зверей, аналогичных зверям архитектурных рельефов из курганов близ Никонова в Подольском районе (рис. 84).[226]

Наблюдается эта техника и на киевских вещах (несколько отличных от владимирских),[227] но с особенной тонкостью ее применяли мастера Галицкого княжества. Колты из с. Залесцы близ Каменец-Подольского дают серебряный фон, покрытый орнаментальной насечкой. Изображения сирина обильно расчерчены черневым контуром, который здесь приобрел самодовлеющее значение.[228] Такой

[226] А. В. Арциховский. Никоновские и Тупичинские курганы.— ТСА РАНИОН, М., 1928, т. III, стр. 100—101; вып. IV, рис. 7.

[227] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. — КС ИИМК, М. — Л., 1941, т. X, рис. 25.

[228] А. А. Спицын. Археологический альбом.— ЗОРСА, том XI, 1915, табл. XI, рис. 45.

же характер имеют и два широких браслета, подражающие в общей композиции киевским.[229] Не находится ли эта техника в связи с влиянием Владимиро-Суздальской Руси на Галич, которое прослеживается по архитектуре?[230] Возможно, что изменения, происшедшие в технике черни, находились в какой-то связи с развитием техники инкрустации. В качестве фона для инкрустации служили или железо или медь (с последующей искусственной оксидировкой). Инкрустация производилась золотом и серебром.

Простейший и древнейший вид инкрустации мы находим на шпорах X—XI вв.[231] В горячем железе тонким зубилом делался ряд углублений, которые позже забивались небольшими золотыми или серебряными гвоздиками. Золото иногда вбивалось заподлицо с поверхностью железа, иногда же выступало в виде небольших бугорков.

Применялись и врезка золотой проволоки в железо и покрытие больших площадей железа серебряными листами (часто с последующей позолотой). Для этого поверхность железа или надсекалась косой бороздкой (для проволоки) или вся покрывалась насечками и шероховатостями для лучшего сцепления с серебром.

Образцом сплошной серебряной набивки может служить шлем Ярослава Всеволодича, корпус которого, свободный от позолоченных чеканных накладок, был набит серебром. Инкрустацией и накладкой украшались боевые топоры. Таков, например, известный симбирский топорик XII—XIII вв. с серебряным изображением процветшего крестика и греческой надписью Ζῶη («жизнь»). По форме и отделке он очень близок к русскому оружию, возможно, что греческая надпись была сделана в монастырских или великокняжеских мастерских.[232] Подобный топорик с хорошей серебряной инкрустацией в виде спиральных завитков был найден близ Костромы.[233]

Самым ярким представителем декоративных топориков является топорик, связываемый с именем Андрея Боголюбского, так как на

[229] М. С. Грушевський. Молотовське срібло. — ЗНТ, т. XXV. Браслет из раскопок Я. И. Пастернака близ Галича.

[230] Н. Н. Воронин. К вопросу о взаимоотношении галицко-волынской и владимиро-суздальской архитектуры XII—XIII вв. — КС ИИМК, 1940, вып. III.

[231] Раскопки в Вышгороде. Коллекция Киевского Исторического музея.

[232] А. А. Спицын. Декоративные топорики. — ЗОРСА, П., 1915, т. XI.

[233] В. И. Смирнов. Костромской декоративный топорик. — «Сов. археол.», 1940, № 5, стр. 304.

21*

обушке изображена буква *А*, повторенная на одной из сторон лезвия. Буква на лезвии оформлена в стиле книжных инициалов: изогнутый дракон, пронзенный мечом. На другой щеке топора изображена мирная композиция — две птицы у стилизованного дерева (рис. 42).[234] Стальная поверхность топора была предварительно насечена зубильцем и обложена серебром, тщательно вкованным во все неровности стали. По серебру был выгравирован узор, расцвеченный позолотой.

Мягкое и нежное сочетание чистого серебра с позолотой характерно для искусства Владимира XII—XIII вв., часто сочетавшего золото или с серебром или с белокаменной резьбой. Инкрустация по меди наблюдается очень редко. В качестве примера можно указать панагиар, хранящийся в ГИМ в Москве.[235] В толщу медного предмета мастер врезывал глубокие контуры рисунка и букв, а затем в образовавшиеся борозды забивал при помощи зубильца золотую проволоку. После этого медь и золото вместе проковывались (может быть, слегка подогретые) и шлифовались; соединение золота с медной основой было прочным, но этот вид работы требовал значительной затраты труда и применялся редко.

Техника позолоты, находившая широчайшее применение в быту Киевской Руси, допускала несколько различных способов нанесения золота. Реже всего применялось наложение золотой фольги как наименее прочный способ соединения. Уже в антский период истории восточных славян они были знакомы с искусством составления золотой амальгамы из сплава золота с ртутью и покрытия ею серебряных и бронзовых изделий.

В изделиях IX—X вв. позолота применяется очень широко, играя важную роль в декорировке различных изделий. Золоченые изделия постоянно упоминаются на страницах летописи, многие

---

[234] Расположение птиц вокруг дерева в таких позах не встречается на колтах, где птицы часты (там они обычно с повернутой головой). Полную аналогию представляет подвесная лунница от сбруи из Киева, датируемая XIII в. — М. К. Каргер. Раскопки древнего Киева — «Наука и жизнь», 1940, № 2, стр. 38.

[235] Н. И. Троицкий. Панагиарий и складень из собрания А. С. Уварова. — «Древности», т. XXIII, М., 1909. — Панагиары употреблялись для специального обряда возношения на них «богородичного хлеба». Дьякон поднимал сосуд с хлебом вверх и призывал помощь богородицы. Этот обряд очень напоминает рассказ Ибн-Руста о том, что славяне (молясь) поднимают к небу ковш, наполненный зерном. Живучесть обряда возношения хлеба богине плодородия могла содействовать распространению панагиаров.

предметы вошли в поэзию с постоянным эпитетом — золотой, золоченый. «Золотые шеломы», «терема златоверхие», «златокованные столы,» «золотые главы куполов» сопровождают описания войска, города, церкви. Особенно подробно описывают современники обилие позолоты в белокаменном строительстве Андрея Боголюбского. Собор в Боголюбове он украсил «... и всякими узорочьи удивию, свѣтлостью женѣкако зрѣти, заневся церкви бяше золота [разрядка наша.— *Б. Р.*]... Из дну церкви от верха и до полу, и по стенамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двѣри же и ободвѣрье [портал] церкви златомъ же ковано»... Он же в Володимере «ворота златая [разрядка наша.— *Б. Р.*] доспе, а другая серебромъ учини... и в Боголюбомъ и в Володимере городе верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ златом устрои [разрядка наша.— *Б. Р.*], каменьемъ усвѣти и столпъ позлати изовну церкви, и по комарамъ же поткы [пътъкы — птицы] золоты и кубкы и вѣтрила [флюгера] золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около...» [236]

От этого великолепия, затмевавшего постройки западноевропейских королей, до нас дошли фрагменты медной кровли с густой позолотой и прорезью. В раскопках Н. Н. Воронина были обнаружены листы золоченой меди.[237]

Кровля Успенского собора во Владимире, части которой хранятся в ГИМ в Москве, позволяет установить технику позолоты. Сначала выковывалась медная пластина, затем на ней вырезывался ажурный рисунок, и готовый узор густо покрывался золотой амальгамой, носившей в древней Руси название «жженого злата», после чего лист меди ставился в сильный жар, и золото прочно соединялось с основой. Перечислить все предметы, покрывавшиеся позолотой, нет возможности.

Остановлюсь на особом виде позолоты, требовавшем от мастера и хорошего знания химии и высокого искусства гравировки,— речь идет о золотом письме по меди.

Среди русских древностей есть важная категория предметов с позолотой, образующей тонкий линейный рисунок на фоне, покрытом черным лаком. В большинстве своем это — медные двери с различными изображениями.

---

[236] Ипатьевская летопись 1175 г.

[237] Н. Н. Воронин. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв., М. — Л., 1945.

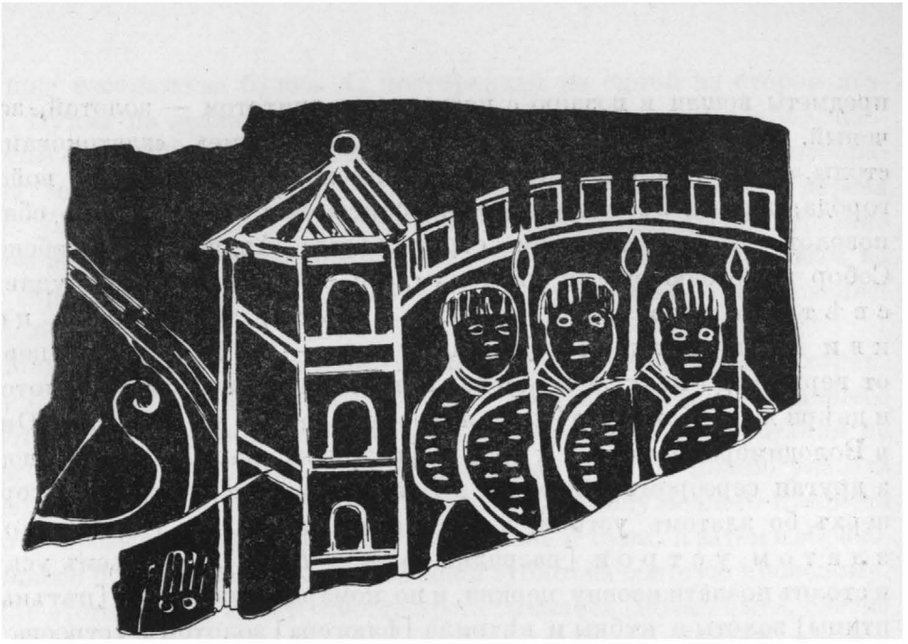


Рис. 85. Медная пластинка с золотым рисунком (Киев)

Древнейшим памятником следует считать фрагмент медной пластины из Киева с золотым рисунком, изображающим город с частью крепостной стены, башню, ладью с высоким загнутым носом и толпу воинов с копьями и щитами. Воины безбороды, безусы, волосы у них стрижены в кружок (рис. 85).[238] Вполне возможно, что в отличие от других дошедших до нас дверей церковного назначения киевский фрагмент принадлежал двери светского дворца, так как изображения на нем лишены какой бы то ни было примеси церковности.

Кроме того, известны отдельные пластины из Старой Рязани,[239] пластина из коллекции Фаберже[240] и небольшие церковные двери из коллекции Н. П. Лихачева, происходящие из окрестностей Новгорода.[241]

Самым пышным представителем искусства золотого письма являются Суздальские врата (для западного и южного входов Рождественского собора), которые Е. С. Медведева связывает с именем князя Юрия Всеволодича и датирует 1222—1238 гг.[242] Врата представляют большой интерес в отношении изображений, стиля, богатого орнамента. Подобных изделий много, но, к сожалению, до сих пор они надлежащим образом не изучены. Долгое время их считали изготовленными техникой золотой инкрустации («дамасская насечка»), но специальное исследование Гальнбека показало, что они писаны жидким золотом способом золотой наводки. Описание этого способа имеется в одном рукописном монастырском сборнике XVII в.:

«Указание как золотом во всяком железу и укладу писати.

Найди ящерицу желтую живую [условное название золота], да разотри сортутью, а ртути было б шестая доля против ящерицы. Да ящерицу живую запечатай в горшекъ сортутью, да положи в печь в большой жаръ, как истопитца. Да з'боевой час помедли, да выняти вон и положить в сосудецъ стекляной.

А саблю или железо покрывать воском чистым. И провести травы спицею по красочному и потемъ чертамъ писати воткою, да помедлив

[238] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, стр. 29.

[239] Отчет Российского Исторического музея за 1909 г., стр. 17.

[240] И. Гальнбек. О технике золоченых изображений на Лихачевских вратах в Гос. Русском музее. — В кн.: «Материалы по русскому искусству», Л., 1928, т. I, рис. 1.

[241] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, М., 1937, рис. 82.

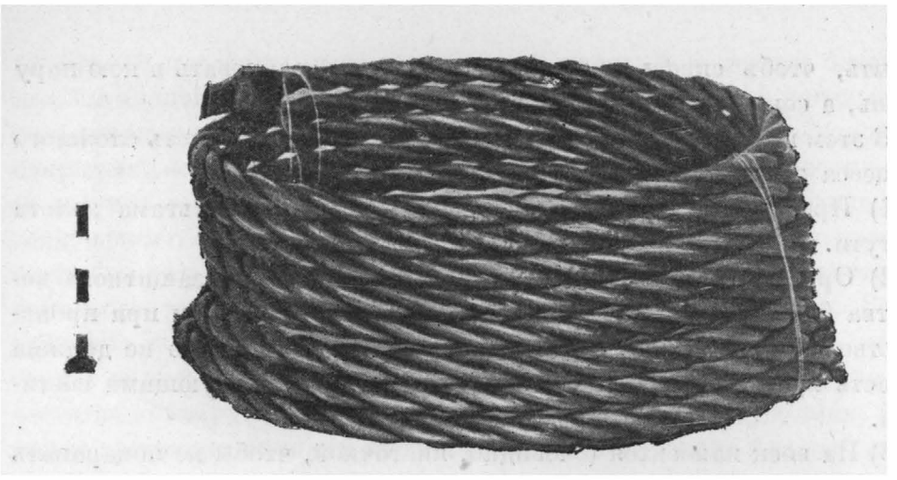


Рис. 86. Заготовка гривен (Киев)

[242] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности..., вып. VI, стр. 70; А. И. Соболевский. Медные врата. — В кн. «Русская икона», СПб., 1914. — Соболевский датирует их по эпиграфическим признакам XII—XIII вв. В последнее время Е. Медведева установила более точную дату этих врат—начало XIII в. (1227—1238).

измыть, чтобъ сквозь не прошло, а воску не соскревать в кою пору моешь, а сонмешь воск, то разъест широко».

В этом интересном рецепте описана только первая часть сложного процесса золочения. Проследим его по стадиям:

1) Приготавливается «жженое золото», т. е. амальгама золота и ртути.

2) Орнаментируемый предмет покрывается слоем защитного вещества (воска). Это аналогично «резервированию» ткани при производстве набивного рисунка, когда те части, на которые не должна попасть краска, замазываются защитными, резервирующими составами.

3) На воск наносится (очевидно, кисточкой, чтобы не поцарапать воск) красочный рисунок.

4) Острой спицей по наведенному рисунку воск процарапывается до металла.

5) Полученные бороздки промазываются водкой (может быть, царской водкой?), но резервирующий слой воска остается.

6) В промытые бороздки заливается золото с ртутью, после чего воск удаляется.

7) Медный лист с наложенной амальгамой подвергается нагреву, во время которого ртуть испаряется, а золото остается.

8) Освобожденный от присутствия ртути лист накаливается на большом огне, и золото прочно соединяется с металлом.

Большой знаток техники ювелирного дела Ф. Я. Мишуков подверг пересмотру положения Гальнбека и доказал, что техника золочения была иной.[243]

«По моим исследованиям,— пишет Ф. Я. Мишуков,— техника врат представляется в таком виде. Берут хорошо отшлифованную пластинку красной меди или какой-либо иной формы предмет или шаблон требуемого, согласно рисунку, размера в 1—3 мм толщиной; покрывают пластинку лаком, сваренным из 12 частей скипидара, 8 частей асфальта, 4 частей желтого воска, 2 частей сосновой смолы. Варианты состава лака в древности могли быть различными (так же, как примерно различны сплавы черни), но в основном это тот необходимый состав лака, который объединяет все перечисленные выше разновременные памятники, отделенные столетиями друг от друга. Этот лак, будучи прокопчен на сальном пламени после покрытия

[243] Ф. Я. Мишуков. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в древней Руси. — КС ИИМК, М. — Л., 1945, вып. XI, стр. 113.

им медной пластины, дает густочерный матовый, с легким блеском, как бы эмалевый фон; он исключительно прочен и, как показывают сохранившиеся памятники, держится столетиями даже в условиях открытых, неотапливаемых помещений и многократных протираний от пыли и грязи. Покрывание лаком в моих опытах производится следующим образом: пластину слегка нагревают и на теплую поверхность кистью или ватой наносят негусто лак до золотисто-коричневого тона, стараясь дать возможно ровную окраску. Затем медленно высушивают его на плите или легком огне, ни в каком случае не доводя до кипения, иначе он начнет пузыриться; когда лак достаточно высох, нагрев усиливают до полной просушки лака; в горячем состоянии он почти не дает отлипа на пластине или дает лишь очень слабый отлип; при этом коричневый тон переходит в темный. По высушивании намеченные изображения слегка оконтуривают — чертят стальной иглой весь узор, не проникая глубоко в слой лака, т. е. стараясь по возможности не обнажать медь. Когда все необходимые детали оконтурены иглой, начинают острыми ножами выскабливать рисунок в виде пробелов, тонких контуров или широко залитых светом поверхностей. Выскабливание не должно быть глубоким, а должно только начисто освободить медь от следов лака, иначе к ней не будет приставать золотая или серебряная амальгама. Когда выскабливание рисунка закончено, пластинку подогревают до почернения меди и промывают — «отбеляют». В древности отбел составляли растворы квасцов, клюквы и подобных им растворителей окиси металла...

...Предмет промывают горячим отбелом при помощи кисти или ваты, но не травят, как при офорте. Затем на влажную, промытую после протравы чистой водой поверхность пластины или предмета наносят заранее приготовленную золотую амальгаму. Ртуть хорошо соединяется с чистой амальгамированной поверхностью красной меди и покрывает все линии рисунка ровно налитым серебристым слоем. При нагреве пластинки ртуть начинает испаряться, высыхать, а золото — восстанавливаться и выступать ярким желтым цветом на черном фоне лака, накрепко соединяясь с медью. Работа заканчивается промывкой, отделкой поверхности и шлифовкой».[244]

Изобретение золотого письма избавило художника от утомительной физической работы, необходимой при инкрустировании, позволив ему свободно творить сложные и затейливые узоры и композиции.

[244] Ф. Я. Мишуков. Ук. соч., стр. 114.

В этом отношении русские ювелиры обогнали своих царьградских, итальянских и рейнских современников, создав новый вид техники золочения. Судя по тому, что эта техника пережила татарский погром и продолжала существовать в Новгороде и в XIV в., можно думать, что в XII—XIII вв. она была распространена во всех важнейших русских городах (Киев, Новгород, Рязань, Суздаль).

7. ВОЛОЧЕНИЕ ПРОВОЛОКИ, ФИЛИГРАНЬ И ЗЕРНЬ

Одним из важнейших разделов ювелирной техники древнерусских городов является волочение проволоки. Потребность в проволоке была большая и требовалось ее для различных нужд очень много. Медная, серебряная и золотая проволока шла на различные изделия. Проволока крупного калибра употреблялась на изготовление гривен и браслетов, более тонкая — на височные кольца, цепочки, а тончайшие проволочные нити украшали поверхность различных предметов сложным и изящным узором филиграни.

Было бы очень важно выяснить время перехода от выковки проволоки к ее волочению на специальном стане, так как наличие последнего приспособления может свидетельствовать об обособлении специалистов, занятых по преимуществу этим делом. Но, к сожалению, точных данных о времени возникновения техники тянутой проволоки у нас нет.

Среди городских вещей X в. мы уже встречаемся с разнообразным ассортиментом серебряной проволоки, а в XI в. серебряная и медная проволока в большом количестве имеются и в деревенских курганах. Это дает нам право датировать появление волочения временем не позднее X в.

Волоченая проволока отличается от кованой равномерностью поперечного сечения и наличием продольных бороздок, образующихся от неровностей глазка волочила. Произведенная мною макросъемка трехбусенных височных колец XI в. (из раскопок Уварова) показала наличие бороздок на стержне проволоки и тем самым подтвердила наличие волоченой, тянутой техники.[245]

Наиболее трудной задачей было получение проволоки крупного

[245] Съемка производилась на материалах ГИМ.

калибра для шейных гривен, которые были очень широко распространенным видом женского и мужского украшения. На гривны шла обычно проволока толщиной в 2—3 миллиметра.

В Киеве была найдена интересная заготовка медного проволочного жгута для гривен. Мастер заранее сделал толстую проволоку, свил ее в жгут, а затем закрутил в несколько рядов. По мере надобности от заготовки отрезывался кусок и из него делалась гривна. Найденный жгут рассчитан на 8—10 гривен (рис. 86).[246]

Здесь перед нами любопытный пример перехода от работы на заказ к работе на рынок. Мастер тянет проволоку заранее, еще до получения заказа на гривны, готовит сырье для них — жгут. Если бы мастер работал целиком на рынок, он неизбежно разрезывал бы проволоку на одинаковые куски и сделал бы из них гривны, а не стал бы укладывать жгут в спираль. Совершенно очевидно, что мастер сделал заготовку в расчете на будущие заказы и резать проволоку не решался, так как гривны могли быть заказаны разных размеров. Отсюда только один шаг до того, чтобы мастер решился готовить впрок не только проволоку, но и самые гривны; в таком случае его мастерская стала бы одновременно и местом продажи украшений.

Найденный бунт проволоки интересен и с чисто технической стороны. Каждая проволока в сохранившейся части имеет около 4 метров длины. Вытянуть толстую проволоку такой длины руками чрезвычайно трудно. Вероятнее всего, что волочение в данном случае было несколько механизировано. Этнография дает нам такое приспособление для волочения проволоки: волочило укрепляется на одном конце скамьи, а на другом укрепляется деревянный ворот с прилаженным к барабану ремнем, к ремню привязываются клещи.

В начале работы, когда в волочило просовывается заостренный конец стержня, предназначенного для волочения, ремень разматывается на всю длину. Один мастер клещами захватывает конец, а другой в это время вращает ворот; ремень наматывается на барабан и тянет за собой клещи и захваченную клещами проволоку. Вероятно, подобный волочильный стан был у того киевского мастера, который вытянул описанную выше четырехметровую медную проволоку. Тонкую золотую и серебряную проволоку могли тянуть и вручную.

Тонкая проволока служила для выполнения разнообразных филигранных узоров. Филигрань, русская скань (от «скати»— свивать,

[246] Коллекция ГИМ; ОАК за 1911 г.

сучить), представляет собой скрученные проволоки, образующие какой-либо узор. Скань может быть ажурной, когда сами проволочки образуют каркас вещи, но может быть и накладной на пластинке. И в том и в другом случае для скрепления нитей между собой или с пластинкой требуется паянье. Вся работа производится так: сначала скручивается проволока, затем при помощи миниатюрных щипцов сканные нити изгибаются по задуманному рисунку и складываются друг с другом или кладутся на пластинку (в зависимости от характера скани). После этого на пластинку насыпается припой в виде порошка легкоплавкого материала, и пластинка с уложенными на ней сканными нитями ставится на жаровню. Припой расплавляется и соединяет скань с пластинкой. Если работа должна была быть ажурной, то нити собирали на какой-нибудь плитке и присыпали припоем лишь для того, чтобы они скреплялись друг с другом, но не с основой. Ажурная работа труднее, чем напаивание на пластинку, и применялась значительно реже.

Существенным разделом в работе ювелира было приготовление специальных припоев. Современная техника паяния применяет следующие составы припоев, которые, по всей вероятности, применялись и в древности, так как составные части их были известны:

1. Олова — 5 частей
   Свинца — 3 части

2. Меди — от 30 до 50 частей
   Цинка — от 25 до 46 частей
   Серебра — от 4 до 45 частей
   (Рецепт для паяния меди)

3. Серебра — 4 части
   Красной меди — 1 часть
   (Рецепт для паяния серебра)

4. Золота — 10 частей
   Серебра — 6 частей
   Меди — 4 части
   (Рецепт для паяния золота)[247]

Плавление металлов начиналось с легкоплавких и производилось в тиглях. Полученный сплав истирали в порошок (напильником) и пользовались им для паяния.

[247] М. А. Соколов. Слесарное дело. Паяние, 1933, стр. 263—268.

Совершенно не отделима от скани всегда сопутствующая ей техника зерни — напаивание на пластинку мельчайших зерен металла. Зерна золота или серебра заготавливались заранее из мельчайших капель металла, а затем укладывались при помощи маленького пинцета на орнаментированную пластинку. Далее все следовало так же, как и со сканью: посыпали припоем и ставили на жаровню. Возможно, что при этой работе применяли медные паяльники, раскаленные в той же жаровне. Паяльниками подправляли те места, где припой плохо охватил зернь или нить.

Для приготовления зерни современными ювелирами практиковался следующий простой прием: расплавленный металл (золото или серебро) льют в резервуар с водой через мокрую метлу или решето, разбрызгивающие металл на мельчайшие капли.[248] Иногда применяется литье расплавленного металла через струю воды; этот прием древнерусским мастерам было трудно осуществить, так как для этого требовалась горизонтальная струя воды. Зерна застывшего металла должны были сортироваться по размерам, так как при описанных способах они не могли получаться ровными.

Возможно, что для большей гладкости применялось перетряхивание зерни в закрытом сосуде или даже вращение в специальных барабанах.[249]

Зернь и скань встречены в русских курганах, начиная с IX в., и в дальнейшем являлись излюбленнейшей техникой городских златокузнецов. В раннее время зернью особенно усердно украшали серебряные лунницы. На некоторых из них напаяно по 2250 мельчайших серебряных зерен, каждое из которых в 5—6 раз меньше булавочной головки (рис. 87).[250] На 1 кв. см приходится 324 зерна. На зерненых киевских колтах количество зерен доходит до 5000.[251]

Иногда применялась перегородчатая зернь. На пластинку напаивалась тонкая гладкая проволока — каркас рисунка. Междупроволочное пространство густо засыпалось зернью, которая припаивалась вся сразу.[252]

Особым декоративным приемом, появившимся едва ли ранее XII в., было напаивание на полый серебряный шарик миниатюрных

[248] Там же, стр. 268.

[249] Н. П. Мельников. Производство дроби, СПб., 1880.

[250] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. — МАР, 1902, № 28, вып. 1, табл. IV, рис. 6, 7.

[251] Тверской клад 1906 г. — ЗОРСА, 1915, вып. XI, табл. I.

[252] ОАК за 1903 г., табл. V, рис. 23.

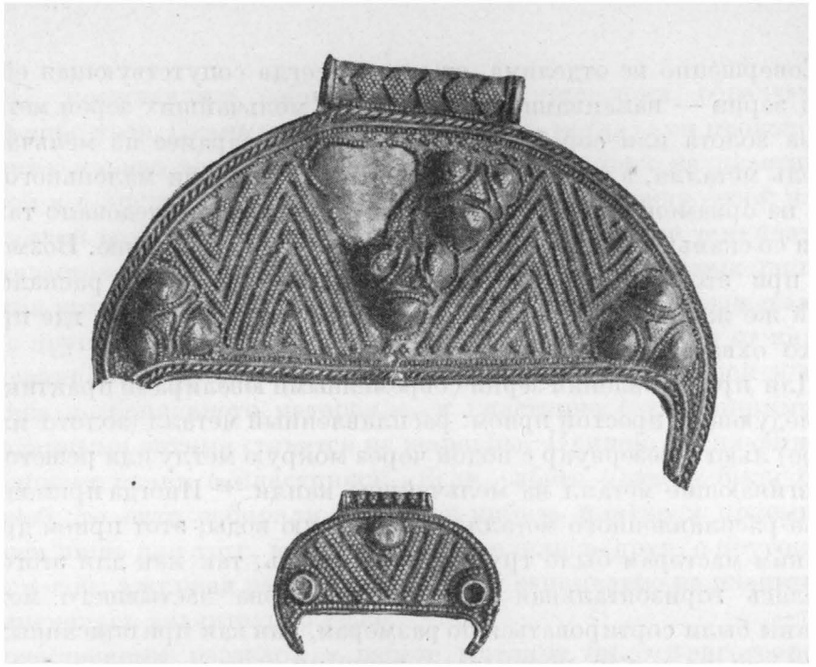


Рис. 87. Лунницы с зернью

проволочных колечек, на которые сверху приделывали по одному зерну серебра. Именно этими техническими приемами изготавливались звездчатые киевские колты (рис. 88—89). Диаметр проволочки, из которой делали кольца, достигал 0.2 мм. Кропотливость работы вознаграждалась тонкой игрой света и тени.

Применительно к зерни и скани естественнее всего поставить вопрос о взаимоотношении русского производства и арабско-иранского импорта.

В работах по истории русского народного хозяйства все серебряные и золотые украшения IX—X вв. безоговорочно зачислялись в раздел торговли с Востоком.[253] Если же мы попытаемся нанести на карту различные типы сканно-зерненых украшений IX—X вв., то увидим, что некоторые типы украшений почти повсеместны, что они встречаются в самых различных областях. К ним нужно отнести круглые подвески к ожерелью с замысловатым филигранно-зерненым узором.[254] Большинство же вещей, зачисляемых западноевропейскими археологами в разряд «нормано-арабских», имеет свои особые области распространения. Одна такая область — Волжская Болгария, с ее своеобразной культурой зерни и скани; вторая — Суздаль, Ростов и Смоленск; третью можно отождествить с Киевом, Черниговом и Переяславлем, а рядом с ней на Волыни начиналась уже новая область со своими особенностями в формах и деталях техники.

[253] М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, Киев, 1911.

[254] Напр., Гнездово, клад 1868 г. — А. С. Гущин. Памятники..., табл. IV, рис. 14, 15, 23, 24; А. А. Спицын. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, вып. 15, ч. 1, рис. 174, 185, 188.

Если пойдем далее на Запад, то и там найдем ряд локальных особенностей в стиле и форме сканно-зерненых украшений.[255]

Забегая несколько вперед, замечу, что в Польше и в землях балтийских славян встречаются вещи, характерные для Киевской области IX—X вв., что объясняется мощной торговой ролью Киева.

Проникновение арабских и иранских вещей к восточным славянам началось в VIII в. и вызвало повсеместно подражания, в первую очередь — в технике ложной зерни (литье по восковой модели). Изучение подражаний очень важно для выяснения вопроса о местном производстве. К бесспорным восточным вещам относятся «капторги» — серебряные нагрудные футляры для маленьких свитков с цитатами из корана. Обычно они имеют арабские надписи и украшены зернью и сканью.

В составе гнездовского клада 1868 г., наряду с различными вещами IX—X вв., имеется капторга с прекрасным зерненым узором, по общему облику «восточного» производства;[256] но оказывается, что концы футляра наглухо запаяны, а верхняя часть украшена тремя миниатюрными головками быков с зернью на мордах. Капторгу с быками следует признать местным русским подражанием восточному серебру с зерненым орнаментом.

Все это дает нам право считать, что искусство зерни, знакомое южнорусским племенам с VI—VII вв. по керченским образцам, в VIII—IX вв., благодаря притоку зерненых и сканных изделий с Востока, начинает широко прививаться на русской почве. Воспроизводятся арабские образцы и создаются свои местные формы, различные в отдельных областях. Наиболее широкое применение зернь и скань нашли в орнаментике волынских височных колец, лунниц и трехбусенных височных колец.[257] И те и другие встречены в ран-

[255] Якимович очень убедительно доказывает, что так называемые арабские вещи являются таковыми лишь по своим прототипам, но что в IX—X вв. они выделывались в большинстве своем в европейских землях.

[256] А. С. Гущин. Памятники..., табл. III, рис. 22.

[257] Древнее название лунницы — «мѣсяца гривенныая», а трехбусенные

них курганах с трупосожжением, следовательно, датируются IX—X вв.; поздние типы продолжают существовать вплоть до XIII в.

Важным аргументом в пользу раннего знакомства с зернью и сканью была бы находка мастерской. В отношении всех других разделов ремесла археологи избалованы обилием инструментов, производственных сооружений, мастерских. Производство зерни и скани не имело такого фундаментального оборудования, которое могло бы сохраниться. В распоряжении ювелира были льячка и тигель для плавки металла, метла и корыто с водой для литья зерни, волочильный калибр для проволоки, клещи — пинцеты или маленькие щипчики для укладывания зерненого и сканного рисунка на пластинке и жаровня для подогревания припоя.

Тигли и льячки — одна из частых находок в русских древностях. Волочильная доска была найдена в раскопках Н. И. Булычова (см. выше), массивная медная жаровня IX—X вв. обнаружена в Киеве в могиле с трупосожжением, клещи-кусачки для захватывания и откусывания проволоки известны из раскопок А. С. Уварова.[258]

Особо следует отметить находки пинцетов, которые обычно считают принадлежностью мужского туалета, полагая, что они служили для выщипывания усов и бороды. Наличие пинцетов в женских погребениях[259] лишает эту гипотезу вероятия.

Интересен пинцет, найденный Уваровым в Кидекше, не приспособленный для захватывания, поскольку концы у него круглые в сечении. Таким пинцетом можно было только укладывать сканную проволоку и выгибать тонкие проволочные нити. На одном кольце с этим пинцетом имеется небольшая железная лопаточка, пригодная для насыпания и разравнивания зерни или небольших кусков филигранных заготовок, а также для насыпания припоя.[260]

Любопытно, что находки пинцетов совпадают с теми пунктами, где известны древнейшие вещи с обильным филигранно-зерненым орнаментом. Из продукции ювелиров остановлюсь на важнейших категориях.

кольца возможно назывались «усерязь», так как серьги в нашем смысле слова древней Руси почти неизвестны. Словами «усерязь злат» могли обозначаться различные височные подвески, в том числе и височные кольца и колты.

[258] А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 385 — с. Гнездилово.

[259] Там же, рис. 406 — д. Осаповец. — Пинцеты есть и в Гнездове и в других местах.

[260] Там же, рис. 386.

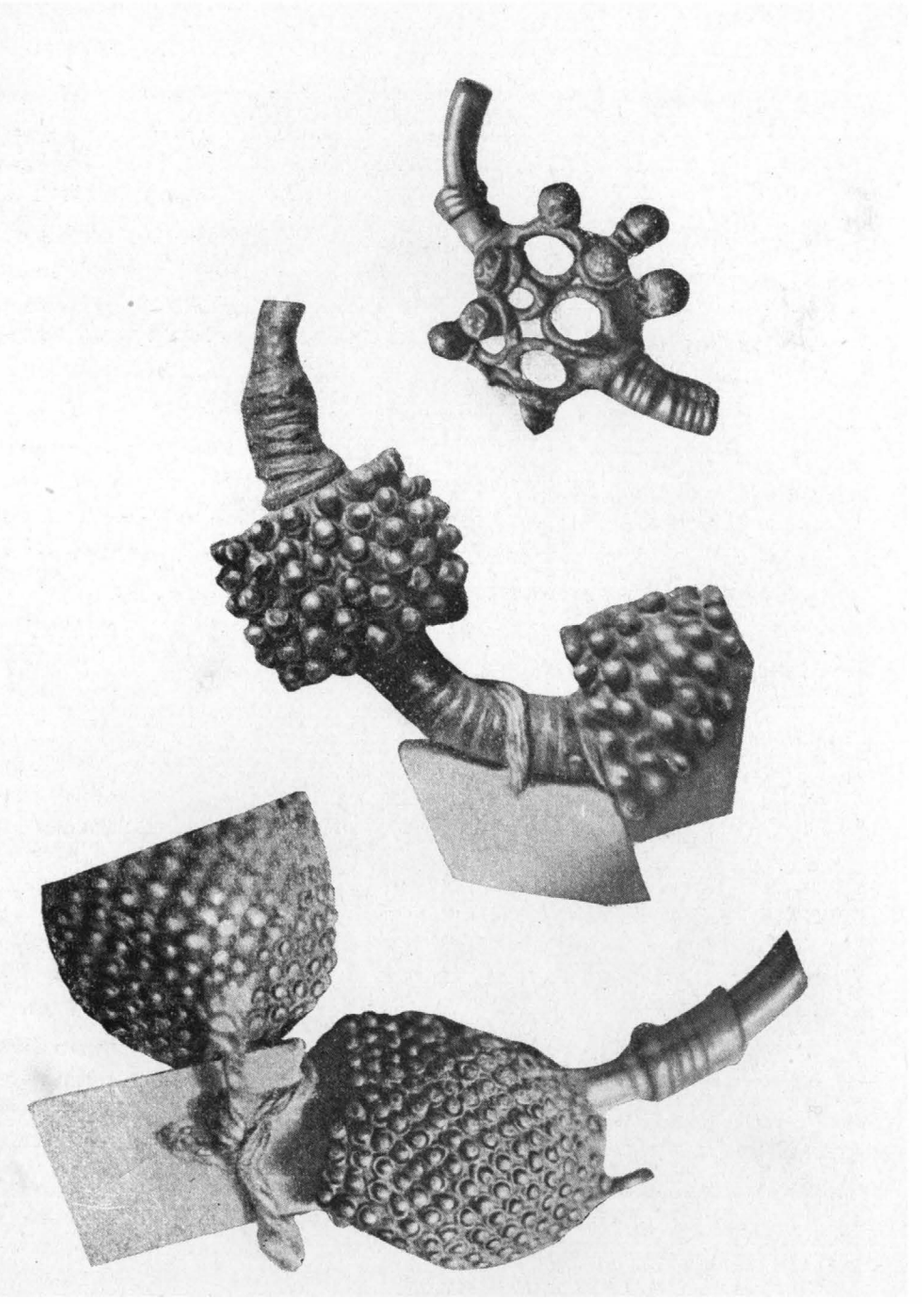


Рис. 88. Зернь на колечках. Височные кольца (увел.)

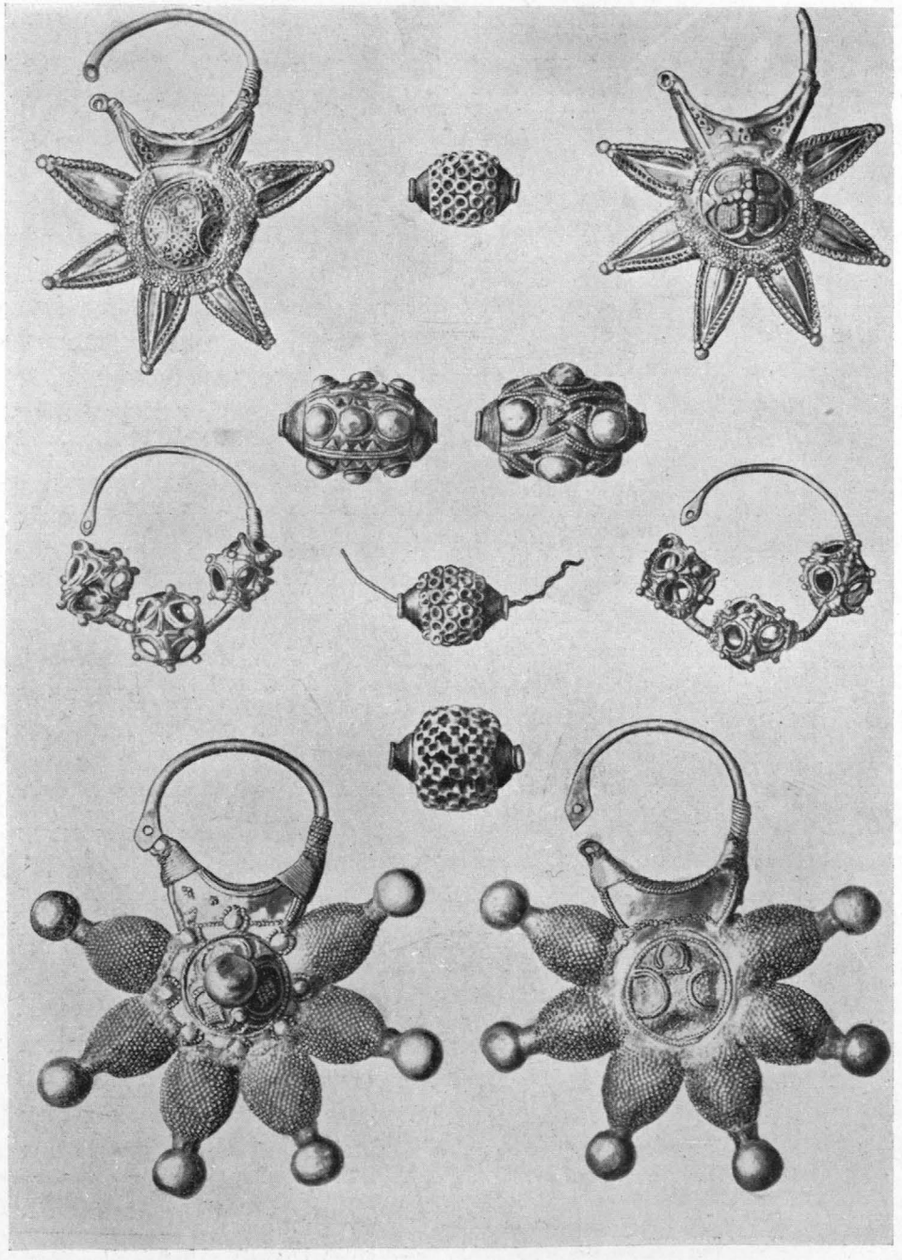


Рис. 89. Звездчатые колты

Распространеннейшими видами украшений были упоминавшиеся трехбусенные височные кольца. Их иногда считают характерным племенным признаком киевских полян.[261]

Согласиться с этим нельзя, так как это украшение по преимуществу городское и встречено оно на очень широкой территории. Всего можно указать свыше 30 различных типов трехбусенных височных колец, представляющих различные комбинации филигранного каркаса и зерни.[262]

Трехбусенные височные кольца бытовали с X по XIII в. и встречены как в Киевской земле, так и в Переяславской, Черниговской, Смоленской, Псковской, Владимирской. По технике их производства возможность серийного производства исключалась: каждая бусина должна была изготавливаться индивидуально. Особого искусства требовали ажурные бусины из тонкого филигранного каркаса (золотые киевские кольца). Тонкость и сложность этих изделий вызвали появление имитационных литейных форм, в которых отливались подражания наиболее простым типам трехбусенных колец.

Рядом с трехбусенными височными кольцами нужно поставить предметы также с тремя бусинами, но представляющие как бы распрямленное височное кольцо, стержень которого вытянут в прямую линию. В археологической литературе они известны под названием застежек или «аграфов».[263] Иногда их считали ожерельем.[264]

Ни то ни другое объяснение не может быть принято, так как иногда «аграфы» находили связанными серебряной сканной нитью, причем на концах у них были острые шипы, препятствовавшие им служить застежками. Кроме того, исследователи не обращали внимания на мелкие детали в устройстве «аграфов», позволяющие точнее установить их назначение. Возьмем в качестве примера Владимирский клад 1896 г.[265] Имеющиеся там 12 трехбусенных серебряных «аграфов» были связаны в пачки по три штуки. Следователь-

---

[261] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1899, № 8.

[262] Н. П. Кондаков. Русские клады..., табл. IV и XIII; Б. И. и В. И. Харенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XXXV—XXXVII; А. С. Гущин. Памятники..., табл. XIII и XXVIII; А. А. Спицын. Владимирский курган, рис. 131—149. — Мною указаны здесь основные типы колец.

[263] Н. П. Кондаков. Русские клады..., стр. 132; А. С. Гущин. Памятники..., стр. 75, табл. XII, XIV, XVII, XXI.

[264] В. Георгиевский. Новый археологический клад, найденный во Владимире-на-Клязьме. — АИ и З, М., 1896, т. IV, стр. 370.

[265] А. С. Гущин. Памятники..., табл. XXI.

но, связка из трех предметов представляла какой-то комплект. Приглядимся к расположению «аграфов». Наверху каждый из них имеет конец, закрученный в трубочку. Через все три трубочки продевался стержень, следы которого видны в каждой трубочке. Внизу такие трубочки есть только у двух крайних, а средний имеет на конце шпенек, повернутый перпендикулярно к плоскости расположения всех «аграфов». В кладе есть маленькие золотые «аграфы» иного типа: они тоже трехбусенные, но один конец стержня подходит вплотную к бусинам и кончается петлей, а второй вытянут далеко и имеет отверстие, точно соответствующее диаметру шпенька на среднем «аграфе» тройной связки.

Постоянная совместная встречаемость трехбусенных «аграфов» с колтами и необычайное внешнее сходство с трехбусенными височными кольцами позволяют считать их частью височного украшения, на которое подвешивались колты. Трехбусенные стержни надевались на слегка изогнутую дужку и связывались филигранной нитью. Средний стержень опускался несколько ниже двух крайних. Шпенек среднего стержня вдевался в отверстие маленького золотого трехбусенного стержня, к которому прикреплялся колт. Длина всей подвески вместе с колтом равнялась 24 см (для сравнения: «старорязанские ворворки», также подвешивавшиеся к вискам, имели в длину 21 см). Что колты подвешивались не прямо к вискам, а на длинных лентах или цепочках, документально подтверждено изображением женской головки в венце и с колтами на диадеме из усадьбы Гребневского (Киевский клад 1889 г.).[266]

Промежуточным звеном между трехбусенными височными кольцами и владимирскими трехбусенными стержнями служат трехбусенные полукольца.[267] Назначение их могло быть таким: от головного венчика (или повязки, диадемы, венца) у висков спускались вертикально две ленты, на которые или прикреплялись трехбусенные кольца (так, что дужка кольца пряталась на оборотной стороне ленты) или нашивались такие полукольца, у которых дужка за ненадобностью была уже устранена.

Судя по частой находке ш е с т и трехбусенных колец или полуколец в одном комплекте, можно думать, что они нашивались по три с каждой стороны. Таким образом, у каждого виска было украшение из 9 бусин с колтом внизу, доходившим почти до плеча.

---

[266] Н. П. К о н д а к о в. Русские клады..., табл. VIII.

[267] А. С. Г у щ и н. Памятники..., табл. XIV, рис. 8, 10; табл. XXVII, рис. 18.

Владимирские ювелиры взяли за основу эти 9 бусин, но устранили ленту, на которую в киевском головном уборе подвешивался колт, и создали изящную ажурную цепочку, спускавшуюся от виска к плечу; на конце цепочки также висел колт.[268]

Кроме трехбусенных височных колец и их дериватов, одним из наиболее известных нам украшений являются колты. Наряду с эмалевыми и тисненными черневыми существовали колты, украшенные сканью и зернью. Колты с зернью делались из спаянных вместе пяти, шести или семи серебряных конусов, поверхность которых покрывалась несколькими тысячами зерен металла (рис. 89).[269]

Для того чтобы представить всю тонкость и необычайную кропотливость этой сложной ювелирной работы, укажу, что предварительно на конусы напаивались микроскопические колечки, свернутые из проволоки. На всю поверхность колта их приходилось около 5 000. Затем на к а ж д о е колечко мастер напаивал по одному крошечному зерну серебра. Труд мастера вознаграждался игрой рельефной зерни. Естественно, что такую работу мог производить только придворный ювелир, у которого фактор времени и трудовых затрат подчинен фактору изысканного вкуса и «хитрости измечтанной». Как мы видели выше, посадские ремесленники, связанные с более широким и менее требовательным кругом заказчиков, предпочитали тратить время на изготовление имитационной формы и в ней отливать десятки — сотни колтов, подражающих этим удивительным образцам человеческого терпения.

Не менее изящны и звездчатые колты с ажурными филигранными поясками, напаянными на грани лучей серебряных звезд. В этом случае зернь отступала на второй план и занимала только часть орнаментируемой площади.

Гладкие конические лучи были разделены ажурными поясками и завершались пирамидкой из четырех зерен серебра.[270]

---

[268] Если для Киева характерна лента с тремя трехбусенными кольцами, для Владимира — ажурная цепочка из четырех стержней (3 — наверху и 1 — внизу), то для Чернигова характерно подвешивание колтов на сплошной серебряной цепочке из тисненных серебряных полуцилиндриков. Впрочем, последний способ применялся и киевлянами.

[269] Тверской клад, 1906. — ЗОРСА, 1915, вып. XI, табл. 1; А. С. Г у щ и н. Памятники..., табл. XIV, XX, XXI, XXVIII; ОАК за 1903 г., табл. VII. — Большинство этих кладов датируется XII, XIII вв.

[270] ОАК за 1903 г., т. V, рис. 25 — клад Михайловского монастыря; Тверской клад. — ЗОРСА, вып. XI, табл. 1, рис. 1 и 2; Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, табл. XXVI.

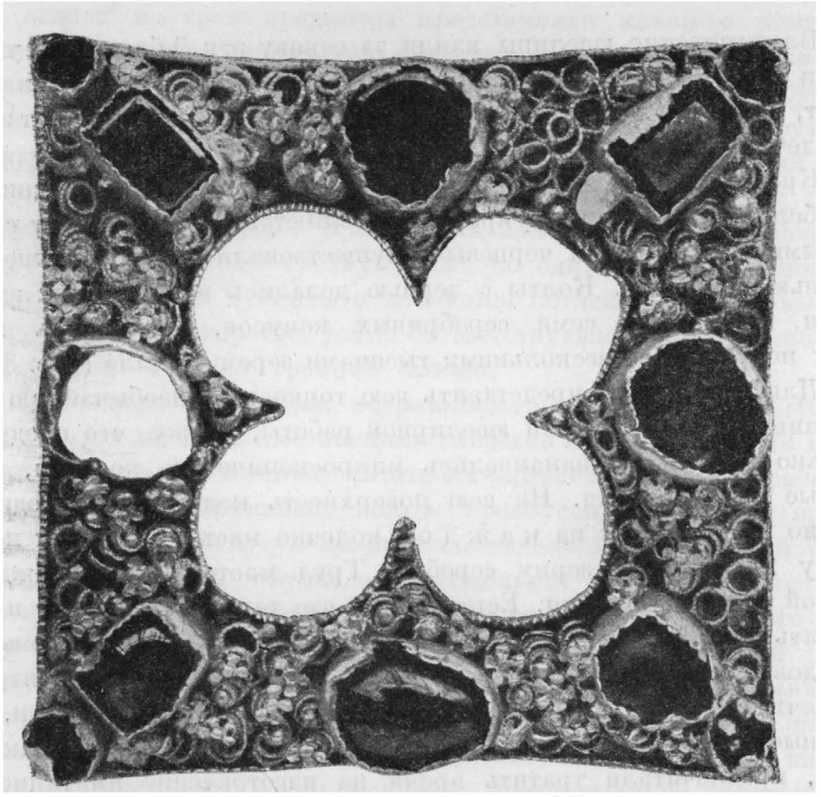


Рис. 90. Оправа со сканью из Старой Рязани

Особый тип колтов бытовал в Галицко-Волынском княжестве. Дужка украшалась тремя круглыми бусинками и одной большой в виде сосуда или подвесного фонарика. Эти колты отличаются виртуозной отделкой тончайшего серебряного кружева, свисающего с дужки.[271]

Одним из видов применения скани была орнаментация золотых и серебряных плоскостей на крупных изделиях вроде окладов икон, кокошников, крупных колтов и «барм». В качестве примера остановлюсь на искусстве рязанских мастеров.[272] Большие золотые плоскости расчленялись вставками самоцветов, между которыми располагались завитки скани. Для создания большей глубины и рельефности рисунка мастера проковывали скрученные золотые нити в тонкую полоску с рубчатым верхним краем и эти полоски на ребро припаивали к золотой пластинке.[273] Не довольствуясь этим приемом, мастера напаивали скань в два яруса таким образом, что верхний рисунок налегал на нижний, пересекая его в разных точках. Припаян он был только в местах пересечения. Иногда оба яруса переплетались между собой, создавая воздушный и легкий рисунок.[274]

[271] Отчет ГИМ за 1914 г., стр. 10; А. С. Г у щ и н. Памятники..., табл. XI.

[272] И. И. К о н д а к о в. Русские клады..., табл. XVI и XVII. Старорязанский клад 1822 г.— Как доказывает Г. Ф. Корзухина, «бармы» являлись не символом княжеской власти, а женским украшением (доклад, читанный в ИИМК в 1939 г.).

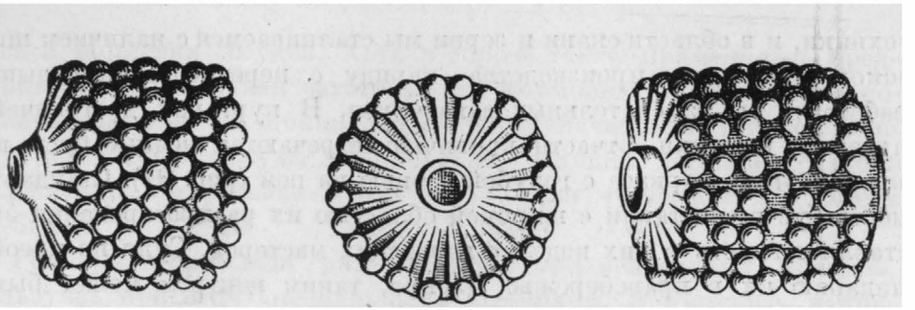


Рис. 91. Зерненные бусы из проволочного каркаса («минского типа»)

Верхом совершенства ювелирной техники следует считать оправу с крестовидной прорезью из Старой Рязани.[275] Между двенадцатью камнями, оправленными в золото, мастер устроил целый цветник из миниатюрных золотых цветов, посаженных на спиральные пружинки в 4—5 витков, припаянных только одним концом к пластинке. Спиральные стебельки были сделаны из рубчатой золотой проволоки. Цветы имеют по пять тщательно сделанных лепестков, фигурно вырезанных и припаянных к пестику. На пространстве в 0.25 кв. см рязанский мастер ухитрился посадить от 7 до 10 золотых цветов, которые колыхались на своих спиральных стеблях на уровне лиловых самоцветов (рис. 90).

Развитие филигранной техники с ее спиральными завитками оказало влияние на орнаментику XII—XIII вв. Во фресковой живописи, в миниатюре и в прикладном искусстве именно в это время появляется спиральный узор.

Так же как в литье и в других разделах городской ювелирной

[273] Т а м ж е, табл. XVI, рис. 4.

[274] Т а м ж е, табл. XVII, рис. 3, 4, 5— медальоны с русскими надписями на эмалевых изображениях. Следует добавить, что цветные камни на старорязанских колтах приподняты над плоскостью золотой основы на миниатюрных сканных арочках, что позволяло лучам света проникать под камень и, отражаясь от золота, освещать камень изнутри золотистым светом.

[275] Коллекции ГИМ.

техники, и в области скани и зерни мы сталкиваемся с наличием широкого массового производства наряду с перечисленными выше работами на взыскательных заказчиков. В курганах дреговичей, древлян, волынян, отчасти кривичей встречаются медные бусы из проволочного каркаса с голубой зернью на нем (рис. 91). Стандартность бус в сочетании с широкой областью их распространения заставляет видеть в них изделие городских мастеров. Судя по преобладанию их в правобережье Днепра, таким центром может быть следует считать Туров.

8. ГОНЧАРНОЕ ДЕЛО

Княжеские и боярские круги, имевшие, как мы видели, в изобилии золотую и серебряную посуду, относились с некоторым пренебрежением к посуде глиняной. Эпитет «скудельный» становится синонимом «бедного», «убогого». Но все же глиняная «скудельная» посуда в огромном количестве бытовала и на княжеских дворах и, тем более, на дворах горожан.

Изделия городских гончаров отличались от деревенских большей тщательностью отделки, бóльшим разнообразием форм. По сравнению с деревней, гончарное дело в русских городах сделало значительные успехи. Целые кварталы крупных городов получили название по гончарам. «Гончарский конец» Новгорода убедительно свидетельствует в пользу возросшего значения городского гончарного дела.[276]

Ранний русский город IX—X вв. был местом первого применения гончарного круга. Отсюда, из городских мастерских на княжеских и боярских дворах новая техника начала распространяться вширь, проникая в деревню. Городская посуда Смоленска и Чернигова уже в X в. далеко опередила по своему качеству деревенскую.

Городские гончары значительно лучше готовили глиняное тесто, не применяя грубых примесей вроде дресвы. Существенно отличалась и формовка сосудов. Хотя в городе также применялась предварительная ленточная заготовка, но формовка на кругу производилась тщательнее и стенки сосудов были значительно тоньше. Если для деревенской посуды XII—XIII вв. толщина черепка в изломе колеблется в пределах 7—10 мм, то для городской мы имеем 3—6 мм.

Гончары применяли ряд сложных орнаментальных приемов, пользуясь при этом специальными штампами. В Гнездове, например, применялся ромбический штамп с решетчатыми узорами, который изготовлялся из деревянной палочки с ромбическим сечением, нарезанной решеткой по торцу.[277] Иногда встречается гребенчатый чекан или орнаментация трубчатой костью.[278]

В Старой Рязани гончарами употреблялся наиболее сложный вид орнаментации — при помощи зубчатого колеса. Но самым существенным отличием городского гончарного дела от деревенского была система обжига посуды. В этом отношении городские «керамельники» значительно обогнали своих сельских собратьев. В городе керамика обжигалась не в домашних печах, а в специальных горнах. Горновой обжиг городской посуды определяется по хорошей прокаленности черепка, имеющего в изломе сплошной желтый или яркокрасный цвет без полос непрокаленного глиняного теста, и по звонкости посуды.

В настоящее время известны горны из раскопок в Киеве, Вышгороде, Донце, Вщиже, Старой Рязани, Белгороде и Райковецком городище.

Все исследованные горны относятся к позднему времени, к XII—XIII вв., а два датируются даже годами непосредственного нападения татар (Вщиж — 1238 г. и Белгород — 1240 г.). Вопрос о времени появления горнового обжига в силу этого остается открытым. Местная выработка кирпича в русских горнах с конца X в. косвенно может указывать на появление горнов в этот период (конец X — начало XI вв.), но археологических памятников этой ранней эпохи нет.

Вторым косвенным доказательством существования горнов в более раннее время является бесспорное наличие в Приднепровье в XI в. местной выработки амфор, требовавших очень высокой температуры для получения яркокрасного обжига толстых стенок.

---

[276] Название «гончарский [вместо Людин] конец» появляется в источниках в XIV в. Конечно, это не означало, что в с е население пятой части огромного города занималось изготовлением горшков. Гончары селились, очевидно, на окраине, ближе к глине и воде; на окраину их отодвигали и требования пожарной безопасности, так как их производство, так же как и кузнечное дело, было связано со специальными горнами.

[277] В. И. С и з о в. Курганы Смоленской губ., вып. I, табл. X, рис. 9.

[278] Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XL, рис. 1376.

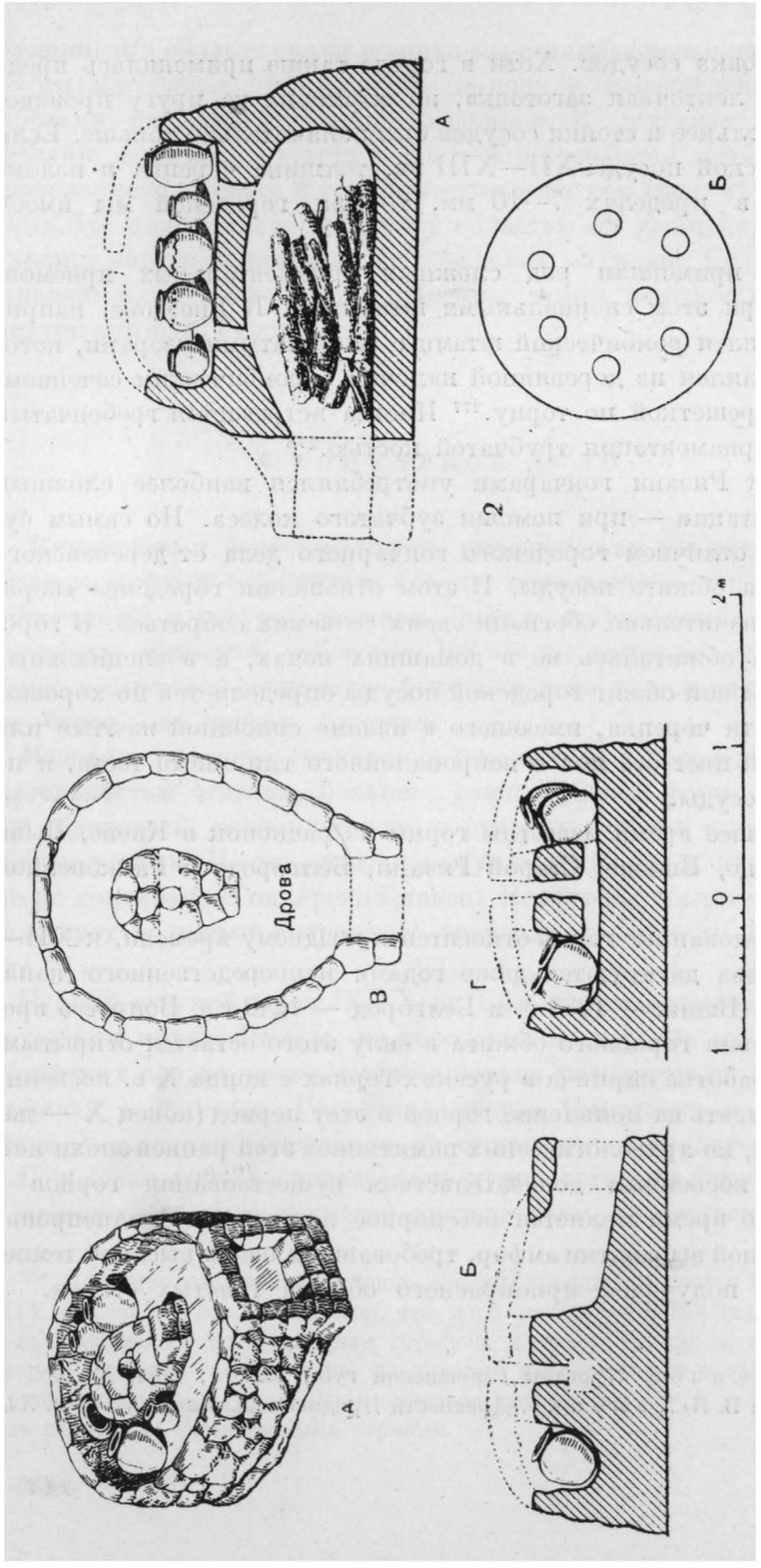


Рис. 92. Гончарные горны

1, А — горн, найденный при раскопках Белгорода; общий вид; Б — продольный разрез (реконструкция); В — вид сверху; Г — поперечный разрез; *2*. А — горн Донецкого городища; Б — вид сверху на под горна

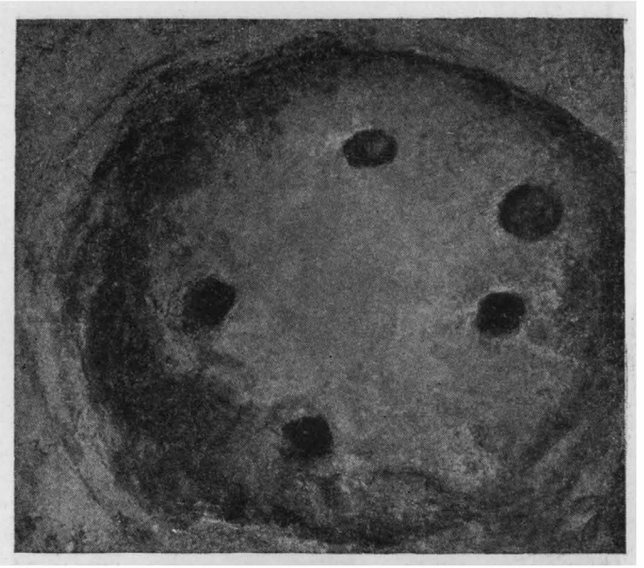


Рис. 93. Под и продухи райковецкого горна

Гончарные горны были различной конструкции (рис. 92). Наиболее простая обнаружена при моих раскопках во Вщиже в 1940 г. Горн находился на краю города, близ вала, у реки (но внутри городских стен).[279] Он имел два яруса — нижний, топочный, где горели дрова, и верхний — обжигательный, куда закладывалась посуда. Ярусы были разделены горизонтальной перегородкой из хорошо обожженной глины, толщиной от 10 до 14 см. На нижней поверхности перегородки были видны отпечатки выгоревших впоследствии деревянных креплений, каркаса, на которые первоначально накладывалась сырая глина. Горн был овальный в плане (180 × 130 см), внешние стенки сложены из глины (обожженной лишь с внутренней стороны) и с внешней стороны присыпаны мощным слоем песка. Это делалось для уменьшения теплопроводности стенок и для сохранения жара внутри горна. Перегородка между ярусами (современное название — «черень», украинское — «черінь») [280] находилась от пола топки («кабицы») на высоте 35 см. По окружности череня

[279] Обнаружен он был по указанию местного жителя Понова, ставившего в 1918 г. здесь свой овин и частично повредившего горн.

[280] Слово, вероятно, родственное словам: «черен», «црън» — противень для выпарки соли. У Даля значение слова «черень» в смысле глиняного основания горна не отмечено.

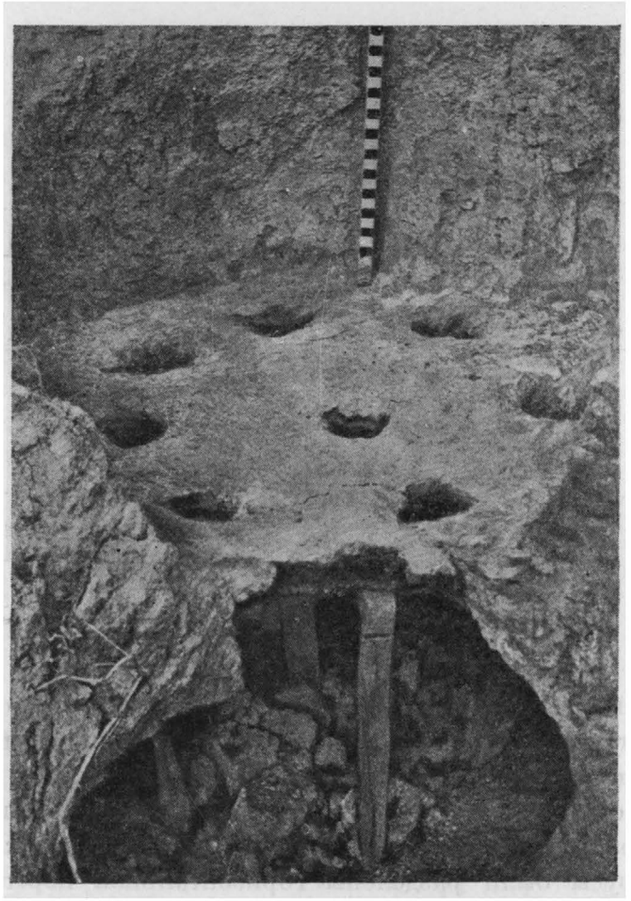


Рис. 94. Остатки гончарного горна из Донецкого городища

шли 12 сквозных отверстий (прогары, продухи), посредством которых жар проникал в обжигательную камеру. Температура внутри горна, очевидно, превышала 1200°, так как вся нижняя поверхность череня и продухи были покрыты толстой коркой зеленой стекловидной массы, образовавшейся от плавления глины. Покрытие горна не прослежено. Вщижский горн интересен тем, что он погиб вместе с обжигавшейся посудой, расчистка которой позволила установить важные детали обжигательного процесса.

Горн, аналогичный вщижскому, раскопан в Райковецком городище (рис. 93). В плане он крытый и имеет только 5 прогаров большого диаметра.

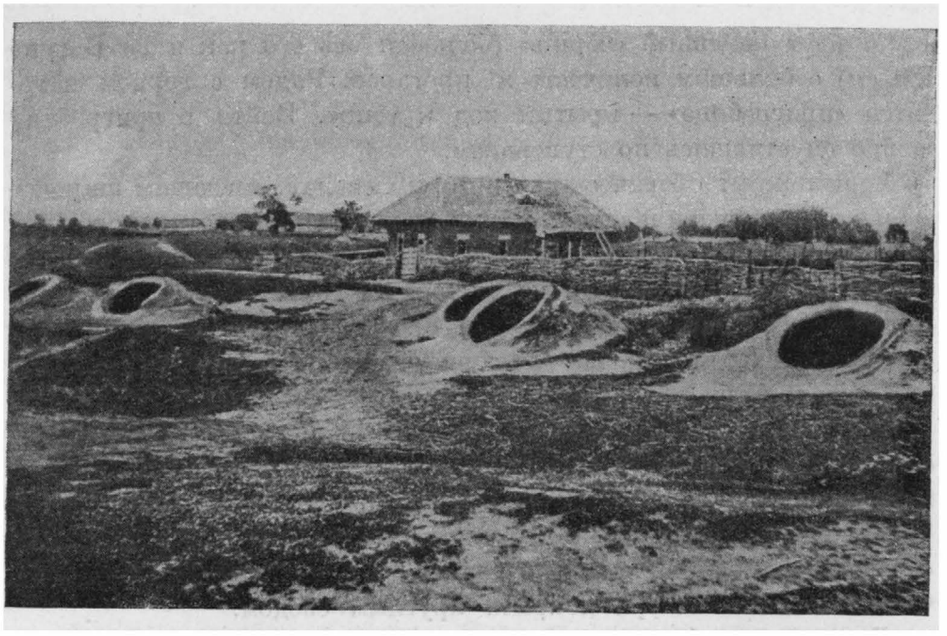


Рис. 95. Современные гончарные горны Украины (наружный вид)

В Донецком городище (остатки русского города Донца, куда прибежал князь Игорь Святославич из половецкого плена) раскопано пять горнов. Четыре из них очень близки к вщижскому и райковецкому, но отличаются существенной конструктивной деталью: топочное помещение разделено вдоль глиняной подпорной стенкой, на которой лежит центральная часть череня.[281]

Форма череня, как и в Райковецком городище, круглая, с 8 прогарами диаметром около 15 см (рис. 94). Аналогичный горн овальной формы был найден в окрестностях Саркела.[282] Такая форма горна почти полностью сохранилась на Украине до сих пор (рис. 95). Описание горна гончаров Подолии как бы восстанавливает перед нами горн из Донца. Подольский горн состоит из двух расположенных рядом ям; из них одна, называемая «кабица», перегорожена посредине «козлом» из глины шириной в 40 см. Поверх

[281] Олександр Федоровський. Археологічні розкопи в околицях Харкова. — «Хроніка археології та мистецтва», ч. I, Київ, 1930, стр. 6—7, рис. 3. — Фотографии и чертежи горнов Донецкого и Райковецкого городищ были любезно предоставлены мне Институтом археологии Академии Наук УССР.

[282] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 73.

козла идет овальный «черінь» (большая ось его как и во Вщиже 180 см) с большим количеством прогаров. Рядом с горном находится «пригребица» — крытый ход к топке. Войти в пригребицу можно спустившись по ступенькам.

Горн покрыт сферическим глиняным сводом, имеющим широкое жерло для загрузки посудой. Жерло находится на противоположной стороне от устья топки; после загрузки горна отверстие замазывалось глиной, чтобы жар не уходил из горна.[283]

Высота обжигательной камеры около 180 см. Особенно интересно отметить, что данный тип горна, как выясняется по раскопкам в Донце и Саркеле, восходит к римскому времени.

Римский гончарный горн, найденный в Гейдельберге, отличается от донецкого горна XII в. и от подольского только несколько бо́льшим размером, а все детали конструкции полностью совпадают.[284]

Топочная камера овальной формы разделена вдоль глиняным «козлом». Выше идет круглый черень с двумя десятками прогаров. Обжигательная камера покрыта круглым сводом.

Горны очень близкой конструкции бытовали в эллинистическое время и в Причерноморье. В. А. Городцовым в Елизаветинском городище на Кубани раскопано четыре горна круглой формы с прогарами. Отличие состоит лишь в том, что черень подпирается не одним, а двумя козлами, идущими от устья печи параллельно.[285]

Вполне вероятно, что совпадение южнорусских горнов XI—XII вв. с римскими представляет собой результат не конвергенции, а генетической связи. Хранителями античных традиций были, как и в других случаях, города Босфора и Приазовья.[286]

---

[283] Ю. Самарин. Подольские гончары. М., 1929. Чертеж горна, табл. IV. — Внешний вид горнов этого типа хорошо виден на фотографии, опубликованной в сб. «Кустарная промышленность России», М., 1899. В раскопках горнов этого типа покрытие ни разу не было встречено; поэтому этнографические данные особенно ценны.

[284] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические и обжигательные печи, М., 1934, рис. 55, стр. 107.

[285] В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники. — «Сов. археол.», 1936, № 1, рис. 1. — Раскопана целая усадьба ремесленника-гончара, а в прилегающих могильниках есть погребения гончаров.

[286] Херсонесские горны XI—XII вв., исследованные А. Л. Якобсоном существенно отличаются от всех известных южнорусских систем.—А. Л. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КС ИИМК, М. — Л., 1941, вып. X.

Связь русского гончарного дела с северо-восточным Причерноморьем обнаруживается и при рассмотрении других конструкций русских средневековых горнов.

Пятый горн Донецкого городища существенно отличался от бычного типа. Ввиду отсутствия в моем распоряжении чертежей и фотографий этого горна приведу полностью его описание: «Горн имеет немало конструктивных особенностей. Здесь горячий воздух проходил через кольцевой канал, заложенный в самом поду, а от него расходилась сеть косых тонких каналов, которые пронизывали под».[287]

Из описания неясно, имели ли эти косые канальцы выход наверх или они пронизывали толщу пода (череня) только в горизонтальном направлении. Кольцевой канал, заложенный в основании пода, прослежен в одном горне в том же Елизаветинском городище.[288]

Детали устройства центральной части горна не прослежены; возможно, что и здесь были какие-нибудь «косые каналы». Печь с кольцевым каналом и радиально расположенными канальцами, с подпорным столбом в центре, была обнаружена при раскопках в Фанагории. Дата ее — вторая половина IV в. н. э.[289]

Наличие однотипных горнов оригинальной конструкции на двух концах донецко-азовского пути (Донец — Тмутаракань) не лишено интереса, хотя время этих горнов и различно.

Четвертый тип горна дает нам Старая Рязань. Опять из-за отсутствия чертежей вынужден дать цитату из раскопочного отчета (с переводом старых русских мер в метрические): «В третьей траншее на глубине 70 см обнаружилась круглая площадка (135 см в диаметре) из небольших кирпичей; площадка имела форму полого купола с подъемом не более 7 см. Размер красных кирпичей был очень небольшой — длина 10 см, ширина 9 см и толщина 5.5 см. Площадка была тщательно сложена правильными концентрическими рядами. Во внешнем ряду сохранились не все кирпичи, ближе к центру было полных четыре ряда кирпичей, поставленных на ребро. Еще ближе к центру ряды были обиты, и на кирпичах сохранились следы сильного огня; от жара кирпичи порастрескались и приняли вид современного железняка. В хорошо сохранившихся рядах между кирпичами видна заливка одинакового цвета с кирпичами. Так что, ве-

---

[287] О. Федоровський. Ук. соч., стр. 6—7.

[288] В. А. Городцов. Ук. соч., рис. 3.

[289] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., рис. 39, стр. 85.

роятно, площадка была выложена из сырых кирпичей и залита глиной и затем от действия огня кирпичи были более или менее обожжены. Средние ряды кирпичей были отлично обожжены и в изломе представляли одинаково красную массу, тогда как кирпичи наружных рядов были обожжены только поверхностно, внутри же сохранялась серовато-зеленая плотная глина... Под кирпичами оказалась прослойка темносерой золы около 4 см толщиной. Еще ниже лежали обломки известнякового плитняка, под которым находился материк.[290]

Находка здесь же обжигательных подставок и сильно прокаленной посуды убеждает в том, что раскопками Черепнина и Крейтона был обнаружен гончарный горн, точнее его под. Топочная камера в данном случае была расположена, очевидно, не внизу, а где-то сбоку. Тонкую прослойку золы под кирпичами следует рассматривать как теплоизоляцию. Античные обжигательные печи были также сложены из сырцового кирпича.[291]

Старорязанский горн своей прочной кирпичной кладкой выгодно отличается от глинобитных горнов Вщижа, Донца и Райгорода. Самым интересным в конструктивном отношении является гончарный горн, раскопанный В. В. Хвойко в Белгороде под Киевом.[292]

Горн был расположен у ворот Белгородского детинца с внешней стороны крепостных стен. Горн, вместе с обжигавшейся в нем посудой, был вскрыт археологом в том виде, в каком за семь веков до этого он был брошен своим владельцем по причине какой-то катастрофы, постигшей город в XIII в. (нашествие Батыя?). Белгородский горн — единственный из всех известных науке сохранил полностью наиболее хрупкую верхнюю часть покрытия. Но белгородский гончар XIII в. не успел вынуть обожженные им горшки, и горн оставался замазанным почти семьсот лет.

По поводу белгородского горна крупный знаток русской керамики А. В. Филиппов писал, что «...обжигательная печь горизонтального типа с обратным пламенем отличается оригинальностью конструкции и интересна в технологическом и теплотехническом отношениях...» Ее «можно рассматривать как продукт развития античной технологии».[293] И, действительно, белгородский горн по своей конструкции чрезвычайно близок к большой керамической печи, раскопанной в Керчи в 1929 г. и относящейся ко второй половине IV в. н. э.[294]

Длина горна — 3 м 25 см, ширина — 2 м, высота сохранившихся стенок — 80 см. В плане горн имел грушевидную форму. В центре его находилось плоское возвышение, повторявшее форму горна и имевшее поперечный дымоходный канал, соединявшийся с вертикальными отверстиями в середине выступа.

Пространство между выступом и стенками горна было заполнено обжигавшимися сосудами в количестве около 15 штук. В узкой части горна было устье топки. Горн, у которого перед началом обжига верх был уже разобран, заполняли высушенными горшками (заднюю часть горна). Затем замазывали глиной верх, клали в переднюю часть дрова, зажигали их, замазывали устье глиной и обжиг начинался. Система дымоходов была устроена так, что жар из передней части шел, огибая выступ и прогревая все горшки, после чего он попадал в поперечный канал, откуда был доступ к выходу вверх (см. чертеж). По окончании обжига разламывали глиняную обмазку верха и извлекали обожженные горшки.

В итоге намечается следующий список типов гончарных горнов:

1) Вщижский — двухъярусный без «козла» (встречен и в Райковецком городище);

2) Донецкий I — двухъярусный с «козлом» посредине топочного яруса (в Донецком городище — 4 горна, в Левобережном Цымлянском — 1);

3) Донецкий II — двухъярусный с кольцевым каналом;

4) Рязанский — одноярусный горизонтальный с кирпичным подом; конструкция прослежена недостаточно;

5) Белгородский — горизонтальный одноярусный с обратным пламенем, со сложной системой жаропроводов.

В этом списке горны расположены по восходящей степени их технического совершенства. Все пять типов можно объединить в

---

[290] А. П. Черепнин. Старорязанское городище. — «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», т. XVIII, вып. I. Рязань, 1903, стр. 156—157.

[291] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические и обжигательные печи, М., 1934.

[292] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, Киев, 1913; Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко в 1901—1910 гг. в мест. Белгородке. — «Труды Московского Предварительного комит. по устройству XV Археол. съезда», М., 1911, т. I; А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. I, М., 1938, стр. 15.

[293] А. В. Филиппов. Ук. соч., стр. 12.

[294] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 33. — Чертежи печи см. на рис. 9а. Печь горизонтального типа с топкой, расположенной сбоку; в центре — подпорный столб с каналами в нем. Различие опять-таки в размерах.

две системы — «двухъярусную с прямым пламенем» и «горизонтальную с обратным» (более совершенную). По своему происхождению первую систему, распространенную в небольших русских городах можно связывать с устройством римских провинциальных горнов (гейдельбергского типа, а донецкий вариант — с фанагорийскими), а вторую, встреченную в более крупных городах, следует сближать с керченскими позднеримскими печами.

Обязательное применение горнов городскими мастерами повело к образованию термина «гърнъчаръ» гончар.

Способ загрузки горна удалось проследить только во Вщиже, несмотря на плохую сохранность горна.[295]

Вщижский горн был раздавлен в тот момент, когда обжиг посуды подходил уже к концу, но еще не был завершен.[296] Большая часть посуды обожжена добела, хорошо звенит, некоторые сосуды не прокалились насквозь и в середине излома дают серую полоску. Один большой горшок растрескался и покоробился еще в процессе обжига — у него разорвало венчик. Всего в горне оказалось 25 горшков, формованных на ручном гончарном кругу (закраины дна и подсыпка песка), с тонкими стенками и линейным орнаментом на плечиках. На тулове сосудов совершенно ясно выступают следы ленточ-

[295] В Белгороде из горна было извлечено 15 сосудов, залегавших как будто в задней, глубинной части печи. Едва ли эти 15 сосудов полностью занимали весь горн. Можно предположить, что часть горна около устья могла подвергнуться частичному расхищению еще в древности. Поэтому и сохранились лишь те сосуды, которые лежали за центральным подпорным столбом и были недоступны.

[296] Разгром Вщижа, во время которого погибло и население (частично пытавшееся спастись в церкви) и множество ценностей, оказавшихся погребенными под слоем пожарища, я связываю с первым походом Батыя. От Селигера, по данным Рашид-ад-дина, «тьмы шли облавой», т. е. обычным для татар способом — двумя путями с местом встречи в заранее назначенном пункте. Сам Батый шел, как известно, на Козельск, двигаясь, по всей вероятности, по в о с т о ч н о м у краю Брынских лесов. Рашид-ад дин, рассказывая о длительной осаде Козельска, говорил, что город был взят только тогда, когда через 2 месяца подошли войска Кидана и Буры. (И. Б е р е з и н. Известия о походе Батыя на Русь). Каким путем они шли от Селигера на Козельск? Житие Меркурия Смоленского указывает один промежуточный пункт между Селигером и Козельском, говоря, что татары прошли в 30 поприщах от Смоленска. Если они были близ Смоленска, то дальнейший их путь мог итти только по з а п а д н о й опушке непроходимых для конницы Брынских лесов, т. е. по Десне, через Вщиж, Брянск и далее на Карачев и Козельск. Если эти соображения верны, то вщижский горн получает точную дату — весна 1238 г., а его разрушение очень легко связать с осадой города, так как горн стоял у самой крепостной стены.

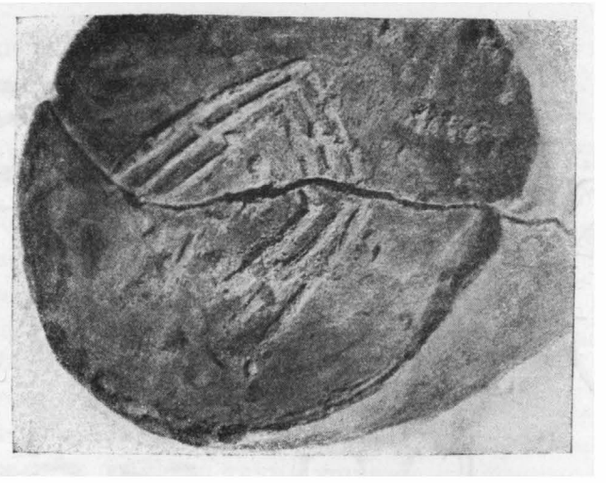


Рис. 96. Клеймо горшка из вщижского горна

ной техники. Горшки сводятся к двум размерам: одни — маленькие, 18—20 см высоты, другие — большие, 30—35 см высоты. Различий в форме нет. Горшки имеют на дне клейма двух рисунков; в одном случае — три концентрических ромба, с точкой посредине (рис. 96), в другом — два концентрических круга, соединенных радиальными линиями. Обе группы занимали в горне обособленные места. Клейм второй группы было всего 5; в этой группе были только малые сосуды.[297]

При расчистке горна обращало внимание постоянное нахождение днищ одного сосуда в другом, причем все горшки лежали днищами вверх. При склейке сосудов оказалось, что диаметры венчиков не позволяли ставить один горшок внутрь другого. Остается предположить, что горшки при обжиге ставились вверх дном и один на другой. Только при такой расстановке в два яруса и могли разместиться 25 горшков на площади горна. Нижний ряд горшков ставился не непосредственно на черень, а на специальные глиняные подставки, имевшие вид плоских палочек с загнутыми концами. Для каждого горшка требовалось не менее трех таких подставок. Верхний ряд надевался на нижний, вероятно, также с какими-нибудь прокладками,

[297] Ниже, в разделе, посвященном организации городского ремесла, мне придется вернуться к этим двум группам клейм в одном горне. По всей вероятности, здесь перед нами — сябринное владение горном, хорошо известное этнографии.

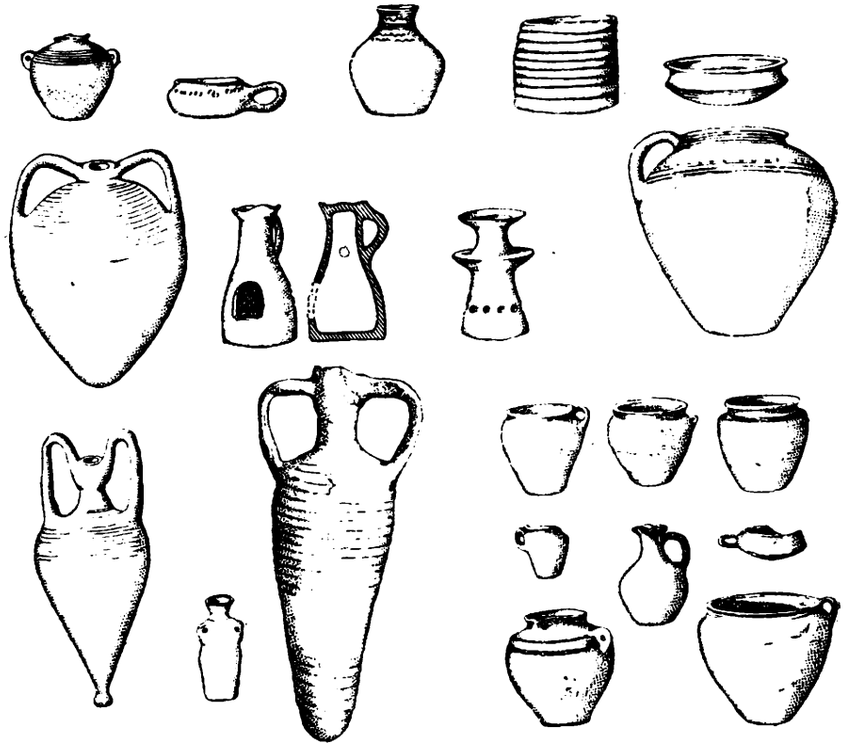


Рис. 97. Типы гончарных изделий XI—XIII вв.

но проследить это при раскопках не удалось.[298] Ассортимент городских гончарных изделий был несравненно богаче, чем деревенских. Особенным разнообразием форм отличается керамика городов Среднего Приднепровья (рис. 97). Мы встречаем здесь:

1. Горшки обычные (разных размеров)
2. Горшки с ушком
3. Горшки и миски со специальными плотными крышками
4. Крынки (КРИНЪ)
5. Кувшины широкогорлые с одной или двумя ручками (КНЕЯ, КОМЪРОГЪ, ВРЪЧЬ)
6. Глиняные жбаны Ч(ЬБАНЪ)

[298] Обжиг сосудов горлом вниз, а дном вверх практиковался и римскими гончарами. — В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 83.

7. Миски («МИСА», «ПЛОСКЫ»)
8. Миски с ручкой
9. Блюда «опаница»
10. Ковши (ЧЬРПАЛО), очень близкие к скифским.
11. Глиняные дорожные фонари оригинальной конструкции в виде кувшина с ручкой и глухим верхом; сбоку два отверстия: одно для свечи, другое для тяги.
12. Светильники с двумя ярусами плоских чаш (этот тип сохранился на Украине и поныне под названием «каганец»).
13. Глиняные рукомои-акваманилы.
14. Амфоры так называемого «киевского типа», близкие к салтовским и византийским. В Киеве назывались корчагами (КЪРЧАГА).
15. Небольшие сосуды с двумя ушками, подражающие корчагам. К ним применим древний термин — КЪРЧАЖЕЦЪ.
16. Голосники для зданий.

Особым разделом керамического искусства было производство игрушек. В Донецком городище обнаружена мастерская, в которой изготовлялись различные глиняные фигурки (бык, медведь, собака, птица, кошка, человек).[299]

Мастерская поливных глиняных игрушек была открыта А. В. Арциховским в Новгороде. Очень интересный набор глиняных фигурок дала территория Киева. В разных местах — и в старом городе и на Подоле — в слоях X—XII вв. найдены различные глиняные фигурки. Среди них можно встретить и птицу, и коня, и кентавра, но наиболее частым было изображение женщины в причудливом головном уборе, в широкой одежде с ребенком на руках.[300]

[299] О. Федоровський. Ук. соч., стр. 7 и 8.

[300] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XXXVIII; Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка, М., 1936. — Динцес убедительно доказывает связь киевских игрушек с изображениями великой богини, богини-матери скифского мира. Прослеживается даже преемственность одежды и головного убора. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных для определения того смысла, который вкладывали в них киевляне X—XII вв. Были ли эти фигурки простыми игрушками или священными изображениями богини? К сожалению, Л. А. Динцес не коснулся этого вопроса. В отношении коньков, птиц, свистулек, сделанных крайне примитивно и прочно, можно допустить, что они были предназначены для игры. Но фигуры матери с ребенком сделаны очень тщательно и, в то же время хрупко: колоколовидная юбка, раскрашенная сверху красными полосами, внутри полая. Если такую игрушку дать ребенку, то тонкая глина была бы быстро раздавлена.

Кроме того обращает на себя внимание тот факт, что у этих фигурок наверху сохранились ушки для подвешивания, а это уже сближает их с глубокой архаи-

Эти фигурки, имевшие, по всей вероятности, в X—XII вв. ритуальное значение богини-покровительницы дома (скифской Табиты), изготовлялись мастерами особенно тщательно. Лепка всего корпуса производилась вручную с заглаживанием поверхности водой, но голова женщины обязательно изготовлялась при помощи специального штампа, аналогичного типосам античных коропластов. На готовых изделиях можно заметить, как отдельно вылепленная головка прикреплялась к туловищу.[301]

В Киеве был найден и самый «типос», сделанный из хорошей белой глины и обожженный. Мастерская, в которой изготовлялись эти фигурки, была расположена на Фроловской горе, в стороне от административного центра города.[302]

Едва ли применение такого типоса существенно облегчало работу мастера; при той условной и сильно стилизованной манере, в которой исполнялись фигурки, вылепить головку от руки было, может быть, даже проще и скорее, чем оттискивать ее форму и особо прикреплять к туловищу. Возможно, что эта несколько неожиданная техника была вызвана не стремлением к увеличению массовости продукции, а сохранялась в силу традиции с очень раннего времени, когда мастера-борисфениты могли знакомиться с техникой античных коропластов, например, в Ольвии. [303]

Третьей разновидностью гончаров, кроме мастеров посуды и игрушечников, были «плинфоделатели» — кирпичники. Начиная с эпохи Владимира, в русских городах развивается церковное и светское зодчество, требовавшее большого количества кирпича. Источниками знакомства с кирпичной техникой могли быть как византийские города вроде Херсонеса, так и северные хазарские крепости с кирпичными стенами (напр. Саркельское городище). Не исключена возможность влияния и Дунайской Болгарии, где уже в эпоху царя Симеона (конец IX — начало X в.) в Преславе существовало местное изготовление кирпичей болгарами, что доказывается наличием на них болгарских букв. [304]

Большую роль в развитии кирпичного строительства сыграла христианизация Руси.

Древнейшие русские кирпичи — квадратные, плоские. Ширина кирпича в XI в. — 40—38 см, при толщине 2.5—3 см. Постепенно стороны квадрата уменьшаются, а толщина возрастает. В XII в. встречается кирпич 19×27×4 см (Смоленск, Вщиж). Кирпич назывался греческим термином «плинθа» («плинтъ», «плита»). В источниках упоминается специальная «пещь плинθяна». Оборудование кирпичных мастерских должно было состоять из деревянных рам для формовки кирпичей, навеса для просушки и горна для обжига. Сушились кирпичи на открытом воздухе и нередко на широких плоскостях их видны отпечатки козьих копыт, собачьих лап и детских ног. Судя по всему оборудованию, кирпичное дело должно было существовать отдельно от гончарного. На кирпичах очень часты знаки и клейма мастеров.[305]

Технологическая сторона изготовления кирпичей изучена Швецовым. [306]

Судя по сохранившимся зданиям, выстроенным целиком из кирпича или с частичным его применением в конструкции, кирпичное производство существовало в следующих городах X—XII вв.:

кой трипольской культуры, где фигурки подвешивающихся у входа женщин-богинь были обязательной принадлежностью каждого дома. Кстати и район распространения киевских фигурок целиком умещается в области трипольской культуры (Киев, Канев, Киевщина).

Думаю, что в X—XII вв. население Киева еще настолько прочно было привязано к своей тысячелетней земледельческой религии, к своим Родам и Рожаницам (тщетно бичуемым христианскими проповедниками), что в фигурах женщины с младенцем мы должны видеть именно богиню, ее священное изображение, а не детскую забаву.

В пользу ритуального назначения фигурок женщины можно сослаться на то, что в детских погребениях встречаются самые различные игрушки и свистульки, но женская фигурка не найдена ни разу.

[301] Л. А. Динцес. Ук. соч., фронтиспис.

[302] В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища как исторический источник, Киев, 1914, табл. V, рис. 13.

[303] «Типос» из Ольвии. Киевские коропласты X—XII вв. были не единственными ремесленниками, готовившими предметы языческого культа — существовала еще категория литейщиков, отливавших языческие амулеты (гребни, ложечки, топорики, коньки), широко расходившиеся по русским деревням в XI—XII вв.

[304] Миятевъ. Кр. Преславската керамика, София, 1936, стр. 21.

[305] И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. — «Научные известия Смоленского гос. университета», Смоленск, 1929, т. 1, вып. 3; А. В. Филиппов. Клейма древнерусских кирпичей. — Академия Архитектуры СССР. Сообщения лаборатории керамической установки, М., 1940, вып. 1.

[306] Б. Швецов. Строительный кирпич XII века. — «Труды института строительных материалов минерального происхождения и стекла», М., 1930, вып. 32.

Киев	Туров
Белгород	Владимир Волынский
Вышгород	Луцк
Васильев	Галич
Канев	Городно
Остерский городец	Смоленск
Давидова Боженка	Полоцк
Переяславль Русский	Рязань (Старая Рязань)
Чернигов	Коломна
Вщиж	Суздаль
Белая Вежа (Саркел)	Переяславль Залесский
Тмутаракань	Новгород Великий
Овруч	и некот. др.

Большинство городов, знакомых с выделкой кирпича, группируется в Среднем Приднепровье вокруг таких центров, как Киев и Чернигов, где кирпичное строительство велось непрерывно несколько столетий до самого нашествия татар. В других же городах кирпичное дело развивается только с XII в. (преимущественно во второй половине столетия). Во Владимирской земле преобладало строительство из белого камня, чем и объясняется отсутствие во Владимире изготовления обычного кирпича (там делали только поливной облицовочный).

Обследование полуразрушенных кирпичных зданий позволяет поставить вопрос о количестве кирпичных мастеров, работавших над выработкой кирпича для данного здания.[307]

Мною в 1940 г. был произведен обмер всех кирпичей сохранившейся части церкви середины XII в. во Вщиже.[308]

Выяснилось, что, несмотря на однотипность кирпича, встречаются незначительные отклонения как в пропорциях, так и в абсолютных размерах.

Приведу таблицу размеров. Каждый отдельный вариант обозначен особой буквой:

А — 26 × 18	В — 27 × 18
Б — 26 × 19	Г — 27 × 19
Д — 27 × 20	И — 29 × 20
Е — 28 × 19	К — 29 × 21
Ж — 28 × 20	Л — 30 × 20
З — 28 × 21	М — 30 × 21

Кроме того, изготовлялись три типа специальных фигурных кирпичей для оформления пилястр, колонн и портала.

Поскольку кирпич формуется в деревянных формах, различие в размерах (толщина не принималась во внимание) свидетельствует о различных формах. Всего установлено 15 кирпичных форм, каждой форме, по всей вероятности, соответствовал особый мастер-«плинфоделатель».

Если даже допустить, что в сохранившихся частях церкви были представлены все варианты кирпичей и если не считать укладчиков кирпича и особых гончаров, обжигавших его в горне, то все же получается целая артель кирпичных мастеров, занятая изготовлением кирпича для одного здания.

Очень важный материал по организации кирпичного производства с привлечением княжеских, епископских и городских «плинфотворителей» получен мною при раскопках в 1946—1947 гг. в Чернигове Благовещенской церкви 1186 года.

Самым высоким проявлением русского керамического искусства было производство полихромной поливной керамики, создавшее великолепные образцы блестящих и цветистых строительных декоративных плиток (рис. 83), цветных поливных игрушек и красивой муравленой посуды.

Декоративные строительные плитки делались из хорошей, тщательно отмученной беловатой глины. Размеры их небольшие: 8×12, 10×10 при толщине 1.5—2 см. Одна сторона покрыта блестящей эмалевой поливой желтого, синего, зеленого и коричневого цветов.

Поливные плитки употреблялись для вымостки пола и для декорирования стен кирпичных зданий. Обнаружены они в следующих городах: Киеве, Вышгороде, Белгороде, Старой Рязани, Городне, Владимире-на-Клязьме.

Древнейшие образцы найдены в Киеве при раскопках Д. В. Милеева, обнаружившего близ Десятинной церкви остатки светского кирпичного здания, за которым упрочилось название «гридницы Владимира».[309]

---

[307] Сохранившиеся здания для этой цели, естественно, непригодны, так как не позволяют произвести всесторонние промеры всех кирпичей.

[308] План церкви (неточный) издан А. С. Уваровым. Древний храм на Вщижском городище. (Сб. мелких трудов, М., 1915). Уваров сближает его с Покровом на Нерли.

[309] Д. В. Милеев. Отчет о раскопках близ Десятинной церкви.— ОАК за 1908—1910 гг.

Обширное здание гридницы было украшено орнаментальным фризом из изразцов с рельефными узорами. Фон был залит глазурью синего цвета, а рельеф покрыт желтой глазурью. Узор изображал княжеский знак Владимира Святославича, чеканившийся им на своих серебряных монетах и на вислых свинцовых печатях.[310] Этот фриз из поливных изразцов является древнейшим памятником киевской поливной керамики. Монохромные изразцы известны из Старой Рязани и Успенского собора во Владимире-на-Клязьме.

В упоминавшемся выше старорязанском горне с кирпичным подом обжигались на специальных трехлапых подставках поливные керамические плитки.[311] Тем самым определяется местное производство облицовочных поливных плиток. Плитки применялись для настила пола, а также и для облицовки стен.

Одним из самых ярких примеров керамической орнаментики зданий является Коложская церковь начала XIII в. в Городно, где изразцами выложены стены на высоту нескольких метров.[312]

Самая сложная техника орнаментации плиток прослеживается по белгородским образцам. В Белгороде В. В. Хвойко были раскопаны остатки здания, являвшегося, по всей вероятности, дворцом эпохи Рюрика Ростиславича конца XII в. и церкви того же времени.[313]

Плитки полихромны и украшены узорчатым рисунком разных цветов. Основной фон плиток — красноватый, иногда с зелеными пятнами. Рисунок нанесен белым, желтым, синим, зеленым цветами. Характер узора очень разнообразен: иногда это — волнистые линии, иногда — пересеченная линия двух цветов с пятнами внутри клеток. Встречаются большие желтые круги. Особой изысканности орнамент достигает в изображении ярких стилизованных цветов и гирлянд.

Очень част характерный для киевских изделий узор из рядов цветных линий, элементы которых напоминают математические фигурные скобки. На плитках чередовались ряды желтых, белых

[310] Кирпичи с цветным княжеским знаком изданы К. В. Болсуновским.— К. Болсуновский. Родовой знак Рюриковичей, великих князей киевских, Киев, 1908. Фото на обл.

[311] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища, стр. 64. — Поливные плитки из Успенского собора во Владимире хранятся в ГИМ.

[312] М. Щакацихін. Нарысы гісторыі Белорускаго мастацтва, Менск, 1928, рис. 24.

[313] В. В. Хвойко. Ук. соч.; И. Д. Полонская. Ук. соч.— К сожалению, чертежи раскопок не изданы, табл. II—V.

Рис. 98. Керамические плитки XII в. с эмалевым узором (Белгород)

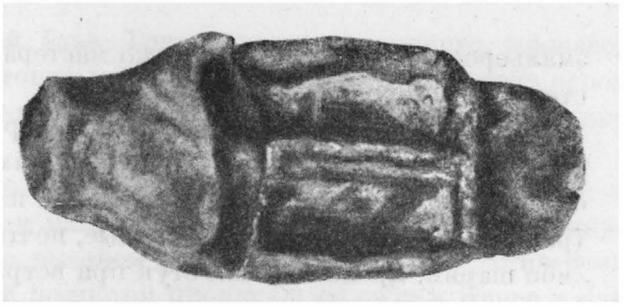


Рис. 99. Двойной тигелек для нанесения эмали

и зеленых скобок. Способ нанесения этого узора выясняется из находки в Киеве близ Десятинной церкви (в усадьбе Петровского) своеобразного тигелька-льячки с двумя ячейками для расплавленной эмали и с двумя же отверстиями. В ячейках сохранились следы эмали двух разных цветов. Плитка первоначально покрывалась поливой фонового цвета и обжигалась в печи. Затем в двойном тигельке (рис. 99) плавилась в особой жаровне эмаль двух цветов и, когда она была готова, мастер-керамист выливал ее на плитку, попеременно поворачивая носик таким образом, что выливалась то желтая, то зеленая эмаль, образуя ровные параллельные полосы. После того как эмаль была вылита и пока она еще не застыла (плитка для этого должна быть горячей) мастер каким-либо острием разрывал цветные полосы в двух направлениях — то вверх, то вниз. В результате такой обработки горячего эмалевого узора и образовались характерные ряды скобок.

Способ нанесения эмалевого узора пастилажем свидетельствует об очень высоком уровне керамического искусства. В этом отношении Киевская Русь опередила Западную Европу, где техника пастилажа в то время была еще неизвестна. [314]

Кроме нанесения узора двойной льячкой, применялся еще другой способ орнаментации: на горячую плитку, покрытую фоновой поливой, набрасывали мелко толченые зерна смальты, подогревали все это и втирали зерна в плитку, в результате чего получался причудливый рисунок с нежными оттенками красок в тех местах, где мелкие кусочки смальты сплавлялись с эмалью фона. Плитки, орнаментированные этим способом,[315] напоминают мрамор и самоцветы, например, яшму.

Сопоставляя качество выполнения отдельных белгородских плиток, можно установить, что на одних эмалевый узор нанесен уверенной рукой опытного мастера, а на других он налит очень неумело, дрожащей линией. Очевидно, среди белгородских керамистов-

[314] А. В. Филиппов. Ук. соч., стр. 12.
[315] Н. Д. Полонская. Ук. соч., табл. III.

эмальеров XII в. были не только мастера, но и подмастерья, не достигшие еще совершенства первых.

Боковой отраслью производства строительных облицовочных плиток было изготовление терракотовых яиц-писанок, покрытых совершенно таким же поливным узором из желтых фигурных скобок (рис. 100). Писанки, внутри полые, почти всегда заключают какой-либо шарик, производящий стук при встряхивании. Местом их изготовления нужно считать или Киев, где найдены инструменты для их изготовления, или Белгород, где имеются плитки с аналогичной техникой орнаментации.[316]

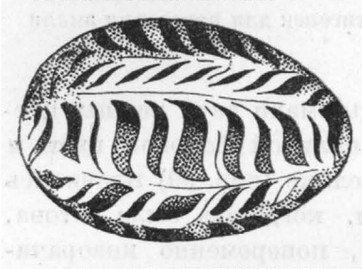


Рис. 100. Поливное глиняное яйцо

Эти изящные и портативные изделия пользовались широким сбытом в городах и деревнях древней Руси. Они встречены в Киеве, Каневе, Белгороде, в Новгороде Великом, Старой Рязани, есть они и в радимичских курганах[317] (в Гочеве и во Влазовичах), а также на Черниговщине. Отдельные экземпляры проникли в район Саркела.[318] У радимичей они встречаются в детских погребениях. К. В. Болсуновский считает эти писанки предметом, связанным с языческим культом.[319]

Особенно интересно то обстоятельство, что киевские поливные писанки экспортировались в Швецию. Они были найдены на Готланде,[320] а также в Сигтуне.[321]

Последние исследования в Киеве показали, что в бесспорных жилых комплексах XI в. была встречена посуда местных форм с зеленой поливой как с внешней, так и с внутренней стороны.[322] Полива применялась и для украшения игрушек. Расцвет поливного мастерства в Киеве в XI—XII вв. был обусловлен высоким развитием эмальерного дела, существовавшего на местной киевской сырьевой базе. Только наличие местного производства эмалевой массы могло позволить гончарам расходовать огромное количество эмали на украшение строительных изразцов и других изделий.

Все сказанное выше о гончарах, мастерах амфор, «плинфоделателях», игрушечниках и мастерах художественной поливной керамики свидетельствует о высоком уровне городского керамического мастерства, с особенной полнотой проявившего себя в Киеве и ближайших к нему приднепровских городах. Разнообразие изделий, знакомство с несколькими системами горнов и особенно знание сложной технологии многоцветной поливы — все это выдвигает киевских «керамельников» на одно из первых мест в рядах европейских ремесленников.

Гончарные клейма

Древнерусские гончары были единственной категорией ремесленников, широко применявших клеймение изделий. Гончарные клейма являются ценнейшим историческим источником, позволяющим хотя бы отчасти восстановить организацию гончарного ремесла. Рисунки городских клейм обычно разнообразнее, чем деревенских, чаще встречаются сложные и запутанные клейма с большим количеством составных элементов. Самый характер рисунка изысканней и вычурней; изредка можно проследить влияние ювелирной или архитектурной орнаментики на рисунок клейм.

Наследственность гончарного дела, предполагаемая у деревенских мастеров на основании постепенного усложнения позднейших клейм, по сравнению с ранними, может быть прослежена и на городских клеймах. Смоленск (Гнездово), Старая Рязань и Новгород дают серии постепенно усложняющихся клейм. К сожалению, в отношении культурного слоя городищ мы лишены того хронологического критерия, который содержат курганные погребения, и можем предполагать наследственное появление «отпятнышей» лишь по аналогии с деревней.

Очень интересен состав клейм каждого отдельного города. В качестве примера возьму Вщижское городище, историческая жизнь которого ограничена очень коротким сроком— 1142—1238 гг.[323]

[316] Можно допустить, что и белгородские плитки могли быть изготовлены в Киеве и доставлены «на колах» за 18 км в Белгород.

[317] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 87, табл. II.

[318] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, М., 1935, рис. 7, № 54 и 56.

[319] К. В. Болсуновский. Писанки как предмет языческого культа, Киев, 1909.

[320] T. Arne. La Suède et l'Orient, Uppsala, 1914, стр. 216, рис. 329 и 330.

[321] «Acta Archaeologica», 1930, т. I, стр. 107, рис. 9.

[322] ГИМ. Раскопки Л. А. Голубевой.

[323] Обоснование даты гибели города приведено выше. 1142 г.— год основания здесь княжеского двора Владимиром Давыдовичем Черниговским; до середины XII в., как показали мои раскопки 1940 г., здесь был небольшой поселок. Оба культурных слоя очень четко разграничены.

Массовое обследование керамического материала во Вщиже (облегченное вспашкой культурного слоя жителями современного села) дало 34 рисунка клейм, относящихся к верхнему культурному слою XII—XIII вв. Конечно, рекогносцировочными раскопками и сбором подъемного материала (даже при всей тщательности сбора) нельзя было выявить в с е клейма этого периода. Поэтому цифру 34 нужно принимать лишь как приблизительную, преуменьшенную. Распределив эту цифру на столетний промежуток времени существования Вщижа как удельной княжеской столицы, мы получим, примерно, три поколения гончаров, из которых одновременно существовало не менее 10 мастеров. Многочисленность гончаров в городах Киевской Руси подтверждается и находкой в Донецком городище 5 горнов при небольшой сравнительно площади раскопок. Особый интерес представляют клейма на горшках, обжигавшихся в горне, раскопанном на краю Вщижского городища.

В горне были найдены две группы сосудов: с ромбическим клеймом (11 экз.) и с круглым клеймом (5 экз.). Несмотря на сильное разрушение горна, удалось установить, что круглые клейма второй группы все находились только в его северо-восточной части и лежали вместе. В одном случае выяснилось, что один горшок с таким клеймом был надет на другой с таким же клеймом. Одно днище с клеймом второй группы было найдено на городище вне горна среди подъемного материала. Наличие двух групп клейменой посуды в одном горне, расставленных особняком в разных концах его, может быть объяснен отем, что горном одновременно пользовались два разных гончара.[324] Обращение к этнографическим материалам вполне подтверждает мое предположение о совместном владении горном.

В Нижегородской губернии в конце XIX в. было обычным явлением, что «единолично горнами владеют только зажиточные гончары; остальные устраивают горны артелью в 5—7 человек. Для первоначального нагревания горнов иногда бросают жребий — кому начинать первому».[325] То же самое в Рязанской губернии: «при обжигании посуды в горнах прибегают к простейшему виду кооперации: горны почти всегда устраиваются вскладчину 2—4 товарищами».[326]

[324] Поскольку обе группы сосудов имеют явные отпечатки пальцев (по скрепам глиняных лент), предполагалось произвести дактилоскопический анализ, который должен был окончательно установить, принадлежат ли сосуды с разными клеймами одному мастеру или двум. К сожалению, анализ не был выполнен.

[325] «Кустарная промышленность России», М., 1899, стр. 83.

[326] Там же, стр. 84. См. также: Б. А. К у ф т и н и А. М. Р о с с о в а. Ук. соч., стр. 22—27; И. А. З а р е ц к и й. Гончарный промысел в Полтавской губ., Полтава, 1894, стр. 106—107; Ф. К о р о л е в. Гончарные промыслы в разных губерниях.

Сябринное («вопчее», «складское») владение гончарными горнами, судя по данным о кустарной промышленности XIX—XX вв., было широко распространенным явлением. А. Л. Якобсону удалось установить такое же совместное владение большой обжигательной печью в средневековом Херсонесе в XI—XII вв.[327] Тем самым наличие «вопчего» горна в русском удельном городке XII—XIII вв. приобретает большую вероятность. Большой интерес представляют клейма на строительных кирпичах.[328] Обилие рисунков клейм на кирпичах одного и того же здания укрепляет в мысли, что кирпичи изготовлялись целою артелью «плинфотворителей».[329]

При составлении полного каталога гончарных клейм из всей массы их резко выделилась одна обособленная группа, рисунок которой производит известные княжеские знаки Рюриковичей XI—XII вв.

Как и следует предполагать, клеймение керамики княжескими гербами встречено исключительно в городах. На многие сотни деревенских клейм не приходится ни одного клейма с рисунком княжеского знака. Только в городах, и притом в старых княжеских городах, упоминаемых на первых страницах летописи, встречаются княжеские гербы в качестве клейм гончаров.[330]

При раскопках в Киеве на горе Детинце в 1930 г. обнаружена землянка с печью и большим количеством керамики, среди которой

[327] А. Л. Я к о б с о н. Гончарные печи средневекового Херсонеса.— КС ИИМК, М. — Л., 1941, вып. X, стр. 60—61.

[328] Они известны на зданиях Киева, Вышгорода, Смоленска, Остерского городца, Чернигова, Вщижа. — См.: И. М. Х о з е р о в. Ук. соч.; Н. Е. М а к а р е н к о. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. — В кн.: Сб. статей в честь гр. П. С. Уваровой, М., 1916, стр. 402.

[329] При современном состоянии публикации клейм на кирпичах не представляется возможным поставить два вопроса, связанных с организацией кирпичного производства. Совпадение серии разных клейм в двух или нескольких одновременных зданиях могло бы говорить о существовании перехожих артелей, работавших поочередно в разных городах. С другой стороны, было бы интересно сопоставить клейма на городских постройках с клеймами гончаров данного города или окрестных деревень (на сосудах). Совпадение серий в этом случае могло бы указывать на производство кирпичей силами гончаров.

[330] Б. А. Р ы б а к о в. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — «Сов. археол.», 1940, № 6, стр. 247—251, рис. 64—77 и отдельно на стр. 323.

находился горшок с клеймом в виде трезубца. В. Козловская отмечает близость этого знака к знаку на монетах Святополка. С последним трудно согласиться, но принадлежность знака на дне сосуда к знакам Рюриковичей очень вероятна. Из Киева же происходит четкое и ясное клеймо в виде знака на монетах Владимира.[331]

В Киевском музее хранится сосуд из Канева с начертанием клейма, очень близким к упрощенному княжескому знаку (рис. 108).[332] Из окрестностей Канева (Липлява на левом берегу Днепра против Канева) происходит днище сосуда с клеймом в виде двузубца с отрогами на зубьях и внизу. При раскопках В. В. Хвойко в Белгороде найдены четыре сосуда с совершенно тождественными клеймами, повторяющими ту же княжескую схему.

Клеймо в виде княжеского знака найдено также на курганном кладбище древнего Изяславля.

На Десне у Остерского Городца было найдено днище сосуда, «на нем рельефно вытеснен знак, очень похожий на загадочный знак монет Владимира Святого (нечто вроде трехсвечника с коротким треугольным острием вместо ручки)».[333]

В упоминавшихся уже выше моих раскопках в Вышгороде дважды встретились гончарные клейма — знаки Рюриковичей. В одном случае знак напоминает знак Юрия Долгорукого, а в другом дает более сложный рисунок с применением точки (как на монетах и печатях) в качестве дополнительного элемента. Клеймо в виде трезубца было найдено в Курске.[334]

Кроме посуды, изготовленной городскими гончарами, княжеские знаки Рюриковичей применялись в качестве клейм на кирпичах южнорусских городов и Смоленска. Древнейшим является клеймо в виде знака Владимира Святославича, найденное близ построенной этим князем церкви.[335] На кирпичах других городов имеются такие же княжеские знаки, но упрощенной формы.

Кирпичи черниговского Спасо-Преображенского собора начала XI в. имеют знак в виде двузубца с отрогом внизу (рис. 108).[336]

[331] Коллекции Киевского исторического музея.

[332] В. Козловська. Таврований посуд слов'янської доби.— «Науковий збірник за рік 1926», Київ, рис. 20—21.

[333] Черниговский соединенный исторический музей. Каталог музея. Чернигов, 1915, стр. 17.

[334] Коллекции Курского областного музея.

[335] К. В. Болсуновский. Ук. соч., фото на обл.

[336] Материалы Черниговского областного музея.

Кирпичи Михайловской церкви XII в. в Остерском Городце, построенной Юрием Долгоруким, имеют в числе прочих грубый знак в виде трезубца, совершенно аналогичный знаку на печатях Юрия Долгорукого.[337] Сложные знаки этой же системы имеются на кирпичах Борисоглебской церкви на Смядыни близ Смоленска (рис. 67)[338] и на плоских кирпичах с Киевского Подола (рис. 68),[339] где строительство церквей развернулось значительно позднее, чем на горе, — в близком соседстве с княжеским дворцом.

То обстоятельство, что часть гончаров и кирпичных мастеров в окняженных городах Киевской Руси вместо собственного клейма применяла личный знак князя, может указывать нам на вхождение этих мастеров в состав вотчинных ремесленников, теснейшим образом связанных с княжеским двором.

Итак, гончарные клейма позволяют наметить следующие выводы:

1) наследственность гончарного дела;

2) многочисленность гончаров в городах и в то же время малую производительность каждого из них;

3) совместное владение гончарным горном;

4) многочисленность артелей кирпичных мастеров;

5) наличие среди городских гончаров ремесленников, связанных с вотчинным хозяйством князя и метивших свои изделия княжеским знаком.

Надпись киевского гончара XI в.

Надписи мастеров эпохи Киевской Руси крайне редки, а по своим фонетическим и орфографическим особенностям нередко представляют интерес для истории народного говора. Поэтому в качестве дополнения к разделу о гончарных клеймах я даю здесь попытку расшифровки древнейшей надписи ремесленника-гончара (рис. 101).

В древнейшей части Киева, в Старом Городе, был найден при земляных работах (около 1915 г.) обломок глиняного сосуда с фрагментами русской надписи XI—XII вв. Надпись представляет значительный интерес не только потому, что относится к древнейшему

[337] Н. Макаренко. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. — Сб. статей в честь гр. П. С. Уваровой, М., 1916, стр. 402, рис. 18.

[338] Материалы ГИМ.

[339] Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. 4—5, Киев, 1915, табл. XI.

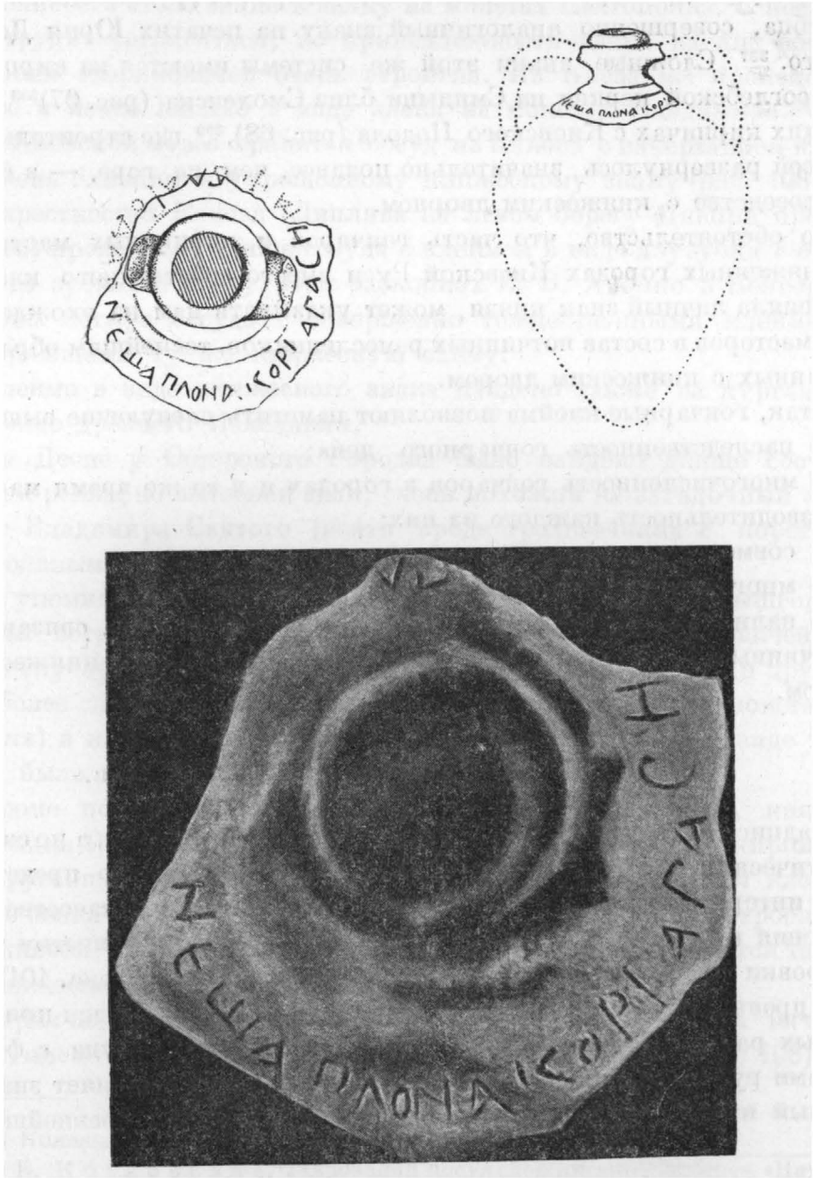


Рис. 101. Надпись гончара XI в., сделанная по сырой глине

периоду русской письменности, но еще и потому, что сделана она рукой мастера-гончара на сырой глине до обжига сосуда.

Надпись эта дважды упоминалась на страницах печатных изданий, но ни разу не была сделана попытка восстановить весь текст и даже сохранившаяся часть транскрибировалась иногда неверно.[341]

Надпись сделана вокруг горлышка сосуда, имевшего ранее две ручки. Наличие ручек мешало писавшему и поэтому некоторые части надписи выполнены хуже других (напр., буквы *СН*). Там же, где было удобно писать, мастер уверенно наносил буквы острием на глину. Надпись сделана по кругу, без интервалов между словами. Бесспорная часть надписи содержит следующее:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
								Н	Е	Ш	А	П	Л	О	Н	А

18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
К	О	Р	І	А	Г	А	С	Н		

Кроме того, сохранилось пять фрагментарных букв, к восстановлению которых мы и приступим. Ни Козловская, ни Ржига на эти обрывки букв не обратили внимания, в силу чего не могли прочесть надпись.

Вся круговая надпись должна содержать 28—30 знаков. Ввиду того, что часть надписи — «...неша» — явно представляет собою окончание слова, нумерацию начну с фрагментов букв, находящихся влево от этого окончания.[342]

Легче всего восстанавливается знак № 21 — это *Ч*, от которого осталась только одна вертикальная черта.

27-м знаком по смыслу должно быть иотированное *А*, так как лишь с добавлением этого звука получается полная форма местоимения «сия».

Сложнее восстанавливать утраченный начальный текст. Знак № 1 сохранился лишь в своей верхней части. Это — горизонтальная перекладина с отходящими от ее левого конца вниз двумя чертами, расхо-

[341] В. Козловська. Розкопи року 1930 у Київі на гор. Дитинці. — «Хроніка археології та мистецтва», ч. 3, Київ, 1931, стр. 51. — На обложке книги помещена фотография интересующего нас фрагмента. К величайшему сожалению, эта вещь, хранившаяся в частных руках, теперь утеряна.

[342] В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси. — «Труды ГИМ», М., 1929, вып. V, стр. 38. Ржига читал надпись так: NЕША... А КЪРЧАГА СН. В этом чтении ошибочно поставлен Ъ после К и пропущены некоторые, совершенно ясно читаемые, буквы.

дящимися под острым углом. Никакой иной буквой, кроме *Б*, этот знак быть не может.

Соседний знак (№ 2) представляет вершину острого угла (низ обломан); наиболее вероятным представляется чтение его как *Л*. Знаки №№ 3, 5, 6, 7 не сохранились совершенно. От знака № 4 сохранилась высокая мачта и небольшая черта в правой стороне от нее. Этот знак может быть или буквой *Г* или буквой *Б*, но *Б* писалось автором надписи иначе, косая перекладина подходит к самой вершине мачты; кроме того, этот знак вынесен высоко над строкой, как это мы видим и на знаке № 23 (буква *Г*). Больше вероятия считать знак № 4 буквой *Г*.

Знак № 8 сохранил горизонтальную перекладину над строкой, которая на фотографии видна плохо. Она может принадлежать буквам *Б*, *В*, *Г*, *Т*. Таким образом, первое слово надписи, окончание которого ясно видно на фотографии, выглядит так: БЛ — Г — — — ТНЕША.

Предположение Ржиги, что «надпись, вероятно, означала собственника корчаги», едва ли может быть подтверждено.[343] Если мы привлечем для полной расшифровки этой надписи данные восточной средневековой эпиграфики, то увидим, что наиболее частой надписью мастеров на сосудах является пожелание видеть его всегда полным.[344] Очевидно, такое же прославление полного сосуда содержала и киевская надпись. Исходя из этого, я предлагаю следующее чтение всей надписи:

БЛАГОДАТНЕША ПЛОНА КОРЧАГА СИЯ

т. е. «благодатна полная эта корчага!» (рис. 86).

Фонетической особенностью надписи является отсутствие *Ъ*. Слово «полна» должно было писаться «плъна» и по законам древнерусского произношения произноситься как «полна». Слово корчага часто писалось «кърчага», где *Ъ* опять играл роль глухой безударной гласной. Писавший надпись, будучи хорошо знаком с начертаниями условных русских букв, пренебрег такими фонетическими тонкостями, применявшимися профессиональными писцами, и применил более народную, простую форму, заменив *Ъ* более полным *О*. Это обстоятельство также позволяет считать автором надписи мастера-гончара.

---

[343] В. Ф. Ржига. Ук. соч., стр. 38.

[344] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, табл. VI (Ручка амфоры VII—VIII вв. с согдийской надписью: «Да будет полным»).

Кроме того, возможность начертания «плона» вместо «полна» или «плъна» позволяет датировать надпись XI в.[345]

Сравнение киевской надписи на корчаге с рядом русских надписей XI—XII вв. (тмутараканский камень, софийские graffiti монеты, шиферные иконки, серебряные и золотые изделия) убеждает в том, что нашу надпись было бы правильнее отнести к XI в., чем к XII. Остроугольное *А*, высокое с миниатюрной головкой *Р*, написанное с прямой перекладинкой *И*, широкое *С* и некоторые другие признаки, хотя и не дают права настаивать на XI в., но свидетельствуют о большой близости надписи на корчаге к памятникам именно XI в. Нет ни одного признака, противоречащего этой датировке. Совпадение же эпиграфической датировки с лингвистической позволяет уверенно относить надпись к XI в.

Содержание надписи интересно для нас в двух отношениях: во-первых, мы теперь точно знаем, какой сосуд в древней Руси назывался корчагой, а, во-вторых, можем поставить вопрос и о назначении этих сосудов, с которыми, по всей вероятности, связано пожелание оставаться всегда полными.

В современном нам представлении корчага — большой горшок с очень широким устьем. В высоту корчаги достигают 90 см при ширине в 70—80 см.

Одна такая корчага XV в. найдена при работах Метростроя в Москве близ Крымской площади. Она служила для хранения зерна или муки.[346]

Наша корчага дает совершенно иной тип сосуда. Киевские корчаги имели горло настолько узкое, что мастер не мог просунуть руку внутрь сосуда, чтобы выгладить следы глиняных спиралей, из которых лепился сосуд: рубцы от этих глиняных вальков всегда хорошо видны на горловой части корчаг. Нижняя часть корчаги была обычно узкой, конической; изредка заканчивалась миниатюрным поддоном. От горлышка к плечикам шли две массивных ручки, придававшие всему сосуду сходство с античной амфорой. Еще больше аналогия со средневековой византийской керамикой и ее салтовскими вариантами.

---

[345] Указанием на эту дату я обязан любезности С. Б. Бернштейна.

[346] А. А. Потапов. Древний погреб близ Крымской площади. — «По трассе первой очереди Московского Метрополитена», Л., 1936, стр. 148, рис. 92. См. также: В. И. Самсонов. Старый Курск. — «Литературный альманах», Курск, 1939. — Фотография корчаги, найденной в Курске, помещена на стр. 180; ее высота 80 см.

Амфоры-корчаги встречаются при раскопках в ряде городов древней Руси, преимущественно южных. Корчаг много в Киеве, Вышгороде, Белгороде, Княжьей Горе, Смоленске, Старой Рязани, Вщиже, Ковшаровском городище и в ряде других мест. Все находки относятся к домонгольской эпохе. После татар амфоровидные сосуды исчезают повсеместно.

В украинском языке в отличие от русского сохранилось представление о корчаге, как об амфоровидном сосуде: корчага — сосуд для вина, с узким горлом.[347]

В Киевской Руси корчаги употреблялись для хранения и перевозки жидкостей, главным образом вина, хмельного меда, изредка масла.

Древнерусские письменные памятники часто упоминают корчаги (кърчага, кръчага, корчага)[348] и почти всегда в качестве сосуда для вина: «а вино свое держи, купив корчагу» («Вопрошания Кирика», XII в.).

Древнейшие упоминания корчаги относятся к XI в. (ряд переводных памятников).[349] В княжеских погребах в корчагах хранили значительные запасы вина: «... и ту дворъ Святославль раздели на четыре части... и в погребѣхъ было 500 берковьсковъ меду, а вина 80 корчаг».[350] Даже в монастыри возили вино в корчагах: в житии Феодосия Печерского (XI в.) рассказано о том, как ключница князя Всеволода Ярославича послала монахам вино: «Привезоша три возы полны суще корчаг с вином».

В корчагах-амфорах, очевидно, транспортировалось на Русь из Византии виноградное вино. Князь Святослав в числе различных благ, сходящихся к Преславе на Дунае, упоминает и о вине: «... от Грѣкъ паволоки, золото, вино...».

В Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, оригинал рисунков которой восходит к XIII в., имеется очень ценное изображение корчаг, приведенное по поводу известного эпического рассказа об осаде Белгорода печенегами в 997 г. Легендарный сюжет об обмане осаждающих позволил художнику изобразить различные типы сосудов.

[347] В. Ф. Ржига. Ук. соч., стр. 35.

[348] В. Ф. Ржига (Ук. соч., стр. 35) производит слово «корчага» от тюркских названий. Любопытно, что в средневековом армянском языке слово «хрчаг» означало горло. Не отсюда ли и амфора, т. е. сосуд с горлом, получила это название — «крчаг» (кърчаг — горлач)?

[349] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. См. под словом «корчага».

[350] Ипатьевская летопись 1146 г.

Когда печенежские парламентеры увидели, что в Белгороде колодцы наполнены киселем и медвяной сытой, они попросили налить им этой чудесной пищи для того, чтобы убедить своих князей: «Людье же нальяша кърчагу цѣжа и сыты от кладязя и вдаша печенегом...»[351]

На рисунке изображен костер, на котором варятся кисель и сыта; около костра стоят два печенега в остроконечных шапках и держат в руках корчаги. Корчаги, изображенные в летописи, очень близки к южнорусским корчагам XI—XIII вв. и совершенно не похожи на громоздкие северорусские корчаги XV—XIX вв. Помимо двух ручек и узкого горла, мы можем заметить на рисунке маленький поддон и даже поперечные рубцы на тулове корчаги.

Принимая во внимание северное происхождение (Новгород или Смоленск) Радзивилловской летописи, мы должны отметить отсутствие корчаг-амфор киевского типа во всех предполагаемых пунктах в эпоху написания летописи, т. е. в XV в. Да и в южных городах корчаги-амфоры исчезли в послемонгольское время.

Таким образом, надпись на амфоровидном сосуде, удостоверяющая его древнее название — «корчага», увеличивает количество аргументов в пользу гипотезы Шахматова—Арциховского о копировании художником-миниатюристом XV в. более ранних образцов, восходящих к XIII в. В XV в. корчагой называли уже иной тип сосуда, чем тот, который с удивительной точностью воспроизведен художником там, где требовалось изобразить корчагу. Изобразив амфоровидный сосуд, художник выдал себя: он, очевидно, копировал миниатюру XIII в.

Производным от «корчаги» является термин «корчажец», опять-таки восходящий к XI в. В отличие от корчаги-амфоры, вмещающей 15—20 л, «корчажец вина» выступает в качестве меры вина на одного человека, которую ставят на стол каждому сидящему.

В киевском керамическом ассортименте XI—XII вв. мы можем указать тип сосуда, который, по всей вероятности, соответствует корчажцу. Это — небольшие глиняные сосуды с узким горлом, вытянутые вверх и имеющие по два декоративных ушка. Они устойчивы и хорошо стоят на столе. Внешне они напоминают амфоры-

[351] Радзивилловская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи, М., 1902, событие 997 г., лист 72 об. — Изображенные в летописи амфоры-корчаги XI—XIII вв. еще раз доказывают копирование художником Радзивилловской летописи оригинала XIII в. — Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI в. — КС ИИМК, М.—Л., 1946, вып. XII.

корчаги и являются мелкой разливной посудой. В городах Киевской Руси их очень много.

Для истории ремесла киевская корчага важна в том отношении, что удостоверяет местную киевскую выработку амфор-корчаг и наличие хороших гончарных горнов уже в XI в.

При метрологическом изучении корчаг необходимо будет обратить внимание и на корчажцы — не окажутся ли они кратными долями корчаги-амфоры? Кроме того, нужно выяснить отношение к римскому амфореусу.

Черепок корчаги с надписью XI в. позволил нам прочно связать этот термин с определенным типом древнерусской керамики — амфоровидными сосудами для вина и меда.

Не удивительно, что корчаги с вином, составлявшие необходимую часть пиров, воспетых в былинах, надписывались гончарами.

Благожелательная надпись, в которой мастер восхваляет вечнополный сосуд, обращена к будущему владельцу корчаги. Для нас это пожелание изобилия, написанное в эпоху Ярослава или его сыновей, является интересным штрихом быта Киевской Руси.

9. ЭМАЛЬ

Вершиной русского ювелирного мастерства было производство перегородчатых эмалей. Изделия эмальеров Киевской Руси до сих пор продолжают восхищать всех, кому приходится иметь с ними дело, так же как тысячелетие назад они восхищали своих европейских современников. Изучение истории русской эмали было начато в середине XIX в. И. Е. Забелиным, когда из древностей XI—XIII вв. была известна только незначительная часть доступного теперь материала.

Естественно, что в центре внимания Забелина был массовый материал XVI—XVII вв., а не единичные находки вроде старорязанского клада 1822 г.[352]

Большой шаг вперед в изучении византийских и русских эмалей был сделан Н. П. Кондаковым, тщательно собравшим весь наличный материал и сопоставившим его как с западноевропейским, так и с за-

[352] И. Е. Забелин. Историческое обозрение финифтинного и ценинного дела в России, СПб., 1853.

кавказским.[353] Заслуга Кондакова состоит как в хорошей сводной публикации отдельных разрозненных кладов, так и в детальном исследовании технической и художественной стороны древнерусских эмалей. К сожалению, Кондаков, исследуя русское эмальерное искусство, рассматривал его исключительно через призму византийского влияния и достоинства его определял только степенью сходства с византийскими оригиналами. Поэтому под пером этого крупнейшего знатока эмальерного дела русские эмали выглядят лишь провинциальным, огрубленным вариантом греческого мастерства. Своеобразие и полнокровность киевских эмалей XI—XII вв. при такой точке зрения ускользали от внимания.

За сорок лет, прошедших со времени выхода в свет «Русских кладов», наши музеи пополнились огромным количеством нового материала, в большей своей части изданного. С 1896 по 1939 г. количество известных науке русских эмалей возросло вдвое по сравнению с периодом 1822—1896 гг. Эти новые находки позволяют поставить ряд вопросов, связанных с датировкой, отдельными центрами производства, районами сбыта эмалей и т. д. В результате раскопок в Киеве были открыты эмальерные мастерские;[354] в кладах, в курганах и при раскопках городов были найдены разнообразные вещи с эмалью.[355]

Из работ, посвященных эмалям и вышедших в свет после «Русских

[353] Н. П. Кондаков. Византийские эмали собрания А. В. Звенигородского, СПб., 1889—1892; Его же. Русские клады..., т. I, СПб., 1896.

[354] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья, Киев, 1913.

[355] Н. Ф. Беляшевский. Новый клад великокняжеского времени. — АЛЮР, 1901, октябрь (золотой венец с изображением Александра Македонского); Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XIV, XXVII, XXVIII, XXXII (колты, кресты, монисто); Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., Кресты и образки, вып. 1, добавл. III, Киев, 1907, рис. 44 и 45 (крест с русскими надписями); П. С. Уварова. Финифть в Порецком музее. — «Древности», М., 1913, т. XXII; ОАК за 1903 г. — Михайловский клад (цата, колты); ОАК за 1906 г. — Михайловский клад; ОАК за 1911 г. — Раскопки Д. В. Милеева (колт из Десятинной церкви); «Художественные сокровища России», 1902 (икона с эмалью); С. Г. Матвеев. Медный колт Гос. исторического музея. — «Труды ТСА РАНИОН», М., 1928, т. II; И. В. Покровский. Софийская ризница, табл. X, рис. 1 (пластинка с изображением Ипатия); Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губ. — МАВГ, М., 1899, т. III; «Працы...», Менск, 1930, т. II, стр. 232; ОАК за 1901 г. стр. 122 (часть золотой диадемы из Ярославля). — Золотой колт с эмалью был найден при раскопках в 1937 г. в Киеве близ Десятинной церкви (Коллекции Института археологии УАН)

кладов», можно назвать статью М. Сергеевой,[356] очерк В. Никольского[357] и интересную книгу эмальера-производственника В. Селезнева.[358] К сожалению, во всех этих работах новый материал не учтен.[359]

Эмали различаются как по составу эмалевой массы, так и по характеру подготовки основы для них.

Существуют следующие виды эмалевых сплавов:

а) компактные (глухие, опаковые),

б) прозрачные,

в) просвечивающие (опаловые),

г) расписные.

По характеру металлической основы они делятся на следующие разделы:

а) выемчатая эмаль,

б) перегородчатая эмаль с листовыми перегородками,

в) перегородчатая эмаль с филигранными перегородками.

Различия в составе массы зависели от уменья мастера-стеклодела и от художественного направления школы эмальеров.

Древнейшие примитивные эмали IV — V вв. все компактны и непрозрачны. Преобладают среди них цвета красный, голубой и зеленый как наиболее доступные для выработки (медные окислы, плавленные с доступом воздуха или в присутствии таких простых восстановителей, как олово и железная окалина).

Существует множество различных рецептов эмалевых масс; все они представляют варианты свинцово-калиевых стекол с теми или иными добавлениями. Свинец добавлялся для большей легкоплавкости массы.

Стеклянная масса дробилась в специальных ступах в порошок, и этот порошок служил сырьем для эмальеров. Степень устойчивости

---

[356] М. Сергеева. Из истории русской эмали. — «Среди коллекционеров», 1922, № 4.

[357] В. Никольский. Древнерусское декоративное искусство, П., 1923.

[358] В. Селезнев. Очерк происхождения и развития эмалевого мастерства в связи со стеклоделием и керамикой. — «Труды Гос. исследов. керамического института», вып. 3, Л., 1926. — Автор в течение многих лет варил эмали для всей России.

[359] Я не останавливаюсь на работе А. С. Гущина (Памятники художественного ремесла»), так как за исключением каменнобродского клада все остальные вещи были известны Кондакову при написании им «Русских кладов» и «Русских древностей в памятниках искусства».

и развитости эмальерного дела определяется умением мастеров не только пользоваться готовыми массами, но и самим приготовлять их. В отличие от других производств, где разделение производственного процесса означало прогресс, в эмальерном деле оно означало несамостоятельность и слабость мастеров-эмальеров, зависевших от стеклоделов. На примере «варварских» эмалей IV—V вв., исчезнувших сразу во всей Европе одновременно с падением римских центров производства стекла, мы уже видели эту первичную стадию эмальерного дела, основанного исключительно на привозном стекле. Среднеднепровские мастерские выемчатой эмали не смогли существовать самостоятельно после падения Рима.

В этом отношении эмальерное дело Киевской Руси было организовано несравненно прочнее. Раскопанные В. В. Хвойко эмальерные мастерские (одна близ Десятинной церкви, а другая — на Фроловской горе) интересны тем, что там наряду с остатками производства эмалей обнаружено развитое производство цветного стекла и стеклянных изделий (браслеты). В мастерских найдены большие куски эмалевой массы и следы ее в тиглях и горнах.[360] Следовательно, киевские эмальеры умели сами готовить наиболее сложную и технически совершенную часть необходимого полуфабриката — стеклянную эмалевую массу и в этом отношении не зависели от Византии. Кстати, и по своей цветовой палитре киевские эмали существенно отличались от современных им греческих.

Технологический процесс стеклоделия неизбежно объединял эмальерное дело с изготовлением не только стекла, но и поливной керамики и мозаичной смальты, для которых был нужен тот же стеклянный порошок. Не удивительно поэтому, что мастерские ювелиров-эмальеров и мастерские по изготовлению керамики с эмалевой поливой и смальты бывают расположены рядом.

В Киевской Руси в XI—XIII вв. применялись как компактные, так и просвечивающие (опаловые) эмали. Прозрачная эмаль не нашла себе применения. Выбор характера сплава был не случаен — массивные одежды делались из компактных эмалей, а лица, руки и отдельные детали из опаловых. Сочетание двух разных сортов на одном предмете давало значительный художественный эффект. Роспись эмалей никогда не применялась русскими мастерами, как, впрочем, и повсеместно в ту эпоху.

---

[360] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья, Киев, 1913.

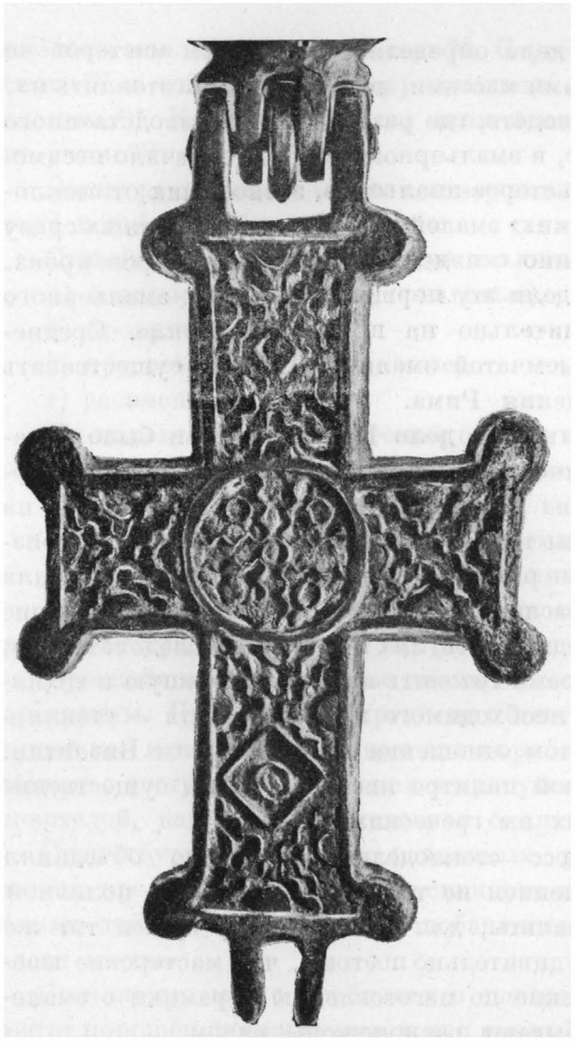


Рис. 102. Перегородчатая эмаль (увелич.)

Из способов подготовки металла под эмаль в XI — XIV вв. применялась преимущественно самая сложная, самая изысканная техника перегородчатой эмали и лишь отчасти выемчатой.

Подавляющее большинство известных нам вещей сделано из золота по способу перегородчатой эмали (рис. 102), незначительная часть из меди или серебра (но с золотыми перегородками). Особый раздел составляют выемчатые эмали по медной основе с одноцветной поливой, являющейся ходким товаром, предназначенным для деревни. Для эмалевых вещей применялось золото 70—80-й пробы. Основной контур рисунка штамповался на специальной прорезной матрице. Одна такая матрица найдена при раскопках В. В. Хвойко близ Десятинной церкви.[361] В коллекции Б. И. Ханенко есть два колта, сделанных, по всей вероятности, именно на этой матрице (рис. 103).[362] Матрица представляет собой луновидную пластинку толщиной около 12 мм со сквозной прорезью, отвечающей основным контурам рисунка: стилизованное дерево в центре и две птицы по сторонам. У птиц прорезаны только общие очертания корпуса и крыльев; ноги отсутствуют (рис. 104).

[361] Коллекции Киевского Исторического музея из раскопок В. В. Хвойко в усадьбе Петровского.

[362] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, т. XXVII, рис. 998 и 999 (усадьба Лескова близ Десятинной церкви, клад 1876 г.).

Рис. 103. Золотые колты с эмалью

На эту матрицу накладывался тонкий лист золота и в нем осторожно (чтобы не порвать лист) продавливались углубления, соответствующие контурам дерева и птиц. Таким образом, рисунок, подлежащий дальнейшей расцветке посредством эмали, оказывался как бы в лоточке, углубленном по отношению к поверхности щитка колта на 1—1.5 мм; дно у лоточка было плоское, края вертикальные. В некоторых случаях дно этого лоточка приходилось припаивать (очевидно, лишь тогда, когда тонкий золотой лист рвался при тиснении на матрице). Внешние края щитка также оттискивались на матрице и подрезывались. Снятый с матрицы золотой лист был готов к дальнейшей самой тонкой работе златокузнеца.

Мастер заготавливал тончайшие золотые полоски (десятые и сотые доли миллиметра), намечал на дне лоточка острой иглой детали рисунка и, вооружившись миниатюрным пинцетом и вишневым клеем, начинал создавать золотые перегородки для эмалей различных оттенков. В отличие от немецких и французских эмальеров XII—XIII вв., допускавших произвольное смешение красок, русские мастера никогда не позволяли себе переступать границы чистых тонов. Задача ювелира заключалась в том, чтобы для каждого цвета создать особую, совершенно изолированную, замкнутую ячейку из золотых перегородок. Так, например, если художник изображал человеческое лицо, то для черных бровей требовалась маленькая замкнутая ячейка вытянутой формы, для глаза ячейка для белка, а внутри ее — миниатюрная ячейка для зрачка. Если принять во внимание,

что все-то лицо имело иной раз 3 мм в поперечнике, то нетрудно понять, что тонкость работы ювелира, напаивавшего микроскопические глаза и брови из замкнутых перегородок, превосходила обычные масштабы. В тех случаях, когда по замыслу художника большая площадь должна была быть покрыта одним цветом, ее все-таки расчленяли золотыми перегородками как для большой прочности, так и для художественного эффекта. Золотые ленточки изгибались пинцетом, по рисунку и при помощи вишневого клея наклеивались на дно лоточка. Высота перегородок должна была превышать высоту стенок лоточка. Колты из клада 1876 г. требовали около 75 отдельных перегородочек на каждом щитке (глаза, перья, листья на дереве и т. д.). После наклейки деталей рисунка внутрь перегородок насыпался припой, и щиток ставился на жаровню для припаивания перегородок. После этого дно лоточка внутри перегородок подвергалось шраффировке (насечке) для лучшего сцепления с эмалевой массой.[363] Затем посредством чеканки дополнялись некоторые детали, не требовавшие перегородок. Подготовив золотую основу, мастер приступал к эмалированию. Для этого ему нужно было в каждую ячейку положить определенную дозу эмалевой массы, истолченной в порошок и смешанной с водой. При этом он должен был учитывать коэффициент расширения, различный у разных составов и в зависимости от него уменьшать или увеличивать дозу, чтобы после плавки во всех секциях рисунка уровень эмали был одинаков и совпадал с уровнем золотого поля. Разложив эмаль по перегородкам, эмальер ставил щиток в жар для того, чтобы расплавить массу.

Ввиду того, что эмаль необычайно капризна в отношении температуры и от перегрева на несколько градусов легко меняет задуманный мастером цвет, эта часть работы требовала огромного опыта и верного глаза.

В современной эмалевой промышленности применяется сложная система пироскопов, позволяющих точно определять нужную температуру.[364] В распоряжении киевских эмальеров были только опыт и производственная интуиция. Если из рук мастеров выходили изделия, изумительные по красочности, сочности и чистоте тонов, то это следует объяснить только длительной выучкой мастеров.

---

[363] Н. Ф. Беляшевский. Новый клад великокняжеского времени. — АЛЮР, 1901, октябрь. — Во втором киотце слева эмаль выкрошилась и видна густая сеть царапин.

[364] Е. И. Орлов. Эмали и глазури, М., 1937.

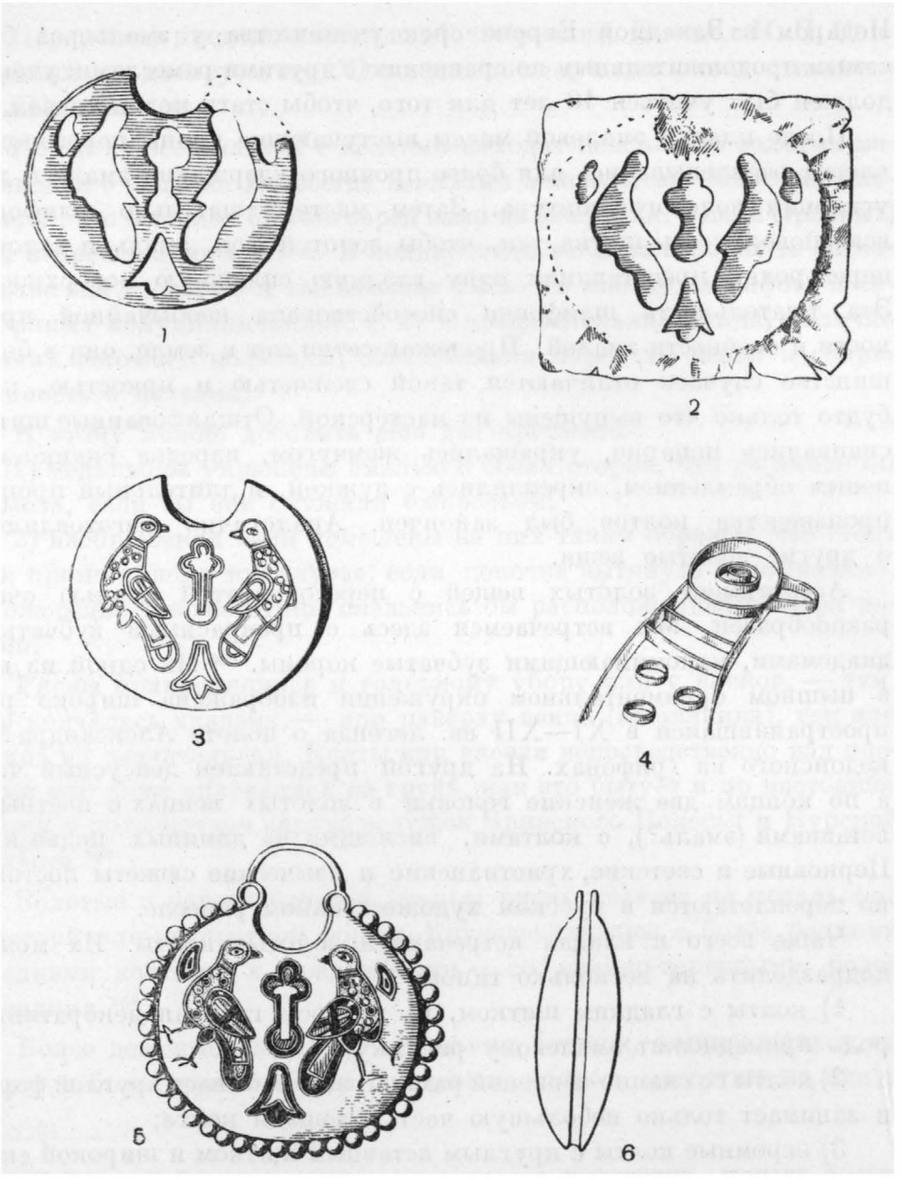


Рис. 104. Стадии изготовления колтов с эмалью

1 — прорезная матрица для тиснения золотых листов (Киев); *2* — тиснение золотого листа; *3* — напаяны перегородки для разных цветов эмали; *4* — увеличенная деталь колта (в перспективе); видны тонкие золотые перегородки, напаянные на ребра; *5* — перегородки заполнены эмалью; эмаль расплавлена и зашлифована; по краю готовый колт обсажен жемчугом (Киев); *6* — вид сбоку.

Недаром в Западной Европе срок ученичества у эмальеров был самым продолжительным по сравнению с другими ремеслами: ученик должен был учиться 10 лет для того, чтобы стать подмастерьем. [365]

После плавки эмалевой массы выступающие концы перегородок слегка расклепывались для более прочного удержания эмали и для усиления золотого контура. Затем мастер тщательно шлифовал всю поверхность щитка так, чтобы золотой фон, эмаль и золотые перегородки представляли одну гладкую сплошную поверхность. Эта тщательность шлифовки способствовала необычайной прочности и стойкости эмалей. Пролежав сотни лет в земле, они в большинстве случаев отличаются такой свежестью и яркостью, как будто только что выпущены из мастерской. Отшлифованные щитки спаивались попарно, украшались жемчугом, изредка сканно-зерненым обрамлением, скреплялись с дужкой, и длительный процесс производства колтов был закончен. Аналогично изготовлялись и другие золотые вещи.

Ассортимент золотых вещей с перегородчатой эмалью очень разнообразен. Мы встречаемся здесь с прекрасными зубчатыми диадемами, напоминающими зубчатые короны. [366] На одной из них в пышном орнаментальном окружении изображена широко распространившаяся в XI—XII вв. легенда о полете Александра Македонского на грифонах. На другой представлен деисусный чин, а по концам две женские головки в золотых венцах с цветными вставками (эмаль?), с колтами, висящими на длинных подвесках. Церковные и светские, христианские и языческие сюжеты постоянно переплетаются в русском художественном ремесле.

Чаще всего в кладах встречаются золотые колты. Их можно подразделить на несколько типов:

1) колты с гладким щитком, на котором главная декоративная роль принадлежит эмалевому рисунку;

2) колты со сканно-зерненой рамкой; щиток бывает круглой формы и занимает только небольшую часть площади колта;

3) огромные колты с круглым вставным щитком и широкой сканной рамкой; известны только по старорязанскому кладу 1822 г.

[365] «Известия ГАИМК», № 103, стр. 241.

[366] Н. П. Кондаков. Русские клады, табл. VIII (усадьба Гребеновского, клад 1889 г.) — Кондаков датирует ее XI в.; Н. Ф. Беляшевский. Новый клад великокняжеского времени; Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., табл. XXXIII (диадема из Сахновки). — Отдельные звенья диадемы известны из Ярославля и из Смоленского княжества.

Первый тип представляется наиболее ранним. Вместе с Н. П. Кондаковым мы датируем его XI в.; два последующих типа относятся к XII—XIII вв.

Почти во всех кладах с колтами находят цепочки из золотых медальонов с эмалью. Их всегда называют ожерельями. Мне представляется, что в данном случае перед нами не ожерелья, а цепи («рясны») для подвешивания колтов. В пользу этого взгляда говорят те же соображения, которые я высказывал выше по поводу «аграфов» и серебряных полуцилиндриков, т. е. — незначительная длина, наличие тонких цепочек с кольцами, обязательная парность цепей и сопряженность с колтами.

К этому можно добавить еще два аргумента:

1) медальоны украшены эмалью с обеих сторон, что не имело бы смысла, если бы они служили ожерельем;

2) изображения птиц помещены на них таким образом, что стоят они прямо лишь в том случае, если цепочка вытянута вертикально. В ожерелье многие птицы оказались бы расположенными вверх ногами.

Рясны прикреплялись к головному убору или у висков, — там, где кончалась диадема,— или наверху венца (кокошника), так как длина их значительная. Колты или висели непосредственно над плечами или даже спускались на грудь, как это бытует и по настоящее время в подвенечном наряде девушек Брянского Полесья и Курской области. [367]

Золотые с перегородчатой эмалью рясны состоят из медальонов круглой или квадратной формы. Круглые связаны с более ранними гладкими колтами, а квадрифолии — со сканно-зерненными, более поздними. [368]

Более дешевые рясны из маленьких бляшек, нашивавшихся на ленту с более примитивным эмалевым узором, известны из клада

[367] Длинные бисерные рясны, спускаясь от кокошника, доходят иногда до пояса, завершаясь здесь пучком кистей или крупных бус, заменивших теперь древние колты. Фотографический материал собран мною во время экспедиционных работ 1937—1940 гг. в Гочеве и во Вщиже.

[368] Ранние формы: клад Михайловского монастыря в Киеве 1887 г. (Н. П. Кондаков. Русские клады..., т. I, табл. VI); клад 1880 г. на Житомирской улице в Киеве (Там же).

Поздние формы: клад в Киеве (Н. П. Кондаков. Русские клады..., т. I, табл. X).

в Михайловском монастыре в Киеве 1903 г.[369] и далеко на севере из раскопок Нефедова в кургане близ Костромы.[370]

В свете истории русских женских головных уборов большую ценность приобретает эмалевое изображение женской головки на колте из клада 1876 г.[371] В центре колта в круглом клейме на голубовато-зеленом фоне изображена женщина в желтом платье с вырезом; волосы уложены в прическу с локонами. На голове у женщины золотой венец-кокошник с цветами-вставками, а от верхних углов кокошника вниз к плечам спускаются две одинаковые цепи из цветных звеньев круглой и квадрифолийной формы. Над плечами они завершаются большими круглыми подвесками (колтами?).

Другими словами, миниатюрный эмалевый рисунок воспроизвел с натуры золото-эмалевый убор русской княгини с его полихромными ряснами, золотой диадемой и колтами. Ценность этого бытового сюжета увеличивается тем, что оборотная сторона колтов сделана на той матрице, которая была найдена В. В. Хвойко близ Десятинной церкви. Тем самым местное производство не подлежит сомнению, а совпадение изображенного головного убора с материалом киевских кладов лишь укрепляет в мысли, что мастер-эмальер изобразил на колте не отвлеченную схему, а подлинный облик богатой киевлянки XII в.

Помимо диадем, колтов и цепей к ним перегородчатой эмалью украшались оплечья и мониста из крупных золотых блях. Особую отрасль составляло изготовление тонких нашивных блях с эмалевым узором, применявшихся как для украшения тяжелых аксамитных, оловирных и скорлатных воротников, так и для нашивания на кокошники.

Помимо одежды, эмаль применялась для украшения крестов и книжных переплетов (рис. 105). Общеизвестны эмали на кресте Ефросиньи Полоцкой (1161) и на новгородском евангелии Мстислава Владимировича (до 1117 г.). Вполне возможно, что оба предмета связаны с киевскими эмальерными мастерскими.[372]

[369] ОАК за 1903 г., табл. V, рис. 5.

[370] МАВГ, 1899, т. III, табл. VI, рис. 42.

[371] Н. П. Кондаков. Русские клады..., табл. XV, рис. 12 и 14.

[372] А. М. Сементовский. Белорусские древности, вып. 1, СПб., 1890, рис. 73—75; Н. П. Батюшков. Белоруссия и Литва, СПб., 1890 (цветное воспроизведение креста Ефросиньи Полоцкой); Г. Филимонов. Археологические исследования по памятникам. Оклад Мстиславова евангелия. Разбор

Рис. 105. Эмаль на меди

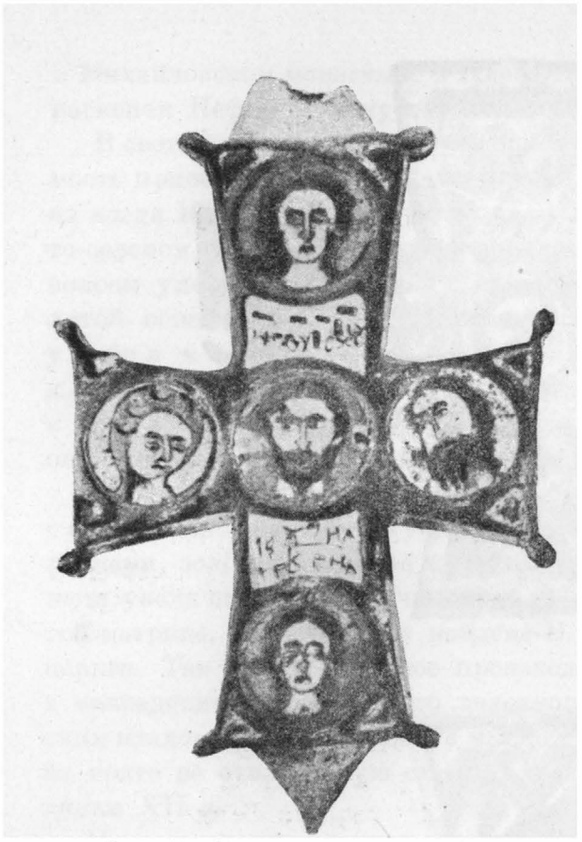


Рис. 106. Крест с эмалевым изображением (Белая Церковь, Васильковского у.) (1892).

До сих пор речь шла исключительно о перегородчатой эмали на з о л о т е; однако в нашем распоряжении есть некоторый материал и об эмалях на медных и бронзовых изделиях (рис. 105).

В коллекции А. С. Уварова есть медный энколпион с перегородчатой эмалью из Костромы (рис.102).[372] Общий контур рисунка отлит вместе со всем крестом (т. е. так, как это делалось для выемчатой эмали), но перегородки сделаны из золота, так как никакой иной металл не мог заменить золото для этой тонкой работы. Рисунок образован наиболее простым способом: мастер избегал замысловатых форм и преимущественно напаивал гофрированные перегородки, образующие ступенчатый рисунок. Медь была вызолочена, так что все изделие явно старалось воспроизвести дорогую золотую вещь.

В коллекциях Гос. Исторического музея в Москве есть медный колт, также подражающий золотым.[373] На одной стороне изображение богоматери (часть композиции благовещения), на другой — орнамент из круглых клейм. К сожалению, место находки этого колта неизвестно.

Самым замечательным медным предметом с перегородчатой

древнейших финифтей в России, М., 1861; П. С и м о н и. Мстиславово евангелие начала XII в., СПб., 1904.

[372] П. С. У в а р о в а. Финифть Порецкого музея. — «Древности», М., 1913, т. XXII.

[373] С. Г. М а т в е е в. Медный колт Гос. Исторического музея. — ТСА РАНИОН, т. II, табл. VII, рис. 19 и 20.

эмалью является энколпион из собрания Ханенко.[374] Одна половинка его найдена в Белой Церкви в 1892 г., другая — в с. Мотовиловке на Киевщине в 1897 г. (рис. 106—107). На каждой стороне пять круглых клейм с изображениями христианских святых. Качество эмалевых изображений заставляет вспомнить лучшие образцы русской живописи XII в.: изящно склоненные головы, тонкая и мягкая разделка деталей, нежные и плавные контуры свидетельствуют как о высоком живописном таланте мастера, так и о полном слиянии художественного замысла с блестящим техническим выполнением.

По форме креста и по аналогии с фресковой росписью Успенского собора во Владимире эти эмали можно относить к концу XII — началу XIII вв.[375]

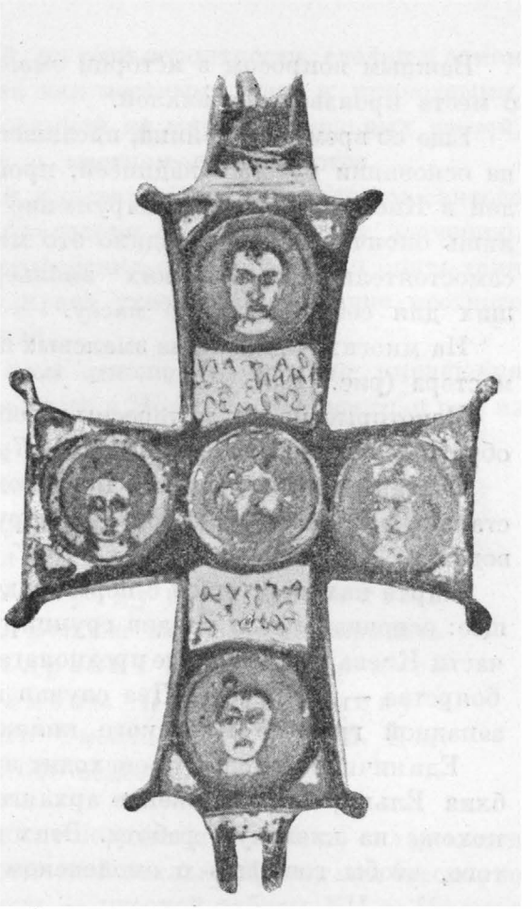


Рис. 107. Крест с эмалевым изображением (Мотовиловка, Васильковского у.) (1897)

Рис. 108. Русские надписи на вещах с эмалью

[374] Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. V, табл. III, рис. 44 и 45 (Кресты и образки).

[375] Большой интерес представляет своеобразный подбор святых в клеймах. На одной стороне — обычный деисусный чин, а на другой — в один ряд три фигуры, связанные в общую композицию: в центре Семен, а по сторонам Елена

Важным вопросом в истории эмальерного дела является вопрос о месте производства эмалей.

Еще со времени Оленина, писавшего о кладе 1822 г., установлено, на основании русских надписей, производство перегородчатых эмалей в Киевской Руси. Обнаружение в 1908 г. мастерской в Киеве лишь окончательно утвердило это мнение и показало техническую самостоятельность киевских эмальеров, самостоятельно готовивших для себя эмалевую массу.

На многих надписях на эмалевых вещах явно видна рука русского мастера (рис. 108).

Некоторые из них интересны своей народной формой имен и своеобразным правописанием (напр. *Кузема* вместо Кузьма).[376]

Считая местное киевское производство эмалей доказанным, поставлю вопрос о существовании других центров эмалевого производства.

Карта находок вещей с перегородчатой эмалью дает нам следующее: основная масса кладов группируется или в аристократической части Киева или в районе предполагаемого землевладения киевского боярства — в Поросье. Два случая известны в Чернигове, один на западной границе Киевского княжества (Каменный Брод).

Единичная находка происходит из кургана № 18 у д. Мутышино близ Ельни;[177] изображение архангела очень примитивно и мало похоже на киевскую работу. Этих данных, разумеется, мало для того, чтобы говорить о смоленском производстве эмалей.

и Анастасия. Н. Петров видел в этом подборе христианских патронов одной семьи. Доказательство этого он усматривал в возрасте изображенных, не соответствующем каноническим требованиям и, очевидно, приноровленном к возрасту главы семьи, его жены и дочери. Изображения он считал портретными. Вне этой композиции, как бы в качестве патронов семьи, помещены изображения Кузьмы и Демьяна (Петров читал неверно — Авксентий и Демьян). Если в Семене видеть заказчика вещи, то несколько странным кажется несоответствие между тщательностью эмалевой работы и дешевизной медной основы. Не был ли этот крест изготовлен мастером-эмальером лично для себя? Попутно отмечу, что Кузьма и Демьян были покровителями кузнечного и, в частности, златокузнечного дела; это объясняет наличие их на кресте в качестве патронов мастера Семена. Впрочем, это предположение слишком гипотетично, чтобы отстаивать его.

[376] По любезному указанию С. Б. Бернштейна, такая замена может свидетельствовать в пользу XII—XIII вв., что вполне согласуется со стилистической датировкой.

[377] Н. Савин. Раскопки курганов в Смоленской губ., стр. 233, рис. 19 (часть диадемы).

Крест Ефросиньи Полоцкой, по всей вероятности, сделан в самом Полоцке, но эмали могли быть как местными, так и привозными. По единичной вещи, смонтированной из многих отдельных частей, очень трудно решать вопрос о местном производстве.

В Новгороде есть эмалевая пластинка с изображением святого Ипатия. Имя этого святого, благодаря его смысловому значению, сделало Ипатия патроном новгородских посадников, но опять-таки единичность находки не дает права утверждать наличие местного новгородского эмальерного дела.

Особенно показательна в этом отношении история украшения Мстиславова евангелия (написанного в Новгороде), известная нам из приписки:

> «Аз раб божий недостойный худый грешный съпьсах памяти деля, царю нашему и людем о ськонченьи евангелия. Еще бящеть казал Мьстислав кънязь худому Наславу и возивъ Царю-городу и учинихъ химипетъ (финифть, эмаль). Божіею же волею възвратихъся исъ Царягорода, исъправих вьсе злато и сребро и драгый камень. Пришед Кыеву и сконьчася вьсе дело[378] месяца августа в 20. Цену же евангелия сего един бог ведае!»...[379]

В дошедшем до нас виде (после переделки в 1551 г.) оклад книги сохранил 13 дробниц с перегородчатой эмалью. Две из них бесспорно византийской работы *X* в., шесть — русской работы *XII* в. Из пяти квадратных дробниц одна бесспорно русской работы, а остальные четыре одинаково могут быть как русскими, так и греческими. Сейчас трудно решить, какой вид имел оклад до переделки его в *XVI* в., но если допустить, что все эти эмали были на нем и тогда, то миссия Наслава заключалась, очевидно, в украшении книги не только камнем и золотом, но и эмалями. Это косвенно может свидетельствовать против существования эмалевого производства в Новгороде, где было написано евангелие и где княжил до 1117 г. Мстислав Владимирович. Книгу возили в Царьград и в Киев, где и «сконьчася вьсе дело». Действительно, на переплете мы видим и царьградскую эмаль и киевскую (рис. 109).

---

[378] Разрядка наша.—*Б.Р.*

[379] П. К. Симони. Мстиславово евангелие начала XII в. в археологическом и палеографическом отношениях, СПб., стр. 2, 3.

Более прочные следы древнейших перегородчатых эмалей мы находим в северо-восточной Руси: во Владимирском и Рязанском княжествах и в Галиче.

В Рязани они встречены дважды — в кладах 1822 и 1868 гг.; во Владимире также дважды — в кладах 1865 и 1896 гг. Есть они и на северной окраине Владимирской земли: в Ярославле, Костроме и в курганах близ Нерехты. Своеобразные эмали имеются в Галиче и на Днестре.

Производя сравнение Киева, Чернигова, Владимира и Рязани, с одной стороны, и Новгорода, Смоленска и Полоцка, с другой, мы должны быть очень осторожны. Как я старался показать выше, наличие кладов в первой группе городов объясняется нашествием Батыя; поэтому на основании отсутствия кладов в Новгороде или Смоленске нельзя еще заключить о полном отсутствии производства эмалей, находимых обычно в кладах.

Для проверки сопоставлю обе эти группы городов как с показаниями письменных источников, так и с данными производства поливной декоративной керамики, смежным с производством эмалей.

Ипатьевская летопись говорит, что Андрей Боголюбский церковь в своем замке украсил «златомъ и финиптомъ и всякою добродетелью» (разрядка наша.—*Б. Р.*).[380] Правда, при тесных связях с Киевом Андрей мог получить финифть оттуда, но, во всяком случае, это указание говорит о бытовании эмалей во Владимире.

Более определенно говорит Ипатьевская летопись о финифти в Галиче в эпоху Владимира Васильковича. Многочисленные эмалевые изделия рассылались этим князем не только по городам Галицкого княжества, но и в Чернигов и в Киев, где эмальерное дело в это время было уже разгромлено татарами.

Производство облицовочной керамики с эмалевой поливой известно нам в Киеве, Белгороде, Вышгороде (т. е. в районе наибольшего распространения эмалей), Рязани, Владимире, Галиче и в Галицко-Волынском княжестве (Коложская церковь в Гродно). Таким образом, совпадение поливной керамики с перегородчатой эмалью полное.

Попробуем присмотреться к эмалевым вещам, найденным вне киевского круга кладов.

[380] Ипатьевская летопись 1175 г.

Черниговские эмали[381] очень близки к киевским; некоторым отличием является преобладание белого цвета в орнаменте.

Старорязанские эмали отличаются от киевских своеобразием формы украшаемых эмалью предметов (огромные колты, подвески-фонарики, нашивные кресты и т. д.) и отчасти цветной гаммой, в которой преобладают голубые тона[382] (рис. 109—110). Форма колтов настолько необычна для киевских древностей, что их следует считать местным рязанским изделием. Владимирские эмали известны нам по четырем колтам. Два из них (клад 1865 г.) не характерны и мало отличаются от киевско-черниговских как по форме, так и по рисунку и по цвету эмали.

Совершенно иную картину дает пара колтов из клада 1896 г.[383] Помимо своеобразного упрощенного рисунка, там можно усмотреть незначительную, но характерную деталь: если мастер напаивал золотую перегородку для изображения круглой точки, он обязательно оставлял у нее соединительную ленточку, связывающую ее с другой (внешней) кольцевой перегородкой. Это можно объяснить неумением мастера поставить крошечное золотое кольцо без дополнительной опоры.

К колтам клада 1896 г. чрезвычайно близок медный колт неизвестного происхождения из собрания ГИМ.[384] Совпадает не только рисунок, состоящий из семи круглых клейм, но и отмечаемая мною техническая деталь — соединительная ленточка у маленьких перегородок, нигде более не встречаемая.

Все сказанное об эмалях Рязани и Владимира позволяет считать эти города знакомыми с производством эмали в XII—XIII вв.

Галицкие эмали очень своеобразны. Золотой фон в них почти сплошь закрыт мелким эмалевым рисунком. Обычный для киевских изделий контраст гладкого золотого фона с сочными цветовыми пятнами эмали здесь заменен равномерной пестротой геометрического узора. Из всех русских эмалей галицкие выглядят наиболее поздними.

Производство перегородчатых эмалей необходимо сопоставить с развитием книжной орнаментики.

Оклады книг нередко украшались снаружи пластинками с эмалью; внутри же книг красочные миниатюры подражали эмалям

[381] Н. П. Кондаков. Русские клады..., табл. XI и XIII.
[382] Там же, табл. XVI, рис. 4.
[383] А. С. Гущин. Памятники..., табл. XX, рис. 2, а и 2, б.
[384] С. Г. Матвеев. Ук. соч.

и в подборе цветов и особенно в разделке рисунка золотыми контурами.

Сопоставление книжных рисунков с ювелирными вещами оказывается очень полезным для датировки последних, так как большинство рукописей имеет точную дату, чего лишены изделия эмальеров.

Древнейшая русская рукопись — Остромирово евангелие (1056—1057) — дает нам серию замечательных миниатюр, в которых золотые контуры, яркие чистые тона и отсутствие мелких деталей явно свидетельствуют о том, что художник — киевлянин середины XI в., иллюстрировавший эту рукопись, сознательно стремился воспроизвести эмаль. Остромировские миниатюры кажутся на первый взгляд просто красочной зарисовкой золотой пластинки с перегородчатой эмалью.

Также ощутительно это влияние эмальерного дела и в области инициалов этой замечательной рукописи. Инициалы Остромирова евангелия очень своеобразны по рисунку и колориту. Вертикальные основы букв состоят из многих мелких отрезков разного цвета, заключенных (как это полагается в эмали) в замкнутые золотые контуры. В многоцветном ярком обрамлении часто появляются однотонные розоватые личины, напоминающие условное изображение солнца. Сочетание телесного тона с пестрым окружением опять вызывает в памяти эмали.

Характерной особенностью остромировских букв является наличие крупных драконьих голов. Этот мотив сохраняется и позднее, но головы утрачивают свою массивность и рельефность. По характеру завитков и различных ответвлений от основного стержня инициала Остромирово евангелие ближе всего стоит к известной золотой диадеме из Сахновки с изображением вознесения Александра Македонского.

Следующая по времени рукопись XI в. — Изборник Святослава Ярославича 1073 г. — полностью сохраняет этот эмалевый стиль в своих заставках. Особенно интересно отметить, что на пергамент книги был перенесен в качестве орнамента один технический прием эмальеров. Во многих эмалевых изделиях узор образован ступенчато-изогнутой перегородкой, которую благодаря ее изгибам значительно легче припаивать к пластине. И вот эти же самые ступенчатые узоры перешли и в книжный орнамент (Изборник 1073 г., Юрьевское евангелие 1120-х годов).

Знаменитое Мстиславово евангелие (ок. 1117 г.) подражает

Рис. 109. Вещи с перегородчатой эмалью.
Слева — золотой колт со скапным обрамлением (старая Рязань), справа — пластинка с оклада Мстиславова евангелия

Рис. 110. Вещи с перегородчатой эмалью XI—XIII вв.
А — золотая подвеска из Старой Рязани; Б—серебряные нашивные бляшки

Остромирову и замыкает собою ряд «финифтяных
многоцветностью и золотыми контурами.

Наряду с перегородчатой эмалью, производи
тельно для высших придворных кругов, в Киеве
существовало производство простеньких бронзо
одноцветной выемчатой эмалью. Бронзовая осно
форме вместе со всеми углублениями для эмали. Эм
только желтая; таким способом изготовлялись бля
виц и крестики (рис. 111).

Формы для отливки крестов этого типа были на
Горе. Крестики с выемчатой эмалью очень широк
различным русским землям, встречаясь и в дерев

Последний вопрос, связанный с эмальерным
вопрос о времени его появления на Руси.

Древнейшие русские вещи с эмалью не восходят
этом основании Н. П. Кондаков считал, что русс
эмалей возникло под влиянием Византии после пр
ства в эпоху Ярослава Мудрого.

Влияние Византии в данном случае не подле
время появления русского эмальерного искусства
смотрено. Опорной точкой для такого пересмотр
тельство Теофила из Гельмерсгаузенского монаст
борна (Гессен), относимое новейшими исследоват
XII вв., как ранее, а ко второй половине X в.,[385] т.
к русским областям, — к эпохе Ольги и Святос

Трактат Теофила, говорящий о технике худ
месла, в предисловии отмечает страны, особо пр
или иным видом искусства: «Quam si diligentius
invenies... quicquid in electrorum operasitate seu
novit Russia».

(«Если ты внимательно изучишь [«Записку»], то
что в тщательности э м а л е й или в разнообра
крыла Руссия...»).

Относительно черни у нас не может быть ни
правильности сведений немецкого монаха, так ка
чайность сохранила нам великолепный образец
работы именно этого времени, — турий рог из

---

[385] T h e o p h i l u s, presbyter. Schedula diversarum
Wien, 1874, стр. 9.

Современных же Теофилу русских перегородчатых эмалей мы не знаем. Но является ли это основанием для того, чтобы отвергать прямые указания источника?

Знакомство Киевской Руси с выемчатой эмалью началось, по всей вероятности, в IX—X вв. В это время в Европе (за исключением Византии) существовала грубоватая выемчатая эмаль так называемого кеттлахского типа, распространенная, между прочим, и в славянских землях.[386] В Киеве найден медный колт с выемчатой эмалью кеттлахского типа.[387] От западноевропейских он отличается наличием шарнирной дужки, большей четкостью рисунка, почти полным исчезновением характерного зубца в середине луновидного выреза и наличием желобка для жемчуга. По своему облику этот колт является средним между западными подвесками XIII—X вв. и русскими золотыми колтами XI—XII вв. Датировать его можно IX—X вв. Близость колта по всем конструктивным деталям к киевским золотым колтам с перегородчатой эмалью заставляет считать его местным, русским изделием. Возможно, что появление выемчатой эмали в Киевской Руси было следствием тех оживленных сношений Киева в IX—X вв. с Верхним Дунаем и Рейном, которые так хорошо известны по западным и арабским источникам. Искусство выемчатой эмали и в дальнейшем занимало какое-то место в киевском ремесле. Крестики с желтой эмалью встречены в курганах с арабскими диргемами 913 г., с западными монетами Этельреда II 978—1016 гг.[388] Но едва ли такой знаток ювелирного искусства, как Теофил, мог обратить внимание на эти скромные и невзрачные массовые изделия, к которым никак не подходит выражение «тщательно сделанные».

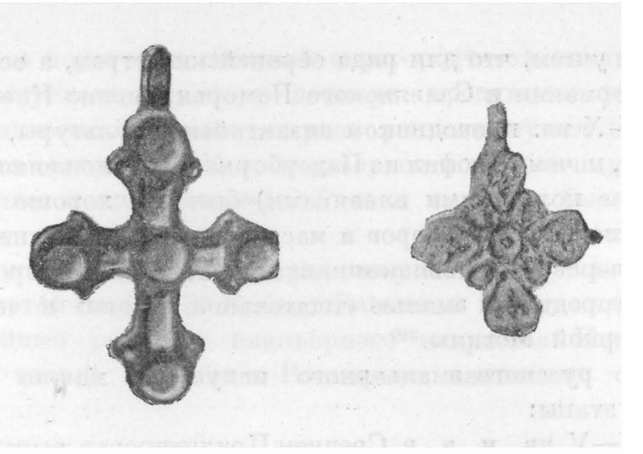
Западная Европа в это время усиленно интересуется новым видом эмальерного искусства — перегородчатой эмалью, расцветавшим тогда в Константинополе, где сами императоры занимались эмальерным делом (Константин Багрянородный).

Искусство эмали долго не давалось западным мастерам; они старались заменить напаянные перегородки литыми, применяли медь вместо золота, что загрязняло окислами эмалевую массу, и нередко наливали в одну выемку эмаль разных цветов. Постепенно у масте-

[386] O. T i s c h l e r. Über nachrömische Email; Königsberg, т. I, вып. II, табл. XXXII, рис. 19. 1890;

[387] Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XXVIII, рис. 349.

[388] Б. А. Р ы б а к о ў. Радзімічы, стр. 103; Н. С а в и н. Раскопки в Дорогобужском повете, стр. 245.



А Б

Рис. 111. Предметы с выемчатой эмалью XII—XIII вв.

ров Кельна, Трира, Вердена, Гильдесгейма эмаль переходила на служебное положение монохромного фона для литых скульптурных изображений.[389]

Неоднократно Западная Европа обращалась к Византии за греческими мастерами-эмальерами. Так, в 972 г. константинопольские эмальеры были вызваны ко двору Оттона II, женившегося на царевне Феофании. Епископ Дезидерий из Монте-Кассино в XI в. призвал византийских мастеров.

Только в конце XI в. во Франции налаживается собственное производство художественных эмалей (Лимож).[390]

В Киевской Руси, стоявшей в эпоху княгини Ольги значительно ближе к Византии, чем многие области Западной Европы, переход от уже известной техники выемчатой эмали к высокому искусству эмали перегородчатой (в котором русские мастера достигали впоследствии непревзойденного совершенства) мог произойти ранее, чем, например, в Германии. Косвенно о развитии эмальерного дела в X в. может свидетельствовать появление стеклянных изделий (браслеты из Черной Могилы) и эмалевой поливы на посуде, которое В. В. Хвойко относит к X в.[391]

[389] В. С е л е ж н е в. Очерк происхождения и развития эмалевого мастерства, Л., 1926, стр. 11—12; André M i c h e l. L'art Roman, Paris, 1905, стр. 865—868.

[390] A. M i c h e l. Op. cit., стр. 866.

[391] В. В. Х в о й к о. Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 60.

Если мы учтем, что для ряда европейских стран, а особенно для Северной Германии и Славянского Поморья, именно Киевская Русь была в IX—X вв. проводником византийской культуры, то нам станет понятно, почему Теофил из Падерборна (расположенного почти на пограничье с полабскими славянами) был так хорошо осведомлен о технике киевских эмальеров и мастеров черни. Вполне возможно, что именно через Киев познакомились эти области во второй половине X в. с перегородчатой эмалью «тщательной работы» и чернью типа изделий Черной Могилы.[392]

Историю русского эмальерного искусства можно разбить на следующие этапы:

1. В IV—V вв. н. э. в Среднем Приднепровье вырабатывались вещи с выемчатой эмалью. В V в. это производство бесследно исчезает в связи с прекращением выработки эмалевой массы в римских мастерских.

2. В IX—X вв. в Киеве, возможно, возникает производство медных колтов с выемчатой эмалью кеттлахского типа.

3. Около середины X в. киевские мастера переходят от выемчатой техники к перегородчатой в результате тесных сношений с Византией. К этому времени относится появление стеклянных браслетов в Приднепровье, что косвенно может быть связано и с производством эмалевой массы.

Во второй половине X в. о производстве хороших эмалей в «Руссии» знают в тех странах, с которыми Киев вел оживленную торговлю в IX—X вв.

4. В XI—XII вв. Киев становится центром производства прекрасных эмалей, хорошо известных нам по многочисленным кладам. Киевские мастера сами готовили эмалевую массу и не были зависимы от ее импорта.

Одновременно с эмальерным ремеслом на базе того же стекловарения возникает производство стеклянных изделий, мозаичной смальты и декоративной керамики с эмалевой поливой.

Как в эмальерном деле, так и в смежных с ним, киевские мастера были выше своих западноевропейских современников (на Западе, например, не была еще известна техника пастилажа — накладывания рельефного эмалевого рисунка на керамику, хорошо разработанная киевскими мастерами).

[392] В разделе «Сбыт ремесленных изделий» я укажу на различные ювелирные изделия, вывозившиеся из Киева в Южную Прибалтику и др. области.

Наряду с дорогой и сложной перегородчатой эмалью киевские мастера выпускали массовую дешевую продукцию, выполненную техникой выемчатой эмали, широко расходившуюся по деревням.

5. Около середины XII в. эмальерное и керамическое поливное дело появляется во Владимире, Рязани и, может быть, Чернигове и Полоцке.

6. Татарское нашествие совершенно уничтожило тонкое искусство перегородчатой эмали в Киеве, Рязани и Владимире.

Дальнейшее развитие эмальерного искусства Киева XIII в. мы видим только в Галицко-Волынском княжестве.

10. ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛА

Долгое время все стеклянные вещи, находимые на городищах и в курганах X—XII вв., считали привозными из Византии или даже из Сирии.[393] Только раскопки Хвойко в Киеве доказали существование там стеклоделательной мастерской.[394] К сожалению, его отчет о раскопках настолько краток, что восстановить процесс производства не представляется возможным. В обширной мастерской был найден ряд глиняных горнов и печей «особого устройства». Что это было за особое устройство, производитель раскопок не объясняет. В мастерской было найдено также большое количество стеклянных браслетов и перстней, целых, разбитых и сплавленных вместе. Здесь же были куски эмали и инструменты для изготовления колтов с эмалью.

Стеклянные браслеты, наряду с шиферными пряслицами, являются распространеннейшей находкой в древнерусских городищах. Нет, пожалуй, ни одного городища XI—XII вв., где не были бы встречены голубые, синие, зеленые, желтые обломки стеклянных браслетов. В больших городах, обычно на территории нескольких древних домов находятся при раскопках тысячи подобных обломков. Хрупкость материала, очевидно, компенсировалась регулярным притоком новых браслетов и их дешевизной. В деревенских курганах стек-

[393] Н. Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 111; М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, Киев, 1911, стр. 71—118.

[394] В. В. Хвойко. Ук. соч.

лянные браслеты почему-то очень редки. Стеклянные перстни были распространены значительно меньше. Они встречаются в самом Киеве, в Вышгороде и в других близких к Киеву городах.

Чтобы определить время появления стеклянных браслетов очень важны находки браслетов в Черной Могиле — как в женском погребении, так и у подножья мемориального столба. Появление стеклянных браслетов, следовательно, относится к тому же времени, что и эмалей, т. е. ко второй половине X в. Такая сопряженность стеклоделия и эмальерного ремесла вполне закономерна и объясняется технологическим единством производства стекла и эмалевой массы.

Браслеты изготавливали из стеклянных жгутов, сложенных кольцом в горячем состоянии и сваренных в месте скрепления концов.

Судя по раскопкам мастерской, количество бракованных изделий было велико. Достаточно было стеклянному жгуту остынуть несколько больше, и он ломался при сгибании.

При раскопках городов (особенно южных) находят в слоях XI—XIII вв. стеклянные тонкие бокалы стандартной формы: круглое дно, довольно массивное и хорошо сохранившееся, соединенное коротким перехватом с коническим корпусом бокала с тонкими и хрупкими стенками. В Вышгороде, при моих раскопках 1935 г., было найдено около сотни днищ от таких бокалов. В большом количестве имеются они в Киеве и других южных городах. Целый бокал был найден в гробнице Ярослава Владимировича Осмомысла (1187) в Галиче. Можно думать, что именно такие бокалы подразумевались автором «Слова о богаче и Лазаре», упоминавшем о слугах «стьклянница с вином носяще».[395] Стандартность формы и размера бокалов свидетельствует о массовой выработке их, что подтверждается и количеством находок. Для перевозок они в силу их хрупкости не были пригодны, что и ограничило их бытование Средним Приднепровьем. Изготовлялись бокалы, по всей вероятности, в Киеве, но не в той мастерской, где стеклянные браслеты. Делали их посредством дутья. В мягком стеклянном конусе мастер вдавливал внутрь его вершину и получал дно бокала со следами стеклянных складок.[396]

Слово «стькло» встречается в древнейших письменных памятниках XI в. и стоит, вероятно, в связи с глаголом «стекать», что может быть связано с процессом выплавки стекла из смеси и стеканием его на нижнюю часть плавильной печи.

[395] И. И. Срезневский. Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках. Приложение к XI т. «Записок Академии Наук», 1867, № 2.

[396] Тонкостенные стеклянные сосуды, встречаемые в курганах IX—X вв., могут и не иметь отношения к этому производству.

Для приготовления стекла необходимы были следующие материалы: тонкий речной песок, поташ из золы растений (лучше всего зола клена, ясеня, вяза и осины), поваренная соль, известь. Для получения легкоплавких стекол в массу добавлялись окислы свинца. Простые сорта зеленого стекла могли готовиться из легкоплавких глин и болотной железной руды.

Все эти материалы находились в распоряжении русских стеклоделов в достаточном количестве.

Окрашивание стекла, столь необходимое для выработки браслетов, бус и эмалей, в большинстве случаев также производилось при помощи легко доступных материалов: окрашивание в зеленый цвет — при помощи окиси меди, в зеленовато-синий (очень частый в браслетах) — при помощи окиси меди с добавлением глины, в желтый — серы или угля; в дымчато-желтый — окиси железа, в фиолетовый — окиси марганца (пиролюзит); залежи ее есть на нижнем Днепре.

Приведенный перечень почти полностью исчерпывает цветовую гамму русских стеклянных браслетов XI—XIII вв. Труднее и дороже всего было производство красного цвета, и в русском стекле мы не найдем красных стеклянных изделий.

Большую важность для истории русского ремесла представляет вопрос о месте изготовления стеклянных бус, столь многочисленных в русских древностях X—XIII вв. Многочисленность бус, вымываемых иногда дождем из культурного слоя городищ или на месте древних могильников, обратила на себя внимание еще в начале XII в.[397] Обычно стеклянные бусы русских курганов считаются лучшим доказательством внешней торговли, так как техника изготовления стекла будто бы не была известна в древней Руси. Как мы уже видели, стекло в древней Руси умели делать, так что этот аргумент отпадает. Техника же изготовления стеклянных бус была не сложнее, чем изготовление браслетов или перстней. Возможно, что при дальнейшем исследовании этого вопроса удастся выявить бусы русского производства из общей массы стеклянных бус X—XIII вв.

[397] Автору летописи, в бытность его в 1114 г. в Ладоге, рассказали легенду о том, «яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, и находять дети наши глазкы стекляныи и малыи и великыи, провертаны, а другые подлѣ Волхов беруть, еже выполоскываеть вода». Любознательный киевлянин захватил с собою сотню стеклянных бусин. — Ипатьевская летопись 1114 г.

Этому может помочь картографирование отдельных типов бус. Некоторые их виды имеют сравнительно небольшую территорию распространения; где-то в пределах этой территории и надо искать город, бывший местом их изготовления.

Производство стекла надо считать исключительно городским ремеслом и притом таким, которое могло быть далеко не в каждом городе. В малые городки и в деревни стеклянные вещи (браслеты и бусы) попадали с теми же коробейниками, которые носили туда и шиферные пряслица, и дешевые бронзовые крестики с одноцветной простенькой эмалью, и тонко пропиленные костяные гребни.

11. РАЗНЫЕ РЕМЕСЛА

Кожевенное и портняжное дело
Ткачество

Потребность в кожевенных изделиях у населения городов была велика. Обувь, шапки, оружейные ремни, пояса, сбруя, седла, колчаны, щиты, переметные сумы, рукавицы, петли, переплеты книг и самый материал для письма — пергамен — все это требовало разнообразной выделки кож и различных способов их пошивки.

Сырьем для кожевников служили воловьи, козлиные и конские шкуры.

Древние названия — усмие (усма, усние), хъз, кожа, чревпе, язьно (последнее малоупотребительное). Слово «хъз» обычно означает козлиную кожу, идущую на выработку сафьяна, но иногда употребляется для обозначения конских шкур. Слова «усмие» и «кожа» в дальнейшем становятся синонимами, но первоначально они различались по смыслу. Так, например, переводной монастырский устав ясно различает их: «Аще на потребу возьмет кожю или усние и не соблюдая режет и не прилагает меры сапожные, сухо да ясть».[398]

В этом суровом наказе монастырскому ремесленнику кожа и усние противополагаются. В большинстве ранних упоминаний словом «кожа» обозначалась необработанная или даже несодранная шкура. Усние — это уже готовое сырье для сапожника. Отсюда и различие в терминах: «кожемяка» и «усмошвец». Первый из них связан с первичной обработкой кожи, когда ее нужно мять, мягчить, и здесь для обозначения ее употреблено слово «кожа». Во втором случае речь идет о пошивке (швец) из кожи и поэтому кожевенный материал обозначен через «усне», «уснь». Под чревием надо понимать мягкие части шкуры на брюхе (чреве) животного. Обувь шилась преимущественно из них; отсюда и древнее название обуви «чревие» и современные украинские черевики.

[398] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1912. См. под словом «усние».

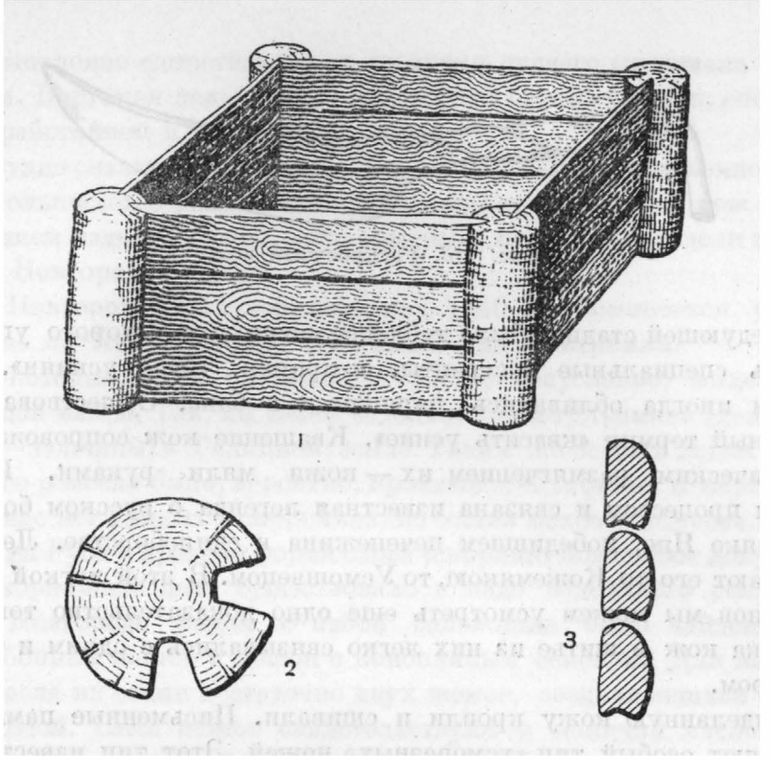


Рис. 112. Кожевенный чан (Новгород)

Кожевенная мастерская XII в. открыта в Новгороде на Славенском холме. Мастер был одновременно и кожевником и сапожником, так как там найдены и заготовки кожи, и готовая обувь, и чан для вымачивания шкур (рис. 112).

Чан сделан в виде ящика из колотых плах, вставленных в пазы врытых в землю столбов. На дне чана найдено много шерсти и извести. Такие чаны, называемые теперь зольниками, служат для очистки шкуры от волоса.[399]

[399] А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне.— «Сов. археол.», 1937, № 3, стр. 179—193.

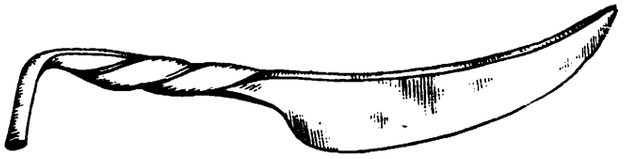


Рис. 113. Раскроечный нож

Следующей стадией было дубление кожи, для которого употреблялись специальные экстракты, например, «квас усниян». Этим квасом иногда обливались парящиеся в бане. Существовал специальный термин «квасить усние». Квашение кож сопровождалось механическим размягчением их — кожи мяли руками. Именно с этим процессом и связана известная легенда о русском богатыре кожемяке Яне, победившем печенежина в единоборстве. Летописи называют его то Кожемякою, то Усмошвецом. В этой легкой замене терминов мы можем усмотреть еще одно доказательство того, что выделка кож и шитье из них легко связывались с одним и тем же мастером.

Выделанную кожу кроили и сшивали. Письменные памятники выделяют особый тип «усморезных» ножей. Этот тип известен нам и археологически: железный кривой нож с железной же рукоятью (вероятно, обернутой кожей), приспособленный, чтобы резать им от себя (рис. 113).[400] Цитированный уже монастырский устав, принятый в Киеве еще в XI в., устанавливает следующие наказания за порчу сапожного инструмента: «О усмошьвци: аще небрежением переломит шило или ино что, им же усние режуть, да поклониться 30 и 50 или 100». В мастерской новгородского кожевника найдены шилья и большое количество обрезков кожи, заготовок, ремней и т. п. Шили и мягкую обувь и обувь с твердыми подошвами («подошва», «подъшвень» — то, что подшивают). Хотя обувь дошла до нас в очень небольшом количестве, но это различие сапог (твердой обуви) и чревия (мягкой) можно проследить хотя бы по стременам, которые делятся на два типа: один с плоским основанием (для сапог с подошвой), другой — округлый, для мягкой обуви.

К особым кожевенным работам надо отнести изготовление красного и зеленого сафьяна — «хоза», из которого делались богатые сапоги (червленые сапоги, упоминаемые Даниилом Заточником),

[400] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. VI, рис. 72.

и изготовление единственного в то время писчего материала — пергамена. Пергамен делался из телячьей или бараньей кожи, специально обработанной и разглаженной.

Трудно сказать, насколько специализировалось кожевенное дело. Для большинства ремесленников соединение выработки кож с изготовлением изделия из них было обычным, как это мы видели на примере Новгорода.

В Новгородской I летописи под 1240 г. упоминается убитый в битве на Неве Дрочило Нездинич, сын кожевника.

Некоторые виды кожевенных работ, безусловно, выделились из общей массы. Так, мы знаем седельников и тульников (делающих тулы — колчаны) в Галицкой земле. Таким же особым видом кожевенного ремесла было, вероятно, производство сафьяна и пергамена.

У нас нет данных о скорняках, но состав меховой одежды, обилие мехов на Руси и древняя форма слова «скорняк» позволяют допускать, что скорняжное дело существовало в виде отдельного ремесла.

В Новгороде рядом с избой сапожника было найдено пять маслобойных жомов и мешок с конопляным семенем. Для выжимания масла из семян достаточно двух жомов, соединяющихся брусом и колодой. Пять жомов свидетельствуют о наличии маслобойной мастерской, состоящей, по крайней мере, из трех рабочих единиц. Хотя растительное масло и применяется при выделке кож, трудно сказать, насколько маслобойное дело связано с кожевенным.

К сапожному и скорняжному делу близко примыкает портняжное.

Единственным, но достаточно интересным источником в этом вопросе является Киево-Печерский патерик. Ведя упорную (но бесплодную) борьбу за введение общежительного устава, превращающего монастырь в казарму, старшие монахи использовали и патерик для обличения центробежных тенденций в монастыре. Одним из примеров такого использования является рассказ «О исходившемъ часто из манастыря». Сначала об этом беглеце говорится только, что он часто «отбѣгаше от манастыря». Феодосий Печерский принимал его каждый раз, как он возвращался, но, очевидно, каждый возврат в стены монастыря должен был быть как-то компенсирован. Когда Феодосий вновь «причте его стаду», «тогда же чръноризець той, иже бѣ своима рукама работаа стяжалъ имениа мало, бѣ бо п о р ь т н ы й швець [вариант: бе бо платьна дѣлая], и сіе принесь, пред блаженным положи» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[401]

[401] Д. А б р а м о в и ч. Киево-Печерский патерик, Киев, 1930, стр. 56.

По всей вероятности, этот непоседливый черноризец работал на дому у заказчиков, чем и объясняются его частые отлучки. Для ремесла «портного швеца» это наиболее естественная форма работы, удержавшаяся очень долго. Паволоки, свилие, оловир, оксамит — все эти дорогие заморские ткани, бывшие в ходу в городах, требовали опытной руки мастера-закройщика. Из археологических материалов с работой швецов можно связывать только осевые ножницы, находимые на городищах. Эти ножницы вполне современного типа, остальные материалы больше касаются истории одежды, чем портняжного ремесла.

Русский город располагал тремя источниками, из которых шли в него ткани:

1) Окрестные деревни, снабжавшие боярские дворы полотнами, скатертями и убрусами в порядке феодальной повинности.

2) Иранско-византийские мастерские шелковых и златотканных материй. Киев был долгое время (до крестовых походов) главным поставщиком этих тканей в Западную Европу. Множество их, разумеется, оседало на Руси.[402]

3) Фрисландские суконные мастерские, снабжавшие своими изделиями значительную часть Европы. «Ипское» сукно в большом количестве привозилось в Новгород, Полоцк и Смоленск.

Но, тем не менее, прядение льна и шерсти производилось и женами ремесленников, и боярынями, и княжнами, как об этом можно судить по частым находкам пряслиц и в рядовых избах и в составе драгоценных кладов, где шиферные пряслица находились рядом с жемчугом, эмалью и золотом.

Недаром летописец XII в. поучительно цитирует притчи царя Соломона, где речь идет об обязанностях хозяйки дома: «... дееть бо [жена] мужеви своему благо все житие. Обретши волну и лен, сотворить благоупотребьная рукама своима... Руце свои простираеть на полезьная, локъти же свои утверждает на вретено... Не печется о дому своемь муж ея, егда где будеть— вси свои ее одени будуть...»[403] Возможно, что ткацкое дело в боярских и княжеских дворах было в руках женской половины дворовой челяди, руководимой хозяйкой, которая иногда и сама — «утверждает локти на веретено», что считалось наиболее приличным времяпрепровождением для знатной женщины в средние века.

[402] См. ткани из гробницы Андрея Боголюбского. — А. С. Г у щ и н. Памятники..., табл. XIX, стр. XII.

[403] Повесть временных лет 980 г.

Таким образом, городское домашнее производство было четвертым неремесленным источником получения тканей. Тем ценнее для нас одинокое свидетельство о смерти на поле Липецкой битвы в 1216 г. новгородца «Иванки Прибышинеця Опоньника».[404] «Опона» — суконная ткань, следовательно, «опонник» — сукнодел, ткач.

Наличие в Новгороде в начале XIII в. ткачей-суконников представляет значительный интерес.

Можно предполагать, что выделение городских специалистов-ткачей, обособившихся от княжеского или боярского двора, началось именно с обработки шерсти, а льняная и конопляная ткань долго еще была по преимуществу деревенской.

Ткани зачастую украшались разнообразными вышивками золотыми, серебряными и шелковыми нитями. Особый интерес представляет наличие набивного рисунка, воспроизводящего на шерстяной крашенине орнамент византийских тканей. Изученные Л. И. Якуниной фрагменты тканей найдены в кургане XI—XII вв. близ Стародуба.[405]

Для набойки рисунка резались специальные деревянные набойные доски. Экземпляр такой доски из Старой Рязани хранится в Рязанском музее.[406]

Наличие в древней Руси набойного дела может свидетельствовать о появлении специалистов-ремесленников, занятых выделкой тканей.

Книжное дело

Особым разделом городского ремесла было переписывание и украшение книг. Хорошая изученность вопроса освобождает меня от рассмотрения деталей процесса изготовления книги.[407] Остановлюсь лишь на одной стороне книжного дела, а именно — на степени ремесленной самостоятельности его и независимости от церкви.

[404] Новгородская I летопись 1216 г.

[405] Л. И. Я к у н и н а. О трех курганных тканях. — Труды ГИМ, М., 1940, вып. XI.

[406] Коллекции Рязанского музея.

[407] И. И. С р е з н е в с к и й. Древнерусские книги, СПб., 1864; А. И. С о б о л е в с к и й. Славянорусская палеография, СПб., 1908; Е. Ф. К а р с к и й Славянская кирилловская палеография, Л., 1928; П. К. С и м о н и. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси, СПб., 1908.

Если мы разобьем всех известных нам писцов XI—XII вв. на две группы по признаку отношения к церкви и расположим их в хронологической последовательности, то получим следующую таблицу:

Годы или век	Писцы-церковники	Годы или век	Светские писцы
1047	Поп Упырь Лихой		
1057	Дьякон Григорий		
1073 и 1076	Дьякон Иоан		
1092	Пресвитер Петр	1092	Мичька
		1092	Завид
		1095	Дъмъка
		1096	Дъмъка
		1096	Григорий
		1097	Михаил
		XI в.	Константин
		XI в.	Федор
		ок. 1100	Путята
		ок. 1100	Иоан
		ок. 1117	Алекса сын Лазаря
		ок. 1117	Жаден (золотописец)
		XII в.	Офрем
1164	Дьяк Константин-Добрило	»	Офрем
		»	Илья бывый попин
		»	Лаврентий
		»	Матфей
конец XII в.	Пономарь Твори мир-Иаков	конец XII в.	Моисей Киянин

Учитывая всю неполноту и случайность данной таблицы (материал для которой почерпнут из книги Е. Ф. Карского), мы можем все же сделать из нее некоторые выводы.

За два столетия русской письменности до нас дошли 25 подписей писцов. Семь из них принадлежат духовным лицам (попы, дьяки, пономарь), а восемнадцать — писцам, не указавшим своей принадлежности к церкви. Их мы вправе считать писцами-ремесленниками, которые в XIII в. уже определеннее называли себя «мастерами».[408]

Очень интересен и хронологический момент: на протяжении XI в. книги пишутся церковниками, но в конце XI в. в Новгороде Великом возникает ремесло «книжных списателей», и дошедшие до нас книги конца XI и XII вв. принадлежат почти исключительно светским мастерам, соответствующим 72% всех известных нам по именам писцов.

[408] Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 262.

Новгородское происхождение большинства дошедших до нас рукописей свидетельствует о появлении книгописных мастерских в Новгороде в конце XI в.

Наблюдения над почерками рукописей, совместные подписи некоторых писцов на одной книге и изучение поправок, внесенных одним писцом в текст другого, привели исследователей к установлению разделения труда между писцами, наличия мастеров и их помощников. Так, например, Н. М. Каринскому удалось установить, что дьяк Иоанн, писец Святославова изборника, пригласил от себя помощника, стоявшего в подчиненном положении к самому мастеру.[409] Подчиненное положение писцов-подмастерьев явствует из того, что их имена не всегда даже указывались в подписи; книга писалась в мастерской, а подписывал ее только старший писец. Такое же деление между мастерами и подмастерьями существовало и у художников-миниатюристов.[410]

Сложное дело «постройки» книг неизбежно требовало участия следующих специалистов: 1) кожевников, готовивших «харатью» — пергамен; 2) писцов; 3) златописцев и художников, исполнявших миниатюры; 4) переплетчиков-ювелиров.

Обработка дерева

Большинство городских построек было деревянными. Из дерева строили дома, городские стены и башни, мосты; бревнами мостили улицы и площади. Построить город значило в древней Руси «срубить город», настолько неразрывно были связаны представления о городе и о деревянных зданиях. Из дерева делали ладьи, колы (телеги), стенобитные орудия, домашнюю мебель. Из дерева же резалась различная посуда и утварь: бочки, кади, оковы, корыта, ковкалы (чаши), дежи, уполовники, ложки, резные ковши и т. д.[411]

Совершенно естественно, что в условиях города XI—XIII вв.

[409] Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги, Л., 1925, стр. 10.

[410] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 11.

[411] В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси, М., 1929, стр. 24—34.

вся эта масса деревянных вещей не могла быть произведена внутри каждого хозяйства. Если для деревни мы не могли установить наличие плотничного и столярного ремесла и ограничились только указаниями на бондарное, то для города мы располагаем большим количеством сведений о ремесленниках — плотниках и столярах.

Плотников называли древоделами, а столяров — теслями, теслярами (от глагола «тесать»). Специалисты по крупным постройкам назывались городниками или огородниками.[412]

Плотники не могли уже быть сезонными ремесленниками, совмещавшими свое ремесло с земледелием, так как время плотничных работ, лето, совпадало с полевыми работами. Зимой готовили бревна для строек, весной лес пригоняли в город плотами, летом строили. При постройке церкви в Вышгороде князь Ярослав «повѣлѣ дрѣводѣлямъ да приготовлять древо на сограженне церкви, б е б о у ж е в р е м я з и м н о [разрядка наша.— *Б. Р.*]... и наставшю лѣту, възградиша»...[413] О плотничных работах подробно говорится в Киево-Печерском патерике и в Сказаниях о Борисе и Глебе, где речь идет о постройке церквей и монастырей. Отсюда мы можем почерпнуть крайне интересные сведения об организации плотников. Задумав построить церковь в Вышгороде, князь Изяслав Ярославич «призвав старейшину древоделям, повеле ему церковь возградити... старейшина ту абие собъра вся сущая под ним древоделя, скончав же повеленное ему от благоверного, и в мале дней возгради на назнамеване месте». Здесь перед нами артель плотников со своим старейшиной во главе. В этом же сказании упоминается огородник Мироне и старейшина огородников Жьдань.[414] Возможно, что поставщицей плотников была богатая лесом и бедная хлебом Новгородская земля. В самом Новгороде издревле существовал Плотницкий конец, а новгородцев иногда называли собирательным именем плотников. Так, например, когда в 1016 г. 40 000 новгородцев, пришедших с Ярославом, три месяца стояли на берегу Днепра под Любичем против киевских войск Святополка, то «нача воевода Святополчь именем Волчий Хвост, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти Новгородцѣ, глаголя «почто придосте с хромьцемь сим? а в ы п л о т н и ц и с у щ е а приставим вы хоромовъ рубити нашихъ».[415]

Русская Правда подробно излагает, как должна производиться расплата с плотниками, строящими или починяющими мосты. От времени Ярослава Всеволодича до нас дошел «устав о мостех» (ок. 1230 г.),[416] по которому была точно разверстана повинность по замощению улиц между всем населением Новгорода Великого. Судя по тому, что разверстка падала на крупнейшее купечество и на администрацию города (посадник, тысяцкий), речь шла не о натуральной повинности, а об оплате осменников и, очевидно, плотников, производивших работу по замощению города.

Раскопки в Новгороде, Курске-на-Ловати, Старой Ладоге, Киеве, Вышгороде, Дмитрове и других городах открывают нам с каждым годом все большее количество рубленных изб, городов, мостовых, тынов и т. д.

Особенно богат древним деревом Новгород, сырая кислотная почва которого сохранила нам деревянные мостовые, жилища XI—XII вв., резные ковши, ложки, бочки, различные производственные приспособления (деревянные чаны, жомы и т. п.).

Сохранившиеся вещи говорят о довольно развитой технике обработки дерева. Помимо топора и тесла, известных нам в деревенском обиходе, здесь, несомненно, широко применялось долото и ряд других инструментов. Список деревообделочных инструментов, даваемых письменными памятниками, почти полностью совпадает со списком археологических находок. Письменные данные говорят о топорах, секирах, долотах, пилах, сверлах (рис. 114). Долотом прорубались отверстия в маслобойных жомах, пазы в стояках четырехугольного чана и т. п. Они часто встречаются при раскопках городищ. Долота бывают двух типов — втульчатые и простые. Втульчатые попадаются реже; у них верхняя часть сделана раструбом, как у копья; туда вставляли деревянную рукоять, по которой били молотком.

Большинство долот сделано из цельного железного четырехгранного стержня. Стержень иногда равномерно переходит в острие (более примитивный тип долота), иногда же срезан наискось, как современная стамеска. Последняя форма более удобна для работы,

---

[412] Слово «огородник» иногда толкуется в значении человека, разводящего огород, садовника (Н. А р и с т о в. Промышленность древней Руси, стр. 65). С этим согласиться нельзя. Больше правдоподобия в другом толковании: «огородник» — защитник ограды, солдат крепостного гарнизона, но наиболее вероятным я считаю значение — «строитель ограды».

[413] И. И. С р е з н е в с к и й. Сказания о Борисе и Глебе, СПб., 1860, стр. 28.

[414] Там же, стр. 73 и 77.

[415] Повесть временных лет 1016 г.

[416] Б. А. Р ы б а к о в. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.— «Исторические записки», 1938, вып. 2, стр. 149.

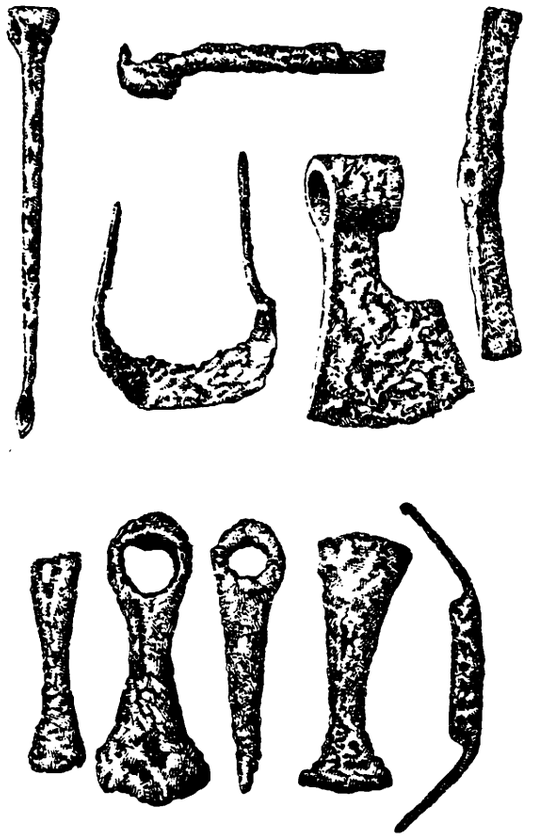


Рис. 114. Деревообделочные инструменты

так как препятствует скольжению долота по поверхности дерева. Долото являлось необходимым дополнением к теслу. Теслом можно было выдалбливать только большие вещи, так как работали им двумя руками широкими свободными размахами. Тесло употреблялось для изготовления лодки, корыта, погребальной колоды, но не было пригодно для более мелкой работы, для каковой обычно употребляли долото. Кроме того, долотом можно было пробивать отверстия, для чего тесло совершенно не было приспособлено.

Выстругивание дерева производилось скоблением. Скобель представляет собою скобу с острыми краями и двумя рукоятками; им сдирали кору с бревен, им же иногда пользовались как рубанком для выстругивания поверхности.

Сверление дерева производилось сверлом («свьрдьл», «свьрдло»). На городище Княжья Гора найден молоток, приспособленный для вытаскивания гвоздей. Его железная рукоять оканчивается буравом.

Прекрасный набор древодельных инструментов найден М. К. Каргером в Киеве в мастерской художника-живописца (иконника?). Кроме топора, скобеля и кирки там имелся большой бурав-сверло со втулкой для деревянной рукояти.[417] Для изготовления деревянной

[417] М. К. Каргер. Раскопки древнего Киева. — «Наука и жизнь», 1940, № 2, рис. на стр. 39.

посуды применялись специальные выгнутые резцы. Такими резцами могли резать мисы, чаши, ложки, ковши.

Большое значение для истории обработки дерева имеет вопрос о пиле. В археологическом материале пила встретилась лишь однажды, все в той же сокровищнице древнерусских ремесленных вещей — в Княжьей Горе. Это — небольшая пила типа современной «ножовки».[418] Она, очевидно, вставлялась в какие-то распорки, так как без этого действовать ею затруднительно. Такая пила была пригодна для небольших столярных работ. Широкое распространение подобных пил можно установить в области обработки кости — костяные гребни все пропилены пилой.

Для несложных пропилов дерева могла применяться примитивная четырехзубая пилка типа Ковшаровского городища. Письменные памятники часто говорят о пиле («... растръшя пилами желѣзнами...» «Ту же і свердьлы і пилы...» «Принесе пилу дрѣводѣльскую, претроша а на две части», «... аще переломление будет теслѣ, ли ралу, ли пилѣ, ли сѣкырѣ, ли свьрдлу»).[419] Действие пилой всегда называется трением («претроша», «растрошя»). Глагола «пилить» древнерусский язык не знал. Вплоть до начала XVIII в. пильщиков называли «тертичниками» и «тертинщиками».

В оружейном и корабельном деле пила должна была применяться рано. Арабский писатель X в., описавший поход руссов в Закавказье в 943 г., Ибн-Мискавейх дает любопытную характеристику снаряжения руссов: «В обычае у них, чтобы всякий носил оружие. Привешивают они на себя большую часть орудий ремесленника, состоящих из топора, пилы и молотка и того, что похоже на них».[420] В далеких походах неизбежно возникала потребность и в починке оружия (для этого служил молоток), и в сооружении лодок, и в ремонте щитов, колчанов, луков, стрел, для чего часто могла потребоваться пила. Этим свидетельством зафиксирована древность пилы. Любопытно отметить, что в кургане X в. в Шестовицах найден небольшой молоток, а в Черной Могиле — зубило.

Но, по всей вероятности, пила употреблялась в древней Руси только для мелких работ. Резьба по кости, столярные и корабельные работы, распил камня — вот тот круг работ, для которых применяли

[418] Коллекции Черниговского музея.

[419] И. И. Срезневский. Материалы для древнерусского словаря, т. II, СПб., 1902. См. под словом «пила».

[420] А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 332 г. — 943/4 г. — «Византийский временник», 1926, т. 24, стр. 65.

пилу. В известной церкви Спасо-Нередицкого монастыря в Новгороде (около XII в.) сохранились деревянные оконницы с прорезами в середине доски. Прорезы сделаны пилой. Для удобства выпиливания столяр наклонял пилу, и вырезы получались усеченно-коническими. Продольных пил, вероятно, не было. Доски изготовлялись топором и теслом, отсюда сохранившееся до наших дней название для доски — «тес» (от глагола «тесать»), связанное с техникой получения досок. Бревна, известные по раскопкам, все рублены топором. Пиленных срезов нет.

Делались попытки обнаружить в Киевской Руси лесопильное производство (Довнар-Запольский), но едва ли их следует считать удачными. Гипотеза построена на следующем месте летописи: в 1195 г. князь Рюрик, мирясь со своим зятем Романом Мстиславичем, дает ему «наделок», «и да ему Полоны и пол търтака [вариант: тартака] Корсуньского».[421] Вот этот-то тортак и был принят за лесопильный завод. Поскольку в этом же 1195 г. велись большие споры относительно целого ряда городов вокруг Корсуня (Торцкий, Треполь, Богуславль, Канев), вполне естественно, что Роман получил то, чего так домогался с оружием в руках,— город Полонный и половину городов, тянувших к Корсуню (вероятно, западную половину с Торцким и Богуславлем, так как они ближе к Полонному, чем Канев и Треполь). Слово «търтак» может быть тюркского происхождения, что вполне естественно для области с берендейским населением.

Итак, в отношении пилы мы должны притти к выводу, что последняя была хорошо известна на Руси, но применялась только для столярных, а не для плотничных работ.

Не менее интересен, чем вопрос о пиле, вопрос о токарном станке.

В середине XIII в., судя по материалам Райковецкого городища, деревянные изделия, выточенные на токарном станке, уже бытовали даже в таком провинциальном городке, каким было это городище. В Киеве, в тайнике Десятинной церкви, найдена точеная мисочка XIII в. Кость, лучше сохранившаяся, чем дерево, опять дает нам указание на раннюю дату токарного станка — в Черной Могиле X в. имеются точеные костяные шашки. Деревянной посуды дошло до нас так мало, что проследить подробнее историю токарного дела трудно. Примитивный вид токарного станка дают нам испанские миниатюры XIII в.[422] Это — вертикальный станок с лучковым приводом.

[421] Ипатьевская летопись 1195 г.

[422] И. А. Орбели. Шатранг, Л., 1930.

Археологический материал позволяет установить наличие у древнерусских столяров такого важного инструмента, как рубанок, необходимый для выравнивания поверхности. Железки для рубанков были найдены в Киеве.[423]

Итак, городские древоделы располагали следующим набором инструментов:

Топоры лесорубные	Ножи
Топоры плотничьи	Ложкари
Топоры-кирки для корчевания	Сверла
Пилы-ножовики	Молотки
Долота	Токарные станки
Стамески	

Можно думать, что в городах XI—XIII вв. обработка дерева была разделена уже между несколькими категориями ремесленников: строителями крупных зданий (огородниками), плотниками (древоделями), столярами (теслями); они же могли быть и токарями, и бондарями, бочкарями. Широкое применение в плотничьем деле гвоздей привело к появлению специальных ремесленников-гвоздочников, которых мы знаем из истории Новгорода. Впрочем, наряду с железными, употреблялись и деревянные гвозди.

Сбыт некоторых деревянных изделий принимал иногда массовый характер. Так, например, в 1092 г. в Киеве во время чумы было продано за несколько недель 7 000 деревянных гробов (корост).[424]

Очень важным разделом обработки дерева было кораблестроение. Ладьи, насады, уганы, корабли, суды, струги, челны постоянно встречаются в источниках. Сложное производство их должно было создать особую отрасль древодельного ремесла.

Обработка кости

Обработка кости по техническим приемам стоит очень близко к обработке дерева. Разница лишь в большей твердости кости, которая требовала от мастера и большей изощренности приемов и более совершенных инструментов, что и выделило резчиков кости в особый разряд ремесленников.

Костяные поделки были чрезвычайно разнообразны: из кости резали рукояти ножей и мечей, гребни («чесало»), пуговицы, ручки

[423] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, рис. 20.

[424] Повесть временных лет 1092 г.

зеркал, шахматы, шашки, игральные кости, пластинки для панцырей, стрелы, иконки, обкладки луков и седел и художественные резные коробочки — пиксиды.

В настоящее время известны костерезные мастерские в следующих пунктах: Киеве (близ Десятинной церкви), Витичеве (он же Новгород Святополчь), Шаргороде, Белгороде, Княжей Горе, Донце, Сарском городище, Старой Рязани, Смоленске (инструмент для нанесения орнамента).[425]

Кроме того, хорошие костяные изделия встречаются во всех почти дружинных курганах IX—X вв. Особо следует отметить Шестовицкие курганы и курган «Гульбище» в Чернигове.

Наиболее употребительный орнамент для костяных изделий у всех народов во все времена — это так называемый «глазковый», состоящий из круга с точкой посредине или из двух концентрических кругов, но опять-таки с точкой. Он наносился маленьким железным двузубцем (или трезубцем), одна ножка которого ставилась на место точки, а другая описывала вокруг нее окружность. Такой инструмент для орнаментации кости найден в Гнездовском городище.[426] Глазки иногда соединялись линиями, полосами, зигзагами, проведенными ножом или резцом. С этой примитивной техникой были хорошо знакомы и деревенские резчики по кости. Значительно интереснее сложные приемы обработки кости, которые можно проследить на гребнях. Русские гребни X—XII вв. делались самых разнообразных форм. Некоторые из них имеют высокую спинку, украшенную резными головками коней или фигурками медведей. Очень интересен резной гребень из Пскова, датируемый IX—X вв. На высокой спинке гребня изображены два коня и ладья с парусом.[427]

Встречаются и двусторонние гребни, одна сторона которых нарезана толстыми редкими зубьями, а другая имеет так называемый

[425] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья; А. С. Гущин. К вопросу о славянском земледельческом искусстве. — «Временник отдела изобразительных искусств», Л., 1927.—На таблицах I и II изданы орнаментированные костяные изделия из раскопок В. В. Хвойко; О. Федоровський. Археологічні розкопи в околицях Харкова. — «Хроніка археології та мистецтва», т. I, стр. 7; Д. Н. Эдинг. Сарское городище, табл. IV; А. Я. Мансуров. Древнерусские жилища; Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. XXXIV; В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ..., табл. VI, рис. 1—14, табл. XI, рис. 1.

[426] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ...

[427] «Археологические исследования на территории РСФСР в 1934—1936 гг.», М., 1941, стр. 30.

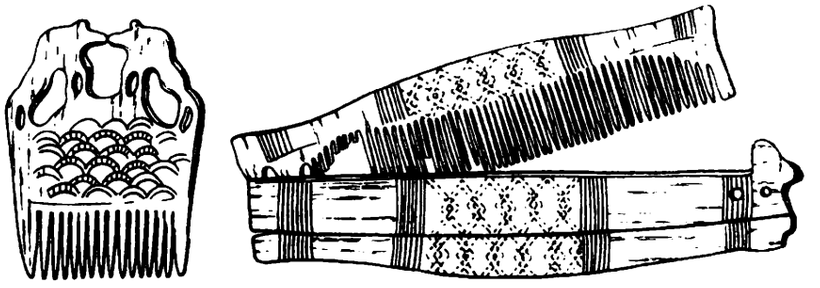


Рис. 115. Костяные гребни

«частый» гребень специального гигиенического назначения. Особенно интересны гребни-расчески, соединенные шарниром с изящным костяным футляром, в который они убираются по принципу складных ножей. Для таких гребней применялись дополнительные накладные пластинки, которые маленькими медными заклепками прикреплялись к основной пластинке. Д. Н. Эдингом на материале Сарского городища прослежена техника изготовления больших гребней в IX—X вв.[428] Гребни крупных размеров делались составными из нескольких отдельных пластин, склепанных с длинной обоймой. Хрупкость кости по отношению к ударам заставляла мастеров не пробивать отверстия для заклепок, а просверливать их специальным сверлом. После соединения пластин с обоймой мастер приступал к нарезке зубьев (рис. 115).

Зубья гребней (особенно «частых») могли быть прорезаны только пилой, так как пространство между зубьями иногда не превышает десятых долей миллиметра. Такая железная пила широко применялась в костерезном деле. Пилой нарезали пластинки, предназначенные для выпилки гребней, пилой обравнивали концы, пилой же пропиливали тонкие зубья.

Следы работы пилой мы можем проследить не только на гребнях, но и на ряде других предметов. Рукояти ножей, игральные кости, пластинки для колчанов и седел — все это изготовлялось при помощи пилы. В этом отношении костерезное дело опередило обработку дерева, в которой применение пилы было более ограниченным.

Но еще больший технический прогресс мы замечаем в выработке круглых объемных вещей из кости. Для изготовления их приме-

[428] Д. Н. Эдинг. Сарское городище, рис. 9, стр. 37—39.

нялся токарный станок. Какова была конструкция этого станка, сказать трудно, так как никаких следов такого станка до нас не дошло. Среди различных железных предметов XI—XII вв. можно выделить несколько резцов со скошенным краем, которые можно связывать с токарными работами. На токарном станке были выточены костяные шашки, найденные в Черной Могиле в Чернигове. Эта находка датирует применение токарного станка X в.

В слоях XI—XII вв. в Киеве и в Вышгороде найдены костяные точеные шашки и шахматные фигуры (ферзь, конь и неизвестная фигура). Историки шахматной игры утверждают, что шахматы проникли на Русь в VIII—IX вв., о чем свидетельствует, например, древняя восточная терминология, сохраненная в русском языке. В XI—XIII вв. шахматы и шашки были уже объектом преследования со стороны церковников, грозивших отлучением русским шахматистам.[429] Найденные шахматные фигуры выточены аккуратно из целого куска кости. При обработке их применяется также напильник.

Лучшая сохранность кости по сравнению с деревом позволяет нам полнее проследить технику сверления, распила и обточки, чем это можно сделать на деревянных вещах. Деревянные предметы доходят до нас обычно в таком плохом состоянии, что не удается проследить технику их изготовления. Кость пополняет наши сведения о технике резьбы вообще.

Анализ костяных вещей говорит нам о применении ножа, резца, сверла, пилы, напильника и токарного станка. Такой сложный инструментарий, необходимый резчикам кости, приводил к выделению их в особый разряд ремесленников. Выделение косторезного ремесла произошло не позднее X в.

В качестве материала для резьбы употреблялась обычная кость крупных животных, рога и моржовые клыки. Последний материал особенно ценился мастерами, так как в обработке моржовая кость нередко представляет бо́льшие удобства, чем даже слоновая. Моржовая кость, прочно вошедшая в русские былины под названием «рыбьего зуба», известна под этим названием и летописи. Русские князья дарили друзьям «рыбий зуб» наравне с дорогими мехами, быстроходными конями и коваными седлами (такими подарками обменивались Ростислав Мстиславич и Святослав Ольгович в 1160 г.).[430]

[429] М. С. Коган. Очерки по истории шахмат в СССР, М. — Л., 1938.
[430] Ипатьевская летопись 1160 г.

Византийские свидетельства XII в. говорят о том, что резьба из кости в Западной Европе иногда считалась специфическим русским мастерством и ее называли или «резьбой тавров» или «резьбой руссов».[431]

Обработка камня

Обработка камня в русских городах XI—XIII вв. занимала видное место среди других ремесел. Возможно, что обработка камня велась уже несколькими различными категориями ремесленников (напр., камнетесами, резчиками по камню, гранильщиками и шлифовальщиками и т. п.).

Работы по камню делятся на два крупных раздела: с одной стороны, это — работы, связанные со строительным делом, работы над большими блоками и плитами, а с другой, это — мелкая ювелирная работа над скульптурной резьбой или огранкой и отшлифовкой мелких самоцветов.

К первому разделу нужно отнести постройку зданий (дворцы, стены, башни, тюрьмы, бани, церкви), выделку гробов, крестов, замощение пола, крупные скульптурные произведения и изготовление жерновов. Материалом служил самый различный камень: песчаник, известняк, мрамор, шифер и валунный гранит.

Древнейшим памятником камнесечного дела является известный овручский идол Святовита X в., найденный в Галицкой Руси. Это высокий четырехгранный столп с выпуклыми рельефами на гранях. Для обработки его требовались обычные каменотесные инструменты: шпунт (род зубила), скарпель (род долота) и молоток. Фотографии Краковского музея, снятые с подлинника, опубликованы А. А. Захаровым.[432]

Еще в языческий период в Киеве появляется каменное строительство, как о том свидетельствует огромный каменный жертвенник близ княжеского дворца.[433] Наибольшее развитие каменотесное дело получает с конца X в., с эпохи установления еще более тесных связей с Византией и начала большого строительства.

Раскопками Украинской Академии Наук на месте Десятинной церкви обнаружена камнерезная мастерская, в которой были най-

[431] Н. П. Кондаков. Русские клады..., т. I, стр. 80.
[432] A. Zakharov. The statue of Zbrucz. — ESA, t. IX.
[433] L. Niederle. Slovanské Starožitnosti, т. II, ч. 1, стр. 192.

дены фрагменты резного камня, совершенно тождественные деталям архитектурной декорации самой Десятинной церкви.[434]

В Киеве, Овруче, Чернигове для постройки применялись в качестве декоративного строительного материала м рамор и местный овручский шифер. Из него резали плиты для полов, украшенные рельефом (Чернигов), плиты для украшения стен (из них особенной известностью пользуются 4 рельефа, изображающие Ярослава, Изяслава, Геракла и Кибелу). Два рельефа происходят из Михайловского Дмитриевского) монастыря, построенного князем Изяславом Ярославичем, а два рельефа потеряли свое первоначальное местопребывание и в настоящее время вмазаны в стены типографского корпуса лавры.[435] Мастерам приходилось иметь дело с большими массивами камня, но они справлялись со своей задачей хорошо. После обработки инструментами камень иногда шлифовался. При изготовлении крупных предметов вроде саркофагов из шиферных плит приходилось прибегать к специальной оковке камня железными обручами с ушками для переносных.[436]

Тщательную камнерезную технику можно проследить на известном тмутараканском камне, где на мраморе врезана вглубь запись о топографических работах князя Глеба Святославича в 1068 г. В Новгороде известны каменные кресты, которые ставились на дорогах, на реках, вмазывались в церковные стены. Отмечу из них крест, поставленный посадником Иванком Павловичем в верховьях Волги в 1132 г. с надписью: «В лето 6641 месяца июля в 14 день почях рыти реку сю, яз Иванко Павловиць и крест сь поставих».

Буквы врезаны тщательно.[437] Интересен также каменный крест, найденный близ Новгорода на р. Мсте. Надпись на нем такова: «Мируславу и Лазареви братья и мати Мирослава поставили хрест. Славоне делале».[438] Для нас особенно интересна последняя приписка, поставленная на кресте обособленно от основного текста и содержащая свидетельство о мастерах. Под «славонами» надо, очевидно, подразумевать жителей Славенского конца в Новгороде, часть которых занималась выделкой каменных изделий. В этой надписи четко разграничены заказчики, «поставившие» крест, и мастера, изготовившие его.

Обилие надгробных и обетных крестов в Новгороде могло создать особую отрасль камнесечного дела мастеров-крестечников.

Позднее, в XIV в., существовали мастера, заранее заготавливавшие кресты с надписями молитвенного содержания и оставлявшие свободное место для имени покойника.

Наивысшего расцвета русское камнесечное дело достигло в Суздальской Руси в XII—XIII вв. при Андрее Боголюбском, Всеволоде Большое Гнездо и Святославе Всеволодиче.

Декоративная скульптура Владимирской Руси открывает нам совершенно новый мир сказочных художественных образов, воплощенных в белом камне русскими каменщиками XII—XIII вв.

Со стен Дмитриевского и Юрьевского соборов на нас смотрят кентавры, львы, барсы, грифоны, василиски, крылатые псы, четвероногие птицы, всадники, сирены, слоны, христианские святые, щеголеватые юноши в шапочках, женские головы, всевозможные деревья и цветы.

В Дмитриевском соборе организующим началом этого фантастического царства являются фигуры царя Давида с гуслями, к которому со всех сторон идут на звуки его струн обитатели этого сказочного мира. Невольно вспоминается Орфей, лира которого заставляла зверей выходить из логовищ, а деревья и скалы сходить со своих мест, чтобы послушать игру. Рассмотрение художественной стороны прекрасной белокаменной резьбы Владимирской архитектуры XII—XIII вв. не входит в мою задачу. Отмечу лишь необычайную тщательность работы, уменье создавать сложные композиции и общую выразительность и впечатляемость этих рельефов, вызывавших справедливое восхищение современников.[439] Первоначально были сложены стены, а затем уже на тщательно пригнанные камни наносился рисунок и производилась сплошная резьба всего каменного массива в целом.[440] По поводу строительства князя Всеволода, летописец сообщает, что... «не ища мастеров отъ Немець, но налѣзе мастеры отъ клевреты святое Богородици и отъ своих»...[441]

---

[434] М. К. Каргер. Раскопки древнего Киева.—«Наука и жизнь», 1940, № 2.

[435] М. Макаренко. Скульптура і різьбарсьтво Київської Русі перед монгольських часів. — «Київський збірник історії і археології, побуту та мистецтва», зб. I, Київ, 1930—1931.

[436] И. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего города Киева, произведенные весною 1892, Киев, 1893.

[437] И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. т. I. Кресты новгородские до XV в., СПб., 1906, стр. 15.

[438] Там же, табл. XII.

[439] А. А. Бобринский. Резной камень в России, М., 1916.

[440] С. Фраткин. К вопросу о технике выполнения рельефов Юрьевского собора. — «Seminarium Kondakovianum», т. II, 1928.

[441] Лаврентьевская летопись 1194 г.

Другими словами, здесь речь идет о церковных и княжеских ремесленниках, строивших Суздальский собор. Подтверждением этому являются открытые Н. Н. Ворониным княжеские знаки на камнях более ранних построек 60-х годов XII в. Знаки из города Владимира (Золотые Ворота) и Боголюбова (каменный киворий на дворе андреевского замка) совершенно одинаковы. Оба они близки знакам на печатях XII в. и могут быть присвоены князю Андрею Боголюбскому, с именем которого связаны и упомянутые постройки.

Таким образом, круг ремесленников, тесно связанных с княжескими дворами, расширяется за счет владимирских каменосечцев, работавших на Андрея Боголюбского.

Владимирцы вообще славились как каменщики. При столкновении городского ополчения Владимира с боярскими войсками старых городов Ростова, Суздаля и Мурома владимирцы испытывали такие же насмешки над их происхождением, как и новгородцы-плотники.

В 1176 г., когда после смерти Андрея владимирцы посадили у себя Ярополка Ростиславича, они мотивировали это тем, что «... не хотяще покоритися Ростовцемъ, суждалцемъ и муромцемъ, зане молвяхуть: пожьжем Володимерь, пакы ли иного посадника въ нем посадимъ; — то суть наши холопи каменьници».[442]

Белокаменная резьба применялась в архитектуре XII—XIII вв. в следующих городах: Владимире, Боголюбове, Юрьеве Польском, Старой Рязани (сохранились фрагменты объемной скульптуры), Коломне, Суздале, Чернигове (резная капитель XII в.), Новгороде Нижнем.

После монгольского нашествия, возможно в связи с бегством мастеров «из татар», описанным летописью, резьба по камню появляется в Галицком княжестве. Галицкая часть Ипатьевской летописи подробно описывает архитектуру и резную орнаментику Холмской церкви, автором которой был «хытрець Авдий».[443]

Совершенно особой отраслью каменосечного дела было производство мукомольных жерновов и точильных камней для циркульных точил.

Появившиеся, вероятно, в XII в. водяные мельницы в Киевской Руси не могли, разумеется, вытеснить ручного размола зерна, который до XV в. почти безраздельно господствовал в русской деревне.[444] Ручные жернова из песчаника и моренного гранита составляют одну из частых находок на местах поселений как сельского, так и городского типа.[445] Есть основание думать, что почти в каждом хозяйстве были ручные жернова.

[442] Лаврентьевская летопись 1175—1176 гг.

[443] Ипатьевская летопись 1259 г.

[444] Доказательства существования мельниц в домонгольской Руси приведены мною во второй части в связи с мельничным делом XIV—XV вв.

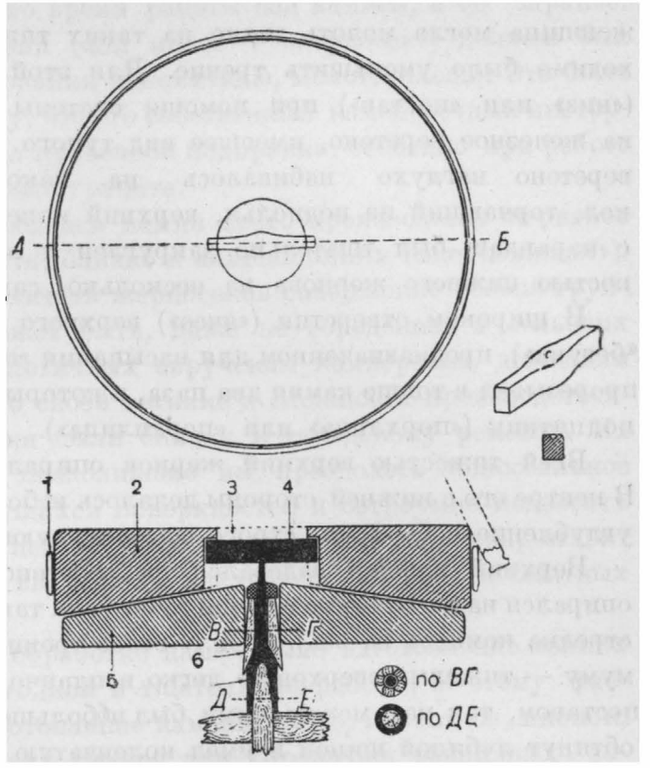


Рис. 116. Конструкция жернова (Вщижское городище)

1 — жернова из раскопа № 1 (дом XII—XIII вв.), вид верхнего жернова сверху; *2*— разрез по линии *АБ*

Конструкцию мукомольного постава впервые удалось определить в результате моих раскопок во Вщиже в 1940 г. Раскопанный в центре детинца дом конца XII — начала XIII в. имел подполье, в которое провалились с полатей деревянное ведро для зерна, мешок с остатками зерен, обугленный хлеб и два жернова со всеми конструктивными деталями. Ввиду важности этих данных для истории русской техники позволяю себе привести подробное описание жерновов.

Ввиду того, что до сих пор встречались только одни каменные круги жерновов без необходимых железных деталей, попытки реконструкции размола для целей музейной экспозиции приводили к тому, что оба круга просто надевали на одну ось; при этом трение верхнего камня было чрезвычайно значительным. Русским жерновникам удалось очень остроумно разрешить проблему преодоления трения.

Вщижские жернова сделаны из песчаника (рис. 116). Диаметр верхнего камня — 50 см; вес всей системы — 46 кг. Для того чтобы

[445] В XV в. в вотчине князей Глинских только в двух селах было пограблено 50 жерновов.—«Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским», т. I, СПб., 1882, стр. 3; Сб. Русск. историч. общ., т. 35.

женщина могла молоть зерно на таких тяжелых жерновах, необходимо было уменьшить трение. Для этой цели нижний жернов («низ» или «постав») при помощи системы клиньев насаживался на железное веретено, имевшее вид тупого копья. Своей втулкой веретено наглухо набивалось на какой-либо вертикальный кол, торчавший из подполья, верхний конец веретена толщиной с карандаш был тщательно закруглен и выдавался над поверхностью нижнего жернова на несколько сантиметров.

В широком отверстии («ячее») верхнего жернова («верховода», «бегуна»), предназначенном для насыпания зерна, мастер-жерновник прорезывал в толще камня два паза, в которые вставлялся железный подпятник («порхлица» или «пораплица»).

Всей тяжестью верхний жернов опирался на этот подпятник. В центре его с нижней стороны делалось небольшое полусферическое углубление в 6—8 мм, строго соответствующее вершине веретена.

Верхний жернов надевался на веретено таким образом, что опирался на него только в одной точке (т. е. так, как надевается теперь стрелка компаса на ось). В силу этого трение было сведено к минимуму — тяжелый «верховод» легко и плавно вращался над нижним поставом, так как между ними был небольшой зазор. Верховод был обтянут лубяной шиной и имел коленчатую рукоять, центрированную наверху.

Для того чтобы жернов мог находиться в равновесии, будучи надет на тонкое веретено, мастеру-жерновнику необходимо было точнейшим образом обтесать круг, точно вырезать концентрический кружок ячеи и особенно точно определить центр тяжести, который в этих условиях необходимо было совместить с геометрическим центром внешней и внутренней окружностей жернова. Вытесывание пазов и пригонка железной порхлицы завершали сложную работу жерновника, требовавшую расчетов, известного практического знакомства со свойствами окружностей и применения циркуля. Данная конструкция предусматривала возможность регулирования тонкости помола зерна; для этой цели у веретена имелись клинья. Если нужно было получать муку лучшего качества, достаточно было подбить клинья чуть выше; тогда нижний жернов несколько приподнимался вверх (а верхний не менял своего положения), и зазор между жерновами уменьшался, а, следовательно, и зерно размалывалось мельче.

Мастеру-жерновнику необходимо было иметь при себе не только каменосечные инструменты, но и элементарные кузнечные, так как подгонка перекладин-порхлиц неизбежно требовала их обработки тут же на месте, во время работы над камнем, а не заранее. Следовательно, жерновник (или иначе — «жерносек») должен был иметь в составе оборудования наковальню, молот, клещи. Это было необходимо еще и потому, что его собственный каменосечный инструмент постоянно требовал кузнечной подправки, особенно при работе на твердых породах вроде гранита.

Чтобы избежать перевозки камня место производства жерновов было, по всей вероятности, близко к каменоломням («жерновищам»).

Все это заставляет считать жерносеков совершенно особой группой ремесленников, может быть, даже не городских, а сельских (по месту работы), аналогичных овручским камнерезам, делавшим шиферные пряслица. По своей технике и сложности производственного процесса жерносеки были близки к городскому ремеслу. Их познания в механике, позволившие им преодолеть колоссальное сопротивление двух трущихся поверхностей и остроумно подвесить тяжелый «верховод» в центре тяжести на острие веретена, ставят жерносеков XII—XIII вв. в ряды квалифицированных и опытных мастеров. [446]

Вторым разделом в обработке камня было изготовление мелких предметов, требующее тонкой и тщательной работы. К этому разделу можно отнести изготовление каменных бус, крестиков, иконок, литейных форм, шлифовку камней для украшения различных золотых медальонов и цат.

Материалом служили уже знакомые нам шифер, жировик, плотные сорта известняка и ряд драгоценных и полудрагоценных камней вроде сердолика, хрусталя, аметиста, сапфира, яхонта, альмандина, яшмы и янтаря.

В отношении бус из сердолика А. В. Арциховским, на основании изучения их ареала, доказана возможность местного производства, хотя соответствующие мастерские еще не найдены. Пользуясь этим же методом, можно выделить еще целый ряд бус, характерных для того или иного района (напр., некоторые типы хрустальных бус).[447]

---

[446] В. В. Антоновичем на Киевщине близ д. Буки раскопан курган, в котором в середине насыпи, на половине ее высоты, найдена груда камней и жернов («Раскопки в стране древлян», курган № 26). Если принять во внимание, что в дружинных курганах на соответственном месте укладывали лучшее оружие покойника, то можно допустить, что здесь перед нами — погребение ремесленника-жерновника. Каменистый характер местности может служить подтверждением этого.

[447] А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. — ТСА РАНИОН, М., 1926, т. I, стр. 52.

Бусы сверлились с двух сторон, так как длинное сверло трудно было сделать, и канальцы сверления не всегда точно совпадают. Затем бусы гранили или обтачивали на жестких жерновах-точилах. Последним этапом была шлифовка камня, требовавшая большой тщательности и отнимавшая у мастера много времени. Совершенно так же делались камни для оправы в золото; там только отсутствовало сверление. Если сравнить производство бус с производством пряслиц, то необходимо признать, что обработка твердых пород (сердолика, хрусталя, аметиста) требовала несравненно более сложного и совершенного инструмента. По всей вероятности, производство бус имело место только в городах. В Старой Рязани была найдена при раскопках мастерская янтарных бус.[448] Янтарь, вопреки укоренившемуся взгляду, отнюдь не является только балтийским товаром, а распространен почти во всей Восточной Европе. Старорязанская мастерская работала на местном (красноватом) янтаре.

Особо надо выделить производство каменных литейных форм, о котором уже говорилось в связи с литейным делом. Потребность массового выпуска ювелирных изделий привела к поискам прочного оборудования мастерской, которое позволило бы быстро выпускать на рынок большое количество продукции.

Литейные формы Киева XII в. являются нередко образцами тщательной обработки камня разнообразными инструментами. Поверхность формы гладко полируется, чтобы обеспечить плотность соприкосновения обеих половинок, которые скрепляются друг с другом посредством мягких, плотно входящих в гнезда свинцовых шипов. Такие каменные формы отчасти оттесняют технику литья с восковой модели, так как обеспечивают бо́льшую долговечность формы.

Мастера, резавшие каменные формы, обладали уверенной, твердой рукой и верным глазом. Иногда на боковых сторонах формы они производили своеобразные «пробы пера», набрасывая резцом какой-нибудь рисунок. Один из таких рисунков (не имевших производственного значения) на киевской шиферной форме для перстня изображает бородатого мужчину в конической шапке.[449]

К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, чтобы решить вопрос, кто резал литейные формы — сами ли литейщики или особые резчики по камню.

Существование специальных резчиков по камню явствует из

[448] Коллекции ГИМ.

[449] Коллекции ГРМ.

Рис. 117. Каменные резные иконки

обилия русских каменных иконок и крестиков XI—XIII вв.[450] Вполне возможно, что выделкой этих иконок занимались монастырские мастерские.

[450] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. вып. I и II; вып. VI, табл. XXXVIII; Д. В. Айналов. Две каменные новгородские иконки. — Новгород, 1914, т. I, рис. 1; В. Мясоедов. Каменный образ Новгородского древлехранилища. — Там же: Н. Большаков. Русско-византийские древности. — «Среди коллекционеров», 1924, № 5—6; ОАК за 1908 г., рис. 5.

Существование мастерских с определенным художественным направлением и общими принципами выполнения, объединявшими разных мастеров в одну художественную школу, можно проследить на примере двух замечательных резных иконок, выделяющихся на общем фоне ремесленных изделий XII—XIII вв. (рис. 117).

Обе иконки, как ни странно, прошли совершенно не замеченными историками русского искусства, которые иногда посвящали специальные статьи значительно менее интересным образцам. Место находки обеих иконок — Киев.[451] Размеры их очень близки (ок. 4× ×2.5 см); сделаны они из одинакового материала (светлозеленоватый камень), и обе имеют следы позолоты. Форма их и обрамление одинаковы.

Сюжет на обеих один и тот же — «неверие Фомы»; апостол Фома недоверчиво разглядывает раны на теле Иисуса. На первой иконке (Коллекции Ханенко, рис. 1327) лица обоих расположены фронтально, выражение их спокойное, бесстрастное. Вся прелесть скульптуры заключается в мягких округлых контурах и изящных волнах драпировок. На гладком позолоченном фоне складки одежды приобретают самостоятельный орнаментальный характер. Мастер умело чередовал гладкие округлые поверхности с мелкими изгибами и завитками. Детали лиц, рук и ног сделаны тщательно и умело. Слева для уравновешения композиции (левая фигура — Фомы — ниже) расположена тонкая колончатая надпись: ΘЪМА.

По характеру орнаментальных окладов, по деталям одежды и по пропорциям тела киевская иконка близка к рельефам Дмитриевского собора во Владимире. В качестве прямой аналогии укажу фигуру Давида.[452] Дата этой иконки — вторая половина XII в. и, может быть, начало XIII в.

Вторая иконка (АЛЮР, 1899, рис. 1), несмотря на множество сходных черт (размер, материал, сюжет, расположение фигур), имеет все же ряд отличий. Не может быть и речи о том, чтобы один мастер копировал работу другого — каждый из них решал самостоятельно одну и ту же задачу, проявляя свой личный вкус и особенности в рамках некоторого внешнего сходства.

[451] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. V, Киев, 1907, табл. XXXVIII, рис. 1327, стр. 33 и 43 (каменные и глиняные иконки княжеской эпохи). — АЛЮР, Киев, 1899, август, рис. 1.

[452] А. А. Бобринский. Резной камень в России, М., 1916, табл. XII, рис. 2.

Второй мастер не увлекался орнаментальной драпировкой, но более реалистично использовал складки одежды. Фигуры у него теряют фронтальность и какую-то одинаковость, присущую первому мастеру. Фома здесь как бы подкрадывается к Иисусу (очень хорошо передано движение ног), который величественно поднял руку и слегка раздвинул одежды. Если обе фигуры у первого мастера уравновешены внутренним спокойствием и безразличием, если он считал неверие Фомы простым и естественным, то второй художник резко противопоставляет недоверчивое любопытство Фомы, его согнутую фигурку, высокомерному и презрительному Иисусу, смотрящему сверху вниз. Первый мастер признает за Фомой право на недоверие, а второй осуждает его.

Надпись на второй скульптуре резана так же тонко и может быть датирована XII—XIII вв.

Необычайная редкость сюжета, совпадение многих внешних признаков, одновременность и нахождение обеих икон в одном городе могут свидетельствовать в пользу предположения, что в Киеве во второй половине XII в. существовала мастерская (вероятнее всего при каком-либо монастыре), в которой создавались замечательные по тонкости работы миниатюрные скульптуры из камня. Стилистическое отличие, обусловленное различным пониманием своих задач каждым мастером, этому не противоречит.[453]

Можно наметить следующий список ремесленников, связанных в тех или иных формах с обработкой камня:

Каменщики («каменосечци» — преимущественно во Владимире)

Резчики по камню, скульпторы (в Киеве, Владимире, Рязани и Галиче)

Крестечники, делавшие надгробия (в Новгороде)

Жерносеки («жерновники»)

Гранильщики бус

Прясельники (близ Овруча)

Резчики икон, делавшие маленькие каменные иконки (могли совмещать работы по камню с резьбой по кости).

В последнюю категорию могли входить и резчики литейных форм.

[453] Если позволить себе некоторую вольность мысли, то кажется, что обе киевские скульптуры являются заданием двум мастерам на одну тему — «неверие Фомы». Каждый мастер как бы соперничал с другим в тщательности отделки, но оба они были связаны условиями общности внешних черт — материала, формы, размера.

Строительное дело

История русского зодчества является самостоятельной наукой, располагающей своими методами исследования и давшей уже целый ряд обобщающих работ и значительное число специальных исследований по отдельным вопросам.[454] Это обстоятельство значительно облегчает мою задачу и позволяет остановиться (да и то кратко) лишь на основных моментах истории русской архитектуры, имеющих отношение к строительному ремеслу.

Каменное строительство возникло в древней Руси под влиянием Византии, хотя употребление камня в качестве строительного материала было известно и ранее (жертвенник близ княжеского дворца в Киеве).

Греческие мастера при Владимире перенесли на Русь в готовом виде все основные приемы византийской архитектуры, совершенствовавшей свои формы и технику со времени Юстиниана.

Древнейшее киевское здание — Десятинная церковь — была построена в конце X в. греками. Для ее постройки вокруг строительной площадки был создан ряд различных мастерских, изготавливавших детали архитектурной орнаментики и предметы внутреннего убранства. Часть этих мастерских продолжала существовать и далее (вплоть до XIII в.).

Постройкой Десятинной церкви открывается первый период каменного зодчества на Руси, продолжающийся до середины XI в. За это время построены: дворец Владимира в Киеве, церковь в Тмутаракани (1022), Софийский собор в Киеве (1017—1037), Спасо-преображенский собор в Чернигове (1036), Софийский собор в Новгороде Великом (1045—1052).

Для большинства этих зданий характерны сложный план и связанная с ним сложность конструкций. Со второй половины XI в. тип церковного здания несколько упрощается, значительно возрастает их количество, а в XII в. вырабатывается характерная русская конструкция «крестово-купольного» здания, привившаяся во многих русских городах. Наряду с культовыми зданиями, строились каменные укрепления («Золотые Ворота» в Киеве и во Владимире, стены в Ладоге) и дворцы. Можно насчитать несколько десятков русских городов, где в XI—XIII вв. существовало каменное строительство:

Киев	Полоцк
Чернигов	Витебск
Тмутаракань	Городно
Переяславль Русский	Владимир на Клязьме
Белгород	Боголюбов
Вышгород	Суздаль
Туров	Новгород Нижний
Остерский Городец	Коломна
Василев	Рязань
Канев	Юрьев Польский
Вщиж	Переяславль Залесский
Новгород-Северский	Новгород Великий
Галич	Псков
Холм	Ладога
Владимир Волынский	Руса
Смоленск	

Строительный материал был различен в зависимости от эпохи и области.

На юге применялся византийский квадратный кирпич, к XII в. сильно изменивший первоначальные пропорции; иногда применялась кладка «opus mixtum», т. е. смесь валунов, больших масс цемянки и кирпича.

В Новгороде кирпич уже в XII в. был вытеснен местным камнем. Во Владимиро-Суздальской Руси с середины XII в. также применялся исключительно белый камень, а стены ставились из двух облицовочных рядов с забутовкой пространства между ними известью и щебнем.

Существовали также различные способы изготовления связующих растворов. Иногда в известь добавляли паклю, толченый кирпич (Киев), золу и мелкий уголь (Смоленск).

Различны были и приемы кладки фундамента и возведения стен, способы освещения зданий и сама конструкция. В настоящее время можно считать установленным, что даже в самых первых постройках,

[454] Наиболее полный перечень новейших исследований см. в работе: А. И. Некрасов. Древнерусское зодчество XI—XVII вв., М., 1936. См. также: Н. И. Брунов. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII вв. — «Русская архитектура», М., 1940; Н. Н. Воронин. О дворце Андрея в Боголюбове. — КС ИИМК, М. — Л., 1939, вып. II. Н. Н. Воронин. К вопросу о взаимоотношениях Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской архитектуры XII—XIII вв.—КС ИИМК, М.—Л., 1940, т. III; М. К. Каргер. Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв. — КС ИИМК, М.-Л., 1940, вып. III; А. А. Строков. Новгород Великий, Л., 1939.

которые раньше относили целиком за счет византийского строительного гения, можно указать ряд особенностей, объяснимых только участием в постройке русских рабочих и русских архитекторов.[455]

Выработка к XII в. областных особенностей зодчества была следствием развития местной культуры отдельных княжеств и еще больше подчеркнула национальный характер каменного строительства.

Для истории русского ремесла очень важно отметить ту поразительную быстроту, с какой русские мастера восприняли и переработали новую для них византийскую технику. Ведь первые кадры строителей грандиозных соборов в Киеве, Чернигове и Новгороде могли учиться лишь на очень немногих образцах вроде Десятинной церкви. Очевидно, общий уровень культуры русских ремесленников эпохи Владимира был таков, что позволял им не только быстро осваивать изготовление кирпича, кладку стен, выкружку сводов, но даже вносить свое в греческий замысел («вежи» на углах церквей, треугольные фронтоны, подражающие деревянной кровле и др.).

В XII в. летописцы уже заносят в свои книги имена русских зодчих. Так известен строитель Георгиевского собора: «а мастер трудился Петр»...[456] «В лето 6704 [1196]. Заложиста на црьковь камяну святого Кирила въ манастыри во Нѣлезѣнѣ Къснятин и Дъмитр братеника, а мастер бяше с Лубянѣй улицѣ Коровь Яковличь [разрядка наша. — *Б. Р.*]. И начаша делати апрѣля, а кончаша июля въ 8, на святого Прокопия...»[457]

В панегирике, написанном Рюрику Ростиславичу, который «... имея любовь несытну о зданьих», говорится, что он «... изобрете бо подобна дѣлу и художника во своихъ си приятеляхъ именем Милонѣг, Петр же по крещению, акы Моисей древле оного Веселиила, и приставника створи богоизволену дѣлу и мастера не проста...» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[458]

[455] Н. И. Брунов. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII вв. — «Русская архитектура», М., 1940; И. В. Моргилевский. Черниговский собор. — «Чернігів та Північне Лівобережжя», Київ, 1928; А. А. Строков. Ук. соч., Л., 1939.

[456] Новгородская I летопись 1119 г.

[457] Новгородская I летопись 1196 г. — Положение мастера здесь определено наличием отчества. Быстрота, с какой строилось большинство церквей в XII в., свидетельствует о значительных артелях строителей, а также и о том, что строительный материал имелся в предложении на рынке в заготовленном виде, а не изготавливался в процессе стройки.

[458] Ипатьевская летопись 1200 г.

По поводу постройки Георгиевского собора в Юрьеве, этой прекрасной лебединой песни русского домонгольского искусства, летописец замечает, что «самъ князь бѣ мастеръ» (князь Святослав Всеволодич).[459]

Каменное строительство у нас на Руси, как и на романском Западе или в Византии, неизбежно было синтезом самых различных ремесел.

Над украшением зданий трудились различные мастера, начиная от каменщиков и кончая ювелирами и живописцами.

Восторженные отзывы современников об архитектурно-художественном облике зданий полны таких выражений, как: «всякими узорочьи удиви ю [церковь]... тако, яко и всим приходящим дивитися и вси бо видивше ю не могуть оказати изрядныя красоты ея... [разрядка наша. — *Б. Р.*]... Всю добродѣтелью церковьною исполнена, изъмечтана всею хитростью... и всякими виды и устроеньемъ подобна быста удивлению Соломоновѣ Святая Святых».[460]

* * *

Сведя воедино все данные о различных технических приемах русских ремесленников, о времени их появления и исчезновения, мы получим следующую картину:

1. Одним из важнейших переломных моментов в истории Киевской Руси является IX век, когда в дополнение к существовавшим ранее техническим приемам появились новые приемы обработки железа и стали, появился гончарный круг, пуансонная чеканка, выемчатая чернь, зернь и выемчатая эмаль (кеттлахского типа). Некоторые из них явились результатом тесных взаимоотношений с ирано-арабской культурой, другие же были развитием местных приднепровских навыков.

2. Следующим периодом расцвета была вторая половина и особенно конец X столетия, когда налаживается производство шлемов, кольчуг, на гончарных изделиях появляются клейма мастеров, появляется плоско-рельефная чеканка, волочение проволоки и филигрань. К концу столетия возникают три сопряженных между собой

[459] Тверская летопись 1231 г.

[460] Ипатьевская летопись 1175 г. О строительстве Андрея Боголюбского в Боголюбове и Владимире.

производства: эмаль, стекло и эмалевая полива на строительной декоративной керамике.

Перенесение этих производств на киевскую почву, вероятно, связано с усилением русско-византийских отношений при Ольге и Владимире.

Для IX—X вв. характерно ведущее значение Киева и других городов Среднего Приднепровья. Из более северных городов можно назвать лишь Смоленск. Новгород в это время еще не приобрел ведущего значения для северных областей.

То новое, что появилось во второй половине X в. в ремесленной технике, тесно связано с обслуживанием княжеского двора — от постройки дворца до вооружения княжеских дружинников. Совершенствовалось преимущественно придворное, вотчинное ремесло. Впрочем, наряду с ним существовало и свободное посадское ремесло.

3. Примерно, в середине XI столетия у различных ремесленников появляется тенденция к ускорению процесса производства, к его некоторой механизации (кропотливая чеканка заменяется штампованием на матрицах); литейщики, озабоченные выпуском массовой продукции, переходят к литью в прочных и долговечных каменных литейных формах.

Наряду с этим стремлением к массовости продукции, охватившим и вотчинных ремесленников, некоторые группы мастеров переходят к более точной обработке каждой отдельной вещи. Особенно выделяются новгородские ювелиры-чеканщики. Примерно в это же время в Киеве налаживается широкое производство замков и мечей особого русского типа.

4. Расцвет городского ремесла наступает около середины XII в. и продолжается вплоть до самого татарского нашествия. Может быть, здесь сказалась большая полнота источников, но культура русских княжеств XII—XIII вв. предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью, быстро совершенствующей свою технику.

Даже в небольших городах имеются сложные домницы для варки железа, несколько систем гончарных горнов. Культура растет и вширь, охватывая все большее число городов. В этом отношении показательно появление выделки кирпича и развитие каменного строительства во многих городах. Киев и Среднее Приднепровье, оставаясь высококультурными областями, перестают быть е д и н с т в е н н ы м средоточием культуры. Наряду с этими старыми

центрами, на основе взаимосвязей с ними, возникает столь же сложное и разветвленное ремесло во Владимире, Рязани, Новгороде, Галиче, Полоцке и др. городах.

Наметившиеся в прошлый период два направления ремесла — массовое и индивидуальное — еще резче выступают теперь.

Стремление к массовости сказалось в совершенствовании техники двухстороннего воскового литья, в появлении басменного тиснения. Особенно интересно появление имитационных литейных форм, при помощи которых мастера сравнительно просто в широких масштабах воспроизводили в дешевом материале (бронзе) сложнейшие изделия придворных ремесленников.

Техника изготовления многих предметов свидетельствует о переходе ремесленников от работы на заказ к работе на рынок. Об этом же говорит и стандартность некоторых видов изделий (напр., железных замков).

Мастера, работавшие на заказ, как бы соревнуясь с подражавшими им посадскими ремесленниками, усложняют изделия, совершенствуют технику, добиваясь виртуозного исполнения отдельных вещей.

В отношении сложной техники перегородчатой эмали русские мастера стояли значительно выше своих западноевропейских современников.

Изобретение техники эмалевого пастилажа на керамике, а также способа нанесения золотой амальгамы на медь, давшего великолепные образцы своеобразной золотой графики, свидетельствует о том, что творческая мысль русских мастеров второй половины XII — начала XIII вв. опережала развитие техники передовых стран Западной Европы, не знакомых с этими приемами.

Глава четвертая

СБЫТ ПРОДУКЦИИ в IX—XIII вв.

Произведенное в предшествующих главах рассмотрение техники и конкретных изделий русского ремесла было лишь предварительной работой, необходимой для изучения сущности ремесла и истории его развития.

Ввиду специфического состояния источников (особенно по деревенскому ремеслу), изложению организации ремесла и его роли в системе древнерусского хозяйства считаю необходимым предпослать очерк сбыта продукции ремесленников и мастеров-товаропроизводителей.

Только изучив связи древнерусских мастеров с их потребителями, установив размах и характер этих связей, сможем мы определить уровень развития промышленности, руководствуясь при этом не одним только техническим, но и экономическим критерием.

С другой стороны, изучение проблемы сбыта подведет нас вплотную к определению социальной стороны ремесла и позволит более четко разграничить деревенских и городских ремесленников, а также уловить переход от патриархального ремесла с его работой на заказ — к товарному производству на рынок.

Трудности стоящей перед нами задачи велики. В. И. Ленин, горячо обрушиваясь на народников, смешивавших в абсолютно не пригодном для научных исследований термине «кустарная промышленность» три исторически различных типа мелких производителей, писал: «Конечно, отличить сельского ремесленника от мелкого товаропроизводителя или от наемного рабочего не всегда легко; для этого необходим экономический разбор данных о каждом мелком промышленнике».[1]

[1] В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 255; по 4 изд. стр. 287.

Попытки решения экономических вопросов истории ремесла Киевской Руси потребуют применения особой методики и координации всех возможных материалов.

Задача сводится к тому, чтобы во всей массе продукции русских ремесленников X—XIII вв., сохраненной нам в городищах, курганах, кладах и монастырских ризницах, уловить вещи, изготовленные одним мастером или в одной мастерской. После того, как удавалось выделить вещи, несомненно сделанные одним мастером, места находок их наносились на карту. Карта затем подвергалась историко-географическому пересмотру, чтобы исключить из нее элемент случайности, относящийся к явлениям не экономического порядка (напр., принудительное переселение, военный поход и т. п.), в результате которых вещи могли оказаться удаленными от места их производства далеко за пределы нормального района сбыта.

Определение вещей, сделанных одним мастером, может быть произведено одним из следующих способов:

А. Самым простым и естественным было бы определение по подписям мастеров, но, к сожалению, количество подписных изделий слишком невелико. За исключением 25 имен книжных писцов, мы располагаем только семью подписями русских мастеров, из них одна относится к XI в., а остальные — к XII в.

СТЕФАНЪ ПСЛЪ	(Новгород)[2]
БРАТИЛО ДѢЛАЛЪ	(Новгород)[3]
КОСТА ДѢЛАЛЪ	(Новгород)[4]
ЛАЗОРЬ БОГЪША	(Полоцк 1161 г.)[5]
МАКОСИМ	(Киев)[6]
КОСТЯНТИНЪ	(Вщиж)[7]
НКОДМ	(Киев?)[8]

Здесь можно было бы допустить, что Константин (Коста) новгородский — одно лицо с Константином вщижским, но для такого

[2] М. П. Михайлов. Памятники русской вещевой палеографии, СПб., 1913, рис. 10 (глиняный голосник из свода Софийского собора 1045—1052 гг.).

[3] В. Мясоедов. Ук. соч.

[4] Там же.

[5] П. К. Батюшков. Ук. соч., табл. VI (крест Ефросиньи).

[6] Коллекции Киевского Исторического музея (литейные формы).

[7] См. рис. 46 в настоящей работе.

[8] Коллекции ГИМ (крест).

допущения нет никаких оснований, кроме хронологической близости.[9]

Б. Вторым ориентирующим признаком могли бы быть клейма мастеров в X—XIII вв. Но клеймению подвергались только керамические изделия. Гончарные клейма являются чрезвычайно ценным и важным источником, но в отношении районов сбыта продукция гончаров дает мало.

В. Очень важно изучение различных мастерских и особенно находимых в них инструментов, предназначенных для массового выпуска продукции (штампы, литейные формы, матрицы).

Если среди готовой продукции удавалось найти вещи, бесспорно сделанные при помощи того или иного штампа или литейной формы, то картографирование этих находок давало наиболее интересные выводы, так как был известен не только ареал вещей, вышедших из рук одного мастера, но и самое местонахождение мастерской.

Г. В большинстве случаев приходилось оперировать лишь с одним из двух указанных элементов — была известна или только мастерская или только продукция.

При изучении хозяйства племени радимичей мною был применен метод определения технологически обусловленного тождества вещей, который и дал возможность написать эту главу, посвященную районам сбыта продукции древнерусских мастерских.[10]

Тождество вещей обусловлено технологическим процессом лишь тогда, когда мастер заранее рассчитывал на массовый выпуск продукции и применял такие инструменты, которые полностью или частично определяли единство всех выпускаемых изделий.

Естественно, что в кузнечном деле невозможно посредством ручной ковки получить абсолютно тождественные вещи. Каждый топор будет, хотя бы незначительно, отличаться от других, сделанных теми же руками, теми же инструментами. Для определения тождества пригодны вещи: 1) литые в литейных формах, 2) оттиснутые на штампах и матрицах, 3) орнаментированные пуансонами или зубчатым колесом.

[9] Для XV в. Ю. И. Дмитриев пытался установить тождество мастера Ивана, изготовившего в 1435 г. новгородский панагиар, с мастером Иваном Фоминым, изготовившим троице-сергиевский потир 1449 г., но, как я доказываю ниже, он не обратил внимания на совершенно различное правописание и произношение обоих Иванов: новгородское — у одного и московское — у другого.

[10] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, Менск, 1932, стр. 115.

По отношению к некоторым видам изделий возможно применение дактилоскопического анализа (напр., глиняные сосуды и медные вещи, литые по восковой модели).

Д. В тех случаях, когда предполагаемый район производства вещей строго ограничен областью распространения сырья, район сбыта определяется картографированием находок из данного материала.

Е. Применение широкого картографирования различных типов вещей позволило выявить ряд таких предметов, которые имеют значительную территорию распространения, сходны (но не тождественны) между собой и в то же время не подчинены племенным границам. Для большинства таких вещей удавалось определить только район сбыта, а центр производства зачастую оставался неизвестным.

Ж. В тех случаях, когда район сбыта перерастал не только племенные границы, но и общие границы Киевского государства, во внимание принимались — тип вещи, стилистические и технические особенности, а также русские надписи, независимо от их содержания.

Комбинируя все указанные приемы исследования, из археологического материала можно извлечь ряд данных как о сельских ремесленниках, так и о городских мастерах.

1. РАЙОНЫ СБЫТА ПРОДУКЦИИ ДЕРЕВЕНСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Изучение районов сбыта сельских ремесленников, казалось бы, естественнее всего было начать с гончаров, так как именно их продукция помечена клеймами. Для этой цели мною был составлен каталог всех восточнославянских гончарных клейм.[11]

Клейм, одинаковых по начертанию рисунка, оказалось множество. Особенно часто встречен рисунок клейма в виде круга со вписанным в него крестом. Если бы принять эти клейма за знак определенной мастерской, то всю Восточную Европу и значительную часть Центральной Европы следовало бы рассматривать как сферу торгового влияния этой мастерской, действовавшей на протяжении нескольких столетий.

[11] Каталог клейм хранится в ГИМ.

Обращение непосредственно к самим клеймам убедило в том, что совпадение рисунка отнюдь не означает тождества клейм. Во всей массе русских гончарных клейм оказались лишь три группы, относительно которых можно было говорить о тождестве:

1) клейма из гончарного горна в Белгороде,

2) клейма из гончарного горна во Вщиже,

3) клейма из одной курганной группы близ с. Ступенки на р. Угре (по публикации Н. И. Булычова).

Но первые две группы тождественных клейм относятся к городским, а не деревенским гончарам и, кроме того, ничего не дают для района сбыта, так как найдены еще в пределах гончарной мастерской, а не у потребителей. Клейма же из раскопок Н. И. Булычова оказались тождественными только в издании, так как при публикации их по ошибке четыре раза было употреблено одно и то же клише.[12]

Изучение клейм в натуре показало, что все они различны, хотя и укладываются в эволюционный ряд благодаря постепенным усложнениям первоначального рисунка, что можно связывать с переходом гончарного дела по наследству от отца к сыну (см. выше). После неудачи с отысканием тождественных клейм поиски были перенесены на керамический материал одного курганного кладбища, в котором можно видеть кладбище одного поселка, но и здесь, кроме отмеченной выше наследственности гончарного дела, пока ничего найти не удалось. Конечно, с накоплением материала и уточнением методики исследования (необходим дактилоскопический анализ) впоследствии удастся определить горшки, сделанные одним гончаром, но самая трудность этого определения в высшей степени показательна.

Очевидно, продукция деревенских гончаров была настолько малочисленна, что даже при сравнительно хорошей изученности курганов, тождественные горшки не встречаются в них, между тем как изделия ювелиров в этих же курганах позволяют определить одного мастера, обслуживавшего определенную округу.

Можно думать, что в большинстве своем деревенские гончары были настоящими ремесленниками в экономическом смысле этого слова, т. е. работали только на заказ.[13] Круг их заказчиков был ограничен только односельчанами, и количество продукции было, по всей вероятности,

[12] Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению реки Угры. — «Записки Московского археологического института», М., 1913, рис. 5, 27, 29, 30.

[13] В. И. Ленин. Соч., т. II, стр. 206, по 4 изд. 344; т. III, стр. 254, 255, по 4 изд. 285, 286.

незначительным. Тем не менее, существовала семейная традиция у гончаров, передававших свое ремесло по наследству.

Облик гончара X—XIII вв., как он рисуется на основании приведенных выше данных, очень близок к облику деревенского кустаря-гончара XIX в. по данным земских обследований.[14] Однако постепенно под влиянием города этот патриархальный облик гончара начинает изменяться.

Общеизвестен разговор гончара-пидблянина с поверженным Перуном на берегу Волхова.[15] Для нас здесь важно указание на то, что гончар пришел на реку «хотя горньцы везти в город» (очевидно, на лодке, как это практикуется там и поныне). Пидьба — село, расположенное под самым Новгородом.

К сожалению, мы не имеем права доверять датировке этого события 988 годом. Для третьей новгородской летописи, составитель которой отстоял очень далеко от этой эпохи, слишком подозрительна точность в этом небольшом рассказе: летописцу известно, что гончар пришел к Волхову рано утром, что в руках у него был шест и т. д. Не является ли гончар, везущий горшки в Новгород, просто знакомым персонажем для летописца, использованным им при обработке древней легенды?

Характер гончарного дела в Новгородской земле в X в., когда еще зачастую бытовала лепная посуда, заставляет усомниться в возможности отнесения эпизода с пидблянином к столь раннему времени.

Сбыт кузнечных, бондарных и сапожных изделий нам, к сожалению, неизвестен. В лучшем положении находятся деревенские литейщики-ювелиры, продукция которых в изобилии представлена наборами разнообразных женских украшений в курганах.

Заслуга первой научной систематизации огромного материала древнерусских украшений принадлежит А. А. Спицыну.[16]

А. А. Спицыну удалось выявить отдельные замкнутые области распространения украшений (преимущественно височных колец) и сопоставить карту этих областей с картой древнерусских племен в «Повести временных лет». Получилось, что каждый тип височных колец соответствовал определенному племени:

Семилопастные — вятичам

Семилучевые — радимичам

[14] Ф. Н. Королев. Ук. соч.

[15] Новгородская III летопись 988 г.

[16] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1899, август.

Спиральные — северянам
Ромбощитковые — словенам
Браслетообразные — кривичам
Перстнеобразные полутораоборотные — дреговичам
Трехбусенные (?) — полянам

В развитие взглядов Спицына, А. В. Арциховским и мною были написаны монографии, посвященные вятичам и радимичам.[17]

Привлечение нового материала, накопившегося за три десятилетия, позволило уточнить племенные границы и пополнить количество характерных племенных украшений новыми типами.

Выявились любопытная устойчивость женского наряда и значительное единообразие вещей в н у т р и каждого племени. Такое единообразие одежды и головного убора является надежным этнографическим признаком и нередко сочетается с диалектологическими и культурными особенностями данной области. С границами типов одежды совпадают особенности погребальных обрядов и др. П. Н. Третьяков выступил с возражениями против попыток определения племенных границ по украшениям XI—XIII вв.[18]

Основные положения П. Н. Третьякова сводятся к следующему:

1) древнерусские племена нельзя изучать по материалам XI—XIII вв., так как к этому времени племенная организация уже исчезла;

2) единство типов украшений на значительной замкнутой территории хотя и совпадает с племенной областью, но может быть объяснено исключительно влиянием крупного феодального города, снабжавшего стандартной продукцией население всего княжества.

Доказательствами этих двух основных тезисов служат:

1) совпадение ареала вещей с границами некоторых княжеств;

2) появление вятичских племенных признаков н е р а н е е XII в.

3) хронологический разрыв между вятичскими и кривичскими курганами;

4) отсутствие какой бы то ни было связи между материальной культурой русских племен эпохи племенного быта и населением

[17] А. В. А р ц и х о в с к и й. Курганы вятичей, М., 1930; Б. А. Р ы б а к о ў. Радзімічы.— Кроме того, мною подготовлена аналогичная монография о северянах, частично использованная в работе о радимичах.

[18] П. Н. Т р е т ь я к о в. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — «Сов. археол.», 1937, № 4; А. В. А р ц и х о в с к и й. В защиту летописей и курганов (ответ на статью П. Н. Третьякова). — Т а м ж е.

этих же областей в феодальную эпоху, производящую коренную смену предметов личного обихода.

Многие из положений и доказательств П. Н. Третьякова уже опровергнуты А. В. Арциховским в его ответе.

Прежде чем перейти к возражениям, основанным на технологическом анализе вещей, остановлюсь на некоторых общих вопросах. Во-первых, живучесть таких этнографических признаков, как костюм, измеряется иной раз несколькими столетиями. По этнографическим областям XIX—XX вв. можно ретроспективно опускаться вглубь до IX—X вв. (типы жилища, детали костюма, особенности говора), т. е. до эпохи племенного быта. Поэтому использование материалов IX—XIII вв. (радимичи) и XII—XIV вв. (вятичи) вполне правомерно.

Во-вторых, совпадение племенных границ с границами д р е в н е й ш и х княжеств совершенно естественно и говорит против П. Н. Третьякова, т. е. свидетельствует об известной монолитности и исторически сложившейся общности населения в определенных рубежах — сначала в виде племенного союза, а затем в виде княжества.

В-третьих, вятичские семилопастные височные кольца появляются не в XII в., а в VIII — нач. IX вв. (см. выше о зарайском кладе и происхождении височных колец).

В-четвертых, на территории бывшей земли вятичей (сохранявшей свое этнографическое единство в костюме и погребальных обрядах) в XII—XIII вв. не было е д и н о г о феодального центра с мощной промышленностью, а были княжества: Можайское, Тарусское, Козельское, Московское, Новосильское, Брянское, Карачевское, Рязанское, Пронское, Коломенское, Белгородское.

Чем же объяснить живучесть старых (с VIII в.) украшений? Естественнее всего п е р е ж и т к а м и племенного единства, которые в отдельных случаях могли дожить не только до Даниила Московского, но и до XIX в.

Возражая П. Н. Третьякову по конкретным вопросам, поднятым им в своей заметке, я не предполагаю отрицать роли крупных феодальных городов в снабжении деревни. Больше того, я укажу в дальнейшем изложении ряд вещей, изготовленных в крупных городах вроде Киева, Смоленска, Новгорода и расходившихся по деревням.

Продукция крупных феодальных центров распространяется, н е с ч и т а я с ь с б ы л ы м и п л е м е н н ы м и р у б е ж а м и,

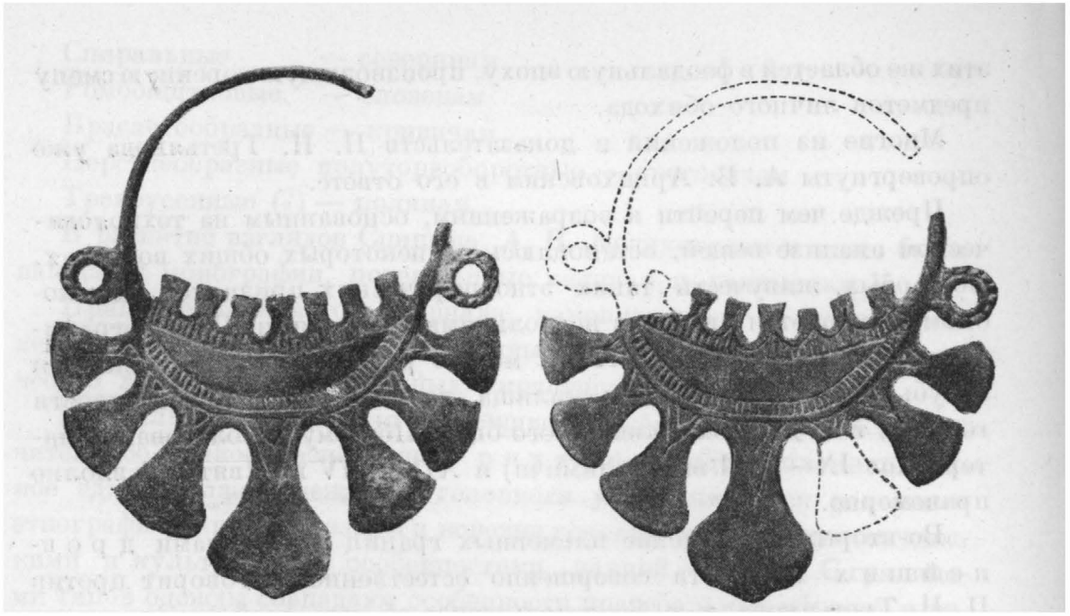


Рис. 118. Фото височных колец, сделанных одним мастером

перескакивает через них, не меняя специфического облика отдельной области, не вытесняя и не заменяя старых племенных типов.

Две стихии — старая, племенная, и новая, городская, — сосуществуют в русской деревне X—XIII вв. Нам надлежит детальнее разобраться в их взаимоотношениях и проверить спорные положения на более широком фактическом материале.

Ввиду того большого интереса, какой представляют замкнутые области племенных украшений, стабильные в своих основных очертаниях на протяжении нескольких столетий, я начну анализ именно с них.[19]

Нам предстоит решить, что представляли собой эти области в экономическом отношении: снабжались ли они из единого промышленного центра или каждая область имела свое местное ремесло с густой сетью микроскопических рынков и районов сбыта?

В 1929 г. для радимичей, а в 1931—1932 гг. для вятичей мною

[19] Хронологическая сторона хорошо разработана для вятичей А. В. Арциховским. Им составлена крайне интересная эволюционная таблица семилопастных височных колец, показывающая, что форма этих колец на протяжении XII—XIV вв. существенно менялась, но менялась на всей «вятичской» территории, т. е. историческая общность населения Оки продолжала существовать, несмотря на раздробление между десятком феодальных княжеств.

была предпринята попытка определить височные кольца, изготовленные одним мастером.

Наибольшее количество курганных материалов оказалось для подмосковного района, с которого я и начну изложение, предпослав несколько замечаний о методе работы и степени достоверности получаемых результатов.

Техника изготовления семилопастных височных колец такова: 1) делалась плоская восковая модель, 2) тонким острием на воск наносился орнамент, 3) восковая модель заливалась глиной, 4) высохшая и обожженная глина являлась литейной формой, в которой можно было отлить несколько десятков совершенно тождественных височных колец.

Каждое дрожание резца, каждое прикосновение мастера к воску точно передавалось глиняной форме, а через ее посредство — всем отлитым височным кольцам. Поэтому анализ мельчайших дефектов модели (или формы) приобретает здесь большое значение, облегчая установление тождества вещей (рис. 118).[20]

В древнерусском литейном деле иногда применялся другой способ изготовления литейной формы, когда рельеф на глине получался не посредством восковой модели, а более упрощенным способом — путем оттискивания в сырой глине готового изделия. В этом случае от одной литейной формы где-то в другом месте, куда попала готовая вещь, могла отпочковаться новая литейная форма, почти тождественная первой. Это сильно запутывает картину. По счастью, тонкий нарезной орнамент семилопастных височных колец предохраняет нас от подобной возможности, так как при оттискивании в глине он не получался, что и удерживало вятичских литейщиков от размножения колец этим способом.

Следовательно, семилопастные височные кольца являются и в техническом отношении вполне доброкачественным материалом для исследования.

Поиски тождественных височных колец, отлитых в одной и той же литейной форме, увенчались успехом — удалось найти целый ряд семилопастных, вышедших из одной формы, а следовательно, из рук одного мастера.

[20] Практически эта работа потребовала раскладки всех вятичских коллекций ГИМ на столах и сличения всех височных колец друг с другом. Всего пришлось сделать 93 000 сопоставлений. Каждое сопоставление сопровождалось снятием станиолевых отпечатков, промерами циркулем, а в спорных случаях — применением макрофотографии.

Приведу список литейных форм (расположенных в произвольном порядке):

Список пунктов, в которых найдены отливки литейных форм
Семилопастные височные кольца

№№ п/п.	Литейная форма	Местность	№№ курганов	Чьи раскопки	Год	Количество отливов
1	А	Потапово	—	Гатцук	—	1
2		Горки	—	Линдеман	1912	7
3	Б	Войлово	—	Булычов	—	4
4		Мерепище	—	»	—	3
5	В	Воскресенский посад	3	Городцов	—	1
6		Судаково	1	»	1923	1
7		Пузиково	4	Липеровская	1924	1
8	Г	Воскресенский посад	3	Городцов	—	1
9		Судаково	1	»	—	1
10		Пузиково	3	Липеровская	—	1
11	Д	Воскресенский посад	3	Городцов	—	1
12		Пузиково	3	Липеровская	—	1
13	Е	Рязаново	—	—	—	1
14		Горки	—	Линдеман	—	1
15	Ж	»	—	Линдеман	—	4
16		Ушмары	1	Фосс	—	7
17	З	Чертаново	1	Городцов	—	3
18		Фили	3[А]	Городцов	1923	2
19		»	3[Б]	»	1922	1
20		Спас-Тушино	—	Янчук	1895	1
21		» »	—	Щербатов	1917	2
22		» »	—	Янчук	—	2
23		» »	—	»	—	3
24		Чернево	—	Романов С.	—	2
25		Устье-Баньки	2	Поляков	1909	1
26	И	Косино	1	Лыжин	—	1
27		Моск. губ. (ближе неизвестно)	—	—	—	1
28	К	Косино	1	Лыжин	—	1
29		»	2	—	—	1
30	Л	Фили	3	Городцов	1920	2
31		Косино	2	Лыжин	—	1
32		Борисово	—	—	—	2
33	М	Москва, Кремль	—	—	—	1
34		Царицыно	—	Забелин	—	1
35	Н	Место неизв.	—	—	—	1
36		Чернево	2	Поляков	—	2
37	О	Место неизв.	—	—	—	1
38		Спас-Тушино	—	—	—	1
39	П	Обухово	—	—	—	1
40		Богдановка	1	Анастасьев	—	1
41		Звенигородск. у.	—	—	—	1
42		—	—	—	—	1

В итоге получилось, что на части территории семилопастных височных колец (в Гос. Историческом музее представлены преимущественно коллекции из подмосковных районов) встречено: 15 литейных различных форм, с которых было отлито 73 височных кольца. Эти кольца принадлежали 32 женщинам, проживавшим в 23 различных пунктах.

Нанесем полученные результаты на карту и подвергнем ее анализу (рис. 119).

Височные кольца, отлитые в формах *В*, *Г* и *Д*, найдены в трех селениях: Пузиково (все три формы), Воскресенский посад (все три формы) и Судаково (*В* и *Г*). Все три пункта находятся в бассейне маленькой речки Рожаи. Максимальное расстояние — 14 км. Следует отметить, что, кроме височных колец, Судаково и Воскресенский посад связаны также перстнями, литыми в одной форме.

Литейные формы *А*, *Е*, *Ж* прослежены все вместе в разных курганах близ Горок на р. Пахре. Кроме того, форма *А* есть в Потапове, *Е* — в Рязанове, *Ж* — в Ушмарах. Максимальное расстояние — 16 км.

Продвигаясь все далее на север, мы встречаемся с новыми литейными формами. Кольца, литые в форме *З*, встречены в Спас-Тушине (4 экз.), в Черневе (1 экз.), в Филях (2 экз.), в Чертанове (1 экз.). Все поселки вытянуты вдоль реки Москвы. Расстояние 21 км. Рядом с этим районом располагается другой — литейная форма *Л* (Фили-Косино-Борисово), и тут же поблизости форма *М* (курганы на месте Московского Кремля и в Царицыне). Расстояние — 17—19 км.

Некоторые отливки в одной форме встречены только внутри одной курганной группы (форма *К*), а некоторые остались географически неопределенными.

В итоге получилось четыре замкнутых, изолированных района, внутри которых бытовали височные кольца, отлитые в своих особых наборах литейных форм. То, что единство района скреплено иногда несколькими формами, свидетельствует об устойчивости и прочности границ этих районов. Районы эти обособлены, вещи не переходят из одного в другой, несмотря на близкое соседство всех четырех районов. Исключение составляют два височных кольца в Филях.

Даже сама Москва выступает здесь еще не на правах удельного города, а лишь в качестве рядового поселка с деревенским курганным кладбищем конца XI — начала XII вв., — поселка, название которого киевские летописцы пренебрежительно путали, называя то Москвою, то Московою.

Вещи, сделанные в одной мастерской, погребены в различных местах вместе с их владельцами, но крайние пункты их нахождения

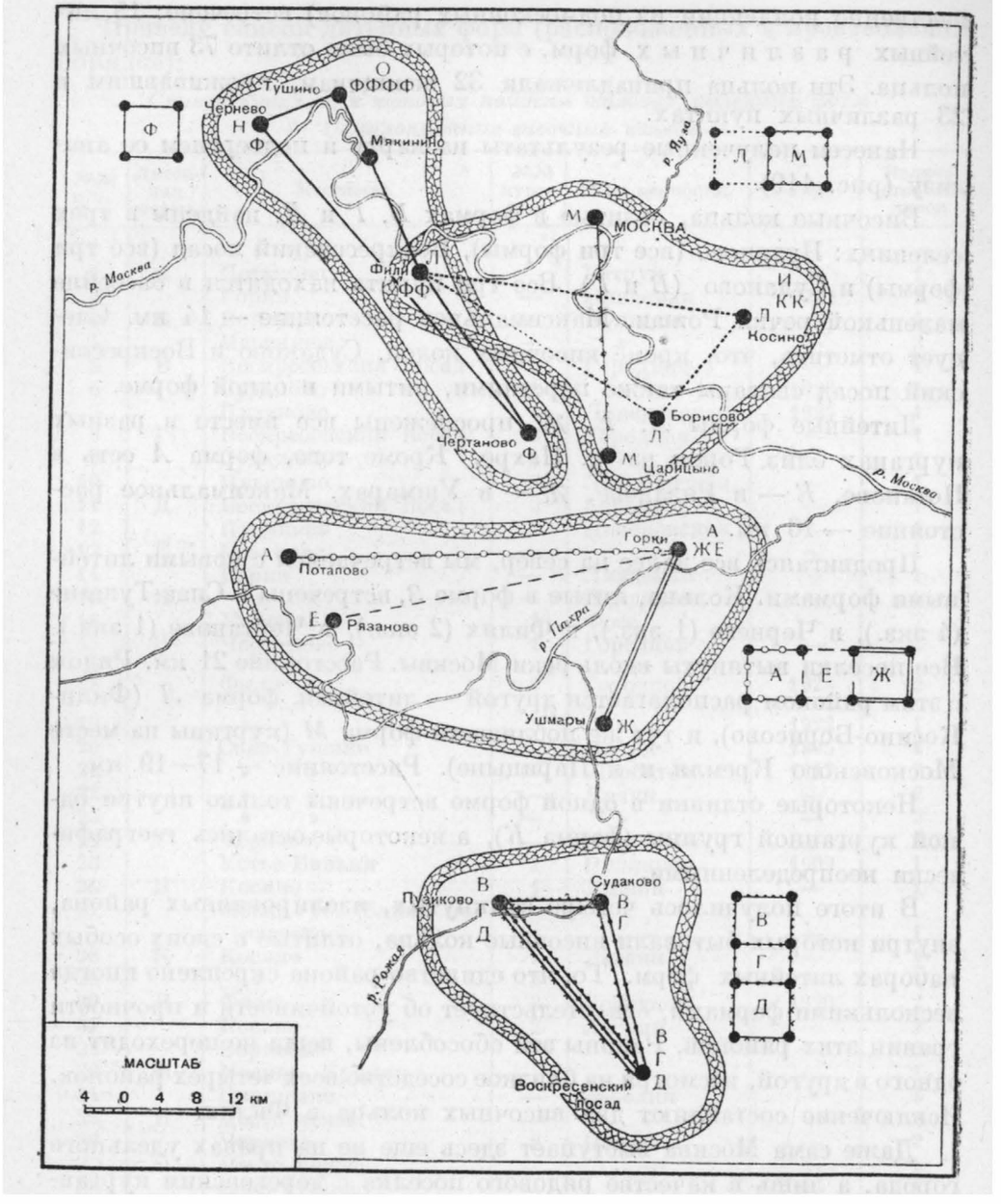


Рис. 119. **Районы сбыта височных колец — Подмосковье (буквами обозначены особые литейные формы, линиями соединены места находок вещей, изготовленных в одной форме)**

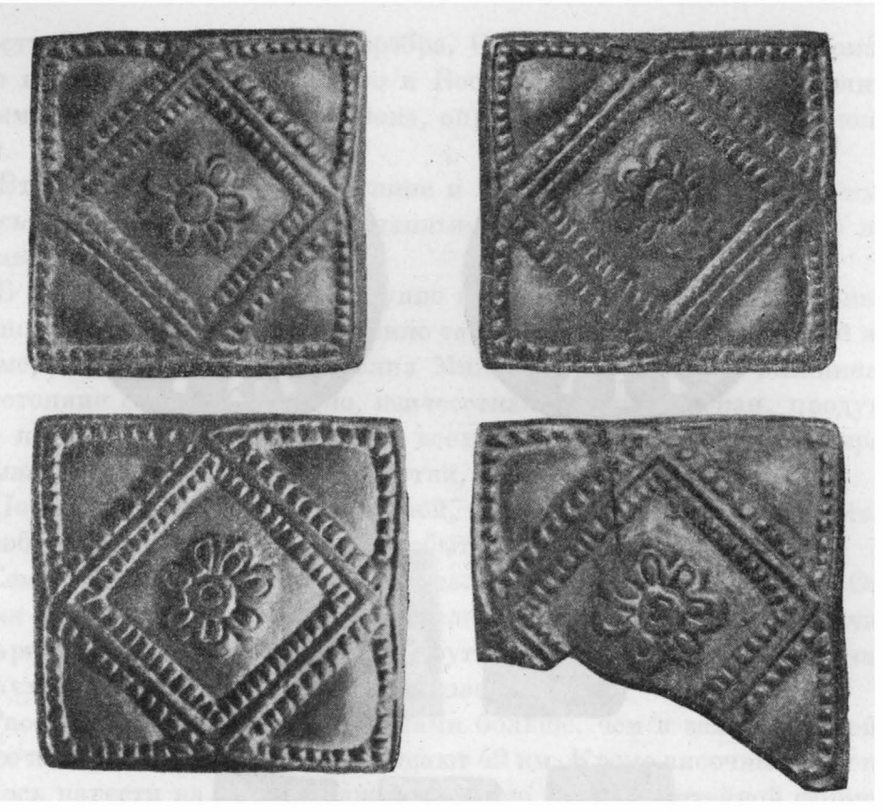


Рис. 120. Вещи, отлитые в одной литейной форме

отстоят друг от друга не далее двух десятков километров. Если предположительно поставить литейную мастерскую в геометрическом центре получившегося района сбыта, то окажется, что вятичским женщинам нужно было не больше одного-полутора часов, чтобы пешком дойти до своего «кузнеца серебру и меди». Достаточно было отойти 10—15 км в сторону, и там уже начиналась сфера влияния другого мастера.

На этой карте перед нами лежат микроскопические средневековые мирки, незначительные районы сбыта ремесленной продукции XI—XIII вв., позволяющие привести классическое определение ранней формы сбыта Лениным: «... рынок для сбыта изделий бывает первоначально крайне узким...»[21] «... докапиталистическая деревня представляла из себя (с экономической стороны) *сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких*

[21] В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 257; по 4 изд. стр. 288.

Рис. 121. Группы вещей, отлитых в одной литейной форме

производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости». [22]

Подмосковные курганы исследованы лучше, чем какой бы то ни было иной район, поэтому и картина рынков сбыта получилась здесь наиболее полная и законченная.

Для того чтобы проверить эти выводы и получить большее количество сравнительного материала, продолжу по другим районам поиски вещей, изготовленных в одной мастерской, и не только семилопастных височных колец, но и других категорий (рис. 119, 121).

Оставаясь в пределах Подмосковья, укажу на два типа литых

[22] В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 295; по 4 изд. стр. 331.

перстней из низкопробного серебра. Один тип встречен в знакомых уже нам курганах — Судаково и Воскресенский посад (расстояние 12 км), скрепляя единство района, определенного по височным кольцам.

Второй тип встречен в Тушине и Царицыне (расстояние 25 км). Здесь опять подтверждаются данные, полученные при анализе височных колец.

В Тушинской курганной группе найдена пряжка с характерным клиновидным хвостом. Совершенно такая же пряжка, литая в той же форме, найдена в курганах близ Мякинина: Тушино и Мякинино (расстояние 8 км). Очевидно, неизвестная нам мастерская, продукцию которой мы встречаем на всех соседних кладбищах, вырабатывала височные кольца, перстни, пряжки.[23]

Переходя к племени радимичей, мы также обнаруживаем там обособленные замкнутые районы сбыта.[24]

Семилучевые височные кольца дали две литейных формы. Отливки с одной из них встречены в следующих пунктах: Влазовичи, Казаричи, Гулевка. Отливки с другой формы — во Влазовичах (в двух разных курганах) и в Людкове.

Расстояние здесь между пунктами больше, чем в земле вятичей, но все же крайние точки не превышают 40 км. Кроме височных колец, удалось нанести на карту подвески, литые в одной литейной форме: п е т л и с т ы й тип — Влазовичи, Казаричи (расстояние 7 км); г р о з д е в о й тип — Хизово и Туровичи (расстояние 17 км).

Перейдем к смоленским кривичам. В качестве примера укажу решетчатые ромбические подвески, также литые в одной литейной форме. Один комплект их найден в б. Дорогобужском уезде (раскопки Спицына и Эйбоженко), другой — в соседнем с ним Юхновском (раскопки Булычова). Хотя точный пункт в первом случае неизвестен, но, зная район работ Спицына и Эйбоженко, расстояние до раскопок Булычова — около 20 км. На территории северян нормальный район сбыта также не превышает обычных норм. Круглые подвески с ложно-зерненым орнаментом, сделанные одним мастером, найдены в двух близких курганных группах: Гочево и Белогорье (около 20 км).

Количество выборочных примеров можно значительно увели-

[23] На другом конце вятичской земли, в Брынском лесу, также встречены височные кольца, литые в одной литейной форме (форма *Р*): Войлово и Колчино (расстояние 16 км).

[24] Б. А. Р ы б а к о ў. Радзімічы, стр. 115.

чить для различных областей, но и без того уже ясно, что средние расстояния между продукцией одного мастера очень близки к подмосковным, несмотря на географические различия и некоторые хронологические колебания. Однако при расширении географических рамок исследования, когда мы отвлекаемся от микроскопических замкнутых округ, мы неожиданно наталкиваемся на ряд исключений, несколько нарушающих нарисованную выше картину: отдельные вещи, отрываясь от своих округ, оказываются где-нибудь за сотни километров от них.

В приведенном выше примере с перстнями из Тушина и Царицына я умолчал о том, что третий перстень, литой в той же самой литейной форме, оказался не только вне намеченного района, но даже за пределами земли вятичей, за 500 км от Тушина и Царицына в упомянутой уже Белогорской группе.

Отдельные радимичские вещи, характерные для очень ограниченной территории, оказываются далеко вне ее. Семилучевые височные кольца найдены в Чернигове на пристани и близ Канева на берегу Днепра, на расстоянии 300 км от основной территории.[25] Вятичские семилопастные найдены в Суздальской земле, в 200 км от предела их основного расположения.[26]

Отлитые в одной литейной форме подвески с изображением птицы оказались разделенными еще более значительным пространством. Несколько подвесок было найдено в кургане у д. Коханы близ Ельни; одна оказалась в Швеции в погребении в Бирке.[27]

В кривичском же кургане в пределах того же Смоленского княжества (Мозыки) при раскопках Фурсова и Чоловского была найдена интереснейшая литая фигурка, изображающая бородатого мужчину с мечом у пояса и с каким-то кругом в правой руке.[28]

Совершенно тождественная фигурка, литая в той же форме, была найдена в 1923 г. при раскопках городища Тичи в Латвии на берегу Западной Двины.

Не подрывают ли приведенные примеры доверия к методу определения технологического тождества в целом?

[25] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Карта на стр. 98.

[26] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 46—55.

[27] G. Hallström. Birka, Stockholm, 1913, стр. 51, рис. 45.

[28] Фигурка, возможно, является языческим идолом, и круг в руке может быть расшифрован как венок или ритуальный «колач». Меч близок к мечу из Черной Могилы и из Киева. — М. В. Фурсов и Чоловский. Дневник курганных раскопок в пяти уездах Могилевской губ., Могилев, 1892.

Попытаемся рассмотреть все эти факты в связи с определенными историческими условиями XI—XII вв.

Подмосковный перстень, оказавшийся на границе русского мира и половецких степей, заставляет нас внимательно присмотреться к составу погребений Белогорских курганов. Оказывается, что этнический состав населения этого поселка был очень пестр. Там обнаружены радимичские и вятичские перстни, дреговичские височные кольца, мерянские подвески, вещи Гнездовского типа, прикамские (?) вещи, северянские височные кольца.

Совершенно такая же картина и в соседнем Гочеве: радимичи, северяне, половцы (?), мордва, поляки (?).

Далее на юго-запад, вдоль степной границы Руси, тянутся цепи пограничных крепостей, возникших в X — начале XI вв. (Мирополье, Нецаха, Липлява, Княжая Гора и др.). Во всех этих крепостях и их некрополях археологические раскопки раскрывают крайне пестрый племенной состав. Эти города нужно рассматривать в связи с летописным указанием на политику Владимира, строившего пограничные укрепления и «нарубавшего» в них лучших мужей от кривичей, вятичей, словен и чуди. Так, он построил в 992 г. Белгород «...много людий сведе в онь».[29] Позднее Ярослав и Мстислав расселяли пленных ляхов в русских областях.

Жители Друцка были переселены в специально выстроенный город Желни на Днепре, замыкающий собой левобережную цепь пограничных городищ, начатую Гочевским городищем.

В свете этих данных появление в пограничных русских городках отдельных вещей, изготовленных деревенскими мастерами за сотни километров от них, не должна нас удивлять. Установление же тождества вещей позволяет точно указать район комплектования гарнизонов порубежных крепостей.[30]

Украшения смоленских крестьянок, оказавшиеся в Швеции и Земигалии, невольно напоминают известную жалобу рижан витебскому князю, в которой картинно рассказывается, как какой-то рижанин отправился в Витебское княжество «дѣвкы купити» и как он заблудился и был ограблен тремя монахами, отнявшими у него меч.[31]

[29] Лаврентьевская летопись 988—992 гг.

[30] Заселение берегов реки Псла (Гочево, Мирополье, Белогорье) вятичами могло произойти в XII в., когда Переяславское княжество было тесно связано с Владимиром Суздальским.

[31] Полный текст грамоты приведен Аристовым («Промышленность древней Руси», стр. 263).

Более удачливый охотник за живым товаром мог увезти «девку» и в Латвию и в Бирку.

Единичные случаи отрыва древнерусских деревенских вещей от своих небольших районов нормального сбыта могут быть в каждом конкретном случае объяснены исторически (принудительное переселение, работорговля, поход) и в качестве исключений не опровергают, а подтверждают установленную выше «сеть мелких местных рынков», характерную для русской феодальной деревни.

Произведенный посильный «разбор экономических данных о каждом мелком промышленнике» (потребовавший трудоемкой и кропотливой работы по выискиванию среди многих тысяч курганных предметов вещей, изготовленных одним ремесленником) вознаградил нас конкретными сведениями о деревенских литейщиках, обслуживавших ограниченный район радиусом в 10—15 км.

При таких незначительных размерах района сбыта височных колец, перстней, пряжек и различной «гривной утвари» не может быть и речи о каком бы то ни было централизованном производстве украшений для целого племени в столицах княжеств.

Если на карту распространения семилопастных (вятичских) и семилучевых (радимичских) височных колец мы нанесем наши районы сбыта продукции одной мастерской, то окажется, что для удовлетворения потребности всех вятичских женщин в традиционных украшениях необходимо было около 150 мастерских, разбросанных на расстоянии 20—30 км друг от друга.

Для самого маленького племени — радимичей — нужно было 40—50 литейных мастерских, чтобы сеть их мелких рынков покрыла территорию распространения семилучевых височных колец.

2. РАЙОНЫ СБЫТА ПРОДУКЦИИ ГОРОДСКИХ МАСТЕРОВ

Изучение городского ремесла с точки зрения его экономических связей сопряжено с большими трудностями, чем изучение ремесла деревенского. Неоднократно отмечавшееся отсутствие городских некрополей после XI в. лишает нас того устойчивого статистического фундамента, которым мы располагаем для деревни в виде многочисленных курганов.

Кроме того, для той части городского населения, которая оставила нам археологические следы в виде кладов драгоценностей, т. е. для княжеско-боярской среды, необходимо отметить несравненно бо́льшую подвижность по сравнению с жителями деревни. То, что для крестьянок XI—XIII вв. было исключением (притом почти всегда принудительным), то для княгинь и боярынь было обычным явлением. Перемещения князей на княжеских столах (производившиеся всегда со свитой), выдача замуж за далекого князя, наконец, простые путешествия с целью навестить родственников — все эти перемещения людей неизбежно были связаны и с перемещением предметов личного обихода. Легкость общения между собой боярства разных городов и княжеств еще больше усложняла картину.

Приведу два примера. В дружинном кургане Ростово-Суздальской Руси А. С. Уваровым был найден поясной набор с квадратными литыми бляшками, украшенными пышным изображением княжеского знака Ярослава Мудрого. Такой же поясной набор был обнаружен в одном из новгородских курганов в Приладожье. Бляшки обоих наборов отлиты в одной форме. Расстояние между обоими пунктами — около 450 км. По свидетельству В. Н. Татищева, Ярослав первоначально княжил в Ростове, а затем в Новгороде. Дружинники (может быть, близкие слуги князя, с княжеской тамгой на поясе) сопровождали князя при переходе с одного стола на другой, и могилы их оказались и в Ростовской и в Новгородской землях.[32]

Второй пример. В Старой Рязани в составе клада 1868 г. найдены тонкие тисненые бляшки, оттиснутые на одном штампе с бляшками из Киевского княжества (Княжья Гора) и из клада близ Чернигова (Святое озеро). Кроме того, там же есть серебряные тисненые колты с чернью, близкие к работе черниговских мастеров и представляющие единичную находку в рязанских древностях. В «Сказании о приходе Батыя на Рязань» говорится о том, что татары ограбили не только коренных рязанцев, но и оказавшихся здесь их киевских и черниговских «сродников», «узорочье» которых особо отмечено автором «сказания». Не с этим ли связано сходство рязанских колтов с черниговскими и полное тождество тисненых бляшек с княжегородскими и святоозерскими?

В городах Среднего Приднепровья к предметам литейной техники добавляются, в качестве объектов исследования, вещи из тонкого серебра, тисненные на матрицах.

---

[32] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности, стр. 240, 241.

В разделе, посвященном тиснению, уже указывалась находка восьми колтов (типа Ханенко, № 973) в Киеве и двух тождественных им колтов в Переяславле. Расстояние — 70 км. Две пары колтов с хорошим черневым рисунком найдены в двух пунктах: в Мартыновке на р. Роси и в Терехове на Оке (расстояние — ок. 480 км).[33]

Полуцилиндрики для подвешивания колтов, сделанные на одной матрице, найдены в Святоозерском кладе и в Черниговском 1887 г. (золото) (расстояние — 17 км).

Но наиболее массовой все же является литейная продукция, представленная змеевиками и крестами — энколпионами. К сожалению, большинство их относится к случайным находкам и лишь немногие поддаются географическому определению. Важнейшие фототипические публикации энколпионов принадлежат Б. И. Ханенко, Леопардову, Черневу, а также Н. Петрову.[34]

Всего в моем распоряжении было 342 энколпиона, потребовавших 58 311 сопоставлений. Основной район их распространения очерчивается следующими пунктами:

Киев	Белая Церковь
Белгород	Чернигов
Сахновка (р. Рось)	Богуслав
Вышгород	Городок (близ Радомысля)
Житомир	Перещепино (близ Полтавы)
Витичев	Райковецкое Городище
Любеч	Девичь-Гора
Овруч	Канев
Владимир Волынский	Княжья Гора
Васильков	

Как видим, главный район бытования энколпионов — это Среднее Приднепровье.

[33] А. А. Бобринский. Курганы..., табл. XX, рис. 7—8; А. С. Гущин. Памятники..., табл. XIV и XV. — У Н. П. Кондакова в «Русских древностях» первый пункт ошибочно назван не Мартыновкой, а Мироновским фольварком, стр. 116—117.

[34] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Кресты и образки, вып. I и II, Киев, 1907. — Ввиду сплошной нумерации в обоих выпусках ссылки делаю только на номер рисунка; Леопардов и Чернев. Сборник снимков с предметов древностей, находящихся в Киеве в частных руках, вып. 1, 2 и 3—4. Н. Петров. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея Киевской духовной академии, Киев, 1915; Каталог собрания древностей А. С. Уварова, М., 1907. Кроме того, использованы коллекции Московского и Киевского Исторических музеев.

Удалось обнаружить 32 различных литейных формы с общим количеством в 127 отливок. Большинство форм имело от 2 до 5 отливок, но некоторые — по 8, 12 и даже 16 отливок. Остановлюсь на последнем случае, как на наиболее полном.[35]

Крест-складень — литой из бронзы с тщательной скульптурной работой, но с обратными надписями, происшедшими оттого, что мастер резал их прямо на литейной форме; поэтому на отливке они получились негативными. (Рис. 105). Дата устанавливается по находкам их в Киеве в комплексах 1240 г. (землянка близ Михайловского монастыря и тайник Десятинной церкви, через который киевляне пытались бежать во время осады города Батыем).

Самым важным в приведенном примере является то, что в Киеве близ Десятинной церкви была найдена литейная форма для отливки этих крестов.[36] Следовательно, мы получаем здесь не только район сбыта, но и производственный центр этого района, чего не было у нас при рассмотрении деревенского ремесла.

Киевские энколпионы, вышедшие в 1230-х годах из мастерской в Старом Городе, имели два резко различных ареала. Часть их была найдена на Северном Кавказе и в Поволжье, в районе летних кочевий Батыя, и по всей вероятности, связана с уводом киевлян в татарский полон. В данной связи эти далекие находки не могут нас интересовать, так как к экономике ремесла отношения не имеют.

Другой район их распространения (очевидно, до нашествия) значительно важнее:

Киев (несколько находок)	расстояние 200 км
Васильков	
Городск	
Девичь-Гора	
Княжья Гора	
Канев	
Райковецкое Городище	

[35] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., рис. 41 и 42 (Княжья Гора); Леопардов и Чернев. Ук. соч., табл. IV—V, рис. 28, 29; вып. 2, табл. I—II, рис. 3; табл. III, рис. 10, 11; вып. 3, табл. IV, рис. 1; Н. Петров. Ук. соч., табл. XVII, рис. 1, 2; Раскопки Гезе на городище Девичья-Гора (фотоархив ИИМК, № 3733); Находки близ Канева (фотоархив ИИМК, № 4036); М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве (КС ИИМК, вып. X, рис. 25); Коллекции ГИМ и Киевского исторического музея; ОАК за 1900 г., стр. 97.

[36] Воспроизведение, см.: В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища как исторический источник, Киев, 1914, табл. I.

Общее протяжение очерченного района сбыта около 200 км; по отношению к Киеву район больше вытянут в южном направлении, чем в северном. Характерно, что все энколпионы распространены, во-первых, только в городах, а, во-вторых, только в городах Киевского княжества (включая сюда и Поросье), не переходя нигде за его политические границы конца XII — начала XIII вв.

Данные о других энколпионах вполне подтверждают полученное представление об объеме района сбыта. Приведу несколько примеров:

Вышгород Княжья Гора (2 экз.) с. Григоровка близ Киева	расстояние 110 км[37]
Сахновка Перещепино	расстояние 230 км[38]

Ту же картину дают и змеевики. Так, например, бронзовая отливка в той же литейной форме, в которой мастер отливал знаменитую золотую «черниговскую гривну», найдена в Ганниной Пустыни в 95 км от Чернигова.[39]

При сопоставлении с районом сбыта деревенских ремесленников оказывается, что продукция городских мастеров покрывала район в десять раз больший по протяжению и в сто раз превосходящий деревенский по площади.

Выше я отметил намечающуюся зависимость между границами княжества и районом сбыта столичных мастеров, но бывают и исключения, когда киевские изделия попадают в Новгород, в Херсонес и даже в Богемию и Болгарию (Дунайскую), где встречаются русские энколпионы XI—XII вв., иногда даже литые в одной форме с киевскими.

[37] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., № 65—66; Леонардов и Чернев. Ук. соч., вып. 2, табл. IV, рис. 8; вып. 3, табл. II, рис. 21; Вышгород, раскопки 1935 г. — Коллекции ГИМ.

[38] Б. И. Ханенко. Ук. соч., рис. 256—257; Н. Петров. Ук. соч., табл. XVII, рис. 9. Кроме этих двух энколпионов, найдены еще 3, литые в этой же форме, но без указания места находки.

[39] Валентин Шугаєвський. Мідяний змієвик Чернігівського муею. — «Чернігів та Північне Лівобережжя», Київ, 1927, стр. 231.

Итак, применение метода определения тождества вещей позволило выявить небольшие районы сбыта для деревенских мастеров и значительно бо́льшие для их городских собратьев. Однако установлением факта, что деревенский литейщик обслуживал соседние деревни, а городской — соседние города, не исчерпывается тот круг экономических вопросов, который может быть затронут в связи с анализом археологического материала.

Картографирование разнообразных археологических предметов XI—XIII вв. выявило, что наряду с устойчивыми и определенными областями распространения вещей, упирающимися в древние племенные рубежи, в деревнях встречаются вещи с очень значительной областью распространения, но не подчиненной никаким традиционным границам. Так, например, в деревенских курганах Владимиро-Суздальской Руси встречены небольшие квадратные иконки, литые в одной литейной форме. Район их распространения: Сверчково (б. Юрьевского у.), д. Зворыкина на Шексне близ Белоозера и неизвестное селение близ Богородска Моск. обл. (расстояние 300—400 км).[40]

Подвески с ложной зернью и с позолотой, литые в одной литейной форме, встречены в следующих местах:

Бригидов Двор близ Речицы Окрестности Бобруйска Ванюжиницы близ Мозыря Княжья Гора Сахновка Мироновка	расстояние 380 км[41]

Эти подвески, явно подражающие сложной городской технике и имитирующие золотые вещи, найдены в самых различных условиях: в дреговичском Полесье — в деревенских курганах, а в Поросье — в богатом кладе вместе с городскими вещами.

Широкое распространение в XI в. имеют подвески гнездовского типа с различными драконами. Они также встречаются и в деревнях и в городах в земле кривичей, радимичей, северян и полян.

[40] ИАК, 1905, вып. 15, рис. 218 и 226.

[41] В. З. Завитневич. Вторая археологическая экспедиция в Припятское Полесье. — «Чтения в Общ. Нестора Летописца», кн. VI, Киев, 1892; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, рис. 371; Фотоархив ИИМК.

В западных областях Киевской Руси очень широко распространены медные бусы из проволочного каркаса с крупной зернью. Область их распространения может быть приблизительно очерчена так: на востоке они доходят до Днепра, на севере — до Минска, на западе — до Восточной Галиции, на юге — до лесостепной Волыни. Поперечник области — около 400 км. Считать эти бусы изделием деревенских ремесленников очень трудно, так как техника их изготовления довольно сложна. Встречаются они и во многих городах Среднего Приднепровья (кроме Киева).

К вещам такого же типа, имеющим очень широкую область распространения и не связанным с местными племенными типами, можно отнести лировидные поясные пряжки, одинаковые почти во всех русских областях XI—XII вв.

Интересна область распространения языческих амулетов в виде гребней, коньков, миниатюрных ложечек, ключиков, крошечных бронзовых топориков с рукоятями, подражаний волчьим челюстям, ковшичков, ножей, рыб, птиц. Такие амулеты иногда монтировались в специальные наборы. Область их распространения — окрестности Смоленска, Приладожье, Псков, Суздальская земля, радимичи.

Любопытно, что торговля амулетами в XI—XII вв. шла, очевидно, хорошо, так как часто встречаются амулеты стандартной выработки. Устойчивость форм в сочетании с очень широкой областью распространения указывает на весьма ограниченное число мест их выработки. Судя по густоте находок их вокруг Смоленска, центр их производства следует искать или в самом Смоленске или поблизости от него.

С юга, как бы в противовес этой языческой стихии, двигались массы вещей христианского культа — многочисленные образки, тельники, крестики и т. д.

Остановлюсь на бронзовых крестиках с желтой выемчатой эмалью. Четыре из них, сделанные одним мастером, разбросаны в следующих местах: Киеве, Влазовичах (радимичи), верховьях Волги и Костроме. Расстояние — 600 и 1100 км от Киева.[42]

Очень близкие по типу крестики с выемчатой желтой эмалью встречены почти во всех русских областях (рис. 106): от Дрогичина — на западе до Рязани и Костромы — на востоке; от Канева — на юге до Приладожья и Прибалтики — на севере. В деревенских курганах попадаются крестики с дешевой эмалью. Встречаются они и в городах. Особенно ценно то, что литейная форма для литья одного типа крестов была найдена на городище Княжья Гора.[43]

Вместе с крестиками встречаются монеты X—XI вв., но датировать X в. их нельзя по всей совокупности вещей.

Сочетание всех перечисленных фактов делает данные предметы очень важными для решения вопроса о взаимоотношении города и деревни в XI—XII вв. Изложу кратко выводы, вытекающие из анализа карты распространения выемчатых эмалей (см. рис. 106):

1) выемчатые одноцветные эмали изготовлялись в Среднем Приднепровье в XI—XIII вв.; кроме Княжьей Горы, мастерские могли быть и в других городах (напр., Киеве);

2) часть продукции оседала в Киевском княжестве, где очень часты находки подобных вещей;

3) значительная часть крестиков с желтой эмалью направлялась в деревню и проникла в самые глухие углы различных русских княжеств;

4) район сбыта эмалей имеет протяжение с запада на восток — 1400 км, с севера на юг — 1300 км.

Поскольку речь зашла об эмали, уместно вспомнить широкое распространение глиняных писанок, покрытых многоцветным эмалевым узором (преобладает желтый цвет). Эти киевские писанки так же, как и крестики с желтой эмалью, находили широкий сбыт как в городах, так и в деревнях древней Руси. Часть их попадала даже в зарубежные страны совершенно так же, как и крестики с эмалью.[44]

Третьим элементом стеклодельно-эмальерного комплекса, тесно связанным и с эмалью и с поливной керамикой, является стекло.

Самая частая находка на древнерусских городищах — стеклянные браслеты, вырабатывавшиеся с конца X столетия. Центром их производства был Киев, где раскопками обнаружена мастерская по выделке стеклянных браслетов со следами массового производства в виде множества производственного брака и заготовок в большом количестве стеклянного теста. Перечислить места находок стеклянных браслетов — это значит дать полный список русских домонгольских городищ. От Дрогичина до Мурома и от Ладоги до Белой Ве-

[42] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., Кресты и образки, вып. II, табл. XXI, рис. 244; Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 115; ИАК, 1904, вып. 6, табл. IV, рис. 6; МАВГ, т. III, табл. VI, рис. 11.

[43] Н. Петров. Ук. соч., стр. 26.

[44] Киевские писанки и крестики известны в Швеции. См.: T. Arne. La Suède et l'Orient, Uppsala, 1914.

жи и Тмутаракани во всех слоях X—XIII вв. имеются в огромном количестве голубые, зеленые, желтые, фиолетовые, черные, топазовые обломки стеклянных браслетов. Район сбыта вполне соответствовал производственному размаху киевской мастерской.[45]

Влияние какого-то столь же мощного производственного центра ощущается и при ознакомлении с ассортиментом древнерусских деревенских бус. Наиболее распространенные из них в XI—XII вв. — это стеклянные бусы с позолоченной или посеребренной прокладкой. Их ареал довольно близок к ареалу стеклянных браслетов. Возможно, что и местом их изготовления был тот же Киев.

Говоря о работе городских мастеров на широкий рынок, следует вспомнить о прекрасных трубчатых висячих замках с секретным вырезом (мастерская в Киеве), а также о тех литейных формах, в которых киевские ювелиры XII—XIII вв. отливали из меди и бронзы подражания золотым столичным украшениям, воспроизводя простым литьем кропотливую технику зерни и скани. То обстоятельство, что мастер с необычной тщательностью вырезывал на литейной форме сотни микроскопических углублений для ложной зерни и делал тонкую косую насечку для подражания филигранной нити, свидетельствует о том, что у него был расчет на долгую службу этой формы, расчет на постоянный налаженный сбыт своей литейной продукции.

Анализ деревенских вещей недеревенского происхождения, картографирование их, показывающее тысячеверстную разобщенность вещей, вышедших из одной мастерской, и, наконец, анализ самого городского производства — все это привело нас к интереснейшему вопросу древнерусской экономики, к вопросу о работе городских мастеров в XI—XIII вв. на широкий рынок сбыта, настолько удаленный от товаропроизводителя, что здесь и речи быть не может о работе на заказ.

В самом деле, где пределы допустимого территориального удаления заказчика от мастера, превышение которого ставит уже под сомнение возможность общения мастера и потребителя без помощи

[45] К сожалению, находки стеклянных браслетов очень редки в курганах. Можно насчитать не более десятка случаев захоронения их вместе с покойницами. Несколько чаще встречаются они в насыпи курганов, разбитые во время погребального пира. Изобилие браслетов в городищах и отсутствие их в курганах, по всей вероятности, нужно объяснить каким-то суеверным запретом. Находки в курганах помогли бы уточнить карту распространения браслетов, так как городища дают лишь общие очертания.

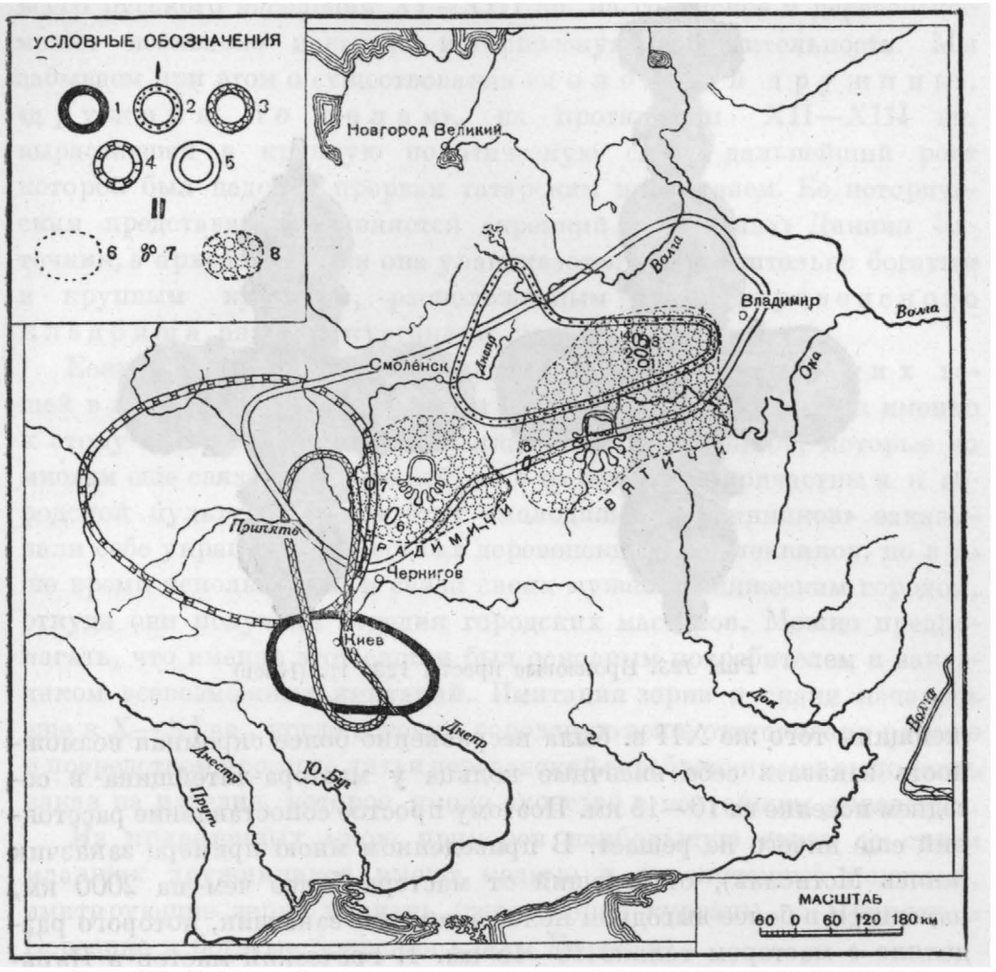


Рис. 122. Районы сбыта продукции деревенских и городских ремесленников

1 — энколпионы, место изготовления — Киев; *2* — подвески с прорезью; *3* — подвески с позолотой; *4* — бусы «минские»; *5* — амулеты зооморфные; на карты нанесены ареалы вещей, сделанных одним мастером; место изготовления неизвестно; *6* — область распространения племенных типов вещей; *7* — район сбыта продукции одного мастера (ареал вещей, отлитых в одной литейной форме); *8* — приблизительный расчет количества замкнутых районов сбыта для всей области распространения вещей данного типа

посредника? Ответ на этот вопрос может быть дан только в связи с точным, конкретным определением круга заказчиков.

Совершенно естественно, что возможность общения с мастером будет различна у крестьянки с берегов затерянной в лесах речки Рожаи и у дочери или жены какого-нибудь князя. Если князь Мстислав Владимирович мог послать своего человека из Новгорода в Константинополь для украшения переплета книги, то у вятичской

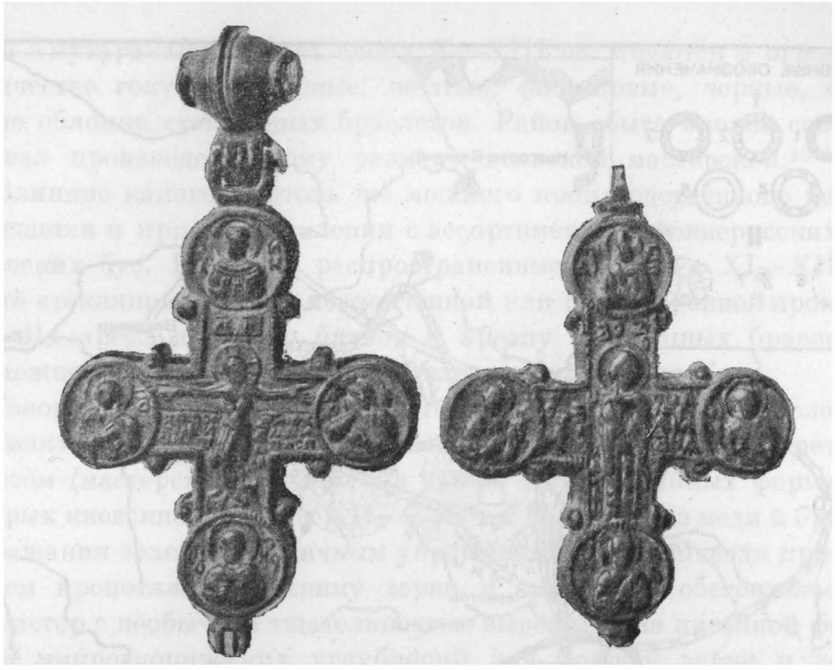


Рис. 123. Бронзовые кресты 1230 гг. (Киев)

женщины того же XII в. была несравненно более скромная возможность заказать себе височные кольца у мастера-литейщика в соседнем поселке за 10—15 км. Поэтому простое сопоставление расстояний еще ничего не решает. В приведенном мною примере заказчик (князь Мстислав), отстоявший от мастера более чем на 2000 км, находится в более выгодном положении, чем заказчик, которого разделяло с мастером только 10—15 км. И греческий мастер в Царьграде и безвестный «льятель» дешевого серебра в земле вятичей одинаково выполняли работу на заказ.

Если мы возьмем район сбыта киевских энколпионов (рис. 123) и змеевиков (100—200 км), то мы непременно должны учесть, что этот сорт изделий распространялся только в г о р о д а х; в деревенских курганах энколпионы и змеевики не встречаются никогда. А для провинциального боярства и дружины, тесно связанных с центром княжества (он же и центр производства интересующих нас вещей), расстояние в 100—200 км не представляло серьезного препятствия. Следовательно, и здесь можно допустить работу на заказ, хотя вполне вероятно и производство на рынок (рис. 122).

Обращаясь к курганному (деревенскому) материалу, необходимо предварительно заметить, что излишне четкое двучленное деление

всего русского населения XI—XIII вв. на городское и деревенское может несколько исказить историческую действительность. Мы забываем при этом о существовании «м о л о д ш е й д р у ж и н ы», «д р у ж и н ы п о с е л а м», на протяжении XII—XIII вв. выраставшей в крупную политическую силу, дальнейший рост которой был надолго прерван татарским нашествием. Ее историческим представителем является «крепкий в замыслах» Даниил Заточник, а археологически она улавливается по сравнительно богатым и крупным курганам, расположенным среди д е р е в е н с к о г о к л а д б и щ а рядом с курганами смердов.

Если произвести соответствующий подсчет г о р о д с к и х вещей в курганах, то значительная часть их будет относиться именно к этому промежуточному слою младших дружинников, которые во многом еще связаны с деревней, но в то же время причастны и к городской культуре. Жены этих «молодших дружинников» заказывали себе украшения у местных деревенских ремесленников, но в то же время использовали и связи своих мужей с княжеским городом, откуда они получали изделия городских мастеров. Можно предполагать, что именно этот слой и был основным потребителем и заказчиком всевозможных имитаций. Имитация зерни и скани началась еще в X—XI вв., когда готовую городскую вещь оттискивали в глине и посредством простого литья деревенский серебренник мог выполнить заказ на изделие, которое имело сходство с настоящим городским.

Из приведенных мною примеров наибольшую связь со слоем младших дружинников имеют медные и позолоченные подвески, имитирующие зернь и скань (деревенские курганы по Припяти и Березине и богатые боярские клады Поросья).

Эти имитации городских вещей попали в деревню, по всей вероятности, при посредстве дружинников, бывавших время от времени в городе.

Напомню также распространение в Смоленском княжестве в деревенских курганах подвесок гнездовского типа (с драконами) и серебряных криновидных подвесок (см. выше раздел «Тиснение»), известных только по богатым боярским кладам.

К этому же разделу вещей относятся и дешевые медные или серебряные колты, изготавливавшиеся в Киеве, но находимые исключительно среди населения пограничных крепостей Киевского и Переяславского княжеств.

По отношению к территориальным связям мелкодружинного слоя нужно отметить зависимость от д а н н о г о княжеского го-

рода и сравнительную ограниченность этих связей приблизительными политическими очертаниями княжеств.

В Смоленской земле сильно чувствуется влияние смоленского ремесла на инвентарь богатых курганов в деревнях. В Среднем Приднепровье таким центром притяжения был Киев, на севере — Новгород и т. д.

Связь провинциальных дружинников с мастерами княжеской столицы могла осуществляться как путем заказа, так и покупки у мастера (или на торгу?) уже готового изделия.

Уловить по технике изготовления вещей характер работы (на заказ или на рынок) не всегда возможно. Одной из интереснейших находок в этом отношении является найденная в Киеве заготовка для шейных гривен (см. выше раздел «Волочение проволоки»).

Прежде всего отмечу, что материал заготовленного бунта — медь, употреблявшаяся только для деревенских гривен. Все известные нам городские гривны сделаны или из серебра или из золота.

Мастером-киевлянином заранее была проволочена толстая медная проволока и тщательно скручена в жгут из трех проволок. Если бы мастер готовил гривны только для рынка,он, несомненно, заранее нарезал бы жгут, проковал концы, словом, сделал бы серию готовых вещей, рассчитанных на неизвестного покупателя. Между тем, мастер, заготовив жгут на 8 гривен, аккуратно сложил его в бунт и на этом прекратил предварительную работу.

При появлении заказчика, ювелир отрезал от бунтов необходимый кусок, проковывал его концы и, отделав гривну после получения заказа, продавал ее заказчику. У этого ювелира чувствуется еще неуверенность в будущих заказах, заставляющая его воздерживаться от предварительного изготовления всей гривны целиком. Но отсюда уже только один шаг, чтобы от работы на заказ (с предварительным выполнением $^{9}/_{10}$ самой тяжелой части ее) перейти к работе на «будущего заказчика», а следовательно, к работе на рынок.

До сих пор мы рассматривали ту часть продукции городских мастеров, которая с равным правом позволяла говорить как о работе на заказ, так и о работе на рынок. Но в перечисленных выше материалах содержатся и более определенные указания на характер некоторых производств. Карты распространения в деревнях и городах стеклянных браслетов, крестиков с выемчатой эмалью, керамических «писанок» с эмалевой поливой свидетельствуют о таком диапазоне производства и хорошо налаженного сбыта, который не оставляет

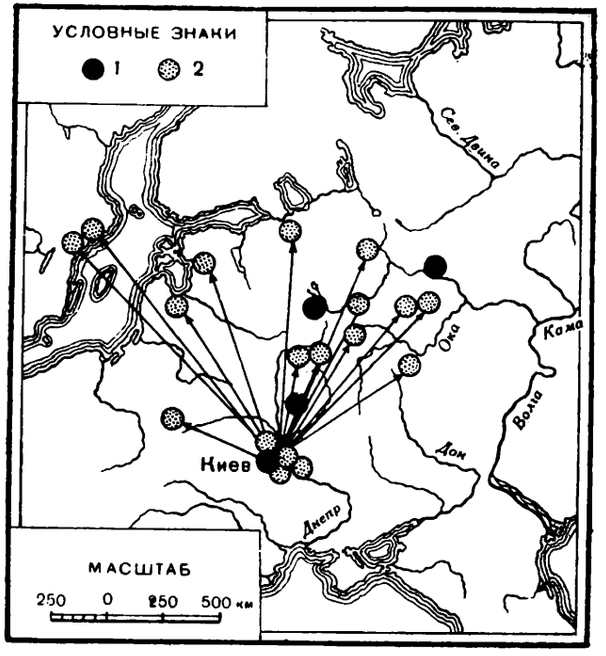


Рис. 124. Распространение киевских изделий с выемчатой эмалью
1 — вещи, сделанные одним мастером

сомнений в работе киевских стеклоделов, эмальеров и керамистов на рынок и притом рынок очень широкий. (рис. 124).

Проникновение киевских изделий в Прибалтику, в костромское Заволжье, на берега Западного Буга и нижнего Дона, в глухие леса Пошехонья невозможно объяснить личным общением мастера с потребителем. Изделия одного мастера оказываются разделенными расстоянием в 1100 км.

Встретившись с таким фактом, мы должны допустить существование посредников в виде каких-то офеней или коробейников, разносивших по медвежьим углам древней Руси «щепетильные» товары киевских мастеров.

Наличие большого количества мелких купцов, отвечающих нашим представлениям о коробейниках, явствует из описания событий 1215 г., когда в качестве репрессии против Новгорода Ярослав Всеволодич в Торжке «... гостьбници изъимавъ я вся посла исковавъ по своимъ городамъ..., а бяще всѣхъ Новгородець бо-

лее 2000» (разрядка наша. — *Б. Р.*). Такому же аресту подверглись новгородские купцы и в Переяславле Залесском: «изымя новгородци и смоляне, иже бяху зашли гостьбою в землю его» (разрядка наша. — *Б. Р.*). В результате заточения в гриднице 150 купцов задохлись. Общее число их было очевидно больше.[46]

Лишь допустив наличие мелкой разносной торговли, можно объяснить такое количество гостей, сразу захваченных Ярославом.

3. СБЫТ ОВРУЧСКИХ ШИФЕРНЫХ ПРЯСЛИЦ

В теснейшей связи с подобными коробейниками стоит торговля шиферными пряслицами. Овручский камнерезный промысел представляет собой исключительно важное явление в истории русского домонгольского хозяйства. Этот промысел впервые знакомит нас с деревенской кустарной промышленностью XI—XIII вв., рассчитанной, подобно городской, на массовое изготовление и на очень широкий рынок.

Строгая ограниченность района производства местами залегания красного шифера и наличием в районе 5 мастерских еще больше повышает значение производства пряслиц для установления правильных взглядов на хозяйство Древней Руси. Поэтому карта распространения шиферных пряслиц овручского изготовления требует пристального внимания (рис. 125). Относительно русских земель можно сказать, что шиферные пряслица проникали решительно во все углы каждого княжества, каждого племени. На юге граница шиферных пряслиц доходит вплотную до степи. Упоминавшаяся выше цепь русских южных пограничных крепостей густо насыщена ими. В степи же бытовали пряслица или вылепленные из глины, или выточенные из черепков сосудов. В Саркеле, который с XI в. стал русским городом, есть оба типа пряслиц — и черепичные и шиферные.[47]

Уточняю границу: с востока на запад — город Донец, городище Ратское, Гочевское, Миропольское, Белогорское, Вашкевичское, Ахтырское, Ницахское, город Полтава, Липлявское городище на берегу Днепра. На правом берегу Днепра область шиферных пряслиц идет чуть южнее Роси через Канев, Княжью Гору на Корсунь (изредка они встречаются близ Звенигорода) и Каменец Подольский, далее на Перемышль, Трембовлю (древний Теребовль), Галич (Крылос, Подгорье), Самбор, Звенигород Львовский, Владимир Волынский, Луцк, Чарторыйск.[48]

Далее граница идет на северо-запад — к Берестью и Дрогичину. В Дрогичине особенно много шиферных пряслиц.[49]

Затем граница массовых находок отклоняется на северо-восток, охватывая Гродно.[50] От Гродно граница идет на Новогрудок, Изяславль и Минск и далее на север. В этом районе граница приобретает строго этнографический характер: шиферные пряслица встречаются только в русских курганах и сопряженных с ними городи-

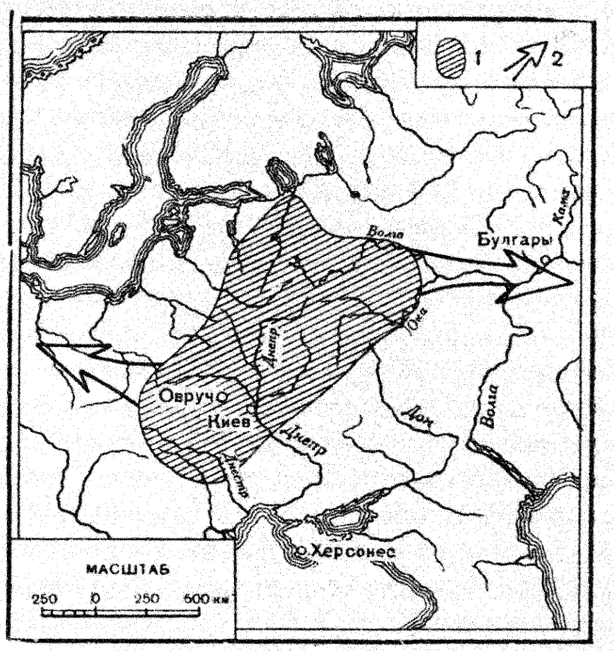


Рис. 125. Распространение шиферных пряслиц

1 — районы сбыта шиферных пряслиц, изготовленных в окрестностях г. Овруча; *2* — направления экспорта овручских шиферных пряслиц

[46] Новгородская I летопись 1215 г. Новг. IV летопись 1216 г.

[47] Коллекции ГИМ.

[48] Этот отрезок границы уточнен по материалам Львовского и Луцкого музеев.

[49] См. коллекции Авенариуса и Тышкевича в ГИМ. О находках в Польше, равно как и в других соседних государствах, см. ниже.

[50] При раскопках Дурчинского в Гродно в 1939 г. было найдено пряслице розового шифера с надписью (см. выше).

щах. Этот подчеркнуто русский этнографический характер области шиферных пряслиц сохраняется на всем протяжении западной границы Полоцкой и Новгородской земли. На запад от русского рубежа, в землях Литвы, Земиголы, Лотыголы, Тавастов и Рединов бытуют только пряслица своеобразной формы — с несколькими глубокими кольцевыми нарезами на корпусе.

Возможно, что распространение пряслиц только в русских областях объясняется мелким характером разносной торговли: купцам-офеням трудно было появляться в стране с незнакомым для них языком.

Далее пряслица идут по рубежам Новгородской земли до Приладожья. Южный берег Ладожского озера знает еще пряслица из овручского красного шифера, но уже на восточном берегу, севернее реки Свири, в карельских курганах, этих пряслиц уже нет. Пряслица здесь иной формы, с концентрическими кругами на плоских основаниях и сделаны из местного серого сланца.[51]

Северо-восточная граница области красно-шиферных пряслиц менее определенна и прерывается огромными массивами необитаемых лесов. Можно наметить такие пункты, как верховья Мологи, Череповец и Белоозеро, и далее на юго-восток, к Костроме. От Костромы редкие находки пряслиц идут по правому берегу Волги в направлении на Муром. Здесь граница теряет свою этнографическую определенность, и шиферные пряслица можно найти в Мордовских могильниках.

Юго-восточная граница прослеживается плохо по причине слабой изученности по линии Рязань — Воронеж — Белгород. В Старой Рязани и в Пронске шиферных пряслиц очень много (есть с надписями). Есть они и в окрестностях Воронежа; промежуточные же звенья неясны. Вновь начинается сплошная область с восточных частей Курской области в верховьях рек Сейм, Псел, Донец.

Огромная область распространения красно-шиферных пряслиц, обозначившаяся уже в XI в. (см. выше находки с монетами X—XI вв. на Мологе и в Вятской Пятине), почти полностью совпадает с областью распространения стеклянных браслетов.

В меньшем количестве, но с таким же широким размахом распространялись выемчатые эмали.

[51] В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, Л., 1934, табл. IV, рис. 9 (д. Ребола, кург. № 5).

В двух случаях отправной точкой торговцев этим мелким товаром были Киев и Княжья Гора (эмали и браслеты), а в третьем — особый производственный район в пределах Киевского княжества.

Мне представляется наиболее вероятным, что сбыт всех подобных мелких предметов проводился одними и теми же лицами, по всей вероятности, киевскими торговцами, которые ходили по русским городам и селам «нося бремени тяжкие», состоявшие из эмалевых крестиков, стеклянных браслетов, бус и красно-шиферных пряслиц. Характерно, что летопись, говоря о 2000 торговцах, арестованных Ярославом, называет их не купцами и не гостями, а уменьшительным термином — «гостьбнице». Универсальность этих коробейников получает подтверждение в интереснейшей находке в районе овручских камнерезов. В селе Збранка, где были обнаружены остатки мастерской по выделке пряслиц из шифера, оказалась также груда стеклянных браслетов, хотя никаких следов производства их там не было найдено.[52]

Не нужно прибегать к каким-либо натяжкам, чтобы представить себе киевского «гостебника» XI—XII вв., который с грузом стеклянных браслетов заехал из Киева в Збранку для того, чтобы захватить здесь партию пряслиц и отправиться в свой тысячеверстный путь по русским землям. Очевидно, часть браслетов побилась в пути и была выброшена «гостебником» там, где он пополнял свои короба или вьюки новым товаром. Облик мелкого средневекового русского торговца известен нам по знаменитому Раффельштеттенскому уставу Восточной Марки, данному в 903 г., но со ссылкой на порядки, существовавшие в 876 г. Среди различных категорий купцов там упомянуты и «славяне, приходящие из Руси». Пошлина взималась или с вьюка или с человеческой ноши.[53]

Вот именно так и должны были выглядеть те «гостебники», которые связывали киевских стеклоделов и овручских камнерезов с отдаленными углами русской равнины. Каковы были экономические взаимоотношения этих коробейников с мастерами-товаропроизводителями, нам совершенно неизвестно.

У нас остался еще не рассмотренным вопрос об экспорте шиферных пряслиц за пределы русского государства. Помимо широкого распространения внутри Руси, шиферные пряслица тремя потоками

[52] Коллекции Гос. Эрмитажа.

[53] М. М. Стасюлевич. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. 1862—1866. СПб., 1864.

шли за границу. Один из этих потоков направлялся в Волжскую Болгарию, где найдено большое количество шиферных пряслиц, успешно конкурировавших с дорогими местными пряслицами из свинца.[54] Возможно, что и в мордовские поселки овручские пряслица попадали не непосредственно от русских торговцев, а через болгарских купцов.[55]

Второй поток направлялся в Херсонес. В Херсонесском музее имеется большое количество красно-шиферных пряслиц.

Третий поток шел в Польшу.

Раскопки польских археологов за последнее время выявили большое количество овручских шиферных пряслиц в различных польских городах:

Быдгош	Торун
Ратибор	Серадзь
Столпье	Познань
Гданск	Гнезно[56]
Старгород	

В польских деревенских курганах пряслиц нет. Вполне возможно, что шиферные пряслица попадали в Польшу более или менее крупными партиями и продавались не коробейниками, а только на городских торгах. В пользу такого предположения говорит существование в Дрогичине таможни, в которой русские товары, шедшие в Польшу, пропечатывались новыми печатями.

Среди дрогичинских свинцовых пломб имеется большое количество пломб со знаками киевских князей. Чаще всего встречается знак князя Всеволода Ольговича, о связях которого с Польшей мы знаем из летописи. [57]

Не были ли шиферные пряслица одним из тех товаров, которые шли через Дрогичин, опечатанные свинцовыми пломбами киевских князей? В самом Дрогичине шиферных пряслиц больше, чем во всех

[54] А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. — «Труды ГИМ», М., стр. 104, вып. XI.

[55] Если доверять В. Н. Татищеву, то в 1006 г. Владимиром был заключен торговый договор с Волжской Болгарией, по которому болгарским купцам было разрешено торговать только в городах, «...а по селам не ѣздить, тіуномъ, вирником, огневщинѣ и смѣрдинѣ не продавать, и отъ нихъ не купить». («История Российская», кн. 2, М., 1773, стр. 88—89). Правило было, очевидно, обоюдным, и внутри своей страны болгары торговали сами.

[56] «Z otchlani wieków», Warszawa, 1938, maj.

[57] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. — «Сов. археол.», 1940, № 6.

соседних русских городах. Если бы удалось доказать связь пряслиц с княжеским экспортом, то овручский камнерезный промысел мог бы быть освещен еще с одной стороны. Впрочем, мы и так должны быть признательны мастерам-камнерезам, так как благодаря анализу их многочисленной продукции нам удалось установить:

1) наличие деревенского промысла, рассчитанного на массовое производство красно-шиферных пряслиц (5 селений, расположенных в местах залеганий шифера);

2) существование специальных торговцев этим товаром (возможно объединяющих и торговлю другими предметами вроде браслетов, бус и крестов с эмалью);

3) очень широкий рынок сбыта, включающий русские города и деревни всех княжеств;

4) экспортирование шиферных пряслиц в Волжскую Болгарию, Херсонес и Польшу.

4. ЭКСПОРТ ИЗДЕЛИЙ РУССКИХ МАСТЕРОВ В IX — XIII вв.

Несмотря на длительное внимание русской исторической науки к вопросам внешней торговли Киевской Руси, можно указать два крупных пробела в истории внешних экономических связей Киева в IX—XII вв.: во-первых, порожденное норманнистами принижение активной и прогрессивной роли Киева в IX—X вв. по отношению к ряду стран Западной Европы (Чехия, Моравия, Польша, Славянское Поморье) и, во-вторых, отрицание возможности для Киевской Руси торговать чем-либо иным, кроме «челяди, меда и скоты». Всю транзитную торговлю Азии с Европой, шедшую через Киев, Смоленск и Новгород, считали находившейся исключительно в руках норманов. [58]

Между тем, в Западной Европе в X—XII вв. (особенно в далеких областях) существовало даже преувеличенное представление о тор-

[58] Большое значение для разрушения традиционной схемы имели работы В. Г. Васильевского и М. Э. Шайтана. Но Киевско-балтийская торговля со времени Венелина и Гильфердинга так и не пересматривалась. Последнее слово здесь оставалось за норманнистами. См. также Н. П. Бауер. Древнерусский чекан. — «Известия ГАИМК», т. IV. — Пересмотр вопроса в пользу Киева был начат некоторыми западнославянскими учеными, как, напр., И. Схранилом и Я. Кветом.

говой и производственной роли Руси. Так, например, во Франции вплоть до XII в. все шелковые ткани назывались «русскими», хотя на самом деле это были восточные или византийские ткани, только привезенные на Запад русскими купцами. [59]

При условии императорской монополии торговли в Византии и при наличии в IX—X вв. венгерского барьера между Западом и Византией именно киевские дружины, силой оружия склонявшие императоров к выгодным договорам и силой оружия преодолевавшие печенежско-половецкий барьер в своем пути на Восток, должны были взять на себя роль посредников между Востоком и Западом. Шелковые ткани в известной мере имели право называться «русскими», так как только благодаря русским купцам они попадали на Запад.

Не ставя своей задачей разбор русской транзитной торговли, перейду к вопросу об экспорте русских изделий, который усиливал транзитную торговлю новым, местным элементом и имел, разумеется, очень важное значение для развития русского (точнее киевского) ремесла.

Большую трудность в изучении этой темы создает тенденциозное отношение к ней в западноевропейских музеях, где археологический материал, могущий быть полезным для анализа, глухо описывается как «предметы эпохи викингов».

Достаточно сказать, что один из крестов XII в., хранившийся в церкви св. Годегарда в Гильдесгейме до начала XX в., числился в описях (в том числе и в опубликованных) под названием «иерусалимского» и связывался с какой-то средневековой легендой, между тем как на кресте есть надпись, впервые случайно замеченная русским путешественником. Из надписи явствует, что крест сделан по заказу новгородского купца Ильи с Людогощей улицы. [60]

До тех пор, пока музеи Западной Европы не будут тщательно обследованы и изучены без националистических и фашистских тенденций,— нам придется довольствоваться лишь случайными разрозненными публикациями.

Не менее печально обстоит дело и с мусульманской и византийской бытовой археологией — отсутствие публикаций массового археологического материала не позволяет поставить многих вопросов о взаимосвязях Руси с халифатом и империей. Поэтому данный очерк никак не может претендовать на полноту.

Влияние русского ремесла на соседние чудские племена было очень сильным. Русские типы топоров, русская керамика, украшения довольно быстро продвигались на северо-запад, север и северо-восток, вытесняя местные архаичные формы и уравнивая постепенно культуру южных и северных областей.

На востоке велась оживленная торговля с Волжской Болгарией, скрепленная рядом договоров XI—XIII вв. Кроме указанных выше пряслиц, в Болгарию сбывались изделия из серебра с чернью. Из них можно назвать широкие браслеты и круглые бляхи от ожерелий.[61]

Вполне возможно, что мечи западной работы, находимые в Болгарии, прошли через руки киевских оружейников, монтировавших рукояти. Это относится не только к Болгарии, но к странам Востока вообще, куда русские купцы возили мечи (Аль-Мукадесси). Очень часто специализированные оружейные мастерские выпускали только стальные клинки; остальная арматура могла производиться или на месте или в одном из посредствующих звеньев (ср. Казвини). Таким звеном был в X в. Киев, где мы уже видели рукояти местной работы.

В направлении половецких степей вывозились различные типы украшений.

Большой интерес представляет раскопанная Н. А. Беляшевским в Княжьей Горе мастерская по выделке бронзовых зеркал. Помимо большого количества готовых и доброкачественных зеркал, при раскопках было обнаружено множество литейного брака, свидетельствующего о местной выработке.

Русские женщины в X—XIII вв. совершенно не пользовались зеркалами, тогда как в каждой кочевнической могиле зеркало является необходимой принадлежностью. Очевидно, в Княжьей Горе мастера-литейщики готовили не только крестики с эмалью для русских областей, но и зеркала для берендеев, торков и половцев.

Кроме зеркал, колтов и бус, русские мастера могли изготовлять для кочевников и кольчуги. Напомню, что в 968 г. русский воевода

---

[59] А. А. Спицын. Торговые пути Киевской Руси. — Сб. Платонова, СПб., 1911, стр. 244: «...li cote de soie de l'uevre de Russie» («рубашка из шелка, сделанного в Русии»).

[60] Mithoff. Kunstdenkmäle und Alterthumer im Hannover, 1875; И. Шляпкин. Русский крест XII в. в г. Гильдесгейме. — «Вестник археологии и истории», СПб., 1914, вып. XXII. — В житии св. Годегарда есть описание любопытного эпизода из быта русских купцов в XII в. в Германии, когда русские, победив напавших на них разбойников, внесли пожертвование в собор Годегарда. Не с тех ли времен и хранится там Новгородский крест?

[61] А. С. Гущин. Памятники..., табл. XXXII, XXXIII.

подарил печенегу кольчугу, щит и меч. Русские кольчужные мастера (бронники) нам теперь известны по гнездовским материалам.

Ибн-Русте, говоря о славянском князе, отмечает, что «есть у него также прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги».[62]

Аль-Мукадесси, перечисляя товары, шедшие вниз по Волге в Итиль и далее в Хорезм, упоминает мечи и кольчуги. Если мечи были, по всей вероятности, западной работы, то о кольчугах этого сказать нельзя, так как данный тип доспеха появился на Западе только после крестовых походов, после соприкосновения с сарацинской конницей. Трудно говорить о Болгарии, так как Мукадесси писал вскоре после разгрома ее Святославом. В русских дружинных курганах этого времени кольчуги встречаются очень часто.

К сожалению, определить направления возможного экспорта русских кольчуг мы не можем за исключением южных степей, где они так же часты, как и на Руси. Отсутствие же местных кольчуг у кочевников явствует из списка подарков Претича.

Торговля с Византией велась с пассивным балансом для русского ремесла. Впрочем, для провинциального греческого города, каким был в XI—XII вв. Херсонес, у русских мастеров был некоторый запас изделий. Выше уже указывались шиферные пряслица; назову еще бронзовые энколпионы с русскими надписями и шиферные иконки.[63]

Отдельные факты неожиданно открывают нам, что не только в Новгороде любовались изделиями цареградских эмальеров (Мстиславово евангелие), но и в Царьграде отдавали должное тонкости русской работы того времени. Византийский писатель XII в. Иоанн Тцетцес получил в подарок от своего друга митрополита болгарского города Доростола русского мальчика Всеволода и резную коробочку (пиксиду) из моржового клыка. Красота русской резьбы была воспета ученым византийцем в стихах, в которых он сравнивал искусство русских мастеров с уменьем легендарного Дедала.[64]

На другом конце пути из Грек в Варяги, в Швеции, мы сталкиваемся со значительно большим количеством случаев русского экспорта.

---

[62] Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских, Абу Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, арабского писателя начала X века, СПб., 1869, гл. пятая, стр. 37.

[63] Г. Д. Белов. К изучению экономики и быта поздне-средневекового Херсонеса. — «Сов. археол.», 1941, № 7.

[64] Н. П. Кондаков. Русские клады..., т. I, стр. 80.

В разделе «Гончарное дело» уже отмечались влияние русского гончарного ремесла на шведское и зависимость шведских керамических форм и орнаментов от славянских. К вещам, довольно часто встречаемым в Швеции, следует отнести: киевские «писанки» с эмалевой поливой и киевские крестики с выемчатой эмалью.[65]

Кроме того, при ближайшем рассмотрении, русскими могут оказаться многие из тех предметов, которые Арне обобщенно называл «восточными».

Перехожу к наиболее интересному разделу — к связям Киевской Руси с западными славянами.

В торговле Киевской Руси с Западом мы видим два мощных потока, исходящих из Киева: а) Киев — Краков — Прага — Регенсбург (известен с IX века) и б) Киев — Смоленск — Новгород — Ладога (Ладогия у Аль-Масуди) — Балтийское море — Славянское Поморье (Росток, Волин и др.).

Девять десятых пути русских купцов в этих направлениях проходили по славянским землям.

Тесные взаимоотношения Руси с Чехией и Моравией мы можем проследить на протяжении нескольких столетий.

В IX в. Ибрагим Ибн-Якуб сообщает о том, что Прагу посещают различные купцы, в том числе и русские, которые торгуют там мехами и византийскими товарами.

Летописец сообщает, что Владимир, «живя съ князи околними миромь, с Болеславомь Лядьскимь, и с Стефаномъ Угрьскымь и с Ондроникомъ Чешьскымь, и бѣ мир межю ими и любы».[66] Уже в XI в. в Сазавском монастыре в Чехии был установлен культ русских святых Бориса и Глеба и построен специальный придел.

Не прекратились в XII в. торговые связи Руси с Чехией, как свидетельствует еврейский путешественник Вениамин Тудельский, проезжавший через Прагу.

В свете приведенных исторических свидетельств особый интерес приобретают работы чешских ученых Схранила и Квета, основанные на археологическом материале.

В специальной статье, посвященной выяснению культурных влияний на чешские земли в X—XI вв., И. Схранил остановился на влия-

---

[65] T. Arne. La Suède... (См. также «Acta Archaeologica», 1930, т. I, рис. 9, стр. 107). Наличие русско-варяжской торговли доказывается подделкой в Швеции русских монет эпохи Ярослава.

[66] Повесть временных лет 996 г.

нии Киевской Руси, сказавшемся на чешском ювелирном ремесле.[67]

Действительно, если мы сравним орнаментику бесспорно русских вещей X в. из Черной Могилы в Чернигове (серебряная оковка турьих рогов) с рядом серебряных изделий, найденных в чешских богатых могилах X—XI вв., мы обнаружим чрезвычайно большое стилистическое и техническое сходство.

Возьмем для примера вещи из срубной могилы близ Желениц, исследованной Воцелем. Там, среди прочих вещей конца X — начала XI вв., имеются две серебряные пластинки, украшенные чеканным изображением бегущего оленя с хищной птицей на спине.[68] Сюжет этот известен скифскому и иранскому искусству; широко применялся он и в русской резьбе вплоть до XII—XIII вв. В трактовке сюжета чешский мастер приблизил образ оленя к коню, снабдив его упряжью. Черниговская торевтика конца X в. более изысканна и совершенна, но также разрабатывает анималистические сюжеты. Особенно сказалась близость русских вещей к чешским в отношении техники. И там и здесь мы видим исполнение рельефа чеканкой с применением характерных точечных пуансонов. На желеницких пластинках заметно стремление воспроизвести чеканкой городчатый зерневой узор, обычный для русского серебра IX—X вв.

Желеницкие чешские вещи можно рассматривать как подражание вещам приднепровским, выполненным русскими мастерами, но с сильным влиянием иранского Востока. Очень важен хронологический момент.

Исследованиями Схранила установлена точная датировка желеницких находок — конец X — начало XI вв. Тем самым, эти вещи являются младшими современниками Черной Могилы, датируемой второй половиной X в., эпохой князя Святослава; к этому времени торговые отношения Руси с Чехией насчитывали уже столетнюю давность. На основании находки в желеницкой могиле античной камеи I в. н. э. немецкий историк Бертольд Бретгольц пытался объявить эту могилу погребением маркоманской княжны Фритигилы. Нелепость такого тенденциозного толкования очевидна, так как оправа античной камеи относится к X в.

Большую близость к русским вещам (второй турий рог из Черной Могилы и рукоять меча из Киева близ Золотых Ворот) мы наблюдаем в орнаментации больших бронзовых пуговиц из чешских могил в Русовицах, Мельнике, Жалове и Предмостье на Мораве.[69] Сходство опять-таки не ограничивается стилистическими особенностями, но простирается и на технику: и русские и чешские вещи обработаны резцом и чеканкой и, кроме того, позолочены. Дата этих чешских вещей та же самая — конец X— начало XI вв.

Еще более полную аналогию стилю и технике второго турьего рога Черной Могилы представляют вещи из дружинных погребений X—XI вв. в Моравии, опубликованные Червинкой.[70]

Итак, с одной стороны, мы располагаем чешскими, моравскими ювелирными изделиями X—XI вв., выполненными в стиле, чуждом для данных областей и неизвестном на западе, севере или юге от них. С другой стороны, в Киеве и других русских городах мы встречаемся с этим стилем на прекрасных по композиции вещах, где применена та же техника, но отделка тоньше, изящней, рука мастера уверенней. Дата русских изделий может быть на несколько десятилетий старше, чем чешских — в Черной Могиле найдена четкая, неистертая византийская золотая монета 948 г. Наиболее вероятным объяснением поразительного сходства русских и чешских вещей является признание влияния Киева, киевских ювелирных мастерских на ювелирное производство Чехии в X—XI вв. Серьезным подтверждением этого взгляда являются находки подлинных киевских вещей в Чехии. В Чехии, в разных местах, найдено несколько экземпляров трехбусенных височных колец киевского изготовления.

Одно из таких колец обнаружено в Жалове, где были найдены и пуговицы с орнаментом, подражающим орнаменту турьего рога из Чернигова.[71]

Кроме височных колец встречаются бусы с припаянными бугорками, филигранные и со сканью, обычные среди русских древностей XI—XII вв.

Не меньший интерес представляют и находки в чешских землях киевских крестов-энколпионов. Впервые на них обратил внимание Лич; после него количество находок увеличилось.[72]

Крест, найденный на Древичском городище близ Луна в Чехии, отлит в той же литейной форме, что и крест, найденный в Каневе

[67] I. Schranil. Několik příspěvků k poznani kulturnich proud v zemich českich v X—XI st. — «Niederlův sbornik», Praha, 1925.

[68] Ibid., табл. VI, рис. 1 и 1-*а*.

[69] I. Schranil. Op. cit., табл. IX—XI.

[70] Červinka. Slované na Moravě, Brno, 1930.

[71] I. Schranil. Op. cit., табл. XII, рис. 11, стр. 183.

[72] Jan Květ. Enkolpion městského museu v Lunech. — «Niederlův Sbornik», Praha, 1925, стр. 134.

на Днепре.[73] Другой энколпион, найденный в Вацловичах, очень близок к одному из киевских.[74]

Для нас сейчас эти факты важны в том отношении, что подтверждают наличие торговых связей и проникновение русских вещей в Чехию не только в X в., но и позднее, в XII в.

Чрезвычайно любопытны выписки из чешских монастырских инвентарных описей, приведенные в специальной статье Ясинского, содержащие указания о том, что в Чехии в XIV в. имелся определенный тип железных висячих замков, который в просторечии называли «русскими замками».[75]

Возникает вопрос — к какому времени нужно приурочить появление в народной речи термина «русские замки»? Поскольку мы знаем, что в Киеве в домонгольское время изготовлялось множество трубчатых висячих замков и производство их, судя по стандартности форм, носило массовый характер, можно предположить, что первое знакомство Чехии с русскими замками относится к XII—XIII вв.

Связи Киевской Руси с Польшей могут быть дополнены археологическим материалом, говорящим об экспорте русских вещей в польские земли. Краков как место торговли русских купцов упоминается арабскими писателями еще в X в. Болеслав Храбрый (992—1025) чеканил специальные монеты с русской кирилловской надписью, предназначенные для торговли с Русью. Мартин Галл (XII в.) сообщает, что Польша видела русских купцов, но сама мало принимала участия в торговле. Действительно, польских вещей на территории Руси мы почти не знаем, между тем как русские шиферные пряслица встречаются при раскопках во всех польских городах XI—XII вв. между Вислой и Вартой. В Калише найдены киевские трехбусенные височные кольца.[76] В Кракове есть несколько серебряных колтов с чернью киевско-черниговского типа.

Приведенные материалы говорят только о связях с восточной частью Польши и за период сравнительно поздний — XI—XIII вв.

Большой интерес представляет вопрос о торговле Руси со славянской Прибалтикой и северо-западными польскими областями.

Обычно всю торговлю Северной Европы в IX—XI вв., а особенно торговлю по берегам Балтийского моря, изображают как находившуюся в руках норманнов, а позднее — готландцев и ганзейцев. Между тем, предшественниками Ганзейского союза были славянские торговые города Старград, Любеч, Росток, Щетин, Волин, Колобрег и др. Крупнейшим святилищем балтийских славян был храм бога торговли Радегаста-Меркурия в Ретре; изображение его было отлито из золота.

В пользу норманского приоритета в балтийской торговле указывают на распространение в Прибалтике куфических арабских монет IX—X вв. и предметов «восточного» стиля. Эта аргументация встречает ряд возражений:

1) Арабские монеты очень широко распространены на Руси, где они были ходячей разменной монетой. Ареал куфических монет в Южной Прибалтике совпадает с границей расселения славян и резко обрывается на рубеже с Саксонией и Тюрингией.[77] Это обстоятельство естественнее всего связывать с действиями купцов-славян, для которых область славянского языка была областью их деятельности. В немецкие земли эти купцы не ездили.

2) Топография византийских монет не совпадает с топографией арабских: Скандинавия имеет крайне незначительное количество кладов византийских монет, тогда как в Киевской Руси и в Славянской Прибалтике их много.

3) Вещи «восточного» стиля могли быть привезены не только скандинавскими купцами, но и другими. Кроме того, само понятие «восточный стиль» подлежит расшифровке.

Но если приоритет норманнов сомнителен, то где искать тех торговцев, которые связывали Вендское Поморье с Византией и Халифатом?

Мы знаем, что в X в. норвежский король посылал своих людей в Русь для закупки тканей, шитых золотом, «каких не видывали до той поры». Мы знаем, что в XI в. в Западной Европе появились фальшивые русские монеты, подражавшие серебру Ярослава Мудрого.

Ценнейшее указание на торговлю балтийских славян с Русью дает Адам, епископ Бременский (1040—1075):

«... На берегах реки Одер, там, где она соединяется со Скифскими водами [Балтийское море], стоит знаменитый город Юмна, люби-

---

[73] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Кресты и образки, вып. 1, табл. VII, рис. 87, Киев, 1899.

[74] Н. Петров. Альбом достопримечательностей..., Киев, 1915, табл. III, рис. 13.

[75] А. Ясинский. Чешское свидетельство XIV в. о русском металлическом производстве. — Сб. Учено-литературного общ. при Юрьевском университете, Юрьев, 1898, т. I, стр. 54—55.

[76] Коллекции ГИМ.

[77] Марков. Топография кладов восточных монет, М., 1908.

мое местопребывание варваров и греков, живущих вокруг ее... Действительно, это самый обширный из всех городов, существующих в Европе [т. е. языческой]. В нем живут славяне и другие нации, греки [т. е. руссы] и варвары. На равных правах с прочими жителями там позволяется жить и приезжим саксам... Этот город, куда стекаются товары всех северных наций, владеет всевозможными удобствами и редкостями... Из Юмны, следуя далее [плывя на восток.— *Б. Р.*] через 14 дней [в другом списке —48.— *Б. Р.*] высаживаются на берег в Острогарде [Старая Ладога.— *Б. Р.*] в Руции [России], где главный город Киве [Киев], соперник константинопольского скипетра, одно из великолепнейших украшений Греции [т. е. Руси]»...[78]

О существовании пути из Киева через Новгород и Ладогу в Балтийское море и далее в Атлантику и Средиземное море говорит и русская летопись и Аль-Масуди.

Все это заставляет нас признать, что торговлю с южным славянским берегом Балтийского моря производили в IX—XI вв. русские купцы. Клады серебряных вещей в Полабских землях, в Поморье (Померании) и в Силезии позволяют нам уточнить картину торговли.

Серебряные изделия у вендов обнаруживают значительное сходство с русскими: филигрань, зернь, чеканка серебра — все это стилистически и технически близко к приднепровским кладам. В некоторых же случаях здесь, как и в Чехии и Моравии, мы встречаемся с настоящими к и е в с к и м и изделиями. К ним относятся лунницы с зернью, гривны, трехбусенные височные кольца, два типа полых серебряных бус.

Особо можно отметить клад из Хельма близ Дрездена и клад из Рудельсдорфа в Силезии, где было найдено несколько киевских вещей, в том числе и трехбусенные височные кольца.[79]

Так, для Киева IX—XI вв. мы можем наметить два мощных потока, направленных на Запад: первый — через Волынь, Краков на Прагу и Регенсбург, а второй — через Смоленск, Новгород и Ладогу — в польские и вендские города южной Прибалтики. В обоих случаях «соперник Константинополя» торговал преимущественно со славянскими странами (что облегчалось близостью языка), обогащая их города, втягивая их в широкий торговый оборот с далеким Востоком и Византией и одновременно снабжая их изделиями своей ремесленной промышленности, вызывавшими там подражания. Киевская чернь, филигрань, эмаль расходились по западнославянским странам и становились известными у западных соседей балтийских славян, например в Саксонии, где Теофил писал об искусстве страны Руссии.

Итоги этой главы сводятся к следующему:

1. Деревенские ремесленники работали на заказ, и их продукция расходилась в пределах очень незначительного района сбыта, радиусом в 10—20 км.

2. Нормальный район сбыта городских мастеров достигал радиуса 50—100 км. Часть ремесленников и в этом случае работала на заказ, так как заказчиками являлись бояре и дружинники мелких городов этого же княжества.

3. Часть городских мастеров (Киев, Смоленск, Новгород и др.) работала на рынок. Их изделия расходились по деревням. Особо выделяется киевское производство выемчатых эмалей и стеклянных браслетов. Район сбыта достигал протяжения в 1 400 км.

4. В связи с наличием налаженного сбыта киевских ремесленных изделий в пределах Киевского княжества возникает в XI в. деревенский кустарный промысел по производству шиферных пряслиц в селениях близ Овруча. Район сбыта — все Русские земли, Болгария, Херсонес и Польша.

5. Часть изделий русских мастеров экспортировалась в соседние государства.

Русские вещи найдены: в Волжской Болгарии, в Херсонесе, Чехии и Моравии, в Польше, у Балтийских славян, в Швеции.

Русское ремесло оказало свое влияние на ряд западных славянских областей.

---

[78] М. М. С т а с ю л е в и ч. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Период второй. СПб., 1864, стр. 758—759. Под греками автор здесь разумеет русских купцов из Киева, потому что ниже он причисляет Киев к городам Греции. (Прим. М. Стасюлевича).

[79] L. N i e d e r l e. Op. cit., t. III, рис. на стр. 254.

Глава пятая

РЕМЕСЛЕННИКИ IX—XIII вв.

1. ДЕРЕВЕНСКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ

Для русской деревни IX—XIII вв. удалось наметить следующие группы ремесленников: кузнецы, ювелиры, гончары, бондари, сапожники (?).

По месту проживания (но не по характеру производства) этот список можно пополнить такими профессиями, как жерносеки (жерновники),* камнерезы.

По всей вероятности, один и тот же ремесленник совмещал заготовку сырья и его обработку, т. е. кузнец был одновременно и домником и рудником, сапожник был и кожевником и скорняком.

Намеченные группы крайне неоднородны. Прочно выделившимися в особый разряд специалистов можно считать только кузнецов. Гончары, хотя и существовали повсеместно, но никогда, разумеется, не играли такой важной роли в крестьянском хозяйстве, как кузнецы.

Как показал произведенный выше анализ каталога восточнославянских гончарных клейм, продуктивность каждого отдельного гончара была невелика. Повидимому, каждый отдельный поселок или незначительная группа поселков, объединенных общим кладбищем, обслуживался особым гончаром. Но даже в этих небольших пределах ремесло деревенского гончара едва ли могло быть для него единственным источником существования.

Очевидно, гончарное дело было для гончара подсобным, дополнительным к земледелию сезонным занятием, как это было в XIX в. решительно во всех местах, где применялся ручной гончарный круг деревенского типа.

Примерно в таком же положении находилось и бондарное дело. Распространенность его прослеживается хуже, потому что погребальные обычаи были различны: в одних местах покойнику ставили в могилу глиняный горшок, а в других — деревянное ведро. Последний обычай был наиболее распространенным на Волыни и в западнорусских областях. Сделать деревянное ведро значительно труднее, чем слепить горшок, но эти ведра зато были более долговечны, так что рынок сбыта у бондарей был примерно таков же, как и у гончаров.

Безусловно, важнейшим ремеслом в деревне было кузнечное. Оно было к тому же ремеслом в полном смысле слова, полностью отрывавшим кузнецов от земледелия для таких сложных и разнообразных работ, как добыча руды и кричное или доменное дело. Остался невыясненным вопрос о степени отрыва ювелиров-литейщиков от кузнецов.

Изживание «матриархальной» стадии литейного дела, когда изготовлением женских украшений занимались сами женщины, привело в X в. к тому, что литейное дело слилось с кузнечным (это облегчалось производственным оборудованием). В дальнейшем, в связи с общим развитием производительных сил, литейное дело могло отпочковаться от кузнечного в самостоятельное ремесло.

Как показал анализ кузнечной техники, в большинстве деревенских кузниц работало двое кузнецов — мастер и подручный. Возможно, что разнообразные работы в кузнице требовали участия всех членов семьи.

Большой интерес представляет вопрос о районе, обслуживаемом одной кузницей. Метод, примененный в предыдущей главе, здесь, к сожалению, непригоден.

Косвенными данными являются находки домниц на городищах. С известной долей вероятности можно считать, что там, где выплавлялось железо, оно и ковалось. Такое допущение возможно, однако, лишь для некоторых районов. Для бассейна Оки оно невозможно, так как здесь выплавка железа производилась в стороне от поселка, в «волчьих ямах». В Белоруссии же по неизвестным для нас причинам руду почти всегда приносили в поселок, и здесь, на краю городища, варили из нее железо.

Необходимость кузнечных инструментов для проковки крицы делает достоверным тезис: где варили железо, там его и ковали.

Белорусской Академией Наук в течение нескольких лет было произведено сплошное обследование городищ и селищ специально

с целью выявления следов древней металлургии.[1] Наиболее полно обследованной оказалась территория Полоцкого княжества (Минск, Борисов, Бобруйск), где удалось выявить большое количество домниц (сыродутных горнов).

Если мы допустим, что наличие домниц означает наличие здесь же и кузницы, то ошибки будут возможны главным образом в сторону преуменьшения числа кузниц, так как, во-первых, некоторые домницы могли ускользнуть от обследователей, во-вторых, в отдельных поселках руда могла выплавляться на стороне и, в-третьих, следует допустить возможность существования кузниц без собственной металлургической базы, работавших на покупном железе (при наличии специалистов-домников, варивших железо на продажу).

Со всеми этими оговорками перейдем к данным обследования.

Выяснилось, что выплавка железа производилась не на каждом городище. Из 4—5 соседних синхронных городищ выплавка железа велась только на одном.

Если и густота кузниц такова же, то мы получаем средний район радиусом в 12—15 км. В пределах этого небольшого района работала одна металлургическая мастерская. В противовес районам сбыта литейщиков, которые пришлось устанавливать только по готовой продукции, здесь, наоборот, мы располагаем самыми центрами металлургического производства.

В высшей степени интересно совпадение размеров небольших замкнутых мирков, определенных двумя совершенно различными способами: район, обслуживаемый одной литейной мастерской, — радиус 10—15 км; район, обслуживаемый одной домницей (и кузницей),— радиус 12—15 км.

Взаимная проверка обоих методов показывает, что мы можем доверять полученным размерам районов.

Что представляют собою эти маленькие замкнутые и экономически друг от друга независимые районы?

Изучение их следует вести в связи с изучением таких древних терминов, как «вервь», «погост», «община». В каждом таком самостоятельном мирке, на территории которого находилось несколько городищ-убежищ и курганных «коломищ», в мирке, объединявшем десяток мелких поселков, существовали свои общинные ремесленники.

[1] «Савецка Краіна», 1932, № 3; М. А. Ляўданскіі К. М. Полікарповіч. Да історыі жалезнай прамысловасті Беларусі, Менск, 1932, см. карты.

Ремесленники эти были наследственными; гончар, передавая сыну свое ремесло, передавал ему и свое клеймо, к которому сын добавлял «отпятныш» — дополнительную черту, означавшую принадлежность клейма именно ему. Обилие производственных секретов в доменном и кузнечном деле еще настоятельнее требовало передачи ремесла по наследству от отца к сыну. В отдельных случаях, при особо благоприятных условиях мы наблюдаем появление в деревне, наряду с общинным ремеслом, производства, рассчитанного на очень широкий рынок сбыта (напр., овручские камнерезы).

В таких случаях ремесленники целой округи перерастают в товаропроизводителей, связанных с рынком при посредстве скупщика. В кадрах феодальной деревни Киевской Руси появляются еще в XI в. те элементы, которые считались характерными только для Западной Европы.

В заключение остановлюсь на некоторых надстроечных явлениях, связанных с ремеслом: «второе великое разделение труда — отделение ремесла от земледелия» неизбежно должно было сказаться на идеологии древнего славянина.

На фоне древних земледельческих культов должны были появиться мифы о происхождении техники и в первую очередь техники металлургии, так как раньше всего в славянской общине выделились кузнецы.

К сожалению, вопрос о производственных культах в древнерусском язычестве разработан очень слабо, между тем как в русском и украинском фольклоре мы найдем осколки мифов о Прометее, интереснейшие легенды о божественных кузнецах-змееборцах, а летопись сохранила нам имя русского Гефеста-Сварога.

Естественно, что наибольшее количество поверий, легенд и обрядов связано с важнейшим ремеслом — кузнечным. Загадочный процесс превращения руды в железо, ковка раскаленной докрасна полосы, тайна закалки в воде и в струе воздуха, хитроумные приспособления для литья и смелое обращение кузнеца с огнем —вся эта необычная для пахаря производственная обстановка неизбежно ставила в его глазах кузнеца в обособленное положение. У всех народов мира кузнецы считались какими-то необычными, сверхъестественными существами, колдунами, чародеями, — с одной стороны, благодетельными, с другой — опасными, как все чародеи.[2]

[2] Р. В. Шмидт. Металлическое производство в мифе и религии античной Греции, Л., 1931.

В русском фольклоре сохранилось много заговоров, в которых фигурирует кузнец. Русские кузнецы также считались знахарями и колдунами. От кузнечных технических терминов производились слова, имевшие смысл хитрого, опасного. Так, например, с глаголом «ковать» тесно связано слово «ковы», имеющие смысл злоумышления, и «ковьник» — мятежник, замышляющий зло. Отсюда же и слово «коварство», имеющее два различных смысла: один, более древний, — «уменье», «разумность», «смышленость»; другой, сохранивший свое значение и в наше время, — «лукавство».

Совершенно такова же судьба слова «хитрость» (первоначально означавшего уменье, мастерство, знание, художество) и слова «хитрец», являвшегося синонимом мастера, художника, ученого, мудреца, создателя, знатока.

В XII в. летописец писал о новой церкви, что она «всею добродетелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью» (разрядка наша. — *Б. Р.*). А несколько позднее в подобном случае говорили: «... человеческими хытростьми утворена или мастерскими козньми и умышлении и догады преухорошена».

Встречается и слово «хытрокознец» — искусный художник. Слово «кузнь» стоит несомненно в близкой связи со словом «къзнь», «кознь», одинаково означающим как изделие, художество, так и злой умысел.

В этом отношении русские кузнецы подобны греческому богу — кузнецу Гефесту, которому одинаково приписывали и уменье, и мастерство, и хитрость, и колдовство, выражавшиеся одним и тем же словом τεχνη.[3]

Кузнецов считали врачами, колдунами, которые могут «сковать счастье», приворожить любимого, определить судьбу.

В былине о Святогоре и Илье рассказывается о том, как Святогор поехал к Северным горам узнать у кузнеца о своей судьбе: «В кузницы кузнец кует два тонкихъ волоса. Говрит богатырь таковы слова: «А что ты куешь, кузнец». — Отвечает кузнец: «Я кую судьбу, кому на ком жениться»...» [4] Часто кузнецы выступают как покровители брака и к ним обращаются девушки с просьбами сковать венец или колечко.

Врачебная роль кузнецов ясно выступает в заговоре: «На сером

[3] Р. В. Шмидт. Ук. соч.

[4] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1 — Народные былины, старины и побывальщины, М., 1861, стр. 40.

камню стоитъ 33 кузнеца, держать 33 молота и бьютъ, отколачиваютъ болезнь».[5]

Итак, первый ремесленник в древней Руси — кузнец имеет несколько различных функций: колдун, чародей (кознь, ковы, коварство, хитрость); знахарь, врач; покровитель брака.

Большой интерес представляют сведения о русском языческом боге-кузнеце Гефесте-Свароге. Автор Ипатьевской летописи, побывав в 1114 г. в Ладоге, услышал там рассказ о стеклянных бусах, будто бы падающих из тучи, и привел в тексте летописи несколько аналогичных фактов. [6] В их числе и рассказ о том, как в Египте при царе Гефесте упали с неба клещи. Летописец упорно отмечает тождество Гефеста с русским Сварогом: «Феоста [Гефест], иже и Сварога нарекоша егуптяне». В другом месте Сварог прямо назван богом. Нам неясно, почему летописец счел нужным приурочить деятельность Гефеста к Египту. Возможно, здесь сказалась историческая традиция считать Египет колыбелью всей человеческой культуры.

Весь рассказ о Свароге-Гефесте, который не мог быть заимствован из византийских источников, состоит из двух частей: в одной говорится о состоянии человечества до появления Сварога, а в другой — о тех изменениях, которые внес Сварог-Гефест. Надо сказать, что представления киевлянина XII в. о первобытном обществе довольно точны.

I период (до Сварога). 1) Люди жили в каменном веке — «... Преже бо того палицами и каменіемъ бяхуся...» (разрядка наша. — *Б. Р.*). 2) Люди никому не платили дани. 3) Семьи еще не было, господствовали беспорядочные отношения между полами — «... Прежде бо сего жены блудяху, к нему же хотяще аще родяшеть детищь, — который ей любъ бываше, дашеть: «Се — твое дѣтя он же, створяше празнество и приимаше» (разрядка наша.— *Б. Р.*). II период (с появлением Сварога) 1) Появление Сварога связано с открытием металла. «... Нача ковати оружье» (разрядка наша.— *Б. Р.*). 2) «Начаша человеци дань давати царем». (Это произошло не сразу после открытия металла, а только при сыне Сварога — Даждьбоге).

3) Появляется моногамная семья. Гефест «уставил единому мужю едину жену имети и жене за один мужь посагати. Аще ли кто пере-

[5] Василь Гіппіус. Коваль Кузьма-Демьян у фольклорі. — «Етнографічний вістник», 1929, кн. VIII, стр. 37.

[6] Ипатьевская летопись 1114 г.

ступить, да ввергнуть и в пещь огнену». «Сего ради прозваша и бог Сварог».

Тот переворот, который по представлениям древнерусского книжника был произведен в культуре человечества Сварогом, по грандиозности и значительности ставит его рядом с античным Прометеем в эсхиловском понимании. И в античности Гефест и Прометей нередко сближаются в своей деятельности по созданию человеческой культуры. [7] Гефест — кузнец и покровитель ремесленников — выступает с чертами, делающими его сходным с Прометеем; иногда одно имя подменяет другое.

Для нас важно то, что русский автор, изложив свое представление о начале культуры, связывает его с Гефестом-кузнецом и указывает, что именно эти заслуги бога — создателя культуры дают право называть его именем русского бога Сварога. Итак, Сварог — бог, кузнец, Гефест и Прометей — одновременно изобретатель металлов, покровитель семьи. Солнце — Даждьбог — сын Сварога; огонь — Сварожич.

Так же как Прометей был наказан за похищение огня, как Гефест был сброшен с Олимпа Зевсом, так и русский бог-кузнец был оттеснен Перуном, Велесом и другими дружинными богами; в пантеоне Владимира Сварога нет.

На смену древнему богу пришли новые названия, принесенные на Русь вместе с христианством. Как языческий Велес превратился в христианского Власия (сохранив все же все черты «скотьего бога»), как Перун превратился в Илью-громовика, так и Сварог превратился в христианских святых Кузьму и Демьяна.

Близкое созвучие слов «Козьма», «Кузьма» со словами «кознь», «кузнь», «кузнец» обеспечило быструю замену древнего названия новым.

Кузнецов обычно было двое — мастер и подручный, созвучных христианских святых оказалось тоже двое — Кузьма и Демьян, что также способствовало связи их имен с кузнечным ремеслом.

Кузьма и Демьян прочно входят в русскую мифологию как божественные кузнецы, подобные Сварогу, как покровители всех кузнецов. Иногда вместо двух христианских святых появляется один божественный кузнец — Кузьмодемьян.

Интересны различные легенды о Кузьмодемьяне, представляющие

[7] Р. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 50.

осколки того же древнего мифа о Свароге-Прометее, который частично изложен в летописи. Они свидетельствуют о том, что образ древнего бога продолжал существовать, несмотря на то, что церковь подменила его имя.

Как и Сварог, Кузьма-Демьян покровительствуют браку. Девушки в день Кузьмы и Демьяна устраивают братчины и приглашают парней.

Легенды о Кузьме и Демьяне хорошо записаны на Украине В. Гиппиусом и В. П. Петровым. [8]

На Черниговщине записана следующая легенда: «Кузьма-Демьян, говорят старые люди, был первым человеком у бога, когда создавался мир. Этот Кузьма-Демьян б ы л п е р в ы м к у з н е ц о м и с д е л а л п е р в ы й в м и р е п л у г» (разрядка наша.— *Б. Р.*). Тот же мотив слышен и в легенде, записанной на Волыни: «Когда Кузьма-Демьян бродили по свету, то натолкнулись на людей, которые поле не пахали, а долбили его м о т ы г а м и [разрядка наша.— *Б. Р.*]. Кузьма-Демьян стали думать, как бы здесь сделать рало [плуг], чтобы этим людям легче было добывать хлеб. Вот они и выдумали первое рало».

Повсеместно распространены легенды о божественных кузнецах Кузьме и Демьяне, первым делом которых является изготовление земледельческих орудий, плугов и серпов. Церковный эпитет — «бессребренники» был осмыслен народом, как кузнецы, не берущие платы за свою работу: «Кузьма и Демьян были первыми кузнецами. Эти кузнецы обладали огромной силой. Они ковали людям различные вещи и за это не брали платы. Однажды они выковали острый меч и убили им змея, который приносил много вреда».

Легенда о борьбе кузнеца со змеем распространена очень широко. Время действия в легенде — далекое, сказочное прошлое, место действия — окрестности Киева.

«Когда-то давно, когда еще мало было людей, повадился в одну страну летать страшный Змей [в вариантах змей из болота] и брал себе по очереди людей на съедение. Дошла очередь до княжеской (царской) дочери. Бежит она мимо кузницы, где куют Кузьма и Демьян. Кузнецы спрятали ее в своей кузне с железной дверью. Прилетело ужасное чудовище и стало требовать выдачи княжеской дочери.

[8] В. Г і п п і у с. Ук. соч.; В. П. П е т р о в. Кузьма-Демьян в українському фольклорі. — «Етнографічний вістник», 1930, кн. IX, стр. 231.

Кузнецы предложили Змею пролизать языком железную дверь, обещая посадить на язык его жертву. Змей пролизал дверь, а Кузьма схватил его раскаленными клещами за язык [иногда добавляется, что клещи калили 20 суток]. Затем Змея впрягли в специально скованный для этого плуг и пропахали на нем огромную борозду («Змиев вал») от Днепра до самого Черного моря. Борозда эта в высоту была 3 сажени. Змей просил пить, когда на нем пахали, но пить ему не давали, а кормили солеными коржами. Когда Змей дорвался до моря, то пил и пил до тех пор, пока не лопнул. Когда же он лопнул, из его тела разметались во все стороны различные змеи, гадюки, черви, мухи, комары. Вот за это-то и почитают Кузьму и Демьяна, что они уничтожили Змея». [9]

День Кузьмы и Демьяна (1 ноября) был всегда праздником кузнецов, которые обычно в этот день не работали. [10]

Эпические сказания о богатырях-кузнецах известны и у других народов. Можно указать в качестве параллели к мифам о Сварогe-Кузьмедемьяне легенды о карельском божественном кузнеце Ильмаринене, кавказском кузнеце Амиране, скандинавском Белунде и греческом Гефесте.

Из разных отрывочных источников перед нами встает величественный славянский миф о боге-демиурге, боге-кузнеце, самое имя которого связано с солнцем и огнем. Этот бог открыл металлы, научил людей ковать их, изобрел плуг, заменивший мотыгу, упорядочил семейные отношения и победил страшного дракона, схватив его кузнечными клещами.

Оттесненный с Киевского дружинного Олимпа русский Прометей-Сварог продолжал жить в народном представлении как божественный кузнец-богатырь Кузьмо-Демьян.

2. ВОТЧИННЫЕ РЕМЕСЛЕННИКИ

Появление ремесленников-рабов при дворцах варварских князей должно было предшествовать сложению феодальных отношений и установлению зависимости массы деревенского населения.

[9] В. П. Петров. Ук. соч., стр. 204—205.
[10] Там же, стр. 207.

Уже первые походы на Византию в VI в. и участие славянских дружин в хазарских войнах с арабами могли обогатить предводителей дружин греческими и иными мастерами, захваченными в качестве добычи.

Судя по материалам Перещепинского клада конца VII в., приднепровский князь, владевший целым музеем сассанидских и константинопольских ювелирных изделий, располагал собственными мастерами, которые изготовляли дорогие, хотя и грубоватые по технике, золотые кубки, подражая при этом подлинному сассанидскому серебру. И работа из дорогого материала, и возможность пользоваться привозными образцами — все это указывает на то, что мастер-ювелир находился в непосредственной близости от богатого и удачливого предводителя дружины. Такую же картину дает анализ местной приднепровской части и других кладов (напр., Нескрибовского).

Вплоть до X в. можем мы проследить наличие мастеров-ювелиров, имевших возможность пользоваться, в качестве образцов, дорогой привозной посудой, бытовавшей в княжеском обиходе. Выше я пытался доказать, что замечательный черниговский художник, изготовивший серебряную оправу турьего рога из княжеской Черной Могилы, имел перед глазами иранское серебряное блюдо IX в. Такую возможность легче всего допустить у ремесленника, входившего в систему княжеского двора, жившего поблизости от владельца этого импортного блюда.

Для княжеского двора важнее собственных ювелиров было наличие собственных кузнецов, оружейников и седельников, так как их работа была тесно связана с основной профессией дружины — войной. Эти категории ремесленников могли сопровождать дружину в походе. Быть может, именно так и следует понимать слова Ибн-Мискавейха о различных инструментах у русских воинов.

К XI в. восходит интереснейшее свидетельство «Жития святого Олафа» о рабе-оружейнике. «Некий варяг на Руси купил раба, юношу доброго нрава, но немого. Так как он сам о себе ничего сказать не мог, то оставалось неизвестным, какого он племени. Однако ремесло, которому он был уже обучен, показывало, что он бывал среди варягов, ибо умел выделывать оружие, ими употребляемое».[11] Далее рассказывается о том, как оружейник после ряда перепродаж был отпущен на волю и приехал в Новгород. То обстоятельство, что раб-

[11] «Monumenta Historica Norvegiae», Kristiania, 1880, стр. 143—144.

оружейник был куплен на Руси и, получив свободу, тотчас возвращается на Русь (именно в Новгород), может свидетельствовать в пользу русского новгородского происхождения его. В Новгороде ему легко было познакомиться и с особенностями варяжского оружия.

Для XI—XII вв. мы располагаем непреложным доказательством существования вотчинных ремесленников. Пространная Русская Правда, перечисляя штрафы за убийство различных членов княжеского двора, приводит их в следующем составе:

«Аже о княже отроце или о конюсе или о поваре 40 гривен
А за тиун за огнищный и за конюший 80 гривен
А в сельском тиуне княже или в ратайном 12 гривен
А за рядович 5 гривен, такоже и за бояреск
А за ремествяника и за ремествяницу 12 гривен
А за смерд и холоп 5 гривен, а за робу 5 гривен...»

В этой статье по сумме штрафа ремесленники поставлены наравне с такими представителями княжеской администрации, как сельский и ратайный тиун.

Хорошим дополнением к Русской Правде, насыщающим общие нормы закона конкретным содержанием, являются княжеские знаки Рюриковичей (рис. 126 и 127). [12]

Знаки княжеской собственности, первые сведения о которых дошли до нас от середины X в., дожили до середины XII в. За двести лет своего бытования в Киевской Руси княжеские знаки ставились на княжеских монетах, на печатях, скреплявших государственные документы, на перстнях, которыми запечатывали восковые печати. Княжеские знаки, отлитые из бронзы, носились на груди княжескими тиунами; они были на поясах дружинников, сопровождавших своего князя, на оружии, на боевых знаменах княжеских войск. Княжеские знаки ставились на слитках серебра, принадлежавших князю, на княжеских товарах, отправлявшихся за границу. Княжескими знаками метили свои орудия производства ремесленники-холопы, работавшие на княжеском дворе, — гончары, кирпичники, златокузнецы. Княжескими знаками был помечен весь живой и мертвый инвентарь княжеского хозяйства — кони, бортные ухожаи, земля.

Подавляющее большинство предметов со знаками Рюриковичей

[12] Знакам Рюриковичей мною посвящена специальная статья в № 6 «Сов археол.» за 1940 г. — «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси».

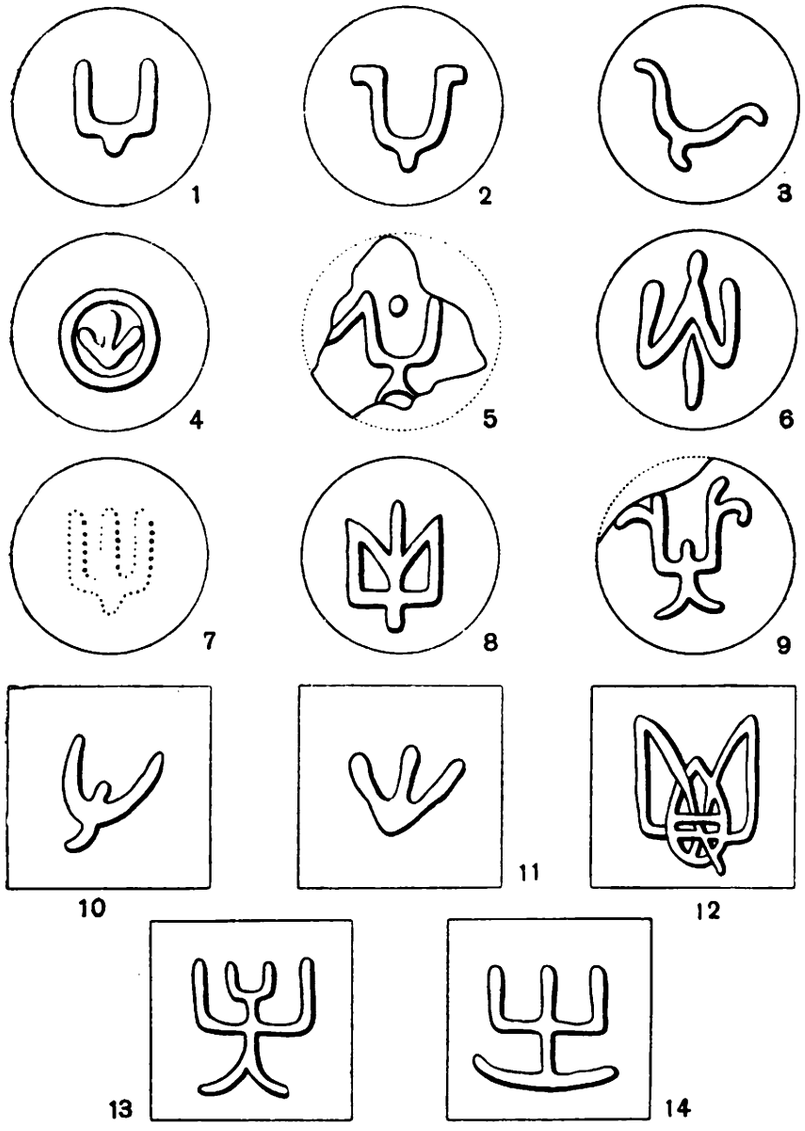


Рис. 126. Княжеские знаки в качестве клейм мастеров

1—9 — княжеские знаки в качестве гончарных клейм: 1— Изяславль, 2 — Канев, 3 — Белгород, 4 — Вышгород, 5 — Киев, 7 — Остерский Городец, 6—8 — Киев, 9 — окрестности Канева; 10—14 — княжеские знаки на кирпичах: 10 — Чернигов, 11 — Остерский Городец, 12 — Киев, гридница Владимира, 13 — Киев, 14— Смоленск

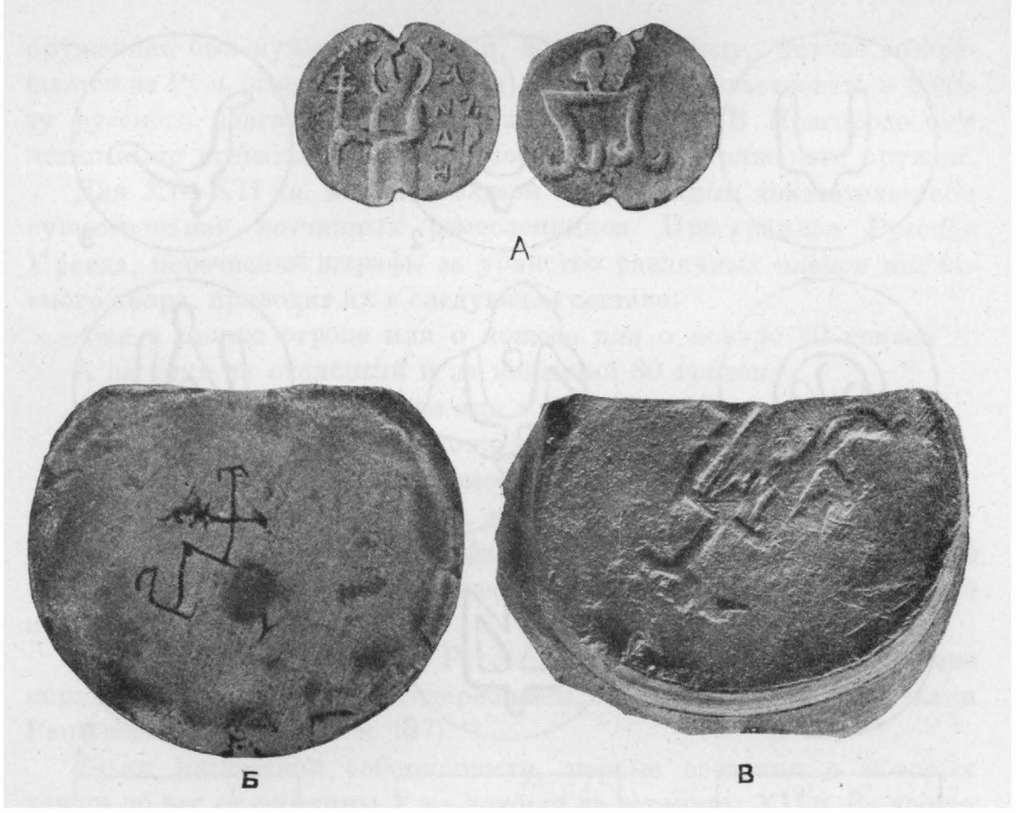


Рис. 127. Княжеские знаки в качестве клейм мастеров

А. Знак князя Всеволода Ярославича на печати. Б. Такой же знак на инструменте ювелира (матрице). В. Гончарное клеймо с княжеским знаком

было найдено в Приднепровье: Киеве, Чернигове, Белгороде, Родне, Вышгороде и старинных княжеских городах Руси. За пределами этого узкого круга предметы со знаками встречены лишь эпизодически (за исключением Тмутаракани, связанной с Черниговом). Этим самым очерчивается область наиболее интенсивного окняжения в *X*—*XI* вв.

Для нас особый интерес должны представлять княжеские знаки на инструментах ремесленников, на ремесленных изделиях, так как они говорят об определенных категориях ремесленников, находившихся в системе княжеского двора. Разумеется, список специальностей, составленный по данным этих знаков, очень случаен (рис. 128).

Гончары. Гончарные клейма в виде княжеского знака встречены в следующих местах: Киеве (2 находки), Белгороде (4 экз.), Вышгороде (2 находки, одна из них — голосник из церкви Бориса

и Глеба 1113 г.), Каневе, Остерском Городце, Изяславле Рогнедине близ Минска, Курске. В Белгороде княжеский знак был найден на посуде, обжигавшейся в горне у ворот белгородского детинца.

Кирпичные мастера (плинфоделатели): Киев — гридница Владимира, Киев — Подол XII в., Чернигов (Спасо-Преображенский собор 1036 г., церковь Елецкого монастыря XII в. и Благовещенская церковь 1186 г.), Остерский Городец (церковь, построенная Юрием Долгоруким), Смоленск (церковь Бориса и Глеба XII в.).

Каменщики: Владимир — Золотые Ворота 1164 г., Боголюбов — Киворий на дворе замка Андрея Боголюбского.

Ювелиры: место неизвестно (матрица для тиснения серебряных колтов со знаком князя Всеволода Ярославича — 1054—1093), Белая Вежа — Саркел (литейная форма для пуговиц, пришивавшихся к парчевому вороту).

Рыболовы: Владимир — Кремль. Н. Н. Ворониным найдено рыболовное грузило со знаком Юрия Долгорукого.

Хронологически эти знаки охватывают время с *X* в. по середину XII в., а географически совпадают только с городами (в деревнях на тысячи гончарных клейм нет ни одного княжеского), и притом далеко не со всеми городами, а лишь со старыми княжескими центрами, известными с *X* в. как княжеские города.

Можно отметить ряд исторических совпадений. Так, на божнице Михаила, построенной в Остерском Городце Юрием Долгоруким, знак аналогичен знаку на печати Юрия. Знаки владимирских каменосечцев, которых местное боярство презрительно называло холопами, точно воспроизводят знак князя Андрея Юрьевича, как бы подтверждая свою зависимость от него.

Гончарные клейма в большинстве случаев передают обобщенную схему, но некоторые клейма из Киева точно воспроизводят знак Владимира Мономаха. [13]

Летопись сохранила нам много описаний княжеских дворов, свидетельствующих о концентрации в них большого количества всевозможных запасов. Эти «красные дворы» были средоточием княжеской челяди, арсеналом оружия, складом различных изделий,

[13] Коллекции Киевского Исторического музея. Знак опубликован в дополнении к моей статье на последней странице № 6 «Сов. археол.». Он интересен необычайной для гончарных клейм четкостью рисунка и тщательностью исполнения.

изготовленных ремесленниками, и запасов, принесенных крестьянами. «... Идоста [Давыдовичи] на Игорево селце, идеже бяше устроил двор добрѣ; б е ж е т у г о т о в и з н и м н о г о: в бретьяницах и в погребѣх вина и медове, и ч т о т я ж ь к о г о т о в а р а в с я к о г о, д о ж е л е з а и д о м е д и, н е т я г л и б я х у т ь о т м н о ж е с т в а в с е г о т о г о в ы в о з и т и»... (разрядка наша.— *Б. Р.*). [14] В Путивле на княжеском дворе Давыдовичи нашли не только «тяжкий товар», н о 7 0 0 ч е л о в е к ч е л я д и — среди них мы вправе предполагать тех мастеров, руками которых создавались колоссальные запасы железных, медных и иных изделий в княжеских и боярских замках.

Археологическое изучение феодальных замков пока еще не достаточно, но даже при небольших раскопках вскрывается совершенно определенный характер княжеских и боярских дворов, их полная обеспеченность ремесленниками разнообразных специальностей.

Интересно в этом отношении Ковшаровское городище в Смоленском княжестве, [15] где имеются остатки провинциальной боярской усадьбы.

На территории городища богато представлены различные производства — кузнечное, гончарное, бондарное, косторезное, ювелирное, литейное, обработка дерева и кожи. По своему техническому уровню это вотчинное ремесло стояло выше деревенского и в этом отношении не отличалось от городского.

Вотчинное ремесло больших удельных княжеских городов, вроде Вышгорода, Белгорода, Дмитрова, Вщижа, при современном состоянии их изученности, не удается отделить от свободного ремесла, которое, несомненно, там существовало.

Значительно резче разница между вотчинным придворным ремеслом и городским посадским прослеживается в Киеве. Здесь в непосредственной близости от княжеского дворца и «Десятинной церкви» в Старом Городе существовала сеть разнообразных мастерских. Обработка камня, кости, ювелирное дело, литье, производство перегородчатой эмали и стекла и ряд других отраслей ремесла вскрыты в Киеве раскопками В. В. Хвойко, Д. В. Милеева и экспедициями Украинской Академии Наук за последние 25 лет.

Специфические особенности некоторых производств, рассчитанных на обслуживание княжеской семьи (например, эмаль), не оставляют сомнения в придворном, вотчинном характере этого ремесла.

[14] Ипатьевская летопись 1146 г.

[15] А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, Смоленск, 1926. Приложение.

В техническом отношении придворное ремесло киевских князей стояло очень высоко, оправдывая ту высокую норму штрафа, которую Русская Правда устанавливает за убийство ремесленников. Придворные златокузнецы и эмальеры, мастера скани и тончайшей зерни были законодателями мод как для Киева, так и для других городов.

Выше неоднократно отмечалось, что ремесленники городского посада стремились подражать княжеским мастерам и при помощи упрощенных технических приемов воспроизводить тонкости их ювелирного искусства для широких слоев городского населения. Впрочем, необходимо отметить, что придворные ремесленники вовсе не были отгорожены от внешнего мира. Стены древнего Владимирового города, внутри которых располагались дома княжеских ремесленников, не препятствовали им совмещать работу по заказу своего господина с работой на рынок.

Мастер-литейщик, создав восковую модель тончайшей работы с русскими и греческими надписями, отлил по ней золотой змеевик для князя Владимира Мономаха, но оставшуюся у него глиняную форму он не уничтожил, а отлил в ней несколько медных змеевиков, оказавшихся разбросанными по разным углам Черниговского княжества. Здесь перед нами явное совмещение работы на заказ с работой на рынок.

Киевские эмальеры, изготавливавшие дорогие золотые венцы, колты оплечья (дорогие как по стоимости золота, так и по количеству времени, необходимому для создания сложного живописного рисунка эмали), одновременно с этим занимались выделкой дешевых м е д н ы х крестов. Такую двойственность мы наблюдаем не только в Киеве, но и во Владимире (золотые и медные колты, выполненные с одинаковыми техническими особенностями).

Наряду с киевскими эмалями, в одной мастерской производились в XI—XII вв. стеклянные браслеты для очень широкого рынка.

К концу XII — началу XIII вв. у мастеров старого киевского замка появляются литейные формы для воспроизведения зерни, скани и тиснения. Если до сих пор посадские ремесленники Фроловой Горы подражали придворным, то здесь княжеские ремесленники как бы подражают самим себе. В данном случае, очевидно, сказалось их стремление овладеть широким провинциальным рынком, так как вещи, изготовленные в таких литейных формах, из-

вестны нам только с окраин Киевской Руси. Литье в тщательно сделанных каменных формах несовместимо с представлением о выполнении индивидуального заказа.

Утрата вотчинными ремесленниками их усадебной замкнутости, связь с рынком и, может быть, даже конкуренция с посадским ремеслом — все это явления новые, разлагавшие вотчинный принцип и возможные лишь в тех случаях, когда двор вотчинного хозяйства был вкраплен в крупный город с разнообразным населением и разными формами производства и торга. Именно так и было в Киеве, Чернигове, Владимире, относительно которых у нас есть некоторые данные. Так было, вероятно, и в других крупных городах.

Уловить время этого перехода вотчинных ремесленников к работе на рынок довольно трудно. Для массового изготовления стеклянных браслетов можно говорить об XI в., для литейных же форм и перегородчатой эмали на меди можно говорить только о XII в. и то не ранее его середины. По отношению к стеклянным браслетам, производство которых с самого начала носило массовый характер, может быть следует поставить вопрос не о самостоятельной работе стеклодела на рынок, а об особой организации княжеского хозяйства, использовавшего своих дворовых мастеров для производства ходкого товара, собственником которого мог быть сам владелец двора. Напомню обилие княжеских товарных пломб в Дрогичине, свидетельствующее о значительном участии князей XI—XII вв. в торговле. Этого никак нельзя сказать о дублетах «черниговской гривны», так как невозможно представить себе, чтобы Владимир Мономах (или какой-либо знатный боярин с именем Василия) торговал медными копиями с золотого змеевика, висящего у него на груди. В этом случае только сам мастер начала XII в. мог заниматься продажей медных отливок с дорогого заказного экземпляра.

Следует отметить хронологическое совпадение появления у вотчинных ремесленников литейных форм для массового производства исчезновением в Приднепровье княжеских знаков: и то и другое падает на середину XII в. Трудно сказать, связано ли это явление с возросшей ролью киевских горожан, которые в XII в. уже рядятся с князями, как и их новгородские собратия, или оно связано с разгромом Киева в 1169 г. Взятие Киева Андреем Юрьевичем не уничтожило киевского ремесла вообще, процветавшего и далее, но оно могло очень чувствительно сказаться именно на вотчинном княжеском ремесле, на «красных дворах» побеж-

денного Мстислава Изяславича. Струя посадского ремесла с его имитационными литейными формами (хорошо известного нам по находкам на Подоле) могла хлынуть на «Гору», в опустевшие после Андрея дворцовые мастерские и влить в них новое содержание. Это объяснение не может претендовать на убедительность, так как для этого необходимо установление датировок с точностью до десяти лет, что пока невозможно. Очень соблазнительно и начало эмальерного дела во Владимире связывать с уводом части киевских мастеров в 1169 г. Ведь и поливная керамика во Владимире известна нам не ранее последней трети XII столетия.

Судя по княжеским знакам на посуде белгородского гончара, датируемой 1240 г., в удельных городах Киевского княжества вотчинное ремесло доживает до эпохи Батыя. В провинциальных же боярских усадьбах вотчинное ремесло, вероятно, продолжало существовать в большей неприкосновенности, не подвергаясь сильному влиянию мощного жизнеспособного города XII—XIII вв.

Особым разделом вотчинного ремесла является монастырское. Во многих отношениях оно близко к княжескому — монастырь, так же как и феодальный двор, вкраплен в крупный город, так же связан с рынком. Изготовление икон, литых энколпионов, крестов, а также каменных и костяных иконок вероятнее всего производилось в монастырских мастерских.

Территориальная близость княжеских дворцов и церковных построек в Киеве не позволяет разграничить в районе Десятинной церкви собственно княжеские и монастырские (или митрополичьи) мастерские. Наличие же литейных форм для крестов с монашеским именем мастера — Никодим — доказывает существование литейной мастерской, связанной с церковью. Кроме монастырей, организаторами массового сбыта предметов христианского культа могли быть и митрополит и отдельные церкви вроде Десятинной или Софийского собора, к которым почти вплотную примыкают жилища ремесленников.

Среди монастырских работников было много различных ремесленников. Для большинства из них был обязателен монастырский устав Федора Студита, введенный в Киеве еще в XI в. Он содержит строго разработанную систему наказаний ремесленников. Например: «О усмошвцы: аще небреженіемъ преломитъ шило или ино что, имъ же усмь рѣжуть, да поклонится 30 и 50 или 100... Аще на потребу възметь кожю или усние и, не съблюдая, рѣжеть и не прилагаеть мѣры сапожныя... сухо да ясть».

«О шевци ризномъ: иже нехраненьемь сломит іглу ли ножь, ли нить претергнеть, іли ризу раздерет, поклон 50 ли 60».[16]

По этому уставу сапожнику или портному приходилось расплачиваться сотнями поклонов или сухоядением за сломанное шило или порванную нить. Если же ремесленник работал на стороне, то он должен был сдавать весь заработок игумену. Но и среди монастырских ремесленников мы можем выделить своего рода аристократов. В этом отношении чрезвычайно интересен рассказ киево-печерского патерика о художнике и ювелире Олимпии.[17]

Пройдя школу у цареградских мастеров, Олимпий оставался в монастыре и был поставлен попом. Когда у него не было монастырского дела, он «... възимаа възаим злата и срѣбро, еже иконам на потребу, и дѣлаше, им же бѣ долъжен, и отдаваше икону за таковый долгъ». Можно подумать, что Олимпий работал бескорыстно; в этом нас старается убедить и автор рассказа, но скоро он проговаривается, указав, что благочестивый Олимпий брал одну треть из заработанного «на потребу тела». Строгий устав, запрещавший монаху иметь собственность, очевидно, к нему не применялся. Дальнейший рассказ, освобожденный от богословского налета, излагается так: какой-то киевский богач, выстроивший церковь, решил украсить ее иконами работы Олимпия. Он явился в монастырь и договорился с двумя монахами-иконописцами «да сътворять рядъ съ Алимпіем, иже хощеть, възметь от иконъ»[18] и дал им деньги. Когда заказчик явился получить иконы, выяснилось, что сам Олимпий ничего о заказе не знал, а иконы оказались уже написанными теми двумя мастерами, которые должны были служить посредниками между заказчиками и Олимпием. Тем не менее Олимпий приписывал создание этих икон себе, своей чудотворной способности. А так как настоящие мастера протестовали, то их выгнали из монастыря. За пределами монастыря они апеллировали к народу и продолжали утверждать, что иконы написаны ими «господинъ же тѣх [икон] не хотя дати нам мьзды, и со замыслилъ есть, лишивъ наю найма, и солгаста на иконы, яко Богомъ написани суть, а не суть нами въображени».[19]

Из этого инцидента, происходившего вскоре после Киевского восстания 1113 г., мы видим, что в системе монастырского хозяйства имелся крупный мастер-живописец и ювелир и два его подручных. Характерно употребление в патерике слова «найм» в смысле заработной платы, характерно и то, что в конфликте мастера с подручными монастырь стал на сторону мастера, а народ — на сторону обиженных им помощников. Конфликт дошел, в конце концов, до самого Владимира Мономаха.

Здесь перед нами в зародыше тот антагонизм между мастерами и подмастерьями, который составляет основную черту позднесредневекового города.

В отношении привилегированных монастырских мастеров вроде Олимпия нужно сказать, что их непосредственная связь с потребителем поставила их почти вне зависимости от монастыря, т. е. здесь наблюдается тот же процесс, который мы могли заметить и в светском вотчинном ремесле — постепенное ослабление феодальной замкнутости и связь с частными заказчиками или рынком.

[16] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, вып. 1. См. под словами: «усмь», «усние», «шьвьць».
[17] Д. Абрамович. Киево-Печерський патерик, Киев, 1930, стр. 173.
[18] Д. Абрамович. Ук. соч.
[19] Там же.

3. ГОРОДСКИЕ МАСТЕРА

Ремесленники всех специальностей в Древней Руси объединялись общим названием — «ремесленник» (реместенник, ремествяник) или «художник», «хитрец» (в смысле «искусник»). Но наиболее употребительным и универсальным было слово «мастер», которым обозначались как ремесленники, так и архитекторы, живописцы и даже военные специалисты.

Помимо общих названий существовал ряд названий отдельных специальностей.

Одной из важнейших задач истории русского ремесла должно быть составление полного списка специальностей городских ремесленников, так как только при наличии такого списка мы получим возможность сравнивать ремесла, отдельные города между собой и ремесло Киевской Руси с ремеслом в других странах.

Нужно заранее оговориться, что количество источников для этой работы крайне ограничено, так как письменные памятники называют для XI—XIII вв. только 22 ремесленных специальности, а археологический материал, которым мы пользовались в качестве основного источника в вопросах техники ремесла и сбыта изделий, здесь теряет свою убедительность.

Прежде чем перейти к списку ремесленников, составленному для десяти крупнейших русских городов (Киев, Чернигов, Переяславль, Владимир, Рязань, Смоленск, Новгород, Псков, Полоцк, Галич), остановлюсь на нескольких предварительных замечаниях.

Наиболее желательным методом полного определения различных специальностей могли бы быть раскопки целых городских кварталов, которые заменили бы нам до известной степени городские писцовые книги (как отчасти заменили их для деревни раскопки курганов). Но, не говоря о сложности и громоздкости подобных раскопок, мало вероятно, что раскопки жилищ и мастерских ремесленников в о в с е х с л у ч а я х помогли бы установить точную специальность мастера.

В качестве примера приведу результаты раскопок одного городского квартала. А. А. Мансуров взял на себя труд обработать материалы интереснейших раскопок в Старой Рязани, произведенных В. В. Городцовым в 1926 г.[20]

Раскопки велись траншеями, так что сплошного исследования определенной части города дать они не могли, но все же в результате оказались исследованными 19 целых жилищ (не считая частично перерезанных траншеями), из которых 17 были расположены компактно в северной части огромного городища. Скрупулезный анализ инвентаря жилищ привел Мансурова к выводу, что почти в каждом доме занимались н е с к о л ь к и м и р а з л и ч н ы м и р е м е с л а м и.

«Из наших материалов следует, — писал Мансуров, — что хозяйств, занятых металлургией, было больше, чем занятых гончарством, а хозяйств, занятых резьбой по кости, больше, чем занятых ювелирными делами. При этом мы замечаем, что все з а н и м а в ш и е с я г о н ч а р с т в о м з а н и м а л и с ь и м е т а л л у р г и е й, но не все металлурги были гончарами. Точно так же в с е ю в е л и р ы з а н и м а л и с ь о б р а б о т к о й к о с т и, но не все обрабатывающие кость были ювелирами».[21]

Сводная таблица ремесел, приведенная в работе Мансурова, особенно сводный план 16 жилищ, выпукло обрисовывает м н о ж е с т в е н н о с т ь ремесел в каждом жилище (от 3 до 5 в одном доме). Проверим, на каких основаниях это построено.

[20] А. А. М а н с у р о в. Древнерусские жилища (По материалам археологических раскопок в Старой Рязани). — «Исторические записки», М., 1941, вып. 12.

[21] Там же, стр. 88—89

Упоминание железных шлаков в дневнике раскопок еще не может служить бесспорным доказательством варки железа в домашних печах (хотя в отдельных случаях это и могло быть); необходимо точное указание на количество шлаков, место и обстоятельства их находки, глубину залегания. Без этого мы не имеем права говорить о выплавке железа в XIII в. в каждом доме крупного ремесленного города, каким была Рязань.

Как доказывается повсеместность гончарного дела?

В двух жилищах наличие гончарного дела бесспорно (№ 15 и № 18, где найдены тигли для цветной поливы), но в четырех существование его доказывается небольшими одиночными стекловидными слитками, которые могут получиться естественным путем в обычной домашней печи при промазке в ней щелей глиной. В жилище № 3 гончарное ремесло определяется по одному обломку глиняного пряслица (!), которые никогда не были предметом ремесленного производства.

Наличие костерезного ремесла также не доказано. В жилище № 5 найден один кусок рога со следами обработки, в жилище № 6— одна кость со следами обработки, в жилище № 12— один рог косули. Такие сомнительные признаки позволяют автору объединять все эти жилища в одну группу с настоящей костерезной мастерской в жилище № 16, где, кроме костей и готовых костяных изделий, имеется стамеска и 22 ножа.

В раздел ювелирного ремесла некоторые жилища включены по признаку находки одного куска янтаря (№ 19).

Примененный А. А. Мансуровым принцип определения ремесла по единичным находкам неверен. Он приводит к ложным выводам о сочетании несовместимых производств, выводам, не подтвержденным фактическим материалом. Но в оправдание исследователя, собравшего и систематизировавшего чрезвычайно ценный материал, следует сказать, что расшифровка его очень затруднена множественностью операций, производимых каждым ремесленником.

Очень немногие мастерские бесспорны в отношении определения занятий их хозяина. Таковы, например, мастерская № 8, где наряду с литейной формой найдены куски меди и олова. Это не «металлург» вообще, а литейщик, может быть, даже еще точнее — «крестечник».

Мастерские №№ 15 и 18 дают нам настоящих гончаров, мастеров поливной керамики (тигли для поливы, смальта, поливная посуда). Но как определить профессию тех рязанцев, у которых в мастерских

найдены разнообразные инструменты и материалы? Приводим их перечень:

№ 3—20 ножей, краска и курант для растирания ее, 2 шила.

№ 7— топор, 2 долота, 2 точильных бруска, 7 ножей, шило.

№ 9 —15 ножей, 6 точильных брусков, 1 тигель, полуобработанный янтарь.

№ 10—14 ножей, 4 бруска, 1 долото, 2 шила, 2 костяных иглы, 4 тигля, обрезки кости и рога, янтарь.

№ 11— резная кость, готовые костяные изделия, костяные пластины от седла, 18 ножей, 1 изогнутый нож, 1 шило железное, 2 шила костяных.

№ 11—22 ножа, щипчики, проволока, заготовка кости, костяные изделия (рукояти, стрелы), тигли, железная стамеска, 16 железных пластинок, 2 медных пластинки, ножницы.

Не вызывает сомнений, что ремесленники из перечисленных жилищ-мастерских должны были производить много различных операций, пользоваться разнообразными инструментами и материалами, но отсюда не следует, что они занимались различными ремеслами. Название ремесла могло определяться не преобладанием той или иной функции мастера, а названием определенного типа готового изделия, на выработке которого специализировался данный ремесленник.

Вот здесь-то нам и нельзя обойтись без указаний письменных источников, как бы отрывочны они ни были. Письменные источники XI—XIII вв. дают нам следующий список ремесленников:

Кузнец	Котельники
Кузнецы железа	Мостники
Кузнецы меди	Каменщики
Кузнецы по серебру	Каменосечцы
Серебреники	Кожевники
Оружейники	Усмошевцы
Щитники	Портные шевцы (или разные шевцы)
Тульники	Опонники
Лучники	Плинфотворители
Седельники	Писцы книжные
Древоделы	Иконники

Этот список резко распадается на две группы: в одну из них входят обобщенные специальности, вроде кузнецов, котельников, древоделей, а в другую — специальности, детализированные по определенному принципу: щитники, седельники, тульники, лучники, опонники, иконники.

Принцип, по которому выделялись ремесленники той или другой профессии, определяется легко: в памятниках XII—XIII вв. профессия ремесленника получила название не от производимых им трудовых процессов и не от материала, над которым он преимущественно работал, а от названия тех предметов, изготовлением которых он главным образом занимался.

Для того чтобы при помощи летописных терминов подойти к археологическому инвентарю, попытаемся представить себе набор инструментов и материалов в мастерской каждого из перечисленных ремесленников.

Щитник. Для изготовления щита необходимо было дерево, (обработка которого производилась следующими инструментами: теслом, пилой, ножом, сверлом), кожа (инструменты: шило, раскроечные ножи), медь (молоток, наковаленка), железо (молоток, зубило, заклепки).

Поскольку во всех литературных произведениях русские щиты сопровождаются эпитетом «червленые», мы должны предполагать наличие в мастерской щитника красной краски.

Седельник. Материал для ленчика — дерево (набор столярных инструментов). Для изготовления покрышки, седел, крыльев и путалищ стремян требовалась кожа (для ее обработки — набор кожевенных инструментов). Луки, седла обычно украшались костяными или металлическими накладками (инструменты: ножи и резцы для резьбы по кости, циркуль для орнамента, сверло для отверстий, пила, проволока или гвозди для прикрепления накладок).

Если седло украшалось «златым жженым», то седельник должен был иметь золото, ртуть, тигель для плавки амальгамы и печь или жаровню.

Тульник. Колчаны делались из кожи, дерева и бересты. Необходимы были ножи, шилья, тонкая пила. По всей вероятности применялись краски. Обычно колчаны, насколько мы знаем их по половецким курганам, обильно украшались костяными накладками (набор костерезных инструментов).

Лучник. Основной материал — дерево и рог. Необходимы пила (следы пилы есть на накладке лука со знаком князя Мстислава Тмутараканского), сверло, клей, проволока или жилы, пресс или

тиски для оклеивания составных частей сложного лука, медные полосы для оковки скреплений.

Если бы все четыре мастерские щитника, седельника, тульника и лучника сгорели в XII—XIII вв. и были бы раскопаны в XX в., то перед глазами исследователя была бы та же самая путаница, которую мы наблюдаем в Старой Рязани. В каждой мастерской были бы следы «деревообделочного ремесла», «обработки кости» и «металлургии». Ведь вполне возможно, что в жилище № 11 работал именно седельник, которому приходилось обрабатывать и кожу (изогнутый нож, шилья), и кость, и дерево (ножи и костяные пластинки для седла). А мастерскую № 16 можно предположительно связывать с тульником: ножи, стамески для обтачивания рога, проволока, щипцы и костяные стрелы, — все это не противоречит ассортименту орудий производства мастера колчанов. Но в обоих случаях у нас не будет уверенности в правильной атрибутации раскопанной мастерской.

Только детальный технологический анализ всего комплекса находок и изучение всех мелочей каждого инструмента позволят в отдельных случаях разобраться в настоящей профессии ремесленника.

Значительно легче расшифровать производственные комплексы в тех случаях, когда есть уверенность, что комплекс сохранился целиком. В этом отношении интересна мастерская, раскопанная М. К. Каргером близ Михайловского монастыря в Киеве.[22]

Дом погиб во время пожара 1240 г. Дверь дома была заперта; внутри остался кот, который сгорел здесь, так как не мог выбраться из запертого дома; уцелел горшок с кашей и воткнутой в нее ложкой. В глиняной макотре было около пуда ржи и рядом находились жернова для размола ее. Инструменты мастера состояли из таких предметов, как топор, тесло, сверло, струг, 14 миниатюрных горшочков с различными красками, 600 г янтаря, бусы и крестики из янтаря (частично недоработанные), серебряная лунница, поломанная лампада.

Можно очень живо представить себе этого мастера: наличие набора красок в сочетании с обработкой дерева говорит о том, что он был живописец, точнее — иконник, который сам приготавливал доски для икон и расписывал их. Побочным его занятием было изготовление бус и крестиков из янтаря и, возможно, ремонт поломанных вещей (лампада).

[22] М. К. Каргер. Раскопки древнего Киева. — «Наука и жизнь», 1940, № 2.

По счастью мы можем сопоставить этого иконника Михайловского монастыря с его собратом из Печерского монастыря живописцем Олимпием, который доставал в долг «злата и серебра, еже иконам на потребу». Следовательно, он не ограничивался только живописной работой, но сочетал ее и с ювелирной по золоту и серебру, оправляя иконы в оклады. Судя по тому, что у него было два помощника, он едва ли сам тесал доски для икон, но сочетание живописных и ювелирных работ несомненно.

Присматриваясь к работе Лазаря Богши, автора креста Ефросиньи Полоцкой, мы видим, что мастер должен был владеть и искусством чеканки, и искусством перегородчатой эмали, и уменьем оправлять камни в золото. Братило и Коста знали литье, чеканку, гравировку, зернь и позолоту.

Сочетание нескольких родственных производств в одной мастерской далеко не всегда является свидетельством примитивности ремесла. Так, например, наличие кузнечных и ювелирных инструментов в мастерской, раскопанной в Райковецком городище, говорит нам не о том, что в XIII в. ювелирное дело еще не отделилось от кузнечного, а об узкой специализации данного ремесленника, которому по ходу производства нужно было выполнять и кузнечные работы по железу и ювелирную обработку серебра. В самом деле, в этой мастерской найдены булавы, основа которых выкована из железа и обложена тонким позолоченным медным листом. Здесь же из тонких листов серебра изготовлялись колты с чернью и позолотой. Вот эти-то тонкие листы меди и серебра и объединили различные на первый взгляд производства перначей и колтов.

В связи с установленным многообразием функций отдельного ремесленника встает вопрос о степени технического разделения труда как внутри отдельной мастерской, так и в пределах целого города.

Киевские мастерские, раскопанные Хвойко, были довольно просторны и в некоторых случаях имели по 2 горна, что может свидетельствовать о каком-то разделении труда внутри данного производства.

Сопоставляя ранние и поздние перегородчатые эмали, мы замечаем, что на ранних эмалях совершенно отсутствуют филигранные и зерненые украшения; все побочные работы сведены эмальером к минимуму, его внимание целиком устремлено на основной эмалевый рисунок. Щиток с эмалью составляет одно неразрывное целое со всем изделием.

Поздние эмали дают нам очень пышное филигранное обрамление:

мы видим там сложные арки, зернь, ажурную скань и даже самоцветы в филигранной оправе (Киевский клад 1824 г., Старо-Рязанский 1822 г.). В то же время следует отметить, что щиток с эмалевым рисунком накрепляется отдельно и изготавливается особо от вычурной и тяжеловесной оправы. Возможно, что здесь одна вещь изготавливалась двумя разными мастерами: один из них делал гладкий щиток с перегородчатой эмалью, а другой окружал щиток богатой оправой. То же самое мы наблюдаем и в изготовлении черненых колтов: поздние экземпляры состоят из двух различных, механически соединенных частей,— серебряных щитков с тиснением и чернью и особой филигранной оправы.

Шлем Ярослава Всеволодича был сделан, вероятно, разными мастерами. Сначала кузнецом была выкована стальная основа, затем она поступила к ювелиру, который оправил ее в серебро, а затем к кольчужному мастеру, который, не считаясь с рисунком серебряной оправы, пробил ее зубилом и прикрепил кольчужную бармицу.

Итогом предварительных замечаний является следующий вывод: список городских ремесленников нужно составлять не по принципу отдельных технических приемов, а по принципу изготовления целых предметов, требовавших подчас различных материалов и инструментов. Разумеется, наряду с такими специализированными ремесленниками, занятыми производством какого-либо определенного предмета (щитов, колчанов, седел, луков), существовали и простые ремесленники — кузнецы вообще, гончары вообще и т. д. Сочетание данных письменных и вещественных источников позволяет установить примерный список профессий, существовавших в крупных русских городах. Все профессии разбиты на 11 групп по производственному принципу: I группа — мастера-металлисты, кузнецы и оружейники различных специальностей; II группа — очень неоднородна, в нее включены ремесленники по обработке цветных и благородных металлов; вполне возможно, что количество более узких специальностей было значительно больше; III группа объединена по принципу обработки дерева; в IV группу отнесены работы по камню, а также работы, связанные с окончательной отделкой каменных зданий — покрытие свинцовой или медной кровлей и роспись стен; V группа — обработка кожи; VI — обработка ткани; VII объединяет керамистов; VIII— производство стекла и эмалей; IX объединена по принципу обработки твердых материалов, как кость и камень, мелкая резьба и огранка; в X группу отнесены мастера по

изготовлению книг; в XI — разные ремесла, количество которых в действительности было, вероятно, значительно больше.

Группа	Профессии
I	Кузнецы по железу, домники, оружейники, бронники, щитники, мастера по изготовлению шлемов (?), мастера по изготовлению стрел (?), замочники, гвоздочники
II	Котельники, кузнецы меди, литейщики крестов-складней, литейщики имитационных украшений, волочильщики медной, серебряной и золотой проволоки (?), серебреники, мастера по изготовлению тисненых колтов и других изделий с чернью, сережники, златокузнецы
III	Древоделы, огородники (строители крепостей), городники, мостники, столяры (?), токари, бочары, резчики по дереву, кораблестроители-лодейники
IV	Каменщики, каменосечцы (скульпторы-декораторы), жерносеки, кровельщики, живописцы
V	Кожевники (кожемяки, усмари), усмошевцы, мастера по изготовлению пергамена, мастера по изготовлению сафьяна, сапожники, седельники, тульники. скорняки (?), шорники (?)
VI	Ткачи, опонники, портные-шевцы, мастера по изготовлению нябивных тканей (?), красильники (?)
VII	Гончары, кирпичники, корчажники, мастера по изготовлению поливных плиток и писанок, игрушечники (?)
VIII	Эмальеры (перегородчатая эмаль), мозаичники (?), стеклодувы, мастера по изготовлению стеклянных браслетов, крестечники (выемчатая эмаль)
IX	Костерезы, гребенщики, лучники, камнерезы (мелкая каменная резьба), гранильщики
X	Писцы книжные, златописцы, миниатюристы, переплетчики, иконники
XI	Масленники

Материал для составления этого списка был подготовлен рассмотрением техники ремесел. В список не вошли такие профессии, которые не являются ремеслом в полном смысле слова, как, например: повара, пекари, возчики, плотогоны, скоморохи, гудцы, гусляры, архитекторы, лекари и др. В списке фигурируют 64 специальности. Против некоторых из них поставлены вопросительные знаки, так как не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной. Но хотя этот список заведомо неточен, ошибки были допущены ско-

рее в сторону преуменьшения числа специальностей, чем их искусственного раздувания. Очень вероятно, что существовал ряд специалистов по пошивке разных видов одежды. У меня в списке все они объединены одним термином «швец-портной». Деревянная домашняя утварь и посуда могли иметь несколько разрядов особых специалистов. То же самое нужно сказать и о ремесленниках, связанных с корабельным делом и с выделкой колес. Отдельные ремесленники могли изготовлять различные предметы ратного быта: стяги с навершиями, шатры, чепраки, портупеи и пояса, боевые трубы, сопели и бубны. Совершенно не учтено производство продуктов питания. Одним словом, при дальнейшем пересмотре этого списка он должен быть пополнен другими профессиями.

О расселении ремесленников в городах у нас очень мало данных, которые помогли бы определить социальную топографию домонгольского города. Упоминаются в источниках кузнечьи ворота, плотницкий ручей. Можно сказать одно: почти каждый городской дом, открываемый раскопками, является домом (а одновременно и мастерской) ремесленника. Рядом с домом иногда располагается скотный сарай (Новгород, изба кожевника-сапожника).

Связь мастеров города с сельским хозяйством не прослеживается, хотя для средневекового ремесла она и характерна. Частые находки жерновов нельзя считать признаком наличия земледелия, так как в то время, в связи с трудностью хранения муки, на рынок поступало только немолотое зерно.

Наиболее типичным для феодального города надо считать наличие у ремесленников огорода и домашнего скота.

До сих пор речь шла о ремесленниках, имевших свою мастерскую (или точнее обычную избу, приспособленную для ремесла), но наряду с ними были и ремесленники иного типа. Из них на первое место надо поставить плотников, артели которых нанимались по договору на ту или иную постройку. Вокруг больших каменных построек нередко возникал целый ремесленный городок: тут были и каменотесы, и кирпичные мастера, и резчики камня, и литейщики меди и свинца, и кузнецы различных специальностей. Бродячего ремесла в той форме, в какой оно существовало в Западной Европе, у нас, повидимому, не было.

Совершенно не ясен вопрос о торговых помещениях у ремесленников. В XII—XIII вв. на городских торгах среди рядов могли быть и ремесленные ряды, столь характерные для XVI—XVII вв., но данных для такого утверждения у нас нет.

Определить форму обмена между ремесленником и заказчиком можно пока лишь предположительно. Наиболее вероятной надо считать такую, когда заказчик приходил к мастеру в его мастерскую («пришед к единому от кузнец») и здесь «творил с ним ряд», т. е. уславливался относительно стоимости работы, срока выполнения и иногда относительно материала, если работа выполнялась из материала заказчика, как это было в разобранном выше примере с Олимпием.

Большинство дорогих золотых вещей выполнено, вероятно, из материала заказчика. Некоторые виды ремесленных работ могли производиться на дому у заказчика (например, пошивка платья).

Часть ремесленников была связана с купцами типа коробейников, разносивших или развозивших их продукцию по всем русским землям. В таких случаях ремесленник превращался в товаропроизводителя и притом связанного со скупщиком. Таковы были мастера выемчатых эмалей, стеклянных браслетов и др. Отношения мастеров со скупщиками нам неясны, но какая-то денежная долговая зависимость ремесленников от ростовщического капитала монастырей, бояр и купцов несомненна. Об этом говорят городские восстания в Киеве и Новгороде (1113 и 1209 гг.), но какова была причина долгов — неясно. К займам у богатых горожан ремесленника могла принудить необходимость приобретения оборудования, покупка сырья, а также многочисленные стихийные бедствия.

Очень интересен вопрос о заработке ремесленников, но данных для его решения мало. Русская Правда сообщает о плате городникам и мостникам; в состав платы входят и деньги и продукты. Городник, работавший с 4 лошадьми, получал поденную плату деньгами (1 куна) и продуктами (хлеб, пшено, солод и овес); на полученную куну он мог купить себе мяса, рыбы и питья. Кроме этой платы, составлявшей его прожиточный минимум, городник получал и сдельную плату деньгами: при закладке каждой городни 1 куну и по окончании ее — 1 ногату.[23]

Крепостная городня — это высокий сруб из бревен размером 4×2 м (Вышгород, XI в.).

Куна и ногата — небольшие серебряные монеты: одна весом около 1 г, а другая — около 2.5 г.[24] На 50 кун или 20 ногат можно было купить вола или молодого жеребца. Расчет с мостником был

[23] Русская Правда, М., 1941, стр. 67.

[24] Н. П. Б а у э р. Денежный счет Русской Правды. — «Вспомогательные дисциплины», М., 1936.

несколько иной — отсутствует прокорм мостника («а есть, что можеть»); он получал только овес для коней, а плата давалась в зависимости от выработки, по норме 1 ногата за 10 погонных локтей моста.[25]

Чернорабочие на стройках получали, согласно легенде о построении Ярославом церкви Георгия в Киеве, по 1 ногате в день. Такая плата считалась княжеской щедростью. В значительно лучшем положении находились привилегированные категории ремесленников вроде иконников, ювелиров, резчиков мрамора.

По данным Печерского патерика за мраморную доску уплатили 3 гривны серебра («... да тоя мастер возмет за свой труд»). 3 гривны серебра — это 591 г серебра, сумма для XI в. весьма солидная.

В некоторых случаях нам известна стоимость отдельных ремесленных изделий, достигающая порой крупных сумм. Примером указанной ценности вещи является крест Ефросиньи Полоцкой, сделанный мастером Лазарем Богшею в 1161 г. На кресте есть надпись «... кованье его, злото и серебро и каменье и женчюг в 100 гривен, а... 40 гривен». Перед цифрой 40 имеется досадный пропуск, вызванный порчей креста в этом месте. Возможно, что 40 гривен означает стоимость работы, так как в первой половине фразы перечислен весь материал, пошедший на изготовление креста. Если это так, то Лазарь Богша был, повидимому, богатым мастером, двойником киевского Олимпия. Особенно велики были заработки архитекторов. Так, говоря о приходе четырех константинопольских церковных мастеров, Нестор (в житии Феодосия Печерского) отмечает, что они были «мужие богати велми». С ними был заключен договор сроком на 3 года, и деньги были уплачены вперед.

Наряду с заработками ремесленников, интересным является вопрос о внутренней организации ремесла в пределах одной мастерской, одной артели. Относительно артели плотников есть данные о том, что она возглавлялась старшим («старейшина древоделям», «старейшина огородникам»), который распоряжался действиями всей артели и являлся ее юридическим представителем, так как именно с ним велись переговоры о работе. Кроме строительных артелей, существовали товарищества гончаров, объединявшихся для совместного владения гончарным горном. Некоторые ремесленные мастерские рассчитаны на работу нескольких человек. Очевидно, между ними был как-то разделен труд. Для подсобных работ, по всей

[25] Русская Правда, М., 1941, стр. 67, 68.

вероятности, использовали труд учеников и помощников. Мы уже видели наличие помощников у иконника-ювелира Олимпия, жившего в первой половине XII в.

Под 1259 г. летопись сообщает о построении города Холма Даниилом Галицким. Князь Даниил начал созывать к себе ремесленников из всех окрестных земель и «... идяху, день и во день, и у н о т ы и м а с т е р ы (разрядка наша.—*Б. Р.*), всяции бежаху из Татар: сѣдѣлници, и лучницы и тулници и кузнеци железу и меди и серебру, и бѣ жизнь, и наполниша дворы окрест града поле, и села...»[26]

В этом поэтичном описании нового города, в который ремесленники вдохнули жизнь, нас может особо интересовать противопоставление «унотов» (юных, молодых) мастерам. В этих «унотах» можно видеть подмастерьев или учеников, которые незадолго до этого были захвачены татарами. Когда же первый натиск татар несколько ослабел, то в далекий угол Руси к сильному князю Даниилу потянулись вереницы подмастерьев (унотов) и мастеров.

Как мы видели, между мастерами и подмастерьями уже в начале XII в. происходили конфликты, в которых подмастерья старались привлечь на свою сторону население наиболее демократической части Киева — Подола. Правда, это относится к иконо-ювелирному ремеслу, которое обычно опережает другие ремесла в смысле своей социальной организации.

Анализ сложной техники многих производств подкрепляет мысль о длительном ученичестве и о существовании опытных мастеров и их помощников. Ранее всего институт ученичества и подмастерьев должен был возникнуть в сложном ювелирном деле.

В этой связи следует вспомнить выводы, наметившиеся в результате рассмотрения двух новгородских чеканных сосудов XII в. с именами мастеров Братилы и Косты (см. выше в разделе «Чеканное дело»).

Наличие двух разновременных сосудов, из которых один явно воспроизводит другой (или не дошедший до нас третий, являющийся образцом для этих двух), необычность и в то же время разработанность формулы подписи мастера, совпадающей в обоих случаях, возможная связь с новгородским посадником Петрилой Микульчичем — все это позволяет высказать предположение (в порядке рабочей гипотезы), что оба сосуда (или более поздний из них —

[26] Ипатьевская летопись 1259 г.

работы Косты) являются «шедеврами», выполненными на получение звания мастера. Chef d'oeuvre или Meisterstück в эпоху развития цехового строя на Западе служит барьером, ограждавшим касту мастеров от вторжения подмастерьев, но первоначально, в эпоху своего возникновения (Италия — XII в., Франция —XIII в.) институт шедевра был просто случаем для обучившегося — унота «блеснуть своим искусством и получить звание мастера».

Если в древней Руси в XII — XIII вв. существовало деление на мастеров и подмастерьев («унотов»— юных), то вполне возможно и бытование института пробного изделия, а следовательно и ремесленных корпораций, внутри которых происходит этот экзамен на звание мастера.

История западноевропейских городов свидетельствует о том, что купеческие и ремесленные корпорации возникают почти одновременно, возникают еще на том этапе внутригородской борьбы, когда и ремесленники и купечество совместно выступают против феодальных владетелей.

Юридическое оформление известного купеческого братства Ивана на Опоках совпало во времени с переходом важнейшего политического поста посадника из рук князя в руки городского веча.

Спустя два десятка лет возникновение второй купеческой корпорации вокруг церкви Параскевы-Пятницы на Торгу опять совпало еще с одной политической победой вечевого города — новгородцы добились права самостоятельно выбирать епископа, ранее назначавшегося киевским митрополитом.

Таким образом, две первых должности в государстве — посадника и владыки — стали выборными.

Особенно важным для нашей темы является то, что в начале XIII в. в числе лиц, причастных к управлению Новгородом, мы видим представителя ремесленников.

Речь идет об участии городских низов в поставлении новгородского архиепископа Антония (Добрыни Ядрейковича), которому в результате различных коллизий дважды приходилось покидать кафедру.

Первое его назначение произошло вскоре после известного восстания 1209 г. Последний раз он был смещен в 1225 г. На его место был назначен за взятку некий Арсений. Но «простая чадь» устроила вече и прямо с веча отправилась на владычный двор. Арсения «... акы злодѣя пьхающе за воротъ выгнаша, малѣ ублюде богъ отъ

смьрти»... Архиепископом в третий раз (в данном случае по воле народа) стал Добрыня Антоний.[27]

Самое интересное заключается в том, что вместе с Добрыней Антонием восставший народ «введоша на сени» двух новгородцев Якуна Моисѣевиця и Микифора Шитника. Победа народа увенчалась тем, что ближайшим помощником владыки становится поставленный во время восстания ремесленник Никифор, мастер по выделке щитов. Это событие по своим результатам очень напоминает возведение на владычный стол в XIV в. Василия, опережая его на целую сотню лет.

Если привлечь западноевропейские аналогии, то можно отметить, что в этом же самом 1228 г. восстание ремесленников в Болонье закончилось их частичной победой, цеховые корпорации получили право представительствовать в городском совете. Дело, разумеется, не в случайном совпадении даты, не в том, что в 1228 г. в Новгороде и в Болонье произошли одинаковые по содержанию и результатам явления, а в том, что история русских ремесленных городов в своих общих чертах совпадает с историей передовых городов Запада.

История городских восстаний уводит нас в XI в., когда одновременно с восстанием 1068 г. в Киеве там же был убит своими холопами Новгородский епископ Стефан, а в самом Новгороде происходили какие-то не вполне ясные нам события, связанные, с одной стороны, с епископом Лукой Жидятой и его холопом Дудиком (1058), а с другой стороны, с князем Глебом Святославичем.

Значительно яснее и определеннее киевские события 1113 г., в которых мы вправе предполагать активное участие ремесленников. Интересно, что упоминавшаяся нами выше апелляция к народу двух подмастерьев-живописцев, лишившихся заработанных денег, имела место в ближайшее время после восстания 1113 г.

Речи этих обиженных были достаточно смелы. Так, они не стеснялись разоблачать монастырское измышление о «чуде», в результате которого иконы будто бы оказались написанными без человеческого вмешательства; «и бе замыслилъ есть, лишивъ наю найма. И солгаста на иконы, яко богом написани суть» (разрядка наша.— *Б. Р.*).[28]

Новгородские события 1136 г., а особенно 1209 г. в еще большей

---

[27] Новгородская летопись 1228—1229 гг.

[28] Киево-Печерський патерик, Киев, 1930, стр. 177.

степени связаны с движением черных городских людей, с их борьбой против долгового закабаления.

Процесс долгового закабаления городских мастеров, падающий на XII—XIII вв., совпадает во времени с намеченным выше переходом городских ремесленников к работе на рынок, с выработкой новой техники, приноровленной к массовому выпуску продукции. Возможно, что обзаведение новыми орудиями производства (напр., тонкими резными литейными формами), необходимость заранее приобретать дорогой материал (серебро для заготовки продукции на рынок) и, наконец, зависимость от скупщика, каким мог оказаться и князь и монастырь (ведшие торговлю через своих тиунов) — вся эта цепь явлений, характерных для XII—XIII вв., приводила ремесленников к долговой зависимости от ростовщического капитала.

Участие городских ремесленников в восстаниях облегчалось тем, что они были вооружены. Вооруженный ремесленник, член городского ополчения, — это фигура хорошо известная западноевропейскому средневековью.

Новгородские летописцы на протяжении XIII в. постоянно вписывают в свои страницы имена ремесленников, погибших в боях за Новгород:

1200— Страшко серебреник, весец
1216— Онтон котельник
1216— Иванко Прибышинец опонник
1234— Гаврило щитник
1234— Нежило серебреник
1240— Дрочило Нездылов сын кожевника
1262— Яков гвоздочник
1262— Измаил кузнец

Еще одна группа явлений, кроме ремесленных ополчений, сближает русский город с западным — это городские ереси. Ранние сведения о них отличаются некоторой туманностью, но для рубежа XII—XIII вв. мы располагаем замечательным памятником — «Житием Авраамия Смоленского», составленным во второй половине XIII в. [29]

Живя в одном из смоленских монастырей, художник Авраамий вел различные беседы, которые были обращены к «малымъ же и к

[29] С. П. Розанов. Житие Авраамия Смоленского, СПб., 1912, стр. 7.

велікымъ, рабомъ же и свободнымъ и рукодельнымъ»... (разрядка наша.— *Б. Р.*). Из одного монастыря он был выгнан за подобные беседы. Авраамий пользовался книгами, которые были запрещены церковниками («... отверженые книги почитает...»). Его проповеди имели широкий успех, и он в конце концов «... ауже наши дѣти вся обратил есть к себѣ». По всей вероятности, его беседы с «рабами» и «рукодельными» (ремесленниками) носили какой-то острый и неприятный для церковников характер, потому что его объявили еретиком. Попы и игумены монастырей добились суда над ним. На суде они выступали «яко волом рыкающим» и требовали различных казней для «еретика»: заточить, пригвоздить к стене и зажечь или утопить «игумном же и ереом, аще бы можно жива его пожрети».

Такая ненависть духовенства была вызвана, очевидно, антицерковными речами Авраамия и демократическим составом его слушателей, которые впоследствии поплатились за слушание этих речей.

Н. П. Попов предполагал, что Авраамий Смоленский был знаком с учением вальденсов.[30] Это проливает свет на русско-европейские отношения в XII—XIII вв.

В связи с «глубинными» книгами, которые Авраамий толковал рабам и «рукодельным», может быть надлежит вспомнить любопытные отрывки XII — XIII вв., написанные, вероятно, для зашифровки, наполовину глаголицей, наполовину кириллицей.[31] Там есть, например, такая фраза: «... богатымъ сего вѣка запрещай, да не ся высокоумять и да не уповають на богатство» (разрядка наша.— *Б. Р.*).

В итоге этого очерка, посвященного городским ремесленникам, можно сказать, что свободное городское ремесло, развивавшееся с X в. параллельно с вотчинным, в конце концов оттеснило его на второй план и, благодаря развитию рыночных отношений в XII—XIII вв., содействовало разложению вотчинного ремесла в крупных промышленных городах и превращению его частично в товарное производство.

Сопоставление крупных русских городов XII— начала XIII вв. с современными им передовыми западноевропейскими городами позволяет установить ряд общих черт: 1) преобладание ремеслен-

[30] Н. П. Попов. Памятники литературы стригольников. — «Исторические записки», 1940, вып. 7.

[31] О. Бодянский. Московские глаголические отрывки. — ЧОИ и ДР, М 1859, кн. 1.

ников в составе городского населения, 2) обилие различных специальностей, 3) постепенное установление связи с рынком и частично со скупщиками, 4) наличие мастеров и подмастерьев, 5) наличие института шедевров (?), 6) участие ремесленников в городском ополчении, 7) задолженность городских низов, городские восстания против ростовщиков, 8) существование ересей как особой формы классовой борьбы, 9) частичное участие ремесленников в управлении городом тоже как результат классовой борьбы.

Весь перечисленный комплекс явлений на Западе дополнен наличием юридически оформленных ремесленных корпораций, относительно существования которых в древней Руси я могу лишь присоединиться к мнению С. В. Юшкова, который писал: «О б о р г а н и з а ц и и ц е х о в н а ш и п а м я т н и к и IX—XII вв. м о л ч а т, н о э т о н е з н а ч и т, ч т о и х у н а с н е б ы л о, с у щ е с т в о в а н и е и х в п о л н е в о з м о ж н о» (разрядка наша.— *Б. Р.*).[32]

Блестящая культура Киевской Руси, воспетая русскими средневековыми поэтами и северными сказителями саг, в значительной степени обязана своим расцветом развитию русской промышленности, русского ремесла.

Тысячи деревенских кузниц по Днепру и Волхову, по Волге и Оке ковали лемехи плугов для вспашки полей; сотни оружейников закаливали сталь для победы над многочисленными врагами, а в ювелирных мастерских «златокузнецы» создавали тончайшее узорочье из бронзы, серебра и золота, украшенное филигранью, зернью и невыцветающими красками эмали.

Попытки немецких «историков» принизить и умалить значение русской культуры бесплодны. Свидетельства современников достаточно красноречиво говорят о высоком мастерстве русских ремесленников X—XII вв.

Русский книжник XII в. по поводу одной ювелирной работы так отозвался о мастере: «... и тако украсил добре, яко не могу сказати оного ухищрения по достоянию довольно, яко многим приходящим от Грек и иных земель глаголати: «нигде же сицея красоты бысть!».

Византийский писатель Иоанн Тцетцес писал в XII в. стихи, в которых прославлял русскую резьбу по кости и сравнивал русского мастера с легендарным Дедалом. Но из всех современных свидетельств

[32] С. В. Ю ш к о в. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М., 1939, стр. 140.

о русском ремесле, пожалуй, самым интересным является предисловие к известному трактату Теофила, посвященному технике различных художественных ремесел. Там в определенном порядке перечислены страны, прославившие себя тем или иным видом ремесла.

В этом почетном списке передовых стран Европы и Востока Киевская Русь (Russia) поставлена на втором месте (уступая первенство лишь Византии), впереди Аравии, Италии, Франции и Германии:

«Quam si diligentius perscruteris, illic invenies quicquid in diversorum colorum generibus et mixturis habet G r a e c i a; quicquid in electrorum operasitate, seu nigelli varietate novit R u s s i a; quicquid ductili vel fusili, seu interrasili opere distinguit A r a b i a; quicquid in vasorum diversitate, seu gemmarum ossiumve sculptura auro decorat I t a l i a; quicquid in fenestrorum pretiosa varietate diligit F r a n c i a; quicquid in auri, argenti, cupri et ferri, lignorum lapidumque subtilitate sollers laudat G e r m a n i a».

(Перевод: «Если ты внимательно расследуешь, то найдешь тогда, что в родах и смешениях разных красок имеет Г р е ц и я; что в тщательности эмалей или разнообразии черни открыла Р у с с и я, что в проволочном (?) или литейном или... (interrasili) деле различает А р а в и я; что в различных сосудах или в резьбе на геммах и по кости золотом украшает И т а л и я; что в драгоценном разнообразии стекол избирает Ф р а н ц и я; что в тонкой работе по золоту, серебру, меди, железу, дереву и камню торжественно прославляет Г е р м а н и я» (разрядка наша.— *Б. Р.*).[33]

Расцвет русского ремесла в IX—X вв. был подготовлен всем предшествующим развитием Среднего Приднепровья. Историческая роль Киева была создана не отрядами варяжских авантюристов, а всем ходом развития хозяйственных и общественных сил Приднепровья, скрытым от нас отчасти литературным талантом автора «Повести временных лет», а отчасти норманнистическим туманом, позволявшим разглядеть лишь преувеличенные тени готов и варягов.

Анализ местных изделий VI—VIII вв. показал, что земля полян была достаточно богатой и обладала самостоятельной культурой, которая в VIII в. была дополнена знакомством с сильнейшей средневековой культурой арабско-иранского Востока.

[33] T h e o p h i l u s. Schedula diversarum artium. Praefatio, изд. A. Ilg, Wien, 1874, стр. 9—11.

К IX—X вв. в Киевской Руси уже существовало ремесло вотчинное, деревенское и городское. Доказательством существования свободного городского ремесла в IX—X вв. являются равноправные погребения ремесленников на общегородских кладбищах (Шестовицы, Гнездово, Васильки, Михайловское). В это время можно уже считать выделившимся ряд ремесленных специальностей, как, например: кузнецы, оружейники, бронники, ювелиры, гончары, литейщики, резчики кости, а к концу X в. эмальеры и стеклоделы.

В X в. расширяется сеть русских городов, а такие крупные центры, как Киев, привлекают к себе значительные массы нового населения.[34]

В это время к транзитной торговле Киева присоединяется экспорт русских ремесленных изделий (скань, серебро с чернью, эмаль и др.) в Чехию, Польшу и к балтийским славянам. В результате этого экспорта устанавливается влияние Киева, «соперника Константинополя», на ряд западнославянских областей. К этому времени относится и знакомство Германии с продукцией русских эмальеров и мастеров черни.

В XI в. русское городское ремесло вступило с богатым запасом технических навыков. Деревня и город были до того времени еще совершенно разобщены. В деревнях существовали кузнецы, литейщики-ювелиры и гончары; обслуживаемая этими ремесленниками деревня жила небольшим замкнутым мирком. Район сбыта продукции был крайне мал: 10—15 километров в радиусе.

Несмотря на это, ремесло было уже достаточно развито — гончары клеймили свои изделия клеймами и передавали мастерство по наследству; кузнецы, старейшие из всех ремесленников, выделившиеся еще на высшей ступени варварства, были окружены космогоническими легендами и мифами, приоткрывающими интереснейшую страницу славянского язычества (миф о Святогоре-Гефесте и о Свароге-Прометее).

В XI в. первоначальная полная замкнутость начинает нарушаться. В Киевском княжестве возникает в ряде селений под Овручем промысел по изготовлению пряслиц из розового шифера; в это же время

[34] Титмар Мерзербургский говорит о том, что в Киев со всех сторон стекались крепостные, привлеченные покровительством, которое оказывал городу Владимир. — М. М. Стасюлевич. История средних веков.

в самом Киеве начинают работать мастерские по выделке стеклянных браслетов и мастерские выемчатых эмалей, налаживается серийное производство замков. Вся продукция этих производств расходилась по самым дальним и глухим углам Русской земли. Продукция городских мастеров оказалась на рынке, — и притом на рынке настолько широком, что он предполагает наличие специалистов-торговцев, «гостебников» и, может быть, даже скупщиков, известных в это время в Западной Европе.

Часть ремесленной продукции (шиферные пряслица) в XI—XII вв. вывозилась за границу (Польша, Волжская Болгария, Херсонес). Продукция киевских эмальеров и керамистов часто встречается в Швеции.

Под влиянием установившихся связей с рынком русские ремесленники XI—XII вв. совершенствуют свою технику, стараясь обеспечить массовый выпуск продукции (напр., каменные литейные формы, замена чеканки штамповкой и т. д.). Количество специальностей городских ремесленников неуклонно возрастает, превышая к XII—XIII вв. в некоторых городах 60.

В XII в. развитие ремесла продолжается. В художественном отношении мир образов, созданных русскими мастерами, представляет интереснейшую и своеобразную страницу в истории общеевропейского ремесленного искусства. В камне, в эмали, на серебре и кости русские мастера воплотили причудливую смесь христианских и архаичных языческих образов, сочетав все это с местными русскими мотивами и сюжетами.

В технике ремесла продолжаются усовершенствования, направленные на увеличение массовости продукции. Посадские мастера, подражая изделиям придворных мастеров, создают имитационные литейные формы, позволяющие быстро отливать большое количество украшений.

В XIII в. создается ряд новых ремесленных центров со своими особенностями в технике и стиле. Но никакого упадка ремесла со второй половины XII в., как это иногда утверждается, мы не наблюдаем ни в Киеве, ни в других местах. Наоборот, культура растет, охватывая новые области и изобретая новые технические приемы.

Жизнеспособность и полнокровность русской культуры и, в частности, ремесла сказались в том, что во второй половине XII в. и в XIII в., несмотря на неблагоприятные условия феодальной раздробленности, русское ремесло достигло наиболее полного технического и художественного расцвета, а сами ремесленники, после ряда

восстаний, завоевали себе видное место в системе феодального города, участвуя в ополчении, ставя своих представителей рядом с высшими органами власти.

В технике эмали, в золотой росписи по меди, в технике зерни и скани и в изготовлении тончайших литейных форм русские мастера опередили своих западноевропейских собратьев.

Перед русским ремеслом открывалась такая же широкая дорога дальнейшего развития, как перед ремеслом североитальянских городов этой же эпохи. Монгольские завоеватели растоптали и расхитили эту цветущую культуру в момент ее наивысшего подъема.

Часть вторая

С середины XIII в. до второй половины XV в.

Глава шестая

ВЛИЯНИЕ ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ НА РУССКОЕ РЕМЕСЛО XIII в.

В развитии русского ремесла татарское нашествие сыграло такую же печальную роль, как и во всех остальных областях культуры.

Особенности монгольской политики в завоеванных областях сильнее всего сказались на ремесленниках. Разрушением покоренных городов монголы наносили особенно чувствительный удар русской ремесленной промышленности и именно наиболее важной и ценной ее части — городскому ремеслу.

Если земледельческое население татарам иногда было выгодно оставлять в деревнях «...да имъ орють пшеницю и проса»,[1] то в отношении к ремесленникам действовал иной расчет: мастеров нужно было изъять из завоеванных городов, так как они составляли силу более опасную, чем золото и деньги в руках князей. Дальновидные монголы хорошо понимали, что во время войны побеждает тот из противников, который располагает не только армией воинов, но и армией ремесленников, умеющих ковать оружие, строить города, создавать хитроумные машины. Поэтому везде, где им приходилось воевать, монголы старались овладеть ремесленниками. Об этом подробно рассказывает Плано Карпини. Предлагая жителям осажденного города сдаться, татары говорят им: « Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю, а когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топоромъ».[2]

[1] Ипатьевская летопись 1241 г.

[2] Иоанн де Плано Карпини. История монголов, перев. А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 32.

То же самое сообщает иранский историк Рашид-эд-дин; когда после семимесячной осады монголы взяли Хорезм, то они «выгнали жителей разом в поле, отделили около 100 000 человек из ремесленников и искусников и отправили в восточные страны».[3]

Плано Карпини еще раз возвращается в своей истории к положению ремесленников, взятых в плен татарами: «В земле Сарацинов и других, в среде которых они (татары) являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия... другим же каждому они дают хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах».[4]

Из слов Плано Карпини мы можем сделать вывод, что татары превращали ремесленников в рабов. лишенных, разумеется, рынка и вынужденных существовать на голодную норму хлеба и мяса, выдаваемую татарами. Это применялось к городским ремесленникам, т. е. к категории наиболее связанной в прошлом с рынком.[5]

[3] Рашид-эд-дин. История монголов. — «Труды Восточного отделения Археологического общ.», 1888, т. XV, стр. 65. — Примеры захвата в плен ремесленников можно умножить: взяв Мерв в 1220 г., Чингис-хан предложил составить особый список ремесленников и художников (В. С. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 30. Летопись Ибн-эль-Асира). При завоевании Тебриза к хану Хулагу были приведены ткачи известных тебризских тканей (Там же, стр. 44). Эта же политика применялась и в Китае и в других завоеванных областях.

Не нужно думать, что захват ремесленников был лишь однократным эпизодом в истории монгольских государств. Эта политика продолжалась и в дальнейшем. Де Клавихо сообщает, что в конце XIV в. «много предместий [Самарканда], лежавших вне вала и занимавших пространство во многие часы пути, кишело ремесленниками и художниками, которых Тимур перевел сюда из коренных стран, чтобы возвысить и обогатить свою столицу. Число этих людей, силой отторгнутых от их родины, простиралось до 150 000». («Дневник путешествия Рюи-Гонзалес де Клавихо». — ЧОИ и ДР М., 1864, кн. IV, материалы иностранные, стр. 217).

[4] Иоанн де Плано Карпини. Ук. соч.. стр. 36—37.

[5] На деревенских ремесленников татары обращали меньше внимания, оставляя иногда их на месте, но обязательно принимая меры к их разоружению. Рубрук, перечислив народы, платившие дань татарам, дооавляет: «...и даже сверх условленной дани они брали в недавно минувшие годы со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке». (Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перев. Малеина, СПб., 1911, стр. 67). Естественно, что в таких условиях и деревенские кузнецы должны были работать, главным образом, на татар. Излишки сырья у них отбирались.

Полоненных ремесленников татары вели за собой в походы, держали впроголодь, посылали разведывать опасные переправы в трясинах и броды. «Говоря кратко, они [ремесленники] мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников». Далее Плано Карпини передает трагические подробности скитаний массы мастеров вслед за татарскими полчищами: «Мы видим также, что иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках; слышали мы также, что другие умирали [от мороза]».

Доказательством того, что горожане русских городов также попали в число подобных пленников, является наличие типичных русских вещей XIII в. в самых различных концах татарских кочевий.

Выясняя ранее районы сбыта городских ремесленников, приходилось обращать внимание на некоторые русские вещи, широкораспространенные как в самом Киеве, так и в других русских городах, но которые имели как бы две области распространения, из них одна не выходила за пределы русских земель, а вторая, очень широкая и неопределенная, занимала юго-восток Европы.

Приведем три примера. Кресты-складни с обратной надписью (мастер резал на форме прямо, поэтому при литье получалось зеркальное изображение) «Святая богородица, помогай!» хорошо известны в XIII в. в ряде приднепровских городов,[6] в том числе несколько раз найдены в Киеве. Изделия одного киевского мастера в большом количестве расходились по городам Среднего Приднепровья. Район сбыта достигал 100 км. Но кроме этого компактного района, тесно связанного с Киевом, мы встречаем изделия этого же мастера далеко за пределами русских земель. Так, один из крестов, литой в одной форме с киевскими, найден в Поволжье (с. Губино, б. Сызранского у.).[7]

Другой крест с такой же обратной надписью оказался в Бессарабии, в степях между Прутом и Днестром.[8] И, наконец, третий

[6] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Кресты и образки, Киев, 1899, вып. 1, табл. 41 и 42; Коллекции ГИМ (из разных мест). — Литейная форма для этих крестов, найденная в Киеве, опубликована В. Е. Козловской («Славянские городища и курганы как исторический источник». — «Minerva». 1914).

[7] Коллекции ГИМ.

[8] Н. И. Петров. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, Киев, 1897, стр. 233.

экземпляр происходит с Северного Кавказа (с. Куденетово, близ Нальчика).[9]

В Куденетове, кроме энколпиона с обратной надписью, найдена еще медная литая иконка в форме квадрифолия, имеющая также аналогии в киевских древностях XIII в.[10]

Обе иконки отлиты в одной форме. Если мы продолжим розыски других отливок этой же формы, то найдем их в Поволжье. Несколько попорченный экземпляр этой иконки-складня известен из раскопок в Терновском городище близ Камышина.[11] Четвертый экземпляр иконки был найден в 1895 г. на Увекском городище.

Третья серия вещей, литых русскими мастерами и также встречающихся и на Руси и в степях, состоит из ряда змеевиков с изображением Федора Стратилата.[12] Один из этих змеевиков оказался на берегах Волги (с. Балаково).[13]

Не привлекая пока других материалов, остановимся на указанных трех сериях, дающих крайне интересную и несколько неожиданную связь между русскими городами и степной областью. Для расшифровки этой связи необходимо обратить внимание на хронологию вещей и их географическое размещение вне Руси.

Иконка-квадрифолий верно датирована издателем XIII в. По поводу змеевика крупный знаток византийской сфрагистики Н. П. Лихачев писал: «Этот памятник относится к концу домонгольского периода» (разрядка наша.— *Б. Р.*).[14]

Кресты-складни с обратной надписью дважды встречены в раскопках М. К. Каргера в Киеве. Один раз такой крест был найден в землянке ювелира близ Михайловского монастыря. Землянка была разрушена во время гибели Киева при взятии его войсками Батыя. Обстоятельства находки второго креста еще более интересны — он обнаружен в тайнике под Десятинной церковью, являвшейся последним оплотом киевлян во время той же осады. Тайник представлял

[9] Архив ИИМК. Раскопки 1886 г. Негатив № 33488.

[10] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., табл. VIII, рис. 100.

[11] Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи, М. — П., 1923, табл. XII, рис. 4, стр. 52.

[12] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, стр. 133—134, рис. 65.

[13] Акад. А. С. Орлов. Библиография русских надписей, М.— Л., 1936, стр. 59. — Рисунок опубликован в кн.: И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб., 1897, рис. 223 на стр. 163.

[14] Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 134.

собой начало подземного хода, через который пытались спастись несколько человек, засыпанных обвалом церкви. На одном из них был крест с обратной надписью: «Святая богородица, помогай!»[15]

Через этот же тайник пытался спастись от татар ремесленник-ювелир, взявший с собой свое важнейшее орудие производства — тщательно вырезанные каменные литейные формы для серебряных колтов.

Таким образом, все привлеченные нами предметы датируются последними годами домонгольского времени. Можно смело сказать, что походы Батыя сыграли трагическую роль в судьбе владельцев этих крестов, змеевиков и иконок. Не менее интересны наблюдения и над географическим распределением этих вещей.

Оставив в стороне их естественное распределение в русских землях, проследим за судьбой их вне Руси. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убедиться в том, что распространение интересующих нас предметов совпадает с районами основных татарских кочевий XIII в.: Бессарабия (кочевья темников Куремсы и Бурондая), Северный Кавказ (кочевья хана Сартака), Поволжье, где кочевал с 1242 г. Батый. В Поволжье русские вещи XII—XIII вв. особенно часты. Часть их могла являться добычей завоевателей, как, например известная чара черниговского князя Владимира Давыдовича (ум. 1151 г.),[16] но большинство вещей, очевидно, попало на Волгу вместе со своими владельцами. Это главным образом предметы христианского культа, не имевшие ни материальной, ни религиозной ценности в глазах татар.

Дополним приведенный выше список несколькими единичными находками.

В известном уже нам Терновском городище найдены каменные крестики.[17] При раскопках здесь обнаружена керамика славянского (курганного) типа.[18]

По данным А. В. Арциховского в пределах Саратовского Поволжья найдено семилопастное височное кольцо вятичского типа (XII—XIV вв.).[19]

[15] Материалы музея Института археологии Академии Наук УССР. Подробности любезно сообщены исследователем землянок и тайника М. К. Каргером.

[16] В. Ф. Ржига. Очерки быта домонгольской Руси, М., 1929, стр. 51—53.

[17] А. С. [А. А. Спицын]. Некоторые новые приобретения Саратовского музея. — ИАК, П., 1914, вып. 53, рис. 24.

[18] Ф. В. Баллод. Ук. соч., табл. X, рис. 1, 2, 3.

[19] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, М., 1930, стр. 47.

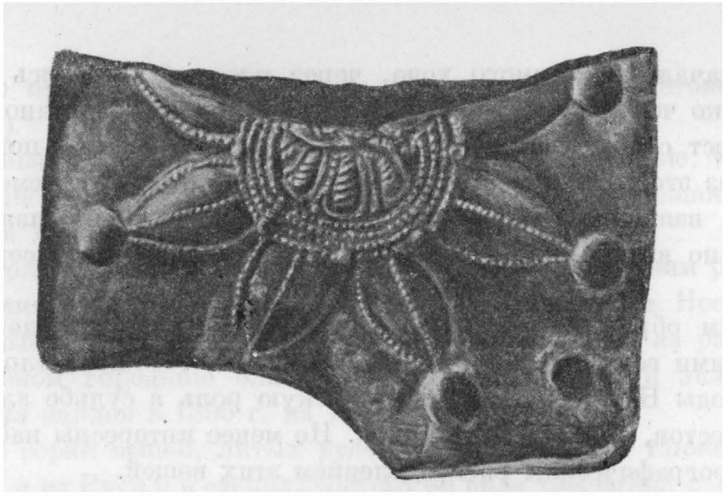


Рис. 128. Русская литейная форма для изготовления серебряных колтов (город Увек)

Наибольшее количество русских вещей мы встречаем в Увеке близ Саратова. Помимо описанной выше иконки здесь в разное время был найден ряд крестов, иконок и других русских вещей, как, например, шиферная иконка (по форме напоминающая зубцы киевских золотых венцов) с изображением жен-мироносиц,[20] каменная (а по другим данным — глиняная) иконка XIII в. с тремя фигурами, кресты-энколпионы, полная аналогия которым встречается в киевских древностях,[21] и прекрасной работы каменная иконка с изображением античной Ники с венком, воспринятое русскими резчиками как изображение христианского ангела.[22]

Наиболее интересной находкой на городище Увек является литейная форма из серого камня для изготовления серебряных колтов, совершенно аналогичная киевским литейным формам, обнаруженным в тайнике под Десятинной церковью (рис. 128).[23]

[20] А. С. [А. А. Спицын]. Некоторые новые приобретения..., стр. 100.— Нумерация рисунков перепутана. Интересующие нас вещи даны под №№ 25—31, стр. 103. Напомним, что такой материал, как розовый шифер, определенно указывает на происхождение вещи из Киевского княжества.

[21] Н. И. Петров. Альбом, табл. XVIII, рис. 6.

[22] Чрезвычайно близка к этой иконке литая панагия ГИМ. См.: А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, М., 1937, стр. 58, рис. 24.

[23] А. С. [А. А. Спицын]. Некоторые новые приобретения..., рис. 24, стр. 102. — Колты этого типа известны из клада в Киеве близ Михайловского монастыря (ОАК за 1903 г., табл. V, рис. 25), из Княжьей Горы (Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, табл. XXVI, № 920 — серебро, табл. XXVI, рис. 975 — золото). Есть они в тверском кладе 1906 г. несомненно южного

Средоточие русских вещей именно в Увеке вполне понятно, так как в районе Увека, на противоположном степном берегу Волги, в XIII в. находилась летняя ставка Батыя — Яйлак. Сюда доходили кочевья монголов, здесь впоследствии развился один из крупных центров Золотой Орды.

Подведем некоторые итоги.

Русские вещи начала XIII в. встречены в местах татарских кочевий. Район их распространения лежит южнее района возможных торговых связей Руси с болгарами на Волге (в Увеке нет болгарского слоя, городище относится целиком к татарской эпохе).[24]

По своему составу вещи относятся к предметам личного обихода русских горожан (преимущественно из Киевского княжества). Встречаются орудия производства киевских ремесленников; изредка попадаются женские украшения (семилопастное височное кольцо).[25]

Естественно связывать эти факты с захватом пленных татарами-завоевателями. Следуя своей традиционной политике, они уводили в плен ремесленников, уничтожая остальное боеспособное мужское население.

Археологические находки полностью подтверждают показания Плано Карпини, Рашид-эд-дина и Ибн-эль-Асира о захвате городских ремесленников и облекают эти показания в конкретные формы. Важно подчеркнуть роль русских ремесленников в формировании богатых золотоордынских городов XIII—XIV вв., которые лишь потому смогли играть значительную роль в истории Золотой Орды, что в них влилось несколько мощных культурных потоков из Хорезма, Руси и

(киевского) происхождения (ЗОРСА, П., 1915. т. XI, табл. I, рис. 1 и 2). Литейная форма для колтов, близких к типу увекской находки, найдена в Киеве в Старом городе (Н. П. Кондаков. Русские клады..., 1896, рис. 92, стр. 144). Пара подобных серебряных колтов оказалась в Болгарах (И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности, вып. V, стр. 99, рис. 134).

Литейная форма киевского происхождения, найденная в Увеке, свидетельствует о существовании здесь в первые годы после монгольского завоевания ювелирной мастерской, обслуживаемой, очевидно, пленными русскими мастерами, работавшими еще в своих, принесенных из Киева, формах.

[24] Сообщено А. П. Смирновым.

[25] Женщин и детей монголы щадили так же как ремесленников, превращая их в рабов и наложниц.

Из этого обзора умышленно исключены находки на территории русского квартала в Сарае-Берке, так как там пребывание русских могло быть связано с дипломатическими и церковными целями (Сарайская епархия существовала с 1261 г.). См. русский крест из Сарая-Берке. — Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда, Л., 1937, рис. 20.

Закавказья. Руками ремесленников этих стран и были созданы «Приволжские Помпеи», удивлявшие современников.

Культура Киевской Руси, будучи раздавлена на своей родной почве, влилась в монгольских ставках в культуру Золотой Орды.[26]

Русские мастера-пленники попадали не только в ставки ханов западного улуса Джучи; их можно было встретить и далеко на восток, в ставке самого великого хана Монголии. Интересен в этом отношении рассказ Плано Карпини. Путешественники выдержали утомительное странствие по азиатским степям и долго голодали, пока не встретили одного русского мастера (около 1246 г.). «И если бы господь не предуготовал нам некоего русского по имени Козьму, бывшего золотых дел мастером (Aurifabram) у императора [Гуюк-хана] и очень им любимого, который оказал нам кое в чем поддержку, мы, как полагаем, умерли бы».[27]

Плано Карпини видел в ставке хана в Каракоруме многих русских и венгров, с которыми объяснялся по-латыни и по-французски.

Русский ювелир был своего рода гидом Плано Карпини по Каракоруму: «Козьма показал нам и трон императора, который сделан был им раньше, чем тот возсел на престоле, и печать его, изготовленную им [Козьмою], а также разъяснил нам надпись на этой печати».[28]

Императорский трон, изготовленный русским мастером, находился в пламенно-красном шатре на специальном помосте. Монахи увидали его в первый раз во время приема их Гуюк-ханом: «Трон же был из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни, если мы хорошо помним, и перлы».[29]

Для того чтобы вызвать восхищение у образованного итальянца эпохи расцвета, нужно было сделать действительно изящную и высокохудожественную вещь. Работа Козьмы получила хорошую и почетную оценку, так как из всего великолепия ханского убранства Плано Карпини выделил только его произведение.

---

[26] Преувеличенное восхищение золотоордынской культурой, не сопровождаемое анализом генезиса ее, привело М. Н. Покровского к ошибочному представлению о благодетельности татарского завоевания для Руси. Разбор взглядов Покровского на этот вопрос см. в статье С. В. Бахрушина «Феодальный порядок» (Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», М., 1939, стр. 135).

[27] Иоанн де Плано Карпини. Ук. соч., стр. 57.

[28] Ibid.

[29] Там же, стр. 56.— Путешественники, очевидно, вторично осмотрели трон в сопровождении Козьмы.

Уловить долю русского влияния в материальной культуре Золотой Орды трудно, так как русское влияние было лишь одним из компонентов того сплава, который называется золотоордынской культурой; трудно, но не безнадежно.

Ранние татарские курганы на Северном Кавказе содержат предметы китайской техники; несколько позднее сюда проникает хорезмийское влияние.[30]

В Средней Азии, в местности Сайрам-Су, близ Чимкента, в 1900 г. был найден большой клад серебряных вещей, изрубленных и положенных в кувшин. Здесь были самые разновременные вещи — от монет X в. до предметов середины XIII в. (по всей вероятности, серебряный лом был предназначен для сплава).[31]

Среди вещей чимкентского клада есть очень близкие к русским вещам именно XIII в. Таковы дутые бусы с несколькими полусферическими выпуклостями (аналогии в тверском кладе 1906 г. и в ряде других мест), перстни-печати характерной для киевских перстней шестиугольной формы с полустертыми знаками. На одном перстне уцелели русские (или греческие?) буквы *П* и *N*. Аналогии среди русского материала очень многочисленны.

Близки к киевским массивные серебряные браслеты и плетеные из многих проволок цепи. Во всех этих вещах чувствуется как бы воспоминание о киевских образцах, так как все они хуже подлинных русских вещей, сделаны небрежней, без того продуманного изящества, которым отличаются вещи киевских и владимирских мастеров XIII в.

---

[30] А. А. Спицын. Из коллекций Эрмитажа. — ЗОРСА, СПб., 1906, т. VIII, вып. 1, стр. 262. Вещи из Гашун-Уста, Ставропольской губ.

Эти золотые изделия XIII в. по технике близки и к китайским и к находившимся под китайским влиянием алтайским вещам более раннего времени. Датировка XIII в. устанавливается по тамге Джучидов. О хорезмийском влиянии см.: А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. — В кн.: «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», т. VIII, вып. 2—3, 1931, стр. 27.

Влияние хорезмийского Ургенча Якубовский прослеживает только на поливной городской керамике. Относительно металлургии он пишет: «Не может быть и речи о воздействии металлургической промышленности Средней Азии». В качестве других центров влияния на татар исследователь указывает Кавказ (Закавказье или Дагестан), Крым и Египет. К этому списку можно добавить и Русь.

[31] А. А. Спицын. Из коллекций Эрмитажа. — Особенно интересны рисунки 25, 34, 38, 39, 45, 54, 62.

Из всего сказанного выше можно сделать один вывод: значительные массы русских ремесленников (и притом лучших) были уведены татарами; вместе с ремесленниками захватывались и средства производства. Дальнейшая их судьба связана с созданием татарской культуры, русские же земли были в значительной степени обескровлены. Заброшенные развалины городов, превратившихся в городища, символизировали тот тяжелый перелом в развитии русской культуры, который произвело татарское нашествие.

По целому ряду производств мы можем проследить падение или даже полное забвение сложной техники, огрубение и опрощение ремесленной промышленности во второй половине XIII в. После монгольского завоевания исчез ряд технических приемов, знакомых Киевской Руси; в археологическом инвентаре исчезло много предметов, обычных для предшествующей эпохи. В инвентаре деревенских курганов XIII—XIV вв. отсутствуют шиферные пряслица, сердоликовые бусы, золотостеклянные бусы, трехбусенные височные кольца, зерненые бусы, привески, амулеты и некоторые другие вещи. В жилых слоях уже не встречаются стеклянные браслеты, столь частые в домонгольское время.

Приведенный список говорит не столько об упадке деревенского ремесла, сколько об упадке тех отраслей ремесла городского, которые были связаны через рынок с деревней. Татарами были разгромлены какие-то неизвестные нам центры производства зерненых бронзовых и бипирамидальных сердоликовых бус. Первые производились где-то в Среднем Приднепровье, а вторые, может быть, в Смоленской или в Суздальской земле. Судя по широкой области распространения, бусы обоих типов изготовлялись городскими ремесленниками. Выделкой трехбусенных височных колец занимались киевские или переяславские мастера. Может быть, после прекращения притока трехбусенных колец с юга в земле вятичей стали готовить самостоятельные подражания им (митяевские литейные формы).[32]

Шиферные пряслица выработки овручских мастерских в течение двух столетий были обязательной принадлежностью каждого русского дома. После катастрофы 1240 г. это производство не возродилось,

[32] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 182—183. — К сожалению, курган, в котором найдены литейные формы для трехбусенных височных колец, не поддается точной датировке. Другие курганы этой группы, исследованные также А. В. Арциховским, датируются XIII и XIV вв. К XIII в. относится, вероятно, и интересующий нас курган.

и русская деревня вновь перешла к глиняным пряслицам, как в IX—X вв.

Мастерские стеклянных браслетов находились в Киеве, и с его падением их производство прекратилось совершенно. В таком же положении было, вероятно, и производство многих типов стеклянных бус. Зарождавшаяся в XII—XIII вв. связь города с деревней, широкая торговля некоторых крупных городов с далекой периферией, а следовательно, и организация массового производства в городах — все это было уничтожено татарами почти повсеместно. Разгромлены были именно те области, где сильнее всего ощущался выход городского ремесла на рынок: Киев и связанные с ним города Приднепровья, Владимир, Рязань и ряд менее значительных городов. Начавшийся в XII в. одновременно и на западе и на востоке Европы процесс роста городов и выхода городского ремесла на более широкий рынок со времени монгольского завоевания продолжается только на западе (Венеция, Флоренция, Генуя, французские и прирейнские города) и совершенно прекращается в Киевской Руси. На городском ремесле, так же как и на деревенском, мы можем проследить исчезновение многих производств. Так, например, из ассортимента городских гончаров исчезли амфоры-корчаги, которые характеризовали городские слои XII—XIII вв., а вместе с ними и многие другие формы керамики, восходящие иногда к скифской или византийской традиции (черпала, корчажцы, светильники). В северной Руси даже самое слово «корчага», обозначавшее амфоровидный узкогорлый сосуд для вина, получило иной смысл и стало обозначать огромный горшок с широким устьем.

Навсегда исчезло мастерство тончайшей перегородчатой эмали. Киевские эмальерные мастерские погибли при Батые, и больше это искусство не возрождалось. В XIII—XIV вв. на Русь проникают отдельные вещи лиможской эмали; в подражание им, к концу XIV в., налаживается местное изготовление эмалей в Москве, но по грубости техники и примитивности рисунка эти выемчатые эмали с накладными литыми фигурками не идут ни в какое сравнение с изящным живописным стилем эмалей XI—XII вв.[33]

[33] П. Симони. Ук. соч., табл. II. — Фигуры евангелистов в углах оклада наложены на сплошной эмалевый фон. Для сравнения см. крест с изображением семьи заказчика или мастера XI в. (Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., табл. III, рис. 44 и 45).

Лиможские эмали см.: И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Ук. соч., вып. VI, стр. 89 — Эмалевый наплечник из Владимира; стр. 159—Вклады «Антония Римлянина» из Новгорода.

Только в XVI в. появляется вновь искусство перегородчатой эмали, но его нельзя сравнить с киевским. В XVI в. перегородки изготавливались из толстой крученой проволоки, эмалью заливались большие площади, рельефно выступавшие на гладком фоне. Решать сложные живописные задачи в этой технике было невозможно; она представляла лишь усложнение сканного рисунка и была очень далека от эмалей XI—XII вв.

Единственная вещь XIV в., содержащая прекрасные образцы перегородчатой эмали на золоте, — это саккос московского митрополита Алексея (1348—1378).[34] Но и эта замечательная одежда при ближайшем рассмотрении оказывается более древней, чем эпоха Алексея, с именем которого ее связывает лишь предание.

Золотые бляшки с перегородчатой эмалью, круглые или в форме квадрифолия, составляют лишь часть убранства богатой боярской или епископской одежды. Кроме них, есть еще фигурные тисненые бляшки, аналогичные бляшкам, обычным в кладах XII—XIII вв. Саженый жемчуг обрамляет золото и создает самостоятельный орнаментальный фриз. Рисунок орнамента на некоторых бляшках (эсовидные завитки и сплошная волна со спиралями) датируется первой половиной XIII в. Все части украшения ворота (ожерелья, оплечья) производят очень цельное впечатление и явно одновременны. Все рисунки на эмалевых бляшках находят себе аналогии в древностях домонгольской Руси конца XII — начала XIII вв.[35]

Оплечье саккоса Алексея нужно считать частью древней одежды XII—XIII вв., сохранившейся без изменений до XX в. Не исключена возможность того, что эта одежда сохранилась в семье Алексея, так как он был сыном черниговского боярина Федора Бяконта, переехавшего на северо-восток. Иначе трудно объяснить, почему у предшественника Алексея — митрополита Петра были менее парадные саккосы без золота и без эмали.[36]

[34] В. А. Никольский. Древнерусское декоративное искусство. П., 1923, рис. 1, опис. см. стр. 91. — Никак нельзя согласиться с автором, что «искусство перегородчатой эмали так и не укрепилось у нас, частью, вероятно, по своей технической сложности, а частью и потому, несомненно, что не вполне отвечало национальным художественным вкусам» (стр. 36).

Прориси дробниц на саккосе см.: Н. П. Кондаков. Русские древности..., т. VI, стр. 93, рис. 115. — На стр. 94, рис. 116, изображены поручи Алексея, имеющие наряду с древними и позднейшие части.

[35] Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., вып. V; Н. П. Кондаков. Русские клады. — В этой датировке убеждает и палеографический анализ букв и начертание слов, напр.: «Авиво» вместо «Авивъ». Совершенно так же это имя написано и на передицких фресках.

Итак, единственная вещь с перегородчатой эмалью, относительно которой нам известно, что она бытовала в XIV в., по времени изготовления должна быть отнесена к XII в. или к началу XIII в.[37]

Вместе с эмалью отмирает и искусство черни и зернь и даже простое искусство скани. Скань возрождается в XIV в., а зернь и чернение получают распространение лишь в XVI в.

Татарское разорение, бесспорно, сказалось и на внешнем виде русских городов. Строительство каменных зданий сильно сократилось, строили значительно хуже, чем в XII—XIII вв. Совершенно исчезает в Суздальской земле великолепная резьба по камню, переносившая на стены зданий фантастику паволочитых узоров. Последним зданием, украшенным этой резьбой, был Георгиевский собор в Юрьеве Польском, построенный за несколько лет до разгрома Юрьева татарами. После татар белокаменная резьба уже не возродилась.

С падением производства эмали исчезла и еще одна отрасль производства, связанная с архитектурой, — полихромная поливная строительная керамика, применявшаяся во всех зданиях XII в. с декоративными целями. Поливные изразцы вновь появляются только в конце XV в. и получают широкое распространение в XVI в.[38]

Приведенный выше мартиролог элементов русской культуры, погибших в результате татарского разгрома, относится не ко всем русским областям. Новгород, Псков, Смоленск и Галич— это города, менее других пострадавшие от татар. Только в этих окраинных землях продолжала развиваться русская культура, но и здесь ее развитие было отягощено татарской данью.

В Галицкое княжество, которому удалось ранее оправиться от поражения, стекались ремесленники, бежавшие от татар. Внимание исследователей привлекло поразительное сходство многих архитек-

[36] Н. Н. Соболев. История украшения тканей, М. — Л., 1934, Academia, стр. 81.

[37] К числу таких же остатков домонгольской эмали нужно отнести и те предметы, которые Владимир Василькович Галицкий роздал по церквам, а летописец с такою тщательностью и восхищением описал на страницах своего труда: «... Завѣсы золотомъ шиты, а другые оксамитные, — с дробницею...», евангелие «...и цяту и возложи на не съ финиптом, а на ней святая мученика Глѣбъ и Борисъ...» По поводу эмали летописец замечает, что была она «чюдно видѣніем».— Ипатьевская летопись 1288 г.

[38] А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, М., 1938, стр. 14.

турных деталей Галицкого и Владимиро-Суздальского зодчества.[3]

Автор галицкой части Ипатьевской летописи восхищается постройками в городе Холме, относящимися ко времени Даниила Романовича, отмечает резьбу по камню «хитреца Авдия», описывает капители колонн в виде человеческих голов (подобные известны в Юрьеве).[40]

Это совпадение внешности зданий и их хронологическая последовательность (галицкие позже владимирских) привели новейшего исследователя вопроса к выводу, что в создании галицкой архитектуры и резьбы по камню XIII в. могли участвовать владимирские мастера.[41]

Этот взгляд находит опору в известном летописном свидетельстве о постройке города Холма Даниилом Галицким (до 1259 г.): «Князь Данило... нача призывати. Прихожаа Нѣмцѣ и Русь, иноязычники и Ляхы; идяху, день и во день и уноты и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ Татаръ, сѣдѣлници, и лучници, и тулници и кузнеци желѣзу и мѣди и сребру» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[42]

Эта фраза летописца интересна во многих отношениях. Во-первых, мы получаем сведения о том, что в Галицкое княжество бежали из татарского плена ремесленники, в числе которых могли быть и мастера-резчики из Суздальской земли. Во-вторых, она содержит еще одно дополнительное свидетельство о захвате ремесленников татарами. Характерен самый список профессий, наиболее необходимых татарам: это, с одной стороны, — металлурги и ювелиры, а с другой — ремесленники, обслуживающие конное войско, — седельники (шорники), мастера луков и колчанов.

Бегство «из татар» было исключением, которое летописец счел нужным специально отметить. Более естественной была та картина, которую застал Плано Карпини в разрушенном татарами Киеве — срытые стены крепостей, развалины домов, опустевшие, обезлюдевшие города.

[39] Н. Н. Воронин. К вопросу о взаимоотношении Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской архитектуры XII—XIII вв. — КС ИИМК, 1940, т. III.

[40] Ипатьевская летопись 1259 г.

[41] Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 27.

[42] Ипатьевская летопись 1259 г.

Глава седьмая

ДЕРЕВЕНСКОЕ И ВОТЧИННОЕ РЕМЕСЛО XIII—XV вв.

1. ДЕРЕВЕНСКОЕ РЕМЕСЛО

Русское ремесло домонгольского времени освещено источниками неравномерно — письменными слабее и значительно полнее археологическими. Для XIII—XV вв. состояние источников по истории ремесла менее благоприятно. Письменные данные попрежнему скромны, а археологический материал, компенсировавший ранее их неполноту, в данном случае весьма незначителен.

Совершенно исчезает многочисленная категория таких ценных археологических объектов, как городища. Уже в XII в. (а местами и ранее) городища окончательно перестали быть местами поселений, а в XIII—XIV вв. даже единичные избы на городищах уже редкость. Таким образом, исчез из научного обихода массовый материал городищ.

Открытые деревни в 3—4 двора, без каких бы то ни было земляных укреплений или насыпей, не оставляли после себя заметных следов. Через несколько десятков лет после запустения или пожара такой деревеньки ее невозможно было разыскать, не зная ее точного местонахождения. По этой причине селища (остатки сел) исследованы несравненно хуже, чем городища. Между тем, от сельских поселений XIII—XV вв. могли сохраниться только селища, т. е. наименее изученный вид археологических памятников.[1]

[1] О трудностях розыска поселений этой эпохи см.: Н. Н. Воронин. К вопросу об археологическом изучении поселения эпохи феодализма. — ПИДО. 1934, № 5, стр. 94. — Работу по изучению селищ вели некоторые археологи: А. А. Мансуров («Археологическая карта реки Прони». — «Сов. археол.», 1937, № 4), Н. П. Милонов («Опыт археологического исследования Скопин-

Центры вотчин, боярские дворы и монастыри также почти не изучены. Здесь сказалась не столько трудность обнаружения этих объектов, сколько пренебрежительное отношение прежних археологов к исследованию поселений.[2]

К рассматриваемому времени относится новый вид вещественных материалов, почти не известных Киевской Руси, — это предметы, хранившиеся в различных сокровищницах, ризницах и частных собраниях, которые дошли до нас без посредства раскопок. Совершенно естественно, что эта категория источников крайне отрывочна и неполна, так как многочисленные разграбления, конфискации, продажа и заклад ценностей, а также использование старых вещей в качестве сырья для новых поделок — все это уничтожило основную массу древних вещей и до нас дошли лишь обрывки.[3]

ского уезда», Рязань, 1928). Селища изучали также О. Н. Бадер, П. Н. Третьяков и др., но результаты их работ пока не опубликованы.

[2] Почин в исследовании феодальных замков сделал А. В. Арциховский, раскопавший Тучково городище на Оке близ Серпухова (дата XIV—XV вв.). Признаком боярского двора является малая площадь для жилых строений, при необычайной мощности земляных валов.

В последние годы вопросом владельческих поселений занялась С. А. Тараканова (См. ее работу «Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода». — КС ИИМК, 1940, вып. V). Археологическому исследованию были подвергнуты городище Березовец, связанное с именем новгородских посадников Борецких (дата XIII—XVI вв.), и Стерженский Городок (VIII—XV вв.).

[3] По поводу ризницы одного из богатейших монастырей (Кирилло-Белозерского), ни разу не подвергавшегося внешнему нападению (на Белоозере московские князья обычно хранили свою казну в опасное время), исследователь пишет: «Трудно ныне представить себе, какой художественной сокровищницей обладал монастырь до конца XVIII в., имея столь богатую ризницу, если современная нам есть лишь жалкие остатки прежней».

В 1764 г. она была разворована ризничим. В 1772 г. много вещей было послано Потемкину.

«Помимо того громадное количество предметов ризницы попросту было уничтожено частью «по ветхости», частью для специальной цели — «для выжиги серебра и золота». Добывали выжигой целые пуды серебра» (Н. Макаренко. Путевые заметки и наброски о русском искусстве, вып. 1, 1914, стр. 40).

Княжеские фамильные сокровищницы начали таять и растериваться еще в XV и XVI вв. В духовной грамоте князя Ивана Борисовича Волоцкого (ум. в 1504 г.) читаем длинный список кредиторов, у которых в залог были оставлены ценные вещи из княжеской казны. При этом фамильные ценности дробились и поштучно попадали к мелким заимодавцам, так, напр., у жены Олеши Денежкина князь Иван за 6 рублей заложил кубок, принадлежавший его племяннице. (СГГ и Д, № 132). Вещи, уходившие из рук разорившихся князей, исчезали бесследно.

Вещи, сохраненные в ризницах и сокровищницах, дают материал только по городскому и вотчинному ремеслу, совершенно не отражая деревенского ремесла. Единственным источником сведений о продукции деревенских мастеров служат курганные инвентари. Но и здесь мы оказываемся в худшем положении, чем в отношении предшествующей эпохи. Курганный обряд погребения отмирает, параллельно этому идет уменьшение количества вещей в могилах. Древний обычай снабжать покойника вещами постепенно вытесняется церковным обрядом погребения без вещей. Обнаружить бескурганные насыпи XIV—XV вв. так же трудно, как отыскать неукрепленное селище, но в отличие от ценных находок при раскопке селищ могилы не вознаграждают исследователей — они совершенно лишены вещей.

Есть лишь два исключения: Новгородская земля и Московское княжество с прилегающими землями, где курганы и вещи в них существовали до XIV—XV вв. Исследование Новгородской земли производилось Л. К. Ивановским с 1872 по 1891 г.; за это время им раскопано 5877 курганов.[4] Раскопки Ивановского охватили обе половины Вотской пятины (Лопскую и Залужскую сотни). Основная масса исследованных курганов находится на территории, описанной в древнейших писцовых книгах. Некоторые селения сохранили до сих пор названия XV в., а наличие близ них курганных групп доказывает еще большую древность их. На запад от области раскопок Ивановского провел также массовое исследование курганов В. Н. Глазов, копавший в Псковской и отчасти Новгородской земле.[5] Им раскопано в 1898—1901 гг. 415 курганов. Таким образом, всего в этом краю раскопано 6302 кургана, из которых бо́льшая часть относится ко времени X—XIII вв., но все же около 1500 курганов падает и на изучаемое время. Некоторые курганы содержат псковские и новгородские монеты XV в.[6]

[4] Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Обработал А. А. Спицын. — МАР, СПб., 1896, № 20.

[5] Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. Обработал А. А. Спицын.— МАР, СПб., 1903, № 29.

[6] Хронологическая классификация вещей из раскопок Ивановского и Глазова была составлена Спицыным.

Несмотря на то, что сам автор заявлял, что «результаты всей произведенной работы получились довольно благоприятные, если судить по тому, что почти все основные типы вещей изучаемой коллекции подчинились стройной хронологии в их последовательном развитии» («Гдовские курганы», стр. 3). Спицынская хронология, основанная на субъективном восприятии и интуиции, грешит многими недостатками. Нет ни четкой типологии, ни твердой основы для неко-

Вокруг Москвы, в княжествах Московском, Рязанском, Тарусском, Воротынском, Одоевском, Белевском, Мценском, Пронском, другими словами, в бывшей земле вятичей, курганный обряд погребения дожил до XIV в. Эти курганы были тщательно изучены А. В. Арциховским.[7]

Из сотни курганов, поддающихся точной датировке, на XIII в. приходится 39 и на XIV в.—33 кургана.[8] Таким образом, на Оке и Москве-реке мы располагаем для этого времени 72 хорошо изученными курганами со значительным количеством вещей в каждом. Есть курганы этого времени и в землях бывших кривичей.

В общей сложности для Северо-Восточной Руси XIII—XIV вв. можно указать некоторое количество вещественных источников, меньшее, чем для эпохи XI—XIII вв., но все же позволяющее сделать некоторые выводы.

Письменные источники для деревни и вотчины становятся обильными лишь с конца XV в., когда, в связи со сложением национального государства, проводится ряд переписей, результаты которых — писцовые книги — дошли до нас. Переписи более ранние известны нам лишь отрывочно.[9]

Летописи, жития святых и различные грамоты касаются сельских поселений редко и то в большинстве случаев номенклатурно, перечисляя названия поселков. Но все же данные письменных источников, при всей их досадной неполноте и краткости, позволяют составить некоторое представление о селах, деревнях, погостах и слободах XIII—XV вв.

В некоторых случаях приходится пользоваться ретроспективным методом и избирать в качестве исходной точки более поздний материал, XV—XVI вв., отправляясь от которого можно, с известной долей вероятия, восстановить облик деревенского ремесла и в более раннее время. Таким материалом являются, например, писцовые книги Новгородских пятин 1494—1500 гг.[10]

Ремесло средневековой Руси можно разбить на три части, присущие любой феодальной стране: 1) деревенское ремесло, тесно переплетенное с домашними промыслами, 2) городское ремесло и 3) вотчинное ремесло, занимающее среднее положение между городом и деревней; вотчинные порядки пронизывали в одинаковой степени и деревню и город, придавая им специфический феодальный характер.

Границы между этими тремя видами ремесла неясны уже потому, что нет вполне определенных границ между городом, вотчиной и деревней.

Рассмотрим вначале ремесло в деревне. По сравнению с предшествующим временем здесь произошли некоторые изменения в технике и организации ремесла, но очень незначительные. Техника многих производств домонгольского периода дожила до XIX—XX вв. без существенных перемен; в этом отношении деревенское ремесло постоянно отставало от города. Отличие от киевского периода заключалось в увеличении количества специальностей, выделившихся из домашнего производства в ремесло, и в большем отрыве деревенского ремесла от земледелия.

Изменения, происшедшие в технике ремесла, можно проследить очень неполно. Больше всего сведений у нас о доменном деле.[11]

торых датировок, особенно для безмонетного времени XII—XIV вв. Впрочем, монеты не всегда помогают уточнению хронологии. В кургане № 388 раскопок Глазова с поздним обрядом погребения и с поздними вещами XIV в. оказалась монета-привеска графа Эмденского Германа, умершего в 1086 г.

[7] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, М., 1930. — В отличие от Спицына, Арциховский применил к археологии точную методику биологических исследований (метод корреляции). Взяв у Спицына наиболее твердые данные, он с их помощью датировал остальной вятичский материал; при этом были проверены и обоснованы положения Спицына. В результате работы курганные инвентари удалось разбить на 3 стадии (XII в., XIII в. и XIV в.). Поправок хронология Арциховского требует лишь в отдельных случаях, когда датировка производилась по вторичным признакам.

[8] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 138. — В подсчеты включены только женские курганы, так как мужские почти не поддаются точной датировке.

[9] К. А. Неволин. Об успехах государственного межевания в России до Екатерины II. Речь, произнесенная в 1847 г. — Собр. соч., т. VI, 1859, стр. 451. См. также: Н. Д. Чечулин. Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. — «Библиограф», 1889, № 2.

О различных видах исторических источников по русской деревне см.: Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси, Л., 1935, стр. 9—16.

[10] Новгородские писцовые книги, т. I—VI, СПб., 1862—1910. См. А. М. Гневушев. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495—1505 гг. — «Киевские университетские известия», Киев, 1910—1913; В. Н. Кашин. Крестьянская железоделательная промышленность (на побережье Финского залива) по писцовым книгам 1500—1505 гг. — ПИДО, 1934, № 4.

[11] Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. — НПК, т. III, СПб., 1868; А. М. Гневушев. Отрывок писцовой книги Вотской пятины 1504—1505 гг., Киев, 1908; А. Поливин. Устюжна Железнопольская.—«Архив исторических практических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачовым, кн. VI, СПб., 1861; В. Кнаббе. Чугунолитейное дело, т. I, СПб., 1900, стр. 181 (ссылка на шведского ученого XVIII в. Норберга); В. Н. Кашин.

Варка железа производилась в Вотской пятине, в Устюжне Железнопольской, в Непокое на берегу Белого моря. Помимо этих хорошо известных районов, домницы несомненно существовали и в других местах.[12]

Девять домниц XV в. раскопаны Н. П. Милоновым на городище «Кривит» в Торопце. Домница представляет собой большое помещение (около 80 кв. м) с четырьмя сыродутными горнами по углам. В ямах около горнов — крицы и шлак.[13]

По писцовым книгам мы знаем домницы с 1—2 печами (горнами), но в некоторых случаях можно предполагать и большее количество их.[14]

Торопецкая домница с 4 печами очень близко напоминает описание старой монастырской домницы XVII в. «Подле тое кузницу стоит домница, в ней четыре печи, где кричное железо из руды варят. В той домницы двои мехи кожаньные ветхие, да кричного железа семдесят две кричи...»[15] Печи домниц для лучшей тяги были вытянуты вверх. Судя по позднейшим (XVII в.) описаниям, шахта печи имела квадратное сечение 50—60 см при высоте около 3 м.[16]

Ук. соч.; А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I, ч. 1 (по писцовым книгам 1495—1505 гг.), Киев, 1915.

[12] См., напр., М. В. Толстой. Книга, глаголемая описание о российских святых, М., 1888, стр. 195: «Яков Железноборский... из рода галицких дворян Амосовых поселился в 1392 г. в 30 верстах от Галича в глухом лесу у железных рудников в уединенной хижине на берегу речки Тепзы» (разрядка наша. — *Б. Р.*).

Отсутствие большого числа таких случайных указаний нужно относить за счет бедности источников.

[13] Доклад Н. П. Милонова в МОИИМК. Обоснование именно этой датировки нам неизвестно.

[14] В. И. Кашин. Ук. соч., стр. 32 и 34.

[15] Попов. Горные промыслы Соловецкого монастыря в XVII в. — «Бюллетень Сев.-Вост. обл. бюро краеведения», Архангельск, 1926, вып. 2, стр. 32.

Встречаются в XVII в. и описания двугорновых домниц («Три сажени печатных с полуаршином») и их инвентаря: «2 поварницы железны ветхи, чем сок черпают, 2 крышные [кричные] клещи держаны, 2 оправки железны ветхи, 3 штыка, 2 молота железнох, щуп железной семи пядей,... трои мехи с соплами ветхи, плачены, куштан, пешня держана, 2 топора держаны, 2 лопатки железны, чем уголье к печи черпают...» — В. Н. Кашин. Ук. соч., стр. 34.

Развалины домницы XIX в. в пределах бывшей Новгородской земли опубликованы в брошюре: В. Пегов. Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII в., Петрозаводск, 1939, рис. на стр. 4.

[16] Д. Кашинцев. История металлургии Урала, т. I, Первобытная эпоха XVII и XVIII вв., М. — Л., 1939, стр. 28.

Руду для домниц, по всей вероятности, предварительно обрабатывали. Косвенно об этом может свидетельствовать существование в западнорусских землях в XV—XVI вв. различных специалистов по промывке, выплавке и проковке криц. Промывкой руды занимались рудники, выплавкой — дымари и проковкой криц — кузнецы-ковали. Кроме того, существовали железняки, определить место которых в железоделательном процессе не представляется возможным.[17]

В новгородских пятинах наряду с домниками существовал многочисленный разряд рудников, именовавшихся копачами.[18] Руду нередко приходилось доставлять за несколько километров от домницы. Перед началом плавки в домнице заделывали отверстие, образовавшееся от вытаскивания крицы, засыпали шихтой и нагнетали воздух мехами. В конце плавки на дне печи получалась губчатая крица весом в 12—16 кг. За сутки печь могла дать до 6 криц, т. е. около 70—100 кг готового металла. Цифры эти относятся к примитивным домницам XVII—XIX вв., но с очень большой долей вероятия могут быть отнесены и к XV в., так как размеры домниц XV—XVII—XIX вв. совершенно одинаковы.

[17] Ф. И. Леонтович. Сельские промышленники в Литовско-Русском государстве. — «Варшавские университетские известия», 1897, т. VII.

Для дробления руды применялись «рудные кола», т. е. ступа с водяным двигателем. Слово «коло» имеет различное значение: иногда оно обозначает телегу на колесах, иногда только колесо. В западных же областях смысл этого слова приближается к польскому значению kolo — шестерня, мельничное колесо. В русских писцовых книгах есть профессия «колник», но трудно сказать, выделывал ли такой колник колеса для экипажей или для мельниц и домниц.

[18] Переписная книга Деревской пятины 1495 г. (НПК, т. II), насчитывает около 700 копачей, плативших определенный оброк «копащыну». Деревни, в которых существовали копачи, расположены на юго-восток от оз. Ильменя. К сожалению, источники не раскрывают нам точного содержания работы копачей, но учитывая существовавшие в Новгородской земле промыслы, мы можем отнести копачей или к разряду землекопов или к разряду рудников. В Новгородской земле больше, чем где бы то ни было, мог быть применен труд землекопов. Достаточно вспомнить известный крест посадника Иванки Павловича 1114 г., надпись на котором говорит о гидротехнических работах («...яз Иванко Павлович почах рыти реку сю...»), и ряд озер с названием Копаное, Копаница, чтобы признать возможным использование части копачей в качестве землекопов. С другой стороны, зная о существовании в пределах одной только Вотской пятины 200 домниц, требовавших каждая по 100—150 кг руды на день, мы поймем, что потребность в разработке руд была достаточно велика.

На западе место добычи руды называлось или «рудня» или «копальня» (kopalnia). К «копачам», в которых вероятнее всего видеть рудокопов, мы еще вернемся в дальнейшем изложении в связи с интереснейшей проблемой отхожих промыслов.

О производительности домниц дает представление норма оброка, причитавшегося с каждой из них. В Ямском уезде Вотской пятины, в селе Виликине, во владении пяти дворов находилась домница, «...а старого дохода шло 100 криць желѣза, боранъ, куря, возъ сѣна; а ключнику 10 криць желѣза, 2 лопатки бораньи, сыръ, 2 горсти лну».[19]

Общий вес железа, вносимого в качестве оброка, достигал 1220—1660 кг. Годовая производительность такой домницы никак не менее нескольких тонн железа.

В других случаях исчисление оброка велось на «прутья». Прут железа равнялся 10 крицам. Были домницы, с которых взималось в среднем по 8 прутьев железа (т. е. 80 криц—960—1280 кг) или по 5 прутьев.[20]

Различие в обложении предприятий объясняется неодинаковой их мощностью.

Для сравнения напомним, что крицы в городах домонгольского периода не превышали 3—5 кг. Несомненно, в доменном деле были достигнуты известные успехи к концу XV в., и его техника к этому времени значительно усовершенствовалась. Дальнейшее развитие, выходящее уже за хронологические рамки данного очерка, шло по линии механизации доменного процесса: мельничное колесо применялось и для дробления руды и для приведения в действие мехов (которые существенно меняют свою конструкцию) и для работы «кричного» молота, которым проковывали крицу, вынутую из печи.[21]

Сведений об изменении технических приемов деревенских кузнецов у нас от этого времени нет. Археологический материал, к сожалению, слишком скуден,[22] а писцовые книги, говоря о кузнецах, совершенно не затрагивают техники производства. То обстоятельство, что доменное дело так значительно шагнуло вперед, объясняется связью его с рынком и с городом.

Несколько больше сведений, чем о кузнецах, имеется о гончарах XIII—XV вв. В техническом отношении здесь интересны два вопроса: тип гончарного круга и способ обжига горшков.

Из вариантов гончарного круга возможны или ручной (медленно вращающийся) или тяжелый, с большой инерционной силой вращения, ножной круг, который в городах XVI—XVII вв. является господствующим.

Археологический материал сопутствует нам здесь только частично — керамика XV в. археологически известна очень мало. Горшки из поздних курганов решительно ничем не отличаются от более ранних горшков XII—XIII вв. Например, в одном из курганов по р. Болве вместе с височными кольцами XIV—XV вв. найден горшок со следами присыпки песка на дне, сформированный на гончарном круге с подкладкой, на которой было вырезано клеймо в виде креста, вписанного в круг.[23] В этой же курганной группе мы можем проследить то же явление наследственности гончарного дела, которое отмечено было для более раннего времени.

Вывод этот основывается на обычном для всех знаков собственности усложнении начертаний при переходе в следующее поколение. Отец, передавая сыну имущество, передает ему и свой знак собственности, тамгу. Сын дополняет к отцовскому знаку «отпятныш» и тем самым усложняет его.

В курганах близ с. Колчина найдены 3 горшка с клеймами. Клеймо на горшке из кургана № 54 представляет собой простой круг. В кургане № 28 (датированном височным кольцом) клеймо усложнено вписанным в круг крестом; и, наконец, в кургане № 75 за основу клейма взято предшествующее, но вокруг него проведено еще одно

---

[19] НПК, т. III, стр. 908. — Исчисление веса криц производил Поливин. По его наблюдениям вес двух криц равнялся полутора пудам, т. е. одна крица—12 кг.

Раскопки Н. П. Милонова в Торопце вносят коррективы в положения Поливина, принятые в основу вычислений Кашина. 60 криц, найденные в домницах городища «Кривит», весили по 3—4 кг каждая. Впредь до полного опубликования торопецких материалов и окончательного установления их даты мы воздержимся от принятия этих цифр и будем основываться на устюжских данных, очень близких по производственному облику к домницам писцовых книг.

[20] НПК, т. III, стр. 516, 929.

[21] Н. Б. Бакланов, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов. Тульские и каширские заводы в XVII в., Л., 1934; А. М. Ляўданскі і Палікарповіч. Да гісторыі жалезнага промыслу на Палесьсі. — «Працы Палесскай Экспедыцыі», вып. 2, Менск, 1933. — На обложке фотография кричного молота; Н. Б. Бакланов. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, М. —Л., 1935; Д. Кашинцев. Ук. соч.

[22] См., напр., Курганы С.-Петербургской губ., табл. XIX, рис. 4, 22, 23.

[23] Н. И. Булычов. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги, М., 1903. Дер. Колчино, 2-я группа курганов, курган № 28, табл. VII, рис. 6 — горшок с линейным орнаментом на дне — закраины от подкладки, зерна крупного песка и клеймо. Датировка височных колец, встречающихся и в Новгородских курганах, и на Оке, дана Спицыным: см. «Гдовские курганы», стр. 20, рис. 53 (дата XIV—XV вв.). В бассейне Оки височные кольца этого типа известны из Спасского Городца на Перекше. — Н. И. Булычов. Журнал раскопок 1899 г., табл. XVIII, рис. 2.

кольцо с четырьмя радиусами. Усложнение клейм может свидетельствовать о том, что в XIV в. гончарное ремесло было таким же наследственным делом, переходившим от отца к сыну, как и два - три столетия назад.

По внешнему виду все три горшка очень близки друг к другу: круто отогнутый венчик, орнамент линейный и в форме запятых. Все они формованы на ручном кругу с подкладкой и подсыпкой.[24]

Из керамики XV в. можно упомянуть большую корчагу из подмосковного села Семцинского (близ современной Крымской площади в Москве). Сделана она также на ручном кругу и хорошо обожжена.[25]

Хороший обжиг, может быть, надо относить за счет техники московских гончаров, так как Семцинское слишком близко было расположено к Москве, чтобы его можно было считать типичным сельским поселением. Все приведенные отрывочные археологические данные говорят о господстве прежнего ручного круга. Для доказательства, что это не случайное впечатление, а вполне закономерное, обратимся к этнографическим материалам XIX—XX вв.

В конце XIX в. многие земские деятели были озабочены улучшением крестьянской кустарной промышленности. В различные губернии России были командированы сотрудники земств, собиравшие сведения о состоянии кустарных промыслов и отчасти принимавшие меры к улучшению положения кустарей. Оказалось, что во всех северо-восточных губерниях деревенские кустари-гончары работали на ручных кругах чрезвычайно архаичного типа. Отсюда проистекали и малая выработка и относительно худшее качество посуды.[26]

Отчеты рисуют крайне печальную картину застойности промысла и нежелания крестьян перейти к более совершенному оборудованию из-за боязни налоговой политики царского правительства.

Командированные земские статистики, располагавшие очень скромными средствами, пытались закупить в городе образцы ножных кругов с «гончаками» (маховиками) на железном веретене, заказывали на месте деревянные веретена (с цевочными клетками), но их усилия не увенчивались успехом. Гончары продолжали работать на старинных дедовских станках. Даже целые гончарные слободы, где количество кустарей-гончаров доходило до 80 дворов (напр., с. Жеромысл, б. Мещовского уезда), держались за ручной круг. Приобретение нового оборудования не всегда было под силу кустарям.

В начале XX в. архаичными формами гончарства заинтересовались и археологи, поразившиеся сходством современных горшков с курганными. Приведем одно из первых описаний: «Заметив клейма на днищах горшков, выставленных для продажи на рынке с. Рогачева, Дмитровского у., подобные встречаемым на курганных сосудах, я употребил усилия разыскать мастеров и ознакомиться с техникой дела... Горшки лепятся на гончарных кругах самого примитивного устройства: в конце короткой скамейки укреплен кол, на который насаживается аккуратно пригнанный деревянный круг. Круги эти меняются. Посредине почти каждого из них имеется углубленное клеймо, которое и оттискивается на дне... Здесь все глубоко первобытно: и станок, и техника, и орнамент, и самая форма сосуда».[27]

После этого дмитровские гончары долго пользовались вниманием этнографов и археологов, изучавших технику XI—XII вв. по современным материалам. Не менее архаичен был у деревенских гончаров XIX—XX вв. и обжиг посуды.

Цитированный выше Ф. Н. Королев пишет относительно гончаров: «Главный недостаток приготовляемой ныне глиняной посуды — пло-

---

[24] Н. И. Булычов. Раскопки... (кург. № 54 — стр. 31, табл. VII, рис. 9; табл. IV, рис. 9; кург. № 28 — стр. 24, табл. VII, рис. 6; кург. № 75— стр. 36, табл. VII, рис. 10; табл. VI, рис. 15).

К сожалению, в двух курганах совершенно отсутствуют вещи, что лишает возможности установить взаимную хронологию всех погребений.

Единичный материал XIV в. находит опору в точно установленной взаимной хронологии более ранних курганов, где простые клейма встречаются всегда в ранних погребениях, а усложненные — в более поздних.

[25] А. А. Потапов. Древний погреб близ Крымской площади. — «По трассе первой очереди Московского метрополитена», М., 1936, стр. 148—149; М. В. Воеводский. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя (Там же, стр. 170).

Датируется корчага по условиям залегания. Село Семцинское было известно уже в XIV в. по духовной грамоте Ивана Калиты. М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 34.

[26] Ф. Н. Королев. Гончарный промысел в Вятской, Пермской и Калужской губерниях в 1892 г.— «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», СПб., 1895, т. III.

[27] Н. Смирнов. Живая старина. — ЗОРСА, СПб., 1905, т. VII, вып. 1, стр. 94—95, рис. 46—47. — Опубликованная фотография показывает гончара за работой. На рисунке видны клейма: одно — совершенно тождественное многим курганным клеймам (крест в круге); другое (решетка в круге) — более редкое.

хой обжиг...» И далее он отмечает, что ручному кругу всегда сопутствуют примитивные ямные печи: «Бедность их простирается до того, что и те дешевые печи, в которых они ныне обжигают посуду, принадлежат иногда 3—4 гончарам». [28]

Итогом наших этнографических экскурсов является следующий вывод: деревенская керамика XIX—XX вв. сохранила почти в полной неприкосновенности характерные черты деревенской керамики XI—XII вв. Керамика XIV—XV вв., известная нам по немногим образцам, не нарушает этой картины неподвижности гончарной техники в русской феодальной деревне.

В писцовых книгах XV в. слово «гончар» сохраняет еще смысловую связь со словом «горн», но под «горном», очевидно, приходится понимать просто печь.[29]

Техника деревенского ювелирного дела может быть сравнительно хорошо прослежена по новгородским и московским курганам.[30]

Того резкого перелома, который отмечен выше для городского промысла, перелома, связанного с монгольским нашествием, мы здесь не наблюдаем. Те же типы вещей, которые бытовали в XI—XIII вв., продолжают существовать (изменяясь и эволюционируя) до XIV—XV вв.

В Новгородской земле, в кургане XV в., встречено трехбусенное височное кольцо, правда, далеко ушедшее от своего киевского прототипа, но сохранившее общий облик колец этого рода.[31]

В московских краях продолжали изготовляться семилопастные височные кольца, зигзаговые перстни, пластинчатые загнутоконечные браслеты, бубенчики и ряд других вещей.[32]

По всей вероятности, татары не уничтожили деревенского ремесла, и старые навыки продолжали существовать у местных ювелиров.

Вглядываясь внимательнее в курганные инвентари XIV—XV вв., можно заметить несколько основных направлений развития ювелир-

[28] Ф. Н. Королев. Ук. соч., стр. 87—88. — С этим явлением мы уже сталкивались в домонгольское время (напр., горн во Вщиже).

[29] «Двор без пашни Труха горньчаръ...» (НПК, т. IV, стр. 130). — «А людей непахотныхъ, промышляютъ торгомъ и извозомъ... двор Мартынко Обакумовъ горньчаръ» (Там же, стр. 162). «Непашенные» гончары встречаются редко.

[30] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 165—196; Курганы С.-Петербургской губ.; Гдовские курганы.

[31] Гдовские курганы, табл. XXIV, рис. 8.— К подобным вещам относятся и ромбо- и овальнощитковые височные кольца, круглые нагрудные пряжки (табл. X, рис. 13, 17).

[32] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 138—143.

Рис. 129. Широкие пластинчатые браслеты

ного дела. Почти все вещи (особенно новгородские) резко делятся по технике исполнения на две группы. К первой группе относятся крайне грубые, примитивные литые изделия; изящное литье прежнего времени сменяется примитивными самоделками. [33] Ко второй группе—вещи со сложной техникой, сделанные более тщательно, но с одной интересной особенностью: все они говорят о стремлении мастеров выбрать именно те технические приемы, которые при наименьшей затрате времени позволяют дать массовую продукцию.

Ко второй группе относятся широкие пластинчатые браслеты со сложной орнаментацией, достигнутой при помощи зубчатого колеса (рис. 129); многобусенные височные кольца с тонко-выделанными

[33] Гдовские курганы..., табл. XXIV, рис. 17, 19; Курганы С.-Петербургской губ., табл. V, рис. 10 и 24; табл. XI, рис. 14—18; А. В. Арциховский. Ук. соч., рис. 70—72.

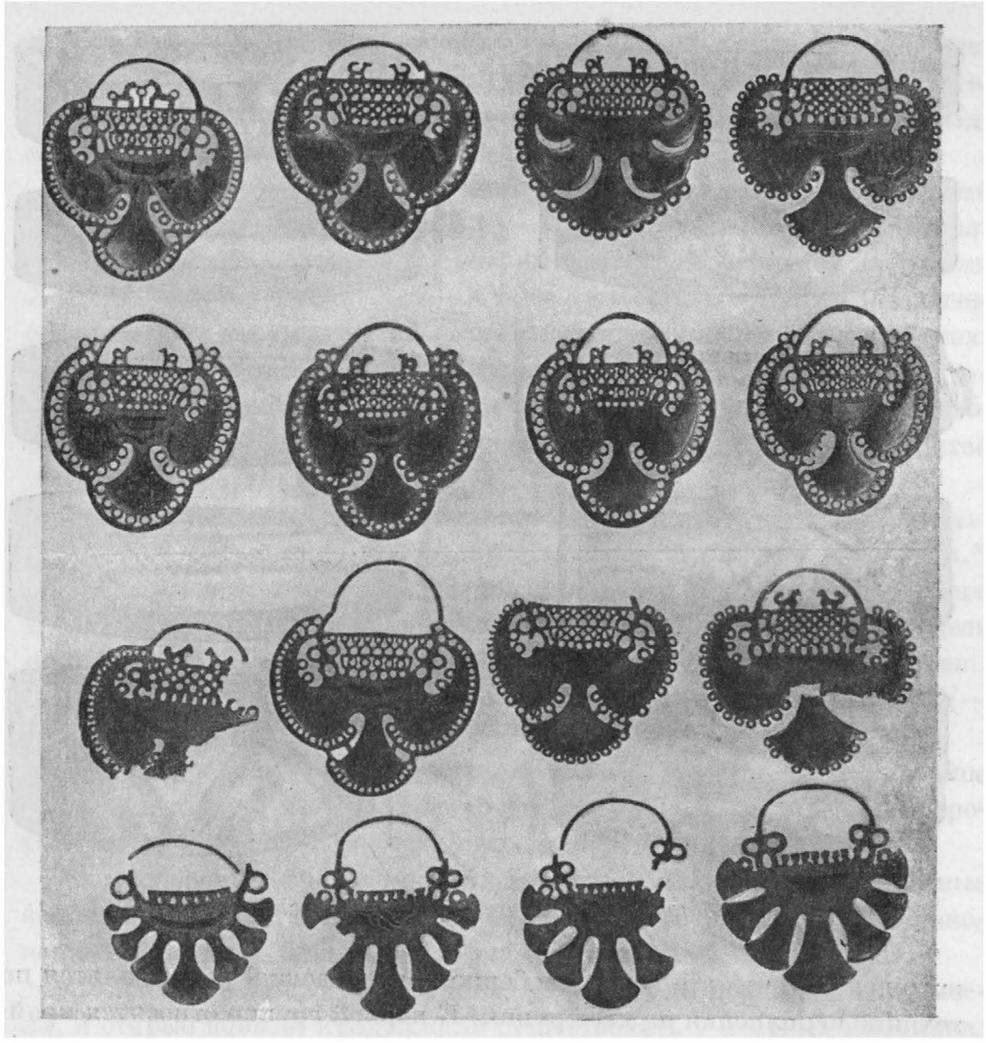


Рис. 130. Трехлопастные и семилопастные височные кольца (XIV в., г. Белев)

серебряными дутыми бусами; браслеты из длинных медных проволок, сложенных в несколько раз; изящные трехлопастные (и близкие к ним) височные кольца (рис. 130), окаймленные тонким литым кружевом из серебра; сложные перстни со звериным орнаментом и ряд других вещей.[34]

[34] Браслеты — см. Курганы С.-Петербургской губ., табл. III, рис. 7, 12, 13 и др. Аналогичный орнамент есть и на ромбощитковых и овальнощитковых височных кольцах. В московских древностях этот способ орнаментации неизвестен.

Причину такой раздвоенности ювелирных изделий на хорошие и грубые нельзя усматривать в разновременном их производстве или искать ее в неодинаковом имущественном положении. По всей вероятности, двойственный характер женских украшений XIII—XV вв. объясняется более сильным влиянием городского ремесла. Изделия городских серебреников, приноровившихся к массовому сбыту (начало этого процесса мы видели уже в домонгольской Руси), могли заглушить литейное производство деревенских мастеров, которое едва ли вполне обособилось от кузнечного дела. Другими словами, деревенские кузнецы не могли и, вероятно, не особенно стремились, конкурировать с городскими ювелирами (среди которых к XVI в. уже существовали узкие специалисты-сережники, колечники, ожерельники)[35] и перестали систематически заниматься литьем.

Это положение находит себе подтверждение, во-первых, в отсут-

Многобусенные височные кольца, см., напр., Курганы С.-Петербургской губ., табл. II, рис. 2—15. В той же технике трехбусенные, табл. XXIV (Гдовские курганы, рис. 22). К сложным височным кольцам необходимо причислить и упомянутые выше височные кольца с проволочной обмоткой (Гдовские курганы, рис. 53).

Витые браслеты из проволок, являющиеся основным датировочным признаком и для Новгорода и для Москвы, представляют собой массовое явление именно в XIII—XIV вв. — А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 130.

Трехлопастные и их варианты — см.: А. В. Арциховский. Ук. соч., рис. 36—47, стр. 51—53.

Фототип издан В. И. Сизовым. О происхождении и характере височных колец... — АИ и З, 1895, № 6, рис. 20 и особенно рис. 12 и 13.

Перстни см.: Там же, рис. 21 и 22 и А. В. Арциховский. Ук. соч., рис. 75—77.

В эту же категорию вещей нужно включить и двускатно-пластинчатые, перекрытые швейные гривны (А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 68—69), но с некоторой поправкой в отношении датировки — едва ли возможно растягивать их бытование на три столетия (стр. 141), так как литые перекрытия гривен изготовлены в одной форме. Интересна территориальная разобщенность отдельных находок гривен — окрестности Москвы, затем на юг в Б. Бронницком у., а при раскопках А. В. Арциховского в 1940 г. подобная гривна найдена близ Звенигорода. Дата — XIII в.

[35] А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. — «Новгородский исторический сборник», Новгород, 1939, вып. 6, стр. 9.— Интересно отметить, что подобную узкую специализацию серебреников-ювелиров автор считает характерной только для Новгорода Великого. Его выводы находят подтверждение в том, что именно в Новгородской земле, по материалам Глазова и Ивановского, ощутительнее всего влияние города на деревню. Неспециализированных серебреников в Новгороде было 222. — А. В. Арциховский. Новгородские ремесла, стр. 8.

ствии серебреников в составе деревенских ремесленников, даже в писцовых книгах XV—XVI вв.;[36] во-вторых, в ряде сложных технических приемов, примененных при изготовлении украшений, которые можно предполагать только у специалистов; в-третьих, в значительно более широком районе сбыта, чем это известно относительно деревенского ремесла, и в употреблении подобных вещей горожанками. Технические особенности таковы: в XIII в. на ряде вещей появляется рельефная выпуклая чеканка, выпуклый орнамент украшает овально-щитковые височные кольца, широкие браслеты.[37]

На московских семи- и трехлопастных височных кольцах также имеются выпуклости на лопастях, принимаемые иногда за следы штамповки. На самом деле это следы проковки или лощения тонколитого металла с обратной стороны (рис. *131*).

Литье вещей второй группы (т. е. тех, которые условно можно связывать с городом) всегда очень тонкое. Для отливки трехлопастного височного кольца необходима тщательно сделанная литейная форма с хорошей пригонкой крышки, позволяющей горячему металлу проникать во все извилины узора. При зазоре между сторонами формы в десятые доли миллиметра отливка вещи в 60 кв. см со сложным рисунком представляла известную трудность.[38]

Большой четкости требовала также отливка тонких серебряных бус для многобусенных височных колец. Эти бусы иногда покрывались позолотой (что совершенно невозможно для деревенского ремесленника).[39] Некоторые литые вещи дополнительно обрабатывались напильником.[40] Это обстоятельство также может говорить в пользу городского происхождения таких вещей.

---

[36] В новгородской земле известен всего лишь один серебреник. — НПК, т. V, стр. 246.

[37] Курганы С.-Петербургской губ., табл. I, рис. 1, 2, 13; табл. III, рис. 3, 11, 12, 13, 15; табл. IX, рис. 23.

[38] Для развития нашей мысли интересно развитие семилопастных височных колец. Древнейшие из них с округло-расширенными лопастями сменяются секирообразными, которые доживают **без изменений** до XIV в. Но **параллельно** с этим устойчивым типом височных колец на его основе возникает (начиная с XIII в.) несколько более пышных и сложных типов (кружевные, прорезные, сростнозубцовые). Венцом этой эволюции являются трехлопастные. В некоторых курганах встречаются рядом и простые семилопастные и далеко обогнавшие их в обогащении декоративными элементами трехлопастные. Не было ли здесь встречи двух видов ремесел—деревенского и городского?

[39] Курганы С.-Петербургской губ., табл. I, рис. 15.

[40] Там же, табл. V, рис. 25; табл. VIII, рис. 16; Гдовские курганы, табл. XXIV, рис. 12, 20.

Очень широко применялась чеканка различными пуансонами и, как упрощение чеканки, необходимое при массовом изготовлении — орнаментировка мягкого металла стальным зубчатым колесиком. Следы зубчатого колеса можно найти на многих новгородских вещах.[41] Через 24 точки характер рисунка повторяется, что указывает на то, что колесико имело 24 зубца. Некоторые браслеты имеют приклепанные колечки, в которые вдевается еще одно, свободно висящее кольцо.[42]

Упоминавшиеся выше перстни Лихвинского клада, найденные вместе с трехлопастными височными кольцами, несомненно, представляют работу хорошего городского мастера — сложная спайка боковин щитка, тонкий рисунок и, наконец, чернь в углублениях не оставляют в этом сомнений. По своему сюжету рисунки перстней очень близки к архитектурным рельефам.

Очень интересен вопрос о витых проволочных браслетах. А. В. Арциховским доказано, что они характерны для XIII—XIV вв.[43] В это время проволочные браслеты распространены очень широко. Проволока в них всегда тянутая (в отличие от мелких поделок, для которых проволоку ковали); куски проволоки достигают длины 150—200 см. Изготовление такой проволоки возможно лишь на специальном волочильном станке со стальным волочилом, предполагать наличие которого в деревне трудно.

Проволока употреблялась самых различных калибров — от тончайшей канители и нитей для филигранных работ до толстого дрота в 3 мм. Даже при учете малого коэффициента сопротивления у серебра и меди эта работа требовала применения ворота.

Единственный предмет, который можно связывать с волочильным делом (?), был найден на территории городка со слоем XIII—XV вв.[44]

Единственная на русском языке работа по истории этого инструмента (Э. К о р е н е в с к и й. История напильника.— «История техники», 1934, вып. II) является сокращенным переложением немецкого труда (O. D i c k. Die Feile und ihre Entwicklungsgeschichte, 1925) и поэтому ни слова не говорит об истории напильника на русской почве, между тем как напильник появился в русских городах еще в XII в.

[41] См., напр., браслет из раскопок Ивановского в Арбонье. Коллекции ГИМ.

[42] Гдовские курганы, табл. XXV, рис. 18 и 19.

[43] А. В. А р ц и х о в с к и й. Курганы вятичей, стр. 138.

[44] Н. И. Б у л ы ч о в. Журнал раскопок 1899 г., табл. XIX, рис. 20 (Спасский Городец).—Если эта вещь не является редкой формой кресала, то ее можно рассматривать только как «калибр» для волочения проволоки. Вопрос о местах

Районы сбыта вещей, встречающихся в курганах XIII—XIV вв., не могут быть изучены с желательной степенью полноты в силу ограниченного количества их. Вероятность определения вещей, сделанных в одной литейной форме, тем меньше, чем меньше вещей данного типа.

В качестве примера возьмем упомянутые выше пластинчатые перекрытые гривны. Самый тип этих гривен восходит к очень древней эпохе и роднит между собой вятичей и радимичей, но некоторые экземпляры гривен относятся к XIII или XIV вв.

Массивные серебряные бляшки нескольких гривен, украшенные семилепестковой розеткой, отлиты в одной литейной форме. Разбросаны эти бляшки, сделанные одним мастером, на протяжении 60 км (Звенигород — Москва).

Интересен также район распространения новгородских овальнощитковых височных колец с орнаментацией зубчатым колесом. Он уже не совпадает с прежними племенными границами словен: овальнощитковые кольца есть и в районе новгородской колонизации (Волоколамск) и далеко за пределами его в Смоленском, Можайском, Серпуховском княжествах.

Какие же выводы следуют из рассмотренной выше техники деревенского ремесла XIII—XV вв.?

Часть производств, как, например, гончарное и кузнечное, остались без существенных перемен на той же стадии развития, на какой их застало монгольское нашествие, и находились на этой стадии местами даже до XIX и XX вв.

Серьезные изменения претерпевает доменное дело, которое обособилось от кузнечного, выросло в техническом отношении и существенно отличалось по своим организационным формам от деревенского ремесла. Доменное дело точнее было бы назвать промыслом, связанным с рынком, и рынком не столько деревенским, сколько городским.

В ювелирном искусстве мы наблюдаем постепенное вытеснение

изготовления проволоки пока не может быть решен окончательно, но есть ряд данных в пользу города, где этот вид производства был хорошо известен с X в.

Помимо сложности оборудования за то же говорят и факты имитирования витых проволочных браслетов при помощи давно знакомой техники литья.

Ложно-витые браслеты, подражающие проволочным браслетам XIII—XIV вв., доказывают бóльшую трудность изготовления волоченой проволоки, чем имитирующего ее литья.— См. Н. И. Б у л ы ч о в. Раскопки 1899 г., табл. XXIV, рис. 19 и 21 — две половинки литого браслета, подражающего витому из трех проволок; браслет происходит из маленького городка Серенска.

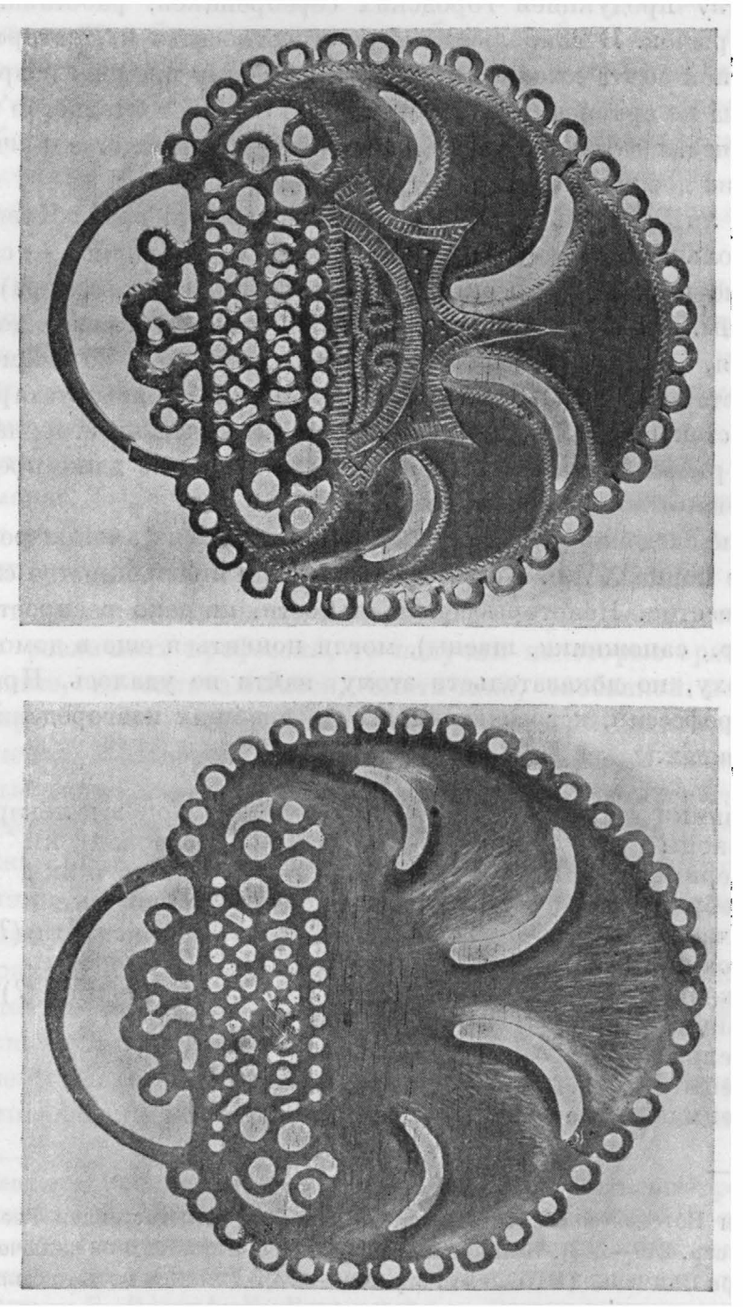


Рис. 131. Трехлопастное височное кольцо со следами лощения

местного деревенского литья более разнообразной и совершенной по качеству продукцией городских серебреников, работавших на широкий рынок. В наибольшей мере это относится к Новгородской земле. Район сбыта ювелирных изделий к этому времени возрастает в 3—4 раза по сравнению с XII—XIII вв. Это обстоятельство также нужно отнести за счет перехода основного производства предметов роскоши из деревни в город.

Имеем ли мы здесь дело с крупными городами вроде Новгорода или с небольшими ремесленными поселками вроде рядков — сказать трудно, но изменения (и притом прогрессивного характера) здесь несомненны. Связь города с деревней, намечавшаяся еще в дотатарское время, была прервана монгольским завоеванием, но затем вновь была восстановлена, причем в областях, не разоренных татарами, в большей степени (Новгородская земля). Техническая сторона деревенского ремесла изменялась незначительно; можно даже предполагать, что не было вовсе никаких перемен.

Больше сведений у нас о новых специальностях, новых ремеслах в деревне конца XV в. Время их появления в большинстве случаев нам неизвестно. Некоторые специальности, широко распространенные (напр., сапожники, швецы), могли появиться еще в домонгольскую эпоху, но доказательств этому найти не удалось. Приведем список профессий, встречающихся в древнейших новгородских писцовых книгах:[45]

Домники	Коапачники	Коневые лекари
Кузнецы	Бочешники	Кровопуски
Ведерники	Решетники	Опанечники
Серебреники	Ситники	Плотники
Гончары	Токари	Огородники (?)
Сапожники	Смычники (?)	Скоморохи
Кожевники	Мельники	Каточники (?)
Овчинники	Жерновники	
Седельники	Пивовары	
Швецы	Сольники	
Швецы портные	Дегтяри	

[45] Для Вотской и Шелонской пятин такой список составлен Гневушевым (Ук. соч., стр. 249—253). При проверке оказалось, что в него не включен только один токарь Якименко (НПК, т. V, стр. 249—253). Домники из него были исключены; мы дополнили этот список по данным других писцовых книг, включив всех деревенских ремесленников. Не все специальности здесь связаны с ремеслом, но они характеризуют состав неземледельческого населения деревни.

Сведениям о ремесленниках, сообщенным писцовыми книгами, доверять нельзя. Писцы нередко упоминали некоторых ремесленников попутно, случайно, и делать какие бы то ни было выводы о количестве ремесленников на основании писцовых книг было бы рискованно. Ремесленники, упомянутые в писцовых книгах, — это только часть общей массы деревенских мастеров. Несомненно, значительное количество ремесленников скрывается под туманным термином «непашенных людей», занятия которых указаны далеко не всегда.

С другой стороны, возможно и обратное положение: среди тяглого земледельческого населения, положенного в обжи, писцы не всегда отмечали побочное занятие крестьянина (ремесло, промыслы), так как в их задачу входило подробное описание тяглого населения, а не обзор всех занятий населения.

В силу этого писцовые книги, единственный материал, от которого можно было бы ожидать наиболее полного освещения деревенского ремесла, на самом деле могут быть использованы весьма ограничительно.[46]

Если в приведенный список мы подставим цифры количества упоминаний различных профессий, то получим некоторые сравнительные данные, не отличающиеся, опять-таки, особенной полнотой. Так, например, по книгам Шелонской и Вотской пятин мы знаем 109 кузнецов, 27 швецов, 10 плотников, 8 гончаров, 8 сапожников. Остальные специальности насчитывают только по три представителя. Такое резкое количественное различие не могло быть случайным: оно должно было отражать существование ведущих ремесел и второстепенных. В нашем списке они расположены по группам. Разберем каждую из них в отдельности.

В первую группу входят ремесленники-металлурги. Домники связаны более с промыслом, с добыванием сырья для кузнецов не только деревенских, но и городских.

Кузнецы — преобладающая специальность в деревне, попрежнему изготавливающая для крестьян основную массу хозяйственного ин-

[46] Гневушев, внимательно рассмотревший вопрос о сельских промышленниках (понимая под ними и ремесленников), пришел к довольно пессимистическому выводу: «Полученный нами общий процент пашенных и непашенных промышленников значительно ниже действительного» (разрядка наша.— *Б. Р.*).— А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I, ч. 1, Киев, 1915, стр. 248.

вентаря. Попрежнему кузнецы имеются не в каждой деревне, а одна кузница обслуживает несколько соседних поселков (10—20). При измельчании самих поселков иногда получалось так, что вся деревенька состояла из двора кузнеца и его сыновей.

«Деревня Леванидово: дворъ Леванидко кузнецъ, дворъ сынъ его Сенка; сѣютъ ржы пол-5 коробьи».[47]

В деревне Кузнецовой имелось два двора — один из них принадлежал Илейке Кузнецу.[48] Деревня Орефино. Указан голько один двор кузнеца Микулки.[49]

Отношение деревенских кузнецов к земледелию различно. Чаще всего кузнецы причислены к «худым людям без пашни», иногда переведены на «позем», иногда из записей писца невозможно уловить (при огульном вычислении обеж в деревне) отношение кузнецов к земледелию; иногда же встречаются пашенные кузнецы, владеющие определенным наделом и обрабатывающие его.

Большинство же деревенских кузнецов собственного сельского хозяйства не вело. Замечается почти полный отрыв кузнецов от сельского хозяйства в районах с наибольшим количеством домниц (Каргальский и Никольский-Толдежский погосты Вотской пятины). Там кузнецы, работавшие на рынок, жили кучно (напр., 15 дворов из 64 в с. Пилолы) в одном селении и не занимались сельским хозяйством.[50]

Наоборот, связь с пашней становится более заметной, если мы обратимся к обычной деревне вне промышленного района.[51] Оброк помещикам кузнецы выплачивали или деньгами или своей продукцией — лемехами, топорами, рукоятными сковородами, косами.[52] По платежеспособной мощности кузница приравнивалась к «сохе».[53] К сожалению, мы лишены возможности дать картину распределения этих видов оброка и их последовательной смены.

Отсутствие в деревне специализированных ювелиров подтверждается как археологическими данными XIV—XV вв., так и единичным упоминанием серебреника в писцовых книгах.[54]

Неясно и положение ведерника. В курганах Обонежской пятины есть медные кованые ведра.[55] Возможно, что под ведерником писцовой книги подразумевается именно медник, изготовлявший подобные ведра,[56] но может быть и другое объяснение, если допустить изготовление деревянных ведер. Тогда ведерника нужно будет включить в разряд бондарей, из которых нам известны «бочешники».

Таким образом, группа ремесленников-металлургов по сути дела состоит из одних кузнецов и доменщиков.

В следующей группе мы видим старейших ремесленников деревни — гончаров. В написании этого термина еще сохранилась архаичная форма «горньчар».[57]

Писцовые книги очень мало прибавляют к обзору археологического материала по гончарному делу XIV—XV вв., сделанному выше. Столь же отрывочны, как и в отношении кузнецов, сведения о наличии или отсутствии собственной пашни у гончаров, но все же можно указать известное количество гончаров, порвавших с сельским хозяйством.[58]

Продукция гончаров не фигурирует в списках натурального оброка; гончарная мастерская пропущена в списке ремесленно-промысловых предприятий, поименованных в известной грамоте Василию Васильевичу на черный бор.[59] Единственный случай, когда в феодальных поместьях упоминаются гончары, это договорная грамота рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей 1496 г.[60]

---

[47] НПК, т. II, стр. 124.

[48] Там же, стр. 125.

[49] Там же, стр. 173, ср. еще стр. 318.

[50] НПК, т. IV, стр. 906—907.— Этот отрыв от сельского хозяйства произошел в конце XV в., так как по «старому письму» кузнецы еще платили оброк хлебом, сеном, мясом и т. п.

[51] НПК, т. II, стр. 124, 173; т. V, стр. 306, 307, 347.

[52] Лемехи и сошники: НПК, т. III, стр. 919, 923; топоры: НПК,т. V, стр. 217; сковороды: НПК, т. III, стр. 502; косы: НПК, т. V, стр. 217.

[53] ААЭ, т. I, № 32: «кузнець за соху».

[54] НПК, т. V, стр. 247.— При существовании в Московском княжестве термина «серебреник» в смысле крестьянина, задолжавшего «серебро» феодалу, трудно решить вопрос о специальности этого единственного серебреника Новгородских писцовых книг. Можно думать, что термин применен здесь в прямом смысле и обозначает ювелира.

[55] Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, табл. IX.

[56] НПК, т. III, стр. 498.

[57] НПК, т. IV, стр. 130, 162.

[58] НПК, т. IV, стр. 130, 162; т. V, стр. 301, 309.

[59] ААЭ, т. I, № 32.

[60] «А что наши люди дѣленыи ловчане, и они свои мѣста и ухожаи вѣдаютъ по старинѣ, и городские рыболове, истобники, псари, подвозники мѣховыи, подвозники кормовыи, и садовники ястребьи, подвозники медовыи и г о н ч я р ы, неводчики и бобровники, и иные кои мои люди дѣленыи, а конокормы по рубеж: и въ то тебѣ моему брату во все не вступатися». — СГГ и Д, ч. 1, № 127, стр. 322.

Гончары здесь поставлены не среди ремесленников, а среди княжеских слуг, связанных с охотничьим, рыбным и медовым хозяйством князя. Может быть, не случайно поставлены рядом подвозники медовые и гончары?

В других вотчинных материалах мы встречаем различных мастеров, но гончаров среди них нет. Все это подтверждает наш вывод о незначительном развитии гончарного дела в деревне. Оставаясь сезонным занятием, не отрывавшим гончара от земледелия, его ремесло, базировавшееся на примитивном оборудовании, удовлетворялось, по-видимому, очень ограниченным рынком.

Третью группу нашего списка составляют сапожники и кожевники.

Сапожное дело, несомненно, выделилось к XV в. в специальное ремесло, возникшее, может быть, в предшествующие века, но разделение сапожной и кожевенной специальности едва ли зашло далеко. Упоминания кожевников единичны. Существование специалистов-овчинников совершенно не объясняет широкого развития овчинного промысла, так как им занимались, главным образом, пашенные крестьяне. Оброк овчинами встречается очень часто, между тем как упоминания овчинников очень редки.[61] Иногда в одной и той же деревне оброк овчинами платят и крестьяне и специалист-овчинник.[62] Можно поэтому предполагать, что кожевенное и овчинное дело было специализировано еще недостаточно. Но, с другой стороны, в упоминавшейся уже грамоте на Новгородскую волость кожевнический чан (как производственная единица) поставлен на первом месте среди других объектов обложения.[63]

В этой грамоте нам неизвестно положение кожевника — имелся ли в виду здесь деревенский ремесленник или городской? Судя по

[61] НПК, т. II, стр. 360, 363; т. I, стр. 405—406; «Временник, ОИ и ДР», т. XI, стр. 448; т. V, стр. 378, т. IV, стр. 172.

[62] НПК, т. II, стр. 103.

[63] «...а въ соху — 2 коня, да третьее — припряжь, да тшанъ кожевнической за соху,

невод за соху,
лавка за соху,
плуг за 2 сохи,
кузнець за соху,
4 пѣшци за соху,
лодья за 2 сохи,
црѣнъ за 2 сохи».
(ААЭ, т. I, № 32, стр. 24)

тому, что в списке перемешаны ремесленные, промысловые и торговые объекты, можно думать, что речь здесь идет не только о деревне. Анализируя названную грамоту, необходимо обратить внимание на тот район, который подлежал черному бору. Ведь это — волость Торжка, города, издавна связанного с кожевенным делом.

Судя по грамоте, развитие кожевенного дела в новгородских областях достигло значительного развития уже к середине XV в. Можно думать, что кожевенный промысел являлся здесь такой же местной особенностью, как, например, доменный в Устюжне или в Копорье; поэтому и «чан кожевнической» поставлен в данной грамоте впереди всех других неземледельческих объектов.

В остальных областях мы не наблюдаем широкого развития кожевенного ремесла в деревне.

Сапожники, наоборот, составляли довольно устойчивую группу сельских мастеров. Все упоминания о хозяйстве сапожников говорят об отсутствии у них пашни.[64] Более узкая специализация сапожников встречается так же редко, как и у кузнецов. Есть единичное упоминание в писцовых книгах о седельнике,[65] но оно, разумеется, не нарушает общей картины слабой дифференцированности сапожного ремесла в Новгородской земле.

Сравнительно многочисленной группой ремесленников были швецы. Слово «швец» часто встречается с прилагательным «швец портной». По всей вероятности, различия между обеими формами нет, и под каждым швецом нужно понимать именно портного в нашем современном смысле слова.

Как правило, портные пашни не имеют; есть лишь одно исключение.[66] В других случаях писцы особо оговаривают отсутствие пашни у швеца. Мало того, можно заметить, что многие швецы, не владея собственным двором, живут на чужих дворах: «Дворъ Левонъ Зерно, сынъ его Филка, да Фомка швець; дѣти его Микитка, да Васко»: «Дворъ Грихно Ивановъ, да Голашъ швець». «Двор Филимонко Васковъ плотникъ, да Гавзо Левинъ швець» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[67] И, наконец, в одном случае швец прямо назван «захребетником».[68] Такое несамостоятельное положение

[64] НПК, т. IV, стр. 125, 181; т. V, стр. 293 и др.

[65] НПК, т. II, стр. 253.

[66] НПК, т. V, стр. 167.

[67] НПК, т. V, стр. 167; т. IV, стр. 162; т. IV, стр. 109. — В последнем случае на том же Копорском погосте мы видим еще двух непашенных швецов.

[68] НПК, т. V, стр. 308 («захребетник Нестерко швец»).

портных объясняется, по всей вероятности, природой их ремесла, не связанного ни с собственным двором, ни со сложным оборудованием мастерской. Вплоть до XIX в. по русским деревням сохранились портные, работавшие только на дому у заказчика.[69] Поэтому двор не представлял для швеца особого интереса и, может быть, для того, чтобы избежать обложения, связанного с дворовладением, швецы предпочитали переходить в разряд захребетников и жить на чужих дворах.

Специализированные швецы (епанечники, колпачники) единичны.

Далее в нашем списке следуют ремесленники, занятые обработкой дерева. Из них на первое место надо поставить плотников. Плотники владеют дворами, иногда ведут свое хозяйство. Термин «огородник» включен в эту группу крайне условно, так как наряду со старым смыслом этого слова («строитель оград») появляется и новый, современный нам. Правда, старое значение продолжает еще бытовать,[70] и если придерживаться его, то огородника надо поставить в разряд квалифицированных плотников.

Не вызывает сомнений термин «бочешники»; это — бондари, изготавливавшие бочки. Столь же просты и термины «решетники» и «ситники». Малочисленность этих специалистов говорит о слабой дифференциации дофеодального мастерства. Загадочное слово «смычник»[71] можно объяснить по связи со словом «смык» — примитивная борона.[72]

Редким в деревне был токарь.[73] Из ремесленников, связанных с производством съестных припасов, нужно назвать пивоваров. Но пивовары-ремесленники, как и овчинники (см. выше), существовали наряду с домашним пивоваренным промыслом. Оброк с крестьян нередко включал значительное количество пива,[74] но доля специалиста-пивовара была больше. Так, пивовар Ивашка Матвеев давал «старого доходу 12 бочек пива».[75]

[69] Левашова. Кустарные промыслы Тамбовской и Костромской губерний. — «Отчеты исследования по кустарной промышленности в России», т. III, СПб., 1895, стр. 42.

[70] Ср. «огородная осада» (СГГ и Д, ч. 1, № 127, стр. 324) и еще: «... а кого, Господине вымешъ собѣ огородниковъ и мастеровъ и тобѣ, Господине . . . два жеребья . . .» Договорная грамота Вас. Вас. с Вас. Ярсл. Боровским около 1451 г. (СГГ и Д, ч. 1, № 79, стр. 184).

[71] НПК, т. II, стр. 686.

[72] D. Zelenin. Russische Volkskunde, B. и L, 1927, стр. 23.

[73] НПК, т. V, стр. 163.

[74] НПК, т. III, стр. 629.

[75] НПК, т. III, стр. 497.

Последней категорией ремесленников в нашем списке нужно считать жерновников, так как коневые лекари, кровопуски, скоморохи к ремеслу отношения не имеют.

В писцовых книгах только дважды упомянуты «жорновники»,[76] но это только лишний раз показывает, насколько неполным и отрывочным источником являются писцовые книги рубежа XV и XVI вв.

2. МЕЛЬНИЧНОЕ ДЕЛО, СОЛЕВАРЕНИЕ И ДОМЕННОЕ ДЕЛО

К концу XV в. возросла потребность в жерновах для крупных водяных мельниц, но в деревнях не теряли значения и ручные жернова, бывшие принадлежностью каждого крестьянского двора. Сведения об этом мы находим не в писцовых книгах, а в дипломатической переписке.[77] Князья Глинские жаловались в 1487 г. на то, что люди великого князя Московского пограбили их вотчины близ Шателши и Судилова: «А взяли... три жоны мужовыхъ, да дѣвку, а 100 коней, 150 коровъ, а 200 овецъ, а 30 уліевъ со пчелами, а 100 кадей ржи, 80 кадей пшеницы, а 300 кадей овса, а 90 кадей хмелю, а 30 кадей гороху, а 50 жорновъ [разрядка наша—*Б. Р.*], а 70 кадей конопель...» Судя по списку взятого у Глинских добра, можно думать, что пограблены были 50—100 дворов. В таком случае один комплект ручных жерновов приходился на 1—2 двора.

Тяжелое ремесло жерновника (или жерносека), помимо сложных работ по добыче материала, требовало сложного инструментария, точной работы над камнем и оснащения постава железными деталями. Все это говорит за полный отрыв ремесла жерновников от земледелия, хотя никаких подтверждений этого в письменных источниках мы не находим. Количество мастеров-жерновников должно было быть весьма значительным, чтобы удовлетворить широкий спрос.

Известны специальные каменоломни, где выламывали камень для жерновов. Рубеж двух половин Рязанского княжества в XV в. шел от устья Прони, «да Пронею въверхъ до Жорновищь. (разрядка наша.—*Б. Р.*).[78]

[76] НПК, т. II, стр. 568 (Фефилатко-жерновник из дер. Городище) и НПК, т. IV, стр. 230 (в Ивангороде).

[77] «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским», т. I (1487—1533), СПб., 1882, стр. 3.

[78] СГГ и Д, ч. 1, № 127, стр. 322.

Близки по своему характеру к деревенским ремеслам и некоторые промыслы, которые для полноты картины необходимо рассмотреть здесь. К ним относятся: мельничное дело, солеварение, смолокурение, дегтярное дело и др.[79]

Мельничное дело в XIII—XV вв. только зарождалось в качестве специального занятия и долго еще не могло вытеснить из домашнего обихода ручной размол зерна. Только что, говоря о жерновниках, мы привели для конца XV в. свидетельство о широком бытовании ручных жерновов в деревне. Этнография дает многочисленные примеры сохранности ручного помола в деревне до XIX—XX вв. у всех трех восточнославянских народов.[80] Размол зерна был женским делом, так же как и вся работа, связанная с процессом хлебопечения. В вотчинных хозяйствах ручной размол заменяется работой водяных мельниц, но эта замена произошла не вдруг. В известной и часто цитируемой грамоте 1391 г. митроп. Киприана Константиновскому монастырю (близ Владимира) в числе крестьянских повинностей указывается: «...а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, солодъ молоти, пива варить...» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[81]

В данном контексте размол ржи может означать только работу на ручных жерновах, где требовалась лишь физическая сила «пешеходцев». Время появления на Руси мельниц с двигателем неизвестно. Конский привод, очевидно, совершенно не применялся, так как встречающееся в евангельских текстах выражение «жернов осельный» носит чисто книжный характер и является переводом греческого.[82]

Первым источником, упоминающим мельницы в русских землях, является ярлык хана Менгу-Темира, освобождающий церковные владения от всевозможных поборов-повинностей «... или церковная земля, вода, оброди, мельници [разрядка наша. — *Б. Р.*], зимовища, летовища, да не займують ихъ; а яже будуть поимали, да воздадутъ назад».[83] Мельницы здесь рассматриваются как неотъемлемая и обязательная часть церковных вотчин, настолько прочно вошедшая в быт, что их считают нужным упомянуть в ханском ярлыке. Следующее упоминание мельницы дает нам ярлык Узбека митрополиту Петру 1313 г.[84] В конце XIV и в XV вв. водяные мельницы часто встречаются в различных русских документах. Но все это не решает вопроса о времени появления водяных мельниц в русских землях. Эпоха Менгу-Тимура (1266—1282), время первого упоминания мельниц на Руси, отнюдь не была благоприятной для русского народа, для развития его производительных сил; предполагать появление мельниц именно в это время — чрезвычайно трудно. Источники домонгольского времени совершенно не говорят о мельницах, и нам предстоит решить вопрос: можно ли только на основании этого аргумента решительно отрицать возможность существования водяных мельниц в Киевской Руси?

Наличие большого количества ручных жерновов малого формата в городищенских слоях XI—XIII вв. не должно смущать, так как и у нас и на Западе ручной размол долго сопутствовал механическому. Например, в Москве, на устье Яузы, мельница упоминается с 1410 г.,[85] а при земляных работах в 1940 г. по соседству с этой мельницей в слое XVII в. найдена пара ручных жерновов.[86] Крупные же мельничные жернова археологически одинаково неизвестны ни для домонгольской, ни для послемонгольской эпохи.

Отсутствие в русской дипломатике XI—XII вв. такого рода документов, как духовные и иммунитетные грамоты, лишает нас возможности сопоставлять XII в. с XV в.

Западные соседи Киевской Руси — поляки, чехи, венгры, — во многом испытавшие ее влияние, в X—XII вв. были очень хорошо знакомы с водяными мельницами.[87]

Древнейшие упоминания восходят к IX в.; в X в. водяные мельницы встречаются в Сербии, в Браниборе, а к XII в. их упоминают

---

[79] Деление на ремесло и промыслы довольно условно; провести грань между ними не всегда возможно.

[80] D. Zelenin. Russische Volkskunde, стр. 88—90; В. И. Даль. Толковый словарь. См. под словом «жернов».

[81] ААЭ, т. I, № 11, стр. 7.

[82] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. См. под словом «жернов».

[83] ПСРЛ, т. XX, ч. 1, СПб., 1910, стр. 183. — Эта дата обычно принимается исследователями как дата появления мельниц у нас.

[84] М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам, П., 1916.

[85] СГГ и Д, ч. 1, № 40.

[86] Для специального вида муки (крупичатой) ручной размол применялся вплоть до конца XVI в. — См. Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома XVI—XVII вв. (ЛЗАК, 1926, т. XXXIII, стр. 280). В 1593 г. была «ручная мельница», замененная к 1600 г. «конской мельницей».

[87] Обширный материал по различным западнославянским землям собран в работе L. Niederle. Slovanské Starozitnosti, т. III, вып. 1, Praha, 1921, стр. 119—121.

даже источники далекого Поморья.[88] Путь распространения водяных мельниц в Центральной Европе был тот же, что и на Руси: первоначально они появлялись на княжеских и панских дворах и лишь со временем проникали в деревню. В деревнях же ручные жернова дожили, как и в России, до XIX—XX вв.[89] Даже если предположить, что Киевская Русь не могла самостоятельно изобрести мельничное колесо, то, при существовании оживленных связей Киева с западнославянским миром в XI — XII вв., трудно допустить, чтобы мельничное колесо не бытовало на Руси. Уменье загораживать реки, копать каналы и при случае «хытростью пустити воду» на врага — все это было хорошо известно древней Руси. При таком уменье обращаться с водой постройка мельниц не могла затруднить «крепких в замыслех» русских строителей. Вполне вероятно, что мельницы появились в Киевской Руси в XI или XII в. Легче всего предполагать наличие их в Галицком, Волынском и Киевском княжествах как наиболее близких к области раннего распространения водяных мельниц. Подтверждение этого мы находим в топографической номенклатуре Волыни и Побужья.

Под 1247 г. в Ипатьевской летописи[90] говорится: «Воеваша Литва о к о л о М ѣ л н и ц ѣ, Лековни и великъ плѣнъ прияша» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[91] Даниил Галицкий гнал этот литовский отряд до Пинска. В этом городке, послужившем летописцу опорной географической точкой для указания района опустошения, нужно видеть город Мельник на Волыни, на север от Луцка. Под 1260 г. описывается поход Даниила на Войшелга и Товтивила: «Потомъ же [после взятия Волковыска и области по Зелве] мысля ити на Городенъ, творя ею там; после же по Лва сына си и по люди своя, и п р і ѣ х а ш а в ъ г о р о д ъ М ѣ л н и к ъ» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[92] Из дальнейшего выясняется, что гор. Мельник расположен близ Дрогичина и Визны. Это — несомненно, гор. Мельник на Зап. Буге между Дрогичином и Берестьем, часто упоминаемый и в XIV—XVI вв. [93]

Что же дают нам эти свидетельства летописи? Правда, формально

[88] «От XII столетия такое количество свидетельств о мельницах, что все их привести невозможно». — L. N i e d e r l e. Op. cit., стр. 120.

[89] Ibid., стр. 119 и 121.

[90] ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 182.

[91] Там же, стр. 182 (1247 г.).

[92] ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 197.

[93] М. К. Л ю б а в с к и й. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, М., 1928, стр. 15—20.

они относятся к послемонгольской эпохе, но трудно допустить, чтобы города получали свое имя по только что выстроенным в них сооружениям для размола зерна. Скорее всего эти два города получили название по давно возникшим здесь мельницам, которые успели уже обрасти значительными поселками и превратиться в города к середине XIII в., когда они случайно попали на страницы летописи.[94]

Все сказанное выше усиливает аргументацию в пользу предположения о существовании водяных мельниц в домонгольской Руси.

Учитывая, что ханские ярлыки XIII в., дававшиеся русскому духовенству, имели в виду распространение иммунитета на церковные земли во в с е х русских княжествах от Карпат до Волги, мы без особых натяжек можем допустить, что в ярлыке Менгу-Тимура имелись в виду мельницы на церковных землях в Киевской, Черниговской, Галицкой и Волынской епархиях. Относительно Северо-Восточной Руси ранних свидетельств у нас, к сожалению, нет. Древнейшее местное свидетельство о водяных мельницах относится к XIV в.

Дмитрий Донской в своей второй духовной грамоте упоминает села с мельницами: Луцинское на Яузе и Семциньское.[95] Любопытной археологической иллюстрацией вытеснения ручных жерновов мельницей является находка на территории села Семциньского, сделанная при работах на Метрострое. [96]

[94] В Воскресенской летописи помещен список русских городов, составленный в конце XIV в. В разделе Киевских городов помещен город Омельник, который можно отождествить с городом Мельня на р. Сейме (близ Путивля) литовских документов (см. М. К. Л ю б а в с к и й. Ук. соч.). Список «киевских» городов, отражающий, по всей вероятности, границы княжества Владимира Ольгердовича, дает нам очень древние города, часть которых не упомянута летописями домонгольского времени. Может быть, к этому же разряду городов, связанных с мельничным делом, нужно отнести и Житомель (позднейший Житомир), состоящий в списке «киевских» городов (ПСРЛ, т. VII, стр. 240).

[95] СГГ и Д, ч. 1, № 34. — Ввиду того, что в литературе часто встречается идущая от Аристова фраза: «отказал княгине село Семцинское на Яузе с мельницею», считаем нужным привести текст грамоты, разрешающий противоречие, так как село Семцинское далеко от Яузы (Н. А р и с т о в. Промышленность древней Руси, стр. 64): «А изъ Московъскихъ селъ ему [князю Андрею]: Напрудьское село, да Л у ц и н ь с к о е н а Я у з ѣ с мелницею», и в другом месте: «а изъ Московпскихъ селъ даю своей Княгинѣ: С е м ц и н ь с к о е село с Ходыньскою мелницею...» (разрядка наша. — *Б. Р.*). Речь идет о двух разных селах, из которых только одно на Яузе.

[96] А. А. П о т а п о в. Древний погреб близ Крымской площади, стр. 149.

Ручной жернов, найденный в слое XV в., был использован уже не по назначению — он служил крышкой большой глиняной корчаги, в которой хранилась мука или зерно. Может быть, в этом факте нужно видеть влияние княжеской мельницы 1389 г. В XV в. мельницы становятся обязательной принадлежностью княжеских, боярских, монастырских дворов и сел. Появляются специалисты-мельники.[97] Необходимость перевода вотчинного зернового хозяйства с ручных жерновов на водяные мельницы вызывалась притоком большого количества зерна в сумме натурального оброка. Муку нельзя было везти во двор, так как она быстро портилась при хранении; поэтому выплата оброка производилась зерном, а это неизбежно приводило к усовершенствованию техники размола.

В рассматриваемую эпоху принцип мельничного колеса применялся, повидимому, только для размола зерна и не был еще приложен к проковке металла, сукновальному делу и т. п. По крайней мере, русские путешественники, попадавшие в Западную Европу, отмечали в своих записях универсальное использование мельничного колеса. Симеон Суздалец во время пребывания в Любеке в 1438 г. отметил, наряду с большой библиотекой и водопроводом, ряд других достопримечательностей. «...а житье нѣсть яко наше, но инако. И увидѣхомъ ту мудрость недоумѣнну и несказанну... [далее описывается сложный автомат]... И ту видѣхомъ на рѣцѣ устроено колесо, около [окружность] его яко десять сажень, воду емлетъ из рѣки и пущаетъ на всѣ страны; и на томъ же валу колесо мало, ту же мелет и сукна тчет красныя...»[98]

Солеварение было одним из важнейших промыслов древней Руси.[99] В изучаемое время соляные промыслы были распространены очень

[97] НПК, т. IV, стр. 104; т. III, стр. 23. — Мельники в вотчинном хозяйстве, см., напр., СГГ и Д, ч. 1, № 130, стр. 334, грамота И. Ю. Патрикеева (4 мельника).

[98] И. П. Сахаров. Сказания русского народа, т. II, СПб., 1849, кн. 8, стр. 83. — Симеон сопровождал Исидора на Флорентийский собор.

[99] В отличие от мельничного дела солеварение было изучено несколько лучше. — См. Н. Аристов. Промышленность древней Руси. Специальный раздел «Солеварение», стр. 68, 73; Ф. Остроумов. Древнерусские солеваренные товарищества. — «Устои», 1882, № 5, 9—10; С. Коломинский. Торговля солью на Руси XVI—XVII вв. и общее состояние соляных промыслов. «Университетские известия», Киев, 1912, № 12; А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь, 1927; «Торговый дом XVI—XVII вв.», сост. Введенский, Л., 1924 (Сб. материалов о Строгановых). Специальной литературы по солеварению XIII—XV вв. нет, и количество источников для этой эпохи невелико.

широко по всему северу Руси. Белое море, Старая Руса, Галич, Соль Галицкая, Вычегда, Вологда, Сев. Двина, Городец на Волге, Кострома, Нерехта, Торжок, Переяславль Залесский, Ростов — вот далеко не полный список мест, в которых встречались усолья. Велась широкая торговля солью; в грамотах упоминается особо налог с ладьи, груженной солью. Соль широко обращалась на внутреннем рынке. Отсутствие соли в крестьянском обиходе считалось признаком крайней нищеты, так, например, Максим Грек, желая обрисовать тяжелое положение монастырских крестьян, писал, что они «...во скудостѣ и нищетѣ всегда пребываютъ, ниже ржаного хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли отъ послѣднія нищеты» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[100]

Значительный интерес для нас представляет техника солеваренного дела, так как существующие мнения[101] о простоте и примитивности солеваренного процесса едва ли соответствуют действительности.

Существует три способа добывания соли: 1) ломка каменной соли, 2) выварка морской или озерной воды и 3) выварка рассола подземных вод.

Первый способ применялся близ Галича на Днестре, откуда соль развозилась по всей русской земле.[102]

Второй способ подразумевается в грамоте Святослава Ольговича 1137 г. Перечисляя различные доходы, передаваемые епископу, Святослав дает ему «на мори отъ чрена и отъ салгы по пузу».[103] Об этом же способе сообщает Рубрук относительно южных областей. Техника здесь, действительно, несложна — соленая вода из моря или из озера, взятая в тихую погоду (чтобы не было мути и примесей), наливалась на огромные сковороды (чрены) и выпаривалась на огне. Размеры чренов доходили иногда до 9 м. Делались чрены из широких и прочных железных пластин, склепанных друг с другом; края чренов загибались. Под чреном устраивалась печь, а рядом находился амбар для сушения и хранения соли. Иногда вместо чрена употреб-

[100] Максим Грек. Соч., ч. 2, Казань, 1859—1862. «Слово о покаянии», стр. 131.

[101] Н. Аристов. Ук. соч., стр. 73; А. А. Савич. Ук. соч.

[102] Караван из 300 купцов, везших коломыйскую соль, затонул в наводнение на Днестре в 1164 г. — Ипатьевская летопись 1164 г.

[103] «Русские достопримечательности», т. 1, стр. 84, М., 1815.—Под морем здесь нужно понимать Белое море. «Пузо» Аристов измеряет в 2 четверика (См. Н. Аристов. Ук. соч., стр. 70).

лялся котел — «салга». Основная трудность варки соли заключалась в перевозке воды и в заготовке большого количества топлива.[104]

Следует отметить, что, действительно, примитивная варка соли из морской воды составляет лишь часть всех солеваренных промыслов древней Руси. Начиная с XIV в., мы получаем многочисленные сведения о солеварнях и усольях, работавших на подземных рассолах: Старая Руса — 1363 г.,[105] Галич Мерский — 1389 г.,[106] Соль Галицкая — 1391 г.[107]

От XV в. сведений о подобных варницах значительно больше.[108] Аристов так описывает процесс получения соли (третий способ по нашему счету): «Производство соли шло очень просто: в местах, богатых солью, рыли колодязи, делали в них раствор [?], ставили около них большие железные котлы или салги и железные сковороды или црены, наливали в них рассол, посредством кипячения выпаривали воду—и оставалась одна соль».[109]

Согласиться с таким упрощением дела «солеваров» нельзя. Прежде всего в документах, связанных с солеварением, нас может удивить складнический, корпоративный характер владения варницами, не говоря уже о солеварнях XVI—XVII вв., где мы встречаемся с крайней дробностью основного капитала и его долей, доходящей до деления на несколько «вытей», в свою очередь, дробившихся на 12-е, 16-е и даже 24-е доли.[110] Но и в более ранних упоминаниях обычно речь идет о совместном владении варницами. Пайщиками солеваренных товариществ зачастую были богатые монастыри, постепенно прибиравшие к рукам соляное дело.[111]

[104] Хорошее изображение солеваренного процесса имеется в лицевом житии Зосимы и Савватия Соловецких. Рукопись ГИМ.

[105] Псковская I летопись 1363 г. — В тексте стоит «на Рухе», но все цитирующие это место читают «на Русе».

[106] СГГ и Д, ч. 1, № 34, стр. 59 (Духовная Дмитрия Донского).

[107] Данная грамота Троицкому монастырю 1391 г.— АЮБ, т. I, № 63, стр. 441.

[108] Географическое размещение солеварен см.: К. В. Кудряшов. Русский исторический атлас, табл. XII и П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, М., 1939, карт. № 5.

[109] Н. Аристов. Ук. соч., СПб., 1866, стр. 73.

[110] А. Остроумов. Ук. соч.

[111] Приведем соответствующее место из грамоты 1391г.: «Се азъ Семенъ Федоровичъ, далъ есмь святой Троици... половину своее варници и половину колодязя, что у Соли у Галицкіе, что на подолцѣ, что варилъ мой соловарь на мене, со всими тѣми пошлинами» (АЮБ, т. I, № 63, стр.441). Половина предприятия уже перешла по этой грамоте к монастырю.

Большой интерес представляет один новгородский документ XIV в., к сожалению, не определяющий места варницы. Приведем его полностью:

«А цто есть на бору колодязь солоной,— атъ а колодязь Федору и Лаврентѣю и Обросиму истьцистити, да и цѣрѣн наставити, да пытати варить по досугу, а будетъ въ росоли прокъ, а иметъ быти, дасть богъ, соль — ино Федору у Обросима и у Лаврентѣя и до сроку своихъ кунъ взяти половина, 5 сороковъ бѣлъ, а земли половина ступити цистъ безъ брани, а половина земли по записи владѣти Федору другою до срока 10 лет». [112]

Перед нами промысловое товарищество со сложными земельными и ссудными расчетами, возникшее для организации одной варницы.

Примитивность процесса солеварения никак не вяжется и с тем, что открытие двух новых варниц (кстати, не давших рассола) заносится на страницы летописи.[113]

Наши недоумения, вызванные сложной организацией солеварен и вниманием к ним летописца, может разрешить интереснейшее рукописное руководство солеваренного дела: «Роспись, какъ зачатъ дѣлатъ новая труба на новомъ мѣсте», описывающее только первую часть производственного процесса — получение рассола (т. е. именно то, что отличает эти варницы от приморских) и не касающееся выварки в цренах.[114]

По сравнению с процессом варки в цренах добывание рассола представляет огромные технические трудности.

[112] АЮБ, т. II, стр. 3—4.— Кабальная закладная XIV в. Ср. еще: «Въ солоныхъ мѣстѣхъ въ отцынѣ его четвертая часть» (разрядка наша. — *Б. Р.*).— Новгородская рядная грамота XV в.; И. И. Срезневский. Материалы..., т. III, стр. 461. См. под словом «солонъіи».

[113] «1364... того же лѣта, на Рухѣ поставиша две варницы соль варити; и не быть, и повергоша» (Псковская летопись 1364 г.).

Приводимое Аристовым место из летописи: «Поставиша купци Новгородскии, прасолы, въ Русѣ, церковь камену святый Борис и Глѣбъ» (Новгородская I летопись 1403 г.) не обязательно должно быть связано с солью, даже если допустить, что прасол — это купец, торгующий солью. Впрочем, наличие соляных варниц в Русе подтверждается договорной грамотой новгородцев с Казимиром IV в., 1471 г.: «А держати десять варниць в Русѣ...» (разрядка наша. — *Б. Р.*). — ААЭ, т. I, № 87, стр. 63.

[114] Д. Прозоровский. Старинное описание соловаренного снаряда.— ИАО, 1872, т. VI, вып. 3, стр. 238.— Рукопись написана уставом с киноварными пометами на бумаге с водяными знаками конца XVI в. Найдена она близ Тотьмы на солеваренном заводе, где, возможно, служила практическим руководством до начала XIX в. (см. стр. 233—255).

«Роспись» распадается на три части: организация бурения, необходимые постройки и инвентарь, затем процесс пользования полученной скважиной и, наконец, указания относительно аварий. Из первой части мы узнаем, что бурение производилось при помощи вышки («сохи»), достигавшей 12—18 м в высоту, снабженной блоками («векши»), сложной системой веревок с противовесами («собаки грузовые», хвосты у них по полусажени) и массивной бабой («боран»). Позади вышки укреплены 2 ворота, длина веретен у которых — 3 м. К вышке примыкает «мост» с воротом (очевидно, горизонтального вращения) и амбар для снастей. Вся система приводится в действие значительным количеством людей.

Проходка ведется вначале колодцем, в который опускается сруб, а затем бурением. Бурение производится сменными буравами нескольких различных типов; каждый тип имеет несколько номеров в зависимости от размера. Буравы меняются в зависимости от грунта: песок, мелкий хрящ или «щекоту» надо пойти «шеломом железным». «Буде не пойдетъ шеломъ—розминà буравы; ...мѣлкое каменье—мелкыми трезубы, большимъ — болшее, середнимъ — середнее» (стр. 242). «Трезубы» — фрезерные коронки с 6 зубцами.

Ко всему этому приложены точные описания каждой детали с указанием размеров с точностью до 0.5 см (напр., «...а глуботиною менши четь вершка»).

С такой же точностью рекомендуется запоминать глубины соляных слоев («...и ты гораздо попамятуй сажени и вершки и полувершки и четь вершки»).[115] После бурения в скважину вставляли проконопаченные трубы, засыпали внешние зазоры землей и направляли фонтанирующий рассол в црен или в запасной резервуар. На руководстве есть приписка: «В жерло хожено буравомъ до дна восемъ десятъ восемъ саженъ». Таким образом, сложная конструкция скважины позволяла бурить землю на 160 метров («трубная сажень» — —182.8 см). Надо учесть, что при каждом бурении был риск не натолкнуться на соляной слой. «Только бог не дастъ росолу и хозяинъ изволитъ опять поднимать трубки»...

Теперь, после ознакомления с техникой бурения, нам станет понятна приведенная выше фраза: «А иметъ быти, дасть богъ соль...» Понятна нам станет и необходимость кооперации нескольких складчиков, совместно организующих сложное и дорогое солеваренное производство, понятно и сожаление летописца по поводу двух варниц, в которых «и не бысть». Вопрос заключается лишь в том, насколько мы правомочны перенести данные конца XVI в., когда была составлена эта инструкция, в XV или XIV в.

[115] Д. Прозоровский. Ук. соч., стр. 245.

«Роспись» несомненно отражает более раннее время; об этом косвенно может говорить четко разработанная, устоявшаяся терминология. Здесь упоминается свыше 120 терминов (исключительно русских, народных), иногда очень образных, как, например: «собаки», «векши», «боран», «пасынок», «перо», «сорочьи лапки».

Район, в котором применялось с XVI по XIX в. руководство, — это старый солеваренный район, где условия залегания соляных слоев были одинаковы, разумеется, и в XIV и в XVI вв.

Рукопись была найдена близ Тотьмы, а относительно этого района у нас есть сведения середины XVI в.

В житии Феодосия Тотемского (события 1554 г.) говорится о том, что монастырь Феодосия получил право «у Соли на Тотьме труба садити и соль варити ...а соли де из трубы доброго рассолу на варницу сварят по 5 тысяч пуд соли на год».[116]

Это свидетельство подкрепляет предположение о более раннем применении бурения и труб. Сопоставляя все приведенное выше, можно думать, что княжеские, монастырские и «сябринные» солеварни конца XIV—XV вв. были организованы в согласии с техническими принципами «Росписи». Может быть, не случайно и то, что упоминания об усольях, удаленных от моря, усольях, работавших на глубинных рассолах, встречаются в источниках только со второй половины XIV в., когда вообще в русских землях появляется много технических новшеств, как, например, водяные мельницы, артиллерия, крупное литье и др.

Широкое применение железа (огромные црены, шесты, трубы, буравы и др.) в солеваренном деле и в других промыслах неизбежно влекло за собой развитие доменного дела. Выше мы рассмотрели технику доменного дела в связи с общим очерком технических изменений деревенского ремесла. Сейчас нам придется говорить о доменном деле, как о промысле. Варка железа для нужд местных кузниц производилась, по всей вероятности, почти повсеместно, но к XV в. выделилось несколько районов, где доменное дело стало специальным промыслом. Одним из таких районов, наиболее полно освещенным источниками рубежа XV—XVI вв., является упоминавшаяся уже часть Вотской пятины. Сюда входят погосты Каргальский,

[116] Рукописное житие Феодосия Тотемского. — ГИМ.

Никольско-Толдожский, Замостский, Покровский, Дятелинский и Дудоровский, в которых по писцовым книгам насчитывалось 204 домницы разной мощности.[117]

Доменный промысел возник здесь не к концу XV в., а раньше, о чем говорят ссылки писцов на «старый доход». Это дает нам право отодвигать время возникновения домниц по крайней мере к середине XV в. Данные «старого дохода» позволяют говорить об устоявшемся, давно сложившемся и связанном с рынком промысле. Есть целые группы домниц, которые и по старому письму вносили оброк уже не крицами, а деньгами,[118] что говорит о товарном характере их производства. В тех же случаях, когда старый доход состоял из готового железа, мы зачастую встречаемся с очень значительными количествами его. Так, например, одна из домниц с. Виликина платила оброка 110 криц железа. [119]

Все это позволяет считать доменный промысел Вотской пятины старым, уходящим далеко вглубь. В этом же убеждает и техническое совершенство домниц, наличие в них двух или нескольких печей.

Основное изменение, отмечаемое новыми писцовыми книгами по сравнению со «старым письмом» состояло в доменном деле, как и во всех остальных областях хозяйства, в замене натурального оброка денежным. Это, в свою очередь, говорит о все более товарном характере промысла. Например, в дер. Черной по старому доходу шло 75 криц железа и, кроме того, 5 криц ключнику. Новый доход установлен в 5 гривен, «а ключничь доходъ по старинѣ». [120]

Таким образом, можно говорить о полной замене натурального оброка (в помещичьей части) денежным и о повышении самой нормы оброка, так как 75 криц по стоимости не равны 5 гривнам: 1 крица стоила около $^1/_4$ деньги, в новгородской же гривне было 14 денег, следовательно, 5 гривен равны 70 деньгам или стоимости 280 криц.[121]

[117] Подсчет произведен В. Н. Кашиным («Крестьянская железоделательная промышленность»), который свел весь материал писцовых книг по доменному делу. Им же приведены убедительные доказательства того, что данные писцовых книг сильно отставали от реальных цифр.

[118] НПК, т. III, стр. 500.

[119] НПК, т. III, стр. 908.

[120] НПК, т. III, стр. 916.— Доход ключников и посельских вообще менялся мало. Переход на денежную ренту касался преимущественно господской доли.

[121] А. М. Гневушев. Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504—1505 гг., Киев, 1908, стр. 19: «За 140 криц железа полтрети гривны з деньгою», т. е. $2\,^1/_2$ гривны + 1 деньга = 36 денег, 1 крица стоила 0.257 деньги.

Интересно остановиться на взаимоотношениях доменного и кузнечного дела.

Известен лишь один случай, когда владельцем домницы был кузнец, но несомненно, что многие домницы имели в своем инвентаре основное кузнечное оборудование (необходимое для проковывания криц), а иногда при домницах, не выделяясь из их состава, существовали и кузницы, о чем говорит доход кузнечными изделиями, полученный с домниц.[122] Иногда в районе, густо насыщенном домницами, совершенно отсутствуют кузнецы,[123] иногда же наоборот: кузнецы гнездятся именно там, где варится для них железо.[124]

В первом случае можно предполагать работу на рынок, связь деревенских домников с какими-то кузнецами на стороне. Такими сторонними кузнецами скорее всего могли быть кузнецы Новгорода Великого.

Во втором случае перед нами зародыш ремесленного посада с наличием двух производственных групп—домников и кузнецов, групп одинаково порывающих с сельским хозяйством и ведущих свое производство в расчете на рынок. Но на рынке в этом случае выступают не обе группы, а лишь одна — кузнецы, перерабатывающие сырье домников и с этим выступающие на рынке. В условиях села такая форма производства предполагает активные поиски рынка сбыта или в виде ярмарок или в виде лавки (а, может быть, и ряда) на городском торгу.

Изделия нескольких кузниц (напр., 19 кузнецов в селе Пилоле) едва ли могли найти сбыт только на месте производства, где половину населения составляли сами кузнецы. Именно таким путем возникали «рядки», игравшие столь важную роль в разложении замкнутости натурального хозяйства деревни.

Большой интерес представляет социальная сторона организации доменного дела. В отличие от мельничного и солеваренного дела, где заметная роль принадлежала княжескому или монастырскому двору, доменный промысел являлся исключительно крестьянским. Фео-

[122] «Временник ОИ и ДР», т. XI, стр. 453.

[123] НПК, т. III, стр. 500.

[124] См. специальную таблицу, сост. В. Н. Кашиным (Ук. соч., стр. 40). В таблице указано число селений, число дворов вообще, часть дворов кузнецов и число селений с кузнецами. Наибольшая насыщенность кузнецами падает на районы с высоким процентом домниц. В эту таблицу нужно внести поправку: у Кашина пропущен кузнец в Егорьевском-Радшинском погосте (См. НПК, т. III, стр. 587).

дальный двор имел чисто паразитическое отношение к деревенским домникам, отбирая лишь долю их выработки или дохода.

Большинство домниц находилось в индивидуальном владении, но есть указания и на совместное владение нескольких дворохозяев одной домницей.[125]

Сябринное, складское владение домницами встречается редко и в сопоставлении с обязательностью кооперации в солеваренном деле говорит о большей доступности варки железа для индивидуального крестьянского хозяйства.

Обособление промышленного района вызвало ряд изменений в деревенской экономике и за его пределами. Рассмотрим вопрос о снабжении домниц рудой. Для Вотской пятины основным местом добычи руды было течение реки Ковоши и Красные Горы, между тем как многие домницы, пользовавшиеся рудными местами именно здесь, отстояли от Красных Гор на 60—100 км.[126]

Владельцы домниц должны были или нанимать рудокопов и возчиков или же часть времени в году тратить на добычу и доставку руды. В писцовой книге Деревской пятины 1495 г. указано значительное количество «копачей», людей непашенных («а съ обжи дохода нѣт — пуста»), обложенных денежным оброком в 4 деньги с человека.

Копачи встречаются близ города Курь на Ловати и в северной

[125] «Домница вопчая» (НПК, т. III, стр. 912). В. Н. Кашин заметил, что в другом случае одна домница приходилась на два двора, из которых каждый платил оброк железом (всего 80 криц). Совершенно справедливо автор рассматривает это как указание на совместное владение домницей двумя крестьянскими дворами.

Значительно труднее согласиться с Кашиным в его определении положения домников. Там, где писцовая книга называет владельца двора «домником», он говорит, что «возможно считать этих домников работавшими в железоделательных селениях округа р а б о ч и м и» (стр. 45).

Приведенные им примеры случайны и делать на основании их выводы рискованно.

[126] Писцовые книги дают точные указания относительно мест добычи руды для каждой домницы и отмечают обычно арендную плату («брязгу»), платимую в казну великого князя по количеству печей в домнице. Более точно разработка руды не учитывалась. Подобная таксация рудных разработок может говорить о существовании у дворцовых приказчиков, устанавливавших нормы арендной платы, определенного взгляда на характер разработок: каждый владелец домницы возьмет руды н е б о л ь ш е, чем сможет переварить его печь. Может быть предложено и другое объяснение: запасы руды в земле дворцовых волостей были велики, руда имелась не только там, и приказчики боялись отпугнуть домников повышением брязги или установлением какой-либо новой формы учета (напр., по возам руды).

части Деревской пятины.[127] В некоторых поместьях количество копачей переходит за сотню. Всего их было около 700. По всей вероятности, в этих копачах нужно видеть крестьян, владевших дворами, но занимавшихся отхожим промыслом, связанным с «копанием». Этот термин употреблялся в двух случаях: для обозначения добычи руды («руду копать») или для обычных земляных работ, чаще всего связанных с какими-либо гидротехническими задачами (напр., Копаное озеро, р. Копаница).

К сожалению, у нас нет данных о месте работы копачей. Если бы удалось установить связь копачей с копаньем руды, мы получили бы интереснейший материал о воздействии возникшего промышленного района на соседние, поставлявшие ему рабочую силу.[128]

Существование развитого железоделательного промысла неизбежно должно было вызвать развитие угольного дела. К сожалению, наши источники очень скупы в отношении всех лесных промыслов. За исключением нескольких дегтярей,[129] упомянутых писцовыми книгами, мы остаемся в полном неведении относительно других промыслов, связанных с разработкой лесных богатств. «Акты Западной Руси» дают нам очень подробную номенклатуру этих промыслов:[130]

Будники (выделка поделочного леса)
Угольники
Поташники
Гонтари (выделка драни)
Клепачи (выделка клепки)
Попеляры (добыча золы)
Дегтяри
Дойлиды (плотники — выделка бревен, досок)

По всей вероятности, все эти промыслы, к которым нужно еще добавить смолокуров, существовали и в Северо-Восточной Руси, но наши сведения о них слишком скудны. Возможно, что эти сезонные промыслы, не отрывавшие крестьян от земледелия, не учитывались писцами.

[127] НПК, т. II, стр. 590—689; В. Н. К а ш и н. Ук. соч., стр. 52.

[128] Важной предпосылкой для этого утверждения является отсутствие домниц в районе обитания копачей.

[129] НПК, т. IV, стр. 91, 173; т. V, стр. 305.

[130] Ф. И. Л е о н т о в и ч. Сельские ремесленники в Литовско-Русском государстве. — «Варшавские университетские известия», 1898, т. II.

3. ВОТЧИННОЕ РЕМЕСЛО

Вотчинное хозяйство в XIII—XV вв. было разнородным и всеобъемлющим; пронизывая все стороны деревенской и городской жизни, оно неизбежно затрагивало и ремесло. Там, где вотчина была противопоставлена только деревне, где слабо был развит город, там концентрация на феодальном дворе запасов сырья и разнообразных ремесленников имела положительное значение, исчезавшее по мере развития товарных отношений.

В боярский двор или в монастырь в большом количестве поступало сырье, а также полуфабрикаты крестьянского домашнего производства, которые могли быть здесь переработаны. В составе натурального оброка мы встречаемся и с овчинами, и с крицами железа, и с холстом, и с горстями льна. Все это создавало как значительные торговые запасы, так и резервы сырья для работы вотчинных ремесленников.[131]

Оброк льном представляет для нас особый интерес в связи со слабым развитием ткачества в русских городах.

В XIV в. в монастырском хозяйстве, согласно известной грамоте Киприана Константиновскому монастырю под Владимиром, дело

[131] Специальных работ, посвященных вотчинному ремеслу, нет, но в ряде исследований о вотчинном хозяйстве есть разделы, освещающие деятельность ремесленников. См., напр.: Б. Д. Греков. Новгородский дом святой Софии, СПб., 1914; С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI вв. — Сб. Ключевского, М., 1909; Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России, М.— Л., 1934; А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь, 1927; С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., М. — Л., 1936; А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I — Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495—1505 гг., ч. 1, Киев, 1915; С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время, М., 1939.

Единственная работа, посвященная вотчинному ремеслу, построена на западнорусском материале: Ф. И. Леонтович. Сельские ремесленники в Литовско-Русском государстве. — «Варшавские университетские известия», 1898, т. II.

К сожалению, эта работа является обзорной, не достаточно глубокой по анализу явлений.

Вотчинное хозяйство XIII—XIV вв. — тема крайне слабо разработанная по состоянию источников. Исследования феодального хозяйства опираются преимущественно на материалы конца XV—XVII вв. В нашу задачу не входит подробное рассмотрение вопросов вотчинного режима.

с обработкой льна обстояло так: «...а ленъ дасть игуменъ въ села и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ».[132] Здесь неясен источник получения льна — оброк или «игуменов жеребей», вспахивавшийся крестьянами в счет барщины.

Легче предположить первое, так как в подобном перечне крестьянских барщинных повинностей нет ни одного упоминания о работах, связанных с подготовкой льна к прядению (теребление, мочка, сушка, трепание и др.).

Прясть лен и ткать или плести из пряжи в мужском монастыре было некому и этим объясняется сдача льна «в села». Данные писцовых книг и грамот рисуют нам пеструю картину форм обработки льна. С одной стороны, продолжает бытовать еще старый оброк готовыми изделиями, с которыми мы знакомы еще по грамоте Ростислава Мстиславича 1151 г. Готовые ткани (льняные и, может быть, шерстяные) подразумеваются под такой статьей оброка как «портъное» или «скатертное».[133]

Наряду с таким присвоением продуктов домашнего производства существовал оброк льном и пряжей, собиравшийся иногда специальными лицами — «льняниками».[134]

Под льном нужно, вероятно, понимать непряденый лен (т. е. именно такой, какой шел на экспорт). «Пряжа», «прядено», «пряжа усчинная» встречаются очень часто в перечислениях оброка. Лен измерялся горстями и коробьями, пряжа — пасмами.[135]

Пряжа не являлась экспортным товаром, и наличие пряжи в составе оброка может говорить об использовании ее в вотчинном хозяйстве для выделки тканей. Обращает на себя внимание то, что сборщиками льна иногда являются «истобники». Так, например, в Бежецкой пятине «в волости лен да белье [беленую пряжу] збирает на великую княгиню» Демидко истобник.

Термин «истобник» далеко не всегда обозначает слугу, занятого отоплением княжеских хором. По всей вероятности, он происходит от «истъба» — теплое, отапливаемое помещение (как «горничная» — от горницы, а «спальник» — от спальни). Причем истобники связаны именно с женской половиной дворца,[136] где они, очевидно, соответ-

[132] Уставная грамота 1391 г. — ААЭ, т. I, № 11, стр. 7.

[133] ААЭ, № 131, стр. 97; АЮБ, № 31, стр. 91; см. также: С. В. Бахрушин. Ук. соч., стр. 596. — Об оброке беленым полотном см. НПК, т. VI, стр. 31.

[134] «Владычный льняник» (НПК, т. VI, стр. 14).

[135] С обжи — $21\frac{1}{2}$ пасма больших (НПК, т. VI, стр. 29).

[136] Иначе трудно понять текст Воскресенской летописи 1447 г.: «а княже

ствовали спальникам. Итак, лен и пряжа поступали в распоряжение великой княгини. По всей вероятности, это было связано с наличием на женской половине двора специальных прялок и ткацких станов.

В технике прядения произошли серьезные изменения, прослеженные только в городе, где в XIV—XV вв. появилась самопрялка, о чем свидетельствует находка спицы в раскопках А. В. Арциховского в Новгороде.[137]

Итак, в отношении обработки льна мы твердо знаем о производстве тканей крестьянами и можем предполагать их производство в вотчине. Нередко, очевидно, трудом крестьян производились и плотничные работы, что избавляло феодала от необходимости прибегать к специалистам-плотникам.

Вотчинное хозяйство в отношении ремесла распадалось на два концентра: один — внешний, охватывающий ремесленников, разбросанных по деревням и погостам, принадлежавшим данному вотчиннику, а другой — внутренний, в который входили ремесленники, расположенные в непосредственной близости к усадьбе вотчинника.

Ремесленники первой группы связаны с вотчиной лишь оброком, в состав которого зачастую входила часть их продукции. С развитием внутреннего рынка и денежной ренты связь их с вотчиной именно как ремесленников, как мастеров, изготовляющих те или иные вещи, порывается, так как оброк вносится уже не топорами, косами и лемехами, а деньгами. Это вполне отвечает и той тенденции деревенского ремесла к выходу на более широкий рынок, которую рисуют нам документы XV в. Развиваясь в недрах вотчины, деревенское ремесло перерастало потребности вотчинного натурального хозяйства и становилось готовым к работе на рынок. Так возникало одно из интереснейших явлений в русской экономике XV—XVI вв.— рядки, эти, так сказать, «деревенские города».

Неукрепленный поселок, состоящий больше чем на половину из непашенных крестьян, занимающихся ремеслом, промыслом или торгом, — рядок становится экономическим центром небольшого района, возникшим без всякого участия вотчинника.[138]

Иванова намѣстника Василиа Чешиху, бежаща из града на кони, изымалъ истопничишко великие княгини, Ростопчею звали, и приведе его к воеводамъ».

[137] ГИМ, зал № 9.

[138] НПК, т. II, стр. 424; «Временник ОИ и ДР», т. XI, стр. 341; Б. Д. Греков. Очерки..., стр. 92—94.

Иногда ремесленно-торговый поселок развивался на старом городище, на погосте,[139] иногда возникал вне связи с предшествующим поселением. Из некоторых рядков развились современные нам города (напр., Боровичи). В погостах независимо от местонахождения владельческого двора всегда можно указать известное количество ремесленников и торговцев, группирующихся в этом небольшом местном центре.[140]

Погост Илеменской на Шелони.

Дворник Якимко — токарь (нетяглый) Двор Стехно да Лутко Двор Смешко—швец [141]	непашенные

Погост Березской на Ситне.

Двор Федко Алешков — дегтярь » Кипр — швец-портной	непашенные,
» Ивашко — сапожник » Ерех Васков — плотник » Дмитрок Сотона — швец-портной [142]	на денежном оброке

Погост Сабельской.

«На погосте жъ худые люди бес пашни на церковной жъ землѣ»; среди них — кузнец Олушко.[143]

Погост Голинской.

Среди тяглых упомянут плотник, непашенные люди — рыболовы и гончар.[144]

Подобную концентрацию ремесленников наблюдаем не только в погостах, но и в деревнях, напр., в дер. Коплицы (в Васильевском

---

[139] НПК, т. II, стр. 568.

[140] Слово «погост» употреблено здесь в смысле центра района, а не всего района.

[141] НПК, т. V, стр. 163.

[142] НПК, т. V, стр. 305.

[143] НПК, т. V, стр. 153.

[144] НПК, т. V, стр. 301.— Эти примеры можно умножить. См., напр., Бронницкий погост (НПК, т. II, стр. 444), Которский погост (НПК, т. IV, стр. 109), Опоцкий погост (НПК, т. IV, стр. 162), Добровский погост (НПК, т. V, стр. 180) и ряд др.

погосте): 2 двора пашенных, 5 дворов непашенных, из которых 2 принадлежат сапожнику и швецу.[145] Такая деревенька являлась уже зародышем рядка.

Все эти рядки, погосты, деревни с ремесленниками возникали на владельческих землях, но с собственно-вотчинным хозяйством они не были связаны ничем, кроме оброка. Никакой организующей роли вотчины мы здесь не видим, и их возникновение надо связывать с ростом производительных сил деревни вопреки наличию вотчины и ее аппарата.[146]

На другом полюсе вотчинного комплекса, при дворе господаря вотчины, также складывались ремесленные группы, порой очень значительные.

Слабость и неорганизованность внутренней торговли, пути которой были во многих местах перерезаны феодальными (а следовательно, и таможенными) границами, неустойчивость каждого отдельного боярского двора в эпоху постоянных усобиц — все это заставляло придерживаться старого принципа: «omnia domi nascuntur». Усадьба князя или монастырский двор, действительно, располагали целым штатом разнообразных ремесленников. Очень яркую картину богатого феодального замка со множеством мастеров и слуг рисует духовная грамота двоюродного брата Ивана III князя Ивана Юрьевича Патрикеева, написанная в конце XV в. Хозяйство Ивана Юрьевича складывалось по крайней мере с 1437 г., когда он стал наместником московским. Своей жене Евдокии, сыну Ивану и сыну Василию (будущему вождю нестяжателей) князь Иван передал 126 ч. челяди (не считая 30 человек, отпущенных на волю). Духовная грамота упоминает следующие профессии:

Псари	Конюхи	Повара
Стрелки	Рыболовы	Хлебники
Трубники	Бронники	Мельники
Утятники	Портные мастера	Дьяк
Сокольники	Серебряные мастера	Истобники
Садовники	Плошники (?)	Ключники[147]
Огородники	Скорняки	

[145] НПК, т. V, стр. 293.

[146] С. А. Тараканова (Ук. соч., стр. 65) считает, что процесс выделения ремесла из сельского хозяйства проходил интенсивнее в пределах крупных вотчин. Это может объясняться большей экономической устойчивостью крупной вотчины, но данных о воздействии вотчинника на выделение ремесленников у нас нет.

[147] СГГ и Д, ч. 1, № 130, стр. 337.

Дворовая челядь Патрикеева распадается на четыре разряда: вотчинная администрация, слуги, связанные с охотой, слуги, готовящие пищу, и ремесленники. Состав последних достаточно разнообразен. Здесь и мастера, изготавливающие одежды (портные, скорняки), и плотники, и оружейники, и даже ювелиры. Этому же князю принадлежала ремесленная слобода в Москве: «Да мои же мѣста Заяузьская слободка съ монастыремъ съ Кузьмодемьяном», где проживали кузнецы, от которых и церковь Кузьмы и Демьяна носила название «что в Старых Кузнецах».[148]

Монастырское хозяйство также знало вотчинных ремесленников, работавших или в самом монастыре или в слободах, непосредственно примыкавших к нему. В каждом монастыре существовала «Кузнечья башня», в которой (или близ которой) располагалась монастырская кузня. Известны и кузнецы в составе монастырских мастеров.[149]

Помимо прямых упоминаний ремесленников в монастырских актах, мы должны еще учесть наличие разнообразных мастеров в составе монастырской братии. В женских монастырях монахини и послушницы занимались различными рукоделиями, цветным шитьем и т. п.

В мужских монастырях часть монахов владела ремеслами и прикладным искусством. Переписывание книг, живопись, ювелирная работа — вот те виды производственной деятельности монахов, которые чаще всего встречаются.[150]

В монашеских житиях очень часты указания на различные черные работы, выполнявшиеся монахами. Эти указания нельзя, разумеется, понимать слишком расширительно. Феодальный монастырь во всем, начиная с внешности, очень мало отличался от княжеского или боярского двора: «...Во иноческом образе строим каменные ог-

[148] Р у д н е в. Московская Космодамианская, что в старой Кузнецкой церкви, М., 1872, стр. 7, 9. — Для начала XVI в. мы располагаем еще одним перечислением ремесленников-холопов в боярской вотчине. Духовная грамота боярина П. М. Плещеева до 1510 г. знает повара, казанников (котельников), сагайдачника, плотника, хлебника, чеботника. — С. А. Ш у м а к о в. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 4, М., 1917, стр. 309—311.

[149] АЮ, т. I, стр. 120 (Кузнец Михаил известен по актам 1428—1434 гг.).

[150] Как на пример, можно указать на монаха Сергиева монастыря Амвросия, прекрасного золотых дел мастера, создавшего целую школу ювелиров. Единственная подписанная его вещь — это сканный складень: «В лѣто 6964 сія ікона дѣлана въ Сргееве монастырѣ при благовѣрном великом князі Васил Васильевиче повелѣніемь ігумена Васіана Сергеева монастырѣ рукою інока Амброс...»— Ю. О л с у ф ь е в. Опись крестов Троице-Сергиевской лавры, 1921, стр. 135.

рады с палаты и позлащенные узоры с травами многоцветными: аки царские чертоги украшаем себе в келиях»...[151]

Монахи в монастыре резко делились на группы в зависимости от их общественного и имущественного положения до пострижения.

Монах, который имел собственные вотчины, который «...слуги и лошади держитъ собинные, и саадаки и сабли и ручницы возитъ съ собою»...,[152] ничем не отличался от боярина.

В постановлениях Стоглава разъясняется причина таких послаблений: «Да въ великихъ монастырехъ стригутся князи и бояре и приказные люди великіе... и даютъ бкупы великіе села и вотчины по душахъ своихъ... и тѣмъ... законовъ не полагати» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[153] С другой стороны, в монастырях были «такие монахи [из числа принятых без вклада за «богорад»], у которых «руци посиневшие и опухшие .. брашно же в них обретаемо — хлеб овсян невеян или класы ржаные толчены и таковая хлебы сухи без соли... о одежи же что и глаголати?— искропаны и вошми посыпаны»...[154]

Вспомним те суровые наказания, которым подвергались монахи-ремесленники за порчу иглы, усморезного ножа или шила по уставу Студитского монастыря.[155]

Такое резкое расслоение монастырей церковники пытались скрыть фразами об одинаковой дисциплине в монастыре для всех: «Вси единому игу послушания поклонены и единым ярмом повиновения затязаеми».[156]

И как бы в ответ на эту лицемерную фразу церковника-осифлянина, который «оболкся во одежду овчюю, а внутрь полна хищения и неправды», Иван Грозный восклицал: «Да како едино коли боярин [в монастыре] по старому же боярин, а холоп по старому же холоп!».[157]

Приведенные нами факты взяты из публицистической литературы XVI в., но и ранее, во второй половине XV в., в известном монастырском уставе Иосифа Волоцкого внутреннее деление монахов было проведено очень четко. Учреждено было три «устроения». Одни имели рубище и лапти, питались хлебом, солью и водой; другие могли есть варево, носили ряски, шубки, мантии, обувались в кожаные сапоги. Третье же устроение: «принимати вся обретающаяся на трапезе утешения».[158]

В составе меньшой братии монастырей были и ремесленники и многочисленные слуги, на которых лежали обязанности по содержанию поварен, квасных, сушил, солодил, рыбных ловель, мельниц и других разделов сложного монастырского хозяйства.[159]

Наряду с ремесленниками-монахами (определить которых нам помогает лишь какая-нибудь счастливая случайность, вроде записи Амвросия на своем изделии), в монастырях работали и ремесленники-холопы. Монастырский двор был широко связан и с ремесленниками, жившими за стенами монастыря. Формы этой связи очень характерны для феодального периода: во-первых, связь через заем, а, во-вторых, патронирование посадских ремесленников.[160]

Амвросий работал, очевидно, не только в 1456 г., но и ранее. Есть несколько изящных вещей, связываемых с его именем. В XVI в. в этом же монастыре упоминаются специальные мастера «крестечники». Это, очевидно, ювелиры, делавшие кресты.

[151] Беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев. — ЛЗАК, СПб., 1895, вып. X, стр. 8.

Для более раннего времени хорошую характеристику монастыря дает сказание о Луке Колоцком, основателе Колоцкого монастыря близ Можайска: «И постави дворъ себѣ, яко нѣкій князь, храмы свѣтлы и велицы, и слугъ много собра... и трапеза его много брашна имѣаше тучныхъ»... (Никоновская летопись 1413 г. — ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 222(.

[152] АИ, т. I, № 212,стр. 405 (Челобитная о своевольствах старца Александра)

[153] Стоглав, СПб., изд. Д. Е. Кожанчикова, 1863, гл. 52, стр. 177—178.

[154] Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении, Казань, 1863, стр. 898—899.

[155] Ф. Буслаев. Историческая христоматия, М., 1866. Устав Федора Студита в составе Кормчей 1280 г. — Этот устав, воспоминавшийся церковниками в моменты обострения антицерковных движений, был оживлен на русской почве в XIV в. в эпоху стригольников и еще раз в конце XV в. в связи с новой ересью.

[156] Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. — «Антирелигиозник», 1934, № 3—4.

[157] Там же.

[158] «Повесть о житии Иосифа», стр. 45 (ЧОИ и ДР за 1903 г., кн. 3, М., 1907). — Классовая дифференциация внутри монастыря прикрывалась лицемерными рассуждениями о том, что чем тяжелее «устроение», тем больший подвиг совершает монах, тем ближе он к «царству небесному».

[159] Положение меньшой братии, монахов, принятых в монастырь без вклада и потому определенных на черную работу, напоминает положение, существовавшее в цистерцианских монастырях Франции. Для сохранения видимости нестяжательства цистерцианцы отказались от серважа, но заставили зависимое от монастыря население — конверзов одеть монашескую рясу и попрежнему выполнять работы в поле и в мастерских. К прежним обязанностям прибавилось слушание мессы и подчинение монастырскому уставу. Положение конверзов очень близко к положению меньшой братии русских средневековых монастырей. — См.: Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI века. — «Антирелигиозник», 1934, № 3—4.

[160] В завещании симоновского старца Андриана (1460) указан ряд кабальных

Русские феодалы, так же как татары, понимали, что сила их войск в значительной мере зависит от наличия хороших мастеров в их вотчинах. Потому в договорах друг с другом они особо оговаривают положение мастеров, а во время войны стараются пленить именно ремесленников.

В 1315 г., когда обострились отношения между Новгородом и Михаилом Ярославичем Тверским, последний решил быстрым ударом избавиться от новгородского князя Афанасия Даниловича и, пригласив его с боярами к себе (очевидно, на границу тверских и новгородских волостей), «в ярость пріиде, и изыма всѣх и посла во Тверь». Вслед за этим последовало разорение Торжка, являвшегося базой князя Афанасия. «А кони ихъ и доспѣхи ихъ, и все оружіе ихъ и вся мастеры ихъ взя во Тверь, а Торжекъ разори» (разрядка наша. — *Б. Р.*)[161]

Последняя мера была применена для того, чтобы окончательно разоружить врага и лишить его возможности воспроизводства оружия.

В договорной грамоте Василия Темного с Василием Ярославичем Боровским (ок. 1451 г.) говорится: «А кого выму себѣ огородниковъ и мастеровъ, и мнѣ, Великому Князю, и моимъ дѣтемъ два жеребья, а тебе того — треть» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[162]

грамот на ремесленников: Семена Киверника, Осташа Топакова гончара, Сеньку Черного киверника. — АЮБ, т. I, стр. 554.

Подобное явление мы наблюдаем и в светских вотчинах (хотя они чаще давали обратную картину разорения князей). В духовной князя Кривоборского в качестве его должников упоминаются кузнец, огородник, мельник, котельник (1513). — Б. Н. Тихомиров. Ремесло в Московском государстве в XVI в.— ИАН ООН, 1933, № 2, стр. 120.

В дополнение к этому можно указать духовную И. М. Перепечи-Посульщикова (до 1500 г.); там упоминаются киверник и токарь. — Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. 1, СПб., 1895, стр. 3, 4.

Закладничество было очень распространенной формой взаимоотношений ремесленника и феодала. Примеры приведены в статье Л. В. Черепнина «Из истории древнерусских феодальных отношений в XIV—XVI вв.» — «Исторические записки», 1940, вып. 9, гл. VI — Закладничество ремесленных слобод, стр. 66. Здесь не только швецы-портные, которых мы уже видали в качестве захребетников, а различные специалисты: сапожники, гвоздочники, ложечники, укладники, ковшечники, являются клиентами монастыря.

В некоторых случаях договорные грамоты предусматривают отказ от закладников: «а гости и суконников и городских людей блюсти ны с единого, а в службу их не примати».

[161] Никоновская летопись 1315 г. — Князь Афанасий — брат Юрия и Ивана Калиты Московских.

[162] СГГ и Д, ч. 1, № 78, стр. 180.

Здесь речь идет, очевидно, о вновь приобретенных мастерах.

По отношению к прежнему составу вотчины охранялась незыблемость его: «...а которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотскому при моем отци, при Великом Князи, и тебѣ тѣхъ не пріимати» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[163]

Способы пополнения вотчинного хозяйства ремесленниками были различны. Кроме войны и прямого захвата, практиковался и выкуп пленных мастеров у татар.[164]

Положение ремесленников внутри вотчины, их права, форма эксплоатации, организация производства — все это нам почти неизвестно.[165] Технику вотчинного ремесла мы рассмотрим в связи с городским ремеслом. Можно думать, что большинство собственно-вотчинных ремесленников, работавших на владельческом дворе, было холопами вотчинника. В этом убеждает цитировавшаяся выше грамота князя И. Ю. Патрикеева. К концу изучаемого периода ремесленники-холопы перестают быть характерным явлением. Княжеское рабовладение во второй половине XV в. падает, как это выяснено исследователями истории вотчины.[166]

[163] Там же.

[164] Львовская летопись, стр. 300, 1472. — Митрополит Филипп выкупил кузнеца у татар и оставил его при церкви.

[165] Интересный сравнительный материал дает Западная Русь (см. Ф. И. Леонтович. Сельские ремесленники в Литовско-Русском государстве.) Там мы встречаемся и с различными ремесленниками в деревнях и с мастерами в замках. Так же, как и в Северо-Восточной Руси, здесь часты непашенные ремесленники («худым» людям здесь соответствуют «зубожаные», т.е. не имеющие земельного надела). Феодальные порядки выражались в том, что «ремеством на двор служат», «дарма на двор служат». При замках были ремесленники: тесли (столяры), ковали (кузнецы), слесари, колодеи (колесники, колники), бондари и ряд других.

В 1514 г. часть кузнецов с господарских дворов перевели на чинш. Этот же процесс перевода ремесленников на оброк мы наблюдаем и на Руси.

В Литовском княжестве пережиточно сохранялись нормы Русской Правды, определяющие различные штрафы за убийство вотчинных людей. Головщина (по Литовскому статуту 1529 г.) взималась так: путные люди, ремесленники, тиуны и др. урядники — 12 руб., бортники — 8 руб., тяглые мужики — 10 коп грошей, невольные паробки —5 коп грошей (Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 5).

Вполне возможно, что в Северо-Восточной Руси продолжала существовать аналогичная тарификация, говорящая о значении ремесленников для вотчины, но данных о ней у нас нет.

[166] Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России, М.— Л., 1934, стр. 89; С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство..., стр. 598.

Все чаще и чаще в духовных грамотах сталкиваемся мы с холопами, отпускаемыми на волю. Это, несомненно, стоит в связи с ростом производительных сил, сопровождавшимся рядом изменений в феодальном хозяйстве. Принцип «все рождается дома» уже устарел, на смену ему пришли отношения обмена, денежной ренты, свободного ремесла, связанного с рынком. В стройную хозяйственную систему новые принципы были облечены в Домострое, но начало они получили еще в середине XV в.[167]

Сами вотчины развивались крайне неравномерно. Монастыри, сочетавшие сельское хозяйство с разнородной промысловой торговлей и ростовщической деятельностью, оказались более устойчивы, а княжеские вотчины в системе складывающегося национального государства катастрофически разорялись. Духовные грамоты князей конца XV в. рисуют нам картину быстрого и неотвратимого разорения, от которого не могло спасти увеличение пошлин (напр., Андреем Васильевичем, братом Ивана III).[168]

Долги делались в Москве, в Можайске, в Дмитрове; князья занимали тысячами, сотнями рублей и не брезговали даже грошовыми займами в 5—6 рублей под залог семейных ценностей. Менялась даже самая формула грамот: сначала традиционная в русской дипломатике фраза «Кому ми что д а т и или у кого ми что взяти» (духовная Юрия Васильевича. Разрядка наша. — *Б. Р.*). Правда, взять ни у кого не пришлось. 30 лет спустя княжеская духовная грамота имела совсем безнадежное начало: «Паметь Князю Ивану Борисовичю, кому что дати, и у ково е с м и ч т о в з я л ъ» (разрядка наша. — *Б. Р.*). Нас сейчас особо интересует состав княжеских кредитов. Наряду с «брюхатыми сребролюбцами», вроде боярина И. В.

[167] «... Работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ і ины окупихъ из работы и на свободу попущахь... А нынѣ домочадцы наші всѣ свободны живутъ у нас по своей воли виделъ еси чадо мое многихъ пустошныхъ, сиротъ и работных и оубогихъ мужеска полу и женьска. И в новѣ городѣ и здѣ на Москве вскормихъ и вспоихъ до совершена возраста, изучихъ хто чево достоин грамотѣ и писати и пѣти иныхъ иконного писма инѣх книжного рукодѣлія овѣх серебреново мастерства, і иныхъ всякихъ многихъ рукодѣлей, а иныхъ всякими многими торговли изучих торговать, а мати твоя, многие дѣвицы и вдовы пустошные і убогие воспитала в добре наказаніи изучила рукодѣлию и всякому домашнему обиходу и надѣливъ за мужь давала...» — А. С. О р л о в. Домострой. — ЧОИ и ДР, 1908, кн. 2, стр. 66.

[168] СГГ и Д, ч. 1, № 96 — Духовная Юрия Васильевича 1472 г., стр. 230; № 112 — Духовная Андрея Васильевича 1481 г., стр. 270—272; № 132 — Духовная Ивана Борисовича Волоцкого 1504 г., стр. 341.

Ощеры,[169] и ростовщиками, вроде Вепря, Данила Бебеха, Бахтеяра Дубового Носа и других, мы встречаем здесь и ряд ремесленников.

Андрей Васильевич задолжал 51 рубль С е н к е б р о н н и к у, очевидно, за изготовление Сенькой оружия, так как заклад не упомянут.

Князь Иван Борисович Волоцкий (племянник Ивана III) оставил долгов на 500 рублей. Пятая часть его займов была сделана у различных мастеров: «Дати ми С е м е н у б р о н н и к у сорокъ рубловъ да четыре рубли»;[170] «Дати ми Ф и л и с е д е л н и к у десять рубловъ»; «Дати ми Л а г у т е к у з н е ц у педдесятъ рубловъ (разрядка наша. — *Б. Р.*)[171]

Для нас не так интересна крайняя запутанность денежных дел князей, тративших на представительство и делавших долги ради однорядок, булатных сабель, голубых меринов, как интересен несомненный рост и имущественного и правового положения городских ремесленников. Они не только освободились от вотчинной зависимости, но поднялись даже до того, что стали кредиторами братьев и племянников самого «государя всея Руси».

Вотчинное ремесло не отмерло, разумеется, и в XVI в., но значение его во многих местах сильно сократилось, о чем так красноречиво говорят памяти князей — «у кого есми что взял», напоминающие пушкинского «Скупого рыцаря».

В итоге нашего обзора деревенского и вотчинного ремесла могут быть сделаны следующие выводы:

1. Основные деревенские ремесла (кузнечное и гончарное) мало изменились по сравнению с домонгольским периодом.

2. Появились новые ремесла — портняжное, сапожное, плотничное и некоторые другие.

3. Литейное и ювелирное мастерство, которым ранее занимались кузнецы, в этот период в деревне затухает, так как деревня пользуется продукцией городских серебреников.

4. Ремесло все больше отрывается от земледелия, о чем можно судить по увеличению числа непашенных ремесленников.

5. Натуральный оброк, взимавшийся сельскохозяйственными про-

[169] Софийская II летопись 1480 г., стр. 224—280.— Ощера и другие названы богатыми и «брюхатыми сребролюбцами», так как отговаривали Ивана III от сопротивления нашествию хана Ахмата.

[170] Возможно, что это тот же Сенько Бронник, которому ранее задолжал дядя князя Ивана. За 23 года он из Сеньки мог превратиться в Семена.

[171] СГГ и Д, ч. 1, № 132, стр. 341.

дуктами и изделиями ремесленников, с середины XV в. переводится на денежный.

6. К концу изучаемого периода развитие производительных сил деревни приводит к возникновению ремесленно-торговых поселков (рядков), являющихся важным дополнением к существовавшим ранее городам.

7. Начиная с середины XIV в. развивается ряд крестьянских промыслов (железоделательный, солеваренный), требующих сложного оборудования и иногда кооперации нескольких участников.

8. Выделяются особые географические районы с преобладанием определенного промысла, работающего на широкий рынок иногда с привлечением наемной рабочей силы.

9. Появление промысловых районов вызвало, в свою очередь, появление к концу XV в. районов комплектования промысла рабочей силой из числа оброчных крестьян.

10. Вотчинное хозяйство светских и духовных феодалов использовало труд крестьян как в форме барщины, так и в форме оброка (присваивая продукцию домашнего производства), что заменяло в некоторых областях использование ремесленного труда.

11. Со второй половины XIV в. княжеские и монастырские вотчины вводят водяной двигатель для размола зерна и организуют ряд сложных промыслов (напр., солеварение).

12. Каждое вотчинное хозяйство обладало значительным штатом собственных ремесленников-холопов, что вызывалось общим натуральным характером русского хозяйства.

13. Во второй половине XV в. многие вотчинники переходят к новым формам хозяйства, вводя денежный оброк вместо натурального в деревне и переводя в разряд оброчных людей своих дворовых холопов. Этот процесс коснулся и ремесленников, которые по указанной причине превращались в посадских людей.

14. В развитии производительных сил русской деревни и вотчины наблюдаются два периода подъема: первый период падает на вторую половину XIV в., второй начинается с середины XV в.

Глава восьмая

ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО

О городском ремесле XIII—XV вв. у нас несколько больше данных, чем о деревенском, но все же наши материалы очень неполны. Переписей городов не было, летопись лишь изредка сообщает скудные сведения о ремесленниках, а материал частных актов не дает почти ничего для этой темы. По сравнению с городом XVI—XVII вв. город исследуемой эпохи чрезвычайно беден письменными источниками. Не удивительно, что работы, посвященные древнерусскому городу и городскому ремеслу, затрагивают почти исключительно позднейшую эпоху XVI—XVII вв., ограничиваясь беглыми замечаниями по интересующему нас времени.[1]

[1] С. М. Соловьев. Русская промышленность и торговля в XVI в. — «Современник», 1857, № 1—2; Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в., СПб., 1889. Солидная работа, основанная на материалах писцовых книг XVI в. Автор приводит свыше 200 специальностей городского населения XVI в.; Б. Н. Тихомиров. Ремесло в Московском государстве в XVI в. — ИАН ООН, 1933, № 2. — Интересная работа Тихомирова основана только на письменных источниках. Кроме нескольких мелких неточностей вроде толкования «портного» и Адама-суконника (стр. 97—98) эта статья содержит неверное толкование деревенского ремесла (стр. 98—102). Отсутствие источников до XV в. автор рассматривает как отсутствие самого ремесла.

О ремесле Новгорода Великого см.: А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. — «Новгородский исторический сборник», Новгород, 1939, вып. 6. — Для XVI в. автор указывает 239 ремесленных специалистов.

Вопросы техники и организации городского ремесла XIII—XV вв. лишь попутно затрагиваются в работах по прикладному искусству, в общих работах по истории городов или по истории этой эпохи в целом. Все эти случайные, разрозненные замечания ни в какой степени не покрывают потребности в изучении ремесла русского города до XVI в.

Археологические исследования древнерусских городов, начатые сравнительно недавно, в будущем, несомненно, дадут много интересных материалов по различным ремеслам.[1а]

1. КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО

Различные отрасли русского хозяйства требовали все большего и большего количества железных изделий; мелкие бытовые вещи, вроде замков, гвоздей, топоров, светцов и т. п., известные нам и в более раннее время, уже не удовлетворяли спрос. Для вновь возникавших промыслов нужны были значительные массы металла.

Появление водяных мельниц вызвало спрос на железные оси, веретена, подпятники, многочисленные крепления и оковки колес, шлюзов, лопастей.

Переход к глубокому бурению солеварных скважин потребовал огромных железных буравов, менявшихся в зависимости от проходимого грунта, сложной системы железных тяжей, множества труб и разных железных частей для воротов, блоков и т. п. Буровое и морское солеварение одинаково требовали массивных железных

[1а] До сих пор ни один русский город не изучен археологически в достаточной степени. Площадь, вскрытая раскопками, нигде не превышает $^1/_{1000}$ площади всего города; в большинстве случаев ограничиваются рекогносцировочными шурфами и небольшими раскопками.

Подробнее других городов исследован Новгород Великий. — См. А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. — «Сов. археол.», 1937, № 3. Раскопки 1932—1934 гг.; — Более интересные раскопки А. В. Арциховского в последующие годы, к сожалению, не опубликованы.

О раскопках Новгородского музея см. «Новгородский Исторический сборник», Новгород, 1939, № 6 и 1940, № 7.

Древняя Тверь частично была раскопана Н. П. Милоновым («Археологические разведки в Тверском кремле». — ПИДО, 1935, № 9—10). Исследованию Н. П. Милонова подверглись также Дмитров и Переяславль Рязанский: Н. П. Милонов. Дмитровское городище (Кремль города Дмитрова). — «Сов. археол.», 1937, № 6; Н. П. Милонов. Разведки 1929—1930 гг. в Переяславле Рязанском. — ПИДО, 1935, № 5—6. — К сожалению, вопросы датировки отдельных слоев недостаточно разработаны автором: несмотря на наличие в Дмитрове монет XV в., инвентарь, синхронный монетам, выделить трудно. См., напр., стр. 166.

цренов, которые в это время вытеснили небольшие котлы-салги, применявшиеся в XII в.

Развитие речного и морского судоходства ставило перед кузнецами задачу выковки цепей, якорей, заклепок.

На работе городских кузниц должно было отразиться и появление артиллерии в конце XIV в. Кованые железные пушки преобладали в течение целого столетия, лишь в конце XV в. уступив место медному литью. Городская торговля также предъявляла спрос на железные изделия (коромысла весов, гири, оковы бочки).

Возросшая потребность в металле неизбежно должна была привести к выделению доменного дела в особый промысел и к развитию кузнечного дела. Выше мы видели, что в XV в. уже существовали специальные железодобывающие районы, варившие железо не для местных кузнецов, а на рынок.

Потребителями железа доменных районов должны были быть ремесленники крупных городов (для Вотской пятины — ремесленники Новгорода или Пскова).

Время этого перелома в металлургии можно предположительно отнести к середине XIV в.; почти все приведенные выше примеры повышения спроса на железное снаряжение относятся именно к этому времени. Во всяком случае, в XV в., ко времени «старого письма», сырьевая база кузнечного ремесла имеет вполне развитой, сформировавшийся вид (непашенные домники, домницы с несколькими печами и др.). Для такого развития нужно было известное время. Кузнецы крупных городов перерабатывали за год тысячи пудов кричного железа, шедшего из районов доменного промысла. Судя по данным писцовых книг, мелкие города, вроде Копорья, Яма, Ивангорода, принимали меньшее участие в переработке этих масс металла.[2]

Несмотря на отсутствие прямых сведений о кузнецах в городах XIV—XV вв., мы из косвенных данных можем заключать о значи-

[2] Руса — НПК, т. V, стр. 207. — Васька Замочник; Иваногород — НПК, т. IV, стр. 36 — 3 кузнеца; Яма — НПК, т. III, стр. 379 — 3 кузнеца.

Интереснейшую работу по сравнению ремесла в Новгороде с ремеслом в некоторых мелких городах (Можайск, Серпухов. Коломна) провел А. В. Арциховский («Новгородские ремесла»). Для XVI в. Новгород резко выделялся среди других городов по количеству кузнецов вообще (112 ч.) и специализированных кузнецов (141 ч.)

Если абсолютные цифры нельзя механически переносить в XIV—XV вв., то общее соотношение крупных и мелких городов в эти века было, вероятно, близким к соотношению их в XVI в.

тельном количестве их. Говоря о пожарах в городах, летописцы часто связывают их с работой кузниц.[3]

Техника городского кузнечного дела нам почти неизвестна. При раскопках в Новгороде были найдены большие кузнечные клещи, предназначавшиеся для крупных поковок.[4]

При раскопках в Тверском кремле найдена чрезвычайно интересная вставка в наковальню.[5] Эта вставка, опускавшаяся в специальное гнездо, облегчала ковку тонких вещей сложного профиля. В более раннее время подобные вкладки неизвестны и наковальни не имели гнезд для них.

К концу изучаемого периода в технике расковки железа в листы произошли какие-то изменения, так как с этого времени кровельное железо начинает вытеснять медь и свинец, применявшиеся ранее в качестве кровельных материалов.

Под 1465 г. Псковская летопись сообщает: «Покрыша церковь святые Софии железом». Железо было, очевидно, еще новым материалом, так как в том же году патрональный храм Пскова — Троицу крыли старым способом «доскы», т. е. свинцовыми пластинками. Начиная с этого времени, железо в качестве кровельного материала применяется постоянно.[6]

Для получения листового железа была необходима массивная плоская наковальня в виде стола.

Ковка листового железа получает развитие с применением механического молота, приводимого в движение водой.[7]

---

[3] «Загорѣлося въ Кузнецкой улици от Климентія кузнеца от Сесторикова передъ заутренею и погорѣ все Полонище... и церквей погорѣ 12» (Псковская I летопись 1466 г.). Второй раз эта улица горела в 1539 г. Здесь указана целая Кузнецкая улица. Улицы и городские ворота с подобными названиями были почти в каждом городе.

Пожарная опасность заставляла иногда городские власти переселять кузнецов за пределы жилого города. Так, в Новгороде в 1503 г. «выслаша за город хлебников и колачников и кузнецов жити на поле» (Новгородская IV летопись, 1503).

[4] ГИМ, зал IX — раскопки А. В. Арциховского.

[5] Н. П. Милонов. Археологические разведки в Тверском кремле, стр. 149, рис. 4.

[6] Псковская I летопись 1465 г., 1466 г., Воскресенская летопись 1479 г. — Здесь речь идет об Успенском соборе в Москве, но кровельными мастерами были новгородцы.

[7] Ю. М. Покровский. Очерки по истории металлургии, 1936, стр. 48. — Работа при помощи хвостового молота, зацепляемого кулаками мельничного колеса, в три раза ускоряет процесс ковки. Особенно важно применение

Особый интерес представляет вопрос о степени специализации кузнечного дела. Такого полного списка специализированных кузнецов, какой нам дают переписные книги XVI в., для более раннего времени нет.[8]

Но отдельные, случайные упоминания ремесленников в летописи дают нам порой такую узкую кузнечную специальность, что ее существование можно мыслить только в системе развитого, расщепленного на ряд специальностей, ремесла. В XIII в. в Новгороде упоминаются: кузнец, щитники, серебреники, котельник, гвоздочник.[9] К гвоздочникам, щитникам XIII в. можно прибавить пищальников, киверников, ковшечников,[10] упоминаемых в документах XV в. в небольших городах.

Необходимо пополнить этот список и бронниками, так как целые поселки с этим названием существовали близ Новгорода и близ Москвы. Бронницы на Мсте впервые упоминаются под 1269 г., а в XV в. там было много непашенных людей.[11]

Состояние наших источников таково, что бесполезно даже суммировать приводимые выше отрывочные сведения о ремесленниках,

---

тяжелого механического молота для больших поковок. В Западной Европе такие молоты появляются в XIV в., когда мельничное колесо стало применяться для целого ряда работ. Все плющильные возможности и скорость (до 120 ударов в минуту) механического молота, несомненно, способствовали распространению листового кованого железа, вытеснявшего более дорогие свинец и медь.

В Москве листовое кровельное железо называлось «немецким» (Воскресенская летопись 1479 г.); во Пскове нет никаких указаний на иноземное происхождение железа. Вполне возможно, что в XV в. в северо-западных русских городах появилось самостоятельное массовое производство листового железа

[8] А. В. Арциховский. Новгородские ремесла, стр. 9—10: ножевники — 38 ч., железники — 31, гвоздочники — 21, замочники — 17, стрельники — 9, игольники — 7, секирники — 5, скобочники — 5, лемешники — 3, бронники — 2, сабельники — 2, подковщик — 1.

[9] Никоновская летопись 1262 г.; Новгородская летопись 1234, 1216 гг.— Монгольское нашествие для Новгорода не было таким важным хронологическим рубежом, что и позволяет брать данные за весь XIII в. в целом. Случайность упоминания профессий следует из того, что летописец перечисляет новгородских воинов, павших в той или иной битве.

[10] НПК, т. III, стр. 494 — пищальник в г. Копорье; АЮБ, т. I, стр. 554 — Завещание монаха Симонова монастыря ок. 1460 г. (2 киверника); Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. 1, СПб., 1875, стр. 3 (Духовная конца XV в. — Дорон Киверник); НПК, т. III, стр. 883 — ковшечник в г. Яма.

[11] Новгородская I летопись 1269 г.; НПК, т. II, стр. 442.

так как они не могут дать даже приближенной картины расчленения ремесла.

Не подлежит сомнению, что одними бронниками, щитниками и киверниками не исчерпывался список специальностей мастеров-оружейников. Должны были быть и мастера, изготовлявшие мечи, стрелы, топоры, шестоперы, копья и т. д. В это время производство каждого вида стального оружия было достаточно сложно и требовало большого профессионального опыта. Что русские ремесленники успешно справлялись со своей задачей, явствует из многочисленных побед русских войск над татарами, литовцами, немцами и другими врагами в XIV—XV вв.

Одним из немногих образцов мастерства русских оружейников, дошедших до нас, является рогатина тверского князя Бориса Александровича.[12] Она представляет собою великолепный образец охотничьего и боевого (для пешего боя) оружия. Рожон ее выкован из булатной стали, хорошо сохранившейся до сих пор, втулка оправлена позолоченным серебром, набитым на сталь.[13]

[12] Опись Московской Оружейной палаты, ч. IV, кн. 3, М., 1885, стр. 62—64; Н. К у т е п о в. Великокняжеская и царская охота на Руси, СПб., 1896, т. I, стр. 142 (лучший из изданных рисунков рогатины).

[13] Рогатина датируется временем княжения Бориса Александровича (1425—1461). Некоторые эпиграфические особенности надписи на втулке позволяют сузить эту дату.

Надпись имеет элементы вязи, которая получает свое развитие к середине XV в. (См. В. Н. Щ е п к и н. Учебник русской палеографии, М., 1918). Вещи середины XV в. (панагиар 1436 г., потир 1449 г., складень 1456 г. и др.) имеют лигатуры, количество и сложность которых возрастают на протяжении всего XV в. Начертания букв на рогатине близки к вещам 1430—1450-х годов, но эмбриональное состояние вязи позволяет склоняться к первому пределу, т. е. к 1430-м годам.

В 1430 г. князь Борис ездил на торжественную коронацию Витовта в Вильно, куда съезжались монархи чуть ли не всей Европы. Не для этой ли поездки была сделана столь пышная по своей орнаментике рогатина?

Тверская рогатина не одинока. Более скромный экземпляр, выполненный в той же технике, хранится в Киевском Гос. музее. Киевская рогатина близка к ней по размерам, форме, по серебряному рисунку. Различие заключается лишь в художественной разделке серебра.

Может быть с подобной рогатиной нужно связывать рогатину, хранившуюся около 1651 г. у князя Януша Радзивилла, вместе с другими редкостями («Rohatyna moskiewska zlotem nabijand»)? — Я. С м и р н о в. Князь Януш Радзивилл. — «Труды XIV Археол. съезда», 1910, т. II, стр. 348—349.

Очевидно, московский тип рогатин был вполне определенным и хорошо известным. Заметим кстати, что в сокровищнице Радзивиллов могла сохраниться и какая-нибудь тверская рогатина, так как дочь последнего Тверского князя,

Говоря о русских оружейниках XV в. никак нельзя пройти мимо интереснейших данных о них, имеющихся в переписке между Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем.

Ежегодно крымский хан и его вельможи просили панцыря у московского хана.[14] Такие упорные требования русского доспеха со стороны крымских феодалов, имевших в своем распоряжении множество привозных доспехов из Константинополя, Дамаска, Багдада, Милана, являлись лучшим аттестатом работе русских бронников и киверников.

Отметим попутно, что среди русских купцов, ведших в 1480-е годы торговлю с югом, чаще других встречаются торговцы оружием и металлическими изделиями: бронники, укладчики (от «уклад» — сталь), ножевники, сагайдачники, игольники.[15]

Для того чтобы русские купцы могли выступать на международном рынке в Крыму в качестве конкурентов дамасским и итальянским купцам, их товар — оружие — должно было давно стать образцо-

бежавшего в Литву, была замужем за одним из Радзивиллов (В. С. Б о р з а к о в с к и й. История Тверского княжества, СПб., 1876, стр. 204). Сохранность тверской княжеской рогатины в Москве может быть объяснена следующим местом, приведенным у Татищева (взяв Тверь, Иван III решил посчитаться и с матерью бежавшего Михаила Борисовича, женой владетеля рогатины Бориса Александровича): «Повелѣ же и Княгиню Тверскую, матерь Княже Михаилову, поимати про то, что пыталъ у нее отсаженія и каменія драгаго, и она рекла: «Сынъ мой все увезъ съ собою в Литву». А потомъ служащіи ей жонки сказаша, что хочетъ сынови послати. И найдоша у нея отсаженія и каменія драгаго, золота и сребра много...» (В. Н. Т а т и щ е в. История России, т. V, стр. 91, 92).

[14] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской Ордою, СПб., 1884.

1491 г. Письмо Менгли-Гирея: «Да пожаловалъ князъ велики, прислалъ третьего году пансырь; и язъ ходилъ на недруговъ, да пансырь утерялъ; и онъ бы пожаловалъ пансырь прислалъ» (стр. 122).

Наивная хитрость («утеря» пансыря) прикрывала настоятельное требование доспеха. Иногда в Москву посылались знатоки доспеха для отбора подарков в Крым.

1492 г. «Нынѣчя паробокъ мой Касымъ пансырь велми знаетъ, которой онъ похвалитъ пансырь, ко мне бы еси, брату своему, прислалъ» (стр. 169).

1493 г. «Сего году ординскихъ Татаръ кони потоптали есмя, мелкой доспѣхъ истеряли есмя. У тебя, у брата своего мелкого доспѣху просити послалъ есми» (стр. 178).

[15] Памятники дипломатических сношений Московского госуд. с Польско-Литовским, т. I, СПб., 1882, стр. 27 — Ондрюшко бронник, стр. 29 — Борис укладник, стр. 31— Митя ножевник, стр. 28 — Зиновий сагайдачник, стр. 28— Сафоник Левонтьев сын игольник.

вым и первоклассным. Наличие специальных экспортеров оружия говорит о значительном развитии оружейного дела в русских городах XV в.

Не нужно думать, что экспорт ремесленных изделий из Руси — явление, присущее только концу XV в. Западноевропейские материалы случайно сохранили нам интереснейшие сведения о вывозе русских замков в Чехию. В инвентаре Берневновского монастыря, датируемом 1390—1394 гг., среди различного движимого имущества описаны «три железные замка, в просторечии называемые русскими» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[16]

Оба свидетельства относятся к одному и тому же времени — к концу XIV в. Как ни отрывочны и случайны эти показания, значение их для истории ремесла трудно переоценить.

Мы узнаём, что именно в то время, когда русское ремесло начинает возрождаться и расти, возобновляется русский экспорт в Центральную Европу.

2. ЛИТЕЙНОЕ ДЕЛО

Литейное или «котельное» дело XIII—XV вв. может быть изучено нами несколько лучше, чем кузнечное, так как сохранилось большее количество подлинных вещей и имеется несколько летописных указаний об отливке колоколов, пушек и других медных изделий.[17]

[16] А. Ясинский. Чешское свидетельство о русском металлическом производстве в XIV в. — «Сб. Учено-литературной общ. при Юрьевском университете», т. I, Юрьев, 1898, стр. 54—55. — Термин «русские замки» не был случайным, он держался очень прочно. Так, в 1460 г. вновь упоминаются русские замки в Чехии.

[17] Литература, посвященная исследованию меднолитейного дела, насчитывает несколько десятков названий и распадается на два раздела: описание крупного литья (пушек или колоколов) и мелкого культового литья (кресты, змеевики и т. п.). Техническая сторона не изучена и не обобщен материал разных производств. Артиллеристы изучали только литье пушек, не затрагивая соседнюю область — производство колоколов, которое в свою очередь изучалось изолированно.

О крупном литье см.: Н. Н. Мурзакевич. О пушечном литейном искусстве в России. — ЖМНП, 1838; Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог Артиллерийского музея, СПб., 1877; П. Сытин. Пушечный двор в XV—XVI вв. — «Московский краевед», 1929, № 2; А. П. Лебедянская. Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси. — Сб. исследований и материалов Артил. историч. музея, т. I, М. — Л., 1940; Н. Оловянишников. История колоколов и колокололитейное искусство, М., 1912; А. И. Семенов. Новгородские и псковские литейщики XVI—XVII вв. Сб. Новгородского общ. любителей древностей, вып. IX, Новгород, 1928.

Частично затрагивается литейное дело XV в. в работе В. А. Богусевича Литейный мастер Михаил Андреев. — «Новгородский исторический сборник», Л., 1937, вып. 2.

Выводы исследователя отличаются остроумием и бездоказательностью. Располагая только несколькими надписями на псковских колоколах, содержащих даты (1520—1551) и имена мастеров, Богусевич построил занимательную по своим подробностям картину: псковский поп Михаил Андреев оказывается внуком Аристотеля Фиораванти, приехавшим в возрасте 20—30 л. из Москвы во Псков в качестве известного мастера. «Здесь молодой Фиораванти сложил с себя сан и отдался уже целиком своей основной и более привычной для него профессии» (стр. 90). Исследователь точно знает, что у «потомка итальянских выходцев» характер был «предприимчивый и мятежный» (стр. 89). Во Пскове оказались и другие внуки Аристотеля — Тимофей Котельников, Онуфрий и дьяк Максим. Автору известны и правнуки итальянского зодчего: Матфейко и Куземка.

Все это нагромождение гипотез сопровождается категорическими утверждениями вроде: «нам представляется несомненным», «он был не кем иным» и т. д.

[18] Новгородская I летопись 1216 г.

[19] А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв., 1936, стр. 136: «А делал Федько пушечник».— Колокол отлит 10 октября 1487 г.

[20] В. Н. Перец. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья, 1933, стр. 33 и 9. — Крест 1636 г. «лил мастер Семен Исаев Колокольников».

[21] Никоновская летопись 1475 г.

Меднолитейное дело носило название котельного. Котельные слободы в городах нередко располагались рядом с кузнечными, что, вероятно, также вызывалось условиями огнеопасности котельного ремесла. «Онтон Котельник» упоминается в летописи под 1216 г.[18] Этот термин в качестве обозначения литейщиков вообще держится вплоть до XVII в. Но наряду с этим общим понятием довольно рано появляются особые термины для более узких специальностей: «колокольники» и «пушечники».

Изредка эти понятия смешивались: пушечники лили колокола, колокольники лили мелкие поделки. В монастыре Пафнутия Боровского есть колокол, отлитый Федькой пушечником в 1487 г.[19] Известен крест, изготовленный колокольником.[20]

Знаменитый Аристотель Фиораванти характеризуется как «пушечникъ нарочитъ лити ихъ и бити ими; и колоколы и иное все лити хитръ велми».[21]

Подобное смешение функций, обусловленное однородностью тех-

нических приемов, не опровергает существования более узкой специализации в меднолитейном ремесле.[22]

Древнейшим видом крупного литья было изготовление колоколов, известных еще со времен Киевской Руси.

В Северо-Восточной Руси долгое время с колоколами конкурировали «била», и первые летописные сведения о вновь слитых колоколах относятся только к XIV в.

Возможно, что и на этом сложном мастерстве, требовавшем большого опыта и знания различных производственных хитростей, отрицательно сказалось татарское нашествие. Древние колокола были небольших размеров и не требовали первоначально специальных каменных колоколен. Интересно совпадение во времени первых (после татар) упоминаний о литье колоколов с первыми упоминаниями о «колокольницах» — и те, и другие относятся к XIV в.[23]

Летопись говорит о литье колоколов в 1342 и 1346 гг. В 1342 г. новгородский архиепископ Василий «повелѣ слити колоколъ все дневный; а мастеръ былъ с Москвы именемъ Борисъ».[24] Четыре года спустя московский мастер с этим же именем изготовил пять колоколов в Москве: «Того же лѣта на Москвѣ... сліаша три колоколы болшихъ, а два меншихъ, и лилъ ихъ мастеръ Борисъ Римлянинъ».[25]

[22] Использованный нами выше сравнительный материал по Новгороду XVI в. дает следующие специальности: котельники — 35 ч., крестечники — 19, медники — 8, плавильщики — 3 (А. В. Арциховский. Новгородские ремесла, стр. 12—14). Сюда же, может быть, следует отнести пуговичников и колечников. Правда, пуговицы могли изготовляться из кости, а кольца из серебра и золота, не только из меди.

[23] Псковская I летопись 1394 г. «Кончаны быша перши у Крому... и колоколницю поставивше». В XV в. колокольницы и звонницы распространяются широко. — См. Игорь Грабарь. История русского искусства, вып. 2 (Звонницы и крыльца).

[24] Новгородская III летопись 1342 г.

[25] Никоновская летопись 1346 г.; Воскресенская летопись 1346 г.: «А лилъ мастеръ Бориско». В Воскресенской летописи не указано римское происхождение литейщика. Предположить итальянское происхождение мастера трудно, так как католический именослов не знает имени Бориса, канонизированного только восточной церковью. Остается допустить или то, что Борис был выходцем из Западной Руси (из сферы «римского», католического влияния) или то, что он ездил в «римские» страны, например, для обучения литейному делу.

В XIV в. и в западнорусских землях отливали колокола. Колокол 1320 г. известен из Белостоцкого уезда (А. С. Орлов. Библиография..., стр. 71). В 1341 г. во Львове слит был колокол с кирилловской надписью: «Мастер Яков Скора».

В 1403 г. «соліанъ бысть колоколъ во Тфери къ соборнѣй церкви... великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Тферскимъ».[26] С этого времени записи о колоколах и специальных сооружениях для них становятся обычными.

Древнейшим сохранившимся колоколом этой эпохи нужно считать колокол 1420 г. из Троице-Сергиевского монастыря.[27]

К массивному медному литью, может быть, нужно отнести и изготовление гирь, которые, очевидно, по внешнему сходству назывались колоколами.[28]

Во второй половине XV в. перед литейными мастерами, знавшими ранее лишь колокола, были поставлены новые задачи в связи с возраставшим спросом на артиллерию. Изготовление железных пушек сменяется литьем медных. Указать точную дату перехода к медному литью трудно. Обычно новую технику связывают с появлением в Москве Аристотеля Фиораванти в 1475 г., так как дошедшие до нас московские датированные экземпляры медных пушек относятся ко времени после этого года. Но необходимо обратить внимание на то, что одновременно с введением медных пушек на Западе (середина XV в.) тверские известия говорят об особом искусстве пушечного мастера. Придворный писатель тверского князя Бориса Александровича инок Фома в своем похвальном слове князю (ок. 1453 г.) говорит о мастере-пушечнике Микуле Кречетникове: «Таков бѣяше то и мастеръ, яко и среди нѣмец не обрѣсти такова».[29]

Если допустить изготовление им пушек старым способом ковки железных полос и колец, то становится несколько непонятным почти-

В 1379 г. был изготовлен колокол по заказу Ягайло (А. В. Орлов. Ук. соч., стр. 80).

[26] Никоновская летопись 1403 г.

[27] Арх. Леонид. Надписи Троице-Сергиевской лавры. — ЗОРСА, СПб., 1882, т. III, стр. 194. — На колоколе подробная летописная запись: «... свершися сей колоколъ в лѣта благочестивого и Великого Князя и архіепископа Фотія, митрополита Кіевскаго и всея Русіи ... в лѣто 6928, индиктэ 13, мѣсяца августа 15 ...» Странно, что Василий Дмитриевич здесь не упомянут, а Фотий назван князем и архиепископом.

Возможно, что в надписи были пропуски. Данный колокол был одним из четырех колоколов, называвшихся «четыре брата».

[28] ААЭ, т. I, № 16, стр. 12: «Соль вѣсити на скалкахъ тымъ же вѣсомъ, что воскъ вѣсятъ, тыми жь колоколы». Единство формы и термина не определяет еще, конечно, единство материала; весовые колокола могли быть и железными.

[29] Н. П. Лихачев. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче, СПб., 1908, стр. 46.

тельное удивление Фомы перед мастерством Микулы. И, наоборот, допущение нового метода, впервые примененного этим мастером, объясняет нам и ссылку на «немец», так как в Западной Европе медно-литые пушки только в это время и появляются. Трудности крупного литья были значительно больше, чем ковки; этим и объясняется то внимание, какое проявляют летописцы к отливке почти каждого крупного предмета.

Впервые Микула Кречетников со своей артиллерией упоминается в 1446 г.[30]

В XV в. Тверское княжество было одним из передовых и наиболее связанных с Западом. Вполне вероятно, что западное техническое новшество прежде всего проникло именно в Тверь.

Во второй половине XV в. в Москве силами русских и итальянских мастеров создавался мощный артиллерийский парк, часть которого дошла до нас в подлинном виде и в чертежах. Особый интерес представляют пищали русского пушечника Якова, отлитые в 1483—1492 гг.[31] Первое русское орудие мастера Якова известно нам только по описям смоленского городового наряда XVII в.: «Пищаль мѣдная въ станку на колесахъ. Руского литья, длина два аршина полтретья вершка [ок. 158 см]. На ней подпись Рускимъ писмом: «по велѣнію благовѣрного и христолюбивого великого князя Ивана Васильевича, господаря всеа Русіи, сдѣлана бысть сія пушка въ лѣто шесть тысячь, девять сотъ девяносто первого, месяца апрѣля, въ двадесятое лѣто господарства его; а дѣлал Яковъ. Весу 16 пуд». Дата ее—1483 г.[32]

Эта пушка, по длине незначительно превышающая своих современниц (от 1 ар. 10 в. до 1 ар. 15 в.), сильно превосходит их по весу. Все орудия XV в. и русских и итальянских литейщиков весят от 3 до 5 пудов, пушка же 1483 г. почти в 4 раза тяжелее их. Это можно объяснить только значительным различием в калибрах. Все остальные орудия XV в. названы (и в описях и в летописных литых надписях на стволах) пищалями; только это массивное орудие названо было пушкой. Вероятнее всего, что такое различие в названии соответствовало форме и назначению орудия.[33]

Мастеру Якову принадлежат еще пять орудий типа пищалей. Два из них датированы 1490 и 1492 гг.

В 1488 г. в Москве уже существовала пушечная изба, в которой Павел Деббосис лил пушки.[34]

От 90-х годов XV в. дошла пищаль учеников Якова — Вани и Васюка.[35]

В Государственном Историческом музее хранится медная литая пищаль того же типа, что и пищали Якова. Надписи на ней, к сожалению, нет, но по всей совокупности внешних признаков (гладкий ствол, отсутствие цапф, дельфинов, наличие валиков у казенной части и у дульного среза) и по своим размерам и весу она может быть датирована XV в.

Литье колоколов и пушек требовало сложного оборудования и больших знаний. Недаром правительство Ивана III старалось пополнить кадры русских литейщиков итальянскими мастерами. Данных о литейной технике у нас очень мало. Литейный процесс состоял из нескольких элементов: 1) изготовление модели, 2) составление сплава, 3) изготовление формы, 4) собственно литье, 5) окончательная отделка.

Литье массивных отливок может производиться по временным и постоянным моделям. При первом способе изготавливается восковая модель вещи; модель заливается глиной, воск вытапливается и на его место наливается расплавленный металл. Модель при этом способе служит лишь один раз. Литейная форма слишком непрочна, чтобы ее можно было использовать вторично (это возможно лишь для небольших изделий).

Основным условием перехода к массовому производству должно было быть упрощение изготовления модели или сохранение раз полученной формы. Жесткие постоянные формы для массивного фасонного литья — явление позднейшее. Для XV в. теоретически возможно

[30] Тверская летопись 1446 г.; А. Н. Вершинский в статье «Возникновение феодальной Твери» (ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 123) придерживается того же взгляда на характер тверской артиллерии, но ничем его не аргументирует.

[31] Его нельзя смешивать с Яковом Фрязином, приехавшим в Москву в 1490 г. Оба мастера, русский и итальянец, четко различаются в надписях: одни надписи знают только Якова, а другие — Якова Фрязина. Кроме того, раннее из дошедших до нас орудий русского Якова сделано за 7 лет до приезда Якова Фрязина.

[32] Дополнения к Актам историч., т. V, № 51. — Опись 1667—1671 гг., стр. 304. — В работе А. П. Лебедянской приводятся чертежи XVIII в. «достопамятных» орудий XV в., хранившихся в 1757 г. в Оренбурге (стр. 63, 66).

[33] По современному артиллерийскому делению «пищаль», достигающая 21 калибра, соответствует орудию с настильной траекторией — пушке, а «пушка XV в. — орудию с навесной траекторией — гаубице или даже мортире. Орудие 1483 г. нужно считать вероятнее всего мортирой.

[34] «Того же лѣта, Августа в 12 день слилъ Павлинъ Фрязин Деббосисъ пушку велику». — Никоновская летопись 1488 г.

[35] «А делали Яковлевы ученики Ваня да Васюк». Датирована пищаль мартом 1491 г. — А. П. Лебедянская. Ук. соч., стр. 67.

допустить существование деревянных моделей колоколов и пушек, которые оттискивались в специальной формовочной земле, засыпанной в ящики-опоки. Симметричная форма изделий допускала применение опок.

При этом способе работа производится так: из твердых материалов изготавливается модель (из дерева, металла, глины с последующей просушкой и т. п.); в некоторых случаях моделью могла служить готовая вещь. Затем обе опоки заполняются специальной формовочной землей, после чего модель оттискивают в опоках, вынимают ее и в образовавшуюся пустоту льют через литник металл.

Современное литье знает разъемные модели, позволяющие точнее и быстрее формовать в опоках. Для образования канала ствола при любом способе литья применяются «шишки», «сердечники» из несгораемого материала, которые укрепляются в пустоте, образованной моделью. Какой же из двух описанных способов литья практиковали русские литейщики XIV—XV вв.?

По самим изделиям не всегда возможно определить способ литья. На помощь нам приходят миниатюры русских рукописей XV в.,[36] изображающие процесс литья колоколов и пушек. Особенно важны изображения литья колокола в Твери в 1403 г. и литья колоссальной пушки султаном Магометом под стенами Царьграда в 1453 г. Никаких опок с формовочной землей здесь нет. Изображены, по всей вероятности, глиняные формы, подлежащие разлому по окончании литья. Контуры формы напоминают контуры самого предмета, но они грубее. Особенно интересен в этом отношении рисунок литья колоколов: внизу изображена форма, заливаемая металлом, лишенная какого бы то ни было орнамента. Наверху изображен уже отлитый колокол на звоннице; он меньше формы и на нем отчетливо видны два орнаментальных фриза (рис. 132).

Несомненно, подобное литье могло производиться только по восковой модели. В этом же убеждает и ознакомление с характером орнамента и надписей на колоколах и орудиях XV—XVI вв. Элементы и буквы налеплены на тело модели и дополнительно разделаны резцом. Профиль углублений говорит об обработке именно модели, а не формы.

Попробуем проследить процесс изготовления колоколов и пушек.

[36] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. — Благодаря любезности автора мы имели возможность воспользоваться этой работой в рукописи (стр. 117, 118). Одна миниатюра, изображающая отливку пушки в 1488 г., издана А. П. Лебедянской (Ук. соч., табл. II).

Рис. 132. Миниатюра. Литье колоколов

Модель готовилась, по всей вероятности, на глиняной болванке, соответствовавшей внутренней полости предмета. Для длинных пищалей в середину болванки мог вставляться для прочности твердый стержень. Болванка обмазывалась слоем воска той толщины, какую должен иметь готовый предмет. Далее следовала обработка поверхности воска, которую мы можем восстановить лишь гипотетически. И колокол и пушка представляют собою симметричные тела с параллельными рядами орнаментальных полос, гуртиков, жгутов. При взгляде на готовое изделие чувствуется, что оно — результат вращения, сформованное как на гончарном кругу. Допустить суще-

ствование таких гигантских кругов нельзя. Так как пушка в полтора-два метра высотой не может быть обработана в вертикальном положении: при малой площади сцепления с кругом неизбежны соскальзывания или же винтовые деформации восковой модели и искривления по вертикали.

Между тем, строгая параллельность всех линий и симметричность всех частей по отношению к центральной вертикали говорят о плавном движении образующей кривой. Ручная формовка исключена.

Можно допустить, что для формовки восковой модели применялось какое-то лекало, шаблон, при помощи которого обтачивался поверхностный слой воска. Лекало могло быть сделано из доски и должно было быть центрировано по отношению к общей массе изделия. Последнее достигалось вбиванием вертикального стержня в глиняную болванку. Лекало имело зарубки, которые на теле модели давали горизонтальные выпуклые линии, столь характерные и для пушек и для колоколов этой эпохи. Лекало упрощенного профиля могло применяться и для формовки глиняной болванки, так как правильность внутреннего сечения была для пушек еще важнее, чем сечения внешнего. Так как оба лекала центрировались на одном и том же стержне, то равномерность толщины восковых стенок модели была обеспечена.

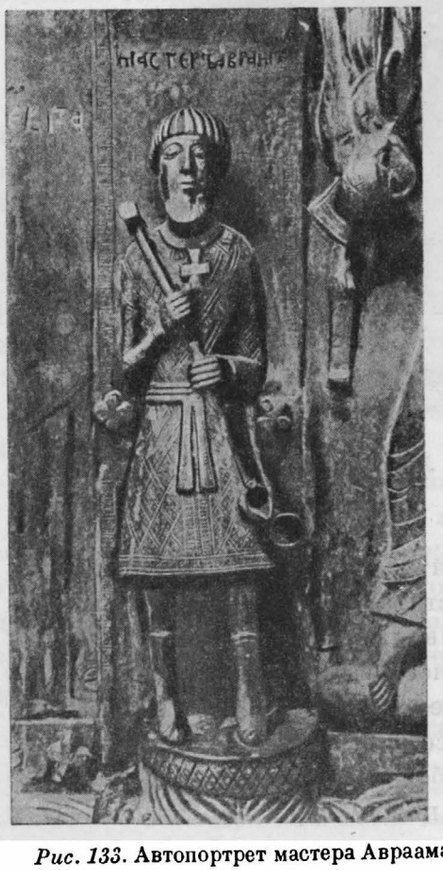


Рис. 133. Автопортрет мастера Авраама

Получив тело модели с гуртиками и бороздками, мастера налепляли более сложный орнамент, буквы, сделанные заранее. Надписи, очевидно, выглаживались сверху и выравнивались доской (?) в ровные строки. Наряду с налепными деталями, дававшими большой художественный эффект, изредка применялось процарапывание надписей и рисунков в глубь модели.

Закончив формовку модели,

литейщик заливал ее глиной. Глина для болванки и для внешней заливки должна была быть не слишком жирной, так как иначе она не давала бы выхода газам, вытесняемым металлом. Возможно, что в глиняной форме делался специальный «выпор» — каналец для выхода воздуха.

Форме давали обсохнуть и вытапливали воск. Затем мастер должен был заняться составлением сплава.

Для колоколов применялся специальный сплав, так называемая «колокольная медь», состоящая из меди и олова. К ней иногда добавляли для лучшего звона серебро. Металл плавился в особых плавильных печах, изображения которых нам дают те же миниатюры.[37]

Плавильня представляет собой сооружение на столбах с топкой внизу и с горном наверху. Расплавленный металл льется в форму по желобам. Иногда встречаются две плавильни, одновременно подающие металл в форму; это, может быть, объясняется потребностью в больших массах металла и недостаточной емкостью отдельной печи. Колокола и пушки лили в стоячем положении; этим достигалось более равномерное распределение металла. При литье было очень важно избежать угарания более легкоплавкого компонента сплава (олова, серебра), устранить примеси (напр., золу, которую подсыпают для избежания угара), следить за равномерными поступлениями металла в форму.

Очень важно было также устранить возможность пузырчатости и раковин в металле. Кроме того, нужно было следить за достаточно высокой температурой сплава, так как иначе мог получиться смазанный, недостаточно четкий рельеф поверхности.

Все это требовало не только участия целого коллектива рабочих, но и больших знаний и опыта у главного мастера-литейщика, руководившего всем сложным и опасным процессом литья. С литьем колоколов связаны различные поверья.

Так, например, считалось, что для удачной отливки перед литьем необходимо распустить по городу какой-либо ложный слух. Чем шире распространится молва, тем будто бы лучше будет звон будущего колокола. На многих колоколах дата указана с точностью до одного дня. Очевидно, между окончательной отделкой модели и отливкой проходило очень немного времени.

После получения отливки ее подвергали очистке, выглаживанию

---

[37] А. В. Арциховский. Ук. соч., рис. 19; А. П. Лебедянская. Ук. соч., табл. II.

и устранению дефектов литья. При значительных недостатках приходилось, вероятно, переливать изделие. Для холодной обработки применялись молотки, напильники. Литейщики на миниатюрах изображены с молотками.

Интереснейшим изображением древнерусского мастера литейщика является скульптурный портрет новгородского мастера, находящийся на так называемых «Корсунских» вратах Софийского собора (рис. 133).[38]

При сборке поврежденных и частично утраченных пластин немецкой работы XII в. новгородский мастер вставил во врата свой скульптурный автопортрет и снабдил его надписью: «мастер Аврам»;

Новгородец Авраам изображен с молотком, клещами и большой лычкой на длинной рукояти. Судя по надписи, автопортрет мастера относится ко второй половине XIV в.[39]

Важным разделом котельного дела являлось изготовление свинцовых и медных листов для кровель и дверей. Свинец издавна применялся в качестве кровельного материала, и летописи пестрят указаниями на свинцовые кровли и маковицы.[40] Только один раз летопись сообщает интересные подробности об отливке свинцовых досок во Пскове: «В лето 6928 [1420] Псковичи наяша мастеровъ Федора и дружину его побивати церковь святаа Троица свинцомъ, новыми досками, и не обрѣтоша Псковичи такова мастера въ Пскове, ни въ Новѣгородѣ, кому лити свинчатыи доски, а къ Немцомъ слаша въ Юрьевъ, и погані и не даша мастера; и приѣха мастеръ съ Москвы от Фотѣя митрополита и научи Федора мастера святыа Троици, а самъ отъѣха на Москву; и тако до году побита бысть церковъ святая Троица, месяца августа в 2, и даша мастеромъ 40 и 4 рубли».[41]

Трудно сказать, почему два таких крупных ремесленных центра как Псков и Новгород, оказались вдруг без мастера-литейщика. Во всяком случае, трудно считать это нормальным положением, так как техника покрытия кровель свинцом насчитывала к этому времени четырехсотлетний опыт.[42]

Применение медных листов для покрытия зданий также восходит к домонгольской эпохе. В большинстве случаев медь покрывалась позолотой.[43]

К свинцовым кровлям позолота не применялась; поэтому везде в источниках, где мы встречаем указания на позолоту, нужно предполагать наличие кровельной меди.

---

[38] А. И. Анисимов. Автопортрет русского скульптора Авраама. — ОАН ОГН, 1928, № 1; A. Goldschmidt. Die Bronzetüren von Nowgorod und Gnesen, Marburg, 1932. — Здесь указываются только работы, дающие хорошие воспроизведения мастера Авраама. Недавно предложено называть эти врата Магдебургскими («Новгородский исторический сборник», Новгород, 1939, вып. 6, статья В. А. Богусевича «Магдебургские врата XII в.»).

[39] Датировка этой интереснейшей скульптуры точно не установлена. А. И. Анисимов (Ук. соч.) относит одну из дополнительных пластин на вратах к XIV в., но мастера Авраама датирует домонгольским временем: «Будучи выразителем национально-русского понимания задач художественной передачи формы, воспитанного на родственном ему византийском искусстве, но выразителем еще в той стадии, которая не являлась окончательной, автопортрет Авраама с наибольшим вероятием может быть отнесен к концу периода, называемого нами, в пределах художественных явлений, домонгольским» (стр. 184).

Эта стилистическая и несколько запутанная по аргументации датировка находится в явном противоречии с палеографическим анализом надписи, которую Анисимов обошел при установлении даты. Надпись МАСТЕРЪ АВРАМЪ сделана уставом XIV в.

Акад. А. С. Орлов считает возможным уточнить эту дату — конец XIV в. («Библиография...», стр. 99).

Анисимова, очевидно, ввела в заблуждение умышленная архаизация фигуры, проведенная Авраамом для установления единства всех трех участников работы над вратами: Риквина, Вайзмута и его, Авраама. Предполагать, что надпись была сделана спустя полтора столетия после изготовления фигуры — невозможно. Остается датировать фигуру мастера Авраама тем же временем, что и прекрасного литого кентавра — XIV в.

[40] Напр.: «Покры владыка новгородскій Далматъ святую соборную церковь Софию свинцомъ» (Новгородская III летопись 1261 г.). «Поновлена бысть церковь каменная св. Георгіа въ монастырѣ новымъ свинцомъ» (Новгородская III летопись 1345 г.).

[41] Псковская II летопись 1420 г.

[42] Можно высказать следующее предположение, объясняющее столь странное отсутствие простой специальности литейщика. Именно в это время в Западной Европе вводится прокатка мягких металлов (цинка и свинца) через вальцы, поворачиваемые ручным воротом (см.: Ю. Покровский. Очерки по истории металлургии, стр. 50, рис. 14). Может быть, под «новыми досками» и надлежит понимать свинцовые пластины, изготовленные новым способом? Заготовки для досок должны были отливаться, а затем раскатывались в тонкие листы уже на вальцах. При этом достигались уплотнение металла и большая равномерность толщины листа, а вместе с тем и экономия свинца. Без металлографического анализа остатков свинцовой кровли настаивать на этом предположении нельзя. Кроме свинца иногда применялось олово. — Новгородская IV летопись 1280 г. о гор. Владимире.

[43] Интересен фрагмент красно-медного кровельного листа с густой позолотой и с записью 1340 г.: «В лѣ 6848 мсця июля в 13 на память стго апсла Акулы громъ быс и земля потрясеся». Этот лист извлечен из Успенского собора во Владимире. — Н. П. Лихачев. Владимирская эпиграфическая запись XIV в. — ИОРЯС, 1901, т. VI, кн. 3, табл. II, стр. 294.

В 1408 г. в Новгороде «поби владыка Иоаннъ св. Софию с в и н ц е м ъ (разрядка наша. — *Б. Р.*), а маковицу большую златоврѣхую устрои».[44] Здесь свинцовая кровля прямо противополагается златоверхой.

Медные листы сохранились до нашего времени в ряде церковных дверей, изготовленных в XIII—XV вв. Часть их относится к домонгольскому времени, а часть совершенно в той же технике выполнена в XIV—XV вв. [45]

Большой интерес представляют медные двери, оказавшиеся в Троицком соборе Александровой слободы, получившие в литературе название «тверских» врат.

Двери сделаны из 8 медных пластин, объединенных двумя окованными медью рамами. Размеры пластин 56 × 35 см. Для выковки таких листов меди должна была существовать специальная широкая наковальня в виде стола и особый молот-гладилка с широкой рабочей частью. Для медных листов прокатка не применялась ввиду большего коэффициента сопротивления меди по сравнению со свинцом.[46]

Можно допустить, что выковкой медных листов занимались особые мастера, отделившиеся от литейщиков, так как это производство требовало много специального оборудования.

---

[44] Новгородская I летопись 1408 г.

[45] Подробнее об этих вратах мы будем говорить в разделе ювелирного дела, так как большинство их связано со своеобразной техникой золочения.

[46] Медные врата из Александрова представляют собой незаконченное изделие: из всех восьми пластин только на одной выполнено глубокой гравировкой изображение. Характер гравировки говорит о том, что в дальнейшем предполагалось инкрустировать медь золотой проволокой, для которой и были подготовлены глубокие борозды.

По всей вероятности, подобной инкрустацией должны были быть украшены все листы, но мастер остановился в самом начале процесса орнаментации врат.

А. И. Некрасов в статье «„Тверские" врата Александровской слободы» (ТСА РАНИОН, 1926, т. I, М.) датирует эти врата второй четвертью XV в. и считает возможным связывать их не с Тверью, а с Москвой. Эти выводы вполне приемлемы, но в сближении некоторых дефектов врат с историческими событиями автор увлекся слишком смелым построением: «... гораздо интереснее изъяны (дырки, лопнувшая доска) на левой стороне врат на высоте пояса взрослого человека, носящие явный признак того, что в церковь ломились, однако не желая доводить двери до полного разрушения... Возможно, что порча относится к смутным временам до Грозного. Не эпоха ли это усобиц Юрия Звенигородского и Дмитрия Шемяки?» (стр. 77).

С этими же усобицами он связывает и незаконченность оформления врат.

Рис. 134. Художественное литье по готовым домонгольским образцам

Художественное литье

Особым разделом литейного дела было литье различных бытовых и культовых предметов с орнаментом и скульптурными изображениями.

С литьем массивных предметов это мелкое литье роднит лишь техника обращения с металлом. Работа же моделиста, мастера, изготавливавшего оригинал, по которому должна была производиться отливка, здесь была совершенно иной и требовала не технических навыков, а художественных способностей.

Если при изготовлении колоколов и пушек внимание было сосредоточено на процессе литья, то в работе «кузнецов меди» важнее всего было изготовление модели, а литье мелких крестов, образков, застежек для книг и украшений не представляло никакой трудности.[47]

---

[47] Русское литье XIII—XV вв. во всем своем объеме никогда не изучалось. Единственная работа, претендующая по своему названию на значение обобщающего обзора, на самом деле посвящена очень узкому разделу литья — медным крестам: В. Н. П е р е ц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья, изд. ГАИМК, 1933. — Работа интересна своею библиографической частью, которая почти исчерпывает сведения о медных крестах X—XVII вв. В позитивной части автор остановился на некоторых общих принципах датировки, подкрепленных отдельными, случайными примерами. Устой-

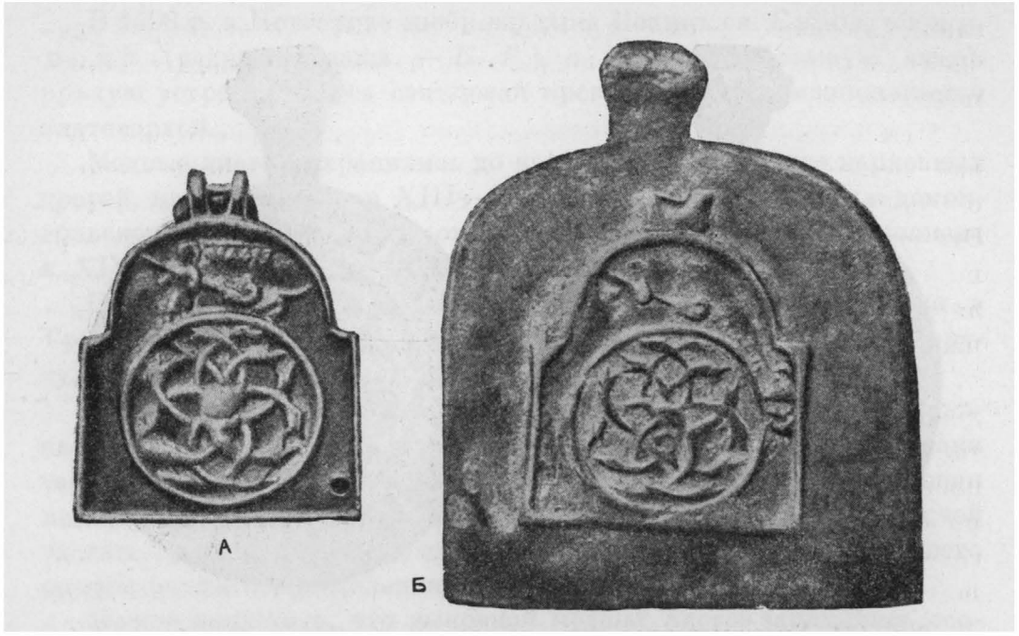


Рис. 135. Змеевик и иконка с оттиснутым старым змеевиком

В изучаемое время особое значение приобретает изготовление отливок не по новым моделям, а по оттискам готовых вещей. Это определяется по смещенным буквам, заплывшему рельефу и по необычайной живучести некоторых сюжетов и определенных форм.

Северо-Восточная Русь XIII—XIV вв. получила в наследство от домонгольского периода большое количество выработанных форм мелкого культового литья. Энколпионы и змеевики начала XIII в. служили штампами для изготовления новых форм для новых отливок. Готовое изделие, иногда уже сильно истертое, оттискивалось в

чивой датировочной шкалы автор не дал. В ряде случаев у него дается ошибочное определение, напр., стр. 44—45, где появление круглых клейм на крестах он относит к XV—XVI вв., тогда как они появились еще в XII—XIII вв. Обширную литературу имеют змеевики, которыми интересовались как со стороны сюжетов, стиля, так и со стороны техники. — См. А. С. О р л о в. Амулеты-змеевики Исторического музея (Отчет ГИМ за 1916—1925 гг., М., 1926); В. Л е с ю ч е в с к и й. Некоторые змеевики в собрании Художественного отдела Гос. Русского музея. — «Материалы по русскому искусству», т. I, Л., 1928.

Литым иконкам и крестам посвящена заметка Н. Ф. Р о м а н ч е н к о. «Образцы старицкого медного литья» (Т а м ж е). К сожалению, автор, в распоряжении которого был материал, точно датированный 1394—1486 гг. по находкам тверских городских и кашинских монет, не разбил его по погребениям и тем лишил нас возможности определить точнее дату каждой литой вещи.

глине, служившей формой для отливки (рис. 134).[48] В некоторых случаях, когда оттиск получался слишком смазанным, глиняную форму подправляли.

При подобном способе изготовления нередко происходила новая компановка сюжетов; так, одна створка энколпиона бралась с одного образца, оборотная же сторона — с совершенно иного. Эту «вторую жизнь» медного литья мы можем проследить, например, по известным уже нам энколпионам начала XIII в., которые делались в Киеве, а затем, вместе со своими владельцами, уведенными в плен Батыем, оказались на Северном Кавказе и в Поволжье.[49]

Часть этих энколпионов, несомненно, уцелела у русского населения и послужила образцами для механического размножения этого типа. Примером соединения двух разных створок является энколпион из собрания Уварова.[50] Его лицевая сторона дает знакомый нам по киевским экземплярам рисунок с обратной надписью, а обратная содержит очень близкую композицию, но другого, сильно огрубленного рисунка, лишь в общих чертах напоминающего киевское изделие. На других экземплярах того же типа мы можем шаг за шагом проследить, как постепенно утрачивалась первоначальная форма киевского образца, как позднейшие мастера подправляли неизбежно разрушавшийся рельеф.

На позднейших отливках (не в первоначальной каменной форме, а в глиняных отпечатках) очень часты раковины, щербины, смазанность букв, исчезновение тонких линий и слияние отдельных деталей в сплошные выпуклые бугры.

Обратная надпись, вырезанная киевскими мастерами очень тонко, скоро стала настолько неразборчивой, что перестала восприниматься мастерами XIII—XIV вв.

Раньше всего утратила ясность трехстрочная надпись вокруг рас-

---

[48] Образцом такой позднейшей отливки раннего энколпиона может служить энколпион № 262 коллекции Б. И. и В. И. Ханенко («Русские древности. Кресты и образки», Киев, 1900, табл. XXII).

Потертый старый крест был оттиснут в слишком жирной глине, возможно плохо просушенной, так как на поверхности отливки видно множество пузырьков, образовавшихся или от водяных паров или от воздуха. См. также змеевики в каталоге собрания древностей А. С. Уварова на стр. 100, рис. 80.

[49] См. выше, в разделе «Влияние татарского нашествия», энколпионы с обратной надписью: «СТАЯ БОБОБЦЕ ПОМАГАИ».

[50] Каталог собрания древностей А.С. Уварова, отд. VIII, XI, М., 1908, рис. 166 и 167 на стр. 187—188. — В коллекции Уварова было 9 створок от нескольких энколпионов.

пятия (текст похвалы кресту). Тогда мастер XIV в. уничтожил ее на глиняной форме и вырезал только 4 буквы ІС ХС.[51]

Вскоре и вторая створка потребовала подновления: вместо колончатой надписи СТАЯ БОБОБЦЕ ПОМАГАИ и двух надписей к боковым клеймам КОЗМА И ДАМИЯ появились отливки, у которых часть этих надписей была уничтожена и заменена новыми МИХАЛЪ и ГАВРИЛЪ. От воззвания к богородице уцелели только отдельные буквы, расположенные на самом верхнем поле: ...ОБОБ...

Скульптурная часть киевского энколпиона не подвергалась обработке; от многих переливок рельеф центральных фигур и клейм получил крайне грубый рисунок.[52]

Во всех случаях мы видим, что мастера-литейщики XIII—XIV вв. освободили себя от изготовления наиболее сложной скульптурной части креста-энколпиона и пользовались старыми домонгольскими крестами в качестве штампов. Изменению подвергались лишь надписи, скоро ставшие непонятными. Только этим и можно объяснить, что Кузьма и Демьян XIII в. были заменены Михаилом и Гавриилом в XIII—XIV вв. Замена производилась путем подчистки глиняной формы, на которой выцарапывались новые надписи, на этот раз уже не обратные, а прямые.[53] Приведенный нами пример использования старых изделий литейщиками не единичен. Можно указать еще бо-

[51] Энколпион хранится в Казанском музее. Фотографии всех крестов этого типа любезно предоставлены в мое распоряжение А. П. Смирновым.

[52] Коллекции ГИМ, инв. № М. 5859; Коллекции Казанского музея. Начертания букв в обоих случаях говорят за XIV в.

Происхождение экземпляра ГИМ неизвестно. Поэтому трудно решать вопрос о том, где киевские складни начали свою вторую жизнь — в Поволжье ли, в среде русских пленных, или в русских землях. Второе предположение представляется более вероятным; естественнее допускать эволюцию типа там, где он мог широко бытовать. Наличие же измененных экземпляров XIV в. в Поволжье можно объяснить последующими набегами татар.

[53] Ввиду того, что нам приходится в третий раз обращаться к этим энколпионам, обобщим полученные результаты анализа литья:

1) Энколпионы с надписью «стая бобобце помагаи» делались в Киеве в начале XIII в. Путем торговли они попадали в соседние города Среднего Приднепровья.

2) К моменту нашествия монголов эти энколпионы, отлитые в одной форме, широко бытовали в Киевщине; часть их найдена в комплексах, связанных с разгромом Киева Батыем. Находки энколпионов, отлитых в одной форме с киевскими, сделаны в местах кочевий татар в XIII в. — на Северном Кавказе, в Поволжье.

3) В XII в. уцелевшие киевские вещи служили штампами для изготовления новых отливок. В XIV в. мастера использовали в качестве штампа основу энколпиона и по своему домыслу исправляли стершиеся первоначальные надписи.

лее яркий пример штампования готовой вещью. В XIV—XV вв. появились (как дальнейшее развитие домонгольских змеевиков) иконки, на обороте которых в круге изображалась голова, опутанная змеями; вне круга помещалось изображение Федора Тирона, пронзающего змея копьем. Такие иконки сами по себе являлись уже сочетанием древнего, содержащего античные традиции змеевика с христианским змееборцем Федором.[54] Но есть литые иконки бо́льших размеров, чем упомянутые, на обороте которых отлита иконка с Федором и змеевиком; отлита так, что вышел не только самый сюжет, но и рамка иконки и даже сломанное ушко (рис. 135).[55]

Такой отпечаток мог получиться лишь в том случае, если мастер поленился изготовить специальную литейную форму для оборотной стороны большой иконки и поступил следующим образом: из глины им была сделана заготовка для литейной формы, по размерам точно соответствовавшая лицевой стороне. Затем в мягкой глине была оттиснута одна створка маленькой иконки (со змеевиком и Федором, пронзающим змея). Иногда оттиск делался небрежно, и иконка помещалась на глиняной форме эксцентрично, причем направление ее не совпадало с краями формы. Иконка-штамп была значительно меньше формы, и после оттиска на форме оставались широкие поля.[56]

Приведенные примеры говорят о том, что русские мастера нередко использовали старые изделия вместо того, чтобы изготавливать новые модели. Такое преклонение перед образцами, доставшимися в наследство от домонгольской Руси, и их механическое воспроизведение в XIII—XIV вв. может свидетельствовать о некотором упадке мастерства резьбы в первое время после нашествия монголов.

Но одним копированием старых форм русские литейщики, разумеется, не ограничивались: есть много оригинальных новых форм медного литья, возникших в XIV—XV вв. К их числу относится медный змеевик, подражающий киевским, с упоминанием имен Андрея

[54] Каталог А. С. Уварова, рис. 85, 86, 88, 89. — Все экземпляры литые из меди.

[55] Каталог А. С. Уварова, стр. 101, рис. 82 — лицевая сторона, рис. 83— оборот.

[56] См. также: В. Лесючевский. Некоторые змиевики, рис. 11.— Лицевая сторона большой иконы иная, но оттиск иконки-штампа на обороте совершенно совпадает с уваровским экземпляром. Лесючевский датирует икону XV в.

и Евдокии; предположительно он может быть связан с князем Андреем Александровичем.[57]

Один из примитивно изготовленных змеевиков был найден на Куликовом поле, что уточняет дату его бытования.[58] К XV в. можно условно отнести несколько литых иконок и крестов.[59]

Интересна одна иконка, изображающая Георгия на коне; она отлита в жесткой форме, резаной как пряничная доска. Конь и всадник напоминают деревянную резьбу.[60]

Иногда в русском мелком литье чувствуется наличие готических элементов: один из типов иконки с так называемым «лоном Авраама» имеет переплетения ветвей деревьев, напоминающие стрельчатые переплеты готических окон. Среди деревьев (в «райских кущах») сидят птицы. Возможно, что этот сюжет западнорусского происхождения.[61]

Большая группа датированных медных предметов была найдена при раскопках кладбища XV в в. Старице.[62] Интересно отметить совпадение некоторых типов с находками в поздних новгородских погребениях.[63]

Вновь созданные образцы медного литья могли точно так же, как и домонгольские вещи, подвергаться механическому размножению через оттиски в глине. Естественно, что при наличии таких тенденций среди мастеров-литейщиков нам трудно ставить вопрос о распространении вещей, изготовленных одним мастером, так как далеко не

[57] Каталог А. С. Уварова, стр. 105—106, рис. 96. — Андрей Александрович — один из удельных тверских князей. Умер одновременно с женою во время чумы 1365 года.

Эпиграфически надпись относится к XIV в. (А. С. Орлов. Амулеты-змеевики..., стр. 44). Змеи на обороте змеевика имеют собачьи морды и прямолинейные туловища.

[58] Каталог А. С. Уварова, стр. 106—107, рис. 98. — Впрочем, как основание для датировки подобные обстоятельства находки непригодны. На Куликовом поле найден золотой перстень с миниатюрной коробочкой в щитке. Дата его — XII век. — См. Л. В. Кафка. Искусство обработки металла, М., 1925, стр. 28—30.

[59] Каталог А. С. Уварова, стр. 62, рис. 36 (прямоугольная иконка), стр. 91, рис. 72 (медный складень), стр. 181—182, рис. 158 (крест-энколпион).

[60] Каталог А. С. Уварова, стр. 81, рис. 60.

[61] Каталог А. С. Уварова, стр. 75, рис. 53. Второй экземпляр, см.: Б. И. и В. И. Ханенко. Русские древности. Кресты и образки, Киев, 1900, табл. XXXI, № 349, а также табл. IX, № 109.

[62] Н. Ф. Романченко. Ук. соч.

[63] В. Н. Глазов. Гдовские курганы, табл. XXIV, рис. 2.

всегда возможно отличить отливки в форме от последующих отливок в оттисках. Поэтому интересный для истории ремесла раздел — районы сбыта продукции — не может быть разработан на материалах XIV—XV вв.[64]

Из меднолитых изделий XIV—XV вв. значительный интерес представляют красивые кружевные паникадила для свечей, повторяющие и развивающие далее тип византийского хороса. Почти все известные нам хоросы происходят из Новгорода, Пскова и других северо-западных городов.[65] Отливка паникадила была сложным и громоздким делом. Возьмем для примера паникадило из провинциального небольшого городка Острова, найденное в 1911 г. на дне озера.[66] Оно представляет собой низкий широкий бронзовый цилиндр, имеющий дно; в середине дна — широкое отверстие, к которому вплотную примыкает свешивающаяся вниз шлемообразная часть (острием вниз). От верхних краев цилиндра отходят 12 кронштейнов с остриями для свеч. Паникадило подвешено на трех фигурных цепях.

Всего мастеру при изготовлении паникадила необходимо было отлить 65 деталей, которые затем надлежало собрать, спаять, соединить шарнирами или заклепками.[67]

[64] В качестве одного из примеров литья в одной форме укажем 3 энколпиона из собрания А. С. Уварова (Каталог..., стр. 181—182, рис. 157 и 158) и 2 энколпиона из собрания Ханенко (Кресты и образки, табл. XI, рис. 133, 134).

[65] «Древности Российского государства», отд. 1, табл. XLVI и XLVII (так называемое «корсунское» паникадило); И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности, т. V, рис. 201 (паникадило из Никитской церкви в Новгороде). Этот рисунок лучше издан в Историко-культурном атласе Н. Полонской, вып. 2, табл. XXXIII, рис. 5. Позднее это паникадило находилось в частном собрании М. П. Боткина. Паникадило из Острова (близ Пскова) опубликовано в книге: Н. В. Покровский. Заметки о памятниках псковской церковной старины, М., 1914, табл. I—II. Здесь же упоминается еще несколько паникадил XIV—XV вв. Некоторые из этих древних вещей продолжали в 1914 г. бытовать в новгородских монастырях (напр., в Зверине монастыре). Паникадило неизвестного происхождения издано Н. В. Покровским (Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной академии, СПб., 1909, табл. XI).

[66] Н. В. Покровский. Заметки..., стр. 3, табл. I—II.

[67] Приведем подсчеты:

Звенья для цепей	9
Круглые звенья с кентаврами	6
Верхняя розетка	1
Кронштейны в виде веток	12
Квадратные прорезные пластины хороса (круга) с херувимами	6

Орнаментальные мотивы, применяемые при изготовлении хоросов-паникадил были многочисленны и разнообразны, но повторялись на нескольких экземплярах.

Так, например, круглые звенья на цепях в ряде случаев имеют изображения крылатых кентавров со скипетрами. Тяжи цепей всегда обработаны плетеным орнаментом. Треугольные пластины имеют тех же крылатых кентавров, только большего размера. Иногда под кентавром, вписанным в большой круг, расположены в малом круге барсы. Трапецевидные пластины содержат круг со вписанным херувимом; по сторонам круга — плетенка, напоминающая готические элементы. К числу готических элементов относится и мотив лилии, встречающийся на многих русских вещах этого времени.

Несколько больше разнообразия в устройстве основного цилиндра. Квадратные большие пластины здесь иногда заменяются длинной полосой с круглыми просветами, в которые вставляются литые фигурки святых.[68]

Наличие готических элементов на бронзовых церковных хоросах иногда приводило исследователей к предположению, что эти вещи изготовлены в Германии и попали в Новгород путем ганзейской торговли.[69]

Необходимо остановиться на происхождении и датировке хоросов. По своему типу они, несомненно, восходят к византийско-киевским образцам.[70]

Бытование в XIV—XV вв. паникадил более древнего типа дока-

Квадратные прорезные пластины хороса с орнаментом . . .	6
Гладкие пластины с накладными фигурами деисусного чина	12
Трапецевидные пластины для днища	6
Треугольные пластины с кентаврами	6
Нижняя розетка	1
Всего	65

Для их отливки требовалась 21 литейная форма.

Паникадило Никитской церкви состояло из 80 с лишним деталей.

[68] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности..., вып. VI, рис. 202.

[69] Н. В. Покровский. Заметки..., стр. 5. — Ошибочность применения термина «корсунские» к различным художественным изделиям Новгорода доказана Кондаковым, а еще ранее в «Древностях Русского государства», отд. 1, стр. 78.

[70] См., напр.: Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, Киев, 1907, табл. XLI. Отличием формы данного паникадила от новгородских является присутствие здесь поддона в нижней части; новгородские паникадила заканчиваются внизу маленькой розеткой.

зывается изображениями их на иконах и миниатюрах. На иконе XIV в. из Кривецкого погоста на Северной Двине и на рисунке Феофана Грека (известном в копии 1423 г.) есть изображения паникадил с расширяющимся книзу поддоном, характерным для более раннего времени XI—XII вв.[71]

Восприняв старую, хорошо им известную форму, новгородские мастера незначительно изменили ее, устранив поддон, чем придали более законченный и изящный вид всей люстре, не нуждавшейся в подставке. Сохранив в основном форму византийских хоросов, литейщики не законсервировали византийский орнамент. В области орнаментики новгородские художники жили общей жизнью с Северной и Западной Европой, применяя в своем творчестве те новые элементы, которые появлялись в искусстве этого времени. Новгород и Псков знали свою готику, использовавшую и русские и общеевропейские элементы.

Вопрос о местном, русском производстве паникадил решается наличием русских литых надписей на них.[72]

Датировка меднолитых паникадил устанавливается как по наличию готического плетения XIV—XV вв., так и по лилиевидному орнаменту, датируемому первой половиной XV в.[73] За рубеж XIV и XV вв. говорят и накладные литые фигурки святых. Этот способ орнаментации известен с конца XIV в. и широко распространен в XV в. Таким образом, временем появления паникадил описанного типа нужно считать вторую половину XIV в. или XV в. Окончательно оформился этот тип, надо думать, в XV в. Паникадило Софийской ризницы имеет в числе святых Сергия; придел Сергия в Софийском соборе был открыт в 1414 г. Точное время канонизации Сергия неизвестно. Умер он в 1392 г.[74] При изучении всех сохранившихся до

[71] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, М., 1937, рис. 107, 150, 171. — Икона из Кривецкого погоста интересна рядом бытовых деталей, как деревянные шатры церквей, одежда женщин, серьги. Паникадило на рисунке Феофана очень близко к «корсунскому» Новгородской Софийской ризницы, но отличается поддоном, так что общие контуры его ближе к киевскому паникадилу Ханенко.

[72] На трапецевидных пластинах ряда паникадил есть надпись ХЕРОВИМ в окружении готических завитков. Литые фигурки святых на хоросах типа никитского сопровождаются небольшими надписями в 1—3 строки: НИКОЛА, МИХАИЛЪ, ВЛАСЕ и т. д. Надписи отлиты вместе с самими фигурками.

[73] См. ниже работу мастера Ивана Фомина 1435 г.

[74] В. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви, 1903, стр. 72.

нас паникадил бросается в глаза удивительная однотипность отдельных частей. В некоторых случаях совпадают все детали,[75] в других — только отдельные элементы. Сравнивая три паникадила — новгородское «корсунское», новгородское никитское и островское — мы видим, как перемешаны здесь черты сходства и различия. «Корсунское» паникадило совпадает с никитским в оформлении цилиндрического обода и трапецевидных пластин. Сходство литых фигурок и их оформления настолько велико, что позволяет ставить вопрос об использовании одних и тех же литейных форм.[76] Но треугольные пластины нижней части в этих паникадилах совершенно различны: на софийском под кентавром находится плетенка, а на никитском—барс.

Сопоставляя софийское паникадило с островским, мы заметим совершенно иное оформление цилиндрического обода, но полную идентичность трапецевидных пластин с херувимами и готической плетенкой. Здесь вновь напрашивается предположение об одной форме для всех 12 пластин обоих хоросов. Треугольные пластины в каждом случае различны.

Если мы будем сравнивать никитское паникадило с островским, то здесь, при различии обода, мы отметим сходство именно в треугольных пластинах, имеющих по два круга на каждой; в большом круге кентавр, в малом — барс. Одинаковы здесь и цепи. Итак, все три предмета различны и в то же время имеют ряд тождественных частей.

Все это заставляет нас допускать наличие единой мастерской, рассчитанной на массовый сбыт, в которой отливались детали нескольких типов и потом из этих деталей монтировались готовые изделия.

Принимая во внимание географическое размещение меднолитых паникадил (Новгородская земля и Новгород; в других местах их нет), такую мастерскую естественнее всего предполагать в Новгороде Великом. Литье производилось по восковой модели, но с сохранением формы, которая служила не только для 6 или 12 частей данного паникадила, но и для повторения этих отливок. Невысокий, мягкий рельеф всех частей позволял возобновлять форму посредством оттиска в глине готовой пластины.[77]

---

[75] Н. В. Покровский (Заметки..., стр. 4) сопоставляет хорос Русского музея с хоросом, хранившимся в Духовной академии.

[76] Утверждать, что литье производилось в одних формах, можно будет только после сличения самих вещей; по изданиям можно лишь допускать эту возможность.

[77] В ГИМ (инв. № 20271) хранится интереснейший фрагмент медного литья, представляющего образчик компановки различных деталей. Центральная часть

Для того чтобы закончить раздел о литье, нам необходимо было бы остановиться на литье благородных металлов, преимущественно серебра. Но здесь мы уже вторгаемся в область ювелирного дела, требующую особого рассмотрения.

3. ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО

Ювелирное дело XIII—XV вв. известно по большому количеству образцов, сохранившихся в ризницах и сокровищницах, но уцелевшие вещи составляют, разумеется, лишь ничтожную долю тех богатств, которые были сделаны руками русских мастеров. Так, например, мы знаем, что Иван III в 1476—1478 гг. получил многочисленные богатые подарки от новгородских бояр и архиепископа.[78]

Почти каждый пир у того или иного новгородца сопровождался подношениями золотых ковшей, окованных серебром рогов, серебряных мис, золотых чар, сердоликовых, хрустальных «струфокамиловых» вещей, окованных в серебро позолоченных кубков, поясов и т. д.

По данным западнорусских летописей, в эти годы было вывезено из Новгорода 300 возов «перел, злата и серебра и каменей многоценных».[79]

Часть этих ювелирных изделий упоминается еще в XVI в. в духовной кн. Дмитрия Ивановича Жилки.[80]

этой полосы тождественна никитскому и софийскому паникадилам, но нижняя состоит из драконов, сплетенных друг с другом хвостами; этих драконов нет на паникадилах. Дата драконов — XV в. Очевидно, мастер использовал оттиск с паникадила и осложнил его дополнительным оттиском драконов. Переплетенные чудовища близки к тератологическому орнаменту на серебряном кадиле 1492 г. работы попа Саввы. — См. С. Бартенов. Московский Кремль, т. II, М., 1916, стр. 97, рис. 129.

[78] Софийская I летопись 1476 г.; Воскресенская летопись 1478 г.

[79] К. В. Базилевич. Имущество московских князей в XIV—XVI вв.— «Труды ГИМ», вып. III. Разряд общий исторический, М., 1926, стр. 40. — Враждебно настроенные к Ивану III западные летописцы, очевидно, преувеличивали его приобретения, но, несомненно, приобретения эти были значительны.

[80] Напр., ковш новгородского архиепископа Ефимия весом в 16 фунтов с «образиной» на ручке и четырьмя кругами, в которых «писаны царства». Был у кн. Дмитрия и ковш архиепископа Феофила со сканью и ковш посадника новгородского Луки Федоровича.

Из всего золота и серебра новгородских бояр до нас дошел только один именной ковш в виде ладьи с надписью: «А СЕ КОВШЬ ПОСАДНИКА НОВГОРОЦКОГО ГРИГОРЬЯ КЮРИЛОВИЧА», датированный 1428—1436 гг. В летописи этот посадник носит прозвище Посахно.[81]

Мы привели этот пример лишь для того, чтобы показать, какую незначительную часть древнерусских ювелирных изделий можем мы изучать по нашим музейным коллекциям. И все же ювелирное ремесло находится в этом отношении в лучшем положении, чем любое иное ремесло, так как среди сотен вещей XIII—XV вв. сохранилось около двух десятков точно датированных предметов и, кроме того, нам известны имена восьми мастеров.

Приведем список дошедших до нас датированных вещей, расположив их в хронологическом порядке:

1330 Сосуд новгородского архиепископа Моисея[82]

1336 Медные двери с золотым письмом, сделанные по заказу новгородского архиепископа Василия Калики[83]

1343 Оклад евангелия, сделанный по заказу вел. кн. московского Симеона Гордого[84]

1383 Реликварий суздальского архиепископа Дионисия[85]

1392 Оклад евангелия, сделанный по заказу московского боярина Федора Андреевича[86]

1405 Кадило серебряное Сергиева-Троицкого монастыря[87]

---

[81] Ю. А. Олсуфьев. Опись серебряных ковшей б. Троице-Сергиевской лавры, 1925, стр. 5—10.

[82] Лучшее из изданий: М. И. Михайлов. Памятники русской вещевой палеографии, СПб., 1913. — Дата в этом издании ошибочно указана — 1323 г.

[83] Обширная литература о них приведена А. С. Орловым в его «Библиографии русских надписей XI—XV вв.», 1936, стр. 72, 74. Хорошего издания Васильевских врат нет. Список акад. Орлова можно пополнить статьей И. А. Гальнбека — «О технике золоченых изображений на Лихачевских вратах» («Материалы по русскому искусству», т. I, Л., 1928). Автор исследует технику золочения и дает фотографии отдельных листов (рис. 3).

[84] П. Симони. Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII—XVII ст., вып. 1, СПб., 1910, табл. II.

[85] М. И. Михайлов. Ук. соч., рис. 22. — К сожалению, надпись и дата транскрибированы Михайловым ошибочно.

[86] П. Симони. Собрание изображений...

[87] Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего серебра б. Троице-Сергиевой лавры, Сергиев, 1926, стр. 87; Н. И. Брунов. Русская архитектура X—XV вв. (Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 1, М., 1940, стр. 11, рис. 3).

1410 Панагия серебряная кн. Даниила Борисовича Суздальского[88]

1414 Складень серебряный работы мастера Лукьяна[89]

1414 Реликварий (ковчег) кн. Ивана Даниловича Суздальского[90]

1410—1429 Реликварий Радонежских князей[91]

1422 Оклад евангелия Кирилло-Белозерского монастыря[92]

1428—1436 Ковш новгородского посадника Григория Кириловича.[93]

1435 Новгородский панагиар мастера Ивана[94]

1425—1461 Рогатина князя Бориса Александровича Тверского[95]

1430—1458 Панагия новгородского архиепископа Евфимия[96]

1449 Потир каменный в золотой оковке работы мастера Ивана Фомина для Троице-Сергиева монастыря[97]

1456 Складень золотой работы троицкого монаха Амвросия[98]

1463 Ковчег троице-сергиевского игумена Вассиана Рыло[99]

1469 Кадило серебряное, сделанное по заказу князя Юрия Васильевича[100]

---

[88] Оружейная Палата в Москве. Инвент. № 4615.

[89] «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее», М., 1875, № 6—10, рис. стр. 48—49.

[90] М. П. Степанов. Храм-усыпальница вел. кн. Сергия Александровича, М., 1909, табл. XXXIX.

[91] Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего серебра, табл. XI, стр. 234.

[92] Николай Макаренко. Путевые заметки и наброски о русском искусстве, вып. 1, 1914, рис. 21, стр. 52—53.

В «Библиографию» Орлова этот предмет не включен; возможно, что А. С. Орлов был введен в заблуждение другим изданием, где год указан ошибочно — 1534 г. См. «Художественные сокровища России», 1901, табл. 79.

[93] См. выше.

[94] «Древности Российского государства», отд. 1, табл. LIV—LVIII; П. В. Покровский. Древняя ризница Новгородского Софийского собора. — «Труды XV Археол. съезда», М., 1914, табл. VIII—IX. — Дата часто читается ошибочно — 1436 г.

[95] См. выше.

[96] «Вестник Общества древнерусского искусства», М., 1875, № 6—10.

[97] Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего серебра, табл. I и III.

[98] В. А. Никольский. Русский ювелир XV в. — «Среди коллекционеров», М., 1922, № 4, стр. 19.

[99] Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего серебра. Фотографии нет, стр. 235—239.

[100] М. М. Лосева. Образец русского серебряного мастерства XV в.— Сб. Оружейной Палаты, М., 1925, стр. 114. — Этот предмет хронологически несколько выходит за рамки нашей работы, но еще тесно связан с традициями середины XV в., что и позволяет включить его в список.

В этом списке совершенно нет ювелирных изделий, датированных XIII в., 5 вещей датированы XIV в. (из них наиболее ранние — новгородские) и 13 — датированы временем до 60-х годов XV в. Такое распределение не случайно, так как весь остальной материал при попытке разбить его на периоды дает, примерно, ту же самую картину — крайнюю малочисленность вещей XIII — начала XIV вв. и возрастание их количества с середины XIV в.

Письменные источники очень мало обогащают наши знания ювелирного мастерства. Из дошедших до нас вещей с летописными записями можно определенно связывать лишь «Васильевские» врата 1336 г. Записи о других произведениях слишком бедны, отрывочны и в большинстве случаев не позволяют даже приблизительно представить себе внешний облик упоминаемой вещи. Значительно полнее духовные грамоты московских князей, где по самому характеру документа имеются более точные описания материала, техники, стиля, упоминаются иногда имена мастеров.[101] И все же духовные грамоты дают нам не так много сведений, как, например, позднейшие описи царской или церковной утвари.

Основным материалом для нас будут различные вещи, случайно сохранившиеся от эпохи XIII—XV вв.[102]

---

[101] К. В. Базилевич («Имущество московских князей») дал очень подробный и разносторонний анализ грамот, сопоставляя упоминаемые в них вещи с имеющимися в настоящее время в Оружейной Палате (см. стр. 15).

[102] Историография ювелирного искусства XIII—XV вв. не богата частными, а тем более общими работами. Первой крупной попыткой обобщения памятников прикладного декоративного искусства было издание роскошных литографированных альбомов «Древностей Российского государства» с сопроводительным текстом, выходивших с 1849 по 1853 г. В это же время Снегирев издавал свои «Московские древности» с 1842 по 1845 г.

Позднее вышел ряд публикаций больших коллекций, из которых наиболее важными в научном отношении надо признать опись Оружейной Палаты с фототипическим альбомом и публикацию исследования Н. В. Покровским древностей ризницы Новгородского Софийского собора.

Больше чем кто-либо другой сделал для собирания разбросанных в разных местах и малоизвестных древностей неутомимый И. Ф. Борщевский, который с фотографическим аппаратом объездил все глухие углы и составил ценнейшую коллекцию снимков, частично изданную. Много сделал для изучения русского ювелирного дела Г. О. Филимонов, который с 20-летнего возраста посвятил себя изучению русских древностей. Много работ посвящено отдельным вещам; некоторые предметы насчитывают целую литературу.

Меньше можно указать исследований, освещающих какой-нибудь определенный раздел ювелирного мастерства или группу однородных памятников-

Ввиду того, что все первоклассные вещи русского ювелирного искусства представляют собой сочетания самых разнообразных технических приемов и столь же разнообразных материалов (серебро, золото, драгоценные камни, эмаль, дерево и др.), рассмотрение лучше начать с отдельных технических приемов, а затем перейти к их синтезу в каждой отдельной вещи. Технические приемы мало отличались от приемов домонгольского времени; лишь иногда чувствуется потеря каких-то навыков. Поэтому на всех деталях техники мы останавливаться не будем, а проследим время появления того или иного приема, эволюцию его, сферу применения и т. д.

Начнем свой обзор с литья золота и серебра.

Техника ювелирного ремесла нашла отражение в трех специальных работах: Л. В. Кафка. Искусство обработки металла, М., 1925 (на 30 стр. автор дает беглый очерк ювелирного дела с X по XVII в.); П. Дервиз. Техника серебряного производства, Л., 1929 (автор касается техники XVI—XVII вв., но ряд приемов характерен и для более раннего времени); И. А. Гальнбек. Ук. статья.

Обобщающих работ по русскому художественному ремеслу немного. Одним из первых пытался заполнить этот пробел в русской истории И. Е. Забелин («О металлическом производстве в России до конца XVII в.» — ЗРАО, т. V, СПб., 1857).

Более интересный художественный анализ образов ювелирного дела дан в известной работе И. И. Толстого и Н. П. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства», вып. VI. Но в отличие от предшествующего тома этих же авторов, данная книга носит характер путеводителя по древностям Суздальской и Новгородской Руси, в котором блестящие описания отдельных вещей не связаны никакими обобщениями.

В 1923 г. В. А. Никольский дал общий очерк — «Древнерусское декоративное искусство». В небольшой по объему книге автор затронул все основные разделы художественного ремесла, уделив особое внимание ювелирному, но у него не было возможности детально остановиться на отдельных вопросах.

Ю. А. Олсуфьев, тонкий знаток ювелирного дела XIV—XVI вв., в ряде описей ризницы б. Троице-Сергиевской лавры высказывал свои общие взгляды на искусство этой эпохи (см., напр., «Искусство XIV и XV вв.»). В изделиях русских мастеров Олсуфьев хотел видеть своим взором утонченного эстета «мистическое общество русского кватроченте». Датировки его, в большинстве случаев очень точные и хорошо аргументированные, иногда грешат излишним увлечением искусствоведческой стороной вещи.

Ювелирному делу уделено место и на страницах общей работы А. И. Некрасова — «Древнерусское изобразительное искусство» (1937). Связного изложения художественного ремесла здесь нет, но в текст вкраплены упоминания о всех важнейших произведениях ювелирного искусства. Автору, увлекшемуся белорусским влиянием на московское искусство XIV—XVI вв., многие русские вещи казались связанными с Западом.

Этот раздел полностью примыкает к литью меди и бронзы. Различие лишь в том, что благородные металлы старались экономить, и литье их применялось только для небольших изделий. В изучаемую эпоху входит в обычай украшение тонкой пластинки металла накладными на штифтах фигурками, из которых иногда составлялись целые композиции. Отдельные фигуры часто обрамляли трехлопастными или пятилопастными килевидными арками на резных колоннах.

Впервые с этими накладными фигурами мы встречаемся на окладе евангелия Федора Андреевича Кошки (рис. 136). Оклад Симеона Гордого еще не знает литых фигур.

Всего здесь 29 литых накладных фигур, расположенных и фронтально и в профиль; все они вписаны в килевидные киотцы. Фон между киотцами и фигурами заполнялся эмалью различного цвета. Из 20 фигур, обрамляющих четыре стороны оклада, многие отлиты в одной форме. Всего для отливки 20 фигур потребовалось 7 литейных форм.[103]

Литые фигуры, наложенные на гладкий серебряный фон, есть на кадиле 1405 г., имеющем форму одноглавой церкви с килевидными кокошниками.[104]

Накладные литые фигурки есть на мощевике Радонежских князей, датируемом, приблизительно, 1410—1429 гг.[105]

Очень близки по рисунку к фигурам оклада 1392 г. литые фигуры на окладе 1422 г. (рис. 137). Здесь также мы видим, что мастер экономил свой труд и отливал фигуры по возможности в одной форме.

---

[103] Для сравнения обратимся к таблице. Фигура херувима с кадильницей (левый в верхнем ряду) повторена 4 раза. Вторая форма служила для отливки херувимов без кадильницы (напр., средний в нижнем ряду); в ней отлито 5 фигур. Верхний херувим в левом ряду отлит в первой форме, но у него удалены кадильница и плат для того, чтобы он больше походил на херувимов второго типа. Принадлежность ко второй форме доказывается рисунком крыльев. Средний херувим в левом ряду — позднейшая доделка. Вместо боковых крыльев у него лапы с когтями.

В одной форме отлиты 3 фигуры святых: 1) верхний ряд, второй справа, 2) правый ряд, второй снизу, 3) нижний ряд, второй слева.

В одной форме отлиты 2 фигуры: вторая сверху в левом ряду (первая отливка) и средняя в верхнем ряду (вторая — дефектная отливка).

[104] Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего серебра. — Кадило № 1—12, фотографии нет; П. И. Брунов. Русская архитектура X—XV вв. — Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 1, М., 1940, рис. 3, стр. 11.

[105] Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего серебра. — Мощевик принадлежал сыну Владимира Андреевича Серпуховского князю Андрею.

Рис. 136. Оклад евангелия боярина Федора Андреевича 1392 г.

Рис. 137. Оклад 1422 г.

Так, сидящие фигуры 4 евангелистов, расположенные в киотцах по углам, мастер отлил в двух формах: в одной — сидящих лицом вправо, в другой — сидящих лицом влево. Фон вокруг фигур насечен для заливки эмалью.[106]

Такие же фигуры имеются и на кадиле 1469 г.[107]

Интересны три очень близкие друг к другу композиции из накладных фигурок: панагиар 1435 г. мастера Ивана, панагия из Вологды и панагия Симонова монастыря (рис. 138).[108] Датируются две последние концом XIV в. или XV в. На всех трех предметах мы видим сложную композицию «вознесенья» из отдельных фигур и целых групп, отлитых в 8 формах. Судя по новгородскому экземпляру, литые фигурки накреплялись на эмалевый фон. Об этом говорит шраффировка поверхности. Эмаль применялась и для других частей этой же вещи. Вологодская и Симоновская панагии тождественны друг другу во всех частях, а новгородская отличается от них верхней половиной композиции. Нижняя половина композиции «вознесенья» панагиара 1435 г. совершенно идентична таковой на двух других. Встает вопрос: не в одной ли литейной форме делались эти вещи? Неполнота совпадений здесь такая же, как в примере с паникадилами; по мере износа одних форм, их могли заменять новыми, а часть старых вновь пускать в дело.

К сожалению, мы почти лишены возможности определить местонахождение той мастерской, которая изготавливала эти стандартные литые фигурки. Одна вещь — бесспорно новгородская (паникадило 1435 г.), другая находилась в Москве, а третья была в Вологде, которая в XV в. считалась и новгородской и московской. Предположительно можно связывать эту мастерскую с Новгородом Великим, где тогда существовало производство медных литых фигурок для хоросов-паникадил.

Техника накладных рельефов была известна и в западноевро-

---

[106] Н. Макаренко. Путевые записки и наброски о русском искусстве, вып. 1, S. l., 1914, рис. 21.

[107] М. М. Лосева. Ук. соч., рис. на стр. 114.

[108] Саввантов. Артосная панагия из Вологды. — ИАО, СПб., 1861, т. II, вып. 1. — Впервые на эту близость обратил внимание акад. А. С. Орлов («Библиография», стр. 101—102), а позднее развил в своей интересной статье Ю. П. Дмитриев «Мастер-серебряник» XV в. — «Новгородский исторический сборник», вып. 7, 1940. К этим трем панагиям нужно добавить и двойник панагии 1435 г., хранящийся в Оружейной Палате, описание которого приведено Забелиным («О металлическом производстве», стр. 57). См. также: Ю. П. Дмитриев. Ук. соч., стр. 36.

Рис. 138. Панагиар 1435 г. с накладными фигурами

пейском ювелирном деле, где в это время и ранее применялись накладные рельефы на эмалевый фон. Почти во всех случаях, когда русские мастера накладывают литые фигуры на плоскость, эта плоскость специально насекается, подготавливается под эмаль, а очень часто сохраняется и самая эмаль.

Кроме накладных фигур, широко применялись накладные киотцы в виде сложной килевидной арки на витых колоннах. На металлических изделиях они появляются впервые в конце XIV в. и прочно остаются в употреблении у мастеров XV—XVI вв. Этот же мотив мы встречаем и в шитье XIV в.,[109] и в книжных миниатюрах начала

[109] Напр., епитрахиль новгородского архиепископа Моисея (ум. в 1362 г.).— См. Н. В. Покровский. Древняя Софийская ризница в Новгороде, табл. XIX, рис. 2.

XVI в., и в керамике XVI в. Очень вероятна связь сложных арок с архитектурными мотивами Новгорода второй половины XIV в., когда там появляются фасады, обрамленные сложной орнаментальной аркой.[110] Кроме литья накладных фигур, мастера отливали различные отделочные детали, как, например, прорезной поясок, венчик из крестообразных зубьев и т. п.[111]

Прекрасным образчиком литья являются книжные украшения. В качестве примера можно указать на литой серебряный репей рукописи XIV в. (рис. 139),[112] предназначавшийся для украшения крышки переплета. Он состоит из шести соприкасающихся кругов, внутри которых находятся львы (барсы).

К числу литых книжных украшений относятся и «жуки» — полусферические подставочки, укрепляемые на задней крышке переплета.[113]

Перейдем теперь к ковке и чеканке. Ковка благородных металлов была необходима почти при каждой поделке. Путем ковки русские мастера получали изящные тонкие и симметричные вещи. Никаких новых технических приемов по сравнению с домонгольским временем мы не можем заметить. Все тонкости ковки плоских и выпуклых поверхностей были известны издавна и продолжали применяться и в эту эпоху.

Восьмигранные поддоны потиров, ковши, чары, сложные цепи — все это свидетельствует о большом умении златокузнецов. Техника чеканки несколько изменилась по сравнению с эпохой Киевской Руси.

Мастера XIV—XV вв. почти не применяли плоскую чеканку с уплотнением фона вокруг рисунка, не применяли чеканку мелкими

[110] Напр., церковь Федора Стратилата, построенная в 1361—1362 гг., Спас на Ильине улице 1374 г. и ряд других.

Архитектурный характер киотцев особенно заметен на Песношском кадиле 1469 г., которое воспроизводит в металле деревянный шатровый храм. Любопытно почти буквальное совпадение формы этого кадила с рисунком деревянной церкви на иконе XIV в. из Кривецкого погоста. Там есть и трансформированная сложная арка. — А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, рис. 107, стр. 166. — Трехлопастная арка есть и в архитектурных пейзажах Радзивилловской летописи.

[111] См., напр., потир 1449 г. — литые из золота тяжи, соединяющие верхний венчик со стояном.

На панагиаре 1435 г. отлита «коруна» из крестовидных зубьев.

[112] Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего серебра, табл. IX. — Серебро позолочено.

[113] Литые «жуки» есть на окладе 1392 г. — См. Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего серебра, табл. 1. Средний рисунок.

круглыми или фигурными пуансонами. Совершенно исчезла из обихода чеканщиков техника ложной зерни, получаемой при помощи пуансонов с углублениями. В то же время мастера златокузнецы еще не ввели в обиход расчеканку рельефными узорами, столь обычными для изделий XVI в. Как видим, техника чеканки несколько упростилась по сравнению с предшествующим периодом.

Рельефная (обратная) чеканка также не имела особенно широкого употребления, но изредка все же применялась.

Наиболее ранний пример выпуклой чеканки нам дает серебряный оклад владимирской иконы, сделанный в эпоху митрополита Фотия (1410—1431). Там, среди плоскостей, украшенных хорошей сканью, есть 12 клейм с тонкой рельефной чеканкой. К сожалению, рельеф несколько попорчен и вдавлен внутрь.[114]

Образцом применения рельефной чеканки надо считать новгородский панагиар 1435 г. (рис. 140). Фигуры ангелов и львов вычеканены из толстого серебряного листа первоначально с обратной стороны для получения основного рельефа фигуры, а затем с лицевой стороны были прочеканены детали лиц и одежды.[115]

Наиболее изящным изделием чеканного мастерства нужно считать оклад евангелия, хранящийся в Загорском музее.[116]

Отличающийся своеобразием во всех деталях (отсутствие стандартных киотцев, оригинальное расположение скани, отсутствие литых накладных фигур), этот оклад дает хорошую рельефную чеканку по серебру на 5 отдельных листах.

Расположенные по углам евангелисты изображены на фоне «палатного письма». Архитектурный фон есть и в центральной композиции. Интересно отметить, что один из евангелистов (Иоанн) сделан значительно крупнее всех остальных; его фигура заполняет весь угольник и не оставила места для чеканки палат. Надпись также выделяет его.[117] Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с работой

---

[114] «Древности Российского государства», отд. 1. — Издатели относят весь оклад к эпохе митр. Афанасия (1566), тогда как к этому времени относится лишь ремонт его. — См. А. И. Некрасов. Ук. соч., стр. 243.

[115] Ю. Н. Дмитриев. Ук. соч., стр. 32. — Во многих публикациях ошибочно указывалось, что эти фигуры — литые.

[116] Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего серебра, табл. X, стр. 162.

[117] Трактовка фигуры и лица Иоанна чрезвычайно близка к миниатюре евангелия Хитрово середины XV в. (См. А. И. Некрасов. Ук. соч., рис. 168). Это евангелие хранилось в том же Троице-Сергиевом монастыре, где и оклад с чеканкой.

Рис. 140. Новгородский панагиар 1435 г.

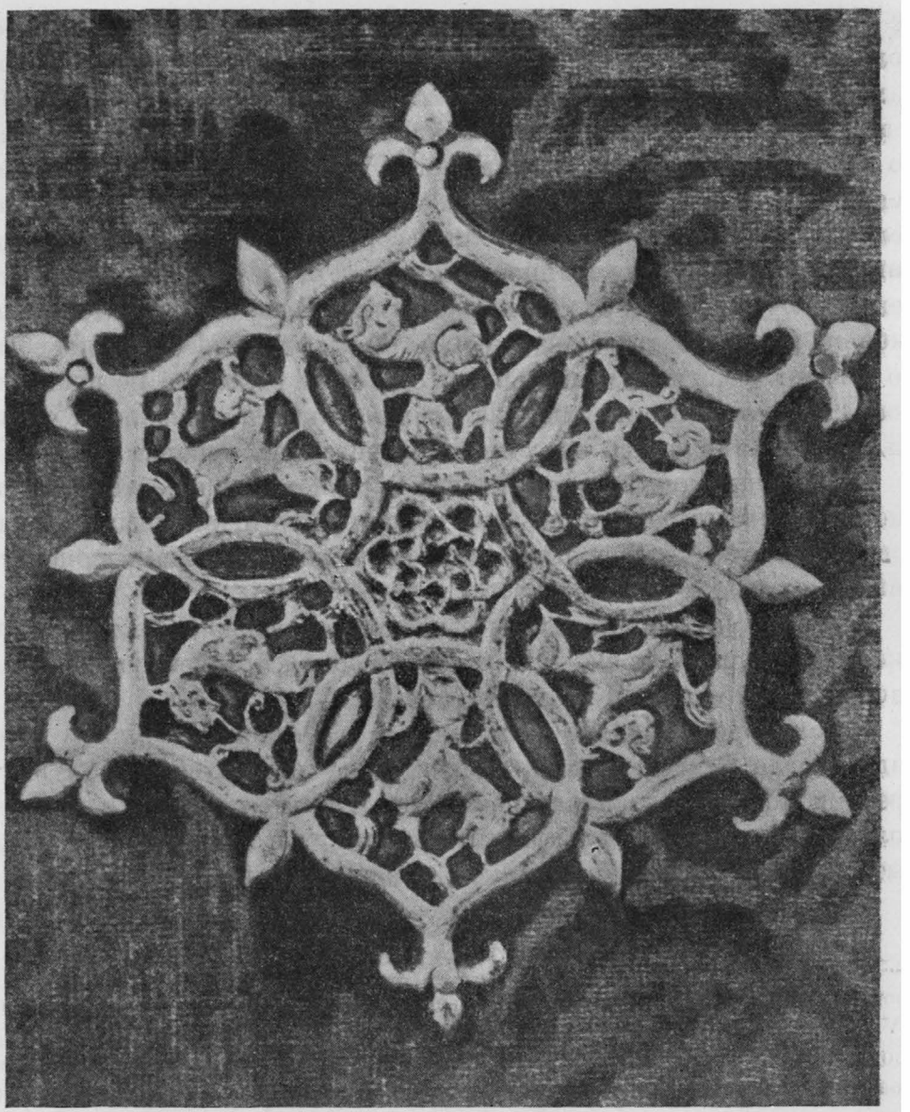


Рис. 139. Серебряный репей с оклада

какого-то мастера Ивана, который подчеркнуто выделил своего патрона Ивана Богослова среди остальных изображений. Дата оклада — первая половина XV в.[118]

[118] Датировка здесь несколько затруднена отсутствием обычных для этой эпохи деталей, как накладное литье, киотцы и т. п.; стилистические особен-

Разновидностью рельефной чеканки, ее дальнейшим развитием является тиснение металла на специальных металлических матрицах. Этот вид орнаментики получил широкое распространение еще в домонгольское время. Сохранилась эта техника и в XIV—XV вв., но наибольшее развитие ее падает на XVI—XVII вв. Басменное тиснение производилось на небольших медных досках с отлитым на них рельефным рисунком. Тонкий лист серебра накладывался на матрицу и при посредстве свинцовой подушки его вгоняли во все углубления рисунка. Серебро обычно золотили. Одна матрица могла несколько раз отпечататься на одном и том же листе. Места стыка обычно бывают заметны на листе басмы. По этим стыкам и по повторяемости одного и того же рисунка можно отличить тиснение от чеканки. Тиснение является известной механизацией чеканки.

Серебряные листы, украшенные тисненным орнаментом (обычно растительным), применялись для обивки икон и книжных переплетов. Возможно, что басма применялась и для деревянных конструкций в жилищах и церквах.[119]

В послемонгольский период басменное тиснение мы встречаем на иконах, начиная с конца XIV в. Древнейший предмет, украшенный басмой, — это оклад 1343 г.[120]

Несомненно, переплет дошел до нас не в первоначальном своем виде. Левая полоса и часть оковки внизу относятся к XVI в. Ко времени построения оклада возможно относится правая и верхняя полосы с крупными рельефными цветами. Того же времени может быть и басма с мелким рисунком в центральной части оклада.[121]

Гладкие плоскости на металлических вещах нередко украшались

ности изображений позволили Олсуфьеву отнести оклад к первой половине XV в. (Ук. соч., стр. 162). Эпиграфические данные дают ту же датировку и, кроме того, третьей опорной точкой является сходство Иоанна на окладе с Иоанном на миниатюре евангелия Хитрово. Отсутствие киотцев даже, может быть, говорит в пользу большей древности данного оклада, так как сближает его с окладом 1343 г., где вместо киотцев евангелисты размещены на угольниках в форме глаголя. Такие же глаголи, только более изысканной и вычурной формы, мы видим и на интересующем нас окладе.

[119] Напр., «стольцы», «царские врата» и т. п. Орнамент деревянной резьбы очень близок к орнаменту тисненого серебра; дерево нередко золотилось, так что общее впечатление от резного дерева и тисненого серебра было однородным.

[120] П. Симони. Оклады..., табл. II.

[121] Ввиду того, что целость оклада нарушена, трудно сказать, была ли басма при первоначальной монтировке и когда она появилась. По характеру рисунка указанные выше правая и верхняя полосы относятся к XIV в.

посредством гравировки, иногда в сочетании с чернением фона и с позолотой.

Одним из ранних памятников (для нашей эпохи) резьбы по металлу является потир Загорского музея,[122] датированный XIV в. На венце и на поддоне есть довольно скромный гравированный растительный и геометрический орнамент. Резьбой часто подправляли литые и чеканные изделия.

Сложная композиция выгравирована на серебряной панагии из Суздаля.[123] Гравировка вообще часто применялась к предметам этого типа. Лучшим образцом гравировки является известная охотничья рогатина Бориса Александровича Тверского (рис. 141). Рогатина в древней Руси была и охотничьим и боевым оружием, но в последнем случае рогатина неизменно выступает как оружие п е ш е г о боя, своего рода предшественницей штыка. Иногда рогатина противопоставляется копью, под которым понимается копье кавалериста.

Поскольку князья никогда не вели боя в пешем строю, естественнее всего предполагать, что в княжеских руках рогатина была оружием охотничьим. Единственное упоминание княжеской рогатины связано с охотой (Ипатьевская летопись 1255 г.). Стальная втулка набита в горячем состоянии тонким серебром, по которому резцом выгравированы фигуры и надпись. Фон или заштрихован косыми линиями или покрыт рядами зигзагообразных линий, образованных поворотами маленького зубильца.[124]

[122] Ю. А. О л с у ф ь е в. Опись древнего серебра, табл. II.

[123] «Вестник Общества древнерусского искусства», М., 1875, № 6—10, стр. 53. Сообщение Г. Д. Филимонова.

[124] Н. К у т е п о в. Великокняжеская и царская охота на Руси, т. I, СПб., 1896, стр. 142; А. Ж и з н е в с к и й. Описание Тверского музея. Оружие и доспехи. — «Древности», М., 1886, табл. XI, рис. 977.

Выше, в разделе кузнечного дела, мы высказывали предположение, что рогатина датируется ранними годами княжения Бориса Александровича и может быть связана с поездкой его на коронацию Витовта в 1430 г.

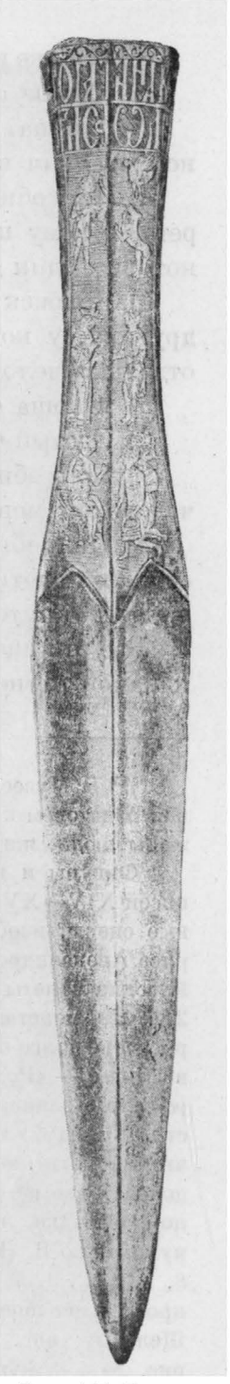


Рис. 141. Рогатина твер. князя Бориса Александровича

На втулке награвированы восемь отдельных сцен (рис. 142—143):

1) Юноша стреляет из лука в зверя; над зверем летит птица.

2) Юноша в более богатой одежде беседует с царевной в длинном одеянии и в короне.

3) Полуобнаженный человек в струпьях сидит на резном табурете; к нему подходит толпа таких же полуобнаженных людей, из которых один держит ведро.

4) Человек в короткой одежде подносит кубок (в форме потира) другому, у которого лицо в струпьях. Над первым награвирована отдельно человеческая голова.

5) Юноша с рогатиной охотится на зверя, сидящего под деревом.

6) Одетый человек сидит на табурете; другой приносит ему ведро.

7) Полуобнаженный человек борется (или обнимается?) с нагим человеком меньшего роста (может быть женщина?).

8) Полуобнаженный человек привязан за руки к кольцу наверху; сидящий одетый человек держит его за ноги, а третий (одетый) бьет первого кнутом.

Все эти сцены представляют, по всей вероятности, иллюстрации к какой-то не дошедшей до нас повести или сказанию.[125]

---

[125] В Музее гор. Калинина хранится костяная рукоять кинжала, отнесенная издателем к XV в. (А. Жизневский. Ук. соч., стр. 192). Там изображены люди, животные, птицы.

Фигуры и композиции на рогатине отчасти напоминают инициалы рукописей XIV—XV вв., но отличаются от них большей четкостью рисунка. Отдельные сцены, изображенные на рогатине, повторены на некоторых монетах Бориса Александровича и Ивана Михайловича Тверских (А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г., табл. II, № 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, М., 1896, стр. 27). На монетах изображены различные охотничьи сцены. Изображения на рогатине долго не привлекали внимания исследователей. Лишь недавно Я. Лурье в статье — «Роль Твери в создании русского национального государства» («Ученые записки Ленинградского гос. университета, Л., 1939, № 36, вып. 3, стр. 104—107) впервые подошел к расшифровке изображений. Автор считает, что на рогатине даны иллюстрации к былине о Щелкане Дудентьевиче. Для доказательства своей мысли он произвольно располагает рисунки в определенном порядке, нарушающем их последовательность на рогатине. Принимая нумерацию Я. Лурье, рисунки оказываются на самой рогатине в таком порядке: 8, 2, 4, 3, 1, 7, 5, 6. Рис. № 1 (по месту расположения — 5) — Щелкан пьет кровь сына перед Озвяком Тавтирьевичем; рис. № 2 — Озвяк передает Тверь Щелкану; рис. № 3 — сцена наказания иллюстрирует управление Щелкана; рис. № 4 — мужики посадские несут жалобу двум удалым Борисовичам; рис. № 5 — Борисовичи несут злато, серебро и жемчуг Щелкану; рис. № 6 — двое Борисовичей разорвали Щелкана наполы.

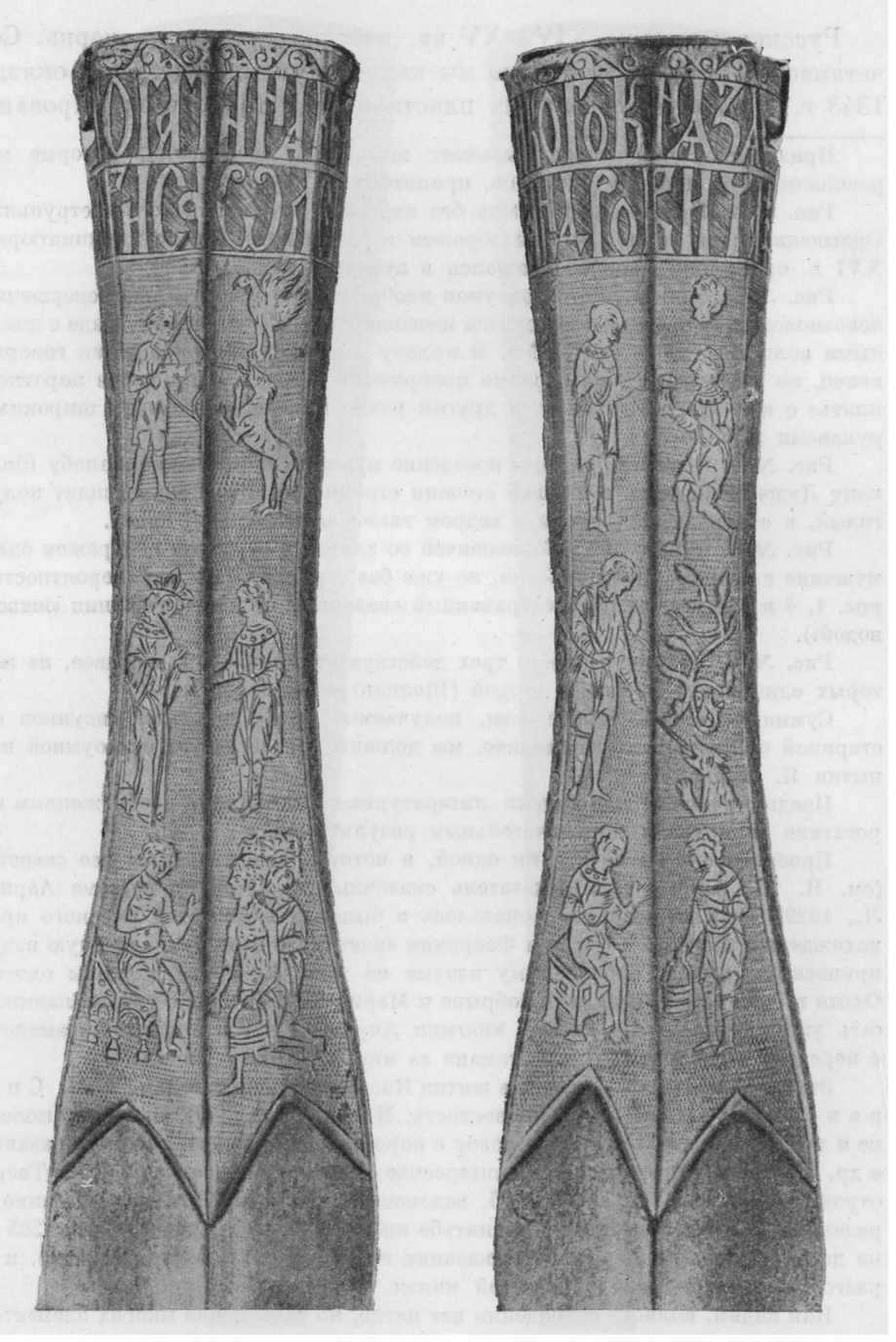


Рис. 142. Изображения на втулке рогатины нн. Бориса Александровича Тверского

Русские ювелиры XIV—XV вв. изредка применяли чернь. Сочетание гравировки с чернью мы видим в упомянутом выше окладе 1343 г. На девяти отдельных пластинах там тонко выгравированы

Приведенное объяснение вызывает несколько возражений, которые мы расположим по порядку рисунков, принятому Я. Лурье:

Рис. № 1. Принимающий чашу без царского венца, лицо его в струпьях. Ордынский царь не мог быть изображен в таком виде. Во всех миниатюрах XVI в. ордынский царь изображался в зубчатом венце.

Рис. № 2. Признать этот рисунок изображением инвеституры совершенно невозможно, так как слева находится женская фигура в длинной одежде с длинными волосами, а не хан Узбек. В пользу знатного происхождения говорит венец, но было бы весьма странно изображать Узбека один раз в коротком платье с непокрытой головой, а другой раз — в женской одежде с широкими рукавами и в короне.

Рис. № 4. Если изображены посадские мужики, приносящие жалобу Щелкану Дудентьевичу, то в высшей степени странно то, что Щелкан сидит полуголый, в струпьях, а тверичи с ведром также обнажены до пояса.

Рис. № 5. Вместо двух Борисовичей со златом и серебром изображен один мужчина с ведром. Щелкан босой, но уже без струпьев. (По всей вероятности, рис. 1, 4 и 5 передают распространенный сказочный сюжет врачевания «живой водой»).

Рис. № 6. Вторично вместо трех действующих лиц — только двое, из которых один полуобнажен, а второй (Щелкан) совершенно наг.

Суммируя все несообразности, получаемые при сближении рисунков с о старинои о Щелкане Дудентьевиче, мы должны отказаться от остроумной попытки Я. Лурье.

Предпринятые мною поиски литературных соответствий изображениям на рогатине не привели к окончательным результатам.

Просмотр сказок не дал ни одной, в которой сочетались бы все сюжеты (см. Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929). Больше материала оказалось в былинах и повестях русского происхождения. Повесть о Петре и Февронии знает баню и особую целебную воду, приносимую князю, заболевшему язвами на теле. Есть там и сцены охоты. Охота и баня есть в былине о Добрыне и Маринке. В былине о сорока каликах есть упоминание охоты, беседы княгини Апраксии с Касьянушкой-атаманом, о передаче чаши и наказании атамана за мнимую кражу чаши.

Эти же сюжеты повторяются в житии Касьяна Учменского (см. М. Н. Сперанский. Русская устная словесность, М., 1918, стр. 315). Былина о молодце и худой жене знает охоту, разговор с королевской дочерью, кабак, наказание и др. В тверской литературе есть интересное сказание «О зачатии во граде Твери отроча монастыря» («Тверские губ. ведомости», 1865, № 36 и 38). Сказание в редакции XVII в. повествует о женитьбе князя Ярослава Ярославича в 1265 г. на дочери пономаря Ксении. В сказании говорится и об охоте (дважды), и о разговоре юноши-слуги с невестой князя, и о свадьбе.

Как видим, полного совпадения нет нигде, но совпадение многих элементов позволяет предполагать, что гравированные на рогатине композиции дают неясную уже для нас комбинацию элементов, обычных для русского былинного

Рис. 143. Боковые грани рогатины кн. Бориса Александровича Тверского

фигуры и орнамент; фон залит чернью. Свободные от черни пространства вызолочены.[126]

К 1383 г. относится прекрасной работы ковчег с чернью, эмалью и позолотой. Он имеет форму квадрифолия; и сложные композиции на черневом фоне расположены в 16 круглых и 4 полуциркульных клеймах. Кроме черни ковчег украшен сканью. Ковчег был сделан по заказу суздальского архиепископа Дионисия. Надпись на нем говорит о путешествии Дионисия в Царьград и перенесении святынь в Суздаль при князе Дмитрии Константиновиче.[127]

и литературного творчества XV—XVI вв. Мы потому так подробно остановились на рогатине, что она является единственным для этого времени светским произведением искусства.

[126] Фигуры четырех евангелистов по углам интересны изображением ряда деталей книгописного дела: подвесная чернильница, рожок для перьев, разлинованный пергамент, процесс письма и т. д. — П. Симони. Оклады..., табл. II к стр. 938.

[127] М. И. Михайлов. Памятники русской вещевой палеографии, СПб. 1913, стр. 50—53, рис. 22. — Единственное издание этой интересной вещи грешит, к сожалению, множеством ошибок, начиная с даты (1382 г. вместо 1383 г.) и кончая текстом надписи.

Дионисий, крупный церковный деятель XIV в., был одним из кандидатов в митрополиты и после назначения Митяя отправился в Царьград. Был арестован, отпущен на поруки и в конце концов бежал в Царьград, откуда возвратился в 1382 г. На следующий год (1383) он вновь едет в Царьград и в этом же году, в январе месяце, возвратился в Русь в сане архиепископа с различными святынями и с грамотой против стригольников (Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, М., 1900, стр. 251—252). Суздальский князь Дмитрий Константинович, упоминаемый в надписи на ковчеге, умер 5 июля 1383 г. (А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья..., т. II, СПб., 1891, стр. 416). Все эти хронологические сведения нужны нам для решения задачи: где был сделан ковчег — в Суздале или в Константинополе?

А. И. Некрасов («Древнерусское изобразительное искусство», стр. 224) считает, что ковчег был сделан в Константинополе в 1382 г., но никаких аргументов в пользу этого мнения не приводит. Текст надписи говорит о перенесении святынь из Царьграда («...пренесены изо Царяграда смереным архиепископом Дионисьем»). На этом основании и самый ковчег для святынь считали изготовленным в Царьграде (И. Снегирев. Московские древности, М. 1842—1845, стр. 92). Но при этом не было обращено достаточного внимания на следующие слова: «...при великом князи Дмитрии Константиновиче иже созда раку сию...»

Между приездом Дионисия и смертью Дмитрия Константиновича прошло около полугода; за это время ковчег мог быть изготовлен в Суздале или в Нижнем-Новгороде. Впрочем, слова «иже созда...» можно понимать в смысле принятия на себя расходов по изготовлению дорогого оклада для цареградских святынь. В пользу нерусского происхождения говорит боковой чеканный пояс

К XV в. относится серебряная пластинка от ковчега, на которую наложен черневой рисунок. Поле, предназначенное под чернь, густо штриховалось перекрещивающимися линиями, и контуры рисунка проходились гравировкой. Чернь накладывалась пятнами и, кроме того, заполняла все углубления гравированного рисунка, придавая ему большую четкость.[128]

Применение черни в XIV—XV вв. не носит того массового характера, какой мы наблюдали в XII в. Чернь применяется изредка, как бы случайно.

Перейдем к рассмотрению самого распространенного технического приема в русском ювелирном деле — филиграни или скани.

Высокое развитие сканного орнамента в XII—XIII вв. было прервано татарским нашествием. Тонкая ажурная скань, микроскопические золотые цветы на сканных спиральках, многоярусная скань, создающая воздушный легкий рисунок, — все это требовало сложного оборудования и большого опыта.

В течение целого столетия мы не знаем в русских землях филигранных работ. Очевидно, русские мастера внесли свою долю умения в ювелирное искусство монгольских государств, где именно в это время скань получает широкое развитие, но на Руси сканное дело надолго заглохло и возродилось вновь лишь в XIV в.

Самые ранние вещи с филигранью послемонгольского периода связаны с Новгородом. Архиепископом Моисеем в 1330 г. был сделан яшмовый потир, оправленный в серебро. Верхний венчик потира украшен сканью.[129] Очень близок к сосуду Моисея сосуд, связывае-

---

с византийским орнаментом, но расположение русской надписи говорит о том, что в изготовлении ковчега, несомненно, участвовал русский мастер. Кроме того, надпись сделана уже после возвращения Дионисия, так как в тексте идет речь о перенесении ковчега из Царьграда в Суздальское княжество, как о совершившемся факте, чего не могло быть, пока Дионисий находился еще в Царьграде.

Следовательно, несмотря на наличие византийских элементов в орнаментике, мы должны считать ковчег изготовленным в пределах Суздальско-Нижегородского княжества в январе — июле 1383 г.

[128] Ю. А. Олсуфьев. Опись серебра, табл. XII.

[129] М. И. Михайлов. Ук. соч., стр. 41—42, рис. 16.— Дата прочтена ошибочно — 1323 г. Ошибка в дате есть и в «Русских древностях» И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (стр. 160)—1328 г. Отсюда эта описка перекочевала и в «Библиографию...» А. С. Орлова. Дата читается так: 6838 г., или 1330, спустя месяц после изготовления потира. В апреле этого же года Моисей ушел с кафедры в свой монастырь на Коломцех (Новгородская III летопись 1330 г.).

мый с Антонием Римлянином, который нужно датировать значительно более поздним временем, чем эпоха Антония (начало XII в.), скорее всего XIV—XV вв.[130]

Скань в обоих случаях не особенно сложна по рисунку и по своему характеру очень близка к домонгольской, отличаясь от нее лишь большей скромностью. С домонгольскими вещами сближает и сочетание скани с крупными камнями в металлических гнездах. Общий характер этих двух сосудов XIV в. говорит о том, что в Новгороде не было такого перерыва в развитии филигранного дела, какой мы наблюдаем в остальных русских землях. Вне Новгорода скань мы встречаем лишь в конце XIV в. на суздальском ковчеге 1383 г. и на окладе евангелия московского боярина Федора Андреевича 1392 г. Из вещей начала XV в. прекрасную скань имеет оклад владимирской иконы (1410—1431). Две последние вещи должны привлечь наше особое внимание.[131]

Рисунок скани состоит из широких спиралей с 10—15 маленькими спиральками, присоединенными к стеблю широкой спирали с внутренней стороны. Общий контур рисунка несколько напоминает стебель ландыша с бутонами нераспустившихся цветов. Скань скручена из трех серебряных проволок; кручение плотное, придающее зернистость каждой нити.

Среди сканных завитков неожиданно появляются отдельные рисунки из гладких проволок. Рисунок составлен из яйцевидных и колбовидных элементов, расположенных или по три (три «колбы», обращенные хвостами в разные стороны) или по четыре. В последнем случае в несколько упрощенной форме воспроизводится рисунок «арабского цветка». Фон внутри яйцевидных и колбовидных площадей остается гладким и не заполняется ничем.

Общий характер орнамента несколько диссонирует с русскими мотивами XIV—XV вв. Нигде, кроме скани, мы не встречаем этих восточных элементов рисунка. Зато они в изобилии имеются среди рисунков арабских и иранских тканей XIV—XV вв.[132]

В поисках образцов для сканного орнамента XIV—XV вв.

[130] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков датируют сосуд XV в. («Русские древности», стр. 159). — Шляпкин относит надпись к XIII в. — М. И. Михайлов. Ук. соч.

[131] П. Симони. Оклады..., табл. II; «Древности Российского государства», отд. 1, табл. III.— Скань здесь двух видов: один — древний, относится к эпохе Фотия, а другой — XVI в.

[132] Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей, М.-Л., 1934, стр. 120, цветная таблица; стр. 138, рис. 81; стр. 197, рис. 114.

мы невольно обращаемся к Востоку. По счастью, легенда, связавшая с восточной золотой шапкой имя Владимира Мономаха, сохранила нам прекрасный образец настоящей восточной скани XIV в.

Исчерпывающими работами А. А. Спицына можно считать доказанным, что так называемая шапка Мономаха, применявшаяся с конца XV в. для торжественного венчания на царство, является изделием среднеазиатских ремесленников.[133]

На восьми пластинах шапки Мономаха мы видим широкие спирали с завитками, закрученные в 2—3 оборота, совершенно аналогичные «ландышевым» веткам на русской скани. Широко применены здесь яйцевидные и колбовидные языки, из которых складывается «арабский цветок» и ряд других узоров. Языки сделаны из гладкой проволоки, и поле внутри их оставлено гладким, как и в русской скани. Сходство указанных выше русских изделий с золотой шапкой Ивана Калиты почти полное. Отличием русского сканного узора является меньшая геометричность, бо́льшая плавность рисунка и меньшее количество вводных мотивов. Наличие хорошего восточного образца филиграни в обиходе московских князей легко могло натолкнуть московских золотых дел мастеров на воспроизведение и переработку сканного орнамента золотой шапки. Древнейший, дошедший до нас образец такой переработки, близкой все еще к оригиналу, дает нам оклад 1392 г.

Мы не можем точно указать, когда началось восприятие сканной техники Востока, но широкой датой является вторая половина XIV в.

Прекрасным образчиком филигранного мастерства является

[133] Впервые против византийского происхождения шапки Мономаха выступил французский ученый W. Regel («Analecta Byzantino-russia», 1891), считавший ее золотоордынским изделием. Затем Г. Д. Филимонов («О времени и происхождении знаменитой шапки Мономаха». — ЧОИДР, 1893, кн. II) указал на близость орнаментики шапки к арабским образцам и высказал предположение, что золотая шапка попала в 1317 г. к хану Узбеку из Египта, а уже от Узбека — в казну московских князей, где она упоминается, начиная с духовной Ивана Калиты. «А исъ портъ изъ моихъ сыну моему Семену, кожухъ черленый женчужьный, шапка золотая» (СГГ и Д, ч. 1, стр. 32). В специальном исследовании А. А. Спицын («К вопросу о Мономаховой шапке». — ЗОРСА, СПб., 1906, т. VIII, вып. 1) убедительно доказал восточное происхождение шапки, подкрепив свое утверждение 74 рисунками арабских, иранских, египетских и среднеазиатских вещей. Спицын еще раз вернулся к этой теме в статье «Бухарский клад и Мономахова шапка» (ИАК, СПб., 1909, вып. 29). К этой статье приложено лучшее воспроизведение древнейшей части шапки Мономаха.

оклад иконы Владимирской божьей матери, изготовленный по заказу митрополита Фотия в начале XV в.

На окладе 1422 г. [134] мы видим, что основной рисунок скани прочно усвоен русскими мастерами, а «арабский цветок» и языки постепенно исчезают или теряют свой восточный характер. К середине XV в. скань совершенно утрачивает дополнительные элементы арабского происхождения; остаются лишь широкие спирали с завитками. Такую скань имеет Новгородский панагиар 1435 г. (венцы у ангелов и верх панагии), потир 1449 г. работы Ивана Фомина.

Несколько особняком стоит сканный рисунок оклада евангелия Загорского музея (перв. пол. XV в.).[135] Спирали здесь менее круты (отчего увеличивается сходство с ландышем), отсутствует стремление уплотнять рисунок, наоборот, ветви скани расположены свободно, между ними много гладкого поля. В отличие от остальных предметов со сканью здесь есть ось симметрии. Встречается сложная плетенка, где нити скани перекрещиваются. Такой прием неизвестен в других изделиях XIV—XVI вв. Весь оклад в целом производит впечатление своеобразного, оригинального творчества, далекого от установившихся канонов московских мастеров.

В половине XV в. среди ювелиров Троице-Сергиевского монастыря появляется упомянутый выше талантливый мастер, возможно, создатель целой школы скульпторов-резчиков по дереву. Из ореха и палисандра мастер Амвросий резал кресты и иконки со сложными композициями из мельчайших фигурок. [136] Сохранилось 4 резных предмета, объединенных общностью стиля, которые можно приписать Амвросию. Помимо художественного единства скульптуры, все они имеют много общего в своеобразной технике сканной орнаментации. Единственный подписной предмет этой группы — складень триптих 1456 г. из орехового дерева, оправленный в золото. Створки складня сплошь украшены своеобразной сканью; на задней стенке идет по краю надпись молитвенного содержания. Триптих был сделан для игумена Вассиана (1455—1466).

Кроме складня 1456 г., для того же игумена Вассиана был сделан ковчежец-реликварий; к этой же группе памятников относятся два

[134] Н. Е. Макаренко. Путевые заметки и наброски о русском искусстве, вып. 1, 1914, рис. 21.

[135] Ю. А. Олсуфьев. Опись серебра, табл. X.

[136] В. А. Никольский. Русский ювелир XV в.—«Среди коллекционеров», М., 1922, № 4, рис. на стр. 19; Ю. А. Олсуфьев. Опись крестов, стр. 135.

креста с золотыми сканными чехлами. Скань на всех предметах однородна. Особенностью данной скани является сочетание крученых проволочных нитей с тонкими полосками золота, поставленными на ребро. Принцип контакта двух типов материала — гладких и филигранных нитей — получил здесь дальнейшее развитие: гладкая проволока заменена вертикально стоящей тонкой стенкой. Этот прием давал бóльшую глубину, бóльшую игру света и тени. По внешнему виду вертикальные золотые перегородки напоминают подготовку к перегородчатой эмали, но здесь эмаль не предполагалась.

Рисунок скани — широкие спирали, близкие и к шапке Мономаха и к потиру Ивана Фомина 1449 г., но орнаментализмы, свойственные первой, здесь исчезли. Гладкие поля, окруженные перегородками, остались, но совершенно утратили восточный рисунок. Трудно сказать, совмещал ли резчик Амвросий функции скульптора и ювелира или у него был подручный мастер филиграни, оправлявший в золото каждое его произведение. Постоянное сочетание резьбы определенного стиля со сканью определенного вида говорит скорее в пользу первого предположения. Возможно, что в этом богатейшем русском монастыре была целая мастерская, работавшая в одном стиле. В XVI в. в Троице-Сергиевом монастыре упоминаются мастера «крестечники». [137]

Сканный орнамент, близкий к скани амвросиевой школы, мы можем найти на ряде предметов XV—XVI вв. и можем даже проследить его постепенную эволюцию и отход от первоначальных форм. Иконка слоновой кости из Новгорода [138] украшена сканью и рубинами. Рисунок скани, типичный «ландышевый», крутозавитой, близок к скани на потире Ивана Фомина 1449 г.

В Новгороде же есть другая иконка, тоже слоновой кости, оправленная в серебро со сканью. [139] Здесь сохранен принцип сочетания гладких и сканных линий, но завитки скреплены со стеблями в обратном направлении.

Следующий этап в развитии скани дает нам шиферная иконка интересного содержания. [140]

[137] Ю. А. Олсуфьев (Опись крестов, стр. 136) предполагает, что крестечники могли быть учениками Амвросия. См. также: Павел Флоренский. Опись панагий Троице-Сергиевой лавры, Сергиев, 1923, стр. 72—76.

[138] Н. В. Покровский. Древняя софийская ризница в Новгороде.—«Вестник археологии и истории», СПб., 1914, вып. XXII, табл. IX, рис. 6. Издатель датирует его XVII в., на наш взгляд, — ошибочно.

[139] Там же, табл. IX, рис. 5.

[140] Каталог собрания А. С. Уварова, отд. VIII—XI, М., 1908, стр. 15—16, рис. 5.

Скань на оправе этой иконки состоит еще из спиральных стеблей, но завитки отсутствуют; вместо них напаяны гладкие колечки, заполняющие все свободное пространство. Дата — XVI в.

Дальнейшая эволюция скани шла по линии отказа от спиралей и замены их маленькими гладкими колечками, заполняющими без всякой системы все поле.[141] К XV в. можно отнести некоторые отклонения от обычного рисунка скани.[142]

Как видим, все навыки и приемы сканного дела, воспринятые в XIV в. под влиянием восточных образцов, были усовершенствованы русскими мастерами XIV—XV вв. и перешли далее в XVII в., лишь постепенно изменяясь.[143]

Искусство зерни было забыто после монгольского нашествия и возродилось только в XVI в. Привычное для XI—XII вв. сочетание скани и зерни в XIV—XV вв. отсутствовало. Грубая зернь есть на окладе 1392 г.[144]

Перейдем к рассмотрению эмальерного дела.

Ни одно из художественных производств Киевской Руси не требовало такого опыта, навыка и уменья, как искусство изготовления прославленных киевских перегородчатых эмалей. Разрушение Киева татарами привело к уничтожению и полному забвению эмальерного искусства. Ни Новгород, ни Смоленск, ни какой-либо другой из уцелевших от погрома городов не обладал, очевидно, налаженным производством эмалей, так как изготовление их прекратилось после нашествия татар. Не могли здесь помочь и культурные связи с Западом и Востоком, так как там перегородчатая эмаль была неизвестна.

Единственная вещь, связанная с историческим лицом XIV в., — саккос митрополита Алексея (1354—1378), украшенный нашивными бляшками с хорошей перегородчатой эмалью.[145] Но, как уже указывалось выше, эти эмали относятся к началу XIII в. и лишь случайно дожили до времени Алексея.

[141] Н. В. Покровский. Ук. соч., т. IX. рис. 3, т. V, рис. 7, 9, 10, 12.— Проволочный орнамент из гладких колечек перестает уже быть сканью.

[142] Н. В. Покровский. Ук. соч., т. V, рис. 6. — Форма креста и рисунок скани близки к опубликованному Никольским в связи с Амвросием («Русский ювелир XV в.»). См. каталог Уварова (табл. XII, рис. 56, стр. 140 — крест из красной яшмы, оправленный в золото). Подобный проволочный рисунок известен, напр., на кадиле 1469 г.

[143] См., напр., скань на окладе Мстиславова евангелия, сделанную в 1551 г. —П. Симони. Оклады..., табл. I.

[144] П. Симони. Ук. соч., т. II.

[145] В. А. Никольский. Древнерусское декоративное искусство, 1924, рис. 1.

Эмаль XIV—XV вв. чрезвычайно примитивна по сравнению с домонгольской.[146] Как правило, эмаль, обычно одноцветная, служила только фоном для литых накладных фигур и не составляла самостоятельного полихромного рисунка.

Для этой цели служили литые замкнутые пространства, оформленные обычно пятилопастными арками на витых колоннах. Внутренность такого киотца насекалась резцом для лучшего скрепления с эмалью. Нарезка производилась аккуратно, иногда довольно сложным рисунком, так как эмаль была прозрачна и дно коробки, предназначенной к заливке эмалью, могло просвечивать. Следы насечки можно видеть на окладе евангелия Федора Андреевича 1392 г., на окладе 1422 г., на верхней части новгородского панагиара 1435 г.[147] В последнем случае эмаль была не только на верхней крышке с накладной композицией «вознесенья», но и на фигурах ангелов.

Накладное литье прикреплялось на закрепках или припаивалось. Во второй половине XV в. появляется имитация накладных фигур путем сплошного литья, когда и киотец, и фон для эмали с насечкой, и выпуклая фигура в центре — все отливалось сразу.[148]

Эмаль обычно применялась синего цвета. Качество эмали было невысоким; в большинстве случаев она со временем осыпалась и выкрашивалась. Многие предметы дошли до нас совершенно без следов эмали; только шраффировка фона говорит о том, что вещь предназначалась для эмали.

Как уже указывалось выше, робкое и неумелое применение эмали в качестве фона для накладных рельефных фигур являлось под-

[146] Единственная работа о русских эмалях всех времен принадлежит И. Е. Забелину («Историческое обозрение финифтяного и ценинного производства в России. — ЗОРСА, СПб., 1853, т. VI). Для интересующего нас времени Забелин упомянул лишь одну вещь — оклад 1392 г.

По бедности материала эпоха XIV—XV вв. совершенно не затронута автором; его внимание было обращено на периоды расцвета эмальерного дела. Об эмали XIV—XV вв. см. также: В. А. Никольский. Древнерусское декоративное искусство, стр. 37—38.

[147] П. Симони. Оклады..., табл. II; Н. Е. Макаренко. Ук. соч., рис. 21; Н. В. Покровский. Древняя софийская ризница в Новгороде, табл. IX, рис. 1.

[148] Н. Е. Макаренко. Ук. соч., рис. 11. — Кадило Кирилло-Белозерского монастыря с 12 киотцами отлитыми в грубых формах. Фон залит плохой синей эмалью.

ражением западноевропейским (рейнским) образцам XIII—XIV вв. Некоторые отличия от указанного способа представляют 4 медальона на окладе 1392 г.:[149] медальоны с изображениями Михаила, Ильи, Федора (патрона заказчика, Ф. А. Кошки) и Василисы (соименной жене заказчика).[150]

Все изображения резаны широкими и гладкими линиями. В образовавшиеся бороздки налита темная эмаль, подчеркивающая контуры рисунка. Фон вокруг фигур углублен и тоже залит эмалью: в двух случаях красноватой и зеленой, в других — синей.

До конца XV в. эмаль так и не получила массового применения, оставаясь побочным декоративным приемом, применявшимся для небольшого круга изделий.

Кресты и иконки, украшенные такой примитивной эмалью, в большинстве своем относятся к более позднему времени.

Для второй половины XV в. можно указать медный триптих с зеленой эмалью и несколько одинаковых крестов с плохой светло-желтой эмалью.[151]

Расцвет эмали начинается с эпохи Ивана III, а в XIV—XV вв. эмальерное дело находилось в весьма примитивном состоянии.

Важное место среди произведений ювелирного искусства занимают медные церковные двери с рисунком, наведенным золотом, из которых наибольшей известностью пользуются так называемые Васильевские врата.[152] Васильевские врата, находящиеся в настоящее

[149] П. Симони. Оклады..., т. II, стр. 5.

[150] Симони ошибочно прочитал последнюю надпись — Елизавета. Двустрочная колончатая надпись дает ВСЛС, что можно расшифровать, вставив гласные, только как «Василиса». — См.: В. К. Трутовский. Федор Кошка. — «Летопись Историко-родословного общ.», М., 1915, вып. 1—4, стр. 297—299.

[151] Каталог собрания древностей А. С. Уварова, стр. 91, рис. 72. — Датировка указана туманная: «древнего рисунка и дела» (стр. 90). Судя по надписям, окаймленным рельефной рамкой, сближающим этот складень с новгородскими хоросами, его можно датировать серединой или второй половиной XV в. См. Каталог Уварова, т. VIII—XI, рис. 157, 158 и Б. И. и В. И. Ханенко. Русские древности. Кресты и образки, табл. XI, рис. 133—134.

В. Н. Перец («О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья», Л., 1933) говорит о важности изучения эмали на литых предметах и указывает на полную неизученность этого вопроса. Отметим, что на точно датированных монетами XV в. крестах из Старицы эмали нет.

[152] Альбом к «Вестнику археологии и истории», изд. Археологическим институтом, вып. 1—4, СПб., 1885, табл. IV—V; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности..., вып. VI, рис. 104, 105, 106; «Древности Российского государства», отд. VI, № 33.

время в Троицком соборе г. Александрова (сюда они попали при Грозном, после 1570 г.), являются единственной вещью, упоминаемой летописью и сохранившейся до наших дней.[153]

В Новгородской III летописи записано: «В лѣто 6844... Въ то же лѣто боголюбивый архиепископъ Василій... у святѣи Софіи двери мѣдяны золочены устроилъ».

Тождественность этих дверей с находящимися в Александрове подтверждается надписью на последних: «В лет 6844 индикт лѣт 4 исписаны двери сия повелѣ[ние]мь бо҃любиваго архиеп҃па но[вгор]одь҃ского Василья...»

Медные пластины Васильевских врат украшены сложными композициями.

Эта сложная техника, неизвестная ни в Византии, ни в Западной Европе, была унаследована новгородскими мастерами от домонгольской эпохи, когда был создан ряд великолепных образцов золотой наводки. Диалектологические особенности надписей на Васильевских вратах обличают в их мастере новгородца.[154]

Изображения на листах врат интересны сочетанием церковного со светским, канонического — с апокрифическим.

Пять нижних листов содержат следующие изображения:

[153] Еще в 1899 г. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков писали, что «эти двери были, конечно, перенесены из Новгорода в слободу при Грозном, хотя о том нет прямых сведений» (стр. 72). Теперь в нашем распоряжении есть записки Генриха Штадена, где говорится, что по возвращении из Новгорода «в слободе он [Грозный] тотчас же приказал построить каменную церковь,.. в церкви были сделаны врата, которые он взял от церкви в Великом Новгороде; врата были отлиты с историческими изображениями («mit Historien figurlich»). — Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, М., 1926, стр. 91.

[154] А. И. Соболевский. Русская икона, т. I, СПб., 1914, стр. 58—61. — Наличие в составе святых, изображенных в особых клеймах, Прокопья наталкивало иногда исследователей на мысль об устюжском происхождении мастера, так как в Устюге особо чтился Прокопий (См. А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 165). Прокопий Устюжский умер в 1303 г.; церковь его имени построена в 1495 г. (М. В. Толстой. Книга глаголемая описание о российских святых, М., 1888, стр. 148—149). Едва ли за 30 лет устюжский юродивый смог прославиться настолько, чтобы попасть в один ряд с виднейшими церковниками. Интересен подбор святых на вратах: помещенный несколько раз Иоанн, очевидно, связан с Иваном Калитой, упомянутым в надписи; Василий и Григорий — патроны заказчика врат архиепископа Василия (до пострижения — Григорий Калика); Кузьма помещен, очевидно, в память той церкви, откуда Василий попал на кафедру (Кузьмодемьянская ц.); Ипатий — патрон новгородских посадников.

1) «Давыд царь пред сеньны ковчегом скакаше играя...» Подчеркнут момент пляски Давида.

2) Взвешивание праведных и греховных дел человека.

3) Давид и Голиаф. Под стенами города маленький, просто одетый Давид, поражает огромного воина — Голиафа.

4) Китоврас и Соломон. Апокрифический средневековый сюжет. Кентавр (Китоврас) бросает своего брата Соломона.[155]

5) Притча о сладости сего мира. Аллегорическая картина: человек сидит на дереве, отягощенном плодами.

Под деревом четыре дракона, лев и рысь. У корней дерева — две мыши, белая и черная, подгрызающие древо человеческой жизни. Этот сюжет есть в известной повести о Варлааме и Иоасафе. Сюжет апокрифический.[156]

Наличие сюжетов, взятых из мира легенд и сказаний, чрезвычайно характерно для эпохи Василия, автора апокрифического, чуждого церковным канонам сказания о земном рае.

Кроме Васильевских дверей были, вероятно, и другие, выполненные в той же технике. В 1344 г. упоминаются «медяные двери» в Твери.[157]

Под 1378 г., сообщая о сожжении татарами Нижнего-Новгорода, летопись упоминает, что «двери, дивно устроеноя мѣдію золоченою, згорѣша».[158]

Под золоченой медью нужно, очевидно, понимать описанную выше технику наводки золотого рисунка на медь, так как терминология совершенно одинакова с записью об устроении врат 1336 г.

Сложное искусство золотой наводки, широко известное в домонгольский период, сохранилось в Новгороде и в ряде других городов.

До сих пор мы рассматривали отдельные технические приемы ювелирного дела; перейдем к рассмотрению этапов развития и общих вопросов этого ремесла.

Ювелирное дело, требующее больше, чем какое-либо иное ремесло, опыта, навыков, сложного оборудования, являющееся синтезом художественного и технического творчества, неизбежно оказывается своего рода измерительным прибором для определения повышения

[155] См. А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе, СПб., 1872; André Mazon. Le Centaure de la légende vieux-russe de Salomon et Kitovras. — «Revue des Etudes Slaves», t. VII, Paris, 1927.

[156] С. Репин. Притча о сладости сего мира.—«Археологические известия и заметки», 1893, № 12.

[157] Никоновская летопись 1344 г.

[158] Никоновская летопись 1378 г., стр. 42.

или понижения общего культурного уровня. В силу своей сложности ювелирное дело особенно чувствительно к изменениям и потрясениям.

Неудивительно, что вся вторая половина XIII в. и начало XIV в. дали нам очень мало произведений ювелирного искусства. В этот первый период, непосредственно следовавший за монгольским нашествием, довольствовались упрощенным воспроизведением домонгольских образцов, которые механически копировались (главным образом, путем литья в оттисках со старых вещей). Уцелевшие вещи XII — начала XIII вв. берегли и тщательно сохраняли; некоторые из них дожили в быту до второй половины XIV в. (саккос митрополита Алексея, перстень-реликварий, найденный на Куликовом поле и др.). Русские мастера в это время работали в Каракоруме, Увеке, Сарае и других татарских городах.

Оживление мы наблюдаем со второй четверти XIV в. В это время Новгород и частично Москва дают нам некоторое количество ювелирных изделий. Как и следовало ожидать, Новгород, не испытавший тяжести монгольского погрома, сохранил известную преемственность техники Руси XII — начала XIII вв. Наводка золотом, скань старого рисунка — это все уходит корнями в домонгольский период. Здесь, в Новгороде, продолжалось дальнейшее развитие златокузнечного мастерства, получившего начало в X—XII вв.

Иную картину дает нам северо-восточная Русь. Движение вперед здесь начинается с середины XIV столетия, но идет оно не по проложенным путям. Преемственной связи с прошлым нет; все приходится начинать сначала. Во второй половине XIV в. мы видим в качестве центров ювелирного дела не только Новгород, но и Москву, и Суздаль, и Тверь.

Еще не вполне порвались связи с западной половиной русских земель: однотипные вещи встречаются и в Киеве, и в северо-восточной Руси. К концу XIV в. русские ювелиры уже овладели многими техническими и художественными приемами (скань, эмаль, накладное литье, басменное тиснение), позволявшими им создавать такие изящные и изысканные вещи, как, например, оклад 1392 г. Во второй половине XIV в. мы встречаемся уже с именами русских мастеров (Парамша, Макар, Шишка, Абрам-Новгородец).[159]

Русское ювелирное искусство развивалось не изолированно; оно

[159] Парамша (Парамон?) изготовил крест, окованный золотом, и цепь. Упоминается, начиная с духовной грамоты Ивана Ивановича 1356 г. В духовной

впитывало в себя технические и художественные веяния соседних областей, с которыми Русь была связана торговыми и дипломатическими связями.

В казне московских князей находились, кроме русских изделий, и восточные, как, например: шапка Мономаха, пояс «татаур», пояса с «капторгами» и «тузлуками», «аламы»; все эти названия — восточного происхождения.[160] Из восточных технических приемов, как уже указывалось, была заимствована скань, очень скоро утратившая восточные черты и ставшая излюбленным приемом русских ювелиров.[161]

Знакомство с готическим искусством ощущается более сильно, как этого и следовало ожидать, в Новгороде и Пскове. В XIV в., а главным образом в XV в., там распространяется ряд готических элементов в орнаментике изделий. Подобно тому как для Москвы мы указали в качестве одного из источников восточного влияния на шапку Мономаха, так и для Новгорода в составе Софийской ризницы мы найдем готические вещи XV в. с накладными литыми фигурами, с поясом из крестовидных зубчиков и с восьмилопастным поддоном.[162]

Подобные образцы, попадая на русскую почву, создавали известную общность между западным и русским ювелирным искусством.

Об этом свидетельствуют и накладные литые фигуры, и эмаль в качестве фона для накладного литья, и готические орнаментальные мотивы в литейном и чеканном деле. Новгород, благодаря своим связям с ганзейскими городами, имел больше общих черт с Западом, чем другие русские города. Однако нельзя рассматривать культурные

Дмитрия Ивановича 1389 г. названы «поясъ золотъ съ ременемъ Макарова дѣла» и «поясъ золотъ Шышкина дѣла» (СГГ и Д, ч. 1, № 26 и 34). Подпись «Мастер Аврам» имеется над автопортретом русского литейщика XIV в. (А. И. Анисимов. Автопортрет русского скульптора Авраама. — ИАН ОГН, 1928, № 3).

В дополнение к сказанному выше о датировке этой скульптуры укажем, что существует мнение о дарении врат новгородским князем Лугвением Ольгердовичем в 1389 г. (А. И. Некрасов. Ук. соч., стр. 203). Датировка надписи этому не противоречит.

[160] О восточном происхождении слов см.: К. В. Базилевич. Имущество московских князей..., стр. 6—7.

[161] А. И. Некрасов в своей статье «Татаризмы в русской орнаментике» («Slavia», 1930, № 1, Praha) слишком переоценивает восточное влияние и нередко чисто русские по своему происхождению вещи объявляет восточными. Так, напр., было с русской деревянной резьбой (см. стр. 148—149).

[162] Н. В. Покровский. Древняя софийская ризница в Новгороде. — «Труды XV Археол. съезда», М., 1914, т. I, табл. X, рис. 3.

взаимоотношения Новгорода с Западной Европой только лишь как воздействие последней: эти взаимоотношения были двусторонней живой связью, обоюдным воздействием культур. В ризницах готических соборов Германии хранились новгородские вещи,[163] так же как в Новгороде бытовали вещи из рейнских мастерских. Возможно, что именно Новгород и знакомил остальные русские княжества с западноевропейским искусством.

Третьим направлением культурных связей Руси XIV—XV вв. была Византия и земли южных славян.

Связь византийского искусства с русским в XIV в. не подлежит сомнению (достаточно вспомнить деятельность Феофана Грека), но необходимо заметить, что воздействие греков ограничилось лишь «высоким» искусством (главным образом, живописью), не затронув искусства прикладного. К концу XIV столетия, в эпоху Василия Дмитриевича, русское художественное ремесло выработало свои национальные формы, передававшиеся по наследству из века в век вплоть до эпохи Ивана Грозного.

Примером может служить книжный оклад московского боярина Федора Андреевича 1392 года; общий облик его повторен и в окладе 1499 года и в окладе 1536 года.

Если вторая половина XIV в. была для русского ювелирного мастерства периодом познавания и первичного усвоения, то XV столетие можно считать началом зрелости. К середине XV в. выработались устойчивые формы, переработаны были освоенные ранее технические приемы. К этому времени мастера-ювелиры создали множество таких вещей, которые на полтора столетия стали образцами для последующих поколений. Традиционные формы XVI в. в большинстве случаев восходят ко второй половине XV в. В техническом отношении работа мастеров XV в. стоит очень высоко; наряду с массовыми изделиями безымянных серебреников мы знаем прекрасные художественные вещи известных мастеров, вещи, для изготовления которых нужно было применение всех доступных тогда технических приемов. Именно в XV в. появляется после двухвекового перерыва обычай подписывать свои изделия. Изготовив сложную и красивую вещь, ювелир-художник чувствовал известную гордость и смело ставил свое имя рядом с именами князя, митрополита,

[163] Напр., крест новгородца Ильи Людогощина в соборе св. Годегарда в Гильдесгейме. — В. Мясоедов. Иерусалимский крест в ризнице собора в Гильдесгейме. — ЗОРСА, П., 1918, т. XII, табл. III—IV.

посадника или игумена. Ряд подписных изделий открывается автопортретной скульптурой новгородского литейщика Абрама конца XIV в.

Затем следует серебряный триптих 1414 г. очень хорошей чеканки со сложным орнаментом. На нем надпись: «В ЛѢТО 6922, А ПИСАНА БЫСТЬ ИКОНА СИ РУКОЮ РАБА БОЖІЯ ЛУКІЯНА». Определить место производства трудно, но предположительно можно думать, что триптих сделан в Москве, так как хранился он в ризнице московского Благовещенского собора. [164]

Следующая подписная вещь датирована 14 сентября 1435 г. Это — артосный панагиар Новгородского Софийского собора мастера Ивана, представляющий великолепное сочетание накладного литья, рельефной чеканки, многоцветной эмали и тонкого рисунка скани. Любопытна и композиция вещи: створки собственно панагиара, украшенные сканью, гравировкой и «вольячными фигурами», лежат на вертикальном стояне довольно сложной конструкции. [165]

Внизу стоян переходит в широкий восьмилопастный поддон, поверх которого прикреплены корона с крестообразными зубьями, четыре чеканных льва, идущие друг за другом, и четыре ангела, стоящие на львах и как бы поддерживающие панагиар. Фигуры ангелов были украшены эмалью; вокруг голов у них нимбы, орнаментированные сканным узором. [166] На верхней чаше круговая надпись: «В лѣт 6000-ное 9-сотное 44-е индикта 14 мсця семтбря 14 днь на вздвижанье чстнго крста створена быс понагия си повелѣньемь пресвщнго архиепископа Великого Новагород влдци Еоуфимия при великом

[161] «Вестник Общества древнерусского искусства», М., 1875, № 6—10, стр. 48—49. — На триптихе есть апокрифический сюжет беседы ангела со странником и одно неоконченное изображение. Судя по подбору святых, должен был быть изображен Демьян. Так, на одной створке даны ангел-хранитель, Николай и Дмитрий Солунский; на другой Илья пророк, Кузьма и неоконченная фигура без надписи. В соседстве с Кузьмой естественнее всего видеть Демьяна. Ср., напр., золоченый реликварий из Кракова с изображениями Кузьмы и Демьяна и надписью: «господи помози Самойлови кюзпецю». Кузьма и Демьян являлись патронами кузнечного (и ювелирного) дела (С. М. Крыжановский. Славянский Краков. — «Древности», М., 1876, т. VI, стр. 128—129). Возможно, что и мастер Лукьян хотел изобразить обоих патронов своего ремесла.

[165] Вертикальный разрез панагиара опубликован в «Древностях Российского государства», отд. 1, табл. 58.

[166] Н. В. Покровский. Древняя софийская ризница, табл. VIII—IX; И. Ф. Борщевский. Русские древности, л. 102, б/г., изд. Строгановского училища.

кнзѣ Васильѣ Васильевичѣ всея Роуси. При кнзѣ Юрьѣ Лоугвеньевичѣ при посадникѣ Великог Новагород Борисѣ Юрьевичѣ, при тысяцком Дмитреѣ Васильевичѣ. А мастер Иван. Арипь». [167]

Последнее слово нередко понималось как прозвище мастера Ивана, [168] между тем как оно означает — «аминь», обычную заключительную формулу, но написанную тайнописью по принципу «простой литореи», когда все согласные буквы располагались в два ряда бустрофедоном:

Б	В	Г	Д	Ж	З	К	Л	М	Н
Щ	Ш	Ч	Ц	Х	Ф	Т	С	Р	П

Гласные оставались при этой системе без изменения, а согласные заменялись противостоящей по вертикали буквой другого горизонтального ряда. В нашем случае для написания слова «аминь» нужно было заменить *м* и *н*. В одном вертикальном ряду с *м* находится *р*, а в одном ряду с *н* — *п*. Получается $а\frac{м}{р}$ и $\frac{н}{п}$, ь или тайнописью «арипь». [169]

Интересно отметить, что существует двойник этого панагиара, хранящийся в Оружейной Палате, куда он поступил из Успенского собора в Москве. [170]

[167] П. Кеппен. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, М., 1822, стр. 81—82.

[168] «Мастер Арип примечателен потому, что и Библия, называемая здесь Запорожскою, в 1743 году обделана золотых дел мастером Ариповым», — пишет П. Кеппен (Ук. соч., стр. 84). «Если это потомок Арипа, жившего перед ним за три века, то может статься, что в продолжение всего этого времени мастерство переходило от отца к сыну, и тогда у нас встречаем мы некоторым образом то же, что иностранцы называют «Künstlerfamilien». Под именем Ивана Арипа занес его в свой список и И. Е. Забелин («О металлическом производстве», стр. 25).

[169] М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма, Л., 1929, стр. 98.

[170] Описание его опубликовано И. Е. Забелиным («О металлическом производстве», стр. 57) и сопоставлено с новгородским в интереснейшей статье: Ю. Н. Дмитриев. Мастер-серебряник XV в. — «Новгородский исторический сборник», Новгород, 1940, вып. 7, стр. 36.

Вот описание московского панагиара: «Панагиярь серебряной, у него поддон осмиугольной и столбиком с розъемным. У него по краям кайма чеканная, а над каймами углы гладкие, а над углами по сторонам осмь репейков,

Ю. Н. Дмитриев в упомянутой выше работе развил интересную мысль о происхождении мастера Ивана. Он считает его учеником мастера вологодской и симоновской панагии и, кроме того, отождествляет его с мастером Иваном Фоминым. Биографию его рисует он так: «Первоначально Иван работал в Москве под руководством другого мастера, у которого он даже брал литейные формы для своих работ. Около 1434 г. Иван (очевидно, уже изготовивший один панагиар для Москвы?) бежал в Новгород вместе с князем Василием Васильевичем. В Новгороде он делает второй панагиар для Софийского собора, а затем вновь оказывается в Москве и под именем Ивана Фомина, спустя 14 лет, делает по заказу Василия Васильевича потир для Троице-Сергиева монастыря.[171]

Наименее убедительным в этой схеме является отождествление Ивана 1435 г. с Иваном Фоминым 1449 г. и признание первого московским мастером. Скань потира и панагиара характерна вообще для XV в., и на основании сходства сканного рисунка пришлось бы вещи с XIV в. по середину XVI в. считать изделием одного мастера. Ввиду того, что зашла речь о тождестве мастеров Ивана и Ивана Фомина, приведем текст надписи и описание потира 1449 г. Чаша потира выточена из красного мрамора и оправлена в золото. Верхний венец украшен спиральным сканным орнаментом, близким к работам троицких мастеров XV в. По венцу и на поддоне идет надпись, содержащая кроме литургической части и датирующую запись: «...Во оставление грѣхов милосердьем вседержителя істиннаго ба в нера[зделимой троице. — Догадка *Олсуфьева*] в монастырь прдннаго отца нашего ігумена Сергіа здлнъ бысть хілюбівыімъ великим княземъ Васильемъ Васильевичемъ си потирь в црквь ст чютрцю в лето

а над репейками венец сквозной с корунками, а в венце 4 лва, а на лвах 4 ангела чеканные, и в том числе у двух ангелов по крылу нет. Венцы сканные с финифтем, а пад ангелами на столбике ввертном блюдечко, в нем вырезан образ знамения пресвятыи богородицы, да по краям того блюдечка надпись «Честнейшую херувим» весь; а на том блюдечке другое блюдечко ж на глухой петле, а в нем вырезан образ живоначальные троицы, да по краям тропарь «Благословен еси Христе боже наш» весь до конца. Да на том же блюдечке на верху вычеканено образ вознесения господня, а по краям того блюдечка накладка сканного дела с финифтом. Весь тот панагиярь с лица и внутри золочен. Весом десять фунтов с полуфунтом».

[171] Ю. Н. Дмитриев. Ук. соч., стр. 34—38. — К сожалению, автор не приложил к своей статье увеличенных фотографий накладных литых фигурок в пользу первой части его гипотезы.

6000-ное 900-ное 57». Отдельно надпись: «А делал Іванъ Фоминъ».[172]

Если мы сопоставим надписи 1435 и 1449 гг., то увидим, что по фонетике и по начертаниям буквы сильно разнятся друг от друга. Так, например, надпись 1435 г. дает окающее произношение (понагия, великого), а надпись 1449 г. — акающее (істиннаго, пр[епо]д[об]ннаго). Мастер Иван хорошо знает употребление ѣ, не допустив ни одной ошибки во всей надписи, тогда как И. Фомин ошибается в таких словах как «лето», «делал» и пишет их без ѣ. Есть у него ошибки и в применении Θ, отсутствующие у новгородского мастера. Для И. Фомина характерно московское смягчение согласных (напр., потирь, Серьгий).

Мастер новгородского панагиара упорно сокращает окончания в предложном падеже (4 случая), мастер же троицкого потира пишет все окончания полностью. Есть различие и в титулатуре великого князя.[173] Кроме того, формула подписи ювелира и даже начертание имени Иван различны: на новгородском панагиаре — «створена бысть...а мастер Иван» (через *и* восьмеричное); на троицком потире — «зделан бысть... а делал Іван Фомин» (через *і* десятеричное).

Все это убеждает в существовании двух различных мастеров, из

[172] Ю. А. Олсуфьев. Опись серебра, стр. 8—14, табл. I (скань), табл. III (общий вид).

[173] Почтительное наименование Василия Васильевича «князем всея Руси», может быть, объясняется тем, что он только что заключил договор с Новгородом, выгодный для последнего: «укрѣпися крестнымъ цѣлованіомъ отступитися великому князю Новгородцкіа вотчины...» (Никоновская летопись 1435 г.). Раздел был назначен на Петров день (29 июня 1435 г.), т. е. за два с половиной месяца до окончания панагиара мастером Иваном, но не был произведен в течение целого года.

Быть может, и самое изготовление данного панагиара стоит в какой-то связи с этими событиями: новгородцы были крайне заинтересованы в получении Бежецкого Верха, Вологды, Волока Ламского; Василий Васильевич, разбив и ослепив Василия Юрьевича Косого, медлил с выполнением договора с новгородцами «и исправленія им не учини». Можно предположить, что во время этого ожидания и был послан в Москву в качестве дара панагиар, оказавшийся впоследствии в Успенском соборе, а для Новгорода был изготовлен другой, совершенно тождественный.

В историческом отношении надпись на панагиаре интересна еще и потому, что дополняет летописные сведения о князе Юрии Лугвеньевиче. По летописям известны его приезды в Новгород в 1432 и в 1438 гг. (Новгородская III летопись под соответственными годами). Оказывается, что он был в Новгороде и осенью 1435 г.

которых Иван (автор новгородского панагиара) не только работал в Новгороде Великом, что следует из самой надписи, но и по происхождению был скорее всего новгородцем. В его работе мы видим хорошее знакомство с западноевропейским искусством.

Иван Фомин был, по всей вероятности, москвичом, работал не в монастыре, для которого сделан потир, а, вероятно, в Москве. Готические элементы в его работе не чувствуются, а рисунок скани выдает знакомство с более ранними московскими образцами, восходящими к скани типа «мономаховой» шапки.

При допущенном нами распределении мастеров между Москвой и Новгородом особое значение приобретает указанное выше необычайное сходство накладного литья на панагиаре 1435 г. с литьем на панагиях Вологды и Симонова монастыря.[174]

Если готовое литье не послужило здесь штампом для отливки новых фигурок, то, очевидно, все эти фигурки отливались в той же мастерской, где изготавливался и панагиар, т. е. в Новгороде. [175]

По времени существование этой мастерской совпадает с расцветом строительной деятельности архиепископа Евфимия.

Последняя подписная вещь изучаемой эпохи — это складень со сканным рисунком 1456 г. работы монаха Амвросия.

Надпись на внутренней стороне триптиха такова: «В лѣто 6964 сія ікона дѣлана в Сергееве монастыре при благовѣрнѣм великом князі Васил Васильевиче повелѣніемь ігумена Васіана Сергеева монастырѣ рукою інока Амброс». [176]

Игумен Вассиан — известный впоследствии Вассиан Рыло, автор послания на Угру в 1480 г., был в Троицко-Сергиевом монастыре с 1455 по 1466 г. Его временем датируются и другие вещи, дошедшие до нас. Выше, говоря о развитии сканного дела, мы уже отме-

[174] ИАО, СПб., 1861, т. II, стр. 7—12; «Ризница Симонова монастыря в Москве», М., 1895.

[175] Решить окончательно этот интересный вопрос можно будет только после тщательного технологического анализа всего литья. В пользу Новгорода говорит и наличие западных мотивов в построении композиции «вознесенья», составленной из литых фигур. — См. Н. В. Покровский. Древняя Софийская ризница, стр. 74.

Интересно сопоставить западные элементы в ювелирном деле с готическими элементами в зодчестве (напр., Грановитая палата, поставленная в 1433 г. с участием иностранных мастеров из-за моря).

[176] Ю. А. Олсуфьев. Опись крестов, стр. 195 (воспроизведения триптиха); В. К. Никольский. Русский ювелир XV в., стр. 19; Его же. Древнерусское декоративное искусство, рис. 10.

чали роль монастырского резчика и златокузнеца Амвросия в создании целой школы скульпторов и мастеров сканного дела. В середине XV в. выработался тот тип скани, который послужил образцом для ювелиров XV—XVI вв. Работы Амвросия (ставшие известными лишь благодаря тому, что монастырская ризница была превращена после Октября в музей) привлекли внимание исследователей своими высокими художественными качествами. Амвросия сравнивали с античными мастерами и с мастерами Возрождения.[177]

Мы исчерпали список мастеров, известных нам по имени, мастеров, обслуживавших московского князя, богатейший русский монастырь — Сергиев и крупнейшего князя церкви —новгородского архиепископа. К сожалению, подавляющее большинство уцелевших до нашего времени вещей является церковной утварью. Канонические требования, несомненно, стесняли свободу творчества ремесленников-ювелиров и не позволяли им полностью показать свое искусство. Единственное исключение представляет рогатина Бориса Александровича Тверского, открывшая неизвестный нам загадочный и увлекающий мир образов, знакомых древнерусскому мастеру. Если справедливо допущение, что на втулке рогатины изображены сцены из какой-то повести или былины, то мы можем судить не только об элементарной грамотности оружейника-ювелира, но и о его литературных вкусах.

Изящные гравированные рисунки рогатины в какой-то мере позволяют нам почувствовать утонченную роскошь придворного быта этого князя-строителя, с именем которого (на полвека раньше, чем с Москвой) была связана горделивая идея третьего Рима.

Ко времени Ивана III крупнейшие русские города, как Москва, Новгород, Тверь, Суздаль и др., обладали уже высокоразвитым ювелирным ремеслом, знавшим сложную технику для выполнения доро-

[177] «...Все яркие композиционные особенности, всю грацию движений и выразительность фигур вложил скульптор в эти сантиметровые миниатюры, рядом с которыми хочется ставить мастерство резчиков древней Эллады — художников гемм и инталий». — В. К. Никольский. Русский ювелир XV в., стр. 18.

Такую же высокую оценку мастерству Амвросия дают Ю. А. Олсуфьев («Опись крестов Троице-Сергиевой лавры», 1921), сравнивающий его с Бенвенуто Челлини (стр. 136), и Ф. Я. Мишуков («Утварь Троице-Сергиевой лавры»).

В. К. Никольский («Древнерусское декоративное искусство», стр. 51) сопоставляет скань Амвросия со сканью Ивана Фомина, отмечая большое сходство в работе двух близких по времени и месту мастеров.

гих заказов и в то же время обладавшим средствами для изготовления массовой продукции на рынок.

Поэтому совершенно закономерно то, что в конце XV в. мастерство московских ювелиров стало широко известным за пределами молодого государства.

В 1495 г. Менгли-Гирей, знавший толк в русском оружии и панцырях, просит у Ивана III различных изделий московских ювелиров:

«Менгли-Гиреево слово.

Великому князю Ивану князю, брату моему, поклонъ. Послѣ поклона прошенье мое то: мисюрской салтанъ писанъ и шитъ узорчатъ шатеръ прислалъ. Дастъ Бог въ вешніе дни ѣсти и пити надобе, въ два ведра доброва дѣла серебряны чары да наливки серебряны прошу у тебя; наливка бы не мала была, но чарѣ посмотря, доброва бы дѣла наливка была; твоя брата моего любовь въ ночь и въ день съ сердца не сойдетъ, серебряную чару исполнивъ меду, про твою, брата моего, любовь чашу всегды полну пьемъ.

У нас такъ сдѣлати мастера доброво не добыти, а у тебя у брата моего, так е есть...» (разрядка наша.— *Б. Р.*).[178]

В татарском археологическом материале мы находим серебряные и золотые ковши — «наливки», подражающие русской работе. На одном золотом ковше из станицы Белореченской есть даже имитация русской уставной надписи по краю.[179]

4. РАЗНЫЕ РЕМЕСЛА

В этот раздел мы вынуждены поместить не только второстепенные ремесла, занимавшие незначительное место в системе городского производства, но и ряд важных и существенных. Причина заключается в чрезвычайной скудости письменных и вещественных источников этой эпохи, вследствие чего в наших знаниях немало досадных пробелов.

Гончарное дело

Деревенские гончары, как мы видели выше, нисколько не продвинули вперед в изучаемую эпоху изготовление посуды; то же нужно сказать и о городских гончарах. Отличие массовой городской керамики XIV—XV вв. от керамики домонгольского времени заключается в таких мелочах, которые совершенно не важны для общей характеристики производства. Можно отметить только упрощение ассортимента гончарных изделий, исчезновение после монгольского завоевания целого ряда типов посуды. К таким исчезнувшим видам относятся амфоры-корчаги киевского типа. В слоях XIV—XV вв. этот вид посуды, характерный для городов XI—XII вв., совершенно не встречается. С исчезновением узкогорлых амфор порвалась последняя нить связи русского города с античным наследием. Встречавшиеся в XI—XII вв. не только в южных, но и в северных княжеских городах (Смоленск, Суздаль, Владимир, Рязань) амфоры-корчаги не возродились после татарского нашествия. В XIV—XVI вв. появляются огромные горшкообразные сосуды для пива, браги и зерна, на которые по семантической связи переносится старое название «корчага».[180]

Единственный случай, когда амфора-корчага оказалась связанной с памятником XV в., это — рисунок в Радзивилловской летописи.[181] Но в данном случае перед нами любопытный пример копирования более раннего образца XII в.[182] Одновременно с амфорами-корчагами из обихода городских гончаров исчезают и глиняные

---

[178] «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайской ордами и с Турцией», т. I. — Сб. РИО, СПб., 1884, т. XLI, стр. 220.

Спустя три года просьба повторилась: «...да лѣтось съ Звенцомъ чару серебряну и съ наливкою прислалъ еси, тебя, брата своего, твою чашу всегды пити; Того дѣля великой кубок прислал бы еси... У тебя, у брата моего прошенья не просити — что ми дѣяти? А у меня нет». (Там же, стр. 267).

[179] ОАК за 1896 г., стр. 31, рис. 167, а и 167, б; стр. 33, рис. 179.

[180] А. А. Потапов. Древний погреб близ Крымской площади. — «По трассе первой очереди Московского метрополитена», 1936, рис. 92, стр. 148; В. Даль. Толковый словарь великорусского языка. См. под словом «корчага».

[181] Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи 1902 г., л. 72 об. Рисунок иллюстрирует известную легенду о белгородском киселе: изображены два печенежина с амфорами в руках («они же нальяша корчагу цежа и сыты отъ колодязя и вдаша печенѣгом...»).

[182] А. В. Арциховский. Миниатюры Кенигсбергской летописи, М., 1932. — Копирование мастерами XV в. образцов XII в. А. В. Арциховский доказывает на других примерах.

светильники и поливная керамика. Высшее достижение домонгольской керамической техники (опередившей в этом отношении западноевропейскую) — полихромная поливная керамика — в XIV—XV вв. неизвестна ни в качестве мелких поделок, ни как строительный облицовочный материал. Искусство поливы возникает вновь в северорусских городах лишь в самом конце XV в.[183] Только в Новгороде мы встречаемся с поливными изделиями, правда, несравненно худшего качества, чем киевские. А. В. Арциховский при раскопках Славенского холма обнаружил остатки мастерской глиняных игрушек XIV—XV вв. Игрушки (главным образом птички) покрыты желтой поливой плохого качества.[184]

В технике лепки и обжига посуды никаких изменений в эту эпоху не наблюдается. Массовое применение городскими гончарами ножного круга, томления, лощения и обжига в горне — все эти технические новшества падают на XVI—XVII вв.[185]

Производство керамических строительных материалов — кирпича и изразцов — существовало в XIV—XV вв., главным образом, в Новгороде; в Москве оно появилось лишь во второй половине XV в. Новгородское зодчество применяло в XIV в. кирпичную кладку, но кирпич был неровным и довольно плохого качества. Наряду с кирпичом применялся булыжник и плитняк, а это обстоятельство не могло способствовать строгой стандартизации кирпича.

За пределами Новгорода мы не знаем применения кирпича до второй половины XV в., когда появились первые кирпичные здания в Москве, вызвавшие удивление москвичей: «...яко д и в и т и с я в с ѣ м ъ необычному дѣлу сему» (разрядка наша.—*Б. Р.*).[186]

---

[183] А. В. Ф и л и п п о в. Древнерусские изразцы, т. I, М., 1938. — Первое применение изразцов с зеленой поливой встречается во Пскове в церкви Георгия, что «со взвозу», построенной в 1494 г. На изразце изображен бородатый всадник в остроконечной шапке. А. И. Некрасов пытался видеть здесь влияние золотоордынской культуры («Татаризмы в русском орнаменте XV—XVI вв.», 1930, вып. 1).

[184] Великий Новгород. Зал IX (Путеводитель по Гос. историческому музею. Сост. С. А. Тараканової-Белкиной, М., 1940, стр. 12).

[185] См., напр.: М. В. В о е в о д с к и й. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя. — «По трассе...», 1936, стр. 171.

[186] Никоновская летопись 1467 г. — В. Д. Ермолин остроумно обновил полуразрушенную церковь Вознесенского монастыря, белый камень которой «изгорел» во многих пожарах. Он удалил обгоревший камень и одел здание кожухом из нового камня и «кирпича ожиганого».

Московский кирпич, примененный в ранних зданиях, был, вероятно, не особенно прочен, так как летописец особо отмечает изготовление крепкого кирпича Аристотелем Фиораванти.[187] Только к концу XV в. появляются красные изразцы и терракотовые орнаментальные фризы, заменившие собой белокаменную резьбу начала XV в.[188]

В связи с локальной ограниченностью производства и применения кирпича до середины XV в., мы должны разобрать несколько более ранних свидетельств о материале построек. Речь идет о понимании терминов «плита» и «плита жженая» в источниках XIV—XV вв.[189]

Происхождение слова бесспорно от греческого πλινθος — «кирпич»; отсюда древнерусское «плинф», «плинт», и, наконец, «плита». Кирпичный мастер — «плинфотворитель».[190]

Для эпохи Киевской Руси нет никаких сомнений в употреблении этих слов в греческом смысле для обозначения кирпича, но данные XIV—XV вв. не всегда можно понимать так.

Удивление москвичей могло, конечно, относиться не только к новому материалу, а ко всей совокупности действий мастера.

1471. «...Тороканъ купець заложи себѣ полаты кирпичны во градѣ Москвѣ, у градной стены у Фроловскых воротъ; единого лѣта и сведе...» (Софийская II летопись).

1473. «Митрополитъ Геронтий поставилъ у двора своего на Москвѣ врата кирпичемъ кладены ожиганымъ да и полату заложилъ на своемъ дворѣ» (Воскресенская летопись).

Н. Н. В о р о н и н («Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII веков», М.—Л., 1934) указывает еще более раннее кирпичное здание в Москве—кирпичную церковь 1458 г. на Симоновском дворе (стр. 91). Летопись под 6968 г. отмечает: «Поставили церковь кирпичну святое богоявление на монастырскомъ дворе Сергиева на Троицком «(Новгородская IV летопись 1460 г.). Ссылка Воронина не точна.

[187] «И кирпичную печь доспѣ за Ондроньевымъ монастыремъ въ Калитниковѣ, въ чемъ ожигати, и какъ дѣлати: нашего русского кирпича уже, да продолговатѣе и тверже; егда его ломать, тогда въ воду размачиваютъ...» (Софийская II летопись 1475 г.).

[188] Н. В. С у л т а н о в. Изразцы в древнерусском искусстве, СПб., 1885; Е. Ш м и д т. Гончарное искусство в древней Руси. — «Баян», 1914, № 2; А. В. Ф и л и п п о в. Ук. соч. — Все здания с изразцами построены не ранее 1480-х годов.

[189] Н. Аристов («Промышленность древней Руси») безоговорочно во всех случаях считает плиту равнозначной кирпичу (стр. 102).

[190] И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря... См. под словами: «плинф», «плита». Для последнего слова указывается двойственное значение: «кирпич» и «камень» (стлб. 965), но все летописные упоминания Срезневский отнес к кирпичу.

1309 г. — Во Пскове «Борис посадникъ съ псковичи заложи стѣну плитяну...»

1330 г. — в Изборске... «стѣну камену с плитою учиниша...»

1375 г. — «Псковичи заложиша четвертую стѣну, плитяну, отъ Псковы рѣки до Великой рѣки».[191]

Под 1420 г. летопись подробно рассказывает о постройке псковского Крома: «скончаны быша перши у Крому, мѣсяца іюля въ 7: а дѣлаше 200 мужь полчетверта года, а взяше у Пскова за дѣло свое 1000 рублевъ, а плиту которіи жгли, даша тымъ 200 рублевъ» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[192]

Это место понималось как свидетельство кирпичного производства,[193] но при ознакомлении с подлинными памятниками оказывается, что сложены они из плитчатого девонского известняка без применения кирпича.[194]

Как же понимать тогда «плиту жженую».?

По всей вероятности, здесь подразумевалось выжигание извести из плитчатого известняка, необходимой для цементирования каменной кладки. Таким образом, старый термин «плита», обозначавший первоначально керамический строительный материал, в XIV—XV вв. получил в ряде мест иной смысл, выражая понятие камня.[195]

Количество сведений о производстве и применении кирпича сокращается. Из перечисленных фактов ясно, что городское керамическое производство в XIV—XV вв. (включая сюда и производство кирпича) выглядело более однообразным и бедным, чем в городах XII в.

Выработка кирпича, красных изразцов, лощеной и томленой посуды, изобретение поливы — все это явления, находящиеся за пределами изученного времени. Перелом в керамическом деле наступает во второй половине XV в.

[191] Псковская I летопись под соответствующими годами. — ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 184, 186, 193.

[192] Псковская I летопись 1420 г. — Дополнение по списку Малиновского. Возможно, что 1420 г. означает начало работ, оконченных позднее, так как солнечное затмение, упомянутое под этим же годом, на самом деле было 8 июля 1423 г.

[193] Н. Аристов. Ук. соч.; И. И. Срезневский. Ук. соч.; Г. Е. Кочин. Материалы для терминологии словаря древней России, М.—Л., 1937. См. под словами: «плита жженая».

[194] А. Васильев и А. К. Янсон. Древний Псков, Л., 1929, стр. 24 и 47. — Все гражданское и церковное строительство Пскова знает почти исключительно известняк. Этим объясняется и «расседание» зданий во время пожаров, так как камень превращался в негашеную известь.

[195] В указанном нами смысле нужно понимать термин «плита жженая» и в отношении реставрационных работ тверского кн. Михаила Александровича, пожелавшего обновить Преображенский собор (бывш. Кузьмы и Демьяна). «И возхотѣ поновити ю, да будет якоже и преже, егда съврѣшена бысть и убѣлена. И по повелѣнію его сътвориша каменосѣчцы от плиты зженыя и тако поновишаю и убѣлиша, якоже изначала древле пръвого дни съвръшеніе и убѣленіе имеющи» (разрядка наша. — *Б. Р.*). — Никоновская летопись 1399 г.

Строительное дело [196]

Накануне татарского нашествия в Суздальской и Новгородской Руси был создан ряд прекрасных зданий, к которым неоднократно обращалась мысль позднейших зодчих, восхищенных строгой пропорциональностью, чистотой линий и общим изяществом произведений своих предшественников.[197]

Лебединой песней этого искусства был Георгиевский собор в Юрьеве Польском, первоначальный вид которого хотя и искажен В. Д. Ермолиным в 1471 г., но стены, покрытые сверху донизу тонкой белокаменной резьбой, настолько великолепны, что до сих пор продолжают свидетельствовать о большой впечатляющей силе русского домонгольского зодчества. Постройка собора была закончена в 1234 г., за четыре года до появления татар в Юрьеве.

Целое столетие после татар не было никаких каменных построек в разоренных местах и лишь в XIV в. начинается строительство в Москве и связанных с нею городах.[198]

Послемонгольское зодчество развивалось в трех областях — в Новгороде, Пскове и Москве. Каждая область культивировала свои

[196] Изучению древнерусского зодчества посвящено много различных исследований как частного, так и обобщающего характера. В настоящее время специалистами-архитекторами ведется большая работа по изучению отдельных памятников зодчества и их синтетическому обзору. См., напр.: Н. И. Брунов. Русская архитектура X—XV вв. — Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры, вып. 1, М., 1940.

Данный раздел нашей работы написан лишь в целях сохранения общей картины производства XIII—XV вв. и не затрагивает ряда вопросов, существенных для истории архитектуры.

[197] Достаточно назвать такие известные здания, как Спас Нередица в Новгороде, Дмитриевский и Успенский соборы во Владимире-на-Клязьме и Георгиевский собор в Юрьеве Польском.

[198] См. выше гипотезу о бегстве суздальских мастеров в Галич.

строительные приемы, вырабатывала свои конструкции, свои формы зданий.

Начать рассмотрение нам придется с Новгорода и Пскова, так как здесь перерыв в строительстве был меньше.

Зодчество Новгорода дает нам удивительно четкую картину совершенно различных строительных периодов. Первый период начинается с древнейшего строительства, подражавшего сложным многонефным византийским постройкам (Софийский собор 1045 г.) и охватывает время до начала XIII в.[199]

Кроме Софийского собора, все без исключения церкви этого периода построены по общерусской схеме: три апсиды, четыре или шесть опорных столбов и покрытие по закомарам. В некоторых случаях эта схема осложняется еще одним общерусским элементом — угловой вежей.

Затем наступает длительный перерыв, совпадающий с татарским нашествием и с борьбой Новгорода против немцев и шведов. XIII столетие — глухое время и для Новгорода; строительство каменных зданий прекратилось. Самая ранняя постройка после периода затишья относится к 1262 г. Нет сомнений в том, что монгольское иго сказалось и на Новгороде. Как ни старалось новгородское боярство «творить себе добро, а меньшим людем — зло» при разверстке татарской дани, дань эта обескровливала боярство и, между прочим, лишала его возможности строить дорогие церкви.

Накануне татарского нашествия было построено много церквей.[200] За три первых десятилетия XIII в. в Новгороде было построено 8 церквей, из них 6 каменных.

---

[199] 1133 Николо-дворищенский собор
1117—1119 Собор Антониева монастыря
1119 Георгиевский собор Юрьева монастыря
1127 Церковь Ивана на Опоках
1179 Церковь в Аркаже монастыре
1185 Церковь Петра и Павла на Синичьей горе
1195 Церковь Воскресенья в Мячине
1196 Кирилловский собор
1198 Церковь Спас-Нередица
1198—1202 Церковь Ильи на Славне и др.
Планы церквей опубликованы по промерам последних лет в книге: А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий, Л., 1939.

[200] Наиболее полный список их дает Новгородская III летопись 1206—1228 гг.

За шесть последующих десятилетий не было построено ни одной каменной церкви, а деревянных всего три.[201] Статистика показывает, что прекращение каменного строительства нужно связывать с первым, наиболее тяжелым периодом татарщины.

В 1292 г. построена каменная церковь Николы на Липне, открывающая собой серию зданий XIV—XV вв.[202]

Второй период новгородской архитектуры обнимает время от последних лет XIII в. до конца XV в. и насчитывает десятки сохранившихся каменных зданий.

Шестидесятилетний перерыв в каменном строительстве совершенно видоизменил облик новгородских зданий. Старые формы были прочно забыты, к ним больше не возвращались; все новые постройки резко отличаются от построек первого, домонгольского периода. Меняется план церкви — исчезают две апсиды и остается лишь одна центральная. Этот признак второго периода удерживается вплоть до XVI в., когда в Новгороде стали строить москвичи (гость Д. И. Сырков). Существенно меняется внешняя форма здания: исчезают закомары, вместо ровной волны позакомарного покрытия появ-

---

[201] 1262 г.— «Постави черпець Василій церковь святого Василья, а Богъ его вѣсть — своим ли (серебром) или Борисовымъ Гавшиничя» — Новгородская I летопись 1271 г. — «...Постави церковь святого Савы Федоръ Хотовичь; поставиша же и другую церковь Козмы и Демьяна, на Холопьи улици». — Новгородская I летопись 1271 г.— Каменная церковь Кузьмы и Демьяна была поставлена лишь в 1350 г. См. также под 1303 г.

[202] Только для одного ближайшего десятилетия мы располагаем целым списком вновь построенных церквей:
1292 Николы на Липне (каменная)
1292 Федора
1296 Воскресения (каменная) в честь победы над немцами
1297 Преображения (каменная)
1300 Михаила (каменная)
1300 в Зверине монастыре
1300 Лазаря
1300 Бориса и Глеба на Подоле
1302 «Заложиша город камен Новугороду»
1302 Бориса и Глеба (каменная)
1303 Георгия на Торгу
1303 Ивана
1303 Кузьмы и Демьяна на Холопьей улице
1303 Георгия на Борковой улице (Новгородская I летопись)
Строительство 1300—1303 гг. нужно связывать с пожаром 1299 г., во время которого на обеих сторонах города сгорело 22 церкви (Новгородская III летопись).

ляются устремляющиеся вверх треугольные в основе фронтоны и восьмискатные кровли. В связи с устранением трехчленности покрытия временно исчезают (до середины XIV в.) пилястры и появляются вновь лишь в связи с рядом новых декоративных элементов, покрывающих фасад здания ковром геометрических узоров. Откуда же появились эти новые формы, создавшие особый новгородский стиль в архитектуре?

Ответ на этот вопрос нам дает народная деревянная стройка с ее двускатными кровлями, треугольными фронтонами и стремлением к остроконечным завершениям.[203]

За два с половиной столетия до того, как один из вариантов деревянного зодчества дал увековеченную в камне церковь Вознесения в Коломенском, другой вариант деревянной стройки овеществился в каменной кладке таких новгородских церквей, как церковь Николы на Липне, Спаса на Ильине улице, церковь Федора Стратилата и т. п. Новый стиль сложился как-то сразу, выбрав такую форму, которая удержалась в своей основе два столетия. Законченность и сформированность нового типа здания могут быть объяснены тем, что за долгий промежуток между первым и вторым строительными периодами Новгорода были утрачены все навыки, все традиции старой стройки.

Первый период отражал тесное вхождение Новгорода в систему остальных русских земель, общность культурной жизни Новгорода, Киева, Владимира, Смоленска. Второй период говорит о сложении самостоятельной обособленной культуры.

Эпоха депрессии, наступившая после татарских походов, порвала

[203] Вопрос о влиянии деревянной архитектуры на каменную неоднократно ставился исследователями истории русского искусства, но чаще всего сопоставлялись деревянные восьмерики с шатровыми зданиями типа Вознесения в Коломенском. См., напр.: И. Е. Забелин. Черты самобытности в древнерусском зодчестве, М., 1900. — В последнее время взгляды Забелина (вызывавшие ранее возражения) нашли блестящее подтверждение в опубликованном М. Н. Тихомировым летописном отрывке XVI в.: «Князь великий Василей постави церковь камену Вознесение господа нашего Исуса Христа вверхъ на деревяное дело [разрядка наша. — *Б. Р.*] в своем селе Коломенском» (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — «Исторические записки», 1941, вып. 10, стр. 88). Реже касались исследователи вопроса о связи новгородских храмов с деревянным зодчеством. См., напр.: Игорь Грабарь. История русского искусства, т. I, вып. 2, стр. 230. А. И. Некрасов («Древнерусское зодчество») без всяких оснований видит в Новгороде примитивное подражание немецким провинциальным памятникам Балтийского побережья (стр. 151).

старые связи и уничтожила традиции. Длительное время новгородцы должны были довольствоваться только деревянными постройками. Вот этот промежуточный «деревянный» период в истории новгородского зодчества и совершил важный переворот в стиле.

Когда в конце XIII в. вновь приступили к каменной стройке (и приступили жадно, торопливо, как показывают приведенные выше выборки из летописей), зодчие, воспитанные на легких и остроконечных деревянных конструкциях прославленных новгородских плотников, перенесли эти принципы и на камень, заставив закомары вытянуться вверх, устранив необычное для деревянных построек вертикальное членение (пилястры). Каждый фасад нового здания напоминал фронтон деревянной избы высокой добротной северной стройки. Мастера не порвали совершенно с полувизантийской традицией (образцы старой стройки существовали перед глазами новых зодчих), они заставили старую схему подчиниться новому построению. Конструктивные элементы XII в. превратились в XIVв. в декоративные.[204]

Зодчество второго периода, получившее от деревянных форм готовую схему, не оставалось неподвижным на протяжении двух столетий: в 60-е, 70-е годы XIV в. в Новгороде создается несколько зданий (церковь Федора Стратилата 1361—1362 гг., Спасо-Преображенский собор на Ильине улице—1374 г.), дающих ряд новых декоративных деталей и представляющих «роскошный стиль» новгородского зодчества, говорящий о расцвете стиля, но не о его изменении.

В середине XV в. при архиепископе Евфимии строится несколько зданий гражданского характера с участием немецких мастеров (в этом выборе сказалась западная антимосковская ориентация Евфимия), но все эти постройки не меняли основного типа новгородских церквей, периодизацию которых мы сейчас устанавливаем.[205]

[204] Деревянный прототип новгородских церквей XIV—XV вв. можно представить по новгородской деревянной церкви, зарисованной в 1661 г. спутниками Мейерберга близ Вышнего Волочка (Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в., СПб., 1903, рис. 34).

Церковь («крещатая») имеет четыре фронтона, восьмигранный сруб наверху, связывающий воедино четыре нижних сруба и шатровый верх. Основная схема здания чрезвычайно близка к каменному зодчеству XIV—XV вв.

Погост Коломно находился в новгородских владениях.

[205] Предложенная нами периодизация новгородской архитектуры не совпадает с существующими мнениями по этому вопросу. Так, напр., И. Э. Грабарь («История русского искусства, вып. 2) делит новгородское зодчество на такие периоды: 1) древнейшие храмы Новгорода (1045—1345 гг.), 2) расцвет

В итоге этого крайне беглого обзора общих вопросов новгородского строительного мастерства мы можем сделать несколько выводов, совпадающих с результатами рассмотрения других элементов русской культуры:

1) новгородское зодчество домонгольского времени отражало культурные связи Новгорода с остальной Русью;

2) в XIII в., в эпоху монгольского нашествия и агрессии западных соседей, каменное строительство в Новгороде совершенно прекратилось;

3) возобновившееся в конце XIII в. каменное зодчество основывалось на новых принципах, совершенно отличных от домонгольских;

4) расцвет новгородской архитектуры происходит во второй половине XIV в.

Строительная техника новгородских каменщиков была не особенно высокой. Характерной чертой являлась смешанная кладка из кирпича, известковых плит и булыжника. Такая кладка могла быть прочной только при условии хорошего цементирующего раствора. Бывали случаи быстрого разрушения зданий вскоре после постройки.[206]

новгородского зодчества (1360—1374 гг.), 3) позднейшие новгородские церкви (1381 г. — XVI в.).

Особенно спорным здесь представляется первый период, объединяющий совершенно различные типы зданий.

А. И. Некрасовым («Древнее русское зодчество») предложено следующее деление: 1) живописный стиль XI в., 2) развитие репрезентатизма в XI—XII вв., 3) пластический примитивизм XII в., 4) развитие и судьба пластического стиля XIV в.

Положительная сторона этой схемы в разграничении XII—XIV вв., но неприемлемым является объяснение стиля XIV в. заимствованиями с Запада (стр. 93, 142, 144, 151, 152). См. убедительные возражения Грабаря против увлечения Западом («История русского искусства», стр. 234).

Самой последней по времени опубликования является периодизация А. А. Строкова и В. Богусевича («Новгород Великий»): 1) княжеские сооружения (1045—1198), 2) памятники эпохи феодальной раздробленности (1179—1467), 3) памятники Новгорода XVI—XVII вв.

Схема грешит социологизаторским подходом и не считается с реальной характеристикой стиля; поэтому совершенно одинаковые по форме и возникшие в одно время постройки причисляются к различным эпохам.

Во всех трех приведенных схемах отсутствуют указания на период затишья строительства (1228—1292), попытки объяснения этого «пустого» времени и указания на различия архитектурного стиля до и после шестидесятилетнего перерыва.

[206] В 1382 г. церковь Дмитрия Солунского, поставленная, очевидно, в ознаменование Куликовской битвы, «за мало дней разсыпася» (Новгородская I летопись 1382 г.)

Непрочность отдельных строек не может быть истолкована как показатель низкого уровня строительной техники вообще. Многие здания стройки XIV в. выдержали шестисотлетнее испытание и стоят до сих пор без всяких подпор и починок. Конструктивной особенностью новгородских церквей второй половины XIV—XV вв. является наличие подклетов — вместительных полуподвальных помещений, служивших складами боярского имущества.[207]

Второй, более мелкой, особенностью новгородского зодчества было применение голосников, широко употреблявшихся московскими мастерами.[208]

Псковская архитектура, так же как и новгородская, не знает построек второй половины XIII в. и также переживает свой расцвет в 60-е — 80-е годы XIV в.[209]

Планировка церквей сохранила старую домонгольскую схему (трехапсидность), но в XIV в. этот архаичный план совмещается с восьмискатной крышей и треугольными фронтонами новгородского типа. В XV в. под влиянием московского зодчества появляются ступенчатые арки в сочетании с архаичным позакомарным покрытием.[210]

Псковское строительное мастерство стоит несколько особняком от остальной архитектуры русских областей; не оказав влияния на соседей, оно восприняло элементы новгородского и московского зодчества.

В 1435 г., когда еще работали, по всей вероятности, немецкие мастера, у владыки Евфимия была построена каменная церковь; «только мастеры съврѣшивъ сѣшли съ церкви и томъ часѣ церковь падеся» (Новгородская I летопись 1436 г.)

[207] Почти при каждом новгородском пожаре упоминаются погоревшие товары, «злые человеки»—грабители, сторожа и попы, защищающие эти товары. См., напр., грандиозный пожар 1340 г. («тако бо бяше великъ и лютъ пожаръ..., яко мнѣти уже кончина»).

В церковь «Сорока мучеников» проникли грабители, заперлись там и «товар весь чи бы ни был, то все разграбиша», а затем, убив двух сторожей, убежали. В другой церкви на торгу «попъ сгорѣ, а иніи глаголють — убиша его надъ товаромъ» (Новгородская I летопись 1340 г.).

[208] До сих пор историками архитектуры не разрешен вопрос о назначении голосников. Вероятнее всего им нужно приписывать и акустическое и конструктивное значение.

[209] Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1940.—С 1365 по 1385 г. построено во Пскове 13 каменных церквей.

[210] Н. И. Брунов. К вопросу о раннемосковском зодчестве. — «Труды ГСА РАНИОН», 1928, вып. IV, стр. 99. — Указывается московское влияние на церковь Василия на Горке 1413 г.

В XV в. псковские архитекторы, внимательно приглядывавшиеся к строительным новинкам Москвы, Новгорода и Западной Европы, пользовались славой хороших зодчих: Иван III, задумав строить вновь Успенский собор (после того, как недостроенное Мышкиным и Кривцовым здание погибло от «труса»), посылает за мастерами одновременно в Рим и во Псков, так как псковичи «навыкше каменносѣчной хитрости».[211]

Псковские летописи единственные из всех сообщают нам сведения о мастерах, о стоимости построек и длительности работ. Известны мастера-строители: Кирилл, построивший на свой счет церковь (1371);[212] Еремей, построивший каменную церковь для купеческой корпорации;[213] Федор с дружиной, крывшие Троицкий собор свинцом.[214]

В «низовской земле», как и в Новгороде и Пскове, строительство возобновилось также только к концу XIII в. До этого лишь ремонтировали церкви, крыли их новым оловом, выкладывали мрамором пол.[215]

В Твери строительство началось после сильного пожара, уничтожившего весь город, кроме одной церкви. В 1287 г. на месте Кузьмадемьянской церкви (очевидно разрушившейся)[216] строится каменная Спасская церковь. В 1297 г. в Твери же была поставлена церковь Афанасия.[217]

В 1290 г. поставлена церковь в Устюге Великом.[218] Материал двух последних построек нам неизвестен; по всей вероятности, они были деревянные.

В Московском и Владимирском княжествах архитектура развивалась особыми путями. Материалом здесь служил белый камень, но обрабатывался он несравненно тщательнее, чем во Пскове. Здания Москвы, Звенигорода, Сергиева монастыря, Александровской слободы дают нам резные белокаменные фризы, резные порталы и гладкие стены из крупных квадратов.[219] Предполагать непосредственную преемственность московской архитектуры XIV—XV вв. от владимирской XII—XIII вв. нет оснований. Послемонгольское время и здесь не заполнено никакими стройками. Одиноко стоит упоминание о постройке в 1262 г. Даниилом Александровичем каменной церкви в Даниловском монастыре.[220]

Строительство началось лишь при Иване Калите, поставившем в 1324—1326 гг. Успенский собор в Кремле. Вслед за тем строится ряд белокаменных зданий.[221]

Искусство белокаменной кладки и резьбы не могло быть непосредственно передано новым поколениям домонгольскими строителями Георгиевского собора в Юрьеве. Здесь мы должны учитывать наличие материала и воздействие готовых образцов, прекрасных построек XII—XIII вв., изучать которые архитекторы ездили еще в конце XV в.

Московское зодчество сохранило старый план малых церквей, но создало новую оригинальную конструкцию здания. Древнейшим

---

211 Воскресенская летопись 1474 г.

212 Псковская I летопись 1373 г.

213 Псковская II летопись 1415 г.

214 Псковская II летопись 1420 г.

215 Никоновская летопись 1280 г.

216 Воскресенская летопись 1287 г.: «Князь Михайло Ярославич заложи на Твери церковь Спаса на мѣстѣ идѣже преже бывала [разрядка наша.—*Б. Р.*] церковь Козма и Дамиан». Никоновская летопись сообщает, что пока мастера строили каменную церковь внутри нее была поставлена временная деревянная (Никоновская летопись 1287 г.).

217 Никоновская летопись 1297 г.

218 Воскресенская летопись 1290 г.

219 Н. И. Брунов. Русская архитектура X—XV вв.; М. В. Красовский. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества, М., 1911; А. И. Некрасов. Древние подмосковные, М., 1923; А. И. Некрасов. Троицкий собор Александровской слободы. — «Изв. Общ. графических искусств», 1916, № 4—6. — Автор относит собор к 1432—1434 гг., но его датировка не общепризнана. — А. И. Некрасов. Древнерусское зодчество XI—XVII вв., М., 1936.

220 М. В. Красовский. Ук. соч., стр. 10. — Белокаменный цоколь здания сохранился.

221 1329 — ц. Ивана Лествичника
1329 — Петроверижский придел Успенского собора
1329 — ц. Спас на Бору
1333 — ц. Михаила
1360 — Собор Андроникова монастыря
1365 — Чудов монастырь
1393 — Рождественская церковь
1397 — Благовещенский собор
(М. В. Красовский, Ук. соч., стр. 11).

В 1366—1367 гг. начат был постройкой белокаменный Московский кремль: «Тое же зимы князь великій Дмитрей съ братомъ княземъ Володимеромъ Андріевичемъ замыслиша ставити городъ Москву каменъ, и еже умыслиша, то и сътвориша, тоа бо зимы и камень повезоша ко граду» (Воскресенская летопись 1366 г.).

«Тое же весны заложиша градъ Москву каменъ». (Там же, 1367).

В XIV в. Москва уже стала вполне «белокаменной», оправдывая свой поэтический эпитет.

дошедшим до нас зданием Москвы является собор Андроникова монастыря.[222]

По внешнему виду собор напоминает деревянные церкви Севера. «Клеть» в центре, четыре выступа по фасадам (три высоких притвора и высокая центральная апсида), подчинение угловых конструкций центральным, куб наверху и вместо деревянного восьмерика массивный круглый барабан.

Конструктивной особенностью являются ступенчатые арки, представляющие новшество в русском зодчестве. Форма арок снаружи килевидная. Андроньевский собор является первым звеном в той цепи каменных зданий «на деревянное дело», которая завершилась созданием Вознесения в Коломенском. Ступенчатые арки широко применялись в сербской архитектуре XIV в. Появление их на русской почве связывали с именем Лазаря Сербина, работавшего в Москве в 1404 г.[223] Второй конструктивной особенностью после ступенчатых сводов были кокошники, появившиеся в начале XV в. в развитие идеи ступенчатости. Кокошники сочетались с позакомарным покрытием. Вид раннего московского здания с кокошниками очень хорошо передает уже упоминавшееся нами кадило Сергиева монастыря 1405 г. Московско-звенигородское зодчество XV в. оказало влияние на Псков: церковь Василия на Горке 1413 г. построена с применением ступенчатых сводов.[224] Отдельные элементы архитектуры XV в. отражены и в рисунках Радзивилловской летописи, представляющих смешение московских и новгородских форм.[225]

В итоге нашего обзора строительного дела мы можем сделать вывод, что татарское иго почти на целое столетие приостановило каменное строительство во всех областях, а после этого вынужденного перерыва (во время которого исчезли мастера-каменщики), когда появились вновь средства для сооружения дорогих зданий (конец XIII в.— начало XIV в.), каменные церкви и в Новгороде и в Москве строили «на деревянное дело», подражая местному, особому для каждой области деревянному зодчеству.

И Москва (Звенигород, Сергиев монастырь) и Новгород создали свои формы новых каменных зданий. Расцвет каменного строительства в Новгороде падает на вторую половину XIV в., а в Москве — на начало XV в.

Обработка дерева

Плотничное дело XIII—XV вв. очень мало отличалось от домонгольского. Попрежнему набор плотничьих инструментов состоял из топора, тесла, долота, к которому изредка добавлялись бурав и пила. Массовый материал по плотничному делу сохранился лишь от XVI—XVII вв., но изучение этого материала убеждает нас в устойчивости инструментов и технических приемов.[226] При крупных постройках применялись блоки для подъема бревен и земли (для укрепления потолка).[227] Применение плотничного искусства было чрезвычайно широким: крепостные стены, дома, дворцы, церкви, мосты, мостовые, мельничные плотины, ладьи, учаны — все это требовало труда плотников. Попрежнему плотники объединялись в артели, нанимавшиеся на различные работы.

Особенно много сведений о найме плотников в псковских летописях.[228]

---

[222] См. рекопструкцию арх. П. Н. Максимова, приложенную к статье Н. И. Брунова «Русская архитектура X—XV вв.»

Датировка этого собора не установлена еще окончательно, но много данных в пользу признания данного здания древнейшим, т. е. 1360 г.

[223] «Того же лѣта часы поставлены на Москвѣ, на великого князя дворѣ... а делалъ ихъ Лазарь чернецъ Сербинъ, иже ново пришел из Сербьскіа земли» (Никоновская летопись 1404 г., стр. 190). Воскресенская летопись дополняет: часы были с луною; цена им — более 150 руб. В эпоху болгарина митрополита Киприана в Москве было много южных славян.

Н. И. Брунов в 1928 г. («К вопросу о раннемосковском зодчестве») считал Лазаря Сербина причастным к архитектуре и первым применявшим ступенчатые арки при постройке собора Саввина монастыря в 1405 г. (стр. 104), но после работ П. Н. Максимова появление ступенчатых арок (или, точнее, сводов) нужно относить на полвека назад.

[224] Н. И. Брунов. К вопросу..., стр. 99

[225] Радзивилловская летопись. Фотомеханическое воспроизведение, СПб., 1902, лл. 74, 106, 109 (закомары, четверик и барабан).

[226] И. Грабарь. История русского искусства, вып. 3. Русский Север и плотничное искусство; Н. В. Султанов. Остатки Якутского острога. — ИАК, 1907, вып. 24. — Покойный П. Г. Любомиров в обстоятельной статье установил, что пила начинает широко применяться не ранее XVII в., а до этого всецело господствовал топор («Из истории лесопильного производства в России в XVII—XIX вв.» — «Исторические записки», 1941, вып. 10, стр. 222). Статья написана в 1932 г.

[227] В 1475 г. Аристотель Фиораванти, разбирая развалины Успенского собора, рухнувшего во время землетрясения, применил блоки, известные и ранее русским строителям: «...И верху цѣпляше малые колесца, еже плотники вѣкшою зовуть, еже имъ на избы землю волочать...» (разрядка наша.— *Б.Р.*). — Львовская летопись 1477—1478 гг.

[228] См. об этом ниже, в разделе, посвященном наемному труду.

Плотники упоминаются в писцовых книгах на погостах (см. выше). Ввиду того, что все население владело топорами, иной раз крупные постройки производились с приглашением «волощан», т. е. жителей сельских мест.

Резьба по дереву применялась, по всей вероятности, очень широко. До нас дошло несколько резных царских врат XV в.[229] В некоторых случаях резьба сквозная, образующая плетение, явно подражающее бронзовому плетению паникадил этого же времени.[230]

В других случаях рельефная резьба выступает на ровном и гладком фоне.

Среди орнаментов встречаются плетенки разных видов, розетки, сложный ковровый узор, напоминающий резьбу на камне XIII в.[231] Иногда встречаются барсы и птицы, напоминающие опять-таки рельефы белокаменного зодчества XII—XIII вв.[232]

Самым ранним памятником резного дела является знаменитый людогощинский крест 1359 г.[233]

В нем мы находим сочетание плетенки и спиралей. Характер плетения напоминает плетеные решетки, дополненные в XV в. на одном из новгородских сионов XII в.

Врата и кресты дают нам образцы тонкого искусства обработки дерева. Интересно отметить, что мастера-резчики подражали изделиям из бронзы и серебра, повторяя те же мотивы.

Кроме плотничного и резного дела, несомненно, существовало бондарное и токарное ремесло, были специалисты по изготовлению ладей и других деревянных изделий.[234]

---

[229] Н. В. Покровский. Заметки о памятниках псковской старины, СПб., 1914, табл. III (врата Снетогорского монастыря). Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву, Л., 1934, стр. 194—196, рис. 100—102. Ростовская резьба XV в.

[230] Н. Н. Соболев. Ук. соч., рис. 101.

[231] «Русские древности по снимкам И. Ф. Борщевского», л. 122 — врата из Владимира. Здесь любопытно наличие крещатых зубцов в круге, совершенно аналогичных зубцам на паникадилах начала XV в.

[232] Н. В. Покровский. Заметки..., табл. III.

[233] Фотографию (лучшую из существующих) см. у Соболева (Ук. соч., стр. 139, рис. 65). В 1938 г. крест был очищен от позднейшего левкаса и красок. (А. А. Строков и В. А. Богусевич. Новгород Великий, Л., 1939, стр. 112, рис. 90).

[234] См., напр., «Якимко токарь» (НПК, т. V, стр. 163). В Русе мы встречаем «колника», т. е. колесника (НПК, т. V, стр. 194); в Ивангороде есть специалист «учанник», судостроитель (НПК, т. IV).

Ткачество

Выработка льняных и шерстяных тканей в основном была делом деревни и отчасти вотчинного двора, но нельзя забывать и город, в котором существовали холщевники (ткачи полотна), опонники, епанечники и стригольники.[235]

Сведения наши по этому разделу ремесла крайне ограничены.

Позднее, в XVI в., в Новгороде было много ремесленников, связанных с ткачеством.[236]

Можно предполагать, что такое развитие ткачество получило не вдруг, что в XIV—XV вв. в городах тоже были ткачи, изготавливавшие льняные и шерстяные ткани.

Около XIV в. вместо прежнего веретена в городах появилась прялка.[237]

Конструкция ткацкого стана остается попрежнему неизвестной. Возможно, что он принял в это время горизонтальную форму, по-

---

Сведения о бочках многочисленны. См., напр., Новгородскую летопись 1358 г.

Богатый материал по плотничному делу и по обработке дерева дали раскопки А. В. Арциховского в Новгороде.

[235] НПК, т. V, стр. 207: «Ивашко-холщевник, да сусед его Кузьма»; там же — Трофим епанечник.

[236] По подсчетам А. В. Арциховского («Новгородские ремесла».— «Новгородский исторический сборник», 1939, вып. 6) — 149 льняников, 72 холщевника, 41 суконник, 6 сукновалов, 4 стригольника, 3 бердника. Всего 275 мастеров, занятых в текстильном производстве.

Спор вызывает здесь термин «стригольники». В них видели и духовных лиц, простригавших тонзуру («гуменце»), и парикмахеров, и стригалей сукна. Последнее представляется наиболее вероятным. В пользу этого говорит указание на еретика Карпа, что он был «художеством стригольник». Так можно сказать только о человеке, для которого стригольничество является основным занятием, его профессией.

Следовательно, версия о церковном происхождении стригольничества должна быть оставлена.

Кроме новгородских документов, стригольники знакомы и московским: в «Переписной книге города Москвы 1638 г.» (М., 1881, стр. 124) указан на земле церкви Фрола и Лавра двор и «вдовы Анны Гавриловской жены стригольникова...» Это еще раз убеждает нас в том, что «простриженье гуменце» здесь ни при чем.

[237] В раскопках А. В. Арциховского в Новгороде, в слое XIV в., была найдена костяная спица с изображением петуха и с отверстием для нити. Такие спицы применялись на прялках вплоть до недавнего времени.

бедившую к XIV в. в Западной Европе более примитивную форму вертикальную.[238]

Древнейшей датированной тканью изучаемого периода являются омофор и епитрахиль архиепископа Моисея (ум. 1362).[239]

Ткань в обоих случаях очень тонкого рисунка в несколько «нитов». Епитрахиль расшита фигурами ангелов в пятилопастных киотцах.

Орнаментация ткани производилась разнообразной вышивкой цветными шелковыми и шерстяными нитями и золотом.

Художественное шитье известно по ряду прекрасных памятников, изготовленных в теремах княгинь и в монастырях.[240]

В Западной Европе прялки появляются в XIII в. — См.: Е. Ч. Скржинская. Техника эпохи западноевропейского средневековья. — «Очерки истории техники докапиталистических формаций», М., 1936, стр. 305.

[238] Е. А. Цейтлин. Очерки истории текстильной техники, М.—Л., 1940, стр. 63. — В XI в. в передовой текстильной стране — Италии — бытовал еще станок с вертикальной ткацкой рамой. Точное время появления горизонтальной системы, просуществовавшей до XX в., неизвестно. — См.: Е. Ч. Скржинская. Ук. соч., стр. 309—310.

[239] Н. В. Покровский. Описание Софийской ризницы. — «Труды XV Археол. съезда, 1914, т. I, табл. XIX.

[240] Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей, М.—Л., 1938, стр. 386; Н. М. Щекотов. Древнерусское шитье. — «София», 1914, № 1, январь; В. Н. Щепкин. Памятники золотого шитья начала XV в., М., 1893.

Работа В. Н. Щепкина, интересная своими тонкими наблюдениями и остроумными догадками, посвящена шитой пелене, выполненной в Суздале Аграфеною, женою Константина, около 1410—1413 гг. Дата осталась недописанной: «знаменщик», набрасывавший контуры рисунка и надписи, нарисовал лишь начальные цифры и оставил место для других, которые нужно было поставить по окончании длительной работы вышивальницы.

Пелена (или «воздух») была скопирована с сербского оригинала и иллюстрировала апокрифический, так называемый первоевангельский цикл.

С того же оригинала в Переяславле Залесском была «назнаменована» в 1486 г. вторая пелена «замышлением... княжны Анны». Работа длилась целый год.

Как показывает «воздух» 1466 г., художники предварительно рисовали красками рисунок, который впоследствии расшивался нитками в цвет краски. Сохранившийся «воздух» расписан медовыми красками по шелковой материи, тогда как надпись гласит: «Лe 6974 княгини Олена вышила сии воздух...» Елена была женой верейского князя Михаила Андреевича (1430—1485), попавшего в опалу при Иване III (см. А. С. Орлов. Библиография..., стр. 128). Возможно, что нити вышивки обветшали и их спороли с пелены, которую судьба закинула в маленькую провинциальную церковь на Украине.

Существование специалистов-красильников тканей устанавливается по наличию «Красильницкой улки» в 1385 г.[241] Украшение тканей производством набойки, известное еще в домонгольской Руси, возрождается едва ли ранее XVI в.[242]

С этого времени набойка широко применяется для имитации сложных узоров дорогих импортных тканей.

Многие высокоценные ткани русские горожане покупали у иноземных купцов: сукна, скарлат, бархат шли через Новгород и Псков из стран Западной Европы; шелковые ткани закупались в Крыму, Малой Азии и Закавказье.

Для нас представляют интерес сведения о том, что тогдашняя Русь была не только покупательницей чужих тканей, но выступала и в качестве экспортера тканей собственного производства.

В середине XIV в., по словам Шейх-ал-Эддина, в индийском городе Дели были в большой моде «льняные одежды из Руси».[243]

Говоря о богатствах Самарканда, стекавшихся к нему со всех сторон, Клавихо (1404) сообщает: «Город изобилует разными товарами, которые привозятся в него из других стран: из Руси и Татарии приходят кожи и полотна, из Китая — шелковые ткани...» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[244]

Вполне возможно, что этот экспорт в страны Востока, где была развита своя текстильная промышленность и где, следовательно, покупатель был взыскателен, обеспечивался работой русских городских ткачей-холщевиков, а не деревенским холстом.

Монетное дело

Искусство денежников, «серебряных ливцов», очень близко к ювелирному; нередко мы можем проследить руку одного мастера и на монетах и на ювелирных изделиях.[245] Но по ряду признаков денежников следует отделить от ювелиров.

Все памятники древнерусского шитья говорят нам не о ремесленном, а о вотчинном изготовлении их.

[241] Новгородская IV летопись 1385 г.

[242] Н. Н. Соболев. Очерки..., стр. 383 и 389.

[243] В. В. Святловский. Примитивно-торговое государство как форма быта, СПб., 1914 стр. 226.

[244] Рюи Гонзалес де Клавихо. Жизнь и деяния Великого Тамерлана.— ИОРЯС, 1881, т. XXVIII, стр. 329.

[245] Напр., изображение охотничьих сцен на рогатине Бориса Александровича и на монетах этого же князя и его предшественника Ивана Михайловича. —

До появления собственной русской чеканки монет мастерам-резчикам приходилось изготавливать печати, в которых они обнаруживали подчас незаурядное мастерство.[246]

Во второй половине XIV в., впервые после трехсотлетнего перерыва, монеты своей чеканки появляются на Руси в ряде княжеств, а в XV в. монеты чеканились уже более чем в двадцати различных городах: почти каждый князь располагал своим монетным двором.[247]

Появление чеканки стоит в тесной связи с общим подъемом экономики, наблюдаемом в последние десятилетия XIV в.

Монеты чеканились из серебра и изредка из меди. Чеканка производилась, по всей вероятности, холодным способом путем расплющивания проволоки.[248]

Пуансоны для монет были круглые, но в переходное время, когда бытовали еще серебряные слитки, существовали прямоугольные и фигурные пуансоны, применявшиеся только для слитков.[249]

Рисунок резали на матрице вглубь; поэтому все монеты имеют рельефные изображения. Очень ценны изображения денежников на самих монетах. У тверских монетных мастеров существовала традиция изображать самих себя на оборотной стороне монет.

Наиболее часто встречаются эти своеобразные автопортреты на монетах Бориса Александровича (1425—1471), но есть они и на других монетах.[250] Денежники сидят на низких табуретах, за спиной у них расположены какие-то угольники; на головах — широкополые шляпы или зубчатые венцы; одежда обычно короткая. Наибольший интерес представляет изображение инструментов мастера.

Денежник всегда работает перед небольшой имеющей вид столбика наковальней, укрепленной на горизонтальной подставке. На наковальне находится верхняя матрица. Иногда она изображена отдельно, приподнятой над наковальней. В правой руке мастер держит двусторонний молот, а левой придерживает верхнюю матрицу. Вокруг наковальни изображены монеты в виде небольших кружков.

Весь процесс изготовления монет можно представить так: нижняя матрица прочно вставлялась в наковальню, верхняя была съемной. На наковальне первоначально ударом молота расплющивали проволоку, а затем получившийся щиток укладывали на нижнюю матрицу, прижимали верхней и с силой ударяли по верхней матрице.[251]

Рисунки матриц обычно изящны и чрезвычайно разнообразны; они свидетельствуют о значительном художественном вкусе и фантазии древнерусских резчиков. Среди изображений на монетах мы встречаем всадников с копьем, всадников в плаще, всадников, рубящих мечом, конных сокольников с соколами, барсов, львов, драконов. Встречаются изображения князей с символами власти, отдельные головы, изображения воинов с секирой и с мечом, денежных мастеров, охотников на медведя с рогатиной, охотников на птицу с луком, крылатых кентавров, кентавров, стреляющих из лука, воинов с мечом и щитом (иногда парных), Горгону, Самсона, раздирающего

А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г., М., 1896, табл. II, рис. 46—53.

Между прочим, наличие охотничьих сцен, аналогичных изображениям на рогатине, на монетах не только Бориса Александровича, но и его деда, говорит в пользу датировки рогатины первыми годами княжения Бориса.

[246] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, Л., 1928.

[247] Монетные дворы в XIV—XV вв. были в следующих городах:

Москве	Ярославле
Серпухове	Пскове
Боровске	Новгороде
Верее	Новом Торге
Можайске	Суздале
Коломне	Нижнем-Новгороде
Дмитрове	Твери
Галиче	Кашине
Рязани	Городке
Пронске	Микулине
Спасске	Смоленске
Ростове	Чернигове

А. В. Орешников. Ук. соч.; А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет, вып. 1, Л., 1940).

[248] В. К. Трутовский. Нумизматика, вып. 1. Введение в общую нумизматику, М., 1908, стр. 23.

Хорошее представление о таком расплющивании дают овально-щитковые височные кольца. — А. В. Орешников. Ук. соч., табл. XVII, рис. 791 (следы проволоки).

[249] Н. П. Булычов. Заметка о клейменых слитках. — ИАК, СПб., 1906, вып. 18, табл. I. Пуансоны прямоугольные, треугольные, крестовидные, в форме розетки.

[250] А. В. Орешников. Ук. соч., табл. II, рис. 60—67; табл. V, рис. 190.

[251] В том, что проволока предварительно расплющивалась, убеждают монеты с широкими гладкими полями. — А. В. Орешников. Ук. соч., табл. X—XXI.

пасть льву. Мы видим на монетах Александра Македонского, возносящегося на небо; вещую птицу Сирин; сцену борьбы; палача, рубящего голову фальшивомонетчику (?); нагого человека перед Софией— премудростью божьей; различных птиц (орла, голубя, петуха); человека со знаменем (в память победы на Куликовом поле); подражания арабским надписям; подражания античным геммам; крылатых грифонов. Однажды были найдены монеты с изображением бородатого чорта с мечом в остроконечной шапке и с длинным хвостом.[252]

Интересно отметить, с одной стороны, полное отсутствие христианских сюжетов в рисунках монет (за исключением новгородской эмблемы), с другой, — знакомство русских художников с образцами античной и средневековой мифологии.

Введение собственной монетной системы в вольных торговых городах проходило торжественно: и в Новгороде, и во Пскове летописцы отметили это событие в летописях, а псковские денежники даже выбили в честь него специальную медаль с изображением, аналогичным изображению на монетах, с точной датой (единственный случай в русской средневековой нумизматике) и с описанием другого события, совпадавшего с началом чеканки монет — окончания постройки кремлевской стены.[253]

Введение новых денег скоро привело к злоупотреблениям со стороны мастеров-денежников, чеканивших монету по частным заказам новгородских бояр. Уже в 1447 г. «начаша людіе денги хулити сребряныя... и бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь; и посадникъ, и тысяцкий, и весь Новгородъ уставиша 5 денежниковъ и начаша переливати старыя деньги, а новыя ковати въ ту же мѣру на 4 почки таковы же, а отъ дѣла: отъ гривны по полуденгѣ. И бысть крестьяномъ скорбь велика и убытокъ въ городи и по волостемъ».[254]

Судя по тому, что тип денег и р а з м е р монетных кружков был оставлен без изменений, можно думать, что порча монет денежниками выражалась в уменьшении в е с а, так как в отношении новых денег специально оговорен их вес — 4 почки (18 долей).

[252] Изображение вооруженного дьявола на тверских монетах князя Ивана Ивановича Молодого, сына Ивана III (А. В. О р е ш н и к о в. Ук. соч., табл. IV, рис. 185), не связано ли с теми еретическими настроениями, которыми была охвачена в 1480—1490 гг. значительная часть великокняжеского двора и, между прочим, жена Ивана Ивановича Елена Степановна Волошанка?

[253] Медаль опубликована и объяснена И. И. Т о л с т ы м («Русская допетровская нумизматика», вып. 2. Монеты псковские, СПб., 1886, стр. 1, 14—18).

[254] Новгородская летопись 1447 г.

Очень скоро, в этом же году, «новгородци охулиша сребро рубли старыи и новыи; бо денежникамъ прибытокъ, а сребро передѣлаша на денги, а у денежниковъ посулы».[255]

«Скорбь и убыток» новгородцев и прибыток денежников объяснялись, во-первых, тем, что монетные мастера получали за свою работу по полуденьге с гривны, т. е. около 4% веса серебра, а, во-вторых, практиковавшимися тогда частными заказами чеканки монет.[256]

Злоупотребления денежных мастеров привели к крупным событиям в Новгороде.

Посадник Сокира вывел на вече «ливца и вѣсца серебряного» Федора Жеребца, предварительно напоив его допьяна. На вече Жеребец оговорил 18 человек, заявив, что он лил для них рубли. «И по его рѣчемъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша и изъ церквей вывозиша животы ихъ (а преже того по церквамъ не искивали)». Затем «безъправдивые бояре» заставляли мастера Федора указывать других участников манипуляций с деньгами. «Онъ же, протрезвився рече: «На всѣхъ есмь лилъ и на всю землю, и весилъ со своею братьею ливцы».[257]

Конфискация имущества продолжалась. Инициатор выявления беззаконий, посадник Сокира «оттоле разболеся и умре».

Приведенные факты говорят нам о существовании корпорации ливцов-серебряников, старшиной которой был, очевидно, Федор Жеребец. После «денежного бунта» 1447 г. монетные мастера подписывали деньги своими инициалами или только одной буквой.[258]

На псковских и тверских деньгах встречаются даже имена денежников: Заманин и Иван — на псковских деньгах,[259] Орефьев — на тверских монетах.[260] В некоторых случаях княжеский монетный двор старался оградить себя от возможных подделок.

[255] Т а м ж е, стр. 26.

[256] «В Московии почти все золотых дел мастера чеканили монету и если кто-нибудь приносит слитки чистого серебра и желает обменить на монету, тогда они кладут на одну чашку весов серебро, на другую монету и уравнивают их весовую тяжесть» (С. Г е р б е р ш т е й н. Записки о Московии, СПб., 1866, стр. 88).

[257] Новгородская IV летопись 1447 г.

[258] И. И. Т о л с т о й. Ук. соч., стр. 124—132. — Буквы *ВЛ*, *ЕИ*, *НЕ*, *ОД*, *ОО*, *ОС*, *СД*, *СО*; А. В. Орешников добавляет *БП*, *НС* (Ук. соч., стр. 12). Отдельные буквы: *Б*, *В*, *Д*, *И*, *Л*, *Н*, *О*, *П*, *С*, *Ф* — см. И. И. Т о л с т о й. Ук. соч., стр. 101, 124.

[259] А. В. О р е ш н и к о в. Ук. соч., стр. 19—20.

[260] Там же, стр. 45. — На тверских монетах есть буква *Д*.

На монетах Ивана Михайловича Тверского имеется надпись, которую расшифровывают так: «сторожа на безумного человека», понимая под этим охрану монет от покушений со стороны злоумышленников.[261]

Если ювелиры, наряду с иконниками и зодчими, были наиболее привилегированными среди русских мастеров, то денежные мастера были самой зажиточной частью ювелиров.[262]

Одним из видов городского ремесла, известным лучше многих других, является ремесло писцов, «книжных описателей». Их производственная связь с нашими письменными источниками обусловила сохранность большого числа приписок и пометок на древних книгах, автобиографических заметок, даже своеобразных дневников, которые велись в процессе создания книги на ее полях.

В писцовом деле мы не наблюдаем отрицательного влияния татарского нашествия. Орудия письма совершенно не изменились по сравнению с домонгольским периодом: изменения произошли лишь в материале — пергамен (харатья, телятина, кожа, мех) частично сменился бумагой.

Появление бумаги на русской почве относится к середине XIV в., но преобладающим материалом она становится с начала XV в.[263]

Для дорогих рукописей попрежнему применялся пергамен.

[261] В. У л я н и ц к и й. О загадочной надписи на монете великого князя тверского Ивана Михайловича. — «Археологические известия и заметки», М., 1894, л. 11. — Ранее эту надпись читали различно: 1) «Ростовка жена безумная»; 2) «Жан Безин с челобитьем»; 3) «Осподаря Жана всей земли русской».

В. Уляницкий приводит надписи на печатях XVII в.: «печать на безумного крепость» (стр. 342), что делает вероятной предлагаемую им расшифровку надписи на монете. Возражения А. Ф. Маркса («Археологические известия и заметки», 1895, № 5, стр. 148) нам представляются совершенно не убедительными.

[262] О прибылях, которые получали денежные мастера в XV в. в связи с постепенным понижением веса монет, см. И. И. К а у ф м а н. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. («Записки Нумизмат. отд. Русского археол. общ.», СПб., 1910, т. II, вып. 1—2, стр. 39—48).

[263] В. Н. Щ е п к и н. Учебник русской палеографии, М., 1920, стр. 25. — Вопрос о следах происхождения бомбицины (самое выделение которой в особый вид материала подвергалось сомнению) в настоящее время решен путем микроанализа Сирийской рукописи XIII в., произведенного Т. В. Щепкиной в 1935 г. Анализ показал наличие хлопка. — И. Т. М а л к и н. История бумаги, М., 1940, стр. 67.

В XIV—XV вв. в русских княжествах, как и во всей Европе, применялась итальянская бумага, а восточная бомбицина была неизвестна.

Писчий материал разрезался на листы разного формата, разлиновывался, сшивался в тетради. Писали писцы, держа лист на специальном пюпитре.

Прекрасные изображения процесса письма нам сохранили миниатюры евангелий, где показаны четыре евангелиста (Иоанн, Матфей, Лука и Марк), они изображены обычно пишущими. Иногда все четыре рисунка дают четыре стадии процесса письма: один из евангелистов готовит бумагу, другой разлиновывает, третий пишет, четвертый посыпает непросохшие чернила песком или складывает написанное.[264]

Многие рукописные книги имеют послесловия писцов, приписки на полях, диссонирующие с текстом, но чрезвычайно ценные для нас тем, что они раскрывают организацию книжного ремесла. Мы узнаем из таких приписок и стоимость материала, и длительность кропотливой работы писца, и положение ремесленников-писцов. Прежде всего нас интересует состав писцов. Существует укоренившееся мнение, что церковь была монополистом в деле создания и распространения книг; мнение это усиленно поддерживалось самими церковниками. Верно здесь лишь то, что монастыри и епископские или митрополичьи дворы были организаторами и цензорами книжного списания, выступая нередко в роли посредников между заказчиком и писцом, но выполнителями зачастую оказывались не монахи, а люди, не имевшие никакого отношения к церкви.

Мы произвели подсчет писцов в зависимости от их положения. Для домонгольской эпохи результат был таков: половина книжных писцов оказалась мирянами; для XIV—XV вв. подсчеты дали следующие результаты:[265]

[264] Напр., гравирование изображения на окладе евангелия Симеона Гордого 1343 г. (П. С и м о н и. Оклады..., т. I). Техника книжного дела хорошо изучена П. К. Симони в его двух работах: 1) «К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца», СПб., 1906; 2) «Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси с XI по XVIII вв. (тексты, материалы, снимки)», СПб., 1903. Рецепты чернил и красок см.: «Материалы для истории русского иконописания», изданные Н. Покровским («Вестник археологии и истории», СПб., 1904, вып. XVI).

Кроме того, сведения о технике письма есть в курсах палеографии И. Срезневского, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского и В. Н. Щепкина. Исследование красок выполнено В. А. Щавинским («Очерк по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси», гл. II—III—Книжное художество, Л., 1935).

[265] Для подсчета был использован список писцов, приложенный к книге: Е. Ф. К а р с к и й. Очерк славянской кирилловской палеографии, Варшава, 1901, стр. 308—325.

Митрополитов	— 1	Дьяконов	— 8
Монахов	— 28	Дьяков	— 19
Попов	— 10	«Рабов божьих»	— 35
Поповичей	— 4	Паробков	— 5

Поповичей нельзя считать в разряде церковников, так как почти обязательная для них грамотность («попов сын грамоте не умеет — изгой») не предрешала еще их духовной карьеры. Под расплывчатыми наименованиями вроде: «раб божий», «грешник», «унылый раб божий», «грешный и дерзый на зло, а на добро ленивый» и т. п., без указания на принадлежность к церкви, мы должны понимать светских ремесленников. Иногда встречаются более определенные указания: «Писал Евстафие, мирской человек, а прозвище ему Шепель» (1429), «Овсей распоп» (1350), «Фома писец» (1400). В таких случаях у нас уже не остается сомнений в «мирском» характере писцов.

Всего по нашему подсчету 63 мирянина и 47 церковников, т. е. 57% ремесленников-писцов не принадлежало к церковным организациям.

В некоторых случаях работа производилась писцом индивидуально, по заказу. Заказ иногда оформлялся в виде договора («ряда»). Так, при новгородском софийском евангелии второй половины XIV в. сохранилась интереснейшая запись.[266] Сущность ее сводится к следующему: два новгородца (?) Василий и Степан заказали писцу Фролу евангелие, предназначенное для монастыря Михаила Архангела на Двине. С писцом Фролом был заключен договор (очевидно устный), по которому Фрол должен был получить за всю работу со своим материалом 7 сорочков; из них 6 сорочков за работу и 1 сорочек за пергамен; 2 сорочка он получил в задаток. Переписав книгу, Фрол обратился с просьбой к игумену Никите (по всей вероятности, к игумену одного из новгородских монастырей) с просьбой переправить книгу на Двину с Григорием Сериным, которому Фрол поручает произвести окончательный расчет с игуменом Акакием (очевидно, игуменом того монастыря, для которого писалось евангелие, т. е. Михайлова).[267]

[266] «Поклонъ от Фрола господину игумену Микитѣ. Господине игуменъ, доправи ми господине Бога дѣля книгы си на Двіну къ святому Михаилу. Книгы же си дадять Григорию Сѣриноу, а ты, господине Григории, възми собѣ оу игумена Акакия 5 сорочек и еуангелие дай емоу, а мнѣ дали Степанъ да Василий два сорока и ты, господине Григорий, возьми 5 сороковъ — и оно будет 7 сороковъ.

Се рядъ мой: от письмени взяти 7 сороков да телятины ми был взяти. За телятины же сорочек, а 6 от письмени. А се ж вамъ книгы, а азъ вамъ бию челомъ своимъ» — И. И. Срезневский. Древние русские книги, СПб., 1864, стр. 12—13.

Этот документ интересен не только своей характеристикой положения ремесленника-писца, но и как показатель регулярности культурных связей Новгорода с далеким Двинским краем.

Писец не только выполняет заказ каких-то монастырских людей (евангелие — не вклад в монастырь, так как в этом случае нельзя было бы требовать с Акакия расчета), но через посредника производит расчет за работу по договору с монастырем-заказчиком, находящимся от него на расстоянии тысячи километров.

Книжное дело является единственным ремеслом, в отношении которого мы располагаем сведениями о договоре, задатке, стоимости материала, оплачиваемого мастером. Для других ремесел мы можем только предполагать подобное положение.

Большой интерес представляют сведения о разделении труда и о простейшей кооперации в книжном производстве. Многие книги написаны разными почерками. Каждый писец имеет свои особенности в начертаниях букв, делает специфические, свойственные именно ему ошибки.

Работа в большинстве случаев производилась одновременно: писцы писали на разных тетрадях и поэтому в середине встречаются недописанные листы или же слишком убористый почерк, говорящий о том, что одному из писцов недостало места.[268]

В некоторых случаях все писцы указывали свои имена, иногда же в записи стояло только одно имя и лишь анализ почерков показывал, что в написании книги, участвовало несколько человек (напр., Лаврентьевская летопись, написанная в 1377 г.). В таком случае можно предполагать наличие мастера и простых писцов.[269] Нередко наблюдается, что разные почерки рядовых писцов, исполнявших «черное письмо», объединяются киноварными строками и цветными художе-

[267] Михайлов-Архангельский монастырь («святей Михаил»), по всей вероятности, позднейший город Архангельск.

[268] Напр., Рязанская кормчая 1284 г. «Мы же разделивше на 5 частей, исписахом 50 дний», —говорят о себе писцы кормчей книги. — Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 276.

[269] Подобное явление наблюдалось и в домонгольский период, напр., «Триодь Моисея Киевлянина XII—XIV вв.» (И. И. Срезневский. Сведения о малоизвестных памятниках..., стр. 30). Остромирово евангелие и Изборник Святослава также писались двумя писцами: мастером и его подручным. (Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги, Л., 1925, стр. 10).

ственными инициалами, выполненными рукой одного мастера-«златописца».[270]

Такое же явление имеет место и среди художников-миниатюристов. Например, в Радзивилловской летописи миниатюры исполнены двумя мастерами, из которых второму принадлежала руководящая роль: он выправлял непонравившиеся ему рисунки первого мастера, заклеивал их своими композициями.[271]

От XIV в. у нас есть сведения о специальных мастерских, организованных при дворе новгородского архиепископа.

Краткий летописец новгородских владык, уделивший большое внимание архиепископу Моисею, сообщает, что он «поживъ въ цѣломудрѣи, и многы писца изыскавъ и книгы многы исписавъ ...и посемъ скончася, много писаніе оставивъ». По другому списку: «собра многи писца книжные, каят их преписывати книги святые».[272]

Книги второй половины XIV в. имеют приписки, говорящие об изготовлении их во владычных мастерских: в 1356 г. Пролог написали «владычни робята» Леонид и Осиф; в 1362 г. евангелие написано «владычным паробком» Микулой; в 1365 г. «владычень писец» Филица написал минею за июль; в 1369 г. «владычень паробок» Семеон написал минею за март; в 1370 г. он же написал минею за октябрь. [273]

Интересное «строение» книг во второй половине XIV в. связано, между прочим, и с усиленным строительством церквей, требовавших богослужебных книг.

Для покрытия этой потребности и были созданы мастерские, в которых работали «владычные паробки» и «владычные робята».

По одной из приписок на рукописи 1355 г. мы можем очень живо представить себе быт такой мастерской, в которой оказалось несколько «паробков», занятых однообразным делом переписки.[274]

[270] Напр., Шестоднев 1374 г., к подробному разбору которого мы перейдем ниже.

[271] М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи, Л., 1931; А. В. Арциховский. Миниатюры Кенигсбергской летописи, Л., 1932; Радзивилловская летопись. Фотомеханическое воспроизведение, СПб., 1902, лл. 38, 88, 88 об., 89.

[272] ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 182.— Судя по дошедшим до нас рукописям, подобную книжную мастерскую устроил еще предшественник Моисея — Василий. При Моисее написано лишь 6 книг (из них 2 были начаты, по всей вероятности, еще при Василии).

[273] Е. Ф. Карский. Ук. соч., Список писцов.

[274] «Аще будем грубона писали или кде переступили или в глаголании о другом или в дремании, а вы, преподобнии отцы игумены и попове собою исправяче чтите, а нас грешных не покленете бога деля занеже есть зла священичьская клятва, а добро есть благословение». — А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, СПб., 1908, стр. 35.

Здесь так и чувствуются живые люди, переговаривающиеся между собой, иронизирующие по поводу злого поповского проклятия и откровенно признающиеся, что иной раз их клонит ко сну. Именно в такой среде и получили развитие во второй половине XIV в. радостные послесловия, в которых писец, дописавший книгу, сравнивается с кормчим, приставшим после долгого плавания в «отишье», или со странником, возвратившимся в свое отечество, с волом, избавившимся от ярма, или с зайцем, ушедшим из тенет.[275]

Архиепископские «робята» и «дерзкие на зло» рабы божие очень мало считались с торжественным богослужебным назначением переписываемых ими евангелий, апостолов, прологов, миней и кормчих. Поля роскошных пергаменных рукописей испещрены приписками, совершенно нарушающими строгость канонического текста. То писец восторгается своим пером («Псал есмь павьим пером» — Апостол 1307 г.), то сожалеет о порче («Погыбель перья сего» — Ирмологий 1344 г.) или пространно заявляет: «Господи, помози рабу своему Леониду Языковичу, дай ему, боже, в здравьи списанья добыти. Лихое перо. Неволно им писати рабу многогрешному Леониду Офонасовичю». [276]

По припискам мы можем судить о том, когда писцу захотелось спать, что он ел за ужином и т. д. Например: «Тьмно» (Псковский Апостол 1307 г.), «Спать ми ся хощеть» (Устав 1398 г.), «О, господи, помози, о господи, посмеши [sic!]. Дремота непримеьная и в сем рядке помешахся» (1344).

Новгородский писец XIV в. призывает себе в помощь: «О святая безмездьника Козма и Дамияне поспешита борзо к кончю» (Пролог XIV в.).

И несколько далее тот же писец сообщает читателям: «Како ли не обьестися... поставять кисель с молоком». Пскович, переписчик ирмология 1344 г., счел нужным записать следующее: «Сести ужинат— клювования с салом рыбьим». В Псковском Шестодневе 1374 г., написанном тремя разными писцами, текст, писанный последним, третьим писцом, представляет собой своеобразный дневник, из которого выясняется и положение этого писца, и его хозяйство, и при-

[275] Подобные приписки появились ранее: напр., в Добриловом евангелии 1164 г.: «Якоже радуется жених о невесте, тако радуется писец, видя последний лист».

[276] Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 303.

вычки. Уже на третьей странице порученной ему части текста он приписывает: «Поити на вечернию. На память святого мученика Климянта» (л. 77).[277]

На следующей странице писец сообщает о своем желании: «Шести [сести] оужинатъ» (л. 78).

Написав еще одну страницу, он собирается: «В монастырь поехати, пить в Зраковици» (л. 79).

Через две страницы его уже начинает мучить совесть: «Поехать на Гору к святѣй богородичи молитися о своем спасении» (л. 81); «Поити на вечернюю» (л. 82).

На следующей странице отмечено большое хозяйственное событие в доме писца: «Родиша свиния порошата на память Варвары» (л. 83).

Лист 84: «О, горе! Свербить».

И уже на обороте этого листа вывод, сделанный из предыдущего: «Полести мытъса. О святый Никола, пожалуй, избави коросты сеа» (л. 84 об.).

Лист 87: «Чресъ тын пьють, а нас не зовуть. Волови не летети, а отместъки ту будут». — Первая часть фразы представляет, вероятно, поговорку.

Лист 90: «Ох, свербить».

На листе 95 дается маленькая летописная запись, позволившая точно датировать рукопись: «Влѣто 6882 [1374 г.].

Сего же лѣта Кюрилъ святый свьршишь и владыка Олексеи в Пьскове был. И пьсковицы гадають град Пьскова прияти на новое вознешение.

А писал Сава поп».

На следующих страницах читаем такие записи: «Шести оужинатъ» (л. 96); «Поіти в гумно к страднікомъ» (л. 97); «Ох, зноійно» (л. 110); «На завътренюю, да поехати в мох» (л. 110 об.).

Перед нами — хозяйственный поп, у которого на гумне работают страдники (между прочим, это одно из ранних упоминаний страдников), во дворе есть свиньи, а сам он любит выпить, помыться в бане, в знойный день поехать за город, в мох. Свой труд писца он чередует с церковной службоїи, очевидно, не слишком торопится писать, так как он написал всего 35 листов. Поп Савва знает пословицы, он в курсе псковских слухов о действиях новгородского владыки. Сан священника не препятствует ему на страницах книги, повествующей о мироздании, употреблять нецензурные даже для XIV в. слова (л. 89).

[277] Н. М. Каринский. Исследование языка псковского Шестоднева 1374 г. — ЖМНП, 1916, февраль, стр. 202—203. — На снимке № 3 приведено факсимиле этого писца.

Впрочем, далеко не все приписки рисуют нам таких ограниченных и туповатых переписчиков. Так, на рукописи апостола 1307 г. по поводу распри Юрия Московского с Михаилом Тверским приписано: «При сихъ князехъ сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князехъ которы и веци скоротишася человеком».

Писец (Диомид) обнаружил не только широкое понимание событий начала XIV в., но и хорошую литературную начитанность, так как приведенная фраза является переложением известного места из «Слова о полку Игореве».[278]

В среде псковских писцов, современных Демиду писцов-ремесленников, вышедших из духовенства,[279] возникла еще одна приписка, показывающая, что далеко не все писцы книг были подобны по своему социальному и имущественному положению попу Савве. Приписка на паремейнике 1313 г., написанном дьяком Кузьмой Поповичем, гласит:

«БОГЪ ДАЙ СЪДОРОВИЕ КЪ СЕМУ Б[ОГ]АТ[СТВ]ИЮ:
ЧТО КУНЪ — ТО ВСЕ ВЪ КАЛИТѢ,
ЧТО ПЪРТ — ТО ВСЕ НА СОБѢ;
УДАВИСЯ, УБОЖИЕ, СМОТРЯ НА МЕНЕ!»[280]

Бедность писца, отсутствие у него сбережений и одежд — все это обрисовано крайне выразительно и усилено ироническими обращениями к богу и к нищему.

[278] «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь даждьбожа внука, в княжих крамолах веци человекомь скратишась». — «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1934. Приписка 1307 г. на стр. 268—269.

Апостол 1307 г. написан писцом Демидом для псковского Пантелеймонова монастыря.

А. И. Некрасов считает Демида родоначальником новгородского тератологического орнамента XIV в. «Возможно, что необычайный мотив (инициал с плетением и антропоморфным существом) или предварительно или после исполнения в рукописи был воспроизведен на отдельном листке и пошел гулять по рукам древнерусских художников» («Древний Псков», М., 1923, стр. 39). В писце другой псковской рукописи 1369 г. Некрасов хочет видеть сына именно этого Демида и даже говорит о «семейной художественной традиции» (стр. 63).

[279] Станимир, сын попа Павла, Козьма, дьяк Попович.

[280] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, изд. 2-е, Л., 1928, стр. 285.

Интересным, но почти недоступным для решения, является вопрос о работе на рынок. Весь приведенный выше материал говорит о работе на заказ. Теоретически можно допустить, что мастерские, организованные архиепископом или кем-нибудь иным, могли часть своей продукции готовить «впрок» для будущих заказчиков, но подтвердить это положение нельзя.[281]

Подводя итог рассмотрению книжного дела, приходим к следующим выводам:

1. Производство книг находилось преимущественно в руках ремесленников-писцов, выполнявших работу на заказ (иногда по заключенному заранее договору). Состав писцов был неоднороден; часть из них находилась в очень бедственном положении.

2. Работали писцы как индивидуально, так и совместно: отец и сын, мастер и подмастерье, группа мастеров, нанятых («наят их переписывать») крупным предпринимателем (напр., архиепископом). В ряде случаев несколько писцов (не-монахов) работали совместно в одном помещении. Работа нескольких рядовых писцов нередко сочеталась с работой квалифицированного мастера-художника, рисовавшего инициалы, заставки.

3. Со стороны писцов-ремесленников и художников нередко наблюдается пренебрежительное и даже издевательское отношение к богослужебным книгам и их содержанию.

4. Книжное дело в XIV—XV вв. находилось на высокой стадии развития. Увеличивается количество книг со второй половины XIV в. К этому же времени относится появление нового, более дешевого материала — бумаги и возникновение упрощенного способа письма — полуустава.

* * *

Мы закончили обзор деревенских и городских ремесел XIII—XIV вв. Однако обзор этот не дает полного представления о всех разделах ремесленной промышленности в русских княжествах, так как состояние наших источников по этой эпохе совершенно не удовлетворительное.

Сопоставлять ремесло XIII—XV вв. с ремеслом последующей эпохи, XVI—XVII вв., мы, строго говоря, не имеем права, так как

[281] Единственное упоминание о покупке книги находится в приписке Пролога 1425 г., но и там слово «купили» надо понимать в смысле заказали. — См. А. И. Некрасов. Древний Псков, М., 1923.

в нашем распоряжении нет равноценных, допускающих сравнение источников для обеих эпох. Правда, самое отсутствие источников для первой эпохи может быть отчасти истолковано как показатель меньшей развитости ремесла в этот период, но такое допущение может служить лишь косвенным доказательством и расширять его опасно. Не подлежит сомнению, что в конце XV и в XVI в. ремесло сделало значительный скачок, но если мы будем сопоставлять данные письменных источников двух указанных эпох, то неизбежно совершим ошибку, и эта ошибка будет не в пользу ранней эпохи.

Писцовые, переписные, строельные, лавочные книги, дающие интереснейший материал по разным вопросам, в том числе и по ремеслу, дошли до нас только с конца XV в., а многочисленными они становятся лишь в XVI в.[282]

Списки городских и деревенских ремесленников, полученные по этим книгам (писцы которых двор за двором описывали села и города),[283] нельзя сравнивать с теми отрывочными, случайными сведениями, которые сообщают нам более ранние источники.

Бесполезно составлять список профессий XIII—XV вв. по дошедшим до нас источникам, так как подобный список неизбежно окажется неполным. Но если бы, на основании сделанного выше обзора, мы попытались все же такой список составить, мы увидели бы крайнюю неравнозначность отдельных специальностей: наряду с общими наименованиями, покрывающими целую область производства (напр., кузнецы), стояли бы упоминания узких специальностей (гвоздочники, игольники, ножевники, замочники), производящие впечатление выхваченных из другого, более детального списка. Существование замочников, игольников и гвоздочников предполагает уже значительную дифференциацию кузнечного дела и распа-

[282] К. А. Неволин. Об успехах государственного межевания в России. — Полн. собр. соч., т. VI, СПб., 1859; Н. Д. Чечулин. Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. — «Библиограф», 1889, № 2; Его же. Города Московского государства в XVI в., СПб., 1889.

Указанные авторы не ставили себе специальной задачей сравнение XIII—XV вв., но из всего изложения видно неравномерное распределение источников по этим двум периодам. См. также М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I, М., 1940, стр. 172—174 и, особенно, стр. 114.

[283] Н. Д. Чечулин. Города Московского государства...; А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. — «Новгородский исторический сборник», Новгород, 1939, вып. 6.

дение его на несколько отдельных ремесел, из которых нам случайно оказались известны 2—3.

Но такие подробные списки появляются спустя несколько десятилетий после того хронологического рубежа, который мы себе поставили. Можем ли мы воспользоваться, например, списком ремесленников по лавочным книгам Новгорода Великого 1583 г.[284] для определения состава новгородских ремесленников в середине XV в.? Разумеется, нет.

Но если мы попытаемся собрать все сведения о ремесленниках Новгорода в середине XV в. и будем эти сведения считать исчерпывающими, мы совершим несравненно бóльшую ошибку, так как молчание источников будем принимать за отсутствие самих ремесленников.

В нашем обзоре ремесел совершенно отсутствуют городские сапожники, портные, гранильщики камня, скорняки, кожевники, шорники и все многочисленные профессии, связанные с производством продуктов питания, хотя в существовании в изучаемую эпоху перечисленных видов ремесла можно не сомневаться. Для получения понятия о русском ремесле XIV—XV вв. представляется наиболее целесообразным привлечение списков профессий XVI в., но с ограничениями и сокращениями, мера которых не может быть пока определена. На основании изложенного мы отказываемся закончить обзор списком профессий, так как он был бы произвольным и вводил бы в заблуждение.

Попытаемся на основании собранных выше материалов уточнить периодизацию истории русского ремесла.

Для второй эпохи мы выбрали следующие рубежи: 1240—1462 гг. Неоднократно уже приходилось указывать, что монгольское нашествие самым тяжелым образом нарушило русскую экономику в целом и в том числе городское ремесло. Каменное строительство прекратилось в одних областях на 100, а в других (Новгород) на 60 лет; исчезло производство поливной строительной керамики, возродившееся лишь 250 лет спустя, в конце XV в. Совершенно было забыто искусство перегородчатой эмали; широкое применение эмали (упрощенного типа) наблюдается лишь 300 лет спустя после монголов, в XVI в. То же самое нужно сказать и о черни. Филигрань появляется вновь только через 150 лет, на этот же срок задержалось и применение тиснения металла. Производство стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, сложной глиняной посуды — все это совершенно было забыто после татар. Добавим к этому уничтожение той части городского ремесла, которая работала на широкий деревенский рынок (возродилось лишь в XV в.).

[284] Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., под ред. С. В. Бахрушина, М., 1930.

Татарское нашествие, действительно, явилось печальным рубежом в истории русской культуры, задержав ее развитие на 150—200 лет именно в тот момент, когда передовые страны Западной Европы начали быстро развиваться.

Как и следовало ожидать, менее чем другие области пострадал от татарского ига Новгород, в котором поэтому сохранились некоторые технические приемы домонгольской Руси (напр., производство кирпича, поливная керамика, скань, наводка золота), но и в Новгороде развитие культуры было задержано в XIII в.

Все указанное убеждает нас в органичности и исторической обоснованности принятого нами деления ремесла на домонгольское и послемонгольское: 1240 г. разделяет два периода в истории русской культуры.

Эпоха Ивана III, превратившая конгломерат удельных княжеств в крупное централизованное государство, является переломной во всех отношениях. Перелом этот наступает во вторую половину княжения Ивана Васильевича, но за рубеж удобнее взять 1462 г. Последние десятилетия XV в. как по характеру источников, так и по самому содержанию явлений необходимо рассматривать в тесной связи с последующим XVI столетием.

В своем изложении мы принуждены были пользоваться материалами второй половины XV в., но делали это для получения ретроспективного представления о более раннем времени.

Внутри намеченной нами эпохи 1240—1462 гг. можно установить различные периоды, характеризуемые разными темпами развития производительных сил. Застой, вызванный разгромом 1237—1241 гг. и последующим установлением татарского господства, продолжался до XIV в. В середине XIV в. в развитии ремесла наступает перелом, и в течение второй половины XIV в. наблюдается расцвет ремесла, обусловленный общим развитием русской культуры.

Почти во всех рассмотренных нами ремеслах мы замечали изменения в технике, происходившие именно во второй половине или в конце XIV в. Перечислим те явления (как выросшие на местной почве, так и связанные с общеевропейским развитием), которые характеризуют подъем техники в 1350—1400-е годы:

1) появляются водяные мельницы; с этого времени водяной двигатель начинает завоевывать важное место в промышленности;

2) начинает применяться сложное глубокое бурение солеваренных скважин;

3) появляется артиллерия, увеличившая (как и два предшествующих явления) спрос на железо;

4) дорогой пергамен заменяется бумагой, облегчившей развитие книжного дела; к этому же времени относится смена медленного уставного письма более быстрым полууставом, вызванным к жизни новыми требованиями;

5) возникают мастерские изготовления книг;

6) начинает применяться массивное литье, требовавшее сложного оборудования (колокола, а впоследствии и пушки);

7) появляются меднолитейные мастерские для художественного литья, в связи с чем прекращается механическое воспроизведение домонгольских образцов;

8) начинается чеканка монет;

9) возрождается искусство скани;

10) усваивается производство выемчатой эмали;

11) каменное зодчество достигает своего расцвета.[285]

Несмотря на явную неполноту приведенного перечня, мы все же видим, что материальная культура русских княжеств значительно обогатилась во второй половине XIV в.

В дальнейшем, в течение XV в., техника продолжает развиваться, но развитие это идет более спокойными темпами до середины столетия, когда вновь появляется ряд новшеств.[286]

Подъем производительных сил в эпоху Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича нужно рассматривать в связи со всеми явлениями русской жизни того времени, представляющими особый интерес именно в своей совокупности. Одновременно с развитием ремесла идет развитие внутренних и внешних торговых связей.

Новгородско-ганзейская торговля в XIV в. достигает своего наивысшего расцвета, у Москвы устанавливаются связи с Ордой и Сурожем. Новгород пытается овладеть волжской магистралью, ради чего им предпринимается ряд далеких походов от Ярославля до Сарая (1365—1409). В сферу торговых оборотов все более втягивается удаленный северо-восток.[287] К XIV в. относится большое количество «хождений» в Царьград и другие области.

Усиливается внутренняя торговля, о чем свидетельствует как появление собственных монетных систем, так и своеобразная таможенная политика князей.[288]

Рост внутренних сил русских княжеств можно усмотреть и в расширении территории за счет освоения северо-востока, главным образом, Двинской земли и лесного Заволжья. Именно во второй половине XIV в. сюда направляется мощная колонизационная струя, в которой значительная роль принадлежит монастырям.

Вторая половина XIV в. характеризуется развитием центростремительных сил, облегчавших начавшийся процесс объединения отдельных княжеств в русское государство. Результаты объединения сказались в 1380 г. на Куликовом Поле.

В области искусства и литературы в указанную эпоху также наблюдается значительное продвижение вперед. Труды Епифания Премудрого, сказание о Мамаевом побоище и ряд летописных сводов свидетельствуют о новом понимании задач литературы. В живописи этого времени было создано много прекрасных образцов фресковой росписи, икон и миниатюр. Венцом художественного развития явилось творчество Андрея Рублева, начавшего работать в самом конце столетия.[289]

---

[285] Приведенный перечень не может считаться полным, так как самый состав отраслей производства полностью нам неизвестен, а в ряде случаев у нас нет точных данных для датировки того или иного явления. Так, напр., в железоделательной промышленности произошел важный перелом: домники совершенно обособились от кузнецов, выделились обширные районы выработки железа, работавшие на рынок. Как датировать этот перелом? В писцовых книгах мы встречаем указанные явления со ссылкой на «старое письмо» (см. выше), т. е. на середину XV в. Предположительно можно отнести возникновение металлургических районов ко второй половине XIV в., так как именно в этот период сильно повышается спрос на железо, и присоединить еще один параграф к нашему списку, но обосновать это более убедительно нельзя.

Количество подобных примеров можно умножить.

[286] Переход к кирпичу от белого камня в Москве, переход к литью медных пушек вместо ковки железных, прокатка мягких металлов (?), выковка листового железа (?) (см. выше в соответствующих разделах настоящей работы).

[287] Пермичи говорят Стефану Пермскому: «Не от нашея ли ловля и во Орду посылаются [меха] и досязать даже и до самого того мнимаго царя, но и в Царьград и в Немцы и в Литву и в прочая грады и страны и в дальняя языки». «Житие Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым», СПб., 1897, стр. 47. См. также Новгородскую I летопись 1398 г. о московских купцах на Двине.

[288] В борьбе с Новгородом за Двинскую землю московские князья используют в 1397 г. такое оружие, как предоставление двинскими купцами льгот и освобождение их от внутренних пошлин (Двинская уставная грамота 1397 г.).

[289] Художники были уже взыскательнее к самим себе и, приступая к мону-

Оживление русского искусства и письменности в конце XIV в. очень часто ставят в зависимость от византийского или югославянского влияния и связывают с появлением болгар, сербов и греков в Москве, Новгороде и других русских городах. Между тем, самая постановка вопроса о влиянии совершенно не исторична — прежде чем говорить о влиянии, необходимо выяснить причины установления таких тесных связей с балканскими странами. Приглашение греков и южных славян было результатом возросшей культуры Руси, стремившейся установить широкое культурное общение с различными соседями. Мы знаем о многочисленных путешествиях русских в разных направлениях, знаем о специальных дорожниках и справочниках для путешественников, желавших ознакомиться с культурой других стран.[290]

Русские города, отделенные враждебным барьером (шведы, польско-литовское государство, татары),[291] от передовых стран того времени, очень жадно воспринимали все проникавшие к ним технические новинки[292] и всеми мерами стремились разорвать своеобразную культурную блокаду приглашением иноземных мастеров, а, может быть, и посылкой своих мастеров за границу.[293]

Русские мастера XIV—XV вв. были знакомы и с готическим искусством Северной Европы, и с орнаментикой среднеазиатских изделий, и с художественными приемами греческих живописцев, и с конструктивными новинками сербских зодчих.

Не пассивная подверженность всяческим влияниям, а творческое восприятие опыта соседей, включение, по мере возможности, в общую культурную жизнь, стремление возродить разрушенное татарами — вот что характерно для русских городов XIV в.

Гостеприимное отношение русских к южным славянам, пережившим в конце XIV в. вторжение турок-османов, объясняется стремлением Москвы использовать культурные силы соседей.

Перелом в технике, подготовивший расцвет русской культуры, произошел до появления балканских мастеров; самый факт приглашения греков и южных славян был обусловлен внутренним подъемом производительных сил, обеспечившим возможность их использования.

Отмеченное нами переломное значение второй половины XIV в. относится преимущественно к среднерусским землям. Новгород, где ремесло развивалось более равномерно, где татарский удар был менее чувствителен, опередил в XIV в. другие города на несколько десятилетий.

В XV в. ведущая роль постепенно перешла к Москве.

ментальной росписи, набрасывали предварительно эскиз. Такие эскизы фрэсок для барабана церкви сохранились на листах одной рукописи 1383 г. (См. М. Алпатов. Древнейшие русские рисунки «Slavia», 1930, вып. 3). В это же время устанавливалось некоторое творческое общение между художниками.

Епифаний Премудрый сообщает любопытные сведения о том, с каким интересом московские художники относились к зарисовкам своих греческих собратьев, воспроизводящим далекие византийские архитектурные памятники вроде Софии Цареградской.

Когда Феофан Грек изобразил Софию (в разрезе) на листе, то «от того листа нуждо бысть и прочим иконописцам московским, яко мнози бяху, когождо преписующие себе, друг перед другом ратующе и от друга приемлюще».

[290] «Хождение» в Царьград, приписываемое Василию Калике (1321—1323), вызвало в дальнейшем две переделки: «Странник» Стефана Новгородца (1348—1349) и «Хождение Агрефения Смолянина в Иерусалим» (1370) дьяка Игнатия Смолянина (1389—1390) и дьяка Александра (1395).

Особое значение представляет «Хождение Василия Калики»; путешественника интересуют не только христианские святыни, но и все культурные ценности Константинополя: развалины дворцов, ипподром (игрище), термы, пристани, статуи (болваны), декоративная скульптура и т. п. Все это подробно описано автором «Хождения». Неоднократно с возмущением отмечается варварское отношение крестоносцев (фрягов). См. М. Н. Сперанский. Из старинной Новгородской литературы XIV в., Л., 1934.

В свой список мы не включили многочисленные путешествия русских людей в XIV в., не оставившие солидного литературного следа.

[291] См., напр., запрещение Швецией ввоза железа и стали в Новгород в 1303 г. (Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства, СПб., 1868, стр. 219); многочисленные ограбления русских купцов в Балтике (Русско-ливонские акты, 1868, № XCVI, 1373 г. и др.); «пакости», чинимые Литвой, см., напр., Новгородскую I летопись 1331 г.

[292] Достаточно указать на быстроту проникновения в Московское княжество артиллерии.

[293] См. выше соображения о колокольном мастере Борисе «Римлянине».

Глава девятая

ГОРОДСКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ XIII—XV вв.

В каждом средневековом городе ремесленники составлял основную массу населения. Об этом красноречиво свидетельствуют названия улиц (Кузнецкая, Гончарная, Бронная, Щитная и т. п.), районов города, торговых рядов и даже церквей (Петра и Павла в Кожевниках, Кузьмы и Демьяна в Кузнецах, Николы в Плотниках и т. п.).

Наиболее типичной производственной единицей для феодальной эпохи является небольшая мастерская ремесленника, владельца средств производства и непосредственного производителя.

В русских городах такой единицей обычно является двор ремесленника, описываемый писцовыми книгами. Для многих специальностей мы можем предположить, пользуясь этнографическим материалом, совмещение мастерской и жилища ремесленника. Таковы сапожники, скорняки, седельники, епанечники, торочечники, однорядочники, ткачи, холщевники, сагайдачники, гребники, ковшечники, токари, лучники, книжники, колпачники, иконники и целый ряд ремесленников других специальностей, упоминаемых летописями и писцовыми книгами XV в.

Для некоторых ремесленников дом являлся только жилищем, а их производственная деятельность протекала за его пределами. К таким ремесленникам нужно отнести некоторых портных, работавших на дому у заказчиков и нередко не имевших собственного двора, живших захребетниками на чужих дворах. К этой же категории относятся строители (плотники, огородники, каменщики), «порочные мастера» (механики, специалисты по изготовлению метательных машин), судостроители-учанники, работавшие на открытом воздухе и не имевшие своей мастерской. Многие ремесленники должны были

иметь дополнительные помещения или в пределах своего двора или вне его. Профессия кожевника, овчинника, колодея, пивовара, хлебника, калачника, гвоздочника, бронника, замочника, укладника, опонника, гончара требовала различных дополнительных сооружений (чана для кож, зольника, горна, печи и т. д.).

В некоторых случаях производственные помещения могли быть вынесены далеко за пределы двора к месту нахождения сырья (домница, мастерская жерновника, кирпичное производство, смолокурня, солеварня и т. п.).

Неизбежно должны были обособиться от жилища такие производственные помещения, как кузницы, литейные мастерские. Некоторые из них, предназначенные для крупных поковок (якоря, солеваренные црены и буравы, железные чушки) и для массивных отливок (колокола, пушки), должны были представлять целый комплекс сооружений, что мы и видим, например, на миниатюрах, изображающих литье.[1]

Не исключена возможность и того, что часть работ многие ремесленники могли производить в принадлежавших им торговых помещениях в рядах на торгу.[2]

Как видим, в городе могло быть несколько различных видов мастерских, но все они были вкраплены в жилые кварталы, не исключая даже кузниц.[3]

Очень важен для понимания социальной истории городского ремесла вопрос о количестве рабочих, работавших в одной мастерской, но, к сожалению, скудость источников не позволяет дать удовлетворительный ответ на него.

Исходя из технологического процесса, можно указать, что выковка и сварка массивных и громоздких железных изделий (вроде приведенных выше солеваренных бурильных снарядов) требовали уча-

---

[1] В. Снегирев. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля, М., 1935, стр. 97. — Приведена миниатюра, изображающая отливку 5 колоколов в 1346 г. мастером Борисом. На рисунке видны два литейных амбара и пять одновременно отливаемых колоколов. Сложным комплексом должен быть и пушечный двор в Москве, возникший в 1488 г.

[2] Размеры торговых помещений, известные нам для XVI в. по лавочным книгам, обычно невелики (8—12 кв. м), но для таких специальностей, как серебряники, где запас готовых изделий не мог быть велик по объему, этой площади было вполне достаточно и для торговли и для работы. — Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., под ред. С. В. Бахрушина, М., 1930, стр. 54—57 и др.

[3] Псковская I летопись 1466 г.

стия не менее 5—6 человек, так как нужно было держать поковку большими двуручными клещами, раздувать непрерывно мехи, следить за равномерностью ковки и указывать ударами молотка непрокованные места, ковать большими молотами.

Еще большее количество мастеров и подручных должно было принимать участие в таких сложных работах,как массивное медное литье.

В книжном деле мы уже видели кооперацию писцов для ускорения переписки крупных книг вроде рязанской Кормчей 1284 г., писаной пятью писцами.[4]

В некоторых случаях мы встречаемся с более прочной совместной деятельностью нескольких человек. Так, напр., солеваренное дело в Старой Русе находилось в руках небольших товариществ, состоявших из 3—5 «суседей» или «сябров».

О таких производственных, а не торговых товариществах говорит и Псковская Судная Грамота: [5]

«А кто на комъ оучнетъ искать с я б р е н а г о с е р е б р а, или иного чего, опрочь купетского дѣла и гостебного, да и доску положитъ на то, ино то судитъ на того волю, на ком ищуть, хочетъ самъ поцелуетъ или своему исцу у креста положитъ, іли с нимъ на поле лѣзеть» (разрядка наша. — *Б. Р.*).

В отношении сябров и суседей мы только в некоторых случаях можем предположить непосредственное участие складников в производстве. Статья Псковской Судной Грамоты говорит о нескольких х о з я е в а х, п а й щ и к а х предприятия, вносящих деньги и заключающих между собой договор («дъска»); рабочими в этом совместном предприятии могли быть совершенно иные люди, но не исключена возможность и объединения нескольких ремесленников, например, для совместного сооружения гончарного горна или складской («вопчей») домницы.[6]

Наиболее типичной мы должны считать небольшую мастерскую, обслуживаемую 1—3 ремесленниками.[7] Разделение труда не могло

[4] Надлежит оговориться, что писцы иногда могли работать индивидуально, каждый у себя на дому, так как изготовленные ими части механически сшивались, иной раз даже с белыми листами внутри книги. Выше были уже приведены данные о мастерских, где работали владычные «паробки» и «робята».

[5] Псковская Судная Грамота, СПб., 1914, ст. 92, стр. 20; Псковская Судная Грамота. Новый перевод Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева. — «Исторические записки», 1940, № 6, стр. 251 и 290.

[6] См. выше в соответствующих разделах настоящей работы.

[7] Возьмем в качестве примера посад г. Русы в конце XV в.:

быть особенно сильным в русском городе, так как незначительные масштабы каждого отдельного ремесленного предприятия не позволяли расчленить производственный процесс. То же самое наблюдается и в западноевропейском средневековом городе: «В эпоху расцвета феодализма разделение труда было незначительно...» «В земледелии оно [разделение труда] затруднялось парцеллярной обработкой земли, наряду с которой возникла домашняя промышленность самих крестьян; в промышленности же, внутри отдельных ремесел, вовсе не было разделения труда, а между отдельными ремеслами оно было лишь очень незначительно».[8]

Незначительность разделения труда не препятствовала появлению неравенства как между ремесленниками одной специальности, так и внутри одной мастерской. В последнем случае неравенство обусловливалось не столько разным положением в производственном процессе, так как и мастер и его подручный нередко выполняли одинаковую работу, сколько разным отношением к средствам производства (помещению, оборудованию, инструментам, сырью).

К сожалению, наши сведения о мастерах и их помощниках чрезвычайно ограничены.

К перечисленным выше (не вполне определенным) сведениям писцовых книг о «суседях» и «захребетниках» на дворах разных ремесленников можно добавить кузнецов, так как кузнечное дело обязательно требует участия 2—3 человек. Иногда источники говорят о мастере и его «дружине», т. е. группе помощников, артели, возглавляемой им.[9]

«Двор Федко колникъ, да сынъ его Мишко, да сусѣдъ его Бориско» (НПК, т. V, стр. 194).

«Двор Федко колачникъ, да Ивашко Оплачь, да Офоня, да Тучко» (Там же, стр. 206—207).

«Двор Бутовины Иванко и Петрок, да их сусѣди: Трофимъ епанечникъ, да Филка, да Куземка, да Овсѣйко» (стр. 207).

«Двор Васко замочникъ, да зять его Грихно» (стр. 207).

«Двор Иващко холщовникъ, да сусѣдъ его Кузьма» (стр. 207).

Писцовая книга прямо не говорит об участии в производстве всех лиц, живущих на дворе того или иного ремесленника, но, называя их «суседями», она указывает на их соучастие во владении хозяйством или на зависимое положение по отношению к владельцу двора.

[8] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. IV, стр. 15.

[9] «Псковичи наяша мастеровъ и Федора дружину его побивати церковь святаа Троица свинцом» (Псковская II летопись 1420 г.). Далее Федор называется мастером Троицкой церкви.

Письменное указание мастеров и глухое упоминание их дружин обычно для живописцев. Выше уже отмечалось, что у писцов и иллюстраторов книг выделялись старшие мастера, исправлявшие работы своих помощников или выполнявшие ту часть работы, которая требовала особой квалификации (красное и золотое письмо, заставки, инициалы). По всей вероятности, такими же старшими мастерами были и те ювелиры, которые ставили на изделиях свое имя рядом с именем князя и епископа. Отдельные мастера могли быть очень состоятельными людьми. Таков, например, псковский мастер-строитель Кирилл: «На другое лѣто самъ мастеръ Кирилъ постави церковь въ свое имя, святый Кирилъ, у Смердья моста надъ греблею» (разрядка наша. — *Б. Р.*)[10]

Постройка церкви во Пскове расценивалась в зависимости от размеров от 30 до 400 рублей.[11]

Если мы возьмем самую низкую стоимость, то и в этом случае сумма в 30 рублей будет очень значительной: в среднем 1 человеко-день строительных рабочих равнялся в 1420 г. $^1/_{200}$ рубля.

Следовательно, мастер Кирилл потратил средства в сумме, равной оплате 6000 рабочих дней.[12]

Особое значение в вопросе о внутренних взаимоотношениях ремесленников приобретает 102-я статья Псковской Судной Грамоты: «А который мастеръ иметь сочить на оученики оучебного, а оученик запрется, ино воля государева, — хочетъ самъ поцелуетъ на своемъ оучебном, или оученику вѣрить».[13]

В статье этой, относящейся к началу XV в., ученичество рассматривается как уже укоренившееся, обычное явление. Ученье у мастера было платным, причем самое появление статьи в Судной Грамоте нужно объяснить участившимися конфликтами между мастером и учеником из-за платы.

Как мы знаем из истории западноевропейского ремесла, такие конфликты возникали тогда, когда мастера искусственно растягивали срок обучения.[14]

Это могло произойти в том случае, когда мастер, не обучив всем тонкостям ремесла, оставляет у себя недоучившегося ученика, которому трудно найти себе другое место, или же в том случае, когда мастер удерживает ученика, уже усвоившего науку, пользуясь безвыходностью его положения.

И в том и в другом случае мастером руководило стремление подольше пользоваться как платой за учение, так и рабочей силой ученика-помощника.

В таких условиях у ученика, искусственно задерживаемого мастерской, появляется моральное право отказаться от внесения платы за обучение.

Стремление мастера удержать ученика свидетельствует о развитости ремесла, о возросшем спросе на рабочую силу и о намечающемся превращении ученика в подмастерье. Как бы ни толковать ее текст, статья Псковской Судной Грамоты представляет очень большой интерес для социальной истории русского ремесла XIV—XV вв., сближая последнее с западноевропейским. В Германии конфликты между мастерами и подмастерьями из-за использования учеников происходили во второй половине XIV и в XV в.[15]

---

[10] Псковская I летопись 1373 г. — Следовательно, церковь поставлена в 1374 г. Эта запись позволила точно датировать псковский Шестоднев, так как писец его на полях отметил это же самое событие.

[11] См. ниже.

[12] Расчет приблизительный, так как неизвестно точное число рабочих дней в году. Но даже если полученную цифру уменьшить в 2—3 раза, все равно средства мастера Кирилла окажутся значительными.

[13] Псковская Судная Грамота, ук. изд., стр. 22; новый перевод Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева. Ук. соч., стр. 252 и 292. — Данная статья датируется 1406—1420 гг.

Перевод: «Если хозяин мастера предъявит иск к своему ученику о плате за обучение, а ученик станет отрицать свой долг, то дело решается по желанию хозяина: хочет — пусть сам примет присягу в том, что ученик ему действительно должен, или пусть предоставит присягнуть ученику».

[14] В. В. Стоклицкая-Терешкович. Немецкий подмастерье XIV—XV вв. (Очерк по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв.), М.—Л., 1936, стр. 111.

[15] В. В. Стоклицкая-Терешкович. Ук. соч., стр. 111. — Об учениках на Руси впервые заговорил В. Лешков в статье — «Очерк древнерусских законов о ремесленной и заводской промышленности» («Москвитянин», 1852, декабрь, кн. 1). Касаясь позднего времени, Лешков обошел упоминание Псковской Судной Грамоты.

Положение русских ремесленных учеников XIV—XV вв. известно нам только по приведенной статье Грамоты. Позднейшие материалы нередко дают яркие характеристики положения учеников у мастера: «А живучи тому моему сыну Анисиму въ томъ учебномъ промыслу у него Фадея, быть во всемъ послушну и покорну и безответну; дѣлати въ тѣ восмъ лѣтъ безотступно и быть въ послушаніи и въ покореніи...» Мальчик Анисим был отдан в ученье серебряных дел мастеру сроком на 8 лет (АЮ, № 205, СПб., 1838, стр. 216).

Чрезвычайно интересный материал о положении учеников собран С. В. Бахрушиным в статье «Ремесленные ученики в XVII в.» («Труды ГИМ», вып. 3, Разряд общеисторический, М., 1926). Указываются различные злоупотребле-

Интересно отметить, что в споре мастера с учеником государственная власть стоит целиком на стороне мастера, предоставляя ему право выбора формы решения вопроса.

Перейдем к рассмотрению видов ремесленного труда и взаимоотношений между производителями и потребителями. Здесь нам встретятся следующие варианты: 1) работа по найму, 2) работа на заказ, 3) работа на рынок.

Наемный труд (не в смысле использования мастером наемного рабочего, а в смысле работы по найму) был характерен лишь для некоторых профессий, как, например: портные, работавшие на дому у заказчика, или различные категории строительных рабочих. Наибольшее количество сведений у нас имеется о найме мастеров для построек. Особой обстоятельностью в отношении строительных дел отличаются псковские документы.

В той части Псковской Судной Грамоты, которая датируется временем около 1397 г., содержатся две статьи о наемном рабочем-плотнике.

Ст. 39. — «А которой мастеръ плотникъ или наймитъ отстоитъ свой урокъ и плотникъ или наймитъ свое дѣло отдѣлаетъ на государехъ и взакличь сочитъ своего найма».

Ст. 41. — «А которой наймитъ плотникъ, а почнетъ сочить найма своего на государи, а дѣла его не отдѣлаетъ, а пойдетъ прочь, а ркучи такъ государю: оу тебе есми, отделалъ дѣло свое все»,и государь молвитъ: «Не отдѣлал еси всего дѣла своего», ино государю оу креста положыть чего сочить, или государь сам поцелуетъ, аже оу нихъ записи не будетъ».[16]

ния мастеров, длительность срока и плохое качество обучения, побои. Так, напр., ремесленный ученик Мишка Евфимьев, убежавший от своего хозяина скорняка Якушка Романова, заявил: «...к нему, Якушке, домой не пошел, также и к отцу своему не пришел, не хотя у него, Якушки, жить, для того, что он, Якушка, и жена его беспрестанно его, Мишку, били и увечили и против записи одежи и обуви на него не клали... а как де он у него жил, и он, Якушка, мастерству его, Мишку, никакому не учил, только его заставливал у себя работать... и жить у него он и ныне не хочет, для того, что он бил его напрасно смертным боем» (С. В. Бахрушин. Ук. соч., стр. 117). — Автор отмечает живучесть бытовых черт ученичества, сохранившихся вплоть до начала XX в. (стр. 120).

Без больших натяжек мы можем расширить это наблюдение и на предшествующие столетия, на время составления Псковской Судной Грамоты.

[16] Псковская Судная Грамота. Ук. изд., стр. 10—11; Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев. Ук. соч., стр. 243.

В ст. 39 речь идет о недобросовестности нанимателя, отказавшегося платить за выполненную по договоренности работу. Мастеру предоставляется право огласить «взакличь» свою претензию.

В статье 41 говорится о спорном случае, когда объем требуемой работы не был точно оговорен заранее. В споре нанимателя с мастером государство становится на сторону нанимателя.

Наличие этих статей в составе Грамоты говорит о распространенности наемного ремесленного труда.

Большой интерес представляют сведения первой Псковской летописи (лишь изредка пополняемые данными второй псковской летописи) о строительных работах в XIV—XV вв. К сожалению, лишь незначительная часть этих сведений дана в развернутом виде, с указанием количества мастеров, длительности работ и стоимости. Ниже мы приводим сведенные в таблицу данные о работе наемных мастеров.

Приведенная таблица, несмотря на всю ее неполноту, представляет для нас известный интерес.

Здесь описаны разнообразные работы: постройка каменных стен, церквей, деревянных мостов, домов, кровельные работы. Оплачивались эти работы или из государственной казны («весь Псков», «все псковичи») или отдельными заказчиками (соборные попы, монастырь).

В некоторых случаях оплата постройки производилась по особой разверстке между определенной категорией псковичей (корчмиты, мясники).

Мастера работали иногда большими артелями по 200—300 человек. Когда речь идет о мастерах, их всегда называют наймитами или говорят о найме их. Только в одном случае (при постройке города Кобыла) говорится о совместной работе псковских мастеров с «волощаны». В широком применении наемного труда состоит отличие Пскова от других областей Руси, где неоднократно «пригонъ былъ христіаномъ городъ ставити», а в Москве, например, митрополит специально покупал холопов для постройки Успенского собора.[17]

Мастера-наймиты иногда строили из собственного материала:

---

[17] О «пригоне» для постройки Новгорода см. Новгородскую I летопись 1430. Каждый пятый двор был обложен этой повинностью. В 1473 г., пострадавший после пожара митрополит Филипп оставил устное завещание, в котором он об Успенском соборе (начатом уже стройкой), «не умолкая, глаголаше; и о людѣхъ, ихъ же искупилъ бѣ на то дѣло церковное, приказывая отпустить ихъ, по жывотѣ своемъ» (Никоновская летопись 1473 г.).

Годы	Характер работы	Заказчик	Мастера	Колич. рабочих	Срок	Стоимость работы (в рубл.)
1364	Разборка старой церкви	псковичи	наймиты	—	—	5
1365	Постройка церкви Троицы	»	мастера	—	3 г.	400
1400	Крепостная башня	архиепископ	наймиты	—	—	—
1417	Крепостная башня	«а поимаша тое серебро на корчмитех»	иземные мастера	—	—	—
1420	Покрытие церкви свинцовыми досками	псковичи	мастер Федор и его дружина	—	—	44
1421—1424	Крепостная стена	—	—	200	3½ г.	1 000
—	Обжиг извести	—	—	—	—	200
1431	Каменная стена города Гдова	жители Гдовской земли	наймиты	300	около 6 м.	300
1435	Мост через р. Пскову	псковичи	наймиты	40	—	70
1456	Большой мост через р. Пскову	—	мастера	—	—	80
1458	Надстройка крепостной стены	псковичи	мастера	—	—	150
1462	Постройка города Кобыла и церкви в нем	—	псковские мастера и волошаны	60	—	90
1465	Кремлевская стена	—	наймиты	80	3 г.	175
1468	Каменная церковь в монастыре	монахи	—	—	—	30
1469	Каменные ворота и башня	Псков	мастера	—	—	30
1470	Церковь в монастыре	—	—	—	—	20
1471	Мост через Черах	—	—	—	—	18
1481	Изба для поповского собора	попы	—	—	—	5
1485	Мост через Пскову	«а платиша то серебро мясники»	—	—	—	60

«пояли псковичи наймиты на новый мостъ на Псковѣ-рѣкѣ, а запас балки наймитовъ, а рилини и городни и дубья Псковская...»[18]

Наибольший интерес представляют сведения об оплате труда строительных рабочих.

К сожалению, из 17 случаев фиксированной стоимости постройки мы только в трех случаях располагаем сведениями о числе рабочих и длительности работ в 1424, 1431 и 1465 гг.

Для сопоставления всех данных мы должны привести их в удобосравнимый вид, выразив стоимость работы в человекоднях.

В первом случае (постройки кремлевских стен) летописец указывает длительность работы: «а дьлаша... полъ четверта года», т. е. три с половиной года.[19] Между тем, начало постройки записано точно под 1421 г.: «начаша дѣлати перси оу Крома, месяца маия в 26 день».

Под 1424 г.: «Свершены быша перси оу Крома месяца июля в 7 день».[20]

Принимая для удобства расчетов год за 360 дней, мы получаем в данном случае длительность работ в три года и 40 дней или в 1120 дней.

Несколько сложнее обстоит дело с 1431 г. В ряде списков указан точно день окончания работ — 1 ноября, а их начало глухо отнесено на весну. Во второй псковской летописи сказано, что строить начали на пятой неделе «по великие дни». Первый день пасхи в этом году приходился на 12 апреля.[21] Таким образом, пятая неделя по «великом дне» начиналась через 35 дней, т. е. 17 мая. От 17 мая до 1 ноября работы велись 163 дня.

В последнем случае (1465) мы должны удовольствоваться суммарным определением длительности работ в 3 года.

В последней графе приводимой ниже таблицы мы указываем среднюю норму оплаты одного человекодня. Нами не приняты во внимание праздничные дни, не учтены за полным отсутствием дан-

[18] Псковская I летопись 1435 г. — Трудно установить, вполне ли соответствовало понятие «балка» в XV в. нашему современному пониманию этого термина, но ясно, что оно обозначало строительный материал.

[19] Псковская I летопись... Псковские летописи, вып. I, М. — Л., 1941, Тихановский список, стр. 35. Начало работ подробнее записано также в Тихановском списке. Вообще эти годы в летописях несколько запутаны.

[20] «Псковские летописи», вып. 1, М. — Л., 1941, Тихановский список, стр. 34—35.

[21] Иоаким. Полный церковно-хронологический цикл времен и лет и православной пасхалии, М., 1880, стр. 47, 1431 г. 12 апреля.

ных возможные колебания зимней и летней заработной платы, существовавшие в это время на Западе. Полученная норма лишь очень приблизительно выражает заработную плату строительного рабочего. Можно думать, что стоимость одного рабочего дня была выше, чем полученная нами, так как мы делили аккордную плату на общее количество всех дней, включая сюда и праздники и дни простоя.

Дата	Колич. наймитов	Длительность работы (в днях)	Стоимость постройки (в рубл.)	Средняя стоимость одного человекодня (в долях рубля)
1424	200	1 120	1 000	$^1/_{224}$
1431	300	163	300	$^1/_{163}$
1465	80	1 080	175	$^1/_{486}$

Наиболее высокая норма оплаты в 1431 г. объясняется, вероятно, тем, что здесь сроки работ приходятся на самое горячее строительное время, с мая по ноябрь.

Заработная плата за один день составляла в 1424—1431 гг. такую долю серебряного рубля, которая оказалась очень близкой к ходячей псковской монете-деньге. Рубль содержал 216 денег.[22]

Если мы выразим заработок наймита в псковской монетной системе XV в., то получим следующие данные за неделю (с учетом праздничного дня): в 1424 г. наймит получал 6 денег в неделю, в 1431 г. — ок. 7, в 1465 г. — $2^1/_2$.

Интересно, что недельный заработок наймита в 1431 г. был лишь незначительно выше заработка его в 1424 г.

Резкое падение заработной платы в 1465 г. требует особого рассмотрения. Предполагать низкую квалификацию рабочих, принимавших участие в строительстве, нет основания, так как работа этого года была аналогична работе 1424 г., а может быть, даже сложнее, так как строилась не только стена, но и колокольня и ворота.

Трудно объяснить низкую плату 1465 г. общим падением заработной платы рабочих в XV в., наблюдаемым, например, в Германии,[23] так как падала реальная заработная плата, а не номинальная стоимость рабочего дня.

[22] И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. (опыт исследования), СПб., 1910, стр. 25. — Вес серебряного рубля = 204 756 гр. Нормальный вес деньги = 0.947 гр. серебра, но на протяжении XV в. вес монет упал на 15% .

И деньги и рубли («гривны») хорошо известны нам археологически.

Можно допустить, что резкое различие в заработной плате объясняется тем, что в 1465 г. строители столовались за счет города. Так именно можно понять свидетельство летописи о постройке Троицкого собора в 1365 г.: «и даше мастеромъ дѣлу мзды 400 рублевъ дара и добрѣ потчиваху их» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[24]

Возможно, что на понижении заработной платы в 1465 г. сказалась дешевизна продуктов питания в предшествовавшем 1464 г. (работа велась с 1463 г.): «а хлѣбъ бысть дешевъ, зобница ржи по 17 денегъ, а овса по 7 денегъ, а пудъ соли по 3 денгѣ».[25]

Мастера иногда просили доплаты за свою работу. В 1456 г., когда лето было очень дождливым, мастера не удовольствовались первоначальной платой: «А даша псковичи мастеромъ дѣлу 60 рублевъ, и по томъ мастери биша челомъ на вечи псковичемъ, они же придаша имъ 20 рублевъ».[26]

Возможно, что челобитье мастеров на вече было вызвано дороговизной продуктов в это лето.

Итак, у нас нет бесспорного объяснения низкому уровню заработной платы в 1465 г., но наиболее близки к нему соображения о дешевизне и о городских харчах. Для определения реальной заработной платы у нас слишком мало сравнительных данных.

Н. Аристовым собраны почти все сведения о ценах на продукты в древней Руси (не использованы лишь писцовые книги).[27]

Установив недельный заработок плотников и каменщиков в $2^1/_2$, 6 и 7 денег, дадим приблизительные сведения о ценах XV в., заранее

[23] В. В. Стоклицкая-Терешкович. Строительные рабочие в немецких городах XIV—XV вв., стр. 181, 187.

[24] Псковская I летопись 1365 г. — Денежная часть заработной платы здесь названа «даром». «Потчевание» мастеров можно понимать и как пир, устроенный по окончании работ, и как постоянное кормление их в течение всех 3 лет.

По данным 1325 г., во Франкфурте различие между заработной платой строителей, живших на своих харчах и на хозяйских, выражалось отношением 5 : 3.5 (В. В. Стоклицкая-Терешкович. Ук. соч., стр. 192).

[25] Псковская I летопись 1464 г.

[26] Псковская I летопись 1456 г., Тихановский список, изд. А. Насоновым, стр. 54.

[27] Н. Аристов. Промышленность древней Руси, СПб., 1866, стр. 292—300.

оговаривая их относительность. На одну деньгу во Пскове в XV в. можно было купить что-нибудь одно из нижеперечисленных продуктов:
1 ковригу хлеба—1455—1462 гг.
13 фунтов соли (когда соль была дешева)—1464 г.
$2^1/_2$ фунта меда (при дешевизне меда) —1467 г.
$^1/_6$ часть барана—XIV в. и 1467 г.
ок. $^1/_2$ пуда овса (в урожайный год) —1464, 1467, 1476 гг.
ок. $^1/_2$ пуда ржи (в урожайный год) —1434 г.

Как видим, при самых оптимальных расчетах реальный заработок наймитов-строителей был очень невелик. Если же принять во внимание обилие неурожайных лет, разорительные войны, частые пожары и наводнения, которым было подвержено посадское население, то положение строителей следует признать тяжелым и крайне неустойчивым.

Разница в оплате простых строительных рабочих и квалифицированных архитекторов была очень велика. Достаточно вспомнить мастера Кирилла, который мог истратить на церковь во имя своего патрона сумму, равную заработку простого строителя за 20 лет работы. Баснословно высокое вознаграждение было обещано Аристотелю Фиораванти русским послом Семеном Толбузиным — 10 руб. в месяц.[28] Правда, нужно оговориться, что договор с Фиораванти был заключен в Италии, откуда другие мастера отказывались ехать в Россию; русского же посла привлекала перспектива заманить в Москву лучшего европейского зодчего.

Ремесленники, работавшие по найму, составляли только часть и притом меньшую) городских ремесленников. Для большинства ремесленников была характерна работа в мастерских.

Важным вопросом в истории ремесла является вопрос о характере реализации ремесленных изделий. Основные формы в изучаемую эпоху были те же, что и в домонгольскую: работа на заказ и работа на рынок; между ними существовали различные промежуточные стадии, характеризовавшие степень развитости того или иного ремесла.

Работа на заказ характерна для некоторых видов вотчинного ремесла и для отраслей, связанных с дорогим сырьем, как, напр., ювелирное дело или литье колоколов. Все подписные драгоценные изделия мастеров Лукьяна, Ивана Фомина, Амвросия являются вещами, изготовленными на заказ.

[28] Софийская II летопись 1475 г.

Но в обстановке большого ремесленного города работа исключительно на заказ могла существовать лишь в качестве дополнения к массовому производству. Мы уже видели выше, что в Новгороде и в других городах возникали мастерские, рассчитанные на массовое производство (художественное литье и др.); мы уже встречали в деревенском курганном инвентаре вещи, изготовленные в городах.

Для XIV—XV вв. производство на рынок несомненно. Необходимо установить, в какой мере продажа изделий была в руках самого ремесленника. Произошел ли отрыв ремесленника от торговли и появление посредника-купца? Для домонгольской Руси мы можем ответить на этот вопрос утвердительно. Целый ряд изделий городских ремесленников развозился купцами-коробейниками во все концы славянского мира. Вывод этот был получен благодаря массовому курганному материалу одной эпохи из разных областей. Для XIII—XV вв. мы таким материалом не располагаем, но более ограниченные данные Вотской пятины и Московского княжества (см. выше, в разделе деревенского ремесла) говорят о наличии в деревне городских вещей, у д а л е н н ы х на большое расстояние от места производства. Возможно, что в XIV в. коробейники появились вновь.

Судя по более поздним материалам XVI в., полного отделения торговли от ремесла еще не было. Наряду с немногими торговцами-посредниками продолжала существовать продажа изделий самим ремесленником. Можно допустить, что вне города, на сельских ярмарках, на мелких периферийных торжках, купец, приехавший из города, выступал чаще, чем ремесленник. В городе же, где ремесленников было много, купец-посредник появился позднее. Мастер мог продавать свой товар в мастерской. Это — промежуточная стадия между работой на заказ и работой на рынок (сначала на будущих заказчиков).

Интересно то, что источники очень часто называют ремесленников торговыми людьми.[29]

Очевидно, связь между ремеслом и торгом была в то время достаточно прочной.

[29] «А людей непахотныхъ, промышляютъ торгомъ и и з в о з о м ъ...» (разрядка наша. — *Б. Р.*). Далее следует список, в котором имеется Мартынко Обакумов горньчар и Голаш Швец. — НПК, т. IV, стр. 162, 1498 г. (Погост Опоцкий).

В этой же писцовой книге, при описании Ивангорода, все ремесленники отнесены в разряд торговых людей. Не только мясники, хлебники и калачники, но и кузнецы, и жерновники, и овчинники оказались зачисленными в торговые люди.

Городская торговля XVI в. свидетельствует об очень прочной связи ремесла с торгом. Особенно важны здесь лавочные книги,[30] в которых содержится много указаний на торговлю ремесленников и на ряды, носящие название той или иной ремесленной специальности:

Кафтанный	Сермяжный
Кожевный	Скорнячный
Котельный	Сумочный
Льняной	Сыромятный
Овчинный	Терличный
Пирожный	Хлебный
Ремесленный	Холщевный
Сапожный	Чупрунный
Серебряный	Шпанный

Расположение торговых рядов имеется на плане, приложенном к работе А. И. Семенова.[31]

Связь ремесла с городским торгом в XVI в. несомненна. Данные XVI в. мы можем без колебания перенести в XV и даже в XIV в.

Расслоение ремесленников приводит к концу XV в. к тому, что наиболее богатая часть городских мастеров, не довольствуясь торговлей в своем ряду на торговой площади города, переходит к далекой заморской торговле. Сведения об этом мы получаем из дипломатической переписки Ивана III с Казимиром литовским.

В 1489 г. у Таванского перевоза на нижнем Днепре были ограблены 120 русских купцов (московские, тверские, новгородские), возвращавшихся из далекой поездки на юг.[32] В составе каравана мы видим ряд купцов-ремесленников, сохранивших еще свои ремесленные прозвища: Ондрюшка бронник, Зиновка сагайдачник, Софоник Левонтиев сын иголник, Борис укладник, Обакум Еремеев сын красильников, Митя однорядочник.

Товар, который был награблен на Тавани, не характеризует производственных связей купцов каравана, так как свой товар они уже

[30] С. В. Бахрушин в предисловии к изданным им лавочным книгам Великого Новгорода 1583 г. (М., 1930) пишет: «Главную массу (владельцев лавок) составляли, повидимому, ремесленники, продававшие предметы своего производства», стр. IV. Список рядов см. стр. 39 (Указатель).

[31] А. И. Семенов Топография новгородского торга в 1583 г. — «Новгородский исторический сборник», Л., 1936, вып. 1.

[32] «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским», т. I, 1882, стр. 26—31.

продали и возвращались домой с разнообразными восточными тканями, красками и специями.[33] Но весьма характерен состав купцов по специальностям. Преобладают металлисты: оружейник, изготавливающий панцыри (бронник), ножевник, игольник, стальных дел мастер (укладник). Невольно вспоминаются постоянные просьбы Менгли-Гирея и его вельмож о присылке добрых панцырей, доспехов, сабель, 20 000 стрел. В числе московских товаров, которые шли на юг, в Крымское ханство и далее, были оружие, саадаки, седла, серебряная посуда, т. е. именно те товары, которые производились бронниками, сагайдачниками, ножевниками, укладниками, серебряных дел мастерами.[34]

Все эти специальности представлены списками купцов-ремесленников, потерпевших убытки на юге.[35]

Связь торговцев с определенным ремеслом намечается довольно ясно. Несомненно, что выход зажиточного ремесленника на внешний рынок существенно менял его положение в родном городе, в его ряду, где ранее он торговал только своими изделиями. Теперь в его лавке появляются новые товары, привезенные из Кафы, Синопа, Токата, Бруссы, Константинополя. С ростом количества заморских товаров мастер-купец должен приобретать лавку в другом ряду и постепенно из ремесленника, сбывающего на торгу изделия своих рук, он превращается в «корыстного купчину». До тех же пор, пока он не порывал окончательно с ремеслом и своим ремесленным рядом, он являлся крупной фигурой среди менее удачливых собратьев по профессии. Мы легко можем допустить, что выход ремесленника за пределы города (сначала на соседние ярмарки, а затем и в далекие земли юга) из-под надзора товарищей по ремеслу, соседей по ряду, развязывал такому мастеру руки в отношении цены и качества изделий, обогащал его и, по удачном возвращении, ставил его головой выше соседей-рядовичей. Отсюда уже только один шаг к тому, чтобы этот ма-

[33] «А у Бориса у укладника взяли 20 нюгъ шафрану, да отлас, да косякъ тафты червчатые, да бези 60 аршинъ, да 3 кантари ладану бѣлого, да 11 литр шолку червчатого; а всего у него взяли на семьдесять рублевъ, да на полтора рубля» (Там же, стр. 29).

[34] Список русских товаров см.: В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане, М. — Л., 1935, стр. 63—64.

[35] После 1489 г. встречаются купцы-ремесленники: Овакумка серебряный мастер, Назарка терличник, Васка мошенник (делавший мошны), Родивонка швей, Микифор кожевник, Малыга румянечник, Степанка вощесник, Офоня соляников (Там же, стр. 83).

стер превратился в скупщика, в представителя своего ряда на внешнем (по отношению к городу) рынке.

Вполне возможно, что дипломатическая переписка по поводу убытков, причиненных купцам-бронникам, сагайдачникам и серебряных дел мастерам, отражает именно эту стадию в развитии городского ремесла. К сожалению, многие положения в нашей схеме легче могут быть допущены в качестве гипотезы, чем обоснованы фактами.

Для выяснения средневековых ремесленных организаций большой интерес представляют торговые ряды. Здесь нам вновь, как и в других случаях, придется опираться почти исключительно на новгородские документы, в которых ряды на торгу упоминаются еще со времени «Устава о мостех».[36]

«Ряд» и «сто» встречаются в Новгородской Судной Грамоте.[37] «Сто», «соцкие», «ряд», «рядовичи» имеются в договорной грамоте Новгорода с Иваном III (11 августа 1471 г., месяц спустя после Шелонской битвы).

В обоих документах «ряд» выступает в качестве самоуправляющейся единицы, своеобразной корпорации, ведающей судебные дела своих членов. Приведем интересующие нас тексты:

«...а от конца или от улицы
и от ста
и от ряду.
Ятцом двема человеком, а иным на пособье не итти к суду ни к росказу а будет наводка от конца
или от улици
или ото ста
или от ряду
ино великим князем и Великому Ноугороду на тых дву человекех по ноугородской грам...» (конец грамоты отсутствует).[38]

В Судной Грамоте «ряд», «сотня» или «улица» выделяют двух «ятцев», сопровождающих вызванного в суд, выступая, таким образом, в качестве какой-то организации. Предусматривается возможность того, что эта организация пошлет в суд «на пособие» (очевидно, обвиняемому сочлену?) слишком много людей; это запрещено законом и количество сопровождающих ограничено двумя ятцами.[39] Впрочем, под ятцами можно понимать как доверенных лиц улицы, сотни или ряда, так и свидетелей обвинения, заботящихся о доставке обвиняемого в суд. Как явствует из последней (к сожалению, не оконченной) фразы грамоты, улица, сотня и ряд могли иногда противостоять ятцам («а будет наводка»). Договорная грамота 1471 г. сообщает еще более ценные сведения о составных элементах города.

«А кто иметъ посулъ давати, или кто и почнетъ имати по концемъ,
и по рядомъ,
и по станомъ,
и по улицамъ
у грабежщиковъ, и у наводщика и у наездщика; ино взяти на томъ той же закладъ Великимъ Княземъ половина, по Новгородской грамотѣ, а Великому Новугороду половина.

А Сотцкимъ и рядовичемъ безо Князей Великихъ Намѣстника и безъ Посадника не судити нигдѣ» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[40]

Первая часть приведенного отрывка содержит уже знакомое нам перечисление отдельных элементов, из которых складывался (или на которые распадался) Новгород. Особое значение имеет последняя фраза, содержащая сведения о суде сотских и рядовичей. По смыслу грамоты ясно, что до введения новых порядков в Новгороде существовал какой-то суд сотских и рядовичей, которые судили без посадника. С введением новых установлений в 1471 г., выразившихся в совместном участии в судебных доходах и посадника и великокняжеского наместника, эти бесконтрольные ранее суды сотских и рядовичей поставлены под надзор сразу двух соучастников судебной прибыли.

Можно допустить, что контроль был установлен впервые, что ранее посадники не вмешивались в суд сотских и рядовичей, а они появились в качестве контролеров лишь как представители фискальных интересов Новгорода рядом с наместником великого князя, интересовавшимся всеми возможными доходными статьями. Дока-

---

[36] Наиболее вероятная дата «Устава» — 1230 г. (см. Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. — «Исторические записки», 1938, вып. 2, стр. 149).

[37] Датировка Новгородской Судной Грамоты еще не установлена точно. Утверждена грамота была после 1471 г., а написана или в 1440—1456 гг. или даже еще ранее. См. С. В. Юшков. История государства и права СССР, М., 1940, стр. 204. Автор полагает, что грамота содержит старую новгородскую «пошлину», кодифицированную задолго до середины XV в.

[38] Новгородская Судная Грамота, т. 92, стр. 72.

[39] «На пособье», разумеется, могли пойти не члены кончанской, улицкой или рядовой организации, а просто сторонники обвиняемого.

[40] 2-я договорная грамота Новгорода с Иваном III. 11 августа 1471 г. — СГГ и Д, ч. 1, № 20, стр. 30.

зательством того, что суд сотских и рядовичей в прежнее время происходил без посадника, может служить конструкция разбираемой фразы. Если бы посадник принимал ранее участие в этом суде, то при установлении нового, московского порядка было бы оговорено участие в нем московского представителя, вышеприведенная фраза имела бы такой вид: «а посадникам с сотскими и с рядовичами без князей великих наместника не судити».

Необходимо еще уточнить терминологию и установить, кого следует понимать под сотским и рядовичами.

Труднее всего определить истинный смысл слова «сотский», так как понятие «сотня» («сто») очень расплывчато. Под «сотней» можно подразумевать и купеческую корпорацию [41] и территориально-профессиональное объединение ремесленников, близкое по своей сущности к «улице».[42] Слово «рядовичи» необходимо рассматривать в связи с «рядами», упоминаемыми обеими грамотами, и понимать его не в том смысле, в каком оно употреблялось в Русской Правде, а в том, какой дают нам источники XV—XVI вв., где оно обозначает членов торгового ряда. [43]

Лавочные книги содержат много важных сведений о рядах. Выше уже указывалось, что подавляющее большинство лавок в рядах принадлежало городским ремесленникам, торговавшим своими изделиями. «Корыстные купчины», т. е. купцы-посредники, были очень немногочисленны и составляли особый Корыстный ряд. Всех остальных рядовичей можно считать ремесленниками. Рядовичи нередко жили на одной улице; так, например, в Котельном ряду торговали котельники и медники, большинство которых проживало в Котельниках в Новгороде.[44] В этом случае территориальное объединение ремесленников, живущих гнездами на одной улице, совпадало с объединением этих же мастеров в торговых рядах.

Рядовичи имели своего старосту, выбранного из среды самих ремесленников,[45] иногда совместно владели складочными помещениями [46] или пустующими лавками.

В отношении времени возникновения рядовой корпорации нужно принять мнение С. В. Бахрушина: «Повидимому, древнего происхождения были и самоуправляющиеся организации «рядовичей», т. е. владельцев лавок в каждом отдельном ряду».[47]

Учитывая все сказанное выше о новгородских рядах и рядовичах, мы сможем точнее перевести интересующее нас место в Новгородской договорной грамоте о судебных функциях рядовичей. Не представителей ряда должны видеть мы в них, а самих рядовичей, членов ряда, всех мастеров, имеющих лавки в рядах. Совокупность всех членов ряда, вся корпорация рядовичей в целом и имела свою юрисдикцию, отмененную при введении московских порядков в 1471 г.

Наличие такого корпоративного суда в западноевропейском средневековом городе общеизвестно; для купеческих организаций есть и ранние русские данные, а для ремесленников, связанных с торгом, мы получаем сведения о нем только в момент его уничтожения.

По всей вероятности, суд рядовичей касался только членов данной корпорации, их внутренних спорных дел. Старосте ряда, по всей вероятности, принадлежала председательская власть в суде рядовичей. Если конфликт возникал у рядовитина с посторонним ряду лицом, то по вызову суда рядовитин являлся в суд в сопровождении двух ятцев, доверенных лиц ряда (большее количество сопровождающих, как мы помним, было запрещено). Возможно, что самый вызов в суд производился путем обращения власти (посадника, владыки, наместника) не лично к обвиняемому, а к той корпорации, к которой он принадлежал («улица», «ряд», «сто»), а уже корпорация

---

[41] СГГ и Д, ч. 1, № 3, стр. 4: «кто купец — тот в сто» (1270 г.). Эта формула повторяется до конца XV в.

[42] См. ниже. «Сотский» может означать как администратора сотни, так и члена сотни.

[43] Напр., в 1536 г. в Новгороде, в церкви Параскевы-Пятницы на Торгу. была возобновлена вседневная служба: «а вседневную замыслили р я д о в и ч и Великого ряду корыстного, гости Московскіе и Новгородскіе того ряду» (разрядка наша. — *Б. Р.*). — ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 299 (отрывок Новгородской архиепископской летописи). Здесь рядовичи — члены «ряда», определенной организации, совместно заботятся о церкви покровительницы торговли Пятницы. Великий корыстный ряд объединял крупное купечество, торговавшее не своими изделиями, а скупленными в разных местах товарами. Тот же смысл имеет слово «рядовичи» и в цитированных выше лавочных книгах Новгорода 1583 г. (стр. 49, 109). Единственное число — «рядовитин», а не «рядович» (Там же, стр. 1, 11, 103, 109). Во Пскове рядовичи в этом же смысле упоминаются еще в 1465 г. («Псковские летописи», изд. А. Насоновым, стр. 71).

[44] Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., М., 1930, стр. 27—29. — Другая группа жителей Котельников торговала в Чупрунном ряду (стр. 77—81).

[45] Якуш Васильев — котельницкий староста, Федор Калинин — староста Рыбного ряда, Овчинник Васюк Нестеров — староста Овчинного ряда (Там же, стр. 27, 49, 109).

[46] «Анбар Овчинного ряду старосты Васюка Нестерова овчинника... и всех рядович Овчинного ряду поперег 3 сажени длина 18 саженей» (Там же, стр. 49).

[47] Там же, стр. IX.

выделяла двух ятцев для доставки обвиняемого в суд. Идя далее по этому пути допущений и толкований, можно предположить еще следующее: поскольку Судная Грамота ограничивает количество сопровождающих только двумя лицами, «а иным на пособье не итти к суду ни к росказу», можно думать, что корпорации городского населения стремились участвовать в городском суде на стороне своего сочлена, что и вызвало соответственную статью Судной Грамоты.

Победа Москвы не уничтожила, очевидно, рядовые корпорации, но поставила их суд под контроль наместника и посадника.

В свете данных о преобладающем ремесленном составе рядов, мы можем видеть в них ремесленные корпорации, имевшие собственное управление и юрисдикцию.

Таким образом, ремесленники объединялись в процессе сбыта своих изделий на рынке. Каковы были внутренние отношения рядовичей, существовала ли какая-нибудь договоренность между ними о качестве и цене товаров, об отношении к другим ремесленникам этой же специальности — все это нам неизвестно.

Объединение ремесленников в процессе сбыта не было единственной формой их организации. Характерной особенностью средневекового города являлось размещение ремесленников локальными группами по профессиям, совпадавшими в основном с улицами. С древнейших времен и до XVII в. включительно мы видим в русских городах отдельные слободы, улицы, поселки, заселенные ремесленниками одной специальности.[48]

Хорошо известная нам номенклатура городских улиц XVI—XVII вв., в большинстве случаев удержавшаяся до наших дней, отражает древнюю структуру города, состоявшего из многочисленных ремесленных «гнезд».

Нужно оговориться, что в профессиональных названиях улиц, иногда анахроничных, отражается более раннее нахождение здесь ремесленников данной специальности.[49]

[48] В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в., СПб., 1911. Приводятся сведения о составе населения улиц в XVI в.

А. В. Арциховским («Новгородские ремесла», стр. 3—6) суммированы все древнейшие данные о размещении в Новгороде ремесленников по профессиям.

Сведения о составе улиц иногда содержатся в записях о пожарах, напр.: «в лето 6974 [1466] загорѣлося въ Кузнецкой улици от Климентія кузнеца от Сесторикова передъ заутренею и погорѣ все Полонище... и церквей погорѣ 12» (Псковская I летопись 1466 г. (В этой записи для нас важно указание на размещение кузнеца на Кузнецкой улице.

[49] А. В. Арциховским отмечено перемещение к XVI в. плотников за пределы Плотницкого конца, которому они еще в XII в. дали свое название, и щитников со Щитной улицы («Новгородские ремесла», стр. 5).

В дополнение к этому можно привести свидетельство о переселении ремесленников, применявших специальные горны и печи, за город, очевидно, в связи с пожарной опасностью:

«Того же лѣта, повелѣніемъ великого князя, выслаша за городъ хлѣбниковъ и колачниковъ и кузнецовъ, жити на поле (разрядка наша. — *Б. Р.*). Новгородская IV летопись 1503 г. Список Никольского, Л., 1929, стр. 611.

В результате этого переселения колачники оказались в Кузьмадемьянском заполье, а кузнецы — на Кузнецкой улице, на ручье Гзени за валом.

Как мы видели выше на примере котельников и Котельного ряда, территориальное объединение до известной степени соответствовало торговому, т. е. ремесленники одной специальности жили преимущественно в одном месте и торговали преимущественно в одном ряду на центральной торговой площади города. Новгородская «улица» выступает перед нами в качестве такой же самоуправляющейся организации, как и «ряд». Уличане имеют своего старосту, совместно владеют дворами и землей, сообща ставят церковь, обладают, как и рядовичи, своей юрисдикцией (см. выше). Уличанская корпорация, по самому своему происхождению от группы городских дворов, должна была иметь постоянный состав членов. Изменения в ее составе могли произойти лишь в случае продажи двора, пожара или каких-либо иных чрезвычайных событий. Пополнение большинства уличанских корпораций новыми членами было почти исключено, так как внутри города улицы не менялись. Только за пределами городского вала, в Заполье, возможно было увеличение улиц. Судя по данным XVI в., уличане предпочитали оставлять за собой вымороченные, опустевшие дворы, земли, лавки, владея ими на корпоративных началах.[50] Уже в XIV в. встречаемся мы с совместными выступлениями уличан, например, при постройке церкви.[51]

[50] Лавочные книги, стр. VIII.

[51] «...подписаша церковь Господа нашего Іисуса Христа, на Ильинѣ улицы повелѣніемъ благороднаго и боголюбиваго боярина Василья Даниловича, со уличаны Ильины улицы...» (Новгородская III летопись 1378 г.).

«...посадникъ Богданъ Обакумовичъ съ своею братіею и съ уличаны поставиша церковь камену святаго Симеона, на Чюдинцевѣ улицѣ ... (Новгородская I летопись 1392 г.).

Иногда уличане назывались просто по улице: «Поставиша даньславци церковь камену святаго Дмитрия» (Там же, 1394 г.).

«Даньславцы» — уличане Даньславлей улицы в Новгороде.

Уличане во главе со своими старостами выступают в событиях 1476 г. в Новгороде.[52]

Отношение улицы и уличан к суду мы уже приводили выше, разбирая данные Новгородской Судной Грамоты о рядах.

Социальный состав уличан нам неизвестен. В некоторых улицах мы можем предполагать организации ремесленников, но, естественно, далеко не все улицы состояли из однородного населения. Едва ли верно слишком резкое противопоставление «аристократических» улиц «демократическим»; можно допустить, что некоторые из новгородских улиц имели смешанный состав, который приобретал более чистый ремесленный характер по мере удаления от центра города. Уличане могли иметь свое общественное здание. Так нужно понимать летописную фразу о том, что «на Славковѣ улици, поставиша гридницу нову среднюю».[53] Гридница была и уличанским управлением, и канцелярией, и местом уличанских братчин.

Территориальное самоуправляющееся объединение, каким была «улица», могло существовать и под каким-либо иным названием, напр., «сотни», «ста», упоминаемых часто в одном контексте с «рядом» и «улицей». Нам неизвестно, к сожалению, точное количество «улиц» и уличанских организаций в Новгороде. Возможно, что в дальнейшем сфрагистический материал позволит решить вопрос о количестве «улиц» и «сотен». В 1478 г. бояре великого князя взяли грамоту, «что была у Новгородцевъ грамота укрѣплена межи себя за п я т ь ю десять и осмью печатью» (разрядка наша.— *Б.Р.*). Невольно возникает соблазн распределить эту круглую цифру между пятью концами. Тогда на каждый конец придется ровно по 10 печатей. Не отражало ли это разделения конца на 10 «сотен» или на 10 «улиц».[54]

Большой интерес имеют для нас наблюдения М. Н. Тихомирова

[52] Когда Иван III приближался к Новгороду, его на всех станах встречали бояре и житьи люди. В Рыдыне 18 октября 1476 г. к нему пришли двое старост Славковой улицы и двое старост Никитиной улицы и поднесли совместно бочку красного вина.

Когда великий князь достиг Городища, к нему пришли «всякіе мастеры и изъ всѣх властей Новгородцкыхъ старосты и лутшіе люди, иные о жалобахъ, а прочіи лице его видѣти»... (Никоновская летопись).

26 ноября был произведен суд над боярами, обидевшими славковских и никитинских уличан. На суд явились старосты этих улиц «со всеми уличаны» (Никоновская летопись 1476 г.).

[53] Новгородская IV летопись 1470 г.

[54] Софийская II летопись 1478 г.

над псковскими «сотнями», представлявшими объединения 30—50 «суседей»-ремесленников, в большинстве своем занятых в однородном производстве.

«Сотни» имели сотского и сотенного дьячка; «сто» выступало в качестве юридического лица.[55]

На московской почве мы встречаем сотенное деление именно черных людей еще в середине XIV в.: «А который слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не принимати».[56] При всей неясности вопроса о характере упоминаемых сотен это свидетельство важно в том отношении, что говорит об объединении в сотни черного посадского населения. Тянущие к «сотникам» противопоставлены вотчинным слугам, тянущим к «дворскому», что и позволяет нам считать первых свободными ремесленниками.

Если правомерно привлечение данных начала XVII в. для выяснения более ранних вопросов, то наряду с купеческой сотней XIV—XVI вв. мы получаем сведения и о ремесленной среде, представляющей, как и улица, территориальное объединение ремесленников одной специальности, обладавшее особой юрисдикцией.

Мы рассмотрели расселение ремесленников в городе и связь их с рынком, установив попутно существование нескольких организационных форм, зависевших или от места поселения, или от торга. Ряд, улица и сотня не исчерпывают еще всех форм ремесленных объединений; всю совокупность сведений об организациях ремесленников в русском средневековом городе мы рассмотрим ниже в связи с проблемой цехового строя. Прежде чем перейти к этому сложному и трудно разрешимому (за скудостью материалов) вопросу необходимо ознакомиться с положением ремесленников внутри города, с классовой борьбой и вообще с той исторической обстановкой, в которой развивалось русское ремесло XIII—XV вв.

[55] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г., М. — Л., 1935, стр. 10—11. См. также ЧОИДР, 1870, кн. 1. — Следственное дело о псковском воеводе кн. Д. М. Пожарском; С. К. Богоявленский. Московские слободы и сотни. — «Московский край в прошлом и настоящем», М., 1929, стр. 129.

Выше, сопоставляя данные о рядах XV и XVI вв., мы показали возможность привлечения более поздних материалов для объяснения явлений XIV—XV вв.

Думаем, что и в отношении «сотен» (и суда сотских) Новгородской Судной Грамоты мы можем частично воспользоваться наблюдениями над поздним материалом.

[56] СГГ и Д, ч. I, стр. 44. — Договор Дмитрия Ивановича 1362 г.

Собирательным названием для ремесленного населения города было «черные люди». Так, например, при описании восстания в Смоленске в 1440 г. летописец под словами «черные люди» объединяет ремесленников: «...здумали смолняне черные люди: кузнецы, кожомяки, шевники, мясники, котельники...» [57]

«Черные люди» обычно противопоставляются боярам, купцам, житьим людям, княжеским слугам.

Свободное посадское население города было отягощено различными повинностями и поборами. Уже в самом начале изучаемого периода боярство пыталось переложить всю тяжесть татарского ига на городские низы: когда в 1259 г. в Новгороде появились татарские баскаки, «творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло; и почаша ѣздити оканьніи по улицамъ, пишюче домы христьяньскыя» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[58]

«Черный бор» и в XV в. продолжает лежать всей тяжестью на крестьянах и ремесленниках.[59]

Между горожанами была разверстана мостовая повинность, упорядоченная около 1230 г. Ярославом Всеволодичем. Нормы «Устава о мостех», по всей вероятности, продолжали существовать и сто лет спустя, так как в 1338 г., когда нужно было строить мост вновь и средства на постройку дал архиепископ Василий Калика, то летописец особо отметил, что «владыка много добра сотвори христианом».

Иногда средства на постройку собирались с определенной группы «черных людей»: «Псковичи, поставиши новый мостъ черезо Пскову, а даша мастеромъ 60 рублей; а платиша то серебро мясники».[60]

Горожане обязаны были принимать участие в постройке городских укреплений. «Суседям» выделялось определенное прясло стены, которое они должны были построить.[61]

Попрежнему, как и в домонгольский период, на горожанах лежала военная повинность, и ремесленники участвовали в походах и битвах.

В 1262 г. во время штурма Юрьева немцы «Петра Мясниковичя

[57] Летопись великих князей литовских. — «Ученые записки» Втор. отд. Акад. Наук, кн. 1, СПб., 1854, стр. 54.

[58] Новгородская I летопись 1259 г.

[59] ААЭ, т. I, № 32, стр. 24. — Кожевническая мастерская, кузница, солеварня были приравнены к сохе: «а въ соху два коня, да третьее припряжь». Черного бора платилась гривна с сохи.

[60] Псковская II летопись 1485 г.

[61] Ibid.

убиша, и Якова храбраго гвоздочника убиша, и Илью Дехтярева убиша, и Измаила кузнеца убиша, зѣло храбрыхъ и велми удалыхъ мужей».[62]

Под Раковором в 1268 г. убили «много добрыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людіи, безъ числа».[63]

В 1471 г. во время борьбы новгородского боярства с Москвой было мобилизовано все население Новгорода: «Новгородскіе посадници, тысячскіе, купцы и житіи люди и мастери всякіе, спроста рещи плотници и гончары, и прочіи, которой родився на лошади не бывалъ, и на мысли которымъ того не бывало, что руки подняти противу великого князя, всѣхъ тѣхъ измѣнници они силою выгнаша; а которымъ бы не хотѣти поити к бою тому, и они сами тѣхъ разграбляху и избиваху, а иныхъ въ рѣку Влъхов вметаху» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[64]

В результате таких принудительных действий удалось собрать войско в 40 000 воинов. Крутые меры приходилось применять ввиду того, что «черные люди» Новгорода стояли за союз с Москвой и были против войны. Неоднократно новгородские «черные люди» являлись на вече в доспехе и даже со стягом (см. ниже), что свидетельствует об их участии в городском ополчении. О привлечении московских граждан к воинскому делу см. поход под Казань 1469 г., во время которого были мобилизованы суконники, сурожане, купцы и прочие москвичи.

Неизбежными спутниками средневекового ремесла и на Западе и у нас было обнищание части ремесленников и крайняя запутанность их долговых отношений. Выше мы уже касались восстания 1209 г., связанного с долговыми обязательствами городских посадских людей. В XIV—XV вв. задолженность ремесленников едва ли уменьшилась; повесть о посаднике Щиле красноречиво говорит о ростовщической деятельности новгородского боярства.

Псковская Судная Грамота дает нам очень развитую систему залогового права и займа. Ряд статей Судной Грамоты содержит постановление о процентах по займу.

Имущественное расслоение самих ремесленников приводило к тому, что к концу XV в. одна часть их являлась кредиторами вели-

[62] Никоновская летопись 1262 г.

[63] Новгородская I летопись 1268 г.

[64] Воскресенская летопись 1471 г.

кокняжеского семейства, а другая — попадала в долговую зависимость от купечества и боярства».[65]

Задолженности ремесленников способствовали и система откупа татарской дани,[66] и частые пожары, «великие и лютые», во время которых «яко мнѣти уже кончина»,[67] и грозные неотвратимые разливы таких рек, как Волхов, во время которых почти весь город оказывался под водой,[68] и частые неурожаи, поднимавшие цены на продукты питания.

Богатству князей, боярства и монастырей с каждым десятилетием все резче и резче противопоставлялась бедность черных ремесленных людей, имевших право с горькой иронией говорить о себе: «Богъ дай здоровие къ сему богатствию: что кунъ то все въ калитѣ, что пърт — то все на себѣ; удався убожие смотря на мене!» [69]

Социальные условия русского средневекового города заставляли «черных людей» упорно отстаивать свои права и бороться против «богатых и брюхатых сребролюбцев».

Хорошо известна нам история только двух городов, Новгорода и Пскова, но и на этих примерах мы видим постоянное кипение городских народных масс и напряженную классовую борьбу.

Недаром один из позднейших летописцев, вообще не склонный к подчеркиванию противоречий, восклицал: «вси бо сіи единъ родъ и племя Адамово, цари, и князи, и бояре, и велможи, и гости, и куп-

[65] См., напр., духовную грамоту конца XV в. Ивана Перепечи Посульщикова: «Взяти ми на Дороне на К и в е р и н и к ѣ, да на его женѣ на Улитѣ, да на его сыне на Ивашкѣ дватцать алтынъ по кабалѣ... взяти ми на Панке на токарѣ, да на Егупѣ на Омельине сыне десят алтын» (разрядка наша. — *Б. Р.*) (Н. П. Л и х а ч е в. Сборник актов, СПб., 1895, стр. 3—4).

[66] «Откупаху бо богатыя у татаръ дани и корыстоваахуся сами, и мнози люди убозіи въ ростѣх работаху». (Никоновская летопись 1262 г.).

[67] «...по водѣ огнь горя хождаше и много людіи истопе на Волховѣ и перевръжеся огнь чрезъ Волхово на ону сторону, и тамо въскорѣ до вечерни погорѣ вся сторона» сгорели каменные и деревянные здания всех пяти концов города. Не успевали выносить имущество «а кто что вывеслъ, или на поле, ... или въ лодьи или въ учаны, — то все поломянемъ взялося». — Новгородская I летопись 1340 г.—ПСРЛ, т. 3, СПб., 1841, стр. 79—80.

[68] «...бысть вода велика въ Волховѣ, и снесе: великий мост, и Передичьской, и Жилотужской; а съ Коломець и церковь снесе святую Троицю, а в Щиловѣ, и на Соколницѣ, и в Радоковщахъ, и Въскресеніи въ Людинѣ концѣ, — въ тѣхъ церквахъ только на полатѣх, пѣли. А по концамъ хоромы и съживоты снесе, а толь силна разліася в городняя ворота, до Рыбников» (Новгородская I летопись 1340 г.).

[69] См. выше приписку в Шестодневе 1374 г.

цы, и ремественицы, и работніи людіе — единъ родъ племя Адамово; и забывшеся, друг на друга враждуютъ и ненавидятъ и грызутъ и кусаютъ...» [70]

Если мы рассмотрим все данные о городских восстаниях, в которых важнейшей движущей силой были черные, молодшие люди (т. е. другими словами ремесленники), то убедимся в том, что классовая борьба велась в русских городах XIII—XV вв. ожесточенно и упорно. Выступления городского плебса против патрициата не носили характера бунта наемных «злорадныхъ, пьянчивых и хотящихъ кровопролитьству человѣкъ»,[71] как это пытались изобразить враждебные «черным людям» современники. Мы знаем о созыве веча, об организованных выступлениях народа в доспехах и со знаменами, знаем о том, что восставший народ мог организовать оборону крупного города как от внешнего врага (Москва), так и от выгнанных бояр (Смоленск). Мы встречаемся с характерными фактами солидарности, когда народ добивается освобождения своего «брата» или когда «черные люди» одного города отказываются выступать против восставших людей другого (Новгород и Торжок).

Если поставить борьбу «черных людей» с боярством в исторические рамки XIII—XV вв., эпохи дробления уделов, непрерывных усобиц и частых обращений князей к помощи татар, поляков, литовцев и т. п., то мы поймем, что постоянство «черных людей» в их симпатии к московскому князю, активное вооруженное вмешательство их во внешнюю политику своих правительств и упорство горожан в борьбе с внешними врагами — все это чрезвычайно важные факторы в истории создания русского национального государства. Пути развития русских городов почти полностью совпадают в этом смысле с развитием Западной Европы: «...и в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтоб прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуще-

[70] Никоновская летопись 1367 г.

[71] Послание митрополита Ионы архиепископу Евфимию. — «Русская историческая библиотека», т. VI, СПб., 1880, № 65, стр. 544.

ствить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в короле... Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (Das Königtum) была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно... Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним».[72]

[72] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 443, 445.

Глава десятая

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ в XIV—XV вв.

Труднейшим разделом истории русского ремесла является вопрос о ремесленных корпорациях. Западноевропейский средневековый город предстает перед нами как сложный конгломерат различных корпораций; в гильдии, цехи и братства объединялись купцы, ремесленники, скоморохи, попы, нищие.

Древнерусский город обычно противопоставлялся западному во всех отношениях. Несмотря на малую изученность его, обусловленную малочисленностью источников, многие историки решительно отрицали и промышленное значение русских городов и преобладание в них ремесленного населения, а в отсутствии цеховых объединений видели основное отличие от Запада. Предвзятая мысль о коренном различии исторических путей Запада и Руси заменяла пробелы в источниках.

Интерес к истории положения ремесленников пробудился в середине XIX в.[1] и очень скоро выразился в отрицательном отношении к сопоставлению русских и западных городов. [2]

Идея сравнения русских ремесленных организаций с западноевропейскими цехами была в самом начале скомпрометирована

[1] М. М. Михайлов. История состояния городских обывателей в России с самых древних времен до настоящего времени, М., 1849; Л. О. Плошинский. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейшего времени, СПб., 1852.

[2] Н. Степанов. Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западноевропейских государствах, 1864, S.l.

В. Н. Лешковым,[3] который в очень категорической форме высказался в пользу существования цеховых организаций в древней Руси.[4]

Однако, вопреки его заявлениям, что «предположение о существовании цехов в древней России подтверждается прямыми показаниями летописей»,[5] мы не можем признать его аргументацию удачной. Артель наемных мастеров, даже возглавленная старейшиной, еще не является цехом. Лешков очень легко брал примеры то из XI в., то из XVII в., причем последние были не всегда удачны и в подборе их не было системы. Лешкову не удалось убедить современников в существовании древнерусских цехов.

В полемике против Лешкова, кроме упомянутого выше Н. Степанова, выступили Н. Рычков, И. Дитятин и др.[6]

Параллельно с обсуждением вопросов истории русского города велось изучение украинских и белорусских церковных братств.[7]

Уже в первых работах, посвященных братствам, постоянно сквозила мысль о родстве их с цеховыми организациями ремесленников.

---

[3] В. Н. Лешков. Очерк древнерусских законов о ремесленной и заводской промышленности, «Москвитянин», 1852, № 23, декабрь, кн. 1, отд. III, стр. 7.

[4] «Корпорации ремесленников были известны в России с самых древних времен. Если бы мы не имели письменных свидетельств о существовании у нас цехов, мы были бы принуждены предполагать их по свойству самих ремесл» (В. Н. Лешков, Ук. соч., стр. 7).

[5] Там же.

[6] В. Н. Лешков повторил свои выводы в работе «Русский народ и государство», М., 1858.

Н. Рычков в статье «О цехах в России» («Русский вестник», М., 1863, т. XLVII) высказал мысль, что «цехи никогда не были потребностью русского народа... они почти целиком перенесены были в Россию из Германии Петром I» (стр. 809—810).

Почти в тех же выражениях отзывался о введении цехов в 1721 г. и Дитятин («Устройство и управление городов России», т. I, СПб., 1873, стр. 248).

См. также: Л. Пригара. Опыты истории состояния городских обывателей в России. — ЖМНП, 1867, август — сентябрь и отдельно: СПб., 1868.

Н. Аристов в своей «Промышленности древней Руси» совершенно обошел вопрос о ремесленных организациях, но постоянное противопоставление Запада и Руси дает нам право причислить его к противникам Лешкова (см., напр., стр. 244 его труда).

[7] И. Флеров. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях, СПб., 1857. — Автор считает, что братства впитали в себя цеховые организации.

М. О. Коялович. Чтения о церковных западнорусских братствах, СПб., 1862. — Автор ставит знак равенства между братством и цехом.

В 1876 г. появилась работа Н. А. Скабалановича, посвященная сравнению западноевропейских корпораций с украинскими братствами.[8]

Материал западнорусских братств, церковных по форме, ремесленных или торговых по своему составу и сущности, привел автора к выводу о близости братств к гильдиям и цехам.

Относительно северо-восточной Руси Скабаланович писал: «Нет ничего невероятного в том предположении, что еще с XII—XIII вв. в Новгороде, Смоленске, Полоцке и других городах устроялись ремесленные братства».[9]

Так мысль о сближении Руси с Западом возродилась вновь, но на другом материале. Историки Украины и Белоруссии в дальнейшем подробно разработали вопросы, связанные с братствами.[10]

В 1929 г. вышла в свет большая монография Ф. Клименко, посвященная цеховому строю на Украине.[11]

Интересные результаты сравнительного анализа привлекли внимание и исследователей собственно русских областей. В 1887 г. была опубликована серьезная статья М. Кулишера.[12] Кулишер старается связать украинский и русский материал с западноевропейским. Подавляющее большинство приводимых им примеров относится к западнорусским областям, но в известной мере он использует и данные о Новгороде.[13]

По сравнению с работами Лешкова, статья Кулишера является значительным шагом вперед, так как небольшой русский материал

---

[8] Н. А. Скабалановичъ. Западноевропейские гильдии и западнорусские братства. — «Христианское чтение», 1875, сентябрь — октябрь.

[9] Там же, стр. 327.

[10] И. Спрогис. О цеховом устройстве и управлении западнорусских городов. — Акты Виленской археогр. ком., т. IX, 1878; А. Я. Ефименко. Южнорусские братства. — «Слово», 1880, № 9—11; Н. Зибер. Еще о братствах. — «Слово», 1881, № 1; И. Сребницкий. Следы церковных братств в восточной Малороссии. — «Труды IX Археол. съезда, СПб., 1891; Д. И. Багалей. Магдебургское право в городах левобережной Украины. — ЖМНП, 1892, март.

[11] Пилип Клименко. Цехи на Україні, т. I, вып. 1. Суспільно-правні елементи цехової організації, Київ, 1929.

Автор выступил на эту тему еще в 1914 г. (Ф. Клименко. Западнорусские цехи XVI—XVIII ст. — «Киевские университетские известия», 1914).

[12] М. Кулишер. Цехи у нас и в Европе. — «Русская мысль», 1887, ноябрь — декабрь.

[13] Так, напр., в записи летописи под 1358 г. о том, что новгородцы решили бесовского играния не любить и бочек не бить, Кулишер видит указание на цеховую процессию бочаров (Ук. соч., стр. 167).

широко освещен западноевропейскими и украинскими аналогиями. Однако незначительность привлеченных данных не позволила Кулишеру прочно обосновать свои взгляды: А. Н. Никитский категорически утверждает, что в Новгороде «не было никакого помина о западноевропейских цехах».[14]

Изучение собственно русских ремесленных организаций начинается статьей М. В. Довнар-Запольского, опубликованной в 1910 г.[15]

Статья, основанная на обильном фактическом материале, устанавливает много общих сторон в организации русского и западноевропейского ремесла (мастера и ученики, корпоративность ремесленников, выборные старосты, клеймение изделий, требование испытаний для кандидатов в мастера и т. п.). В отличие от многих историков, Довнар-Запольский не смешивает цеховой строй западноевропейских городов эпохи развития и эпохи упадка. Проводя аналогии между русскими и западными формами ремесленных организаций, он берет для сравнения ранний период развития цехового строя на Западе.

Следующим шагом вперед в деле изучения положения ремесленников является работа Т. П. Ефименко,[16] в которой автор отправной точкой избирает сравнение русских городов с западными по численности и составу населения. Кроме того, Ефименко обратил внимание на вырождение в XVI—XVII вв. западных цехов в городские

---

[14] А. Н. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, М., 1893, стр. 84. — Такой вывод неизбежно был подготовлен всей исторической концепцией Никитского, который считал, что только немногие горожане посвящали себя промыслам (стр. 84), а относительно городов писал: «Так как первоначальное назначение города заключалось в о б о р о н е, то неудивительно, что были города в Новгородской земле, все население которых состояло из церковного дьяка и сторожа» (стр. 88). Возникновение ремесел он объясняет «продолжительностью зимы и необходимостью пополнить часы досуга» (стр. 81).

Решительность, с какою был вынесен приговор новгородским корпорациям, целиком вытекала из отличительных особенностей исторических воззрений Никитского; несколько позднее, почти в таких же выражениях о русском городе говорил П. Н. Милюков. («Очерки по истории русской культуры», М., 1918, стр. 240).

[15] М. В. Довнар-Запольский. Организации московских ремесленников в XVII в. — ЖМНП, 1910, сентябрь.

[16] Тарас Ефименко. Очерк организации городских ремесел в Московском государстве XVI и XVII вв. Журнал мин-ва юстиции, 1914, апрель.

округа, чрезвычайно близкие к сотням и слободам этого же времени в Москве.[17]

В статье Т. П. Ефименко привлечены сведения о записных ремесленниках, об ученичестве, о шедевре, о поручительстве записных мастеров за новичка. Использован частично и украинский материал, что оказалось очень интересным в отношении терминологии: слово «цех» переводилось словом «сотня».

Работа Т. П. Ефименко, несмотря на ее краткость и неполноту материала, интересна новой постановкой вопроса о русских цехах в XVII в. (о XVI в. почти ничего не сказано). Основной вывод Ефименко: русские городские ремесленники в XVII в. имели ряд признаков цеховой организации, некоторые признаки к этому времени начали уже исчезать (одновременно аналогичный процесс совершался в Западной Европе). К сожалению, работа Ефименко прошла почти незамеченной нашей историографией.

В 1921—1923 гг. было предпринято издание «Архива истории труда в России», в котором вопросы древнерусского ремесла разрабатывались Н. А. Рожковым, В. Ю. Гессеном, К. А. Пажитновым и др.

Рожков о цеховом строе высказался очень неопределенно.[18] Статья Гессена, изобилующая фактическими ошибками, не вносит ничего нового в интересующий нас вопрос, склоняясь к лешковскому пониманию древнерусских корпораций.[19] Интереснее работа А. Введенского, устанавливающего элементы цеховой корпорации у иконописцев.[20]

П. И. Лященко в своей «Истории русского народного хозяйства», написанной в 1922—1926 гг., совершенно отрицал возможность со-

---

[17] В доказательство потери первоначальной чистоты профессионального состава цеха приведены данные о цехе молотобойцев Эдинбурга (1483). Цех состоял из кузнецов, золотых дел мастеров, шорников, седельников, ножевщиков, пряжечников (стр. 136).

[18] Н. А. Рожков. Очерк истории труда в России. — «Архив истории труда в России», кн. V. — В XIII—XV вв., по его мнению, не могло быть ни прикрепления крестьян, ни цехового строя (стр. 68—69). В XVII в. ремесленные слободы «организовывались корпоративно наподобие цехов...» (стр. 69).

В других работах Рожкова сквозит отрицание промышленного значения города вообще: «Не надо забывать, что город и в Московском государстве не был еще центром обрабатывающей промышленности, а имел только торговое значение» (Н. А. Рожков. Город и деревня в русской истории». М., 1918, стр. 73).

[19] В. Ю. Гессен. К истории ремесленного труда в древней Руси. — Арх. истории труда в России, кн. III, П., 1922.

[20] А. Введенский. Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII вв. Строгановские иконники. — Арх. истории труда в России, кн. III, П., 1922.

поставления Руси XVI—XVII вв. с Западом (не говоря уже о более раннем времени).[21]

В 1935 г. М. Н. Тихомиров в своем исследовании о псковском восстании остановился на ремесленно-корпоративном характере городских «сотен», о чем мы уже упоминали выше.[22]

Интересные выводы М. Н. Тихомирова встретили возражения в статье В. И. Шункова «Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1640 гг.» («Исторические записки», № 5, 1939 г.).

По поводу последней статьи нужно заметить, что отрывочные данные сыска не могут служить основанием для отрицания ремесленного характера сотни. Сотня не являлась исключительно профессиональной организацией, как не был ею в это время и западный цех (см. выше о работе Т. П. Ефименко).

Цифры, приведенные В. И. Шунковым, говорят скорее в пользу выводов М. Н. Тихомирова, так как содержат указание на ряд близких профессий:

Мокролужская сотня .	6 кузнецов
	1 молотовщик
Никольская сотня . . .	1 рукавичник
	3 сапожника
	1 скорняк
	1 шапочник
Жирковская сотня . . .	5 рыбников
Пятенная сотня	1 бочар
	1 квасница
	1 суслепник
	1 яблочник
	1 мельник

В Мокролужской сотне из 16 человек, занятия которых известны, 7 человек заняты кузнечным делом. В Никольской — 6 из 13 заняты кожевенно-скорняжным, в Жирковской — 5 из 9—рыбным, в Пятинной — 5 из 13—квасным.

[21] Цитируем по 3-му изд. (П. И. Л я щ е н к о. История народного хозяйства СССР, М., 1939): «Строгого обособления отдельных ремесленных занятий, подобно обязательной принадлежности к цехам в Западной Европе, не было. Одно и то же лицо могло быть и сапожником, и древоделом, и хлебопашцем... московское городское ремесло XV—XVII вв. было далеко от тех характерных черт влиятельной городской буржуазии, которую представляло собой западноевропейское цеховое ремесло» (стр. 178—179). Автор отрицает не только близость к цехам, но и дифференциацию ремесла.

[22] М. Н. Т и х о м и р о в. Псковское восстание 1650 г., М. — Л., 1935, стр. 10—11.

Свой взгляд на проблему цеховых организаций в древней Руси сформулировал в конспективной форме в 1936 г.[23]

С. В. Юшков нашел возможным говорить о цеховом строе для значительно более раннего времени: «Об организации цехов наши памятники IX—XII вв. молчат, но это не значит, что их не было; существование их вполне возможно».[24]

Последней по времени опубликования работой, затрагивающей проблему ремесленных организаций, является статья К. А. Пажитнова, в которой автор приходит к выводу, высказанному в весьма категорической форме: «В сохранившихся памятниках допетровской Руси не содержится ни малейших признаков существования такого института [речь идет об особых организациях ремесленников]». «В Московской Руси н е б ы л о н и ч е г о п о д о б н о г о цеховому устройству Западной Европы».[25]

Из своих предшественников К. А. Пажитнов выбирает в качестве объектов критики только Лешкова и Довнар-Запольского, обходя молчанием более серьезную работу Ефименко.

В противопоставлении русского ремесла, связанного с торгом, ремеслу западному, цеховому, которому «чуждо смешение торговцев и ремесленников» (стр. 164), К. А. Пажитнов неправ, так как и русские и западные мастера почти всегда сами продавали свои товары, выступая на рынке в торговом ряду в качестве торговцев. Флорентийские цехи включали в свой состав крупных торговцев; то же наблюдаем и в передовом Брабанте.[26]

Ссылки на Ю. Крижанича и П. Посошкова, позволившие автору отрицать даже подобие цеховых организаций, неубедительны. Крижанич рекомендует взяться за г о с у д а р с т в е н н о е упорядочение ремесленных организаций. О том же говорит и Посошков, который добавляет еще требование установления системы патентов на изобретения. Не средневековый цех, возникающий нередко вопреки государственной власти, а мануфактур-коллегия и главный магистрат были идеалом Крижанича и Посошкова.

[23] Б. А. Р ы б а к о в. Металлические вещи, найденные на Метрострое. — «По трассе первой очереди Московского метрополитена», Л., 1936, стр. 154—155. — В статье ставится вопрос о существовании в XIV—XVII вв. корпораций кузнецов.

[24] С. В. Ю ш к о в. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. — Л., 1939, стр. 140.

[25] К. А. П а ж и т н о в. Ремесленное устройство в Московской Руси и реформа Петра. — «Исторические записки», 1940, вып. 8, стр. 164—165.

[26] А. П и р е н н. Средневековые города Бельгии, М., 1937, стр. 257.

Нельзя также считать серьезным аргументом и указание на то, что правительство не стремилось создать ремесленные организации (стр. 166). Ведь западные цехи возникли без всяких предписаний со стороны верховной государственной власти. Все петровские указы, касающиеся ремесленных организаций, К. А. Пажитнов относит за счет европейского влияния, примыкая в этом к Рычкову и Дитятину. Однако, анализируя указы 1700, 1704 и 1721 гг., мы видим в них очень много своего, русского, и притом существовавшего задолго до Петра. Так, например, обязательная запись у воевод, упомянутая в указе 1704 г., встречается еще в Торговом уставе 1667 г.[27] Выборные старосты рядов и сотен известны нам с XV в., а в XVII в. упоминаются очень часто (см. у Довнар-Запольского, стр. 147—148). Не было новостью и «освидетельствование гезеля», т. е. проверка знаний ученика, требуемое указом 1721 г.: на полвека ранее в Астрахани, например, производился экзамен ученику, и члены организации давали свидетельство на звание мастера.[28]

Любопытно, что даже в отношении юрисдикции цехов Петр поступился своей любовью к последовательности, четкости и изъял цехи из ведения Юстиц-коллегии, оставив все судебные дела в городских магистратах. В этом опять сказалась «старина», «пошлина», так как городские ремесленники не получали, а сохранили самоуправление.

Наш обзор той небольшой литературы, которая существует по вопросу о русских ремесленных организациях, показал всю спорность и сложность этого вопроса. В спорах ясно обозначились два противоположных взгляда; материалом для обсуждения являлись почти исключительно данные XVIII в., до конца так и не исчерпанные ни одной из сторон.

Если вопрос о ремесленных корпорациях времен Алексея Михайловича оказался весьма дискуссионным, то для эпохи XIV—XV вв он даже и не ставился. В силу этого наша задача — проследить формы ремесленной организации именно в эти столетия — еще усложняется. Обзор литературы показал также, что уяснению вопроса нередко препятствовали отсутствие четкости в его постановке и слишком суммарное представление о цехах в Западной Европе. Отрывочным русским свидетельствам противопоставлялось синтетическое представление о цехе вообще, абстрактная социологическая категория, возникшая как обобщение множества разнородных вариантов.

[27] СГГ и Д, т. IV, № 55.

[28] Дополнения к актам историческим, т. VIII, № 60.

В настоящее время медиевисты с достаточной полнотой изучили цеховой строй Западной Европы. Закончены споры о происхождении цехов, об их сущности, и отчасти решен вопрос об их эволюции с X по XVI столетие. К сожалению, в изучении развития цехового строя главное внимание было обращено на расцвет и упадок цехов; объектом исследования были преимущественно цехи не только вполне сложившиеся, но уже пережившие свой расцвет и содержавшие ряд противоречий, приводивших их к омертвению.

В большинстве случаев эта особенность изучения была обусловлена обилием источников, относящихся именно к данной стадии развития цехов. Ранние этапы жизни цехов не знают писаной регламентации; цеховые уставы появляются спустя долгое время после фактического возникновения корпорации. Первичный период цехового строя (до появления статутов) изучен недостаточно. Нельзя сказать, что западноевропейская буржуазная историография обходила этот вопрос, но предлагавшиеся решения были неудовлетворительны.

Сложный вопрос происхождения средневековых ремесленных корпораций с исчерпывающей полнотой решен классиками марксизма: «Необходимость объединиться против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города беглых крепостных, феодальный строй всей страны — все это породило цехи» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[29]

Для того, чтобы заранее оговорить свое понимание эволюции цехового строя, предлагаем следующие три этапа развития цехов.

Первый этап в жизни средневековых ремесленных корпораций обусловлен развитием полусвободного городского ремесла, работающего на заказ, и появлением рынка, на котором выступают сами производители. Ремесленники селятся в городе по профессиональному признаку. Поселок ремесленников одной специальности является как бы территориальной общиной со своей юрисдикцией, своей выборной администрацией, своей военной организацией. Свя-

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14—15. Сопоставление цеха с маркой указывает на глубокие корни этого явления и органическую связь цеха с феодальным строем вообще.

зующим элементом является необходимость коллективной защиты своих интересов от посягательств феодалов. В системе феодального города, бок-о-бок с вооруженным бургом ремесленники могли отстаивать свои права только сплотившись в корпорацию.

Внешними признаками первоначального ремесленного объединения были совместные пиры в определенные дни года, совместное празднование (обычно в честь христианского патрона данного ремесла), постройка патрональной церкви. В этот патриархальный период развития цехов не было еще необходимости в официальном оформлении цеха особым уставом или грамотой. Нередко корпорации могли существовать несколько столетий и не оставить ни одного письменного документа, так как их существование определялось обычным правом.

На этой стадии, длительность которой была различна в каждой стране, отсутствует не только документальное оформление цеха, но и цеховое принуждение (Zunftzwang) и строгая регламентация внутрицеховых порядков. Ассоциация мастеров еще заинтересована в привлечении сочленов, не ставит никаких препятствий их производственной деятельности и не устраивает еще при приеме в цех никаких запретных рогаток вроде пробного изделия — Meisterstück.

Для передовых стран Европы (в том числе и Руси) этот этап можно датировать XI—XII вв.

Второй этап совпадает с бурным ростом промышленных городов и широким развитием международной торговли. Ремесленники переходят к работе на рынок и через рыночные отношения втягиваются в жестокую конкуренцию друг с другом, а также с пришлыми ремесленниками из других городов и из деревень.

Рынок, особенно внешний, все больше уходит из рук непосредственных производителей и переходит к купцам-посредникам. Одновременно с этим идет усложнение внутренней организации каждой мастерской: подростков-учеников стараются по возможности дольше использовать в качестве рабочей силы и затруднить их переход к самостоятельной работе. Появляются требования от подмастерья пробного изделия, чистоты происхождения и т. п. Цех становится замкнутым, наследственным, приобретает кастовый характер. Между мастерами и подмастерьями начинается борьба. Начавшаяся ранее борьба цеховых корпораций против феодалов нередко приводила к частичным успехам, и цеховая верхушка получала участие в управлении городом. Писаный устав становится необходимым. Строго регламентируются (в целях искусственного устранения влияния конкуренции) качество изделий, количество закупленного сырья, сроки рабочего времени и т. п. Все члены цеха искусственно поставлены в равные условия производства и сбыта.

В это же время влиятельные цехи добиваются запрещения заниматься данным ремеслом посторонним лицам, не состоящим в цехе, но так как доступ в цех был затруднен, то это правило фактически утверждало монопольное положение существующего личного состава цеха. Цеховой строй на этом этапе пронизан противоречиями и идет вразрез с развитием экономической жизни.

Третий этап в истории цеховой организации падает на эпоху зарождения мануфактуры.

Искусственная нивелировка производства не выдерживает соприкосновения с жизнью; отдельные мастера превращаются в скупщиков и предпринимателей, переставая работать лично. Узкая специализация ремесла привела к созданию комбинированных цехов из нескольких смежных профессий. Главенство принадлежит цехам, наиболее близким к рынку. В силу этого положения большинство мастеров второстепенных цехов сравнялось с положением подмастерьев. Чем дальше, тем больше теряли цеховые мастера связь со всеми средствами производства и переходили во власть скупщика или предпринимателя. Стеснительные рамки цеховых ограничений были разорваны зарождавшейся капиталистической мануфактурой. От цеховой корпорации осталась лишь одна оболочка, использованная городской администрацией в фискальных целях. К этому времени понятие цеха сливается с понятием городского района; территориальный признак, который на первом этапе почти совпадал с признаком профессиональным, а на втором этапе не принимался во внимание, теперь становится решающим. Основные элементы ремесленной корпорации (суд, касса взаимопомощи, цеховые собрания, военная организация, выборная администрация и т. п.) утрачивают свой первоначальный характер и вырождаются.

Два последних этапа развития цехового строя прослеживаются во всей полноте по материалам передовых стран Западной Европы, но первый, бездокументный, «доисторический», этап обычно оставался в тени и значительно лучше может быть изучен в странах с несколько задержанным развитием.

Одной из причин длительности споров о происхождении цехов является игнорирование сравнительного материала различных внеевропейских стран, где существовали цехи и где долго сохранялись более примитивные формы ремесленных корпораций.

Давно уже было отмечено, что цехи в феодальном обществе распространены повсеместно.[30] Следы ремесленных цехов прослеживаются еще в древнем Египте.[31] Со средневековыми ремесленными корпорациями мы встречаемся в IX—X вв. в Византии.[32]

Несколько позднее цехи возникают в Италии, а к XIII в. оформляются уставами цехи Франции, Англии, Германии. К этому времени цеховые организации возникают и в других европейских странах.

У западных соседей Руси мы знаем цехи в Швеции, в ливонских городах и в Польше.[33] Двигаясь далее на восток, мы находим цехи в развитом состоянии в Турции с XIV по XVIII вв.[34] Цеховые корпорации с чрезвычайно сложной системой обрядности (хранимой лишь устно) существовали в Крыму.[35]

Обильный материал о цехах (амкарствах) имеется для Закавказья, где по случайно сохранившимся документам амкарства известны с XVII в., а по преданиям и косвенным доказательствам — с XII—XIII вв.[36]

С X в. появляются первые сведения о цеховых корпорациях в Средней Азии.[37] Выступая в XIII—XIV вв. вполне сформировавшимися организациями, среднеазиатские цехи, равно как и цехи почти всего Ближнего Востока, получают свое письменное оформление лишь спустя несколько столетий, в XVII в. или даже еще позднее.[38]

Существовали цехи и в золотоордынских городах XIV в. Известное путешествие Ибн-Батуты знакомит нас с братствами ахиев в Иране, Малой Азии и в Золотой Орде.[39]

В последнее время А. П. Смирнов высказал предположение о существовании цеховой организации у ремесленников Волжской Болгарии еще до появления там монголов.[40]

---

[30] G. M a u r e r. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland, B. II, Basel, 1870, стр. 345. — Маурер устанавливает повсеместность цехового строя, вплоть до Китая.

[31] Д. А. О л ь д е р о г г е. К организации цехового управления в древнем Египте эпохи Среднего Царства. — ДАН, 1928.

[32] Эдикт Льва Мудрого и «Книга епарха» 900 г., перечисляющая 22 цеха, поставленные под строгий контроль городских властей. — См. И. В. Л е в ч е н к о. История Византии, М. — Л., 1940, стр. 148—149.

[33] Stanislaw K u t r z e b a. Historya ustroju Polski, t. 1, Lwow, 1917, стр. 50—51. — Автор устанавливает существование цехов в Польше с XIII в., но неправильно считает их «п р и н у д и т е л ь н ы м союзом лиц, занимавшихся одним ремеслом».

[34] В. Г о р д л е в с к и й. Из жизни цехов в Турции (к истории ахи).— «Записки Коллегии востоковедов», т. II, вып. 2; Е г о ж е. Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции. — «Изв. Акад. Наук», 1927; В. С. Г а р б у з о в а. Эвлия Челеби о стамбульских ювелирах XVII в. — «Труды Отд. истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа», т. III, Л., 1940.

Турецкие цехи знали празднества, каждый цех имел свою улицу, мастерские одновременно являлись и лавками.

[35] В. Г о р д л е в с к и й. Организация цехов у крымских татар. — Сб. МГУ, «Быт», вып. IV, М., 1928. — Здесь встречаем и характерную троичность состава: мастера, подмастерья, ученики, — и юрисдикцию цеха, и старост, и связь цеха с определенным рядом на рынке. Особенно интересно описание торжественного посвящения подмастерья в мастера, напоминающее известные рыцарские обряды.

По данным Якуба Кемаля, статуты цехов по устной традиции восходили к XIV в., а письменные — только к XVII в. (П. К л и м е н к о. Цехи на Україні, Київ, 1929, стр. 9).

[36] Е. А. Е г и а з а р о в. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. II — Городские цехи, Казань, 1891.

Грузинские амкарства вплоть до XIX в. не оформили своего обычного права письменными уставами. Ремесленные улицы, цеховая юрисдикция, христианские патроны ремесла (церковь была местом сбора амкаров), взаимопомощь членов амкарства — все это делает их двойником западноевропейских цехов. Исследование Егиазарова очень интересно как по сообщаемым фактам, так и по методике исследования.

[37] А. Ю. Я к у б о в с к и й. Вводная статья в сборнике Трудов Историко-археограф. ин-та и ин-та востоковедения Академии Наук СССР. Материалы по истории народов СССР, вып. 3, ч. I. — Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв., Л., 1932.

«Если уже относительно X в. были основания ставить вопрос о наличности цеховых организаций, то в эту эпоху (XIII в.) они были фактом, который в общественной жизни городов играл крупную роль... В XIV в. они выступают столь зрелыми организациями, что не может быть сомнений в том, что их корни уходят во времена значительно более ранние» (стр. 32—33).

[38] М. Г а в р и л о в. Рисоля сартовских ремесленников. Исследования преданий мусульманских цехов, Ташкент, 1912; Е г о ж е. О ремесленных цехах в Средней Азии. — «Изв. Средазкомстариса», вып. III.

[39] А. Ю. Я к у б о в с к и й. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке, Л., 1931, стр. 20—21.

Ибн-Батута был в 1333 г. в Азаке, где гостил у члена цеха ножевщиков.

[40] А. П. С м и р н о в. Очерки по истории древних Булгар. — Труды ГИМ, вып. XI, М., 1940, стр. 103, 105, 123, 124.

Некоторые возражения может вызвать аргументация автора: основанием допущения существования ремесленных организаций для него является стандартность, унифицированность некоторых изделий (замки, резная кость). Регламентация формы изделий является, обычно, признаком высокоразвитого цехового строя, близящегося уже к упадку.

Юго-Западная Русь так же, как и ее западные и южные соседи, знала в средние века ремесленные корпорации. Юридическому оформлению отдельных братств предшествовало оформление городского самоуправления. Магдебургское право принимается польскими и западнорусскими городами в XIII—XIV вв.[41]

Длительная дискуссия о сущности западнорусских церковных братств привела в конце концов к установлению взгляда на них, как на цехи или гильдии, с рельефно выступающими церковными внешними признаками.[42] Древнейшие письменные источники о братствах торговых и ремесленных дошли до нас от середины XV в. (кушнерское, кожемяцкое, купецкое и др.).[43] Фактическое возникновение корпораций нужно относить к более раннему времени, так как иногда делалось примечание, что братство существует «от часу давного».

В своем обзоре ремесленных корпораций мы замкнули круг стран, окаймлявших средневековую Русь с запада, юга и востока. Везде мы находили цеховой строй разной степени развитости, но везде обладающий основными типичными чертами. Если принять утвердившееся в русской историографии отрицательное отношение к существованию ремесленных объединений в Северо-Восточной Руси, то она предстанет перед нами в виде острова, совершенно оторванного от исторического развития не только Западной Европы, но и ближайших соседей, как Ливонский Орден, Литовское великое княжество, Золотая Орда, Волжская Болгария.

Была ли в действительности Северо-Восточная Русь таким историческим феноменом?

В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» по поводу тульской промышленности совершенно определенно говорит, что мы «видим непосредственное преемство и связь между старыми цеховыми мастерами и принципалами позднейшей капиталистической мануфактуры» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[44]

Рассмотрение фактического материала мы и должны начать с эпохи, непосредственно предшествующей развитию на Руси капиталистической мануфактуры, с XVI—XVII вв., а уже от этой эпохи углубляться в более раннее время, насколько позволят нам отрывочные и случайные материалы.

На протяжении XVII столетия постоянно встречаются в источниках указания на ремесленных старост (иногда в связи с определенным «рядом», иногда без упоминания «ряда»). Чаще всего упоминаются старосты у серебреников, иконников, кузнецов.[45] Но встречаются они и у кирпичных мастеров, и у торговых и мастеровых людей скорняжного «ряда», и у сапожников, и у других ремесленников.

Функции старост очень близки к функциям выборных старшин цеха — они следят за качеством изделий, клеймят («орлят») специальными клеймами готовую продукцию, следят за приемом новых мастеров, производят раскладку тягла, участвуют в суде рядовичей и т. п. Нужно отметить, что правительство все время стремилось использовать старост в качестве своих агентов; для этого создавались специальные наказы старостам.[46]

Личность ремесленного старосты иногда даже охранялась законом. Так, Уложение 1649 г. определяет особый штраф за бесчестье кузнецкому старосте самопального дела.

Помимо старост, возглавлявших ту или иную ремесленную организацию, большой интерес для нас представляют сведения о записи в мастера определенной специальности. Торговый устав 1667 г. предписывает сотским черных слобод крепко следить за теми, «кто ска-

---

В пользу взглядов А. П. Смирнова говорят надписи на замках, надгробия мастеров и общий характер болгарского ремесла, находившегося на той стадии развития, когда могут уже существовать цехи.

[41] Ф. В. Тарановский. Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи. — Варшавские университетские известия, 1897, кн. VII.

Вильна получает магдебургии в 1387 г., Брест в 1390 г., Гродно в 1391 г.

[42] П. Клименко. Цехи на Україні. Суспільно-правні елементи цехової організації. Київ, 1929; М. Кулишер. Цехи у нас и в Европе, М., 1886, стр. 36; Анатолій Ершов. До історії цехів на Лівобережжі XVII—XVIII вв.— «Записки Ніжиньского інст. народ. освіти», кн. VI, 1926.

В этой работе особенно четко прослежено, что «церковная форма являлась лазейкой для легализации цехов» (стр. 84). Для того чтобы уменьшить претензии властей, мещане-ремесленники усиленно подчеркивали церковный характер братства. Терминология же нередко выдает: братство и цех в документах часто смешиваются: «Ведаем, же тот новоухваленный цех не для яких инших безпотребных прибытков, только для удоволения нужд церковных ест учинен» (стр. 85). Церковная форма объединения являлась лишь маскировкой ремесленных корпораций.

[43] И. Спрогис. О цеховом устройстве и управлении западнорусских городов. — «Акты Виленского археол. ком.», т. IX, 1878.

[44] В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 329; по 4 изд. стр. 371.

[45] М. В. Довнар-Запольский. Ук. соч., стр. 139, 148, 154; А. Введенский. Ук. соч.

[46] Древнейший сохранившийся наказ относится к 1613 г. — М. В. Довнар-Запольский. Ук. соч., стр. 147.

жется, каким ремеслом или торговым промыслом захочет кормиться и в тот бы чин записался...»[47]

По своей природе это постановление Торгового устава, созданного не без подталкивания со стороны посадского населения, очень близко к западному, отличаясь от него большей мягкостью формы.

Среди «записных» ремесленников встречаются кузнецы, молотобойцы, плотники, каменщики, кирпичники.[48]

При вступлении в тот или иной «чин» требовался вступительный взнос за целый год.[49]

При обычном для средневекового ремесла трехчленном составе (мастер, подмастерье, ученик)[50] появление каждого нового мастера было обставлено сложными формальностями. У московских серебреников существовали особые испытания на звание мастера, соответствующие западным Meisterstück и chef d'oeuvre. У иконных мастеров производство пробной работы предусмотрено еще Стоглавом.[51]

Экзамен на звание мастера производился в присутствии старосты и мастеров. Ученик или подмастерье, доказавший свое умение и знание ремесла, получал особое свидетельство. Приведем любопытную выпись астраханских кузнецов 1679 г.: «А у выписки Астраханскихъ записных кузнецовъ, староста Пашка Матвѣевъ съ товарыщи сказалъ, по святѣй непорочной евангелской заповѣди Господни, еже ей ей, въ правду: Астраханского записного кузнеца — сынъ Петрушка Ивановъ... всякіе кузнечные дѣла, опричь луженныхъ дѣлъ, противъ своей братьи записныхъ кузнецовъ въ ровенствѣ дѣлать умѣетъ...»[52]

Эта выпись ничем не отличается от свидетельств, выдававшихся западными цеховыми старшинами новому мастеру. Характерно даже то, что выпись дана сыну записного кузнеца — в отношении детей мастеров цехи никогда не применяли особых строгостей при приеме их в число мастеров. Пробное «изделье» было подчас непреодолимой преградой для посторонних претендентов, но для сыновей мастеров оно превращалось в формальность.[53]

Сын кузнеца Петрушка Иванов получил свидетельство о том, что может работать на равных началах с записными кузнецами несмотря на то, что не знал техники лужения.

Характерной чертой высокоразвитого ремесла является узкая специализация. На Западе цеховые уставы очень строго следили за тем, чтобы каждый мастер выполнял только определенную работу по своей узкой специальности. В Москве у старост серебреников хранились «поручные записи» мастеров, обязывавшихся делать только пуговицы, или только перстни, или только сканное дело (поручные записи 1664 г.).[54]

Отрывочных данных XVII в. совершенно недостаточно для построения истории городских ремесленных корпораций, но они убедительно свидетельствуют о наличии отдельных элементов цехового строя в русских городах. Не касаясь рассмотренных выше «рядов», «сотен» и «улиц», уже давших нам много точек соприкосновения с западными ремесленными корпорациями, мы из приведенных данных узнаем о чисто цеховых обычаях и порядках: лица, не являвшиеся профессионалами-ремесленниками, но желавшие заниматься соответствующим ремеслом, принуждались вступать «в чин»; их обязывали получать свидетельство об умении производить работу наравне с мастерами; ремесленные организации возглавлялись старостами, выполнявшими, наряду с другими обязанностями, и судебные функции — все это напоминает нам классические цеховые уставы XIV—XV вв.

Данные XVII в. говорят о том, что корпоративный строй русского ремесла к этому времени отнюдь не являлся первичной, примитивной формой организации, а содержал в себе ряд элементов, характерных для эпохи разложения цехового строя. XVI—XVII вв. в Западной Европе — это время упадка цехов и постепенного растворения их в городских территориальных организациях. Признаки такого растворения мы можем усмотреть и в организации

[47] СГГ и Д, ч. IV, № 55, стр. 204.
Постановление касалось специально приезжих и прихожих людей.

[48] Тарас Ефименко. Ук. соч., стр. 120—121. — Особой записи подлежали и лоцманы и толмачи. Об интересных элементах корпорации у лоцманов см.: К. Пажитнов. Рабочие артели. — Архив Истории труда в России, М., 1923, стр. 56.

[49] Торговый устав 1667 г.; см. также М. В. Довнар-Запольский. Ук. соч., стр. 140.

[50] Подмастерье назывался в русских документах слугой, т. е. в точном соответствии с немецким Knecht — подмастерье.

[51] Стоглав, М., изд. Кожанчикова, 1863, гл. 43.

[52] Дополнения к актам историческим, т. VIII, СПб., 1862, № 60, стр. 246.

[53] А. К. Дживелегов. Средневековые города в Западной Европе, СПб., 1902, стр. 78.

[54] М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVIII вв. — «Москва в ее прошлом и настоящем», т. III, М., 1910.

русского ремесла, где «ряд» или «сотня» все более и более сливались с какой-то частью городской территории. Очень интересно, что современники, знакомые с западными цехами, безоговорочно называют цехами русские ремесленные слободы и «сотни».[55]

В 1660 г. жители только что присоединенного к России Киева просили, «чтобъ болши четырехъ сотенъ ремесленныхъ никого не было, и помѣшки и нарушенья въ томъ междо ими и правамъ ихъ не чинили против привилей королевскихъ величествъ Полскихъ, что быть междо ремесленными людми четыремъ цѣхомъ, имянно цѣхмистромъ: портному, скорнячному, сапожному, кузнечному, а инымъ всякимъ ремесленнымъ людямъ быть подъ тѣми цѣхами, а тѣмъ четыремъ цехомъ въ послушаньѣ быть по правамъ мадебурскимъ въ ратушѣ» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[56] Киевляне начали писать свою челобитную по московской терминологии, говоря о четырех сотнях, но очень скоро сбились на более привычную местную терминологию и заменили слово «сотня» словом «цех». Очевидно, в их представлении ремесленная «сотня» настолько сливалась, с цехом, что они пользовались этими словами, как синонимами.[57]

Наличие элементов разложения цеха в XVII в. и недоразвитость цехового строя в предшествующий период ставят перед нами сложную задачу определения форм и исторического развития ремесленных корпораций.

В интересующее нас время — XIII—XV вв. — мы не знаем ни одного документа, который говорил бы определенно о русских цехах. Правда, общий облик таких городов, как Новгород, Псков, Москва, степень развитости ремесла в них, интенсивность классовой борьбы — все это сближает русские города с западноевропейскими. В области торговых и территориальных организаций («ряд», «сотня», «улица») русские города также близки к своим западным соседям. Различие заключается в отсутствии на Руси писаных цеховых уставов, которыми изобилует западное средневековье. Даже, если принять известную поправку на степень сохранности наших источников XIV—XV вв., нам все-таки придется признать меньшую развитость русских ремесленных корпораций.

[55] Олеарий. Подробное описание путешествия..., М. 1870, стр. 277.

[56] Дополнения к актам историческим, т. VII, СПб., 1859, № 27, стр. 162. — Любопытно подчинение разных ремесленников одному цеху, характерное и для Западной Европы этого времени.

[57] А. К. Дживелегов. Ук. соч., стр. 167.

Но можем ли мы только на основании отсутствия цеховых уставов безоговорочно утверждать, что русские города XIV—XV вв. совершенно не знали ремесленных корпораций, близких к западным цехам. Упомянутый выше материал по восточным цехам убеждает в том, что между возникновением и оформлением цеха иногда проходит несколько столетий. Сделаем попытку по косвенным данным проверить существование организаций ремесленников в крупных русских городах в XIV—XV вв.

При отсутствии цеховых юридических документов внешними признаками цеховой корпорации являются совместные пирушки, постройка патрональной церкви, совместное проведение праздников и т. п. Эти признаки, одинаково характерные для всех этапов развития цехового строя (и всегда одинаково второстепенные), являются наиболее явными, заметными, и ими легче всего руководствоваться в поисках корпоративных связей.

Каждый цех имел своего покровителя среди христианских святых; в честь патрона строилась церковь, являвшаяся организационным центром цеха, — здесь хранились казна и документы, здесь приводили к присяге, судили, около церкви собирались в особые праздники, близ нее хоронили умерших сотоварищей. Цех был одновременно как бы религиозным братством. В каждом цеховом уставе значительное место отведено содержанию церкви, расходам на свечи и обязательности совместного празднования дня своего патрона. Религиозная оболочка многих цехов (служившая иногда удобной маскировкой для ремесленников) нередко вводила в заблуждение историков: чем староннее цеховые уставы, тем больше места отведено в них вопросам удовлетворения религиозных потребностей, так что многие из них производят такое впечатление, что цехи учреждены исключительно для спасения душ своих членов.[58]

Сильной примесью религиозного элемента нужно объяснять и длительные споры о сущности украинских братств.

Итак, наиболее уловимым для историка признаком цеха является патрональная церковь. Возьмем в качестве примера кузнецов и попытаемся проследить церкви покровителей кузнечного дела.[59]

[58] Wilda, Das Gildenwesen im Mittelalter, Berlin, 1831, стр. 344.

[59] Кузнецы взяты потому, что у них легче, чем в других профессиях, устанавливается корпоративность. См., напр., В. И. Шунков. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1640 гг. — «Исторические записки», 1939, вып. 5

Во время переписи 1638 г. в Москве все ремесленники дали переписать себя, и только кузнецы «учинились сильны» и в перепись этого года не попали.

Христианскими патронами кузнецов в древней Руси были Кузьма и Демьян.[60]

Выше (в 1-й части) мы проследили связь кузьмодемьянского культа со змееборческим эпосом и с различными первобытными воззрениями на кузнецов, как на чародеев. Дополним сведения о Кузьме и Демьяне как о покровителях кузнечного ремесла более поздними данными.

По данным украинского фольклора, праздник в честь Кузьмы и Демьяна (1 ноября) являлся обязательным для кузнецов. «Праздник Кузьмы-Демьяна — цеховой корпоративный праздник, который празднуют кузнецы».[61]

В Смоленском антирелигиозном музее хранятся цеховые знамена (хоругви) разных цехов 1839 г. На знамени цеха серебреников изображен Николай, на знамени печников — Фома и Павел, у столяров — Иосиф, у портных — Харлампий и Иван Воин, у сапожников — Авраамий Смоленский. Хоругвь цеха кузнецов в серебряном окладе имеет на одной стороне икону Кузьмы и Демьяна, а на другой — надпись «з[намя] кузнѣчного цѣха».[62]

Любопытны цеховые книги XVIII—XIX вв. Для примера укажем на «Книгу цеху ковалского Короповского 1771».[63]

В 1641 г. состоялась особая перепись кузнецов. — В. И. и Г. И. Холмогоровы. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, под руковод. И. Забелина, ч. II, 1884.

[60] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 466 и 561; Дмитрий. Месяцеслов святых, вып. 3, Каменец-Подольск, 1893, стр. 5; Василь Гіппіус. Коваль Кузьма-Демьян у фольклорі. — «Етнографічний Вістник», № 8, Київ, 1929. Віктор Петров. Кузьма-Демьян в українському фольклорі. — «Етнографічний Вістник», 1930, № 9

На Западе этим двум святым не приписывалось такой роли. — См. L. Deubner. Kosmas und Damian (text und Einleitung), Lpzg. 1907.

[61] В. Петров. Ук. соч., стр. 1—2 (особой пагинации).

[62] Смоленский антирелигиозный музей, инв. № 762.

[63] Рукопись Черниговского музея, № 13. — Последняя запись в книге относится к 1901 г., когда был принят в цех «майстром» Ф. С. Кулага: «Деньги уплачены сполна. Молодчество и глосненство за ним».

На Черниговщине сохранились любопытные бытовые памятники поздних цехов, как, напр., «цешки» — металлические дощечки с изображениями патрона ремесла, которые перед цеховыми собраниями передавались от одного члена цеха к другому. Возврат цешки к цехмистру означал, что все члены оповещены о собрании.

Кравецкий и кушнерский цех имел цешку с изображением Евстахия и Прокопия и надписью: 1824 г.

См. также каталог коллекции Тарновского, Киев, 1898, № 510, стр. 66.

Цеховой праздник («канун») кузнечного цеха был назначен на 1 ноября, т. е. опять на день Кузьмы и Демьяна.[64]

Приведенные факты XVIII—XIX вв. дополняют сведения о Кузьме и Демьяне как покровителях кузнечного ремесла. В связи с нашей задачей нам необходимо обратить внимание на церкви, построенные в честь Кузьмы и Демьяна. В некоторых случаях само название церкви совершенно твердо связывает их с кузнецами. Такова, например, каменная церковь Кузьмы и Демьяна, «что в Старых Кузнецах» в Москве близ Спасо-Чигасовского монастыря на Гончарной улице.[65] Церковь, судя по ее архитектуре, была построена в XV в.[66]

Невдалеке от Старых Кузнецов в XVII в. существовала деревянная церковь Кузьмы и Демьяна, «что в Кузнецах у Таганных ворот».[67]

В районе этих двух церквей в 1638 г. было 70 дворов, принадлежавших кузнецам.[68] Каждая церковь находилась в центре кузнецкой слободы, имевшей своего старосту.[69]

В Костроме есть церковь Кузьмы и Демьяна, носящая совершенно то же название, что и Московская — «Кузьмы и Демьяна, что в Старых Кузнецах».[70] Кузьмодемьянский монастырь в Кузнецкой слободе упоминается в XV в.[71]

---

[64] Ук. книга, § 4. Интересные бытовые черты содержатся в § 5: «В воскресные дни и в дни нарочито празднуемых святых ремесленникам никакого дела не работать, но в цех приходить». См. также: А. Лазаревский. Цеховые акты Левобережной Малороссии 1622—1645 гг. — «Чтения в Общ. Нестора Летописца», т. XV, стр. 205.

[65] А. Руднев. Церковь св. бессребреников Косьмы и Дамиана, М., 1860.

[66] Москва. Путеводитель, изданный ОРТЗ, М., 1917, стр. 117. Следами бытования здесь кузнецов и близких к ним специальностей являются названия прилегающих местностей: Таганная слобода, Котельническая набережная, Монетчики. Впоследствии кузнецы передвинулись ближе к окраине города, к Таганным воротам, и их место заняли гончары. Остатки гончарных мастерских XVII в. были раскопаны при земляных работах в 1940 г.

[67] А. В. Чаянов. План Москвы XVII в. по строельной книге 1657 г., М., 1920, № 185.

[68] Переписная книга г. Москвы 1638 г., изд. Моск. Гор. Думы, М., 1881, стр. 310.

[69] К сожалению, в переписной книге 1638 г. есть лакуна, вследствие чего плохо известен состав Старо-Кузнецкой слободы, но из общего итога дворов и из слов: «и тех обоих кузнецких слобод старосты...» — следует, что обе слободы, имевшие церкви Кузьмы и Демьяна, состояли в то время из кузнецов.

[70] Там же, стр. 311.

[71] А. Ратшин. Полное собрание сведений о монастырях России, М., 1852, стр. 278.

В Туле, где была особая церковь Кузьмы и Демьяна, придел в их честь существовал в Введенской церкви, что в «К у з н е ц а х».[72]

Столь же определенно связана Кузьмодемьянская церковь с кузнецами в Новгороде Великом: в 1533 г. «священа бысть церковь древяная святіи чюдотворци Козма и Даміянъ въ Кузнѣцахъ на Гзени».[73]

Писцовая книга по Новгороду Великому знает «церковь Кузьмы и Демьяна на Кузнецкой Новой, что на Всполье».[74]

При определении состава населения в районе кузьмодемьянских церквей мы в ряде случаев можем по писцовым и переписным книгам установить наличие здесь кузнецов. В приведенном выше примере Кузнецкой Новой улицы писцовая книга сообщает, что от Кузьмы и Демьяна к Волхову жили кузнецы, гвоздочники, железники и котельники.[75]

Анализируя данные писцовых книг, необходимо иметь в виду, что они обычно относятся ко времени более позднему, чем время постройки или основания церкви, и первоначальное равновесие между составом населения и патрональной церковью могло быть нарушено: ремесленники данной специальности могли переместиться в другой район города.[76]

Это прежде всего относится к кузнецам, связанным по роду своей деятельности с огнеопасными горнами. В связи с ростом города кузнецы все время отодвигались к валам. Для Новгорода у нас есть прямое свидетельство 1503 г. о перемещении кузнецов из города: «Того же лѣта повелѣніемъ великого князя выслаша за городъ хлѣбниковъ и колачниковъ и кузнецовъ жити на поле».[77]

Учитывая указанные особенности источников, сопоставим сведения о кузьмодемьянских церквах с составом населения.

Церковь Кузьмы и Демьяна в Шубине (Москва) расположена в непосредственной близости от Кузнецкой слободы, напоминанием о которой до сих пор служит название улицы Кузнецкий Мост.[78]

Еще одна московская церковь Кузьмы и Демьяна находилась в Китай-городе близ Варварских ворот. В 1468 г. в Москве на Востром конце погорела Большая улица до ц. Кузьмы и Демьяна.[79]

По данным переписи кузниц 1641 г. 25 кузниц и 7 лавок железных изделий располагались «в Белом цареве в каменном городе за Варварскими воротами на горке от мосту».[80]

Церковь Кузьмы и Демьяна в Садовниках (Москва) расположена близ Ново-Кузнецкой улицы.

В Туле церковь Кузьмы и Демьяна имеется на Фроловской улице.[81] На этой же Фроловской улице находился в XVII в. ряд кузниц.[82]

В Новгороде Великом, помимо кузьмодемьянской церкви в Новых Кузнецах на Гзени, за валом, есть еще две церкви того же названия недалеко от Гзени, по эту сторону вала, внутри города. Одна из них на Холопьей улице, другая на Кузьмодемьяне; упоминаются они преимущественно в XIV в. Связь этого района с кузнецами не может быть прослежена за отсутствием писцовых материалов столь раннего времени.[83]

Поскольку кузьмодемьянские церкви XIV в. внутри города и

---

[72] «Въ Кузнецахъ церковь древена клѣцки во имя Введения Пречистой Богородицы... да предѣлъ Козма и Домьяна... строеніе мирское». Писцовая книга 1625 г. (Тула. Материалы для истории города, М., 1884, стр. 11).

[73] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853. стр. 290. — На чертеже Новгорода 1778 г. на ручье Гзени близ городского вала (с внешней его стороны) имеются четыре одинаковых постройки, названные в объяснении к чертежу кузницами. — (См. В. С. П е р е д о л ь с к и й. Новгородские древности. стр. 164). Церковь на этом месте просуществовала до 1711 г.

[74] В. В. М а й к о в. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в., СПб., 1911, стр. 80.

[75] Т а м ж е, стр. 80—86.

[76] В XVII в. название церкви не всегда обусловливалось наличием вокруг многочисленного населения соответствующей специальности. Напр., в Москве у Яузских ворот Белого города была церковь Николы «что в Денежниках», тогда как по переписной книге 1638 г. в этом районе было только два двора денежных мастеров. Очевидно, название церкви было связано с более ранним расселением денежников.

[77] Новгородская IV летопись. Список Никольского, Л., 1929, стр. 611. — Именно благодаря этому переселению и оказались кузнецы на Гзени и на Новой Кузнецкой улице, где в начале XVI в. и выстроили церковь Кузьмы и Демьяна.

[78] В. И. и Г. И. Х о л м о г о р о в ы. Ук. соч., стр. 451.

[79] Воскресенская летопись 1468 г.

[80] Роспись кузнецам в Москве в 1641 г. — В. И. и Г. И. Х о л м о г о р о в ы. Ук. соч., ч. II.

[81] Писцовая книга г. Тулы Ивана Жеребцова 1587—1589 гг., СПб., 1895, стр. 1094.

[82] Писцовая книга 1625 г. Тула, Материалы по истории городов, М., 1884, стр. 4—6.

[83] К XVI в., когда кузнецы были переселены за вал, на Кузьмодемьянской улице были только калачники.

XVI в. вне города расположены на одном радиусе, можно допустить, что переселение кузнецов на Гзень произошло именно с другой стороны вала, со стороны Кузьмодемьянской улицы.

Подобное допущение приобретает некоторую вероятность в свете новгородских иконографических данных. Известная икона «Видение пономаря Тарасия», созданная в XVI в., но стремящаяся изобразить город до его завоевания Москвой, дает нам детальный перспективный план Новгорода XV—XVI вв.[84]

На этой иконе в северо-западном углу Софийской стороны (именно в районе Холопьей и Кузьмодемьянской улиц) изображена кузница с наковальней перед ней. Один кузнец держит железо клещами, другой бьет молотом. Ориентирующими топографическими признаками являются Волхов, башни городского вала, церкви апостола Иакова, Флора и Лавра и Сорока мучеников.

Если мы совместим план хутынской иконы с планом Новгорода, составленным по данным писцовых книг,[85] то обнаружим, что интересующее нас изображение кузницы локализуется в конце Кузьмодемьянской улицы близ того места, где в нее входит Холопья улица. Приведенные примеры по разным городам подтверждают местонахождение кузьмодемьянских церквей в районе кузнечных слобод или улиц.

Продолжая наши наблюдения над профессиональным составом населения в районах кузьмодемьянских церквей, мы можем отметить, что иногда вместо кузнецов встречаются ремесленники других специальностей, но обязательно связанные с обработкой металлов.

В Москве церковь Кузьмы и Демьяна, что в Кадашах, расположена в районе Денежных переулков.[86]

В Ростове кузьмодемьянская церковь находилась в XVII в. в районе расселения серебреников.[87]

В Новгороде на Щитной улице, где, очевидно, жили щитники,

[84] П. Л. Гусев. Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия», СПб., 1900.

[85] И. И. Красов. О местоположении древнего Новгорода, Новгород, 1851, План.

[86] А. В. Чаянов. Ук. план. — Напомним соседство Кузнечной и Монетной слободы в Таганке и близ Кузнецкого Моста, где были «Старые Серебреники». — Материалы по истории моск. купечества, т. II, стр. 99, переписная книга 1638 г.

[87] А. А. Титов. Переписные книги Ростова Великого, СПб., 1887, стр. 46.

«священа бысть церковъ каменна съ трапезою Кузма и Даміанъ, придѣлъ на Щитной улицы у Ондрѣа святого».[88]

Кузьмодемьянский монастырь есть в Бронницах, поселке мастеров-бронников близ Москвы.[89] В Москве, в Котельной слободе на Покровке мы встречаем кузьмодемьянскую церковь в окружении дворов котельников и денежных мастеров.[90]

В ряде городов наблюдается устойчивое соседство кузьмодемьянских церквей с церквами Флора и Лавра или Георгия.[91]

По всей вероятности, такое соседство объясняется тем, что Георгий, Флор и Лавр, считавшиеся покровителями коней и коневодства, были патронами торговцев конями, ставившими свои церкви на торгу. Недаром на церковной земле церкви Флора и Лавра в Туле жили «черкасы» — конеторговцы.[92]

В таком случае становятся понятными и близость к конным площадям кузниц для подковки лошадей и наличие патрональных церквей кузнецов в соседстве с патрональными церквами конеторговцев.[93]

Мы рассмотрели несколько различных примеров связи кузьмодемьянских церквей с кузнецами. Иногда эта связь явствовала из самого названия, иногда она устанавливалась путем сопоставления с писцовыми книгами или древними графическими материалами, иногда о ней свидетельствовали косвенные данные. Какие же выводы позволяет нам сделать приведенный выше материал?

[88] Отрывок из разряда новгородских летописей. — ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 201, под 1561 г.

[89] Спец. карта Европейской России. Масштаб 10 верст в дюйме, лист «Бронницы».

[90] «На Покровке у Кузьмы-Демьяна дворы: двор денежного мастера Ивана Мокеева... двор котельного ряду Ивана Огапова сына» и т. д. Рядом с Кузьмодемьянской церковью есть церковь богородицы «в Котельниках». — Переписная книга 1638 г. Ук. изд., стр. 140; А. В. Чаянов. Ук. план.

[91] Напр., Мосальск — рядом с ц. Кузьмы и Демьяна ц. Георгия (Опись документов и бумаг Министерства юстиции, СПб., 1872, стр. 48); Переяславль Залесский — ц. Георгия (там же, стр. 134); Новгород — ц. Флора и Лавра; Тула — «На посаде ж во Фроловской улице церковь Фрол и Лавер, да теплая ц. Козма и Дамьян» (Писцовая книга Тулы 1587—1589 гг., СПб., 1895, стр. 1094—1095); Можайск — ц. Флора и Лавра «на торгу». Количество примеров можно умножить.

[92] Писцовая книга Тулы 1587—1589 гг., стр. 1095. — Культ Георгия, Флора и Лавра достаточно прочно связан с конем. См. Н. Малицкий. Производственные культы сельскохозяйственных святых, Л., 1933.

[93] См., напр., в Москве ц. Флора и Лавра на Зацепе, рядом с Ново-Кузнецкой слободой.

1. На протяжении нескольких столетий в различных городах северо-восточной Руси мы встречаемся с церквами, построенными ремесленниками-кузнецами в честь христианских покровителей кузнечного дела — Кузьмы и Демьяна.

2. Местами связь церкви и кузнечной слободы сохранялась до XVII в. (и даже позднее), местами же, благодаря переселению кузнецов к окраинам города, эта связь со временем утрачивалась.

3. Судя по данным топографии городов, Кузьма и Демьян считались покровителями не только кузнецов в узком смысле слова (ковали, ковачи железа), но иногда и в более широком, древнерусском смысле («кузнецов железу, меди и серебру», металлистов вообще), а по терминологии XVI—XVII вв. — котельников, серебреников, денежников, гнездников, плавильщиков.

4. Наличие внутри одного города нескольких одноименных патрональных церквей, построенных ремесленниками одной специальности (напр., в Москве), нисколько не противоречит нашим представлениям о корпоративном строе средневекового города. При сравнении с западными городами, где в большинстве цеховых статутов фигурирует один общегородской цех, мы должны признать меньшую развитость русских ремесленных корпораций, представителями которых в выбранном нами примере являются поставленные братствами кузнецов церкви Кузьмы и Демьяна.

Очень важным вопросом в истории патрональных церквей являются территориальное распространение и датировка.

В приведенных выше примерах мы ограничились только теми городами, в которых удавалось более или менее ясно проследить связь кузьмодемьянских церквей с кузнецами.

Обширный писцовый, топографический и историко-архитектурный материал по русским городам XVI—XVII вв., содержащийся в изданиях писцовых книг,[94] летописях,[95] планах городов и изданиях по истории архитектуры,[96] дает нам очень широкую картину распространения кузьмодемьянских церквей. Нет ни одного русского города, возникшего до XVII в., в котором не было бы церкви Кузьмы и Демьяна. Конечно, нельзя во всех случаях видеть в них

[94] Список литературы см.: Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в., СПб., 1889.

[95] А. Ратшин. Полное собрание сведений о монастырях России, М., 1852.

[96] См., напр., «Прибавления к Известиям Археологической комиссии. Вопросы реставрации, 65 вып.

патрональные храмы кузнецов: есть кузьмодемьянские церкви, построенные великими князьями и царями (напр., в Твери и Муроме);[97] но большинство кузьмодемьянских церквей поставлено прихожанами; неоднократно отмечается в источниках: «а церкви поставленье и церковное строенье мирское, приходное».[98] Несомненно, что официальная агиографическая характеристика Кузьмы и Демьяна как врачей-бессребреников могла в отдельных случаях повлиять на характер их культа, но народное осмысление Кузьмы и Демьяна (или Кузьмодемьяна в единственном числе) как кузнецов было настолько сильно, что большинство церквей их имени мы должны связывать с кузнецами; на это нас уполномочивают и многочисленные фольклорные данные. Граница повсеместного бытования производственного культа Кузьмы и Демьяна как покровителей кузнечного дела совпадала в основных чертах с границей расселения русского народа. В Белоруссии, на Украине и в областях Великого княжества Литовского, наряду с кузнецами, Кузьму и Демьяна считали своим патроном и кожевники.[99]

Для русских северо-восточных городов, интересующих нас в данном разделе работы, может быть прослежена связь этого культа только с кузнецами.[100]

[97] «Заложена бысть церкы камена на Тфери благоверным князем Михаилом и матерью его Оксиньей и преподобным епископом Кузму и Демьяну; и преложиша имя святый спас-преображенье ...» 1285 г. Причина изменения названия нам неизвестна. Кузьмодемьянская церковь в Муроме построена Иваном Грозным (А. И. Некрасов. Древнерусское зодчество XI—XVII вв., М., 1936, стр. 269).

[98] Писцовая книга г. Тулы Ивана Жеребцова, СПб., 1895, стр. 1094.

[99] Существование культа Кузьмы и Демьяна у кузнецов Западной Руси подтверждается, помимо фольклорных данных, ларцом Краковского музея. Ларец XIV в. принадлежал кузнецу Самуилу (может быть, он сам его изготовил?) и был украшен чеканными клеймами из жития Кузьмы и Демьяна (И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI).

[100] Любопытно, что из всех собственно русских городов связь Кузьмы и Демьяна с кожевниками прослеживается только в Твери: по выписи 1680 г. из писцовой книги Потапа Нарбекова 1626 г. ц. Кузьмы и Демьяна значится в Кожевой слободке («Твер. губ. вед.», 1865, № 6). Среди русских городов Тверь отличалась в XIV—XV вв. особыми политическими связями с Литвой. Это отразилось, напр., на монетной системе: ареал пражских грошей, имевших хождение на Западе, резко вклинивается в русские области именно в Тверском княжестве (См. А. А. Сиверс. Топография кладов с пражскими грошами, П., 1922). Таким же инородным включением был и западнорусский характер культа Кузьмы и Демьяна.

Решающее значение для затронутой нами проблемы ремесленных корпораций приобретает хронологический момент.

Из среднерусских городов наиболее глубоко прощупываются следы кузьмодемьянского культа в Москве. Каменная церковь Кузьмы и Демьяна, что в Старых Кузнецах, построена в XV в. [101] К этому же, примерно, времени относится и единственное упоминание купеческой корпоративной церкви в Москве. В 1479 г. Иван III приказал разобрать старую деревянную церковь Иоанна Златоуста «бе же та изначала церковь гостей московских строение».[102] Слово «изначала» должно относить время возникновения церкви московских гостей вглубь от эпохи Ивана III, но как далеко — решить, к сожалению, невозможно.

Вполне вероятно, что и возникновению каменной церкви патронов-кузнецов предшествовала постройка деревянной церкви, но здесь мы уже вступаем в область слишком ненадежных предположений. Существование в Москве кузнечных корпораций в XV в. можно допускать на основании наличия патрональной церкви, а контуры социальной организации московских ремесленников в XIV в. можно лишь угадывать.

Значительно больше данных (тоже слишком отрывочных и неполных) содержит история вольных городов Новгорода и Пскова. В Новгороде церкви Кузьмы и Демьяна упоминаются с середины XII в. После некоторого перерыва кузьмодемьянские церкви упоминаются вновь в XIV в. Особенно часто встречаются названия двух территориально близких церквей на Холопьей улице и на Кузьмодемьянской улице, связь которых с кузнецами мы пытались доказать выше. К истории этих церквей нам придется еще вернуться в дальнейшем.

Во Пскове монастырь Кузьмы и Демьяна «с Гремячей Горы» упоминается впервые в 1383 г., [103] а церковь Кузьмы и Демьяна «со Старого Примостья» — в связи с пожаром 1458 г. [104]

В 1462 г. здесь выстроена каменная церковь, сгоревшая вновь в 1500 г. и взорвавшаяся в 1507 г. Псковская церковь Кузьмы и Демьяна со Старого Примостья считается иногда кончанской церковью,[105] но это предположение основано только на одной летописной фразе, относящейся к последним годам псковской самостоятельности: «...бысть пожаръ на Запсковьи... и двѣ церкви сгорѣло — Козьма и Дамьянъ и святое Богоявленіе... и колоколы у Козмы и Дамьяна сгорѣли, и приделъ подлѣ церкви с зельями роздрало, а зелей пушечныхъ сгорѣло бочка, и занеже ту зелія всего конца стояли...»[106] Предпочитаем данную фразу понимать буквально, т. е. в смысле хранения пороха Богоявленского конца в Кузьмодемьянской церкви. Кончанской церковью Богоявленского конца была Богоявленская, упомянутая в этой же фразе.

Вокруг церкви Кузьмы и Демьяна существовало какое-то объединение прихожан, выделенное из состава Богоявленского конца в особую единицу. В 1484 г., когда в этом конце разверстывалась повинность по постройке городской стены, часть стены строили «суседи кузьмодемьянские». [107] Кроме них, упоминаются в этом конце «суседи запсковляне». [108]

Такое распадение конца на отдельные более дробные части, из которых одна тяготеет к церкви (возможно патрональной), представляет для нас значительный интерес.

Церковь со Старого Примостья по своей архитектуре несколько отличается от обычных церквей — помимо собственно церковных зданий к ней пристроено еще в XV в. обширное двухэтажное каменное помещение с двумя дверьми и окнами, выходящими на улицу. Назначение его неизвестно. Хочется видеть в этом здании, занимающем значительное место в церковно-архитектурном комплексе, нечто аналогичное уличанской гриднице на Славковой улице в Новгороде.[109] Здесь при церкви Кузьмы и Демьяна должно было быть средоточие интересов «кузьмодемьянских суседей»; в просторной каменной пристройке могла быть и канцелярия для ведения соседских дел и грид-

---

[101] Ф. Горностаев. Путеводитель по Москве, М., 1917. Раздел «По государевым слободам».

[102] Церковь была, очевидно, монастырской, так как упоминается ее игумен.

[103] Псковская I летопись 1383 г.

[104] Псковская I летопись 1458 г.

[105] А. Васильев и А. К. Янсон. Древний Псков, Л., 1929, стр. 112.

[106] Псковская I летопись 1507 г.

[107] Прямых топографических данных о населении этой части Богоявленского конца у нас нет. Косвенным указанием на состав населения вокруг церкви Кузьмы и Демьяна является сообщение летописи о пожаре 1458 г., когда упоминается двор Якова Железева (Псковская I летопись).

[108] В церкви находилась икона «неопалимой купины». — См. Н. Ф. Окулич-Казарин. Путеводитель по Пскову, Псков, 1911, стр. 186.

Принимая во внимание частые пожары в кузнечных слободах и даже именно в районе кузьмодемьянских церквей (напр., в 1531 г. в Нижнем-Новгороде. Никоновская летопись), наличие этого «противопожарного средства» можно было бы также причислить к косвенным доказательствам связи данной церкви с кузнецами. Состав кузьмодемьянских соседей мог быть и более широким.

[109] Новгородская IV летопись 1470 г.

ница-трапезная для соседской братчины-пира. В этой церкви хранилась какая-то казна. [110]

В связи с историей церкви со Старого Примостья не лишены интереса поздние сведения об отношении черных людей к этой церкви. В 1610 г., когда «держали Псковъ игумны и попы и болшіе люди», а из Москвы бояре прислали грамоту о подчинении Сигизмунду, в городе назревал крупный конфликт между черными людьми и боярством. Бояре вооружились «и бѣ ихъ видѣти множество вооруженныхъ, конныхъ и пѣшихъ... и хотяще крестъ цѣловати и мелкихъ людей и до конца смирити и силою приводити, а непокоривыхъ побити... Видѣвше же мелкіе люди погибель свою... и поидоша на Запсковье всѣхъ чиновъ люди и зазвониша въ колоколъ у чюдотворцовъ Козмы и Дамьяна, и скопишася множество человѣкъ...» [111] Свой особый характер какого-то центра притяжения Кузьмодемьянская церковь со Старого Примостья сохранила с XV по XVII в. В последнем случае по звону ее колокола поднималось народное восстание против боярства. Можно только пожалеть о неполноте и отрывочности наших сведений о ней, что лишает нас возможности извлечь из истории этой церкви определенные и доказуемые выводы. [112]

Начав наше сопоставление русского и западноевропейского материала по цеховым корпорациям с патрональных церквей как с наиболее уловимого, наиболее заметного признака, перейдем ко второму внешнему признаку цеха — цеховой пирушке.

Во всех церковных уставах на одном из первых мест стоит обязательный пункт о корпоративном празднике (обычно в честь патрона), начинавшемся совместным богослужением в патрональной церкви и заканчивавшимся в специальном помещении цеха торжественным пиром. Самое название цеха — Zeche — по своему первоначальному смыслу означало помещение для совместного пира. Совершенно справедливо было сказано о западноевропейских цехах и гильдиях, что в них «пирам было отведено такое видное место, что подчас они заслоняли собою другие задачи». [113]

---

[110] Псковская I летопись 1541 г.—Во время пожара «вся церковь выгорѣ и мощи святыхъ и иконы всѣ и казна вся церковная и 3 человѣка въ ней».

[111] Псковская I летопись 1610 г.

[112] Одновременно с церквами покровителей какого-нибудь ремесла мы часто встречаем (особенно в Новгороде) церкви, построенные купеческими корпорациями.

[113] Н. А. Скабаланович. Западноевропейские гильдии и западнорусские братства. — «Христианское чтение», 1875, сентябрь-октябрь, стр. 294.

Пиры устраивались регулярно несколько раз в году и нередко длились по нескольку дней. Средства на такое коллективное пиршество собирались из взносов членов цеха. Помимо строгого расписания цеховых праздников, пиры устраивались подмастерьями, сдавшими испытания, после принятия их в цех. Цеховые пиры устраивались или в специальном цеховом помещении, или у одного из мастеров.

В древней Руси общественные пиры носили различные названия: «братчина», «складьба», «мольба», «обчина», «канун», «ссыпщина». [114]

Работами Аничкова и Зеленина установлены архаичность и обрядовый религиозный характер общественных пиров. [115]

Древнейшее упоминание городской братчины относится к 1159 г., когда жители Полоцка «...начаша Ростислава звати льстью у братьщину къ святѣй Богородици къ старѣй, на Петровъ день, да ту имуть и...» [116] Уже в этом первом летописном известии о братчине налицо ряд элементов, характерных и для последующего времени: братчина — пир, устраиваемый в определенный праздничный день; место пира — церковь (очевидно, церковная трапеза); члены братчины — политические единомышленники, возглавляющие борьбу города с князем.

---

[114] Историей братчин заинтересовались в середине XIX в. А. Попов («Пиры и братчины» — Архив Ист.-юр. сведений Калачова, т. II, ч. 2, отд. VI, 1854); С. Соловьев («Братчины» — Русская беседа, 1856, т. IV). Термин «братчина» является наиболее распространенным. Он близок к западным fraternitas, fréries. Значение термина разнообразно: 1) общественный пир в складчину; 2) изба, в которой происходит пир; 3) пиво, предназначенное для пира (Соловьев. Ук. соч., стр. 108). Возможно, что с братчинами-пирами связана и известная форма застольной круговой чаши — «братина». Форма эта очень устойчива и восходит к ранним прототипам. — См. В. Никольский. К вопросу о происхождении форм древнерусской братины. — Сб. Оружейной Палаты, М., 1925.

[115] Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, СПб., 1914; Д. К. Зеленин. Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая. (В Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского — журн.: «Сборн. Отдел. русск. яз. и словесн. Акад. Наук СССР», т. 101, № 3, 1928).

Аничков рассматривал, главным образом, княжеские пиры X—XII вв., отраженные в цикле былин о Владимире, а Зеленин сосредоточил свое внимание на деревенских братчинах. Городские средневековые братчины не затронуты ни одним из этих авторов.

[116] Ипатьевская летопись 1159 г. — В это время в Полоцке боролись две группировки: одна стояла за Ростислава Мстиславича, а другая — за Рогволода Борисовича. Последняя и пригласила его «лестью» на братчину. Ростислав явился на пир в кольчуге под одеждой.

В условиях средневекового города древний языческий пир приобрел совершенно иной характер, став одной из форм корпоративного объединения. Центром такого объединения очень рано стала церковь. [117]

Братчина, часто упоминаемая в былинах Новгородского цикла, почти всегда связана с церковью или с церковными праздниками:

А и гой вы еси, мужики новгородские,
Примите меня во братчину Никольщину.
(Былина о Садко)

Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братчину в Никольщину.
Не малу мы тебе сыпь платим —
За всякого брата по пяти рублев,
А за себя Василий дает пятьдесят рублей,
А и тот-то староста церковной
Принимал их в братчину в Никольщину.
(Былина о Василии Буслаеве).[118]

Кроме Никольщины, часто упоминаются Покровщина, Кузьмодемьянщина (или Кузьминки) и др. [119]

В литературе о братчинах не обращала на себя внимания исследователей одна летописная фраза: в 1342 г., когда новгородцам пришлось выступать на помощь Пскову против немцев, они «поидоша въ великую пятницю, а иныи въ великую суботу, а о б ч и н ы в с и п о п е ч а т а в ъ». [120]

Время действия — конец страстной недели. По всей вероятности, для пасхальных пиров все было уже приготовлено новгородцами, но

[117] Нередко церкви имели специальные помещения для мирских сходов и братчин. — См. И. И. Л а п п о. Тверской уезд в XVI в. — ЧОИДР, 1894, т. IV, стр. 51.

[118] И. Н. Ж д а н о в. Русский былевой эпос, СПб., 1910, стр. 205—210; А. В. М а р к о в. Бытовые черты былин. — «Этнографич. обозрение», кн. 58—59, стр. 68.

[119] И. Е. З а б е л и н. Опыты изучения русских древностей, т. II, М., 1878, стр. 354.

Празднование Кузьмодемьянской братчины только кузнецами очень убедительно доказано на обширном материале В. Гиппиусом и В. П. Петровым (см. выше).

Кузьмодемьянская братчина по деревням иногда празднуется только девушками (Д. К. З е л е н и н. Ук. соч., стр. 131).

Выше мы отмечали интересную связь культа божественных кузнецов с браком и любовью, связь, существовавшую и в Византии и известную на Руси с XII в.

[120] Новгородская I летопись 1342 г.

необходимость выступить в поход «вборзе» заставила их принять меры к сохранению общих запасов.

Под «обчинами» естественнее всего понимать помещения для общественных пиров; это могли быть и специальные здания — гридницы и дома участников обчины. Слово «обчина» нужно считать синонимом «братчины», также имеющим несколько значений: пира, помещения для пира и, может быть, запасов, приготовленных для пира. В 1342 г., ввиду спешного отъезда были опечатаны, вероятно, помещения для братчин с заготовленными там питьем и едой.

О братчинах несколько раз говорят статьи Псковской Судной Грамоты (ст. 34). [121] Часть этих статей восходит к раннему времени.

Совершенно особый интерес в связи с нашими разысканиями о культе Кузьмы и Демьяна приобретает одно литературное свидетельство о братчине, сохранившееся в нескольких списках. Речь идет о легенде, известной под именем «Чудо святых чудотворцев и бессеребренник Козмы и Дамиана о б р а т ч и н е, иже в Корсуне граде», введенной в научный оборот М. Н. Сперанским. [122]

Содержание легенды таково: «Бысть во граде Корсуне с к л а д б а [вариант — «обчина»] гостинная у некоего боголюбивого и праведного мужа, и собрашася к нему в дом многие люди на праздник святых чюдотворец Козмы и Дамияна и пивше у него пития того складного седмь дней...» Далее рассказывается, что у пирующих нехватило вина и благодаря чудесному вмешательству покровителей праздника Кузьмы и Демьяна вода была превращена в вино; «они [участники братчины] же чюдившеся прославиша бога и святую Козмы и Дамиана и пиша...»

Если мы отбросим элемент чудесности, то перед нами окажется типичная братчина, в данном случае — «братчина-кузьмодемьянщина», собравшаяся 1 ноября. Интересно то, что легенда называет день Кузьмы и Демьяна праздником; интересна и другая бытовая деталь — «складного пития» было запасено столько, что пир длился несколько дней. В отношении терминов мы видим, что здесь ставится знак равенства между обчиной, складьбой и братчиной, что подтверждает нашу расшифровку записи 1342 г. Литературная обработка

[121] Псковская Судная Грамота, СПб., 1914, стр. 34—35, 80 и 113; Л. В. Ч е р е п н и н и О. И. Я к о в л е в. Ук. соч.

[122] М. Н. С п е р а н с к и й. Корсунское чудо Кузьмы и Демьяна. — ИОРЯС, 1928, т. I, стр. 362—363. — Возникла эта легенда и существовала самостоятельно, будучи включаема в смешанные сборники (стр. 360).

Известны две редакции чуда: 1-я — XV в., 2-я — XVII—XVIII вв.

легенды носила книжный риторический характер. М. Н. Сперанским совершенно убедительно доказано, что под городом Корсунью никак нельзя понимать реальный греческий Херсонес. [123]

Корсунь в послемонгольское время на Руси стал символом чудесного города, известного своими прекрасными изделиями; все редкое и замечательное называлось в Новгороде «корсунским».[124]

Легенда о братчине Кузьмы и Демьяна является чисторусским произведением, неизвестным грекам. Местом возникновения легенды М. Н. Сперанский считает Новгород Великий. [125]

Очень важна для наших целей и датировка легенды. Указанный исследователь относит ее к XIV в. XIV век был временем расцвета не только общественной жизни Новгорода, когда и братчины играли не последнюю роль в этой жизни большого торгового и промышленного города, но также временем расцвета в местной литературе легенды... В это время и могла здесь получить обработку устная легенда о «чуде» Кузьмы и Демьяна в руках новгородского книжника. [126]

Несомненно, что за счет этой книжной обработки нужно отнести замену в тексте Новгорода Корсунью. Состав участников кузьмодемьянской братчины очерчен в легенде крайне суммарно: «обчина гостинная». Исходя из изложенных выше данных о связи кузьмодемьянских братчин с кузнецами, можно было бы допустить, что в устном прототипе легенды было более точное наименование. Впрочем, наименование братчины «гостинной» не противоречит тому, что мы знаем о ремесленниках XIV—XV вв.: мастера-металлисты были, по всей вероятности, тесно связаны с торговлей, и братчина их в глазах книжника выглядела полуремесленной, полуторговой. Указание на «обчину гостинную» не дает еще нам права исключать этот интереснейший источник из ряда других, привлеченных нами для уяснения культа Кузьмы и Демьяна. Он, бесспорно, пополняет наши сведения о новгородских братчинах XIV в. очень ценным материалом. Попытаемся теперь определить организацию и сущность городских братчин XIV—XV вв.

[123] М. Н. Сперанский. Ук. соч., стр. 373. — Важным аргументом против буквального понимания Корсуни является полное незнакомство греческих житий Кузьмы и Демьяна с этой легендой.

[124] Напр., «Корсунские» врата Софийского собора в Новгороде.

[125] Именно в Новгороде эта легенда была включена Макарием в свои Минеи. — М. Н. Сперанский. Ук. соч., стр 369.

[126] Там же, стр. 375.

И былины, и летопись, и легенды ведут нас к двум древнерусским городам — Новгороду и Пскову как к местам наиболее устойчивого братчинного быта.

Состав братчин представляется нам постоянным. Об этом свидетельствует иммунитет ряда братчин, подтвержденный грамотами, например: «а кто к ним приедет на пир и на братчины незван, и они того вышлют вон безденно».[127]

Эта же замкнутость братчин сквозит и в былинах. Если в деревне братчина объединяла всех членов деревенской общины (что было возможно при небольшом размере северных деревень), то в городе такая связь могла распространяться лишь на небольшую часть горожан, связанных между собой какими-то другими нитями, кроме чисто пиршественных интересов. Пир мог только завершать и закреплять связи, возникшие вне его.

Вопрос о братчинных помещениях решается различно: во-первых, братчики собирались у одного из своих сотоварищей (может быть, существовала какая-то очередность в предоставлении своего дома под братчину); во-вторых, не исключена возможность проведения братчин в специальных помещениях. Так, например, во Пскове братчина-кузьмодемьянщина могла собираться в упомянутой нами трапезной церкви Кузьмы и Демьяна со Старого Примостья. «Суседи кузьмодемьянские» могли пировать именно в этой обширной каменной палате. Собственным специальным помещением для собраний располагали, например, многочисленные во Пскове поповские корпорации — «соборы». Сохранились записи о постройке особых изб (напр., 1481 г.).

Большой интерес для истории городских братчин XIV—XV вв. представляют статьи о них Псковской Судной Грамоты.

Ст. 34 говорит о возможном случае покражи в братчине. Судная Грамота называет двух лиц, выделяющихся из состава братчины, — пирового государя и пирового старосту.[128] Первый из них — хозяин дома. Интересно то, что Судная Грамота лишает его каких бы то ни было судебных функций. Он не вмешивается в уголовное дело, связанное с членами братчинного пира; все разбирательство ведет или вся братчина («пивцы»), или особое лицо, облеченное специальной властью, — «пировой староста». Такое резкое отделение хозяина дома от главы всей братчины еще раз убеждает нас в том, что сущ-

[127] А. Попов. Пиры и братчины, М., 1854, стр. 20.

[128] Псковская Судная Грамота (см. перев. Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева, стр. 34). — Братчина здесь названа пиром. К сожалению, Грамота в этом месте дефектна.

ность братчины составляют не случайно собравшиеся гости (в таком случае главой братчины должен быть именно хозяин дома), а какая-то корпорация со своим о с о б ы м старостой, существующим помимо хозяина данного помещения.

Значение старост в братчинах явствует из интересного сообщения Я. Ульфельда, который записал особую молитву: «Соблюди, Господи, старосту братчины сей».

Псковская Судная Грамота еще раз возвращается к судебной правоспособности братчин. В приведенной выше статье рядом с пировым старостой действуют и рядовые члены пира-братчины,[129] но в ст. 113 эта же мысль выражена в более категорической форме: «А братьщина судить как судьи». [130]

Данную статью можно понимать двояко: во-первых, как право производить судебное разбирательство непосредственно во время пира и, во-вторых, как право собственной юрисдикции не случайно пирующих вместе гостей, а какой-то более или менее оформленной корпорации.

М. К. Рожкова и А. И. Яковлев, следуя за более ранними исследователями, имели в виду первое значение и считали юрисдикцию братчин пережитком язычества. [131]

Мне представляется маловероятным, чтобы пьяным участникам пира было предоставлено право (и притом без всяких ограничений) судебного разбора дел, возникших под воздействием хмеля. Отметим, что Судная Грамота ничем не ограничивает компетенцию братчинного суда; это было бы совершенно непонятно, если бы мы понимали под братчиной простую пирушку. О конфликтах на пиру Судная Грамота говорит не раз (ст. ст. 27, 80, 114), но она особо выделяет деревенские пирушки (в волости на пиру), ни разу не называя эти пирушки братчинами. Я склоняюсь ко второму решению вопроса о братчинном суде и считаю, что ст. 113 Псковской Судной Грамоты, говорящая о самостоятельной юрисдикции братчин, является параллелью западному средневековому законодательству, признающему право суда за ремесленными и купеческими городскими корпорациями. В пользу этого взгляда говорит и постоянный замкнутый состав братчин, и наличие внутри них особой администрации — старост, — и неограниченность братчинного суда, и иммунитет братчин в отношении представителей власти.

Время включения статьи о братчинном суде в кодекс псковских законов должно быть связано с эпохой расцвета городских братчин, а такой эпохой мы вслед за М. Н. Сперанским считаем XIV век, век упоминания «обчин» в летописи и создания легенды о кузьмодемьянской братчине.

Свои поиски внешних признаков ремесленных корпораций в средневековой Руси мы начали с патрональных церквей и кончили их совместными пирами. В обоих случаях поиски увенчались некоторым успехом: нам удалось найти кузьмодемьянские церкви, предположительно связываемые с корпорациями кузнецов, и братчины (в их числе и кузьмодемьянские), перерастающие значение обычного пира, обладающие правом суда и старостой. В обоих направлениях нам больше всего дала история крупнейших промышленных городов — Новгорода и Пскова.

Собирание косвенных данных о древнерусских корпорациях нами закончено. Нельзя сказать, чтобы в итоге получилась ясная картина — слишком отрывочны и неполны наши материалы, но все же из смутных и неясных отрывков вырисовываются отдельные детали, пренебречь которыми нельзя.

Если мы отбросим такие объединения, как «конец» и «улица», ввиду их явного отличия от западных цехов, и такие, как «собор» и «суседи», ввиду неясности их характера, — у нас останутся «сотня», «ряд» и «братчина».

Состав каждой такой корпорации мог быть и чисто профессиональным (что облегчалось профессиональной локализацией населения городов), мог быть и смешанным ремесленно-торговым (вероятно, в пределах одной специальности, напр., мастера-серебреники и продавцы ювелирных изделий). Каждое такое объединение избирало своего старосту и других доверенных лиц. Корпорации и их старосты обладали всей полнотой судебной власти в отношении отдельных сочленов и не подчинялись суду посадника или других представителей власти. Внешними формами объединения были церкви, построенные членами корпорации в центре своего поселка, и пиры-братчины, устраиваемые в определенные сроки, часто совпадавшие с церковными праздниками.

Письменные документы типа цеховых статутов об этих корпора-

---

[129] «А в пиру — ино к пировому старосте, или к пивцам явити...» Псковская Судная Грамота. Ук. изд.

[130] Т а м ж е, стр. 113.

[131] М. К. Р о ж к о в а. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты, М., 1927, стр. 30; Л. В. Ч е р е п н и н и А. И. Я к о в л е в. Ук. соч., стр. 295. «Статьи 109—120 производят впечатление архаизмов, выползших из медвежьих углов Псковской земли».

циях до нас не дошли, но отдельные элементы корпоративного права проникли в важнейшие кодексы, вроде Судебных Грамот Новгорода и Пскова.

Временем расцвета ремесленных и торговых корпораций нужно считать XIV в. и первую половину XV в. — эпоху наибольшего обострения классовой борьбы, эпоху восстаний и ересей. К концу XV в. они уступают место новым порядкам, связанным с политикой складывающегося централизованного государства (массовое переселение ремесленников, создание государевых слобод, усиление власти наместника). Впредь до XVII в. ремесленные корпорации продолжали развиваться, но в неблагоприятных условиях, что сказалось на общем облике этих элементов цехового строя.

Трудно сказать, в каком взаимоотношении между собой находились «сотня», «братчина» и «ряд». Исключали они друг друга или както переплетались — неизвестно.

В отношении терминологии необходимо указать, что у нас, как и на Западе, не было единого термина для обозначения ремесленной корпорации. В Кельне, Бремене и Любеке применялось — Amt, officium; в Саксонии и Вестфалии — Jnnung, Gilde, Bruderschaft; в Аугсбурге, Мюнхене и Базеле — Zunft; в Страсбурге и Нюрнберге — Handwerk; в Вене — Zeche.[132]

Вполне возможно, что и наши корпорации Новгорода и Пскова при одинаковой (или близкой) сущности могли иметь разные названия. Помимо множественности названий, можно предположить наличие нескольких однородных объединений в пределах одного города (напр., несколько кузнечных братств).

Сопоставляя все данные о русских корпорациях с западными цехами, мы должны признать целый ряд точек соприкосновения между ними. Выше мы наметили три этапа развития цехового строя на Западе. Русские братчины, «сотни» и «ряды» (XIV—XV вв.) можно сопоставлять только с первым этапом, характеризующимся отсутствием уставов, отсутствием Zunftzwang'a и наличием таких элементов, как цеховое самоуправление и суд, патрональные церкви и цеховые пирушки (Zeche). Возможно, что не все ремесла имели корпоративную организацию, но в отношении кузнецов (или металлистов вообще) она прослеживается довольно хорошо.

Передовые русские города в XIV—XV вв. шли тем же путем развития, что и западноевропейские, но интенсивность этого развития была у нас иной. Как показали материалы, собранные в первой части, уже в XI—XII вв. можно говорить о ремесленных братчинах (в Вышгороде), мастерах и подмастерьях, может быть, даже о шедеврах (работа мастеров Братилы и Косты). Интересно отметить, что интересовавшие нас здесь церкви Кузьмы и Демьяна несколько раз упоминаются в XII в., именно тогда, когда появляются первые сведения о купеческих братствах при церквах Ивана на Опоках и Параскевы-Пятницы. Вполне возможно, что зарождение ремесленных корпораций цехового типа происходило еще в домонгольской Руси, одновременно с Западной Европой, но затем этот процесс был прерван татарским нашествием и только в XIV в., в связи с общим подъемом хозяйственной и общественной жизни русских городов, он возродился вновь.

Последний вопрос, связанный с ремесленными корпорациями XIV—XV вв.,— это вопрос об их политической роли в жизни Новгорода и Пскова. К сожалению, для столь важной и интересной темы мы располагаем всего лишь одним свидетельством, которое может быть привлечено только при условии правильности наших построений относительно кузьмодемьянских братств кузнецов.

В 1331 г. в Новгороде Великом на вакантную архиепископскую кафедру был выбран кузьмодемьянский поп: «... и възведоша на сѣни Григорья Калѣку, попа святого Козмы и Дамьяна с Холопьи улици, и пострижеся въ черньци генваря I, и нареченъ бысть Василей...» (рис. 144). [133]

Выше, разбирая топографию кузьмодемьянских церквей в Новгороде, мы уже отмечали совпадение изображения кузницы на иконе «Видение пономаря Тарасия» с местом церкви Кузьмы и Демьяна на Холопьей улице.[134] Исходя из этого, мы можем предполагать, что церковь Кузьмы и Демьяна на Холопьей улице была патрональным храмом кузнечного братства (к которому естественнее всего привязывать и кузьмодемьянскую братчину, описанную в легенде о «Корсунском чуде» XIV в.).

Став новгородским архиепископом, Василий Калика не забывал кузьмодемьянские церкви: в 1347 г. он строит церковь Кузьмы и

---

[132] А. К. Дживелегов. Средневековые города в Западной Европе, стр. 167.

[133] Новгородская IV летопись 1331 г. — Василию Калике посвящена специальная статья А. Д. Седельникова. Внимание автора сосредоточено на литературном наследстве Василия.

[134] П. Л. Гусев. Ук. соч. и И. И. Красов. Ук. соч.

Рис. 144. Портрет новгородского архиепископа Василия. 1336 г.

Демьяна на Кузьмодемьянской улице,[135] а в 1350 г. ставит новое каменное здание церкви на Холопьей улице. Существовали ли обе соседние одноименные церкви и до Василия, мы решить не можем, так как сведения XII в. не дают точных топографических указаний; но во время страшного пожара Неревского конца в 1311 г., когда огонь распространился от улицы Розважи до Гребли и до Борковой улицы и должен был охватить район обеих кузьмодемьянских церквей, летопись упоминает лишь одну. Возможно, что отпочкование второй Кузьмодемьянской церкви (в ближайшем соседстве с первой) произошло именно в эпоху Василия.

Для братчины кузнецов, организационным центром которой была, по моему предположению, церковь Кузьмы и Демьяна, кандидатура Василия Калики, выходца из каличьей среды, была вполне

[135] Новгородская летопись 1347 г.

подходящей. Демократическая идеология «калик перехожих», отраженная в молитвах и духовных стихах, должна была отвечать интересам ремесленной корпорации.

С именем Василия Калики связано несколько литературных произведений, раскрывающих перед нами мировоззрение этого интересного политического деятеля XIV в. Его перу предположительно приписывается «Сказание о святых местах, о Костянтинограде» (или, точнее, его оригинал), написанное около 1323 г.

Автор этого описания Константинополя восхищается памятниками искусства, старательно описывает здания, водопроводы, языческие статуи, которые «гораздо были сотворены», и различное «узорочье» из резного мрамора и яшмы.

Отрицательное отношение автора к Западной Европе, столь характерное для Василия Калики, вполне проявилось в «Сказании».

Рассказывая читателям о красоте древнего Царьграда, русский путешественник с горечью и возмущением отмечает вандализм крестоносцев, разрушивших многие памятники искусства после взятия Константинополя в 1204 г.[136]

Помимо общелитературного интереса, «Сказание» важно для нас как автобиографический материал, объясняющий прозвище архиепископа Василия. Идеология Василия полнее раскрывается другим произведением (бесспорно, принадлежащим ему) — «Посланием епископу Федору о земном рае».[137]

«Послание о рае» обнаруживает хорошее знакомство его автора с апокрифическими духовными стихами; в одном месте Василий прямо

[136] «... а в том камени вырезаны львы крылаты и орли крылаты камены и бараны каменыи. Бораном рога збиты, да и столпы обиты — то ж били фрязове, коли владели Царимградом, и иных узорочей много потеряли».

Описывая набережную, автор сожалееет о том, что здесь было много памятников искусства, «да уже все потеряно».

Говоря о статуарной группе Правосудия, он отмечает, что «гораздо было сотворено как люди, п о п о р т и л и и х ф р я з о в е. Один перебит надвое, другому руки и ноги перебиты и носа сражено...» — М. Н. С п е р а н с к и й. Из старинной новгородской литературы XIV в., Л., 1934, стр. 133—134.

Сперанский так характеризует автора сказания. «Интересуясь, как и все его современники, предметами священными, он не закрывает глаза и на другие памятники... О ритуале церковном он не говорит, поучительных рассуждений и цитат у него также нет... Это трезвый новгородец с практическими наклонностями, интересующийся не только религиозной, но и бытовой стороной жизни города» (стр. 123—124).

Авторство Василия М. Н. Сперанский считает очень вероятным (стр. 106).

[137] Софийская II летопись.

цитирует стихи «Адамова плача», возникшего в среде калик.[138] Все послание проникнуто демократической идеей, развившейся из еретических учений и шедшей вразрез с каноническими церковными представлениями, — идеей земного, существующего рая. Вместо «мысленного» будущего блаженства в потустороннем мире, обещаемого церковью, еретики проповедывали существование реального рая, доступного для обозрения. Рассказ Василия о путешествии Мстислава Новгородца, видевшего земной рай, утверждает именно эту еретическую идею, пользовавшуюся в средние века большой популярностью среди широких народных масс. Став главой новгородской церкви, Василий продолжал мыслить еретически.

Высокое официальное положение Василия Калики не мешало ему и в церковном искусстве пропагандировать апокрифические сюжеты; сделанные в 1336 г. по его заказу знаменитые золоченые врата Софийского собора полны апокрифических изображений (дуалистическое противопоставление доброго и злого начала, скачущий царь Давид, Соломон и Китоврас, притча о сладости мира сего и пр.), находящих себе параллели в отреченной литературе.[139]

В эпоху пребывания Василия Калики на кафедре происходит очень интересное изменение в искусстве книжной орнаментации. Именно: во второй четверти XVI в. инициалы богослужебных книг Новгорода приобретают необыкновенно легкомысленный, фривольный характер, резко противоречащий литургическому назначению книг. Ругающиеся рыбаки, дерущиеся горожане, купальщики, пьяницы, гусляры и скоморохи могли попасть на страницы евангелий, псалтырей и прологов только при благожелательном попустительстве церковных властей.

Все перечисленные факты характеризуют Василия как человека, не считавшегося с официальной церковностью и открыто заявлявшего о своих полуеретических взглядах, близких к народной идеологии. Политическую роль Василия Калики мы сможем понять только в сопоставлении с другой колоритной фигурой этой эпохи — архиепископом Моисеем, дважды занимавшим кафедру: с 1324 по 1330 г. — до избрания Василия и после смерти Василия — с 1353 по 1359 г.

[138] А. Веселовский. Калики перехожие и богомольские странники. — «Вестник Европы», 1872, апрель, стр. 683.

[139] См. выше в разделе ювелирного искусства. Из других изображений интересен портрет самого Василия Калики с написанной рядом молитвой его сочинения и поясное изображение святого Кузьмы.

Владыка Моисей (в миру Митрофан Филиппович) был сыном «нарочитых и богатых» родителей. До избрания в архиепископы он был архимандритом аристократического Юрьева монастыря. Богатый боярин, он независимо от служебного положения постоянно строил церкви и монастыри в окрестностях Новгорода. Собственные монастыри служили ему убежищем во время политических невзгод.[140]

Поставление Моисея в архиепископы совпало со смертью великого князя Юрия Даниловича и вокняжением Александра Михайловича Тверского. В 1330 г. неожиданно Моисей оставил кафедру и ушел в свой монастырь на Коломцы. Уход Моисея совпал довольно точно с приездом в Новгород Ивана Калиты и митрополита Феогноста. Восемь месяцев новгородцы оставались без архиепископа; это отмечено летописцами как необычное явление, но никакого объяснения не дано. Правда, из быстрой смены четырех посадников за короткий срок[141] можно делать вывод о бурных событиях в городе. Трудно допустить, чтобы уход Моисея был действительно добровольным, как это пытается изобразить летописец. Ведь двадцать три года спустя, когда умер Василий, Моисей охотно сменил уединение своего монастыря на суету владычного двора.

Выбор Григория (Василия) Калики был, очевидно, завершением крайне длительного периода борьбы за важный пост новгородского архиепископа. При таких условиях в новом кандидате естественно видеть представителя какой-то иной группировки. Разница прежде всего сказалась во внешнеполитической ориентации обоих деятелей. Архиепископ Моисей почти всегда выступает противником Москвы и сторонником Литвы. С падением Юрия Московского совпало избрание Моисея в архиепископы; тотчас по поставлении его митрополитом Феогностом в Новгород прибыли послы от Гедимина.[142] С приездом Калиты, гнавшимся за своим врагом Александром Тверским, совпали неизвестные нам события, приведшие к устранению Моисея.[143]

[140] С фреской монастыря Михаила на Сковородке связана легенда о посаднике-ростовщике Щиле.

Роспись другого моисеевского монастыря в Волотове производилась уже после смерти строителя и его преемник, архиепископ Алексей, близкий по образу мыслей к Василию, приказал изобразить в богатом монастыре притчу об убогом страннике, тщетно пытающемся проникнуть в монастырь, где пируют монахи.

[141] См. ниже.

[142] Новгородская летопись 1324 г.

[143] Новгородская летопись 1330 г.

Время вторичного пребывания Моисея на кафедре ознаменовано резким поворотом внешней политики Новгорода против Москвы. Сам Моисей пишет патриарху жалобу на московского митрополита. Неудивительно, что после падения новгородской самостоятельности московский ставленник архиепископ Сергий в 1474 г. очень пренебрежительно отзывался о Моисее.

Полную противоположность представляет внешняя политика архиепископа Василия. В самом начале его карьеры у него произошел конфликт с Гедимином. Когда вновь избранный архиепископ возвращался из Москвы (где в это время был митрополит Феогност), на него было произведено нападение; только наличие крупного эскорта в 600 человек позволило ему избегнуть неприятностей.[144] Путь от Владимира Волынского до Новгорода Василий предпринял кружной, в объезд основных литовских земель: Чернигов — Брянск — Торжок — Новгород. Василий принимал активное участие в постройке укреплений на западной границе Новгородской земли; это также можно рассматривать как показатель его враждебности к Литве. Василий Калика ладил с Калитой и в 1335 г.: «князь великый позва владыку къ себѣ на Москву, на честь... и владыка Василій, бывше на Москвѣ, много чести видѣлъ».[145]

После смерти Ивана Даниловича Василий был сторонником приглашения на новгородский стол Симеона Гордого, ненавистного новгородским боярам, но о котором говорилось, что его любили смерды.[146]

Именно в это время окончательно оформилось тяготение черных людей Новгорода, Торжка, Брянска, Костромы, Нижнего-Новгорода к сильной власти московского князя, в котором они хотели видеть защитника от боярского насилия. Таким образом, московская ориентация Василия лишний раз подчеркивает его демократические устремления, так же как борьба Моисея с Москвой вытекает из интересов представляемой им боярской стороны.

Столь же противоположны оба архиепископа и во внутренних новгородских делах. Позиция Василия Калики вполне определилась в связи с событиями 1342 г. Убийство боярина Луки Варфоломеевича в Заволочье было сигналом к восстанию черных людей: «И услышано бысть въ Новѣгородѣ, и оскорбишася о немъ [Луке] черныя люди, и возсташа на посадниковъ» (разрядка наша. — *Б. Р.*).[147]

Посадники Федор Данилович и Ондреян бежали в Копорье. Сын убитого Онцифор Лукич требовал суда над Федором. Здесь на сцену выступает владыка Василий, которому удалось вернуть беглецов в Новгород. Федор Данилович успел созвать вече на Ярославовом дворище; Онцифору пришлось созвать второе вече у Софийского собора.

Владыка Василий был послан Онцифором для переговоров на Торговую сторону, но происшедшее сражение прервало его дипломатическую миссию. Онцифор Лукич бежал, а Василию удалось предотвратить дальнейшее преследование его сторонников, среди которых мы вправе предполагать черных людей, возмущенных убийством отца Онцифора, Луки. Василий действовал совместно с наместником московского князя.[148] Василию был отдан на воспитание княжич Михаил, сын Александра Тверского. Любопытно, что Василий воспитал его так, что он «боляромъ не потакаше»,[149] за что и пользовался любовью народа.

Нам неизвестна позиция Моисея в 1342 г., но в другое время он явно обнаруживал симпатии к людям, враждебным группировке Василия и Онцифора (группировке, за которой мы вправе сохранить название демократической). Примерами могут служить Семен Судаков, союзник посадника Федора, и посадник Андреян.[150] Возможно, что и вторичный уход Моисея с кафедры в 1359 г. как-то связан с событиями, вылившимися в конце концов в восстание, во время которого «бояр многыхъ били и полупили и хламиды съ нихъ драли».[151]

---

[144] Александр Тверской (княживший тогда во Пскове) совместно с Гедимином пытался во время пребывания Василия у митрополита провести своего кандидата в епископы на особую Псковскую епископию. Феогност не согласился, и Псков остался подчинен новгородскому владыке.

[145] Новгородская летопись 1335 г.

[146] «Архиепископ владыка Новгородский Василий прииде на Москву звати великого князя Симеона в Новгород на стол». По прибытии в Новгород московский князь... «многу власть у посадника отъя; а смердь вся его любляше». — В. Н. Татищев. История Российская, кн. IV, СПб., 1874, стр. 158—159.

[147] Никоновская летопись 1342 г.

[148] Новгородская I летопись 1342 г.

[149] В. С. Борзаковский. История Тверского княжества, СПб., 1876, стр. 171. — Если эта фраза не является риторическим украшением агиографа, она представляет для нас интерес.

[150] Противопоставление Моисея и Василия можно продолжить и на материалах их строительной деятельности: в то время, как первый был занят только строительством церквей и монастырей, Василий оградил острогом в 1336 г. ремесленный посад и своими людьми построил мост, чем «много добра сделал христианом».

[151] Новгородская I летопись 1359 г.
Новгородская IV летопись (о хламидах).

Интересно отметить, что оба «добровольных» ухода Моисея с архиепископской кафедры совпали с назначением на его место лиц, противоположных ему как по своим политическим убеждениям, так и по церковной политике. В 1331 г. его заменил Василий Калика, материал о котором приведен выше, а в 1359 г. (в год восстания) его место занял «шестник» Алексей, попустительствовавший стригольникам (и даже покинувший кафедру в год их казни), более близкий по своей политике к Василию.

Моисей известен и своими выступлениями против еретиков.

Итак, Моисей предстает пред нами как богатый боярин, враждебный черным людям Новгорода, враждебный вольномыслящим еретикам-стригольникам, враждебный московскому великому князю, в котором видели свою опору городские низы. Если его второй уход, отдаленный на 35 лет от первого вступления на кафедру, можно еще объяснить тем, что ушел «немощи деля своея», то в 1330 г. он находился в расцвете сил и уступил кафедру Василию едва ли по своей воле.

Кузьмодемьянский поп, Василий Калика, став главой не только новгородской церкви, но всей новгородской республики, оказался на этом посту выразителем интересов третьего сословия, интересов «черных людей» новгородского посада. Все это придает некоторую убедительность нашему предположению, что Василий был ставленником одной из ремесленных корпораций Новгорода — кузьмодемьянского братства кузнецов. Ремесленники-металлисты обычно более других специальностей обнаруживают корпоративные связи.

Среди политических деятелей Новгорода Василий стоит не совсем одиноко: столетием раньше «п р о с т а я ч а д ь» поставила рядом с архиепископом двух мужей, один из которых был известный нам Микифор «щ и т н и к», т. е. опять-таки связанный с кузнечным делом.[152] В XIV в. с Василием Каликой можно сближать архиепископа Алексея, выходца из среды софийских клирошан, среды, считаемой исследователями наиболее восприимчивой к демократическому вольнодумству ересей. Наличие в составе кузьмодемьянского братства широко образованного путешественника и выдающегося писателя интересно как показатель известной притягательной силы у самого братства. Продвижение же своего кандидата (может быть после 8 месяцев борьбы) на пост архиепископа свидетельствует о той

[152] Новгородская летопись 1228 г. См. выше в 1-й части.

важной роли, какую играли объединения черных людей в политической жизни государства в XIV в. [153]

Один дополнительный штрих к облику Василия Калики дают нам былины Новгородского цикла.

Неоднократно отмечалось, что эти былины в синтетических образах отражают напряженную классовую борьбу в Новгороде XIII—XV вв. Особенно это относится к былине о Ваське Буслаеве, в которой богатому удалому молодцу Ваське противопоставлены посадские мужики и «старчище-пилигримище», пытающийся остановить буйствующую дружину молодого боярина.

В. Келтуяле принадлежит интересная гипотеза: в «старчище-пилигримище», у которого на голове шляпа земли греческой, а в руках каличья клюка, он видит Василия Калику.[154]

Ничто не противоречит этому допущению: «пилигримище» является синонимом «калики», действия владыки Василия в 1342 г. (когда он был, очевидно, уже не молод), [155] очень напоминают былинного героя.

Симпатии Василия и «старчища-пилигримища» лежат на стороне черных посадских людей. Если это допущение верно, то интересно, что исторической канвой для былины послужила деятельность именно архиепископа Василия, современника и участника бурных событий XIV в.

Итоги данной главы могут быть сведены к следующим положениям:

1. Прямых указаний источников на существование в русских городах XIV—XV вв. ремесленных корпораций с оформленными уставами в нашем распоряжении нет.

2. Источники последующей эпохи (XVI—XVII вв.) содержат ряд разрозненных данных об элементах цехового строя в русских городах. Нередко эти элементы находятся уже в стадии разложения, что может свидетельствовать об известной длительности их предшествующего развития.

3. Общая обстановка развития городского ремесла (степень дифференциации, техническая оснащенность, участие ремесленников

[153] Повторяем, что этот вывод имеет силу только при условии признания правильности построений относительно ремесленного характера кузьмодемьянского братства.

[154] В. К е л т у я л а. Курс истории древнерусской литературы, т. I, ч. 2, СПб., 1911, стр. 123—124.

[155] Судя по его изображению на вратах 1336 г.

в городском самоуправлении, ожесточенная классовая борьба) позволяет сопоставлять наиболее крупные русские города XIV—XV вв. с городами Западной Европы, для которых на этом этапе характерно развитие ремесленных корпораций.

4. Внешними признаками западных средневековых цехов в ранний период их развития были:

а) церкви, построенные в честь покровителя данного ремесла;

б) пиры и праздники, на которых обязаны были присутствовать все члены цеха.

5. Розыски косвенных данных о русских средневековых корпорациях позволили установить:

а) существование христианских покровителей кузнечного дела (Кузьма и Демьян);

б) наличие кузьмодемьянских церквей в городах XII—XVII вв.;

в) расположение церквей во имя покровителей кузнечного ремесла в кузнецких слободах XIV—XVII вв.;

г) существование в Новгороде в XIV в. пиров-братчин, посвященных Кузьме и Демьяну;

д) предположительно устанавливается участие в XIV в. представителя кузьмодемьянского братства кузнецов в управлении городом (владыка Василий Калика 1331—1353 гг.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор русского ремесла закончен. Мы начали его с глубокой древности, когда первые славянские мастера, окруженные суеверным почитанием сородичей, овладевали тайнами варки железа, закалки стали, литья золотистой меди, и довели до той эпохи, когда ремесло вновь оправилось после тягчайшего разгрома татарами и прочно стало на путь широкого, общерусского развития в великом княжестве Ивана III. Дальнейшая история русского ремесла должна стать предметом специального рассмотрения.

Далеко не все разделы истории русской промышленности были в равной мере освещены источниками. Стремление возможно полнее изучить каждый технический прием, каждую отдельную отрасль ремесла неизбежно нарушало хронологическую последовательность и плавность изложения в пределах одной эпохи. Автору не удалось довести до исчерпывающей глубины исследование всех частных вопросов, но многие из них могут послужить темой особых научных разысканий. В этой книге сделана попытка рассмотреть весь ход развития русского ремесла на фоне экономической и общественной жизни древних славян, Киевской Руси и северо-восточной Руси XIII—XV вв. Ввиду спорности многих существовавших в буржуазной историографии утверждений, приходилось неоднократно отвлекаться в сторону от основной темы. Так было, например, при рассмотрении так называемой «готской теории», относившей к готам лучшие изделия славянского ремесла IV—VII вв.

Автор отчетливо видит недостатки и пробелы в своей книге и дальнейшим углублением работы над отдельными разделами ремесла стремится уточнить и дополнить написанное в этом общем обзоре.

К числу основных пробелов следует отнести недостаточную изученность художественной стороны древнерусского ремесла, которой в книге уделено сравнительно немного места. Целостное изложение истории прикладного искусства сделано автором в особой работе, так как здесь оно нарушило бы принятые принципы построения и ввело бы еще ряд побочных тем.

Автор ставил перед собой задачу осветить следующие исторические вопросы:

1. Корни и истоки русского ремесла, накопление технических навыков, процесс отделения ремесла от земледелия.

2. Уровень русской ремесленной техники в X—XIII вв., сопоставление с Западной Европой, связь ремесла с рынком.

3. Значение татарского нашествия.

4. Социальная организация городского ремесла, его роль в развитии городского строя, участие цеховых корпораций в классовой борьбе.

Итак, в основе изложения лежало изучение ремесла как важнейшей части производительных сил и ремесленников как существенной категории средневекового населения страны, как создателей техники и участников классовой борьбы горожан с феодалами.

Процесс зарождения славянского ремесла остается для нас все еще несколько затуманенным, но совершенно ясно, что начинать его рассмотрение нужно не с X в., а с эпохи значительно более ранней. Учитывая неравномерность развития исторического процесса в разных областях славянского мира, мы должны прежде всего обратить внимание на южную половину восточнославянских племен, на Среднее Приднепровье.

Сложению здесь основного ядра Киевской Руси предшествовало длительное развитие как земледельческой культуры (со времен скифов-пахарей), так и многообразных технических навыков, способствовавших возникновению ремесла.

Возражая против взглядов норманнистов, считавших древних германцев более культурными, чем славяне, мы должны сказать на основе многочисленных фактов, что культура волынян и приднепровских полян в первые века нашей эры не только вполне выдерживала сравнение с культурой наиболее передовых германских племен на Рейне, но и значительно превосходила ее наличием экспортного земледелия. Значительное развитие техники (эмаль, гончарные горны) свидетельствует о происшедшем уже тогда отделении ремесла от сельского хозяйства в этих ведущих русских областях.

Нашествие гуннов, широкое вовлечение восточнославянских (антских) дружин в завоевательные походы, характерные для эпохи военной демократии, сложный комплекс бурных и глубоких явлений, которые привели к крушению рабовладельческой империи и созданию новой феодальной Европы — все это коснулось и Приднепровья.

Устойчивый быт первых четырех веков нашей эры сменился и здесь, как во всей Европе, новым укладом жизни, характеризовавшимся известным огрублением изделий, но в то же время приднепровские изделия VI в. явно свидетельствуют о выходе славянских племен на широкую международную арену, где они сталкивались и с культурой боспорских городов и со степными кочевниками. Славянские мастера VI—VII вв. запечатлели на бронзе и серебре новые южные связи, но в то же время на славянских изделиях отразилось разрушение римских городов и тех производств, которые были связаны с ними (напр., эмаль).

В это время все больше крепнут связи между южной и северной половинами восточнославянских земель; на севере ремесло делает также известные успехи, разветвляясь на большое количество специальностей и все более отделяясь от земледелия.

В неясные для нас VIII—IX вв. идет таинственный подпочвенный процесс перерастания некоторых славянских центров в города с прочно налаженным ремесленным производством.

Появление в IX в. значительного количества курганов дало нам богатый материал по истории ремесла.

Городские дружины Киева, Чернигова, Смоленска и других городов обслуживались рядом различных ремесленников, знакомых с разнообразнейшими техническими приемами. Русские городские мастера X в., делившиеся, по всей вероятности, на вотчинных и посадских, обладали высокой техникой и смело усовершенствовали западноевропейское оружие и перерабатывали по-своему образцы сасанидских художественных изделий.

С X в. до начала XIII в. русское ремесло неуклонно шло вперед, развивалось и совершенствовалось. Менее заметен этот процесс в деревне, но он очень явно ощутим в городах, особенно в крупных центрах. По самым скромным подсчетам мы можем указать в Киеве свыше 60 различных специальностей.

Каждый вид ремесла требовал сложного оборудования и инструментов.

В эту эпоху городское ремесло далеко отошло от деревенского; особенно резко сказалась эта разница в протяженности районов

сбыта. Если деревенский мастер сбывал продукцию в небольшом районе в 10—15 км в поперечнике, то городской ремесленник нередко работал на широкий рынок и снабжал своей продукцией соседние и дальние города. Старое представление о несамостоятельности русского хозяйства, о зависимости от импорта должно быть оставлено. 99 процентов всех известных нам вещей было изготовлено русскими мастерами.

На протяжении XII и начала XIII вв. мы наблюдаем постоянное совершенствование средств производства и приспособление мастерских к массовому выпуску продукции. Появляются простые способы имитации сложных технических приемов, замена их более простыми; мастера тратят много времени на изготовление таких инструментов, которые позволяют переходить от единичной работы на заказ к работе на широкий рынок.

Некоторые киевские вещи XII в. при помощи специальных посредников расходились по всей Руси; таким образом, ремесленники содействовали развитию внутренней торговли. В ряде случаев мы вправе говорить об экспорте русских изделий в страны Западной Европы.

Восхищение русской эмалью и чернью в трактате пресвитера Теофила, русской резной костью в стихах греческого епископа и работой русского златокузнеца в воспоминаниях Плано Карпини свидетельствует об очень высокой оценке русского мастерства современниками.

Судя по данным о ремесле, Киевская Русь в X—XI вв. и русские княжества в XII—XIII вв. шли одним путем с передовыми странами Западной Европы, не отставая от них, а в отдельных производствах даже опережая. Недаром «Schedula diversarum artium» помещает Русь в списке стран-искусниц впереди Италии, Аравии, Франции и Германии.

Перед русским ремеслом в XIII в. открывались широкие горизонты: неуклонно развивается техника производства, крепнут связи с рынком, ширится участие ремесленников в делах города, в борьбе за самоуправление. Города Франции и Северной Италии XIII—XIV вв. дают нам представление о том, чем должны были стать ремесленные города Руси, если бы не нашествие татар, разрушившее крупнейшие центры южной и восточной Руси.

Разрушение городов сопровождалось массовым уводом ремесленников в ордынские города; в результате русское городское ремесло

было совершенно уничтожено. Все сложные производства исчезли; возрождение их началось только спустя 150—200 лет.

Татарское нашествие прервало развитие русской промышленности в тот момент, когда она находилась в состоянии очень высокого развития, когда каждое новое десятилетие должно было приносить ощутительные результаты дальнейшего роста. Вместо этого, Русь была отброшена назад на несколько столетий, и в те века, когда цеховая промышленность запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыя.

Новый экономический подъем русские земли переживают с середины XIV в. Возрождаются многие производства, ставятся водяные двигатели, организуются сложные по оборудованию промыслы, растут кадры мастеров; усиливается политическая роль ремесленников-горожан.

Слияние воедино сотен мелких княжеств, создание русского национального государства проходит на фоне как технического, так и социального роста русского ремесла. Уже в конце XIV в. русские мастера вырабатывают такие вещи, стиль которых надолго, вплоть до XVI в., определяет облик всех подобных изделий. Позднейшие мастера эпохи Грозного часто в своем творчестве следуют традициям, возникшим у московских мастеров эпохи Дмитрия Донского и Василия I.

Большой интерес для нашей исторической науки представляет вопрос о социальной стороне ремесла, о живых людях, творцах тех замечательных вещей, которыми так восхищались иностранцы.

Еще в домонгольское время мы встречаемся с мастерами и подмастерьями — элементами ремесленных корпораций цехового характера. Участие ремесленников в городском ополчении и классовой борьбе делает особенно интересной попытку ввести их в состав совета при новгородском архиепископе (события 1228 г.).

От XIV—XV вв. дошло очень много сведений об участии черных людей в городских восстаниях и об их причастности к такому важному явлению в области средневековой идеологии, как ереси.

«Улицы», «ряды», «сотни», «обчины» и «братчины» были формами корпоративных организаций XIV—XV вв. Как и в каждом западном средневековом городе, в русских городах были патрональные церкви в честь того или иного покровителя ремесла, собирались цеховые пи-

рушки, корпорации имели своих старост, собственную юрисдикцию, свою казну.

Русский средневековый город развивался тем же путем и по тем же законам, что и средневековый город Запада.

Изучая условия, в которых происходило создание русского национального государства и возвышение Москвы, мы не можем игнорировать, во-первых, того, что этот процесс протекал в условиях возрождавшегося ремесла, а, во-вторых, того, что ремесленники были активной политической силой, способствовавшей разрушению феодальной обособленности, ослаблению мощи местного боярства.

На примере ряда городских восстаний в Новгороде Великом, Смоленске, Москве, Костроме, Брянске и других городах мы видим, что ремесленное посадское население города повсеместно и постоянно поддерживало именно московского великого князя, сочувствовало московским объединительным стремлениям и яростно боролось с боярством.

Когда в Новгороде после многих волнений пост архиепископа, председательствовавшего в Совете Господ, занял кандидат посадского населения (братчины кузнецов) Василий Калика, политика избранника демократических кругов города была направлена на союз с Москвой, на укрепление общерусских связей против боярского сепаратизма.

Стоит отметить, что новгородец Василий Калика, возглавивший посадскую часть города, был современником парижанина Этьена Марселя, стоявшего во главе горожан, боровшихся с феодалами.

Во второй половине XV в. мы наблюдаем новый подъем производительных сил Русской земли. На этот раз усиливается не только городское ремесло, но возникает много новых мастерских в деревне, происходит концентрация ремесленников в специальные поселки, «рядки», увеличивается количество непашенных ремесленников, окончательно порвавших с земледелием, растет добыча железа, вводится водяной двигатель. В городах происходит массовый выход вотчинных ремесленников на посад. Многие мастера становятся скупщиками товара и везут изделия на юг — в Крым, в Турцию.

Замечательная эпоха Ивана III, открывающая новую страницу в истории русского народа, имела в активе своего баланса наряду с другими факторами также и высокоразвитое городское и деревенское ремесло, частично высвободившееся из вотчинных пут.

Далее, перед русским ремеслом лежал путь к мануфактуре, путь к всероссийскому рынку.

Изучение истории русского ремесла и русских ремесленников позволило нам сделать ряд общеисторических выводов, показав важность этих элементов в системе феодального общества. Русское ремесло подчинялось общим историческим законам, обязательным и для Запада и для Востока, но в то же время оно шло своим самостоятельным путем, создавая ценности, носящие яркий отпечаток творчества русского народа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты Археографической Экспедиции
АИ и З — Археологические Известия и Заметки
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АЮ — Акты юридические
БАН — Белорусская Академия Наук
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАН — Всеукраинская Академия Наук
ГАИМК — Гос. Академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей в Москве
ГРМ — Гос. русский музей в Ленинграде
ESA — Eurasia Septentkionalis Antiqua
ЗНТ — Записки наукового товариства им. Шевченка
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологического комитета
ИАН ОГН — Известия Академии Наук, Отделения гуманитарных наук
ИАН ООН — Известия Академии Наук, Отделения общественных наук
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
КС ИИМК — Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры Академии Наук СССР
ЛЗАК — Летопись занятий Археографического комитета
МАВГ — Материалы по археологии восточных губерний
МАР — Материалы по археологии России
НПК — Новгородские писцовые книги
ОАК — Отчеты Археологического комитета
ПИДО — Проблемы истории докапиталистического общества
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СГГ и Д — Собрание гос. грамот и договоров
«Сов. археол.» — Журнал «Советская археология»
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии РАНИОН
ЧОИ и ДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . . . . . 3—6
Введение. История вопроса, источники и методы работы . . . . 7—8

Часть первая

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XIII В.

В. Н. Татищев. Значение промышленности в истории общества . . . . 7—9
Н. М. Карамзин. Анонимная «История промышленности России», 1837 г. 9
Начало археологического изучения памятников русского ремесла в 20-е гг. XIX в. (А. Н. Оленин, И. Снегирев) 10
И. Е. Забелин и его работы по ювелирному ремеслу 11
Изучение социальной стороны русского городского ремесла (М. М. Михайлов, Л. О. Плошинский, В. Н. Лешков, Н. Рычков, Н. Степанов). Вопрос о цеховом строе в древней Руси (М. Кувлишер и др.) . . . . . 11—12
Н. Аристов и его «Промышленность древней Руси», 1866 г. Ценность сводки письменных материалов. Недостаточность использования вещественных источников. Ошибочность основного вывода Аристова о слабости русского ремесла. . . . . 12—14
Накопление массовых археологических материалов. Работы А. А. Спицына и Н. П. Кондакова . . . . . 15—17
Попытка исторической интерпретации археологического материала в «Истории русского народного хозяйства» М. В. Довнар-Запольского, 1911 г. 18
Lubor Niederle и его работа «Zaměstnání řemeslná», 1921 г. Итоговое значение этой работы для русской дореволюционной науки . . 20—21
Изучение древнерусского ремесла советскими учеными . . . . . 21—22
Современное состояние вопроса об истории русской промышленности до XVI в.: неизученность источников (гл. обр. вещественных), недостаточность частных исследований, отсутствие обобщающих работ о ремесле и ремесленниках. Отрицательное значение слабой изу-

ченности истории промышленности при выработке общеисторических концепций (Ключевский, Покровский) 23

Письменные источники. Летописи, «Русская Правда», грамоты, жития святых, свидетельства иностранцев, писцовые книги . . . . 24—25

Вещественные источники. Курганы, клады, городища, отдельные вещи. Раскопки ремесленных мастерских. Книжные миниатюры. Эпиграфический материал . . . . . 25—26

Этнографические данные. Изучение современной техники производства в деревне. Социальная сторона кустарной промышленности . . 27

Методика исследования. Установление точной терминологии. Способы датировки археологических материалов. Работы П. П. Ефименко и А. В. Арциховского. Применение технологического анализа. Картографирование археологических данных. Методы определения вещей, изготовленных одним мастером. Определение района сбыта продукции . . . . . 28—32

Глава первая

Происхождение русского ремесла (IV—VIII вв.)

1. История развития технических навыков до VIII в. . . . . 35—46

Неравномерное распределение природных богатств. Область земледельческой Скифии и дьяковской культуры, различие между югом и севером . . . . . 35—41

Приднепровье в эпоху полей погребальных урн. Гончарный круг и горны в Приднепровье . . . . . 42—45

2. Ранние славяне и критика «готской теории» 46—71

«Готская проблема» в свете археологических источников. Историография . . . . . 46— 48

Предметы с выемчатой эмалью; выделение фибул днепровского типа. Пальчатые (лучевые) фибулы, их типология. Датировка пальчатых фибул по данным могильника Суук-Су. Взаимоотношение керченских и днепровских вариантов пальчатых фибул. . . . . 49—70

3. Гончарное дело и обработка металла в VI—IX вв. . . . . 71—99

Появление гончарного круга. Керамика роменских городищ VI—IX вв. . . . . 71—76

Литейное дело в VI—VIII вв. Литье по восковой модели. Мартыновский клад VI в. Антропоморфные фибулы . . . . . 77—86

Выплавка железа в поздне-дьяковских городищах. Литейное дело у северных племен. Литье по восковой модели и пробные глиняные литейные формы. Женщины-литейщицы. Постепенный переход литейного дела к мужчинам-кузнецам. Погребение кузнеца-литейщика из Подболотьевского могильника . . . . . 87—95

Севернорусская керамика в первом тысячелетии н. э. . . . . 96—97

Зарождение ремесленных поселков в VIII в. . . . . 97—98

4. Южные и восточные связи славян в VI—IX вв. 99—119

Византийские и сассанидские вещи в составе кладов в землях славян. Кубки перещепинского клада. Поясные наборы «постсасанидского» стиля. Железницкий (Зарайский) клад и проблема происхождения семилучевых и семилопастных височных колец. Височные кольца пастерского типа . . . . . 99—112

Важная роль Среднего Приднепровья в формировании русской культуры, в частности — ремесла. Отсутствие варяжского культурного влияния. Генетическая связь Среднего Приднепровья со скифским миром . . . . . 114—117

Периодизация предистории русского ремесла . . . . . 118—119

Глава вторая

Деревенское ремесло XI—XIII вв. (Техника)

Принципы выделения деревенских археологических материалов 120—121

1. Кузнечное дело . . . . . 122—141

Распространение болотной руды в Восточной Европе. Обработка руды и варка железа в сыродутных горнах. Типы горнов . . . . . 122—132

Древнерусская кузнечная терминология: кузнец, горн, крица, мех и др. Археологические находки кузнечного инструментария. Технические приемы кузнецов: сварка, склепка и др. Кузнечная продукция 133—140

2. Ювелирное дело . . . . . 141—163

Литье в каменных формах, литье в пластичных формах, литье по восковой модели с потерей или сохранением формы . . . . . 141—149

Подражание городским вещам (ложная зернь, ложное витье) . . 150—152

Способы определения литейной техники по готовым изделиям . 157—158

Ковка и чеканка. Орнаментация при помощи зубчатого колеса. Волочение проволоки . . . . . 159—162

3. Гончарное дело . . . . . 163—182

Время выделения гончарного дела в ремесло. Конструкция гончарного круга по этнографическим данным. Эволюция его . . . . . 163—168

Ленточная техника и ручной круг. Обжиг сосудов. Областные различия в формах керамики . . . . . 169—174

Гончарные клейма. История их изучения, сопоставление с полевыми метами и бортными знаками. Усложнение рисунка гончарных клейм в связи с наследственностью гончарного ремесла. . . . . 175—181

4. Разные ремесла . . . . . 182—202

Обработка дерева, обработка кожи . . . . . 182—184

Ткачество. Вертикальный и горизонтальный типы ткацкого станка. Терминология ткацкого дела . . . . . 185—187

Овручские камнерезы (производство шиферных пряслиц) 188

Датировка смены глиняных пряслиц шиферными. Овручские выходы красного шифера и находки мастерских в окрестностях Овруча. Техника сверления пряслиц . . . . . 188—196

Знаки и надписи на шиферных пряслицах XI—XIII вв. . . . . 197—202

Глава третья

Городское ремесло IX—XIII вв. (Техника и обзор изделий)

История археологического изучения русских городов . . . . . 203—204

1. Кузнечно-слесарное и оружейное дело 205—237

Сложный сыродутный горн Райковецкого городища. Домницы Устюжны Железнопольской. Металлургический квартал Гочевского городища. Выплавка железа домашним способом в тиглях . . . . . 205—209

Оборудование городских кузниц. Наковальни, зубила, молотки, клещи, напильники и др. . . . . 210—215

Заточка и шлифовка готовых изделий. Циркульные точила . . . . 216—217

Ассортимент изделий городских кузнецов . . . . . 217—218

Киевские замочники. Конструкция замков, область их распространения. Западноевропейские свидетельства о русских замках . . . . 218—222

Изготовление мечей и рукоятей к ним. Мечи русского типа (Киев, Чернигов, Княжья Гора, Гочево и др.) . . . . . 223—228

Погребение мастера-оружейника в Шестовицах. Погребение мастера-кольчужника. Русские кольчуги . . . . . 229—232

Изготовление шлемов. Декоративные топорики . . . . . 233—235

Вопрос о применении закалки. Сталь и ее применение . . . . . 235—236

2. Обработка меди, серебра и золота (общие вопросы) . . . . . 237—245

Основные источники изучения художественного ремесла. Дружинные курганы. Клады. Географическое размещение кладов и связь их с районом татарского нашествия 1237—1241 гг. Раскопки ремесленных мастерских. История изучения художественного ремесла. Работа А. С. Гущина и его ошибки в датировке . . . . 237—244

3. Литейное дело . . . . . 245—278

Литье по восковой модели с сохранением плоской глиняной формы. Литье с потерей формы. Двустороннее литье в глиняной разъемной форме . . . . . 245—250

«Черниговская гривна» 1821 г. Вщижские арки работы мастера Константина. Киевские хоросы . . . . . 251—259

Литье в каменных литейных формах. Типы каменных литейных форм. Энколпионы. Широкие браслеты и сюжеты их изображений . . . 260—268

Имитационные литейные формы для колтов, бус, трехбусинных височных колец. Имитация тиснения, зерни и скани. Литейные формы, найденные в тайнике Десятинной церкви 1240 г. . . . . 269—276

Этапы развития литейного дела 277

4. Ковка и чеканка . . . . . 278—300

Ковка благородных металлов. Специальные инструменты для фигурной ковки . . . . . 278—280

Чеканка мелкими пуансонами. Ложнозерненый чеканный орнамент смоленских мастеров IX—XII вв. Новгородский способ орнаментации зубчатым колесом . . . . . 281—283

Плоско-рельефная чеканка. Турий рог из Черной Могилы . . . 284—289

Вышгородская мастерская чеканщика. Высоко-рельефная чеканка. Шлем Ярослава Всеволодича 1216 г. Сион Новгородской софийской ризницы. Кратиры мастеров Братилы и Косты; вопрос об их относительной датировке. Гипотеза о существовании в Новгороде в XII в. института «шедевров». . . . . 290—299

Этапы развития чеканного дела 300

5. Тиснение и штамповка серебра и золота 301—320

Техника тиснения тонких серебряных листов. Матрицы для котлов, криновидных подвесок и очелий. Нашивные бляшки для одежды. . . . . 301—317

Басменное тиснение. Подражание чеканке. Новгородская басма XIII в. Итоги. . . . . 318—320

6. Чернь, позолота и инкрустация . . . . . 320—330

Эволюция черневого узора. Появление в XII в. контурной черни 320—322

Инкрустация золотом и серебром. «Топорик Андрея Боголюбского». Позолота. Техника золотой наводки. Суздальские врата начала XIII века . . . . . 323—329

7. Волочение проволоки, филигрань и зернь 330—342

Техника волочения проволоки. Заготовка гривен. Припой. Зернь. Лунницы X в. Колты XII в. Трехбусинные височные кольца, «аграфы». Старорязанская скань XII—XIII вв. . . . . 330—341

8. Гончарное дело . . . . . 342—374

Различия между городскими и деревенскими гончарами. Гончарные горны: Вщиж, Донец, Белгород . . . . . 342—353

Ассортимент гончарных изделий. Глиняные игрушки . . . . . 354—356

Кирпичи. Майолика. Гончарные клейма. Надпись гончара XI в. на амфоре . . . . . 357—373

9. Эмаль . . . . . 374—397

История изучения. Типы эмали. Перегородчатая эмаль . . . . 374—382

Вещи, украшенные эмалью. Русские надписи эмальеров . . . . 383—389

Областные различия в эмальерном деле. Трактат пресвитера Теофила о русской эмали. Итоги . . . . . 390—396

10. Производство стекла . . . . . 397—400

Стеклянные браслеты. Бусы . . . . . 397—400

11. Разные ремесла . . . . . 400—433

Кожевенное и портняжное дело. Ткачество. . . . . 400—404

Книжное дело . . . . . 405—406

Обработка дерева. Древодельные инструменты. . . . . 407—412

Обработка кости. Глазковый орнамент. Пиление. Токарный станок . . . . . 413—416

Обработка камня. Жернова . . . . . 417—422

Художественная резьба. Киевские резные иконки . . . . . 423—427

Строительное дело . . . . . 428—430

Общий обзор этапов развития городского ремесла в IX—XIII вв. 431—433

Глава четвертая

Сбыт продукции в IX—XIII вв.

Способы определения вещей, изготовленных одним мастером . . . 434—436

1. Районы сбыта продукции деревенских ремесленников . . . . . 437—452

Вещи, литые в одной литейной форме. Височные кольца XII—XIII вв. Незначительность района сбыта деревенских ремесленников 437—451

2. Районы сбыта продукции городских мастеров . . . . . 452—481

Сбыт городских изделий. Размах внутренней торговли городскими вещами . . . . . 452—466

3. Сбыт овручских шиферных пряслиц . . 466—470

4. Экспорт изделий русских мастеров в IX—XIII вв. . . . . 471—480

Итоги 481

Глава пятая

Ремесленники IX—XIII вв.

1. Деревенские ремесленники . . . . . 482—490

Наследственность ремесла. Мифы и поверья, связанные с ремеслом . . . . . 482—490

2. Вотчинные ремесленники . . . . . 490—501

Русская правда о ремесленниках. Княжеские знаки и клейма мастеров. Монастырские ремесленники . . . . . 490—500

3. Городские мастера . . . . . 501—522

Определение специализации русского ремесла. Список 60 специальностей городских мастеров. Работа на заказ. Оплата труда. Мастера и подмастерья . . . . . 501—514

Роль ремесленников в классовой борьбе. Городское ополчение . . 515—518

Итоги обзора русского ремесла домонгольской эпохи. . . . . 518—520

Часть вторая

С СЕРЕДИНЫ XIII В. ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV В.

Глава шестая

Влияние татарского нашествия на русское ремесло XIII в.

Увод в плен ремесленников татарами. Русские вещи нач. XIII в. в татарских кочевьях. Разрушение татарами ремесленной техники в городах. Список исчезнувших производств . . . . . 525—538

Глава седьмая

Деревенское и вотчинное ремесло XIII—XV вв.

1. Деревенское ремесло . . . . . 539—565

Доменное и кузнечное дело. Гончарное дело. Ювелирное дело . . . 539—557

Данные писцовых книг XV в. о деревенском ремесле . . . . . 558—564

2. Мельничное дело, солеварение и доменное дело . . . . . 565—579

3. Вотчинное ремесло . . . . . 580—592

Оброчные ремесленники. Монастырские ремесленники. Отпуск ремесленников-холопов на волю . . . . . 580—590

Выводы . . . . . 591—592

Глава восьмая

Городское ремесло

1. Кузнечное дело . . . . . 594—600

Выковка железных листов. Разветвленность кузнечного ремесла. Оружейники и бронники. Экспорт русских железных и стальных изделий. Русские замки в Чехии . . . . . 594—599

2. Литейное дело . . . . . 600—623

Литье колоколов и пушек. Литье медных пластин . . . . . 600—612

Художественное литье. Механическое воспроизведение домонгольских образцов (энколпионы и образки) . . . . . 613—618

Литье паникадил. Массовость производства . . . . . 619—622

3. Ювелирное дело . . . . . 623—660

Список датированных изделий . . . . . 624—625

Литье золота и серебра . . . . . 628—632

Оклады книг. Чеканка. Оклад Владимирской иконы 1410—1431 гг. Басма. Гравировка металла. Рисунки тверской рогатины 1425—1462 гг. . . . . 633—639

Чернь и эмаль. Ковчежец 1383 г. Дионисия Суздальского. Скань. «Шапка Мономаха» и ориентализмы в русских сканных изделиях. Троице-Сергиевские крестечники сер. XV в. . . . . 640—645

Эмаль и накладное литье. Оклад евангелия боярина Федора Кошки 1392 г. Золотая наводка. Двери Софийского собора, заказанные в 1336 г. архиепископом Василием . . . . . 646—650

Подписные вещи в XV в. Триптих 1414 г. мастера Лукьяна. Панагиар 1436 г. мастера Ивана. Потир 1449 г. мастера Ивана Фомина. Складень 1456 г. мастера Амвросия. Отзыв хана Менгли-Гирея о московских мастерах . . . . . 656—660

4. Разные ремесла . . . . . 660—699

Гончарное дело . . . . . 661—662

Производство кирпича. Строительное дело . . . . . 663—674
Обработка дерева. Ткани . . . . . 675—678
Монетное дело . . . . . 679—684
Книжное дело . . . . . 684—692
Итоги и выводы . . . . . 692—699

Глава девятая

Городские ремесленники XIII—XV вв.

Количество мастеров в мастерской. Разделение труда. Мастера и ученики . . . . . 700—706
Наемный труд. Заработная плата и ее соотношение с рыночными ценами . . . . . 707—712
Связь ремесла с торгом. Сотни, ряды и улицы — ремесленно-торговые корпорации . . . . . 713—728

Глава десятая

Организация городских ремесленников в XIV—XV вв.

История вопроса о цехах в России . . . . . 729—736
Внешние признаки цеха. Цехи в Европе и на Востоке . . . . . 740—742
Элементы цеховых корпораций в Московском государстве в XVI—XVII в. . . . . 743—747
Патрональные церкви Козьмы и Дамиана в кузнечных слободах 748—758
Братчина — пир и братчина — корпорация . . . . . 759—762
Юрисдикция братчины . . . . . 763—766
Роль ремесленных корпораций в классовой борьбе в XIV—XV вв. 767—776
Заключение . . . . . 777—783
Список сокращений 784

ПРЕДСТАВЛЕНО К ПЕЧАТИ ИНСТИТУТОМ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМ. Н. Я. МАРРА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

•

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технические редактора *Е. Н. Симкина* и *П. Г. Беккер*
Художественное оформление художника *С. Б. Телингатера*

РИСО АН СССР № 2137, А-00380. Подп. к печ. 12/III 1948. Тип. заказ № 3299. Формат. бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 49¹/₄+9 вклеек. Уч.-изд. л. 51.25. Тираж 3 500. Цена в переплете 45 р.
2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10.

Отделение
ИИМК АН СССР
при Институте археологии

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
38	1 сн.	крывавших	укрывавших
41	13 св.	Тандас	Танаис
86	31 св.	бесспорно-сарматским	боспорско-сарматским
94	23 св.	(рис. 13)	рис. 13[122]
	8 сн.	несомненна	несомненна.[123]
158	12-13 сн.	проволочных	провощеных
189	13 св.	точеным	точечным
199	16 сн.	(рис. 33б)	(рис. 39,2)
200	9 св.	Мартынъ	Мартыня
	5 и 19 св.	(рис. 33в) (рис. 33г)	(рис. 39,3) (рис. 39,4)
201	8 и 14 св.	(рис. 33д) (рис. 33е)	(рис. 39,5) (рис. 39,6)
205	15 св.	Буров	Туров
275	16 св.	на Киселовке	на Киселевке
286	11 св.	Пòзднее	Последнее
365	13 св.	производит	воспроизводит
400	15 сн.	чревпе	чревие
406	13 сн.	Твори мир	Творимир
413	10 св.	Пилы-ножовики	Пилы-ножовки
449	9 св.	клиновидным	криновидным
468	7 сн.	Вятской Пятине	Вотской Пятине
502	16 св.	В. В. Городцовым	В. А. Городцовым
508	16-17 св.	барлицу	бармицу
515	5 св.	Шитника	Щитника
561	24-25 св.	Василию Васильевичу	Василия Васильевича
599	5 св.	московского хана	московского князя
616	3 сн.	XII в.	XIII в.
627	24 сн.	образов	образцов
660	14 св.	но чарѣ	по чарѣ
688	3 сн.	грубона писали	грубо написали
726	13 св.	на себѣ	на собѣ